

Фритъоф Нансен

«Фрам» в полярном море

В жизни человека необходима романтика. Именно она придает человеку божественные силы для путешествия по ту сторону обыденности. Это могучая пружина в человеческой душе, толкающая его на великие свершения.

Фритъоф Нансен

Жизнь – во имя науки, на благо людей

Нансен был велик как полярный исследователь, более велик как ученый и еще более велик как человек...

Харальд Ульрик Свердруп – норвежский полярный исследователь, геофизик и океанограф первой половины XX в.

Как известно, Северный полюс это всего лишь точка на географическом глобусе нашей планеты, где нет сторон света, кроме юга, где исчезают все параллели, куда сходятся все меридианы. Тем не менее эта точка имеет огромную притягательную силу, хранит тайны не только глубин земного шара, но и околоземного пространства, поэтому ступить на нее и попытаться разгадать эти тайны всегда было делом чести лучших и наиболее отважных представителей человечества. Имена норвежца Фритьофа Нансена, американцев Роберта Пири, Фредерика Кука и Ричарда Бэрда, итальянца Умберто Нобиле, русских Георгия Седова, Отто Шмидта, Ивана Папанина и многих, многих других полярных исследователей, кому сопутствовала удача и кому по разным причинам не повезло, навечно вписаны в страницы истории и освоения Арктики, покорения Северного полюса. Их именами названы географические объекты на картах и корабли, им посвящены научные статьи и книги, художественные и научно-популярные фильмы, экспозиции крупнейших выставок и музеев мира. Однако наибольший интерес, на наш взгляд, представляют написанные и дошедшие до наших дней их собственные творения, основанные на дневниковых записях, личных оценках, впечатлениях и размышлениях. Одним из выдающихся в этом смысле произведений является книга Фритьофа Нансена ««Fram» over Polhavet» (1897) («Фрам» в Полярном море»), переведенная на многие языки мира. В нашей стране она была издана в последний раз в несколько сокращенном варианте в Государственном издательстве географической литературы в 1956 г. и выходит в свет ныне – в год 145-летия автора – полностью.

Фритьоф Нансен (Fridtjof Nansen) родился 10 октября 1861 г. в родовой усадьбе Стуре-Фрёен, что когда-то была недалеко от столицы Норвегии Христиании (с 1924 г. – Осло), а позже вошла в черту города, в семье юриста, секретаря суда Бальдура Нансена и баронессы Аделаиды Ведель-Ярлс-берг. По отцовской линии Фритьоф был потомком датчанина Ханса Нансена – мореплавателя, исследователя русского побережья Северного Ледовитого океана, автора большого трактата по космографии, первого бургомистра Копенгагена, успешно

руководившего обороной столицы во время войны со шведами, по материнской линии – потомком многих важных и титулованных особ Европы, в том числе графа Веделя Ярлсберга, главнокомандующего норвежской армией во времена, когда король Кристиан V являлся верховным правителем Норвегии и Дании. Полагают, что от матери Фритьоф унаследовал готовность браться за любую работу, силу воли, решительность, смелость, любовь к спорту, от отца – стремление вникать в мельчайшие детали задуманного мероприятия, сознание долга перед близкими, наукой и родиной.

Детство Ф. Нансена прошло в тесном общении с природой – он рос крепким, смелым, непоседливым и любознательным мальчиком. Его юность – в спортивных состязаниях, где он достиг выдающихся результатов: в 17 лет стал чемпионом Норвегии по конькобежному спорту, а позже двенадцать раз выигрывал первенство страны по длительным лыжным пробегам.

В 1880 г. Фритьоф окончил реальное училище и решил стать военным, но потом раздумал и поступил в столичный университет, где в качестве будущей специальности избрал зоологию.

Весной—летом 1882 г. Ф. Нансен принял участие в плавании зверобойного судна «Викинг» в Гренландском море. Плавание продолжалось четыре с половиной месяца, в течение которых команда судна занималась промыслом тюленей. Будущий ученый и полярный исследователь открыл много нового для себя, но исключительно впечатляющей для него была первая встреча с арктическими льдами. «18 марта <...> к вечеру сообщили о появлении первых льдов, – записал он в своем дневнике. – Я мигом выскочил на палубу... Из мрака выступает что-то белое. Оно растет, растет, становится все белее, сверкает белизною на темном фоне ночи. Это первое ледяное поле, оно приплыло из необъятных ледяных просторов, которые <... > раскинулись там, на Севере, в царстве полярной ночи, озаряемые светом звезд и северного сияния <... > А вот и еще льдины <...>. Но откуда же этот своеобразный хруст и шелест на севере? И этот жуткий свет?.. Настоящий свет!.. На юге небо было затянуто ровной темной облачной

северу от Сибири и продолжается здесь с Восточно-Гренландским полярным течением <...> Такой дрейф льдов может быть использован для экспедиции в <...> Ледовитый океан...». Конечно, этот основополагающий для будущих экспедиций вывод по «случайной выборке» был еще недостаточно аргументирован – требовалось солидное подтверждение другими фактами, однако к мысли о дрейфе во льдах с востока на запад молодой ученый еще не раз будет возвращаться. Интерес к океанографии полярных морей, зародившийся во время плавания в Гренландском море, вскоре стал делом жизни Нансена.

Между тем в конце июня «Викинг» со всех сторон окружили льды, начался невольный месячный дрейф, во время которого координаты местоположения судна определялись из астрономических наблюдений Солнца. Нансен со своими товарищами охотился на акул, которые в большом количестве плескались в разводьях вблизи судна, потом появились белые медведи, и вскоре шкура одного из них стала трофеем молодого охотника. Иногда Фритьоф часами делал зарисовки полярных пейзажей, ловил драгой морских животных, пополняя свою зоологическую коллекцию, проводил метеорологические и ледовые наблюдения, измерял температуру морской воды и брал ее пробы с различных горизонтов. Однажды, когда он поднялся в смотровую бочку, то увидел на западе землю. «Да ведь это Гренландия (крупнейший остров в Северном Ледовитом океане, 80 % которого занято покровным ледником мощностью до 3400 м. – Гл.). Горные вершины восточного побережья последней еще неизведанной части этой страны. Новое сильное переживание для юного ума <...>, – писал он. – Цепь горных вершин тянулась с юга на запад и дальше на север. Значительная часть земли покрыта снегом, там, очевидно, много ледников и фирновых полей, но видны также обширные проталины и темные горные вершины <...>. [Путешественники] не раз пытались проникнуть внутрь страны, но ни одна попытка не увенчалась успехом <...> Вот бы <...> пройти по этим долинам, перевалить через эти горы и ледники, на которые еще не ступала нога европейца! Неужели это невозможно? <...> Невидимый мир

притягивал и манил мою душу. Я постоянно размышлял над планами достижения этого берега, к которому многие напрасно стремились...»

16 июля наступил конец ледового плена, капитан приказал развести пары, и «Викинг» лег на курс к берегам Норвегии, к которым он пришел через десять дней.

В 1884 г. Ф. Нансен получил приглашение от директора Бергенского музея Д. Даниельсена – видного норвежского ученого и общественного деятеля – занять вакантную должность консерватора отдела зоологии. Переехав в Берген, он всерьез и, казалось, надолго посвятил себя науке. «Я теперь прилежно тружусь, – писал он своему стареющему отцу, – причем с удовольствием, потому что чем больше углубляешься в науку, тем она интереснее...» Одновременно с работой в музее Ф. Нансен немало своего времени посвящал литературе и рисованию. Так, художник Ширц, у которого он брал уроки акварелей и рисунка, считал его настолько талантливым, что настойчиво уговаривал бросить науку и посвятить себя живописи. Надо сказать, что Фритьоф науку не оставил, зато многие великолепно выполненные им рисунки стали украшением его книг и научных работ. Позже они составили экспозицию Полярного музея норвежского города Тромсе (в апреле – декабре 2005 г. 52 картины «художника и писателя Фритьофа Нансена» смогли посмотреть россияне – жители Мурманска и Архангельска).

В том же 1884 г. из газетных сообщений Ф. Нансен узнал, что из второй экспедиции в глубь Гренландии возвратился профессор Стокгольмской академии барон Н. А. Норденшельд – известный полярный исследователь, впервые ступивший на лед этого острова еще в 1870 г. Пройдя по ледяному щиту около 120 км, он всегда встречал удобную для лыж снежную поверхность. «Как молния пронеслось в моем мозгу, – вспоминал Ф. Нансен. – Экспедиция на лыжах от одного берега до другого...» Скоро был готов план путешествия, но разработчик не спешил с его осуществлением – проводимые научные исследования только что начали давать результаты, да и детализация плана требовала немало времени.

В Бергене Нансен получил прекрасную научную школу, общался с интересными людьми, у которых набирался жизненного опыта и знаний, так пригодившихся ему впоследствии. В 1885 г. была издана его первая монография «Материалы к анатомии и гистологии мизостом», которая была удостоена золотой медали. Награжденный, однако, попросил выдать ему медаль в бронзе (в те годы это было принято не только в Норвегии), а на разницу в ее стоимости, взяв отпуск, поехал в Италию стажироваться на знаменитой биологической станции в Неаполе. Образцовая постановка исследований на этой станции поразила молодого ученого, и он загорелся идеей создать подобную же в Норвегии. Заметим, что спустя несколько лет его идея была претворена в жизнь.

В Италии Фритьоф Нансен провел весну и часть лета 1886 г., а вернувшись, с прежним рвением продолжал свои занятия в Бергенском музее. В том же году была опубликована его новая научная работа «Построение и связь гистологических элементов центральной нервной системы», а к концу 1880-х гг. он уже был известен в ученом мире и дважды получал приглашения из Америки продолжить там свои научные занятия. «Нансен в течение каких-нибудь пяти лет успел заявить себя в области биологии весьма значительными трудами... – писал в 1895 г. профессор М. Ретциус, выдающийся шведский гистолог. – Он, верный своей широкой натуре, всегда брался за крупные и трудные проблемы и сразу направлял внимание в самую суть дела. Словом, для всех тех, кому случалось ближе познакомиться с личностью Нансена и его трудами, ясно, что если бы неудержимое стремление к великой цели – к исследованиям на Северном полюсе – не отвлекало его от занятий биологией и он со свойственной ему энергией и упорством продолжал бы свои столь талантливо и счастливо начатые исследования, то, наверное, обогатил бы биологию еще многими и ценными трудами...»

Однако кабинетная деятельность, хотя и чрезвычайно интересная, но зачастую малоподвижная, не могла удовлетворить кипучую, полную надежд и планов натуру молодого ученого – просторы арктических морей, которые он повидал, плавая на «Викинге», ледяной покров

маячившей в тумане Гренландии стояли перед глазами и неудержимо манили к себе. Но между рождением замысла и его претворением в жизнь прошли годы, в течение которых Нансен основательно изучал историю исследования Гренландии и вносил поправки в первоначально составленный план. «Прежние путешествия во внутреннюю часть острова, покрытого исполинским куполом материкового льда, показали, что его пересечение связано с огромными трудностями, – писал В. М. Пасецкий, видный отечественный историк освоения полярных стран, автор научной биографии Фритьофа Нансена. – Прежде всего, экспедиции, выходившие с запада, не могли рассчитывать найти приют и помощь на восточном побережье Гренландии. Даже если бы путешественникам удалось выйти к Датскому проливу, им пришлось бы возвращаться тем же путем к поселениям на западном берегу. План Нансена отличался тем, что он поставил перед собой задачу пробиться через дрейфующий лед к восточному побережью Гренландии, затем подняться на ледяной купол и предпринять поход через плато к поселениям на западном берегу. При этом пересечь ледниковый щит предстояло всего один раз...»

Этот план, конечно, был рискован, для успешного осуществления плана требовалась дальнейшая его шлифовка с учетом советов и мнений авторитетных, хорошо знакомых с Гренландией ученых.

Прежде всего Нансен отправился в Стокгольм, где через посредство своего земляка, профессора В. Г. Бруггера, он намеревался встретиться с бароном Н. А. Норденшельдом. Об этой встрече В. Г. Бруггер вспоминал так: «Когда я пришел в свой рабочий кабинет в Стокгольмском минералогическом институте, смотритель сказал мне, что меня спрашивал какой-то норвежец. Оказалось, что он не оставил визитной карточки и не назвал себя <...> Затем появился и сам Нансен. Высокий, стройный, широкоплечий силач, так и дышащий здоровьем и молодостью... [Белокурые] волосы откинута назад с широкого лба; одежда порядочно потертая. Он прямо подошел ко мне и, протягивая руку с какой-то своеобразной приветливой улыбкой, сам представил

себя. «Вы собираетесь пересечь Гренландию?» – сказал я. «Предполагаю», – [ответил он].

Я смотрел на него во все глаза: невыразимо уверенный и внушающий доверие взгляд и добрая улыбка на резко очерченном мужественном лице. По мере же того, как он говорил, – несмотря на то что обращение его оставалось таким же простым и, пожалуй, даже показывало, что он несколько стесняется, – он как бы вырастал в моих глазах... План его – пройти на лыжах от восточного берега [Гренландии] до западного, показавшийся мне сначала ни с чем не сообразной выдумкой, стал во время беседы казаться мне наиестественнейшим делом <... > Мало того: я вдруг проникся непоколебимой уверенностью: да, конечно, он пройдет! Это так же верно, как то, что мы сейчас сидим и беседуем с ним! «Отправимся сейчас же в академию к Норденшельду», – предложил я. И мы отправились...

Норденшельд находился в этот час по обыкновению в своем физическом кабинете. Я представил ему своего спутника: «Конселеватор Бергенского музея, Нансен. Он решил совершить переход через материковый лед Гренландии... Но прежде ему хотелось бы побеседовать немножко с тобой...»

Перед Норденшельдом как будто взорвали бомбу. Первоначально ласковое, но несколько рассеянное выражение исчезло с его лица, он весь превратился в слух и внимание и словно мерил молодого гостя глазами, чтобы рассмотреть, что он за человек. Затем он вдруг весело вымолвил: «Могу подарить господину Нансену пару прекрасных сапог. Да, я несколько не шучу. В таких случаях крайне важно обеспечить себя первоклассной обувью».

Лед был сломан. Нансен начал развивать свой план. Норденшельд слушал, время от времени скептически кивал головой и ставил какой-нибудь вопрос. В общем, план Нансена представился ему, – насколько я понял, – хотя и очень смелым, но не безусловно невыполнимым. Видно было, что <... > личность Нансена с первого же взгляда произвела на него сильное впечатление, и старик тут же изъявил свою полную готовность содействовать молодому смельчаку советами и своей

опытностью <... > Несколько дней спустя Нансен уехал в Христианию, увозя с собой немало важных указаний и убеждение в полном понимании и сочувствии со стороны знаменитого исследователя полярных стран...»

Вскоре после этого свидания Ф.Нансен возбудил через Норвежскую академию наук ходатайство перед правительством об отпуске ему необходимых на экспедицию 5 тыс. крон. Свою докладную записку он закончил словами барона Н. А. Норденшельда: «Исследование природы Гренландии имеет столь большое и фундаментальное значение для науки, что в настоящее время едва ли можно указать на более важную задачу для полярной экспедиции, чем изучение внутренней части этой страны...» Но правительство, как, впрочем, и поднявшая шумиху пресса, не одобрила план Ф. Нансена, и в средствах ему было отказано. Помощь неожиданно пришла извне: датский коммерсант А. Гамель выделил Фритьюфу Нансену необходимые деньги.

В январе 1888 г. в журнале «Природа» Нансен опубликовал план экспедиции, который был поддержан Христианским университетом, и начал деятельно готовиться к своей экспедиции. Будучи человеком изобретательным, он сконструировал и лично испытал легкие лыжи, эластичные сани, особые алюминиевые кастрюли, в которых при лютых морозах можно было быстро приготовить еду на примусе, усовершенствовал спальный мешок и одежду для длительных переходов. Кроме того, он закупил и лично проверил на работоспособность комплект необходимых научных инструментов: секстант и четыре пары полухронометров – для астрономических определений местоположения экспедиции; небольшой теодолит – для геодезических измерений и съемок местности; диск пеленгования с тремя компасами – для определения магнитного склонения; три барометра-анероида и гипсотермометр – для определения атмосферного давления и высот точек рельефа; пять карманных компасов – для ориентировки в пути; различные термометры – для определения температуры воздуха и воды. Существенную помощь в подготовке экспедиции оказал Ф. Нансену датчанин доктор Г. Ринк – исследователь и большой знаток Гренландии,

считавший, впрочем, как и большинство других, его предприятие крайне рискованным.

Одновременно с подготовкой к экспедиции Нансен завершал большое исследование «Нервные элементы, их построение и связь с центральной нервной системой асцидий и миксины глютинозы», которое готовил в качестве докторской диссертации. Ее защита состоялась 28 апреля 1888 г. – за четыре дня до отъезда в экспедицию. «Высказанные Нансеном в его докторской диссертации идеи были настолько новы и оригинальны, что почтенные оппоненты просто ничего не поняли, – писал впоследствии профессор В. Вереншельд. – Тем не менее степень доктора была ему присуждена. Утверждают, что это было сделано только потому, что Нансен отправлялся в Гренландию, где неминуемо должен был погибнуть. В таком случае присуждение степени доктора даже недостойному не имело большого значения, не все ли равно!..»

Впрочем, недружелюбное отношение маститых ученых к результатам исследований не особенно задевало самолюбие Фритьофа – он был уверен в себе и, как ему казалось в 27-летнем возрасте, по большей части прав. Характер-то у него был, как говорится, не сахар. Что касается оценки работы, то по обоснованному утверждению С. А. Хоркиной – отечественного историка географии и полярных исследований, «современные норвежские биологи считают, что диссертация Нансена во время защиты получила вполне объективную оценку, хотя чисто анатомические данные, приведенные им, были действительно оригинальны и интересны...».

К этому времени план Гренландской экспедиции и ее всестороннее обеспечение были продуманы до мелочей. Нансен отдавал себе отчет в том, что самый ничтожный промах в подготовке похода может привести к тяжелым последствиям, возможно даже роковым. «Я всегда предвидел, по крайней мере, в пять раз больше, чем на самом деле осуществлялось, – говорил он своему другу, художнику Э. Вереншельду. – Секрет вождя и заключается в том, чтобы учесть все <... > возможности; ничто не должно явиться неожиданным...»

Как уже отмечалось, планом предусматривалось пересечь Гренландию от безлюдного восточного побережья до населенного западного берега. Этим Ф. Нансен отрезал себе путь к отступлению, что, кстати, было его излюбленной тактикой в течение всей жизни. «Я был всегда того мнения, что столь хваленая «линия отступления» есть только ловушка для людей, стремящихся достичь своей цели, – сказал он в 1926 г., в своем выступлении перед студентами – выпускниками университета Сент-Эндрю в Шотландии. – Поступайте так, как дерзал я: сжигайте за собой корабли, разрушайте позади себя мосты. В таком случае для тебя и твоих спутников не останется другого выхода, как только идти вперед. Ты должен будешь пробиться, иначе погибнешь...»

В Гренландской экспедиции участвовало, кроме Ф. Нансена – «вожака, первого среди равных», еще пять человек, в том числе О. Свердруп – в недавнем прошлом капитан судна, в будущем знаменитый полярный исследователь, О. Дитрихсон – старший лейтенант пехоты, К.Кристиансен – крестьянин и еще два лопаря (так в XIX – начале XX в. называли саами, один из северных народов). Это были крепкие, надежные и не робкого десятка люди. 11 июня 1888 г. норвежское промысловое судно «Язон» подошло ко льдам берегов Гренландии, где путешественники тщетно пытались высадиться – над морем со всех сторон свисали огромные и неприступные ледовые обрывы, а море у берегов надежно охраняли многочисленные айсберги. Сойти на остров, в фьорде Умивик, участникам экспедиции удалось только через два месяца. До того времени шли шлюпками по чистой воде и дрейфовали на льдине. Отсюда 15 августа – после праздничного горячего обеда, метеорологических наблюдений и произведенной съемки окрестностей О. Дитрихсоном – началось пересечение Гренландии. День за днем, сгибаясь под ураганным ветром, нередко через ледяные горы, участники экспедиции тащили пять саней, на которых размещалось около 600 кг груза, а вечерами, измученные до крайности, заползали в палатки, чтобы подкрепиться и выспаться. О тепле не могло быть и речи – температура в палатке утром падала до -40 °C. Иногда путников надолго

накрывала беспросветная пурга, и приходилось терпеливо ждать отступления ненастья.

5 сентября экспедиция, двигаясь по ледяному покрову и определяя по счислению пути длину дневных переходов, а по наблюдениям Солнца – свое местоположение, достигла высоты 2716 м над уровнем моря (максимальная высота около 3700 м находится в хребте Уоткинса на горе Гунбьёрн, расположенной на востоке Гренландии), а 24 сентября – бесснежной земли. «Итак, мы пересекли, наконец, страшный материковый лед, – записал в свой дневник Ф. Нансен. – Впереди простиралась обнаженная земля, прорезанная долинами... Нельзя выразить, что значит почувствовать под ногами землю и камни, пережить блаженство, ощущая, как ноги мнут поросль, и вдыхать изумительный аромат травы...»

Теперь оставалось только одно – найти путь к людям. Наиболее оптимальным, ведущим к поселению Годтхоб – административному центру острова, оказался морской маршрут. 29 сентября первыми по нему на лодке пошли Нансен и Свердруп. Ночевали на уступе скалы, ночь была тихая. «Вдруг все понеслось в стремительном вихре через небо, а затем в вышине, над головой образовался крутящийся огненный сноп, – вспоминает Ф. Нансен. – Глаза слепило от сильного света. Но вот пламя уменьшилось. Свет мало-помалу угас и только отдельные матовые световые туманности плавали по усыпанному звездному небу...» Такой красоты и яркости северного сияния Фритьоф Нансен не видел ни раньше, ни позже. Изучение этого природного явления станет одной из важных задач его экспедиций.

3 октября путешественники достигли поселка Херрихут, расположенного недалеко от Годтхоба, в котором уже в составе всей экспедиции были вынуждены остаться на зимовку. Там, ожидая корабль из Норвегии, Нансен начал писать книги о своей первой ледовой экспедиции – «На лыжах через Гренландию» (1890) и о быте эскимосов – «Жизнь эскимосов» (1891).

В конце мая 1889 г. путешественники вернулись в Норвегию. На родине их встретили с большим торжеством. Впереди и сзади парохода,

на котором они находились, шли военные суда. «Нансен стоял у борта в своей серой одежде, успевшей изрядно запачкаться в хижинах эскимосов, – писали в своей книге о нем В. Бруггер и Н. Рольфсен. На его долю выпало счастье показать всему миру мужество и самоотверженность того народа, который выслал столько сынов в неизвестную гибель в полярных морях. Для большинства толпившихся на пристани людей Нансен был викингом, связывавшим саги отдаленного прошлого с сагой вчерашнего дня <...> Нансен являлся для них олицетворением национального типа...» Действительно, со времени возвращения из Гренландии Ф. Нансен оставался национальным героем до конца своих дней, таковым он является и по сей день.

По оценке профессора В. Ю. Визе – российского исследователя Арктики, автора одного из лучших биографических очерков о Фритьофе Нансене – научные результаты Гренландской экспедиции относились главным образом к области физической географии. Полевые наблюдения, выполненные Ф. Нансеном и его спутниками во внутренней части Гренландии, куда до них не проникал ни один путешественник, имели цену открытия. Большая часть из них была обработана профессором Г. Моном – знаменитым норвежским метеорологом. По его косвенным оценкам, толщина щита характеризовалась величиной около 2 тыс. м (в 1930 г. этот результат был подтвержден непосредственными измерениями, впервые выполненными сейсмометрическим методом в ходе экспедиции профессора А. Вегенера – автора известной гипотезы возникновения континентов и океанов в результате разрыва и перемещения материков). Кстати, по свидетельству участников экспедиции, поверхность Гренландского щита, вопреки предположению некоторых ученых, оказалась не прерывистой, а сплошной и не ледяной, а снежной. Г. Мон вычислил также среднегодовую температуру воздуха Гренландии на высоте 2 тыс. м – она составила -25°C . По его расчетам в зимнее время температура в центральной части острова должна была падать до -70°C . Надо сказать, и этот результат был также подтвержден А. Вегенером – им было зафиксировано минимальное значение температуры -65°C . Так экспедиция Ф. Нансена открыла второй «полюс

холода» северного полушария, лежащий в центральной Гренландии (первый находится в России, в районе Верхоянска и Оймякона, где по современным данным абсолютный минимум температуры составляет - 71 °С).

Богатые научные материалы по геодезии, земному магнетизму и климату проанализировал А. И. Воейков – известный русский географ и климатолог, назвавший Гренландскую экспедицию Ф. Нансена «одним из самых достопамятных путешествий последнего времени».

В целом же научные данные, собранные в ходе экспедиции, показали, что атмосферные процессы земного шара еще далеко не изучены и что географов и геофизиков ждут великие открытия. Это хорошо понимал Нансен – именно тогда он и решил предпринять экспедицию в Полярный бассейн, к Северному полюсу.

За успешное осуществление Гренландской экспедиции Фритьоф Нансен был удостоен двух высоких наград: шведское Общество антропологии и географии вручило ему медаль «Веги» (1889) – высшую международную награду за выдающиеся географические путешествия, а Королевское географическое общество в Лондоне – медаль Виктории (1891). Заметим, что обе эти медали присуждаются в редких случаях и только за выдающиеся заслуги.

По возвращении из Гренландии Нансен занял скромную должность хранителя зоотомического кабинета при университете в Христиании. Осенью 1889 г. он женился на Еве Сарс – красавице, певице, спортсменке, дочери известного зоолога М.Сарса. Позже Ева родила Фритьофу шестерых детей, из которых до взрослого возраста дожило четверо.

В честь своей первой дочери – Лив – Фритьоф назвал один из островов Белой Земли (группа островов на северо-востоке Земли Франца-Иосифа), а рядом лежащий остров был им назван островом Евы (на российских картах эти два острова, соединенные небольшим перешейком, носят одно название – Евалив). Однако долгой и счастливой супружеской жизни у Нансенов не получилось – в 1907 г. Ева скончалась от тяжелой скоротечной болезни.

Но впереди еще было 18 лет совместной жизни, и на второй день после свадьбы молодые отправились в путешествие по Европе, во время которого Фритьоф читал лекции о своей Гренландской экспедиции в Швеции, Германии, Голландии, Англии и Франции. Вернувшись, он принялся за устройство «домашнего очага». По его указаниям недалеко от Христиании, в Люсакере, была выстроена небольшая вилла, внутреннее устройство комнат и вся обстановка которой были выдержаны в древнорвежском стиле. Фритьоф Нансен назвал свою виллу «Годтхоб» – в память об эскимосском селении, где ему пришлось провести целую зиму.

Между тем женитьба, свадебное путешествие и домашние заботы не смогли изменить характер и планы отважного путешественника. Как вспоминают его друзья, еще сватаясь за Еву, жених предупредил ее о том, что ему «надо будет отправиться к Северному полюсу». Невеста не возражала.

К тому времени Нансен вынашивал план новой научной экспедиции теперь уже в центральную часть Полярного бассейна. Идея плана, как уже отмечалось, впервые сформировалась во время плавания на «Викинге», но получила реальное подтверждение в возможности ее осуществления только 30 ноября 1884 г., когда в норвежской газете «Моргенбладет» была опубликована статья профессора Г. Мона. В ней было сказано о находке на юго-западном берегу Гренландии предметов, принадлежавших экспедиции лейтенанта американского флота Дж. де Лонга (опись провианта, скрепленная собственноручной подписью лейтенанта; список лодок экспедиционного судна «Жаннетты»; пара непромокаемых брюк с фамилией одного из членов экипажа и др.). Напомним: 6 сентября 1879 г. при попытке отыскать северо-восточный проход в арктических водах шхуна «Жаннетта» была затерта льдами вблизи острова Геральда и унесена на северо-запад, а 13 июня 1881 г. раздавлена льдами к северо-востоку от Новосибирских островов. Экипаж по льду двинулся на юг, к материку. В пути Дж. де Лонг и половина его спутников погибли.

Появление предметов с «Жаннетты» у берегов Гренландии Г. Мон объяснил существованием в Полярном бассейне течения, которое идет от Новосибирских островов к Гренландии через полюс. По его мнению, на одной из дрейфующих льдин эти предметы и были принесены с востока на запад. Фритьоф Нансен, ознакомившись со статьей Г. Мона, еще более утвердился в мысли о том, что это течение можно использовать для достижения центральной части Арктики, а может быть, и Северного полюса.

В феврале 1890 г., когда план экспедиции окончательно созрел, Нансен представил его Норвежскому географическому обществу. Но предварительно он вкратце изложил его историю членам предыдущих совместных полярных экспедиций и привел результаты своего исследования, подтверждающие наличие течения, проходящего от северных берегов Сибири к восточному берегу Гренландии «где-то между полюсом и Землей Франца-Иосифа...» (приплывший из окрестностей Берингова пролива кусок эскимосской «метательной дощечки», украшенный китайским стеклянным бисером; плавник с преобладанием древесных пород, произрастающих только в Сибири, в том числе и лично им найденный в 1882 г.; наличие в гренландской флоре сибирских растительных форм и др.). «Если мы обратим внимание на силы самой природы и попытаемся иметь их не противниками своими, но союзниками, – сказал Нансен, завершая первую часть своего доклада, – то найдем наиболее верный и легкий способ достигнуть полюса. Бесполезно идти, как делали прежние экспедиции, против течения, мы должны поискать, не найдется ли течения попутного. Экспедиция «Жаннетты», по моему глубокому убеждению, единственная из всех была на верном пути, хотя и случилось это не по ее воле и желанию...»

Идея плана будущей экспедиции была для присутствующих просто потрясающей: вмерзнуть (!) на судне во льды, предоставить себя полярному течению и проникнуть в ту арктическую область, которую тщетно пытались достигнуть предшественники. В истории полярных исследований это был пионерный подход, не имевший – по

оригинальности и смелости – себе равного. Однако в ходе доклада у почтенных членов Географического общества возникло некоторое сомнение: а есть ли у автора этой идеи гарантии для успешной реализации плана?

«Я намерен построить судно возможно меньших размеров и возможно более прочное, – продолжал Ф. Нансен, развеивая сомнения у слушателей. – Вместимость его должна быть не больше того, какая необходима под запасы угля и провианта для двенадцати человек на пять лет. Для этой цели, вероятно, подойдет судно в 170 тонн (брутто). Оно должно быть снабжено сильной машиной, способной обеспечить скорость до 6 миль в час; кроме того, корабль должен иметь полное парусное вооружение <...>, покатые бока, чтобы напирание его льды не получали точки опоры и не могли его раздавить <...>, но выжимали бы его кверху... Если иметь такое судно, экипаж из десяти, самое большее двенадцати крепких, старательно подобранных людей и снабдить его на пять лет запасами снаряжения и продовольствия <... > наилучшего качества <...>, то я полагаю, что предприятие можно считать обеспеченным. На таком корабле мы могли бы выйти в путь летом, как только установятся благоприятные условия, и попытаться пройти через <... > Карское море <...> к северу мимо [мыса] Челюскина <...> к Новосибирским островам, [где], выждав хорошее время, пройти возможно дальше на север по чистой воде <...> Затем мы могли бы попытаться пробиться сквозь льды как можно дальше на север. Опыт экспедиции на «Жаннетте» говорит о том, что нам, таким образом, удастся пройти дальше самого северного из Новосибирских островов <... > Норденшельд не заходил к северу дальше самого южного из названных островов (в конце августа), но проход там был всюду свободен ото льда. Существует, стало быть, вероятность того, что нам удастся пройти к северу дальше Новосибирских островов, где мы должны попасть в течение <... > Мы выберем удобное место, пришьвартуемся к крупной льдине и предоставим льдам [возможность] громоздиться вокруг нас сколько угодно <... > С того времени забота о продвижении судна перейдет к течению, корабль из средства

передвижения превратится в жилище, а мы сможем заняться научными наблюдениями. Таким образом, наша экспедиция <... > будет, вероятно, перенесена через полюс к морю между Гренландией и Шпицберген <...> Если это будет летом, мы, наверное, получим возможность освободиться из ледяных тисков и плыть <... > домой <... > Для успешного исхода подобного путешествия необходимы только два условия: теплая одежда и хорошее питание <...> Я полагаю, что у нас есть все основания рассчитывать на удачный исход проектируемой экспедиции <... > Но если это течение не идет прямо через полюс <...>, что предпримет экспедиция для достижения полюса?... Я думаю <...>, что достижение самого полюса имеет мало значения: мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси; достижение этой точки само по себе малоценно, но чтобы произвести наблюдения в обширной неисследованной части земного шара, окружающей полюс...»

«Норвежский народ тогда уже крепко верил в своего героя, – писал известный своими исследованиями Арктики профессор В. Ю. Визе, анализируя доклад своего коллеги, – и план Нансена, несмотря на его новизну и смелость, был встречен сочувственно. Нансен сумел возбудить энтузиазм своего народа к задуманному делу...» Ведь полярники в XIX – первой половине XX в. будоражили воображение людей так, как космонавты в 1960-х гг.

Иначе был встречен проект за рубежом. «Когда Нансен выступил в 1892 г. в Географическом обществе в Лондоне, – отмечает В. Ю. Визе, – то против его плана ополчились почти все виднейшие полярные авторитеты. «Чистое безумие», «проект бессмысленного самоубийства» – такова была единодушная оценка выдвинутого Нансеном плана. В мировой печати появилось более двухсот статей, в самой резкой форме осуждавших проект Нансена. Несмотря на это, на родине решили поддержать Нансена, и экспедиция его вскоре приняла характер большого национального дела. Стorting (парламент Норвегии. – Гл.) ассигновал на экспедицию 200 000 крон, а позже еще 80 000 крон.

Большие суммы поступали также от частных лиц...» В целом собранная для экспедиции сумма составила 450 000 крон.

В России проект Фритьофа Нансена получил самую благожелательную оценку и поддержку. По просьбе правительства Норвегии Министерство иностранных дел России снабдило Нансена «рекомендательным листом» наподобие того, который был выдан барону Нильсу Адольфу Эрику Норденшельду при плавании вдоль северных российских берегов, а российское Министерство внутренних дел оповестило прибрежные власти Архангельской и всех сибирских губерний об этой экспедиции и распорядилось оказывать ей всевозможную помощь.

Главное Гидрографическое управление Морского министерства по просьбе Русского географического общества выслало Фритьоф у Нансену все изданные в России карты северных морей. Секретарь общества А. В. Григорьев направил ему записку о населенных пунктах на северном побережье Сибири. Контр-адмирал С. О. Макаров – в то время младший флагман Балтийского моря – дал сведения о температуре воды в Беринговом проливе и прилегающей части Северного Ледовитого океана. Барон Э. В. Толль – кандидат зоологии и уже известный полярный исследователь, посоветовавший Нансену войти в арктические льды к северо-западу от Новосибирских островов, совершил труднейший поход на эти острова (острова Котельный, Большой и Малый Ляховские) для устройства там трех продовольственных складов на случай крушения экспедиционного судна.

Между тем необходимое для путешествия судно особой конструкции – с обводами яйцевидной формы, не вполне красивое по форме, но целесообразное с точки зрения безопасности во время дрейфа и более вместительное, чем предполагалось ранее (402 тонны), – было при активном участии Фритьофа Нансена спроектировано и изготовлено Колином Арчером – одним из лучших норвежских судостроителей.

25 октября 1892 г. судно спустили на воду. Вот как об этом рассказывает профессор Г. Ретциус: «Тысячи людей собрались вокруг верфи <...>, тысячи вскарабкались на окружающие горы. На подмости,

устроенные около носа корабля, поднимается Фритъоф Нансен с женой. Она подходит к носу корабля, сильным ударом разбивает о него бутылку с шампанским и говорит громким и ясным голосом: ««Фрам» имя ему» («Вперед» в переводе с норвежского. – Гл.). В ту же минуту на флагштоке взвигается флаг с именем корабля – белые буквы на красном поле. Быстро обрубая все канаты и подпорки, и большое тяжелое судно начинает скользить по наклону сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Минуты, когда «Фрам», приветствуемый салютами орудий и раскатами «ура», спустился на воду, захватили всех своей торжественностью...»

Плавание «Фрама», на котором кроме Фритъофа Нансена и капитана судна Отто Свердрупа находилось еще одиннадцать членов экспедиции, протекало почти так, как это было предусмотрено планом. Однако здесь мы намеренно не будем подробно останавливаться на описании интереснейших и захватывающих страниц книги Ф. Нансена ««Фрам» в Полярном море» – предоставим это читателю, дабы не лишать его удовольствия самостоятельного прочтения оригинала. Ко роткими штрихами отметим лишь о с н о в н ы е этапы экспедиции, а также расскажем о том, что было связано с плаванием «Фрама», но не вошло в упомянутую книгу и представляет, на наш взгляд, бесспорный интерес.

Итак, в июле 1893 г. экспедиция покинула Норвегию и к 18 сентября, пройдя вдоль северных берегов России, была вблизи Новосибирских островов. «В 7 часов вечера, – записал в дневник Ф. Нансен, – мне показалось, что я различаю на горизонте лед, который, однако, подымался такими правильными линиями, что бо льше походил на сушу <... > По всей видимости это был остров Бельковский, а большое светлое пятно на небе подальше к востоку – отражение покрытого снегом острова Котельного...» В этот и последующие два дня «Фрам» пересекал по-своему знаменитый район: где-то там и к востоку от него в разное время русские охотники и полярные исследователи видели таинственную землю, на которую не ступала нога человека, – Землю Санникова. Фритъоф Нансен знал об этом от барона Эдуарда Васильевича Толля. «Что-то удивительно много стало попадаться разных

птиц, – отметил путешественник в дневнике. – Встретилась стайка куликов. Они сопровождали нас некоторое время, а затем повернули к югу. Вероятно, они летели с какой-нибудь земли, лежащей севернее. Мы, однако, не могли ничего разглядеть из-за тумана, непрерывно держащегося надо льдом <...> На следующий день погода прояснилась, но никакой земли мы так и не увидели. Мы находились значительно севернее того места, где, по указанию Толля, должен был находиться южный берег Земли Санникова, но примерно на той же долготе. По всей вероятности, эта земля является лишь небольшим островом и, во всяком случае, далеко к северу простираться не может...»

На современных картах острова или архипелага под названием Земля Санникова нет. Однако некоторые ученые утверждают, что таковыми вполне могут быть, во-первых, земли, виденные в северо-восточном направлении от острова Новая Сибирь в 1810–1811 гг. охотником-промысловиком Яковом Санниковым и исследователем Новосибирских островов М. М. Геденштромом, но открытые в 1881 г. американцами с дрейфующей «Жаннетты» (острова Беннетта, Жаннетты и Генриетты) и в 1913–1914 гг. – русскими моряками Гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана (острова Жохова и Вилькицкого), во-вторых, остров, обнаруженный также Я. Санниковым в 1810 г. примерно в 70 верстах к северо-западу от Котельного и показанный на карте М. М. Геденштрома (1811) в виде «гор, виденных мещанином Санниковым», и, в-третьих, суша, рассмотренная в подзорную трубу в 1886 г. бароном Э. В. Толлем примерно в 150 верстах к северу от Котельного и названная им Землей Санникова. Именно она была показана Нансеном в 1896 г. на карте «Норвежская полярная экспедиция 1893–1896 гг.», приложенной к его книге ««Фрам» в Полярном море», в виде небольшого острова с координатами примерно 76° с. ш. и 138° в. д.

Важно отметить, что эти две последние «земли» интересны тем, что для их поиска в разное время были организованы специальные экспедиции, которые не увенчались успехом: лейтенанта российского флота П. Ф. Анжу (1821–1822) и барона Э. В. Толля (1901–1902).

Правда, если следы земли, точнее, признаки существования острова из ископаемого льда, который можно было принять за землю, усмотренной Э. В. Толлем и показанной Фриттьофом Нансеном на карте, были все -таки обнаружены в 1980 г. с борта советского гидрографического судна «Створ», то каких-либо косвенных признаков существования земли, лежащей к северо-западу от Котельного, никому и никогда обнаружить не удалось.

Не так давно автор этих строк, в 1970-х гг. выполнявший картографирование побережья Баренцева моря, а ныне занимающийся проблемой исчезнувших островов в Северном Ледовитом океане, на основе исследований пришел к выводу, что виденная Яковом Санниковым земля не являлась нагромождением льда, подобным тому, которое видел Фриттьоф Нансен с борта «Фрама», и не арктическим миражом, какой нередко в полярных широтах, а реально существовала. Дело в том, что к северо-западу от острова Котельного, в восточной оконечности подводного хребта Гаккеля, в первой половине XX в. была обнаружена сейсмоактивная зона (последний раз в ней зафиксирована серия землетрясений в июне 1982 г.). Поэтому не исключено, что в результате извержения вулкана с последующим землетрясением, которое произошло скорее всего в 1811–1821 гг., «горы, виденные мещанином Санниковым», опустились на дно.

22 сентября 1893 г. «Фрам» пришвартовался к большой льдине в районе, лежащем к северо-западу от Новосибирских островов. Отсюда от края российского побережья начался небывалый в истории путешествий трансарктический дрейф, маршрут которого наносился на карту штурманом Т.Якобсоном по результатам астрономических определений, проводимых С. Скоттом-Хансеном – старшим лейтенантом норвежского флота. За вычислениями координат положения судна, которые он производил, пристально наблюдали свободные от вахты члены экспедиции. Всех волновало, куда вместе со льдом несет «Фрам». Одновременно с этим выполнялись регулярные метеорологические, магнитные и маятниковые наблюдения, измерения температуры, солености морской воды и течений подо льдом, промеры глубин и взятия

проб грунта, изучение океанских живых организмов, северного сияния и «атмосферного электричества», а также медицинские обследования участников экспедиции, которые выполнялись кандидатом медицинских наук Х. Блессингом в рамках противочинготных мероприятий, заранее продуманных Ф. Нансеном и основанных на научно им разработанном рационе питания.

12 декабря 1894 г. «Фрам» находился на параллели 82°30 с. ш. – выше этой отметки не забирался еще ни один корабль, а 6 января 1895 г. – на параллели 83°34 с. ш. «Теперь, – записал Нансен в дневник, – превзойдена и самая северная широта, достигнутая когда-либо человеком...»

14 марта, когда «Фрам» находился на параллели 84°00 с. ш. и от него до Северного полюса оставалось около 650 км, Фритьоф Нансен со своим спутником Фридериком Яльмаром Иохансеном – лейтенантом запаса, ассистентом-метеорологом, по выносливости которому не было равных в экспедиции, – упаковав необходимый груз, научные инструменты и каяки в санную собачью упряжку, покинул судно и двинулся к заветной цели. Но, миновав около трети пути и достигнув к 8 апреля отметки 86°13 с. ш., путешественники вынуждены были повернуть назад – из-за торосов и рыхлого снега лед стал совершенно непроходим. «Как ужасно хотелось идти дальше, – напишет позже Иохансен. – Единственным утешением было то, что мы сделали все, что могли, и что, хотя немного, приподняли завесу, скрывавшую от взоров людей эту область земного шара...»

Зимовку 1895–1896 гг. путешественники провели на Земле Франца Иосифа, а 7 августа простились с ней и на пароходе «Уиндуорд» спустя пять суток прибыли в Норвегию, где были встречены как герои. Примерно в это же время «Фрам» вырвался из льдов, вышел в открытую воду и 9 сентября вошел в Христианийский залив. «У меня точно сдавило горло, – записал в своем дневнике Нансен, потрясенный этой радостной новостью, – и я мог только сказать: «Фрам» вернулся. Это было точно волшебная сказка...»

Так успешно, без потерь, завершилась первая в мире трансарктическая экспедиция, тщательно подготовленная, продолжавшаяся без малого три года и три месяца и позволившая исследовать огромную площадь неизвестных людям полярных пространств, пополнить, по словам Фритъофа Нансена, сокровищницу наблюдений по разным областям знаний. «Подобный успех лучше всего доказывает значение нового способа исследований, – писал Ю. М. Шокальский, видный отечественный океанограф и картограф, президент Географического общества СССР. – Очевидно, что все это не может быть объяснено одною удачею... Нет, здесь удача является плодом обстоятельного и долгого изучения вопроса о полярных исследованиях, соединенного с предварительным собственным опытом плаваний и путешествий по полярным странам...» Предложенному и проверенному Фритъофом Нансеном методу исследования Арктики с использованием дрейфа льда была суждена большая жизнь. Развитый и усовершенствованный учеными нашей страны, он был использован, начиная с 1937 г., во время дрейфа научно-исследовательских станций «Северный полюс» (советских СП1—СП31, российских СП-32, СП-33) и по настоящее время служит науке и человечеству.

Экспедиция позволила собрать уникальные, на уровне открытия, данные о Северном Ледовитом океане. Так, было выяснено, что земли на Северном полюсе не существует, да и сам полюс покрыт находящимся в движении льдом, был опровергнут миф о мелководности океана (по современным оценкам его максимальная глубина 5527 м), выявлено существование теплого течения из Атлантического океана, проходящего с запада на восток через Северный полюс на некоторой глубине подо льдами, навстречу поверхностного холодного течения, была обобщена информация относительно ветров, течений, температур и на основании этого определено, что лед по океану движется главным образом под влиянием ветров и др.

По окончании экспедиции авторитет Нансена не только в Норвегии, но и во всем цивилизованном мире поднялся на небывалую высоту. В 1896 г. в Норвегии был учрежден «Фонд

Нансена», средства которого предназначались на развитие научных исследований. В 1897 г. российское правительство по ходатайству Русского географического общества наградило Ф. Нансена орденом Станислава 1-й степени, а совет Общества утвердил присуждение ему Константиновской золотой медали, высшей награды «за совершенный беспримерный подвиг, составляющий эпоху в исследовании Северного Ледовитого океана...».

В том же году Нансен был назначен профессором зоологии в Христианском университете с освобождением от чтения лекций до окончания обработки научных материалов, собранных во время экспедиции. На подготовку и издание шести объемистых томов научных результатов путешественнику-исследователю потребовалось более восьми лет. Впоследствии этими книгами, обобщающими полученные сведения об Арктике, пользовались в своей научной деятельности ученые разных стран.

28 апреля 1898 г. в зале Петербургского дворянского собрания состоялась торжественная встреча доктора Нансена с российскими учеными и представителями общественности, а также вручение ему Константиновской золотой медали. С приветственным словом выступил вице-председатель общества прославленный путешественник П. П. Семенов (с 1906 г. – П. П. Семенов-Тянь-Шанский). «Живой интерес всей России к исследованиям доктора Нансена, – сказал он, – объясняется не только большой популярностью в ней географической науки, но и положением, которое Россия занимает на земной поверхности. В частности, ее северный фасад протянулся на 166° по долготе... План экспедиции Нансена, основанный на остроумных соображениях, был задуман с такою смелою уверенностью, которая невольно напоминает нам непоколебимую уверенность великого человека, открывшего для человечества Новый Свет (Христофора Колумба. – *Гл.*)... Доктор Нансен до своего приезда в [Санкт-Петербург] видел только холодные и негостеприимные северные побережья России, пусть же сегодня смелый путешественник примет горячий привет страны, так широко охватившей исследованные им пространства Полярного океана. От имени всех здесь

присутствующих я могу уверить его в том, что везде и всегда в России он встретит не только самый сердечный прием, но и самую теплую оценку того великого мужества, которое он оказал в бескорыстном служении интересам науки и человечества...»

Ф. Нансен, к которому «всякий хотел подойти поближе, пожать руку, что-либо спросить», рассказал о ходе своей экспедиции и ответил на вопросы присутствующих. 17 апреля в Русском географическом обществе состоялось совещание, в котором участвовали выдающиеся географы, мореплаватели и путешественники: А.И.Воейков, Ф.Ф. Врангель, С. О. Макаров, Ф. Нансен, П. П. Семенов, А. А. Тилло, Э.В. Толль, А. М. Чихачев, Ф. Б.Шмит, Ю.М.Шокальский и другие. Обсуждались различные вопросы по исследованию Северного Ледовитого океана, проблемы изучения Арктики. С планом экспедиции на Землю Санникова выступил барон Э. В. Толль. Фритьоф Нансен принял участие в обсуждении доклада, высоко оценив предложенный план. «Я согласен с бароном Толлем относительно вероятности нахождения островов к северу от Новосибирских островов, – сказал он. – Мы знаем Землю Беннетта и Землю Санникова, из которых последнюю барон Толль сам видел, но там может быть и больше таких островов <...> Главное основание так думать заключается в том, что мы встретили много открытой воды к западу и северо-западу от Новосибирских островов... Нет надобности указывать кому-либо из присутствующих, что исследование этих земель было бы подвигом величайшей научной важности. Я полагаю, что земли эти достижимы на судне каждое лето...»

Позже Ф. Нансен словом и делом помогал своему другу в подготовке экспедиции, состоявшейся в 1900–1902 гг., следил за ее ходом и очень тяжело переживал, когда Э. В. Толль с тремя спутниками, выйдя с судна «Заря» на поиски Земли

Санникова, погиб на пути к материку. Да, «Северный Ледовитый океан, – как писал еще в 1882 г. Нансен, – приносит много разочарований и неприятных неожиданностей...»

18 апреля 1898 г. Петербургская академия наук избрала Ф. Нансена своим почетным членом, а в следующем году он участвовал в работе Стокгольмского совещания, где обсуждался вопрос о создании Международного совета по изучению моря. Спустя три года такой совет был создан (он успешно функционирует и по настоящее время).

В 1900 г. Нансен принял участие в экспедиции к берегам Исландии на новом научно-исследовательском судне «Михаэл Сарс», оснащенном совершеннейшими по тому времени приборами. Экспедицию возглавлял профессор Ю. Йорт – норвежский гидробиолог, а Ф. Нансен ведал гидрологическими работами. Это трехнедельное плавание было весьма плодотворным по научным результатам: оно положило начало систематическим океанографическим работам в Северной Атлантике, Норвежском и Гренландском морях, открыло новую эру в океанографии.

Со времени этого плавания началось тесное сотрудничество Ф. Нансена с Б. Хелланд-Хансеном – способным исследователем, ставшим позже известным норвежским океанографом, одним из теоретиков в области изучения динамики моря. Это сотрудничество, продолжавшееся тридцать лет, оказалось чрезвычайно плодотворным.

В 1902 г. в Христиании была основана Центральная лаборатория международных морских исследований. Она была образована с целью разработки новых методов изучения моря и создания для этой цели новых приборов. Фритьоф Нансен, возглавивший лабораторию, приложил немало усилий, чтобы превратить ее в подлинно научный центр мировой океанографии. Так «физическая океанография стала точной наукой, – писал профессор В. Ю. Визе, – и творцом ее был Ф. Нансен...»

Весной 1904 г. до Ф. Нансена дошло печальное известие о гибели на театре русско-японской войны командующего Тихоокеанской эскадрой вице-адмирала С. О. Макарова. С этим выдающимся русским флотоводцем и ученым, которого норвежский путешественник-исследователь уважительно называл «мой дорогой адмирал Макаров», Нансена связывали дружба и научное сотрудничество в области океанографии. Нансен высоко ценил талант С. О. Макарова и

приветствовал его идею пробиваться в высокие широты с помощью мощного ледокола, восхищался устройством и оснащением его детища – знаменитого «Ермака», с интересом следил за его плаваниями, пользовался полученными океанографическими наблюдениями. «Когда материалы обработки [Нансена и Макарова] сравнили, – отмечает В. М. Пасецкий, – то выяснилось, что их выводы мало чем отличаются друг от друга. Это известие доставило огромное удовлетворение Нансену. Обмен идеями между [ними] и взаимопомощь в организации наблюдений, безусловно, сослужили важную пользу развитию научных представлений о гидрологическом режиме полярных морей...»

Нансен, повседневно занимаясь научными исследованиями, мечтал о новом походе – на этот раз к Южному полюсу. Этой экспедицией он собирался завершить дело его жизни в области полярных исследований. Проект антарктической экспедиции был уже разработан и доложен членам Географического общества в Лондоне еще в 1898 г., но жизнь внесла свои коррективы. Когда огромная работа, потребовавшая от него большого напряжения сил, близилась к завершению, ее пришлось отложить: в 1905 г. в Норвегии активизировалось и достигло апогея движение за расторжение шведско-норвежской унии, принятой в 1814 г., Фритьоф Нансен, как истинный патриот, оказался в первых его рядах. Обе стороны находились на пороге войны, но, к счастью, вооруженного столкновения удалось избежать – уния была расторгнута мирным путем, при этом авторитет Нансена как выдающегося представителя нации сыграл положительную роль в признании независимости Норвегии мировым сообществом.

Вскоре после этого Нансену предложили войти в состав норвежского правительства, но он отказался, приняв, однако, предложение стать первым послом Норвегии в Англии. В 1906 г. Нансен приступил к новой для него дипломатической деятельности, совсем не похожей на все его предыдущие занятия.

В июле 1907 г., когда Фритьоф Нансен был в Норвегии, к нему обратился Руаль Амундсен – к тому времени признанный норвежский полярный путешественник, первым совершивший плавание в 1903 –

1906 г. на судне «Йоа» Северо-Западным проходом от Гренландии к Аляске – с неожиданной просьбой дать ему «Фрам» для экспедиции к Северному полюсу. Судно он получил, но, как позже окажется, для экспедиции не на Северный, а на Южный полюс. В 1909 г., когда стало известно, что американец Роберт Пири уже достиг Северного полюса, Амундсен решил изменить свой первоначальный план.

Здесь важно подчеркнуть следующее: если Фритьоф Нансен в своих путешествиях придавал большое значение научной программе, то Руаль Амундсен, стремясь всегда и везде прийти первым, научные изыскания считал менее значимыми, придавал им второстепенное значение. «План [Амундсена] держался в глубокой тайне, – пишет С. Н. Хоркина, – и был открыт только после того, как экспедиция покинула Норвегию <... > В это время к Южному полюсу собирался отправиться британец Роберт Скотт. Амундсен хотел опередить Скотта...» Что касается взаимоотношений двух норвежских исследователей, то они «не отличались особой теплотой... Положение «мэтра» не могло долго удовлетворять такого человека, как Амундсен, и он хотел превзойти своего учителя. Нансен не смог дойти до Северного полюса, и <... > если бы Амундсен водрузил на этой точке Земли норвежский флаг, Нансен был бы побежден в гонке на ту же дистанцию... Для задуманной экспедиции Амундсен позаимствовал «Фрам», хотя и знал, что Нансен планирует с этим судном собственную экспедицию к Южному полюсу. Когда Нансену стало известно об изменении маршрута «Фрама», он понял, что у него отняли шанс осуществить его давнюю мечту. Несмотря на эти обстоятельства, Нансен продолжал выступать в поддержку Амундсена, хотя общественное мнение и в Норвегии, и за рубежом не жаловало нового норвежского рекордсмена...», покорившего Южный полюс 14 декабря 1911 г.

Будучи послом в Лондоне до 1908 г., Нансен не оставлял научной работы. Здесь им был задуман и разрабатывался капитальный труд «В туманах Севера» (1911) по истории исследования Севера с самых ранних времен до 1500 г. Для того чтобы написать эту книгу,

исследователю пришлось проделать огромную работу по изучению архивного материала, большей частью труднодоступного.

В 1908 г. Фритьоф Нансен был назначен профессором океанографии в Христианском университете, в 1910 г. участвовал в экспедиции на «Михаэле Сарсе» (на этот раз в северную часть Атлантического океана), в 1912 г. на своей яхте «Веслеме» вместе с сыном Коре – к островам Медвежий, Шпицберген и Земле Принца Карла. Накопленные в экспедициях результаты наблюдений и измерений были затем обработаны с использованием новейших методик, нашли отражение в научных трудах Ф. Нансена по океанографии Северного Ледовитого океана и прилегающих к нему вод. Описанию плавания на яхте он посвятил отдельную книгу «Шпицберген» (1915), великолепно им иллюстрированную. В ней, помимо гидрологии, Нансен обстоятельно разобрал вопросы геоморфологии Шпицбергена. Как ученый он был удивительно разносторонним!

Следует особо подчеркнуть, что и эти его научные наблюдения, обобщения, результаты нашли отражение и развитие в трудах многих ученых, в том числе и нашей страны. «Те вопросы, над которыми Нансен 24 года тому назад работал на своей маленькой «Веслеме», – писал профессор

В. Ю. Визе в 1936 г., – еще и в настоящее время не потеряли своей актуальности, и именно эти задачи являются стержневыми в работах больших советских экспедиций, ежегодно посещающих Арктику. Сюда прежде всего принадлежат исследования колебаний тепловой мощности атлантических вод, ледовые прогнозы и излучение динамики вод с помощью гидрологических разрезов и суточных станций...»

В 1913 г. Ф. Нансен получил приглашение от Й. Лида – норвежского предпринимателя и одновременно русского подданного, главы норвежско-русско-британской акционерной компании «Сибирское общество» – совершить с целью «оценки естественных ресурсов Сибири» плавание на грузовом пароходе «Коррект» из Норвегии в устье реки Енисея, подняться по ней до Красноярска и проехать дальше по Транссибирской железнодорожной магистрали до Владивостока. Нансен

охотно принял это предложение, поскольку всегда интересовался Северным морским путем.

25 сентября Фритъоф Нансен и его спутники (Й. Лид, депутат Государственной Думы С. В. Востротин и секретарь русской миссии в Христиании И. Г. Лорис-Меликов), сменив в Дудинке пароход на моторное судно, а в Енисейске – судно на тарантас, добрались до Красноярска, где их криками «ура!» встретила ликующая толпа народа. 3 октября путешественники были во Владивостоке, а 21 октября – вернулись в Красноярск. Сибирью, ее просторами и проживающими там людьми, в том числе и представителями малых народов, Нансен был просто очарован.

Здесь будет уместно отметить, что в июне 2003 г. (спустя почти 90 лет со времени описываемых событий) в Красноярске побывал 72-летний внук великого полярника Э. Нансен – президент «Фонда Нансена», известный норвежский геолог, астрофизик, путешественник и правозащитник, в начале 1940-х гг. прошедший фашистские концлагеря. Он приехал в Сибирь с проектом возрождения культуры народов Подкаменной Тунгуски и собирался повторить сибирский путь своего великого деда, но в обратном направлении.

30 октября Фритъоф Нансен был уже в Санкт-Петербурге, где участвовал в экстренном заседании Комитета по снаряжению экспедиции к Северному полюсу. Оно было посвящено обсуждению донесения Г. Я. Седова – гидрографа и полярного исследователя, который зимовал на судне «Св. Фока» у берегов Новой Земли. Нансен рекомендовал послать к нему вспомогательный отряд и ездовых собак, которые когда-то стали надежными помощниками в его полярных путешествиях. Кстати, опыт использования собачьих упряжек в полярных экспедициях норвежский исследователь перенял от русских путешественников, тщательно изучив его по различным источникам, а затем и усовершенствовал в период подготовки к своей экспедиции на «Фраме».

«Встречи с русскими учеными, – писал В. М. Пасецкий, – убедили [Ф. Нансена] в том, что в этой стране в ближайшее время будут предприняты решительные шаги к развитию регулярного судоходства

между Сибирью и Европой. С этой верой он и начал работу над книгой о своем только что закончившемся путешествии <...> «В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь». Книга увидела свет в то время, когда в Европе шла Первая мировая война...»

Война 1914–1918 гг. и последовавшие за ней тяжелые годы оторвали Фритьофа Нансена от научной работы. Почти все силы и энергию в это время он отдавал служению своей стране и страждущему человечеству. Так, для предотвращения голода в Норвегии Нансен в 1917 г. выезжал в США, где почти девять месяцев в сложной политической обстановке того времени вел переговоры. Благодаря его настойчивости, высокому авторитету и несомненным дипломатическим способностям вопрос поставки импортного зерна из Северной Америки был разрешен в благоприятном для Норвегии смысле.

В 1919 г. вдовствующий Фритьоф Нансен женился на своей давней подруге Сигрюн Мюнте, а на следующий год был назначен представителем Норвегии в недавно учрежденной Лиге наций. Одной из первых задач, ставших перед

Лигой, было возвращение военнопленных с чужбины. Организация этого дела была поручена Нансену (в 1920–1922 гг. он был верховным комиссаром Лиги наций по делам репатриации военнопленных). В течение полутора лет в Россию, Германию и бывшую Австро-Венгрию вернулось из плена около полумиллиона человек. Репатриация военнопленных стоила около 400000 фунтов стерлингов. Эта сумма была предоставлена правительствами разных стран, но заслуга в этом Ф. Нансена была огромной.

В 1921 г., вследствие страшной засухи в России (на Волге) был неурожай, надвигался голод. Ф. Нансен выступил с предложением образовать «на чисто гуманитарных основах» комиссию, которая взялась бы за организацию помощи русским голодающим. Вскоре эта комиссия была создана, возглавить ее попросили Ф. Нансена. «Принять предложение, – заявил Ф. Нансен, – равносильно тому, что я должен отказаться от научной работы, от всего того, ради чего живу...», но не принять это предложение он не мог.

17 августа того же года Ф. Нансен уже находился на пути в Россию. Как оказалось, для ликвидации голода необходимо было 4 млн тонн зерна (8 тыс. поездов по 50 вагонов каждый). Россия могла предоставить только половину. В Москве Ф. Нансен и Г. В. Чичерин – нарком иностранных дел РСФСР подписали договор о создании Международного комитета по оказанию помощи голодающим, одним из сопредседателей которого стал Ф. Нансен. 9 сентября он выступил в Лиге наций с просьбой помочь ему взять кредит в 250 млн франков, которые были необходимы для закупки хлеба, от правительств различных стран. Однако поддержки Нансен не получил. Глубоко возмущенный, он вновь взял слово в Лиге наций: «20–30 миллионам людей угрожает голодная смерть, – сказал он. – Если через два месяца не придет помощь, участь их решена. Но правительства отказали в кредитах. Я не верю в то, что это правильно <... > Это роковая ошибка <... > Мы вынуждены обратиться к частной благотворительности. Мы сделаем все, что только возможно <... > Но <...> против нас подняла свою голову клевета <...> Меня обвиняют в том, будто я отправил в Сибирь экспедицию с оружием для революции. Это ложь <... > Я буду продолжать призывать европейские страны к борьбе с этим величайшим ужасом в истории. Зима уже близко. Скоро реки в России станут, а сухопутный транспорт будет затруднен снежными заносами. Допустим ли мы, чтобы зима навсегда остановила сердца миллионов людей? Время еще есть. Но его осталось немного. Если вы знаете, что это значит – бороться с голодом и морозом, тогда положение в России будет вам ясно. Я убежден – вы не останетесь в стороне... Именем человечности, именем все го благородного, я призываю вас – вас, которые сами имеют жен и детей, – подумать о том, какой это ужас – видеть, как жена и дети идут навстречу голодной смерти. С этой трибуны я призываю правительства, народы Европы, весь мир оказать помощь. Спешите, действуйте, пока еще не поздно!»

Присутствовавшая на заседании публика была потрясена речью Фритьофа Нансена. Но члены Лиги наций, имея определенные директивы от своих правительств, не вняли его голосу и 30 сентября

вынесли окончательное решение: помощь голодающим на Волге должна быть делом частных лиц, правительства государств кредитов не дадут, пока советская власть не признает царских долгов.

Несмотря на это решение, уже в сентябре были отправлены первые поезда с продовольствием для голодающих, сформированные на средства частных лиц и общественных организаций. От себя Нансен внес крупную сумму. Благодаря его неутомимой энергии было спасено множество жизней и вполне возможно, что среди ныне живущих наших соотечественников есть потомки тех спасенных голодающих.

О своих поездках в Советскую Россию Нансен написал книгу «Россия и мир» (1923), в которой говорит, что «русский народ имеет большую будущность, и в жизни Европы ему предстоит выполнить великую задачу...».

Едва Ф. Нансен окончил свою грандиозную работу по спасению голодающих в России, как ему пришлось взяться за другое, не менее сложное дело: в сентябре 1922 г. он принял предложение Лиги наций стать верховным комиссаром по делам беженцев и вскоре выехал на Балканы, чтобы взять в свои руки организацию помощи грекам. Примерно в это же время он занимался обеспечением жильем более 2 млн русских эмигрантов, бежавших от революции и советской власти. Многие из них не имели удостоверений личности и перемещались из страны в страну, оседая в убогих лагерях, где от голода и тифа умирали тысячами. Фритьоф Нансен разработал особые международные соглашения о документах для беженцев, получивших названия «нансеновские паспорта» – удостоверения личности для перемещенных лиц (небольшая марка с портретом Нансена и надписью «Societe des Nati»), и добился их официального утверждения. Со временем эти паспорта признали 52 страны. Благодаря усилиям Ф. Нансена, продолжавшимся до самой его смерти, большинство эмигрантов обрели кров, право на жительство, работу.

В декабре 1922 г. 61-летнему Ф. Нансену за его неутомимую и самоотверженную благотворительную деятельность была присуждена Нобелевская премия Мира. «Нобелевская премия присуждалась самым

разным людям, – писал один датский журналист, – но впервые она досталась человеку, который достиг в практике мира таких выдающихся успехов в столь короткий срок...» Большую часть полученной суммы, составлявшей 122 тыс. крон, Ф. Нансен истратил на устройство в Советской России двух показательных сельскохозяйственных станций, остальную часть пожертвовал в пользу греческих беженцев.

В 1925 г. Лига наций поручила Нансену изучить вопрос о возможности устройства армянских беженцев. Во время Первой мировой войны 1914–1918 гг. гонения на армян в Турции достигли чудовищных размеров: из 1 845 450 армян, живших в Турции, в 1915–1916 гг. было уничтожено около миллиона, остальные либо бежали за границу, либо укрылись в горах. Нансен поехал в Армению. Вернувшись оттуда, он доложил в Лиге наций о результатах своей поездки и предложил «устроить неимущих армянских беженцев» в Советской Армении, что и было сделано. Несколько десятков тысяч беженцев удалось поселить в Сирии.

Свою поездку на Кавказ Ф. Нансен описал в книгах «По Армении» (1927) и «Через Кавказ на Волгу» (1929). Заботу об армянском народе Нансен не оставлял до конца своей жизни, и сейчас он в Армении весьма почитаем.

В 1924 г. было образовано Международное общество по изучению Арктики с помощью воздухоплавательного корабля («Аэро -Арктика»). Ф. Нансен был избран пожизненным президентом этого объединения и определил его основную задачу – стационарное изучение центральной части Арктики с помощью зимовок, устраиваемых на дрейфующих льдах. В качестве транспортного средства для устройства станции на льду был намечен мощный дирижабль (прообраз гидросамолетов). Экспедиция на нем состоялась только в 1931 г., и Ф. Нансену не было суждено руководить ею. 13 мая 1930 г. его не стало – он тихо скончался на веранде своего дома в Люсакере, близ Осло, на 69 -м году жизни.

Со всех концов земного шара телеграф приносил в Норвегию слова скорби. Особенно много соболезнований было из России. Хоронили Ф. Нансена 17 мая в день национального праздника Норвегии. Мир потерял

великого полярника, большого ученого, гуманиста и прекрасного человека, память о котором до сих пор жива в нашей стране и во всем мире.

Глушков Валерий Васильевич,

доктор географических наук, профессор, почетный геодезист, действительный член Российской академии космонавтики им. К. Э. Циолковского, член-корреспондент Международной академии астронавтики (Стокгольм) и Академии геополитических проблем (Россия)

Предисловие автора к первому норвежскому изданию

Ей, которая дала имя кораблю и имела мужество ожидать.

Я хочу упомянуть лишь об одном: эта книга настолько окрашена *личным*, что не может считаться *описанием путешествия* в обычном понимании этих слов. Но я все же надеюсь, что нить объективного повествования не затеряется в субъективном и что колебания настроений не помешают создать картину жизни и быта в великой ледяной пустыне.

Шлю теплую благодарность профессору Мольтке Мо за его многочисленные ценные советы и неизменную помощь мне при чтении корректуры.

Фритьоф Нансен

Готхоб, Люсакер, 27 сентября 1897 г.

Часть I

Вступление

В далеком будущем настанет время, когда Океан сбросит оковы вещей, когда будет открыта вся необъятная земля... и Туле^[1] перестанет быть отдаленнейшей из стран.

Сенека

Самой зари бытия неведомые, недоступные для человека, застывшие в мощном спокойствии смерти, дремали полярные страны под своим девственным ледяным покровом. Закутанный в белый плащ, простирая над ними холодные ледяные руки могучий йоттунг^[2] и сторожил их сон в течение тысячелетий.

Проходили века – все таким же оставалось безмолвие.

И вот на заре истории далеко на юге поднял голову пробудившийся гений человеческого разума и стал озирать землю; на юге – он нашел тепло, на севере – холод и за гранью неведомого поместил два царства: всепожирающего зноя и губительной стужи.

Перед все возраставшим стремлением человеческого разума к свету и знанию границы неведомого мало-помалу отступали, пока не остановились на Севере, у самого порога великой ледяной могилы природы, беспредельного безмолвия полярных стран. До этой поры победоносно пробивавшиеся вперед отряды не встречали на пути своем непреодолимых препятствий и смело двигались дальше. Здесь же встали перед ними йоттунги в союзе с злейшими врагами жизни – льдом, морозом и долгой полярной ночью.

Отряд за отрядом устремлялся на Север – за тем лишь, чтобы потерпеть поражение. Новые ряды стояли наготове, чтобы идти вперед, дальше своих павших предшественников.

Невыразимо медленно проникал взор человеческий сквозь мглу Ледовитого моря: за стеной тумана лежала мифическая страна, Нифльхейм.^[3] Там предавались своим диким потехам римтурсы.

Зачем же люди устремлялись туда? Туда, на Север, где во мраке и стуже стоял Хельхейм, чертог богини смерти; где находился Ностранд – берег мертвых. Туда, где не могло свободно дышать ни одно живое

существо. Туда устремлялся отряд за отрядом – зачем? Чтобы вернуть в мир живых своих мертвых, подобно Хермоду,^[4] отправившемуся за Бальдером?.. Нет, знания для будущих поколений – вот чего искали они и приносили с собой оттуда. И кто хочет увидеть гений человеческий в его благороднейшей борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтет историю арктических путешествий, прочтет о людях, которые в те времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все-таки шли с развевающимися знаменами навстречу неведомому. Нигде, пожалуй, знания не покупались ценой больших лишений, бедствий и страданий. Но гений человеческий не успокоится до тех пор, пока не останется и в этих краях ни единой пяди, на которую не ступала бы нога человека, пока не будут и там, на Севере, раскрыты все тайны.

Миля за милей, градус за градусом пробирались мы, люди, вперед, напрягая все свои силы. Медленно наступает день; мы все еще находимся в сумерках рассвета, и тьма неизвестности царит над обширными пустынями, окружающими полюс.

Наши предки, древние викинги, были первыми полярными мореплавателями. Говорят, будто их плавания по Ледовитому морю не имели значения, так как не оставили после себя прочных следов. Но это неверно. Как не подлежит сомнению, что нынешние китоловы в своей непрерывной борьбе со льдами и морем являются пионерами исследования полярной области, так же несомненно и то, что древние норманны с Эриком Рыжим,^[5] Лейфом^[6] и другими во главе были авангардом, первыми пролагателями путей для всех последующих полярных экспедиций.

Не следует забывать, что они были не только первыми мореплавателями, отважившимися пуститься в открытое море, но и первыми, отважившимися на борьбу со льдами. Задолго да того как другие морские нации рискнули расстаться с прибрежными водами, наши предки бороздили моря вдоль и поперек, открыли Исландию и Гренландию, заселили эти страны, а впоследствии нашли Америку и не страшились переплывать Атлантический океан от Гренландии до Норвегии. На своих беспалубных судах им не раз приходилось вести

трудную борьбу со льдами у гренландских берегов, и немало их, несомненно, пало в борьбе.

Влекла их в эти плавания не только страсть к приключениям, хотя, конечно, эта страсть – одна из отличительных черт характера нашего народа, но и необходимость найти новые земли для многих беспокойных удалых голов; Норвегия для них становилась слишком тесной. Влекла их также подлинная жажда знания. Уже Оттар, ^[7] живший в 890 г. в Англии при дворе короля Альфреда, предпринял, как мы знаем, плавание, чтобы исследовать протяжение земли, или, как он рассказывал, «в нем заговорило желание узнать и поведать людям, сколь далеко к северу простирается земля и есть ли там люди на Севере, по ту сторону пустыни». Оттар жил в самой северной части Гельгоlanda, по всей вероятности, на острове Бьярко. Обогнув Нордкап, он проник на восток до самого Белого моря.

Харальд Хордрода, «мудрый король норвежцев», по словам Адама Бременского, ^[8] предприняв плавание ^[9] по морю к северу, изведal на своих кораблях просторы Северного океана, но «мрак разостлался над бездной исчезающего мира, и он едва успел повернуть свои корабли вспять, чтобы избежать бездонной пучины». Это была Гиннунгагап, зияющая бездна на краю света.

Насколько далеко проник на Север Харальд – никому не известно, но во всяком случае он заслуживает признания как один из первых полярных мореплавателей, увлекаемых исключительно жаждой знания.

Само собой разумеется, что норманны не были свободны от суеверных представлений своих современников о полярных странах, где они размещали свои Гиннунгагапы, Нифельхеймы, Хельхеймы и – позже – Троллеботны. ^[10] Но даже в этих мифических и поэтических представлениях содержалась такая значительная доля действительных наблюдений, что нельзя отказать им в удивительно отчетливом и ясном понимании истинной природы вещей.

Как трезвы и правильны были их наблюдения, лучше всего говорит написанное двести лет спустя ученейшее сочинение нашей древней литературы, «Королевское зеркало», ^[11] в котором говорится:

«Пройдя обширное пространство бурного моря, встречаются в океане такое несметное количество льда, подобное которому не видано нигде во всем свете. Иные льдины такие плоские, будто образовались на самом море; они имеют в толщину от 4 до 5 локтей и простираются так далеко в море, что, бывает, люди идут по льду четверо и больше дней, чтобы достигнуть суши. Но эти массы льда чаще лежат к северо-востоку или к северу от земли, нежели к югу, юго-западу или западу...»

«...Эти массы льда имеют странное свойство. Иногда они лежат недвижно, разделенные полыньями или большими фьордами; иногда они движутся столь стремительно, что не отстают от корабля, идущего с попутным ветром, и, раз придя в движение, несутся столь же часто против ветра, как и по ветру».

Такие представления покажутся еще более замечательными, если сопоставить их с наивными понятиями, которые имел в те времена весь остальной мир о чужих странах.

Потом наш народ захирел. Прошли века, прежде чем норвежцы снова стали предпринимать плаванья в северные воды. На этот раз их опередили другие нации, особенно голландцы и англичане. Трезвые представления древних норманнов были утрачены. Вместо них мы встречаем ряд вспыхивающих одна за другой самых фантастических идей, к каким человек вообще питает пристрастие. И больше всего эта страсть к фантастическим измышлениям сказалась по отношению к северным странам. Не встретив там такой стужи, которая уничтожала бы все живое, люди вдалились в другую крайность: они стали предполагать существование там свободного ото льда моря, и удивительно, что эти ложные представления сохранились даже до наших дней. Исстари повторяется одно и то же: самого естественного объяснения явлений люди больше всего опасаются; и если нет среднего пути, то охотнее принимают дикие гипотезы. Только в силу этого и могла возникнуть и сохраниться вера в существование свободного ото льдов Полярного моря, хотя мореплаватели всюду наталкивались на льды. Видно, дескать, оно находится где-то за льдами.

Вера в существование свободного ото льда Северо-восточного или Северо-западного прохода, пути к богатствам Хатая, или Кита я, и Индии, зародившаяся впервые в конце XV столетия и терпевшая одно поражение за другим, возрождалась вновь и вновь. Раз в более южных широтах дорогу преграждали льды – значит, проходы находятся дальше к северу! В конце концов стали искать путей через са мый полюс.

Как ни дики были эти теории, они все же послужили на пользу человечеству: побуждая к путешествиям и подвигам, они способствовали расширению наших познаний. Из этого следует, что никакой труд на поприще исследований не пропадает даром, даже если он исходит из ложных представлений. Этим химерам в немалой степени должна быть, например, обязана Англия – она стала благодаря им могущественнейшей морской державой в мире.

Разными способами и многими путями пыталось человечество проникнуть в ледяное царство смерти. Вначале пользовались только морем. Корабли того времени были непригодны для борьбы со льдом, и в него входили с неохотой, только при крайней необходимости. Древние норманнские суда, сколоченные из сосновых и еловых досок, были не более приспособлены для плавания во льдах, чем маленькие неуклюжие каравеллы первых английских и голландских полярных мореплавателей. Постепенно, однако, люди научились лучше приспособлять свои суда к существующим условиям и все смелее стали направлять их в глубь страшных ледяных масс.

Между тем первобытные полярные народы – и те, что населяли сибирские тундры, и эскимосы Америки – еще задолго до того как начались полярные плавания, нашли другой, более надежный способ передвижения по этим покрытым снегами и льдом пространствам – *сани, запряженные обычно собаками*. Впервые этот превосходный способ передвижения был применен при полярных исследованиях в Сибири. Еще в XVII и XVIII столетиях русские совершали самые далекие поездки на санях и наносили на карты сибирские берега от границ Европы до Берингова пролива. Да и ездили они не только вдоль берегов, но переходили по плавучему морскому льду до Новосибирских островов и

даже еще севернее. Едва ли когда-либо приходилось путешественникам претерпевать столько лишений и выказывать такую выносливость, как во время этих поездок.

В Америке санями для исследования берегов Ледовитого океана уже давно стали пользоваться англичане. Употребляли они как индейские сани, тобогганы, так и эскимосские. Наиболее широко применялись сани во время экспедиции под руководством Мак-Клинтока.^[12] В то время как русские для таких поездок обычно брали большое количество собак и лишь немногих провожатых, англичане предпочитали многолюдные экспедиции, во время которых сани везли исключительно или частично сами люди. Лишь некоторые, как

Мак-Клинток, широко пользовались и собачьей тягой. Во время одной из самых энергичных попыток, когда-либо сделанных для достижения высоких широт, – достопамятного перехода Маркхема^[13] с зимней стоянки «Алерта» к северу, тридцать три человека вынуждены были сами тащить свои сани, хотя у них на судне было немало собак; по-видимому, собаки у них особым почетом не пользовались. Американец Пири^[14] на материковом льду Гренландии применил совершенно другой метод: по возможности меньше людей и побольше собак.

Огромное значение собак для путешествия на санях стало для меня очевидно еще до моего гренландского путешествия, и если я там ими не пользовался, то лишь потому, что не мог достать хороших ездовых собак.^[15]

Третий способ передвижения, применяемый в арктических странах, можно назвать *на лодках и на санях*. Еще в сагах и в «Королевском зеркале» говорится о том, что древним норманнам приходилось в Гренландском море помногу дней подряд «волочить» свои лодки по льду, чтобы спастись и достигнуть земли. Первым этот способ передвижения в научной экспедиции применил Парри,^[16] который во время знаменитой попытки достигнуть полюса в 1827 г. покинул свой корабль и двинулся вперед на север по дрейфующему льду с лодками, поставленными на полозья. Он достиг 82°45 северной широты, преодолеть которую долгое

время не удавалось никому. Отсюда, однако, течение стало уносить его к югу быстрее, чем он в состоянии был идти в противоположном направлении, и ему пришлось вернуться. Позже этим способом передвижения для достижения полюса пользовались не особенно часто. Следует, впрочем, упомянуть, что и Маркхем в санную поездку брал с собой лодки. Многие экспедиции, покинув или потеряв свои суда, поневоле вынуждены бывали таким способом проходить по плавучим льдам большие пространства. В особенности надо отметить австро-венгерскую экспедицию на «Тегеттгофе» к Земле Франца-Иосифа и несчастную американскую экспедицию на «Жаннетте».

По-видимому, лишь немногим приходило в голову последовать примеру эскимосов: вместо тяжелых лодок брать с собой легкие каяки, которые без труда могут тащить собаки. Такой попытки никогда не было сделано.

Пути, на которых были испробованы все эти способы передвижения, главным образом следующие: пролив Смита, море между Гренландией и Шпицбергенем, море у Земли Франца-Иосифа и Берингов пролив.

Чаще всего за последнее время пытались достигнуть полюса, следуя проливом Смита. Причиной этому были несколько опрометчивые утверждения американских путешественников, будто там они нашли открытое Полярное море, уходившее на севере в беспредельную даль. На самом же деле всем экспедициям здесь преграждали путь мощные массы льдов, которые неслись к югу и скоплялись у берегов.

Важнейшей экспедицией, следовавшей по этому пути, была английская экспедиция под начальством Нэрса ^[17] в 1875–1876 гг., снаряженная с крупными денежными затратами. Спутник Нэрса командор Маркхем достиг наивысшей для того времени широты 83°20', но это стоило больших трудов и лишений. Нэрс полагал, что он навсегда доказал невозможность достигнуть полюса по этому пути.

Во время пребывания в тех же местах экспедиции Грили ^[18] в 1881–1884 гг. Локвуду удалось проникнуть еще на несколько минут дальше к северу, до 83°24'. Это и была самая северная точка в нашем полушарии,

на которую ступала нога человека, до экспедиции, описываемой в этой книге.

Многие попытки проникнуть в тайны ледяных стран сделаны были через море между Гренландией и Шпицбергенем. Еще в 1607 г. Генри Гудзон^[19] пустился в путь вдоль восточного берега Гренландии, рассчитывая достичь полюса, где он надеялся найти чистую воду и проход в Тихий океан. Но уже под 7^о северной широты он был остановлен льдом, у места на берегу, которому дал название «Hold with Nore» [«Остановись и надейся»].

Немецкая экспедиция 1869–1870 гг., посетившая те же воды, под начальством Кольдевея достигла, пользуясь санями, 77^о северной широты. Вообще область эта, без сомнения, одна из наименее благоприятных для плавания к северу из-за огромных масс льда, которые Полярное течение несет вдоль гренландского берега к югу.

Лучше условия у Шпицбергена, что испытал еще Гудзон после неудачи у Гренландии; пытаясь здесь пройти на север, он достиг 80°23 северной широты. Благодаря теплomu течению, идущему на север вдоль западных берегов Шпицбергена, море здесь свободно ото льдов. Несомненно, в этом месте можно лучше и легче всего достигнуть высоких широт по свободным ото льда водам. Поэтому Эдвард Парри и сделал в 1827 г. свою (уже упомянутую выше) попытку пройти к полюсу, отправившись на север от Шпицбергена.

Далее к востоку ледовые условия менее благоприятны, и поэтому лишь немногие полярные экспедиции направлялись в эту сторону. Австро-венгерская экспедиция Вейпрехта и Пайера 1872–1874 гг. задалась первоначально целью отыскать Северо-восточный проход, но при первой же встрече со льдами у северной оконечности Новой Земли была затерта и унесена на север, где открыла Землю Франца-Иосифа, откуда Пайер пытался на санях продвинуться дальше на север. На острове, названном им Землей кронпринца Рудольфа, он достиг 82°05 северной широты.^[20] Ему показалось, что и к северу от этой земли лежит обширная суша, которую он наметил приблизительно под 8^о северной широты и назвал Землей Петермана.^[21]

Позднее, в 1880 и 1881–1882 гг., Землю Франца-Иосифа дважды посетил англичанин Лей-Смит, а в настоящее время [1897 г.] там находится английская экспедиция Джексона, снаряженная на средства Гармсворта.

В 1881 г. датская экспедиция Ховгорда намеревалась проникнуть к Северному полюсу от мыса Челюскина вдоль восточного берега Большой Земли, которая, по мнению Ховгорда, должна была находиться к востоку от Земли Франца-Иосифа.^[22] Однако в Карском море экспедицию затерло льдами, она принуждена была там зимовать и через год вернулась обратно.

Попыток пробраться через Берингов пролив было сделано немного. Первой была экспедиция Джеймса Кука в 1776 г., последней – экспедиция на «Жаннетте» под руководством Де Лонга, лейтенанта американского флота, в 1879–1881 гг. Едва ли какая другая полярная экспедиция встретила такие непреодолимые ледовые препятствия в столь невысоких сравнительно широтах. Тем не менее именно экспедиция на «Жаннетте» имела наибольшее значение для моего путешествия. Как говорит сам Де Лонг в одном письме к меценату экспедиции Гордону Беннетту, у него было три пути на выбор: пролив Смита, восточный берег Гренландии и Берингов пролив. Де Лонг возлагал наибольшие надежды на последний путь. В конце концов он его и выбрал. Причиной такого выбора послужило Японское течение, – предполагали, что оно идет на север через Берингов пролив и дальше вдоль восточного берега Земли Врангеля, простиравшейся, якобы, далеко на север. Из этого заключали, что теплая вода течения освобождает путь вдоль всего берега и возможно даже – до самого полюса. Китобои наблюдали, что всякий раз, когда их суда бывали здесь затерты льдами, их несло на север; отсюда можно было сделать вывод, что течение в общем идет в этом направлении. «Это должно облегчить исследователям достижение высоких широт, но вместе с тем затруднит обратный путь», – говорил сам Де Лонг, и ему пришлось печальным образом доказать истину своих слов. «Жаннетта» была затерта льдами 6 сентября 1879 г. на 71°35 северной широты и 175°06 восточной долготы, к востоку от Земли

Врангеля, которая, как между тем выяснилось, оказалась лишь небольшим островом, и передвигалась в продолжение почти двух лет со льдами на западо-северо-запад, пока не затонула 12 июня 1881 г. к северу от Новосибирских островов под 77°15 северной широты и 154°59 восточной долготы.

Итак, лед повсюду останавливал людей в их стремлении проникнуть на Север. Только в двух случаях корабли арктических экспедиций, затертые льдами, были отнесены по направлению на север. Это случилось с «Тегеттгофом» и с «Жаннеттой», тогда как большая часть других была отброшена плавучими льдами на юг.

При изучении истории полярных исследований мне стало с самого начала ясно, что уже испытанными путями и способами трудно вырвать тайны у далеких и неизведанных ледяных стран. *Но где же лежал настоящий путь?*

Осенью 1884 г. я случайно прочел в норвежской газете «Моргенбладет» статью профессора Мона ^[23] о находке на юго-западном берегу Гренландии некоторых предметов, принадлежавших, по всей вероятности, экипажу «Жаннетты». Мон высказал предположение, что эти предметы перенесены через Полярное море на дрейфующей льдине. У меня тотчас мелькнула мысль, что путь найден. Если течение могло перенести через неизвестные пространства льдину, то почему бы не воспользоваться этим течением для экспедиции? Так возник план.

Прошло, однако, много лет, прежде чем я, наконец, в феврале 1890 г., после возвращения из Гренландской экспедиции, доложил свой план Географическому обществу в Христиании. ^[24] Так как этот доклад имеет решающее значение для истории нынешней экспедиции, я приведу здесь наиболее существенные выдержки из него.

Изложив вкратце историю различных предыдущих полярных экспедиций, я сказал:

«Результат многочисленных попыток достигнуть Северного полюса, после всего сказанного, должен показаться довольно безотрадным. Эти попытки как будто достаточно ясно говорят, что достичь полюса на

судне невозможно. Всюду непреодолимым препятствием вставал лед, преграждая дерзновенным путь у самого порога неведомых стран.

Тащить лодки по неровному плавучему льду, находящемуся вдобавок в полной власти течений и ветров, тоже чрезвычайно трудно. Лед ставит на пути исследователя такие препятствия, что всякий, кому приходилось иметь с ним дело, не станет сомневаться в том, что на лодках или с лодками (т. е. то вплавь, то волоком) почти невозможно пробиваться вперед со снаряжением и провиантом, необходимыми для такого предприятия».

Более надежным представлялось мне найти путь по суше, если бы такая там оказалась. В таком случае мы достигли бы полюса «с норвежскими лыжниками в одно лето». Но такой суши мы не знаем. Гренландия, полагал я, вряд ли простирается особенно далеко к северу от известного нам самого северного пункта на ее западном берегу «Маловероятно также, чтобы Земля Франца-Иосифа простиралась до самого полюса; судя по тому, что мы о ней знаем, это архипелаг, и острова его отделены один от другого глубокими проливами; существование там обширного пространства твердой земли весьма сомнительно».

«Многие считают, что лучше отложить исследование столь труднодоступных областей, как полярные страны, до того времени, когда удастся изобрести новые средства передвижения. Я как-то слышал высказывание, что в один прекрасный день можно будет отправиться к полюсу на воздушном шаре, и поэтому пока этот день еще не настал, не стоит пытаться попасть туда. Едва ли нужно доказывать несостоятельность такого рассуждения. Даже если допустить, что в ближайшем или более отдаленном будущем и удастся осуществить эту часто высказываемую идею о полете к полюсу на воздушном корабле, то такое путешествие, как бы интересно оно ни было в известных отношениях, не дало бы таких научных результатов, как экспедиции, проведенные ранее указанными способами.

Большую научную жатву в различных областях знаний можно получить лишь при непрерывных наблюдениях и продолжительном

пребывании в этих странах, тогда как наблюдения во время полета на воздушном шаре неизбежно будут лишь самыми беглыми.

Мы должны поэтому подумать, не найдется ли других путей, и я думаю, что они существуют. Я уверен, что если мы обратим внимание на силы самой природы и попытаемся иметь их не противниками своими, но союзниками, то найдем наиболее верный и легкий способ достигнуть полюса. *Бесполезно идти, как делали прежние экспедиции, против течения, мы должны искать, не найдется ли течения попутного.* Экспедиция «Жаннетты», по моему глубокому убеждению, единственная из всех была на верном пути, хотя и случилось это не по ее воле и желанию.

Лед в течение двух лет нес «Жаннетту» от острова Врангеля до Новосибирских островов. Три года спустя после гибели корабля по другую сторону полюса на плавучей льдине вблизи Юлианехоба у юго-западного берега Гренландии эскимосами было найдено несколько предметов, вмерзших в лед и по всем признакам, несомненно, принадлежавших экипажу затонувшей «Жаннетты».

Среди найденных эскимосами и потом собранных комиссаром Юлианехобской датской колонии Лютценом предметов, описание которых было дано в «Датском географическом журнале» (1885 г.), в особенности заслуживают внимания следующие:

1. Опись провианта, скрепленная собственноручной подписью Де Лонга, командира «Жаннетты».
2. Написанный от руки список лодок «Жаннетты».
3. Пара непромокаемых брюк с меткой «Louis Noros», как звали одного из матросов «Жаннетты», которому удалось спастись.
4. Глазной зонтик, или козырек, на котором, по показаниям Лютцена, было написано «E. C. Lindemann».

Одного из спасенных матросов «Жаннетты» звали E. C. Lindemann, и возможно, что тут вкралась опечатка, или же просто Лютцен неправильно прочитал имя.

В Америке к известию о находке предметов отнеслись весьма скептически, а в американских газетах было даже высказано сомнение в

их подлинности. Однако приведенные здесь факты едва ли могут быть лживыми, и можно поэтому считать доказанным, что льдина с предметами, принадлежавшими экипажу «Жаннетты», принесена течением к Юли-анехобу с места гибели корабля.

Каким же путем эта льдина достигла западного берега Гренландии?

Профессор Мон уже в ноябре 1884 г. в своем докладе научному обществу в Христиании доказывал, что льдина не могла пройти никаким иным путем, как только через полюс. [\[25\]](#)

Совершенно очевидно, что она не могла пройти через пролив Смита, так как течение оттуда направлено вдоль западной стороны Баффинова залива и, стало быть, льдину принесло бы к Баффиновой Земле или к Лабрадору, а никак не к западному берегу Гренландии. Здесь течение направлено на север и является продолжением Гренландского полярного течения, которое проходит вдоль восточного берега Гренландии, огибает мыс Фэрзуэл и подымается к северу вдоль западного берега. Только этим течением и могла быть принесена льдина.

Возникает другой вопрос: каким же путем прошла льдина от Новосибирских островов до восточного берега Гренландии?

Можно допустить, что эта льдина дрейфовала вдоль северного побережья Сибири, обогнула с юга Землю Франца -Иосифа, прошла через пролив между этой последней и Шпицбергенем или даже обошла с юга Шпицберген, а затем попала в Полярное течение, идущее на юг вдоль Гренландии. Если, однако, рассмотреть режим течений в этих областях, насколько они теперь известны, то это предположение окажется весьма невероятным, чтобы не сказать невозможным».

Проанализировав затем дрейф «Тегеттгофа» и условия течений, я продолжал:

«Расстояние от Новосибирских островов до восточного берега Гренландии под 80° северной широты составляет 1360 морских миль; расстояние же от этого пункта до Юли-анехоба – 1540 морских миль, в общей же сложности получается 2900 морских миль. Весь этот путь был проделан за 1100 суток, что дает суточную скорость в 2,6 мили. Время, необходимое для переноса этих остатков от 80° северной широты до

Юлианехоба, можно легко вычислить, так как течение вдоль восточного берега Гренландии довольно хорошо известно. Из того, что мы о нем знаем, можно заключить, что на прохождение этого пути потребовалось по крайней мере около 400 дней; значит, на весь предшествующий путь от Новосибирских островов до 80° широты остатки «Жаннетты» могли затратить самое большее 700 суток.

Если допустить, что они перенесены кратчайшим путем, т. е. через полюс, то суточная скорость окажется равной примерно 2 морским милям. Напротив, если предположить, что путь их лежал к югу от Земли Франца-Иосифа и к югу от Шпицбергена, то придется допустить, что вещи эти плыли с гораздо большей скоростью. Но скорость в 2 морские мили в сутки удивительно хорошо согласуется со скоростью дрейфа «Жаннетты» в конце ее плавания – с 1 января по 12 июня 1881 г. Именно за это время «Жаннетта» двигалась со средней скоростью немногим больше 2 миль в сутки. Средняя же скорость всего дрейфа «Жаннетты» составляет только 1 милю в сутки.

Но нет ли в таком случае других доказательств существования течения, идущего через полюс от Берингова пролива с одной его стороны до Атлантического океана – с другой?

Да, такие доказательства есть!

Доктор Ринк получил от одного гренландца в Готхобе ^[26] замечательный кусок дерева, найденный на берегу среди плавника. Это – метательная дощечка, с помощью коих эскимосы мечут стрелы, охотясь на птиц, но она совершенно не похожа на метательные дощечки, употребляемые эскимосами на западном побережье Гренландии. Доктор Ринк предположил, что эта дощечка может принадлежать эскимосам с восточного побережья Гренландии.

Позднейшие исследования, ^[27] однако, доказали, что дощечка приплыла с берегов Аляски, *из окрестностей Берингова пролива*, так как лишь там употребляют метательные снаряды подобной формы. Кроме того, она украшена китайским стеклянным бисером, совершенно таким же, какой эскимосы Аляски выменивают на азиатской стороне Берингова пролива для украшения своего метательного оружия.

Таким образом, мы, по-видимому, можем с уверенностью утверждать, что этот кусок дерева принесен в Гренландию от западного берега Аляски течением, еще неизвестным нам на всем его протяжении, но которое, по всей вероятности, проходит весьма близко от полюса или где-нибудь между ним и Землей Франца-Иосифа.

Есть еще несколько доказательств существования такого течения. В Гренландии, как известно, не растут вовсе деревья, годные для изготовления лодок, саней и т. п. Плавающий лес – плавник, который Полярное течение несет вдоль восточного берега Гренландии, а затем вдоль западного к северу, является поэтому для гренландских эскимосов предметом первой необходимости. Откуда же приносится этот лес?

Здесь опять нам приходится обратиться к странам, расположенным по ту сторону полюса. Мне самому пришлось наблюдать большие массы плавника как на западном, так и на восточном берегу Гренландии. Я встречал также отдельные бревна, плывущие далеко от восточного берега в открытом море; подобно прежним путешественникам, я пришел к убеждению, что большая часть этого плавника должна происходить из Сибири и лишь незначительная часть может быть из Америки, так как среди этого леса преобладают сосна, сибирская лиственница и другие северные древесные породы, едва ли произрастающие в других местах. Интересны в этом отношении находки Второй Германской полярной экспедиции на восточном берегу Гренландии. ^[28] Из 25 стволов плавника 17 оказались сибирской лиственницей, 5 – каким-то видом северной сосны (вероятно, *Picea obovata*), 2 – ольховой породы (*Alnus incana*?) и 1 – разновидностью тополя (*Populus tremula*? – обыкновенная осина). Все это породы деревьев, растущих в Сибири.

В дополнение к этим наблюдениям, сделанным в Гренландии, можно еще указать, что к северу от Новосибирских островов экспедиция «Жаннетты» часто встречала среди льдин, уносимых быстрым течением к северу, плавник сибирского происхождения (сосну и березу).

К гренландским берегам ежегодно приносится, на счастье эскимосов, огромное количество плавника, что, по-моему, неопровержимо доказывает существование постоянного течения; лес

этот с виду не носит следов особенно продолжительного пребывания в воде, и, вероятнее всего, большая часть его принесена вмерзшим в лед.

Допустить, что путь этого леса проходит к югу от берегов Земли Франца-Иосифа и Шпицбергена, столь же маловероятно, как допустить, что этим путем приплыла льдина с предметами с «Жаннетты». В качестве довода против такого предположения можно, между прочим, привести тот факт, что сибирский плавучий лес встречался к северу от Шпицбергена, в области сильного южного течения, ^[29] с которым безуспешно боролся Парри.

Таким образом, оказывается, что мы имеем еще и другие доказательства существования течения, проходящего через полюс или недалеко от него. В связи с этим представляет особый интерес указание немецкого ботаника Гризебаха о том, что гренландская флора содержит ряд *сибирских растительных форм*, которые вряд ли могли бы попасть туда, если бы семена не приносились течением.

В Датском проливе (между Исландией и Гренландией), наблюдая за плавучим льдом, я пришел к выводу, что этот лед также, видимо, сибирского происхождения. Я нашел на нем много ила, вынесенного, по-видимому, сибирскими, но возможно, и североамериканскими реками. Впрочем, не исключена возможность, что ил этот принесен ручьями, вытекающими из-под ледников северной Гренландии или других неисследованных полярных стран, поэтому последнее доказательство менее убедительно, чем приведенные выше.

Сводя все это воедино, нельзя, по-видимому, не прийти к заключению, что *где-то между полюсом и Землей Франца-Иосифа проходит течение из Сибирского ледовитого моря* ^[30] *к восточному берегу Гренландии.*

К такому именно заключению можно прийти и другим путем. Если мы обратимся к Полярному течению – этому широкому потоку, идущему из неисследованных полярных областей, между Шпицбергом и Гренландией, и представим себе, какие огромные массы воды оно с собой несет, то само собой станет очевидным, что источник их нельзя искать в бассейне ограниченных размеров. Эти водные массы должны

приходить издалека, с огромных пространств, тем более что Полярное море в известных нам районах к северу от берегов Европы, Азии и Америки всюду чрезвычайно мелководно. Полярное течение пополняется, правда, еще и за счет ответвления Гольфстрима, идущего вдоль западного берега Шпицбергена на север, но все же главные массы воды Полярного течения приносятся издалека с севера.

Похоже, что Полярное течение как бы всасывает воду из прибрежных районов Сибири и из Берингова пролива. Вода, уносимая Полярным течением, восполняется частично упомянутым выше теплым течением, идущим через Берингов пролив, а отчасти той ветвью Гольфстрима, которая, обогнув с севера Норвегию, поворачивает на восток к Новой Земле и, огибая большей своей частью северный конец этого острова, направляется в сибирскую часть Ледовитого моря. ^[31] То, что течение, идущее с юга, по крайней мере частично стремится принять это направление, весьма вероятно уже в силу влияния вращения Земли. Как известно, всякое течение, как воздушное, так и водное, идущее в северном полушарии на север, должно отклоняться к востоку. По той же причине течение, идущее к югу, как Полярное течение, должно отклоняться к западу, т. е. к восточному берегу Гренландии.

Но если даже этих морских течений, вливающих в Полярный бассейн, не существовало бы, то и тогда в него, по моему мнению, поступает иными путями так много воды, что ее достаточно для возникновения Полярного течения. Прежде всего, в Ледовитое море впадают североευропейские, сибирские и североамериканские реки. Бассейны этих рек весьма значительны: они охватывают большую часть Северной Европы, почти всю Северную Азию или Сибирь до Алтайских гор и Байкала, а также большую часть Аляски и Британской Северной Америки. Все они, вместе взятые, охватывают немалую часть земной поверхности, и общее количество атмосферных осадков, выпадающих на этой площади, громадно. Что само Ледовитое море способствует выпаданию этих осадков, весьма маловероятно, так как, с одной стороны, в значительной своей части оно покрыто плавучими льдами, испарение с которых невелико, а с другой – сравнительно низкая

температура этой области сильно затрудняет испарение с открытой водной поверхности. Таким образом, влага, необходимая для образования осадков, должна иметь другое происхождение, главные источники ее – Атлантический и Тихий океаны, и количество воды, получаемое от них Ледовитым морем – путем осадков, должно быть весьма значительным. Если бы мы обладали достаточными сведениями о количестве осадков в различных пунктах, то это количество можно было бы вычислить.^[32] Еще большее значение эти осадки имеют потому, что Полярный бассейн сравнительно невелик и, как уже указано, очень мелководен: самая большая известная нам глубина его составляет приблизительно 120–150 м.^[33]

Существует и другой фактор, способствующий увеличению водных масс Полярного бассейна: его собственные осадки. Уже Вейпрехт указал на то, что сильный приток с юга теплого влажного воздуха, вызванный обычным для полярных стран низким атмосферным давлением, должен, по всей вероятности, привести к выпадению значительного количества осадков и, следовательно, к увеличению массы воды в Полярном море. О том, что Полярный бассейн получает много пресной воды, можно судить и по сравнительно низкой солености вод Полярного течения.

После всего сказанного можно считать до известной степени доказанным, что море, окружающее полюс, получает значительный приток воды, отчасти – как только что указано – пресной, отчасти соленой, которую несут морские течения. Закон равновесия требует, чтобы избытки воды находили себе сток, и этим стоком служит Гренландское полярное течение.

Нельзя ли отыскать причину, почему это течение идет именно в указанном направлении?

Если мы обратимся к рельефу морского дна, то уже в нем найдем достаточное основание для того, чтобы главный сток воды проходил в море между Шпицбергом и Гренландией. Насколько нам известно, море здесь повсюду очень глубоко, существует даже котловина глубиной около 4500 м, тогда как к югу от Шпицберга и Земли Франца-Иосифа море необычайно мелководно, не глубже 300 м. Через Берингов пролив

идет, как упомянуто, течение на север, а пролив Смита и небольшие проливы между островами Американского полярного архипелага, где течения идут к югу, слишком малы и узки, чтобы их стоило принимать во внимание, когда дело касается таких водных масс. Остается, следовательно, лишь один вывод: стоком этих водных масс должно являться именно Полярное течение. Заслуживает внимания глубокая впадина, найденная экспедицией «Жаннетты» между островом Врангеля и Новосибирскими островами. Она тянется в северном направлении, достигая местами более 150 м глубины, тогда как по обеим сторонам от нее находятся глубины всего в 80—100 м. Нет ничего невозможного, что эта впадина соединяется со впадиной между Шпицбергом и Гренландией,^[34] а это если и не дает точно направления главного течения, то во всяком случае до некоторой степени его обуславливает.

Если обратиться к условиям распределения ветров и атмосферного давления над Полярным морем, насколько эти условия изучены, то и они, по-видимому, способствуют образованию Полярного течения, идущего через полюс в указанном направлении. От Атлантического океана, к югу от Шпицберга и Земли Франца-Иосифа, простирается в Сибирское полярное море ложбина низкого атмосферного давления. По известным законам ветры на южной стороне этой ложбины имеют преобладающее направление с запада на восток, чем обуславливается течение, идущее на восток вдоль северных берегов Сибири, которое действительно, как известно, существует.^[35] На северной стороне этой депрессии ветры, наоборот, дуют преимущественно по направлению с востока на запад и, следовательно, вызывают течение, идущее на запад, которое, как я только что доказывал, идет в Гренландское море, по-видимому, через полюс.

Таким образом, с какой бы стороны этот вопрос ни рассматривать, даже независимо от имеющих решающее значение специальных доводов, приходится путем логических рассуждений прийти к заключению, что *через полюс или очень близко от него проходит течение по направлению к морю между Гренландией и Шпицбергом.*

Из этого следует вывод, представляющийся мне ясным и очевидным, что необходимо лишь попасть в это течение с той стороны полюса, где оно направляется к северу, и отдаться ему, чтобы с его помощью проникнуть в ту область, которой тщетно пытались достигнуть все, кто раньше шел *против течения*».

«Мой план вкратце таков: я намерен построить судно возможно меньших размеров и возможно более прочное. Вместимость его долж на быть не больше того, какая необходима под запасы угля и провианта для двенадцати человек на пять лет. Для этой цели, вероятно, подойдет судно в 170 т (брутто). Оно должно быть снабжено сильной машиной, способной обеспечить скорость до 6 миль в час; кроме того, корабль должен иметь полное парусное вооружение.

Самое важное в таком судне – это постройка его с таким расчетом, чтобы оно могло выдержать давление льдов. Корабль должен иметь настолько покатые бока, чтобы напирающие на него льды не получали точки опоры и не могли его раздавить, как «Жаннетту» и другие суда различных арктических экспедиций, но выжимали бы его кверху. Для этого едва ли потребуются сколько-нибудь крупные изменения в конструкции судна; ведь даже «Жаннетта», несмотря на свою совершенно неподходящую форму, выдерживала сжатие ледяных тисков в течение почти двух лет. Кто видел корабль во время сжатия льдов, не станет сомневаться в том, что судну нетрудно придать более подходящую форму. Для той же цели судно должно быть небольших размеров, так как, во-первых, с маленьким судном легче маневрировать во льдах; во-вторых, во время сжатия льдов оно легче выжимается кверху, да и легче небольшому судну придать нужную прочность. Нечего и говорить, что судно должно быть построено из первосортного, отборного материала. Корабль указанной формы и величины не может, конечно, быть удобным и устойчивым для морского плавания, но это не особенно важно в забитых льдом водах, о которых здесь идет речь. Правда, прежде чем попасть в область льдов, придется пройти порядочный путь открытым морем, но ведь не будет же судно настолько

плохим, чтобы на нем вовсе нельзя было двигаться вперед, хотя пассажирам, подверженным морской болезни, придется, пожалуй, выплатить дань морским богам.

Если иметь такое судно, экипаж из десяти, самое большее двенадцати крепких, старательно подобранных людей и снабдить его на пять лет запасами снаряжения и продовольствия во всех отношениях наилучшего качества, какого только позволяют достичь современные средства, то я полагаю, что предприятие можно считать обеспеченным.

На таком корабле мы могли бы выйти в путь летом, как только установятся благоприятные условия, и попытаться пройти через Берингов пролив, затем дальше на запад вдоль северного побережья Сибири к Новосибирским островам. [\[36\]](#)

По прибытии к этим островам следует наилучшим образом воспользоваться временем для изучения течений и состояния льдов и, выждав хорошее время, пройти возможно дальше на север по чистой воде.

Судя по рассказам американских китобоев о ледовых условиях к северу от Берингова пролива, этого можно ожидать в августе или в начале сентября.

Затем мы могли бы попытаться пробиться сквозь льды как можно дальше на север. Опыт экспедиции на «Жаннетте» говорит о том, что нам, таким образом, удастся пройти дальше самого северного из Новосибирских островов. Во время дрейфа этой экспедиции во льдах к северу от острова Беннетта Де Лонг отметил в своем дневнике, что всюду на горизонте они видели «водяное небо», т. е. небо с темным отсветом чистой воды; значит, там может пройти прочный, приспособленный для плавания во льдах, корабль. Кроме того, следует напомнить, что экспедиция Де Лонга шла на лодках, отчасти по совершенно чистой воде, от самого острова Беннетта до сибирского побережья, где, как известно, большую часть участников ее постигла печальная участь.

Норденшельд не заходил к северу дальше самого южного из названных островов (в конце августа), но проход там был всюду свободен ото льда.

Существует, стало быть, вероятность того, что нам удастся пройти к северу дальше Новосибирских островов, где мы должны попасть в течение, которое несло «Жаннетту»; тогда все дело сведется к тому, чтобы пробиться возможно дальше на север, прежде чем нас скуют льды. [\[37\]](#)

Мы выберем удобное место, пришвартуемся к крупной льдине и предоставим льдам громоздиться вокруг нас сколько угодно – чем больше, тем лучше; от этого судно лишь приподнимется и сядет прочно и надежно. Возможно, что вследствие давления льда оно несколько накренится, но едва ли это будет иметь большое значение. С того времени забота о продвижении судна перейдет к течению, корабль из средств передвижения превратится в жилище, а мы сможем заняться научными наблюдениями.

Таким образом, наша экспедиция, судя по тому, что говорилось выше, будет, вероятно, перенесена через полюс к морю между Гренландией и Шпицбергенем. По достижении нами 80° северной широты или даже раньше, если это будет летом, мы, наверное, получим возможность освободиться из ледяных тисков и плыть на нем домой. Если же до этого времени корабль наш будет раздавлен льдами, что, конечно, не исключено, хотя это и кажется мне маловероятным, раз конструкция корабля будет такова, как я описал раньше, – то все же нашу экспедицию нельзя будет считать неудавшейся, так как путь на родину по-прежнему будет лежать по течению через полюс к Северо-Атлантическому бассейну. Дрейфующих льдов будет около нас достаточно, а дрейфовать нам не привыкать стать. [\[38\]](#) Если бы экспедиция «Жаннетты» была снабжена достаточным количеством продовольствия и осталась бы на той льдине, на которой были брошены найденные впоследствии вещи, то исход был бы, несомненно, иным. Судно, не выдержавшее сжатия, не может все-таки затонуть так скоро, чтобы люди не успели перебраться со всем снаряжением и

продовольствием на крепкую, заранее намеченную для этого льдину. В таком случае мы на льдине раскинем палатки, которые с этой целью берем с собой, а чтобы вернее сохранить свой провиант и остальное снаряжение, сложим его не в одном месте, а распределим по всей льдине и положим на плоты, которые сколотим из досок и бревен. Это предупредит опасность потопления снаряжения на тот случай, если льдина расколется пополам; именно при таких обстоятельствах и потерял часть своего имущества экипаж «Ганзы», более полугода дрейфовавший вдоль восточного берега Гренландии.

Для успешного исхода подобного путешествия необходимы только два условия: теплая одежда и хорошее п и т а н и е, но я уже сказал, что мы позаботимся об этом. Мы будем жить на нашей льдине в такой же безопасности, как и на корабле, и столь же благополучно доберемся до Гренландского моря. Разница будет лишь в том, что, очутившись в Гренландском море, мы вынуждены будем продолжать свой путь не на корабле, а на лодках, которые столь же верно доставят нас в ближайшую гавань.

Поэтому, я полагаю, у нас есть все основания рассчитывать на удачный исход проектируемой экспедиции.

Многие, однако, могут возразить: «Во всяком течении б ы в а ю т и обратные и боковые движения водных масс. Допустите, что вы попадете в одно из таких движений или, быть может, натолкнетесь у полюса на какую-либо неизвестную еще сушу и останетесь там. Как вы вернетесь оттуда?»

На это я отвечу лишь одно: что касается обратного течения, то из него мы все-таки в конце концов выйдем точно так же, как попали в него, – провианта ведь мы возьмем на пять лет. Что же касается второй возможности – наткнуться на сушу, то такой случай мы приветствовали бы с большой радостью, так как трудно найти на земном шаре место, представляющее больший научный интерес. Мы произвели бы на вновь открытой земле все наблюдения, какие только оказались бы возможными. Если же нам не удалось бы снова попасть с кораблем в дрейф, а время было бы на исходе, нам не оставалось бы ничего

другого, как, покинув корабль и захватив с собой лодки и необходимый провиант, постараться достигнуть ближайшего течения, чтобы предоставить ему возможность вынести нас, как было указано выше».

«Как долго может продлиться, по нашим предположениям, подобное путешествие?

Мы уже видели, что вещам, принадлежавшим команде «Жаннетты», потребовалось два года, чтобы дойти до 80° северной широты, куда мы с некоторой уверенностью можем рассчитывать прибыть после освобождения из льдов; это соответствует скорости течения около 2 морских миль в сутки.

Надо поэтому признать, что нет ничего невероятного в нашем предположении достигнуть цели в течение двух лет; возможно даже, что корабль освободится из льдов в более высоких широтах, чем мы предполагаем. Поэтому надо считать, что провианта, взятого из расчета на пять лет, окажется вполне достаточно.

Но не будут ли зимние холода в таких высоких широтах настолько сильными, что сделают невозможным пребывание там?

Это маловероятно. Больше того: мы можем со значительной долей уверенности сказать, что на самом полюсе зимой не так холодно, как, например, в северной Сибири, – а живут же люди в Сибири, – или в северной части западного берега Гренландии, тоже населенного. По расчетам метеорологов, средняя январская температура у полюса равна примерно $-36\text{ }^{\circ}\text{C}^{29}$, тогда как в Якутске она $-42\text{ }^{\circ}\text{C}$, а в Верхоянске $-48\text{ }^{\circ}\text{C}$. Надо думать, что полюс, по всей вероятности, покрыт морем, теряющим через лучеиспускание значительно меньше тепла, чем большие пространства суши, подобные равнинам Северной Азии. Области вокруг полюса имеют, по всей вероятности, морской климат со сравнительно мягкой зимой, но зато холодным летом.

Холод не может, таким образом, явиться существенной помехой в этих странах. Но остается одно зло, с которым приходилось бороться многим прошлым экспедициям и которое нельзя оставлять без внимания: это *цинга*. Продолжительное пребывание в таком холодном климате

бесспорно предрасполагает к заболеванию цингой, если не удастся получить свежую пищу. Я, однако, считаю себя вправе утверждать, что разнообразная и питательная пища, которую теперь готовят в виде герметически запаянных консервов, и добытые наукой данные о необходимых для человеческого организма питательных веществах позволят нам избежать этой опасности. Кроме того, по-моему, нечего опасаться полного отсутствия свежей пищи в тех водах, которые нам придется пересечь; белые медведи и тюлени, несомненно, будут встречаться нам далеко на Севере, пожалуй, вплоть до самого полюса. Можно упомянуть еще о том, что в море, как известно, водится масса мелких животных, которые в случае необходимости также могут идти в пищу.

Отсюда вытекает, что, как ни велики трудности, которые, по нашим предположениям, нас ожидают, их можно преодолеть при тщательном снаряжении экспедиции, удачном выборе ее участников и целесообразном ее режиме и добиться хороших результатов. Рассчитывать на то, что мы выйдем в открытое море между Гренландией и Шпицбергенем, можно с той же уверенностью, как и на то, что у Новосибирских островов войдем в течение «Жаннетты».

Но если это течение не идет прямо через полюс, если оно, например, проходит между ним и Землей Франца-Иосифа, как выше предполагалось, – что предпримет тогда экспедиция для достижения полюса? Тут, казалось бы, действительно кроется ахиллесова пята нашего плана; если корабль пройдет мимо полюса на расстоянии одного градуса, то и тогда было бы весьма неблагоприятно и опасно покинуть корабль посреди течения и пуститься в такой далекий путь на санях по неровному и находящемуся притом в постоянном движении льду. Если бы даже и удалось достигнуть полюса, то совершенно невероятно, чтобы потом на обратном пути нам удалось снова найти наше судно. Я думаю, однако, что достижение самого полюса имеет мало значения: *мы отправляемся не для того, чтобы отыскать математическую точку, составляющую северный конец земной оси; достижение этой точки само по себе малоценно, но чтобы произвести наблюдения в обширной*

неисследованной части земного шара, окружающей полюс. Научный интерес этих наблюдений не уменьшится от того, пройдет ли наш путь через самый полюс или же на некотором расстоянии от него».

В этом, вкратце изложенном здесь докладе я привел важнейшие данные, на которых основывался мой план. В последующие годы я продолжал изучать природу полярных морей и постоянно получал новые доказательства правильности моего предположения о течении через Северный Ледовитый океан. В сообщении, сделанном мною 28 сентября 1892 г. в Географическом обществе в Христиании, я привел некоторые из них. [\[39\]](#)

Я подчеркнул тот факт, что при сравнении толщины плавучего льда по обе стороны полюса бросается в глаза одно обстоятельство: на сибирской стороне, к северу от берегов Сибири, лед сравнительно тонок (льды, в которых дрейфовала «Жаннетта», были в большинстве своем не более 2,2–3,1 м толщиной), хотя эта часть относится к числу самых холодных мест земного шара, тогда как по другую сторону полюса льды, приносимые дрейфом с севера в море между Гренландией и Шпицбергом, отличаются необычной мощностью. Это, по моему мнению, можно объяснить лишь тем, что льды эти находятся в непрерывном движении от сибирского берега через Полярное море к восточным берегам Гренландии и Шпицбергену и в течение этого продолжительного дрейфа по неизвестному и холодному морю увеличивают свою толщину отчасти благодаря намерзанию, отчасти из-за постоянного спаивания (соединения) нескольких льдин в одну вследствие непрерывных сжатий.

В своем первом докладе я, между прочим, упомянул о том, что ил, найденный на этих плавучих льдах, видимо, указывает на их сибирское происхождение. Сначала я не придавал большого значения этому доказательству. При более тщательном исследовании проб ила, взятых мною во время Гренландской экспедиции [1888 г.], обнаружилось, что ил этот вряд ли может происходить из какого-либо другого места, кроме Сибири.

Доктор Тёрнебом в Стокгольме, изучавший минеральный состав этого ила, пришел к выводу, что в большей своей части он состоит из ила сибирских рек. В нем оказались частицы 20 различных минералов. «Большое количество различных минеральных составных частей, – говорит Тёрне-бом, – по моему мнению, указывает на то, что этот ил происходит из обширной области суши, которую всего естественнее искать в Северной Сибири». Кроме того, ил этот более чем наполовину состоял из перегноя или болотной земли.

Но интереснее самого ила оказались найденные в нем диатомеи, ^[40] исследованные профессором Клеве в Упсале. О них он сообщил следующее:

«Диатомеи эти, несомненно, морского происхождения (т. е. живущие в соленой воде), за исключением немногих пресноводных форм, занесенных ветром с суши. Содержащаяся в этой пыли диатомовая флора совершенно своеобразна и весьма отлична от той, которую я находил ранее во многих тысячах исследованных мною проб, за исключением одной, с которой она выказывает полное сходство. Эта последняя проба доставлена Киельманом, который собрал ее во время плавания «Веги» на льдине у мыса Ванкарем вблизи Берингова пролива».

Виды и разновидности в обоих образцах совершенно одни и те же. Клеве удалось определить 16 видов диатомей; все они содержатся и в иле с мыса Ванкарем, и 12 из них известны только оттуда и не встречаются нигде более. Такое удивительное сходство в пробах из столь удаленных друг от друга местностей не могло не обратить на себя внимания. Клеве, несомненно, прав, говоря: «Весьма замечательно, что флоры диатомей, найденные на льдинах вблизи Берингова пролива и у восточного берега Гренландии, столь полно совпадают между собой, отличаясь в то же время от всех прочих; это указывает на существование связи между морями, находящимися к востоку от Гренландии и к северу от Азии».

«Благодаря этому сообщению между морями, – продолжал я в своем докладе, – массы плавучего льда ежегодно переносятся через

неизвестное Полярное море. Тем же путем может следовать и наша экспедиция».

Когда я изложил этот план для всеобщего сведения, он встретил, конечно, у многих сочувствие, особенно в Норвегии. Энергичную поддержку оказал ему профессор Мон, который своим объяснением переноса остатков «Жаннетты» дал ему и первый толчок. Но, как и следовало ожидать, возражений было еще больше, особенно за пределами Норвегии. Многие полярные путешественники и лица, считавшиеся арктическими авторитетами, более или менее открыто заявили, что план этот – чистое безумие.^[41]

В ноябре 1892 г., за год до нашего отъезда, я доложил свой план на заседании Лондонского географического общества в присутствии наиболее видных английских полярных путешественников. После доклада открылись прения,^[42] которые ясно показали, в каком сильном противоречии стоял я с общепризнанными взглядами на природные условия внутри Полярного моря, на плавание во льдах и на способы осуществления экспедиции к Северному полюсу. Выдающийся полярный исследователь адмирал Леопольд Мак-Клинтон открыл прения следующим замечанием: «Я считаю себя вправе сказать, что это самый дерзновенный план из всех когда-либо доложенных Королевскому географическому обществу».

Он согласился с тем, что факты говорят о правильности моей теории, но выразил большое сомнение в том, что проект этот может быть приведен в исполнение. Особенно велика, по его мнению, опасность быть раздавленными льдом. Конечно, можно построить судно, достаточно крепкое для того, чтобы оно сопротивлялось давлению льда летом. Но поскольку мы будем подвергаться сжатиям и в зимние месяцы, когда «лед более похож на скалы, крепко сплотившиеся по бокам судна», то, по мнению Мак-Клинтона, «возможность того, чтобы судно выскользнуло поверх льда, очень сомнительна». Подобно большинству других оппонентов, он принимал за несомненное, что раз корабль отдастся во власть неумолимых полярных льдов, всякая надежда дожидаться его возвращения должна быть оставлена.

Адмирал закончил свою речь словами:

«Я желаю доктору Нансену скорого и полного успеха. Но когда он вернется, его многочисленные друзья в Англии почувствуют большое облегчение, в особенности те из них, кто хоть немного знаком с опасностями, всегда сопутствующими плаваниям во льдах, даже в странах, лежащих не так высоко на севере».

Адмирал Джордж Нэрс сказал:

«Известно, что для успеха плавания в ледовой области абсолютно необходимо держаться вблизи какого-нибудь берега. Чем дальше мы удаляемся от цивилизованного мира, тем более желательно иметь за собой разумный, свободный и безопасный путь для отступления.

В полном несогласии с этой аксиомой выступает руководящая идея Нансен – ввести свое судно добровольно в массу льдов, – судно, на котором должна быть сосредоточена вся надежда экспедиции, если плавание имеет в виду сколько-нибудь счастливый исход. Таким образом, руководитель экспедиции, вместо того чтобы управлять движением судна, обрекает себя на беспомощное перемещение по произволу естественного движения льда, в котором судно будет заключено. Если даже признать, что течения действительно таковы, как думает Нансен, то все-таки время, потребное для дрейфа вместе со льдами через полярную область, исчисляется многими годами. В продолжение этого времени лед вокруг судна, конечно, никогда не будет находиться в покое. Если даже и встретятся на пути неизвестные острова, само судно никогда не будет свободно от опасности быть раздавленным льдом.

Нам говорят, что для предохранения от этого судно должно иметь необыкновенную крепость и такую форму, которая бы позволила ему легко подниматься в случае давления льда на его борта. Мысль эта во всяком случае не новая. Но раз судно вмерзло в полярный лед, форма его не имеет никакого значения. Оно неподвижно заключено в окружающую ледяную глыбу и составляет нераздельную ее часть. Фактически формой судна станет тогда форма той льдины, в которую оно вмерзло. Это – факт первейшей важности, так как не существует

никаких указаний на то, чтобы судно, замерзшее в полярных льдах, не смерзалось бы с ними, а также, чтобы оно могло, хотя бы летом, подыматься вверх под влиянием сжатия, как независимое от окружающего льда тело».

Что касается предполагаемого дрейфа полярного льда, то Нэрс заявил, что он не согласен со мной в основном пункте. Он настаивал на том, что дрейф существенно определяется преобладающими ветрами, и сказал:

«Относительно вероятного направления дрейфа «Фрама» можно ожидать, что, выйдя поблизости от устья Лены, он встретит главные массы плавучего льда не далее чем под $76^{\circ}30$ с. ш. Я сомневаюсь, чтобы он прошел севернее, не будучи затерт льдами. Но если даже допустить исключительную удачу и то, что судно пройдет миль на 60 дальше, все-таки оно будет находиться тогда только на широте мыса Челюскина, в 730 милях от полюса и приблизительно в 600 милях от предполагаемой мною границы морского течения, которое может принести его домой. (Здесь Нэрс говорил о Полярном течении, спускающемся вдоль восточного берега Гренландии.) Внимательное изучение всех существующих данных позволяет думать, что ветер скорее понесет судно на восток, чем на запад. Так как на севере от судна будет лежать загроможденное льдами море, а к югу более открытая вода или молодой лед, то шансы на перенос судна в северном направлении, вначале во всяком случае, незначительны, и затем, право, я не знаю никаких естественных сил, которые могли бы отнести судно в сколько-нибудь мыслимое время значительно дальше от сибирского берега, чем была унесена «Жаннетта».

Если в продолжение этого времени судно не попадет под прикрытие новооткрытых земель, оно будет недвижно заключено в плавучем льду и подвержено всем связанным с этим опасностям. Но нет сомнения, что через область, которую предполагается исследовать, существует связь между океанами».

В одном пункте Нэрс, однако, согласился со мной: в мнении, «что главной целью таких путешествий является исследование неизвестной

полярной области, а не достижение точно математической точки, на которой расположен северный конец оси земного шара». [\[43\]](#)

Аллен Юнг сказал, между прочим:

«Доктор Нансен полагает, что белое пятно вокруг земной оси покрыто водою или льдом, я же считаю самой большой опасностью то, что почти во всех направлениях полюс окружен сушей. Большинство прошлых мореплавателей постоянно усматривали землю все далее и далее на севере. Предметы с «Жаннетты» могли приплыть к тому месту, где их нашли, через узкие проливы. Мне представляется крайне опасным для корабля отдаться во власть дрейфа на таком пути, где он рискует наткнуться на сушу, которая может его задержать на долгие годы».

Форме судна Юнг не придавал большого значения, так как «если судно крепко захвачено льдом, то вопрос лишь в том, возникнет ли во льдах какое-либо движение, могущее выжать судно кверху, или нет. Если такого движения не будет, судно, как бы оно ни было построено, неизбежно будет раздавлено льдами».

Некоторые авторитеты высказались, однако, в пользу моего плана. Это был полярный путешественник адмирал Эдуард Инглфилд [\[44\]](#) и начальник Английского гидрографического департамента капитан Уортон.

Адмирал Джордж Ричардс написал в Географическое общество по поводу моего доклада следующее:

«Сожалею, что вынужден высказаться против проекта, но я считаю, что, когда на карту ставится так много, долг каждого, кто имеет хоть какой-либо авторитет, откровенно и до конца высказать свое мнение».

О течениях Ричардс, между прочим, писал: «Я думаю, что существует постоянное истечение (я предпочитаю это выражение слову «течение») с севера, из-за того что вода из полярной области вытесняется покрывающим ее ледяным покровом, который вследствие скопления на нем громадных масс снега постепенно возрастает в своей мощности и весе».

Это истечение полярных вод, по его мнению, существует со всех сторон полюса, но особенно сильно оно в области, заключенной между западной стороной архипелага Парри (на севере Америки) и Шпицбергом, против этого истечения и приходилось бороться всем прошлым экспедициям.

Ричардс, по-видимому, совсем не принимал в расчет ни «Тегеттгофа», ни «Жаннетты» и не находил «никакого основания для подтверждения мнения о том, что от Новосибирских островов идет на север через полюс течение, как думает об этом доктор Нансен». Далее он заявил:

«По-моему, если экспедиция действительно проникнет за ту границу, которую можно назвать внутренним кругом, ну, скажем, за 78° северной широты, там нельзя ожидать встречи даже с небольшим течением, которое оказало бы какое-либо влияние на передвижение судна, затертого льдом. Только когда судно выйдет из этого круга в открытые широкие каналы, где лед уже не будет сплошным, оно может испытать влияние течений; здесь лед осенью будет, конечно, более тонким и рыхлым, и, следовательно, менее опасным для судна.

Из внутреннего круга выносятся наружу, вероятно, лишь небольшое количество льда, а там он становится с каждым годом все сплоченнее и массивнее и создает, по-видимому, непреодолимые препятствия для всякого продвижения судна. Это те льды, которые были принесены к зимовке Нэрса у северного конца пролива Смита, приблизительно под 82°30 северной широты. С таким льдом боролся Маркхем во время своей санной экспедиции. Противостоять таким льдам не может никакая человеческая сила».

Находке вещей с «Жаннетты» Ричардс не придавал существенного значения.^[45] «Так как они найдены в Гренландии, – заявил Ричардс, – то могли быть принесены льдиной из окрестностей пролива Смита и принадлежат какой-либо из американских экспедиций, посланных на помощь Грили». Можно также, по его мнению, предположить, что документы Де Лонга, как и другие предметы с «Жаннетты», были взяты с собой какой-либо американской экспедицией. Однако он нигде не

говорит определенно о существовании каких-либо доказательств в пользу такого мнения.

Подобное же письмо в Географическое общество прислал знаменитый ботаник Джозеф Хукер: [\[46\]](#)

«План доктора Нансена существенно отличается от всех, получивших до сих пор осуществление в целях полярных открытий, и как по этой причине, так и потому, что сопряжен с большими опасностями, он требует тщательного рассмотрения... Из моего трехлетнего опыта плаваний в антарктических водах я почерпнул уверенность, что судно, как бы прочно оно ни было построено, не может долго противостоять разрушению, если оно предоставлено во власть полярных льдов. Судно, построенное столь прочно, как «Фрам», несомненно, способно сопротивляться значительному давлению разреженного льда в открытом море, хотя бы даже и многолетнего, но отнюдь не сжатиям, особенно повторным сжатиям, а тем более толчкам сплоченного полярного льда, когда судно вместе с ним или его силой будет прижато к берегу. Форма «Фрама» может оказаться полезной лишь до тех пор, пока корма и нос его подняты равномерно, т. е. судно сохраняет вертикальное положение или лежит во льду на небольшой высоте над уровнем воды; если же судно окажется среди мощных льдов или между льдами и айсбергом или же начнется давление по направлению длины судна, его форма ни малейшего значения иметь не будет».

Знаменательный день – 26 октября 1892 г. – спуск корабля («Фрама») на воду со стапеля

Если бы «Фрам» был принесен к берегам Гренландии или к островам Американского полярного архипелага, то, по мнению Хукера, высадка на сушу хотя и мыслима, но нет ни малейшей надежды спасти «ослабленный и, по всей вероятности, уменьшившийся экипаж на бесприютном, покрытом льдом берегу или громадных льдинах палеокристического (т. е. сплошь заполненного льдом) моря».

«Не говоря уже о возможности цинги, против которой еще нет верных профилактических средств, нужно еще учесть, что на моральном состоянии экипажа скажется угнетающее влияние таких факторов, как продолжительное пребывание в тесных помещениях в течение многих месяцев полярной ночи, жестокий холод, бездействие, скука, постоянные опасности и полная неуверенность в будущем. Побочные занятия и обязанности не в состоянии предотвратить влияние этих условий; они едва ли смягчат их, скорее даже обострят. Я не считаю цель доктора Нансена недостижимой при тех средствах, которые имеются в его распоряжении; но я не считаю, по правде говоря, что успех подобного предприятия может служить оправданием, чтобы из-за него рисковать столькими драгоценными жизнями, и заключаю свои слова надеждой, что доктор Нансен приложит свое удивительное

мужество, искусство и способности для выполнения какой-либо менее опасной попытки раскрыть тайны арктической области».

Американский генерал Грили, начальник известной несчастной полярной экспедиции (1881–1884), написал для американской газеты «The Forum» (август 1891 г.) статью, в которой, между прочим, говорится:

«Мне представляется почти невероятным, чтобы план, составленный доктором Нансеном, нашел поддержку или даже сочувствие. По-моему он основан на ложных представлениях о физических условиях арктических стран и, если его попытаются осуществить, обещает лишь бесполезные результаты, не говоря уже о том, что он грозит смертью и страданиями участникам экспедиции. Насколько мне известно, у доктора Нансена нет никакого опыта в арктических исследованиях; его путешествие через Гренландию, какими бы оно ни сопровождалось трудностями, представляет из себя не большее полярное предприятие, чем, например, восхождение на гору Св. Ильи. [\[47\]](#)

Весьма сомнительно, чтобы какой-либо гидролог стал всерьез обсуждать его теорию полярных течений или какой-либо полярный путешественник присоединился к его проекту.

Найдется, пожалуй, дюжина людей, настолько опытных в арктических исследованиях, что фактическая поддержка ими проекта, даже если она будет исходить от почтенного меньшинства, сделает его заслуживающим внимания и внушит к нему доверие. Таковы в Англии – адмирал Мак-Клин-ток, Ричардс, Коллинсон, Нэрс, капитан Маркхем, Аллен Юнг и Лей-Смит; в Германии – Кольдевей; в Австрии – Пайер; в Швеции – Норденшельд и в нашей стране – Мельвилль. Я, однако, убежден, что из них не найдется даже двоих, которые сочли бы возможным осуществить первую идею Нансена – построить судно, способное уцелеть при плавании в тяжелых арктических льдах там, куда Нансен намеревается его провести. Еще более рискованна другая идея Нансена – его намерение дрейфовать на протяжении 2000 морских миль по прямой линии через неизвестную область и во все время этого

дрейфа, который будет тянуться два года или больше, жить на льдине, куда экспедиция высадится, взяв с собою – по слухам – только лодки».

Затем Грили перешел к доказательству ложности предположений, на которых был основан мой план. Относительно находки вещей с «Жаннетты» он прямо заявил, что не верит в эту находку.

«Конечно, какие-то вещи, принесенные течением, были найдены, но правильнее думать, что они принадлежат «Протею», ^[48] погибшему в проливе Смита приблизительно в 1000 морских миль к северу от Юлианехоба...

Далее, важно обратить внимание на то, что если бы находки действительно принадлежали «Жаннетте», то ближайший путь их через полюс проходил бы не вдоль восточного берега Гренландии, а вниз по каналу Кеннеди, через пролив Смита и Баффинов залив, т. е. по тому самому пути, по которому могли пройти вещи, принадлежащие «Протею».

К самому полюсу, по словам Грили, нельзя подойти на близкое расстояние, так как «мы знаем почти с такой же достоверностью, как если бы видели это собственными глазами, что в этих неисследованных областях находится обширная суша, являющаяся колыбелью столообразных айсбергов ^[49] и палеокристического льда ^[50]». Сам полюс должен лежать внутри этой покрытой ледниками земли, которая, по мнению Грили, имеет более 300 миль в поперечнике и посылает ледяные горы как к Гренландии, так и к Земле Франца-Иосифа.

«Что же касается неуязвимого судна, – замечает Грили, – то оно, конечно, представляет для доктора Нансена вещь крайне желательную». Однако, по мнению Грили, такое судно нельзя построить. «По-видимому, по мнению доктора Нансена, вопрос о придании судну такой формы, которая бы дала кораблю наибольшую силу сопротивления сжатиям льда, еще не разрешен, хотя на это дело китоловными и тюленепромышленными компаниями Шотландии и Ньюфаундленда истрачены сотни тысяч долларов».

В качестве авторитета Грили цитировал Мельвилля и заявил: «Всякий опытный полярный путешественник согласится с мнением

Мельвилля, что никакое судно, даже будь оно сплошь построено из массивных бревен, не в состоянии выдержать сжатия тяжелых полярных льдов».

В ответ на мое утверждение о том, что лед вблизи сибирских берегов сравнительно тонок (2–3 м толщиной), он цитирует опять же Мельвилля, который сообщает о льде «в 16 метров высоту» (такого льда мы, однако, не видели в течение всего нашего путешествия).

Установив с помощью еще многих других решительных доказательств, что «Фрам» непременно должен пойти ко дну, как только он подвергнется ледовым сжатиям, Грили перешел затем к доказательству невозможности перехода среди льдов на лодках. Свою статью он закончил следующим утверждением: «Путешествия для арктических открытий, предпринимаемые даже по известным и общепринятым методам, требуют такой безрассудной смелости и сопряжены с такими опасностями, что было бы слишком тяжело взваливать на них еще бремя *бессмысленного проекта самоубийства доктора Нансена*».

В статье, напечатанной Грили, после нашего возвращения, в «Harper's Weekly» (в номере от 19 сентября 1896 г.), он, по-видимому, приходит к заключению о подлинности остатков «Жаннетты» и правильности моих предположений относительно пути, который ими пройден, причем ссылается на то, что «Мельвилль, Долль и другие» тоже в это не верили. Грили признает также, что мой план выполнен наперекор ему.

На этот раз он закончил свою статью следующим замечанием: «Если сопоставить экспедиции Де Лонга и Нансена, то необходимо указать на одно пятно, омрачающее столь блестящий в других отношениях лавровый венок Нансена, а именно то, что он самовольно покинул своих товарищей на затертом во льдах судне, в сотнях миль от всякой известной суши и сделал это с намерением не вернуться обратно, а, как он сам говорит, «идти за 600 миль к Шпицбергену, где он рассчитывает найти какое-нибудь судно». Де Лонг и Амблер обладали настолько развитым чувством чести, что предпочли жертвовать своей

жизнью, чем разлучиться со своим умирающим экипажем, хотя они не могли спасти его своим присутствием. Всякий согласится, что Нансен, таким образом, пренебрег священнейшим долгом начальника экспедиции. Счастливое возвращение мужественного капитана Свердрупа вместе с «Фрамом» не оправдывает Нансена. Верность, мужество и искусство Свердрупа, который остался на «Фраме» и доставил своих товарищей в Норвегию, увенчивают его в глазах многих более славными лаврами, чем те, которые выпадут на долю его предприимчивого и даровитого предводителя». ^[51]

Одним из немногих научных авторитетов, высказавших открыто свое одобрение моему плану, был профессор Зупан, известный редактор «*Petermanns Mitteilungen*». В статье, помещенной в этом журнале (за 1891 г., с. 191), он не только высказался в теплых выражениях в пользу моего плана, но и подкрепил его новыми соображениями. В частности, он указал, что так называемый «арктический ветрораздел» делит, по-видимому, в течение большей части года неисследованный Полярный бассейн на две части. В восточной части господствующие ветры дуют, видимо, к Берингову морю, тогда как в западной части преобладают ветры, дующие к Атлантическому океану. Большую часть года, по его мнению, этот ветрораздел должен лежать ближе к Берингову морю, и господствующие ветры, в той части полярной области, через которую мы намеревались пройти, должны благоприятствовать нашему дрейфу. Как показал наш опыт, правильность этой теории Зупана поразительно точно подтвердилась.

Следует упомянуть еще о том, что известный шотландский натуралист доктор Джон Муррей неоднократно высказывался за правильность моего плана. Уже в 1888 г., когда я, по пути в Гренландию, говорил с ним по этому поводу в Эдинбурге, он заявил мне, что согласен со мною в вопросе о вероятном дрейфе полярных льдов.

Нынешний президент Географического общества в Лондоне Климентс Маркхем, ^[52] не присутствовавший на упомянутом выше заседании, позднее открыто выразил уверенность в счастливом исходе экспедиции. Интересно, что этот выдающийся арктический

исследователь еще 20 лет тому назад в своем обзоре результатов полярной экспедиции Нэрса пришел к следующим выводам: во-первых, что через Полярное море «должно идти течение из восточного полушария в западное»; во-вторых, что «Земля Франца-Иосифа, по-видимому, составляет продолжение Шпицбергенской группы и поднимается из того же мелководного моря, тогда как к северу от Земли Франца-Иосифа море, вероятно, глубоко»; в-третьих, что хотя переход через границы неизвестного в Полярном море к северу от Сибири сопряжен «со страшными трудностями», тем не менее «важные открытия вознаграждают будущего путешественника, который смело и успешно продвинется по этому направлению на север». [\[53\]](#)

Глава первая Подготовка и снаряжение

Несмотря на кажущуюся дерзость свою, мой проект встретил сильную поддержку в Норвегии. В стортинг было внесено королевское предложение ассигновать на осуществление плана 200 000 крон, что предположительно составляло две трети всех расходов. Последнюю треть я рассчитывал получить частным путем, так как с разных сторон заручился обещаниями о поддержке. Еще при возвращении из гренландского путешествия консул Аксель Хейберг предоставил в мое распоряжение 10 000 крон для новой экспедиции. Ему же принадлежит инициатива открытия общественной подписки для сбора недостающих сумм.

30 июня 1890 г. просимая мною сумма была утверждена стортингом, который при этом выразил желание, чтобы экспедиция была *норвежской*. В январе 1891 г. коммерсант Томас Фирнлэй, консул Аксель Хейберг и владелец пивоваренного завода Элlef Рингнес приступили к сбору недостававшей суммы, и спустя несколько дней она была покрыта с избытком пожертвованиями короля Оскара, Акселя Хейберга, Антона Кр. Хоуэна, К. И. А. Дика, Т. Фирнлэя, Рингнеса и К°, А. С. Квестеруда, К. Сунна, Весте Эгеберга, Халвора Шоу, Харальда Веделя Ярлсберга, К. Левеншёльда и Николая Х. Кнудсона.

Из числа жертвователей за пределами Норвегии следует отметить Королевское географическое общество в Лондоне, которое выказало

свое сочувствие предприятию, ассигновав 300 фунтов стерлингов. Оскар Диксон^[54] принял на себя оплату электроосветительного оборудования корабля (динамо-машина, аккумуляторы, проводники).

В ходе подготовки оказалось, однако, что первоначальная смета совершенно недостаточна, главным образом из-за того, что стоимость судна, исчисленная в 150 000 крон, увеличилась на 100 000 крон. Я не считал себя вправе экономить там, где на карту было поставлено так много и где ряд экстренных мероприятий мог, как я полагал, обеспечить успех экспедиции. Те же три лица, которые открыли первую подписку, взяли на себя обязанности «Комитета содействия», к которому перешла вся деловая и финансовая сторона подготовки экспедиции. Для покрытия упомянутого дефицита они вместе с некоторыми членами правления и совета Географического общества открыли новый сбор частных пожертвований по всей стране. Затем Географическое общество уже от своего имени объявило национальную подписку. Мне, со своей стороны, пришлось просить стортинг о дополнительном ассигновании 80 000 крон, и наше национальное собрание снова проявило свое сочувствие предприятию, разрешив 9 июня 1893 г. это ассигнование.

Наконец, последний дефицит, обнаружившийся перед самым отъездом, покрыли консул Аксель Хейберг, мистер Дик и я сам. Все расходы в целом достигли 450 000 крон.

Из изложенного выше плана видно, что первостепенное значение для нашей экспедиции имела постройка корабля, на котором нам предстояло пересечь опасные ледовые области. И действительно, наш корабль был построен с большей тщательностью, нежели како-либо другое судно, бороздившее до сих пор арктические воды. В известном норвежском кораблестроителе Колине Арчере из Ларвика я нашел человека, который вполне понял поставленную перед ним задачу и вложил в разрешение ее всю свою энергию, предусмотрительно-сть и редкую аккуратность. Благополучным исходом нашего плаванья мы в немалой степени обязаны этому человеку. Пересматривая историю длинного ряда предыдущих экспедиций, невольно удивляешься тому, что, за исключением двух-трех, они не строили собственных судов,

специально приспособленных для данной цели, большинство довольствовалось такими судами, которые первоначально даже не предназначались для плавания во льдах. Это тем более поражает, если припомнить, какими суммами для своего снаряжения располагали некоторые из экспедиций. По всей вероятности, объясняется это поспешностью, с какой обычно снаряжались эти экспедиции, не оставлявшие себе времени для более тщательной подготовки. Готовиться они зачастую начинали лишь месяца за два до отправления. За такой короткий срок и наша экспедиция, конечно, не могла бы снарядиться как следует. Так как она должна была продолжаться три года, то и подготовка к ней заняла не меньше времени, тогда как самый план был готов трижды тремя годами раньше.

Ева Нансен в 1893 г.

Эту фотографию Нансен очень любил

Один чертеж будущего корабля за другим составлял Арчер, модель за моделью утверждалась и опять отвергалась. Все новые улучшения и изменения. Форма корабля, на которой мы, наконец, остановились, многим, быть может, покажется некрасивой, но что она была хороша и целесообразна, думается, доказало наше плавание. К чему мы главным образом, как я уже сказал, стремились, это – придать корпусу судна такую форму, чтобы льды легко выжимали его кверху и оно не подвергалось бы риску быть раздавленным.

Колин Арчер, строитель «Фрама»

Грили, Нэрс и другие, конечно, правы, говоря, что это не новая идея. Я сам основывался в своем стремлении лишь на печальном опыте предыдущих экспедиций. И если мы вообще внесли со своей стороны что-либо новое, то, пожалуй, во-первых, то, что мы не только знали, какую форму должно иметь судно, но и действительно придали ему эту форму, а тем самым и необходимую сопротивляемость давлению льдов, а во-вторых, то, что идея придания кораблю такой сопротивляемости была главенствующей, определявшей весь ход постройки нашего корабля. Колин Арчер был прав, когда в своей статье в «Norsk Tidsskrift for Sovasen» («Норвежский журнал мореходства») в 1892 г. писал: «Если принять во внимание, что, так сказать, составляет основную идею предложенного доктором Нансеном плана его экспедиции к Северному полюсу <...>, то нетрудно понять, что судно, построенное исключительно с одной этой целью, должно существенно отличаться от всех до сих пор известных судов... При постройке этого судна следует ответить на два требования: во-первых, придать корпусу такую форму, которая по возможности представляла бы наименьшую поверхность соприкосновения с давящим на него льдом, и, во-вторых, построить корпус так прочно, чтобы он противостоял самому сильному внешнему давлению в любом мыслимом направлении».

Фритъоф Нансен в каюте «Фрама»

Кроме того, при постройке судна мы рассчитывали не столько на его скорость и ходкость под парусами, сколько на то, чтобы оно представляло прочное, надежное и теплое убежище для экипажа на время длительного дрейфа во льдах.

Как выше упомянуто, предполагалось построить судно по возможности меньших размеров. Малое судно, само собою разумеется, легче большого и, по отношению к своему весу, может быть сделано прочнее. К тому же малое судно удобнее для плавания во льдах: им легче маневрировать в критические минуты и его легче ввести в безопасную стоянку между нагромождающимися друг на друга льдинами.

Я полагал, что для наших целей вполне достаточно судно в 170 регистровых тонн. Однако «Фрам» вышел значительно больше; он имеет 402 регистровых тонны ^[55] брутто и вместимость 307 т нетто. Мы стремились также уменьшить длину корпуса корабля, чтобы легче было лавировать между ледяными полями; большая длина создает, кроме того, большую опасность при сжатиях. Но для того чтобы такой короткий корабль, отличающийся, кроме всего прочего, сильно выпуклыми боками, имел необходимую грузоподъемность, он должен быть и широким; ширина «Фрама» составила около одной трети его длины. И еще одну важную задачу мы поставили себе – сделать бока корабля как можно более гладкими, без всяких выступов и граней, и вместе с тем обойтись без больших плоских поверхностей вблизи тех мест, где корпус наиболее подвержен напору льдов. Вот почему корпус судна получил округлые, полные обводы. Нос, верхняя часть кормы, киль – все было округлено так, что льду не за что было зацепиться. Из этих же соображений киль глубоко вдвинули в корабельную обшивку, он выступал из нее лишь на 7 см, а края его также округлили. Все клонилось к тому, чтобы «судно выскальзывало из ледовых объятий как угорь».

Ева и Лив

Художник Вереншельд. 1893 г.

Корпус судна был снабжен и спереди, и с кормы острыми штевнями и формой своей напоминал лоцманский бот, если снять с него киль и шпунтовые пояса.^[56] И носу и корме придана была исключительная прочность. Форштевень состоял из трех толстых дубовых балок, наложенных одна в другую и имеющих общую толщину в 1,25 м; от них внутрь шли массивные дубовые, окованные железом шпангоуты^[57] для скрепления стенок судна, а от тех уже отходили кницы к палубным бимсам.^[58]

Вдоль передней наружной стороны форштевня залегал железный штевень,^[59] а на него наложены были еще железные шины, проходящие поперек носа и по обеим сторонам направленные немного назад, как это обычно делается на промысловых китобойных судах.

Корма получила особую, довольно своеобразную конструкцию. По обеим сторонам ее, вокруг рулевой рамы и ахтерштевня, имеющих толщину в 65 см, были положены массивные дубовые балки, которые следовали за изгибом кормы, вплоть до верхней палубы. Таким путем получался как бы двойной ахтерштевень. По наружной стороне его шла обшивка из дубовых досок, в свою очередь защищенная снаружи в кормовой части судна толстыми железными листами.

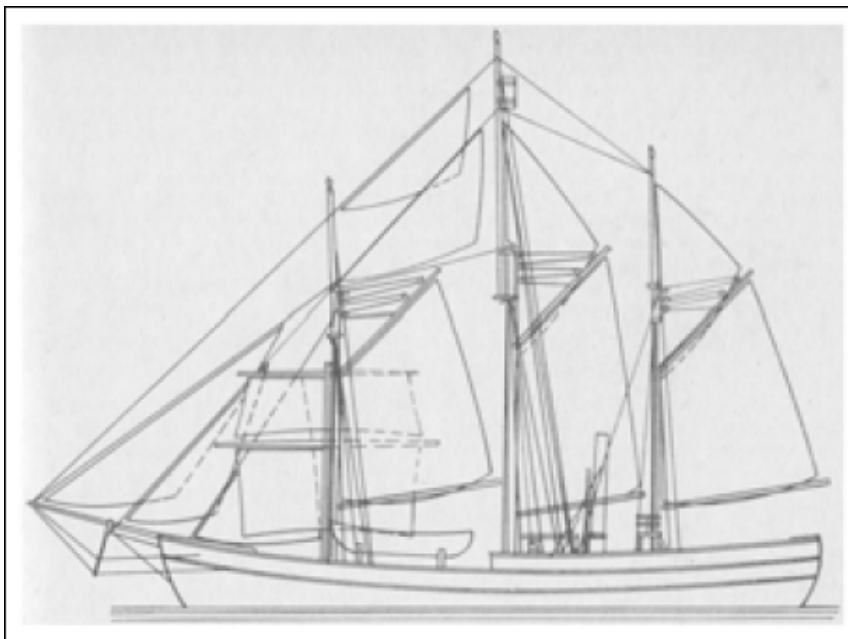
Между двумя названными балками в корме находились колодцы для винта и руля, через которые они могли быть подняты на палубу. Такие приспособления для винта имеются на всех китобойных судах, чтобы в случае повреждения винта напором льда его легко можно было заменить новым. Но для руля такое устройство обычно не делается. Благодаря нововведению мы с нашим немногочисленным экипажем получили возможность с помощью шпиля (ворота) при сильном или внезапном давлении льда или другом подобном случае поднять руль на палубу в течение нескольких минут. А я сам видел, что смена руля на китобойном судне при экипаже в 60 человек занимала многие часы, а иногда даже целый день.

Вообще корма представляет собой ахиллесову пятю судна, предназначенного для плавания среди льдов. В корме лед может легче

всего нанести повреждения, сломать, например, руль. На «Фраме», чтобы защитить руль, его посадили возможно глубже, так, что снаружи он вовсе не был виден над водой. Когда льдина ударяла в судно с кормы, она встречала крепкую рулевую раму и навряд ли могла задеть самый руль.

Разумеется, сделано было все возможное, чтобы обеспечить наибольшую прочность бортов судна. Шпангоуты были сделаны из первосортного итальянского дуба, предназначавшегося первоначально для норвежского военного флота и вылежавшего под крышей тридцать лет. Это был вполне рослый корабельный лес 25–28 см толщины. Шпангоуты делались из двух плах, тщательно пригонялись и соединялись болтами, из которых часть заклепывалась. Каждый шов покрывался железными полосами. При ширине каждого шпангоута около 56 см, они размещались возможно теснее друг к другу с промежутками всего в 3–4 см, причем эти промежутки залили варом с опилками, чтобы судно сохраняло водонепроницаемость, даже если наружная обшивка будет пробита насквозь.

Снаружи шпангоуты были защищены тройной обшивкой. Ближайшая, из дубовой доски толщиной в 7,5 см, была прибита к ним и проконопачена. На ней лежала вторая дубовая обшивка толщиной в 10 см, укрепленная болтами, проходящими сквозь первую. Третья, наружная, так называемая «ледяная обшивка», из гринхарта, ^[60] как и первые две, шла вплоть до киля. На ватерлинии она имела толщину 15 см и выступала над корпусом на 7,5 см. Крепилась эта обшивка гвоздями и «ершами», не проходившими сквозь остальные обшивки, так что лед мог содрать всю «ледяную обшивку» и все-таки корпус судна не потерпел бы от этого большого ущерба. Изнутри шпангоуты были защищены досками из пичпайна ^[61] толщиной от 10 до 20 см, и эта обшивка также была дважды тщательно проконопачена.

Так был оснащен «Фрам» во время первого плавания (1893–1896)

Общая толщина бортов судна, состоящих, таким образом, из крепкой водонепроницаемой массы дерева, достигала 70–80 см. Ясно, что такие бока, да еще выпуклой формы сами по себе могли оказать льдам достаточное сопротивление. Но чтобы придать им еще большую прочность, надо было их укрепить изнутри всеми возможными способами. Внутренность судна была пронизана паутиной балок, подпорок и распорок. Бимсы верхней и средней палуб были большей частью из толстого дуба и отчасти из пич-пайна. Все эти балки тесно связывались между собой и с бортами судна многочисленными подпорками, массивными кницами и железными скрепами. При постановке книц, естественно, требовалось, чтобы они ставились по возможности перпендикулярно к бортам судна, чтобы корпус лучше сопротивлялся давлению извне и чтобы это давление распределялось на большое пространство. Для той же цели ставились вертикальные подпорки между обоими рядами палубных бимсов и между нижними бимсами и кильсоном (внутренний киль, положенный поверх шпангоутов, вдоль основного кия). Все это было связано между собой

крепкими металлическими угольниками и обоймами и в целом создавало как бы единую нераздельную массу. Тогда как в прежних экспедициях обыкновенно особые подпорки придавались только нескольким средним балкам судна, на «Фраме» таким образом поддерживалась каждая балка палубы.

В машинном отделении не было, конечно, места для подпорок в середине; вместо них поставили по две кницы с каждой стороны. Балки средней (жилой) палубы положили немного ниже ватерлинии, там, где давление во время напора льда должно было быть наибольшим. В кормовой части пришлось этот ряд бимсов несколько поднять, чтобы дать место машине. По этой же причине каютная палуба получила в корме большую высоту по сравнению с остальной главной палубой, и на судне, таким образом, создавался навес или полупалуба, под которой нашлось место для кают всех членов экспедиции и камбуза. Вдоль всего судна по внутренней стороне корпуса в каждом промежутке между шпангоутами были поставлены крепкие железные стрингеры (продольные связи), проходящие от бимсов верхней палубы до кильсона. Этот последний состоял из двух слоев и имел высоту приблизительно в 80 см, исключая машинное отделение, где высота помещения не позволяла положить более одного слоя. Киль был сделан из двух толстых балок американского вяза, толщиной в 35 см (в поперечнике). Но, как уже упоминалось, он был так глубоко вделан, что только на 7 см выдавался из-под наружной «ледяной обшивки». Бока судна округлялись от бортов книзу таким образом, что поперечный разрез корпуса в средней части судна сильно напоминал расколотый надвое кокосовый орех. Чем больше такое судно подымается над водою, тем тяжелее оно, разумеется, становится, и тем сильнее его боковое давление на лед, но зато и тем легче льдам выжимать его наверх – в силу самой его формы. Для предотвращения слишком сильного крена, если корпус подыметесь очень высоко, днище сделали довольно плоским.

Я пытался экспериментальным путем определить силу трения льда о дерево. Вычислив затем крепость судна и приняв во внимание угол, образуемый его боками с поверхностью воды, я пришел к заключению,

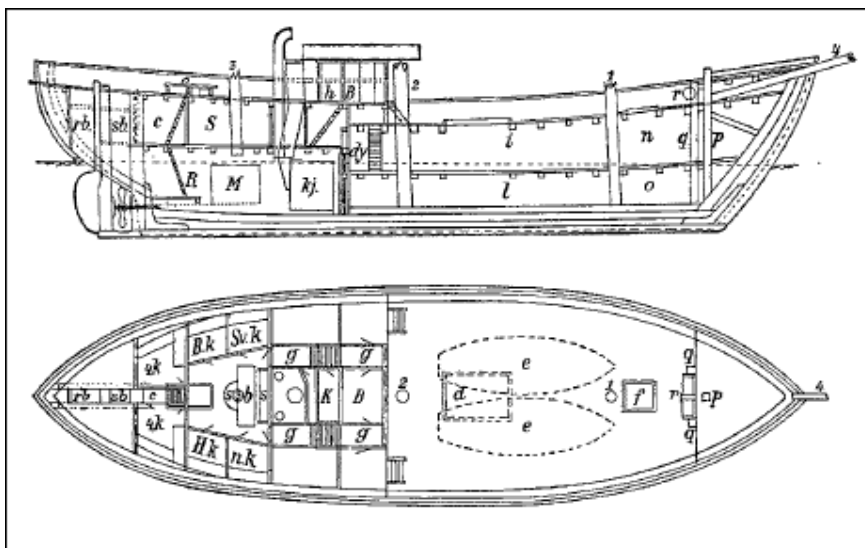
что крепость судна во много раз превысит ту силу, какая нужна для сопротивления давлению, достаточному для того, чтобы выжать судно вверх. Практика подтвердила правильность этих расчетов.

Основные размеры судна были следующие (в метрах): длина по килю – 31, длина по ватерлинии – 34,5, длина по палубе, включая оба штевня, – 39, ширина по ватерлинии без «ледовой обшивки» – 10,4, наибольшая ширина без «ледовой обшивки» – 11, глубина трюма – 5,25, осадка при неполной нагрузке – 3,75; водоизмещение при неполной нагрузке – 530 т; водоизмещение при осадке в 4,75 м – 800 т; в последнем случае судно имело надводный борт приблизительно в 1 м. Корпус судна с наполненными котлами по расчету должен был весить 420 т, и, следовательно, при водоизмещении в 800 т оставалась в запасе грузоподъемность в 380 т для угля и прочего груза. Кроме необходимого для людей и собак продовольствия более чем на пять лет, мы могли еще взять с собой запас угля на четыре месяца полного хода, что было за глаза достаточно для такой экспедиции, как наша.

Самой важной задачей по отношению к такелажу (оснастке) было устроить его возможно проще и прочнее и в то же время так, чтобы он представлял наименьшее сопротивление при движении судна под парами. Кроме того, при малочисленности экипажа было весьма важно, чтобы снастями легко было управлять с палубы. Поэтому, по совету капитана Свердрупа, «Фрам» был оснащен как трехмачтовая шхуна (fore-and-aft-skonnert).^[62] Это не одобрялось многими нашими старыми полярными мореходами, привыкшими всю свою жизнь плавать на кораблях с тяжелым такелажем и полагавшими со свойственным им консерватизмом, что лишь то, чем они сами пользовались, годится для плавания во льдах. Для нас, однако, такая оснастка оказалась наилучшей. Кроме обыкновенных косых парусов, на передней мачте мы имели две свободные реи для брейтфока (четырёхугольный парус) и топселя (верхний рейковый парус).^[63] Мачты были довольно высокие. Средняя – высотой в 24,5 м, гротстеньга – 15,5 м. Дозорная бочка на вершине мачты находилась примерно на высоте 32 м над уровнем моря. Поместить ее возможно выше нужно было для того, чтобы иметь

наиболее обширный кругозор в ясную погоду при отыскании пути среди льдов. Общая поверхность парусов составляла около 600 кв. м.

Машина судна была сделана особенно тщательно. Она была создана в механической мастерской Акера и своей конструкцией обязана инженеру Нербеку, который с большим знанием дела предусмотрел возможные случайности и принял против них необходимые меры. Как самая экономная в отношении расхода угля, была выбрана машина тройного расширения. Но всегда есть некоторый риск, что тот или иной цилиндр выйдет из строя; особое приспособление позволяло выключать любой цилиндр и обходиться двумя или даже одним цилиндром. Таким образом, простым закрытием одного или двух кранов можно было по желанию превращать машину либо в компаунд, либо в машину высокого или низкого давления. Хотя у нас в цилиндрах так и не обнаружилось никакой порчи, мы все же не раз использовали преимущества такого устройства. Превращая машину в компаунд, мы могли на короткое время давать «Фраму» наибольшую скорость и в случае надобности часто форсировали таким способом льды. Машина имела мощность в 220 индикаторных лошадиных сил и в спокойную погоду могла при неполной нагрузке развивать скорость в 6–7 узлов.

Продольный разрез и план «Фрама»:

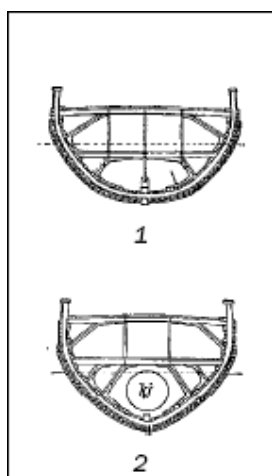
rb – колодец для руля; *sb* – колодец для винта; *S* – кают-компания; *s* – диван в кают-компании; *b* – стол в кают-компании; *Sv.k* – каюта

Свердруп; В. к – каюта Блессинга; 4к – каюты для четырех человек; Н. к – каюта Скотт-Хансена; п.к. – каюта Нансена; с – трап в машинное отделение; М – машина; к_ж – котел; g – трапы из кают-компания; К – камбуз; В – навигационная рубка; h – рабочая каюта; ду – помещение для динамо; d – главный люк;

e – большие лодки; i – главный трюм; l – нижний трюм; f – передний люк; n – передний трюм; o – нижний передний люк;

p – битенг; q – стойки якорного шпиля; r – якорный шпиль; 1 – фок-мачта; 2 – грот-мачта; 3 – бизань-мачта; 4 – бугшприт

Винты (мы имели два запасных) были двухлопастные и сделаны из литой стали. Запасными винтами нам ни разу не пришлось пользоваться, как и запасным рулем, который также взяли с собой.

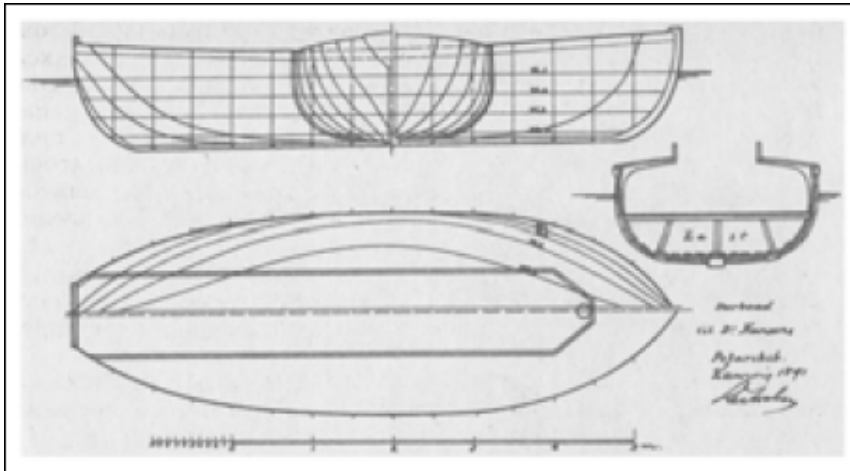
Поперечный разрез «Фрама»:

1 – посередине; 2 – через машинное отделение

Жилые помещения находились в кормовой части под полупалубой. Наша кают-компания, где мы ели и проводили большую часть времени, находилась в середине, окруженная со всех сторон каютами; четыре из них были одиночные и две четырехместные. Такое расположение было принято, чтобы лучше защитить кают-компанию от наружного холода. Кроме того, потолок, пол и стены, сделанные из нескольких слоев, сами по себе сохраняли тепло в кают-компании. И наконец, внутренние

стенки ее были сплошь обиты воздухонепроницаемым линолеумом, он не позволял теплоте и влажному воздуху оседать на стенах каплями сырости, которая скоро превратилась бы в лед. Борта корабля были обиты внутри просмоленным войлоком, затем следовал слой пробки, потом обшивка из еловых досок, новый слой толстого войлока, затем воздухонепроницаемый линолеум и снова дощатая панель. Потолок кают-компаний и кают под палубой состоял тоже из нескольких различных слоев: воздушное пространство, войлок, еловая обшивка, линолеум, прокладка из оленьей шерсти, снова еловая панель, линолеум, воздушное пространство и еще раз еловая обшивка. При толщине досок палубы в 10 см все прослойки, вместе взятые, достигали толщины в 40 см. На дощатый пол в кают-компаниях был положен толстый пробковый настил, на него второй деревянный пол, а сверху линолеум. Потолочный иллюминатор на палубу, через который легче всего мог проникнуть холод, был защищен тройной стеклянной рамой и, кроме того, многими другими способами.

Одной из самых неприятных сторон жизни на судах прежних экспедиций чаще всего была осаждавшаяся на холодных стенах помещений влага, которая быстро превращалась в иней или же ручьями стекала со стен на койки и на пол. Нередко случалось, что спальные матрасы превращались в ледяные комки. Описанные приспособления позволили совершенно избежать такой неприятности: когда в кают-компаниях топились печки, нигде на стенах ни в самой кают-компаниях, ни даже в спальнях каютах не было и следа сырости.

Оригинальный чертеж обеих больших шлюпок, стоявших на баке «Фрама» во время экспедиции Фритъофа Нансена в 1893 – 1896 гг.

Напротив кают-компаний был расположен камбуз, по обеим сторонам которого трапы вели на палубу. Для защиты от холода на каждом из них было устроено по четыре небольшие, но плотные двери, через которые и должен был пройти каждый и на палубу и с палубы. Двери эти состояли из нескольких прослоек дерева и войлока. Для того чтобы не впускать холодный воздух, пороги дверей были сделаны необычно высокими.

Наверху на полупалубе над камбузом, между грот-мачтой и трубой, находилась капитанская рубка, а позади нее небольшая рабочая каюта.

На случай течи трюм был разделен водонепроницаемыми переборками на три части. Сверх того, кроме обычных помп, мы имели мощный центробежный насос, приводимый в движение паровой машиной. В случае надобности он мог быть соединен с любым помещением.

«Фрам» освещался электричеством. Динамо предполагалось приводить в движение во время хода судовой паровой машиной, а во время стоянок во льдах мы рассчитывали на ветер или на ручную силу. Для этой цели был захвачен с собой ветряной двигатель и «конный привод», который, однако, мы должны были вращать сами. Я ожидал,

что последний способ может иметь для нас значение в качестве моц иона во время долгой полярной ночи. У нас, однако, достаточно нашлось другой текущей работы, и мы так и не прибегали к этому моциону. Зато ветряной двигатель оправдал наши надежды.

На тот случай, если бы силы, приводившие в действие наш источник электрического света, оказались недостаточными, мы взяли с собой 16 т керосина, который употреблялся также на кухне и отчасти для обогрева жилых помещений. Керосин и 20 т обыкновенного горного масла^[64] – для топки машин в добавление к углю – хранились в прочных железных баках: восемь из них стояли в трюме и один на палубе.^[65]

Лодок на судне было восемь, в том числе две очень большие, имевшие в длину 8,8 м и в ширину 2,1 м. Они предназначались на тот случай, если бы судно, несмотря на все меры предосторожности, потерпело крушение. Мы намеревались в таком случае продолжать дрейф во льдах, используя лодки в качестве жилья. Они были достаточно велики, чтобы вместить весь экипаж и провиант на многие месяцы. Кроме того, имелись четыре меньшие лодки такой формы, какие обычно употребляют китобои, очень прочной и легкой постройки, две из дуба и две из вяза. Седьмая была маленьким плоскодонным судном, восьмая – небольшим моторным катером с керосиновым двигателем, который, однако, оказался малопрактичным и принес нам много хлопот.

Так как ниже мне не раз придется говорить о различных предметах нашего снаряжения, здесь я упомяну только о некоторых, наиболее важных.

Особое внимание было обращено, конечно, на провиант, так как именно в нем кроется наибольшая опасность цинги и других болезней. Все физиологические проблемы, связанные с питанием, мы тщательно обсудили с профессором Торупом, который и словом и делом неутомимо помогал нам разобраться в этих важных для нас вопросах. В результате был установлен руководящий принцип: такие способы консервирования мяса и рыбы, как засол, копчение или неполное вяление (высушивание), весьма ненадежны и должны быть отвергнуты как не достигающие цели;

при заготовке провианта для длительной экспедиции необходимо учитывать предохранение пищевых средств от порчи и при этом отдавать решительное предпочтение тщательному и полному высушиванию или стерилизации с помощью высокой температуры. Кроме того, я заботился не только о том, чтобы пища была возможно более питательной и свежей, но вместе с тем по возможности разнообразной.

Мы взяли с собой разного рода мясные и рыбные консервы,^[66] сушеную рыбу, картофель в консервах и сушеный, всякого рода консервированные и сушеные овощи и фрукты, большое количество варенья и мармелада, подслащенное и неподслащенное сгущенное молоко, стерилизованное сливочное масло, прессованные бульоны разного рода в кубиках и много-много других вещей. Хлеб взят был главным образом норвежский – корабельные ржаные и пшеничные сухари, а также английские корабельные галеты. Кроме того, у нас был большой запас муки для выпечки свежего хлеба. Все продукты питания, прежде чем погрузить их на судно, подвергались химическому анализу.^[67] Особенное внимание обращалось на тщательность упаковки. Даже хлеб, сухие овощи и тому подобное запаивались в жестяные коробки, чтобы предохранить их от сырости.

Из напитков мы употребляли за завтраком и ужином шоколад, кофе и чай, иногда также молоко, за обедом пили лимонный сок с сахаром или с сиропом, а в первые полгода путешествия – и пиво. Кроме небольшого количества пива и нескольких бутылей мальц-экстракта, ничего спиртного экспедиция с собой не брала.^[68] Зато табак как для курения, так и для жевания имелся в изобилии.

Большое значение для такой экспедиции, как наша, имела хорошая библиотека. Благодаря издателям и друзьям нашим на родине и за границей мы оказались хорошо обеспеченными и в этом отношении.

Существенной частью снаряжения были, разумеется, инструменты и приборы для научных наблюдений. На них тоже было обращено особое внимание. Кроме приборов, оставшихся у меня от Гренландской

экспедиции, удалось приобрести много новых, мы не жалели средств, лишь бы приобрести самое лучшее и в полном комплекте.

Для метеорологических наблюдений, кроме обыкновенных термометров, барометров, анероидов, психрометров, гигрометров, анемометров и т. п., были взяты также самопишущие приборы, как-то: самопишущий анероидный барометр (барограф) и два самопишущих термометра (термографы). Для астрономических определений у нас был большой универсальный теодолит – для пользования во время дрейфа, два теодолита меньших размеров – для санных поездок, а также несколько секстантов различной величины. Далее, взято было четыре судовых хронометра и разные карманные хронометры. Для магнитных наблюдений мы имели полный набор – для определения склонения, наклонения и напряжения (как горизонтальной его составляющей, так и полного напряжения). Из других приборов следует упомянуть спектроскоп, предназначенный главным образом для наблюдения за полярным сиянием, электроскоп для определения атмосферного электричества, фотографические аппараты, которых у нас было семь больших и столько же малых, и фотограмметрический прибор для картографических работ.

Нансен в полярном снаряжении, в эскимосской одежде – анораке

Особенно важным я считал прибор для наблюдения за качаниями маятника со всеми приспособлениями, предполагая, что эти наблюдения

можно будет произвести в высоких широтах. Для этого нужна была, однако, земля. А так как никакой земли мы не нашли, то этот прибор не получил широкого применения.

Для гидрологических исследований был взят полный набор: приборы для взятия проб воды, глубоководные термометры и т. д. Для определения солености воды, кроме обыкновенных ареометров, мы имели также специально построенный стипендиатом Торно электрический аппарат. Для собирания животных и растений имелись, конечно, драги, невода и т. д.

В общем наше научное снаряжение было весьма удовлетворительным, и этим я существенным образом обязан многим ученым, которые добровольно мне помогали. Пользуюсь случаем, чтобы выразить свою особую благодарность профессору Мону, который не только принял на себя заботу о метеорологических инструментах, но помогал мне словом и делом также во многих других отношениях; профессору Хельмюйдену, который наблюдал за астрономическим снаряжением; доктору Неймайеру из Гамбурга, приславшему мне магнитные приборы, а также профессору Отто Петтерсону из Стокгольма и стипендиату Торно из Христиании, которые оба помогли мне при выборе гидрологического снаряжения, и профессору Шетцу по физическим приборам. Не менее важными были физиологические - медицинские приготовления, которые принял на себя профессор Торуп. Своими фотографическими аппаратами экспедиция обязана главным образом Дикку.

Представлялось чрезвычайно важным иметь в распоряжении экспедиции хороших ездовых собак. Ввиду этого я обратился в Петербург к известному исследователю Сибири Толлю за советом: как нам достать подходящих собак из Сибири. ^[69] Толль с величайшей предупредительностью ответил, что надеется сам устроить для меня это дело, так как скоро собирается отправиться во вторую свою научную экспедицию в Сибирь и на Новосибирские острова. Он предложил выслать собак в Хабарово, в Югорский Шар. В январе 1893 г., проездом через Тюмень, ему удалось с помощью английского купца Вардроппера

поручить тамошнему жителю Александру Ивановичу Тронтхейму закупку тридцати остяцких собак и доставку их в Югорский Шар. ^[70] Но Толль не остановился на этом. Когда Николай Кельх изъявил желание принять на себя расходы, Толль позаботился купить еще двадцать шесть восточносибирских собак, которые как ездовые считаются лучше западносибирских (остяцких). Норвежец Иохан Торьерсен взялся доставить этих собак к устью реки Оленек, куда мы должны были зайти согласно уговору.

Далее, Толль нашел, что полезно будет устроить несколько складов провианта на Новосибирских островах на тот случай, если с «Фрамом» случится несчастье и экспедиция вынуждена будет возвращаться этим путем. Едва Толль высказал такое мнение, как откликнулся тот же Кельх, он взял на себя и эти расходы; мы встретили сибирское гостеприимство даже на Новосибирских островах. Но подыскать для выполнения столь ответственной задачи подходящих людей оказалось нелегким, и Толль решил самолично устроить эти склады.

В мае 1893 г. с этой целью он предпринял полное приключений и в высшей степени интересное путешествие с материка по льду на Новосибирские острова, где не только устроил для нас три депо, ^[71] но и произвел весьма важные геологические изыскания. ^[72]

Очень важным я считал получить груз угля в наиболее отдаленном пункте нашего пути, для того чтобы мы, прежде чем порвать наши связи с остальным миром, могли погрузить на «Фрам» возможно больше топлива. Поэтому я с радостью принял предложение одного англичанина, который на своей паровой яхте хотел сопровождать нас до Новой Земли или Карского моря и при прощании передать нам 100 тонн угля. Но когда наступило время нашего отъезда, обстоятельства переменились. Так как было уже слишком поздно устраивать дело другим способом, пришлось для доставки угля в Хабарово зафрахтовать из Брёнёйзунда в Норланне яхту «Урания».

Как только план моей экспедиции стал известен, из всех частей света, из Европы, Америки, Австралии, посыпались – несмотря на все предостерегающие голоса – сотни предложений от лиц, желавших

принять участие в экспедиции. Нелегко было сделать выбор из числа всех этих отважных людей, предлагавших свои услуги. Конечно, первое условие: чтобы человек был здоров и крепок; поэтому никто не был окончательно принят без тщательного исследования у профессора Яльмара Хейберга в Христиании.

Участниками экспедиции в конце концов были выбраны следующие лица:

Отто Нейман Свердруп, капитан «Фрама». Родился в 1855 г. в Биндалене, в Хельгеланде. Семнадцати лет он впервые вышел в море, в 1878 г. выдержал штурманский экзамен и несколько лет ходил в море в качестве капитана судна. В 1888–1889 гг. принимал участие в моей Гренландской экспедиции и выразил желание принять участие в новой полярной экспедиции, как только услышал о моем плане. Я, со своей стороны, знал, что едва ли найдутся более надежные руки, в которые бы можно было передать «Фрам». Он женат и имеет ребенка.

Участники экспедиции на «Фраме»

Стоят в заднем ряду (слева направо): Блессинг, Нурдал, Мугста, Хенриксен, Петтерсен, Йохансен.

Сидят в среднем ряду (слева направо): Бентсен, Скотт-Хансен, Свердруп, Якобсен, Хансен и Юлл. Впереди (посередине с собакой) Амунсен

Сигурд Скотт – Хансен, старший лейтенант норвежского флота, взял на себя руководство метеорологическими, астрономическими и магнитными наблюдениями. Родился в Христиании в 1868 г. Закончив морское военное училище в Хортене, он получил первый офицерский чин в 1889 г. и чин старшего лейтенанта в 1892 г. Он сын приходского священника Андреаса Хансена в Христиании.

Хенрик Греве Блессинг, кандидат медицины, врач и ботаник экспедиции; родился в 1866 г. в Драммене, где отец его был тогда священником. Он поступил в университет в 1885 г. и окончил его со степенью кандидата медицины в 1893 г.

Теодор Клаудиус Якобсен, штурман «Фрама». Родился в 1855 г. в Тромсё, где его отец был капитаном судна, потом начальником порта и главным лоцманом. Пятнадцати лет он вышел в море, четыре года спустя выдержал штурманский экзамен и два года работал в Новой Зеландии. В 1886–1890 гг., будучи шкипером, водил яхту из Тромсё в Ледовитое море. Он женат и имеет ребенка.

Янтон Амунсен, первый машинист «Фрама», родился в Хортене в 1853 г. В 1875 г. выдержал экзамен на звание машиниста. В 25 лет поступил на службу во флот, где достиг звания главного машиниста. Он женат и имеет шестерых детей.

Адольф Юлл, заведующий провиантом и повар «Фрама», родился в 1860 г. в приходе Скотё, близ Крагерё. Его отец был крестьянином и работал по оснастке судов. В 1879 г. он сдал экзамен на штурмана и затем в течение многих лет водил суда. Женат и имеет четверых детей.

Ларс Петтерсен, второй машинист «Фрама». Родился в 1860 г. в Борре, близ Ландскроны (в Швеции). Родители его норвежцы. Это опытный кузнец и механик, в качестве машиниста он несколько лет служил в норвежском флоте. Он женат и имеет четверых детей.

Фредрик Яльмар Йохансен, лейтенант запаса; родился в Шиене в 1867 г. Стал студентом в 1886 г., затем в 1891–1892 гг. учился в военном училище. Желание его принять участие в экспедиции было столь горячо, что за неимением другой свободной должности поступил

на «Фрам» кочегаром. На судне большую часть времени был ассистентом при метеорологических наблюдениях.

Педер Леонар Хенриксен, гарпунщик. Родился в Бальфьорде, возле Тромсё, в 1859 г. С детства он плавал в море и четырнадцати лет ходил в Ледовитый океан гарпунщиком и шкипером. В 1888 г. плавал к Новой Земле на яхте «Энигеден» из Христианесанда. Он женат и имеет четверых детей.

Бернар Нурдал, родился в Христиании в 1862 г. Четырнадцати лет поступил на службу во флот и дослужил до унтер-офицера артиллерии. Потом он занимался разными ремеслами и, между прочим, несколько лет работал по устройству электрического освещения. На судне ему было поручено заведовать динамо и электрическим освещением; кроме того, он исполнял обязанности кочегара и в течение некоторого времени помогал при метеорологических наблюдениях.

Ивар Отто Иргенс Мугста, родился в Ауре на Нормёре в 1856 г. В 1877 г. выдержал экзамен на лесничего и в 1882 г. был главным надзирателем лечебницы для душевнобольных в Гаустаде. На «Фраме» показал себя мастером на все руки – от часовщика до дрессировщика собак.

Бернт Бентсен, родился в 1860 г. Несколько лет плавал в море. В 1890 г. выдержал штурманский экзамен и с тех пор плавал неоднократно в качестве штурмана по Ледовитому морю. Он был взят нами в Тромсё перед самым отплытием и, признаюсь, произошло это чрезвычайно быстро: в половине 9-го он явился на судно, чтобы переговорить со мной, а в 10 часов «Фрам» уже унес его в море.

Глава вторая Отъезд

Итак, я еду на Север, туда, в мрачное царство, где не светит солнце. Там не бывает дня.

Народная песня из Телемаркена. [\[73\]](#)

Это было в Иванов день [24 июня] 1893 г. Серый и унылый выдался он. Настало время разлуки – бесповоротной разлуки. За мной захлопнулась дверь. В одиночестве прошел я в последний раз от дома по саду на берег, где неумолимо ждал меня маленький паровой катер

«Фрама». Все, что было мило моему сердцу, оставалось позади. А что ожидало впереди? Исколько лет пройдет, прежде чем доведется увидеть все это снова?.. Чего бы я в тот миг ни отдал за возможность повернуть назад! А наверху, на подоконнике, сидела, хлопая в ладоши, крошка Лив.

Счастливое дитя, ты не подозреваешь еще, что такое жизнь, как она удивительно сложна и превратна...

Маленький катер стрелой пронесся по Люсакерской бухте, в залив Пиппервик, унося меня в путешествие, где на карту поставлена, быть может, сама жизнь, если не больше.

Наконец, все готово. Наступил час, к которому неуклонно вели годы упорной работы, час, когда, наконец, чувствуешь, что все необходимое взято, все готово, все предварительные заботы с тебя, наконец, сняты и мозг получает, наконец, отдых.

Нетерпеливо стоит «Фрам» в Пиппервике уже под парами и ждет сигнала, когда катер, с шумом пролетев мимо маяка Дюны, пристанет к борту. Палуба битком набита людьми, желавшими сказать нам последнее «прости». Теперь им пора покинуть корабль. «Фрам» подымает якорь. Тяжелый и грузный, он тихо пускается в ход и описывает круг по заливу. Пристань черна от людей, размахивающих платками и шляпами. А «Фрам» молчаливо и тихо разворачивается, чтобы выйти из фьорда, и, миновав медленно и уверенно острова Бюгдо и Дюну, направляется, окруженный роем юрких лодок, яхт и пароходиков, в неизведанную даль. По берегам прячутся в зелени мирные уютные дачи, такие же, как всегда. «О, как прекрасны горные луга, никогда не казались они мне милее».^[74] Пройдет, наверное, немало времени, прежде чем мы снова будем бороздить эти знакомые воды.

И вот последний привет дому, стоящему на краю мыса. Сверкающий фьорд впереди, еловые и сосновые леса по берегам, клочок смеющегося луга, а за ним длинные, одетые лесом горные кряжи. В подзорную трубу я различаю светлую фигуру у скамьи под сосной...

То был самый мрачный час за все время пути.

Вперед по фьорду. Пошел дождь. Печальная пелена нависла над знакомым ландшафтом, с которым связано столько воспоминаний.

Лишь перед полуднем следующего дня (25 июня) «Фрам» тихо вошел в бухту у Реквика, верфи Арчера в Ларвике, где находилась колыбель «Фрама», навевавшая столько золотых грез о его победоносном жизненном пути. Здесь мы должны были принять на борт две большие шлюпки, а также запастись разными материалами. На это ушел целый день и добрая половина следующего.

26 июня около 3 ч дня мы распрощались с Реквиком и повернули на Ларвикский рейд, чтобы выйти мимо Фредрикс-верна в открытое море. Арчер захотел на прощание сам стать у руля и провести свое детище по этому последнему участку пути в родных местах. Затем последние прощальные рукопожатия, – слов было обронено немного, – и Арчер, мои братья и мой друг сошли в лодку.

А «Фрам» тяжело пошел вперед. Нить порвалась. Невыразимо грустно было провожать взглядом эти последние родные лица, уносимые маленьким суденышком по широкой синей глади, этот куттер под белыми парусами и Ларвик, исчезающий далеко позади. Мне показало сь даже, что по красивому лицу старика Арчера, стоявшего, выпрямившись во весь рост, в лодке, крича «Виват!» нам и «Фраму», – прокатилась слеза. Ведь и ему этот корабль дорог. И я знаю, он в нем уверен. Мы отдали ему первый салют из пушек «Фрама» – высшая почесть, какую могли ему оказать.

Полный ход вперед! И вот в тихий ясный летний день, в час, когда вечернее солнце озаряло землю, «Фрам» направился в синеющую даль моря, чтобы получить свое первое крещение в его широкой зыби. Долго стояли наши друзья в лодке, глядя нам вслед.

При отличной погоде прошли мы под берегом мимо Христианесанда и вечером следующего дня (27 июня) были у Линдеснэса. Я не ложился до поздней ночи, разговаривая со Скотт-Хансеном. Он был нашим капитаном во время рейса от Христиании до Тро нхейма, где, проводив свою семью, кнам должен был присоединиться Свердруп. Мы сидели в навигационной рубке, и время за разговором текло незаметно. Между

тем качка усиливалась, и внезапно, распахнув дверь, к нам хлынула сильная волна. Мы выбежали на палубу. Судно ныряло, его бросало из стороны в сторону, как бревно, волны перекатывались через оба борта. Один за другим все поднялись наверх. Больше всего я боялся, что сдадут тонкие стойки подпорки шлюпбалки под шлюпками и шлюпки отправятся за борт, увлекая, быть может, за собой запасной рангоут. Но когда оторвались и начали кататься во все стороны, наполняясь постепенно водой, двадцать пять стоявших на палубе пустых бочек из - под парафина, зрелище стало не из веселых. К довершению всех бед пустились в такие же странствия по палубе еще и кладки запасных брусьев, рангоута и досок, угрожая снести шлюпбалки. Минута была тревожная.

Страдая морской болезнью, я стоял на капитанском мостике, то отдавая дань морским богам, то приходя в ужас за участь лодок и за команду, прилагавшую все старания спасти на палубе все, что можно было спасти. Были минуты, когда я не видел ничего, кроме пенящихся волн, несущихся по палубе досок, мелькающих рук, ног и перекатывающихся пустых бочек. Вдруг обрушивается зеленая волна, сбивая кого-то с ног. Тот шлепается, и вода заливают его с головой. Вот наши молодцы, спасая ноги, прыгают через катающиеся бревна и бочки. Все промокли до нитки.

Юлл спал в «Гранд-отеле», как мы прозвали один из ботов. Его разбудил шум обрушивающихся на палубу волн. Я столкнулся с ним в дверях каюты, куда он неслся вприпрыжку. По его мнению, дело разыгрывалось нешуточное и не мешало спасать пожитки, – у него под мышкой был узел, а мчался он спасать свой сундук, плававший в соленой воде на фордеке. Поймав сундук, он поволок его за собой по корме, а волны одна за другой продолжали перекатываться через его голову. Раз «Фрам» совсем зарылся носом в воду и волна залила бак. Над белым водопадом повис кто-то, барахтаясь на якорном шпиле. [\[75\]](#) Это был все тот же Юлл.

Больших трудов стоило спасти наше добро. Прекрасные бочки из - под парафина исчезли за бортом, та же участь постигла несколько

чудесных строевых бревен. Я стоял и с огорчением смотрел, как они уплывали вдаль. Остаток палубного груза был перенесен подальше на ют. Думаю, что акции экспедиции стояли в этот момент довольно -таки низко.

Вдруг, как раз когда наше положение было, что называется, хуже быть не может, мы увидели барк, ^[76]вынырнувший из густого тумана впереди. Он шел с зарифленным бомбрамселем ^[77]и другими парусами так уверенно, будто ничего особенного не происходило, и спокойно покачивался на волнах. Смотреть было досадно. Смутная мысль о «летучем голландце» и другой чертовщине промелькнула у меня в голове.

На камбузе между тем случилось большое несчастье. Мугста, войдя туда, увидел, что стены забрызганы темно -красными пятнами. Он побежал к Нордалю и сказал ему, что, должно быть, там застрелился Юлл в отчаянии от нестерпимой жары, на которую он так горько жаловался. Кровавая драма на «Фраме»!.. При ближайшем расследовании выяснилось, что пятна происходят от банки с шоколадом, которая свалилась со шкафа на пол.

Подойти к берегу мы не решались из-за сильного тумана и вынуждены были держаться все время мористее, пока, наконец, под утро туман несколько не поредел и лоцман не определил, что мы находимся на траверзе Фарсунда. Когда погода улучшилась, мы пошли дальше. Но после полудня из-за тумана и сильного ветра все же пришлось направиться к Экерсунду и бросить якорь в Ховланнsvике.

На следующее утро все предметы на палубе были надежно принаитованы. Тем не менее «Фрам» был слишком перегружен, чтобы хорошо управляться в море, но с этим уже ничего нельзя было поделат ь. То, что мы везли с собой, нельзя было не брать. Раз теперь палубный груз как следует распределен и закреплен, море, как ни бушуй, не натворит больше никаких бед. В том, что корабль выдержит любую трепку, мы не сомневались.

Поздно вечером в последний день июня мы обошли Кварвен и в пасмурную бурную ночь вошли в Берген. Когда я на следующее утро

вышел наверх, передо мной лежал Воген,^[78] залитый солнцем, прекрасный. Все корабли снизу доверху были убраны флагами. Самый воздух, пронизанный солнечными лучами, был праздничным. Ульрикен, Флейен и Левстаккен^[79] сияли и сверкали, словно приветствуя старого знакомого. Чудесное место этот старый ганзейский город!

Вечером я должен был читать доклад, но на полчаса опоздал. Я уже одевался, чтобы уходить, как вдруг мне вручили массу счетов, и так как я не хотел прослыть банкротом, то решил расплатиться сразу. Публике пришлось ждать. Хуже было то, что нашу кают-компанию битком набили эти вечно путешествующие «вопросительные знаки». Я слышал еще, пока одевался, как компания англичан осаждала двери моей каюты. Всем непременно хотелось «Shake hands with the doctor».^[80] Одна туристка заглянула даже ко мне сквозь дырочку вентилятора, как потом мне сказал мой секретарь, видевший это. Красивое зрелище, должно быть, увидела эта юная красотка. Во всяком случае, говорят, что она очень поспешно отвернулась. На нас пришли поглядеть, как на зверей в зоологическом саду. Люди без церемонии расхаживали кругом, заглядывали к нам в каюты, как в клетки к львам и медведям, громко рассуждали, так что нам было слышно, о том, мы это или не мы, или о портретах наших близких, развешанных на стенах, например о том, красива ли дама, с которой снят портрет, или нет. Одевшись, я осторожно приоткрыл дверь и в два прыжка проскочил наверх мимо глазевшей публики. Переполох, крики: «There he is! There he is!»^[81] – и вся орава с шумом понеслась догонять меня по трапу. Да нет, не тут -то было. Меня и след простыл. Пока они взбирались на палубу, я сбежал по сходням на берег и сел в экипаж.

Салон «Фрама»

В 8 ч начался большой праздник – много прекрасных речей, великолепный ужин, вина, красивые дамы, музыка и танцы до самого утра.

На следующее утро в 11 ч – это было воскресенье – мы направились при ясной безоблачной погоде через Бергенский фьорд на север в сопровождении нескольких друзей. День выдался незабываемо прекрасный. В Херле-фьорде у самого выхода в море друзья распрощались с нами. На сверкающей водной поверхности долго еще виден был маленький портовый пароходик, выпускавший клубы дыма. Вдали волновалось в солнечной дымке море, а неподалеку лежал низменный Мангерланн, с которым связано столько воспоминаний о днях, проведенных здесь год назад, и солнечных и ненастных. Один из крупнейших натуралистов Норвегии ^[82] сделал здесь свои великие открытия, живя одинокой, далекой от мира жизнью монаха. Здесь и я сам прошел первые свои нетвердые шаги по тернистому пути натуралиста.

Чудный был вечер. На севере красноватый отблеск потухающего дня, позади нас, над утесами, громадный круг луны. Впереди Алден и Кинн, как страна саг, подымались из моря. Я был так очарован, что не мог уйти в каюту, а долго ходил по палубе, упиваясь всей этой красотой. Как бальзам, ложилась она мне на сердце после всего шума и встреч с чужими людьми.

Потом мы пошли, большей частью в прекрасную погоду, реже в туман и дождь, вдоль норвежских берегов, мимо островков, извилистыми проливами на север. Восхитительная страна!.. Не знаю, существует ли еще где-либо на свете берег, подобный этому? Эти незабываемые зори, когда природа пробуждается к жизни, когда на горы накинута серебристо-белая дымка утреннего тумана, из которой выступают вершины, как острова из моря. Этот лучезарный день над скалистыми вершинами в белых сверкающих снежных шапках. А вечера, закат солнца, бледная луна, горы и острова, молчаливые, мечтательные, как грезы юности... Там и сям приветливые небольшие бухты и домики, улыбающиеся сквозь зелень. Эх, какую они будят тоску по оставленной позади жизни, тепле, уюте – эти тихие домики на берегу под защитой скал. Можно сколько угодно пожимать плечами, глядя на красоты природы, а все же как много значит для народа иметь красивую, хотя бы бедную, страну. Никогда я не понимал этого яснее, чем теперь, покидая родину.

Изредка с берега доносилось «ура», то из толпы ребятишек, то взрослых. По большей части это удивленные крестьяне, они подолгу глядят вслед странному судну, будто размышляя о целях его загадочного плавания. Гребцы и пассажиры на яхтах и шлюпках – женщины и мужчины в пылающих на солнце красных платьях – бросают весла и во все глаза глядят на корабль. Из городов, мимо которых мы проходим, высылают нам навстречу пароходы с музыкой, песнями и пушечными салютами; пароходы битком набиты людьми, желающими нас приветствовать и пожелать счастливого пути. С больших туристских пароходов салют дают флагами и пальбой; приветствуют все яхты, все шлюпки.

Несколько тяжело чувствовать себя предметом такого внимания; ведь есть что-то неудобное, стесняющее в таких преждевременных чествованиях, когда еще ничего не совершено. Недаром старинная поговорка говорит:

День хвали вечером,

Жену, когда она превратилась в прах,

Клинок, когда он испытан,
Женщину, когда она вышла замуж,
Лед, если ты его прошел,
Пиво, когда оно выпито. [\[83\]](#)

Всего трогательнее был интерес к нам бедных рыбаков и крестьян и их приветствия. Они часто приводили меня в изумление; я чувствовал, что они следят за нами с большим волнением.

Помню однажды, вблизи Хельгеланда, какая-то старая женщина без конца махала нам платком с голой скалы. Дом ее лежал далеко от берега, под горою.

– Может ли быть, что она машет именно нам? – спросил я стоявшего возле меня лоцмана.

– Да, без сомнения, – ответил он.

– Но как может она знать о нас?

– О, здесь все знают о «Фраме» и обо всем плавании; в каждой избушке знают. И с нетерпением будут ожидать вашего возвращения, будьте уверены, – ответил он.

Поистине ответственную задачу берем мы на себя, раз весь народ с нами. Подумать только: вдруг все окажется заблуждением!

Вечером я садился на палубе и глядел на берег. На мысах и островах рассеяны повсюду одинокие домики. Здесь ведет свою суровую жизнь норвежский народ в борьбе с каменистой почвой, в борьбе с морем.

Этот народ посылает нас в плавание, в великую полную опасностей неизвестность – тот самый народ, который стоит там в рыбацких лодках и с изумлением следит, как тяжело нагруженный «Фрам» медленно движется на север. Многие снимают зюйдвестки и кричат «ура», другие успевают только посмотреть на нас. Там, на мысе, толпа женщин, которые кричат и кланяются нам, а на море перед нами на нескольких лодках дамы в светлых летних костюмах и мужчины с веслами машут зонтиками и платками. Да, это они нас посылают. Трогательно видеть это. Вряд ли кто из них толком знает, на что жертвовал свои деньги. Быть может, они слышали, что затевается опасный поход, – но зачем, для

какой цели?.. Не обман ли все это? И все же их взоры обращены к нашему судну, и в их сознании при виде его мелькает, хотя на мгновение, новый, непостижимый мир, зарождается стремление к чему - то им еще неизвестному...

А здесь на борту люди, покинувшие жен и детей. Сколько боли причинила разлука, какую тоску и лишения таит в себе будущее? И не выгоды прельстили этих людей. Быть может, честь и слава? Но ведь и они могут оказаться невелики. Нет, это еще и по сей день дает ростки все та же жажда подвигов, то же стремление переступить пределы известного, что кипело в этом народе в эпоху саг. Несмотря на всю погоню за хлебом насущным, не такой уж, пожалуй, перевес имеет в жизни народа мысль о выгодах. Так как время нам было дорого, я не зашел, как предполагал первоначально, в Тронхейм, но остановился в Бейарне, где к нам присоединился Свердруп. Здесь же мы приняли на борт профессора Бруггера, провожавшего нас до Тромсё. ^[84]

Наш врач получил здесь три громадных ящика с медикаментами – подарок аптекаря Брунна из Тронхейма.

Потом мы отправились дальше на север вдоль чудного Норланда. В двух местах мы остановились, чтобы взять сушеной рыбы – пищу для собак. Мы прошли мимо Торхаттена, Семи Сестер, Всадника, мимо Ловунена и Трэнена в открытое море, мимо Лофотенских островов ^[85] и всей прочей красоты. Смелые могучие богатыри один за другим проходили перед нами, один другого величественнее и прекраснее. Это настоящий мир саг, страна грез.

Словно боясь что-либо упустить, мы подвигались очень медленно.

12 июля пришли в Тромсё, где предстояло взять уголь и различное снаряжение: меха, камусы ^[86] (сапоги из оленьей шерсти), финские каньги (непромокаемые сапоги), альпийскую траву (Sennegrass), ^[87] сушеное оленьё мясо и т. п., запасенные неутомимым другом экспедиции Макком.

Отто Нейман Свердруп, капитан «Фрама»

Тромсё оказал нам холодный прием. Налетел сильный северо-западный шторм с метелью и градом. Скалы, низменности и крыши домов целый день лежали под снегом. Это был самый неприятный июльский день, когда-либо пережитый мною. Старожилы Тромсё уверяли, что не помнят такого июля. Но, быть может, они говорили это из боязни, чтобы мы не подумали, что у них всегда стоит такая погода; ведь от города, где в Иванов день ходят на лыжах, можно всего ожидать.

На следующий день был завербован новый член нашей экспедиции – Берн Бентсен. Бравый парень. Первоначально он предполагал дойти с нами до Югорского Шара, но потом остался с нами до конца плавания и оказался настоящей находкой. Он был мастером на все руки, всегда жизнерадостным и неутомимым затейником.

После двухдневной остановки в Тромсё пошли дальше. Восточнее Нордкапа, или Магерё, в ночь на 16-е нас застигла такая сильная волна, что пришлось укрыться в Келлфьорд, чтобы получше разместить груз на «Фраме», заполнить бункера углем и т. п. Мы не пожалели потратить на это целых два дня, чтобы подготовиться как следует к переходу до Новой Земли. Мне пришла, было, сначала в голову мысль взять еще запас угля в Вардё, ^[88] но так как мы и без того были перегружены, а в Югорском Шаре должна была нас встретить с углем яхта «Урания», я счел возможным удовлетвориться имевшимся запасом. Не следовало

забывать, что мы еще могли встретить плохую погоду в Баренцевом море.

В 10 часов утра мы подняли якорь и к вечеру пришли в Вардё, где нас ожидал восторженный прием. Оркестр на дамбе, фьорд, полный лодок, флаги, салюты. Как нам сказали, народ ждал с предыдущего вечера. Некоторые приехали даже из Вадсё. Нашим прибытием не преминули воспользоваться, чтобы открыть подписку на покупку турецкого барабана для городского оркестра «Северный полюс». Здесь, прежде чем сказать Норвегии последнее «прости», нам устроили шумный праздник.

Последнее, что оставалось сделать, это очистить киль «Фрама» от ракушек и водорослей, чтобы он мог развивать наивозможно большую скорость. Работу эту проделали водолазы, охотно предоставленные в наше распоряжение начальником городских портовых работ.

Наши тела также требовали последней услуги цивилизации – бани, прежде чем начать жизнь дикарей. Городские бани – небольшой бревенчатый дом. Самое помещение внутри бани низкое, с полками, на которых лежат и парятся в горячем пару, его непрерывно пополняют, поливая водой раскаленные камни, нагроможденные в нестерпимо жаркой печи, достойной самого ада. И при этом вас бьют березовыми вениками молодые финские девушки.^[89] Потом они вас массируют. Вся эта процедура столь же чиста, как и приятна. Я думаю, что сам старик Магомет не сумел бы устроить ничего лучшего в своем раю.

Глава третья Прощание с Норвегией

В удивительном настроении провел я наверху за письмами и телеграммами последнюю ночь. Мы распрощались с нашим славным лоцманом Йоханом Хогенсеном, который вел нас от Бергена; теперь на судне осталось всего тринадцать человек – участники экспедиции, да мой секретарь Кристоферсен, который должен сопровождать нас до самого Югорского Шара. Было тихо-тихо. Лишь перо скрипело, царапая все то же «прости» друзьям и дому. Внизу все товарищи спали.

Вот и последняя телеграмма готова. Я отправил секретаря с телеграммами и письмами на берег. Когда он вернулся, было около трех

часов утра. Я разбудил Свердрупа и двух других товарищей. Мы выбрали якорь и в утренней тишине вышли из гавани. Город еще спал безмятежным сном. Кругом было удивительно красиво и тихо. Лишь легкий шум пробуждавшейся работы доносился с единственного парохода, стоявшего в гавани. Когда мы проходили мимо мола, из люка одного ялика высунул голову заспанный рыбак; он так и застыл, разинув рот и глядя нам вслед. Да еще на таможенной пристани в этот ранний утренний час одинокий человек удил рыбу.

Все это создавало самое подходящее настроение для разлуки с Норвегией. Такой спокойный мир, такая тишина; такой отдых мыслям. Ни суеты, ни людского шума с криками «ура» и оглушительными пушечными салютами. Мачты судов в гавани, крыши и трубы домов четко вырисовывались в прохладном утреннем небе. Солнце, прорвавшееся сквозь туман, с улыбкой озарило скалистый, голый берег, изрытый бурями, окутанный утренней дымкой, – но все же прекрасный с разбросанными повсюду домиками и вытащенными на песок лодками. А там, за этим берегом, лежала Норвегия...

Пока «Фрам» спокойно и неторопливо выбирался в открытое море, чтобы направиться к нашей далекой цели, я стоял и смотрел, как берег медленно скрывался за горизонтом.

Что произойдет с нами, прежде чем мы снова увидим тебя, Норвегия, поднимающуюся из моря? Вскоре появился туман и окутал все.

Четыре дня подряд мы шли в тумане, сплошном тумане. Но когда я вышел на палубу утром 25 июля, было ясно. Все вокруг нас снова стало голубым – солнце сияло на безоблачно-голубом небе, слегка колыхалось ярко-голубое море. Снова стало приятно чувствовать себя человеком, полной грудью вдыхать запах умиротворенного моря. Перед самым полуднем мы усмотрели Гусиную Землю на Новой Земле и направились к ней. Вынуты были ружья и патроны. Мы заранее предвкушали удовольствие поесть гусиное жаркое и другую дичь. Но когда до берега оставалось лишь небольшое расстояние, с юго-востока надвинулись и все заволокли густые клубы тумана. Было бы неразумно пробиваться в тумане к берегу. Мы повернули и пошли на восток к Югорскому Шару.

Встречный ветер принуждал крейсировать то под парами, то под парусами. И мы, замкнутые в мире тумана, так и шли в течение двух дней. Брр... этот бесконечный упорный туман Полярного моря. Когда он опускает свой покров и закрывает лазурь над тобой и вокруг тебя, когда изо дня в день видишь только серый влажный туман, необходимо напряжение всех духовных сил, чтобы тебя не сдавили его влажные и холодные объятия. Везде туман, туман и ничего больше, куда ни помотришь. Он оседает на реях и влажными каплями стекает на палубу. Он пропитывает одежду насквозь. Он как будто ложится на самую душу и сердце, и весь мир кругом становится безнадежно серым.

Вечером 27 июля, все еще в тумане, мы совершенно неожиданно встретили лед; правда, лишь узкую полосу, через которую легко прошли. Но встреча не предвещала ничего доброго. Ночью мы натолкнулись на более широкую полосу льда, сквозь которую, впрочем, тоже прошли. На следующее утро меня разбудили сообщением, что впереди тяжелый старый лед. Гм... неужели ледовые препятствия начинаются уже здесь? Это печально. Но такого рода холодных неожиданностей в Ледовитом море хоть отбавляй. Скорее одеваться и наверх в бочку.

Лед простирался во всех направлениях, насколько хватал глаз, освоившийся с несколько поредевшим туманом. Значит, лед преграждает нам путь всерьез. Впрочем, для начала он был довольно редкий, и ничего другого не оставалось, как следовать нашему лозунгу: «Вперед!» Долгое время мы удачно прокладывали себе путь. Но затем лед стал более сплоченным, начали попадаться крупные льдины. Туман тоже сгустился, и мы совершенно не видели, куда идем. Входить при тумане в густой тяжелый лед неблагоприятно. Неизвестно, как далеко он простирается и куда его несет, легко можно застрять. Пришлось остановиться и выжидать.

А туман все сгущался и сгущался, лед становился сплоченнее. Надежда то вспыхивала, то угасала; перспективы вообще были не из блестящих. Встреча с таким количеством льдов уже в этих водах, где обычно летом море бывает почти совсем свободно ото льда, не

предвещала ничего хорошего. Уже в Тромсё и Вардё мы получили дурные известия; сообщали, что Белое море вскрылось только недавно и парусник, пытавшийся пробраться в Югорский пролив, вынужден был из-за льдов вернуться. При мысли о Карском море на душе становилось не особенно радостно. Что могло ожидать нас там? Для «Урании» с углем этот лед во всяком случае представлял неприятный сюрприз; она не могла пробиться сквозь него, если только не найдется свободный проход южнее, вдоль русского берега.

И вот, когда нам рисовались самые мрачные перспективы и мы уже готовились отступить перед льдом, который явно сгущался, явился Свердруп с радостной вестью, что туман рассеивается и впереди на востоке, по ту сторону льдов, видна чистая вода. В течение нескольких часов мы пробивались вперед в тяжелых льдах и, наконец, снова очутились на чистой воде.

Уже при этой первой схватке со льдами поняли мы, какое превосходное ледовое судно «Фрам». Вести его сквозь тяжелые льды – истинное наслаждение. Его можно вертеть и поворачивать, как «колобок на блюде». Не было такого извилистого и тесного прохода, через который нельзя было бы провести «Фрам». Но как это трудно для рулевого! То и дело раздается команда: «Право руля!», «Лево руля!», «Прямо!», «Еще право руля!» – и так беспрерывно. Рулевой только и делает, что крутит и крутит штурвал, обливаясь потом; рулевое колесо вертится, словно колесо самопрялки. И «Фрам» виляет и проходит между ледяными глыбами, даже не задевая их. Была бы только самая узенькая щель, – «Фрам» проскальзывал сквозь нее. Где никакого прохода не было, – судно грузно ложилось на лед, таранило его изо всей силы своим покатым форштевнем и подминало лед под себя, раскалывая ледяные глыбы надвое. И какая прочность! Когда «Фрам» идет полным ходом, не слышно ни треска, ни звука, корпус лишь чуть вздрагивает.

В субботу, 29 июля, мы пошли опять полным ходом на восток к Югорскому Шару – на всех парах и парусах. Перед нами лежало открытое море. Погода стояла прекрасная, дул попутный ветер. Под утро мы подошли к южной стороне острова Долгого – Langöia, как его

называют норвежские рыбаки. Тут нам пришлось повернуть на север. От северного берега острова снова повернули на восток. Здесь я увидел из бочки, насколько можно было различить, несколько островков, не обозначенных на карте. Они лежали немного восточнее Долгого.

Теперь для нас стало ясно, что «Урания» сквозь льды не могла пробиться. Однако утром, когда мы сидели в кают-компании и как раз говорили об этом, с палубы раздался крик: «Судно в виду!» Вот была радость. Но длилась она недолго. Минуту спустя вахтенный сообщил, что судно имеет на мачте бочку. Это было, следовательно, промысловое судно. Заметив нас, оно повернуло на юг, может быть, из боязни, не русское ли мы военное судно. Мы не особенно им интересовались и предоставили ему уходить с миром.

Попозже в тот же день подошли к Югорскому Шару. Но сколько мы ни высматривали, ни искали землю, ничего не могли различить. Проходил час за часом, – мы шли вперед довольно быстрым ходом, – земля по-прежнему не показывалась. Правда, берег здесь не высок. Все же это было странно. Но вот с левого борта, ближе к носу, на краю моря показалась как бы низкая тень. Земля. Вайгач... Вскоре он обрисовывается яснее, а потом обнаруживается и материк на южной стороне пролива. Все больше и больше, он быстро растет по мере нашего приближения. Какая низкая и плоская земля! Ни вершин, никакого разнообразия, кроме устья пролива прямо перед нами. Это преддверие к своеобразной и беспредельной азиатской равнине, так не похожей на все, к чему мы привыкли.

Вошли в пролив между низкими каменистыми берегами. Слои горных пород, слагающих скалы, поставлены дыбом, другие идут вкось, они скручены и изломаны, но с поверхности все гладко и ровно. Никто из проезжающих по зеленым равнинам и тундрам не подозревает о тех разрушениях и хаосе, какие таятся под верхним покровом почвы. Там, где некогда были долины и горы, теперь все сглажено, стерто. [\[90\]](#)

Стали искать Хабарово. На северном берегу пролива виднелся знак. На прибрежной отмели лежал выброшенный морем парусник, норвежское промысловое судно. Возле него валялись обломки судна

поменьше. На южном берегу пролива – шест с красным флагом. За ним, должно быть, расположено Хабарово. Наконец, из-за мыса выглянуло два здания или амбара, а вскоре перед нами предстало и все местечко с чумами и несколькими домами. На маленьком ближайшем к нам мыске стояло большое красное здание с белыми дверными косяками, живо напоминающее своим видом наши родные постройки. Это, действительно, и был норвежский амбар, привезенный сюда Сибиряковым^[91] из Финмаркена.

У берега было мелко, и приходилось подвигаться осторожно, чтобы не сесть на мель. Беспреданно измеряли глубину Лот указывал 10 и 8 м глубины, это было лишь немногим больше того, что нам требовалось. Потом глубина упала до 7, до 6 м. Этого было чересчур мало; пришлось снова забрать мористее, чтобы стать на якорь напротив самого местечка.

От берега отвалила и медленно двинулась к нам лодка. Потом на палубу «Фрама» поднялся человек среднего роста, с открытым приветливым лицом и рыжей бородой. По типу его, пожалуй, можно было принять за норвежца. Я вышел встретить его и по-немецки высказал свое предположение, что он – Тронтхейм. Это и был Тронтхейм. Вслед за ним появилось несколько фигур, в тяжелых балахонах из оленьего меха, которые доходили до пят. Головы их были прикрыты чем-то вроде башлыков из меха пыжика,^[92] из-под которых выглядывали могучие бородатые лица, вполне под стать древним норвежским викингам. Да и все их появление вообще вызывало в моем воображении картины из времен викингов, из их плаваний в Гардарик и Биармию.^[93] Здоровый и крепкий народ эти русские купцы, поставляющие местным жителям водку, а взамен получающие пушнину, медвежьи и тюленьи шкуры и прочие ценности. Они держат всех, попавших им в лапы, в такой зависимости, что те без изволения купцов шагу ступить не смеют. «Es ist eine alte Geschichte, doch wird sie immer neu» [«Старая история, однако она оказывается вечно новой» (Из Гейне)].

Вскоре прибыла на борт толпа ненцев. Добродушные широкие азиатские лица. Разумеется, здесь были одни мужчины.

Первое, о чем я стал расспрашивать Тронтхейма, каково состояние льдов. Он рассказал, что Югорский Шар давно очистился и с тех самых пор со дня на день он ждал нас со все возрастающим опасением, что мы вовсе не придем. Ненцы и русские мало-помалу стали уже подсмеиваться над ним: время шло, а никакого «Фрама» не появлялось. Зато теперь он сиял как солнце. Состояние льдов в Карском море было, по его словам, благоприятное, если судить по рассказам ненцев, несколько дней тому назад вернувшихся с лова у восточного устья пролива. Вообще-то на их рассказы, конечно, нельзя было слишком полагаться, но все же этого сообщения было достаточно, чтобы вызвать у нас легкую досаду на то, что мы не пришли сюда раньше. Затем разговор дошел до «Урании». Конечно, ее никто здесь не видел: заходило сюда недавно лишь промысловое парусное судно – то самое, мимо которого мы прошли утром.

Далее мы услышали, что с собаками все обстоит как нельзя лучше. Тронтхейм на всякий случай купил сорок собак, хотя я просил только тридцать. Пять из них уже околели от разного рода несчастных случайностей в пути: одну загрызли товарки, две удавились, затянувшись в постромках, пока бежали лесом; и т. д. Кроме того, одна собака несколько дней тому назад заболела и еще не поправилась. Остальные тридцать четыре чувствовали себя превосходно; до нас доносился с берега их лай и вой.

За этой беседой мы подошли к Хабарову поближе, насколько оказалось возможным, и в 7 ч вечера бросили якорь на глубине около 7 м.

За ужином Тронтхейм рассказал о своих приключениях. На пути из Сосвы через Урал на Печору он услышал, что там свирепствует собачья чума. Поэтому он не решился продолжать путь на Печору, как первоначально намеревался, а пошел от Урала прямо к Югорскому Шару. К концу пути снег стоял, и он в компании с одним оленьим караваном продолжал идти со своими собаками по голой земле, по кочкам и камням, но все же на санях. Ненцы и вообще туземцы в северной Сибири не знают никакого другого способа передвижения.

Летние сани делаются обычно несколько выше зимних, чтобы не засесть с ними на камнях и пнях. Что сани на такой летней дороге идут далеко не гладко – понятно само собой.

После ужина мы сошли на плоский, низменный берег и сразу сделались предметом крайнего любопытства обитателей Хабаровы – русских и ненцев.

Первое, что обратило на себя наше внимание, были две церкви: старый заслуженный бревенчатый сарай, продолговатой, прямоугольной формы, и восьмиугольный павильон, который походил на домики или садовые беседки, какие я видывал дома. Эти церкви были двумя представителями: одна – старой, другая – новой веры. Не положило ли различие между двумя вероучениями отпечатка на эти две математические фигуры, я не могу сказать. Возможно, что простота старого направления нашла свое выражение в простом четырехугольнике, тогда как обрядности нового направления выразились в восьмиугольнике, с удвоенным числом углов, противостоящих друг другу. Потом мы должны были осмотреть монастырь – «скит», как его называют, – где жили или, вернее, умерли шесть монахов, по словам жителей, от цинги, но, вероятно, не без содействия спирта. Скит расположен прямо против новой церкви и похож на обыкновенную русскую избу. Теперь тут жил священник со своим псаломщиком, и по его приглашению у него остановился Тронтхейм. Тронтхейм попросил нас войти; мы сидели в двух теплых, уютных комнатах с открытыми печами, похожими на наши норвежские печи.

«Фрам» в Бергене по пути на Север

Потом мы пошли посмотреть собак, которые находились на равнине недалеко от домов и чумов. Лай и вой становились по мере нашего приближения все громче. Еще издалека мы были удивлены видом развевающегося на верхушке шеста норвежского флага. Лицо Тронтхейма озарилось гордой радостью, когда он увидел, что мы заметили флаг; он объявил, что предпринял свою экспедицию под таким же флагом, как и мы. Привязанные собаки задавали оглушительный концерт. Некоторые из них – с длинной белоснежной шерстью, стоящими вверх ушами и острой мордой – были с виду настоящими породистыми псами. Ласковые и добродушные, они сразу снискали наше расположение. Другие – короткошерстные, а иные из них черные и пестрые – смахивали на песцов. Различие пород бросалось в глаза с первого взгляда, вдобавок некоторые своими отвислыми ушами выдавали сильную примесь европейской крови. Осмотрев собак и подивившись, с какой жадностью пожирали они сырую рыбу (сиговой породы), что не обходилось у них без грызни с ближайшими соседями, мы предприняли небольшую экскурсию за дичью к находившемуся неподалеку озерку. От этого озера шла канавка, служившая водопроводом для Хабаровова. По словам Тронтхейма, она была вырыта монахами и, вероятно, являлась единственной работой, до которой они снизошли. Так как дно состояло из мягкой глины и канавка была узка и

мелка, вроде маленького рва или сточной траншеи, то вряд ли работа была чересчур утомительна. На холме над озерком находился флагшток, водруженный в честь нашего прибытия гостеприимным Тронтхеймом и с первой же минуты привлечший наше внимание. На вымпеле, как я случайно заметил, было написано: «Vorwärts». ^[94] Тронтхейм считал, что таково название нашего корабля. Он был сильно огорчен, узнав на судне, что настоящее его имя «Fram». Я утешил его, сказав, что смысл обоих слов одинаков и приветствие поэтому равноценно, выражено ли оно по-немецки или по-норвежски.

Потом Тронтхейм сообщил мне, что он норвежского происхождения. Его отец был капитаном судна из Тронтхейма, а мать – эстонка, жительница Риги. Отец его ходил в море и рано умер, поэтому сын и не научился по-норвежски.

Само собой разумеется, мы горели желанием прежде всего разузнать состояние льдов в Карском море. Нам не терпелось отправиться как можно скорее дальше; но сначала пришлось почистить паровой котел ^[95] и, кроме того, исправить кое-какие повреждения в трубах и клапанах машины. Понадобилось несколько дней, чтобы привести все в порядок. На следующее утро Свердруп, Педер Хенриксен и я в маленькой лодке с керосиновым двигателем отправились к восточному устью Югорского Шара, чтобы собственными глазами убедиться, каков лед на востоке.

Туда было 4 мили. По проливу с востока несло много льда, и так как ветер был северный, то мы пошли под северным берегом, где скорее можно было рассчитывать найти свободный фарватер. Мне выпала неблагоприятная задача быть одновременно рулевым и мотористом. Лодка двигалась геройски со скоростью примерно 6 миль в час. Все шло великолепно. Но, к сожалению, счастье редко бывает продолжительным, в особенности когда имеешь дело с лодкой, снабженной керосиновым двигателем. Из-за какого-то изъяна в циркуляционном насосе мотор вдруг остановился. Мы еле-еле доползли до северного берега, запинаясь на каждом шагу. Там я, после двухчасовой напряженной работы, настолько исправил мотор, что мы смогли продолжать наш путь к

северо-востоку, по проливу, среди плавучего льда. Дело кое-как шло, если не считать одной-двух остановок из-за разных непредвиденных капризов мотора. Каждый раз, когда силач Педер начинал крутить ручку, чтобы снова запустить мотор, тот давал такой толчок, что чуть не вывертывал ему руку из плечевых суставов, и Педер летел кувырком в лодку. Это вызывало взрыв веселья. Время от времени мимо нас с шумом пролетала стайка морянок (*Harelda glacialis*) или других птиц, и всяк ий раз одна или две падали жертвами наших выстрелов.

Сначала мы держались берегов Вайгача, но затем повернули к южной стороне пролива. Примерно на середине пути я был поражен неожиданным открытием, что под нами просвечивает дно. От неожиданности я чуть не посадил лодку на мель, которой никак уже не предполагал обнаружить здесь. Глубина была едва ли более одного-двух метров, и оттого течение неслось так стремительно, как в бурной реке. Мели и подводные скалы попадаются тут повсюду, в особенности на южной стороне Югорского Шара. Поэтому, проходя по проливу на судне, надо быть очень осторожным.

Мы пристали к берегу и вытащили лодку в маленькой бухте у восточного устья пролива. Облюбовав цепь холмов, зашагали к ним с ружьями за плечами. Шли по такой же плоской, волнообразной равнине с невысокими холмами, какую видели везде в окрестностях Югорского Шара. По равнине стелется коричнево-зеленый ковер из трав и мха, усеянный цветами редкой прелести. Всю долгую сибирскую зиму тундру одевает толстым покровом снег. Но едва лишь расправится с ним солнце, как из-под последних исчезающих снежных сугробов пробивается целый мир маленьких северных цветочных побегов, и, стыдливо краснея, раскрываются чашечки цветов, улыбающихся сиянию летнего дня, заливающему светом тундру.

Крупные цветы камнеломок (*Saxifraga*), изжелта-белые горные маки (*Papaver nudicaule*) растут пышными купами; там и сям синеют незабудки, белеют цветы морошки. Местами на болотцах стелется волнистой пеленой болотный пушок; в других местах густые поросли синих колокольчиков тихо позванивают от ветра на своих нежных

стебельках. Невелики эти цветы, лишь редкие из них крупнее пяти сантиметров, но тем они милее и тем привлекательнее для этих мест их красота; среди этих однообразных скудных равнин, где глазу не на чем отдохнуть, эти скромные чашечки цветов улыбаются тебе, и нет сил оторвать от них взор.

По этим беспредельным равнинам, простирающимся от одного края горизонта до другого, по необъятной шири азиатских тундр бродит кочевник со своими оленьими стадами. Прекрасная свободная жизнь! Где понравится, там он и ставит свою палатку, пуская оленей пастись вокруг; когда вздумается – снимается с места и едет дальше. Я ему почти завидую: никакой цели, никаких забот – только жить. Я почти не прочь побыть на его месте, пожить с женой и детьми среди этих бесконечных равнин свободно и весело.

Пройдя немного дальше, мы заметили белую фигуру, сидевшую на груде камней под небольшим холмом. Вскоре в разных направлениях привиделось еще несколько таких же фигур. Они сидели так тихо и неподвижно, что, право, походили на привидения. В бинокль мы рассмотрели, что это были снежные совы. Нам захотелось поохотиться на них, но для дробовика они оказались недоступны. Только Свердрупу удалось убить парочку из винтовки. Их здесь удивительно много; одним взглядом я мог насчитать кругом от восьми до десяти. Сидели они не шевелясь, молча, на травянистых кочках или на камнях, видимо, подстерегая пеструшек, которых, судя по многочисленным следам, должно быть тут множество. Мы, впрочем, не видели ни одной.

Музыкальное развлечение

С гребня кряжа открылся в северо-восточном направлении вид на Карское море. В подзорную трубу видно было, что вся поверхность моря покрыта льдом, к тому же довольно сплоченным и крупным, но между льдом и берегом тянулось к юго-востоку, насколько хватал глаз, широкое разводье. Вот и все, что мы могли здесь узнать, но и этого в сущности было достаточно. Проход, по-видимому, существовал, и мы, очень довольные, вернулись назад к лодке, где развели костер из плавника и сварили себе превосходный кофе.

Когда на костре закипел кофейник и можно было, растянувшись около него, спокойно покурить трубки, Свердруп почувствовал себя в своей сфере; язык у него развязался, и полился рассказ за рассказом. Как бы ни была угрюма и пустынна земля кругом, – если только на берегу достаточно плавника, чтобы развести лесной костер, – чем больше, тем лучше, – глаза Свердрупа разгораются, словно он попал в землю обетованную. Потому-то ему так и полюбились впоследствии сибирские берега – «самое подходящее место для зимовки», говаривал он.

На обратном пути мы на полном ходу налетели на подводный камень, лодка стукнулась о него раза два и проскочила; но когда она уже соскальзывала в воду, винт ударился о камень так, что корма высоко подпрыгнула и мотор завертелся с невероятной скоростью. Все это произошло меньше чем в секунду, и когда я остановил мотор, было уже поздно. К несчастью, оказалась сбитой одна из лопастей винта. Тем не менее мы все-таки продолжали путь и с одной лопастью. Лодка шла немножко неровно, но двигалась вперед довольно быстро.

Под утро, приближаясь к «Фраму», прошли мимо двух ненцев, которые, вытащив лодку на льдину и плашмя растянувшись на льду, подстерегали тюленей. Любопытно, что подумали они, глядя, как мы скользили мимо в маленькой лодчонке без пара, без паруса, без весел... Мы же сами, рассевшись с удобством в лодке, смотрели на этих «бедных дикарей» с самодовольным состраданием европейцев.

Но высокомерие не ведет к добру. Не далеко успели мы отъехать, как вдруг – трррр... ужасный треск... обрывки лопнувшей стальной пружины с жужжанием пролетели мимо моего уха, и – «мельница» остановилась. Ни назад, ни вперед. Оказалось, что от тряски при толчках однокрылого винта лот-линь постепенно втягивало в передачу махового колеса, а затем весь он очутился вдруг в механизме и настолько основательно в нем запутался, что привести машину в порядок можно было, только разобрав ее всю на части. Таким образом, пришлось нам смиренно возвращаться назад на веслах к нашему гордому судну, которое уже давно манило нас своими «котлами с мясом».

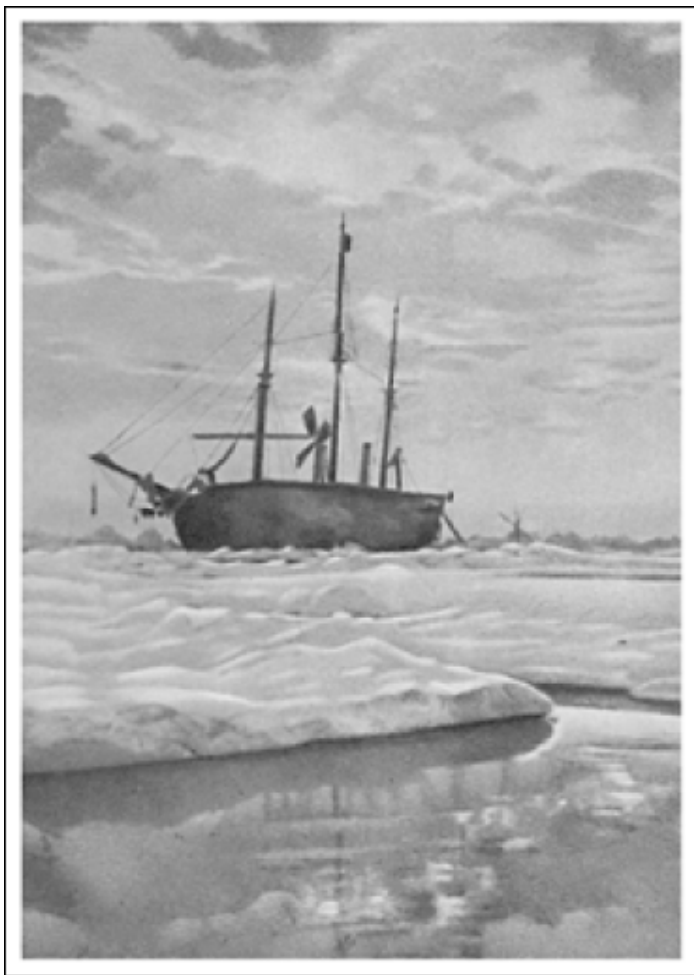
В итоге дня были получены сравнительно хорошие известия о Карском море, примерно сорок штук птиц – в большинстве полярных гусей и морянок, один тюлень и... приведенная в негодность моторная лодка. Лодку мы с Амунсеном вскоре снова привели в порядок, но при этом я, как ни прискорбно, навсегда подорвал свою репутацию среди местного русского и ненецкого населения. Некоторые из них утром были на судне и видели, как я работал в поте лица над починкой лодки, засучив рукава, без пиджака и без жилета, чумазый от копоти и машинного масла. Потом, придя к Тронтхейму, они говорили: «Какой же

это большой начальник? Работает, как простой матрос, а с виду хуже бродяги». Тронтхейм ничего не мог привести в мое оправдание; против фактов не поспоришь.

Вечером некоторые из нас отправились на берег, чтобы испытать собак. Тронтхейм отобрал десяток и запряг их в ненецкие нарты. Но едва я уселся и мы приготовились тронуться, как упряжка заметила поблизости какого-то злополучного чужого пса, и вся собачья свора сорвалась с места вместе с нартами и с моей драгоценной особой и кинулась на несчастное животное. Произошла невообразимая свалка: как стая диких волков, все десять наших собак набросились на одну; ее рвали и кусали, куда пришлось, кровь лилась ручьем, и жертва выла самым отчаянным образом. Тронтхейм бегал вокруг и бешено колотил своей длинной палкой направо и налево. Со всех сторон сбежались с криками ненцы и русские. А я сидел на санях в центре побоища в качестве онемевшего от ужаса зрителя. Прошло немало времени, пока я догадался, что тут, пожалуй, и для меня найдется дело. С воинственным криком бросился я на самых больших забияк, хватил одну, другую по загривку и дал, таким образом, бедняге возможность улизнуть.

Во время этой баталии собачья упряжь сбилась и перепуталась; потребовалось время, чтобы снова привести ее в порядок. Наконец все было готово, опять Тронтхейм хлопнул кнутом, крикнул: «Прр, прр», и мы бешено помчались по траве, глине и камням, пока не стала грозить опасность, что собаки унесут нас в устье маленькой реки (лагуны?). Упираясь ногами в землю, я тормозил изо всех сил, но собаки продолжали мчать меня за собой. Общими силами мне и Тронтхейму удалось остановить собак как раз в ту минуту, когда они намеревались броситься в воду, хоть мы и кричали на них во все горло: «Сасс, сасс» («стой, стой»), так что слышно было на все Хабарово. Наконец, нам удалось повернуть собачью упряжку в другую сторону, и она снова пустилась бежать так, что стоило больших трудов не слететь с саней. Это была беспримерная летняя прогулка, и мы невольно прониклись уважением к силе собак, которые с такой легкостью мчали двоих людей по этой скверной, чтобы не сказать больше, дороге. Очень довольные

вернулись мы на судно, обогащенные, сверх того, новым опытом: ведь езда на собаках, по крайней мере вначале, требует порядочного терпения.

Летний вечер

Сибирская собачья упряжь замечательна своей примитивностью: всего-навсего толстый веревочный или парусиновый хомут вокруг спины и брюха ездовой собаки, который придерживается на месте куском веревки, привязанным к шлейке (ошейнику), от которой под брюхом и затем между задними ногами идет постромка; эта постромка часто, по-видимому, причиняет собаке беспокойство.

Я был неприятно поражен, узнав, что все собаки, за исключением четырех, кастрированы. ^[96] Тронтхейм объяснил мне, что в Сибири кастрированные собаки считаются самыми лучшими. Это, однако,

расстраивало мои планы, я рассчитывал на умножение семьи во время плавания. Теперь оставалось возложить все надежды на четырех кобелей и на Квик – суку, которую мы взяли с собой в Норвегии. [\[97\]](#)

На следующий день, 1 августа, в Хабарово был большой праздник – Ильин день. Ненцы, ближние и дальние, прибыли со своими оленьими упряжками для празднования этого дня. Вначале они побывали в церкви, потом – все перепились до бесчувствия. Нам непременно нужны были с утра люди, чтобы накачать пресной воды в машинный котел и налить бочки питьевой водой; по случаю праздника нельзя было найти ни одного человека. В конце концов, пообещав щедрое вознаграждение, Тронтхейму удалось завербовать нескольких бедняков, у которых не хватало денег, чтобы вечером напиться, как подобало в такой день.

Утром в этот день я сошел на берег, отчасти для того, чтобы уладить дело со снабжением водой, отчасти, чтобы собрать окаменелости, которыми очень богата почва, особенно на мысу ниже пакгауза Сибирякова. Затем я отправился на холм, лежащий к западу, у флага Тронтхейма, и стал смотреть на море, нет ли «Урании». Но ничего не было видно, кроме непрерывной полосы моря. Тяжело нагруженный своими находками, вернулся я в Хабарово, где, конечно, воспользовался случаем посмотреть на празднество.

Уже с раннего утра появились женщины в своих лучших нарядах. Яркие цвета, юбки со множеством складок и сборок, косички волос, спускающиеся низко по спине и заканчивающиеся большими цветными бантами. Перед крестным ходом старый ненец и молодая стройная девушка привели тощего оленя, которого надлежало принести в жертву у старой церкви. Здесь господствовал, как сказало выше, раскол; почти все ненцы в этой местности были староверами и посещали старую церковь. Вместе с тем ходили они иногда и в новую, чтобы, насколько я мог понять, не обидеть священника и Сибирякова. Или, быть может, это делалось для того, чтобы вернее обеспечить себе доступ в царство небесное? Судя по тому, что я узнал по этому поводу от Тронтхейма,

главное различие двух религий состоит в способе совершения крестного знамения или в чем-то вроде этого.

Сегодня в обеих церквах был большой праздник. Все ненцы побыли недолго в новой церкви, чтобы сейчас же устремиться в старую. У них там не было священника; но сегодня они сложились и предложили священнику новой церкви два рубля, чтобы он совершил богослужение в старой церкви. Тот, после зрелого размышления, согласился и в полном священническом облачении переступил ветхий порог церкви. Здесь был до того спертый воздух, что я не мог простоять более двух минут и вернулся на судно.

После обеда поднялся шум и гам, с течением времени все усиливавшийся. Очевидно было, что теперь наступила самая серьезная часть праздника. Несколько ненцев рыскали на оленях по равнине, как безумные. Они уже не могли сидеть на санях, а лежали или волочились за санями, без умолку горланя. Некоторые из моих товарищей были на берегу, и их рассказы о том, что там творилось, были далеко не назидательны. Все без исключения, и мужчины и женщины, пере пились и шатались по селу, выписывая ногами кренделя. В особенности произвел неизгладимое впечатление один молодой ненец. Он сел в нарты, хлестнул оленей и помчался сломя голову между чумами, давя крепко привязанных собак, песцов и все, что ему попадалось на пути; потом вывалился из нарт и, зацепившись за вожжи, потащился по песку и глине. Святой Илья, должно быть, почел себя крайне польщенным таким чествованием. К утру шум повсюду постепенно затих, весь поселок заснул сном пьяного.

На следующий день нельзя было найти ни одного человека, способного помочь перегрузить уголь. Большинство после ночной попойки пребывало целый день в беспробудном сне. Нам пришлось обходиться собственными силами. До вечера управиться не успели, а мне уже не терпелось пуститься в путь. Ведь драгоценное время уходило. Надежду на «Уранию» я уже давно оставил. Да в сущности нам больше и не нужен был уголь. Ветер уже несколько дней дул с юга и, несомненно, отогнал лед Карского моря на север.

Свердруп твердо надеялся, что нам удастся про йти чистой водой до самых Новосибирских островов, так что, по его мнению, особенно спешить было незачем. Надежды, однако, часто бывают обманчивы, и мои взгляды на будущее представлялись далеко не столь светлыми. Я торопился по возможности скорее пуститься в путь.

За ужином мы торжественно вручили Тронтхейму золотую медаль короля Оскара «За особые заслуги» в награду за усердие, с которым он выполнил свою далеко не легкую задачу, и за существенную помощь, оказанную тем самым экспедиции. При виде красивой меда ли на цветной шелковой ленте его честное лицо засияло радостью.

На следующий день, 3 августа, мы, наконец, были готовы к отплытию. После полудня прибыли с оглушительным гамом все тридцать четыре собаки. Их привязали на фордеке. Для начала псы постарались доставить нам своим несмолкаемым хором больше музыкальных развлечений, чем мы того желали. Вечером назначен был выход. Уже разведены пары, все было готово. И вдруг налег такой густой туман, что совсем закрыло берега. Приближалась минута, когда последний провожавший нас друг, Кристоферсен, должен был покинуть корабль. Мы дали ему необходимое количество провианта и малую толику пива из запаса, подаренного Рингнесом. И пока все это упаковывалось, мы с лихорадочной поспешностью писали прощальные письма домой. Наконец, последние рукопожатия, Кристоферсен и Тронтхейм спустились в лодку и вскоре исчезли в тумане.

С ними уходила последняя почта домой, обрывалась последняя нить, связывающая нас с родиной. Совершенно одни остались мы в море тумана. Теперь уж едва ли какое-либо известие о нас дойдет до мира прежде, чем мы сами привезем сообщение о своей удаче или неудаче. Правда, представлялась возможность послать письма еще из устья реки Оленек, где мы, по уговору с Толлем, должны были забрать добавочных собак, но я считал это маловероятным. Лето уже подходило к концу, и я предчувствовал, что состояние льдов будет далеко не столь благоприятным, как бы нам хотелось.

Путешествие Тронтхейма

Александр Иванович Тронтхейм описал свое продолжительное и трудное путешествие с собаками в «Тобольских губернских ведомостях» (1893, № 39–42). Этот рассказ, с его слов, был записан А. Крыловым и затем перепечатан в «Известиях Русского географического общества» за 1893 г.

Я привожу здесь краткое из него извлечение.

После того как был заключен контракт с Э. В. Толлем, Тронтхейм уже 28 января (16 января старого стиля) был в Березове, где в это время происходил сбор ясака и где поэтому было большое стечение остяков и ненцев. Тронтхейм воспользовался этим и купил 40 отборных ездовых собак. С ними он отправился в село Мужы, где стал собираться в «очень долгий путь»; сборы заняли время до 16 апреля. Тронтхейм заготовил около 300 пудов корма для собак, особенно сушеной рыбы, и подрядил зырянину Терентьева – доставить его с собаками и кладью, с помощью стада оленей в 450 голов, к Югорскому Шару. Три месяца шли они с караваном, с оленями, собаками, женами и детьми по пустынным местностям северной Сибири.

Сначала пришлось перевалить Урал. «Выезд из Мужей последовал 4 (16) апреля. Собаки были привязаны к нартам по 4 штуки. Экспедиция двигалась довольно быстро. В течение дня делали не более двух привалов: на время обеда и ночью. Зыряне-оленоводы ехали на кочевку со своими семьями, вечером при остановках они ставили чумы, разводили огонь и долго варили пищу как людям, так и собакам. Затем весь стан засыпал, предоставляя собакам караулить оленей. Рано утром, при начале пути, когда еще можно было различать конец ночи и начало дня, зыряне при помощи тех же собак собирали в кучу оленей, быстро снимали чумы и вновь двигались. Это была скорее кочевка, чем путешествие: двигались не прямо к цели, а огибая большие пространства, и останавливались не там, где хотелось, а там, где было удобно для оленей и где они могли найти себе мох.

Из села Мужей экспедиция шла по реке Войкару до его вершины, а с вершины стала подниматься на Уральский хребет, через проход Хайла.

Переваливая через хребет, старались идти у подножия гор, не поднимаясь на них. Это хотя и удлиняло путь, но спешить вообще не было надобности; вдобавок к этому времени вершины гор очистились от снега и следовать по ним на нартах было бы крайне затруднительно.

На Северном Урале замечается вообще совершенная противоположность его южным горам: там снег быстро тает внизу, оставаясь на вершинах гор, здесь же, наоборот, – вершины гор освобождаются прежде, чем лучи солнца проникнут в долины. В некоторых долинах, особенно защищенных с юга и более открытых для северных ветров, снег не сходит все лето.

Перевалив за Урал, путники шли сначала по реке Лембе, а потом, переправившись через нее, по системе небольших речек, названия которых не мог сказать ни один зырянин. Наконец, 22 апреля экспедиция дошла до реки Усвы (вероятно, Усы).

Изба зырянина Никитцы (или Никиты), много лет назад поселившегося здесь и устроившего ее себе вместо чума для зимы, – единственный жилой пункт на громадном пространстве, измеряемом сотнями верст. На этом пространстве лишь изредка можно встретить кочующих зырян и еще реже забредшего по прихоти оленей ненца.

Необходимо заметить, что, приближаясь к избе Никиты, путешественники с большим трудом перешли реку Усву, пользуясь образовавшимися на ней от оттепелей полыми местами. В тундре снег был еще очень глубокий, но вследствие оттепелей и ночных холодов образовалась гололедица, что замедляло путь и затрудняло добычу пищи оленями. Было решено, чтобы не изнурять оленей, остаться близ избы Никиты недели на две.

На всем протяжении от верховьев Войкара до реки Усвы и далее растет лес, в котором преобладает ель; иногда же встречаются лиственница, низкорослая сосна и изредка береза. Особенного внимания заслуживает тонкая и крепкая ель – одно из полезных деревьев для северного населения. Она редко достигает здесь значительной толщины, хотя довольно высока; из-за неблагоприятных климатических условий и почвы растет она очень медленно.

С реки Усвы до реки Воркуты и еще несколько далее Тронтхейм со спутниками шел тоже лесом, который рос в изобилии. К середине мая, по мере того как караван подвигался далее в тундру, лес становился все мельче и мельче и 15 (27) мая сменился совершенно мелким перелеском. Затем лес переходит в кустарники, растущие местами зарослями, и начинается настоящая тундра. Чтобы при вступлении в тундру не остаться без топлива, в лесу нарубили и набрали валежника и другого сухого леса восемь нарт. 16 (28) мая лес окончился совершенно и путники вступили в настоящую тундру; по дороге изредка лишь попадались небольшие кустарники, которые чем дальше, тем становились реже и меньше. Местность была гористая. На вершинах гор снег стоял совершенно, в оврагах же и у подошвы было его еще довольно. Старались идти низменностями, что было легче для оленей.

Двинулись далее 17 (29) мая. Караван Тронтхейма шел довольно быстро, так как зыряне старались скорее пройти место, где несколько лет назад пало большое стадо оленей. Такие места все оленеводы хорошо знают и стараются их обойти, так как на них олени легко могут заразиться. Находя кости своих собратьев, олени грызут их и получают заразу. Не дай бог, если стадо постигнет это несчастье: болезнь быстро переходит от одного оленя к другому и за день уносит десятки голов. [\[98\]](#)

Чем дальше шел караван, тем быстрее иссякал запас дров. Приходилось набирать мелкий кустарник и, подложив под него несколько сухих поленьев, бывших в запасе, разводить костер; на нем с трудом можно было вскипятить воду и приготовить пищу. Погода в течение всего мая стояла сырая, туманная; за все время пребывания Тронтхейма за Уралом выдалось только два-три хороших дня.

В местности этой много болот, или, вернее, вся низменность представляет одно сплошное болото. Местами приходилось идти по пояс в воде; так, 24 мая (5 июня) весь день брели по воде, боясь, что собаки простудятся. 25 мая (6 июня) дул сильный северо-восточный ветер. Ночью был сильный мороз, замерзли два молодых оленя, три таких же оленя были похищены из стада волками. На следующий день мороз усилился: снег под копытами оленей уже не проваливался. Утром

караван достиг небольшой речки, впадающей в Каратайку; названия речки зыряне не знали, но она была очень быстрая; долго пришлось искать удобного перехода, который нашли только к вечеру. На следующее утро при помощи жердей, снятых с чума, и досок был устроен мост, по которому караван благополучно перебрался на другой берег. Это было недалеко от верховьев Каратайки.

Следуя далее, Тронтхейм вскоре встретил несколько ненцев, кочевавших в этой местности. Они рассказали, что в устье Кары, верстах в 40 от моря, в середине прошлого лета обсох и погиб неизвестно как зашедший в реку кит, имеющий в длину сажен до десяти. Ненцы никогда не видали такого чудовища. Они топором отрубили у него хвост, нашли много жиру, но не знали, что делать с ним далее. К концу лета труп начал разлагаться и покрылся червями. Киты вообще весьма редко заходят в Карское море и ненцы не умеют пользоваться ими.

Переправившись через верховья Воркуты, караван 2 июня дошел до Балбинского озера, одного из самых больших и глубоких в тундре. Хотя уже был июнь, на нем сохранился еще довольно крепкий лед, по которому караван осторожно перешел на другую сторону. Из Балбинского озера вытекают две речки: одна впадает в Усву, а другая – Кара оканчивается в Карском море. По рассказам одного ненца, встретившегося Тронтхейму за Балбинским озером, с реки Печоры можно без труда попадать речками в Карское море: реки Усву и Кару в одном месте разделяет волок не более 30–35 м. Этим путем иногда пользуются ненцы во время кочевок.

5 (17) июня встретились с зырянином-оленоводителем, занимающимся торговлей, у него купили две бутылки вина по 70 коп. за бутылку. Встреча, по обыкновению, носила очень дружелюбный характер и закончилась обоюдным угощением. В тундре простым глазом видят на очень большое расстояние, и зоркие глаза зырянина за десяток верст различают другое стадо или дымок чума. Ни один кочевник, заметив в пути за десять—двадцать верст присутствие другого человека, не упустит случая побывать у него в стане и поговорить и угоститься чаем, а тем более водкой. На другой день встречи, 6 (18) июня, в стан

приехало на четырех нартах несколько человек ненцев, узнавших о передвижении каравана. Их угостили чаем. Разговор, происходивший по-ненецки, касался здоровья, оленей, пройденного пути, дороги к Югорскому Шару. Когда все немногочисленные новости тундры были исчерпаны, ненцы отправились обратно.

Вдали видны уже были отроги Малого Урала, до которых караван шел более трех дней. Путь был трудным: не было топлива, и лишь изредка попадался мох; оленей кое-как подкармливали прошлогодней травой. На пути встречалось много речек и озер, лед на которых еще не стоял, переходили через них безопасно. Добравшись до Малого Урала, караван старался идти по долинам между гор, где лежал глубокий снег. Охота в горах была очень хорошая, и в ней приняли участие все зырян е. Особенно много было уток и гусей.

Почти до 16 июня караван не встречал обильного корма для оленей; приходилось довольствоваться немногим. Между тем время шло быстро, приближался срок явки Тронтхейма в Югорский Шар, нужно было идти быстрее, что сделать каравану, насчитывающему 40 нарт и 450 оленей, не считая телят, было нелегко. Решили разделить караван, оставить жен и детей, весь домашний скот и двинуться налегке, захватив с собой только немного провианта. Но для этого нужно было найти местность, где имелся мох, могущий прокормить оленей хотя бы в течение месяца. Такое место и встретили 16 (28) июня. В этот день караван разделился: в тундре осталось 30 нарт, чум, все женщины и дети, которые должны были кочевать здесь и через две-три недели прийти на то же место; мужчины-зыряне вместе с Тронтхеймом, взяв десять нарт, отправились дальше.

Утром 24 июня (6 июля) Тронтхейм заметил, что караван сильно уклонился от заданного направления. Чтобы не сбиться с пути, на легких нартах был послан для осмотра дороги работник, встретивший верстах в пяти-шести чиновника Архангельской губернии, ездившего для разбора ненецких дел, который сказал, что до Кары всего 40 верст. Когда разведчик вернулся, караван двинулся дальше. Чем далее, тем труднее становился путь: снегу было мало, местами лежала голая земля.

27 июня (9 июля), чтобы обозреть окрестности, путешественники на двух легких нартах поднялись на высокую гору. С вершины они разглядели на севере открытое море.

Отправившись на следующий день в путь, караван скоро увидел небольшую церковь и несколько чумов. Это оказалось сибиряковское селение, отстоящее от Хабарово в 5верстах. В полночь 28 июня (10 июля) караван прибыл в Хабарово. Зыряне на другой день были отпущены. Из расспросов выяснилось, что в Югорский Шар пароход еще не приходил. Море вдоль берега Югорского Шара на необозримое пространство было покрыто льдом, нанесенным сюда северными ветрами. Только к 10 (22) июля море очистилось.

В ожидании парохода Тронтхейм коротал время в охоте и уходе за собаками, которые находились в прекрасном состоянии. Нередко Тронтхейм бывал в сибиряковском селении, которое служило сборным пунктом для окрестных ненцев: они собирались сюда, чтобы сдавать свои товары. Невеселую картину приходится видеть в этом маленьком, заброшенном на край света селении. Сюда ежегодно летом, в большинстве случаев из Пустозерска, приезжают 2 –3 приказчика или торгующие крестьяне-кулаки для того, чтобы скупить у приезжающих ненцев и частью зырян медвежьи шкуры, нерпичье сало и кожу, олени шкуры и тому подобные товары. Торговля шла меновая на чай, сахар, муку, домашнюю утварь. Ни одна купля и продажа не обходится без водки, до которой ненцы большие охотники. Подпоив бедного дикаря, кулак беспрепятственно обирает его, скупая у него все за бесценок. В конце сделки оказывается, что ненец остается должником своего благодетеля. Водкой торгуют все приезжающие в селение торговцы, и потому все лето здесь происходит страшное пьянство. Как велик расход на вино, можно судить по тому, что винными бочонками уставлен целый амбар. Никакого надзора за торговлей здесь нет, да трудно его и организовать. Зимой, когда установится санный путь, из сибиряковского селения отправляются на оленях караваны с товарами, купленными у ненцев, и пустыми винными бочонками.

18 (30) июля Тронтхейм с берега увидел сначала дым, за которым вскоре показался пароход. Не было никакого сомнения, что это давно ожидаемый «Фрам». Тронтхейм на маленькой ненецкой лодочке поехал навстречу и, подплыв к пароходу, закричал по-русски, чтоб его взяли на палубу. С парохода спросили, кто он, и, когда он назвал свое имя, приняли на палубу. Здесь его встретил сам Нансен, одетый в замасленную рабочую куртку; Нансен совсем еще молодой человек невысокого роста. Каждое его движение и слово говорят об энергии, силе воли и стойкости. Его обращение с подчиненными, подобранными молодец к молодцу, отличается задушевностью и любовью. По-видимому, это одна семья, соединенная одной идеей, страстно стремящаяся к ее осуществлению. Весь тяжелый, черный труд разделен между экипажем поровну, и тут нет различия между простым рабочим-матросом, капитаном и самим начальником экспедиции, подающим всегда и во всем пример. Этот общий труд является связующим звеном всего экипажа. Такие отношения между экипажем произвели на Тронтхейма очень благоприятное впечатление, видно, что в трудную минуту путешествия экипаж сумеет постоять за себя.

А. И. Тронтхейм бывал на «Фраме» ежедневно, обедал и завтракал там. По его словам, судно прекрасно устроено и ни в чем не нуждается. Каюты обширны и устроены с комфортом. Прекрасная библиотека, снабженная лучшими произведениями европейской классической литературы, различные музыкальные инструменты – от прекрасного концертного рояля^[99] до флейты и гитары, шахматы, шашки и тому подобные развлечения, – все к услугам экипажа. Оснащение судна не оставляет желать лучшего; оно как нельзя более приспособлено к плаванию между льдами. Экипаж состоит из тринадцати человек; это все люди, неоднократно плававшие в полярных водах и бывшие не простыми матросами; при Нансене находится также доктор. «Фрам» снабжен провизией на пять лет, но ее хватит более чем на шесть. Мясо консервировано и герметически закупорено в стеклянные банки; в таких же банках находятся различные бульоны и т. п.; сделан большой запас жировых веществ, несколько тысяч бутылок пива и эля довершают

запасы. Вина на судне нет. Только в аптеке находится десятка два -три бутылок хорошего коньяку; весь спирт, запасенный для коллекций, отравлен. По мнению Нансена, употребление вина на Крайнем Севере вредно и оно, взятое в такую трудную и опасную экспедицию, может сослужить очень печальную службу, а потому он нашел лучшим заменить вино фруктами и различными сладостями, запас которых на пароходе довольно велик. Освещается «Фрам» электричеством. Большую часть дня во время стоянки экипаж проводит вместе. При общности труда, все обязанности каждого члена экипажа распределены точно, до мельчайших подробностей. Завтракают и обедают все вместе, исключая исполняющего обязанности повара, прислуживая друг другу. Здоровье и веселье видны на всех лицах. Непокколебимая уверенность главы экспедиции Нансена в счастливом исходе экспедиции вселяет бодрость и уверенность во всем экипаже.

22 июля (3 августа) на «Фрам» перегружали из трюма уголь в кочегарку. В этой работе участвовали все во главе с самим Нансеном. Работа шла дружно, весело. В этот же день Нансен со своими спутниками пробовал на берегу собак, для чего их запрягали по 8 штук (следовало бы сказать 10) в нарту, в которую садилось по три человека. Нансен остался очень доволен собаками, благодарил Тронтхейма за умелый выбор и прекрасное состояние, в котором находились собаки.

Когда собаки были приняты и переведены на судно, Тронтхейм обратился к Нансену с просьбой дать ему удостоверение в точном и добросовестном исполнении данного ему поручения. Нансен на это ответил: «О, нет, удостоверения и аттестата мало! Вы выполнили условие весьма добросовестно и тем оказали экспедиции большую услугу. Я имею поручение передать вам золотую медаль, пожалованную вам нашим королем за ту немалую помощь, которую вы вызвались оказать».

При этих словах Нансен передал г. Тронтхейму большую с короной золотую медаль. На лицевой стороне медали имелась следующая надпись: «Oskar II Norges og Sveriges Konge. Broderfolkenes vel» [«Оскар II, король Норвегии и Швеции. Благодеяние братских

народов»], а на другой стороне: «Belønning for fortjenstlig verksomhed A.I.Trøntheim» [«Вознаграждение за полезную деятельность А. И. Тронтхейму»]. Вручив медаль, Хансен дал Тронтхейму удостоверение о пожаловании медали и об отличном исполнении поставки.

В этот же день ночью Хансен решил отправиться в дальнейший путь, не дожидаясь прихода вспомогательного судна с углем, «Урании», которая, по его предположениям, была задержана льдами.

Тронтхейм под вечер простился со всем экипажем, пожелал достигнуть намеченной цели. Вместе с ним на берег с «Фрама» вышел и секретарь Хансена, г. Оли Кристоферсен, сопровождавший путешественников из Вардё. При прощании Хансен оставил сошедшим с судна обильный запас провизии, так как Кристоферсену и Тронтхейму приходилось ждать «Урании» и на ней возвратиться обратно. Ровно в 12 ч ночи с 23 на 24 июля (4–5 августа) «Фрам» дал отходный свисток и направился к выходу в море».

7 августа пришла, наконец, в Хабарово «Урания». Как я и предполагал, она была задержана льдами, но в конце концов благополучно из них выбралась. 11 августа Кристоферсен и Тронтхейм могли поэтому отправиться на ней домой. В Вардё они прибыли 22 -го, претерпев в пути некоторый недостаток в пище. Яхта, которая оставила место своего снаряжения – остров Брён – в начале мая, не была подготовлена для продолжительного путешествия, и последние дни экипаж ее питался главным образом морскими сухарями и водой.

Глава четвертая По Карскому морю

Пуститься в путь мы смогли не сразу после того, как Кристоферсен и Тронтхейм покинули нас. Фарватер был слишком опасен, чтобы рисковать и идти в густом тумане. Едва туман поредел, была спущена моторная лодка. Я намеревался идти на ней перед судном, все время делая промеры.

В полночь отправились. Скотт-Хансен с ручным лотом стоял на носу лодки. Пошли на северо-восток к оконечности Вайгача, как советовал Паландер,^{[\[100\]](#)} потом дальше по проливу, держась вайгачской

стороны. Туман иногда сгущался настолько, что мы с трудом различали силуэт следовавшего за нами «Фрама». В свою очередь, и люди на борту «Фрама» тоже не раз теряли из виду нашу лодку. Но пока сохранялась достаточная глубина, мы видели, что судно идет верным курсом, и спокойно продвигались вперед. Вскоре туман немного поредел, зато глубина стала уменьшаться: сперва 9 и 10 м, потом снизилась до 8 м и, наконец, до 7 м. Это было уже чересчур мелко. Повернули назад и дали знак «Фраму» остановиться. Забрав мористее, отыскивали более глубокий фарватер, и «Фрам» опять мог идти полным ходом.

Время от времени мотор нашей лодки повторял свои обычные капризы и, наконец, остановился. Пришлось подлить газолена, чтобы снова пустить машину в ход. Как раз в этот момент лодку подкинуло волной, газолена расплескался и вспыхнул. Горящая жидкость разлилась по дну лодки, где и раньше было уже пролито ее немало. В мгновение ока вся корма превратилась в огненное море. Затлелась и моя забрызганная газоленом одежда. Я вынужден был перебежать на нос. Положение становилось критическим, тем более что вспыхнул большой, наполненный до краев газоленом, бидон. Погасив на себе одежду, я снова бросился на корму, схватил бидон и вылил горящую жидкость в море, причем сильно обжег себе пальцы. В ту же минуту вся поверхность моря вокруг запылала ярким пламенем. Я схватил черпак и принялся из всех сил поливать лодку водой. К счастью, самый сильный огонь удалось быстро погасить. С борта «Фрама» все это представлялось довольно скверной картиной; экипаж стоял наготове с канатами и спасательными кругами.

Скоро мы покинули Югорский Шар. Туман тем временем настолько рассеялся, что можно было разглядеть низкий берег, часть моря впереди нас и плавающий лед вдаль. В 4 ч утра (4 августа) миновали Соколий остров и вышли в Карское море, которого так опасались. Теперь должна была решиться наша судьба. Еще до отъезда с родины я не раз говорил, что если нам удастся счастливо пересечь Карское море и миновать мыс Челюскина, – самое трудное будет сделано. Виды на будущее теперь

были довольно благоприятны: сверху из бочки видно было, что вдоль всего берега к востоку простирается открытая вода.

Полтора часа спустя подошли к кромке льда. Лед был настолько сплочен, что нечего было и думать сквозь него пробиться. Впрочем, на северо-западе он был значительно реже и на краю неба виднелось синее небо. ^[101] Пошли поэтому сквозь редкий лед вдоль берега на юго-восток, а в полдень свернули в открытое море; синее небо на востоке и северо-востоке указывало на чистую воду впереди. В 3 ч пополудни лед, однако, снова сплотило, и я счел более благоразумным опять повернуть под берег, в разводье. Конечно, такой плавучий лед можно было форсировать, но он мог и захватить нас; подвергать себя такому риску было преждевременно.

Сигурд Скотт-Хансен, старший лейтенант

На следующее утро (5 августа), идя все время под берегом, достигли устья реки Кары и взяли курс на Ямал. Вскоре показалась эта низменная земля. Но после полудня мы попали в туман и густой лед. Следующий день был не лучше. В конце концов стали на якорь у большой ледяной глыбы, сидевшей на мели у берега Ямала.

Вечером несколько человек съехало на берег. Было так мелко, что лодка села на мель в порядочном расстоянии от берега, и пришлось идти к берегу вброд. Берег совершенно плоский, песчаный, гладко отшлифованный волнами. Во время прилива он целиком заливадается

водой. Прямо перед нами виднелись крутые песчаные холмы высотой в 10–12 м, а местами даже выше 20 м.

Мы побродили немного по берегу. Местность повсюду плоская и неприветливая. Наносный лес (плавник) весь засыпан песком и промочен насквозь. Не видно никаких птиц, кроме двух-трех куликов. Когда подошли к озерку, в тумане впереди я услышал крик кайры, но ее самую не видал. Пелена тумана, куда ни повернись, скрывала окрестности. Попадалось немало оленьих следов, но, само собой разумеется, только домашних, принадлежащих ненцам. Живут здесь исключительно одни ненцы. И какая это пустынная, унылая страна!

Высадка на полуостров Ямал

Один только наш ботаник собрал здесь кое-какую жатву. Между кочками повсюду пленительно улыбались цветы, словно присланные в эту страну туманов вестниками из царства света. Прошли довольн о далеко по равнине, встречая лишь небольшие озерки с разделяющими их низкими перешейками и пригорками. Над этими озерками часто слышались крики кайр, но мы ни разу ни одной так и не видели. Все озерки имеют удивительно правильную круглую форму и крутые бе рега, словно они сами вырыли себе ложе в песке.

Из весел и большого брезента было устроено нечто вроде палатки. По счастью, нам удалось найти немного сухого плавника, и вскоре в

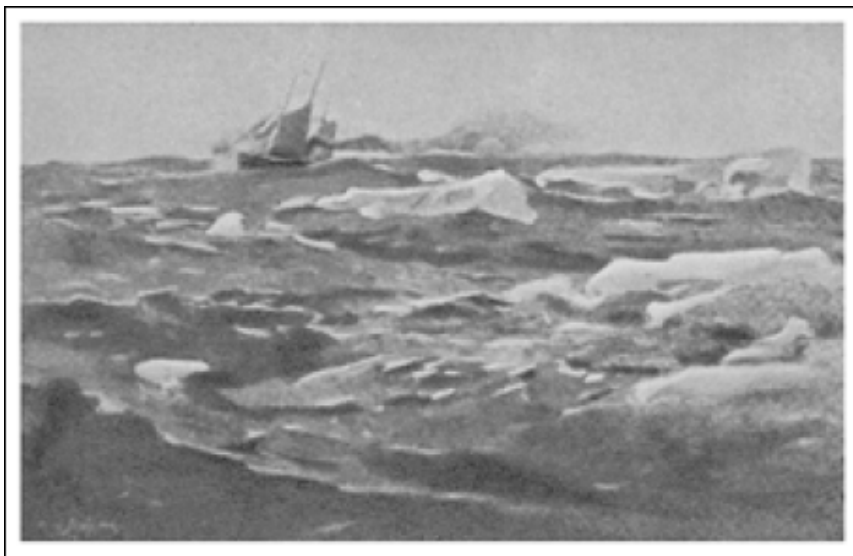
палатке пахло горячим и вкусным кофе. Мы закусили, напились кофе, закурили трубки, и тут Йохансен поразил нас всех: несмотря на свою тяжеловесность и упитанность, тут же перед палаткой на тяжелом мокром песке он проделал одно за другим несколько сальто -мортале, не снимая с себя длинного офицерского плаща и полных воды болотных сапог.

В половине седьмого утра прибыли снова на корабль. Туман рассеялся, но лед, дрейфовавший взад и вперед с приливом и отливом, дальше к северу оставался все таким же сплоченным. Перед полуднем нас посетила лодка с двумя дюжими ненцев. Приняли их любезно, накормили и угостили табаком. Из их рассказов мы поняли, что они живут в чумах, в глубине страны, дальше к северу. Ненцы уехали к себе домой нагруженные подарками. Это были последние встреченные нами люди.

На следующий день лед оставался все таким же сплоченным, и так как ничего другого предпринять было нельзя, то после обеда несколько человек опять отправились на берег, отчасти для того, чтобы поближе познакомиться с этой малоизвестной страной, отчасти чтоб постараться отыскать стоянку ненцев и выменять у них меха и оленье мясо. Своеобразна эта плоская равнина. Ничего, кроме песка, всюду один песок. Она еще более плоская и еще пустынее, чем земля у Югорского Шара, и еще более необозрима. Равнину покрывал зеленый ковер из травы и мхов, кое-где разорванный ветром, который распахнул его и набросал на него сыпучий песок.

Сколько мы ни ходили и ни искали ненецкого жилья, так и не нашли. Единственным достижением было то, что увидели далеко -далеко три существа мужского пола, которые, однако, едва заметив нас, поспешили как можно скорее скрыться. Дичи встречалось мало – несколько белых куропаток, куликов и морянок, вот почти и все. Главную нашу добычу составили опять же коллекция растений и кое -какие геологические и географические наблюдения. Оказалось, что здешний берег показан на картах не менее чем на полградуса долготы западнее, чем в действительности.

Только на следующий день (9 августа) около полудня мы вернулись на судно. Лед на севере как будто бы несколько разошелся. В 8 ч вечера, наконец, снова двинулись в путь.

«Фрам» в Карском море

Рисунок

Лед встретился легко проходимый, и через три дня удалось выйти на открытую воду. В воскресенье, 13 августа, мы прошли по открытому Карскому морю мимо северной оконечности Ямала и Белого острова. Льдов нигде не было видно.

В течение следующих дней непрерывно дул довольно свежий восточный ветер, часто переходивший в очень крепкий, и, чтобы продвигаться на восток, пришлось лавировать под пару сами. Нельзя сказать, чтобы «Фрам» хорошо шел под бейдевиндом, ^[102] так как корпус судна широк и оно почти не имеет киля. К тому же его слишком сильно сносило течением. Наше продвижение на восток было весьма незначительным. В судовом журнале то и дело значилось: «ветер противный»; «ветер противный». Дневник в этом месте однообразнее обычного, но так как он может иметь интерес для навигации по этому морю, то я приведу некоторые записи, в особенности те, которые касаются состояния льдов.

«В понедельник, 14 августа, мы лавировали на одних парусах против сильного ветра. В собачью вахту (с 4 до 6 ч утра) видны были отдельные льдины, потом по всему горизонту лед исчез».

«Вторник, 15 августа. В собачью вахту ветер утих, паруса закрепили и развели пары. В 5 часов утра шли под парами к востоку по свободному от льда морю, но после полудня ветер опять засвежел с востока-северо-востока и мы должны были лавировать под паром и парусами. Отдельные полосы льда виднелись вечером и ночью».

«Среда, 16 августа. Так как Карское море оказалось удивительно свободным ото льда и с северо-востока шло сильное волнение, то мы решились держать курс на север, насколько возможно дальше, хотя бы даже до острова Уединения.^[103] Но в половине четвертого пополудни встретился сплошной ледяной пояс, перед которым пришлось отступить. Свежий ветер и сильная зыбь. Лавируя, продвигаемся на восток вдоль кромки льдов.

Вечером едва не потеряли нашей моторной лодки. Ее беспрерывно заливало водой: в двух местах у нее вышибло борт, а крепкие шлюпбалки, на которых она была подвешена, погнулись, как медная проволока. Наконец, двоим из нас удалось -таки принайтовать ее к борту судна, хотя волны хлестали через нас. Какой -то несчастный рок тяготеет над этой лодкой!»

«Четверг, 17 августа. По-прежнему лавируем под парусами и паром в битом льду вблизи кромки сплоченных льдов. По -прежнему штормит, и как только выходим немного из льда, ощущаем сильную зыбь».

«Пятница, 18 августа. Шторм продолжается. Держим курс на юго - восток. В 7 ч 30 мин утра Свердруп увидел к югу от нас землю, он находился в это время наверху в бочке, высматривая медведей и моржей на льдинах. В 10 ч утра я сам поднялся наверх, чтобы тоже взглянуть на эту землю. Она лежала от нас в расстоянии немногим больше 10 морских миль. Это низменная земля, по -видимому, такого же характера, что и

Ямал, с травянистой растительностью и обрывистыми песчаными косогорами. Ближе к берегу становилось мелко. Невдалеке от нас сидела на мели ледяная глыба (стамуха). Лот показывал все убывавшую

глубину, к половине двенадцатого она дошла до 16 м, но в 12 ч глубина неожиданно выросла опять до 40 м и вслед за тем стала непрерывно увеличиваться. Между берегом и стамухами, с подветренной стороны от нас, тянулось, по-видимому, разводье с несколько более глубоким фарватером, где было меньше сидевшего на грунте льда. Трудно было предположить, что в этом месте, где проходили Норденшельд, Эдвард Йоханнесен и вдобавок, вероятно, много русских, существует какая-то новая земля. Однако наши наблюдения не оставили сомнений, и земля получила в честь открывшего ее Свердруп название острова Свердрупа.^[104]

Так как с наветренной стороны у нас все еще было много льда, то мы продолжали идти на юго-восток, стараясь держаться поближе к ветру. Погода ясная. В 8 ч был замечен материк с лежащим перед ним островом Диксона. Первоначально мы намеревались зайти сюда и, бросив якорь, сложить на берегу под камнями нашу почту на родину. Капитан Виггинс^[105] дал нам обещание зайти сюда по пути к Енисею и взять письма. Но тем временем ветер стих, условия были благоприятные, а время дорого. Поэтому отказались от посылки почты и направились дальше вдоль берега. Земля здесь совершенно не похожа на Ямал. Это хотя и не высокая, но все же гористая страна, покрытая пятнами снега и большими фирновыми полями,^[106] спускающимися местами до самого берега.

На следующее утро показался самый южный из Каменных островов. Мы подошли к нему поближе – посмотреть, нет ли там каких-нибудь зверей, но ничего не нашли. Остров со всех сторон равномерно поднимается из моря, но имеет обрывистые берега, он состоит из скал и из выветрившихся продуктов разрушения горных пород. С виду берега слагают слоистые горные породы с сильно наклоненными слоями.

Остров густо покрыт галечником, перемешанным с более крупными валунами, а весь северный мыс его представляет, по-видимому, песчаный бугор, круто обрывающийся к берегу. Бросаются в глаза на этом острове резко выраженные береговые террасы.

Особенно явственно выступает терраса, подступающая наиболее близко к мысу. На западной и северной сторонах она имеет характер уступа, а затем идет темной полосой поперек острова. Ближе к уровню воды видно еще несколько террас, сходных по своей форме с верхней. Все они имеют вид крутых уступов. Очевидно, что они образовались под действием моря и особенно льдов. Наиболее резко выражены они на западной и северной сторонах острова, далеко выдвинутых в открытое море.

Для того, кто изучает историю земли, эти следы прежнего уровня моря представляют большой интерес, так как свидетельствуют о произошедшем со времени их образования поднятии суши или опускании дна морского, говорят о тех изменениях уровня, которые, подобно Скандинавии, испытал весь северный берег Сибири после великого ледникового периода.

Интересно, что к северу от этого острова мы не видели больше никаких островов, хотя, судя по карте Норденшельда, к северо-востоку от Каменного острова должен находиться ряд островов. Зато я нанес на карту два других острова почти прямо на восток. На следующее утро прошли еще мимо небольшого островка, находившегося несколько севернее.

Из птиц в этих местах встретились лишь стаи две гусей, несколько поморников (*Stercorarius crepidatus* и *St. buffonii*), а также обыкновенных чаек и крачек.

В воскресенье, 20 августа, погода стояла на редкость хорошая. Синее море, яркое солнце и легкий ветерок, все еще с северо-востока. После полудня приблизились к островам Кальмана – как мы определили, согласно их расположению, по карте Норденшельда, к югу от них встретили много неизвестных островов. [\[107\]](#)

Все эти острова имеют округлые формы и походят на холмы, отполированные глетчерами ледникового периода.

«Фрам» бросил якорь у северного берега самого большого из этих островов, получившего позже название Оленьего. Предстояло зайти

воды для котла. Несколько человек решили тем временем побывать на берегу и поохотиться.

Еще не успели мы спуститься с палубы, как штурман, находившийся в бочке, заметил оленей. Все оживились, каждому захотелось на берег, а штурмана охватила подлинная охотничья горячка: глаза расширились, руки затряслись. Лишь сидя в лодке, мы стали приглядываться к берегу – каких таких оленей увидел штурман?.. Увы, нигде ни признака жизни. Правда, подойдя вплотную к земле, обнаружили стадо диких гусей, вперевалку бродивших по берегу. Стыдно сказать, но у нас возникло подозрение: не гусей ли видел наш штурман?.. Вначале он с негодованием отверг такое предположение. Потом мало-помалу его уверенность стала ослабевать. Видимо, и штурмана можно сбить с пути. Однако, когда я выпрыгнул на берег, первое, что бросилось мне в глаза, были старые олени следы. Сейчас же к штурману вернулась его самоуверенность, он перебегал от следа к следу, вглядываясь в них, и клялся, что видел с судна самого настоящего оленя.

С первого же пригорка мы действительно увидели на равнине к югу от нас несколько оленей. Ветер дул северный. Чтобы скрытно подобраться к оленям с подветренной стороны, нужно было вернуться назад и пройти вдоль берега к югу. Один только штурман не одобрял такой предосторожности, он горел нетерпением, хотел ринуться прямо на оленей, которых будто бы разглядел на востоке. Бесспорно, это был самый верный способ разогнать решительно всех оленей.

В конце концов штурман получил разрешение остаться вместе со Скотт-Хансеном, который должен был производить магнитные наблюдения. Но он поклялся, что не тронется с места, пока не получит приказа.

Следуя вдоль берега, увидели стада гусей, одно многочисленнее другого, гуси вытягивали шеи и переваливались с ноги на ногу, не торопясь отойти в сторону; когда мы подходили совсем вплотную, они, наконец, взлетали. Немного подальше обнаружили двух оленей, которых не заметили раньше. К ним легко можно было подкрасться на ружейный

выстрел, но мы боялись оказаться с наветренной стороны по отношению к другим оленям, находившимся южнее, и спугнуть их. Наконец, очутились с подветренной стороны и от этих последних, они паслись посреди широкой равнины, так что подойти к ним на расстояние выстрела было совсем не легко. Нигде ни бугра, ни камня, за которым можно было бы укрыться. Оставалось только растянуться в длинную цепь и так продвигаться вперед по возможности осторожнее, чтобы попытаться их окружить. Тем временем несколько севернее обнаружилось другое стадо оленей. Но, к нашему изумлению, вдруг оно стремительно кинулось бежать по равнине к востоку – не по вине ли штурмана, который не смог себя сдержать?

По направлению к оленям, которые находились поближе, тянулась от берега ложбина, по ней можно было попытаться подойти к дичи на выстрел. Я решил вернуться, чтобы это сделать; остальные оставались на своих местах в цепи. Прямо передо мной расстиралось спокойное прекрасное море. Солнце только что погрузилось в него на далеком горизонте, и небо на фоне этой белой ночи пылало заревом. Я не мог не остановиться хотя бы на минуту, чтобы полюбоваться пейзажем. Увы, и среди этой красоты человек проявляет свою кровожадную натуру...

Вдруг вижу на севере темное пятно,двигающееся от пригорка, где должны были находиться штурман со Скотт-Хансеном; оно разделилось надвое, и одно из них двинулось на восток, как раз в наветренную сторону от оленей, к которым я должен был подкрасться. Дальше нельзя было медлить, иначе олени почуют близость человека и пустятся бежать; приходилось торопиться. И далеко не лестные пожелания посыпались в адрес обоих моих товарищей.

Ложбина оказалась не такой глубокой, как я ожидал. Края ее были приподняты лишь настолько, чтобы прикрыть меня, когда я полз на четвереньках. Дно усеяно крупными камнями и гравием, перемешанным с глиной, по которым течет ручеек.

Олени продолжали пастись еще совершенно спокойно, и только по временам поднимали головы, чтобы осмотреться вокруг. А прикрытие становилось все хуже. С севера приближался штурман. Скоро ему

удастся спугнуть и этих оленей. Надо спешить. Остался только один выход – ползти червяком... Ползти по мокрой глине, а то прямо по воде? Да, но мясная пища на судне почти драгоценна и звериные инстинкты в человеке слишком сильны... Черт с ним, с платьем... Я ползу на животе прямо по грязной жиже. Вскоре прикрытие становится совсем мелким. Я извиваюсь между камнями и выпахиваю себе дорогу в грязи, как настоящая машина для рытья канав. Подвигаюсь вперед, конечно, не слишком быстро и без удобств, но зато и без риска. Тем временем красные отсветы на небе за моей спиной потухали, и все труднее становилось различать силуэты оленей. Не представляла больших удобств и мокрая глина, по которой приходилось ползти, волоча за дуло ружье.

Олени продолжали спокойно пастись. Когда они поднимали головы и осматривались вокруг, я должен был лежать спокойно, как мышь, хотя чувствовал при этом, что вода потихоньку пробирается мне под платье. Затем они снова принимались щипать мох, а я полз по грязи дальше. Скоро сделал приятное открытие, что олени отходят от меня почти так же быстро, как я к ним подползаю. А там, к северу от них, возился штурман, и мрак сгущался все больше и больше. Нельзя сказать, чтобы все это было очень приятно. Лощина выравнивалась, теперь не оставалось почти и следов какого-либо прикрытия. Приходилось все глубже зарываться в глину. Неровности местности позволили мне взобраться на соседний небольшой пригорок. Теперь олени были прямо передо мною на таком расстоянии, которое при дневном свете я назвал бы хорошим ружейным выстрелом. Я попробовал прицелиться, но не обнаружил мушки. Эх, доля людская, не легка ты бываешь подчас! С ног до головы перепачканный в мокрой глине, после самых, по моему мнению, достойных награды усилий, я был, наконец, у цели – и не мог ее достигнуть!

Олени тем временем тоже спустились в ложбину. Со всей возможной поспешностью я прополз еще немного вперед. Великолепный прицел – насколько можно было различить в темноте; но мушку я и теперь различал не яснее, чем прежде. Ближе подползти у же

невозможно было – нас разделял плоский холм. Лежать же и ждать, пока рассветет, тоже не стоило; теперь была полночь, к северу от нас находился старший штурман, и на ветер нельзя было полагаться. Я поднял ружье кверху, чтобы нащупать мушку, и навел его затем на оленей.

Выстрел, другой, третий; отчетливо различить оленей я так и не мог, но считал, что во всяком случае попасть должен, и продолжал спускать курок. Два оленя от неожиданности подпрыгнули, изумленно огляделись вокруг, отбежали немного в южном направлении и снова остановились. К ним присоединился третий олень, пасшийся чуть дальше к северу. Я расстрелял все заряды, но без толку. Олени подпрыгивали при каждом выстреле, отбегали в сторонку, затем бросались бежать к югу, а немного погодя снова останавливались и глядели на меня долго и внимательно. Я со всех ног кинулся бежать к западу, чтоб попытаться обойти их. Тогда они снова понеслись на этот раз прямо туда, где должны были находиться два моих товарища. Каждую минуту я ждал, что вот-вот услышу выстрелы и увижу, как падает несколько оленей, но они спокойно и беспрепятственно мчались по равнине на юг. Наконец, вдали послышался выстрел. По дыму от выстрела я определил, что расстояние было слишком велико. Тогда я с сердцем перекинул ружье за плечо и побрел вслед за оленями. Грустно было видеть, что все твои труды пошли прахом.

Людей нигде не было видно. Наконец, спустя некоторое время, я наткнулся на Свердрупа, – стрелял он. Вслед за тем показался Блессинг; остальные давно уже покинули свои места. Блессинг повернул к лодке, собирая по пути растения, а я и Свердруп пошли дальше, чтобы еще раз попытаться счастья.

Несколько южнее мы подошли к ложине, пересекавшей весь остров поперек, и решили здесь устроить засаду. Засели среди крупных камней, в месте, защищенном от ветра. Прямо перед Свердрупом, в устье ручья, на берегу расположилась стая гусей. Они без умолку гоготали, и соблазн выстрелить в них был велик; но мы вынуждены были

оставить их в покое, чтобы не испугнуть оленей, и гуси с громким гоготаньем ковыляли себе по глине, а немного погода улетели.

Ожидание было долгим. Сначала держали уши настороже: олени ведь должны были скоро появиться. Глаза безостановочно блуждали по скату и другой стороне лощины. Но оленей не было. Тогда те же глаза невольно стали слипаться, мы стали клевать носами, – последние сутки ведь пришлось спать совсем мало. Время от времени мы все-таки встряхивались. Олени должны были явиться вот-вот. Снова глаза блуждали взад и вперед, до тех пор пока не начинали тихонько смыкаться, голова наклонялась, а холодный ветер леденил мокрую одежду так, что я дрожал от холода. Так высидели часа два. Затем мне все это показалось уже не столь интересным, и я переполз из своего убежища к Свердрупу, который также был сыт по горло таким методом охоты. Мы взобрались по скату на другую сторону лощины, но едва поднялись до края, как увидели на холме прямо перед собой рога шести великолепных зверей. Они были встревожены, нюхали воздух, поворачивая головы к западу, перебегали с места на место и снова тянули ноздрями воздух. Нас они еще не могли заметить, а ветер дул между нами – поперек разделявшего нас расстояния. Мы долго стояли, глядя на их маневры и выжидая, в какую сторону они пустятся бежать; но выбор, очевидно, был очень труден. Наконец, олени разворотом бросились на юго-восток. Мы со всех ног кинулись им наперерез, чтобы загородить путь прежде, чем ветер выдаст наше присутствие. Свердрупу удалось опередить меня на порядочное расстояние; я видел, как он мчался по равнине; скоро он должен был подбежать к оленям на выстрел. Я остановился и приготовился перерезать им путь, если они повернут и бросятся на север. Шесть великолепных оленей с крупным самцом впереди. Они неслись прямо на Свердрупа, лежавшего теперь, распластавшись, на земле. Каждую минуту вожак мог рухнуть. Вот грянул выстрел – все стадо мгновенно круто повернуло и бросилось галопом назад. Теперь настал мой черед бежать изо всех сил: я понесся по камням к лощине, из которой только что вышел. Остановился лишь раза два, чтобы перевести дух и проверить, куда бегут олени, затем

снова мчался изо всех сил. Расстояние между нами сокращалось. Олени приближались как раз туда, куда я и рассчитывал; нужно было лишь поспеть вовремя. На своих длинных ногах я делал огромные скачки по неровной почве, с камня на камень; скачки, от которых в более спокойной обстановке сам пришел бы в изумление. Случалось, что моя нога скользила и я вместе с ружьем летел головой в песок, но теперь во мне проснулся звериный инстинкт, и каждый мускул дрожал в охотничьей лихорадке. Мы достигли склона почти одновременно, еще два-три прыжка через огромные камни, и – момент настал. Пора было стрелять, хотя расстояние все еще было велико.

Когда дым рассеялся, я увидел крупного самца, волочащего заднюю ногу. Когда вожак отстал, все его стадо вернулось обратно и стало бегать вокруг бедного зверя. Они еще не понимали, что случилось, только шарахались то туда, то сюда от жужжавших над ними пуль. Затем, после того как еще одно животное остановилось с простреленной ногой, остальные пустились бежать опять к лощине. Я погнался было за ними в надежде выпустить еще пулю, но вскоре, отказавшись от этого намерения, поспешил назад, чтоб закрепить за собой двух подстреленных животных. Внизу в лощине стояла одна моя жертва и ждала своей участи. Олень смотрел на меня с мольбой. Я подошел поближе и только что собрался выстрелить, как вдруг он пустился бежать вприпрыжку с такой быстротой, какой я никак не мог ожидать от трехногого животного. Все произошло неожиданно, но так, что я, конечно, промазал, стреляя ему вслед. Бедный олень кинулся вниз к морю, – все остальные пути были закрыты, – и, когда он переходил вброд маленькую лагуну внизу у берега (я опасался, что он выберется к морю), пришлось уложить его в воду. Другой олень отбежал недалеко; пуля моя положила конец и его страданиям. Я уже собрался освежевать добычу, когда подоспели Хенриксен и Йохансен; только что, немного подальше к югу, они убили медведя.

Освежевав оленей, направились к лодке и встретили Свердрупа. Начало рассветать. Мы уже потеряли здесь слишком много времени, и я горел нетерпением скорее продолжать путь на север. Свердруп с двумя

товарищами ушли на судно, чтоб подготовить его к отходу, а я с остальными поехал на лодке к югу, чтобы забрать подстреленных оленей и медведя. С северо-востока поднимался довольно свежий ветер. Могло статься, что нам не выгресть против него на обратном пути, поэтому я приказал Свердрупу пройти с «Фрамом» навстречу, насколько позволит глубина. [\[108\]](#)

Тюленей и белух возле берега было предостаточно, однако у нас не было времени заниматься новой охотой.

Когда подошли на лодке приблизительно к тому месту, где должен был лежать медведь, мы заметили в глубине остров а большую белую, похожую на медведя тушу. Я решил, что это и есть убитый зверь. Но Хенриксен уверял, что это не тот, не убитый, а другой, живой. Мы пристали к берегу и пошли прямо к нему. Медведь лежал неподвижно на травянистом бугре. Я все еще питал подозрение, что это застреленный медведь.

Подходили все ближе и ближе, – по-прежнему никаких признаков жизни. Я искоса поглядывал на честную физиономию Хенриксена, желая удостовериться, что меня не дурачат, но он не отрывал глаз от медведя. Раздалось одновременно два выстрела, и, к моему величайшему удивлению, медвежья туша ошалело стала на задние лапы. Бедняга, не очень-то приятно, должно быть, когда тебя будят подобным образом! Еще выстрел, и он рухнул мертвым на спину.

Мы попробовали было подтащить медведей за собой целиком, но они оказались слишком тяжелыми. Пришлось сдирать шкуры, резать туши на части и носить эти куски в лодку, – работа нелегкая.

Как ни тяжело было шагать по вязкой глине с медвежьими окороками на спине, – у берега нас ждало нечто похуже: вода поднялась, прибой усилился, он опрокинул и залил нашу лодку; волны перекачивались через нее одна за другой. Все наши пожитки – и оружие и амуниция – лежали в воде. Ломти хлеба – единственная наша провизия – плавали вокруг, на дне валялась масленка без масла. Поднять лодку при таком прибое и освободить ее от воды было нелегко и удалось лишь после многих усилий. К счастью, берег был мягкий,

песчаный, так что лодка не получила повреждений; но песок набился всюду, даже в самые мелкие части ружейных затворов. Больше всего нам было жаль провианта: мы ведь были голодны как волки. Волей - неволей пришлось снизойти до ломтей хлеба, вымокших в соленой воде и сдобренных грязью. Ели мы этот хлеб со смертельным отвращением. Во время этого приключения я потерял свою книжку с геологическими зарисовками, для меня очень ценную.

Довольно хлопотливым оказалось перетащить трофеи нашей охоты в лодку. У плоского берега кипел прибой. Пришлось держаться с лодкой на некотором расстоянии от берега и втаскивать в нее шкуры и мясо при помощи линя. Часть добычи унесло водой, но против этого ничего нельзя было поделать.

Потом стали грести что было сил против ветра и волны вдоль берега, к северу. Тяжелая это оказалась работа. Ветер усилился, и мы с трудом подвигались вперед. Вокруг нас ныряли тюлени, то подходили, то отходили белухи, – нам было не до них. Вдруг Хенриксен крикнул, что впереди показался медведь. Я обернулся; красивый белый зверь стоял на мыске и нюхал воздух. Стрелять по нему не было времени. Мы продолжали грести, а он медленно шел по берегу на север впереди нас.

После тяжелой работы достигли, наконец, бухты, где следовало взять оленей. Медведь продолжал идти впереди нас, он еще не заметил лодки, но, видимо, почуял что-то и стал подходить ближе. Искушение было велико, несколько раз палец мой касался курка, но я не стрелял. При нашем положении новая добыча была ни к чему, и с тем, что мы добыли, хлопот предстояло более чем достаточно. А медведь, точно мишень, остановился на камне, чтобы понюхать и осмотреться получше; с минуту он пристально глядел на нас, затем повернулся и сначала тихонько, потом рысью пошел вглубь острова.

Прибой стал еще сильнее, чем прежде, плоский песчаный берег и длинная мель не позволяли близко подойти к суше. Мы гребли до тех пор, пока лодка не завязла и волны не начали обдавать ее. Достигнуть суши можно было только одним способом: соскочив в воду и идя вброд. Но как доставить оленей в лодку? Дальше к северу берег становился

еще более труднодоступным. Как ни досадно было бросать великолепное мясо, добытое после стольких усилий, но я видел, что выбора не оставалось. Мы взяли курс к «Фраму».

Эта поездка на веслах оказалась самой тяжелой из всех, в каких мне довелось участвовать. Сначала, впрочем, дело шло как будто хорошо; плыли по течению и быстро удалялись от земли. Но ветер усиливался, а течение ослабевало. Волны налетали одна за другой. Наконец, после невероятных трудов осталось, казалось, рукой подать до корабля.

Я ободрял товарищей, как мог; говорил, что еще несколько решительных гребков, и мы напьемся горячего чаю, расписывал им блага, которые ждут на борту «Фрама». По правде сказать, все и без того прилежно работали веслами, но были страшно измучены. Волны беспрестанно окатывали нас, мы промокли до костей, – меховой или непромокаемой одежды никто из нас, конечно, не догадался взять, – накануне ведь стояла чудесная погода.

Как, однако, мы ни старались, как ни налегали на весла, вскоре обнаружилось, что заставить лодку идти вперед совершенно невозможно. Не только ветер и волны, но даже течение было теперь против нас. Мы работали изо всех сил, но самое большее, чего удавалось добиться, это удержать лодку на одном месте. Иначе ее понемногу относило назад. Я пытался поднять дух товарищей тем, что «вот мы продвинулись вперед, теперь надо только еще немножко поднажать...». Но это помогало мало. Ветер свистел в ушах, волны обдавали нас пеной. Просто зло разбирало: до корабля, казалось, рукой подать, и все-таки невозможно хоть сколько-нибудь придвинуться к нему.

Вынуждены были опять повернуть к берегу, где нам помогло попутное течение. Оттуда стали понемножку подвигаться вперед. Дружно нажимали на весла, пока не оказались примерно на траверзе «Фрама», и попробовали пройти к нему напрямик. Но едва попадали во встречное течение, оно снова безжалостно уносило нас назад. Еще и еще раз повторяли мы попытки, – результат был все тот же.

Тут с судна бросили буюк; стоило только нам подойти к нему, и нас подтащат. Нет, и это не удастся. Далеко не благие пожелания изливали мы на головы товарищей, находящихся на борту судна. Какого черта не подошли они и не взяли нас, когда увидели, как трудно нам приходится, или почему, по крайней мере, не опустят они якоря и не позволят течению немножко отнести судно к нам; видят же они, как мало нам осталось, чтобы пройти вперед.

Но, может быть, здесь мелко?

Еще последняя отчаянная попытка! Мы налегли, каждый мускул напряжен до крайней степени, теперь только бы достигнуть бую. Вдруг с яростью видим, что его оттаскивают. Прошли немного мимо «Фрама», затем повернули назад к нему. На этот раз нам удастся с подветренной стороны подойти к судну ближе, чем прежде. Но на воде все еще нет буйка, его почему-то не бросают. Мы требуем буюк, как безумные, ибо не можем терпеть больше. Позволить отнести себя и опять идти к земле в нашей насквозь промокшей одежде – мало удовольствия. Теперь мы хотим на борт во что бы то ни стало. Мы кричим, ревом, как звери. Вот, наконец, люди на судне бегут к корме, снимают буй и бросают конец с буюм нам. А мы свои последние силы вкладываем в греблю. Вот до бую осталось пройти расстояние, равное нескольким длинам нашей лодки; гребцы впились в весла и почти совсем ложатся на скамьи. Новый безумный нажим. Вот осталось всего три длины лодки... две с половиной... еще через минуту две... еще немного погода только одна... Еще несколько бешеных взмахов веслами, и расстояние еще меньше. «Ну, братцы, теперь еще два-три сильных гребка и – конец...» – «Ну, нажмем, еще немножко!» – «Ну же, ну!» – «Идет, хорошо, дело на мази!» – «Уже мы близко». – «Не сдаваться! Держись!» – «Ну, подналягте». – «Готово, поймали!»...

Вздых облегчения пронесся на лодке. И снова: «Шевелите, шевелите веслами, иначе буксир лопнет. Подгребайте, ребята»...

Подгребли еще, и нас подтянули к борту «Фрама». Только теперь, когда мы стали у борта и началась перегрузка шкур и мяса на судно, стало как следует понятно, с чем пришлось бороться: течение вдоль

борта шло бешеным потоком. Наконец, поднялись на палубу. Настал вечер; как сладко было поесть горячего, а потом растянуться на сухой и теплой койке. Отрадно получить такую награду за свои труды.

Результатами наших невероятных трудов в течение суток были два убитых оленя, которых мы так, к сожалению, и не смогли забрать, два убитых медведя, их-то привезли, но они вовсе не так были нам нужны, и вконец испорченная одежда. Две тщательные стирки прошли для нее совершенно бесследно, она так и провисела «для просушки» на палубе в течение всего нашего плавания.

В ту ночь я, видно, очень мало спал, так как в дневнике своем нахожу следующую запись:

«Вернувшись на «Фрам» после труднейшей поездки на лодке, какую, как мне кажется, я еще никогда не испытал, заснул крепко, но ненадолго. Теперь лежу и верчусь на койке, не в силах больше уснуть. Не от кофе ли, выпитого после ужина? Или оттого, что, проснувшись, для утоления жгучей жажды выпил холодного чаю? Я закрываю глаза, пытаюсь еще и еще раз уснуть. Ничего не выходит. Передо мной проходят туманные картины воспоминаний, легкие, как пух, они оседают мне на душу... В завесе тумана открывается один просвет за другим. Вот залитый солнцем ландшафт, веселые луга и пашни, зеленый тенистый лес, роща и синеющие вдали горы. Тихий свист ветра в трубе кажется отзвуком колокольного звона. Это мирным утром ясного воскресного дня звонят колокола, а ты идешь с отцом через поля Вестре -Акера^[109] вверх по дорожке, которую мать обсадила молоденькими березками, идешь в церковь, стоящую на холме и упирающуюся кол окольной в синее небо. Она и наполняет окрестности своим звоном. А вдали ты видишь мыс, стрелку Нэсоддена, четко вырисовывающуюся в ясную погоду, особенно в осеннее утро. Мы по-воскресному, торжественно раскланиваемся с прихожанами, обгоняющими нас в экипажах. Все они праздничные, счастливые с виду. Тебе-то все это раньше не казалось столь прекрасным, – ты предпочел бы убежать с луком и стрелами в лес на охоту за белками... Но теперь – разве не мила, разве не дивно прелестна эта залитая солнцем картина... И то ощущение мира и счастья, которое

минутами и раньше охватывало душу, но быстро улетучивалось, возвращается теперь с удвоенной силой; вся природа как будто поет мощный, захватывающий гимн. Не потому ли кажется такой эта картина, что она представляет прямой контраст с этой бедной солнцем, холодной страной туманов, без единого деревца, без единого кустика, где сплошь только камень да глина, с этой жизнью, лишенной покоя. Ничего, кроме тяжелого труда и неудержимого стремления на север, все время на север, не теряя ни одной минуты – на север... О, как хорошо, что можно хоть немного отдохнуть как следует...

Живешь воспоминаниями. Когда я вижу сны, никогда мне не снится Ледовитое море; я вижу во сне только родину: иногда детство, иногда свой дом и ее, ту, которая стоит там и дает смысл всем переживаниям и всем мечтам. Нет, надо спать, спать. Это так необходимо. Я закрываю глаза и стараюсь ни о чем не думать, пытаюсь погрузиться в сон, но из тумана снова выплывают скалистый мыс и мостки с легкой лодкой на привязи, и плоский берег, и сосны. А между деревьями она в светлом платье; большая соломенная шляпа защищает лицо от солнца; она заложила руки за спину и смотрит с грустной улыбкой на ярко-синее море. Потом поворачивается и подымается по откосу к дому; большой черный пес, подняв голову, смотрит на нее преданным взглядом и идет за ней; она ласково треплет его по голове, наклоняется, что-то говорит ему. А навстречу кто-то идет из дому со смеющимся ребенком на руках. Она протягивает руки к малютке, подкидывает ее высоко вверх, и малютка радостно вскрикивает и хлопает в ладоши... Там жизнь, там родной дом и семья...»

На следующий день мы, наконец, снова могли продолжать плавание. Я попробовал было пустить «Фрам» на всех парах прямо против течения и ветра; но течение неслось бурным потоком и править рулем приходилось с большой осторожностью. Стоило повернуть руль чуть покруче, и «Фрам» мог сбиться с курса, а ведь тут со всех сторон поджидали его мели и подводные скалы. Мы это знали. Лот бросали непрерывно. Некоторое время шло довольно хорошо, и мы понемногу продвигались вперед. Вдруг «Фрам» перестал слушаться руля и начал

заворачивать вправо. Лот предупредил о близости мели. Почти в ту же минуту раздалась команда: «Отдать якорь!» С шумом и грохотом якорь опустился на дно. Мы остановились, имея под кормой 7 м воды и 17 м впереди у якоря. Еще минута, и было бы поздно.

Снова ставим «Фрам» прямо против ветра, вновь и вновь пытаемся заставить судно идти вперед... Но результат получается все тот же, мы вынуждены отступать. Можно было, пожалуй, пройти под ветром в устье пролива, но там очень мелко, на каждом шагу судно рискует наскочить на риф. Конечно, я мог бы опять идти впереди корабля на моторной лодке, измеряя все время глубину, но грести против этого течения... нет, это удовольствие я уже испытал, с меня хватит. Словом, пока что надо оставаться на месте, вооружившись терпением. Вот товар, которым надлежит в достаточной мере запастись каждой полярной экспедиции. Мы не переставали надеяться на перемену к лучшему, но течение изменять себе не желало, да и ветер не ослабевал. Было от чего прийти в отчаяние. Досадно стоять из-за этого проклятого течения на месте, перед открытым морем, быть может, идущим до самого мыса Челюскина, мыса, который вот уже три недели не выходит у меня из головы...

Когда на следующее утро (23 августа) я вышел наверх на палубу, наступила зима. Все побелело от снега – и палуба, и каждое местечко на снастях, где только имелось прикрытие от ветра, и весь берег. А в воздухе кружили белые хлопья. Ах, снег! Как ты освежаешь душу и гонишь все мрачное и унылое из этой хмурой страны туманов. Посмотри, как легко и нежно рассыпан он, словно чьей-то ласковой рукой, по берегу, по камням и покрытой травой равнине...

Но ветер и течение были почти те же. В течение дня свежий ветер перешел в шторм; со свистом и шумом налетали шквалы на снасти «Фрама», трепали судно.

На следующий день (24 августа) я твердо решил во что бы то ни стало двинуться вперед тем или иным способом. Утром, когда я вышел на палубу, ветер был немного слабее и течение тоже не такое стремительное. По-видимому, можно было бы идти впереди в лодке на веслах, по крайней мере, если канатом соединить ее с судном и

постоянно опускать лот. «Фрам» мог бы подвигаться за лодкой, имея наготове якорь. Но прежде чем попробовать этот последний способ, я хотел сделать еще одну попытку пройти против ветра и течения. В машинное отделение было приказано довести давление пара в котле до предела, на какой только можно было рискнуть. И – судно двинулось, притом довольно быстро. Вскоре мы вышли из пролива, или из «тисков», как мы его прозвали, и могли повернуть под бейдевиндом в море, идя на парусах и под парами. Ветер был, как всегда, противный, и, как всегда, стоял туман. В этих краях от одного луча солнца до другого дистанция изрядная.

Следующие дни мы лавировали между кромкой льда и берегом, подвигаясь все время к северу. Сначала свободное ото льда пространство воды было широко. Дальше к северу оно настолько сузилось, что мы, находясь у кромки льдов, видели берег. На этом отрезке пути прошли мимо многих неизвестных островов и даже архипелагов. Для того, кто захотел бы посвятить свое время нанесению на карту берегов, нашлось бы здесь много дела. Но наша цель была иная, и мы смогли сделать лишь отрывочные наблюдения и промеры, подобные тем, какие до нас производил Норденшельд.

25 августа после полудня мы усмотрели впереди Семь островов. ^[110] Они возвышались над уровнем моря больше, чем виденные нами прежде, и состояли из нескольких крутых холмов и утесов. Виднелись на них и небольшие каровые ледники ^[111] и скопления фирнового снега, а горные породы носили явные следы размыва льдом и снегом. В особенности заметно это было на самом большом из островов, на котором есть даже небольшие долины, погребенные под снегом.

26 августа в дневнике моем записано: «Здесь такое множество неизвестных островов, что, начни их подсчитывать, голова закружится. Утром мы прошли мимо одного скалистого острова, а поближе к берегу я увидел еще два. ^[112] Затем, дальше к северу, опять показалась земля или острова; ^[113] на северо-востоке тоже. Около 5 ч пополудни нам пришлось обойти два больших острова, пройти между которыми мы не рискнули, опасаясь мелей. Они, как и предыдущие, имели округленные очертания,

но лежали довольно высоко над уровнем воды. ^[114] Потом мы опять держали курс на восток и миновали находившихся мористее четыре больших и два малых острова. По другую сторону тянулся целый ряд плоских островов с крутыми обрывистыми берегами. ^[115] Фарватер здесь пошел более опасный. Так, вечером мы совершенно неожиданно обнаружили, что впереди с левого борта через воду между льдинами просвечивают большие камни, а наискось от правого борта лежит мель с сидящей на ней стамухой. ^[116] Бросили лот, но он показал глубину свыше 40 м».

Нужно дать некоторое представление о характере здешнего побережья. Перед нами лежали шхеры, которые, конечно, нельзя сравнивать с норвежскими, но существование которых возможно только у берегов, находившихся под ледяным покровом. Так подтверждается мое убеждение, что ледниковый период распространялся и на эту часть земного шара. Самого берега мы, к сожалению, не видели достаточно отчетливо, чтобы составить сколько-нибудь верное представление о его форме и природе, – нам мешала пасмурная погода и вдобавок бесчисленные островки, не позволявшие подойти к земле поближе. Но немного виденное достаточно показало, что береговая линия здесь существенным образом отличается от изображаемой на картах. В действительности эта линия более извилиста, чем на карте. Не раз казалось даже, что я вижу устья глубоких фьордов, и тогда приходила мысль – не находимся ли мы перед типичной страной фьордов, хотя здешние горы сравнительно невысоки. Это предположение подкрепилось наблюдениями, сделанными позже в более северных районах.

В дневнике за 27 августа значится: «Плыли под парами между различными маленькими островками и островами. Перед полуднем густой туман, в полдень увидели прямо перед собой небольшой остров и изменили поэтому курс на северный. Вскоре подошли к кромке льда и начиная с 3 ч пополудни двинулись вдоль нее на северо-восток. Когда туман несколько рассеялся, у нас в виду оказалась земля. В 7 ч вечера были от нее в расстоянии примерно одной морской мили».

Это был такой же голый, стертый и округленный берег, с глинистой почвой и с усыпанными галькой и валунами травянисто-мшистыми плоскими низменностями. Перед нами было несколько мысов и кос, против них лежали острова, проливы и фьорды, забитые льдом. Туман не позволил нам рассмотреть большего. Все было тихо и спокойно в Ледовитом море при этом типично арктическом туманном освещении. Ледяные массы отбрасывали от себя высоко в воздух серовато-белые отблески, что еще больше подчеркивало резкий контраст с темным берегом. Мы не были уверены, что эта земля прилегает к Таймырскому проливу или мысу Паландер, но для верности решили держать курс севернее, чтобы не наткнуться на острова Альмквиста, которые Норденшельд на своей карте помещает к северу от Таймыра. ^[117] Мы рассчитывали, что, продержавшись в течение вахты (четыре часа) на северном или северо-западном курсе, очутимся вдали от всякой земли и сможем затем спокойно повернуть опять на восток. Однако мы просчитались. В полночь повернули на северо-восток, а в 4 ч утра (28 августа) в полумиле от нас впереди вынырнула из тумана земля. По мнению Свердрупа, бывшего в то время на палубе, она возвышалась над уровнем моря больше, чем все берега, виденные нами с момента отплытия из Норвегии. Считая ее поэтому материком, Свердруп хотел обойти ее, но был остановлен льдом. Тогда взяли курс на ЗЮЗ и только в 9 ч утра, обогнув западный мыс какого-то крупного острова, смогли продолжать путь на север. Между берегом и нами по направлению к востоку виднелось много островков и мысов, словно впаянных в сплоченный лед. Мы шли все утро вдоль кромки припая, стало быть, «вдоль берега», против сильного течения. Пути этому, казалось, не будет конца. – асхождение со всеми известными нам картами становилось все более очевидным и наводило на серьезные размышления. Мы должны были давным-давно находиться севернее самого северного из островов, указанных Норденшельдом. ^[118] Записи за этот день указывают на сомнения, какие тогда терзали меня.

«Зашли черт знает как далеко на север, идя вдоль этих островов или земли, что ли. Если это все острова, то они довольно велики. Часто

они походят на сплошную землю с фьордами и мысами; но погода слишком пасмурна, чтобы можно было хорошо рассмотреть. Не идем ли мы сейчас вдоль острова Таймыра, обозначенного на русских картах или, вернее, на карте Лаптева? И действительно ли он отделен от материка широким проливом, как указывал Лаптев? Не есть ли Таймыр, отмеченный Норденшельдом, далеко выступающий в море мыс, открытый Лаптевым? В таком случае все отлично совпадает. Наши наблюдения полностью согласуются с картой Лаптева. Норденшельд, может быть, нашел новый пролив и принял его за Таймырский? Быть может, Норденшельд видел острова Альмквиста, не предполагая, что остров Таймыр лежит мористее? Все это весьма правдоподобно. Но серьезная загвоздка в том, что русские карты не указывают никаких островов вокруг острова Таймыр. А ведь немисливо во время санных поездок вокруг Таймыра не заметить этих рассеянных повсюду островков. [\[119\]](#)

После обеда засорилась водомерная трубка машинного котла. Пришлось застопорить машину и пришвартоваться к кромке льдов, чтобы заняться прочисткой. Мы использовали остановку для пополнения запаса питьевой воды. На льду нашли небольшую лужу талой воды, на первый взгляд настолько мелкую, что не стоило как будто и черпать из нее, – все равно воды не хватит. Но она, очевидно, имела «внутреннее» сообщение с другими пресноводными озерками на льдах, так как, к немалому нашему удивлению, сколько мы из нее ни черпали, она не иссякала.

Вечером направились в глубь бухты, которая вдавалась в лед и доходила до самого северного из островов, бывших у нас в виду. Бухта эта оказалась тупиком. Дальше прохода не было. Торосистый дрейфующий лед сливался с береговым припаем. – азличили острова еще дальше на северо-восток. А судя по отблеску на небе, можно было предположить, что в том же направлении находится и чистая вода; на севере лед был довольно сплоченным, тогда как на западе тоже тянулась, насколько можно было видеть из бочки, полоса чистой воды. Я был в нерешительности; что же делать? Разводье заходило еще немного

за северную оконечность ближайшего острова, но дальше на восток лежал сплоченный лед. Пожалуй, могло удастся проложить путь через него, но столько же шансов было и застрять в нем. Благоразумнее казалось вернуться и попытаться еще раз пройти между островами и материком, хотя, впрочем, я далеко не был уверен, что Свердруп действительно утром видел материк».

Обед в кают-компании

Слева направо: Скотт-Хансен, Йохансен, Нансен, Петтерсен, Нурдал, Амунсен, Бентсен, Юлл, Хенриксен, Мугста, Якобсен, Блессинг, Свердруп

«Вторник, 29 августа. По-прежнему плохая погода. На обратном пути обнаружили еще новые острова. А с «возвышенным материком» Свердрупа дело вышло плохо, – он оказался островом, и даже довольно «низменным». Удивительно, что только не померещится человеку в тумане. Невольно вспомнился случай с нашим лоцманом в проливе Дробак в Норвегии. Неожиданно прямо перед носом «Фрама» выросла большая земля, лоцман скомандовал: «Полный ход назад!» Затем все же стали осторожно приближаться: и что ж – «земля» оказалась половинкой плывшего по воде черпака.

Пройдя мимо бесчисленных островов и островков, попали в открытую воду, простирающуюся вдоль острова Таймыра, и при тихой безветренной погоде пошли под парами по проливу на северо-восток. Часов в шесть вечера я из бочки увидел впереди сплоченный лед, преградивший нам дальнейшее продвижение. Лед тянулся от острова Таймыра до самых дальних островов впереди. На льду виднелись в большом числе морские зайцы (*Phoca barbata*) и, кроме того, моржи. Взяли курс прямо к кромке льда, собираясь пристать к ней. Но «Фрам» попал в зону «мертвой воды»^[120] и, несмотря на форсированную работу машины, почти не двигался с места. Я предпочел пойти вперед в шлюпке на веслах, чтобы пострелять тюленей. Тем временем «Фрам» очень медленно добрался-таки до кромки льда, при полном по-прежнему давлении пара в машине».

Пробиваться дальше в этот момент нечего было и думать. От Таймырского моря,^[121] по всей вероятности свободного ото льдов, нас, по-видимому, отделяла какая-нибудь пара морских миль. Но пробиться сквозь этот лед было немыслимо – слишком он был сплочен, нигде ни намека на проход. И здесь, где Норденшельд во время своей знаменитой экспедиции на «Веге» прошел 18 августа 1878 г., не встретив и следа льдов,^[122] – нашим надеждам, пожалуй, предстояло крушение – по крайней мере, на этот год. На таяние льда нечего было рассчитывать теперь, когда уже надвигалась зима. Единственное, что могло нас спасти, это изрядный юго-западный шторм. Была и еще одна слабая надежда, что, может быть, Таймырский пролив Норденшельда подалее к югу окажется открытым и «Фраму» удастся как-нибудь протиснуться через него, хотя у Норденшельда и сказано определенно, что «пролив слишком мелок для крупного судна».

После небольшой охотничьей экскурсии – в каяке и на лодке, – результатом которой было несколько убитых тюленей, «Фрам» пошел в бухту, лежащую несколько южнее и сулившую надежную якорную стоянку на случай непогоды; нам предстояла основательная и крайне необходимая чистка котла. Но, чтобы пройти то небольшое расстояние, которое мы на веслах прошли бы в полчаса или того меньше, «Фраму»

понадобилась целая вахта. Мы почти не двигались с места все из-за той же «мертвой воды» и будто тащили всю воду за собой.

Своеобразное явление – эта мертвая вода. Для изучения его представился здесь лучший случай, чем мы хотели бы. Встречается оно, по-видимому, лишь там, где слой пресной или сильно распресненной воды лежит поверх соленой морской воды. Пресная вода увлекается судном, и оно скользит по тяжелой соленой воде, как по твердой подстилке. Разница в солености этих слоев очень велика; так, например, вода, взятая с поверхности, вполне годна для питья, а вода, поступавшая через кингстон, настолько солонa, что не годилась даже для котла. Мертвая вода образует более или менее крупные волны, идущие непрерывно поперек кильватера, одна позади другой; иногда длина их такова, что они доходят до середины корпуса судна. Что мы ни делали, чтобы выбраться из мертвой воды, – круто поворачивали судно, лавировали, описывали полный круг и пр., – все напрасно. Лишь только машина переставала работать, судно тотчас же останавливалось, точно схваченное чем-то за корму. Несмотря на свой вес, на обычную силу инерции и на то, что мы не убавляли полного хода, даже находясь в каких-нибудь 2–3 м от кромки льда, мы почти не ощущали толчка, когда «Фрам», наконец, ударялся об лед.

Как раз когда подходили к кромке, по льду бегал взад и вперед песец, выделявая самые удивительные прыжки. Свердруп с бака всадил в него пулю, положив конец его существованию.

Около полудня вахтенный сообщил, что на берегу появились два медведя; однако они исчезли прежде, чем мы собрались поохотиться на них.

Поразительно много виднелось на льду тюленей; промысел здесь, очевидно, может быть очень богатым. Обилие тюленей, на которое я в первый же день обратил внимание, очень напоминало мне залежки тюленей-хохлачей у западного берега Гренландии. Это наблюдение может показаться очевидным противоречием с наблюдениями экспедиции «Веги». Норденшельд, сравнивая эти воды с морями к северу и к востоку от Шпицбергена, говорит: «Другое поразительное

различие – это бедность теплокровными животными, которой отличается эта страна, несмотря на то что до сих пор здесь никто не охотился. В течение дня мы не видели ни одной птицы, чего раньше никогда не случилось со мной во время летних плаваний в арктических водах; и почти ни одного тюленя». Последнее обстоятельство, впрочем, довольно просто объясняется малым количеством плавучих льдов в том году. По моим личным наблюдениям, эти места, по-видимому, изобилуют тюленями. Да и сам Норденшельд говорит, что на льду в Таймырском проливе он видел много тюленей, как *Phoca barbata*, так и *Ph. hispida*.

Итак, вот в каком положении оставлял нас август. Норденшельд прошел через этот пролив еще 18 августа, а с 19-го на 20-е уже обходил мыс Челюскина. А перед нами в конце того же августа лежали непроходимые, сливающиеся с береговым припаем массы морских льдов. Виды на будущее далеко не блестящие. Неужели так скоро окажутся правы сулившие нам неудачу скептики, в которых никогда нет недостатка на белом свете? Нет, надо снова попытаться пройти Таймырским проливом, а если это не удастся, сделать еще последнюю попытку обойти вокруг всех островов. Быть может, лед за это время разошелся, открыв где-нибудь свободный проход. Здесь мы не можем оставаться.

Настал сентябрь с тихими и унылыми снегопадами. Пустынную, неприветливую землю с низкими покатыми холмами все больше заносило снегом. Далеко не с легким чувством смотрели мы на то, как зима после чересчур короткого лета тихо и бесшумно вступала в свои права.

2 сентября котел был, наконец, приведен в порядок и наполнен пресной водой с поверхности моря. Мы были готовы продолжать путь. Пока корабль готовился к выходу, я со Свердрупом предпринял небольшую поездку на берег, чтобы посмотреть, нет ли там оленей. Земля теперь вся покрыта снегом, и, будь он более плотный и более мощный, можно было бы прекрасно воспользоваться лыжами. Теперь же мы, безмерно усталые, брели по нему пешком, не находя нигде ни единого звериного следа. Покинутый мир! Перелетные птицы почти все

уже унеслись на юг; небольшие стайки их еще попадались нам в море, но и те были на пути в теплые края, пробуждая в нас, бедных, несбыточные мечты: ах, если бы послать с ними вести и приветы на родину. Лишь одинокие поморники да чайки оставались теперь в нашем обществе. Впрочем, как-то, сойдя с корабля на лед, я увидел одиноко сидящего на льдине замешкавшегося гуся.

Вечером повернули на юг. «Мертвая вода» по-прежнему продолжала преследовать нас. По карте Норденшельда до Таймырского пролива оставалось не более 20 морских миль. Но мы шли к нему целую ночь. Скорость составила примерно одну пятую от обычной скорости, если не меньше. Только в 6 ч утра (3 сентября) попали в слабый лед, и «мертвая вода» нас отпустила. Это было очень заметно. «Фрам», врезавшись в лед, словно прыгнул вперед и с этого момента пошел своим обычным ходом.

После этого мы уже нигде больше не встречались с «мертвой водой».

То, что, судя по карте, должно было быть Таймырским проливом, нашли совершенно забитым льдом и прошли поэтому дальше на юг, чтобы посмотреть, нет ли там какого-либо прохода. Вообще ориентироваться по карте здесь довольно трудно. Островов Ховгорда, которые должны были лежать на север от входа в Таймырский пролив, совсем не видали, хотя стояла прекрасная, ясная погода, так что трудно было бы не заметить их там, где их показывает карта Бове. ^[123] Напротив, в большом отдалении от берега виднелось много других островов. Они лежали так далеко, на много миль в море, что экипаж «Веги» едва ли мог их обнаружить, тем более что во время плавания в этом районе держалась туманная погода. Дальше к югу нашли открытый пролив или небольшой фьорд, в который и направились, чтобы по возможности лучше ориентироваться.

Я взобрался наверх в бочку, ожидая, не откроется ли где-нибудь свободный проход на север. Но это становилось все более сомнительным. То, что я принял за материковый мыс и что теперь лежало к северу от нас, оказалось островом; фьорд же глубоко врезался

в берег. Он то суживался, то расширялся. Все это становилось все более загадочным. Может быть, это Таймырский пролив?..

Затишье полное. Земля закутана туманом. Почти невозможно отличить блестящую водную поверхность ото льда, а лед от запорошенной снегом земли. Все слилось воедино. Все так поразительно тихо и мертво.

Надежда то вспыхивала, то погасала вместе с каждым новым поворотом фьорда в молчаливых туманных берегах. Впереди мерещилась то чистая вода, то большие скопления льда. Ничего нельзя разобрать. Быть может, это Таймырский пролив? Быть может, там и есть проход? От этого зависит немало – потеряем мы или выиграем целый год.

Нет, придется остановиться, впереди сплошной лед... Или нет, это блестящая водная поверхность, а в ней отражается занесенная снегом земля. Пожалуй, это все-таки пролив. Но вот впереди появляется несколько крупных ледяных полей, которые трудно обойти. Бросаем якорь возле мыса в надежной бухте, [\[124\]](#) чтобы разобраться в положении. И тут замечаем, что льдины уносятся вперед сильным течением, – сомнений больше нет, мы находимся в проливе.

Вечером я отправился на лодке пострелять тюленей, взяв с собой свою гордость – двуствольное скорострельное ружье калибра 577. Только что собрались погрузить на лодку тюленью шкуру, как лодка накренилась, я поскользнулся на обледенелых досках кормы, упал навзничь, и ружье полетело за борт – печальное воспоминание! Хенриксен и Бентсен, бывшие гребцами, приняли это происшествие так близко к сердцу, что надолго потеряли дар речи. Они полагали, что никак нельзя оставить драгоценное оружие лежать на 10-метровой глубине. Поэтому мы вернулись на «Фрам», взяли сеть и в течение нескольких часов темной пасмурной ночи шарили по морскому дну. Пока занимались этим делом, вокруг без усталости плавал крупный тюлень, он высовывал из воды свою неуклюжую и удивленную морду то с одной, то с другой стороны и подплывал все ближе и ближе, словно хотел выведать, какую это ночной работой мы тут заняты. Потом он вдруг

нырнул – по всей вероятности, чтобы посмотреть, как обстоит дело с поисками там внизу. Он словно боялся, что мы найдем ружье. Наконец, тюлень стал чересчур назойлив, и я, взяв ружье Педера, пустил ему пулю в голову. Он погрузился в воду раньше, чем к нему подоспели, и, отчаявшись, мы бросили вообще поиски. Пятьсот крон чистого убытка!

Чтобы убедиться, можно ли провести «Фрам» по проливу, я предпринял на следующий день поездку в лодке на восток. Ночью было холодно, шел снег, и море вокруг судна покрылось довольно плотным ледяным «салом». ^[125] Пробраться на лодке к чистой воде стоило немалого труда. Я считал возможным, что земля, видневшаяся прямо перед нами в северной части пролива, была берегом бухты Актинии, где стояла «Вега». Но тщетно я искал там сложенный Норденшельдом гурий. К своему удивлению, вдруг я сообразил, что земля эта лишь маленький островок и что мы находимся на южной стороне главного входа в Таймырский пролив, который здесь оказался очень широким.

Мы проголодались и хотели, прежде чем покинуть этот остров, поесть, но как вытянулись у нас лица, когда мы обнаружили, что забыли масло. Делать нечего, поглотили черствых сухарей и почти вывихнули себе челюсти, разгрызая по куску вяленой оленины. Усталые, но не насытившиеся, отправились дальше, назвав этот выступ берега «Мысом Безмаслия». ^[126] Прошли на веслах вдоль пролива довольно далеко. Фарватер оказался для нашего судна подходящим – 8–9 сажен вплоть до самого берега. Под вечер лед все-таки преградил нам путь. Не рискуя попасть в ловушку, я счел за лучшее повернуть назад. Здесь и речи быть не могло об опасности умереть с голоду: повсюду свежие следы медведей и оленей, а в воде достаточно тюленей; но я боялся задерживать «Фрам». Могла ведь открыться возможность пройти вперед другим путем. Из всех сил пришлось нам налегать на весла, борясь с противным ветром; на следующее утро добрались, наконец, до «Фрама». И вовремя – вскоре разгулялся нешуточный шторм.

О степени пригодности Таймырского пролива для навигации Норденшельд говорит, что он, «по измерениям лейтенанта Паландера, так загроможден рифами и изрезан сильными течениями, что едва ли

благоразумно плыть по нему на парусах, по крайней мере до тех пор, пока он не будет вполне изучен и пока не будут произведены наблюдения за приливами, необходимые для суждения об изменчивом направлении течений». Эти замечания относились, должно быть, к более внутренней части пролива. Там же, где мы прошли вперед, фарватер был чист, и, насколько я мог видеть, он и дальше оставался вполне проходимым, но мы, вероятно, не заходили в него так далеко на восток, как Паландер. Поэтому я и решился в случае необходимости попытаться провести здесь «Фрам».

5 сентября поднялась пурга с резким, все усиливающимся ветром. К вечеру ветер яростно свистел в снастях «Фрама», и мы радовались, что находимся на борту; в такую погоду нелегко было бы возвращаться назад на лодке.

Вообще же я был не особенно доволен. Конечно, этот ветер мог разогнать немножко лед и унести его к северу. Вчерашние наблюдения вселили надежду, что в случае нужды через пролив пробиться можно. Но теперь ветер непрерывно гнал мимо нас большие массы льда, и вообще мы с беспокойством замечали, что зима все больше и больше приближается. А вдруг зима окончательно установится раньше, чем мы найдем проход? Я пытался примириться с мыслью о зимовке в этой местности и уже составил план санных экскурсий на будущий год. Кроме исследований побережья, при которых предстояло решить большие и разнообразные задачи, эти поездки распространились бы на всю неисследованную внутреннюю территорию Таймырского полуострова, вплоть до устья реки Хатанги. Имея собак и лыжи, мы могли бы совершить дальние вылазки, и год этот для географии и геологии, конечно, не был бы потерян. Но примириться с такой перспективой... Нет, пойти на это я не мог. Год жизни есть год, а наша экспедиция и без того могла оказаться чересчур длительной. Больше всего меня угнетала мысль: если льды задержат нас теперь, то где гарантия, что это не случится и в будущем году? Как часто бывает, что неблагоприятные в ледовом отношении годы следуют один за другим. А этот год нельзя сказать, чтобы был благоприятным. Хотя я и не хотел признаться в этом

даже себе самому, но проводил ночи далеко не на розах, пока не приходил сон и не уносил меня в страну забвения.

Так наступила среда, 6 сентября, день моей свадьбы. Когда я проснулся утром, во мне шевельнулось довольно суеверное предчувствие, что этот день принесет перемен у, если она вообще когда-нибудь наступит. Шторм стих немного, проглядывало солнце, и жизнь стала светлей. После полудня ветер окончательно улегся, установилась прекрасная, тихая погода. Шторм расчистил пролив ото льда, забившего его в северной части, но на востоке, куда мы ходили на лодке, пролив оставался по-прежнему закрытым. И не вернись мы накануне вечером на корабль так рано, – кто знает, не пришлось бы нам застрять там надолго. Теперь же появилась надежда, что ветер взломал также лед между мысом Лаптева и островами Альмквиста. Мы поспешно развели пары и в 6 ч 30 мин вечера пошли на север вновь попытать счастья. Я твердо верил, что наступивший день принесет удачу. Погода по-прежнему была хорошей, и солнце радовало нас. Мы так отвыкли от него, что когда Нурдал, переваливавший уголь в трюме, увидел после обеда луч солнца, упавший сквозь люк на угольную пыль, то принял его за балку, на которую преспокойно и оперся. Он был немало изумлен, полетев со всего размаха головой вниз, на обломки железа.

Определить точно, где мы находимся, становилось все более трудно. Астрономические наблюдения, произведенные в полдень, не пролили света; по этому определению мы оказались под $76^{\circ}02'$ северной широты, [\[127\]](#) или примерно на 8 миль южнее того места, которое у Норденшельда и Бове принято за материк. От этих карт ждать особой точности, конечно, нельзя было, тем более что во время пребывания Норденшельда в этих краях погода все время была пасмурной. Притом Норденшельд ясно отмечал, что карты эти следует считать лишь черновыми набросками.

Вот и теперь, идя на север, мы не могли отыскать островов Ховгорда. В тот момент, когда я считал, что мы должны находиться перед этими островами, к своему удивлению, почти прямо на севере я заметил высокие скалы, которые, казалось, были расположены на

материке. Как же, черт возьми, все это связать? Я уже подозревал – и чем дальше, тем сильнее, – что мы наткнулись на целый архипелаг островов. Теперь вопрос как будто близился к разрешению. Но на беду как раз в этот волнующий момент снова накатила туман вместе с дождем и снегом, пришлось предоставить разрешение загадки будущему.

Туман был густой, и к тому же наступила темная ночь, так что нельзя было различить землю на сколько-нибудь значительном расстоянии. Быть может, несколько рискованно было двигаться, но не хотелось упускать такой благоприятный случай. Слегка убавив скорость, шли всю ночь, держась под берегом, готовые повернуть, как только покажется впереди земля. Зная, что на вахте Свердруп, я забрался в койку с таким легким чувством, какого давно уже не испытывал.

В 6 ч на следующее утро (7 сентября) пришел Свердруп и разбудил меня сообщением, что прошли остров Таймыр или мыс Лаптева в 3 ч ночи и сейчас находимся в Таймырском заливе, но впереди – сплоченный лед и какой-то остров. Подойти к этому острову, пожалуй, можно было бы, так как в этом направлении как раз образовалось разводье. Но встречное течение шло так стремительно, образуя водовороты, что нам опять пришлось отступить.

После завтрака я поднялся наверх в бочку. Стояла ясная солнечная погода. Я пришел к заключению, что остров, о котором говорил Свердруп, по всей вероятности, не остров, но материк, простирающийся, однако, по сравнению с картами удивительно далеко на запад. За кормой у нас все еще лежал остров Таймыр, а наиболее восточные из островов Альмквиста или Норденшельда, озаренные солнцем, виднелись в северо-западном направлении. Впереди поднимался низменный песчаный полуостров, который тянулся к югу до самого горизонта, сливаясь с фоном залива. Дальше виднелась узкая полоса совершенно чистой воды. С западной стороны ее, в направлении острова Таймыр, вынырнула земля. Своими возвышенностями и округленными горными вершинами она значительно отличалась от низкого восточного берега бухты. Открытая нами широкая полоса земли, вдающаяся в восточную часть Таймырского залива, получила название полуострова Оскара. [\[128\]](#)

Впереди, к северу от мыса, я заметил чистую воду. Между ней и нами находилось немного льда, но «Фрам» пробился сквозь него без труда. Когда проходили против мыса, я был поражен, увидев неожиданно, что море покрыто слоем бурой заиленной воды. Этот слой, конечно, не мог обладать сколько-нибудь большой мощностью, так как кильватерная струя у нас за кормой была совершенно чистой. Я приказал бросить лот и обнаружил, как ожидал, что глубина уменьшилась: сначала 15 м, потом 12, потом 10. Остановились и дали задний ход. Это казалось подозрительным, тем более что вокруг во всех направлениях виднелись сидящие на мели стамухи, а стремительное течение шло на северо-восток. Медленно пошли снова вперед, все время бросая лот. На наше счастье, глубина не падала ниже 10 м, а через некоторое время стала увеличиваться, сначала 11 м, потом 12, так что мы опять могли идти полным ходом. Вскоре совсем миновали мелкое место и вышли в область синей воды. Граница между бурой поверхностной водой и чистой синей была очень резкая. Совершенно ясно было, что этот поверхностный заиленный слой принесен рекой, впадающей где-нибудь южнее.

От этого мыса берег поворачивал на восток и образовывал широкую бухту, получившую название бухты Толля. Мы шли на восток и северо-восток в прибрежной полосе чистой воды. После полудня эта полоса стала очень узкой, нас совсем прижало к берегу, который снова поворачивал отсюда на север. Продвигались по этому узкому каналу вдоль берега при глубине от 10 до 15 м, но к вечеру вынуждены были остановиться, так как лед подходил к самому берегу.

Земля здесь на всем протяжении очень напоминает Ямал. Та же низкая равнина, возвышающаяся над морем немногим больше, чем Ямал, и незаметная со сколько-нибудь значительного расстояния. Только здесь она немного более волнообразная. В двух местах я даже видел на ней в отдалении от берега несколько рядов холмов. Берег, по-видимому, везде состоит из песка и глины, крутыми обрывами ниспадающий в море.

На равнине виднелось много оленьих следов, и на следующее утро (8 сентября) я съехал на берег поохотиться. Убив одного оленя, я пошел

вглубь, чтобы продолжать охоту, как вдруг поразительное открытие привлекло мое внимание настолько, что я забыл и думать об охоте. К северу от меня врезался в сушу большой фьорд. Я шел, пока хватило сил, чтобы уяснить хорошенько, что это за фьорд, но так и не увидел, где он кончается. Фьорд простирался широкой полосой, насколько хватал глаз – до синеющих далеко-далеко в глубине полуострова гор на востоке. Казалось, что эти горы спускаются к воде у самого горизонта; за ними я ничего больше не мог разглядеть – ни земли, ни гор.

Моя фантазия разыгралась, и временами я готов был вообразить, что это, быть может, пролив, который проходит поперек земли и превращает полуостров Челюскина в остров. Вероятнее же, что это просто река, которая у устья разливается в широкий лиман, подобный тем, какие мы находим у многих сибирских рек.

На глинистой равнине, по которой я бродил, всюду рассеяны крупные валуны самых разнообразных горных пород; эти валуны могли быть принесены сюда лишь мощными глетчерами ледникового периода. [\[129\]](#)

Жизни тут почти нет. Кроме оленей, мне встретились только пара снежных куропаток да несколько пуночек и куликов; видел я еще следы песка и пеструшки. Эта самая северная часть Сибири совершенно необитаема, и ничего не известно о том, посещалась ли она когда-либо даже кочевниками.

На равнине, далеко в глубине, я нашел, однако, кругообразный холмик из мха, который, пожалуй, можно приписать рукам человека. Возможно, что здесь и бывал какой-нибудь ненец и собирал мох для своих оленей. В таком случае это было давно, потому что мох совершенно почернел и истлел. Но, может быть, это игра природы; природа ведь весьма причудлива в своих проявлениях.

Глава пятая Вокруг северной оконечности Старого Света

Как быстро сменяются в этой арктической стране свет и тени! На следующее утро (9 сентября) я из бочки увидел, что лед отошел от берега к северу и открылся канал, по которому можно выбраться на чистую воду и пройти дальше на север. Немедленно отдал распоряжение

поднять пары. Барометр стоял необычайно низко, так низко, как еще ни разу за все время пути, – он упал до 733 мм. Ветер резкими шквалами налетал с земли и стремительно несясь по равнине, вихрем взметая тучи песка и пыли. Свердруп считал, что благоразумнее всего оставаться на месте. Но слишком уж досадно было не воспользоваться таким превосходным случаем; солнце светило ярко, небо сияло – все это внушало доверие. Я велел поставить паруса, и вскоре мы, раздвигая льды, пошли на север на всех парях и под всеми парусами, какие только у нас имелись. Теперь нужно было победить мыс Челюскина! И «Фра м» никогда еще не шел таким ходом: мы делали свыше восьми миль в час; наш корабль как будто понимал в чем дело. Вскоре миновали льды; перед нами вдоль берега, насколько хватал глаз, тянулась чистая вода. Проходили один мыс за другим, открывая по пути все новые фьорды и острова. Через некоторое время я различил в подзорную трубу какие-то горы далеко на севере; они, должно быть, находились уже неподалеку от мыса Челюскина.

Земля, вдоль которой мы шли к северу, была низменная, отчасти похожая на ту, на которой я побывал накануне. В глубине, на некотором расстоянии от берега, виднелись скалы или горные хребты небольшой высоты. Некоторые из них, казалось, состояли из горизонтально залегающих осадочных пород. Плоские верхушки и крутые склоны этих внутренних гор были белы от снега. Издали всю горную цепь как будто покрывало одно сплошное спускавшееся по склонам ледяное или снежное покрывало; из-под его краев выступали горные кряжи, но вся середина сияла незапятнанной белизной. Поверхность выглядела совершенно сплошной и ровной; она очень походила на настоящий ледник.

В летнюю пору (21 июля 1894 г.)

На карте Норденшельда в этом месте стоит отметка «высокие горные хребты внутри страны». Следовательно, его наблюдения вполне согласуются с нашими, хотя я не назвал бы горы очень высокими. Но тут же, следуя показаниям более ранних карт, у Норденшельда говорится о «высоком утесистом берегу»; такое замечание неправильно. Берег очень низок и состоит, по-видимому, в основном из глины и других рыхлых пород. Норденшельд либо почерпнул свое указание из старых и ненадежных источников, либо сам ошибся из-за постоянного тумана, окружавшего его в этих водах.

Вечером приблизились к северной оконечности земли; однако течение, которое весь день было попутным, теперь пошло против нас, и казалось, нам никогда не миновать острова, лежащего напротив берега к северу.

Здесь-то, в глубине страны, и находилась та гора, которую я раньше заметил в подзорную трубу. ^[130] Вершина ее плоская, а склоны так же круто обрываются, как у гор, о которых я упомянул выше. Казалось, что она сложена из песчаника или даже базальта, но отвесных скал или уступов не было видно. Высоту ее я определил от 400 до 450 м. В открытом море виднелось много новых островов, ^[131] ближайший из

которых был довольно велик. Несколько раньше, днем, мы также видели на траверзе у себя группу островов. [\[132\]](#)

Наконец-то приближался момент, когда предстояло пройти мимо места, которое давно тревожило наши мысли, – одолеть второй камень преткновения, которого я так опасался. Вечером я сидел наверху в бочке, не сводя глаз с северного горизонта. Низменная пустынная земля. Солнце давно село за морем, но вечернее небо еще грезило золотом и ярью.

Высоко над водой было уединенно и тихо. На бледнеющем небе мерцала ярко и печально звезда, одна единственная, над самым мысом Челюскина. И по мере того как мы шли дальше, мыс все отчетливее выдвигался на востоке, а звезда передвигалась вместе с нами, все время озаряя путь. Я не в силах был оторвать от нее взгляда. Она словно притягивала к себе, утешала и навевала спокойствие. Не моя ли это звезда, не богиня ли это родного очага посылает улыбку, следит за нами? Много мыслей пронеслось в голове, пока «Фрам» в унылом ночном сумраке стремился к самому северному мысу Старого Света.

Под утро очутились напротив этой точки – мыса Челюскина. Повернули прямо к земле. И как раз при смене вахты, когда склянки пробили четыре, мы подняли судовые флаги и послали тремя нашими последними пушечными зарядами громовой салют над морем. В тот же миг брызнули лучи солнца. Тут наш поэт-доктор разразился следующим двустушием:

Флаги вьются, гремит салют.

Солнце всходит, и склянки бьют!

С восходом солнца рассеялись чары колдуна -Челюскина, который так долго сковывал наши мысли. Преграда, грозившая зимовкой у этого берега, раздалась. Путь, уводивший нас из земного плена у этих берегов прямо к цели – к дрейфующим льдам, на север от Новосибирских островов, был открыт.

Всех подняли на ноги. В празднично освещенной кают-компании появились на столе горячий пунш, фрукты и сигары. По такому случаю понадобилось, конечно, провозгласить торжественный тост. Я взял свой

стакан и сказал: «За ваше здоровье, ребята, поздравляю с Челюскиным!» Потом заиграл орган, а я снова полез в бочку, чтобы бросить прощальный взгляд на землю.

Вот горная вершина, которую я видел вечером; она оказалась на западной стороне полуострова. А на востоке далеко к югу тянулся другой, более низкий и округленный кряж. Должно быть, это о нем говорил Норденшельд; согласно его описанию, этот кряж и образует самый северный выступ земли, далеко выступающей в море. Теперь мы находились прямо перед бухтой Короля Оскара. Но я тщетно ищу в подзорную трубу знак Норденшельда. Сильно хочется сойти на берег, но на это нет времени. Кстати, когда здесь стояла «Вега», бухта была свободна ото льдов, теперь она сплошь покрыта зимним невзломанным льдом.

Промер глубины в 3800 м

Фарватер впереди открыт, но далеко в море хорошо различима кромка плавучего льда. Пройдя немного далее к западу, мы миновали два маленьких острова, лежащих в небольшом расстоянии от берега. [\[133\]](#)

Около полудня пришлось остановиться у северо-восточной стороны мыса. Дорогу преградил плавучий лед, который, казалось, доходил вплоть до лежавшей впереди земли. Судя по темному небу, по другую сторону острова опять была чистая вода.

Побывав на берегу, я убедился, что все врезавшиеся в него проливы или фьорды покрыты сплошным припайным льдом; поэтому двинулись вечером в обход острова, мористее его, прокладывая себе путь сквозь льды. Затем всю ночь шли на парах и под парусами вдоль берега к югу. Шли необыкновенно быстро, иногда при шквальных порывах ветра скорость доходила до 9 миль. Местами встречался лед, но мы легко сквозь него проходили. Под утро (11 сентября) заметили впереди высокую землю и вынуждены были изменить курс, держать прямо на восток в течение всего дня.

Выйдя попозже, перед полуднем, на палубу, я увидел перед собой красивый горный ландшафт с высокими вершинами и ущельями между ними. Это был первый такой ландшафт после отъезда из Вардё и после однообразных плоских берегов, вдоль которых мы шли так долго.

Отрадно было снова увидеть горы. Они круто обрывались на востоке, где от них опять простиралась совершенно гладкая равнина. В конце дня, однако, землю совершенно потеряли из виду и, как это ни странно, так и не видали ее больше, как не видали и островов Петра и Павла, хотя, судя по картам, наш курс лежал как раз посередине между ними.

«Вторник, 12 сентября. Сегодня в 6 ч утра меня разбудил Хенриксен сообщением, что «на льдине совсем рядом несколько моржей». «Ах, черт возьми!» Я вскочил, и в мгновение ока был одет. Утро стояло прекрасное, чудесная тихая погода; по гладкой поверхности воды разносилось рыканье моржей, лежавших кучей на льдине неподалеку от нас. Позади них сияли на солнце голубоватые горы.

Наконец, гарпуны были отточены, готовы ружья и патроны, и Хенриксен, Юлл и я отправились на охоту. С юга задувал легкий ветерок, и мы стали грести на север от моржей, чтобы подойти с подветренной стороны. По временам сторожевой морж поднимал голову, но нас не замечал. Мы торопились и вскоре подошли так близко, что должны были грести совсем осторожно. Юлл сидел на веслах, Хенриксен с гарпуном наготове стоял на носу, а я примостился позади него с ружьем. Как только сторожевой морж поднимал голову, мы замирали, не

шевелия веслами; едва голова его снова опускалась на лед, новый взмах весел выносил нас вперед. Моржи лежали, прижавшись друг к другу, на небольшой льдине, старые звери и детеныши вперемешку. Какие громадные туши мяса! Время от времени одна из дам, лежа на спине или на боку, веяла ластом взад и вперед над мясистой тушей, и снова все замирало.

Педер Леонар Хенриксен, старший лейтенант

Поединок с моржами близ острова Таймыр

Рисунок

– Ай, ай, ай, сколько тут мясных блюд! – сказал Юлл, который был нашим коком.

Мы скользили вперед все осторожнее и осторожнее; я сидел с ружьем наготове, Хенриксен уверенной рукой сжимал рукоятку гарпу на. Лишь только лодка стукнулась о край льдины, он встал и метнул гарпун, но, как оказалось, нацелился слишком высоко; гарпун скользнул по упругой шкуре одного и запрыгал по спинам. То-то все всполошились!.. Десяток или дюжина громадных свирепых морд разом обратились к нам, горы мяса повернулись с непостижимой быстротой и с глухим ревом, переваливаясь, двинулись к краю льдины, куда мы пристали. Зрелище было бесспорно внушительное. Я вскинул ружье и выпалил по одной из самых больших морд. Зверь рванулся, зачался и упал головой в воду. Тогда я пустил еще другую пулю в башку; он свалился, но ему удалось скатиться в воду. В ту же минуту ринулось со льдины в воду все стадо, обдав нас фонтанами брызг. Все произошло в какие-нибудь две секунды.

Вскоре вокруг лодки стали выныривать головы, одна другой больше и безобразнее. Детеныши жались к взрослым. Они подплывали к лодке с таким ревом, что воздух дрожал, кидались к нам, потом уходили в сторону, снова становились торчком и снова, наполняя воздух ревом, переворачивались и с плеском исчезали, чтобы через мгновение вынырнуть снова. Вода кипела и бурлила на большом пространстве вокруг; в этот, такой спокойный мир льдов вдруг, точно по мановению волшебной палочки, вторгся дух бешенства. Каждое мгновение можно было ожидать, что один или парочка моржовых бивней пробьет лодку или же вскинут нас и швырнут с размаху за борт; что-либо подобное легко было ожидать в результате такой атаки. Но натиск продолжался, а ничего не происходило. Я разглядел своих жертв; раненые моржи ревели и хрюкали, как и все другие, но изо рта и из носа у них лилась ручьем кровь. Еще пуля, и один морж опрокинулся навзничь и заколыхался на волнах; я пустил пулю во второго, – его постигла та же участь. Хенриксен, стоявший наготове с гарпунами, добил обоих. Мы подстрелили еще одного моржа, но у нас не было больше гарпунов; попробовали удержать его на поверхности, всадив в башку моржу острогу, однако зверь сорвался и утонул; спасти его не удалось. Пока мы буксировали добычу к льдине, моржи еще продолжали некое

время шнырять около нас, но мы ничего больше не могли предпринять; если бы даже удалось застрелить еще нескольких, то как удержать их на воде и подвести к льдине?

Вскоре подошел «Фрам» и принял добычу на борт. Мы снова пошли на лодке вдоль берега. В этих водах много моржей. После обеда застрелили еще двух; можно было бы забить и больше, если бы только тратить на это время. Вдоль этого берега и Норденшельд видел отдельные, хотя и небольшие, стада моржей.

Продолжаем идти вдоль берега к югу, мимо устья реки Хатанги, борясь против сильного встречного течения. Восточная часть Таймырского полуострова – сравнительно высокая гористая страна, но перед горами тянется, примыкая вплотную к морю, почти такая же низменная равнина, какую мы видели раньше везде вдоль берега почти на всем пути. Так как море кажется свободным ото льда, то несколько раз пытались укоротить путь, покидая берег и направляясь напрямик к устью Оленека; но каждый раз кромка плотного льда вынуждала нас возвращаться обратно в прибрежную полынью» .

14 сентября находились между Хатангой и Анабарой. Местность тут тоже высокая, гористая, но берег низменный. «В этом отношении, – отметил я в своем дневнике, – весь этот берег напоминает немного берега возле Ерен в Норвегии. Горы здесь, однако, несколько размыты и значительно меньшей величины, чем те, которые мы видели севернее. Море отвратительно мелко, ночью глубина уменьшилась до 7 м, и пришлось вернуться несколько назад. Всюду перед нами тянется лед; однако под берегом полоса чистой воды вполне достаточна, чтобы можно было продвигаться на восток».

Еще через день снова была «почти совершенно чистая вода; но мелко, глубина 12–13 м. С востока шла сильная зыбь, из чего заключили, что там должно быть свободное ото льдов море, что вполне соответствует нашим расчетам. Очевидно, уже дает знать о себе река Лена с ее теплыми водами. Морская вода здесь буроватая с примесью мутной речной воды. Соленость воды также значительно снизилась».

«О том, чтобы идти к Оленеку, – записал я в свой дневник 15 сентября, – в такое позднее время не может быть и речи. Даже если бы нам не угрожала опасность наткнуться на песчаные банки, это грозило потерей дорогого времени – возможно целого года. Вообще же нет гарантий, что «Фрам» сможет туда пройти; было бы чересчур досадно сесть на мель в этих водах. Лишних собак иметь с собой, понятно, не мешало бы, и если бы все дело сводилось к нескольким дням проволоочки, мы бы, конечно, пошли на это, но рисковать потерей года – слишком много. Идем на восток, прямо к Новосибирским островам; обстоятельства нам благоприятствуют, и виды на будущее самые светлые».

«Льды все-таки заставляют меня поломать голову. Почему в самом деле их не уносит на север течением, которое, по моим предположениям, должно направляться от этих берегов на север? В существовании этого течения мы уже успели в достаточной мере убедиться. Вдобавок лед здесь такой мощный и крепкий, точно он многолетний. Прибывает он что ли с востока или, быть может, кружит тут, между «идушим на север» течением и Таймырским полуостровом? Я еще не могу ответить на это, но во всяком случае лед здесь совершенно не похож на тонкий однолетний, который мы встречали до сих пор в Карском море и к западу от Челюскина».

«Суббота, 16 сентября. Держим по чистой воде курс на норд-ост (по компасу) и прошли уже довольно далеко на север, но льда не видно, и небо на севере темное. Погода мягкая, и вода тоже довольно теплая, температура ее доходит до +2 °С. Течение – против нас, все время оказываемся значительно западнее счислимого места. В течение дня видели много гагачьих стай. Нет ли к северу от нас земли и не к ней ли отогнан лед?»

На следующий день встретили лед и, чтобы не застрять, должны были отойти несколько к югу. Я уже начал было опасаться, что не удастся пройти так далеко, как я надеялся. Но в моих записях за следующий день (понедельник, 18 сентября) значится:

«Чудесный день. Держим курс на север, к западу от острова Бельковского. Открытое море, хороший ветер с запада, быстро идем вперед. Погода ясная, после полудня проглянуло солнце. В 12 ч 15 мин изменили курс на норд-тень-ост (по компасу). Теперь собственно настает решительный момент; должно, наконец, выясниться: верны ли расчеты, положенные в основу плана, найдем ли мы здесь, пройдя еще немного дальше на север, течение, идущее на север?

До сих пор все идет гладко сверх ожиданий. Находимся уже на 75°30 северной широты, а все еще видим чистую воду и темное небо на севере и на западе. Под вечер заметили впереди судна и со штирборта белое небо – отражение льдов. В 7 ч мне показалось, что я различаю на горизонте лед, который, однако, подымался такими правильными линиями, что больше походил на сушу. Было, впрочем, слишком темно, чтобы можно было различить что-либо вполне ясно. Весьма вероятно, что это остров Бельковский, а большое светлое пятно на небе подальше к востоку – отражение покрытого снегом острова Котельного.

В сущности, мне хотелось подойти к нему, отчасти чтобы познакомиться немного с этой интересной землей, отчасти чтобы обследовать склады провианта, которые, как я знал, были устроены для нас здесь дружескими заботами Толля. Но время наше было слишком ограничено; к тому же море на севере казалось свободным ото льдов. Виды на будущее превосходные, и мы с каким-то особым чувством шли на север, все время на север по открытому морю. Что принесет завтрашний день? Разочарование или надежду? Если все пойдет хорошо, мы должны прийти к Земле Санникова, на которую еще не ступала нога человека. Удивительное ощущение плыть так, темной ночью, в неведомых краях по открытому морю, зыбь которого не бороздили еще ни одно судно, ни одна лодка. Кажется, что мы находимся миль на сто южнее. Даже погода стоит слишком мягкая для середины сентября под этими широтами».

«Вторник, 19 сентября. Это самое прекрасное из плаваний, какие я когда-либо переживал. На север, все время на север с попутным ветром и с предельной скоростью, какую только способны дать наши паруса и

машина. В открытом море, миля за милей, вахта за вахтой, по неизведанному пути. И льда в море становится даже как будто все меньше. Долго ли будет так? Шагая взад и вперед по мостику, я всматриваюсь все время на север, всматриваюсь в будущее. Но впереди все то же темное небо, предвещающее чистую воду. Теперь план мой подвергается решающему испытанию.

Счастье как будто повернулось лицом к нам еще с 6 сентября. Впереди – «только чистая вода», как ответил мне Хенриксен из бочки, когда я его окликнул. А попозже, утром, когда он стоял у руля, а я ходил взад и вперед по мостику, он вдруг сказал: «Они там в Норвегии и не подозревают, что мы тут несемся к полюсу по чистой воде! .. Нет, они и не думают даже, что мы зашли так далеко». И это, конечно, верно, я бы и сам не поверил, если бы мне кто-нибудь сказал об этом еще две недели тому назад. Все же это так. В сущности, все идет, как должно, как говорили мои расчеты и предположения: здесь мы и должны были встретить чистую воду, простирающуюся далеко на север. Но редко, когда планы до такой степени оправдываются. Нигде на горизонте не видно ледяного отблеска, даже и сейчас, вечером. За весь день мы не видели никакой земли; утром стояла серая туманная погода, и мы, боясь наткнуться на землю, шли неполным ходом. Скоро будем под 78° северной широты. Но далеко ли уйдем потом? Я все время говорил, что буду счастлив, достигнув 78°; но Свердруп не так-то легко удовлетворить. Он полагает, что мы пройдем дальше, до 80°, даже до 85°. Он почти всерьез говорит о свободном ото льдов Полярном море, о котором где-то читал. Он не прочь вернуться к этой теме, хотя я и подсмеиваюсь над ним в таких случаях.

Но я готов спросить самого себя: не сон ли все это? Надо же встретить хоть какое-нибудь препятствие, чтобы оценить как следует успех! Так было в Гренландской экспедиции, так, видно, будет и тут.

Dort ward der Traum zur Wirklichkeit,
Hier wird die Wirklichkeit zum Traum.

[Там мечта становилась действительностью.

Здесь действительность становится мечтой.]

Кругом почти никаких признаков жизни. Сегодня видели только одну гагарку (*Alca torda*) или чистика (*Uria grylle*), а потом чайку, и то вдали. Зачерпнув вечером ведро морской воды, обнаружил сильную фосфоресценцию. Тепло... звезды... право, можно подумать, что мы находимся на юге».

«Среда, 20 сентября. Мечты развеялись, как дым! Когда в 11 ч утра я сидел над картой, думая о том, что чаша моих желаний скоро будет полна – мы скоро достигнем 78°, – почувствовался толчок. Я выскочил на палубу. Перед нами лежала, отсвечивая в тумане, кромка плотного льда, словно кто-то швырнул ее поперек дороги. Очень хотелось пройти на восток, чтобы посмотреть, нет ли земли в этом направлении; но похоже было, что на востоке лед встретится уже на более низкой широте и, напротив, можно достигнуть более высоких широт, держась западнее. На мгновение выглянуло солнце и позволило нам определиться. Оказалось, мы на 77°44 северной широты».

Придерживаясь кромки льда, продвинулись вперед в северо-западном направлении; хотелось знать – нет ли впереди какой-нибудь земли? Что-то удивительно много стало попадаться разных птиц. Встретилась стайка куликов, она сопровождала нас некоторое время и потом повернула к югу. Вероятно, они летели с какой-нибудь земли, лежавшей севернее. Однако из-за тумана, который постоянно держится надо льдом, ничего нельзя разглядеть. Позже пролетела еще стая маленьких куличков, что также, по-видимому, указывало на близость земли. На следующий день прояснилось, но земли не было видно. Мы находились значительно севернее того места, где, по мнению Толля, должен был лежать южный берег Земли Санникова, [\[134\]](#) но примерно на той же долготе.

По всей вероятности, эта земля – лишь небольшой остров, и во всяком случае она не может заходить далеко к северу.

21 сентября снова был густой туман. Дошли до северного края какой-то бухты во льду. Так как идти дальше некуда, я решил выждать более благоприятной погоды и тогда выяснить, есть ли возможность дальше пройти на север.

По расчетам, мы должны были находиться почти на $78\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты. В течение дня несколько раз пытались измерить глубину, но 400-метровым тросом дна не достали.

«Пятница, 22 сентября. Снова яркая солнечная погода и ослепительной белизны лед на севере. До сих пор мы стояли неподвижно из-за тумана и никуда не могли выбраться; теперь можно оглядеться вокруг, но по-прежнему не знаем, куда идти. Впечатление такое, что находимся у северной границы открытого моря. На западе кромка льда отодвигается, кажется, снова к югу. К северу лед белый и сплоченный, лишь кое-где виднеются небольшие проходы или маленькие полыньи. Небо на всем горизонте белесое. С востока мы, правда, только что пришли, но видели там, в сущности, немного, а поэтому за неимением лучшего благоразумнее всего пройти немного в этом направлении, чтобы посмотреть, нет ли там прохода во льдах. Не будь столь позднее время, я бы охотнее всего, повернув на восток, прошел бы до острова Санникова или дальше до острова Беннетта, чтобы взглянуть, каковы там условия; но теперь слишком поздно. Скоро море замерзнет, и тогда легко можно застрять в таком месте, где оставаться совсем нежелательно.

Прежние полярные экспедиции старались держаться под берегом. А я, напротив, этого-то как раз и хотел избежать, так как рассчитываю, что меня понесет плавучий лед и берег может только помешать. В сущности, именно здесь очень удобно отдаться во власть льдов, и так как я вдобавок скоро сообразил, что кромка льда на востоке отожмет нас снова к югу, то мы повернули и начали закрепляться у большой льдины. Повсюду чистая вода, кое-где с отдельными крупными льдинами. Мне сдается, что тут-то и будет наша надежная гавань.

Сегодня у нас объявлена жестокая война клопам и тараканам. Понять не могу, откуда взялись у нас на борту эти «зайцы»?

Вооруженные большим паровым шлангом, ищем своих врагов повсюду, где только могли они найти себе убежище, – шпарим матрацы, диванные подушки и т. п. Носильное белье и одежду запихиваем в бочку; плотно забиваем крышку, вводим в отверстие шланг и впускаем

туда пар. Внутри слышен гул и свист, пар выползает понемножку в щели, а мы радуемся, думая о том, как теперь *им* там должно быть тепло и приятно. Как вдруг – пфф!.. Бочка с треском лопается, пар вылетает со всех сторон, и крышку вышибает взрывом на другой конец палубы... Гнусный враг, надеюсь, истреблен полностью. Юлл проделал эксперимент: посадил клопа на конец доски и хотел заставить его ползти на север. Тот, однако, не двигался. Тогда он взял сечку для моржового сала и стал постукивать им по доске, чтобы заставить насекомое двинуться; клоп уперся и только головой вертел, упрямец. «Убей ты его», – посоветовал Бентсен. «Ну, я взял багор и пронзил его», – рассказывал потом Юлл».

«Суббота, 23 сентября. Стоим неподвижно у той же льдины. Сегодня у нас перегрузка угля. Приятный контраст: на корабле все – начиная с людей и кончая собаками – черно и мрачно, а кругом все сияет белизной, снег искрится на солнце. Льда, по-видимому, скопляется все больше».

«Воскресенье, 24 сентября. Перегрузка угля продолжается. Утром туман, попозже прояснилось. Когда туман рассеялся, мы вдруг обнаружили, что со всех сторон окружены довольно сплоченным льдом и между льдинами уже образовалась ледяная спайка, которая скоро в состоянии будет держать человека. На севере все еще виден значительный просвет, однако он тянется не особенно далеко. На юге можно разглядеть в подзорную трубу, сидя в бочке, открытое море по ту сторону льдов. Да, мы здесь, видимо, застряли. Ну что же, пусть так. В таком случае: добро пожаловать, льды! Какой мертвый край; ни признака жизни, только одинокий тюлень (*Phoca foetida*) плескается в воде, да неподалеку от нас на льдине несколько старых медвежьих следов.

Адольф Юлл, провиантмейстер и кок

Снова попробовали измерить глубину, но так и не достали дна. Странно, что здесь так глубоко!

Трудно вообразить более мрачное зрелище, чем перегрузка угля на судне. Прискорбно, что уголь так необходим и вместе с тем так черен, и ведь все дело лишь в том, чтобы поднять уголь из трюма и наполнить им бункера. Но в этом должны принимать участие решительно все, и вот все и вымазаны углем. Одни стоят возле угольной кучи внизу в трюме и наполняют ведра, другие подают ведра вверх – в этом никто не сравнится с Якобсеном, который огромными своими ручищами перекидывает ведро за ведром, словно это щепки для растопки, – остальные снуют с угольными ведрами взад и вперед между главным люком и шканцами и опрокидывают ведра в бункера; наконец, Амунсен, весь черный, наводит порядок в бункерах. Угольная пыль носится над всей палубой, так что она походит на кочегарку, собаки – грязные и черные – забились по углам, а мы сами – ну, мы-то, конечно, в такой день имеем не очень-то привлекательный вид.

Зато физиономии наши способны поднять упавший дух: темнокожие, татуированные черными полосами вдоль и поперек, белые зубы и сверкающие на темном фоне белки глаз.

Если мы сходим вниз и притрагиваемся рукой к белой стене, то на ней тотчас же отпечатывается черный плакат – пять растопыренных пальцев. Двери особенно богаты этого рода воспоминаниями; подушки и

диванные сиденья пришлось повернуть обратной стороной, так как иначе на них остались бы слишком прочные знаки другой, самой мягкой части тела. А скатерти – ну, к счастью, у нас ничего такого нет и в помине.

Короче говоря, перегрузка угля – самое темное и мрачное занятие, какое только можно себе представить в столь светлом окружении. Хорошо еще, что у нас достаточно воды для умывания, ее нам предлагает каждая лужа на льдине, так что не потеряна еще надежда, что мы когда-нибудь снова станем чистыми, – тем более что подобную возню с углем нам приходится затевать, кажется, в последний раз».

«Понедельник, 25 сентября. Крепче и крепче вмерзаем в лед. Прекрасная тихая погода. Ночью было 7 градусов мороза; наступает зима. Нас посетил медведь, который, однако, удалился, прежде чем кто-либо удосужился в него выстрелить».

Глава шестая Полярная ночь

Похоже было, что мы и в самом деле засели крепко. Я уже рассчитывал, что «Фрам» освободится из льдов не прежде, как по ту сторону полюса, когда мы приблизимся к выходу в Норвежское море. Стояла поздняя осень. Солнце с каждым днем опускалось все ниже, и температура постепенно падала. Приближалась полярная ночь, грозная и страшная полярная ночь. Нам ничего другого не оставалось, как подготовиться к ее наступлению. Мало-помалу наше судно превращалось, насколько это было возможно, в удобное зимовье.

Прежде всего мы приняли все меры предосторожности против губительного действия мороза, плавучих льдов и других враждебных человеку сил природы, которые, как пророчили, должны были сломить нас. Руль вынули из рамы, чтобы его не повредило при сжатиях льда. Хотели сделать то же самое с винтом, но так как он вместе с железной рамой значительно усиливал кормовую часть судна и, главное, защищал рулевое управление, то в конце концов решили оставить винт на месте. С машиной тоже возни было немало: ее разобрали на части, каждую часть смазали и убрали на зиму; осмотрели и тщательно очистили шатуны, поршни, цилиндры. Эта работа производилась особенно

тщательно. Амунсен возился с машиной, как с собственным ребенком; и ранним утром и поздним вечером он был внизу и буквально нянчился с ней. Если кто-нибудь поддразнивал его этим, он вызывающе сверкал глазами, и мы знали, что за этим последует: «Говорите, что хотите, но подобной машины нет во всем свете, стыдно и грешно не позаботиться о ней как следует». И он это делал основательно; за все три года не было дня ни зимою, ни летом, чтобы он не побывал внизу у своей машины, не постучал по ней и не поухаживал за ней хотя бы немного.

Трюм несколько разгрузили, освободив там место для столярной мастерской. Слесарная помещалась у нас в машинном отделении, кузница – сперва на палубе, а потом на льду; жестяных дел мастера работали чаще всего в навигационной рубке; сапожные, парусные и другие работы производились в кают-компании. Во всех этих мастерских в течение всего плавания работали оживленно и весело. Не было предмета – от точнейшего прибора до деревянных сапог или топорика, – которого бы не могли смастерить на борту «Фрама». Когда обнаружился недостаток в лот-лине, на льду была оборудована канатная мастерская.

Затем занялись установкой ветряного двигателя для динамо-машины, чтобы обеспечить электрическое освещение. Во время хода корабля динамо приводилось в движение паровой машиной. Теперь мы довольствовались в наших темных каютах светом керосиновых ламп. Ветряной двигатель установили с левого борта на фордеке, между большим люком и релингом. Понадобилась не одна неделя работы, чтобы оборудовать это важное приспособление как следует.

Для динамо, как упоминалось выше, мы взяли с собой так же ручной привод. Я думал, что он пригодится для моциона, когда не будет никакой другой подходящей работы. Такое время, однако, так и не наступило, и приводом поэтому не пользовались. Всегда находилась та или иная работа, и никогда не составляло труда найти каждому дело, которое не только давало достаточный моцион, но так занимало мысли человека, что время не тянулось для него нескончаемо. Надо было внимательно следить за состоянием корабля и оснастки, чинить паруса, осматривать такелаж и т. п.; разыскивать в загроможденном ящиками и

бочонками трюме необходимые коку продукты, добывать лед, хороший чистый пресный лед, доставлять его на камбуз, чтобы там получить воду для питья и умывания.

А работа в различных мастерских?.. То «кузнец Ларс» должен выпрямить тяжелые шлюп-балки, погнутые волной в Карском море, то выковать какой-нибудь крюк, или нож, или капкан для медведя, или еще что-нибудь другое. То жестянщик, которым был все тот же «кузнец Ларс», спаивал жестяное ведро для оттаивания снега в камбузе. То механику Амунсену давался заказ на тот или иной прибор, например измеритель скорости течения новой конструкции, или что-либо подобное. Часовых дел мастер Мугст проверял и чистил термографы или вставлял новую пружину в чьи-нибудь часы. Парусных дел мастер получил заказ на крупную партию собачьей упряжки. Наконец, каждый из нас был сам себе сапожником и тачал парусиновые сапоги на толстой теплой шерстяной подошве – по последней модели Свердрупа. Механик получил заказ – изготовить партию цинковых пластинок с нотами для органа – самоновейшее изобретение руководителя экспедиции. На обязанности электротехника лежали осмотр и чистка аккумуляторных батарей, которым грозила опасность замерзнуть. Когда, наконец, был готов ветряной двигатель, за ним пришлось постоянно наблюдать, держать его «по ветру», т. е. разворачивать крылья в надлежащую сторону, а если ветер задувал слишком сильно, лезть наверх и «убавлять паруса» – работа на зимнем холоду не из приятных. Исполнявшему ее не раз приходилось усиленно дуть на пальцы и старательно растирать кончик носа, прежде чем снова спуститься вниз.

Время от времени откачивали воду из трюма. Однако, по мере того как вода вокруг судна и в его пазах замерзала, обязанность эта постепенно отпадала. С декабря 1893 г. и до июля 1895 г. совсем не прикасались к помпам. За это время единственную течь дала кормовая часть машинного отделения. Но и она была незначительна. Дело ограничилось тем, что каждый месяц мы скалывали с днища судна несколько мешков льда и выносили их наверх.

Янтон Амунсен, первый механик «Фрама»

Помимо этих разнообразнейших работ, самой важной были научные наблюдения; они занимали немало времени. Наибольшего внимания требовали метеорологические наблюдения, которые производились и днем и ночью через каждые четыре часа, а большую часть времени даже каждые два часа. Эти наблюдения занимали полный рабочий день одного, а иногда и двух человек. Главным исполнителем этой работы был Скотт-Хансен, постоянным ассистентом Йохансен, которого с Рождества 1894 г. заменил Нурдал.

Ночью эти наблюдения производили вахтенные. Если погода была ясной, Скотт-Хансен и его ассистент через день определяли широту и долготу. За этой работой, конечно, следили с живейшим интересом все участники экспедиции. Каюту Скотт-Хансена, когда он занимался вычислениями, положительно осаждали свободные от работы зрители, жаждавшие узнать результат – подвинулись ли мы со дня последнего наблюдения дальше к северу или отнесены к югу и на какое расстояние? От этих результатов в существенной степени зависело общее настроение на судне.

Кроме того, через определенные промежутки времени Скотт-Хансен вел наблюдения для определения величин элементов земного магнетизма в этой неисследованной области. Наблюдения эти первую зиму производились в специально приспособленной палатке на льду. На

следующий год построили большую снежную хижину, которая оказалась более практичной и удобной для наблюдателей.

Несравненно меньше работы было у судового врача. Долго е время он тщетно ждал пациентов и в конце концов с отчаяния принялся лечить собак. Однако и он производил свои научные наблюдения: каждый месяц взвешивал участников экспедиции, брал у всех кровь для исследований на гемоглобин и число кровяных шариков. За этой работой следили тоже с неослабным интересом, так как каждый стремился прочесть в этих исследованиях свою судьбу – не грозит ли ему цинга.

Из прочих научных наблюдений нужно упомянуть об измерениях температуры воды и содержания в ней солей на различных глубинах, о собирании и исследовании животных организмов, встречающихся в этих полярных водах, изучении атмосферного электричества, наблюдениях за образованием, нарастанием и мощностью льда, измерениях температуры в различных слоях льда, об исследовании морских течений подо льдом и т. д. и т. д. Эти работы относились по большей части к моим обязанностям.

Кроме того, велись постоянные наблюдения за северными сияниями, для изучения которых были исключительно благоприятные условия. Довольно долгое время этими наблюдениями занимался я сам, потом они перешли к Блессингу. Оставляя впоследствии судно, я передал ему и другие исследования, которые вел до тех пор. Существенной частью наших научных работ были промеры глубин и взятие проб грунта. На больших глубинах эта работа настолько затруднительна, что в ней должны были принимать участие все; да и самые промеры глубин при том методе, который мы стали применять, отнимали много времени.

Дни на корабле мало чем отличались один от другого, описать один – в сущности, то же, что описать все.

Вставали мы в 8 ч утра, после чего подавался завтрак. Он состоял из сухарей (ржанных и пшеничных), масла, сыра разных сортов (голландского, честерского и швейцарского), творогу, солонины (говядины или баранины), ветчины, копченого языка или же бекона, а

также тресковой икры, анчоусов и овсяных галет или английских морских сухарей с апельсинным мармеладом или framefood jelly [желе местного производства]. Три раза в неделю подавался свежесдобитый хлеб и часто какое-нибудь пирожное.

Вначале через день пили кофе и шоколад; затем кофе стало подаваться два раза в неделю, другие два дня чай, а остальные три дня шоколад.

После завтрака одни шли посмотреть собак и выдать им корм – половину сушеной трески или пару собачьих сухарей, выпустить их погулять, поездить на них или что-нибудь в этом роде. Другие принимались за свои занятия. Все по очереди несли недельное дежурство в кухне, помогали повару мыть посуду, накрывать на стол и подавать. Сразу же после завтрака повар должен был сообщить о том, что предполагается сделать на обед; тут же мною окончательно утверждалось меню.

Обычно некоторые из нас после завтрака отправлялись прогуляться на льду и подышать свежим воздухом, а заодно осмотреть льды и проследить за их сжатием.

В 1 ч все собирались вместе на обед. Обычно он состоял из трех блюд: супа, мясного и десерта, или супа, рыбы и мяса, или рыбы, мяса и десерта, а иногда только из рыбы и мяса. Ко второму блюду всегда подавались картофель, овощи или макароны. Мне кажется, что все единодушно признавали наш стол отличным. Едва ли дома нам жилось лучше, а у многих домашний стол был, пожалуй, куда скромнее. Потому – то все и напоминали откормленных поросят, а двоим пришлось даже бороться против двойного подбородка и брюшка. Обед большей частью запивался слабым мартовским пивом и заправлялся шутками и анекдотами. После обеда курильщики, сытые и довольные, шли, переваливаясь, в камбуз, который служил курительной комнатой; в каютах, за исключением особо торжественных случаев, курить не разрешалось. В камбузе затягивались куревом всласть, болтали, рассказывали друг другу разные истории, подчас завязывались и горячие споры. Затем некоторые из нас могли уйти к себе вздремнуть.

Отдохнув, каждый снова брался за свое дело и работал до 6 ч, когда снова собирались вместе на ужин.

Ужин состоял примерно из того же, что и завтрак, с той разницей, что за ужином всегда пили чай. После ужина снова в камбузе курили, а кают-компания превращалась в тихую читальню.

Мы усердно пользовались ценной библиотекой, которой снабдили нас щедрые издатели и друзья экспедиции. Если бы благородные жертвователи видели нас, собиравшихся по вечерам вокруг стола, с головами, ушедшими в книги или иллюстрации, если бы они знали, какими неоценимыми спутниками были для нас книги, они, несомненно, почувствовали себя вознагражденными сознанием того, что сделали доброе дело, помогли превратить «Фрам» в оазис среди великой ледяной пустыни.

В 7 ч 30 мин или 8 ч вечера появлялись карты или другие игры, за ними мы засиживались до поздней ночи. Обычно вокруг стола составлялось несколько партий. Кто-нибудь садился за орган и, вращая ручку, исполнял наши любимые музыкальные пьесы. Или же Йохансен брал гармонику и наигрывал чудесные песенки. Его коронными номерами были: «О, Сусанна» и «Переход Наполеона через Альпы в открытой лодке».

Около полуночи, оставив вахтенных, мы ложились спать. Каждый должен был пробыть на вахте один час. Самой тяжелой обязанностью для вахтенных были, кажется, записи в журнале да еще обязанность – если залают собаки – посмотреть, не появился ли где-нибудь поблизости медведь. Каждые четыре или два часа вахтенный должен был подняться в бочку или спуститься на лед, чтобы сделать метеорологические наблюдения.

В общем, по-моему, можно, не кривя душой, сказать, что время у нас проходило хорошо; благодаря определенному и правильному режиму мы чувствовали себя, несомненно, отлично.

Мои ежедневные записи могут, мне кажется, дать самое лучшее представление о нашей жизни во всем ее однообразии. В этих записях нет сообщений о каких-либо великих событиях; но именно из описания

мелочей жизни и составляется подлинная картина – такой, а не иной была наша жизнь. Я приведу здесь некоторые из этих записей так, как они были внесены в дневник, ничего в них не меняя.

«Вторник, 26 сентября. Прекрасная погода. Солнце стоит теперь совсем низко, сегодня в полдень оно поднялось над горизонтом на 9°; зима быстро приближается. Вечерами бывает до 8 градусов мороза, но совсем не ощущаешь холода. К сожалению, сегодняшние наблюдения не обнаруживают, чтобы мы с особенной быстро той подвигались на север; находимся еще под 78°50 северной широты.

Бродил вечером по льду. Нет ничего изумительнее, ничего прекраснее полярной ночи! Сказочная картина, разрисованная красками нежнейших оттенков, какие только может придумать воображение. Это как бы расцвеченный эфир, от легкого колебания один пейзаж переходит в другой, и не знаешь, где собственно начинается один тон и кончается другой, и, однако, все они существуют, все многообразие налицо. Твердых очертаний нет, все мерцает, переливается тих ой, дремлющей музыкой красок, далекой бесконечной мелодией невидимых струн. Но разве не так же возвышенна, тонка и чиста, как эта ночь, и всякая красота жизни? Сделайте краски поярче, и это уже не будет так прекрасно.

Небо раскинулось над тобой, как необъятный купол – синее в вышине, зеленое ближе к горизонту, лиловое и фиолетовое совсем внизу. По ледяным полям бегут холодные сине-лиловые тени; и розовеют края льдин, обращенные к отсвету исчезнувшего дня. Наверху, в синеве купола, мерцают так же мирно, как всегда, друзья-звезды, они никогда не изменяют. Луна повисла на юге огромным красно-желтым шаром с желтым кольцом вокруг и легкими золотистыми облаками, плывущими по синему своду.

И вдруг северное сияние расстилает по небосводу свое затканное серебром то желтое, то зеленое, то красное покрывало; вот оно расходится, потом опять беспокойно собирается в волнистые складки, разворачивается и колышется серебряной лентой. Ярko вспыхивают снопы огней и гаснут на миг, и вдруг взметываются к зениту огненные

языки; их внезапно прорезает снизу от самого горизонта мощный луч, и – все покрывало тает в лунном свете. Чудится – точно вздох отлетающего духа огня; лишь кое-где витают светлые облачка, смутные, как предчувствие, – это пыль, стряхнутая со сверкающей мантии северного сияния. Но вот оно снова вспыхивает, новые молнии прорезают небо – нескончаемая игра! А тишина ничем не нарушается, глубокая, хватающая за сердце, бесконечная, как симфония вечности.

Прежде я никогда не мог понять – как это наша земля когда-нибудь застынет, станет мертвой, голой, пустынной. К чему же тогда вся красота, когда не будет существа, которое могло бы ею наслаждаться? Теперь я понимаю это. Ведь предо мною будущее земли – красота и смерть. Но зачем? На что все эти миры? Читай ответ там, в синем звездном небе...»

«Среда, 27 сентября. Пасмурно, свежий ветер с зюйд-зюйд-веста.

Нурдал, сегодняшний повар, пошел за солониной, которая двое суток вымачивалась в мешке, опущенном в море. Едва вытащив мешок, он испуганно завопил, что тут полно козявок; бросив мешок, он отскочил в сторону, как ужаленный, а «зверюшки» разлетелись во все стороны. Оказалось, что в мясо забрались амфиподы. [\[135\]](#) Их множество как снаружи, так и внутри мешка. Приятное открытие! Стало быть, здесь не умрешь с голода; в случае нужды стоит сунуть в море мешок – вот тебе и съестное!»

«Четверг, 28 сентября. Снег и ветер. Сегодня пробил час свободы для собак. До сих пор они, в сущности, вели плачевное существование: с того времени, как их взяли в Хабарово, они сидели на привязи. При качке их окатывало холодной волной, швыряло из стороны в сторону, они повисали на смычке и жалобно скулили; при мытье палубы на них не раз попадало из шланга. Они страдали от морской болезни; и в непогоду, и в хорошую погоду вынуждены были лежать на одном и том же месте, к которому приковала их безжалостная судьба; никакого движения, кроме нескольких шагов назад и вперед – на длину короткого смычка. Так-то с ними обращались, с этими чудными животными, на которых мы так рассчитывали в час нужды! Зато, если он настанет

когда-нибудь, они хоть на короткое время да займут почетное место. Когда их выпустили на свободу, они пришли в дикий восторг: катались по снегу, мылись, чистились, носились в необузданной радости по льду, неистово лая.

Наша льдина, до сих пор такая пустынная, сразу оживилась. Решено с этих пор привязывать собак на льду».

«Пятница, 29 сентября. День рождения доктора Блессинга. По этому случаю был, конечно, большой праздник, первое большое торжество на судне. Да и повод как-никак двойной: наблюдения в полдень показали 79°05 северной широты, следовательно перейден новый градус широты. За обедом было не меньше пяти блюд и богатая музыкальная программа. На машинке было отпечатано следующее меню:

«Ф р а м»

Меню, 29 сентября 1893 г.

Суп жюльен с вермишелью.

Рыбный пудинг с картофелем.

Пудинг Нурдала.

Мороженое по-гренландски.

Домашнее пиво Рингнеса.

Мармелад.

Застольная музыка

1. Вальс «Незабудки».
2. Менуэт из «Дон Жуана» Моцарта.
3. Трубадур.
4. Хор трубачей.
5. «Последняя роза» из «Марты».
6. «Веселый марш» Филиппа Фарбаха.
7. Вальс «Лагуны» Штрауса.
8. Северная песня «Ты стара, ты свежа...»
9. Марш Краля. 10. Полька.
11. «Наш край, наш край родной».

12. Песня охотницы.
13. «Розы», вальс Метра.
14. Соло на рожке.
15. Меланхолический вальс Милекера.
16. Песня родины «О, несчастный».
17. Алмазы и жемчуга.
18. Марш из «Веселой войны».
19. Вальс из «Веселой войны».
20. Молитва из «Волшебного стрелка».

Не правда ли, шикарный обед для 79° северной широты! Но подобные обеды и даже еще лучше сервировались не раз на борту «Фрама» и в более высоких широтах. После обеда подавали кофе и десерт, а после еще более обильного ужина – землянично-лимонное мороженое, или «гранитэ», и безалкогольный грог из лимонного сока.

Сначала в немногих «отборных» словах был провозглашен тост за здоровье новорожденного, затем последовал тост в честь 79° северной широты, который, мы были уверены, являлся первым из многих, которые нам предстояло перейти».

«Суббота, 30 сентября. Я не совсем доволен окружающей обстановкой, для зимней стоянки «Фрама» она не вполне пригодна, с левого борта, приблизительно против середины корабля, на льдине, к которой мы пришвартовались, высится отвратительный торос, он может нанести нам при сжатии чувствительные повреждения.

Сегодня поэтому принялись разворачивать корабль кормою, чтобы перейти на лучшее место. Дело, однако, подвигается туго. Полынью вокруг затянуло довольно крепким льдом, и его приходится рубить и колоть топорами, ломami и баграми, и все же с помощью ручного шпиля шаг за шагом проталкиваем корабль сквозь расколотый лед. Температура сегодня вечером -12,6 °С. Чудесный закат».

«Воскресенье, 1 октября. Ветер ЗЮЗ, погода мягкая. Сегодня разрешили себе отдых. Иначе говоря: едим, спим, курим и читаем».

«Понедельник, 2 октября. Передвигали судно все дальше назад, пока не нашли для него хорошей стоянки внутри недавно замерзшей полыньи. По левому борту теперь лежит прежняя большая льдина с собачьим лагерьем – 35 черных псов на белом льду. Эта льдина обращена к нам низким и, следовательно, неопасным краем. С правого борта тоже хороший плоский лед, а между бортами судна и льдинами с обеих сторон недавно образовавшаяся шуга. При развороте «Фрама» она набилась под киль судна, так что корабль лежит теперь на хорошей постели.

Свердруп, Юлл и я сидели после обеда в навигационной и сучили лот-линь. Вдруг в каюту ворвался Педер Хенриксен с криком.

– Медведь, медведь!

Схватив ружье, я выскочил на палубу.

– Где он?

– Там, возле палатки, с правого борта; он шел прямо к палатке, вот-вот схватит их...

И действительно, большой желтоватый медведь топтался у магнитной палатки, обнюхивая каждую вещь. Скотт-Хансен, Блессинг и Йохансен сломя голову мчались к судну. Я прыгнул на лед и пустился бежать навстречу. Проломил лед, споткнулся, упал и снова понесся дальше. Медведь все обнюхал и решил, вероятно, что железная лопата, ледовый заступ, топор, несколько колышков да и сама парусиновая палатка – слишком тяжелая пища даже для его медвежьего желудка, и мощной поступью отправился догонять убежавших. Вдруг он обнаружил меня и озадаченно остановился, как будто подумав: «Это еще что за червяк?» Я приблизился к нему на расстояние выстрела; он стоял, не двигаясь и в упор глядя на меня. Наконец, он слегка повернул голову, и я послал ему пулю в горло. Не дрогнув ни одним мускулом, медведь грохнул на лед. Я спустил собак, чтобы приучить их к охоте; но они не выказали никакого интереса. Квик, на которую мы возлагали особые надежды, оцетинилась и медленно, осторожно стала приближаться к мертвому зверю, поджав хвост. Постыдное зрелище!

А с товарищами, что первые познакомились с медведем, вот как было дело. Скотт-Хансен сегодня начал устанавливать в некотором

расстоянии от корабля, с правого борта, свою палатку для наблюдения. После обеда он попросил Блессинга и Йохансена помочь ему. И в самом разгаре работы они вдруг увидели неподалеку от себя, прямо перед «Фрамом», медведя.

– Т-сс! Стойте смирно, как бы нам его не спугнуть, – сказал Скотт-Хансен.

– Да, да!

Присев за торосом, они стали исподтишка наблюдать за медведем.

– Давайте я попробую пробраться на судно и поднять тревогу, – предложил Блессинг.

– Ладно, ступай! – согласился Скотт-Хансен.

И Блессинг на цыпочках, чтобы как-нибудь «не испугать» медведя, стал красться к «Фраму». А тот учуял и заметил людей и затрусил вперевалку, поводя носом, прямо к ним. У Скотт-Хансена боязнь напугать медведя стала проходить. Тут медведь вдруг заметил Блессинга, осторожно пробиравшегося к кораблю, и пошел на него. Тогда и Блессинг перестал беспокоиться о нервах медведя, он приостановился в нерешительности, поразмыслил немного и пришел к выводу, что втроем, в сущности, чувствуешь себя более уютно, чем в одиночку, и кинулся назад к товарищам значительно быстрее, чем бежал от них. Медведь, взяв то же направление, в свою очередь развил ход. Скотт-Хансен нашел, что положение становится сомнительным и что пора испытать средство, о котором он когда-то читал: поднявшись во весь рост, он замахал руками и заорал во всю силу своих легких.

Товарищи усердно его поддержали. Но медведь, нимало не смутившись, не изменил ни курса, ни скорости. Положение становилось критическим. Все трое схватились за оружие: Скотт-Хансен за ледовый заступ, Йохансен за топор, Блессинг – ему не было за что хвататься, и, завопив изо всех сил: «Медведь, медведь!», понеслись во весь опор к кораблю. Медведь продолжал двигаться к палатке и, лишь основательно ее исследовав, потрусил за беглецами.

Это был тощий самец. Единственное, что мы нашли у него в желудке, это клочок бумаги с печатью фирмы «Люткен и Мон»: обрывок

обертки лыжного фонаря, использованный кем-то из нас на льду и затем брошенный. С этого дня большинство членов экспедиции покидало корабль, только вооружившись предварительно до зубов».

«Среда, 4 октября. Северо-западный ветер вчера и сегодня. Вчера было -16° , сегодня -14° . Я целый день производил промер глубин и установил глубину в 1460 м. Проба грунта состоит из 10—11-сантиметрового слоя серой глины сверху, а под нею – бурая глина или ил. Замечательно, что температура на дне $+0,18^{\circ}\text{C}$, а на 150 м выше – несколько ниже нуля ($-0,4^{\circ}$). Вот и прощай, не только пресловутое мелководье Полярного бассейна, но и представление о чрезвычайно холодной воде Ледовитого моря.

Когда после обеда выбирали из воды линь, лед за кормой «Фрама» треснул и трещина так быстро расширилась, что трое товарищей, оставшихся на льду для уборки ледовых якорей, вынуждены были перебираться через нее по длинной доске и только таким образом смогли вернуться на корабль. Позже вечером началось легкое сжатие льда и несколько новых трещин образовалось позади первой».

«Четверг, 5 октября. Когда я одевался сегодня утром перед завтраком, в каюту ворвался запыхавшись штурман и сообщил, что виден медведь. Я сейчас же вышел на палубу и увидел, что медведь приближается с юга, с подветренной стороны. Еще на дальнем расстоянии он остановился, привстал на задние лапы, обнюхивая воздух. Минуту спустя он залег. Хенриксен и я отправились к нему, и нам удалось поразить его пулей в грудь с расстояния 300 м, как раз когда он намеревался обратиться в бегство.

Теперь мы готовы к зиме и к сжатиям льда. Сегодня после обеда подняли руль. Погода прекрасная, но холодно: в 8 ч вечера -18° . При медицинском осмотре вечером обнаружилось, что у нас на корабле все еще есть насекомые. Не знаю, что теперь и предпринять. Пара у нас больше нет, остается возложить надежды на мороз».

По правде говоря, мне при этом открытии стало совсем не по себе. Если насекомые заберутся в меховую одежду, совсем беда будет. На следующий день было предпринято грандиозное очищение со строгим

соблюдением антисептических предписаний. Каждый должен был сдать свою старую одежду, как верхнюю, так и нижнюю, вымыться и одеться с головы до ног во все чистое. Старую одежду, меха и прочее осторожно перетасили на палубу и оставили там на всю зиму. Мороз оказался средством, весьма сильно действующим даже и на этих тварей: – 53° они вынести не смогли, и с тех пор мы их больше не замечали. Недаром в древние времена, когда вошь еще обладала даром слова, она говорила:

Лучше в семи щелочках побывать,
Чем ночь на морозе одну пролежать.

«Пятница, 6 октября. Холодно; около -24 °С. Сегодня принялись оснащать ветряный двигатель. Несколько севернее кормы «Фрама» лед после сжатия образовал торосы. После обеда отвязали собак, боясь, что они, находясь на привязи без движения, могут замерзнуть. Попробуем держать их на воле. Они, понятно, начали с того, что перегрызлись, и часть оставила поле битвы прихрамывая; вообще же радость была большая, они прыгали, скакали, катались по снегу. Вечером было сильное северное сияние».

*«Суббота, 7 октября. По-прежнему холодно; дует северный ветер, как все последние дни; боюсь, что он относит нас далеко на юг. Уже два дня назад наблюдения показали 78°47 северной широты, т. е. на 16 южнее, чем неделю тому назад. Это очень много; но мы еще наберем эти минуты снова; мы *должны* двигаться к северу. Пока это значит: нас уносит все дальше от дома. И путь будет очень долгим. Но скоро мы снова начнем приближаться к дому.*

Как глубоко прекрасны, но и бесконечно печальны здешние вечера, освещенные вспыхивающими, как мечты, последними блестками. Исчезающее солнце бросает в тишину ледяной пустыни меланхолический огненный луч. Музыка природы, наполняющая собой все пространство, проникнута здесь грустью, потому что вся эта красота день за днем, неделя за неделей, год за годом расточается над мертвым миром. Для чего? Закат солнца всегда навевает грусть, даже на родине. Потому-то он здесь так дорог и так несказанно печален! Красная,

пылающая кровью полоса на западе и холодный, холодный снег под ней. Вспоминается море там, на родине, в час заката... Здесь тоже море, но море скованное, мертвое. А скоро солнце совсем покинет нас, и мы останемся во мраке... «И земля же была безвидна и пуста...» ^[136] ...Не то ли это море, что когда-то поглотит землю?..»

«Воскресенье, 8 октября. Погода замечательная. В сопровождении собак ходили на лыжах на запад от судна. Путь сильно портит соленая вода, проступающая сквозь снег с поверхности льда. Молодой, ровный лед перемежается старыми неровными глыбами. Я присел на снежном холме, в стороне от всех, собаки, ласкаясь, жались ко мне. Взгляд скользил по бесконечно пустынной снежной равнине – снег, всюду снег.

Сегодняшние наблюдения принесли далеко не приятный сюрприз: мы опять спустились и находимся на 78°35 северной широты. Это легко, конечно, было предвидеть, поскольку последнее время постоянно дули северные и северо-западные ветры, а не так далеко от нас к югу находится открытая вода. Как только она замерзнет, нас, без сомнения, снова понесет на север; иначе и быть не может. Но сейчас от этого не легче. Некоторое утешение нахожу в том, что одновременно нас отнесло несколько на восток; значит, все же мы держимся по ветру и не уклоняемся обратно на запад».

«Понедельник, 9 октября. Ночью – и вчера, и сегодня меня лихорадило; кто его знает, что это еще за напасть.

Утром, когда я брал пробу воды, неожиданно лот остановился на глубине 145 м. Там, действительно, оказалось дно. Итак, нас снова отнесло к югу, на мелководье. Оставили лот некоторое время лежать на дне и по отклонению линя заметили, что нас относит немного на север. И то хорошо.

После обеда сидели, разговаривая о том о сем, когда вдруг раздался оглушительный грохот и «Фрам» весь задрожал. Это было первое сжатие льдов. Все выскочили на палубу посмотреть. «Фрам», как я и ожидал, держался превосходно. Лед наступал непрерывно, но уходил вниз, под киль судна, а оно медленно выжималось вверх. В течение дня сжатия неоднократно повторялись и были иной раз настолько сильны,

что «Фрам» подымался на несколько футов, но лед еще не мог долго выдержать тяжести судна и подламывался под ним. К вечеру сжатие прекратилось, лед разошелся, и мы снова оказались в большой полынье. Пришлось, чтобы нас не отнесло, поспешно пришвартоваться к нашей старой льдине.

По-видимому, лед здесь все время в сильном движении. Сегодня вечером Педер слышал глухой грохот сильного сжатия неподалеку от судна».

«Вторник, 10 октября. Подвижки льда продолжаются».

«Среда, 11 октября. После обеда пришло печальное известие: издох Иов, загрызенный насмерть остальными псами. Нашли его довольно далеко от корабля. Старый Сугген (Великан) лежал возле трупа и стерег его, так что ни одна собака не осмеливалась подойти. Ну и бестии же! Не проходит дня, чтобы они не перегрызлись. Днем в большинстве случаев кто-нибудь из нас находится поблизости и живо прекращает драку; но по ночам они хоть одну да искушают. Бедняга Баррабас был недавно искусан и почти ошалел от страха; теперь он сидит на палубе, не решаясь сойти на лед, где вся стая озверело на него накидывается. В этих псах ни капли благородства: стоит двоим завязать драку, как на слабейшего набрасываются, словно хищные звери, все остальные. Впрочем, разве это не закон природы – помогать в борьбе сильному, а не слабому? Быть может, это мы, люди, переворачиваем природу наизнанку, защищая и поддерживая жизнь как раз во всех слабых?»

Лед беспокоен, и сегодня не раз уже порядком напирало. Сжатие начинается слабым треском и шипением у бортов судна. Усиливаясь, оно переходит через все тона: то жалобно плачет на высоких звенящих нотах, то злобно негодуяще стонет, то грохочет и ворчит – и судно начинает подпрыгивать. Шум постепенно нарастает, пока не становится подобен звукам мощного органа. Судно содрогается, дергается и подымается кверху то рывками, то тихо и плавно. Приятно сидеть в уютных каютах, прислушиваясь к этому гулу и треску, и сознавать, что наше судно выдержит, – другие суда давным-давно были бы

раздавлены. Лед напирает на стенки судна, льдины трещат, громоздятся, поджимаются под тяжелый неуязвимый корпус, а он лежит, как в постели. Вскоре шум начинает стихать, судно опускается в свое старое ложе, и вокруг водворяется прежняя тишина. Во многих местах кругом судна лед сильно наторосило, к востоку от судна торосы до стигают значительной высоты. К вечеру лед развело, и «Фрам» опять оказался в большой полынье».

«Четверг, 12 октября. Утром вместе с нашей льдиной двигались по обширной полынье, простирающейся далеко на север; на северном горизонте небо темно-синее. Насколько хватает глаз наблюдателя в бочке, вооруженного биноклем, открытой воде нет конца, и лишь кое-где плавают отдельные льдины. Удивительная перемена! Я стал подумывать: не следует ли приготовиться к плаванию? Но мы уже давно начали разбирать на зиму машину, так что пройдет немало времени, прежде чем можно будет пустить ее в ход. Пожалуй, лучше выждать!

Ясная солнечная погода, свежий, бодрящий зимний день, но все тот же северный ветер. Измерили глубину и получили 90 м. Нас медленно сносит на юг. Под вечер снова сильное сжатие, но «Фрам» не сдается. Днем я закидывал несколько раз примерно на 50-метровую глубину шелковую сетку Мюррея ^[137] и извлек богатый улов, главным образом мелких рачков (Copepoda, Ostracoda, Amphipoda) и маленького арктического червя (Spadella), свободно плавающего в море. Вообще же здесь нелегко заниматься ловом. Не успеешь отыскать во льду небольшое отверстие, куда может проскользнуть сеть, как начинаются подвижки и сжатия льда; приходится поскорее выбирать литье обратно, чтобы его не обрезало и чтобы не лишиться всего прибора. Это жаль, здесь можно собрать интересный материал. Всюду, где льды чуть разошлись, вода начинает фосфоресцировать. ^[138] Животный мир здесь далеко не так беден, как можно было бы ожидать».

«Пятница, 13 октября. Ну, теперь мы как раз в том положении, в каком все наши пророки видели главную опасность. Лед теснится и громоздится вокруг со всех сторон; льдины напирают одна на другую, образуют длинные стены и валы, достигающие верхушками снастей

«Фрама»; лед напрягает все силы, чтобы стереть «Фрам» в порошок. Но мы сидим совершенно спокойно; даже не поднимаемся наверх, чтобы посмотреть на хаос; смех и шутки продолжаются по-прежнему.

Бернт Бентсен, матрос

Ночью происходило сильное сжатие вокруг нашей старой, «собачьей» льдины; лед взгромоздился на нее выше самых высоких из старых торосов и обрушился, уничтожив колодец, который давал нам до сих пор хорошую пресную воду; теперь он напился морской водой. Затем льды навалились на кормовой ледовый якорь и его стальной трос и засыпали их так основательно, что потом пришлось обрубить трос. Потом льды двинулись штурмовать доски и сани, выставленные на льдину. Только тогда вахтенный поднял всех на ноги. Опасность стала грозить собакам. В конце концов льдина треснула посередине.

Сегодня утром чудесно сверкающий на солнце лед представлял печальную картину полнейшего хаоса. Везде вокруг – высокие крутые ледяные стены. Удивительно, что мы оказались на самой границе зоны сильнейших разрушений и отделались всего-навсего потерей одного ледового якоря, конца стального троса, нескольких досок и части других лесных материалов да половинки ненецких саней. Но и это все можно было спасти, если бы мы спохватились немножко пораньше. Экипаж наш, однако, стал так равнодушен к сжатиям, что ни один человек не

поднялся наверх посмотреть, не слишком ли ломает льды. Судно выдержит, ну, а тогда чему же там рушиться, кроме самого льда, – полагали они.

Утром лед снова развело, и вскоре мы оказались в большой полынье, точь-в-точь как вчера; и сегодня она также тянется далеко на север до самого горизонта, где видно такое же темное небо, как накануне, что указывает на большое пространство чистой воды. Теперь уж я отдал распоряжение собирать машину; мне доложили, что это можно сделать в полтора, самое большое в два дня. Нужно пройти на север и посмотреть, что там делается. Допускаю, что как раз там именно и проходит граница между течением, которое в свое время несло «Жаннетту», и тем льдом, с которым нас теперь несет на юг. А быть может, там земля?

Наскучило соседство с треснувшей льдиной, и после обеда, когда лед стал опять приходить в движение, подтянулись немножко назад. Под вечер снова началось серьезное сжатие; особенно сильно торосило вокруг обломков старой льдины, и, мне думается, наше счастье, что мы вовремя ускользнули. Очевидно, сжатия здесь связаны с приливами, а быть может, даже обусловлены ими. Они происходят весьма регулярно, через строго определенные промежутки времени: два раза в сутки давление ослабевает, и два раза снова сжимает. Лед ломает всегда в 4, 5, 6 ч утра и примерно в то же время вечером, а в промежутки «Фрам» находится некоторое время на чистой воде в полынье. То, что сжатия особенно сильны в настоящее время, объясняется, по-видимому, тем, что теперь время очень высоких (сизигийных ^[139]) приливов. Новолуние было 9-го, и как раз это был первый день, когда сжатия стали чувствительными. Начались они тогда сразу после обеда, но с каждым днем наступают все позже, и теперь уже случаются в 8 ч вечера».

Мысль, что сжатия в значительной степени зависят от приливо-отливной волны, не раз высказывалась разными полярными путешественниками. Во время дрейфа «Фрама» мы больше, чем кто-либо, имели возможность изучить это явление, и наш опыт позволяет утверждать, что приливо-отливы вызывают подвижки и сжатия льда в

широких масштабах. Особенно сизигийные приливы, притом главным образом в новолуние и меньше в полнолуние. В промежутках обычно сжатия либо слабы, либо они не бывают вовсе. Но эти «приливные» сжатия наблюдались не в течение всего нашего дрейфа. Главным образом замечали их в первую осень, пока находились вблизи свободного ото льдов моря к северу от Сибири, и в последний год, когда «Фрам» приближался к открытому Норвежскому морю. Внутри Полярного бассейна они были менее заметны. Сжатия происходят там не с такой правильностью и зависят главным образом от ветров и вызываемого ими дрейфа льдов. Стоит только представить себе эти громадные массы льда, несущиеся в определенном направлении и внезапно встречающие на пути препятствие – другие ледяные громады, застрявшие или плывущие в обратном направлении, из-за перемены ветра где-нибудь даже в отдаленной местности, – и легко понять, какие мощные давления должны при этом возникнуть.

Подобные столкновения льдов – сжатия – представляют, несомненно, величественное зрелище. Чувствуешь, что стоишь лицом к лицу с титаническими силами, и нет ничего удивительного, если робкие души преисполняются ужаса и им кажется, что ничто в мире не может устоять перед этими силами. Когда сжатие начинается всерьез, то кажется, будто на всей земной поверхности не осталось места, где бы все не смещалось, не сотрясалось, не дрожало. Сперва где-то вдали по этой великой ледяной пустыне разносится громopodobный гул, точно от далекого землетрясения, затем начинает грохотать с разных сторон, грохот подходит все ближе и ближе. Спокойный до сих пор мир льдов вторит грозным эхом, это пробудившиеся исполины природы готовятся к бою. Лед вокруг трещит, потом начинает ломаться, громоздиться... и ты вдруг сразу оказываешься в самом центре хаоса. Кругом тебя гром и скрежет, ты чувствуешь, что лед дрожит, колеблется, взламывается у тебя под ногами. Все в движении, покоя нет нигде. В полутьме ты можешь различить, как льдины, нагромождаясь и взбираясь одна на другую, образуют высокие ледяные валы или гряды, подступающие к тебе все ближе и ближе. Ты видишь, как ледяные глыбы мощностью в 3 –

5 м дробятся и, словно легкие мячики, взлетают одна на другую. Они надвигаются на тебя, и ты бежишь, спасая жизнь. Но лед раскалывается; перед тобой разверзается черная бездна, из которой устремляется вода. Ты бросаешься в сторону – но там во мраке катятся новые валы из колышущихся ледяных глыб, идут прямо навстречу тебе. Ты пробуешь броситься в какую-нибудь другую сторону, – но и там то же самое. Со всех сторон гром и грохот, точно от мощного водопада, выстрел за выстрелом, как при пушечной канонаде. Они подходят все ближе. Льдина, на которой ты стоишь, с каждой минутой становится меньше, через нее переливается вода – нет иного спасения, как вскарабкаться по колышущимся глыбам, перебраться по другую сторону ледяных валов. Но вдруг все стихает, грохот постепенно удаляется, замирает где-то.

Так оно и идет тут, на Севере, месяц за месяцем, год за годом. Лед трескается и громоздится в различных направлениях. Если посмотреть на него с птичьего полета, покажется, что он весь разделен на квадраты и многоугольники бесконечной сетью ледяных гряд или «заборов» (как мы их называли за сходство с покрытыми снегом каменными оградами, какими у нас на севере во многих сельских местностях огораживают поля). На первый взгляд может показаться, что эти ледяные гряды разбросаны беспорядочно, но при внимательном исследовании я пришел к выводу, что они по большей части возникают по вполне определенным направлениям и обычно перпендикулярно к линии давления.

В отчетах полярных экспедиций часто встречаются описания ледяных гряд и торосов, достигающих 15-метровой высоты.^[140] Это – небылицы. Подобные фантастические описания могли возникнуть только из-за того, что авторы их не удосужились произвести измерения. В течение всего нашего дрейфа и моих путешествий по ледяным полям Ледовитого моря я только раз видел торос, высота которого, видимо, превосходила 7 м. К сожалению, мне не удалось точно его измерить, но, я думаю, не ошибусь, если скажу, что высота его была не более 10 м. Самые же высокие торосы, измеренные мною, – а их было немало – имели высоту от 6 до 7 м, и я могу с уверенностью утверждать, что торос морского льда выше 7,5 м представляет очень редкое исключение.

«Суббота, 14 октября. Сегодня снова поставили руль; машина настолько в порядке, что сможем двинуться на север, как только лед утром разойдется. Лед разводит и сжимает с прежней правильностью дважды в сутки, так что мы наперед можем на это рассчитывать. И сегодня с утра опять вокруг нас та же открытая тянущаяся к северу полынья и за ней – насколько могли увидеть – открытое море. Что бы это могло значить? Сегодня вечером сжатие было довольно сильное. Льдины громоздились у середины левого борта «Фрама» и несколько раз грозили обрушиться через борт на палубу. Но тут под этим нагромождением лед вдруг проломился, и в конце концов обломки поджало под судно. Лед не особенно мощный и не может поэтому причинить большого вреда; но сила давления развивается чудовищная. Стремительно напирают все новые и новые массы; казалось бы, ничто не может устоять против их нажима, и тем не менее они медленно и верно разбиваются о бок «Фрама». Сейчас, в половине девятого, давление, наконец, прекратилось. Стоит ясный вечер, мерцают звезды, и полыхает северное сияние».

Окончив писать дневник, я забрался в койку и лежа стал читать о борьбе за существование («Происхождение видов» Дарвина), как вдруг услышал, что собаки на льду волнуются больше обыкновенного. Я крикнул в кают-компанию, чтобы кто-нибудь вышел взглянуть – не медведь ли там. Пошел Скотт-Хансен и быстро вернулся; ему показалось, будто в темноте он видел крупного зверя.

– Ну так поди, пристрели его.

– Ладно.

Он тотчас отправился наверх в сопровождении еще нескольких товарищей. На палубе над моей головой раздался выстрел, затем еще и еще, девять выстрелов один за другим. Йохансен и Хенриксен прибежали за новыми патронами. Они утверждали, что попали в медведя, так как он ужасно заревел. Но, в сущности, они лишь видели что-то крупное серо-белое, движущееся в темноте среди собак. Теперь они собирались спуститься на лед. Отправились четыре человека и невдалеке действительно нашли мертвого медведя, пронзенного двумя

пулями. Это был медвежонок. Мать, должно быть, находилась по соседству, так как собаки продолжали отчаянно лаять. Тут все вдруг стали утверждать, что видели двух медведей, и вполне может быть, что и второй тоже ранен. Йохансен и Хенриксен, которые несколько позже пошли на лед за ножом, оставленным около убитого медведя, слышали издали стоны. Убитого медвежонка приволокли на корабль и сразу освежевали, прежде чем он успел задохнуться на морозе».

«Воскресенье, 15 октября. К нашему удивлению, после сильного ночного сжатия лед мало развело; и, что еще хуже, сегодня утром не обнаружилось никакого стремления к дальнейшему разрежению. Как раз тогда, когда мы, наконец, совсем готовы к плаванию! Слабые признаки разводьев показались несколько позже; я распорядился развести пары, а сам тем временем прошелся по льду, чтобы посмотреть следы вчерашнего происшествия. Нашел следы не только убитого медведя и второго, более крупного зверя, – должно быть, матери, – но еще и третьего, который, вероятно, был тяжело ранен, так как местами волочил заднюю часть и оставил за собой широкий кровавый след. Пройдя по следу довольно далеко, я сообразил, что, кроме голых рук, у меня нет с собой никакого другого оружия, и счел за лучшее вернуться на судно за ружьем, да заодно захватить с собой несколько товарищей, которые помогли бы притащить медведя на судно. Я еще слегка надеялся, что лед вокруг «Фрама» за время прогулки разведет и мы, после охоты, сможем двинуть «Фрам» на север, но, увы, ошибся.

Итак, я надел лыжи и, взяв с собою несколько собак, отправился снова на поиски медведя. Со мной пошли несколько товарищей. Пройдя немного, дошли до места, служившего медведю ночным убежищем. Тяжко, видно, пришлось бедняге ночью! Тут же виднелись следы матери. Я содрогнулся при мысли о том, как она ходила тут всю ночь, охраняя своего раненого детеныша, у которого, должно быть, был прострелен спинной хребет. Скоро настигли и калеку, который из последних сил тащился по льду. Не видя другого спасения, он бросился в небольшую полынью и попытался, ныряя раз за разом в воду, скрыться. Пока мастерили петлю, собаки носились вокруг трещины, как бешеные.

Трудно было их удержать, чтобы они не бросились за медведем в воду. Наконец, все было готово. Как только зверь снова вынырнул, ему накинули петлю на лапу и пустили в голову пулю.

Пока товарищи тащили медведя к судну, я пошел по следу медведицы, но не мог ее отыскать. Впрочем, я скоро повернул назад, чтобы посмотреть, нет ли надежды на то, чтобы «Фрам» двинулся в путь.

Однако лед, вместо того чтобы разойтись, начал снова сжиматься как раз в то время, когда ему, по всем расчетам, пол агалось поредеть.

После обеда я со Скотт-Хансеном отправился за медведицей. Как я и ожидал, по следам было видно, что она вернулась и некоторое время шла за погребальным шествием ее детеныша, но затем ушла в сторону. Как только стемнело, мы потеряли след среди вздыбленных льдов. Единственное, о чем стоило пожалеть после этого медвежьего визита, это о пропаже двух наших собак – Наррифаса и Лисицы; вероятно, они сбежали от страха при первом появлении компании медведей. Ничто не давало повода думать, что они растерзаны.

Лед вечером оставался спокойным. Лишь небольшое сжатие было замечено в 7 ч».

«Понедельник, 16 октября. Лед спокоен и сплочен. Наблюдения, произведенные 12-го числа, показали, что мы находимся на 78°5 северной широты. Все на юг! Это просто убийственно. Оба беглеца сегодня утром вернулись».

«Вторник, 17 октября. Все время подвижки льда. Ночью он опять слегка разошелся, некоторое время под бортом держалась большая полынья. Вскоре после полуночи было сильное сжатие, а между 11 и 12 ч утра натиск достиг страшной силы; потом лед снова немного разошелся».

«Среда, 18 октября. Утром, отсчитывая показания термометра, наш метеоролог Йохансен обратил внимание на то, что собаки, которые теперь привязаны на палубе, яростно лают в сторону льда. Стоя на корме около штурвала, он нагнулся над бортом и увидел прямо под собой, у самой стенки судна, спину медведя. Йохансен бросился за

ружьем и двумя выстрелами положил зверя. По следам выяснили, что зверь обследовал все мусорные кучи вокруг корабля.

Попозже утром я вышел на лед. Скотт-Хансен и Йохансен занимались к югу от судна магнитными наблюдениями. Держалась ясная, солнечная погода. Я остановился около полыньи на некотором расстоянии от судна и рассматривал образование и нарастание нового льда. Вдруг с судна раздался выстрел. Я обернулся и увидел силуэт медведя, убегавшего к торосам.

Хенриксен заметил его с палубы, когда медведь маршировал прямо к «Фраму». Не дойдя несколько шагов, медведь заметил Скотт -Хансена с Йохансеном и направился к ним. Тем временем Хенриксен зарядил ружье, но оно несколько раз подряд дало осечку. У него несчастная привычка так обильно смазывать затвор вазелином, что пружина ходит, как по зеленому мылу. Наконец, раздался выстрел. Пуля пронизала лопатку и грудь медведя. Зверь поднялся на задние лапы, замахал в воздухе передними, опрокинулся и снова вскочил, но, сделав шагов тридцать, свалился окончательно: пуля задела сердце. Скотт -Хансен увидел медведя, лишь когда раздался выстрел. Он бросился к нему и выпустил в голову две пули из револьвера. Медведь был громадный, самый крупный из всех до сих пор убитых нами.

В полдень я сидел в наблюдательной бочке. Несмотря на ясную погоду, нигде ни в одном направлении не удалось разглядеть землю. Свободное пространство воды далеко на севере тоже совсем исчезло, зато ночью около нас образовалась новая широкая полынья, простирающаяся на юг и на север и теперь покрываемая льдом. Сжатия, в сущности, ограничены краями этой полыньи, и следы их в виде гряд выжатого льда тянутся в обоих направлениях до самого горизонта. На востоке лед совершенно не взломан, ровный. Мы находимся как раз в центре сильнейших сжатий».

«Четверг, 19 октября. Лед опять немного разошелся и в эту ночь. Перед полуднем я попробовал запрячь ненецкие нарты шестериком. Затем сел и крикнул: прр! пр-р-р-р! Собаки довольно дружно подхватили и помчались по льду. Но благополучно было лишь до тех

пор, пока не приблизились к высокому торосу и вынуждены были повернуть. Едва это было сделано, как упряжка с молниеносной быстротой помчалась к судну, и никакими силами ее нельзя было отогнать от него. Собаки бегали взад и вперед, вдоль и вокруг корабля, от одной мусорной кучи к другой. Всякий раз, поровнявшись с трапом правого борта, я пытался, нахлестывая собак, заставить их повернуть, но они неслись во всю прыть вокруг кормы к трапу левого борта. Я пытался их сдержать, ругал, пускал в ход все свои гимнастические способности, но все было напрасно. Я выскочил и пытался удержать сани за задок, упирался в снег ногами, чтобы как-нибудь затормозить, но был сбит с ног, полетел кувырком, и собаки весело волокли меня в скользких штанах из тюленьей кожи дальше по льду то на животе, то на спине, то на боку – словом, как попало. Едва, мне удавалось в конце концов приостановить их на минуту у какого-то тороса или у мусорной кучи, – они снова во всю прыть мчались к трапу штирборта, а я тащился сзади за ними, в ярости клянясь обломать им бока, как только до них доберусь. Эта комедия продолжалась до тех пор, пока собакам, по всей вероятности, не надоело и они не нашли, что для разнообразия можно побежать и по тому направлению, куда я хотел их повернуть. И дело пошло преотлично: псы весело бежали по ровному ледяному полю, пока я не остановил их, чтобы немного передохнуть. Но лишь только я шевельнулся у саней, как собаки повернули и помчались с безумной скоростью обратно по той же дороге, по какой пришли. Я судорожно ухватился за сани, повис сзади, ругался, пускал в ход бич; но чем больше их хлестал, тем скорее они мчались. Наконец, удалось их остановить, упершись ногами в снег и воткнув в лед тяжелый тюлений багор. Но стоило на миг зазеваться, собаки опять рванули, – я полетел вверх тормашками, и мягкая часть моего тела оказалась там, где только что были ноги. А собаки уже неслись стрелой, и эта полновесная часть моего тела проложила в снегу глубокую борозду. Так повторялось несколько раз. Я потерял сначала доску, на которой сидел, потом кнут, рукавицы, шапку... И настроение от этого, само собой разумеется, несколько не улучшилось. Пару раз я пытался прыгнуть собакам

наперерез и принудить их повернуть, замахиваясь на них бичом; но они рассыпались в обе стороны и прибавляли ходу. Постромки опутали ноги, и я полетел головой вниз в сани, а собаки помчались еще более диким галопом, чем прежде. Такова была моя первая самостоятельная поездка на собаках, и я не могу сказать, чтобы очень ею гордился. В глубине души я радовался, что хоть свидетелей -то не было.

После обеда, растопив осколки молодого красновато -бурого льда, которого так много на полыньях вокруг нас, я исследовал полученную воду. Микроскоп показал, что этой окраской лед обязан множеству мелких, главным образом растительных, организмов, по большей части диатомей и некоторых других водорослей, большинство из них имеет весьма своеобразные формы».

«Суббота, 21 октября. Сегодня я просидел целый день, не выходя на воздух, из-за мышечно-ревматических болей в правой стороне тела, которые меня донимают уже несколько дней и от которых доктор, к бесконечной муке для меня, стал лечить массажем. Неужели я действительно так состарился и одряхлел? Или все это одно воображение? Дело дошло до того, что едва ковыляю, но неужели, если понадобится, я не смогу встать и пуститься с кем угодно взапуски?

Распорядился промерить глубину; оказалось, свыше 135 м. Следовательно, глубина увеличивается. Судя по напр авлению лот-линя, как будто дрейфуем на юго-запад. Просто понять не могу, что означает этот постоянный дрейф к югу. За последнее время давно уже не было значительного ветра; сегодня дул, правда, в течение некоторого времени северный, но не особенно сильный . Что может это значить? На основании всех сведений, всех рассуждений и сопоставлений я, как дважды два – четыре, уверен в том, что здесь не может быть никакого идущего на юг течения; оно должно идти на север. Если бы течение здесь шло на юг, то чем объяснить большое свободное ото льдов море, по которому мы продвигались на север? Или бухту, по которой продвинулись так далеко? Все это может быть объяснено лишь идущими на север течениями, существование которых я предполагал еще раньше. Единственное, что смущает, это наличие течения, идущего на запад,

против которого пришлось бороться во время плавания вдоль сибирского побережья. Не придется же нам кружить сперва опять к югу вдоль Новосибирских островов, потом на запад вдоль сибирского побережья, а затем на север к мысу Челюскина, т. е. по тому же пути, которым мы сюда пришли! Этого только не хватало! Во всяком случае, это была бы оригинальная проверка всех наших расчетов.

Как бы там ни было, но куда-нибудь мы в конце концов должны прийти, не век нам тут оставаться. «Все дело в конце», – сказал канатных дел мастер. Но куда бы ни двигаться, лишь бы двигаться скорее. В Гренландской экспедиции нас сначала тоже несло на юг, но дело все же увенчалось успехом».

«Воскресенье, 22 октября. Хенриксен производил сегодня измерение глубины и нашел 129 м. «Если мы вообще движемся куда-нибудь, – заявил он, – то лишь на восток; во всяком случае, движение довольно медленное».

Сегодня и ветра нет совсем. Я сижу в своей берлоге».

«Понедельник, 23 октября. Невылазно в своей берлоге. Сегодня глубина на 10 метров меньше, чем вчера. Лот-линь указывает на юго-запад; стало быть, дрейфуем на северо-восток. Скотт-Хансен перевычислил наблюдения начиная с 19-го; вышло, что продвинулись на 10 к северу и находимся на 78°15 северной широты. Следовательно, с того момента, как ветер улегся, дает себя знать, наконец, течение, идущее на север. Возле нас открылось несколько разводьев, одно вдоль судна, другое впереди, близ старой полыньи. После полудня замечались слабые признаки подвижек».

«Вторник, 24 октября. Ночью между 4 и 5 ч было сильное сжатие; «Фрам» слегка приподняло, по-видимому, снова началась подвижка льдов; сейчас полнолуние и период наиболее сильных приливов. К утру лед развело, и «Фрам» очутился в полынье на плаву. Попозже напор льда возобновился, а в 11 ч наблюдалось короткое, но очень сильное сжатие; затем опять наступило затишье. В 4–4 ч 30 мин сжатие повторилось с новой силой. «Фрам» вздрагивал всем корпусом и сильно приподнялся. Но мы спокойны. По мнению Педера, напор шел с северо-

востока, так как он слушал приближение шума именно с той стороны. Йохансен закинул шелковую сеть на глубину 20 м и едва успел вытащить ее обратно. Но улов она принесла богатый. Я все еще не выхожу».

«Среда, 25 октября. Ночью было сильное сжатие. Проснулся и почувствовал, как «Фрам» поднимается кверху, дрожит и качается, а лед трещит, ломаясь о стенки судна. Послушав немного, снова заснул с отрадным чувством, что все-таки хорошо находиться на «Фраме». Было бы неприятно при каждом небольшом сжатии готовиться к высадке на лед или покидать судно с котомкой за плечами, как экипажу «Тегеттгофа».

Темнеет очень быстро. Солнце каждый раз, когда оно появляется, стоит все ниже и ниже. Скоро оно скроется совсем, а быть может, уже и скрылось. Когда наступит долгая мрачная зима, мы с радостным нетерпением будем ожидать весны. Все это ничего, лишь бы только хороший дрейф к северу!.. Дождались юго-западного ветра и, наконец, испытали ветряной двигатель, который готов уже несколько дней. Работает он превосходно; сегодня у нас великолепное электрическое освещение, хотя ветер умеренный (5,8 м в секунду). Великое изобретение – электрическая лампа. Какое магическое действие оказывает свет на человеческое настроение! За обедом экипаж заметно повеселел – как от стакана доброго вина. А как празднично в кают-компании! Все так торжественно. С теплым чувством выпили за здоровье Оскара Диксона и единогласно признали его одним из самых дорогих нам друзей. [\[141\]](#)

Сегодня дивный лунный вечер. Светло как днем, а северное сияние при лунном свете какое-то желтое, странное; вокруг луны большой круг, а внизу – белая, сверкающая ледяная ширь, повсюду близ корабля вздыбившаяся торосами.

И среди этого тихого затканного серебром ледяного моря – ветряной двигатель машет черными крыльями, словно приветствуя темно-синее небо и северное сияние. Удивительный контраст: культура, вторгшаяся в оледеневшее царство духов. Завтра день рождения

«Фрама». Какую вереницу воспоминаний будит этот день – годовщина спуска нашего корабля!»

«Четверг, 26 октября. Лот показал сегодня утром 100 м глубины. Быстро несет на север, «чисто на север», – говорит Педер. Да, теперь как будто дела наши пошли лучше.

По случаю дня рождения «Фрама» сегодня большое торжество, открывшееся стрельбой в цель. Затем великолепный обед из четырех блюд, подвергший наш пищеварительный аппарат серьезному испытанию. За здоровье «Фрама» пили с шумным и бурным восторгом. Выступавшие говорили, – несомненно, от чистого сердца, – что «Фрам» для нашего плавания неоценимое судно; корабль – лучше трудно себе и представить (общие аплодисменты), и мы поэтому желаем долго здравствовать ему, а вместе с ним и себе (возгласы: «Слушайте, слушайте!»). После ужина подали земля-нично-лимонный пунш, а затем торжественно раздали возбуждавшие всеобщее веселье призы за стрельбу в цель. Все получили аттестаты с меткими девизами, сочиненными по большей части нашим доктором. Премированы все без исключения. Первым призом был «деревянный фрамовский крест» на белой полотняной ленте для ношения на шее; последним – зеркальце, чтобы любоваться на свое падшее величие... В этот вечер было разрешено курить в кают-компании, и к трубкам и пуншу прибавился вскоре веселый вист, чем и завершился удачный праздник.

Теперь, когда я здесь один, мысли невольно возвращаются к прошлому году, когда мы стояли там, наверху, на мостках, и она, разбив о форштевень судна бутылку шампанского, сказала: ««Фрам» имя тебе!..» Тяжелый мощный корпус начал тихо скользить со стапелей. Я крепко сжал ей руку, слезы стояли в глазах, сжимало горло, и я не мог вымолвить ни слова. Дорогое судно нырнуло в сверкающую воду, яркое солнце освещало все; нет, никогда я не забуду того, как мы стояли с ней рядом и смотрели на эту картину. А теперь – чего, чего только не было за эти последние четыре месяца. И море, и суша, и лед, и не один еще год впереди – вот что легло и еще ляжет между нами. И все это последствие случившегося в тот день. Как долго это продлится? С трудом

верится, что я не скоро еще увижу родной дом. Начиная об этом думать, сознаю, что разлука продлится еще долго, и все же не хочется этому верить.

Сегодня торжественно прощались с солнцем. В полдень в последний раз над ледовым горизонтом показалась на юге тусклая, багровая, плоская и не дающая тепла половина солнечного диска. Итак, вступаем в полярную ночь. Что принесет она? Где будем мы, когда снова вернется солнце? Пока взамен солнца остается восхитительнейшее сияние луны; она день и ночь кружит по небосводу. Как ни странно, сжатия теперь бывают совсем редко, и то незначительные. Лед, напротив, довольно часто вскрывается. В различных направлениях образуются большие разводья; на юге сегодня некоторые имеют значительную величину».

«Пятница, 27 октября. Лот сегодня утром показал глубину 95 метров. Согласно вчерашним полуденным наблюдениям, находимся примерно на 3 севернее и несколько западнее, чем 19 -го. Черт побери, как мы тут кружим. И надо же было попасть в такую дыру, где лед только вертится и никуда толком не движется! Время уходит бесполезно, и ничего нельзя предпринять. Вообще одному небу известно, когда все это кончится. Ах, если б задул южный ветер посвежее и выручил нас, погнал судно к северу, вынес из этой мышеловки! Сегодня опять сн яли руль. Во время этой работы после обеда вдруг стало светло как днем. Голубовато-белый свет. Йохансен бегом примчался в кают -компанию и сообщил мне и Скотт-Хансену, что сейчас по западному краю неба пронесся великолепный огненный шар, оставив за собой яр кий след, видимый до сих пор. Выскочив на палубу, мы действительно увидели светлую дугу в созвездии Треугольника около Денеба. ^[142] Метеор исчез примерно близ Ипсилона в созвездии Лебедя, но световой след еще долго висел в небе, как раскаленная пыль. Все наши стояли спиной, самого метеора не видели, а потому не могут сказать, разлетелся он на части или нет. Это уже второй большой метеор видим мы здесь, но он был, по-видимому, редкой величины и яркости. Лед обнаруживает

удивительную склонность – расходиться без всяких сжатий, и временами судно оказывается на чистой воде. Так было и сегодня».

«Суббота, 28 октября. Ничего достопримечательного. Луна светит и днем и ночью. На юге еще виднеется отблеск скрывшегося солнца».

«Воскресенье, 29 октября. Сегодня утром Педер убил возле самого судна песца. Давно уже, выходя по утрам, мы замечали песцовые следы, а однажды Мугста видел и самого зверя. Он держался поблизости и являлся регулярно, чтобы поживиться остатками медвежьих внутренностей. Вскоре после того, как был убит первый песец, появился еще один. Он подошел, обнюхал мертвого товарища, но тотчас же спохватился и бросился бежать. Примечательно, что здесь, на плавучем льду, так далеко от земли, столько песцов. Но, вспоминая их следы на льду между Ян-Майеном и Шпицбергенем, это не кажется столь удивительным».

«Понедельник, 30 октября. Сегодня температура упала до -27 °С. Я выбрал из полыньи спущенный вчера трал. Он принес со дна два ведерка ила, и я целый день занимался в кают-компании промывкой его в большом ведре, выбирая многочисленных животных. Это, главным образом, морские звезды, морские змеи, медузы (*Astrophyton*), голотурии, коралловые полипы (*Alcyonaria*), черви, губки, моллюски и рачки. Само собою разумеется, весь улов тщательно заспиртован».

«Вторник, 31 октября. Сегодня глубина 90 м. Течение быстро несет нас на юго-запад. Ветер благоприятный для нашей «ветряной мельницы». Электрические лампы, ярко горящие целый день, и дуговой фонарь под потолком заставляют совершенно забыть об отсутствии солнца. Да, свет – чудесная вещь, и жизнь, несмотря на все невзгоды, прекрасна...

Сегодня день рождения Свердрупа. Утром по этому случаю стреляли в цель из револьверов. И, конечно, устроен великолепный обед из пяти блюд: суп из птицы, жареная макрель, оленья грудинка с гарниром из цветной капусты и картофеля, пудинг из макарон и грушевый компот с молоком. Кобеду – пиво Рингнеса».

«Четверг, 2 ноября. Температура держится теперь около – 30 °С, но раз ветра нет, холод не особенно чувствуется. Теперь и днем любуемся северным сиянием. Около 3 ч дня видел сияние весьма своеобразной формы. На юго-западной стороне горизонта пылал отсвет солнца. Перед ним теснились легкие облачка, похожие на пыль, поднятую проскакавшей вдалеке кавалькадой. К ним вверх по небу, от самого солнца, тянулись полосы черного флера, как будто солнце притягивало к себе облачную пыль со всего небосвода. Полосы были темными, только на юго-западе, несколько выше, подальше от красного солнечного отблеска, они становились светлыми, блестящими, как тонкий, прозрачный серебристый флер. Распространялись полосы по небосводу как раз над нашими головами и по всей северной стороне горизонта. Явление напоминало северное сияние. Но, быть может, это лишь легкие облака, парящие на большой высоте и озаряемые лучами невидимого солнца. Я долго стоял и смотрел. Сияние оставалось необычайно спокойным. Нет, все-таки это было северное сияние, незаметно переходившее на юго-западе в темные полосы облаков и оканчивавшееся тончайшими облаками там, где виднелся солнечный отсвет. Позже, когда совсем стемнело, это явление видел Скотт -Хансен. Все сомнения рассеялись. Он сказал, что от солнца по всему небесному своду тянулись, как «дольки апельсина», ленты северного сияния».

«Воскресенье, 5 ноября. На сегодня назначены большие состязания в беге по льду. Дистанция отмерена, дорожка подметена, размечена вехами, украшена флагами, повар заготовил призы – пирожные, перенумерованные соответственно их величине. Напряженное ожидание. Когда же дело дошло до самого бега, оказалось, что молодцы наши слишком усердно тренировались последние дни и ноги у них прямо одеревенели, так что никто не мог двинуться с места. Пришлось распределять призы «вслепую»: одному завязали глаза, и он назначал, кому преподнести пирожное, на которое другой указывал пальцем. Этот нелюбезный способ распределения вызвал общее одобрение; все нашли, что куда удобнее получать призы таким способом, нежели бежать за ними целый километр.

Итак, снова воскресенье. Как медленно все же проходят дни! Я работаю, читаю, пишу, мечтаю. Иногда завожу орган, совершаю прогулки во мраке по льду. Низ горизонта на юго-западе залит темным, густым и горячим багрянцем, в нем как будто воплотились все тайные вожделения жизни, а сам отблеск солнца такой далекий, уходящий вглубь, как страна грез раннего детства. Повыше багрянец переходит в оранжевый цвет, затем, постепенно бледнея, становится зеленовато-голубым; повыше сгущается в глубокую, усыпанную звездами синеву и, наконец, исчезает, как глубокая загадка жизни, в бесконечном пространстве, которого никогда не озарит никакой рассвет. На севере дрожат дуги слабого северного сияния, еще неуверенно трепетные, словно пробуждающиеся влечения, которые затем внезапно, по мановению волшебного жезла, прорвутся, хлынут по темной синеве неба сверкающими снопами лучей – безустанно движущимися, вечно мятущимися, подобно духу человеческому.

Я могу сидеть и смотреть, смотреть без конца, не в силах оторвать взор от этого сказочного горения на западе, где бледный и тонкий серебристый серп луны погружает свой нижний край в кровавый отблеск. Мысли рвутся сквозь этот отблеск к солнцу, которое так далеко – далеко, и к ней, единственной, к нашей будущей встрече... Мне чудится, что, выполнив свою задачу, полным ходом, под всеми парусами, мчится «Фрам» по родному фьорду, приветствуемый народом, раскинувшимся по обеим берегам улыбающимися, залитыми солнцем горным и лугами, лесами и жилищами... А затем... О, тысячи часов и дней лишений растают в беспредельном восторге одного мига свидания...

Брр... Леденящий порыв ветра. Я прихожу в себя, вскакиваю и начинаю ходить взад и вперед. Да, мечты, мечты! А цель еще так далеко, сотни и сотни миль между нами, лед и земля, и снова лед. А нас носит здесь вдобавок, как по заколдованному кругу, и ничего еще мы не достигли. Остается лишь ждать, ждать. Чего?

Мне пастбище горное снилось,
Играл со мной солнечный луч;
Проснулся – на острове голом,

Под пологом черным из туч.

Еще взгляд на звезду родины, на ту самую, что сияла тогда вечером над мысом Челюскина, и я взбираюсь на судно, где ветряная мельница машет крыльями на холодном ветру и электрический свет льется через иллюминаторы в ледяную ночь полярной пустыни».

«Среда, 8 ноября. Буря, свирепствовавшая последние два дня, совершенно стихла. Сегодня – ни ветерка; остановилось даже наше ветряное колесо. Прошлой ночью попробовали не брать собак на борт, как делали до сих пор, и оставили их на льду. В результате опять одна собака ночью растерзана другими. На этот раз поплатился жизнью Улябранд, старый, беззубый бурый пес. Той же участи подверглись еще раньше Иов и Моисей.

Наблюдения за вчерашний вечер показали, что находимся на 77°43 северной широты и 138°8 восточной долготы, следовательно, еще южнее, чем раньше. Ничего не поделаешь, но дело дрянь. Мало утешает даже то, что мы теперь восточнее, чем когда-либо.

Опять новолуние, и надо, значит, ожидать сжатия; подвижки льда уже начались; он стал вскрываться еще в субботу и с каждым днем дробится все больше. Полены довольно крупные, и подвижки все ощутительнее. Вчера наблюдали первые признаки сжатия; утром, в 5 ч, оно было еще заметнее. Сегодня лед вскрылся вдоль всего судна, и «Фрам» почти наплаву.

...Вот сижу в тихую полярную ночь на плавучей льдине и вижу лишь звезды над головой. Где-то далеко нити жизни переплетаются в замысловатую ткань, которая тянется непрерывно от нежной утренней зари жизни до ледяного безмолвия смерти. Мысли следуют одна за другой, целое расщепляется на части и становится таким мелким, мелким. Над всем этим господствует один вопрос: «Зачем ты уехал?» Да разве мог я иначе? Разве может поток остановить свой бег или побежать вверх по склону?

Мой план рухнул. Построенный из теорий дворец, который я гордо и самоуверенно воздвигал, свысока относясь ко всем вздорным возражениям, при первом же дуновении ветра рассыпался, словно

карточный домик. Можно строить самые остроумные гипотезы – будьте уверены, действительность над ними посмеется. Верил ли я сам в них твердо? О да, временами, чаще всего верил. Но то был самообман, дурман какой-то. За всеми доводами рассудка таилось внутреннее сомнение. Кажется, чем дольше и горячее я отстаивал свои теории, тем сильнее росли сомнения. И все же... Нет, нет. Нельзя отбросить такие, например, доказательства, как сибирский плавник. Но если мы все -таки на ложном пути, что тогда? Чьи-то надежды будут обмануты – вот и все. Если мы даже погибнем, – что значит наша гибель в бесконечном круговороте вечности?».

«Четверг, 9 ноября. Сделал сегодня серию измерений температуры и брал пробы морской воды через каждые 10 м, до самого дна. Глубина всего 53 м, причем во всех слоях температура удивительно ровная, около -1,5°. То же самое я наблюдал раньше, южнее. Так вот они – полярные воды. Замечается легкий напор льда; слабые признаки сжатия отмечены утром и небольшое сжатие в 8 часов вечера; кроме того, несколько легких толчков поздно вечером, когда мы играли в карты».

«Пятница, 10 ноября. Возился все утро со вчерашними пробами воды, исследуя их с помощью электрического аппарата Торнё, [\[143\]](#) требующего, ко всеобщему ужасу, соблюдения абсолютной тишины на борту. Люди ходили на цыпочках, разговаривали тишайшим шепотом. Забыться, однако, нетрудно; нет-нет, да кто-нибудь начнет колотить по палубе или вздумает подпиливать что-то в машинном отделении. Однако тотчас же властный голос командира водворял тишину. Дело в том, что измерения эти производятся с помощью телефона, в который слышится чрезвычайно слабый, медленно замирающий звук; момент, когда он совсем затихнет, надо точно заметить. Соленость во всех слоях, вплоть до самого дна, оказалась поразительно небольшой; должно быть, морская вода перемешана здесь с пресной сибирских рек.

Утром был напор льда, длившийся почти до полудня; с различных сторон слышался треск. После полудня лед совсем разошелся и под бортом судна открылась большая полынья. Около половины восьмого началось сжатие, лед нажимал на борта и дробился на мелкие куски.

Около полуночи слышался треск сталкивающихся льдин в южном направлении».

«Суббота, 11 ноября. В течение дня произошло несколько сжатий. Молодой лед достигает примерно 39 см толщины. Сверху он крепок, но с нижней стороны рыхлый, пористый. Начал он намерзать в ночь с пятницы, 27-го, на субботу, 28 октября, в большой полынье около нас. За первую ночь ледяная корка достигла толщины 8 сантиметров, а за три первые ночи вместе – 13 см. Таким образом, для нарастания остальных 26 см потребовалось 12 суток. Уже эти беглые наблюдения показывают, что нарастание льда идет быстрее, пока корка тонка, и все больше замедляется по мере утолщения ее; когда лед достигает определенной мощности, нарастание, как показали позднейшие наблюдения, вовсе прекращается.

Любопытно, что сжатие льда продолжалось сегодня весь день; никакого перерыва и ни намека на обычную закономерность».

«Воскресенье, 19 ноября. С 11-го числа жизнь идет ровной, однообразной чередой. Ветер в течение всей недели южный, только сегодня легкий северо-северо-западный. Сжатия были у нас за это время много раз, слышится также грохот на юго-востоке. Вообще же лед необычайно спокоен и плотно облегает судно. После последнего сильного напора мощность льда под килем судна достигла 4 – 5 м. [\[144\]](#)

Скотт-Хансен вычислил сегодня позавчерашние наблюдения и порадовал сообщением, что с 8-го подвинулись на север на 44 и немного на восток. Находимся теперь на 78°27 северной широты и 139°23 восточной долготы. Так далеко к востоку мы еще не заходили. Ура! Только бы и дальше дрейфовать в том же направлении.

«Фрам» – жилище теплое и уютное. Стоит ли шестиградусный мороз или тридцатиградусный, все равно не топим. И вентиляция первоклассная, в особенности с тех пор, как поставили вертушку. В общем зимняя стужа проходит через вентилятор. Несмотря на морозы, нам и горя мало, – тепло и уютно при одной горячей лампе. Я подумываю, не убрать ли вообще печку: только мешает. По крайней мере, хоть в смысле защиты от зимнего холода расчеты оправдались. И

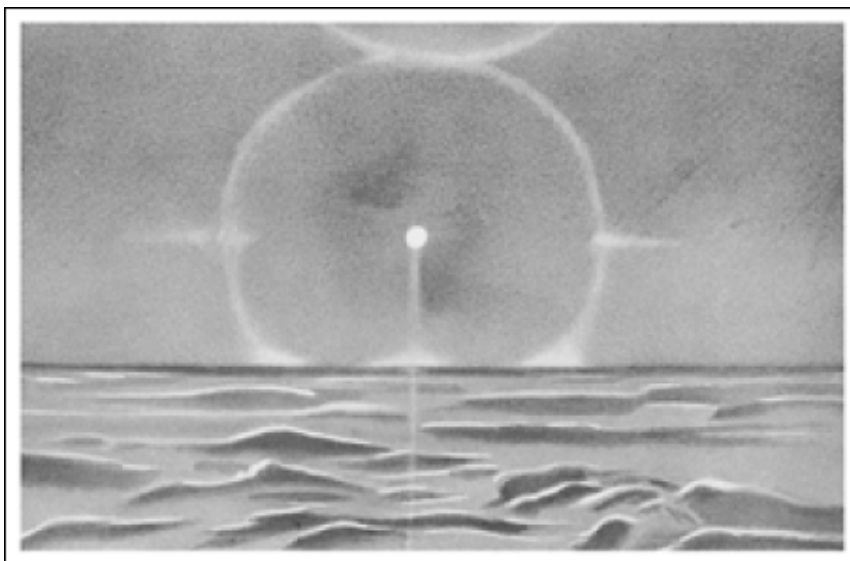
на сырость тоже жаловаться нельзя. Правда, в одном или двух местах, особенно в четырехспальных каютах, она собирается и даже течет каплями, но это пустяки по сравнению с тем, что бывало на других судах; стоит немного протопить, и она совершенно исчезнет.

Когда у меня в каюте недолго погорела лампа, от сырости не осталось и следа.^[145] Наши молодцы показывают просто чудеса выносливости по части холода. Бентсен в тридцатиградусный мороз в одних штанах и рубашке выходит на палубу отсчитывать показания термометров».

«Понедельник, 27 ноября. Преобладает южный ветер, по временам легкий юго-восточный. Мороз держится между -25 и -30 °C; в трюме температура упала до -11 °C.

Меня уже не раз поражало, что полосы северного сияния располагаются по направлению ветра, от той точки горизонта, откуда дует ветер. В четверг утром я даже рискнул по расположению полос предсказать, что дувший в то время легкий северо-восточный ветер перейдет в юго-восточный, что и оправдалось на деле.

За последнее время сияние мы видим гораздо реже, нежели в начале дрейфа. Впрочем, слабое и непродолжительное северное сияние бывает каждый день. Сегодня вечером оно снова полыхало вовсю. За последние дни мы наблюдали часто круги вокруг луны, ложные луны и оси, хотя вообще это очень редкие явления.

В полярную ночь (24 ноября 1813 г.)

Акварель Фритьофа Хансена

Если луна стоит так низко, что кольцо касается горизонта, то в месте их пересечения всегда образуется сильно светящееся пятно. Такие же пятна возникают на месте пересечения с горизонтом вертикальной светлой полосы, отходящей от луны. В таких светлых пятнах часто можно наблюдать слабую радугу; сильнее всего разгорается желтый свет, ближайший к горизонту, затем красный и потом, самый верхний, голубой. Те же цвета можно обнаружить и на побочных лунах. Иногда появляются два больших кольца, одно внутри другого, в таком случае побочных лун бывает четыре. По временам я наблюдал также над обычным кольцом часть нового, которое касалось первого над самой луной в горизонтальном направлении. Как известно, все эти кольцевые явления возникают вокруг Солнца и вокруг Луны в результате преломления световых лучей мелкими ледяными кристаллами, висящими в атмосфере.

23 ноября, во время полнолуния и наибольшего прилива, ждали напора льда, но ошиблись: как в этот, так и в последующие дни лед оставался спокойным. 25 ноября, после полудня, однако, услышали на юге отдаленный треск сталкивавшихся льдин, затем треск повторялся в той же стороне ежедневно. Сегодня утром он усилился и постепенно приблизился, а в 9 ч был слышен совсем неподалеку и к вечеру уже раздавался возле нас.

Но все же, по-видимому, мы выбрались из того места, где сосредоточивались сжатия; раньше мы находились в самом центре. Лед вокруг неподвижен и спокоен. По всей вероятности, последние сильные сжатия так сплотили вокруг лед, что теперь, после продолжительных морозов, он смерзся в компактную мощную массу; в других местах лед был слабее и теперь уступает напору. Глубина моря увеличивается, дрейфует на север. Вечером Скотт-Хансен вычислил сделанные им третьего дня наблюдения и нашел, что мы на 79°11 северной широты. Хорошо, пусть так и продолжается. Это самая северная достигнутая до

сих пор точка; сегодня, кажется, прошли еще дальше на север – в последние дни вообще довольно быстро подвигаемся на север. Постоянно возрастающая глубина также указывает на счастливую перемену направления дрейфа. Пожалуй, мы, наконец, попали на верный путь. Проходим около 5 в сутки. Самое утешительное то, что в последнее время и особенно последние два дня почти не было заметного ветра; вчера скорость его равнялась только 1 м в секунду, сегодня – полное затишье. Глубина увеличилась за два дня на 40 м. Значит, действительно мы попали в течение, идущее на север. Но разочарований нас впереди ждет, вероятно, еще немало».

«Вторник, 28 ноября. Разочарование пришло раньше, чем можно было ожидать. Вкралась ли ошибка в вычисления или в наблюдения Скотт-Хансена, но по произведенному вчера вечером измерению меридиональной высоты Юпитера выяснилось, что находимся под 78°36 северной широты. Промер глубины сегодня дал 143 м – почти то же, что и вчера, – а лот-линь показал, что нас несет в юго-западном направлении. Как ни стараешься быть философом, но все же это действует подавляюще. Пытаюсь найти утешение в книгах, погружаюсь в учение индусов, хочу проникнуться их счастливой верой в сверхъестественные силы, в сверхъестественные свойства духа и в загробную жизнь. О, если б обладать хоть частицей такой силы, чтобы заставить ветер постоянно дуть с юга!

Далеко не в радужном настроении поднялся я сегодня вечером наверх, но, едва ступив на палубу, остановился как вкопанный. Вот оно, сверхъестественное. Северное сияние, несравненной силы и красоты, играло на небосклоне всеми цветами радуги. Редко, пожалуй, даже никогда я не видел такого великолепия красок. Сперва преобладал желтый цвет, затем он перешел в зеленый и, наконец, с внутренней стороны дуг у основания лучей начал пробиваться сверкающий рубиново-красный и вскоре разлился по всей дуге. Вдали, на западном крае горизонта, взвился по небу огненный змей; сверкая все сильнее и ослепительнее, он распался на три части. Сначала все три переливались бесконечной игрой огней, но затем и цвета разделились; самый южный

змеи стал почти совершенно рубиново-красным с желтыми брызгами, средний – совсем желтым, северный – почти сплошь светло-зеленым. Все они протянулись до зенита. Вдоль змеев колебались и снопами взметывались лучи, словно волны, гонимые бурей в эфире. Лучи колыхались назад и вперед, то сильнее, то слабее. Хотя я был легко одет и меня пронизывал холод, я не мог оторваться от этого зрелища, пока оно не кончилось и пока не остался лишь один слабо мерцающий змей у самого края небосклона на западе, там, где зародилось сияние. Когда я попозже снова вышел на палубу, световые массы передвинулись к северу и неполными дугами раскинулись по северной части неба. Тому, кто придает мистическое значение явлениям природы, это могло бы служить предзнаменованием.

Дневное наблюдение показало, что находимся под 78°38 северной широты. Не слишком-то быстро мы движемся».

«Среда, 29 ноября. Еще одну собаку загрызли до смерти – погибла Лиса, красивое сильное животное. Ее окоченевший труп нашли на льду за кормой, когда пришли вечером за собаками. Великан, как всегда, лежал на страже у трупа. Что за чудовища эти псы! Теперь я отдал распоряжение, чтобы за ними всегда кто-нибудь наблюдал, пока они остаются на льду».

«Четверг, 30 ноября. Сегодня лот показал 170 м глубины; судя по линю, нас несет на северо-запад. Теперь, должно быть, движемся на север; надежды растут, и жизнь снова становится светлее. Настроение подобно маятнику – если только можно представить себе маятник, совершающий самые неравномерные качания. Бесполезно пытаться смотреть на это дело с философской точки зрения, все равно нельзя отрицать, что меня сильно беспокоит вопрос: вернемся ли мы на родину победителями или побежденными. Я могу твердить себе сколько угодно и весьма легко убедить себя самого самыми неопровержимыми доводами, что, в сущности, самое главное – это завершить экспедицию – удачно или неудачно, все равно – и затем вернуться домой. Не предпринять эту экспедицию я не мог. Я чувствовал, знал, что мой план осуществим, и священной поэтому была обязанность попытаться

выполнить его. И если даже он не удастся – что из того, разве это моя вина? Я исполнил свой долг, сделал все, что было в силах, и могу со спокойной совестью вернуться домой к домашнему очагу. Ну какое значение в самом деле имеет то, что случается – или как там его ни назови – пошлет нам удачу и обессмертит наши имена или нет? Самый план своей ценности не потеряет, независимо от того, улыбнется или нет нам счастье. А бессмертие? Не говорите о нем; единственное ценное в жизни – счастье, а оно не в этом.

Я могу повторять себе это тысячу раз, искренне стараясь уверить себя, что результат мне безразличен. Но тем не менее настроение меняется, как облака в небе, в зависимости от того, с какой стороны дует ветер, и от того, показывает ли увеличение глубины или ее уменьшение, а наблюдения – дрейф к северу или к югу. Когда я думаю обо всех, кто вверил нам свои надежды, вспомню о Норвегии, о многочисленных друзьях, отдававших нам свое время, пожертвовавших на наше снаряжение свои деньги, во мне пробуждается неукротимое желание избавить их от разочарования. Вот почему я мрачню, когда дело идет не так, как бы хотелось. И она, принеся самую большую жертву, разве она не заслужила, чтобы жертва ее не оказалась напрасной? Нет, счастье должно быть с нами, и оно будет».

«Воскресенье, 3 декабря. Снова воскресенье и с ним отдых, мирное настроение, возможность предаться праздности и мечтам. Часы текут незаметно, не возбуждая угрызений совести.

Сегодня 250-метровый линь не достиг дна. Дрейфовали в северо-восточном направлении. Вчерашние наблюдения показали, что находимся на 78°44 северной широты, т. е. на 5 севернее, чем во вторник. Ужасно медленно движемся мы, но все же движемся и должны двигаться, иначе быть не может».

«Вторник, 5 декабря. Сегодня самый холодный день за все время: – 35,7 °C и режущий ветер с ВЮВ. Наблюдения после полудня дали 78°50 северной широты, это на 6 севернее, чем в субботу; иначе говоря, продвигаемся на 2 в сутки.

После обеда было величественное северное сияние, рассекавшее сверкающими лучистыми дугами все небо с востока на запад. Но вечером, когда я вышел на палубу, небо заволокло тучами, и лишь одна только, одна звездочка проглядывала сквозь пелену – звезда родины. Как я люблю эту звезду! Ее первую ищут глаза, и она всегда озаряет путь. Кажется, ничего худого не может приключиться, пока она со мной...»

«Среда, 6 декабря. Сегодня после обеда с правого борта у кормы образовалась во льду трещина, к вечеру она расширилась. Теперь надо ожидать сжатия, так как не сегодня-завтра новолуние».

«Четверг, 7 декабря. Сегодня, в 5 ч утра, примерно в течение часа лед бился о корму. Лежа в постели, слушал, как вокруг все скрежетало, гудело и ломало. Сразу после обеда тоже было сжатие, настолько, однако, незначительное, что о нем не стоит и говорить. В полдень лед нисколько не разошелся».

«Пятница, 8 декабря. С 7 до 8 ч утра натиск льда. После обеда занялся рисованием, и вдруг раздался сильный грохот прямо над головой – словно большие массы льда обрушились со снастей прямо над моей каютой. Все отдыхавшие в кают-компании вскочили, накинув на себя что попало; прилегшие после обеда вздремнуть, бросив свои койки, ринулись в кают-компанию. «Что случилось?» Петтерсен с такой стремительностью мчался вверх по трапу, что ударил дверью в лицо штурману, который стоял в коридоре, сдерживая Квик, – она с перепугу выскочила из своего «родильного приюта», устроенного в навигационной каюте.

На палубе ничего не обнаружили, кроме того, что происходит подвижка льда и лед как будто отступает от корабля. Еще вчера и сегодня утром у кормы громоздились крупные торосы. Треск последовал, по-видимому, от внезапного напора и сжатия этих нагромождений, в результате чего лед отжало от стенок судна сразу по всей длине. Судно дало сильный крен на левый борт. Треска дерева не слышно, так что «Фрам», во всяком случае, повреждений не получил. Однако было холодно, и мы опять заползли в каюты.

В 6 ч, когда все сидели за ужином, внезапно началось новое сжатие. За стенкой кормовой части корабля поднялась такая возня и грохот, что невозможно стало разговаривать обычным голосом; приходилось кричать во все горло. Время от времени сквозь грохот доносились одна или две ноты из мелодии Кэрюльфа «Не мог я уснуть, соловей мне мешал»: это наигрывал наш орган. Понятно, что все согласились с Нурдалом, глубокомысленно заявившим, что куда лучше было бы, если бы сжатия, не тревожа нас тут на корме, ограничили сферу своей деятельности носовой частью судна. Грохот снаружи продолжался еще минут двадцать, затем стихло.

Вечером Скотт-Хансен, вернувшись с палубы, сообщил, что наверху невиданное северное сияние. Световые блики играли повсюду на снежном покрове, а на палубе было совершенно светло. Небо пламенело, особенно на юге, где огненная масса взрывалась и высоко полыхала вверх. Позже Скотт-Хансен прибежал снова с вестью, что теперь это зрелище прямо бесподобно.

И правда. Огненные полыхавшие массы разлились теперь блистающими многоцветными потоками-лентами, которые волновались, взаимно переплетались, змеились по небосводу как на севере, так и на юге. Лучи сверкали чистейшими хрустальными цветами радуги, преимущественно фиолетово-красными и карминовыми, как рубины, и самым ярким зеленым, как смарагды (изумруды). Всего чаще лучи дуг у основания были красные, а выше искрились зелеными огнями, которые вверх, становясь темнее, переходили в синие или фиолетовые, чтобы затем слиться с синевою неба. Или же в одной и той же дуге они были то ярко-красными, то ярко-зелеными, исчезали и вспыхивали, как бы раздуваемые вихрем. Нескончаемая сверкающая игра красок, фантазмагория, превосходящая всякое воображение. По временам это явление становилось до такой степени грандиозным, что захватывало дух. Казалось, вот предел уже достигнут; сию минуту что-то произойдет – быть может, рухнут небеса. Но как раз когда от напряженного ожидания замирало сердце, огни внезапно слетали легкими и быстрыми блесками вниз. Миг – и нет ничего. Так несколькими быстрыми и

легкими аккордами замирает мелодия. Подобная развязка лишена всякого драматизма, но совершается она с такой неподражаемой уверенностью, четкостью, что невольно любишься ею. Чувствуется опытный мастер, в совершенстве владеющий своим инструментом. То он как будто лишь шутя трогает струны, то одним ударом смычка легко и изящно переходит от наивысшего проявления страсти к тихой, будничной лирике, чтобы вслед за тем несколькими смелыми взмахами снова подняться до пафоса. Иной раз кажется даже, что он решил нас подразнить, издевается над нами. Только что, гонимые 34—35-градусным морозом, хотели мы сойти вниз, вдруг снова начиналась эта дивная игра, и мы застывали опять на месте, отмораживая себе носы и уши. В заключение бурный фейерверк; пламя полыхало так, что ежеминутно казалось: вот-вот огонь охватит самый снег и лед – на небе ему не хватит места. Наконец, я уже не в силах терпеть: одетый кое-как, без шапки, без рукавиц, перестав ощущать свое тело, ноги, руки, ползу по трапу к себе вниз».

Бернар Нурдал, электрик и кочегар

«Воскресенье, 10 декабря. Опять мирное воскресенье. В английском календаре этот день отмечен следующим изречением Юма:^[146] *«He is happy, whose circumstances suit his temper; but he is more excellent, who can suit his temper to any circum -stances».*^[147]

Это верно, и в данную минуту я следую именно такой философии. Лежу при электрическом свете в постели, пишу дневник, пью пиво и

закусываю бисквитами. Затем беру книгу почитать на сон грядущий. Целый день дуговой фонарь, словно солнце, озаряет наше существование. Теперь немудрено разобраться в наших грязных картах, отличить черви от бубен. Удивительно все же, какую силу имеет свет. Право, я стану здесь огнепоклонником. И странно, в сущности, что культ огня возник не в полярных странах.

У нас на борту появилась газета «Фрамсия» («Frams jaa»); безответственным редактором ее состоит наш доктор. Первый номер читали вслух сегодня вечером, и он дал повод к большому веселью. Между прочим, в нем помещено одно стихотворение и одно «предостережение».

ЗИМА ВО ЛЬДАХ

(Приложение, к новорожденной «Фрамсии»)

Как во льдах пустынных да корабль лежит,

Снегом густо-густо такелаж покрыт.

Но ты слышишь ясно,

Удивлен ужасно,

Что он не покинут, что в нем живут.

Кто же это, братцы?

Загляни-кось, братцы:

Нансена ребята весело шумят.

Вечер лишь настанет, карты на столе,

Чуть не все играют, гам стоит в толпе,

Вот Нурдал и Бентсен

Заседают вместе.

«Экая ворона», – Нурдал говорит,

Но Бентсен, братцы,

Не смотрит, братцы,

«Сам-то ты ворона», – мрачно он ворчит.

Среди всех и Гейка ^[148] с широкой спиной,

Увлечен он страшно карточной игрой.

Ларс с ним так играет,

Будто он ставит

Жизнь на карту, счастье, кров свой и почет.

А Амунсен, братцы,

Смотрит на них, братцы,

Головой качает и домой идет. [\[149\]](#)

Свердруп, Блессинг и наш здешний Мон, [\[150\]](#)

Те марьяж избрали своей profession.

Время быстро мчится.

«Надо торопиться»,

Воздыхая грустно, Хансен говорит,

«Звезды наши, братцы,

Ждать не будут, братцы».

И уходит с Моном на палубу он.

Доктор только бедный не у дел совсем;

Нет больных на «Фраме», нету их совсем:

Грустно он вздыхает,

Медленно шагает

Из угла каюты в другой угол он.

Но придумал, братцы,

Себе дело, братцы,

Он для вас газету будет издавать.

Предостережение!!!

Считаю своею обязанностью предостеречь публику от некоего бродячего часовщика, который недавно завелся в нашем хозяйстве, берет у разных лиц часы в починку и не возвращает их. Как долго еще будет существовать подобное ремесло на глазах у властей?

Приметы часовщика следующие: роста среднего, блондин, глаза серые, борода русая, сутулый; в общем и целом кроткого вида.

А. Юлл [\[151\]](#)

Примечание.

Описанная личность заходила вчера в нашу контору в надежде получить у нас работу, и мы считаем своим долгом пополнить ее приметы следующими: субъект часто слоняется тут вокруг со стаей

бездомных собак по пятам, усердно жуёт табак, следы которого виднеются на его бороде. Больше добавить нам нечего, так как нам не дано право, да и надобности нет исследовать его под микроскопом.

Редакция «Фрамсии»

Вчерашнее наблюдение дало 79° северной широты и $138^{\circ}14'$ восточной долготы. Наконец-то снова добрались до той широты, на которой были в конце сентября. Кажется, теперь твердо дрейфуем к северу: около 10 за четыре дня».

«Понедельник, 11 декабря. Утром предпринял большую прогулку на запад. Ходить в темноте по торосистому льду так же трудно, как пробираться ночью по моренам. Раз шагнул прямо в воздух, полетел, не удержав равновесия, и ушиб себе правое колено. Погода сегодня мягкая; всего лишь -23° .

Вечером северное сияние имело чрезвычайно своеобразный вид белых блестящих облаков, которые я сначала принял было за освещенные луной. Но никакой луны еще нет. Эти легкие *simulus* или *cirro-simulus* переходили в светлое небо цвета макрелей [скумбрии]. Я стоял неподвижно и наблюдал до тех пор, пока позволяла легкая одежда, но не обнаружил никакого движения, никакой игры света. Облака сияния тихо плыли по небу. ^[152] Свет был всего сильнее на юго-востоке, где виднелись также и темные облака. Скотт-Хансен говорил, что потом они переплыли на северную часть неба; облака надвигались и исчезали; некоторое время их было очень много – блестящих и белых, «белых, как барашки», как он выразился, но за ними игры северного сияния не было видно».

В метеорологическом журнале за этот день около 4 пополудни отмечено: «Слабое северное сияние на севере; несколько отдельных пучков (они выглядят, как кружевные золотые ленты) рассеяны на севере-северо-востоке у самого горизонта». В своем журнале северных сияний Скотт-Хансен описывает сегодняшнее явление следующим образом: «Около 8 ч вечера наблюдалась дуга северного сияния, простирающаяся через зенит с востоко-юго-востока на северо-запад.

Напряженность 3–4, сильнее всего она на северо-западе. В зените дуга распространялась излучиной к югу. В 10 ч на северной стороне неба было более слабое северное сияние; спустя 8 мин оно поднялось до зенита, а еще через две минуты широкая блестящая дуга прошла через зенит; напряженность 6. Через 12 с от зенита радиусами разошлись огненные лучи приблизительно в восточном направлении. В следующие полчаса северное сияние продолжалось, главным образом, в виде ленты через зенит, вблизи него, или ниже – на южной части неба. Наблюдение окончено в 10 ч 38 мин. Напряженность тогда была 2; сияние рассеялось, растеклось по южной части небосвода. Все это время виднелись облака *simulus* различной плотности. В начале наблюдения они появились на юго-востоке и исчезли в конце его; всего плотнее они были около десяти минут 11-го. К тому времени, как широкая блестящая дуга, проходившая через зенит, достигла наибольшей интенсивности, *simulus* на северо-западе выглядели совершенно белыми, хотя в этой части неба нельзя было открыть никаких признаков северного сияния. В то же время отражение света на льду было весьма сильным. В пределах северного сияния *simulus* казались более темными, почти как серая шерсть. Цвета северного сияния были: желтый, голубовато-белый, молочно-голубой – холодного тона». По метеорологическом журналу около полуночи все еще было заметно северное сияние в южной части неба.

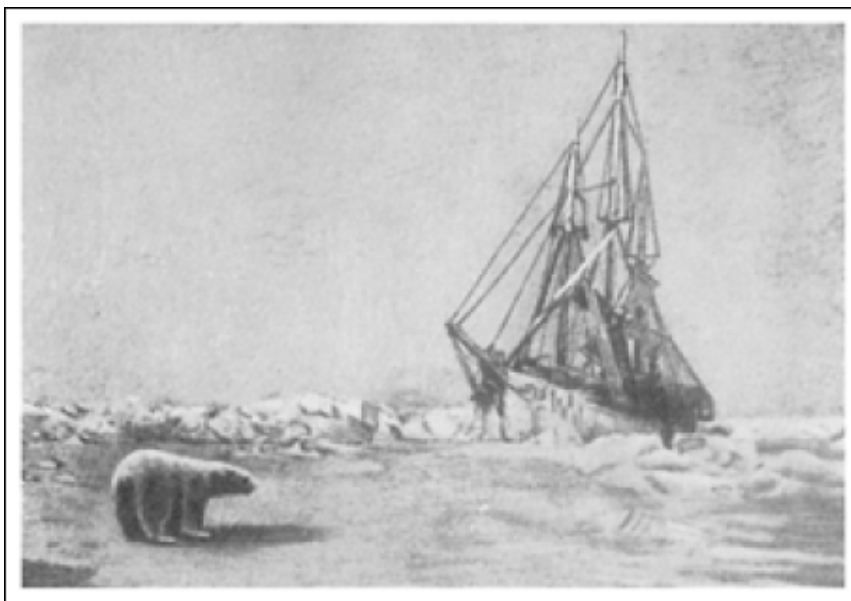
«Вторник, 12 декабря. Утром предпринял долгую прогулку на юго-восток. Лед там примерно в том же состоянии, как и на западе: нагроможден грядками, между которыми лежат ровные ледяные поля.

Вечером псы вдруг подняли на палубе невероятный гам. Все наши в это время играли в карты, кто в вист, кто в пасьянс. Я сидел разувшись и потому сказал, чтобы кто-нибудь вышел посмотреть, в чем дело. Пошел Мугста. Гам наверху усиливался. Через некоторое время Мугста вернулся и сообщил, что все собаки, которые только могли добраться до релингов, вскочили на них и лают в темноту по направлению к северу. Должно быть, там появился какой-нибудь зверь. Может быть, это просто песец, так как ему почудился где-то на севере лай песца, впрочем, за

верность он не ручается. Гм... черт его знает, что это за песец, из-за которого псы поднимают такой гам.

Так как лай не смолкал, то в конце концов я поднялся наверх; за мной вышел Иохансен. Мы долго и пристально всматривались в темноту по направлению лая собак, но так и не смогли разобрать, шевелится ли там что-нибудь. Что-то там, без сомнения, было, и я не сомневался, что это медведь, так как собаки лаяли, словно одержимые. Пан как-то особенно выразительно посмотрел мне в глаза, словно хотел сказать нечто важное, а потом прыгнул на релинг и тоже залаял в сторону севера. Возбуждение собак несколько удивляло; они не приходили в такую ярость, даже когда медведь подходил к самому у судну. Я, однако, ограничился замечанием, что единственный разумный выход – это спустить нескольких собак на лед и пойти за ними к северу. Но ведь на медведя они не пойдут, эти косматые бестии. К тому же так темно, что маловероятно выследить зверя. Но если это медведь, то он придет сам. Вряд ли он далеко уйдет сейчас, в зимнее время, от всего этого обилия «мясного» у нас на борту.

Я махнул рукой, спустился вниз и забрался в постель. Собачий лай продолжался по временам громче прежнего. Нурдал, который был вахтенным, выходил несколько раз наверх, но ничего не мог обнаружить. Я еще читал, лежа в постели, как вдруг почудился странный звук – словно по палубе задвигали ящики и еще какое-то царапанье; было похоже, что это яростно скребется в дверь собака, и я подумал о Квик, запертой в навигационной каюте. Я крикнул в кают – компанию Нурдалу, чтобы он еще раз вышел и посмотрел, что там такое. Вернувшись, он сообщил, что ничего не обнаружил.

Белый медведь и «Фрам»

Литография Фритьофа Нансена

Заснуть было трудно, и я еще долго ворочался на койке. Наступила вахта Педера, и я попросил его подняться наверх и поставить по ветру вертушку, чтобы улучшить вентиляцию. Он довольно долго провозился на палубе с этим делом, потом занялся еще кое-чем, но также ничего не заметил. А гам все продолжался. Наконец, Педеру понадобилось пройти за чем-то на бак, и там он вдруг обнаружил, что три собаки, привязанные у самого трапа с правого борта, исчезли. Спустившись вниз, он сообщил об этом, и мы порешили, что это и было причиной собачьего переполоха, хотя раньше собаки никогда не выражали беспокойства, если кто-нибудь из товарищей отвязывался. Наконец, я заснул, но и во сне еще долго слышал лай».

«Среда, 13 декабря. Не успел я утром открыть глаза, еще в полусне, услышал ту же собачью суматоху. Лай не смолкал в течение всего завтрака. Ну, и беспокойные же твари! Значит, пролаяли целую ночь. После завтрака Мугста и Педер пошли наверх, чтобы покормить псов и перевести их на лед. Трех по-прежнему не было. Педер вернулся за фонарем, чтобы хорошенько посмотреть, нет ли около судна следов

какого-нибудь зверя. Якобсен крикнул ему вслед, чтобы он захватил с собой оружие, но Педер ответил, что оно ему ни к чему.

Немного спустя, когда я сидел, погрузившись в мучительные вычисления, пытаюсь выяснить, сколько мы сожгли керосину и надолго ли его хватит, если будем продолжать жечь его в тех же размерах, наверху в коридоре раздались крики: «Скорей сюда! С ружьем!» Одним прыжком я очутился в кают-компании, куда как раз ввалился, задыхаясь, Педер с воплями: «Ружье! Ружье!» Медведь цапнул его зубами в бок. Я рад был, что не случилось чего похуже; из его несвязных слов можно было понять, что такая крупная мишень представляла лакомый кусок для медвежьих зубов. Я схватил ружье, Педер второе, и мы выскочили на палубу; за нами кинулся штурман со своим ружьем. Не нужно было долго соображать, в какую сторону повернуть, так как с релинга правого борта неслись беспорядочные крики, а со льда под правым бортом отчаянный собачий лай. Я поспешно вырвал из дула пеньковую затычку, открыл затвор, собираясь вложить патрон, – нужно было поторапливаться. Но что за чертовщина! И тут затычка. Я стал выдергивать ее, но никак не мог ухватиться за нее так, чтобы выдернуть. Педер кричал: «Стреляйте же, стреляйте! Мое не стреляет!» Он щелкал и щелкал затвором, но ружье его было забито, как всегда, застывшим вазелином, а медведь спокойно лежал и грыз собаку прямо перед нами, у самого борта корабля. Рядом со мной стоял штурман, стараясь выдернуть затычку, которую он тоже слишком плотно загнал в дуло. Наконец, он с досадой отбросил ружье и стал шарить по палубе, ища моржовый гарпун, чтобы заколоть медведя. Прибежал и четвертый охотник, Мугста; он расстрелял все патроны и, размахивая незаряженным ружьем, кричал, что медведя непременно нужно застрелить. Четыре человека, и ни один не способен выпустить ни одной пули! А медведь был так близко, что его можно было ткнуть дулом в спину. Пятый – Скотт-Хансен – лежал в коридоре возле навигационной каюты и, просунув руку в дверную щелку, шарил в каюте, пытаюсь нащупать патроны, – дверь открыть он не мог, мешала постель, устроенная для щенной Квик. Наконец, появился Йохансен и пальнул

прямо в медвежью шубу. Помогло. Чудовище оставило собаку и заворчал; блеснул еще выстрел, просвистела пуля, и снова только опалила шерсть; еще один, и – белая собака, которую медведь подмял под себя, вырвалась и убежала. Остальная стая бегала вокруг с неистовым лаем. Йохансен выпустил еще одну пулю, так как зверь вновь зашевелился. Теперь, наконец, и мне удалось вырвать затычку из ружья, и я послал для пущей верности последнюю пулю в голову медведя. До тех пор, пока медведь шевелился, собаки с лаем теснились около него, но как только он замер неподвижно, они испуганно отскочили, вероятно решив, что это военная хитрость врага. Оказывается, весь этот переполох поднял худой жалкий медвежонок.

Пока свеживали медведя, я пошел на северо-запад поискать пропавших собак. Не успел сделать нескольких шагов, как заметил, что сопровождавшие меня собаки обнюхивают воздух с севера и норовят повернуть в ту сторону. Вскоре, однако, они стали выказывать признаки страха, так что невозможно было послать их вперед: они жались ко мне или даже пытались за меня спрятаться. Каркаясь на четвереньках по развороченному и вздыбленному льду, я держал ружье наготове. Глаза напряженно всматривались в темноту, но много ли в таких потемках увидишь! Стоило собакам отбежать от меня на несколько шагов, как я уже с трудом различал их темные силуэты. Каждую минуту я ожидал, что из-за торосов поднимется что-то огромное и двинется прямо на меня. Собаки становились все осторожнее; две, наконец, присели, но потом, устыдившись, вероятно, что оставляют меня одного, медленно поплелись сзади. Чистое наказание пробираться по такому льду! Да и нельзя сказать, чтобы удобно было стрелять, переползая на четвереньках. Медведь мог напасть совершенно неожиданно. Впрочем, если ему не взбредет на ум напасть на меня или на собак, то нет никакой надежды его обнаружить, – если он вообще существует. Мы выбрались на более ровный лед, и сразу стало ясно, что тут поблизости что-то есть: на льду чернело нечто похожее на зверя. Я нагнулся – это был бедный «приятель» Йохансена, черный пес с белым кончиком хвоста, изуродованный самым жалким образом. Совсем рядом лежало еще что-то

черное. Я снова нагнулся и увидел вторую из пропавших собак, брата Великана, Стража мертвецов. Ран на нем не было, лишь голова немного покусана: он еще не совсем окоченел. Кругом на льду виднелись пятна крови. Я обошел кругом, но ничего подозрительного не обнаружил. Собаки держались на почтительном расстоянии, поглядывали на своих мертвых товарищей и принюхивались.

Попозже несколько человек пошли убрать собачьи трупы. Взяли с собой фонарь, чтобы поискать новых медвежьих следов: не было ли с убитым медвежонком кого постарше? Мы карабкались по торосам, призывая Бентсена с фонарем: «Сюда, сюда, посвети... Не следы ли это?» Бентсен подходил и освещал углубления в снегу – действительно, медвежьи следы, но все того же юнца, который побывал около корабля. «Смотри-ка, вот тут эта свинья волокла за собой собаку». При свете фонаря можно было проследить тропу и следы крови между ледяными торосами. Наконец, подошли к мертвым собакам, но и там нашли те же небольшие следы, принадлежавшие медвежонку. «Приятель» Йохансена при свете фонаря имел совсем ужасный вид. Мясо, шкура и внутренности были съедены; от собаки остался только остов: хребет да несколько обломков ребер. Досадный конец для такого отличного сильного пса. У него был лишь один недостаток: нелюдимость. Особенно не терпел он Йохансена: лаял и скалил зубы, едва тот показывался на палубе или в дверях; даже когда Йохансен сидел в бочке, насвистывая во мраке ночи, «друг» его Черныш (Свартен) отзывался далеко на льду злым воем.

Йохансен наклонился с фонарем над останками.

– Ну, вы довольны, Йохансен? Нет больше на свете вашего недруга.

– Нет, мне жаль.

– Почему?

– Мы не стали друзьями перед его смертью.

Новых медвежьих следов не нашли и, взвалив трупы собак на плечи, направились к дому. По дороге я спросил у Педера, что это у него, в сущности, вышло с медведем.

– Да, видишь ли, когда я пришел с фонарем, гляжу – у фалрепа кровь. Понятно, это могли и собаки сами себя поранить. Но под фалрепом на льду разглядели следы медведя. Тогда, видишь, мы пошли на запад, а все псы помчались далеко впереди. Отошли это мы немножко – слышим, впереди страшный гвалт, гляжу – прямо на нас несется зверюга, и вокруг него собаки скачут. Как разглядели мы, что это такое, так со всех ног к кораблю припустились. Мугста был в комагах и дорогу знал лучше, так он, видишь ли, добежал до судна скорее меня; а я в деревянных башмаках отстал, да еще впопыхах наскочил на большой торос, западнее корабля, знаешь? Тут я обернулся, посветил фонарем назад, чтобы посмотреть, нет ли медведя; ничего не разглядел и побежал дальше, да и грохнулся там в торосах, поскользнулся на своих деревянных подошвах. Ну, вскочил и пустился дальше по ровному льду, прямо к судну. Вдруг вижу, что-то темное подходит ко мне справа; сперва я подумал – собака; в темноте, видишь ли, нелегко разобрать. Но не успел я разобраться, как оно прыгнуло прямо на меня и цап в бок. Руку-то, видишь ли, я поднял вот так, он и вцепился мне в бедро, а сам ворчит и фыркает.

– Что же ты подумал в эту минуту, Педер?

– Что я подумал? Признаться, я подумал, что конец мой пришел, вот что я подумал. Оружия при мне никакого, я взял да и хватил его фонарем по морде так, что фонарь отлетел далеко на лед. А медведь от неожиданности присел и глядит на меня. Я хотел было бежать дальше, но он поднялся, – хотел опять меня цапнуть или еще что, не знаю. Да тут примчалась собака; он ее увидел и пустился за ней. А я – к себе на судно.

– Кричал ты, Педер?

– Кричал? Да я орал во всю глотку! Можно было поверить, – он совсем охрип.

– Ну, а куда же девался Мугста?

– Да, видишь ли, он добрался до судна куда раньше меня; но не додумался крикнуть других, а схватил со стенки ружье и решил, что

один справится. А оно у него не выстрелило, и медведь отлично мог сцапать меня под самым его носом.

Тем временем мы подошли к кораблю; Мугста, слышавший с палубы конец разговора, стал оправдываться, чтобы над ним не тяготело обвинение. Он сказал, что подбежал к трапу как раз, когда Педер закричал. Трижды он прыгал и падал, прежде чем ему удалось попасть на борт. Времени у него осталось ровно столько, чтобы схватить ружье и кинуться на помощь Педеру. А медведь, выпустив Педера, погнался за собаками, и вокруг него опять заметалась вся свора. Он прыгнул и подмял под себя одну собаку; тогда остальные вцепились в него сзади, и он вынужден был выпустить свою добычу и защищаться. Потом он прыгнул на другую собаку, и снова на него набросилась вся свора. Так они плясали взад и вперед по льду, пока не приблизились к кораблю. Там, у самого фалрепа, стояла собака, просясь на борт.

В один миг медведь прыгнул на нее и... распростился с жизнью.

Расследование на корабле показало, что крючок ошейника Черныша был совсем выдернут; у Старика (Гаммелена) ошейник переломан; у третьей собаки крючок лишь слегка отогнут, так что непохоже, чтобы это сделал медведь. У меня появилась слабая надежда, что собака еще жива, но сколько ее ни искали, найти не могли. В общем, досадная история. Позволить медведю безнаказанно взобраться на судно и потерять сразу трех собак! Плохо у нас с собаками, теперь осталось всего двадцать шесть. Большая бестия этот медведь, даром что мал. Сперва вскарабкался по трапу, отбросил в сторону стоявший перед трапом ящик, затем кинулся на ближайшую собаку и уволок ее. Утолив первые муки голода, он явился за вторым блюдом; если ему дали бы волю, негодяй продолжал свои подвиги до тех пор, пока не осталось бы ни одной собаки. После этого он, пожалуй спустился бы потихоньку вниз и «помахал бы на прощанье рукой» Юллу в камбуз. Не думаю, чтобы Черныш чувствовал себя приятно, когда стоял на привязи в темноте и смотрел, как медведь лезет на борт!

Когда, после всей этой медвежьей суматохи, я спустился вниз, Юлл, стоя в дверях камбуза, сказал:

– Ну, сегодня, значит, Квик оценится. У нас на борту всегда так: либо ничего, либо одно за другим так и сыплется, словно рождественский снег.

И он угадал: вечером, когда все сидели в кают-компании, пришел Мугста, охотно возившийся с собаками, и сообщил о появлении на свет первого щенка. Вскоре появилось еще два. Это было бальзамом для наших ран. Квик получила хороший, теплый, обитый мехом ящик наверху в коридоре правого борта; там так тепло, что она лежит вся в испарине; надеемся, что щенки останутся живы, хотя снаружи трещит тридцатиградусный мороз.

Сегодня, кажется, все попризадумались над тем, каково без оружия ходить на лед. Появились на свет наши штыкиножи (bajonetkniven); я тоже запасся таким товарищем. Должен признаться, что до сих пор я был убежден в невозможности здесь, так далеко на севере, да еще в середине зимы, встретить медведя. Мне и в голову не приходила мысль о такой встрече, когда совершал продолжительные прогулки по льду и когда у меня не было даже перочинного ножа в кармане. Опыт Педера показал, что при всех обстоятельствах хорошо иметь под рукой хотя бы фонарь. Отныне в обиход для постоянного ношения при себе вводятся длинные ножи.

Потом Педера часто поддразнивали тем, что он отчаянно кричал, когда его схватил медведь. «Гм... кричал, – говорил он, – послушал бы я, как вы кричали бы! Я кричал тем храбрецам, которые боялись испугать медведя и шагали сразу по семи аршин».

«Четверг, 14 декабря. «Ну, Мугста, сколько у вас теперь щенят?» – спросил я за завтраком. «Теперь пять». Но немного спустя он пришел с известием, что их по крайней мере двенадцать. Помилуй бог, вот вознаграждение за потери! И все-таки мы очень обрадовались сообщению Йохансена о том, что он слышал далеко на льду, на северо-западе, вой пропавшей собаки. Многие пошли послушать. Да, явственно слышен вой. Он звучал так, будто собака сидит на месте и воет в отчаянии. Быть может, она находилась у какой-нибудь трещины, через которую не могла перебраться. Блессинг, оказывается, тоже слышал этот

вой на своей вахте ночью, но он был дальше на юго -западе. Когда Педер после завтрака вышел наверх, чтобы накормить собак, пропавший пес стоял у фалрепа, просясь на борт; он сильно изголодался и первым делом бросился прямо к кормушке; вообще же оказался целым и невредимым.

Вечером пришел Педер и рассказал, что слышал шаги медведя на льду; он был в этом совершенно уверен; и он и Петтерсен стояли и слушали, как зверь царапает лапами по насту. Я набросил на себя меховую блузу, схватил двустволку и поспешил наверх. Весь экипаж уже стоял на корме, всматриваясь в ночной мрак. Спустили Уленьку и Пана и пошли в том направлении, где должен был находиться медведь. Стояла непроглядная темь, но если только есть след, собаки должны его учуять. Скотт-Хансен убедил себя в том, что видит, как что-то задвигалось между торосами возле корабля, и он поспешил предупредить меня. Но мы ничего не нашли и ничего не услышали, а когда и другие тоже сошли на лед и тоже ничего не обнаружили, все полезли назад на корабль. Удивительно, как много чудится и слышится в этом громадном безмолвном пространстве, освещенном таинственным светом мерцающих звезд».

«Пятница, 15 декабря. Сегодня утром Педер за кормой на льду увидел песца. Позже Мугста, выйдя с собаками, тоже видел его. Замечательно, что теперь появились и медведи и песцы, а ведь долго не видно было ни единого живого существа. В последний раз видели песца значительно южнее, вероятно, возле Земли Санникова. Не приближаемся ли мы снова к земле?

После обеда пошел посмотреть на щенят нашей Квик. Их было тринадцать. Странное совпадение: тринадцать щенят родились тринадцатого числа, и у нас на корабле тринадцать человек. Пятерых щенят умертвили. Квик не справилась бы со всеми. Оставшихся она сможет прокормить. Бедная мамаша, Квик так беспокоилась за своих щенят, пыталась влезать к ним в ящик и отнять их у нас. Нетрудно заметить, что она очень ими гордится.

Вечером пришел Педер и заявил, что по льду, должно быть, бродит привидение; сейчас он слышал точно такое же хождение и царапанье, как и вчера вечером; кто-то крадучись бродит по льду. Выходит, что тут очень бойкое место или «в тихом омуте черти водятся».

Согласно наблюдениям, произведенным во вторник, результаты которых теперь вычислены, мы находились в тот день примерно на 79°08 северной широты. Следовательно, за три дня начиная с субботы продвинулись на 8 , дело идет все лучше и лучше.

Почему нет снега? Приближается Рождество, а что за Рождество без снега, падающего густыми хлопьями. За все время дрейфа ни разу не шел снег. Твердая крупа, падающая изредка, не может идти в счет. О, чудесный белый снег, так мягко и тихо сыплющийся с небес и сглаживающий все неровности своей бархатистой чистотой – нет ничего красивее тебя! Чудесная, мягкая белизна! Эта бесснежная ледяная пустыня похожа на жизнь без любви, в ней нет ничего, что смягчало бы пейзаж; следы борьбы и ледяных сжатий резко выступают, будто они только что возникли; труден путь путешественника по этой бугристой, неприветливой поверхности.

Любовь – это снег жизни; она проникает глубже и мягче всего в раны, полученные в битвах жизни. Любовь белее и чище, чем сам снег. Что жизнь без любви? Она похожа на лед, холодный, пустынный, истерзанный, гонимый ветром и бурей. Ничто не закрывает зияющих щелей, ничто не смягчает ударов от столкновений, ничто не округляет острых ребер разбитых льдин – и ничего нет вокруг, кроме голого, истерзанного льда».

«Суббота, 16 декабря. После обеда спокойно вошел в салон Педер и рассказал, что слышал на льду много разнообразных звуков; с севера доносится звук, совершенно похожий на то, как будто лед ударяется о землю. Затем вдруг в воздухе разнесся такой гром, что даже собаки вскочили и залаяли. Бедняга Педер, над ним смеются, когда он приходит с рассказами о своих бесчисленных наблюдениях. А между тем он, действительно, самый тонкий наблюдатель».

«Среда, 20 декабря. Когда я завтракал, ворвался Педер и закричал, что он, кажется, видел на льду медведя и что Пан умчался, как только его спустили с привязи. Я с ружьем выскочил на лед и увидел там при лунном свете множество людей, но никаких признаков зверя. Прошло немало времени, пока вернулся Пан; он, видно, преследовал медведя далеко на северо-запад. Нашли его следы, зверь подходил совсем близко к судну.

Свердруп и кузнец Ларе соорудили большой медвежий капкан, который сегодня установили на льду. Я опасаюсь, что в западню больше будут попадать собаки, чем медведи; поэтому капкан подвесили на перекладине так высоко, чтобы собаки не могли допрыгнуть до приманки – куска сала, прикрепленного около зажима капкана. Все собаки сидят теперь вечером на борту и без умолку лают на это новое сооружение на льду, освещенное луной».

«Четверг, 21 декабря. Удивительно, как быстро и однообразно течет время. Сегодня самый короткий день, хотя, в сущности, у нас здесь нет никакого дня; но теперь мы снова идем навстречу солнцу (и лету!)... Пробовали сегодня измерять глубину, вытравили 2100 метров линия и не достали дна. Длиннее линия у нас нет – что же делать? Кто мог предвидеть, что встретим такую глубину! Целый день на небе стояла световая дуга, как раз напротив луны; выходит, что есть и «лунная радуга», но, насколько я мог разглядеть, без красок».

Ивар Отто Иргенс Мугста, матрос

«Пятница, 22 декабря. Ночью убили медведя. Первым заметил его стоявший на вахте Якобсен. Он выстрелил и попал в лапу. Зверь обратился в бегство. Тогда Якобсен прибежал в каюту и объявил об этом. Мугста и Педер вышли на палубу, за ними Свердруп, которого разбудили. Медведь снова шел к кораблю, но тут он разглядел перекладину с капканом и повернул туда. Он долго пялил глаза на это сооружение, оглядывал его сверху донизу, затем поднялся осторожно на задние лапы и, опершись правой лапой на подпорку как раз у самого капкана, уставился в раздумье на великолепный кусок сала. Видимо, ему не по душе прищлась безобразная зубчатая рама. Свердруп стоял на палубе и наблюдал: все кругом было залито мягким лунным светом. Сердце Свердрупа усиленно колотилось; с минуты на минуту он ждал, что капкан захлопнется. Но медведь подозрительно помотал головой, медленно опустился снова на все четыре лапы, обнюхал осторожно стальной трос капкана, прошел вдоль него по льду до того места, где трос был обмотан вокруг большого тороса, обошел самый торос, словно исследуя, как все ловко устроено, потом снова прошел медленно вдоль троса, поднялся, как и раньше, опираясь передними лапами на один из столбов, еще некоторое время поглазел на западню и – снова помотал головой, вероятно подумав: «ловкую штуку соорудили эти негодные плуты для меня», и... снова направился к кораблю. Когда он находился шагах в шестидесяти от борта, раздался выстрел Педера. Медведь кувырнулся было, но быстро вскочил и обратился в бегство. Тогда выстрелили Якобсен, Свердруп и Мугста. На этот раз медведь свалился между ледяными торосами. Его сейчас же ободрали и в шкуре нашли дыру лишь от одной пули, на которую заявили претензию трое – Педер, Якобсен и Мугста. Свердруп от своих притязаний, поскольку он стрелял со шканцев, отказался. Так как медведь упал сразу же вслед за выстрелом Мугста, тот кричал: «Это я его угостил!» Якобсен клялся, что это он попал, а Бентсен, стоявший в роли наблюдателя, готов был хоть сейчас отдать голову на отсечение, что медведя уложила пуля Педера.

По этому важному вопросу так и не было достигнуто соглашение в течение всего плавания.

Теодор Клаудиус Якобсен, штурман «Фрама»

Чудесно светит луна! В разных направлениях сжимаются льды. Сегодня перенесли на палубу наши запасы пироксилина, пушечного и ружейного пороха, здесь не так опасно держать их, как в трюме. В случае пожара или чего-нибудь подобного взрыв в трюме мог бы разнести стенки корабля, и мы пошли бы ко дну, не успев даже глазом моргнуть. Часть пороха сложили на баке, часть на капитанском мостике, откуда его легко, в случае надобности, сбросить на лед».

Глава седьмая Первое Рождество и Новый год на «Фраме»

Суббота, 23 декабря. Сегодня, как говорят в Норвегии, «маленький рождественский сочельник». Утром я отправился далеко на запад и домой вернулся поздно. Лед повсюду торосистый, но местами попадаются и ровные поля. Вдалеке наткнулся на новую полынью, но не решился через нее переправиться, так как лед был слишком тонок. После обеда попробовали в виде рождественской забавы взорвать лед четырьмя шашками пироксилина. Большим железным буравом, который взяли с собой специально для этой цели, пробуровили во льду отверстие, затем опустили заряд с куском электрического провода примерно на 30 см ниже поверхности льда. Все отошли. Нажали кнопку, глухой треск и – вода с осколками льда брызнула кверху. Хотя взрыв

произошел на расстоянии 37 м от судна, «Фрам» так тряхнуло, что все на нем задрожало и со снастей осыпался иней. Во льду мощностью около 1,2 м пробито сквозное отверстие; вообще же, если не считать небольших трещин вокруг, взрыв не оставил заметных следов».

«Воскресенье, 24 декабря. Сочельник. 37 градусов мороза. Сияющий лунный свет и бесконечная тишина полярной ночи. Брожу одиноко по льду. Первый сочельник вдали от дома. Как я тоскую! Наблюдение дало $79^{\circ}11'$. Никакого дрейфа. Находимся двумя минутами южнее, нежели шесть дней тому назад».

Рисунки из рождественского номера «Framsjaa»

В дневнике моем ничего больше нет об этом вечере, но когда я о нем вспоминаю, – все встает передо мной, как воочию. На борту царило необычайно торжественное настроение. Сокровенные мысли всех и каждого, по-видимому, уносились к родному очагу, но ни за что на свете нельзя было обнаружить этого перед товарищами; поэтому люди шутили и смеялись больше обыкновенного. Все лампы и свечи, имевшиеся на судне, были зажжены, не осталось ни одного темного угла ни в кают-компании, ни в каютах, все было залито светом. Пир в этот день превзошел, конечно, все предыдущие – в сущности, ведь только едой мы и могли отметить наши праздники. Обед был первоклассный, ужин также, а на десерт появились целые горы рождественских пирожков, которые Юлл прилежно пек в течение нескольких недель. Затем наслаждались вкуснейшим пуншем и сигарами; само собой разумеется, в этот день было разрешено курить в кают-компании. Праздник достиг своего апогея, когда были принесены два ящика с рождественскими подарками – один от матери Скотт-Хансена, другой от его невесты, фрекен Фоугнер. Трогательно было видеть детскую радость, с которой каждый принимал свой подарок, будь то трубка, ножик или какая-нибудь другая безделушка; она ведь была как бы весточкой оттуда, из родного дома. Затем произносились речи и появился экстренный выпуск «Фрамсии» с иллюстрированным приложением, рисунки для которого были сделаны знаменитым полярным художником «Хуттету».

В поэме, написанной по поводу сегодняшнего дня, говорилось:

Толстый лед заковал корабль,
И зима раскинула свой плащ,
Мы несемся по ветру во льду
И о родине думаем вновь.
Счастья полного в Новом году
Пожелаем всем нашим родным;
Из далеких полярных краев
Через год мы вернемся к ним!

Было много и других стихов, в частности один, в котором описывались важнейшие события последнего времени:

Там медведи, тут щенята,
В праздник масса пирожков.
Устоял Педер, ребята,
От медвежьих, от зубов,
Мугста щелкает курком,
Якобсон трясет копьём... И т. д.

Затем следовала длинная поэма «О похищении собак с палубы «Фрама»:

Наш вахтенный и наш гарпунщик,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Выходят вместе прогуляться,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Вахтенный наш, не будь дурак,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
С собой взял хлыст для собак,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Но гарпунщик беспечный,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Фонарь взял первый встречный,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Идут они и говорят:
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Медведя видеть-де хотят,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Но вот медведь явился,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Вахтенный заторопился,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
Он бежит, как лань,
Квирре-вирре-вип бум-бум!
А гарпунщик и отстань,

Квирре-вирре-вип бум-бум!

И т. д.

Между объявлениями находилось следующее:

Школа фехтования

Вследствие отсрочки нашего отъезда на неопределенное время может быть принято еще некоторое ограниченное число учеников для обучения фехтованию и боксу.

Маяков,

учитель бокса;

за квартирой доктора, следующая дверь.

Еще одно:

«Из-за недостатка места в настоящее время по Насосной ул. № 2 ^[153] распродается партия подержанной одежды. Поскольку неоднократные приглашения убрать ее остались безрезультатными, я вынужден с нею разделаться. К сведению покупателей: вещи не протухли, так как хорошо просолены».

После чтения газеты перешли к музыке и пению. Разошлись только поздней ночью.

«Понедельник, 25 декабря. Первый день Рождества -38 °С. Совершили прогулку к югу при восхитительном лунном освещении. Около вновь образовавшегося тороса я ступил ногой на молодой лед и провалился. Вымок насквозь. Но при таком морозе это ничего не значит, – вода сразу превращается в лед, и потому не особенно холодно; скоро чувствуешь себя совсем сухим.

Дома сегодня, наверно, вспоминают нас и посылают нам сочувственные вздохи. По их представлениям, мы ведь так страдаем в холодной и полной жути ледяной пустыне. Боюсь, что сочувствие их охладело бы, если б они могли заглянуть к нам, послушать, как мы веселимся, посмотреть, как хорошо нам живется. Я думаю, лишь немногие там, дома, живут лучше нашего.

Во всяком случае, я никогда не вел более сибаритского образа жизни и никогда не имел большего основания опасаться изнеженности. Послушайте хотя бы, какой у нас сегодня обед:

1. Суп из бычачьих хвостов.
2. Рыбный пудинг с картофелем и соусом из масла, стертого с желтками.
3. Оленье жаркое с горошком, фасолью, картофелем и брусничным вареньем.
4. Крем из морошки со сливками.
5. Крендель и марципан.

Последнее блюдо было приятным подарком кондитера экспедиции, которого мы не раз благодарили за его заботы.

И ко всему этому столь знаменитое мартовское пиво Рингнеса... Похоже ли это на обед людей, приучающих себя к ужасам полярной ночи?

К вечеру все были настолько сыты, что не могли даже дотронуться до обычного ужина, – пришлось его отменить. Позже было подано кофе со слоеным ананасным пирогом, медовыми пряниками, ванильными печеньями, кокосовыми пирожными и прочими рождественскими лакомствами – произведениями нашего неподражаемого кулинера Юлла. А на закуску – винные ягоды, изюм и миндаль.

Если привести еще меню праздничного завтрака, то получится полная картина. За завтраком подавались кофе, свежеспеченный хлеб, датское фермерское масло, рождественский торт, честерский и голландский сыры (один из них с тмином), бычачьи языки, солонина и апельсиновый мармелад. А если кто подумает, что этот завтрак был из ряда вон выходящим по случаю Рождества, то т ошибается. За исключением торта, это обычный завтрак.

Если ко всему изобилию добавить хорошее, надежное жилье, теплую кают-компанию, освещенную в те дни, когда не действует электричество, большой керосиновой лампой и несколькими поменьше, постоянное веселое настроение, игру в карты, сколько угодно книг и

иллюстрированных журналов, чтение, дающее много тем для разговоров, и, наконец, крепкий спокойный сон – можно ли желать большего?..

...Но, полярная ночь, ты похожа на женщину, пленительно прекрасную женщину с благородными чертами античной статуи, но и с ее мраморной холодностью. На твоём высоком челе, ясном и чистом, как небесный эфир, ни тени сострадания к мелким горестям человечества, на твоих бледных прелестных щеках не зардеет румянец чувств. В твои черные, как смоль, волосы, развевающиеся в пространстве по ветру, вплел свои сверкающие кристаллы иней. Строгие линии твоей горделивой шеи, твоих округлых плеч так благородны, но, увы, какой в них непреклонный холод. В целомудрии твоей белоснежной груди – бесчувственность льда, покрытого снегом. Непорочная, прекрасная, как мрамор, гордая, паришь ты над замерзшим морем; сверкающее серебром покрывало на твоих плечах, сотканное из лучей северного сияния, развевается по темному небосводу. И все же порою чудится скорбная складка у твоих уст и бесконечная печаль в глубине твоих темных глаз. Быть может, и тебе тоже знакома жизнь, жаркая любовь южного солнца? Или это отражение моего собственного томления? Да, я устал от твоей холодной красоты, я стосковался по жизни, горячей, кипучей! Позволь мне вернуться либо победителем, либо нищим, для меня все равно! Но позволь мне вернуться и снова начать жить. Здесь проходят годы; что они приносят? Ничего, кроме пыли, сухой пыли, которую развеет первый порыв ветра, новая пыль появится на ее месте, новый ветер унесет ее опять. Истина? Почему всегда так дорожат истиной? Жизнь – больше, чем холодная истина, а живем мы только один раз».

«Вторник, 26 декабря. Второй день Рождества. Сегодня -38 °С. Это самый холодный день за все время. Во время дальней прогулки к северу я нашел крепкое, затянутое молодым льдом озеро с открытой полыней в середине. Лед под ногами заколебался, и в полынь заплескались волны. Странно видеть игру лунных бликов, отражающихся на черных, как уголь, волнах, в памяти воскресают знакомые картины.

Прошел вдоль озера на север, и мне почудились сквозь дрожащую дымку лунного сияния контуры высокой земли. Я пошел по этому

направлению, но контуры расплылись в облачную грядку, просвечивавшую сквозь освещенный луной пар, подымавшийся из полыньи. С высокого тороса видно, что полынья эта тянется далеко на север, насколько хватает глаз.

Сегодня такой же праздничный день, как вчера. Обед из четырех блюд. Целый день с азартом пускаем взапуски стрелы в мишень. Приз – папиросы. Мишень и стрелы – рождественский подарок Йохансену от невесты».

«Среда, 27 декабря. После обеда задул ветер со скоростью 6–8 м в секунду, ветряная мельница снова вертится, и свет дуговых электрических ламп озаряет наше существование. По этому случаю Йохансен вывесил объявление на сегодняшний вечер: *«Стрельба в цель. В тире электрическое освещение и бесплатная музыка»*. Не следовало бы ему соблазнять людей, – и сам он и многие другие прострелялись в пух и прах, и пришлось им всем по очереди проститься с надеждой на папиросы».

«Четверг, 28 декабря. На некотором расстоянии от форштевня «Фрама» появилась новая широкая полынья, поперек которой свободно мог бы уместиться «Фрам». Ночью она затянулась льдом, в котором началось слабое сжатие. Прямо странно, до чего мы равнодушны к этим сжатиям, приносившим раньше полярным исследователям столько тревог. До сих пор мы не думали ни о каких мерах на случай несчастья: на палубе нет ни продовольствия, ни палаток, ни одежды. Это похоже на легкомыслие с нашей стороны, но на самом деле нет никаких оснований опасаться каких-либо бед от напора льда. Мы уже по опыту знаем, на что способен «Фрам», и свысока смотрим с борта нашего великолепного судна, как надвигаются на его бока ледяные валы, разбиваются, ломаются и поджимаются под судно, а затем из мрака катится новый вал, чтобы претерпеть ту же участь.

То здесь, то там с оглушительным грохотом поднимаются громадные льдины и грозно кидаются на шканцы, чтобы тотчас же потонуть, погрузиться в пучину, подобно своим предшественницам. Но временами все же, когда среди обычной мертвой тишины ночи раздаются

рев сильного сжатия, невольно вдруг вспоминаешь, какие несчастья приносили с собой эти необузданные силы.

Я читаю теперь описание экспедиции Кэна 1853 –1855 гг. Бедняга! Снаряжение у него было неважное; пуститься в путь с такими средствами было, на мой взгляд, непростительным легкомыслием. Почти все собаки у него подошли от плохого корма, люди болели с самого начала и по той же причине цингой, затем на них обрушились снежная слепота, обмораживания и прочие бедствия, какие только могут постигнуть полярных путешественников. Его почтительный страх перед арктической ночью поэтому вполне понятен. Немудрено, что он в своих записках говорит:

«Я чувствую, что мы ведем борьбу не на живот, а на смерть с непреодолимыми силами природы. И полярная ночь, и полярный день старят человека быстрее и неумолимее, чем целый год, проведенный где-нибудь в ином месте нашей многострадальной земли».

Далее он пишет, что цивилизованные люди не могут не страдать от полярной зимы. Поистине опыт у него был печальный. И не у него одного. Вспоминаю разговор с известным английским полярником; он тоже весьма пессимистически смотрел на условия жизни в Арктике и, в противовес моему глубокому убеждению, что цингу предотвратить можно, считал, что она неизбежна и что все экспедиции страдали от нее, хотя и называли ее по-разному. Несколько удивительный взгляд на вещи, как мне кажется. К счастью, я могу теперь утверждать, что такой взгляд неправилен; было бы интересно посмотреть – не пришлось ли изменить своего мнения им обоим, если бы они побывали здесь, у нас.

Со своей стороны могу сказать, что я не заметил на себе влияния полярной ночи, способного в каком-либо отношении состарить или ослабить, – напротив, я помолодел. Эта спокойная, размеренная жизнь действует благотворно, и я не могу припомнить себя когда-либо столь здоровым физически и уравновешенным духовно, как сейчас. Я готов порекомендовать полярные страны как отличный санаторий для слабонервных и надломленных, – говорю вполне серьезно. Мне почти стыдно той жизни, какую мы тут ведем, – никаких расписанных

мрачными красками бед и лишений, якобы неизменно сопутствующих долгой зимней ночи и каждой серьезной полярной экспедиции. Нам, когда вернемся домой, писать будет не о чем. О своих товарищах могу сказать лишь то же, что о себе: выглядят они здоровыми, дородными и сытыми, нет ни одного традиционного бледного и осунувшегося лица. И никаких следов уныния. Послушать только, как звенит смех в нашем салоне и как «шлепают по столу засаленные карты», – говоря словами песни, сочиненной Юллом. Да и с чего бы появиться здесь болезням? Питание у нас исключительно обильное и разнообразное, ешь сколько хочешь; каждый день подается что-нибудь новое, так что самым завзятым гурманам стол не успевает прискучить; хорошее жилище, теплая одежда, превосходная вентиляция; движение на свежем воздухе по желанию, никакого переутомления работой, хорошее занимательное чтение по всем отраслям, а для развлечения шахматы, домино, хальма,^[154] музыка, рассказы – как же тут чувствовать себя плохо. Время от времени можно услышать высказывания, говорящие о полном довольстве. А весь секрет в разумном снаряжении и особенно в выборе пищи.

Особенно хорошо действует то, что мы все живем вместе в одном помещении и что все у нас общее. Это первый такой опыт, насколько мне известно, и он удачен, его смело можно рекомендовать. Кое от кого я слышал жалобы на бессонницу.

Обычно ее считают неизбежной спутницей арктического мрака. Что касается меня, то могу сказать, что ничего подобного не испытываю; я сплю по ночам спокойно и крепко. Поэтому не очень-то верю в эту бессонницу. Но надо добавить, что я никогда не позволяю себе отдыхать после обеда, как это вошло в привычку у большинства моих товарищей; а раз они поспят несколько часов днем, трудно ожидать, чтобы им крепко спалось всю ночь. «Некоторую часть суток ведь надо бодрствовать», – полагает Свердруп».

«Воскресенье, 31 декабря. Вот подошел и канун Нового года. Да, долог был этот год и много принес с собой и хорошего и плохого. Начался он с хорошего – подарил мне маленькую Лив. Но как тяжела

была разлука... И с тех пор не оставляет меня это вечное внутреннее томление.

«Свободным хочешь от тоски и горя быть, —
Не должен на земле ты ничего любить».

Но стремление – это еще не самое худшее. Все хорошее и прекрасное вырастает в нас под его сенью; все исчезло бы, если бы мы перестали стремиться вперед...

Одряхлел ты теперь, старый год! Ты унес нас не так дале ко на Север, как следовало. Но, в сущности, могло быть и хуже, ты не так уж был плох. Разве надежды и расчеты наши не сбылись, даже в большей мере, чем мы ожидали? И разве не плывем мы как раз туда, куда я мечтал и надеялся? Одно нехорошо: дрейф наш оказался более извилистым, чем я ожидал.

Эта новогодняя ночь так прекрасна, как только может быть прекрасна новогодняя ночь. По всему небу, особенно на севере, горит разноцветными развевающимися лентами волшебное северное сияние. Тысячи звезд мерцают на синем ковре, расстилающемся между сполохами, и мертвенная ледяная равнина уходит безмолвно в ночной мрак. На небосводе резким силуэтом выступают темные, заиндевелившие мачты «Фрама».

В кают-компании оживление. Читаем газету; на этот раз в ней сплошь стихи, между прочим и следующие:

НОВОМУ ГОДУ

Здравствуй, мальчик! Покажи нам, что ты родня

Старому году и не унизишь

Своего высокого происхождения, но будешь смело бороться

За то, что получил хорошего в наследство.

Заметь хорошенько: мы не привыкли

Стоять на месте и только глядеть вперед.

В старом году мы плыли отлично

И того же хотим в этом году.

Смотри же, мальчик, разведи льды!

Смотри же, чтоб мы завоевали победу!

Смотри, чтобы мы рождественского поросенка
Зарезали в следующий раз уже по ту сторону
Северного полюса!

Сегодня вечером угощались ананасами, печеньем, винными ягодами и конфетами; около полуночи Скотт-Хансен принес пунш, а Нурдал – сигары и папиросы. В тот миг, когда старый год опочил, все встали, и мне пришлось произнести нечто вроде краткой речи. Я напомнил о том, что принес нам минувший год, – в сущности, одно хорошее; пусть в новом году будет не хуже; потом я поблагодарил всех за дружную товарищескую жизнь и за все доставленные друг другу радости и удовольствия; наконец, я выразил уверенность, что наша совместная жизнь в наступающем году будет столь же согласна и дружна, как в прошлом.

Затем мы спели песни, посвященные нам на прощальных вечерах в Христиании и Бергене:

Не плачь, родина-мать. Это от тебя
Сыны твои унаследовали страсть к путешествиям,
Которая увела их с обычного пути,
Научила держаться вдали от берегов.
Ты указала им на открытое море.
Своим мысом, как пальцем;
Ты наделила их сильным влечением
И окрылила их белыми парусами.
Да, это ты, наша отчизна-мать,
Вскормила таких молодцов,
И ты почувствуешь себя гордой и довольной,
Когда заключишь их в свои объятия.
И слезы радости упадут из глаз
Доброй старой матери,
Когда снова с веселой песнью
«Фрам» войдет в фьорд.

Затем я прочел последний привет с родины, телеграмму, полученную в Тромсё от профессора Мольтке Мо: [\[155\]](#)

Счастливым путь. Солнца над головами, Солнца в душе, Попутные ветры Пусть открывают ворота, Бегут вперед и расчищают Дорог у судну.

Пусть оно вперед подвигается,

И пусть громоздятся

Позади торосы и льдины!

Терпенья хватит, мужества тоже.

Хватит разума, рвения и стойкости.

Полюс достигнете,

Светлое знание в мир вы принесете.

Счастливого пути тебе и твоим товарищам.

Добро пожаловать быстрее в родные горы.

После этого достали томик стихотворений Винье ^[156] и долго читали и пели. Странно думать, что вот мы здесь уже празднуем смену старого года новым, а дома новый год наступит только через восемь часов. Сколько мыслей несется к нам оттуда сегодня вечером!

...Теперь почти четыре часа. Я хотел было подождать, пока и в Норвегии настанет новый год; но нет, лучше заберусь в постель, засну, и пусть мне приснится, что я у себя дома.

Итак, спасибо, старый год, за все – и за хорошее и за плохое».

«Понедельник, 1 января 1894 г. Год начался хорошо. Меня разбудил веселый голос Юлла. Он пожелал счастливого нового года и принес на подносе чашку великолепного турецкого кофе. Это рождественский подарок от невесты Скотт-Хансена.

Чудесная, ясная погода, – 38 °С. Мне чудится, что полоска зари на юге увеличивается; верхний край ее сегодня достиг 14° высоты над горизонтом.

В 6 ч вечера у нас сегодня был превосходный обед:

1. Суп с томатами.
2. Тресковая икра с картофелем и топленным маслом.
3. Олень жаркое с зеленым горошком, картофелем и брусничным вареньем.
4. Кисель из морошки, с молоком. Пиво Рингнеса.

Не думаю, чтобы такое меню говорило о больших страданиях и лишениях.

Лежу на койке. Пишу, читаю и мечтаю. Странное чувство овладевает человеком, когда в первый раз записываешь цифру нового года. Тогда впервые отдаешь себе отчет о том, что старый год канул в вечность, наступил новый год, и нужно быть наготове, чтобы вступить с ним в борьбу. Как знать, что он несет с собой. По всей вероятности, тоже и хорошее и плохое. Но больше хорошего. Станем ближе к цели и дому – иначе быть не может. Да, да. Приведи нас, если не к цели, – это было бы слишком скоро, – то по крайней мере поближе к ней; укрепи наши надежды. Но может быть... нет, обойдемся без «может быть»!.. Мои храбрые молодцы заслуживают того, чтобы мы добились успеха. В их сердцах нет места для сомнений; каждый из них всю свою душу вкладывает в то, чтобы двигаться вперед, к северу, я читаю это по их лицам, вижу по их глазам. Всякий раз, когда мы узнаем, что нас несет на юг, вырывается единодушный вздох разочарования, и вздох облегчения, когда несет на север, в область неведомого. Они верят мне и моим теориям. А что, если я ошибся, если я повел их по ложному пути? Но иначе поступить я не мог. Мы все – орудия высших сил. Рождаемся либо под счастливой, либо под несчастной звездой. До сих пор моя звезда была счастливой; неужто теперь она померкнет? Быть может, это суеверие, но я верю в свою звезду.

Парад для фотографирования

Слева направо: Амунсен, Хенриксен, Мугста, Блессиг, Свердруп

А ты, родина, что старый год подарил тебе и что несет тебе с собой новый? Размышлять об этом бесполезно. Я смотрю на наши картины, подарки Вереншельда, Мунтэ, Китти, Хьелланда, Скресвига, Ханстена, Эйлифа, Петерсена и чувствую себя на родине, н а родине».

«Среда, 3 января. Старая полынья приблизительно в 400 м впереди «Фрама» снова вскрылась, образовав широкое разводье, покрытое заиндевевшим льдом.

Когда лед образуется при такой низкой температуре, на его поверхности выступает крепкий рассол, который замерзает в виде красивых цветов, похожих на кристаллы инея. Температура держится между -39 °С и -40 °С. Если к этому морозу прибавить резкий студёный ветер со скоростью 3,5 м в секунду, то надо сознаться, что «в тени прохладно».

Сегодня мы со Свердрупом сошлись на том, что пора рождественским праздникам положить конец и приниматься за обычную работу. Чересчур долгое безделье вредно. Наша жизнь не особенно разнообразна и не слишком богата событиями; но мне кажется, в том и

состоит ее преимущество, что все ею довольны, принимая ее такой, какова она есть.

В машинном отделении еще идут работы; но через несколько дней чистка котла закончится, и тогда все там будет готово. После этого будем устанавливать в трюме токарный станок, а для него нужно выковать необходимые инструменты. «Кузнец» Ларе загружен работой; на баке часто пылает пламя в горне, которое бросает красные блики на обледенелые снасти, вздымающиеся к мерцающему звездами небу, и на пустынный лед вокруг корабля. Далеко разносятся в морозной ночной тиши звенящие удары молота о наковальню. Во время одинокой прогулки по льду еще издали слышишь эти знакомые звуки, видишь красноватые отсветы горна и невольно вспоминаешь другие, менее безлюдные места. А потом стоишь и смотришь. Вдруг на палубе скользнул свет фонаря, затем пополз по мачте кверху: это Йохансен лезет в дозорную бочку отсчитывать температуру.

Блессинг опять считает у нас красные кровяные шарики и исследует содержание в крови гемоглобина. Это кровожадное чудовище, презирая протесты противников вивисекции, каждый месяц цедит из нас кровь.

Скотт-Хансен со своим ассистентом занимается наблюдениями. Метеорологические наблюдения должны производиться каждые четыре часа, и это специальность Йохансена. Сначала он записывает показания термометра, гигрометра и термографа на палубе (впоследствии их перенесли на лед); затем показания барометра, барографа и термометра внизу в кают-компании; потом надо подняться наверх в бочку и посмотреть там минимальный и максимальный термометры (для измерения температуры в более высоких слоях воздуха) и, наконец, спуститься на лед для отсчета термометров, лежащих на снегу и дающих представление о лучеиспускании с поверхности, иногда вдобавок приходится заглянуть для измерения температуры в трюм. Аккуратно через день производится наблюдение над звездами, чтобы определить наше местонахождение и проследить за нашим черепашьим продвижением на север. Эти наблюдения при -30° и -40°C

представляют довольно сомнительное удовольствие. Стоять неподвижно на льду, работать с разными тонкими приборами, отвинчивая и завинчивая голыми пальцами металлические винты, не слишком приятно. Усердным наблюдателям частенько приходится похлопывать руками и попрыгивать взад и вперед, топая ногами. Исполнив вдвоем над нашими головами громоподобную негритянскую джигу, от которой трясся весь корабль, они спускались к нам вниз, и мы невинным тоном осведомлялись: не прозябли ли они там наверху? Этот вопрос всегда вызывал в кают-компании бурное веселье.

– Да нет, что вы, – отвечал Скотт-Хансен. – Погода удивительно мягкая и приятная.

– Но, может быть, у вас ноги немного озябли?

– Не могу пожаловаться, разве немножко пощипывало пальцы.

Скотт-Хансен недавно отморозил-таки два пальца и все же отказался носить костюм из волчьего меха, которые я велел выдать метеорологам. «Пока еще слишком мягкая погода, нехорошо нежиться», – заявил он. Однажды утром Скотт-Хансен, кажется в сорокаградусный мороз, выскочил на палубу производить наблюдения в одной рубашке и кальсонах. Ему, видите ли, некогда было одеться.

Через известные промежутки времени те же двое производят на льду магнитные наблюдения. Я вижу, как они стоят там с фонарями, нагнувшись над своими приборами, потом вдруг пускаются бешеным аллюром по льду, чуть не распластываясь на бегу и размахивая руками, как мельница крыльями при ветре скоростью 10–12 м в секунду. Но спросите их и услышите: «Право, не так уж холодно».

Невольно вспоминаются утверждения участников прежних экспедиций, будто при такой температуре «невозможно производить наблюдения». Но наших ребят, очевидно, «такой» температурой не проймешь; требуются морозы покрепче. В паузах между наблюдениями и вычислениями слышу громогласный разговор в каюте Скотт-Хансена, – это значит, что шеф накачивает своего ассистента сведениями по астрономии и навигации.

Ужас, до чего у нас пристрастились к картам. Демон картежного азарта свирепствует вечерами в кают-компании до поздней ночи. Даже наш почтенный Свердруп одержим теперь этим бесом. Правда, товарищи еще не проигрались до последней рубашки, но хлеб свой насущный они проигрывают друг другу в буквальном смысле этого слова; двое бедняг должны теперь целый месяц обходиться черствым, так как проиграли партнерам свои порции свежего хлеба. И тем не менее игра в карты остается у нас здоровым и невинным развлечением, всегда вызывающим много шуток и веселья.

Есть ирландская поговорка: «Будь счастлив, а если не можешь быть счастливым, будь беспечен; если же не можешь быть беспечным вообще, то будь беспечным насколько можешь». Это – хорошая житейская мудрость, которая... нет, к чему тут пословицы? Они здесь ни при чем, когда жизнь в общем и целом течет счастливо. Амунсен вчера воскликнул вполне искренно: «Ну, не говорил ли я, что мы самые счастливые люди на белом свете! У нас нет никаких забот, нам все дается без труда, всегда из всех затруднений мы выходим здоровыми и невредимыми». «Да, – согласился Скотт-Хансен, – мы ведем, несомненно, беззаботную жизнь». А через некоторое время Юлл подтвердил со своей стороны в не менее сильных выражениях то же самое. Кажется, его больше всего восхищает то, что здесь нет вызовов в суд, не существует никаких долговых обязательств и никаких кредиторов. А я сам? О да, и я скажу, что мы живем без забот, ничто нас не обременяет – никаких писем, газет, никаких помех. Чисто отшельническая жизнь, далекая от мира; такая, о какой я мечтал юношей, жизнь, позволяющая человеку спокойно отдаться своим занятиям и труду. Я тоже счастлив. Тоска, пусть даже самая глубокая, самая томительная, не может назваться несчастьем. Во всяком случае, человек не имеет права не быть счастливым, раз судьба дает ему полную возможность жить согласно своему идеалу, избавляет от повседневной прозы будней, чтобы он с ясным взором мог стремиться к другим, более высоким целям...

«Где труд, там и победа», – сказал один поэт из страны труда. Да, я работаю, не щадя сил, – стало быть, и победа не заставит себя ждать. Лежа на диване, читаю о злоключениях Кэна, пью мартовское пиво и курю папиросы, – да, я должен признаться, что погряз в этом пороке, который раньше сам так сильно осуждал. Но плоть че ловеческая слаба. И вот я пускаю облака дыма у себя в каюте, предаваясь приятным мечтам. Это, правда, трудная работа, но стараюсь выполнить ее возможно лучше».

«Четверг, 4 января. Заря как будто становится все заметнее; но, возможно, это всего лишь воображение. В общем у меня на сердце легко, хоть дрейфуем снова на юг. Но что за беда, в сущности? Пользы для науки это, быть может, дает не меньше, и, в конце концов, если хорошенько разобраться, то достижение или недостижение Северного полюса лишь вопрос тщеславия. Ведь теперь я, во всяком случае, имею приблизительное понятие о том, каково должно быть на полюсе («благодарю покорно», – скажет читатель).

Несомненно, глубокое море, над которым мы сейчас находимся, связано с глубинами Атлантического океана и является его составной частью. Я уже убедился, что все полностью согласуется с моими расчетами – когда ветер дует попутный. Разве этого мало для начала? Ведь многим и до нас приходилось ждать ветра. А тщеславие? Это детская болезнь, от которой вылечиваешься с го дами и которую теперь нужно преодолеть.

Расчеты оказались правильными, за одним исключением. Мы прошли вдоль берегов Азии, где многие пророчили нам большие трудности; зашли на север дальше, чем я мог допустить в самых дерзких своих мечтах, и находимся как раз на той долготе, как я желал; мы вмерзли в лед совершенно так, как я того хотел. «Фрам» великолепно выдержал все сжатия, и при каждом напоре льда легко выскальзывает кверху, хотя он тяжело нагружен углем и сидит глубже, нежели предполагалось. И это несмотря на то, что самые опытные люди сулили ему при таких обстоятельствах верную гибель. Лед, встреченный нами, оказался не тяжелее и не менее проходимым, чем я предполагал.

Последнее и самое главное: удобство жизни, теплота в помещениях и вентиляция не заставляют желать ничего лучшего, в снаряжении экспедиции до сих пор так же не ощущается никаких пробелов, провиант взят превосходный. Несколько дней назад Блессинг и я сошлись во мнении, что мы питаемся здесь не хуже, чем дома; у нас нет недостатка ни в чем; у нас не текут слюнки даже при мысли о бифштексе а ля шатобриан или свиной отбивной с шампиньонами и с бургундским. Мы просто равнодушны к таким вещам.

Снаряжение экспедиции стоило нескольких драгоценных лет моей жизни, но я о них нисколько не жалею; эти годы потрачены не зря; мы добились того, чего хотели. Мы проводим зиму во льдах, и жизнь эта не только во всех отношениях лучше, чем в предыдущих экспедициях, но совсем такая же, будто мы захватили с собой в плавание маленький уголок Норвегии или Европы. Живем все вместе, все у нас общее, все мы вместе составляем небольшую частицу родины и с каждым днем все сильнее привязываемся друг к другу.

Только в одном пункте, и, к сожалению, одном из важнейших, расчеты не оправдались. Я предполагал встретить здесь мел ководное полярное море, так как наибольшей известной до сих пор глубиной в этих областях считалась глубина в 150 м, установленная «Жаннеттой». На этом основании я полагал, что все течения здесь ярче выражены, а течение, образуемое сибирскими реками, относит лед на порядочное расстояние к северу. И вдруг мы нашли здесь такую глубину, что ни один наш лень не достает дна, глубину, по крайней мере, в 1800 м, а может быть, и вдвое большую. Это сразу уничтожает всякую надежду на большое влияние течений. Мы или во все не найдем никакого течения или же найдем крайне незначительное; вся моя надежда теперь на ветры. Колумб открыл Америку благодаря неправильным расчетам, в чем он сам даже не был виноват. Кто знает, к чему приведет моя ошибка? Но я повторяю еще раз: сибирский плавник у берегов Гренландии обманывать не может, и мы должны проделать тот же путь, что и он».

«Понедельник, 8 января. Сегодня нашей маленькой Лив исполнился год. Там, дома, конечно, большой праздник. Ах, чего бы я ни

дал, чтобы увидеть тебя сегодня! Я представляю себе, как ты хлопаешь в ладошки, смеешься, лепечешь и ползаешь, а быть может, и ходишь немножко. А ты, наверное, уже давно меня забыла и не подозреваешь, что у тебя есть отец. Да и узнаешь ли ты об этом когда-нибудь?

После обеда я, лежа на диване, читал, как вдруг Педер просунул голову в дверь каюты и попросил меня подняться наверх посмотреть на необычайную звезду, только что показавшуюся над горизонтом и яркую, как маяк. Я был совершенно ошеломлен, когда, выйдя на палубу, увидел сильный красный огонь над самым краем льда на юге. Он мигал, меняя оттенки, будто кто-то шел с фонарем по льду. На мгновение я забыл, где нахожусь, и мне показалось, что с юга действительно идет кто-то. Это была Венера, мы сегодня увидели ее впервые, так как раньше она находилась под горизонтом. Красное сияние ее чудесно. Странно, что она возшла именно сегодня. Должно быть, это звезда Лив, так же как Юпитер – звезда моего родного дома. Юпитер сияет день за днем тем же манящим ясным светом; сегодня, как и год назад, когда я находился еще далеко на юге, он стоял как раз над мачтами «Фрама», мерцанием своим как бы указывая на север. Он – око, следящее за нашим путешествием.

День рождения Лив – счастливый день для нас: опять пошли на север. По нашим определениям, находимся, по крайней мере, на 79° северной широты. В день моей свадьбы, 6 сентября, подул попутный ветер, благодаря которому мы прошли вдоль берега; а день рождения Лив не даст ли начало попутному ветру, который понесет нас к северу? Быть может, под ее звездой он будет дуть с большой силой, – она ведь стоит еще низко, но будет подниматься каждый день».

«Пятница, 12 января. Около 10 ч утра замечена была подвижка льда в полынье перед судном, но когда через некоторое время я отправился туда, никакого движения не обнаружил. Прошелся немного к северу вдоль полыньи. При сорокаградусном морозе и ветре, который дует прямо в лицо со скоростью 5 м в секунду, довольно свежо. Но теперь под счастливой звездой Лив нас быстро несет на север. В конце концов мне все же далеко не безразлично, несет ли нас на север или на юг. Когда «Фрам» идет к северу во мне словно пробуждаются новые

силы и вечно юная надежда пробивается, как молодая зеленая травка из-под толщи зимнего снега. Я вижу тогда перед собой открытую дорогу, вижу и далекое будущее – возвращение домой, и это столь чудесно, что боязно даже верить в это».

«Воскресенье, 14 января. Снова воскресенье. Время бежит, и день все прибывает.

Пока вычислялись наблюдения за вчерашний вечер, все сильно волновались, гадая, как далеко мы продвинулись на север. Многие полагали, что должны теперь быть примерно на $79^{\circ}18$ или $79^{\circ}20$, но, по-видимому, некоторым представлялось, что мы уже на 80° . Вычисления дали $79^{\circ} 19$ северной широты и $137^{\circ}31$ восточной долготы. Хороший шаг вперед!

Вчера лед был спокоен, но утром в различных направлениях замечен довольно сильный напор льдов; одному Богу известно, почему теперь происходят сжатия, – ведь прошла уже целая неделя после новолуния.

Я совершил большую прогулку на юго-восток и очутился как раз в полосе сжатия. Внезапно вокруг того места, где я стоял, льды стали напирать. Подо мной и вокруг мгновенно все загрохотало, и со всех сторон задвигались глыбы. Это было так неожиданно, что я вскочил и, как заяц, побежал, будто никогда раньше не слышал ничего подобного. Дальше к югу лед был удивительно ровный. И чем дальше, тем ровнее; замечательный санный путь. По такому гладкому льду можно сделать за день много миль».

«Понедельник, 15 января. Утром и в полдень было сжатие впереди судна, хотя грохотало больше в северной стороне. Свердруп, Мугста и Педер ходили в этом направлении, и им преградила путь большая открытая полынья. Немного спустя я с Педером отправился дальше на ССВ мимо большого разводья, у которого побывал перед рождеством. Здесь блестящий гладкий лед, великолепный санный путь, итак, дальше на север дорога становится все лучше.

Чем больше я хожу и присматриваюсь к этому льду по всем направлениям, тем больше у меня зреет план, который уже давно

занимает мои мысли. По такому льду можно на санях и собаках попытаться достигнуть полюса, если, конечно, совсем покинуть корабль и обратный путь совершить через Землю Франца-Иосифа, Шпицберген или по западному берегу Гренландии. Это будет даже не такой уж трудный путь для двоих мужчин...

Конечно, пускаться в путь этой весной было бы слишком опрометчиво. Сначала нужно посмотреть, куда и как далеко на север понесет нас летом. Кроме того, меня мучают сомнения: правильно ли будет с моей стороны покинуть товарищей? Подумать только – вдруг я вернусь домой, а они нет? Но, с другой стороны, разве я отправился в экспедицию не для исследования неизвестных полярных областей? На это жертвовал свои деньги норвежский народ. Значит, первая моя обязанность – сделать все, что в моих силах, для достижения этой цели или по крайней мере для получения наибольших результатов в этом направлении. Ну, посмотрим еще, а выход на крайний случай у нас есть».

«Вторник, 16 января. Лед сегодня неподвижен. Не тупеет ли человек от тоски? Или же она в конце концов ослабевает, гаснет? Одолевают мысли о пустоте жизни вдали от дома. Не влияние ли это весны, которая рождает жажду действия, чего-то иного, поновее нашего вялого прозябания? Разве душа человека – не сборище чувств и настроений, безотчетных, изменчивых, как порывы ветра. Быть может, я устал. Денно и ночью мои мысли вертятся вокруг одного и того же – возможности пройти через полюс и вернуться домой. Быть может, мне нужен теперь покой и сон. Или я боюсь рисковать жизнью? Нет, не то. Но что же меня тогда удерживает? Тайное сомнение в выполнимости плана? Ничего не понимаю, все перепуталось, я сам для себя стал загадкой. Я устал и все же почти не ощущаю усталости. Или, может быть, это происходит оттого, что ночью я долго читал в постели? Но все вокруг меня и во мне опустело. Смотрю на картины, взятые из дому, и на меня вдруг глупейшим образом нападает какая-то тупая грусть. Заглядываю в будущее, и мне начинает казаться, что совершенно все равно – вернусь я домой этой или будущей осенью – лишь бы знать

вообще, что когда-либо да вернусь, через год или два безразлично. Прежде я так никогда не думал. Теперь у меня нет желания ни читать, ни заниматься живописью, ничем на свете... Глупости! Может быть, пойти почитать Шопенгауэра. Нет, лучше лягу в постель, хотя спать не хочется. Видимо, я на самом деле хочу теперь чего-то гораздо большего, чем когда бы то ни было. Единственное, что помогает мне, это дневник – попытка высказаться на этих листках и потом посмотреть со стороны на самого себя. Нет, жизнь человека – лишь смена настроений, состоящих из воспоминаний и надежд».

«Четверг, 18 января. Начинаясь вчера ветер дул сегодня в течение всего дня с ЮЮВ, ЮВ и ВЮВ со скоростью 5–6 м в секунду. Наверное, он значительно продвинул нас к северу. Но теперь, кажется, совсем стихает; к полуночи ветер упал до 4 м, а барометр, который все время поднимался, вдруг стал падать: лишь бы мы не попали в максимум и не подул бы ветер с севера.

Интересно, что при таких сильных ветрах всегда наблюдается повышение температуры; сегодня термометр показывает почти -25 °С. Вообще же южный ветер, даже при малой скорости, приносит похолодание, а умеренный северный, напротив, – потепление.

Пайер считает причиной такого повышения температуры нагревание воздуха при прохождении его над открытыми пространствами воды. Это, однако, едва ли правильно, по крайней мере в данном случае, так как полыней вокруг нас немного или их даже совсем нет. Я скорее склонен думать, что повышение температуры обуславливается опусканием воздуха более высоких слоев вниз, ближе к поверхности земли. Известно, что верхние слои воздуха теплее, чем нижние, где температура понижается от соприкосновения со снеговой и ледяной поверхностью, охлажденной лучеиспусканием. Наши наблюдения вполне это подтверждают. К тому же опускающийся вниз воздух адиабатически нагревается. [\[157\]](#) Сильный ветер, даже если он возникает не в верхних слоях атмосферы, неизбежно вызывает хотя бы небольшое перемешивание воздушных масс.

Ночью мне приснился странный сон, будто бы я приехал домой. Во мне еще сильно ощущение трепетной, смешанной со страхом радости, с которой я приближался к родным местам, к первой телеграфной станции. Я выполнил свой план, достиг полюса и оттуда добрался до Земли Франца-Иосифа. Но ничего, кроме дрейфующих льдов, я там на полюсе не увидел. И когда люди спрашивают меня, каково там и почему мы знаем, что были у самого полюса, – я не знаю что отвечать. Я забыл сделать точные наблюдения и только теперь начал соображать, как все это глупо у меня вышло.

Странно, что мне приснился почти такой же сон, когда мы неслись на льдинах вдоль восточного берега Гренландии и, казалось, все дальше удалялись от нашей цели. В тот раз мне тоже снилось, будто я вернулся домой, перейдя ледяное поле Гренландии, но мне было стыдно, что я не могу рассказать ни о чем из виденного на пути, – я все забыл. Не кроется ли доброе предзнаменование в сходстве этих двух снов? Первой цели, как ни мрачны были перспективы, я достиг. Может быть, удастся достигнуть и второй? Будь я суеверен, я бы определенно поверил в это предзнаменование. Но хотя я совсем не суеверен, у меня крепнет твердое убеждение, что предприятие наше должно удалиться. Это убеждение – не только результат двухдневного южного ветра, но какой-то внутренний голос уверяет меня, что мы завоюем успех. И я смеюсь теперь над собой, над своими сомнениями, над своими минутными слабостями.

Я способен часами сидеть, смотреть на яркий свет лампы и мечтать, как при возвращении, весь дрожа от нетерпения, едва держась на ногах от волнения, подхожу к первой телеграфной станции, пишу одну телеграмму за другой, спрашиваю телеграфного чиновника, не слышал ли он о моих домашних, как они живут...»

«Пятница, 19 января. Великолепный ветер со скоростью от 4 до 9 м в секунду; значит, быстро несемся на север. Заря к полудню разгорается таким ярким заревом, что будь мы в более южных широтах, можно было бы ожидать с минуты на минуту что над горизонтом взойдет во всем

своем великолепии лучезарное солнце; нам же придется подождать еще с месяц».

«Суббота, 20 января. Велел вынести из трюма на бак около 270 кг пеммикана и примерно 90 кг хлеба. Явно неблагоприятно не иметь на палубе немного провианта на случай пожара или другого непредвиденного происшествия».

«Воскресенье, 21 января. Совершили большую прогулку к северо-западу, по этому направлению лед тоже оказался довольно ровным. На некотором расстоянии от корабля я и Свердруп поднялись на большой торос. В этом месте происходило сильное сжатие, но торос в самом высоком месте имел не более 5–6 м высоты, и все же это один из самых высоких, виденных до сих пор.

Вечернее измерение высоты луны дало 79°35 северной широты; я так и предполагал. Мы теперь настолько привыкли определять направление дрейфа в зависимости от ветра, что довольно точно можем сказать заранее, где находимся. Сделан, значит, добрый шаг на север. Побольше бы таких...

В честь дня рождения короля у нас пир: винные ягоды, изюм и миндаль».

«Вторник, 23 января. Утром, когда я поднялся на палубу, Кайфас сидел на льду с левого борта корабля и не переставая лаял на восток. Я понял, что там есть что-то, и, послав вперед собаку, побежал за ней с револьвером; немного спустя присоединился Свердруп, тоже с револьвером. Когда я нагнал Кайфаса, он бросился навстречу и тотчас же опять повернул к востоку, продолжая лаять. Потом пустился бежать по тому же направлению впереди нас. Очевидно, он учуял там зверя, и, разумеется, медведя. На севере низко стояла полная красная луна, бросая слабые косые лучи на торосистый лед. Я пристально высматривал зверя во всех направлениях – не выглянет ли он где-нибудь из-за торосов, отбрасывавших длинные изломанные тени, но ничего не мог различить в этом хаосе льдов. Продолжали идти, впереди бежал Кайфас, насторожив уши, ворча и лая. За ним я, ежеминутно ожидая, что вот-вот перед нами вынырнет медведь.

Двигались на восток вдоль полыньи. Вдруг собака стала идти осторожнее, потом она остановилась, перестала лаять и лишь потихоньку ворчала. Ясно было, что приближаемся к зверю. Взобравшись на торос и оглядевшись кругом, я заметил какой-то темный предмет, который то нырял, то всплывал среди ледяных глыб и как будто двигался на нас.

– Там какая-то черная собака, – сказал я.

– Нет, это медведь, – возразил Свердруп, который стоял несколько в стороне и видел со своего места лучше.

Теперь и я разглядел, что это крупный зверь; с головы я принял его за собаку. Ухватками-то он походил на медведя, но, как мне казалось, для медведя был слишком темной масти. Но, если это не собака, значит – медведь, пусть даже черный. Я выхватил револьвер и бросился вперед, собираясь всадить в зверя все заряды, если понадобится. Но когда я уже находился в нескольких шагах от него и уже приготовился стрелять, вдруг зверь поднялся на дыбы, и я увидел, что это морж. В тот же миг он бросился в сторону и исчез в полынье. Мы так и застыли на месте. Палить в такого молодца револьверными пулями – все равно, что поливать гуся водой.

Немного спустя в лунной полосе на фоне темной воды снова обрисовалась огромная черная голова. Морж долго глядел на нас, нырнул, подплыл под водой поближе, вынырнул, стал раздувать ноздри, потом спрятал голову в воду и еще ближе подвинулся к нам. Можно было прийти в бешенство; будь у нас с собой гарпун, ничего не стоило всадить его зверю в спину. Да, если б...

Мы со всех ног бросились бежать назад к «Фраму», чтобы захватить гарпун и ружье. Но гарпун и линь разыскались не сразу. Их запрятали подальше, не предполагая, что придется так скоро их доставать. Кроме того, гарпун еще нужно было заточить. Все это заняло время, и сколько мы потом ни ходили вдоль полыньи, и к востоку и к западу – моржа обнаружить не удалось. Кто его знает, куда он исчез, ведь, кроме этой полыньи, далеко кругом нет ни одного отверстия во льду.

Мало толку было теперь нам со Свердрупом злиться на себя за то, что сразу не догадались, какой мог там оказаться зверь; тогда бы он наверняка не ушел от нас. Но кто же мог ожидать здесь, среди сплоченных льдов, над тысячесаженной глубиной темной полярной ночью встретить моржа? Никто из нас не слыхал никогда ни о чем подобном; этот факт для меня – полнейшая загадка. Пришло на ум, что, быть может, мы попали на мелководье или оказались вблизи какой-нибудь земли, и поэтому после обеда велел сделать промер глубины. Спустили 240-метровый линь; дна, однако, не достали.

По вчерашним наблюдениям, находимся на 79°41 северной широты и 135°29 восточной долготы. Широта хорошая. И ничего не поделаешь, если нас при этом относит немного на запад; в общем счете это пустяк. Вечером облака быстро несутся на север, гонимые сильным южным ветром; надо ожидать, что скоро и нас понесет добрый попутный ветер; пока же с юга дует лишь слабый, едва ощущаемый бриз. Но и такой ветерок, едва только он подымет, окрыляет нас, сулит подвинуть на север и приносит на судно хорошее настроение.

Полынья за нашей кормой идет примерно с востока на запад. Когда ходили искать моржа, то на западе не обнаружили конца ее; Мугста и Педер отходили от судна на полмили к востоку. Но и там полынья оставалась такой же широкой».

«Среда, 24 января. Сегодня вечером за ужином Педер рассказал несколько замечательных историй из своей жизни на Шпицбергене и об одном из своих товарищей, Андреасе Беке.

– Так вот, понимаешь, это было на Голландском, или Амстердамском, острове. [\[158\]](#) Мы с Андреасом сошли на берег. Ходим и бродим это между могил, и взбреди нам вдруг на ум взглянуть, – что в них такое; мы возьми да взломай несколько гробов. И что ты думаешь – они были там. У многих еще на скулах и на носу уцелело мясо; другие так даже лежали с шапкой на голове. Ну, Андреас, видишь ли, был с чертями запанибрата, он как двинет палкой по черепам, они во все стороны и покатались. А потом взял несколько штук, насадил на палки да и давай палить в них. Потом ему пришло на ум поглядеть, есть ли у

мертвецов мозг в костях, и он возьми да обломай одному бедро. И там был-таки мозг, провалиться мне на этом месте. Андреас взял и выковырял его щепкой.

– Да как у него духу хватило?

– Так это же, понимаешь, какой-то голландец был. Ну, а ночью Андреасу вдруг сон приснился страшный, все мертвецы пришли за ним и хотели схватить его, да он удрал от них на бом-кливер^[159] и, сидя там, орал, как полоумный. Мертвецы выстроились перед ним на баке, и впереди всех тот, у кого он обломил бедро. Он приковылял и требовал, чтобы ему поставили бедро на место. Тут Андреас и проснулся. А, видишь ты, мы с ним спали на одной койке. Я сидел на койке и до слез хохотал, слушая, как он орет. Будить его я не хотел, – было интересно слушать, как ему круто приходится, понимаешь.

– А ведь это плохо было с твоей стороны, Педер, принимать участие в таком кощунстве над трупами?

– Так я же ничего худого мертвецам не делал. Я только один раз разбил гроб, чтобы разжиться дровишками и кофе вскипятить. Но когда открываешь гроб, труп ведь рассыпается прахом. А дерево было такое маслянистое, жирное, как самая роскошная сухая, смоляная сосна: и костер же мы развели! Кофе получилось – кипяток...

Один из слушателей долго сидел, погрузившись в размышления, а потом спросил:

– Ты говоришь: он двинул палкой по черепам, и они покатались. Какие такие черепа?

– Черепа? Ты что, не знаешь, какие бывают черепа? Череп – так он и есть череп... Был один лопарь, он из черепа, как из чашки, кофе пил...

Взрыв смеха.

– Вот так чашка, черт побери!

– Да, вишь ты, у него другой не водилось, понимаешь. Вот он и приспособил себе такую; чем не чашка?

– Н-да, – завел Якобсен рацею, – это у них обычай такой: стрелять в черепа, как в мишень; находят особое удовольствие стрелять по

черепам, что ли, или за неимением другой мишени, или еще по какой другой причине. Стреляют в глазные дыры.

Я спросил Педера о гробе Тобисена, ^[160] не вырывали ли его когда-нибудь, чтобы убедиться, верно ли, что его и его сына убила собственная команда.

– Нет, его никогда не вырывали.

– Я, видите ли, заходил туда в прошлом году, – завел опять Якобсен, – но на берег не съезжал. Кажется, однако, насколько припоминаю, его однажды все-таки вырыли.

– Вырыли? Э, вздор! Его никогда не вырывали.

– Да, – сказал я, – мне сдается, я тоже слышал что-то в этом роде. И даже, кажется, именно здесь слышал, на «Фраме». Не ты ли это рассказывал, Педер?

– Н-нет, никогда я не говорил ничего такого. Я говорил только, что кто-то проткнул гроб гарпуном и что он до сих пор торчит там.

– Зачем же он это сделал?

– А он хотел знать, если ли что-нибудь в гробу, и не хотел его открывать, понимаешь. Пусть его, значит, лежит, где лежит».

«Четверг, 25 января. Педер и я прошли сегодня около 12 км на восток вдоль полыньи и обнаружили, что она упирается в гряду старых сдвинутых торосов; длина ее в общем более 13 км. Когда возвращались, лед пришел в движение, все время он напирал, порой довольно сильно. Передвигались по молодому льду, образовавшемуся в разводье, он гнулся и беспрестанно трещал под ногами. С обеих сторон бывшей полыньи на глазах росли высокие ледяные гряды, так что шли как бы по улице, на которой не смолкал шум: то слышался визг и вой, похожий на вопли замерзающей собаки, то разносился гром и грохот, подобный реву могучего водопада. В нескольких местах вынуждены были спасаться бегством и перебираться на старый лед, так как попадалась открытая вода, по которой кружили обломки льда, или же начиналось сжатие льда поперек разводья и ледяной вал, точно застывшая волна, преграждал нам дорогу.

Лед к югу от «Фрама», казалось, сдвигается к востоку, или же по северной стороне судна лед несет к западу. Во всяком случае льдины переместились друг относительно друга.

Видели следы небольшого медвежонка, который накануне проходил вдоль полыньи. К сожалению, он отправился на юго-запад и у нас из-за непрерывного южного ветра мало надежды, что он почует судно и придет полакомиться чем-либо съедобным».

«Суббота, 27 января. День заметно прибывает: теперь в середине дня даже можно читать «Verdens Gang» при дневном свете.

Около полудня Свердрупу показалось, что он видит за кормой землю, темную, неровную и местами довольно высокую; впрочем, он допускал, что это мог быть и мираж. Я около часу вернулся с прогулки и сразу поднялся на мачту, но не обнаружил ничего, кроме льдов и полосы тумана. Быть может, эта полоса тумана и смутила Свердрупа. Но возможно, что я пришел слишком поздно. (На следующий день мы убедились, что это был мираж.)

Вечером происходило сильное сжатие. Началось оно в 7 ч 30 мин в полынье за кормой и продолжалось ровно 2 ч. Раздавался грохот, словно от водопада необычайной силы. Слышно было, как тяжелые льдины раскалывались и с шумом разбивались одна о другую; они опрокидывались, громоздились высокими валами, которые, должно быть, протянулись вдоль всей полыньи и на запад и на восток. Грохот сжатия слышится со всех сторон; вот он все ближе и громче, и вдруг судно начинает сотрясаться от сильных толчков, словно волны идут по льду от кормы к носу судна. Вглядываюсь в ночь, но не видно ни зги. Внезапно затрещал и зашевелился торос с правого борта; треск растет и ширится... наконец, гул водопада немного ослабевает, становится прерывистым, и ничего страшного в нем уже нет; паузы между раскатами увеличиваются.

Я достаточно иззяб и спустился вниз. Но едва я уселся и приготовился писать, как пол подо мной снова затрясло, а за стенками корабля явственно зарокотал гул нагромождающихся льдин. Медвежьему капкану грозила опасность, и трое из нас отправились посмотреть, что

там творится. Оказалось, что сжатие происходит на расстоянии пятидесяти шагов от стального троса, которым укреплен капкан, и можно оставить капкан на месте. Нагромождения льда, несмотря на то что в темноте ничего толком нельзя разглядеть, производят жуткое впечатление.

Опять начинается сильное сжатие; нужно выйти наверх посмотреть. Едва откроешь дверь, в нее врывается рев водопада. Теперь он грохочет и впереди судна и где-то за кормой. Очевидно, лед сжимает и громоздит по обе стороны полыньи; если ледяные валы сблизятся, они стиснут корабль и он поднимется из воды легко и грациозно, как молодая девушка. С обеих сторон ледяные валы совсем близки от нас.

Затрещала снова старая ледяная глыба с левого борта; треск усиливается, и, насколько я могу разглядеть, глыба медленно поднимается. Поперек большой льдины с левого борта судна вскрылась полынья, в ней заблестела черная вода. Сжатие усиливается. Вокруг нас со всех сторон грохот и рев; судно вздрагивает, и я чувствую, что сам медленно поднимаюсь над ледяными барьерами вместе с кормой, на которой стою, созерцая хаос льдов. Ледяные валы походят на исполинских змей, которые извиваются и перевивают огромные свои тела под тихим, усеянным звездами небом, покой которого нарушают лишь мятущиеся, полыхающие языки северного сияния на северо-востоке.

И снова мысль о «Фраме» наполняет сердце чувством бодрой уверенности, и я с некоторым презрением смотрю на это бесцельное буйство природы.

Вдруг я вспомнил о превосходном термометре, установленном в пробуренном во льду отверстии против левого борта; он теперь находится по ту сторону полыньи и, несомненно, в опасном положении. Я спрыгнул вниз на лед, выбрал место, где можно перескочить через полынью, и стал шарить в потемках до тех пор, пока не нашел льдину, которой было прикрыто отверстие; тяну за шнурок, и – термометр спасен. Довольный, возвращаюсь назад на корабль и спускаюсь в теплую каюту, чтобы мирно выкурить трубку, – как ни прискорбно, приходится

сознаться, что этот порок все больше и больше укореняется во мне. С наслаждением прислушиваюсь к шуму за стенками корабля; от него все содрогается, как при сильном землетрясении, а я вот сижу тут и спокойно пишу дневник. Мы чувствуем себя в полной безопасности в наших уютных каютах, и я не могу не подумать с чувством глубокого сожаления о всех тех, кто плавал на плохих кораблях и вынужден был в часы таких сжатий подолгу стоять на палубе в полной готовности при первой опасности покинуть свое уютное судно и искать спасения на льду. Бедный экипаж «Тегеттгофа» – несладко ему приходилось временами; а у этой экспедиции все-таки был хороший корабль по сравнению со многими другими. Теперь половина двенадцатого, и шум снаружи, кажется, утихает.

Странно, что это сильное сжатие происходит именно теперь, хотя луна в последней четверти и прилив сейчас как раз квадратурный; [\[161\]](#) это плохо вяжется с нашими прежними наблюдениями. Следует отметить, что третьего дня напор льда наблюдался от 12 до 2 ч пополудни, потом в 2 ч ночи, и теперь мы его наблюдаем от 7 ч 30 мин до 10 ч 30 мин вечера. Не играет ли здесь роли какая-нибудь земля?

Температура сегодня $-41,4^{\circ}\text{C}$, но ветра нет, и погода, какую мы давно уже не видали, – самая приятная для прогулок здесь, на севере, где в безветрие она кажется почти мягкой.

Нет, напор льда еще не окончился. Когда я без четверти двенадцать был на палубе, сжатие опять началось вблизи кормы. Потом стали раздаваться один громовой удар за другим; судно дернулось, затем немного осело, и снова водворилась тишина. Слабое северное сияние».

«Воскресенье, 28 января. Странно, что целый день не было сжатия; вечером его тоже нет; лед кажется совершенно спокойным. По торосам видно, что вчера за кормой сжатие происходило довольно сильное. В одном месте вал достиг высоты 6 м над поверхностью воды; [\[162\]](#) это раскололось ледяное поле мощностью до 2,5 м, и огромные четырехугольные глыбы взгромоздились одна на другую перемежку с

мелкобитым льдом. В одном месте огромная глыба стала торчком, словно мощный надгробный монумент.

За этим ледяным барьером не видно сколько-нибудь значительных разрушений; лишь кое-где наторосило лед, да ледяное поле с левого борта пересекли четыре или пять огромных трещин; они, вероятно, и были причиной треска, который слышался вечером. С правого борта лед тоже во многих местах треснул. Очевидно, напор льда шел с С или же ССВ и отличался чрезвычайной силой; образовавшийся за кормой торос один из самых высоких, какие я вообще когда-либо видел. Мне думается, что если бы «Фрам» стоял в том месте, он был бы выжат наверх целиком. Прошел некоторое расстояние на северо-восток, но там никаких следов сжатия не обнаружил.

Итак, снова воскресенье. Хорошо, что время проходит так быстро. Настроение неплохое, – должно быть, потому, что непрерывно движемся на север. По предварительному вычислению сегодняшнего наблюдения, мы уже под $79^{\circ}50$ северной широты. С понедельника это небольшой шаг вперед, но вчера и сегодня почти штиль, да и вообще ветер слабый; только один или два раза скорость его доходила до 3 м, остальное время только 1 и 2 м. Благодаря свету время, пожалуй, пошло быстрее. Свет гонит прочь тоску, несет веру в успех и жажду действия, – мысли устремлены теперь вперед, к лету, к усиленной работе.

Вчера после обеда раскачались совершить великое дело: повесили, наконец, как следует картину Мунте «Три принцессы». Следовало сделать это еще при нашем отъезде с родины, да все как-то не хватало энергии для такой сложной работы, – дело ведь шло о том, чтобы вбить в стену целых четыре гвоздя, – и картина то и дело обрушивалась на кого-либо из тех, кому случалось сидеть под ней на диване».

«Вторник, 30 января. Послеобеденное наблюдение дало $79^{\circ}49'$ северной широты и $134^{\circ}57'$ восточной долготы, тогда как воскресное послеобеденное наблюдение дало $79^{\circ}50'$ северной широты и $133^{\circ}23'$ восточной долготы. Этот поворот на юго-восток не был неожиданным, так как с воскресенья ветра почти не было. Объясняю

дело таким образом: когда ветер долгое время дует в одном направлении, он приводит лед в движение и льды мало-помалу сплавиваются; когда же ветер стихает, наступает реакция, и льды движутся в обратном направлении. Подобная реакция, по моему мнению, и была причиной сжатия льдов в субботу. С тех пор не было заметно ни малейшей подвижки льда. По всей вероятности, сжатие отмечает момент прекращения дрейфа.

Сегодня ветер дует с юго-востока и востока-юго-востока; вначале слабый, он постепенно доходит почти до силы «мельничного». Снова идем на север; теперь, наверное, перейдем восьмидесятую параллель».

«Среда, 31 января. Ветер со свистом проносится над громадными торосами и гонит снег мощными тучами. Вой, шум; небо и лед сливаются воедино. Темно. Мороз кусается, но попутный ветер несет нас на север, «душа поет, играет...».

«Четверг, 1 февраля. Такая же ветреная погода, как вчера, но совсем мягкая: только -22 °С. Метель – точь-в-точь как зимою у нас на родине. Ветер стал несколько слабее и более южным, он дует с ЮЮВ. Теперь, вероятно, уже прошли 80-й градус северной широты и потому сегодня вечером устроили канун праздника: финики, изюм, миндаль и затем стрельба из лука, при которой я имел удовольствие пополнить свой запас сигар».

«Пятница, 2 февраля. Сегодня большой праздник в честь достижения 80-го градуса. Начался он тем, что к завтраку подали свежий ржаной хлеб и печенье. Потребовалась продолжительная утренняя прогулка, чтобы запастись аппетитом к обеду. Утреннее наблюдение показало 80°10 северной широты и 132°10 восточной долготы. Ура! Прекрасно плыли! Жаль, что никто не захотел держать пари, которое я предлагал. Обед: суп из бычачьего хвоста, рыбный пудинг, картофель, рыбный паштет, зеленый горошек, турецкие бобы, морошка с молоком и каждому по целому стакану пива. После обеда – кофе и сигары. Можно ли требовать большего. Вечером были вареные груши и персики, медовые лепешки, сушеные бананы, винные ягоды, изюм и миндаль.

Праздничный отдых в течение всего дня. Читали вслух записи о дискуссиях по поводу экспедиции, которые велись еще до нашего отъезда, и порой от души хохотали над многими возражениями. Но тем, кто остался дома, пожалуй, не до смеха, если они перечитывают эти протоколы».

«Понедельник, 5 февраля. Сегодня за обедом мы распили последние остатки пива. Печально».

«Вторник, 6 февраля. Ясная, безветренная погода. Яркая заря над горизонтом на юге, а над нею желтая, зеленая и светло-голубая полосы; остальное небо глубокого ультрамариново-синего цвета. Стоял утром на палубе и, глядя на это небо, думал: бывает ли небо Италии более синим? Не нахожу. Странно, что эта густая синева обычно появляется вместе с холодом. Быть может, она вызывается воздушными течениями, идущими из северных районов, где воздух еще более сухой и более прозрачный. Окраска неба сегодня такая замечательная, что невольно приковывает к себе внимание. Красные надстройки «Фрама» и белый снег на тенте и мачтах представляют яркий контраст небесной синеве. Лед и торосы в тени, т. е. там, где дневной свет не падает на них непосредственно, кажутся совершенно фиолетовыми. Эта окраска особенно бросается в глаза на покрытых снегом ровных ледяных полях.

Температура -47 и -48 °C. В кают-компании температура +22 °C и, следовательно, разница с наружной достигает 70 °C. Все же холода не ощущаешь, даже если выйдешь на палубу в чем был, т. е. без верхней одежды и без перчаток; можно даже безнаказанно взяться за медную ручку двери или за стальные тросы вант, и – ничего. На глаз, впрочем, холод заметен: дыхание вылетает изо рта густым пороховым дымом; плевок еще налету обволакивается облачком морозного пара. От «Фрама» по направлению тока воздуха тянется над ледяным пространством облако густого тумана, а человека или пса можно обнаружить издали среди хаоса ледяных глыб и торосов по передвигающемуся вместе с ним столбу пара».

«Среда, 7 февраля. Прямо удивительно, до чего непрочная вещь надежда, или, вернее, настроение человеческое. Сегодня утром дул

слабый бриз с ССВ, всего 2 м в секунду, при температуре -49,6 °С, и у меня брови сразу же нахмурились и начало казаться безразличным, каким образом мы вернемся домой, лишь бы это было побыстрее. Пока что мне рисуется суша на севере, откуда дуют эти холодные ветры, приносящие ясную погоду, трескучий мороз и ярко -синее небо, и у меня готово заключение, что эта обширная земля должна представлять полюс холода с постоянным максимумом воздушного давления, который вызывает северо-восточные ветры, отгоняющие нас к югу.

После обеда становится пасмурно, в воздухе туман, и настроение улучшилось. Наверное, будет южный ветер; однако температура еще очень низкая. Но вот и температура повышается, сомнений больше нет: будет южный ветер. Действительно, вечером поднялся ветер с ЮЮЗ, к полуночи он достиг скорости 3,5 м в секунду, а температура повысилась до -42 °С. Это к добру. Скоро мы достигнем 81-го градуса. Земля на севере исчезла.

За обедом вчера и сегодня пили лимонный сок с кипятком и сахаром вместо пива. Напиток имел успех. Назвали его вином, и все единодушно в мнении, что он лучше сидра.

Вечером производилось взвешивание. Прибавка некоторых в весе продолжает внушать опасения: кое-кто (например, Свердруп, Блессинг, Юлл) приобрел за последние месяцы по два с лишним килограмма; Юлл своим весом – 86,2 кило – завоевал пальму первенства.

– Никогда еще в жизни я не весил так много, как теперь, – говорит Блессинг.

Вообще по всему фронту у нас «ожирение». Что и говорить, – изнурительная экспедиция. Но и пища наша какова! Сегодняшний обед: бобовый суп из лодыжек, ростбиф «в спальном мешке [\[163\]](#)», картофель, рис в молоке и брусничное варенье; вчерашний обед: рыба au gratin с картофелем и французскими бобами, черничный и брусничный крем с молоком. На завтрак у нас был вчерашний свежее испеченный пшеничный хлеб, сегодня – свежий ржаной хлеб.

Да, как я ожидал, ветер вовсю свищет в снастях; верно, разыграется настоящий шторм – применительно к нашим условиям».

«Суббота, 10 февраля. С вчерашним ветром ничего толком не вышло. Надеялся, что мы пройдем порядочное расстояние на север, и каково же было разочарование, когда вчерашнее наблюдение показало 79°57 северной широты; значит, спустились на 13 к югу, вместо того чтобы подняться к северу. И плохо же я застрахован от разочарований! Опять тоскливо на душе, и цель опять кажется такой далекой, даже сомнительной. И как нарочно по ночам снится, будто я вырвался из ледяных тисков где-то западнее Исландии. Надежда – слишком утлый челн, чтобы вверяться ей. Сегодня совершил большую поездку на собаках. Все сошло гладко».

«Воскресенье, 11 февраля. Утром ездили на двух упряжках. Дело идет хорошо; сани легче, чем я ожидал, скользят по такому снегу. И собаки тянут хорошо: по ровному льду четыре собаки везут двух человек даже по глубокому, наметенному вьюгами снегу».

«Вторник, 13 февраля. Вчера совершили далекую поездку на собаках по направлению на юго-запад; сегодня в ту же сторону еще дальше ходили на лыжах. Хорошая прогулка на морозе в -42... – 44 °С при пронзительном северном ветре. Природа так прекрасна и чиста, лед ослепительно бел, голубые тени наступающего дня удивительно прелестны на свежевывавшем снегу, стройные, покрытые инеем снати «Фрама» резко вырисовываются на ярко-голубом небе – и мысли летят домой, вот бы там побегать на лыжах».

«Четверг, 15 февраля. Вчера ходил на лыжах к северо-востоку и зашел дальше, чем когда-либо до сих пор. И все же над льдами продолжали маячить высокие мачты нашего судна. В этом направлении лед очень ровный, и я быстро продвигался на лыжах. Сегодня поехал по тому же пути на собаках. Изучаю способы управления ими, чтобы уметь пройти всюду, и не перестаю строить планы на будущее.

До чего же все-таки преувеличены все рассказы об ужасах полярного холода! В Гренландской экспедиции мы померзли, и здесь, правда, тоже не теплее – днем держится температура около -40... – 42 °С. Между тем вчера я оделся на прогулку, как всегда: кальсоны, потом короткие брюки, носки, грубошерстные гамаши, зимние носки и

лопарские каньги, а на теле обыкновенная рубашка, меховая куртка и куртка из тюленьей шкуры – и вспотел, как мышь. Сегодня я сидел на санях, не шевелясь, а сверх обычной одежды на мне были: тонкие холщовые брюки, шерстяная фуфайка, жилет, исландская вязаная куртка, еще куртка из грубошерстного сукна и куртка из тюленьей шкуры. Я оделся по погоде, чувствовал себя хорошо, но все -таки слегка вспотел. На лицо и вчера и сегодня надевал красную фланелевую маску. Но в ней стало слишком жарко, и пришлось, несмотря на резкий северный ветер, снять ее.

Ветер продолжает дуть с севера, по временам со скоростью до 3 – 4 м в секунду. Но он, кажется, все-таки не относит нас к югу. Продолжаем держаться приблизительно на 80° северной широты или даже минуты на две севернее. Как это объяснить?

Напор льда наблюдается каждый день, но непродолжительный и слабый. Странно, что сжатия опять совпадают с переменной фазы луны.

Луна стоит высоко, и, кроме того, у нас теперь дневной свет. Идем навстречу светлomu времени года. Скоро покажется солнце, и мы устроим в его честь шумный праздник».

«Пятница, 16 февраля. Ура! Меридиональное наблюдение сегодня утром дало 80°01 северной широты; значит, с прошлой пятницы продвинулись на несколько минут к северу, хотя с понедельника постоянно дуют северные ветры. Это нечто совсем удивительное. Быть может, – я предполагаю так, судя по облакам и легкому туману в воздухе, – южнее нас дует южный ветер, который препятствует перемещению льдов в этом направлении? Или же мы наконец попали в настоящее течение? Недавно нас, несмотря на южные ветры, относило к югу, а теперь относит к северу вопреки северному ветру – странно. Тут, очевидно, действуют какие-то новые, неизвестные нам силы.

Сегодня случилось еще нечто удивительное: около полудня увидели солнце, или, вернее, изображение солнца, так как это было лишь его отражение в воздухе. Своеобразное впечатление производит это яркое пламя, вспыхнувшее над самым краем льда. Судя по восторженным описаниям многих полярных путешественников, первое

после полярной ночи появление этого бога жизни должно было вызвать взрыв бурного восторга. Но со мною, однако, этого не случилось. Мы ожидали солнце не раньше, чем еще через несколько дней, и появление его теперь вызвало скорее горестное впечатление, принесло разочарование: ведь нас, стало быть, отнесло назад дальше, нежели мы предполагали. И я с самой живой радостью обнаружил затем, что это еще не могло быть само солнце.

Вначале отражение солнца представлялось в виде плоской раскаленной полосы над горизонтом. Затем оно разделилось на две огненные полосы, одна над другой, между ними сохранялось темное пространство. С марса ^[164] я увидел четыре, даже пять огненных горизонтальных линий одну над другой; все одинаковой длины. Это было как бы матовое красное четырехугольное лжесолнце с темными поперечными линиями. Настоящее солнце, согласно сегодняшнему послеобеденному наблюдению над звездами, должно было в полдень находиться на 2°21' ниже горизонта. Во всяком случае, самого солнечного диска мы не сможем увидеть над горизонтом раньше вторника.

Виденное сегодня явление – результат рефракции, весьма сильной в этом холодном воздухе. Тем не менее мы отметили сегодняшнее отражение солнца маленьким «праздником солнца», – за ужином у нас был десерт из винных ягод, бананов, изюма, миндаля и медовых пряников».

«Воскресенье, 18 февраля. Вчера ходил на лыжах на восток от корабля и нашел в этом направлении отличную лыжную и санную дорогу. Сначала было довольно трудно пробираться среди торосов и ледяных нагромождений, но затем предо мной раскинулась широкая ледяная равнина, которая простирается, по-видимому, на многие мили к северу, востоку и юго-востоку. Сегодня я поехал туда на восьми собаках (езда теперь наладилась превосходно); несколько товарищей сопровождали меня на лыжах...

По-прежнему северный ветер. Скучная история; хорошо, что хотя бы погода стоит ясная и светлая. Ходим на лыжах, ездим на собачьих

упряжках, читаем научные книги и беллетристику, пишем, ведем наблюдения, играем в шахматы и карты, болтаем, курим, едим и пьем. Но все-таки это проклятая тоскливая жизнь, если она долго будет продолжаться; такой, во всяком случае, представляется она временами.

Когда смотрю на картину, изображающую наш прекрасный домик в блеске вечернего солнца и ее, стоящую в саду, то в такие минуты мне кажется невозможным жить долго такой жизнью. Только безжалостные норны ^[165] могут знать, когда мы снова будем вместе стоять в саду, смотреть на улыбающийся фьорд и чувствовать прелесть жизни.

Когда принимаешь все это во внимание, то, говоря по чести, и на самом деле находишь наше положение незавидным.

Пребываем теперь примерно на 80° северной широты, а в сентябре были на 79°. Ровно один градус; как выговаривается, так и пишется: всего один градус за пять месяцев. Если будем и дальше продвигаться с такой скоростью, то на полюс попадем через 45 или, скажем, через 50 месяцев, а через 90 или 100 месяцев достигнем 80° северной широты по ту сторону полюса, с вероятным расчетом через 1 или 2 месяца выбраться из льда и вернуться на родину. В лучшем случае при такой скорости будем дома только лет через восемь, не раньше.

Вспоминается одна статья проф. Брёггера, напечатанная до моего отъезда. Упомянув о том, что я сажал «для потомства кусты» (деревья в нашем саду), он прибавил: «Кто знает, как длинны будут тени от этих деревьев, пока Нансен вернется?» Да, теперь они гнутся под снегом, но весной оденутся листьями, дадут новые побеги, вырастут... И сколько раз еще это повторится... Только бы тени не стали за это время слишком длинными.

О, как угнетает бездеятельность! Ближайшее будущее темно, как ночь вокруг нас; лишь прошедшее и далекое будущее озарены солнцем. Порой кажется, что необходимо уйти из этого мертвенного застоя и найти простор для приложения своих сил. Неужто здесь ничего не может произойти... Разве не может пронестись ураган, чтобы взломать лед и вздыбить его высокими волнами, как открытое море. Пусть попадем мы в беду, – лишь бы закипела борьба, лишь бы двинуться вперед. Всего

ужаснее – роль праздного зрителя. Надо иметь вдесятеро большую силу духа, чтобы положиться на свои теории, предоставить решение силам природы, не иметь возможности пальцем шевельнуть для достижения цели – это в десять раз труднее, нежели положиться на одни свои силы, – это легче легкого, когда у тебя пара здоровых, крепких рук.

Ну вот сижу и горько жалуюсь, как старая баба. Будто я не знал всего этого раньше, отправляясь в плавание. Дело идет ведь ничуть не хуже, чем я ожидал, скорее даже лучше. Куда же девались смелые надежды, расцветавшие навстречу солнцу и дню, где гордые мысли, которые молодыми орлами парили навстречу светлой стране будущего? Они теперь прячутся, как подшибленные вороны, во мраке уныния. Конечно, они вернутся снова с южным ветром. Но до той поры я нуждаюсь в помощи; вытащу-ка я снова из-под спуда одного из древних философов.

Вечером опять небольшое сжатие, наблюдение показывает, что дрейф как будто отнес нас на 3 к югу.

11 ч вечера. Напор льда в полынье за кормой. Лед ломается о стенки судна и потрясает его до основания».

«Понедельник, 19 февраля. Давно сказано, что ночь всего темнее перед рассветом. Сегодня начался южный ветер, и скорость его достигла 4 м в секунду. Утром пробурили лед и нашли, что толщина его у бакборта достигла 1,875 м, а толщина снегового слоя над ним 4 см. Впереди судна мощность льда равна 2,08 м, включая 5–6 см снежного покрова.

Прирост льда за целый месяц нельзя назвать большим, если принять во внимание, что температура падала до -50 °С.

И вчера и сегодня мы видели то же отражение солнца; сегодня оно стояло высоко над горизонтом и скорее походило на диск. Некоторые из товарищей утверждают, что видели верхний край самого солнца, а Педер и Бентсен – даже, по крайней мере, половину диска, не говоря о Юлле и Скотт-Хансене, по мнению которых над горизонтом виднелось солнце целиком. Боюсь, они так давно не видели солнца, что забыли, каково оно с виду».

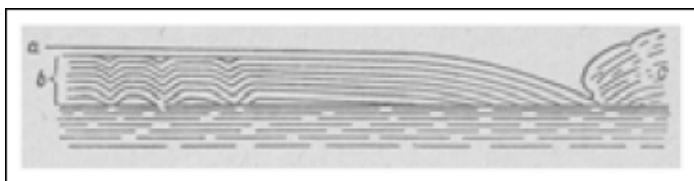
«Вторник, 20 февраля. Сегодня большой «праздник солнца» без солнца. Мы уверены, что увидели бы его, если бы небо у горизонта не затянуло облаками. Но не позволим надуть себя в смысле праздника. Можно будет ведь отпраздновать и еще разок, когда действительно появится в первый раз солнце. Праздник начался утром стрельбой в цель; затем подоспел обед из 3–4 блюд с «фрамовским вином» (лимонный сок); затем сервирован был кофе с «фрамовским печеньем»; вечером мы угощались ананасом, миндальными пирожными, винными ягодами, бананами и конфетами. Потом забрались на койки и ощущали, что слишком много пили и ели, в то время как маленький «штормик» с ЮВ нес нас на север. Сегодня ветряной двигатель был все время в ходу, и если настоящее солнце и не почтило нашего праздника своим присутствием, то и во время обеда и вечером за ужином нас озаряло электрическое солнце. Праздник был отмечен вдобавок большим омовением. Помилуй бог, однако, на что мы в конце концов станем похожи! Многие уж смахивают на откормленных поросят, а округлость двойного подбородка и брюшка у нашего повара Юлла прямо вызывает беспокойство. Наблюдал его сегодня в профиль, это брюшко, честное слово, трудненько будет тащить по льду, случись такая необходимость. Право, пора подумать об уменьшении порций».

«Среда, 21 февраля. Продолжает дуть южный ветер. Сегодня выбрал сети, закинутые третьего дня. В самой верхней, висевшей ближе к поверхности, оказались большей частью амфиподы; в сеть Мюррея, висевшую примерно на 94-метровой глубине, набрались различные мелкие ракообразные (Crustacea) и другая мелюзга, настолько сильно фосфоресцировавшая, что содержимое сети, когда я опорожнил ее при свете лампы в камбузе, напоминало огненный сплав. К удивлению, линь, к которому были привязаны сети, указывал на северо-запад, тогда как ветер, по нашим соображениям, должен был сильно относить нас на север. Чтобы выяснить дело, после обеда снова спустил сеть под лед, и линь снова показал прямо на северо-запад и после этого оставался в том же положении до самого вечера. Чем это объяснить? Быть может, мы все же попали в северо-западное течение? Будущее покажет. Если отнести

два румба ($22\frac{1}{2}^\circ$) на неправильность показаний и магнитное склонение, тогда окажется, что течение идет на СЗ.

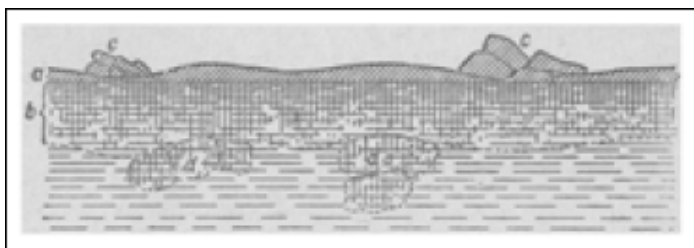
Происходит, очевидно, большая подвижка льда; во многих местах лед вскрылся и образовались полыньи».

«Четверг, 22 февраля. Линь, к которому привязана сеть, целый день показывал на запад; теперь, после полудня, он висит отвесно; значит, по всей вероятности, стоим неподвижно. Ветер сегодня ослабел. После полудня наступило совершенное затишье. Потом задул легкий бриз с юго-запада и запада, а вечером установился нако нец и северо-западный ветер, которого давно опасались. В 9 ч поднялся уже довольно свежий ветер с ССЗ. Произведенное днем наблюдение за Капеллой [\[166\]](#) указывает, по-видимому, на то, что мы, во всяком случае, стоим не севернее $80^\circ 11'$, и это после упорного, почти четырехсуточного южного ветра. Что это значит, черт возьми? Не попал ли лед в «мертвую воду», в которой не может двинуться ни вперед, ни назад?

Слоистая структура льда:

a – слой снега; b – лед; c – торос, под тяжестью которого прогнулась льдина

Волнообразные изгибы льда:

a – лед над водой; b – лед под водой; c – торосы; d – куски льда, втиснутые давлением под ледяное поле

Лед с правого борта за медвежьим капканом вчера слегка треснул. Мощность цельной льдины равняется 3,45 м, но под нее, кроме того, набился мелкий лед. В трещинах ясно видна резко выраженная слоистость льда, несколько напоминавшая слоистость глетчеров. Нет недостатка и в более грязных или темных слоях, окрашенных живущими в воде коричнево-красными организмами, которые я встречал и раньше. Местами слои обнаруживают прогибы и изломы, подобно геологическим пластам земной коры, что, очевидно, обусловлено горизонтальным давлением льдов при сжатии. Это в особенности заметно в одном месте возле большого ледяного нагромождения, образовавшегося при последнем сжатии.

Вид слоев приблизительно такой, как показан на чертеже. Странно видеть, что льдина, мощностью более чем в 3 м, изогнулась большими волнами, но не взломалась. Это, очевидно, произошло от давления и особенно ясно заметно вблизи торосов, которые придавили льдину своей тяжестью так, что поверхность ее местами оказалась на одном уровне с поверхностью воды; в других местах льдина выдалась из воды на полметра или даже больше; здесь ее выпирает кверху поджатый снизу лед.

Все это указывает на чрезвычайную пластичность ледяных полей даже на таком морозе, при котором температура льда у поверхности равнялась -20, – 30 °С. Во многих местах изгиб слишком велик и льдина дала трещины; их частично занесло рыхлым снегом, и в них легко провалиться, – точь-в-точь, как при переходе через опасные глетчеры».

«Суббота, 24 февраля. Дневное наблюдение показало 79°54 северной широты и 132°57 восточной долготы. Странно, что нас отнесло так далеко к югу, хотя северный или северо-западный ветер дул всего одни сутки».

«Воскресенье, 25 февраля. Впечатление такое, что лед движется теперь на восток.

О, я вижу перед собой картины солнечного лета с зеленой листвой и журчащими ручьями. Читаю о жизни на горных пастбищах, о высоких вершинах и становлюсь таким удрученным, расслабленным. К чему

думать об этом? Пройдут еще дни и годы, прежде чем я увижу все это снова. Ползем, как улитка, убийственно медленно, но не так уверенно, как она. Мы везем с собой наш дом. Достигнутое сегодня уничтожается завтра.

Звезда Лив нас покинула, но звезда родины еще светит в ночи. Вечером играло чудесное сияние густых вишнево-красных оттенков; образовался настоящий шатер из лучей, протянувшихся со всего южного горизонта к короне в зените. Северное сияние – всегда чарующее зрелище!»

«Понедельник, 26 февраля. Нас несет на северо-восток. Кружит снежная метель, ветер дует порой со скоростью более 11 м в секунду. Он воет в снастях, со свистом проносится над ледяными полями. Снег метет так, что в двух шагах ничего не видно.

В трубах и вентиляторах завывает ветер, точно мы сидим у себя дома в Норвегии. Крылья нашей мельницы крутились сегодня с такой быстротой, что почти сливались в одно. Вечером вынуждены были совсем остановить двигатель, так как батареи полностью заряжены. Крылья хорошо закрепили, чтобы их не сорвало бурей.

Это сильнейший ветер за всю зиму. И если вообще что-либо может взломать лед и погнать нас на север, то лишь такой ветер. Но барометр падает слишком быстро, наверняка скоро опять подует северный ветер. Надежда много раз обманывала нас; она перестала быть эластичной, и ветер больше не производит большого впечатления. С нетерпением жду весны и лета и той перемены, которую они должны с собой принести.

Но полярная ночь, страшная полярная ночь, все-таки миновала; пришел день, светлый день. Удивительная вещь – солнечный свет. Прежде мы считали, что у нас день, когда светили угольные лампочки. Теперь же, когда спускаемся с палубы вниз, от дневного света к искусственному, кажется, что ты попадаешь в погреб, хотя тут светят все те же лампочки. И, когда, как сегодня, целый день горел под потолком большой дуговой фонарь, а потом вместо него зажгли угольные лампочки, – разница тоже небольшая».

«Вторник, 27 февраля. Дрейфуем на ВЮВ. Пессимизм оправдался. Почти целый день дул сильный западный ветер. Барометр стоит низко, хотя и начал скачками подниматься.

Температура самая высокая за всю зиму: максимальная температура сегодня $-9,7^{\circ}$, в 9 ч вечера -22°C . Температура повышается и падает почти в полном соответствии с барометром, но в обратном порядке. Дневное наблюдение показало приблизительно $80^{\circ}1\text{T}$ северной широты».

«Среда, 28 февраля. Сегодня прекрасная погода, почти безветрие, и температура всего лишь от -26 до -30°C . На юге облака, так что солнце показывается редко; но теперь удивительно долго бывает светло. Я со Свердрупом ходил днем на лыжах. Это первая послеобеденная прогулка в новом году. Вчера и сегодня пробовали откачивать воду из трюма; мы не ожидали, что воды окажется много, но ее вовсе не оказалось, или, во всяком случае, она не попала в насос, хотя промыли его горячей водой и прочистили солью. Возможно, что вода замерзает вокруг насоса, а быть может, ее все-таки нет вовсе. В машинном отделении вода не показывается уже больше месяца, и в носовом трюме ее тоже нет, по крайней мере, теперь, когда нос судна приподнят сжатием. Таким образом, вода, если она вообще есть, может быть только в большом трюме, в котором заметна небольшая течь. Безуспешность попытки откачать воду, пожалуй, все-таки следует приписать главным образом морозу. Водонепроницаемость судна зависит, таким образом, от холода.

Вечером ветер снова подул с ЮЮЗ, и барометр стал падать, обещая попутный ветер; но барометр моих надежд все же не подымается выше своего нормального уровня.

Вечером вымылся в жестяной лоханке на камбузе. После ванны, постригшись, чувствуешь себя опять человеком».

«Четверг, 1 марта. Стоим почти неподвижно. Прекрасная, мягкая погода, только -19°C , небо пасмурно, легкий снежок и слабый ветер. Попытались сегодня измерить лотом глубину, надставив наш пеньковый лотлинь обыкновенным стальным тросом. Но последний оторвался

вместе с лотом. Укрепили новый лот и вытравили весь линь длиной в 3475 м, но дна не достигли. Когда стали выбирать линь, оказалось, что стальной трос опять лопнул. Результат таков: дна мы так и не нащупали, а два свинцовых лота, каждый по 50 кг, отправили его искать. Бог весть, дошли ли они все-таки до дна. Честное слово, Бентсен прав, когда говорит, что земная ось уходит в бездонную дыру, а мы ищем в этой дыре дно».

«Пятница, 2 марта. Щенята, пребывавшие до сих пор в навигационной рубке, порядком там набедокурили – изгрызли ящики с приборами Скотт-Хансена, судовые журналы и пр. Вчера их в первый раз вывели на палубу, а сегодня они пробыли там все утро. Они проявляют большую любознательность, исследуя в этом новом для них большом мире все окружающие предметы и особенно внутренность всех собачьих будок».

«Суббота, 3 марта. Стоит раскрыть книгу, и я сразу же нахожу что-нибудь уводящее мысли в живой мир, в родной дом. Все, все напоминает мне о нем, влечет к нему. Предо мной встают родные картины, в которых столько красоты и столько грусти. Очень мудрым человеком был тот, кто сказал: «Если есть что-нибудь прекраснее природы, прекраснее искусства, прекраснее науки, так это человек, который не падает духом в несчастье». Но прекраснее всего – родимый дом...»

«Воскресенье, 4 марта. Продолжаем дрейфовать на юг; сегодня тоже дует ветер с северо-запада, хотя и не с той силой.

Я уже думал, что мы окажемся далеко на юге, но сегодняшнее дневное наблюдение показало 79°54 северной широты. Следовательно, в последние дни, перед тем как задул этот ветер, мы, должно быть, хорошо подвигались на север. Вчера и сегодня неприятная погода: холодновато, – 37 и -38 °С, да еще при скорости ветра до 11,5 м в секунду. Замечательно, что теперь северные ветры постоянно приносят холод, а южные тепло. В начале зимы было наоборот».

«Понедельник, 5 марта. Свердруп и я предприняли большую прогулку на лыжах на северо-восток. Лыжный путь отличный; ветер

хорошо распорядился – засыпал, насколько позволило скудное количество материала, и сравнивал все ледяные нагромождения».

«Вторник, 6 марта. Совсем ни с места. Тяжелый выдался день: температура от -44° до -46 °С, а скорость ветра свыше 5,8 м в секунду. Превосходный случай обморозить лицо и руки; двое не преминули этой возможностью воспользоваться. Ветер все время с СЗ. Я начинаю проникаться тупым безразличием к ветру. Сфотографировал сегодня Йохансена за измерением скорости ветра у анемометров, а он, позируя, успел отморозить себе нос.

Вечером опять всеобщее взвешивание. За взвешиванием следят с большим интересом, любопытно знать, прибавил ли в весе каждый или сбавил. Большинство на сей раз действительно несколько потеряло в весе, хотя щеки у всех по-прежнему красные и круглые. Быть может, причина некоторой потери в весе – переход с пива на лимонный сок. Один Юлл неутомим – снова прибавил 400 г. Доктор, впрочем, тоже не очень отстает: 300 г на этот раз. Плохо ему тут приходится, бедняге, – хоть бы один пациент! С отчаяния у него самого заболела голова, но ему не удалось донести эту головную боль до следующего дня. В последнее время он занялся изучением собачьих болезней, в надежде, что профессия ветеринара окажется более выгодной».

«Четверг, 8 марта. Дрейфуем к югу. Сегодня мы со Свердрупом на лыжах хорошо пробежались на север и на запад. Ветер стих, лыжный путь после ветра великолепный. Мы летели, как гонимый ветром пух чертополоха, и брали без труда самые трудные ледяные барьеры.

Прекрасная погода, всего -39 °С. Но вечером стало гораздо прохладнее: - 48,5 °С при скорости ветра от 5 до 8 м. При такой погоде возиться наверху, поднимая или убирая крылья ветряного двигателя, – работа не из приятных, расплываемся потрескавшимися ногтями, а порой и побелевшими щеками. Но делать эту работу надо, и она делается. Все эти дни мы богаты «мельничным ветром», и электрический свет не гаснет у нас третью неделю. Жаль только, что ветер все время северный или северо-западный. Бог весть, когда этому будет конец.

Неужели там, на севере, земля! Нас безобразно относит все время на юг. И трудно сохранять надежду; но проживем – увидим.

После долгого покоя «Фрам» днем сегодня снова получил здоровый толчок. Взломался и нагромоздился лед в полынье впереди судна. Собственно говоря, нам и следовало ожидать сжатия с наступлением новолуния; но мы уже отвыкли следить за приливной волной, так как последнее время она мало давала знать о себе. Вообще же с приближением равноденствия сжатия должны усилиться».

«Пятница, 9 марта. Линь планктонной сети сегодня утром слегка отклонился к юго-западу; а лить с головкой сыра, спущенного сажени на две под лед, чтобы он оттаял, показывает обратное направление. Не работает ли тут, наряду с ветром, южное течение?.. Гм, из этого что-нибудь да выйдет. Или, может быть, это только приливно-отливные явления.

Упорно держится северный ветер. Он безостановочно несет к югу. Так вот какую перемену принес нам март со своим равноденствием! Уже более двух недель дуют северные ветры. Не могу дальше скрывать от самого себя, что начинаю впадать в уныние. Медленно, но безжалостно рушится одна надежда за другой – так разве не вправе человек погрузиться? Разумеется, я невыразимо стосковался по дому, и неизвестно, приближаюсь ли я к нему или удаляюсь от него, но во всяком случае неутешительно видеть, что осуществление твоих планов отодвигается и отодвигается, а быть может, они и вовсе потерпят крушение из-за убийственно медленного, однообразного дрейфа. Природа безучастно совершает свой древний тысячелетний кругооборот, зима сменяется весной, весна уступает место лету, а мы продолжаем блуждать в хаосе дерзких планов и разбитых надежд; при каждом повороте колеса судьбы наверху оказывается попеременно то одна, то другая сторона обода. Но воспоминания нежной рукой шевелят свои звучные серебряные струны то сильно, как бушующий водопад, то тихо и плавно, как замирающие вдали звуки рога.

Гляжу на этот пустынный ледяной ландшафт, на его равнины, возвышенности, долины; гляжу, как солнце льет свой живительный свет

и на ледяные поля, и на торосы, а между ними неподвижно лежит плененный «Фрам». Когда же ты, прекрасный, гордый корабль, снова поплывешь свободно в открытом море?

Ich schau dich'an, und Wehmuth

Schleicht sich in's Herz hinein.

[Я гляжу на тебя,

И тоска закрадывается в сердце.]

На этих ледяных массивах, дрейфующих по неведомым путям, так долго были сосредоточены мысли жалкого человека, что он сумел наконец заинтересовать ими целый народ, который дал ему в озможность проникнуть в этот край. Но, быть может, народ этот нашел бы лучшее применение для своей энергии и готовности к жертвам. К чему они? Да, если только расчеты были правильны, то эти ледяные громады, с которыми никто не может бороться, окажутся прев осходными союзниками; но если в расчеты вкралась ошибка, то дело плохо. А часто ли расчеты оказываются безошибочными? Но если бы я сейчас оказался свободен? Я бы немедленно начал все сызнава, пошел бы тем же путем. Нужно терпеть, не сдаваться, пока не научишься рассчитывать правильно.

Я смеюсь над цингой – нет в мире лучшего санатория, нежели мы нашли здесь. Я смеюсь над стихийной силой льдов – мы живем в неприступной крепости. Я смеюсь над морозом – он ничто. Но над ветром я не смеюсь: ветер – все, его не покорить ничьей воле.

Но к чему вечно мучить себя мыслями о будущем? К чему терзаться вопросом: несет ли нас вперед или назад? Отчего не дать дням течь спокойной рекой? Время от времени ведь попадают быстрины, которые немного убыстряют время. Как удивительно устроена жизнь! Вечное стремление вперед, все вперед, вперед... Куда? А потом приходит смерть и обрывает нить прежде, чем цель достигнута...

Сделал сегодня на лыжах большую прогулку На небольшом пространстве к северу много вновь образовавшихся трещин и то росов, через которые довольно трудно переходить. Однако терпение преодолевает все, и я вскоре выбрался на обширную равнину, по

которой идти превосходно. Правда, довольно холодно: – 47 и -48 °С при пятиметровой скорости северо-восточного ветра, но он не очень чувствителен, наоборот, свеж и приятен. На мне была надета обыкновенная одежда, приблизительно такая же, какую я ношу дома, да сверх того куртка из тюленьей шкуры и парусиновые штаны, а также полумаска для защиты лба, носа и щек.

Сегодня сжатие происходило в различных направлениях. К нашему удивлению, измерение высоты солнца вчера в полдень дало 79°45 северной широты. Значит, за четыре дня, с 4 марта, нас отнесло к югу всего на 9 . Этот медленный дрейф вопреки сильному ветру просто удивляет. Быть может, и впрямь там на севере земля? Я все больше и больше склоняюсь к такому заключению.^[167] Существование земли на севере сразу объяснило бы также, почему мы не продвигаемся дальше на север и почему так медленно движемся к югу. Но, быть может, объяснение следует искать в том, что сжатия сплотили льды и они затем смерзлись в одну компактную, мощную и тяжелую массу. Меня удивляет, что здесь так часты северо-западные ветры и почти незаметны северо-восточные – как раз обратно тому, чего можно было ожидать в связи с вращением Земли. Следовало бы ожидать, что ветры будут дуть с юго-запада и северо-востока, между тем они дуют все время с северо-запада и юго-востока. И я просто затрудняюсь найти этому – во всяком случае северо-западным ветрам – сколько-нибудь удовлетворительное объяснение, если там на севере нет земли.

Не простирается ли Земля Франца-Иосифа дальше к востоку или северу, или не идет ли от нее в этом направлении цепь островов? В этом нет ничего невозможного. Когда австрийцы проникли на север, они попали в полосу преимущественно северо-восточных ветров; у нас же здесь северо-западные. Быть может, основная масса суши лежит на севере, как раз посередине между их меридианом и нашим? С трудом верится, чтобы эти удивительно холодные ветры с севера возникали над покрытым льдами морем. Да, если там действительно есть земля и мы дойдем до нее, всем горестям пришел бы конец. Но никто не знает, что несет будущее в своих недрах – и лучше, быть может, что не знает».

«Суббота, 10 марта. Линь показывает дрейф к северу. Ветер сегодня после обеда задул хотя и слабо, но с юга. Как всегда, это помогает избавиться от мрачных мыслей. Я снова в хорошем расположении духа и могу предаться счастливым грезам о большой и высокой земле на севере, с горами и долами, где мы будем, сидя у подножия отвесной горы, греться на солнце в ожидании прихода весны. А затем по материковому льду доедем на санях до самого полюса».

«Воскресенье, 11 марта. Лыжная прогулка на север. Температура - 50 °С, и ветер свыше 3 м с ССВ. Тем не менее особого холода не ощущаешь. Прозябли лишь ноги и живот, так как никто на этот раз не надел «ветряных брюк» ^[168] и вообще наша нижняя одежда ничем не отличалась от обыкновенной: обычные брюки и шерстяные кальсоны на ногах, а на теле рубашки и куртки из волчьего меха или же обыкновенные шерстяные костюмы с легкой верхней курткой из тюленьей шкуры. В этот раз у меня впервые в жизни замерзли ноги, в особенности колени и выше колен. У других тоже озябли ноги; но надо принять во внимание, что мы ведь шли долго против ветра. Как только немного растерли себе ноги, они живо согрелись; но если бы не обратили на них внимания вовремя, то последствия могли быть серьезными. Вообще же погода не показалась очень холодной; наоборот, нашли ее весьма приятной, и я убежден, что будь мороз еще десятью, двадцатью, даже тридцатью градусами крепче, то и это не показалось бы нам ужасным. Прямо удивительно, насколько притупляется чувствительность к холоду! Бывало, дома, выйдя в двадцать с лишним градусов мороза, я считал, что на улице пронизывающий холод, хотя бы и стояла совершенно тихая погода. Но здесь я не чувствую холода, выскакивая одетым по-домашнему на мороз в пятьдесят градусов да еще с ветром. Когда сидишь дома в тепле, всегда создается преувеличенное представление об ужасах холода. А он вовсе не так ужасен. При морозе все чувствуют себя прекрасно, хотя бывает, конечно, что иногда, если поднимется слишком сильный ветер, кто-нибудь погуляет несколько меньше обычного или просто откажется

от прогулки; но случается это только с теми, кто вышел чересчур легко одетым, без зимней экипировки.

Вечером температура $-51,2^{\circ}\text{C}$ при ветре с ССВ 4,4 м в секунду. На юге сильное северное сияние. И заря рдеет на небе даже в полночь».

«Понедельник, 12 марта. Медленный дрейф на юг. Предпринял дальнюю прогулку на лыжах к северу. Надел «ветряные штаны», но опять в них было почти жарко. Утром -51°C и северный ветер почти 4-метровой скорости; к полудню стало на несколько градусов теплее. Северный ветер свежеет, барометр опять поднялся, а я -то думал, что ветер должен перемениться.

И это посылает нам март, на который я так надеялся. Теперь надо ждать лета. Скоро минет полугодие дрейфа; уходя, оно оставит нас приблизительно на том самом месте, где и нашло нас».

«Среда, 14 марта. Вечером собаки вдруг подняли лай, и мы решили, что это медведь. Свердруп и я взяли ружья, отвязали Уленьку и Пана и отправились. Было еще довольно светло, и, кроме того, всходила луна. Лишь только собаки оказались на льду, как понеслись, словно две ракеты, к западу, и мы едва поспевали за ними. Перепрыгивая через трещину, я провалился одной ногой выше колена в воду. Насквозь, как это ни удивительно, не промок, хотя на мне и были только финские каньги да грубошерстные гамаша. Но при этом морозе (-39°C) вода замерзает на холодной ткани раньше, чем ей удастся пройти сквозь нее; снаружи образуется ледяной панцирь, который даже греет тело. У одной из дальних полыней обнаружилось наконец, что собаки почуяли совсем не медведя, а тюленя или моржа; в нескольких местах на молодом льду виднелись круглые отдушины, через которые эти животные выбирают на поверхность. Удивительно острое чутье у собак: отдушина находилась, по крайней мере, в 1000 м от корабля, к тому же зверь высовывал из воды лишь кончик носа. Пошли назад на судно за гарпуном, но, вернувшись обратно, не видели даже тени зверя, хотя несколько раз прошлись взад и вперед вдоль полыньи.

Тем временем Пан в своем задоре подошел слишком близко к краю полыньи и провалился в воду. Лед был настолько высок, что собака

никак не могла без посторонней помощи выкарабкаться, и, если бы я ее не вытащил, она бы, пожалуй, утонула. Теперь Пан лежит у нас в кают-компании, сохнет и отдыхает. Интересно, что, пробыв довольно долго в воде, пес, однако, не вымок насквозь; подшерсток его густой шубы сух и тепел. Для собак вообще праздник попасть сюда вниз, где им не часто доводится бывать. И уже попав, они все каюты оббегают, все углы обнюхают и лишь после этого, отыскав уютное местечко, улягутся.

Погода прекрасная – почти штиль, мерцание звезд и лунный свет. На севере – вечерняя заря. На юге горит северное сияние, похожее на пламенные пылающие языки – копыа, оно развеивает по ветру серебряное покрывало, пышные складки которого расшиты красными брызгами. Эти причудливые ночные зрелища всегда пленительно новы и всегда чаруют душу волшебными чарами».

«Четверг, 15 марта. С утра $-41,7^{\circ}\text{C}$; в 8 ч вечера $-40,7^{\circ}\text{C}$; в середине же дня несколько теплее: в 12 ч $-40,5^{\circ}\text{C}$, а в 4 ч дня -39°C . Солнце как будто начинает забирать силу.

Удивительные животные – эти собаки. Вечером им, видимо, стало жарко в конуре – четыре или пять вышли оттуда и улеглись на палубе. При 50-градусном морозе они, напротив, большей частью забиваются в конуры и внутри возможно плотнее жмутся одна к другой. И на прогулки их тогда трудно выманить; они предпочитают лежать где-нибудь на солнце, с подветренной стороны судна. Теперь же и им погода кажется мягкой, и они не прочь побегать; сегодня нам легко было сманить их с собой на прогулку».

«Пятница, 16 марта. Последнее время Свердруп был занят изготовлением парусов для наших шлюпок. С утра дул легкий юго-западный ветер, и мы испытали один из этих парусов на паре связанных между собой нарт. Они превосходно пошли под парусами; чтобы пустить нарты в ход, вовсе не нужен сильный ветер. Если придется возвращаться обратно по льду, паруса очень помогут».

«Среда, 21 марта. Наконец наступила перемена; поднялся ветер с юго-востока, и нас снова несет на север. Весеннее равноденствие позади, а мы ни на один градус не подвинулись к северу со времени

осеннего равноденствия. Интересно, где застанет нас следующее равноденствие? Окажемся южнее, и победа наша будет под сомнением; если же окажемся севернее, борьба будет выиграна, пусть хоть и не скоро еще. Возлагаю надежды на лето, оно должно принести перемену.

Открытая вода, по которой шли на парусах в прошлом году, не могла возникнуть только от таяния льда: она, несомненно, образовалась в результате действия ветров и течений. А ежели лед, в котором мы теперь затерты, относит так далеко на север, что открывается место для этой свободной ото льда воды, то с его помощью должны пройти добрую часть нашего пути. Правда, можно полагать, что лето с холодным Полярным морем на севере и теплой Сибирью на юге принесет преимущественно северные ветры. Это наводит на некоторые сомнения, но, с другой стороны, к западу от нас – теплое море; оно может пересилить. Кроме того, «Жаннетту» ведь несло на северо-запад.

Сильные, выносливые сибирские лайки верно служили полярникам и не подвели во время суровой борьбы с Арктикой

Замечательно, что, несмотря на западные ветры, нас не относит на восток. Крайняя наша долгота была только 136° восточной».

«Великий четверг, 22 марта. По-прежнему сильный юго-восточный ветер, хорошо дрейфуем на север. Настроение поднимается. В снастях свистит ветер, словно сама богиня победы шумит в воздухе крылами...

Утром одного из щенков схватили вдруг судороги: с пеной у рта он, как бешеный, кусал все, что ему попадалось. Припадок кончился столбняком, и мы вынесли беднягу на лед. Он запрыгал вперед, как жаба, с неподвижно вытянутыми лапами, закинув кверху шею и голову и выгнув седлом спину. Я испугался, что это бешенство или какая-нибудь другая заразная болезнь, и тут же пристрелил его. Это, быть может, было несколько опрометчиво; едва ли могла проникнуть к нам сюда какая-нибудь зараза. Но что бы такое могло с ним случиться? Эпилепсия? Несколько дней назад меня испугал другой щенок, который вдруг начал кружить на месте в навигационной рубке и лаял, как бешеный. В конце концов он спрятался между стеной и ящиком. Это наблюдали и другие товарищи. Потом он снова стал вести себя вполне нормально, и в последние дни мы ничего необычного за ним не замечали».

«Страстная пятница, 23 марта. Полуденное наблюдение дало 80° северной широты. За четверо суток прошли на север такое же расстояние, какое проходили за три недели или даже больше при дрейфе на юг. Это уже утешительно.

Удивительно быстро светлеют ночи. Теперь даже самые яркие звезды видны на бледном небе лишь в полночь».

«Суббота, 24 марта. Канун Пасхи. Сегодня весенний свет проник наконец в нашу кают-компанию. Огромная перемена. Всю зиму палубный иллюминатор был, для защиты от холода, закидан снегом, и вдобавок вокруг него разместились собачьи будки. Теперь мы сбросили снег на лед, а стекла иллюминатора протерли и вообще привели в порядок».

«Понедельник, 26 марта. Солнце поднимается, заливая светом ледяную поверхность. Идет весна, но меня она не радует. Здесь все так же пустынно и холодно, как и прежде; зябнет душа.

Еще семь лет такой жизни или, скажем, только четыре... Что станет с моей душой за это время? А она? Я не смею думать о будущем. Что будет там, дома, если год за годом будут проходить и никто не вернется?

Нет, у меня просто болезненное состояние, я знаю. Но это бездеятельное, безжизненное однообразие давит и гнетет человека. Никакой борьбы, никакой возможности борьбы. Все так тихо и мертво, застыло, окоченело под ледяным покровом... Я чувствую, что душа у меня леденеет. Чего бы я ни дал за один день борьбы, за мгновение серьезной опасности!

Приходится выжидать. Надо еще посмотреть, каков будет дрейф. Если он примет неверное направление, я сожгу за собой все мосты, все силы положу на поход прямо по льду к северу. Тогда наступит время действия. Иного выхода не вижу. Это будет рискованный поход; дело пойдет, пожалуй, о жизни или смерти. Но разве у меня есть выбор? Недостойно мужчины поставить себе цель и отступить перед решительной битвой. Есть лишь один путь, и он называется – вперед... «Fram!»

«Вторник, 27 марта. Нас опять относит к югу; ветер северный. Наблюдение в полдень показало 80°4 северной широты. Но стоит ли так падать духом? Я слепо уперся в одну точку, думая без конца о том, чтобы пробиться в Атлантический океан через полюс. Но ведь главная наша задача – исследовать неизвестные полярные страны. Разве мы здесь не приносим пользы науке? Мы привезем с собой домой ценный запас наблюдений из этой страны, которая теперь совсем малоизвестна. Все остальное – вопрос тщеславия. «Люби не столько победу, сколько истину».

Смотрю на картину Ейлифа Петерсена «Сосновый бор» и сам переносюсь в такой лес. Как он дивно прекрасен весной в своем полумраке и грустном безмолвии высоких стволов! Чувствую, как бесшумно и мягко уходит моя нога во влажный мох, слышу, как падают капли с ветвей, на которых тают последние снежные комья. Бегут весенние ручейки, пенятся и журчат в расщелинах и камнях, неся

желто-бурую воду; пахнет мхом и хвоей, и над тобой покачиваются в голубом небе темные вершины сосен, шумят, изливая весеннему ветру свою вечную шумящую тоску. Под их сенью душа раскрывается без боязни, и лесная роса освежает ее. Ты, суровый сосновый лес, единственный поверенный моего детства; от тебя я научился понимать глубочайшие звуки природы, их дикость, их меланхолию!.. Ты дал тон всей моей жизни... Один в глубине леса, возле тлеющих угольев моего костра, на краю безмолвного мрачного лесного болота, под хмурым ночным небом. Как я бывал счастлив тогда, наслаждаясь великой гармонией природы!»

«Четверг, 29 марта. Удивительная перемена произошла здесь внизу – и потому лишь, что сюда проник дневной свет. Теперь, когда выйдешь к завтраку и видишь, как день струится сквозь стекло иллюминатора, чувствуешь, что действительно наступило утро.

Усердно работаем. Шьем паруса для шлюпок и саней. Надо приладить большие новые крылья к ветряному двигателю, чтобы он мог действовать при любой погоде. Ах, если бы мы могли дать и «Фраму» такие же крылья! Куем ножи, остроги для медведей, которыми нам, пожалуй, никогда не пользоваться, медвежьи капканы, в которые не попадетсЯ, пожалуй, ни один зверь, топоры и многие другие, не менее полезные вещи.

У нас действует большая фабрика деревянной обуви и заново основана гвоздильная фабрика. Единственные акционеры этого предприятия – Свердруп и кузнец Ларс, «Король Урагана», как мы его прозвали, потому что он всегда врывается как ураган. Продукция отличная, и берут ее нарасхват, так как весь запас мелких обойных гвоздей давно иссяк, а пора самая горячая: подбиваем санные полозья ней-зильбером. [\[169\]](#)

Кроме того, у нас есть фабрика лыжных ремней, столярная и жестяная мастерские; последняя сразу занялась ремонтом ламп. Затем доктор – за неимением пациентов – открыл переплетную мастерскую, в которой сильно нуждается библиотека «Фрама»; книжное богатство ее,

особенно некоторые ходовые книги, находящиеся в постоянном обращении, порядком поистрепаны.

У нас есть также кожаная и парусная мастерские, фотостудия и многое другое. Самым обширным производством отличается, впрочем, фабрика «дневников»; в этой работе участвуют решительно все.

Короче говоря: нет такой вещи между небом и землей, которой бы у нас не могли изготовить, – за исключением попутного ветра. Все мастерские безусловно заслуживают лестной рекомендации: «Честное, серьезное отношение к делу, солидная работа, сдача в срок – по мере готовности – и удобство».

В последнее время промышленная деятельность пополнилась новой отраслью, так как фирма «Нансен и Амунсен» основала фабрику нот. Картонные ноты для органа угрожающе пострадали от сырости и частого употребления, и по этой причине мы в течение всей зимы испытывали музыкальный голод. Вчера, наконец, мои старания вытравить ноты на цинковой пластинке увенчались успехом. Дело пошло великолепно, и теперь опять будем наслаждаться музыкой – и серьезной и легкой; снова в нашем зале зазвучат бурные мелодии органа на радость и в поучение всем. Вальс способен вдохнуть новую жизнь во многих из обитателей «Фрама».

Я жалею на иссушающее однообразие окружающей обстановки. Но в сущности я не прав. Все последние дни над снежными буграми сияет ослепительное солнце. Сегодня метель и ветер; «Фрам» окутан облаками взвихренной белой пыли. Скоро опять выглянет солнце, и необъятный ледяной простор засверкает, как прежде. А сколько раз совершенно неожиданно для себя я замирал на месте, очарованный редким великолепием вечерних красок. Ледяные хребты, покрытые глубокими сине-фиолетовыми тенями на фоне огненно-красного неба: это настоящая поэма красок, столь дивной красоты, что навсегда и неизгладимо запечатлевается в памяти. А эти белые ночи, полные грез, как много говорят они нам, северным жителям, как много нам напоминают. Я вижу раннее весеннее утро, когда входишь в лес, спеша на ток тетеревов при матовом блеске звезд, гаснущих на небе, и

бледном серпе луны, повисшем над макушками деревьев. Краски рассвета здесь на севере вызывают в памяти весеннее утро на родине в лесу Голубая дымка облаков над полоской зари кажется свежим утренним туманом над топкими болотами; темные низкие облака на темно-красном фоне походят на отдаленные горные кряжи. Здешний день своей застывшей строгой и мертвенной белизной не манит взора, но вечером и ночью оттаивает сердце страны льдов, и она погружается в печальные грезы, в сумеречных красках чудится ее заглушенный тоскливый плач. Скоро эти краски пропадут, у нас не будет этих вечеров – бесцветное солнце будет однообразно колесить день и ночь, ночь и день по вечно голубому небу».

«Воскресенье, 1 апреля. Сильный восточно-юго-восточный ветер, доходящий до 10 м. Под вечер, когда я вышел на палубу, мне показалось, что крылья ветряного двигателя вертятся чересчур быстро. Сильный порывистый ветер гнал их так, что едва можно было различать; сразу отдал приказ зарифить, поубавить паруса у нашей мельницы. Но пока ребята, прикорнувшие после обеда, выбрались из своих коек, мотор вдруг разом остановился. Мы наверх – одно крыло сломалось. Сдал винт во внутреннем креплении, крыло ударилось о стойку, выбило из нее кусок, сломалось само и отломало большой кусок приводного колеса, на котором был укреплен тормоз. Обломок крыла вышвырнуло, как из ружья, на лед. Починить его – дело сложное, но совершенно необходимое, и вся наша надежда теперь на кузнеца Ларса».

«Пятница, 6 апреля. Сегодня должно было произойти событие, которого мы ожидали со жгучим нетерпением: ожидалось солнечное затмение.

Скотт-Хансен ночью вычислил, что затмение начнется в 12 ч 56 мин. Предстояло как можно точнее проследить за ним, чтобы проверить наши хронометры. Для большей уверенности заблаговременно установили инструменты – большую зрительную трубу и большой теодолит – и тотчас стали наблюдать за солнцем.

Наблюдение солнечного затмения в апреле 1894 г.

Скотт-Хансен, Йохансен и я по очереди дежурили у приборов, каждый по пять минут, не спуская глаз с края солнца и ожидая, когда на его нижней западной стороне появится темная тень, второй наблюдатель следил за стрелками часов. Битых два часа провели мы таким образом, и ничего не произошло. Но вот стал приближаться волнующий момент, когда, согласно вычислениям, должна была появиться тень. Перед большим телескопом сидел как раз Скотт-Хансен, сначала ему почудилось, что у самого края солнца затрепетало что-то, но лишь 33 с спустя и он и Йохансен в один голос крикнули: «Есть». Часы показывали 12 ч 56 мин 7,5 с. Затмение началось всего на 7,5 с позже, чем следовало его ожидать по нашим вычислениям. Это было для всех нас, и особенно для Скотт-Хансена, громадным удовлетворением, стало быть, хронометры наши в полном порядке. [\[170\]](#)

Мало-помалу солнце заметно тускнело, а мы отправились вниз пообедать. В 2 ч дня затмение достигло своего максимума, и даже внизу, в кают-компании, можно было заметить, как уменьшился дневной свет. После обеда наблюдали заключительный момент затмения, когда темный диск луны оторвался от края солнца».

«Воскресенье, 8 апреля. Вчера утром, когда я подумывал уже, что пора вставать, послышались вдруг быстрые шаги наверху: по шканцам

пробежал человек, вслед за ним второй. Что-то в этих шагах заставило меня невольно подумать о медведе. Я хотел было вскочить с постели, но остался лежать, прислушиваясь, не раздастся ли выстрел. Нет, ничего не слышно – и я снова погрузился в дремоту.

Вдруг в кают-компанию ворвался Йохансен, крича, что у большого тороса за кормой лежат два полумертвых или убитых медведя. Он и Мугста стреляли в них, но не хватило патронов. Несколько человек схватили ружья и бросились к выходу. Я накинул на себя одежду и тоже выбежал. Медведи удрали. Было видно, как несколько человек гнались за ними по льду. Пока я надевал лыжи, люди вернулись, чтобы одеться для этой погони потеплее. Я пустился бежать по ледяным полям и буграм со всей быстротой, какую только мог развить. Вскоре напал на след, отмеченный каплями крови. Это шла медведица с детенышем. Так как думали, что они тяжело ранены, – медведица после первой пули Йохансена несколько раз падала, – то я решил, что настигнуть их – дело нетрудное. Впереди бежали по следу собаки. Я несся быстро по направлению на северо-запад, судно постепенно исчезало за горизонтом, а меня на солнце все сильнее прошибал пот.

Впереди и позади сверкала снежная равнина, утомляя глаз бесконечной белизной. Медведей все не видно было. Собаки старались уничтожить всякую надежду настигнуть зверя, они достаточно горячились, чтобы спугнуть зверя, но совсем не проявляли желания догнать его. Поднялся туман и окутал вокруг все, за исключением медвежьих следов, которые продолжали по-прежнему указывать путь вперед; затем туман рассеялся и солнце засияло так же ярко, как и раньше. Мачты «Фрама» давно исчезли за горизонтом, а я все бежал.

Мало-помалу меня стали донимать усталость и голод, – в спешке я даже не позавтракал. Пришлось с кислой миной повернуть домой без медведей.

На обратном пути мне попало замечательное ледяное нагромождение. Высотой оно превышало двадцать футов (мне, однако, не удалось измерить его до самой вершины); самая середина, вероятно, при каком-либо сжатии обрушилась, а остатки образовали великолепную

триумфальную арку, которая белизной превосходила мрамор и на которой изумительно сверкало солнце.

Не в честь ли моего поражения была воздвигнута эта арка? Я влез на нее, чтобы посмотреть, где стоит «Фрам»; но пришлось еще пройти порядочное расстояние, прежде чем над краем льда показалась мачта. Только в половине шестого вернулся на корабль усталый, изголодавшийся после почти целых суток поста и длительного, совершенно неожиданного моциона. Ну и вкусной же показалась мне еда!

Во время моего отсутствия несколько человек потащились за мной на санях, чтобы привезти медведей, которых я убью. Но едва они дошли до места, где происходило первое сражение, как Йохансен и Блессинг, находившиеся впереди, увидели двух новых медведей, выскочивших из - за тороса недалеко от них. Началась новая погоня. Йохансен пустился вдогонку на лыжах, но и с ним случилось то же, что со мной, впереди бежали собаки, которые гнали медведей, и Йохансен никак не мог приблизиться к ним на выстрел. Словом, результаты его охоты не лучше моих. Изменило, что ли, нам счастье? Я так кичился тем, что еще ни разу ни один медведь, за которым мы гнались, не уходил от нас, а сегодня!

Удивительно, что нас в один день удостоили посещением целых четыре медведя, после того как их не было слышно и видно в течение трех месяцев. Не означает ли это чего-нибудь? Или мы приближаемся к земле, которую я ожидаю встретить на северо-западе? В воздухе тоже чувствуется какая-то перемена; наблюдение позавчера вечером дало 80°15 – это самая северная широта, какой мы до сих пор достигали».

Фритъоф Нансен около «Фрама» весной 1894 г.

«Вторник, 10 апреля. Днем задул «мельничный ветер» с СВ, и на нас снова льется электрический свет. В субботу вечером после недельной работы ветряной двигатель был исправлен. Колесо благодаря искусству Петтерсена основательно реставрировано, сломанное крыло починено и вообще крылья значительно укреплены. Стойки точно проверены, и теперь вряд ли какой-нибудь ветер страшен нашей мельнице».

«Воскресенье, 15 апреля. Итак, половина апреля. Какое веселье, какая радость жизни звучит в этом слове! И разом встают в памяти картины весны. В эту пору люди широко распахивают навстречу весеннему воздуху и солнцу двери и окна домов, сметают накопившуюся за зиму пыль. В эту пору человеку не сидится на месте, тянет его на волю, он должен выйти, вдохнуть запахи леса, лугов, свежевскопанной земли, полюбоваться фьордом, освободившимся ото льда и сверкающим на солнце. Какой неистощимый источник наслаждений пробуждающейся природой несет с собой апрель! Но не здесь, не здесь. Правда, и тут солнце светит долго и сильно, но не над лесами, полями, горными лугами; повсюду лишь ослепляющая белизна свежеевыпавшего снега. Здесь апрель никого не манит выйти из зимней берлоги. Здесь он – не время переворотов. Если они и придут, то позже, значительно позже.

Время течет также однообразно, я не испытываю весенних желаний и беспокойства и продолжаю, как улитка в раковине, сидеть за своими занятиями в каюте. День за днем я погружен в мир микроскопа, забывая и время и место. Изредка только покинешь потемки и выйдешь для короткой экскурсии наверх к свету; день светит вокруг, и душа невольно приоткрывает крохотное окошечко навстречу солнечному теплу и радости жизни; но потом снова уходишь в свой погреб – за работу. Прежде чем забраться в постель, я должен снова пройти по палубе. Еще недавно в это время день уже исчезал, на небе слабо мерцало несколько одиноких звезд, и блеклый свет луны разливался по льду, в последние дни нет и этого – солнце не садится больше за ледяной горизонт, непрерывно длится день. Я окидываю взглядом дали пустынных снежных равнин, безграничные, безжизненные массы льда, находящиеся в незаметном на глаз движении. Ни звука, кроме легкого свиста ветра в снастях, да, пожалуй, глухих перека тов грома отдаленного сжатия. Среди всей этой пустынной белизны одна лишь темная точка – «Фрам».

Но под этой корой, там глубоко внизу, на глубине сотен метров, кипит пестрая жизнь во всех ее изменчивых формах, мир из того же вещества, с теми же стремлениями, теми же горестями и, вероятно, с теми же радостями, как и наш, – всюду та же борьба за жизнь. И так всегда; если мы снимем даже самую твердую корку, то ощутим под ней пульс жизни, как бы толста ни была корка.

Сидя внизу в уединении, я прислушиваюсь к звукам великой арфы природы. Невозмутимо гремит эта могучая симфония в течение бесчисленных веков, то слышится она в шуме жизни, то в окаменевшем холоде смерти, как похоронный марш Шопена, а мы – мы только ничтожные, неуловимые колебания струн в этой постоянно меняющейся, но всегда одной и той же могучей мировой гармонии вечности. Эти звуки – целые миры, один живет и звучит дольше, другой короче, и все, замирая, уступают место новым...

А земля? Я заглядываю далеко вперед через многие века... Медленно и незаметно уменьшается теплота солнца, и так же медленно и

незаметно понижается температура земли. Тысячи, сотни тысяч, миллионы лет исчезают в вечности. Ледниковые периоды наступают и проходят. Но солнце греет все слабее и слабее, массы плавучего льда постепенно захватывают все более широкие пространства, заходят все дальше к югу, – и в конце концов все моря сливаются в один ледовитый океан. С лица земли исчезает всякая жизнь, ее можно найти лишь в глубине морей. Но температура продолжает падать, ледяной покров растет, становится все толще, царство жизни уменьшается, катится век за веком, и – лед достигает дна. Исчезают последние следы жизни, снегом заносит всю землю. Все, для чего мы жили, больше не существует, плоды всех наших трудов, всех наших страданий уничтожены, погребены под ледяным покровом. Земля застыла и безжизненной ледяной массой продолжает кружиться по своей орбите в мировом извечном пространстве. Матовый, красноватый шар солнца проходит по небу, луна померкла, ее почти не видно с земли. Но северное сияние, быть может, все еще продолжает играть над ее ледяными пустынями, и звезды блещут так же мирно и приветливо, как и раньше. Некоторые угасли, но появились новые. А вокруг них вращаются новые светила с новыми мирами жизни, новыми бесцельными страданиями. Таков бесконечный круговорот вечности. Вечный ритм природы». [\[171\]](#)

«Понедельник, 30 апреля. Движемся на север. Вчерашнее наблюдение дало $80^{\circ}42'$, а сегодняшнее – $80^{\circ}44\frac{1}{2}'$ северной широты. Ветер все время южный и юго-восточный. Погода прекрасная, чувствуется, что весна уже пришла, хоть термометр это и оспаривает. На корабле началась «весенняя уборка». С боков «Фрама» стаивают лед и снег, и судно, вынырнув из-под зимнего покрова, походит на расцвеченную по-весеннему горную прогалину. Снег, лежавший на палубе, мало-помалу выбрасываем за борт, на фоне ясного неба вырисовываются стройные темные мачты «Фрама», а позолоченные шарики на их верхушках блестят на солнце. Мы гуляем и сидим на солнцепеке у нагретых стенок корабля, где термометр показывает уже градусы тепла, покуриваем мирно трубки и поглядываем на легкие

белые весенние облачка, плывущие высоко в синем небе. Многие, вероятно, вспоминают сейчас о весне там, на родине, где на березах распускаются первые почки...»

Глава восьмая Весна и лето 1894 г

Вот и наступило, наконец, время, которое на родине мы называем весной, пора радости, зарождения новой жизни, пробуждения природы от долгого зимнего сна. Но здешняя весна не принесла с собой перемены. Вокруг – все та же белая безжизненная пустыня, те же бесконечные ледяные равнины, по которым ходим, на которые смотрим изо дня в день уже столько времени. По-прежнему колеблемся мы между надеждой и разочарованием, от праздности переходим к лихорадочной деятельности – смотря по тому, несут ли нас ветры вперед к нашей цели или гонят назад, от нее.

Я по-прежнему продолжаю размышлять о будущем и нашем дрейфе. Наблюдения то подтверждают, то опровергают мои теории. Большею частью все же факты говорят в нашу пользу. Так, 17 апреля я убедился, что через неисследованный Полярный бассейн проходит течение, так как нас решительно несло на север. «Наблюдение в полдень, – писал я в дневнике, – показало 80°20 северной широты, т. е. на 9 севернее, чем вчера. Странно!

Четырехдневный северный ветер отнес нас на 3 к югу, а теперь слабый южный ветер за одни сутки продвинул на 9 к северу. Разве не удивительно? С дрейфом к югу как будто покончено. И если вдобавок учесть поразительную теплоту воды на большой глубине, то начинает казаться, что горизонт действительно проясняется».

Так думать меня побуждали следующие рассуждения. Температура воды в Восточногренландском течении, даже на поверхности, нигде не поднимается выше нуля (средняя годовая температура) и, по-видимому, вообще приближается к -1 °С, даже под 70° северной широты. На этой широте температура воды на глубине непрерывно убывает по мере удаления от поверхности; на глубине больше чем 180 м она никогда не превышает -1 °С, а чаще колеблется между -1,5 и -1,7 °С. Кроме того, температура на дне моря, лежащего к северу от 50° северной широты,

всегда ниже -1°C , за исключением полосы вдоль норвежского берега и пространства между Норвегией и Шпицбергом. Здесь температура начиная с 160 м и глубже выше -1°C , а на глубине 250 м температура уже равна $+0,55^{\circ}\text{C}$; то же самое замечено нами севернее 80° широты – в море, окружающем полюс.

Эта теплая вода едва ли может происходить из самого Ледовитого моря, так как течение, идущее оттуда на юг, имеет среднюю температуру около $-1,5^{\circ}\text{C}$. Это не что иное, как Гольфстрим, [\[172\]](#) который, прокладывая себе сюда дорогу, замещает воды, текущие поверх него к югу и образующие источник Восточногренландского (полярного) течения. Все это, мне кажется, вполне согласуется с моими первоначальными предположениями и служит подтверждением теории, на которой построен план нашей экспедиции. Если прибавить к этому вероятное преобладание здесь юго-восточных ветров, – что я предвидел раньше и что подтверждается данными станции Международного полярного года в Сагастыре (в устье Лены), [\[173\]](#) – то наше положение можно признать довольно благоприятным.

Временами я улавливал и другие неоспоримые признаки существования подо льдом постоянного северо-западного течения, и тогда настроение мое, конечно, подымалось. Правда, когда нас, как это часто бывало, снова уносило к югу, сомнения возвращались и мне казалось, что нет никаких шансов дойти до цели в сколько-нибудь приемлемый срок. Право, такой дрейф подвергает человека очень суровому испытанию, но зато он вырабатывает одну добродетель – терпение. Наша экспедиция представляет не что иное, как долгую тренировку в этой полезной добродетели.

Весной наше продвижение вперед шло быстрее, чем зимой, но в общем это был все тот же изводящий маятникообразный ход; стоило нам сделать большой шаг на северо-запад, как вслед за этим почти всегда наступал длительный период движения вспять. По мнению самого сведущего в политике члена нашей экспедиции, это «постоянная борьба прогресса с реакцией». После временного «левого» ветра и победного шествия на север наступало господство «радикальной правой», и мы

останавливались или начинали двигаться назад, что приводило Амунсена в самое мрачное настроение.

Любопытно, что «Фрам» все время был обращен носом к югу, а именно на Ю 3° 3, и за весь дрейф это положение изменялось весьма незначительно. 14 мая я записал: «Фрам» пятится к цели задом, – он все время стоит носом к югу. Судно будто опасается увеличить расстояние между собой и остальным миром, страстно желает вернуться на юг, в то время как невидимая сила увлекает его к неизвестному – на север. Надеюсь, что в этом опасливом заднем ходе вглубь Полярного бассейна не таится никаких дурных предзнаменований? Не думаю: ведь и рак когда-нибудь приходит к цели».

Общий ход нашего дрейфа лучше всего виден из перечня наших широт и долгот за различные дни 1894 г.

						Увеличение или уменьше- ние широты
1 мая	80°46'	сев. шир.				
4 мая	80°50'	»	»			+4'
6 мая	80°49'	»	»			-1'
8 мая	80°55'	»	»	129°58'	вост. долг.	+6'
12 мая	80°52'	»	»			-3'
15 мая				129°20'	»	»
21 мая	81°20'	»	»	125°45'	»	»
23 мая	81°26'	»	»			+6'
27 мая	81°31'	»	»			+5'
2 июня	81°31'	»	»	121°47'	»	»
13 июня	81°46'	»	»			+15'
18 июня	81°52'	»	»			+6'

До сих пор мы имели удовлетворительные успехи в движении на север, затем наступила «реакция».

24 июня	81°42'	сев. шир.				
1 июля	81°33'	»	»			-9'
10 июля	81°20'	»	»			-13'
14 июля	81°32'	»	»			+12'
18 июля	81°26'	»	»			-6'
31 июля	81°02'	»	»	126°05'05"	вост. долг.	-24'
8 августа	81°08'	»	»			+6'
14 августа	81°05'	»	»	127°38'	»	»
26 августа	81°01'	»	»			-4'
5 сентября	81°14'	»	»	123°36'	»	»

Затем снова пошли к северу, но не очень быстро.

Как и прежде, мы постоянно ожидали встречи с землей и склонны были усматривать признаки ее близости то в том, то в другом «факте». Но каждый «факт» оказывался в конце концов плодом нашей фантазии, да и большая глубина моря показывала, что земля во всяком случае не близка.

Позднее – 7 августа, – обнаружив глубину в 3850 м, я записал в дневнике: «Думаю, что впредь не будет и речи о мелководном Полярном море, где повсюду можно наткнуться на сушу И, чего доброго, мы в конце концов пройдем в Атлантический океан, не увидав по пути ни единой горной вершины. Да, пожалуй, нас ждет еще немало неожиданностей впереди!»

План, о котором я упоминал выше : путешествие к полюсу на санях и собаках, продолжал занимать меня; во время ежедневных лыжных или санных прогулок я внимательно изучал состояние льда и возможности успешного продвижения по нему. В апреле условия были особенно благоприятны, санный путь был превосходен. Поверхность льда под действием солнца стала более ровной, и полозья скользили по нему лучше, чем по тяжелому, наметенному вьюгами зимнему снегу; кроме того, ветры занесли снегом торосы и почти сравняли их, так же как трещины и полыньи, которых осталось немного, так что можно было проезжать милью за милей без особых помех. В мае, однако, наступила перемена. Уже 8 мая ветер во многих местах взломал лед, и «во всех направлениях открылись полыньи, которые сильно мешали во время поездки на собаках». Температура держалась, однако, еще настолько низкая, что полыньи быстро замерзли, и путь опять выравнился; к концу месяца потеплело, вода уже не так быстро затягивалась льдом, и полыней становилось все больше и больше.

20 мая я писал: «Утром ходил на лыжах. Ветер, не стихавший всю последнюю неделю, опять сильно поломал лед во многих направлениях. Перебираться через полыньи нелегко – они забиты мелким битым льдом, а сверху запорошены снегом. Такой лед имеет очень обманчивый вид:

глядя на него, думаешь, что под тобой крепкий лед, а воткнешь в него палку – и она сразу проваливается в воду».

Во время лыжных прогулок я не раз попадал на такой снег. Бывало идешь и вдруг чувствуешь, что снег расступается под тобой, и тогда немалых трудов стоило вернуться поскорее назад, на крепкий лед.

5 июля поверхность льда и снега была приблизительно такой же, как и прежде. Я писал: «Только что вернулся с лыжной прогулки, предпринятой вместе со Свердрупом в южном направлении. Это первая прогулка после долгого перерыва. Лед изменился, но не к лучшему; лыжный путь хороший, крепкий, но торосы трудно проходимы, и во всех направлениях рассеяны трещины и бугры. По такому льду на санях недалеко уйдешь».

И все же движение по льду было до сих пор возможно; но вот снег стал таять, и препятствия возросли.

13 июня записано: «Лед с каждым днем делается все более рыхлым, и везде вокруг на льдинах образовались большие озера талой воды. Короче говоря – настоящая распутица; лыжи то и дело проваливаются в воду. Словом, путь ни к черту. Вряд ли дале ко удалось бы уйти теперь за день, если пришлось бы пробираться на юг или на запад. Все выходы закрыты, а мы в цепях, в цепях!

Подчас меня прямо удивляет, что никто из наших молодцов не тревожится, – ведь нас уносит все дальше на север, дальше и дальше в неведомое. Ни у кого ни тени боязни. Все по-прежнему огорчаются, когда нас гонит к югу или слишком далеко к западу, и сияют от радости, когда дрейфуем прямо на север. Чем дальше, тем лучше!

А ведь ни один не закрывает глаза на грозящую нам смертельную опасность, случись одна из тех бед, которые пророчили почти все и каждый. Да, если корабль наш будет раздавлен льдами и пойдет ко дну, как «Жаннетта», прежде чем удастся спасти достаточно припасов для продолжения дрейфа на льдине, – мы вынуждены будем немедленно двинуться обратно к югу, и тогда вряд ли останутся какие-либо сомнения насчет того, что может нас ожидать. Экипажу «Жаннетты» пришлось плохо. А их корабль затонул ведь на 77° северной широты.

Нас же отделяет от ближайшей земли во много раз больше, чем дв ойное расстояние, не говоря уже о расстоянии до мест, обитаемых людьми. До мыса Челюскина теперь от нас больше 550 км, а оттуда до населенной местности тоже еще порядочно. Но все дело в том, что «Фрам» не будет раздавлен; никто и не помышляет о возможности чего-либо подобного. Мы – как гребец на каяке: он хорошо знает, что одного неверного взмаха весла достаточно, чтобы каяк опрокинулся и гребец отправился к праотцам; но тем не менее он спокойно плывет дальше, так как знает, что не сделает неверного взмаха. Положительно, это самый комфортабельный способ для полярной экспедиции; даже поездка по железной дороге не может быть более комфортабельной: там приходится менять вагоны. Однако некоторая перемена была бы для нас нелишней».

Попозже – в июле – поверхность льда испортилась еще больше: льдины были повсюду покрыты самой отвратительной слякотью из снежного месива, под которым стояла вода; среди ледяных бугров и торосов, перемежавшихся глубокими снежными сугробами, зачастую можно было провалиться по пояс, так как мягкий снег не держал даже лыжи. К концу июля, однако, по мере того как снег постепенно стаял, обнажилась твердая зернистая ледяная поверхность, и путь снова улучшился.

Зато на льдинах появились настоящие озера. Еще в начале июня (8-го и 9-го) такое озеро образовалось вокруг судна, и «Фрам» очутился среди воды. Чтобы сойти на лед, пришлось устроить мост. Некоторые из пресноводных озер тянулись на довольно значительные расстояния и были довольно глубоки. Одно из них с правого борта было настолько велико, что мы в середине июля катались по нему на парусной лодке. Это было любимейшее развлечение по вечерам. Лодка имела полный офицерский состав: свой капитан, свой штурман и свой подштурман, но без единого матроса. Товарищи рады были превосходному случаю поупражняться в плавании под парусом. Остальные, оставаясь на «берегу», находили еще более забавным бомбардировать мореплавателей снежками и ледяшками.

В этом же озерке мы однажды решили попробовать, подымет ли которая-нибудь из наших лодок всех нас, тринадцать человек, сразу. Увидев, что мы все оставили судно и направляемся к озеру, собаки сперва с большим удивлением последовали за нами, не понимая, что означает этот необычный выход. Но потом, когда все сели в лодку и отчалили, псы разом забегали и завывали в диком отчаянии, – предполагая, вероятно, что больше никогда нас не увидят. Некоторые из них пустились за нами вплавь, а двух хитрецов – Пана и Квик – осенила блестящая мысль пуститься галопом вокруг озера, чтобы перехватить нас по другую его сторону. Спустя несколько дней я с огорчением заметил, что озеро высохло. Проточив во льду отверстие, пресная вода ушла в море. Так пришел конец нашему развлечению.

Во время экскурсий в окрестностях «Фрама», кроме таких озер, во всех направлениях летом попадались и полыньи, но перебираться через них было легко, перепрыгивая в более узких местах или переплывая на льдинах с одного берега на другой. Большой ширины эти полыньи никогда не достигали, и, конечно, нечего было и думать провести по какой-нибудь из них «Фрам». Если бы даже это оказалось возможным, то особенного значения не могло иметь, так как ни одна полынья не имела большого протяжения, и мы не могли бы пройти по ней даже несколько кабельтовых ^[174] к северу. Иной раз цвет неба указывал как будто на то, что неподалеку находятся большие пространства открытой воды, и действительно случалось видеть из наблюдательной бочки большие разводья на горизонте. Но все же они не могли быть настолько обширными, чтобы, пользуясь ими, можно было пройти на судне особенно далеко. Сангвиники наши, однако, возлагали на эти разводья большие надежды.

15 июня у меня в дневнике записано: «В различных направлениях виднеются полыньи, но ни одна из них не достигает значительной ширины или сколько-нибудь большого протяжения. Штурман, однако, не перестает уверять, что мы еще до осени найдем открытую воду и сможем пройти к северу. Мнение это, кажется, разделяется всем экипажем, за исключением Свердрупа. Откуда возьмется эта открытая вода, желал бы

я знать. Вообще наша экспедиция, вероятно, первая преспокойно дрейфующая во льдах, а не тратящая время на поиски чистой воды и на охи и вздохи о том, чтобы лед вскрылся. Я желаю лишь одного: чтобы лед оставался сплоченным и быстрее дрейфовал бы к северу. Все дело в том, кто чего ждет от жизни здесь. Одни, быть может, решили плыть под парусами по открытой воде до самого полюса и их сильно огорчает то, что судно прочно остановлено льдами; другие, напротив, приготовились к тому, чтобы застрять во льдах, но не будут особенно досадовать, если найдут чистую воду. Самое благоразумное – ждать от жизни самого меньшего, тогда, наоборот, она часто дает больше».

Полыньи, каналы и трещины обязаны, разумеется, своим происхождением, так же как и торосистые гряды, смене ветров и приливо-отливным течениям, которые гонят лед то в одном, то в другом направлении. Они доказывают, пожалуй, лучше всего, что поверхность Полярного моря нужно рассматривать как связную массу ледяных глыб, находящихся в постоянном движении, то смерзающихся между собой, то отрывающихся друг от друга и разбивающихся на куски.

В продолжение всего дрейфа я внимательно изучал не только движение льда, но и условия его образования и роста. Во вступлении к этой книге я уже писал о том, что лед, даже если он годами останется в этом холодном Полярном море, может путем намерзания достигнуть лишь некоторой определенной толщины. [\[175\]](#)

Путем систематических измерений мы установили, что толщина льда, образовавшегося осенью (в октябре и ноябре), продолжала в течение всей зимы и весны непрерывно возрастать, но тем медленнее, чем лед становился толще. 10 апреля толщина льда достигла примерно 2,31 м; 21 апреля – 2,41; 5 мая – 2,54; 21 мая – 2,52; 9 июня – 2,58 м. Таким образом, мощность льда возрастала непрерывно, несмотря на то что снег на его поверхности теперь быстро таял и на ледяных полях образовались большие озера пресной воды (снежницы). 20 июня толщина оставалась прежней, хотя таяние на поверхности значительно усилилось. 4 июля толщина была 2,57 м. А 10 июля я, к своему удивлению, обнаружил, что толщина льда возросла до 2,76 м, несмотря

на то что теперь с поверхности стаивало ежедневно несколько сантиметров льда.

Я пробурил лед во многих местах и повсюду нашел одно и то же: под старым льдом полусвободно лежала тонкая, рыхлая ледяная масса. Сперва я думал, что под старую льдину поднесло другую, более тонкую, но затем убедился, что это молодой пресноводный лед, образ овавшийся на нижней поверхности старого. Своим происхождением он обязан слою пресной воды, который в результате таяния снега и верхнего слоя льда достигает 3-метровой толщины. Благодаря своей легкости этот слой теплой и пресной воды держится поверх соленой морской воды, температура которой около $-1,5^{\circ}\text{C}$. При соприкосновении с холодной морской водой пресная вода охлаждается, и в месте соприкосновения двух слоев в пресной воде начинается образование нового льда, который и увеличивает толщину льда с нижней стороны.

Попозже летом мощность льда, вследствие таяния на поверхности, несколько уменьшилась. 23 июля старый лед имел толщину всего лишь 2,23 м, а с вновь наростшим слоем – 2,49 м; 10 августа толщина старого льда уменьшилась до 1,94 м, а общая толщина была 2,17 м; 22 августа старый лед имел 1,86 м, а вместе с новым – 2,06 м; 3 сентября общая толщина была 2,02 м, 30 сентября – 1,98 м, 3 октября общая толщина осталась неизменной, а толщина старого льда была только 1,75 м. 12 октября общая толщина – 2,08 м, а старого льда – 1,8 м. 10 ноября она осталась почти та же, но с легкой тенденцией к возрастанию. Вообще в ноябре и декабре мощность льда начала опять, хотя и очень медленно, увеличиваться; 11 декабря общая толщина льда достигла 2,11 м, 3 января (1895 г.) – 2,32, 10 января – 2,48, 6 февраля – 2,59 м. Из этих примеров видно, что под влиянием морозов лед не достигает каких-либо особенно громадных толщин. Другое дело сжатия; образующиеся при них ледяные нагромождения могут достигать очень значительной мощности. Часто на большом протяжении льдины пододвигаются одна под другую несколькими слоями; смерзаясь затем вместе, они образуют одну сплошную ледяную массу. Именно таким образом образовалось ледяное ложе под «Фрамом».

Юлл и Педер часто спорили между собой зимою, ка кую толщину имеет слой льда под «Фрамом». Педер, выдавший на своем веку немало льдов, утверждал, что толщина льда должна составлять по крайней мере 6 м; Юлл не верил этому и бился об заклад на двадцать крон, что лед не так толст. 19 апреля диспут разгорелся снова. В дневнике об этом есть следующая запись: «Юлл хотел бурить, но, к несчастью, нашим буром больше 4,5 м не пройдешь. Педер взялся прорубить остающиеся полтора метра. Всю зиму шли споры по поводу этого пари, но спорщики так и не смогли прийти к соглашению. Педер говорит, что сперва Юлл должен начать бурить, а Юлл настаивал, чтобы Педер сперва срезал свои полтора метра.

Сегодня вечером этот спор неожиданно разрешился, благодаря тому что у Юлла вырвалось опрометчивое обещание дать десять крон тому, кто согласится бурить лед вместо него. Бентсен поймал его на слове и немедленно вместе с Амунсеном принялся за работу. Бентсен предложил Амунсену на выбор: получать по кроне в час или с каждого пройденного метра. Остановились на почасовой оплате. Работали до поздней ночи, и когда прошли уже 3,5 м, вдруг бур резко скользнул вниз, и в отверстии показалась вода, но набралось ее немного, и вскоре бур снова стукнулся об лед. Они пробурили еще немножко, и дальше бура не хватило. Пришлось разбудить Педера, чтобы он срезал свои полтора метра. Педер с Амунсеном принялись рубить так, что пот лил градом. Амунсен, как всегда, горячился и клялся, что не отступит, пока не пробьет лед насквозь – даже если толщина дойдет до 10 м. Бентсен ушел тем временем к себе в каюту; за ним послали гонца с сообщением, что лунка вырублена и все приготовлено для нового бурения.

Когда до 6 м осталось всего 2–3 см, бур вдруг прошел насквозь, и вода, ворвавшись, заполнила пробоину. Опустили лот, и на глубине 10 м он снова стукнулся об лед. Тогда уж пришлось им отступить.

На славной ледяной подушке покоится «Фрам»! Если даже не принимать в расчет большой отколовшейся льдины, выжатой на поверхность, то мощность льда над водой достигает 4–5 м; если же к

этому прибавить два фута, на которые «Фрам» приподнят над водой, то окажется, что расстояние между ним и водой не такое маленькое».

Температура льда в летнее время приближалась к точке таяния, но по мере наступления зимних холодов понижалась быстрее всего, конечно, у поверхности. Отсюда охлаждение проникало постепенно все глубже и глубже, до самой низкой поверхности, где температура льда, разумеется, равна температуре воды подо льдом. Мы непрерывно производили наблюдение над температурой льда в различных слоях, чтобы выяснить, насколько быстро идет охлаждение льда с наступлением зимы и каким образом температура повышается снова.

Самая низкая температура льда наблюдалась в марте и начале апреля, когда на глубине 1,2 м было около -16°C , а на глубине 0,8 м около -30°C . С начала апреля температура опять начала медленно подниматься.

При таких низких температурах лед становится очень твердым и хрупким, при толчках и сжатиях он легко растрескивается и ломается. Летом же, когда температура льда держится приблизительно на точке таяния, лед, напротив, гибкий и пластичный и при сжатиях не так легко раскалывается на куски. Эта разница между летним и зимним льдом заметна даже на слух: зимой сжатие сопровождалось всегда сильным грохотом, тогда как в вязком летнем льду сжатие протекало почти бесшумно; часто самые сильные сжатия происходили в непосредственной близости от нас, а мы их не замечали.

По соседству с судном лед в течение всего года оставался абсолютно спокойным, и «Фрам» за это время не подвергался никаким сжатиям. Он стоял неподвижно и в полной безопасности на льдине, с которой крепко смерзся. По мере того как лед на поверхности подтаивал под лучами летнего солнца, судно поднималось все выше и выше. Осенью «Фрам» снова стал понемногу опускаться, потому ли что верхние слои льда оседали под его тяжестью, либо оттого, что лед с нижней стороны подтаивал и его плавучести не хватало, чтобы по-прежнему держать на себе «Фрам».

Тем временем жизнь на борту шла своим обычным чередом. С окончанием полярной ночи начались всякого рода работы, и вообще дела по сравнению с зимой прибавилось. Я уже упоминал о неудачных попытках достать дно лотом. Не рассчитывая встретить здесь такую глубину, мы не захватили приспособлений для измерения больших глубин. Пришлось сделать лучшее из того, что мы могли при таких обстоятельствах: пожертвовали одним из стальных тросов «Фрама», чтобы смастерить лотлинь. На льду не трудно было подыскать место для устройства «канатной фабрики», хотя нельзя сказать, чтобы температура от -30 до -40 °С была очень подходящей для работы с такими деликатными вещами, как стальная проволока; все же работа шла довольно гладко. Трос был расщеплен на отдельные проволочные нити, и мы, скрутив их по две, изготовили новый тонкий и гибкий лотлинь длиной от 4000 до 5000 м. Теперь-то, наконец, мы достали дно. Оказалось, что глубина колеблется от 3300 до 3900 м. Это было потрясающее открытие. [\[176\]](#)

До сих пор все и всегда исходило из предположения, что Полярный бассейн мелководен и изобилует неизвестными островами и землями. Я, составляя план экспедиции, тоже принимал существование мелкого моря, хотя и полагал, что Полярный бассейн пересекается глубоким каналом, который, быть может, составляет продолжение больших глубин в северной части Атлантического океана.

Исходя из предположения о мелководности Полярного бассейна, многие думали, что пространство вокруг полюса было некогда покрыто обширным полярным материком, от которого теперь остались на поверхности океана лишь острова. Этот полярный материк считали колыбелью многих растительных и животных форм, нашедших оттуда путь в наши широты. И вот оказалось, что все эти догадки построены на довольно шатком основании. Большая глубина указывает на то, что здесь ни в коем случае не могло быть материка в один из последних геологических периодов; эти глубины столь же древни, как и глубины Атлантического океана, продолжение которого они, по всей вероятности, составляют.

Второй работой, которой я придавал большое значение, были измерения температуры воды на различных глубинах, от поверхности до самого дна. Эти измерения производились так часто, как позволяло время. Они тоже дали, как я уже говорил, поразительные результаты, обнаружив под холодным поверхностным слоем присутствие сравнительно мощного слоя более теплой воды. Здесь не место приводить полностью результаты различных серийных измерений; все они довольно сходны, и я ограничусь для примера одним из них, чтобы читатель получил некоторое представление о распределении температур в толще полярных вод.

Привожу измерения температуры воды на различных глубинах за период от 13 по 17 августа. [\[177\]](#)

На поверхности	+0,80 °C			На			
На глубине	2 метров		-1,40	На глубине	600 метров		+0,16
»	40	»	-1,72		800	»	+0,02
»	80	»	-1,72		1000	»	-0,14
»	100	»	-1,62		1400	»	-0,38
»	140	»	-1,19		2000	»	-0,71
»	180	»	-0,52		2600	»	-0,79
»	200	»	-0,23		2900	»	-0,81
»	220	»	0,00		3000	»	-0,78
»	300	»	+0,18		3400	»	-0,74
»	400	»	+0,32		3800	»	-0,69

Эти температуры воды во многих отношениях замечательны. Как видно из таблицы, от поверхности и до глубины 220 м температура держится ниже нуля, причем ниже всего она на глубине от 40 до 80 м. Начиная с 220 и до 800 м температура выше нуля, причем самая теплая вода оказывается на глубине около 400 м. На глубине свыше 800 м температура снова ниже нуля и равномерно падает до глубины 2900 м, после чего до самого дна температура вновь медленно повышается. Такие повышения и понижения температуры были найдены почти во всех сериях температурных измерений, колебания за различные месяцы были столь ничтожны, что редко превышали несколько сотых градуса. В отдельных случаях температура теплых слоев воды поднималась даже выше, чем здесь указано. Так, 17 октября на глубине 300 м она

равнялась $+0,85^{\circ}\text{C}$, на глубине 350 м $+0,76^{\circ}\text{C}$, на глубине 400 м $+0,78^{\circ}\text{C}$ и на глубине 500 м $+0,62^{\circ}\text{C}$, после чего она равномерно понижалась и снова поднималась у дна, как и прежде.

Скотт-Хансен и Нурдал около метеорологической станции

Мы не ожидали в этих пустынных краях встретить многочисленных представителей пернатых. Каково же было наше изумление, когда 13 мая нас навестила чайка! С этого дня мы постоянно видели вблизи судна разных птиц, в конце концов эти визиты стали почти ежедневными и настолько обычными, что мы перестали обращать внимание на этих гостей.

Птицы эти были по большей части следующие: белая чайка (*Larus eburneus*), моевка (*Rissa tridactyla*), глупыш (*Procellaria glacialis*); иногда попадались также и другие виды: чайка-бургомистр (*Larus glaucus*), серебристая чайка (*Larus argentatus*?) или чистик (*Uria grylle*); раз или два видели мы также поморника (вероятно, *Lestris parasitica*), а 21 июля нас навестила пуночка (*Plectrophenax nivalis*?).

3 августа произошло весьма замечательное событие: нам нанесла визит арктическая розовая чайка (*Rhodostethia rosea*). Об этом в дневнике моем записано: «Сегодня, наконец, исполнилось мое давнее желание – в один день я убил трех чаек Росса. ^[178] Этих таинственных обитателей неведомого Севера видели до сих пор только случайно; никто не знает, откуда они появляются и куда улетают; они безраздельно принадлежат тому миру, куда стремится наша фантазия. С тех пор как я попал на Север, моей заветной мечтой стало увидеть розовую чайку. Я постоянно искал их, когда обшаривал взглядом из обсервационной бочки пустынную ледяную равнину. И вот они появились, когда я меньше всего их ждал. Я вышел немного пройтись около корабля; когда я присел на торос и рассеянно смотрел на север, вдруг мне бросилась в глаза парящая над большой ледяной грядой подальше к северо-западу какая-то птица. Сначала я принял ее за моевку, но вскоре заметил, что она своими резкими движениями, длинными острыми крыльями и остроконечным хвостом скорее напоминает поморника. Когда я достал ружье, их было уже две. Они несколько раз облетели вокруг корабля. На более близком расстоянии я различил, что для поморников они слишком нежно окрашены. Птицы безбоязненно продолжали летать поблизости судна. Я пошел за ними по льду. Вскоре мне удалось подстрелить одну. Я был удивлен донельзя, когда, подняв ее, увидел, что это маленькая птичка, величиной с бекаса; даже крапчатой спинкой она напоминала бекаса.

Затем я убил вторую, а попозже в тот же день появилась еще третья, которую я тоже застрелил. Эта, когда я ее поднял, была еще жива и на моих глазах выпустила из клюва двух маленьких рачков, выловленных ею, вероятно, из полыньи. Все три были молодые птицы, приблизительно 32 см длины, с серебристой спинкой, усеянной черными крапинками; грудка и брюшко были белые, с едва заметным красно-оранжевым отливом; вокруг шеи шло темное кольцо с серебристыми крапинками. С возрастом крапинки на оперении исчезают, спинка у них делается сизой, кольцо на шее чернеет, а грудка приобретает нежную

розовую окраску. Несколько дней спустя мы застрелили еще нескольких розовых чаек, так что всего у нас их оказалось восемь экземпляров.

С течением времени меня все больше занимал возникши й еще зимой план исследования неизвестного моря за пределами пути, по которому дрейфовал «Фрам». Я с опасением следил за собаками, боясь, как бы с ними чего-нибудь не случилось; на них ведь возлагались все мои надежды. Правда, несколько собак были загрызены насмерть другими, две растерзаны медведями, но у нас все же оставалось еще двадцать шесть собак, да, кроме того, взамен погибших появились щенки, из которых восемь получили право на жизнь.

Весной мы держали щенят на палубе, но с 5 мая их мир значительно расширился. В тот день я записал в дневнике:

«После обеда выпустили щенят на лед, и Квик тотчас же начала предпринимать с ними небольшие экскурсии, чтобы познакомить их с окрестностями; первым долгом она дала им обнюхать метеорологические приборы, затем повела их поглядеть на медвежий капкан и наиболее выдающиеся торосы. Вначале щенки держались очень осторожно, робко озирались по сторонам, не осмеливаясь удаляться от корабля. Но вскоре они подняли во вновь открытом мире неугомонную возню. Квик, выводя свое потомство в свет, была исполнена материнской гордости и радости и шумно носилась вокруг щенят, хотя только что вернулась из далекой поездки, во время которой, по обыкновению, усердно налегала на постромки. После обеда на одного белого с черными подпалинами щенка напал припадок бешенства, он неистово прыгал вокруг корабля, лая и кусая что попало. Остальные щенки набросились на него, и в конце концов пришлось его запереть в конуре на передней палубе, где он продолжал еще некоторое время неистовствовать; потом он угомонился и сейчас кажется опять совершенно нормальным. Это уже четвертый щенок, с которым случается такой припадок. Что за черт! Водобоязнь это никак не может быть, она поражала бы и взрослых собак. Быть может, это зубная боль или врожденная эпилепсия? Или еще какая-нибудь чертовщина?» К великому сожалению, несколько щенков от этих

необъяснимых припадков подошло. Щенки были такие красивые и забавные, что всякий раз мы искренно горевали.

3 июня я писал: «Утром опять окошел один щенок от этого загадочного припадка судорог. Не могу скрыть от себя самого, что это меня глубоко расстраивает и огорчает. Я так привык к этим маленьким существам, живущим своей беззаботной жизнью там, на палубе, кувыркающимся, играющим вокруг нас с утра до вечера или даже до самой ночи. Часами могу я любоваться ими, играть с ними, как с малыми детьми – хотя бы в прятки, отчего они приходят в бурный восторг. Теперь погиб самый большой и сильный из них, великолепный рыжий песик; я назвал его Левой. Он был такой доверчивый, ласковый, такой добродушный и еще вчера бегал, играл, был полон жизни, ласкался ко мне, а сегодня – мертв. Ряды редуют. Но самое скверное то, что мы напрасно стараемся постигнуть причины недуга. Этот щенок был совершенно нормальным и веселым до завтрака, а во время завтрака вдруг завизжал и стал крутиться, неистово лая, точь-в-точь как раньше другие. Затем у него начались судороги, изо рта выступила пена. Одна из этих судорог его доконала, причем с момента первого визга прошло всего часа два. Сегодня днем я и Блессинг произвели вскрытие, но не могли обнаружить ни в одном органе чего-либо необычного. Болезнь, кажется, не инфекционная. Не могу понять ее!»

Уленька, красивейшая собака во всей своре, наша надежда и утешение, тоже внезапно заболела. На следующий день, утро 24 мая, мы нашли ее на палубе разбитой параличом, совершенно беспомощной. Она старалась подняться, но стоять не могла и снова валилась на палубу, подобно человеку, которого хватил удар, после чего он потерял способность управлять своими членами. Для нее тотчас же устроили в ящике постель и окружили Уленьку всяческими заботами. В общем она совершенно здорова, но ноги ее парализованы. Вероятнее всего, это был апоплексический удар, поражающий какое-то место спинного мозга и парализующий одну сторону тела. По степенно, однако, собака оправилась, но никогда уже не была тверда на ногах, хотя и участвовала потом в нашей санной экспедиции.

Нельзя сказать, чтобы собакам было по вкусу лето: в воздухе жарко, а на льду мокро. 11 июня я писал: «Сегодня снежница вокруг нас значительно увеличилась, ходить в сапогах с мокрыми ногами удовольствия мало. Собаки днем мокнут в воде и сильно потеют от жары, хотя температура редко поднимается выше нуля. Несколько дней тому назад мы переселили собак на лед, где для них поставлены две длинные конуры, ^[179] сделанные из ящиков и, в сущности, состоящие из одной стены да крыши. Здесь животные проводят теперь большую часть дня, и мы избавились от грязи на палубе. Правда, у нас остались еще четыре щенка, которые ведут веселую жизнь, стараясь превзойти друг друга в играх и лени, да медленно выздоравливающая Уленька. Для собак сохранился тот же распорядок дня, что и зимой. Их отвязывают примерно в 8 ч 30 мин утра. Когда время освобождения приближается, они поднимают от нетерпения невероятный шум и гам. Стоит показаться на палубе кому-нибудь из нас, как из всех двадцати шести глоток вырывается дикий лай – необузданное требование еды и свободы. Как только их спускают, они получают завтрак – по половине вяленой рыбы и по три сухаря. Остальную часть предобеденного времени они проводят, роясь во всех мусорных кучах, гложут и облизывают пустые жестяные банки, которые по сто раз успели исследовать. Если случается, что на лед выкатится из камбуза новая банка, – за право обладания ею вся свора немедленно вступает в бой, часто та или другая собака слишком глубоко засунет голову в длинную и узкую банку, пытаясь достать соблазнительный кусок сала, застывшего на донышке и дразнящего собачий аппетит, – голова застрянет и никак не может высвободиться. С такой мышеловкой на голове собака тычется вслепую во все стороны, тщетно пытаясь от нее избавиться, выделывая, к величайшей нашей потехе, всевозможные курбеты. Устав рыться в мусорных кучах, собаки, круглые, как колбаски, пыхтя растягиваются на солнцепеке, а если становится чересчур жарко, уходят в тень. Перед обедом их снова привязывают, но Пан с некоторыми единомышленниками обычно предпочитает заблаговременно улизнуть и спрятаться за какой-нибудь торос; из-за глыбы льда выглядывает лишь

голова или пара настороженных ушей. Если за ним пойдут, случается, что он ворчит, скалит зубы и даже огрызается, потом расплывается на льду и дает в таком виде уволочь себя в тюрьму. Остаток дня собаки проводят в дремоте, высунув язык от жары, хотя, в сущности, температура еще на несколько градусов ниже нуля. Ни с того ни с сего они поднимают иной раз такой вой, что слышно, пожалуй, и в Сибири, и потом вдруг завязывается между ними драка, они грызутся и треплют друг друга так, что шерсть летит клочьями».

С переводом собак на лед на вахтенного возложена тяжелая обязанность оставаться по ночам все время на палубе, что раньше не практиковалось. Но с нас довольно и одного медвежьего визита, стоившего нам двух драгоценных животных. Мы решили, что больше не нуждаемся в таких посетителях.

31 июля Квик снова увеличила наше население, подарив миру одиннадцать щенят. Один из них оказался уродом и поэтому сразу же был убит, двое других вскоре околели. Остальные выросли и стали великолепными ездовыми собаками. Они живы еще и поныне.

Свердруп мастерит полозья для нарт

Различные памятные дни праздновались нами всегда с большой торжественностью. Особенной пышностью отличалось празднование 17

мая (годовщина Норвежской конституции). Я приведу из своего дневника описание этого дня.

«Пятница, 18 мая. Вчера мы отпраздновали с возможным великолепием семнадцатое мая. Утром нас разбудили звуки органа; воодушевляющий хор трубачей звучал по всему кораблю, приглашая к превосходному завтраку с копченой лососиной, языком и т. п. Все население прикрепило к груди розетки национальных цветов. Даже старому Великану надета ленточка на хвост. Дул ветер, и норвежский флаг парил в вышине, весело развеваясь на верхушке мачты. Около 11 ч экипаж собрался с флагами в руках на льду по левому борту корабля. Шествие выстроилось. Впереди – руководитель экспедиции с чисто норвежским флагом, ^[180] за ним Свердруп с шестиметровым вымпелом «Фрама», очень эффектным, надпись «Fram» сделана крупными буквами на красном фоне. Затем следовали запряженные собаками сани, на которых восседал «оркестр» – Йохансен с гармоникой и Мугста за кучера. За ними шли штурман Якобсен с ружьем и гарпунер Хенриксен с длинным гарпуном, затем Амунсен и Нурдал с красным знаменем. Дальше шествовал доктор, неся на толстой палке плакат с требованием «нормального рабочего дня»; этот плакат представлял собой шерс тянущую фуфайку с вышитыми на груди буквами N. A. ^[181] Развеваясь наверху длинной палки, эта фуфайка имела очень внушительный вид.

За доктором следовали кок с «патентованным» котелком за плечами и, наконец, наши метеорологи со странным сооружением – большим жестяным щитом, к которому была прикреплена красная лента с буквами «AL St.» (Almindelig Stemmerst – всеобщее избирательное право). ^[182]

Наконец процессия тронулась. Собаки маршировали с такой важностью, будто всю свою жизнь только и делали, что участвовали в демонстрациях, а музыка играла торжественный парадный марш, сочиненный, правда, едва ли для данного случая. Величественный кортеж дважды обошел вокруг «Фрама» и торжественно направился к «Великому бугру». По пути процессия была сфотографирована. С Великого бугра мы провозгласили троекратное «ура» в честь «Фрама»,

который так благополучно доставил нас сюда и, конечно, столь же благополучно доставит обратно на родину. Затем шествие направилось обратно к кораблю. Теперь оно двигалось мимо носа «Фрама», и, когда подошло к трапу левого борта, с капитанского мостика была произнесена речь, посвященная семнадцатому мая. За ней последовал громовой салют из шести ружей, в результате чего пять-шесть собак пустились стремглав через торосы по льду и в течение нескольких часов не рисковали вылезти из-за дальних ледяных прикрытий. Мы же тем временем спустились в теплую кают-компанию, празднично разукрашенную флагами, и, прослушав наш табельный вальс, приступили к роскошному обеду. Меню было следующее: рубленая рыба с соусом из омаров, топленным маслом и картофелем; музыка; свиные котлеты с зеленым горошком, картофелем, манговыми орешками и верчестерским соусом; музыка; абрикосы и драчена со сливками; много музыки. После обеда «прикурнули», как изящно выражались у нас на «Фраме». Потом пили кофе, за которым наш фотограф любезно попотчевал нас сигарами. Настроение у всех приподнятое. Тем не менее еще разок «прикурнули». После ужина выступил скрипач Мугста и был сервирован разнообразный десерт».

В общем семнадцатое мая прошло у нас очень удачно, особенно если принять во внимание, что мы в этот день миновали 81-ю параллель.

Чтобы дать представление о нашей летней жизни, я приведу еще несколько заметок из дневника.

«Понедельник, 28 мая. Эх, и устал я от этих бесконечных белых равнин. Даже на лыжах нельзя по ним ходить, не говоря уже о том, что трещины и полыньи встречаются на каждом шагу. День и ночь марширую я взад и вперед по палубе или по льду вдоль судна и размышляю о разных запутанных научных проблемах.

Последние дни меня занимает вопрос о перемещении полюсов. Меня поразила мысль, что приливно-отливная волна, в связи с неравномерным распределением моря и суши, должна оказывать какое-то возмущающее влияние на положение земной оси. Когда подобная мысль застрянет в голове, от нее нелегко отделаться. После

многодневных расчетов я наконец пришел к выводу, что влияние Луны на море должно быть достаточно для того, чтобы произвести смещение полюса на одну минуту широты в 800 000 лет. А чтобы объяснить европейский ледниковый период, который служил главным предметом моих размышлений, надо было переместить полюс по крайней мере на десять или двадцать градусов. В таком случае со времени европейского обледенения прошло ужасно много времени, и, значит, человечество имеет за собой весьма почтенный возраст. Конечно, все это чепуха!

Пока я без устали и в глубокой задумчивости шлифую палубу, воображая себя великим мыслителем, вдруг открывается, что мои мысли унеслись домой, к теплу и настоящему лету, к тем, которых я там оставил, и где близкие люди строят всякие воздушные замки относительно того дня, когда я вернусь обратно домой.

Да, да! Я трачу слишком много времени на все эти размышления, а мы движемся все так же медленно, и ветер, всемогущий ветер, все тот же.

Когда я выхожу утром на палубу, мои глаза прежде всего обращаются к флюгеру на бизань-мачте, ^[183] чтобы узнать направление ветра; туда же они постоянно обращаются в течение дня, и на него же я бросаю последний взгляд вечером, прежде чем идти спать. Но флюгер постоянно показывает одно и то же направление, западное и юго-западное, и мы то быстрее, то медленнее движемся на запад и совсем незначительно на север.

Я не сомневаюсь теперь, что экспедиция увенчается успехом. Ошибка в моих расчетах была не так уж велика. Но думаю, что нас пронесет едва ли выше 85°, если не меньше. Все зависит от того, насколько далеко к северу простирается Земля Франца-Иосифа. Будет очень тяжело отказаться от мысли достигнуть полюса, хотя это достижение по существу только вопрос тщеславия, а устак в сравнении с тем, что мы делаем и что надеемся сделать. Все же должен признаться, я настолько глуп, что охотно дошел бы до полюса, и попытаюсь это сделать, если только мы будем проходить мимо него в более или менее подходящее время года.

Май в этом году очень мягкий. За последнее время температура несколько раз подымалась почти до нуля. Выходя на воздух, право, можно вообразить себя на родине; редко бывает больше двух-трех градусов мороза. Но начинаются летние туманы, порой оставляющие на снастях бахрому инея. Впрочем, небо с его легкими бегущими облаками почти напоминает весеннее небо более южных стран.

На судне тоже стало заметно теплее; теперь не приходится больше топить печку, чтоб поддержать тепло и уют в кают-компании; впрочем, мы никогда не роскошествовали в этом отношении. Иней и лед, скопившиеся на потолке и стенах кладовых, стали понемногу таять. В кормовом и в большом трюме мы вынуждены провести «великую чистку», соскрести лед и иней и обсушить помещение, чтобы продукты не испортились, если упаковка отсыреет или жестяные банки проржавеют. Кроме того, мы довольно долгое время держали открытыми люки большого трюма, чтобы помещение проветрилось и сырость испарилась. Вообще же прямо удивительно, до чего мало у нас на корабле сырости. Этим мы обязаны прочной конструкции корпуса «Фрама» и тому, что палуба над большим трюмом обшита с нижней стороны панелью. Я все больше и больше люблю наш корабль».

«Суббота, 9 июня. Наш политикан Амунсен отпраздновал сегодняшний день, надев белую рубашку с галстуком (согласно постановлению стортинга от 9 июня 1880 г.).

Сегодня я опять перебрался работать в рубку на палубу; здесь можно, сидя за работой, поглядывать через иллюминатор на белый свет и чувствовать, что живешь на земле, а не в преисподней, где круглые сутки приходится жечь огонь. Я намерен остаться тут на зиму возможно дольше; здесь тихо, спокойно, никто не мешает; монотонные окрестности не так подавляют.

Чувствуется, что в самом деле наступило лето. Можно часами бродить по палубе вместе с солнцем или, останавливаясь и покуривая трубку, греться на нем, а взором скользить по хаосу снежных холмов и ледяных глыб. Снег теперь повсюду мокрый; то тут, то там начинают появляться озера. Весь лед сильно пропитан соленой водой; стоит

только пробить самую маленькую яму во льду, как она тотчас же наполняется водой». Дело в том, что лед содержит в себе соль, и по мере повышения температуры соль вызывает вокруг себя таяние; таким образом, создается крепкий рассол, точка замерзания которого ниже температуры окружающего льда. «Температура льда также значительно поднялась: на глубине 1,2 м она равна $-3,8^{\circ}\text{C}$, а на глубине 1,6 м несколько теплее $-3,1^{\circ}\text{C}$ ».

«Воскресенье, 10 июня. Довольно странно, что никого из нас до сих пор не поразила снежная слепота за исключением доктора, кото рый дня два тому назад после игры в мяч на льду вдруг почувствовал ее приступ. Весь вечер он неудержимо проливал мужественные слезы, но скоро все прошло. Довольно оскорбительная насмешка судьбы, что именно доктора первого поразила эта болезнь». Впоследствии и у нас было еще несколько легких случаев снежной слепоты; кое -кто вынужден был временно носить темные очки. Но все случаи оказались легкими и произошли потому, что вообще у нас не считали нужным принимать какие-либо меры предосторожности.

«Понедельник, 11 июня. Сегодня я сделал радостное открытие. Я думал, что давно уже начал последнюю пачку сигар, и рассчитал, что если я буду выкуривать по одной сигаре в день, то мне их хватит еще на месяц. Но теперь вдруг нахожу целый ящик у себя в шкафу. Вот радость! Это поможет мне скоротать несколько месяцев. Где -то мы к тому времени будем? Бедняга, низко же ты пал! Скоротать время! Едва ли когда прежде могла прийти тебе в голову такая мысль. Тебя всегда смущало, что время летит слишком быстро, а теперь кажется, что он о ползет нестерпимо медленно. И вдобавок ты еще так пристрастился к табаку, туманишь себе голову вечными мечтаниями и облаками табачного дыма. Послушай, как ветер шумит, раскачивая мачты, слушать его – одно удовольствие».

Канун Ивана Купала мы, конечно, собирались отметить обычным костром, но погода для этого оказалась малоблагоприятной.

Суббота, 23 июня.

Прекрасны доли, чудны леса,

Когда заходит светило дня,
И дремлют горы, бросая тень.
Наступит завтра Иванов день.

Продолжается северный ветер с мокрым снегом. Противная погода. Дрейфуем к югу. 81°43 северной широты, т. е. с понедельника нас отдрейфовало на 9 к югу.

Канун Иванова дня мне приходилось встречать под разными небесами, но никогда не видал такого, как сегодня. Так далеко, далеко от всего, что связано с этим вечером. Вспоминается веселье вокруг костров у нас на родине, звуки скрипки, смеха, стрельба, на которую откликается в синеющих горах эхо. Я смотрю на эту беспредельную белую равнину, сквозь туман и иней и гудящий ветер. Здесь Иванов день не несет с собой радости. Серо и пасмурно все вокруг.

Перелом лета миновал, и скоро дни опять станут короче, будут клониться к долгой зимней ночи, которая, быть может, найдет нас там же, где и покинула. Сегодня после обеда я сидел, углубившись в определение солености морской воды, как вдруг Мугста просунул голову в дверь и сообщил, что поблизости, кажется, бродит медведь. Наши ребята возвратились после обеда к своей работе у Великого бугра, где устраивался ледник для хранения свежего мяса, [\[184\]](#) и тут обнаружили медвежьи следы, которых прежде не было. Я надел лыжи и пустился в путь... Легко сказать – путь... Все последние дни стояла оттепель, и вместо пути образовалось сплошное снежное месиво, в котором беспомощно проваливаются лыжи. Медведь подошел с запада и, направляясь прямо к судну, остановился обзреть работы по рытью погреба, затем вернулся немножко назад и, задав порядочный крюк, затрусил тихо и спокойно к востоку, не обращая больше ни малейшего внимания на такой пустяк, как корабль. Он шел зигзагами, обнюхивая все уголки, где, как ему казалось, можно было найти что-либо съестное, местами рылся в снегу разгребая брошенные собаками объедки или что-нибудь в этом роде. Затем он обошел и обследовал с большим интересом все полыньи – по-видимому, в надежде, что ему попадется тюлень, потом снова пустился в путь среди торосов, где по льдинам, где прямо

по воде и по слякоти. Будь лыжный путь получше, ему бы не уйти, но на таком рыхлом снегу он намного меня опередил.

**Отсчет в лупу температуры по глубоководному термометру
(12 июля 1894 г.)**

Удручающе безотрадный ландшафт – все бело и серо кругом. Полное отсутствие теней, лишь полурасплывшиеся формы, тающие в тумане и мокром снегу. Полная оттепель. Проваливаешься на каждом шагу. Нелегко проложить себе путь по этому рыхлому снегу за медвежьими следами, которые вьются то между торосами, то поверх их. Лыжи глубоко погружаются в снег, и вода, скопившаяся под снегом, доходит часто до щиколоток. Трудно вытащить лыжи, и еще труднее переставлять в них ноги, но без лыж было бы еще хуже. Кое-где однообразный бело-серый хаос прерывается черной, как уголь, водой, которая извивается между высокими торосами то широкими, то узкими разводьями. По черной поверхности разбросаны белые, покрытые снегом ледяные глыбы и обломки льда, будто белый мрамор на чернозем. Местами расстилаются большие темные полыньи, ветер гонит по ним мелкие волны, которые плещутся о ледяные края, – это единственные живые звуки здесь в пустыне. Приветом старого друга звучит этот веселый плеск волн. И здесь разъедают они льдины и размывают их края; совсем можно вообразить себя в более южных широтах. Но все вокруг обложено льдом, он вздымается самыми причудливыми

фантастическими формами и резко выделяется на черном фоне, на котором глаз покоился минуту назад. Вечно и непрестанно меняет этот странствующий лед формы чистого голубовато-белого мрамора. С щедрой расточительностью проводит природа резцом своим, воздвигая чудеснейшие изваяния лишь для того, чтобы снова их уничтожить, хотя бы еще ни один глаз их не видел. Это сплошная симфония красоты, но к чему она. Что означает? Ею управляют капризы изменчивой природы, следующей тем извечным законам, которые не интересуются ни тем, что мы называем целью, ни перспективой.

Передо мной вздымается одна ледяная гряда за другой, с полыньями между ними. В июне была раздавлена и затонула «Жаннетта». И что, если и «Фрам» постигнет здесь та же участь? Нет, льды будут к нему благосклоннее. Ну а если все-таки это случится? Гуляя по льду и оглядывая окрестности, я вспомнил, что сегодня канун Иванова дня. Далеко там виднеются мачты, высоко уходящие в небо, полускрытые в снеговом облаке. Да, смелые сердца у людей, живущих под палубой этого судна. Смелые сердца или просто слепая вера в слово человека?

Можно понять состояние человека, который придумал план хотя бы самый безрассудный, когда он отправляется, чтобы выполнить его; конечно, он готов сделать все возможное для того, что рождено его мыслью. Но они – у них ведь нет такого ребенка – они со спокойной совестью могли бы воздержаться от участия в экспедиции, подобной этой. Какая надобность человеку жертвовать жизнью, рисковать гибелью здесь?

Нет, по такому пути бесцельно гнаться за медведем. И я плетусь по мокрой снежной каше обратно».

«Воскресенье, 24 июня. Годовщина нашего отъезда с родины. Северный ветер. Продолжаем дрейфовать на юг. Сегодняшнее наблюдение дало 81°41,7 северной широты; нельзя сказать, чтобы мы двигались с головоломной скоростью.

Длинный был год; много пережито тревог и разочарований, хотя мы и не прошли так далеко, как я предполагал.

Сижу и гляжу в иллюминатор; снег вихрем крутит на северном ветре. Странный Иванов день! Пожалуй, я теперь сыт льдом и снегом, но все же отнюдь не тоскую о зеленых лугах; по крайней мере не всегда. Наоборот, часами сижу теперь, обдумывая планы новой экспедиции вглубь ледяной пустыни, планы, которые я осуществляю после возвращения домой... Да, я-то знаю, чего достиг, и знаю примерно, что меня ожидает, поэтому могу строить планы на будущее. Но те, которые остались дома... Нет, сегодня я писать не расположен. Пойду спать».

«Среда, 11 июля. Широта 81° 18,8 . Наконец-то снова южный ветер и пришел конец нашему дрейфу на юг.

Теперь я почти тоскую о полярной ночи, с ее вечной сказочной игрой звезд, волшебными северными сияниями и луной, плывущей в темно-синем безмолвии. Это нечто, напоминающее мечту, взгляд, брошенный в туманную страну фантазии. Ночью не существует форм, не существует действительности, а только видение, сотканное из серебра и фиолетово-голубого эфира, поднимающегося от земли и пропадающего в бесконечности... Но этот бесконечный день, чересчур реальный, навязчивый, не интересует меня больше и не манит из моей берлоги. И эта вечная неустанная спешка, переход от одной работы к другой; все надо сделать, ничем нельзя пренебречь; мелькают неделя за неделей, день за днем; рабочий день долг и нередко кончается далеко за полночь. Но через все это проходит то же чувство неудовлетворенного стремления и пустоты, которого нельзя обнаружить перед другими. И подавить его подчас нельзя.

Говорят, что святые обретали душевный покой в пустыне. Здесь поистине достаточно пустынно, но покоя... нет, я его не знаю. Вероятно, мне не хватает святости...»

«Среда, 18 июля. До полудня ходил с Блессингом на прогулку, чтобы взять пробы бурого снега и льда и выловить из воды водоросли и диатомеи. Верхняя поверхность льдин почти повсюду грязно-бурого цвета; во всяком случае, бурый лед преобладает, тогда как чисто-белые льдины, без следов грязно-бурого оттенка, редки. Я предполагал, что своей коричневой окраской лед обязан организмам, обнаруженным мною

прошлой осенью (в октябре) на молодом красновато-буром льду; но взятые мной сегодня пробы состоят главным образом из минеральной пыли с примесью диатомей и других составных частей органического происхождения. ^[185] Те же результаты получил Блессинг, который взял несколько проб на поверхности льда в начале лета. Необходимо продолжить анализы льда и удостовериться, действительно ли эта коричневая пыль – минерального происхождения и, следовательно, занесена сюда с земли. ^[186]

Хендрик Гревс Блессинг, врач и ботаник экспедиции

В полыньях мы нашли множество комочков водорослей такого же вида, какие попадались раньше. Почти в каждой маленькой полынье большие скопления таких водорослей. Мы убедились также, что по краям ледяных полей бурый слой спускается с поверхности в воду на большую глубину. В этом случае своей окраской он обязан водоросли, растущей на льду. В воде плавает также довольно много мелких студенистых комков, частью белых, частью желтовато-красных. Я собрал несколько комков. При исследовании под микроскопом оказалось, что все они состоят исключительно из скоплений диатомей, среди которых было, кроме того, немало крупных красных одноклеточных организмов, в высшей степени характерного вида. ^[187] Эти скопления диатомей держатся на определенной глубине, примерно на метр ниже поверхности; в некоторых небольших полыньях их собираются большие массы. На той же глубине обильно развиваются водоросли, о которых я

уже говорил выше, ветви их поднимаются к поверхности. Очевидно, все эти скопления диатомей и водорослей плавают на той именно глубине, где лежит граница между поверхностным слоем пресной воды и соленой морской водой. Вода на поверхности совершенно пресная, и диатомеи в ней тонут, тогда как, доходя до соленой воды, они плавают».

«Четверг, 19 июля. Случилось, как я и ожидал. Начинаю довольно прилично ориентироваться в здешних ветрах. Днем дул «мельничный» ветер (т. е. такой, сила которого достаточна для вращения крыльев нашей ветряной мельницы), к вечеру он затих; завтра у нас будет, вероятно, западный или северо-западный ветер.

Вчера вечером выкурил последнюю сигару из старого ящика, а сегодня закурил первую из нового, и последнего. Я рассчитывал, что к тому времени, когда старый ящик будет опорожнен, мы продвинемся достаточно далеко, а на самом деле мы едва ли ушли дальше, чем тогда, когда я его начал. Бог весть, далеко ли мы будем, когда опустошится и этот последний. Ну, будь что будет!»

«Воскресенье, 22 июля. Норд-вест задержался, зато в пятницу вместо него пожаловал норд-ост, который ночью перешел мало-помалу в ССВ. Вчера же утром ветер дул прямо с севера; сегодня это закончилось западным ветром, старым знакомым, который нам больше чем прискучил. Линь показывает сегодня вечером отклонение к СЗ или С, ^[188] притом довольно явственно; это означает, что нас снова несет на юг.

День я провожу теперь за микроскопом. Изучаю различного рода диатомеи и водоросли, которые растут на льду в самом верхнем пресноводном слое моря. Бесспорно, это явление в высшей степени интересное; целый новый мир организмов, переносимых льдом от известных нам берегов через неведомые области Полярного моря, где они каждое лето пробуждаются, расцветают и живут. Да, это, несомненно, интересно. Но у меня нет прежнего пылкого стремления засесть за опыты, хотя запах гвоздичного масла, канадского бальзама и ксилыла будит дорогие сердцу воспоминания о моей старой тихой лаборатории. Каждое утро, когда я подхожу к микроскопу, стекла и краски на столе манят меня засесть за работу. И хотя я неугомонно сижу

за микроскопом день за днем и до самой поздней ночи, это всего лишь обязанность, и я радуюсь каждый вечер, когда могу наконец оставить работу, растянуться на койке и почитать еще часа два роман, выкурить сигару. С каким бы восторгом отшвырнул я все это от себя и, воспрянув, зажил бы настоящей жизнью, пробиваясь вперед на санях или на лодках сквозь льды и волны! Глубоко верно, что «легко жить жизнью, полной борьбы»; но здесь нет ни бурь, ни борьбы. Я жажду их, жажду применить свои силы и проложить себе дорогу вперед – эта была бы жизнь! Что за радость ощущать в себе силы, если не к чему их приложить! Нас несет то вперед, то назад, и вот уже два месяца, как ни с места.

Летняя прогулка (21 июля 1894 г.)

Все готово для возможной экспедиции или на случай необходимости покинуть судно. Нарты собраны, тщательно осмотрены и подбиты вторыми металлическими полозьями. Шесть нарт для собак тоже готовы, завтра мы начнем постройку каяков на всю команду. Их легко будет перевозить на нартах, в случае если придется возвращаться обратно по льду без корабля. Для начала мы сделаем каяки – каждый на двух человек. Я намерен сделать их 3,8 м длины, 0,9 м ширины и 45 см глубины. Надо сделать шесть таких каяков. Обтянуты они будут

тюленьей кожей или парусиной, палуба будет сплошной, с двумя отверстиями для гребцов.

Чувствую, что мы имеем – или, вернее, будем иметь – все необходимое для блистательного отступления. По временам я почти желаю неудачи, решительной неудачи, чтобы мы могли доказать, на что мы способны, и положить конец этой томительной бездеятельности».

«Понедельник, 30 июля. Западный ветер. Западный и потом для приятного разнообразия северо-западный; такова у нас погода ежедневно неделя за неделей. Выходя утром на палубу, я уже не смотрю ни на флюгер на вершине мачты, ни на линь в воде; заранее знаю, что первый указывает на восток или юго-восток, а линь – в противоположную сторону, и что, следовательно, нас несет на юго-восток.

Вчера были на 81°07 северной широты; днем раньше на 81°11, а в прошлый понедельник (23 июля) на 81°26. Но это меня больше не занимает; знаю, что рано или поздно наступит перемена – знаю, что путь к славе усеян терниями. Я открыл новый мир: мир животных и растительных организмов, которые кишат почти в каждой луже пресной воды здесь на льду. С утра до вечера, до самой поздней ночи я поглощен микроскопом и ничего не замечаю вокруг.

Я живу с этими крошечными нежными существами в их собственном мире, где они рождаются и умирают, поколение за поколением, где они преследуют друг друга в борьбе за существование, ведут свои сердечные дела с теми же чувствами, теми же страданиями и радостями, как и всякое другое живое существо – от микроскопической букашки до человека, – стремясь к самосохранению и размножению.

Как ни горячо борется человек, пробивая себе путь в жизненном лабиринте, но и их борьба, наверное, не менее тяжела; безуданно и беспокойно спешат они туда и сюда, отталкивая друг друга в стороны и отнимая для себя то, что им нужно. А что касается любви, то посмотрите, с какой страстью ищут они друг друга. Всеми нашими мозговыми клеточками мы не чувствуем так сильно, как они, никогда не живем чувством так всецело. Но что такое жизнь? Что значит страдание одного

среди всей этой всеобщей борьбы? И эти мельчайшие одноклеточные комочки клейкого студенистого вещества рождаются и живут тысячами и миллионами почти на каждой льдине, среди этого беспредельного моря, на которое человек готов смотреть как на царство смерти. Мать -природа обладает чудеснейшей властью производить жизнь везде, даже этот лед для нее плодородная почва.

Вечером в наше монотонное, лишенное событий существование внесено некоторое разнообразие: Йохансен к юго-западу от судна заметил медведя, который, однако, находился вне выстрела. Медведь расхаживал там довольно долго, пока мы сидели за ужином; он был сравнительно близко, но затем, чем-то встревоженный, ушел на восток. Я и Свердруп пустились за ним в погоню, но безуспешно: мешали полыньи; немного погодя поднялся вдобавок туман, и мы после долгого и трудного хождения по льду вынуждены были повернуть назад».

Мир организмов, о котором я здесь говорю, в течение короткого лета был главным предметом моих исследований и во многих отношениях оказался замечательным. Лишь только солнечные лучи стали сильнее пригревать и снег на поверхности льда начал таять, образуя снежицы, тотчас на дне их появились небольшие желто-бурые пятна, настолько незначительные, что с первого взгляда их трудно было заметить. День ото дня они увеличивались; поглощая, как все темные предметы, тепловые лучи солнца, они ускоряли таяние снега и льда, в результате чего возникли круглые ямки, часто в несколько сантиметров глубиной. Эти бурые пятна и были водорослями и диатомеями, о которых говорилось выше, они быстро и пышно разрастались на летнем солнце и выстилали толстым слоем дно углублений. Но тут были не одни растения; вода кишела роями мелких животных, главным образом инфузорий и флагеллат,^[189] питающихся растениями. Я нашел здесь и бактерии. Даже эти области не свободны от них!

Но все-таки я не мог постоянно сидеть за микроскопом. Порой, когда слишком манила хорошая погода, я выбирался погреться на солнышке и помечтать, конечно, о том, будто сижу я дома в Норвегии.

«Суббота, 4 августа. Вчера и сегодня прекрасная погода. Легкие белые облачка плывут по ясной лазури неба, наполняя душу страстным желанием парить так же свободно и высоко, как они. Сегодня вечером я умывался на палубе. Совсем как дома, у фьорда. Вечерним миром дышит природа.

Наши парусных дел мастера Свердруп и Амунсен сегодня закончили обтяжку парусиной первого двухместного каяка. В окончательном виде он весит 30,5 кг. Сделан каяк превосходно. Я и Свердруп испытали его на озерке; он нес нас как нечто невесомое и оказался настолько устойчивым, что мы без труда управляли им. Он легко поднимает двух человек с полным снаряжением на сто дней. Более удобного и легкого судна для этих вод я не могу и представить себе».

«Воскресенье, 5 августа. 81°7,3 северной широты.

Фьорда блестящего мне не забыть,

В нем так чудесно на лодке плыть.

Яркий летний день. Греюсь на солнце и воображаю себя дома в горах или – уж не знаю почему – в фьордах Вестлан-на. Те же легкие белые облака на ярко-синем летнем небосводе; высоко над головой небо, мечты взлетают к нему свободно. Какое значение имеет, что мир здесь другой и льды безбрежные, сплошные, а не отдельные ледниковые вершины и сверкающие фирновые поля? И здесь в далекой синеве такие же легкие белые облака, – разве не их ищет взгляд там, дома, в такой сияющий день? Уплывая к ним, фантазия стремится в страну далеких желаний, к этим сверкающим далеко-далеко глетчерам.

Почему же летний день здесь не обладает той прелестью? О нет, он прекрасен, он прозрачен и чист, как мечта, без желаний, без мыслей; настоящая поэма из чистых белых лучей солнца, которые отражаются в холодной кристальной лазури льда. Каким пленительно прекрасным представляется этот мир человеку в жаркий и душистый летний день!

Сегодня отдыхали, соблюдая воскресенье. Но я не мог целый день высидеть в каюте и предпринял большую прогулку по льду. Двигаться легко, если бы не полыньи.

Скотт-Хансен попробовал после обеда овладеть искусством гребли в каяке по окружающему нас пресноводному озеру, от которого идут по льду многочисленные каналы. Но он не удовольствовался тем, что объехал вокруг судна, а захотел опрокинуться и снова подняться, как это делают эскимосы. Попытка, конечно, кончилась тем, что подняться ему не удалось, он потерял весло, повис вниз головой и барахтался под водой, пока каяк не наполнился водой, а сам гребец не принял «полную» холодную ванну с головы до ног. Нурдал, стоявший на льду, на случай если Скотт-Хансену потребуется помощь, счел необходимым в конце концов, к великому веселью всех остальных, влезть в воду и поставить каяк надлежащим образом.

Лето дает себя знать. Сегодня вечером играли в карты на палубе; столом служил «патентованный» кухонный котел. Можно было, пожалуй, вообразить, что это августовский вечер дома; не хватало лишь пунша; сигары и трубки были налицо».

«Воскресенье, 12 августа. Утром устроили стрельбу на призы. Великолепный вечер. Хожу и брожу по льду среди полыней и торосов. Тихо-тихо. Ни звука, кроме тихой капли с глыбы льда да глухого шума вдали, – должно быть, обрушился торос. Солнце стоит низко на севере, а над ним висит бледно-голубой небосвод и облачка с золотистыми краями. Глубокий покой ледяной пустыни. Мысли несутся свободно и далеко. Если бы можно было передать словами все то, что трепещет в душе в подобный вечер! Какую необъяснимую власть над человеком имеет обстановка! Отчего я жалею порой на одиночество? Когда вокруг тебя природа, когда ты погружен в книги и занятия, никогда не бываешь совершенно одиноким».

«Четверг, 16 августа. Вчера вечером, когда я лежал в постели и читал, а все, за исключением вахтенного, спали, вдруг над головой наверху на палубе прогремел выстрел. Решив, что это выстрел по медведю, я сунул ноги в болотные сапоги и бросился наверх. На палубе стоял Йохансен с непокрытой головой и с ружьем в руках.

– Вы стреляли?

– Да, стрелял по Великому бугру, там что-то шевелилось, и я хотел проверить, что это. Но, кажется, там ничего нет.

Я подошел к борту и стал всматриваться в темь. Мне уже показалось было, что медведь откапывает там мясо. Пока мы стояли так в раздумье, вдруг показалась плетущаяся от Великого бугра собака. Я расхохотался:

– Не в нее ли вы стреляли?

– Боюсь, что так, – ответил он.

И на самом деле, это был Белый Медведь, как мы звали эту собаку. В тумане, когда пес попытался вскарабкаться на торос, чтобы разрыть мясной погреб, он показался Йохансену огромным.

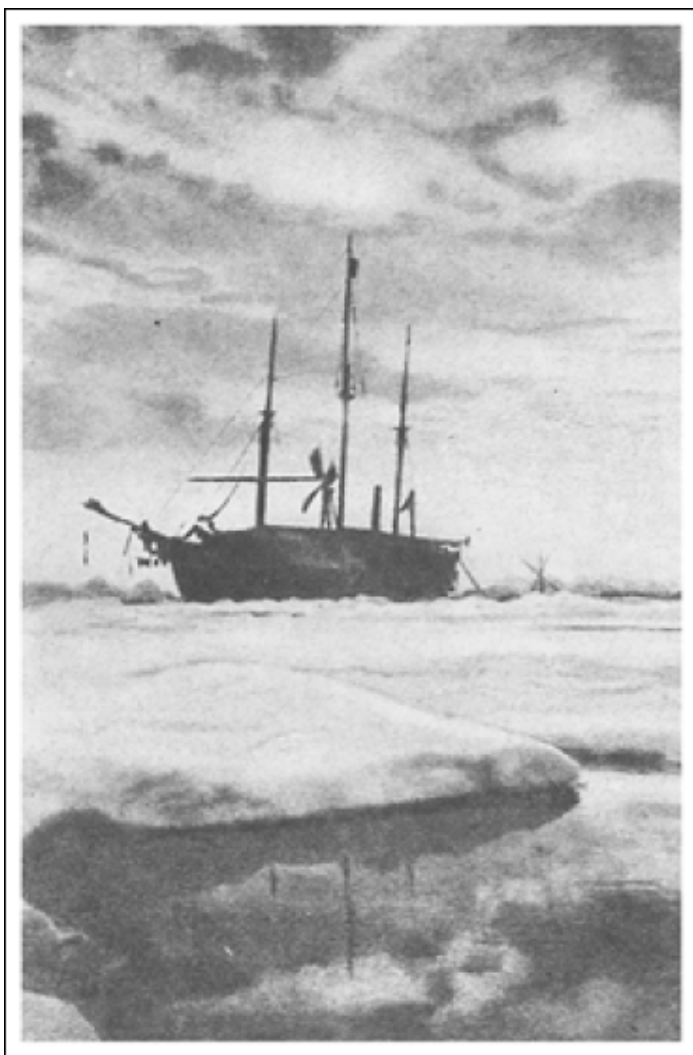
– Так вы целились прямо в собаку и промахнулись. И хорошо, что промахнулись.

– Да нет, я стрелял в воздух. Просто хотел узнать, что там такое.

За завтраком Йохансен, конечно, подвергся ехидным расспросам о «выстреле в воздух». Но он сразу обезоружил насмешников заявлением, что стрелял не в воздух, а в медведя, за которого принял собаку, и честно промазал».

«Вторник, 21 августа. 81°4,2 северной широты. Удивительно, как мало перемен; дрейфуем то слегка к северу, то слегка к югу и остаемся почти на том же месте. Тем не менее считаю, как считал все время, что наше плавание продлится три года, или, вернее, три зимы и четыре лета, не больше и не меньше, и примерно через два года, считая с этой осени, мы будем дома. [\[190\]](#)

Наступающая зима, хотя и медленно, продвинет нас дальше; она уже дает о себе знать: ночью было четыре градуса мороза».

«Фрам» летом 1894 г.

«Воскресенье, 26 августа. Похоже, что зима уже наступила; с четверга температура колеблется между -4 и -6 °С.

До сих пор только легкие изменения температуры, да и вообще колебания температуры на севере очень незначительны; теперь можно ожидать, что она постепенно и равномерно будет падать, хотя настоящая зима, собственно, еще не наступила. Все лужи и полынь и затянулись льдом, притом настолько толстым, что вчера он мог держать человека, даже без лыж.

И утром и после обеда ходил на лыжах. Повсюду можно свободно пройти; путь великолепный. Некоторые полыньи вскрылись; возможно, что было небольшое сжатие. Новый лед тонок и под лыжами неприятно

прогибается, но все же пройти можно; две собаки, напротив, провалились. Выпал небольшой снежок; идти по тонкой мягкой пороше особенно приятно. Если все останется, как сейчас, то зимой у нас установится великолепный лыжный путь. На поверхности полыней сейчас замерзает пресная вода и, следовательно, не будет соли, которую в прошлом году ветер сносил со льда, смешивал с окружающим снегом и... портил нам путь. По снегу с солью идти так же трудно, как по песку».

«Понедельник, 27 августа. Сегодня ночью, когда Блессинг собирался сойти вниз после своей вахты и остановился на шканцах, чтобы посмотреть вокруг, он вдруг заметил что-то белое, катающееся по льду на некотором расстоянии к юго-востоку от судна. Потом на мгновение этот ком замер на месте. Подошел Йохансен, вступавший на вахту, теперь оба стояли и смотрели. Вдруг ком поднялся – и не осталось никакого сомнения в том, что это такое. Оба, схватив ружья, спустились с палубы и спокойно стали выжидать, когда медведь, осторожно лавируя против ветра, подойдет к судну. Дул свежий бриз, колесо нашей мельницы с шумом вертелось полным ходом, но на медведя это не производило ни малейшего впечатления; быть может, даже напротив, именно это сооружение ему и хотелось обследовать. Наконец медведь подошел к ближайшей от нас полынье; оба стрелка разом выстрелили, и медведь тут же упал. Приятно возобновить запасы свежего мяса; в этом году это наш первый медведь. На обед сегодня было, разумеется, медвежье жаркое.

Настоящая зима; крутит пурга».

«Среда, 29 августа. Наверху в снастях ревет и воет свежий ветер. Споры нет, освежающая перемена. Снег метет, как в середине зимы. Хорошенькая августовская погодка! Но нас несет снова на север, а это – то как раз нам и нужно. Вчера находились на 80°53,5 северной широты.

Вечером я работал в трюме над своим новым бамбуковым каяком, который должен быть верхом легкости. Случайно зашел Петтерсен и помог скрепить шпангоуты, которыми я как раз занимался. За работой мы поболтали о том о сем. Он находит, что на «Фраме» жить прямо замечательно; все, что нужно, на нем есть, и вообще это просто

«дьявол», а не корабль; если бы на месте «Фрама» было другое судно, его давным-давно раздавило бы в лепешку. Но при всем том он не побоялся бы покинуть судно, тем более на новых каяках – таких не было еще ни у одной экспедиции, да и вообще, вероятно, ни одна экспедиция не была оборудована на все случаи жизни так, как наша. Но все же он предпочел бы вернуться домой на «Фраме». Затем разговаривали о том, чем мы займемся по возвращении на родину .

Ларс Петтерсен, второй механик «Фрама»

– Да, что касается вас, то вы, вероятно, отправитесь в следующий раз на Южный полюс, – сказал он.

– А вы? – спросил я. – Снова наденете рабочую блузу и сядете на овсяные лепешки?

– Да, вероятно. Но все-таки недельку-то отдыха я, верно, заслужил после такого плавания, а уж потом снова возьмусь за кузнечный молот».

Глава девятая Вторая осень во льдах

Итак, лето прошло и наступила вторая осень; но теперь мы были более закалены теми испытаниями, которым жизнь так часто подвергала наше терпенье, и время проходило для нас быстрее. Что касается меня, то я был к тому же занят планами новой экспедиции и приготовлениями к ней.

Несколько раз я уже отмечал мимоходом, что летом мы подготовили все необходимое на случай возвращения домой по льду.

Были построены шесть двухместных каяков, приведены в полный порядок нарты, тщательно продумано и заготовлено необходимое снаряжение для такого путешествия – провиант, топливо, одежда и пр. Одновременно, но втихомолку, по секрету от товарищей, я начал готовиться к давно задуманной санной экспедиции дальше на север. Так, еще в августе, как уже упоминалось, я занялся постройкой каяка - одиночки с бамбуковым остовом. О своем плане я товарищам еще ничего не говорил, если не считать нескольких слов Свердрупу, так как неизвестно было, как далеко занесет нас дрейф, да и много еще другого могло произойти до весны.

Тем временем жизнь на корабле шла своим чередом. Кроме очередных наблюдений, у всех находилась разная работа. Сам я не настолько был занят планами будущего и подготовкой к ним, чтобы не найти времени для других занятий. Так, из своего дневника я вижу, что в конце августа и сентября я чрезвычайно гордился новым изобретением, сделанным для камбуза. Весь прошлый год мы готовили пищу на специальной медной плите, подогреваемой керосиновыми лампами. Способ неплохой, но он имел существенное неудобство: требовал ежедневно нескольких литров керосина. Меня все время беспокоила мысль, что нам не хватит керосина, если плавание затянется. Поэтому я ломал себе голову: какое бы придумать приспособление, чтобы обходиться вместо керосина горным, или «черным», маслом, как мы его на судне называли; его было у нас много – двадцать тонн, и предназначалось оно для топки машины.

В конце концов удалось устроить такой аппарат. 30 августа я записал: «Сегодня испытан изобретенный мною аппарат для сжигания под плитой «черного» масла; результаты превзошли все ожидания. Теперь мы можем спокойно жечь в камбузе «черное» масло. Это великолепно; значит, не придется потом, сидя в потемках, плакать о лампах. Изобретение увеличивает наши запасы на двадцать тысяч литров. Прекрасный керосин может теперь целиком идти на освещение; его хватит нам на много лет, даже если мы будем жечь лампы, не жалея. А двадцать тонн «черного» масла должно хватить, я полагаю, на топку

плиты камбуза года на четыре. Аппарат так прост, как только возможно. От резервуара с маслом к топке проходит трубка, из которой масло капает в железную чашку и всасывается там асбестовой пластинкой или коксом. Поступление масла в трубку регулируется тонким вентиляльным краном. Для тяги я провел снаружи с палубы к заслонке плиты вытяжную трубу; воздух с помощью сильного вентилятора, установленного на палубе, продувается через нее прямо к железной чашке, и масло весело горит красивым белым пламенем. Тот, кто утром зажигает в плите огонь, должен выйти на палубу, убедиться, что вентилятор правильно стоит против ветра, затем открыть вытяжную трубу, повернуть кран так, чтобы масло потекло из резервуара в трубку, и поджечь его клочком бумаги. Присмотра аппарат не требует, его можно предоставить самому себе, и через 20–30 мин вода закипает. Что может быть проще и удобнее? Но, конечно, и у нас на «Фраме», как в любом обществе, реформы вводятся с трудом; все новшества встречаются косыми взглядами».

Несколько позже о том же аппарате я писал: «Топка «черным» маслом в камбузе вошла в привычку; позавчера произошло переселение кока из навигационной рубки вниз, ^[191] и вчера уже началась там внизу топка «черным» маслом. Дело идет отлично, ветер скоростью в 1 м обеспечивает превосходную тягу.

Позавчера я сидел после обеда в кают-компании и вдруг услышал глухой треск в камбузе – как будто от взрыва. Я так и сказал товарищам. Немного спустя в дверь просунулась голова Петтерсена. ^[192] Он был черен, как трубочист, все лицо в саже. По его словам, он едва приоткрыл дверцу топки – взглянуть, хорошо ли горит огонь, и вся эта чертовщина ударила ему прямо в лицо. Рассказывая, он, конечно, не скупился на проклятия, и крепкие словечки сыпались из него, как горох из мешка. Мы хохотали до упаду. В камбузе нетрудно было понять, что произошло: стены были разукрашены потеками и мазками сажи. Происшествие объяснялось довольно просто: тяга была недостаточна, скопился газ, который не мог загореться до тех пор, пока Петтерсен,

отворивший дверцу, не открыл тем самым доступ воздуху. Тогда и а хнул взрыв.

Вечером я сказал Петтерсену, что на следующий день буду варить сам, так как нам надо по-настоящему пустить в ход «черное» масло. Но он об этом и слышать не хотел. Неужто я думаю, что он трусит всякого пустяка, он справится сам... И действительно справился».

С этого дня я слышал лишь похвалы новому аппарату, и он был в ходу все время, вплоть до выхода «Фрама» в открытое, свободное ото льда, море.

«Четверг, 6 сентября. 81°13,7 северной широты. Неужели сегодня пять лет, как я женат? В прошлом году этот день был днем победы; разорвались ледяные оковы у острова Таймыр. А в этом году нет и намека на победу; мы зашли на север совсем не так далеко, как я ожидал; опять дует норд-вест, и нас несет на юг. Но все же будущее не кажется мне таким далеким и мрачным, как бывало порой. Где-то мы будем 6 сентября будущего года? Быть может, тогда раздадутся все оковы и я буду сидеть с ней вместе, разговаривая об этой жизни на дальнем Севере и о бесконечной тоске моей, как о чем-то давно минувшем, что было когда-то и никогда больше не повторится? Долгая ночь будет тогда побеждена; зардеет утро, займется новый прекрасный день. А почему бы этому уже в будущем году не случиться? Почему бы зиме не продвинуть «Фрам» к западу, куда-нибудь севернее Земли Франца-Иосифа?.. Тогда придет мой черед действовать, – я тронусь с собаками и санями в путь на север. При одной мысли об этом сердце трепещет от радости. Зиму я проведу в приготовлениях к санной экспедиции, и время пройдет быстро.

Все последнее время я много занимаюсь подготовкой к походу. Обдумываю, что надо с собой взять, как все организовать; чем больше рассматриваешь это предприятие с разных точек зрения, тем больше приходишь к убеждению, что оно должно увенчаться успехом, при условии, если «Фрам» продвинется достаточно далеко на север в подходящее время года, т. е. не слишком поздней весной. Если он доберется до 84-й или 85-й параллели, я тронусь в путь в конце

февраля или в начале марта, когда после долгой зимней ночи забрезжит день. И тогда все пойдет как по маслу. Еще как их-нибудь четыре или пять месяцев, и настанет время действовать. Какая радость!

Когда я смотрю теперь на лед, каждый мускул во мне дрожит от страстного стремления пуститься по этому льду, чтобы выполнить великую задачу. На пути к цели трудности и лишения будут для меня радостью. Со стороны может показаться, пожалуй, сумасбродством, что я намереваюсь отправиться в такую экспедицию, когда и тут, спокойно оставаясь на судне, можно проделать большую и важную работу. Но ведь Северный полюс – цель, к которой давно стремятся люди. Если мы не сделаем попытки теперь, когда зашли на север так далеко, то, быть может, опять пройдет много лет до нового удобного случая. А ежедневные наблюдения на судне и без меня пойдут своим чередом, – да и на Севере тоже найдется, что делать.

Я отпраздновал сегодняшний день тем, что перевел свою рабочую каюту на зимнее положение; поставил в рубке керосиновую печку и думаю, что она даст и в разгаре зимы достаточно тепла; тем более что я намерен обнести рубку снаружи снеговыми стенами, а крышу покрыть толстым слоем снега. Я смогу сделать по крайней мере вдвое больше, работая зимой здесь, наверху, в спокойной обстановке, чем среди постоянного шума и возни там, внизу. На душе у меня сейчас удивительно мирно и спокойно, и мысли текут без помех».

«Воскресенье, 9 сентября. 81°04 северной широты. Уже несколько дней мы не видим полуночного солнца. Теперь оно садится все ниже на северо-западе. Сегодня солнце закатилось в 10 ч вечера и отблеск его еще остался на вечной белизне снегов. Зима надвигается быстро.

Снова мирное воскресенье – прогулка, отдых за чтением. Сегодня ходил на лыжах, перешел через несколько замерзших полыней; кое-где начинается легкое давление льда. Наконец, путь преградило широкое открытое разводье, простиравшееся с севера на юг; местами оно достигало 250–300 м ширины, а в длину – его конца не видно ни к северу, ни к югу. Лыжный путь хорош, идешь по нему быстро и совершенно не утомляешься, ветер будто сам тебя подгоняет.

Бесспорно, жизнь наша очень монотонна. Порою она представляется мне долгой и темной ночью, которую как бы надвое разделяют «сумерки богов»... «Вот солнце, а вместе с ним и лето померкли. Снег покрывает землю, ветер свистит над бесконечной снежной равниной, и зима воцарится на долгие годы, пока не придет, наконец, пора великой битвы и люди не пойдут по тропам Хель». ^[193] Это будет тяжкое единоборство между жизнью и смертью, но затем настанет покой. Снова из моря «встанет зеленая земля, с гор зашумят водопады, и воспарят над ними орлы, высматривающие рыбу между скалами», а там поднимется Валхалла, ^[194] «прекраснее солнца», и настанут на долгие времена счастливые дни.

Петтерсен, на этой неделе исполняющий обязанности кока, пришел ко мне, по обыкновению вечером, для составления меню на завтра. Покончив это дело, он не ушел сразу, постоял и потом вдруг сказал, что сегодня ночью ему приснился удивительный сон: он хотел наняться ко мне поваром в новую экспедицию, но «доктор Нансен не пожелал меня взять».

– Почему же?

– Да вот как это было: мне снилось, что доктор Нансен отправляется на полюс по льду с четырьмя людьми, и я попросился с вами; но вы сказали, что вам в эту экспедицию повара не надо. Мне это показалось странным. Ведь кушать-то вам нужно будет. Мне снилось, будто вы решили встретить судно в другом месте, где оно будет ждать вас, или же вовсе собираетесь не возвращаться, будто совсем на другую землю уезжаете. Может же присниться человеку такая бессмыслица!..

– Пожалуй, не такой уже это вздор, Петтерсен. Возможно, мы предпримем такую экспедицию и тогда назад на «Фрам» безусловно не вернемся.

– Ну!.. Если вы собираетесь, то я взаправду очень бы просил взять меня с собой; мне хочется быть с вами. Ходок на лыжах я не то чтобы очень... но справлюсь все-таки.

– Прекрасно, но такое путешествие, Петтерсен, очень тяжелое. Можете поверить, это будет совсем не увеселительная прогулка.

– Ну, уж надо думать. Да это не беда, что трудно придется; л ишь бы попасть с вами.

– Да, но тут может прийтись и похуже, более чем вероятно, что нам придется рисковать жизнью.

– А я не боюсь, двум смертям ведь не бывать, а одной не миновать.

– Разве вы хотите сократить вашу жизнь?

– Пускай. От судьбы не уйдешь. Человек может отправиться на тот свет, сидя у себя дома; хотя, пожалуй, и не так легко, как здесь. Если всего бояться, так лучше и не браться ни за что, все равно ничего не сделаешь.

– Правильно! И, по крайней мере, не стоит участвовать в такой экспедиции. Путешествие к полюсу вовсе не шутка.

– Нет, я это очень хорошо знаю. Но если бы я был с вами, я бы не боялся. Вот если б мне пришлось самому выпутываться, тогда было бы плохо. Совсем другое дело, видите ли, когда есть кому вести, когда знаешь, что человек уже прошел через все это прежде.

Удивительно все же, как слепо эти люди верят в своего предводителя. Я думаю, что они, ни на минуту не задумываясь, пошли бы за мной, если бы им предложили отправиться к полюсу сейчас, когда полярная ночь у самого порога. Хорошо внушать такую крепкую веру, но сохрани бог, если вера эта поколеблется».

«Суббота, 15 сентября. Сегодня вечером мы снова в первый раз увидели луну. Восхитительное полнолуние. Кроме луны, на ночном небе, все еще светлом, видны несколько звезд.

Сегодня в нескольких местах вывешены объявления. Они гласят следующее:

«Так как пожар на судне имел бы самые страшные последствия, то никакие предосторожности не могут считаться излишними. Ввиду этого предлагается всем самым добросовестным и насторожайшим образом соблюдать настоящие правила:

1. Никто не должен носить при себе спичек.
2. Спички можно держать только в следующих местах:

а) на камбузе, где за них отвечает исполняющий в данное время обязанности повара;

б) в четырех отдельных каютах, причем владелец каждой ответственен за свое помещение;

в) в рабочей каюте, когда там производятся работы;

г) на обеденном столе в кают-компании, откуда, однако, ни под каким предлогом не дозволяется забирать коробок или даже одну спичку.

3. Зажигать спички нельзя нигде, за исключением вышеперечисленных мест.

4. Единственное исключение из приведенных правил допускается только при растопке кузнечного горна.

5. Все трюмы на судне должны каждый вечер, в 8 ч, осматриваться пожарным инспектором, который затем отдает рапорт нижеподписавшемуся. После осмотра никому не разрешается, без особого на то разрешения, ходить с огнем в трюм или машинное отделение судна.

6. Курение разрешается только в жилых помещениях и на палубе. В других местах курение как трубок, так и сигар ни при каких обстоятельствах не разрешается.

«Фрам»,

15 сентября 1894 г.

Фритьоф Нансен»

Некоторые из этих правил могут показаться нарушающими принципы демократии, которые я так старательно поддерживаю, но все же они кажутся мне лучшим распоряжением, какое я могу сделать для обеспечения общего блага, а оно для нас превыше всего».

«Пятница, 21 сентября. Несколько дней дует очень свежий северо-западный и северный ветер, скорость его по временам доходит до 12 – 13 м. Нас за это время отнесло на значительное расстояние к югу. Взял а верх «радикальная правая», по выражению Амунсена. Но у власти она оставалась не так долго, – вчера наступило затишье, и теперь нас опять

несет на север. Есть виды на то, что некоторое время удержится господство «левой», она исправит грехи «правой».

Собачья будка на льду. Сентябрь 1894 г.

На этой неделе выстроено жилье для собак – ряд великолепных ледяных будок вдоль левого борта судна; в каждой по четыре собаки – в общем квартиры у них на зиму будут хорошие, теплые. Тем временем восемь наших щенят благоденствуют; в их распоряжении чудесный мир – вся передняя палуба под тентом. Оттуда доносится их повизгивание и тявканье, когда они носятся там среди стружек, между паровой лебедкой, нартами, осями ветряного колеса и прочим скарбом. Они немножко поиграют, немножко подерутся, а потом укладываются под полуютом, где у них среди стружек в укромном уголке есть свое логово, теплое уютное гнездо; там во всем своем величии, как львица, растянулась Квик. Щенята лежат или катаются около нее клубком, кувыркаются друг через друга, спят или зевают, едят или ловят один другого за хвост. От этой мирной картины здесь, под самым полюсом, дышит чем-то домашним, родным, и я, словно зачарованный, часами могу смотреть на нее.

Жизнь идет своим ровным, правильным ходом, без каких-либо событий, невозмутимая, как этот лед. И все же время летит удивительно

быстро. Наступило равноденствие; ночи становятся темнее, а солнце днем поднимается над горизонтом всего на 9°.

Я прилежно занимаюсь целыми днями в своей рабочей каюте, и зачастую мне чудится, что я сижу в своем кабинете дома, окруженный всеми удобствами цивилизации. Если бы не разлука, я бы чувствовал себя здесь не хуже. По временам я совсем забываю, где нахожусь. Нередко, углубившись вечером в работу и услышав лай собак, вскакиваю и ловлю себя на мысли: «Кто же это к нам мог прийти?» И лишь затем соображаю, что я ведь не дома, а несусь среди замерзшего Полярного моря на пути ко второй долгой полярной ночи.

Температура упала сегодня до -17 °С; зима быстро приближается. Хотя с дрейфом дело не очень ладится, но настроение у меня отличное. Такой же дрейф был в прошлое осеннее равноденствие, и сколько разочарований пришлось нам перенести с тех пор. Как ужасно было, когда прошлой осенью нас все дальше и дальше относило к югу. Казалось, что все расчеты неправильны. Не видно было никакого просвета. Но такое время больше не повторится. Нас еще может отбросить далеко назад, временами мы будем продвигаться крайне медленно, но в отношении будущего у нас сомнения нет: оно брезжит ярким светом на западе по ту сторону полярной ночи».

«Воскресенье, 23 сентября. Вчера исполнился год с того дня, как мы впервые пришвартовались к ледяному торосу. По этому случаю Скотт-Хансен обозначил на карте пунктиром наш дрейф за весь год. Картина получилась не такая уж плохая: если пройденное расстояние и не столь велико, то направление довольно точно совпадает с тем, какое я ожидал. Но об этом до завтра; так поздно, что я не могу теперь писать об этом. Ночи становятся темнее и темнее; зима надвигается».

«Вторник, 25 сентября. Я внимательно рассмотрел карту нашего дрейфа за минувший год. Если считать от того пункта, где мы застряли 22 сентября прошлого года, и до нашего местонахождения 22 сентября этого года, то пройденное нами расстояние составит 189 морских миль (350 км), или 3°9 широты. Если же считать от того же исходного пункта до наиболее северной точки, достигнутой нами летом (16 июля), то

дрейф составит 226 морских миль (420 км), или $3^{\circ}46'$ широты. Но если считать от самой южной точки, куда нас отнесло осенью прошлого года (7 ноября), до самой северной – летом этого года, то получится 305 морских миль (566 км), или $5^{\circ}5'$. Мы продвинулись на 4° к северу – от $77^{\circ}43'$ до $81^{\circ}53'$. Определить курс (направление) дрейфа – задача для этих широт весьма нелегкая, так как магнитное склонение заметно изменяется с каждым градусом долготы, пройденным на восток или на запад.

Наш генеральный курс равен примерно $S\ 36^{\circ}\ 3'$. Направление нашего дрейфа, следовательно, заметно более северное, чем «Жаннетты», а этого мы и ожидали. Наш дрейф пересекает ее дрейф под углом 59° . Если продолжить линию дрейфа этого года, то она пересечет Северо-Восточную Землю Шпицбергена и самым северным пунктом на этом продолжении будет $84^{\circ}07'$ северной широты под 75° восточной долготы, приблизительно к ССВ от Земли Франца-Иосифа. Расстояние на этом курсе от места нашего нахождения до Северо-Восточной Земли, 827 морских миль (1534 км). Если мы будем продолжать проходить по 189 морских миль в год, то нам потребуется, чтобы пройти это расстояние, 4 года и 4 с половиной месяца. Если же исходить из того, что мы будем двигаться со скоростью 305 морских миль в год, то мы затратим на весь путь лишь 2 года и 8 месяцев. А то, что скорость дрейфа будет по крайней мере не меньшей, кажется весьма вероятным; теперь вряд ли нас снова отнесет обратно на такое же расстояние, как в октябре прошлого года; тогда к югу была совершенно чистая ото льдов вода, а вся масса льдов лежала к северу от нас.

Нынешнее лето, как мне кажется, доказало, что лед теперь очень неохотно поддается назад к югу и, напротив, при малейшем восточном ветре, не говоря уже о южном, чрезвычайно охотно подвигается на северо-запад или на север. Я придерживаюсь поэтому моего прежнего предположения, что скорость дрейфа по мере нашего продвижения на северо-запад будет увеличиваться. Весьма вероятно, что «Фрам» через два года сможет вернуться в Норвегию, т. е. экспедиция продлится ровно три года, как я и полагал с самого начала.

Наш дрейф, как я уже говорил, на угол в 59° севернее дрейфа «Жаннетты». Вместе с тем Земля Франца-Иосифа, если предположить, что весь лед, идущий из огромного Полярного бассейна, обходит эту землю с севера, должна оттеснять лед к северу. Поэтому весьма вероятно, что, по мере продвижения вперед, пока Земля Франца-Иосифа не останется позади, наш дрейф будет постоянно отклоняться к северу, и вследствие этого нам удастся достигнуть более высоких широт, чем пророчил наш дрейф до сих пор. Я надеюсь достигнуть по крайней мере 85° северной широты. До сих пор все мои предположения оправдались; направление нашего дрейфа совершенно параллельно курсу, которым, по моим соображениям, прошла льдина с предметами «Жаннетты» и который я нанес на карту, готовясь к лондонскому докладу. ^[1951] Путь этот ведет примерно через $87^{\circ}30'$ северной широты. Я не смею надеяться на более северный дрейф и буду считать себя удовлетворенным, если удастся достигнуть и этого. Наша цель, как я уже много раз говорил, ведь не в том, собственно, чтобы достигнуть точки, «где находится конец земной оси», а пересечь и исследовать неизвестный Полярный бассейн. Однако это не помешает мне все же попытаться достигнуть самого полюса и надеюсь, что это окажется возможным, если только мы в марте дойдем до 84 или 85° . А почему бы этому и не случиться?»

«Четверг, 27 сентября. Решено начиная с завтрашнего дня, пока светло, всем каждое утро с 11 ч и до 1 ч упражняться в ходьбе на лыжах. Это совершенно необходимо. Если обстоятельства вынудят нас возвращаться домой по льду, боюсь, что некоторые из нас, не умеющие как следует пользоваться лыжами, поставят нас в очень трудное положение. У нас есть несколько отличных лыжников, но пятеро или шестеро должны приобрести вкус к лыжам, без них нельзя пускаться в далекий путь по льдам».

С этого дня мы регулярно совершали и небольшими группами, и всей компанией лыжные пробеги. Помимо хорошего моциона, они доставляли нам большое удовольствие, и все охотно принимали в них участие. Вскоре все освоились с передвижением на лыжах даже по этой

неровной всторошенной поверхности, хотя лыжи частенько ломались. И х старательно чинили, сколачивали, чтобы снова поломать.

«Понедельник, 1 октября. Сегодня мы пробовали тащить ручные нарты, положив на них груз в 120 кг. Нарты шли хорошо, но тащить их все же тяжело, так как лыжи на этой неровной дороге то и дело разъезжаются. Пожалуй, индейские лыжи более пригодны для такого пути, сплошь усеянного большими и малыми снежными застругами и буграми. Амунсен, впрягшись в нарты, сперва решил было, что тащить их – дело пустячное; но, пройдя немного, впал в глубокое и, по - видимому, печальное раздумье; молча вернулся он на корабль и там поведал остальным, что чем тащить на нартах такой груз, лучше просто лечь рядом с нартами, – все равно один конец. Вот что значит практика.

После обеда я попробовал в те же нарты с грузом в 120 кг запрячь трех собак, и те тащили сани, как нечто невесомое».

«Вторник, 2 октября. Погода прекрасная, но холодновато. Ночью было 27 градусов мороза, пожалуй, слишком многовато для октября. Если и дальше так пойдет, зима будет явно суровая. Но какая разница для нас – будет 50 градусов мороза или 70?.. «Одного разлива», – сказал гусак, глотнув из двух сточных канав. Сегодня мы совершили восхитительную прогулку на лыжах. Теперь все чувствуют себя на лыжах гораздо увереннее. Однако скоро наступит мрак, и лыжному спорту придет конец. Жаль, это хорошее упражнение. Надо будет придумать что-нибудь другое.

У меня такое чувство, будто это моя последняя зима на корабле. Неужели мне действительно удастся пойти весной к полюсу? Попытка тащить нагруженные сани по этому льду не слишком нас подбодрила, а если собаки не выдержат или окажутся слабее, чем я рассчитываю, или же лед на нашем пути окажется не лучше, а хуже – тогда ведь нам придется рассчитывать только на самих себя. Но если нам удастся пройти на «Фраме» настолько далеко на север, что до полюса останется сравнительно небольшое расстояние, я сочту своим долгом рискнуть. Не могу представить себе препятствия, которое нельзя было бы преодолеть,

раз придется выбирать одно из двух: погибнуть или – вперед на родину».

«Четверг, 4 октября. Местами лед почти непроходим, но, по-видимому, только на ограниченном пространстве; вообще же санный путь необычайно хорош, хотя снег и рыхловат, так что собаки по временам проваливаются. По всей вероятности, это объясняется отсутствием у нас за последнее время сильных ветров, которые уплотняли бы снег.

Жизнь идет своим мерным ходом. По-прежнему много разной мелкой работы. Вчера начали объезжать щенят, ^[196] конечно, лишь троих: Барбару, Фрейю и Сузину; Гюлябранд неуклюж и худ, как щепка; мы его пока от работы освободили. Вначале дело не ладилось; щенята бежали кто куда; но через некоторое время стали тянуть не хуже взрослых собак и, сверх всякого ожидания, работали неплохо. Квик, разумеется, показывала им благородный пример. Положить начало дрессировке щенят выпало на долю Мугста; эту неделю он «собачник». Эта обязанность исполняется всеми поочередно; каждый в течение недели возится с собаками и проезжает их до обеда и после обеда.

Настроение на корабле, по-моему, такое, что лучшего и пожелать нельзя. И это на пороге второй полярной ночи, которая, видимо, будет более длинной и более холодной, чем какая-либо из испытанных до сих пор человеком. С каждым днем дневной свет заметно убывает. Скоро он совсем исчезнет. Но настроение наше не падает. Наоборот, у меня впечатление, что становится еще веселее и оживленнее, чем когда бы то ни было. Не знаю, в чем причина; быть может, привычка. Надо признаться, что мы как сыр в масле катаемся. Продвигаемся, правда, медленно, но как будто наверняка вперед; всего у нас вдоволь, и живем сибаритами, окруженные всем комфортом цивилизации. Зимы эту, наверное, проживем еще лучше, чем прошлую.

Аппарат для нагревания плиты в камбузе служит безотказно; даже сам повар находит теперь, что это замечательное, приближающееся к идеалу приспособление. Теперь мы вообще топим внизу только «черным» маслом – и дешево и мило. Много тепла проникает ко мне

наверх в рабочую каюту, где я нередко обливаюсь потом и вынужден сбрасывать с себя одну часть одежды за другой, хотя окно открыто и снаружи 20 с лишним градусов мороза. Я высчитал, что керосина, который теперь у нас идет исключительно для освещения, нам хватит по крайней мере на десять лет, даже если мы будем жечь его не стесняясь по триста дней в году. Но в действительности мы жжем его вовсе не так много, так как значительную часть дня у нас горит электрический свет; вдобавок и здесь тоже один раз в году бывает лет о, – во всяком случае, так оно называется. Даже если учесть возможность несчастного случая, например какая-нибудь из бочек с керосином даст течь, все же нет основания скупиться на освещение; каждый может брать столько, сколько ему нужно. Что это для нас означает, может понять лишь тот, кто в течение целого года мучился угрызениями совести всякий раз, когда уходил поработать или почитать в своей каюте и зажигал там лишнюю лампу, в чем в сущности необходимости не было, поскольку он мог бы остаться в кают-компании и пользоваться там общей лампой.

Уголь пока не употребляется ни для чего другого, кроме печки в кают-компании. Зимой будет разрешено жечь его сколько угодно. Это во всяком случае составит ничтожный расход в сравнении с нашим запасом, превышающим 100 т, который, по существу, не потребуется нам до той поры, пока «Фрам» не станет пробивать себе путь сквозь льды по ту сторону полюса, если только не случится чего-либо непредвиденного. Поддерживать теплоту помогает натянутый над кораблем тент. [\[197\]](#) Непокрытой оставлена только часть кормы позади капитанского мостика, чтобы оттуда можно было широко обзирать окружающие льды.

Что касается меня, то могу сказать, что чувствую себя сверх ожидания отлично. Время – хороший учитель. Меня уже не гложут тягостные настроения. Не признак ли это апатии? Быть может, я совсем ничего не буду чувствовать, когда пройдет так лет десять? Нет, иногда тоска возвращается с прежней силой, и сердце как бы разрывается на части. И чего стоит эта постоянная мысль о том, все ли живы и здоровы дома! Одно можно сказать: наша жизнь – великолепная школа терпения. И все же невозможно полностью примириться с этой жизнью. Это и в

самом деле не жизнь и не смерть, а что-то среднее: никогда и ни в чем нет спокойствия, а только постоянное ожидание чего-то; ожидание, в котором, быть может, пройдут долгие годы. Чувствуешь себя иногда как юноша, который предпринимает впервые морское путешествие. Жизнь на судне не по нему, жестоко страдает он от приступов морской болезни, тесные каюты судна кажутся ему хуже, чем темница. Но где-то там, вдали, лежит юг, страна юношеских мечтаний, искушающая его своей светлой улыбкой. Наступит время, и он вступит полуживой на берег. Найдет ли он свой юг? Увы, как часто море выбрасывает путника на берег бесплодной пустыни!»

«Воскресенье, 7 октября. Сегодня вечером прояснилось; звездное небо и северное сияние. Это вносит маленькое разнообразие после однообразной облачной погоды с частыми метелями, посещавшими нас последние недели. Мысли приходят и уходят. Я не могу забыть и не могу уснуть. Всюду тишина; все спят. Раздаются лишь мягкие шаги вахтенного, охраняющего безопасность судна, да ветер треплет и свистит в снастях и тенте, а за стеной тикают часы, они медленно рубят на части время. Выйдешь наверх – там черная, как уголь, ночь. Далеко-далеко в вышине мерцают звезды; на темном небосклоне порхает северное сияние, а вокруг светится сквозь мрак однообразная ледяная равнина. Какая невыразимая пустота, заброшенность, как бесконечно далеки мы от всех забот и тревог человечества, от всех его стремлений! Что представляет собой жизнь, если она так изолирована? Станный, бессодержательный процесс; человек становится машиной, которая ест, спит, пробуждается, снова ест и снова спит, мечтает и грезит, но не живет по-настоящему. Разве не такова наша жизнь здесь? Или, быть может, такое самоизгнание в безнадежную пустыню для того, чтобы еще сильнее тосковать о жизни, которую ты покинул, – это лишь один из подвигов вечного мученичества, новая ошибка заблудшегося человеческого духа? Или я трус, или боюсь смерти? О, нет! Просто тоска овладевает человеком от этих ночей со всей их красотой и душа рвется из этого бесконечного застывшего мира льдов. Когда подумаешь, до чего коротка наша жизнь, вспомнишь о том, что ты ушел от нее по доброй

воле, что другое, «верное до гробовой доски» сердце терзается в полном неведении о твоей судьбе... О, род человеческий, чудны пути твои! И разве мы не похожи на клочья пены, беспомощно носимые по бурному морю».

«Среда, 10 октября. Итак, мне исполнилось тридцать три года, не больше и не меньше. К этому не прибавишь ничего, кроме того, что жизнь идет и никогда не повернет назад.

Все сегодня были трогательно внимательны ко мне, устроили большой праздник. Первый утренний сюрприз – кают-компания, украшенная норвежскими флагами. Только над местом Свердрупа повешен «униатский флаг» объединенной Швеции и Норвегии. От моей двери вплоть до двери Скотт-Хансена протянулся вымпел, на котором крупными буквами значилось Fram. Когда я вошел в кают-компанию и все, поднявшись с мест, поздравили меня с днем рождения, получилось весьма торжественно. Выйдя на палубу, я увидел, что на бизань-мачте тоже развевается флаг.

Перед обедом предприняли экскурсию на лыжах к югу. Ветрено и холодно; я давно уже так не мерз. Вечером термометр упал до -31 °С. Это, конечно, самый холодный день рождения, какой мне до сих пор приходилось отмечать.

Роскошный обед:

1. Рыбный пудинг.
2. Сосиски и язык со спаржей, картофелем и горошком.
3. Землянично-рисовый крем.
4. Мальц-экстракт.

Затем, ко всеобщему удивлению, доктор вдруг извлек из кармана своего пальто, в котором он всегда ходит, множество всевозможных сосудов самого странного и необычайного вида: пробирок, мензурок, стаканчиков для реактивов, по одному на каждого, и в заключение вытащил целую бутылку ликера, настоящего люсхольмского ликера, что вызвало взрыв восторга. Пришлось по две рюмочки на брата, не считая четверти бутылки мальц-экстракта. Я со своей стороны угостил всех сигарами, которые далеко не понизили настроения. Послеобеденное

время было в общем настоящим отдыхом. Затем подано было кофе с новым сюрпризом в виде яблочного пирога, испеченного милейшим Петтерсеном, бывшим кузнецом и механиком, а ныне превосходным поваром. Ужин тоже не обошелся без приятной неожиданности: большой именинный пирог все того же кулинара был украшен надписью:

«Т. Л. М. [Tillykke med degen! (Поздравление ко дню рождения: «Много счастья к сегодняшнему дню».)] 10.10.94». Попозже вечером появились ананасы, винные ягоды и конфеты. Пожалуй, не всякий празднует так свое рождение и не в таких высоких широтах, как 81°. Вечер прошел в веселых затеях и в прекраснейшем настроении: кают-компанию то и дело потрясали взрывы смеха; и как только она вмещала такое количество веселья!

Но когда мне пожелали спокойной ночи и я остался один в своей каюте, стало грустно. Вышел на палубу – высоко над головой звезды на ясном небе; на юге беспокойно порхает мерцающая дуга северного сияния, посылая вверх время от времени лучи, и мысли летят далеко – далеко через лед, воду и землю. Каждую ночь мне грезится во сне, что я дома, а с наступлением утра я, как герой саги Хельге, должен снова скакать на бледном коне по путям, облитым румянцем зари, но не к радостям Валхаллы, а в вечное царство льда.

Ради тебя одной, Сигрун,
Дочь гор высоких,
Плывет твой Хельг
В страну печалей!

Я говорил сегодня немного со Свердрупом о предполагаемой экспедиции. Когда мы после обеда вышли на лед, он вдруг сказал:

– Да, в будущем октябре вас, может быть, уже не будет на «Фраме».

На это я ответил, что так, вероятно, и будет, если зима кончится благоприятно. Но сам я еще не вполне уверен в этом».

«Пятница, 12 октября. Со вчерашнего дня настоящий шторм с ВЮВ. Ночью наше ветряное колесо разлетелось на части; в одном из зубчатых колес лопнула шестерня, сильно износившаяся за год работы. Утром

скорость ветра превысила 13 м, а сейчас, вечером, он достиг такой силы, какой давно уже не помню. Теперь мы должны хорошо двигаться на север. Быть может, октябрь окажется не таким уж неприятным месяцем, как я ожидал, исходя из прошлогоднего опыта. Перед обедом ходил на лыжах. Снег крутит; не могу сказать, чтобы мне стоило большого труда повернуть назад, – об этом позаботился ветер.

Метель разыгралась вовсю; приходится придерживать шапку, чтобы ее не снесло. На юге совсем низко стоит луна, тускло сияя сквозь крутящуюся снежную пыль. Настоящая полярная ночь во всей ее суровости. Такая, какой представляешь ее, находясь далеко на юге. И все же приятно ходить по палубе: чувствуешь, что мы подвигаемся вперед».

«Суббота, 13 октября. Продолжается тот же ветер; скорость до 12 м и даже больше. Тем не менее Скотт-Хансен произвел сегодня вечером наблюдение. Этот славный парень неутомим, как всегда. Нас несет на север (81°32,8 северной широты и 118°28 восточной долготы) ».

«Воскресенье, 14 октября. По-прежнему тот же шторм. Читаю о невероятных страданиях, которыми платили все предшественники за каждый отвоеванный градус широты, даже за каждую отвоеванную минуту. Я готов почти презирать нас, валяющихся на диванах в тепле и уюте, проводящих время за чтением, писанием, в курении и мечтаниях, в то время как в такелаже над нами воет и плачет буря и все кругом кажется одним сплошным снежным вихрем. Мы безо всякого напряжения с нашей стороны продвигаемся градус за градусом к северу, тогда как наши предшественники пробирались туда напрасно, растрачивая свои силы.

Теперь исчезает солнце и начинается ночь».

«Понедельник, 15 октября. Несмотря на ветер и метель, ходили утром на лыжах в восточном направлении. В такие дни лыжникам приходится быть особенно начеку, тщательно замечать дорогу; стоит лишь немного отойти от корабля, как его не видно, а если не найдешь пути назад, то... Хорошо, что от лыж остаются кое-где явственные следы; в большинстве мест снег почти начисто сметен и наст оголен ; падающий

снег на нем не удерживается. Дрейфуем на север. Полярная ночь тем временем медленно и торжественно вступает в свои права. Солнце сегодня стояло низко, за грядой облаков на юге его совсем не было видно, и все же на бледном небе еще заметен солнечный отсвет. В небе теперь царит полная луна, заливающая своим серебристым светом ледяную равнину и вихри крутящегося снега. Как величественна такая ночь! Можно тысячу раз видеть ее, и всякий раз сызнава чувствуешь ее величие; никак нельзя освободиться из-под ее власти. Чудится, что тыходишь в тихий, таинственный храм, где дух природы парит в пространстве, в переливах серебристых лучей, и где душа должна пасть ниц, благоговей перед бесконечностью и величием вселенной».

«Вторник, 16 октября. Около полудня над горизонтом был виден солнечный диск. По всей вероятности, мы видим в этом году его величество в последний раз... До свидания!»

«Среда, 17 октября. Занимаемся глубоководными исследованиями. Весьма сомнительное удовольствие в это время года. То батометр (прибор для взятия образцов воды) обледенеет до того, что в воде он не закрывается, и потому приходится подолгу оставлять его висеть в воде; то батометр обмерзает, когда уже вытащен из воды наверх, во время отсчета температуры, и никак не удастся перелить из него воду в склянки, не говоря уже о том, что чертовски трудно привести прибор в порядок для нового опускания. Мы считаем себя счастливыми, если не приходится ходить по несколько раз на кухню с приборами и оттаивать их там. Температуру приходится иногда отсчитывать при свете фонаря; кроме того, пробы воды, когда они замерзают в батометре, не вполне надежны. Дело в общем кропотливое, подвигается медленно, но все же идет, если приложить известное старание.

Восточный ветер продолжается, и мы продвигаемся вперед. Сегодня вечером наша широта около 81°47 северная».

«Четверг, 18 октября. Продолжаем измерять температуру воды. Холодное развлечение при -29 °C и сильном ветре! Пальцы коченеют и теряют чувствительность, когда приходится голыми руками манипулировать с мокрыми или обледенелыми металлическими винтами,

отсчитывать температуру при помощи лупы, чтобы обеспечить точность в несколько сотых градуса, или цедишь пробы воды в бутылки, которые приходится потом держать на груди, чтобы вода не замерзла. Да уж, благодарю покорно!

В 8 ч вечера было великолепное северное сияние. Будто огненная змея извивалось оно двумя изгибами по небу. Хвост поднимался приблизительно на 10° выше горизонта в северной его части; отсюда несколькими изгибами сияние распространялось к востоку, затем поворачивало и перебрасывалось к западу в виде дуги, поднимающейся на 30 или 40° над горизонтом; дальше на западе оно опускалось, скатывалось в светящийся клубок, из которого вверх по небу то и дело вылетали пучки лучей. Сияние все время находилось в движении. С запада на восток выбрасывались блестящие снопы света, а сама змея непрерывно извивалась. Постепенно сияние поднялось выше по небосводу, приближаясь к зениту. Верхняя дуга разделилась на несколько более слабых волн, пучки лучей бежали теперь вверх к зениту сразу из нескольких мест, не только из огненного клубка, но из самой дальней дуги на северо-востоке. Свечение быстро достигло наибольшей силы; густой желтый цвет местами переходил в желтовато-красный, а в других местах в зеленовато-белый. Когда верхняя дуга дошла до зенита, явление стало постепенно утрачивать свою яркость, оно мало-помалу рассеивалось, оставляя о себе только слабое воспоминание на южной стороне неба.

Позже вечером, выйдя снова на палубу, я увидел, что почти все сияние скопилось в южной половине неба. Далеко на юге висела низкая дуга; она возвышалась примерно на 5° над темным сегментом у горизонта. Между этой дугой и зенитом поместились четыре другие слабо волнующиеся дуги, из которых самая верхняя висела прямо у меня над головой; то здесь, то там, особенно из самой нижней дуги на юге, выбрасывались снопы лучей. На северной части неба дуг не было видно, здесь лишь кое-где разгорались пучки лучей. По всему небосводу были заметны характерные спутники северного сияния: светлые облачка и

полосы чуть теплящегося света. Небо было покрыто как бы светлым покрывалом, ^[198] в котором местами виднелись темные дыры.

Почти нет ночи, или, лучше сказать, не было ни одной ночи, когда бы мы не наблюдали следы сияния, если, конечно, небо было ясно или облака расходились так, что оставались достаточно большие просветы, чтобы в них можно было видеть небо. Обыкновенно у нас эти световые явления достигают большой силы, в безустанной тревоге играют они на небосводе. Появляются сияния по большей части на южной стороне неба».

«Пятница, 19 октября. Свежий ветер с ВЮВ. Нас сильно гонит к северу. Вскоре мы, вероятно, пройдем долгожданный 82 -й градус, а там уж недалеко и до 82°27', где «Фрам» окажется судном, проникшим на север в этом полушарии дальше всех других судов. Однако барометр падает; ветер, пожалуй, скоро переменится на западный. Хотя бы на этот раз барометр оказался ложным пророком! Я стал теперь немножко сангвиником: слишком долго все шло гладко, и октябрь, внушавший мне по опыту прошлого года столько опасений, оказался месяцем больших успехов. Только бы не кончился он плохо!

За сегодняшний ветер между тем мы расплачиваемся ценой одной жизни. Ветряная мельница после исправления повреждения была сегодня опять пущена в ход. После обеда два щенка подкатились к ней, грызаясь из-за кости; один из них попал под зубчатое колесо вала, и его втянуло между колесом и палубой. Маленькое тельце почти остановило машину. Услышав шум, я бросился на палубу; щенка только что вытащили полумертвым из колеса; живот у него был распорот, он слабо повизгивал. Мы тут же положили конец его страданиям. Бедное маленькое жизнерадостное существо! Еще мгновение назад ты весело и беззаботно резвился со своими братьями, но вот из камбуза полетела на палубу медвежья кость, и – ты лежишь мертвым, изуродованным».

«Воскресенье, 21 октября. 82°0,2 северной широты, 114°09 восточной долготы. Уже поздно, а у меня все еще шумит в голове, как после хорошего кутежа; но наш «кутеж» был весьма невинного характера. Сегодня состоялся праздник по случаю достижения 82 -го

градуса. Ночью наблюдение показало 82°0,2 , а теперь мы, несомненно, продвинулись на север еще немного дальше. По этому случаю испечены медовые пряники, смею заверить – действительно замечательные и после освежающей лыжной прогулки был устроен грандиозный праздничный обед. В кают-компании повешен плакат – афиша, приглашающая гостей явиться к обеду пунктуально с боем часов, так как повар изнеможен до последней степени. На афише следующие глубоко прочувствованные стихи анонимного автора:

Прошу вас вовремя к обеду приходить,
Иначе суп молочный подгорит,
И рыбный пудинг тоже испортится за сутки,
И может очень повредить он вашему желудку.
Консервы тоже ждать не могут долго,
А разорвут жестянки – вот и вся недолга.
Телятина, баранина, говядина, свинья
Потеряют свежесть, если долго будут ждать,
Станут жестки и не сочны.
Раморни и Армур, Торн и Тиис
Дали пищу нам все прекраснейшим образом,
Но, друзья, предупреждаю вас,
Если хотите иметь вкусный обед,
К столу приходите в час, а не в два.

Источник лирической скорби, нашедшей выражение в этих строках, надо, несомненно, искать во многих горьких разочарованиях, что дает ценные сведения о профессии анонимного автора. Гости, приглашенные на обед ровно в час, между тем оказались довольно пунктуальными; запоздал, и то помимо воли, один я, так как должен был сделать несколько снимков при быстро исчезающем дневном свете. Меню было великолепным:

1. Суп из бычьих хвостов.
2. Рыбный пудинг с растертым маслом и картофелем.
3. Черепаха с горошком и картофелем.

4. Морошка с рисом и со сливками. Кронмальц -экстракт. Затем кофе с медовыми пряниками.

После столь же обильного ужина публика потребовала «музыку», которая в течение всего вечера и преподносилась в избытке различными виртуозами органа. Особенно отличился Бентсен, который за последнее время имел полную возможность напрактиковаться, наматывая на льду лотлинь. ^[199] Темп музыки то замедлялся, будто она исходила из бездны в 700 или 1000 м глубиной, то ускорялся и становился живее, точно музыка приближалась к поверхности. В конце концов возбуждение разросло до того, что меня и Петтерсена заставили станцевать и вальс и польку, и мы на довольно-таки тесной бальной площадке исполнили несколько чрезвычайно изящных *pas de deux*. В заключение в пляс пустился и Амунсен; остальные играли в карты. В промежутках был сервирован десерт: персиковое варенье, сушеные бананы, винные ягоды, медовые пряники.

Короче говоря, мы веселимся, – и почему бы нам не веселиться? Нас быстро несет к цели; мы уже на полпути между Новосибирскими островами и Землей Франца-Иосифа, и никто на «Фраме» не сомневается в том, что цель экспедиции будет достигнута. Итак, да здравствует веселье!

А наверху царит беспредельная тишина поллярной ночи; месяц льет свой свет над ледяной равниной, и высоко в небе ярко блещут звезды; нет мятежного северного сияния, и южный ветер шумит в снастях как -то тихо и печально. Всюду глубокое спокойствие покоя. Это бесконечная красота – нирвана ^[200]».

«Понедельник, 22 октября. Теперь начинает становиться холодно. Прошлую ночь было -34,6 °С, а сегодня вечером -36 °С.

Сегодня ночью в 11 ч 30 мин было прекрасное северное сияние. Блестящая корона окружила зенит венком из лучей, несколькими кольцами одно над другим. Далее по небу расходились большие и меньшие снопы лучей, особенно далеко спускаясь на юго-западе и востоко-юго-востоке. Все они направлялись вверх к короне, которая сверкала, как ореол. Я долго стоял и смотрел. Временами можно было

различить темное пятно в середине, в том пункте, где сходились все лучи, немного южнее Полярной звезды и по направлению к месту, занятому в ту минуту Кассиопеей. Ореол волновался и двигался безостановочно, точно он был игрушкой бури в верхних слоях атмосферы. Из мрака внутри ореола выскакивали все новые лучи света, за ними другие, и тогда темное поле в середине ясно выделялось. В другое же время оно было совершенно закрыто световыми массами. Затем буря в верхних слоях атмосферы как будто утихла; сияние побледнело и некоторое время светилось матовым беловатым светом, чтобы потом опять внезапно засиять и снова начать ту же игру. Вся масса света над короной могучими волнами переходила через зенит и темное центральное пятно, буря усиливалась, лучи сплетались друг с другом; все становилось одним огромным световым хаосом, который заволакивал корону и заливал и ее, и лучи, и темное пятно в середине неба потоком светящегося тумана. В заключение все опять побледнело, и я ушел вниз.

В полночь никакого северного сияния уже почти не было видно».

«Пятница, 26 октября. Вчера вечером мы находились под 82°03 северной широты.

Последние два дня пасмурно и даже в полдень так темно, что я подумал, не придется ли вскоре отказаться от прогулок на лыжах. Но сегодня утром наступила ясная, тихая погода, и я совершил восхитительную прогулку на запад, где образовалось много новых нагромождений льда, впрочем незначительных.

Сегодня «Фраму» исполнилось два года. По этому случаю был тонкий обед, из жареной фаршированной палтусины, черепахи, свиных котлет с бобами и зеленым горошком, плум-пудинга (в первый раз настоящий горячий плум-пудинг) с соусом и, наконец, земляники. К столу, как обыкновенно, было подано вино (т. е. лимонный сок с водой и сахаром) и кроновский мальц-экстракт. Наверное, все чувствовали некоторое обременение пищеварительного аппарата. После обеда – кофе и медовые пряники, Нурдал предложил папиросы. Общий праздник.

Вечером снова северный ветер. Вероятно, он не надолго. По крайней мере хочу надеяться и верить, что южный ветер не замедлит явиться снова. Но мы мечтаем не о нежном зефире юга, не о легком дыхании румяной зари, нет, нам нужен холодный, резкий, дующий со всей полярной силой южный ветер, который согрел бы «Фрам» снежными сугробами, закружил бы и взвихрил их, – вот какого ветра мы ждем, – чтобы он понес нас на крыльях вперед к заветной цели.

Итак, сегодня тебе исполнилось два года, «Фрам»! Сегодня за обедом я сказал, что если мы еще год назад признали «Фрам» превосходным кораблем, то сегодня у нас еще больше оснований подтвердить это. Он хоть и не слишком быстро, но верно и безопасно несет нас вперед. Затем мы выпили за счастье и успехи новорожденного. Тост был немногословен. Но если бы я дал волю своим чувствам, то не так бы скупился на слова. По правде говоря, мы любим наш корабль, как только можно любить неодушевленный предмет. Да как же нам не любить его? Ни одна мать под своим крылышком не может дать детям столько тепла и безопасности, сколько дает он нам. Он наш дом и кров. Мы всегда рады вернуться к нему из ледяных равнин, и сколько раз горячим чувством билось мое сердце, когда вдали над вечным снежным покровом показывались его мачты. В глубокой тиши ночей мысли зачастую уносились с благодарностью к строителю этого дома. Я убежден, что и он у себя дома частенько вспоминает нас, хотя и не знает, где именно в огромном белом пространстве, опоясывающем полюс, его мыслям искать «Фрам». Но он знает свое детище и не потеряет веру в то, что оно выдержит, хотя бы все перестали в это верить. Да, Колин Арчер, если б ты нас теперь видел, ты бы убедился, что твоя радостная вера в корабль оправдалась...

...Я опять сижу один в своей каюте, и в мыслях у меня проносятся два минувших года. Какой демон переплетает нити жизней, заставляет нас обманывать самих себя и постоянно, неуклонно направляет по путям, которые мы не избирали и по которым идти совсем не хотели? Разве мной руководило лишь чувство долга? О нет, я ведь был просто ребенком, которого влекли приключения в неведомых странах и который

так долго мечтал о них, что вообразил, наконец, что нашел то, чего искал. И вот я пустился в великое предприятие: здесь передо мной сказочная страна льдов, глубокая и чистая, как сама беспредельность вселенной; тихо мерцающая звездами полярная ночь, сама природа во всей ее глубине, тайны жизни, вечный круговорот вселенной, величие смерти, чуждой страданиям и горю, вечное в самой себе. Здесь посреди великой ночи стоишь, чувствуя себя таким смиренным, лицом к лицу с природой, стоишь благоговейно у ног вечности и внимаешь ей и учишься познавать всемогущего владыку и творца вселенной. Все загадки жизни как будто раскрываются перед тобой, и тебе смешно, что ты мог терзаться страхами и сомнениями; все это так мелко, так невыразимо ничтожно... «Кто видел Иегову, должен умереть».

«Воскресенье, 4 ноября. В полдень я ходил на лыжах в восточном направлении, захватив с собой нескольких собак. Вдруг услышал, что собаки, оставшиеся возле корабля, подняли лай. Мои тоже наостригли уши, и некоторые из них во главе с Уленькой бросились назад. Большая часть, однако, вскоре остановилась, прислушиваясь и оглядываясь назад, будто проверяя, иду ли я за ними. Поразмыслил немного, может ли это быть медведь; нет, решил я, и продолжал свой путь. Но в конце концов не выдержал и повернул к дому. Собаки бешено помчались вперед.

Приблизившись к кораблю, увидел, что несколько человек – Свердруп, Йохансен, Мугста и Хенриксен – бежали с ружьями. Они быстро скрылись в том направлении, откуда несли собачий лай, и значительно опередили меня, прежде чем я успел достать ружье и побежать за ними. Внезапно передо мной в темноте блеснула вспышка выстрела, за ним последовал другой, еще и еще – целый залп. Что за чертовщина? Они стояли на одном месте и без передышки палили. Почему же они не идут дальше? Я спешил, полагая, что теперь -то пригодятся мои лыжи, чтобы нагнать обратившегося в бегство зверя. Но вот они немножко подвинулись, и снова в темноте блеснул выстрел... еще и еще... Вот кто-то бросился бежать по льду и выстрелил прямо в упор перед собой, другой, став на колени, выстрелил к востоку. Что они,

упражняются в стрельбе, что ли? Но очень уж неподходящее время выбрано для этого, да и чересчур много выстрелов. Вдобавок эти собаки, носящиеся с яростным лаем по льду?..

Наконец я приблизился к группе. В разных местах бегали по льдине три медведя – медведица и два медвежонка. Собаки насккивали на медвежат, как бешеные, теребили их за лапы, за шерсть, за хвост, хватали за горло. Особенно неистовствовала Уленька; вцепившись одному медвежонку в горло, она иступленно теребила и кусала зверя; едва тот смог от нее освободиться. Вначале медведи не торопясь уходили от собак, которые не осмеливались приблизиться и вцепиться в зверей, пока не была ранена и не свалилась медведица. Она-то как будто и не собиралась убегать, а словно замышляла какое-то злодейство, стремясь подманить собак поближе. Внезапно медведица остановилась, пропустила медвежат вперед, потянула носом воздух и двинулась назад навстречу собакам; те, как по команде, в ту же минуту повернули направо кругом и все до единой обратились в бегство на запад. Тогда-то и грянули выстрелы, медведица пошатнулась и повалилась на лед. Собаки бросились на нее и вцепились ей в шубу. Затем был убит один из медвежат. Второй, несмотря на выстрелы, пустился бежать по льду, за ним вдогонку бросились три собаки и, настигнув, подмяли его под себя, так что подоспевшему Мугста пришлось сперва отогнать собак и лишь тогда выстрелить. Такой запас свежего мяса можно только приветствовать. Как раз сегодня за обедом мы уничтожили котлеты из остатков последнего убитого нами медведя. Мясо медвежат очень нежное, словно рождественские откормленные поросята.

Белый медведь у лыжни

Литография Фритьофа Нансена

По всей вероятности, это были те самые медведи, следы которых мы видели раньше. Я со Свердрупом еще в октябре проследил следы трех таких господ и потерял их на северо-северо-западе от судна. По-видимому, они и пришли теперь с этой стороны.

Когда нужно было стрелять, ружье Педера, по обыкновению, не действовало, оно опять было заполнено вазелином, и, держа его, он кричал:

– Стреляйте, стреляйте, мое не хочет стрелять!

Вернувшись домой и разбирая ружье, которое я схватил, вдруг обнаружил, что оно не заряжено. Хорош бы я был, если бы вышел на медведей с таким оружием один на один!»

«Понедельник, 5 ноября. Сидя ночью за работой, вдруг услышал отчаянный собачий визг на палубе. Я выбежал. Выл один из щенков: он, как это часто случается, лизнул железный болт, и язык примерз к железу. Он старался отодрать язык, но тот вытянулся длинным тонким жгутом, и щенок выл самым жалобным образом. Бентсен, бывший вахтенным, находился уже на месте происшествия, но сначала не знал, как помочь беде. Потом он взял щенка за шиворот, подтащил его

поближе к болту, чтобы язык не так тянулся, согрел немного болт в руках, и язык отстал сам собой. До чего же щенок был обрадован! Он благодарно лизал руки Бентсена своим кровоточащим языком и, казалось, не знал, как выразить свою признательность. Можно надеяться, что теперь хотя бы этот щенок не так уж скоро примерзнет снова тем же образом, вообще же такие случаи не редкость».

«Воскресенье, 11 ноября. День за днем я веду обычные занятия, но мысли все сильнее влечет к себе неразрешенная загадка загадок всего бытия. Нет, к чему вертеться в этом бесплодном круговороте мыслей? Лучше выйти наверх, в зимнюю ночь. Наверху в небе луна большая, золотая и мирная, над головой мерцают сквозь несущуюся снежную пыль звезды. Почему не убаюкать себя зимними грезами, полными воспоминаниями о лете?

У-у-у, нет, слишком уж пронзительно завывает ветер над пустынными ледяными полями. 33 градуса мороза. Лето с его цветами слишком далеко... Я бы отдал год жизни, чтобы подержать их в руках, но в такой дали представляются они мне, словно я никогда не вернусь к ним назад.

Каждую ночь и каждый день зажигает в небе свои вечно сменяющиеся прекрасные огни северное сияние. Смотри на него, пей забвение и черпай надежду в нем, – оно так подобно мятежной человеческой душе. Беспокойное, как она, стремится оно охватить весь небесный свод, но остается лишь блестящей погоней за светом, сверкающим бесцельным бегом лучей. Его дикая игра прекраснее всего на свете, красивее зари, но не возвещает наступления нового дня.

В общем, бессильная погоня в пустом пространстве.

Моряк по звездам направляет свой путь, могло бы и ты, северное сияние, оказывать пользу, выводя заблудившегося странника на дорогу. Но продолжай свою пляску и дай мне наслаждаться тобой ; перекинь мост между прошлым и настоящим и позволь мне в мечтах уноситься далеко-далеко в будущее.

О ты, таинственный свет, что ты такое и откуда ты идешь? Но к чему спрашивать? Разве недостаточно любоваться твоей красотой и на

этом остановиться? Разве сможем мы проникнуть за пределы видимого? Что из того, если б даже мы и могли сказать, что северное сияние – это электрический разряд или электрические токи в верхних слоях атмосферы, и могли бы описать до мельчайших подробностей, как оно возникает? Это были бы только слова. О том, что такое электричество, мы, в сущности, знаем не больше, чем о том, что такое северное сияние. Счастливы дети... Мы со всем своим «знанием», со всеми нашими теориями даже на толщину волоска не ближе к истине, чем они».

«Вторник, 13 ноября. Температура -38 °С. В течение дня в разных направлениях происходят сжатия. Лед стал тверже, а потому и грохот сильнее. Он слышен издали, этот таинственный гром, внушающий ужас тем, кто не знает, откуда он идет.

Чудесна лыжная прогулка при полной луне. Разве жизнь – страдание? Разве такая уж горькая участь лететь, в окружении прыгающих вокруг собак, с быстротой ветра при свежем трескучем морозе в такую ночь, как сегодня, по бесконечной ледяной равнине, когда лыжи скользят по гладкому насту так, что почти не чувствуешь, как ноги касаются земли и ты будто паришь высоко-высоко под синим сводом, к которому подвешены звезды? Это, по существу, самое большее, чего ты вправе ожидать от жизни, это волшебная повесть из другого мира, сказка из грядущей жизни.

А потом, возвратясь домой в свою теплую рабочую каюту, разведешь огонь в печке, зажжешь лампу, набьешь трубку и, забравшись на диван, дашь улететь мечтам на клубящихся облаках табачного дыма в далекий мир – разве это страдание? А то вдруг я ловлю себя на том, что часами сижу и гляжу в огонь, мечтая о будущем... Полезное времяпрепровождение, не правда ли? Но все же при этом время течет незаметно, пока действительность толчком льдов не разобьет грезы, напомнит, что ты находишься в пустыне и пора снова приниматься за работу».

«Среда, 14 ноября. Как чудесны эти прогулки на лыжах среди безмолвия природы! Далеко вокруг простираются залитые серебристым светом луны ледяные поля, повсюду темные холодные тени

отбрасываются торосами, бока которых слабо отражают рассеянный сумеречный полусвет. Вдали очерчивает горизонт темная линия льдов, нагроможденных сжатиями, над ней завеса легкого серебристого тумана, а еще выше беспредельная темно-синяя, усыпанная звездами глубь небес, по которым плывет в эфире полная луна. А на юге слабое мерцание дня, внизу темно-багровое, а чуть выше ярко-желтое и бледно-зеленое, теряющееся в синеве там наверху. Все это сливается в единственную в своем роде, не поддающуюся описанию гармонию. По временам страшно хочется переложить эту природу в звук и музыки, только они могли бы передать ее существо. Какие получились бы могучие и простые аккорды!

Безмолвие, о какое безмолвие! Слышишь трепетание собственных нервов. Чудится, будто скользишь дальше и дальше по этим равнинам в бесконечное пространство. Не прообраз ли это того, что некогда наступит? Здесь вечность и мир. Нирвана должна быть холодна и ясна, как эта вечная звездная ночь. Что значат все наши исследования и весь наш разум перед этой бесконечностью!..»

«Пятница, 16 ноября. Перед обедом я со Свердрупом ходил на лыжах при лунном свете, мы побеседовали всерьез о перспективах нашего дрейфа и задуманном мною весеннем путешествии по льду на север. Вечером мы еще полнее обсудили этот вопрос в его каюте. Я изложил свою точку зрения, и он по всем пунктам со мной согласился.

Последнее время я много размышляю о том, правильно ли будет предпринять экспедицию, если дрейф не подвинет нас до марта так далеко на север, как я надеюсь. Но чем больше я об этом думаю, тем тверже становится мое решение попытаться достигнуть полюса по льду при любых осложнениях. Если целесообразно трогаться в путь с 85°, то не менее целесообразно сделать это с 82° или с 83°. В обоих случаях мы проникнем в более северные области, куда иным путем попасть не удастся, и это будет тем более желательным, чем меньше в своем дрейфе подвинется к северу «Фрам». Если почему-либо мы не достигнем самого полюса, ну что ж, повернем назад раньше. Суть, как я уже не раз говорил, совсем не в том, чтобы достигнуть самую точку полюса, а в том,

чтобы исследовать неизвестные пространства Полярного моря, независимо от того, лежат ли они несколько ближе или несколько дальше от полюса. Я говорил об этом еще до начала нашего плавания, и это необходимо постоянно иметь в виду.

Конечно, в продолжение дальнейшего дрейфа судна на нем предстоит произвести немало ценных наблюдений, даже таких, которые я охотно продолжал бы сам; но все важнейшие из них могут быть сделаны здесь с успехом и в том случае, если двое из нас покинут судно. Вместе с тем несомненно, что наблюдения, которые мы сделаем в более северных широтах, во много раз превзойдут по своей ценности те, которые я бы мог сделать, оставаясь на корабле. Вряд ли в этом можно сомневаться. Таким образом, наша санная экспедиция к полюсу безусловно желательна.

Возникает вопрос о наиболее благоприятном сроке отправления экспедиции. Вне всякого сомнения, весенние месяцы – самое позднее март – единственное время года, когда такая поездка вообще может быть предпринята. Не отправиться ли в путь нынешней весной? Положим, что в самом худшем случае мы не продвинемся дальше 83° северной широты и 110° восточной долготы. Тогда, пожалуй, имелись бы основания отложить эту поездку до весны 1896 г. Но, по моему твердому убеждению, при этом мы можем упустить наиболее подходящее время. Дрейф не может идти настолько медленно, чтобы еще через год мы не миновали бы того пункта, откуда должна начаться санная экспедиция. Измеряя циркулем на карте расстояние, которое пройдено нами с ноября прошлого года, и экстраполируя соответственно наш дальнейший дрейф, я прихожу к выводу, что к ноябрю следующего года мы должны пройти Землю Франца-Иосифа и оказаться несколько севернее ее. Конечно, возможно, что и к февралю 1896 г. мы не подвинемся дальше этого места; но, насколько я могу судить, вероятнее всего по мере нашего продвижения на запад дрейф будет усиливаться, а не ослабевать. В таком случае, следовательно, к февралю 1896 г. нас может пронести слишком далеко, чтобы затевать подобную экспедицию. А этой весной при всех условиях вполне можно тронуться в путь, хотя бы существовал

вообще лучший отправной пункт, чем тот, куда принесет наш «Фрам» к 1 марта 1895 г. Вернее всего *не ждать следующей весны*.

Возникает еще вопрос: каковы наши шансы пробиться к цели? Расстояние между предполагаемым пунктом отправления и мысом Флигели, наиболее ближайшей известной нам суши, около 600 км,^[201] т. е. немногим больше расстояния, пройденного нами в Гренландии. Никто не будет оспаривать, что по такому льду, какой здесь нас окружает, идти довольно легко, даже если бы с приближением к земле лед стал более тяжелым. А раз берег достигнут, всякому смышленому человеку, несомненно, удастся поддержать свое существование охотой на крупную или мелкую дичь и на медведей. Поэтому, если нам придется очень уж тяжело, мы всегда сможем направить свой путь к мысу Флигели или к Земле Петермана,^[202] лежащей от него к северу. По мере продвижения к северу, конечно, расстояние будет увеличиваться, но все же не настолько, чтобы мы при помощи собак не смогли его преодолеть, в каком бы пункте между исходной точкой и полюсом мы ни находились. «Путь к отступлению», следовательно, обеспечен, хотя есть люди, считающие, что пустынный берег, где, прежде чем поехать, надо крепко потрудиться, чтобы раздобыть себе пропитание, – неважная позиция для голодных людей. Но в действительности в этом -то как раз и заключается преимущество; отступление не должно быть слишком заманчивым! В самом деле, что за злополучная выдумка этот «путь к отступлению»? Для людей, которые стремятся вперед, вечное оглядывание назад ни к чему; в сущности, они должны смотреть только вперед.

Теперь о самой экспедиции. В ней будут участвовать два человека и двадцать восемь собак; продовольствия и снаряжения берем 1050 кг. Расстояние от 83° до полюса составит 180 км. Слишком ли смело будет считать, что это расстояние мы сможем пройти за пятьдесят дней? Я ведь не знаю выносливости наших собак; но кажется довольно правдоподобным, что даже если они окажутся не первого сорта, то все же, двигаясь со скоростью 15 км в день, смогут тащить груз по 37,5 кг на каждую – во всяком случае если люди будут помогать им. Вряд ли можно назвать этот расчет легкомысленным, предполагая, конечно, что лед

останется таким, как здесь; но для иных предположений нет оснований. В сущности, по мере нашего продвижения на север лед все время улучшается, даже с приближением весны. Итак, за пятьде – сят дней мы должны достигнуть полюса. В Гренландии без собак и со скудным провиантом мы за шестьдесят пять дней прошли по ледяному плато на высоте более 2500 м 550 км и, безусловно, могли бы идти еще дальше. За пятьдесят дней мы израсходуем 100 кг провианта, по 1 кг в день на человека, и 700 кг пеммикана из расчета $\frac{1}{2}$ кг в день на каждую собаку.^[203] Вместе это составит 800 кг. Так как за это время мы израсходуем также некоторое количество топлива, то санный груз убавится по меньшей мере до 250 кг. Тащить такой груз для двадцати восьми собак ровно ничего не составит; последнюю часть пути они смогут нестись как ветер и, значит, совершат путешествие меньше чем в пятьдесят дней.

Но предположим, что мы потратим именно пятьдесят дней. Если все пойдет хорошо, мы направимся прямо к группе Семи Островов к северу от Шпицбергена. Это составит 9°, или 1000 км. Если же, однако, дела у нас будут плохи, благоразумнее и безопаснее будет направиться к мысу Флигели, или к земле, расположенной к северу от него. Положим, мы выберем этот путь. Покинув «Фрам» 1 марта (если обстоятельства будут благоприятны, то и раньше), на полюс придем, следовательно, 20 апреля. К тому времени у нас останется 100 кг провизии для людей, т. е. на пятьдесят дней, но провиант для собак будет весь израсходован. Мы вынуждены будем, следовательно, постепенно убивать собак, чтобы прокормить остальных, или же, отдав собакам часть провианта, питаться собачиной самим. Даже если приведенные мной цифры и преуменьшены, я считаю возможным допустить, что в течение 41 дня нашего обратного путешествия будут убиты двадцать три собаки, и у нас еще останется пять собак.

Как далеко к югу сможем мы за это время пройти? Вес всей поклажи в начале обратного путешествия должен составить несколько менее 250 кг, т. е. меньше 9 кг на собаку. По прошествии сорока одного дня этот вес уменьшится по крайней мере до 140 кг – вследствие

потребления провизии и топлива, а также выбрасывания различных предметов снаряжения, как то: спальных мешков, палаток и тому подобного, которые будут становиться мало-помалу излишними. Остается, следовательно, на каждую из оставшихся пяти собак по 28 кг; в случае необходимости наша кладь может быть сокращена еще больше. С грузом, который составит вначале 9 кг на каждую собаку и лишь постепенно увеличится до 28 кг, собаки могут в среднем проходить по 22 км в день, даже в том случае, если путь окажется более трудным для перехода. Другими словами, к 1 июня мы пройдем 913 км к югу, или на 30 км дальше мыса Флигели, причем в нашем распоряжении останутся еще пять собак и на девять дней продовольствия. Но, во-первых, мы, вероятно, достигнем суши гораздо раньше, во-вторых, австрийцы уже в первой половине апреля встретили у мыса Флигели открытые пространства воды и обилие птицы; в мае и июне, следовательно, у нас и подавно не будет недостатка в пище. В-третьих, было поистине странным, если бы нам до этого времени не попались медведь, тюлень или какая-либо случайная птица.

Итак, к этому времени мы уже будем в безопасности и сможем выбирать, что захотим: либо путь вдоль северо-западного берега Земли Франца-Иосифа, мимо Земли Гиллиса ^[204] к Северо-Восточной Земле и Шпицбергену – а в случае, если обстоятельства окажутся благоприятными, я, безусловно, выберу этот путь, – либо мы сможем идти к югу через Австрийский пролив к южному берегу Земли Франца-Иосифа и оттуда к Новой Земле или к Шпицбергену, причем предпочтительнее было бы к Шпицбергену. Это на тот случай, если мы не встретим на Земле Франца-Иосифа англичан, на что, однако, нельзя рассчитывать.

Таковы мои расчеты. Разве они так уж легкомысленны? Нет, насколько я могу судить. Одно лишь будет плохо: если на последнем отрезке пути, в мае нас задержит такой тяжелый лед, какой был у нас в конце мая прошлой весной. Но это может случиться лишь к самому концу нашего путешествия, и в самом худшем случае совсем непроходимый лед все-таки оказаться не может. Кроме того, удивительно было бы, если бы

мы в течение всего путешествия не могли проходить в среднем по 18,5 км в день при среднем грузе от 15 до 20 кг, не больше, на каждую собаку. Тем не менее если бы наши расчеты оказались ошибочными, мы в любой момент можем повернуть назад.

Какие непредвиденные затруднения могут встать на нашем пути?

1. Лед может оказаться более труднопроходимым, чем мы предполагаем.

2. Мы можем наткнуться на сушу.

3. Собаки могут подвести нас, оказаться слишком слабыми, заболеть или замерзнуть.

4. Мы сами можем заболеть цингой.

1 и 2. Что лед дальше к северу окажется более труднопроходимым, конечно, возможно, но все же маловероятно; я не вижу к этому никаких оснований, если только мы не встретим на Севере неизвестную до сих пор сушу. А если даже и так, ну, что ж, мы воспользуемся тем, что найдем. Совершенно непроходимым, во всяком случае, лед не может быть; даже Маркхем пробирался вперед по льду со своими людьми, ослабленными цингой. А берега этой суши могут представить даже кое-какие преимущества для продвижения; это будет зависеть от их направления и протяжения. Трудно сказать заранее что-нибудь определенное по этому поводу, но, по-моему, дрейф льдов и найденные нами глубины делают невероятным, чтобы в сколько-нибудь близком от нас расстоянии могла находиться суша значительного протяжения. Во всяком случае, если она и существует где-нибудь, то вместе с тем должен быть и проход для льдов, и, в худшем случае, мы сможем, значит, проследовать по этому проходу.

3. Бесспорно, может быть и так, что собаки не оправдают наши расчеты, но, как мне кажется, эта возможность не так уже велика. Мы не собираемся чрезмерно перегружать их. И если даже с какой-нибудь собакой случится беда, то не со всеми же разом. До сих пор при той пище, которую они получали, собаки благополучно переносят зиму с ее морозами, а в дороге они получают усиленный паек.

К этому нужно прибавить, что в своих вычислениях я умышленно не принял в расчет того, что мы сами тоже будем помогать им тащить груз; даже если предположить, что все собаки пропадут, мы сможем пройти значительный путь одни.

4. Самым худшим было бы, бесспорно, если мы сами заболели бы цингой. Несмотря на наше великолепное здоровье, такая случайность не исключена. Стоит только припомнить, как страдал от цинги весь экипаж английской экспедиции к Северному полюсу (за исключением офицеров), ^[205] как только наступила весна и вместе с нею начались санные поездки; и это несмотря на то, что на судне никто из них не подозревал, что им может грозить подобная участь.

Все же я считаю, что для нас заболевание цингой маловероятно. Во-первых, английской экспедиции как-то особенно не везло. Едва ли существует какая-либо другая экспедиция, опыт которой был бы столь печален, хотя многие предпринимали не менее продолжительные санные экспедиции, – взять хотя бы, например, экспедицию Мак-Клинтока. При отступлении экипажа «Жаннетты» после гибели судна, насколько мне известно, никто цингой не заболел; у Пири и Аструпа тоже не было случаев цинги и т. д. и т. д. С другой стороны, наш набор провизии сделан более тщательно, и он более разнообразен, чем во всех предшествующих экспедициях. Ни одна экспедиция не могла похвастаться таким отменным состоянием здоровья в течение всего пути, как наша. Поэтому я почти не допускаю мысли, чтобы мы могли унести с собой с «Фрама» какие-либо зародыши цинги. А что касается провизии для самой санной поездки, то я позабочусь о том, чтобы она состояла из наиболее питательных и хорошо законсервированных продуктов, и сильно сомневаюсь, чтобы такое продовольствие могло быть источником цинги. Но некоторый риск неизбежен. Я считаю, что все возможные меры предосторожности приняты, и, раз так, мой долг на эту попытку решиться.

Есть и еще кое-какие вопросы, которые нельзя обойти. Имею ли я право лишать судно и тех, кто на нем остается, того снаряжения, которое потребуется для санной экспедиции? То, что экипаж уменьшится

на два человека, имеет мало значения, так как с «Фрамом» великолепно могут управиться и одиннадцать человек. Хуже то, что мы берем с собой всех собак, за исключением семи щенков. Но на судне в изобилии остается продовольствие и первоклассное снаряжение для передвижения с помощью ручных нарт, чтобы в случае какого-либо несчастья с «Фрамом» участники экспедиции могли добраться до Земли Франца-Иосифа или же до Шпицбергена. Едва ли можно предположить, что им придется покинуть судно севернее 85° , скорее, если уж дело дойдет до этого, то произойдет это значительно южнее. Но предположим, что они действительно будут вынуждены оставить судно на 85° северной широты. В таком случае это должно случиться примерно к северу от Земли Франца-Иосифа, в расстоянии 335 км от мыса Флигели; если это произойдет восточнее, то, очевидно, на расстоянии 445 км от группы Семи Островов. Трудно представить, что с нашим снаряжением им не удастся преодолеть это расстояние. Теперь, как и прежде, я держусь того мнения, что «Фрам» невредимо и без задержки пронесет через Полярный бассейн и он выйдет по ту его сторону. Но даже если с ним случится несчастье, я уверен, что экипаж, если только будут соблюдены необходимые меры предосторожности, целым и невредимым доберется до дому. Итак, по всем основаниям отправление санной экспедиции с «Фрама» целесообразно, и она сулит так много, что безусловно должна быть предпринята!

Последний вопрос: кто те двое, кому надлежит отправиться в эту экспедицию? Свердруп и я, мы оба уже испытали друг друга в подобном путешествии и, конечно, сумели бы с этим делом справиться. Но нечего и говорить, что оба вместе мы оставить «Фрам» не можем. Один из нас должен остаться, чтобы взять на себя ответственность за благополучную доставку домой остальных людей. Не менее очевидно, однако, что один из нас должен возглавить санную экспедицию, поскольку лишь мы двое имеем необходимый для этого опыт. Свердруп пошел бы с большим удовольствием. Но большая опасность, я знаю, грозит тому, кто покинет «Фрам», а не тому, кто останется. Если я отпущу Свердрупа, тем самым я возложу на него более опасную задачу, а более легкую оставлю себе.

Если бы он погиб, разве я мог бы когда-нибудь простить себе, что позволил ему идти, хотя бы таково было его собственное желание. Он не девять лет старше меня, и это обстоятельство, без сомнения, делает мою ответственность особенно тяжелой. А остальные, с кем бы из нас двоих предпочли бы они остаться? Мне кажется, они доверяют одинаково нам обоим, и знаю, что каждый из нас сумеет доставить их благополучно домой, все равно – на «Фраме» или без него. Но все же специальность Свердрупа – вести корабль, тогда как на мне лежит руководство всей экспедицией в целом, и в особенности научными наблюдениями. С этой точки зрения именно я должен взять на себя предприятие, которое сулит более важные открытия. О продолжении работ на «Фраме» позаботятся, как я уже сказал, остающиеся. Мой долг поэтому идти, долг Свердрупа – остаться. Свердруп согласен с этим.

В спутники себе я наметил Йохансена, человека во всех отношениях подходящего. Он – превосходный лыжник, по выносливости не имеет себе равных, и вдобавок чудесный парень. Я еще не спрашивал его, согласен ли он, но думаю это на днях сделать, чтобы он мог заранее подготовиться на случай, если мы тронемся. Блессинг и Скотт-Хансен тоже, наверно, всей душой рады были бы последовать за мной, но Скотт-Хансен должен остаться для продолжения наблюдений, а Блессинг не имеет права покинуть свой пост врача. Есть немало и других, которые могли бы сопутствовать в моем предприятии, и, без сомнения, среди них нашлись бы охотники.

Итак, экспедиция на север – дело решенное. Посмотрим теперь, что принесет с собой зима. Если позволит свет, я бы охотнее всего пустился в путь уже в феврале».

«Воскресенье, 18 ноября. Право, я как-то не могу еще толком представить себе, что действительно тронусь в путь, и всего только через какие-нибудь три месяца. Иногда я баюкаю себя прекрасными грезами о возвращении на родину после всех трудов и побед, и тогда на душе становится легко и светло. Но затем снова возвращаются сомнения и неуверенность в будущем, подстерегающие меня в глубинах моего сознания. И мечты меркнут, поблекшие, обесцвеченные, как северное

сияние в конце ночи. «Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten?» [«Вы снова приближаетесь, бледные призраки?» (Из «Фауста» Гете)]

Как извели меня эти вечные, упрямые сомнения перед каждым решительным шагом, когда нужно на карту ставить жизнь. Не слишком ли многим я рискую и не слишком ли мало выиграю? Во всяком случае больше выиграю, чем здесь. И разве это не долг мой? Да и вообще разве на мне одном лежит ответственность; а ты?.. Я вернусь... когда зацветут розы. Я чувствую, что способен победить. «Будь верен до могилы, и я увенчаю тебя венцом жизни».

Удивительно устроенные мы существа. Минута решимости, и тотчас же сомнение. В иную минуту наши исследования, все наше Leben und Trieben [жизнь и стремления] представляются жалкими потугами, не стоящими и понюшки табака, а завтра погружаешься с головой в эти же исследования, томимый жаждой познать все, стремясь проложить новые пути, и терзаешься неудовлетворенностью, невозможностью целиком и полностью разрешить загадку. И снова все поглощает отвращение к ничтожеству всего земного. «Мир подобен пылинке на чаше весов, капле утренней росы, упавшей на землю». Но если в человеке две души, – которая же из них настоящая?..

Это не ново, что мы страдаем от несовершенства наших знаний, от невозможности проникнуть в сущность вещей. Но если допустить даже, что мы достигнем глубины познания и внутренняя связь в вещей станет для нас ясной и понятной, как правила арифметики, станем ли мы от этого счастливее? Быть может, напротив. Не в самой ли борьбе за знание лежит счастье?

Я очень мало знаю, следовательно, у меня есть предпосылки для завоевания счастья.

Набью трубку и буду счастлив... Нет, трубка не годится. Крошенный табак недостаточно тонок для воздушных мечтаний. Возьму сигару. Когда-то и я имел настоящую гаванскую сигару!

Гм... Разве неудовлетворенность, лишения, страдания не составляют необходимых условий жизни! Без лишений – нет борьбы, без борьбы – нет жизни, это так же верно, как дважды два – четыре. Пусть

же начинается борьба. На севере брезжит рассвет! О, только бы испытать борьбы, пить из полной чаши! Борьба – это жизнь, а за ней улыбается победа.

Закрываю глаза и слышу голос, напевающий мне:

Среди берез душистых,

Среди полевых цветов,

Пойду я в лес дремучий,

В дубраву под тень дубов!

«Понедельник, 19 ноября. Проклятое притворство вся эта Weltschmerz [мировая скорбь]! Ты счастлив, человек, и ничего больше. А если тебя смущает что-нибудь, выгляни только на палубу, – разве можно не прийти в прекрасное расположение духа при виде этих щенят, прыгающих, скачущих вокруг тебя и готовых в припадке жизнерадостности растерзать тебя в клочья? Жизнь для них залита солнцем, хотя солнце давным-давно уже исчезло. А среди них Квик, мать семейства, солидно и радостно виляющая хвостом. Разве нет у меня основания чувствовать себя таким же довольным, как они?

Но и они знают, что такое несчастье. Позавчера я сидел после обеда за работой. Снаружи доносился равномерный шум ветряного колеса, потом я услышал, как Педер принес щенятам корм и как они, по обыкновению, затеяли легкую драку у чашки с едой. Только я успел подумать, что вал колеса, вертящийся на палубе безо всякого заграждения, представляет, собственно говоря, для этих существ весьма опасное изобретение, как несколько минут спустя раздался вдруг жуткий, протяжный собачий вой, более пронзительный, чем обыкновенно при драке, и в то же мгновение колесо завертелось медленнее. Я выскочил наверх и увидел, что один щенок висит на валу, вращаясь вместе с ним и издавая жалобный, душераздирающий вой. На веревке от тормоза повис Бентсен, натягивая ее изо всех сил, но колесо продолжало вращаться.

Первой моей мыслью было схватить лежавший рядом топор, чтобы разом положить конец страданиям щенка. Его вой был невыносим, но в следующее мгновение я бросился на помощь Бентсену, общими усилиями

колесо было остановлено. Тут появился Мугста, и, пока мы вдвоем удерживали колесо, ему наконец удалось освободить щенка. Так как он еще подавал признаки жизни, Мугста принялся растирать его. Видимо, шерсть каким-то образом коснулась гладкого стального вала, примерзла к нему, и вал потащил несчастное животное за собой, ударяя его при каждом обороте о палубу. Наконец щенок поднял голову и оловянным взглядом огляделся вокруг. Он проделал довольно много оборотов – немудрено, что вначале ему трудно было прийти в себя. Затем щенок приподнялся на передние лапы и сел. Я отнес его на корму на шканцы, гладил и трепал по спине. Вскоре он встал на все четыре лапы и пошел, пошатываясь, по палубе, сам не понимая куда.

– Хорошо, что у него примерзла шерсть, – сказал Бентсен, – я-то думал, что он, как первый, повис за язык!..

Висеть на языке на вертящемся мельничном валу – дрожь прошла по коже от одних только слов! Я отнес щенка в кают-компанию и стал за ним ухаживать. Вскоре он совершенно оправился и стал по-прежнему играть с товарищами.

Странная их жизнь – снова по палубе во тьме и холоде! Но стоит кому-нибудь выйти наверх с фонарем, как собаки бросаются к нему стремглав, усаживаются вокруг, встают на задние лапы, чтобы заглянуть в самый фонарь, а потом начинают прыгать и приплясывать, гоняясь друг за другом вокруг фонаря, точно дети вокруг рождественской елки. Так идет день за днем. Они никогда еще не видали ничего, кроме этой палубы с натянутой над ней парусиной, не видали даже еще ни разу ясного голубого неба. А мы, люди, никогда не видим ничего другого, кроме своей земли.

Сегодня, наконец, сделан последний решительный шаг: перед обедом я изложил дело Йохансену приблизительно так же, как говорилось выше. Я перечислил все трудности, какие мы можем встретить на нашем пути, и подчеркнул, что он должен быть готов ко всему, что мы рискуем оказаться перед лицом серьезных опасностей. Дело нешуточное, на карту ставится жизнь. Не следует этого скрывать от себя, пусть он, прежде чем решится, хорошенько подумает. Если он

согласен, я охотно возьму его с собой, но все же я бы посоветовал ему поразмыслить денек-другой, прежде чем дать ответ.

Йохансен заявил, что размышлять ему не требуется, – он охотно пойдет со мной. Свердруп уже давным-давно говорил о возможности подобной экспедиции, и тогда он достаточно взвесил все и пришел к заключению, что если выбор падет на него, то он сочтет это за большую честь.

– Не знаю, удовлетворены ли вы таким ответом или же все-таки будете настаивать, чтобы я подумал. К иному выводу я все равно не приду.

– Но основательно ли вы продумали, каким случайностям можете подвергнуться? Подумали вы, что, может быть, ни один из нас никогда не увидит больше людей и что, даже в том случае, если дело не примет слишком дурной оборот, придется в подобном путешествии испытать множество лишений? Если вы обо всем этом поразмыслили, я не требую, чтобы вы обдумывали вопрос дальше.

– Да, я обо всем этом подумал.

– Отлично, тогда дело решено. Завтра мы начинаем подготовку к походу. Пусть Скотт-Хансен подыскивает себе нового помощника для метеорологических наблюдений».

«Вторник, 20 ноября. Вечером я выступил перед экипажем, сообщил свое решение и изложил план предстоящего санного похода. Сначала я вкратце изложил проект и историю нашей экспедиции; рассказал все со времени зарождения первой мысли о ней, причем в особенности подчеркнул предпосылки, положенные в основу моего плана, а именно, что корабль, затертый льдами к северу от Сибири, должен продрейфовать через Полярное море в Атлантический океан и пройдет где-нибудь к северу от Земли Франца-Иосифа, между ней и полюсом. Задача экспедиции заключается в том, чтобы проделать такой дрейф через неисследованное море и осуществить его изучение. Я отметил, что эти исследования будут почти одинаково ценны, пройдет ли экспедиция через самый полюс или на некотором расстоянии от него. Если судить по нашему опыту, не может быть ни малейшего сомнения в

том, что экспедиция своей цели достигнет; до сих пор все шло в соответствии с нашими расчетами и желаниями, и можно ожидать, что так пойдет и в дальнейшем. Следовательно, есть все основания предполагать, что наша главная задача будет разрешена. Но вместе с тем возникает вопрос: нельзя ли сделать еще больше? И тут я перешел к изложению того, каким образом это большее может быть сделано путем организации санной экспедиции на север, о которой я уже говорил выше.

У меня создалось впечатление, что все сильно заинтересовались этой экспедицией и признали желательной ее организовать. Главнейшее возражение, если бы вызвать их на дискуссию, было бы, я думаю, то, что они сами не могут пойти со мной. Я указал, что проникнуть по возможности дальше на север – несомненно, заманчивая задача; но не менее важно провести «Фрам» невредимым через Полярное море и выйти по ту сторону его, или если не удастся вывести «Фрам», то, по крайней мере, возвратиться невредимыми самим, не потеряв ни одного человека. Раз это будет сделано, мы, бесспорно, можем признать нашу экспедицию удачной. Мне кажется, что все единодушно согласилось с правильностью моих слов.

Итак, жребий брошен, и мне остается только верить, что поход этот действительно состоится.

Затем начались настоящие приготовления. Я уже упоминал, что еще в конце лета занялся сооружением одноместного каяка с остовом из бамбука, тщательно скрепленного ремнями. Эта кропотливая работа заняла несколько недель. Зато каяк оказался и легким и прочным. В готовом виде остов весил всего 8 кг. После этого Свердруп и Блессинг обтянули остов парусиной, и все суденышко стало весить 15 кг. Когда каяк был готов, я поручил Мугста построить точно такой же второй. Я же сам с Йохансеном занялись шитьем чехлов для каяков.

Каяки эти имели 3,7 м в длину и около 0,7 м в ширину посередине; глубина одного была 30 см, другого 38 см; иначе говоря, они были значительно короче и шире обычных эскимосских каяков и вследствие этого были далеко не так легки на ходу. Они предназначались главным

образом для переправы по разводьям и полыньям во льду, а также как судно для плавания вдоль суши, если мы такую встретим. Поэтому для нас важна была не столько быстрота хода, сколько прочность, легкость и грузоподъемность судна. Кроме нас самих, они должны были вместить еще провиант и снаряжение на возможно более продолжительное время. Если бы мы сделали наши каяки длиннее и уже, их было бы труднее перетаскивать, и, сверх того, они больше были бы подвержены поломкам при перевозке по неровному льду. В таком же виде, как теперь, они отлично подходили для нашей цели. Нагрузив их как следует, мы могли везти с собой снаряжение и по крайней мере трехмесячный запас провианта для нас самих и значительную часть для собак и вдобавок еще поместить на палубу одну или двух собак.

Фредерик Яльмар Йохансен, лейтенант запаса

Во всех остальных отношениях наши каяки походили на эскимосские. Они имели закрытую палубу с отверстием посередине для гребца. Отверстие было, по эскимосскому образцу, окаймлено деревянным кольцом, к которому мы могли прикрепить полы наших тюленых шуб и таким образом сделать лодку окончательно водонепроницаемой. Стоило еще натянуть плотно мех на кисти рук и лицо – и ни одна капля воды не могла попасть в каяк, сколько бы ни перекачивались через него волны. Обзаводились мы такими лодками на случай, если пришлось бы плыть по открытому морю на Шпицберген или

же если бы мы выбрали другой путь – между Землей Франца-Иосифа и Новой Землей.

Помимо отверстия в середине, лодки имели небольшие люки на носу и корме. Просунув руку в этот люк, мы могли погрузить или переложить лежащее в каяке продовольствие или снаряжение и легко вынуть необходимое, если оно лежало ближе к концам, не извлекая всего груза через среднее отверстие. Эти люки тоже плотно закрывались, чтобы каяк оставался водонепроницаемым. Дабы сделать совершенно водонепроницаемой самую парусину, лучше всего было бы пропитать ее раствором клея и окрасить затем снаружи обыкновенной масляной краской. Но производить такую работу при большом морозе, который у нас стоял (в корабельном трюме было -20°C), занятие далеко не из приятных. Вместе с тем я сильно опасался, что масляная краска сделает парусину слишком жесткой и ломкой и, следовательно, при перетаскивании каяков по льду они легко могут быть продырявлены. Поэтому я предпочел натереть парусину смесью густого парафина с салом, что оказалось вполне целесообразным. Однако от этого каяки стали несколько тяжелее, в общем каждый стал весить до 18 кг.

Затем я распорядился изготовить несколько особых нарт для этой экспедиции, гибких и прочных, рассчитанных на то, что им придется выдержать тяжкие испытания во время похода с большим грузом по неровному дрейфующему льду. Двое нарт были сделаны приблизительно той же длины, что и каяки, т. е. около 3,6 м.

Я произвел также несколько опытов с одеждой. В особенности важно было выяснить, насколько подходящим костюмом для похода являлись наши толстые одеяния из волчьего меха. Постепенно я приходил к убеждению, что они чересчур теплы. Так, 29 ноября я записал: «Совершил опять прогулку на север в одежде из волчьего меха. Оказалось, что погода для этого слишком мягкая ($-37,6^{\circ}\text{C}$). Я вспотел, как лошадь, хотя шел без клади и очень тихо. А между тем ходить теперь, из-за темноты, довольно трудно, так как нельзя пользоваться лыжами. Не понимаю, когда же будет настолько холодно, что можно будет носить эту одежду». 9 декабря я вновь совершил в таком костюме

прогулку на лыжах при температуре -41°C . «Мы вспотели так, что сапоги на нас хлюпали, а ручки, стекавшие по нашим спинам, могли бы привести в движение мельницу. Для этих костюмов погода все еще слишком теплая. Кто знает, будет ли когда-нибудь достаточно холодно, чтобы носить их!»

Разумеется, мы не раз испытывали также палатку и на шу походную кухню. 7 декабря я писал: «...вчера я разбил шелковую палатку, которой нам придется пользоваться в пути, и мы испробовали в ней наш аппарат для варки пищи. Повторные опыты показали, что мы можем за полтора часа из льда с температурой -35°C вскипятить 3 л воды и одновременно растопить 5 л воды, израсходовав на все около 120 г «снежинки». [\[206\]](#) На следующий день мы за час вскиптали 2,5 л и растопили еще 2,5 л, потратив 100 г керосина. Вчера же мы сварили около 2 л превосходной овсяной каши и в то же время получили немного полурастаявшего льда и воды, затратив не больше чем полчаса и всего 50 г керосина». Значит, не так уж много горючего придется нам расходовать ежедневно.

Затем я принялся за всевозможные расчеты и сопоставления, чтобы подобрать наиболее рациональное продовольствие. В этом походе больше, чем когда-либо, требовалось, чтобы еда как для собак, так и для людей, будучи питательной и здоровой, весила в то же время не больше, чем абсолютно необходимо. Далее в списке нашего снаряжения я дам окончательные результаты моих изысканий по этому вопросу.

Предстояло еще взвесить и тщательно выверить научные приборы, а также позаботиться о многих других существенно необходимых мелочах, без которых в пути нельзя обойтись. От удачного сочетания всех мелочей во многом и зависит успех.

В этих приготовлениях проходила большая часть времени у нас обоих. Естественно, что занимались всем этим в течение зимы и многие другие товарищи. Мугста упорно работал над устройством саней, оковывал санные полозья металлическими пластинками, скреплял их и т. д. Свердруп шил спальные мешки и всякие другие вещи. Юлл был произведен в звание собачьего портного и в свободное от камбуза время

по горло был занят сниманием с собак мерок, шитьем и пригонкой на них упряжи. Блессинг составил для нас небольшую и легкую аптечку, которая содержала самые нужные медикаменты, перевязочные материалы и тому подобные предметы, могущие понадобиться в дороге. Один из нас был занят копированием на легкой тонкой бумаге и в самой сжатой форме выдержек из нашего журнала и научных отчетов, так как я решил на всякий случай захватить их с собой. Скотт -Хансену, кроме того, было поручено приготовить необходимые для наших наблюдений таблицы, кривые хода хронометров и т. п. Помимо этого, он должен был составить полную карту нашего путешествия и проделанного до сих пор дрейфа. Я, однако, не мог слишком уж злоупотреблять его драгоценным временем, так как он должен был непрерывно продолжать свои научные наблюдения.

Обсерватория Скотт-Хансена

Нынешней осенью Скотт-Хансен значительно улучшил условия своей работы. Он сложил вместе с Йохансеном снежный обсервационный дом, напоминающий формой эскимосские снеговые хижины. Внутри у него в хижине было весьма уютно. С потолка спускалась керосиновая лампа, свет ее отражался белыми снеговыми стенами, получалось очень яркое освещение. Здесь без всяких помех можно было работать со всеми

приборами, не опасаясь резких порывов ветра. Скотт-Хансен считал также вполне нормальной «погоду» внутри домика, так как ему удавалось поднять температуру до -20°C с лишним и он мог без больших неприятностей братья за приборы голыми руками. Изю дня в день он неумолимо вел свои наблюдения.

Иногда Скотт-Хансена совсем ставили в тупик таинственные движения магнитной стрелки.

Однажды – это было 24 ноября – он пришел смущенный к вечернему столу (около 6 ч пополудни) и сказал, что наблюдал очень странное отклонение магнитной стрелки на целых 24° и что удивительнее всего: ее северный конец указывал на восток. Я не могу припомнить, чтобы слышал когда-нибудь об отклонении подобного рода. Он наблюдал также несколько раз отклонения приблизительно на 15° . В то же время в открытую дверь было заметно, что снаружи замечательно светло; по словам Скотт-Хансена, судно и лед, его окружающий, были видны так же ясно, как при лунном свете. Никакого северного сияния, однако, нельзя было заметить, так как небо закрывал плотный слой облаков. Можно было все-таки думать, что это необычное отклонение стрелки стоит в связи с северным сиянием, хотя отклонение было восточное, а не западное, как обыкновенно. ^[207] Ни о каком движении окружающего нас льда в данном случае не могло быть и речи; все было спокойно. Какие-либо другие перемещения, которые могли бы вызвать подобное метание стрелки туда и обратно в столь короткое время, не были замечены. На судне мы не ощущали ни сотрясения, ни напора. Таким образом, такая причина вполне исключалась, и все это происшествие казалось мне крайне странным. Блессинг и я тотчас вышли на палубу, чтобы посмотреть на небо. Действительно, было так светло, что мы могли совершенно ясно различить полыньи за кормой; но ничего необыкновенного в этом не было, так как это случается здесь довольно часто.

Глава десятая Второй Новый год

«Пятница, 30 ноября. Сегодня я нашел медвежьи следы у самого носа судна. Медведь бежал издалика тихой рысцой, прошел по молодому

льду в недавно замерзшей расщелине, затем, очутившись перед судном, должно быть, чего-то испугался, после чего большими шагами ушел назад в том же направлении – на восток. Удивительно, зачем он бродит в этой пустыне? Что может он здесь делать? Если бы иметь такой желудок, можно бы было пройти без пищи по крайней мере до полюса и обратно. Наверно, спустя некоторое время этот господин снова сюда явится, если я верно его понимаю. Если тогда он подойдет немного поближе, мы еще с ним повидаемся. [\[208\]](#)

Я измерил шагами полынью по левой стороне носовой части судна. В поперечнике она имеет ровно 348 шагов и, сохраняя приблизительно ту же ширину, простирается на значительное расстояние к востоку; на западе от нас она, видимо, несколько уже. Если принять во внимание, что трещина, находящаяся позади нас, имеет тоже немалую ширину, то приятно думать, что среди льдов есть достаточно места для образования таких больших пространств открытой воды. Значит, и для дрейфа места должно быть достаточно. Был бы только ветер – а его все нет!

Ноябрь в общем оказался необычайно скверным месяцем, – вместо того чтобы двигать нас вперед, он отнес назад. А как он был милостив к нам в прошлом году! Нет, видно, не очень-то можно полагаться на времена года в этом обманчивом море. Если сопоставить все вместе, то, пожалуй, зима будет ничуть не лучше лета. Да, но она должна быть лучше, – я не могу думать иначе...

Небо покрыто густой пеленой, сквозь которую лишь местами просвечивают звезды. Темнее, чем обыкновенно. И среди этой вечной ночи бродим мы, одинокие и забытые. «Весь мир освещен сияющим светом и охвачен невозмутимой деятельностью; и только здесь раскинулась гнетущая ночь, прообраз мрака, который должен потом объять весь мир». Эта темная, глубокая, спокойная тишина похожа на бездонный, таинственный колодезь, в который ты смотришь, ища чего-то, что должно лежать в нем, – но видишь только отражение собственных глаз... Уф, эти твои старые, изношенные мысли, никак не можешь ты освободиться от них. Неужели не дано тебе никакого средства уйти от самого себя. Неужели в будущем нет иного пути, кроме

смерти! Но смерть неизбежна, она придет в один великий и мирный день, отворит широкие врата Нирваны и смоев тебя в море вечности».

«Воскресенье, 2 декабря. Уже несколько дней, как заболел Свердруп, слег и не встает. Надо надеяться, что ничего серьезного все-таки нет; сам-то он считает, что все это пустяки, но во всяком случае приятного мало. Бедняга, он питается теперь одной овсянкой! У него катар желудка, который он, вероятно, заполучил на льду от простуды. Боюсь, что он был слишком неосторожен в этом отношении. Но теперь дело пошло на улучшение, и он, вероятно, скоро поправится. Нам всем это служит предостережением против излишней беспечности.

Перед обедом я предпринял большую прогулку вдоль разводья, которое простирается довольно далеко к востоку и достигает местами значительной ширины. По молодому льду разводья идешь легко и приятно, как по хорошо утоптанной дорожке. А потом, когда поднимаешься опять на старые, покрытые сугробами льдины, начинаешь как следует понимать, что значит ходить без лыж. Разница громадная! Если мне вначале ничуть не было жарко, то, когда я немного прошелся по старому льду, меня пот прошиб. Но что будешь делать? Лыжами пользоваться нельзя, – кругом такая темень, что едва видишь, куда ноги ставить, да и то летишь вдруг кувырком, споткнувшись о ледяной бугор или соскальзывая вниз между большими глыбами.

Читаю сейчас разные английские описания полярных экспедиций времен Франклина и поисков Франклина, и, должен признаться, меня охватывает восхищение этими людьми и той огромной работой, которую они проделали. Английская нация по праву может гордиться ими. Помню, я читал эти рассказы еще мальчиком, и страстное стремление уйти в природу, восхищение картинами ее, которые разворачивались передо мной, заставляли громко звучать струны юной фантазии. Теперь я вновь читаю эти книги уже взрослым человеком, который сам испытал кое-что. Мое воображение не пленяют больше романтические грезы, и все же я восхищаюсь и преклоняюсь перед этими людьми. Это были люди со стальной волей – эти Парри, Франклин, Джеймс Росс, Ричардсон, Мак-Клур, Мак-Клинтон, да и все остальные. Как хорошо продумано и

организовано было снаряжение их экспедиций, при тех средствах, которыми они тогда располагали. Поистине, ничто не ново под луной. Большую часть того, чем я гордился, считая новинкой, применялось уже у них. Мак-Клинтон пользовался этим 40 лет назад. Не их вина, что они родились в стране, где употребление лыж неизвестно и где зимой почти не бывает снега. И несмотря на то что во время полярных путешествий им впервые пришлось познакомиться со снегом и способами продвижения по нему, несмотря на то что у них не было лыж и они вынуждены были, утопая в снегу, прокладывать себе путь по неровному дрейфующему льду, пользуясь только нартами с узкими полозьями, – какие только расстояния они не проходили, какие трудности не преодолели. Никто не превзошел их, и вряд ли кто-либо даже может сравниться с ними – разве только русские на побережье Сибири. Но у русских то преимущество, что они уроженцы страны, где снег – обычное явление».

«Пятница, 14 декабря. Вчера у нас был большой праздник в честь «Фрама» – корабля, достигшего наивысшей широты, чем все другие суда до него (позавчера мы были под 82°30 северной широты).

Обеденное меню: отварная макрель с растопленным маслом, посыпанная мелко накрошенной петрушкой, свиные котлеты с французским горошком, норвежская лесная земляника с рисом и молоком; кронмальц-экстракт. Затем кофе. К ужину свежий хлеб, пряники с изюмом и тому подобное. Позже вечером – большой концерт. Конфеты и груши в сиропе. Кульминационного пункта вечер достиг, однако, когда была внесена и обошла всех чаша с дымящимся горячим и душистым вишневым пуншем. Все уже были в превосходном настроении, но пунш, разумеется, придавал вечеру особый праздничный блеск. Для большинства великой загадкой было то, откуда взялись составные части для этого замечательного напитка, в особенности алкоголь. [\[209\]](#)

Затем пошли речи. Сначала длинная и торжественная в честь «Фрама», показавшего теперь, на что он способен. Много было мудрецов, которые покачивали головой, когда мы отправлялись в путь, и

напутствовали нас зловещими пророчествами. Но покачиваний головой, наверное, стало бы меньше, а предсказания были бы более милостивыми, если бы они увидели, как мы мирно и спокойно дрейфуем в северных широтах, куда до сих пор не проникало еще ни одно судно. «Фрам» в данный момент – не только самый северный корабль на земном шаре, но он уже прошел обширную неисследованную область на много градусов севернее тех широт, которых вообще достигал человек в море по эту сторону полюса. И надо надеяться, что он на этом не остановится; в тумане будущего таится еще немало побед, которые засияют одна за другой, когда придет время. Но не будем забежать вперед, – сейчас мы празднуем только то, чего уже достигли. Теперь, полагаю, сбылось предсказание Бьёрнсона в его посвящении нам и «Фраму», когда последний спускали со стапелей. Вместе с ним мы можем провозгласить «Фраму»:

Ура кораблю и смелому плаванию!

Там, куда не проникал еще ни один корабль,

Где никогда не звучало еще имя его, там

Благодаря тебе прославится Норвегия в веках!

Невольно испытываешь чувство какого-то смущения, когда сравниваешь труды, лишения и часто невероятные страдания наших предшественников, участников прежних экспедиций, с тем спокойным образом жизни, который мы ведем, дрейфуя по неизведанной области нашей земли, гораздо более обширной, нежели выпадало на долю большинства предыдущих полярных экспедиций в течение одного плавания. Право, у нас есть все основания быть довольными «Фрамом» и нашим плаванием до сих пор. Думаю, что нам удастся отдарить Норвегию кое-чем за ее веру в нас, за моральную и материальную помощь экспедиции. Но не будем забывать и наших предшественников. Будем восхищаться их борьбой и их мужеством; будем всегда помнить, что путь нашему плаванью был проложен только их трудами и их достижениями. Лишь благодаря коллективному опыту человечества добилось некоторых успехов в борьбе с врагом, самым опасным и победоносным доселе врагом исследователей арктических областей, – с

плавучим льдом, и притом с помощью самого простого способа: идти с ним, а не против него, добровольно отдаваясь ему во временный плен, заранее к тому подготовившись.

Мы попытались на своем корабле использовать весь опыт наших предшественников. Понадобились годы для того, чтобы все это освоить. Но зато, обладая этим опытом, мы, надеюсь, можем не бояться любых превратностей судьбы в этих неизведанных водах. Мне думается, что нам сопутствует удача. И думается, все мы здесь того мнения, что нет таких трудностей, нет таких препятствий, каких бы мы не могли преодолеть с помощью средств, имеющихся в нашем распоряжении, чтобы затем бодрыми, здоровыми и с богатыми научными результатами возвратиться домой в Норвегию. Итак, осушим бокалы в честь «Фрама»!

Таково было примерно содержание моей речи. Затем последовали музыкальные номера и, ко всеобщему восторгу, выступление кузнеца Ларса в качестве солиста-танцора. Ларс заверил нас, что если только он когда-нибудь возвратится на родину и попадет на праздник, вроде того, какой был устроен в нашу честь при отъезде из Христиании или из Бергена, то уж его ноги поработают на славу! Затем мы провозглашали еще тост – за тех, кто остался дома и ждет нас год за годом, не зная, в каких краях нас искать, за тех, кто напряженно прислушивается и не получает ответа, но все же продолжает верить в нас и в наше предприятие, за тех, кто, отпустив нас в этот путь, принес самую большую жертву.

Вечер продолжался под музыку, в непрерывном веселье, и наше прекрасное настроение, само собой разумеется, не ухудшилось оттого, что наш милейший доктор принес сигары – товар, курс которого на местном рынке начинает очень сильно повышаться благодаря крайней своей редкости. Единственное темное облачко на горизонте нашего существования – это то, что Свердруп все еще не вполне отделался от своего катара желудка. Он вынужден соблюдать диету, а бедняге это не слишком по душе. Пока ему разрешено питаться белым хлебом, молоком, сырым медвежьим мясом и овсянкой, а он любитель многого другого,

начиная с пряников и кончая вареньем и фруктами. Однако он теперь поправляется и уже выходит погулять.

Только поздно ночью вернулся я в свою берлогу, но не расположен был лечь на койку; поневоле вышел и стал бродить при чудном лунном свете.

Вокруг луны, по обыкновению, держалось большое кольцо, а над кольцом дуга, которая касалась его верхнего края, но концами своими была обращена вниз, а не вверх. Она походила как бы на часть круга, центр которого лежал далеко ниже луны. На нижней части кольца находилась ложная луна, или, вернее сказать, большое светящееся поле, резко выделявшееся в верхней части, где оно соприкасалось с кольцом и имело желтую оторочку; отсюда оно расширялось книзу в виде треугольника. Пятно это походило на сегмент дуги нового кольца, расположенного над первым и соприкасающегося с ним. Поперек луны проходило несколько светлых полосок облаков cirrus, и общее впечатление от всего этого получалось фантастическое».

«Суббота, 22 декабря. Все тот же юго-восточный ветер. Настоящий шторм: над нашей головой вой и грохот, буря рвет снасти.

Одно удовольствие – слышать все это, ведь, наверное, нас несет с большой скоростью на север. Высунешь нос из-за тента, которым покрыта палуба, – так и засвистит в ушах, снег хлещет тебе в лицо, и в одно мгновение весь побелеешь. А стоит дойти до нашей снежной хижины – обсерватории или даже меньше, как совершенно теряешь «Фрам» из виду. С большим трудом удастся держать глаза открытыми – их слепит снегом. Удивительно ли, если мы прошли уже 83 -й градус? Но боюсь, что радость едва ли будет сколько-нибудь продолжительна: барометр упал слишком быстро, а ветер между тем достигает 13 и 15 м в секунду.

Ночью около 12 ч 30 мин судно внезапно получило сильный толчок, от которого все затрещало. Лежа на койке, я еще долго чувствовал сотрясение. Затем ясно послышался грохот и гул сжатия. Попросил вахтенного прислушаться, откуда оно идет, и понаблюдать за льдиной, на которой мы сидим, – вдруг она расколется и снаряжению

будет грозить опасность. Вахтенный доложил, что слышит треск сжатия и впереди, и за кормой, но вообще трудно отличить его от свиста бури в такелаже.

Сегодня днем в половине первого «Фрам» снова получил мощный толчок, еще более сильный, чем ночью. Судно продолжало дрожать некоторое время после толчка; вероятно, сжатие шло с кормы, но из-за шторма ничего не было слышно. Эти сжатия очень интересны; можно думать, что вызваны они ветром; но наступают они все-таки довольно правильно, хотя сизигийный прилив еще не начался. И даже больше того: несколько дней тому назад, когда сжатия начались, был чуть ли не минимальный прилив. Сжатие происходило не только вчера и сегодня, но и в четверг; первый раз в 9 ч 30 мин, а второй в 11 ч 30 мин. Натиск был такой силы, что Педер, который стоял у полыньи для опускания лота, несколько раз отбегал, полагая, что лед под ним трескается. Любопытно, что после такого долгого периода покоя мы слегка нервничаем, когда «Фрам» получает подобные толчки и когда чувствуешь, что все вокруг дрожит, как при сильном землетрясении».

«Воскресенье, 23 декабря. Ветер тот же и дует с той же силой: скорость 13–14 м в секунду. Снаружи так метет, что ничего нельзя различить; вдобавок совсем темно. На палубе, на корме, около штурвала и релингов намело глубокие сугробы снега. Теперь, выходя на палубу, получаешь полное представление о зиме на дальнем Севере. С содроганием, но вместе с тем и с чувством искреннего удовольствия думаешь о том, что в такую погоду тебе незачем пускаться в путь куда-то по льду; ныряешь в парусиновую дверь и, спустившись вниз, в каюту, забираешься в теплую постель.

Скоро, однако, придет наш черед выходить волей-неволей и днем и ночью в любую погоду, под открытое небо.

Утром в кают-компанию пришел Петтерсен, дежуривший эту неделю при собаках, и спросил, не хочет ли кто-нибудь взять ружье и пойти вместе с ним на лед. Там, кажется, бродит медведь. Я пошел за Педером. Но ничего на льду не обнаружилось. Как только мы вышли, собаки перестали лаять и стали играть друг с другом. Петтерсен прав,

говоря, что «погода ужасная». Стоило повернуться лицом к ветру, как дыхание перехватывает, снежная пыль забивает рот и нос. Судна не видно на расстоянии нескольких шагов, так что весьма неблагоприятно от него удаляться. К тому же спотыкаешься постоянно на всех этих снежных сугробах и ледяных нагромождениях, то натыкаясь на глыбу льда, занесенную снегом, то проваливаясь в яму.

Барометр и сегодня падал равномерно и быстро; теперь, наконец, он снова начал немного подниматься, но все же показывает не более 726 мм. Термометр дает, по обыкновению, обратную кривую. Он поднимался вплоть до послеполудня, когда показывал $-21,3^{\circ}\text{C}$, теперь же, по-видимому, начал очень медленно опускаться. Но ветер все еще сохраняет прежнее направление. Он, вероятно, загнал нас довольно далеко на север, наверно дальше 83-го градуса. С радостным чувством слушаешь его гул и свист в снастях.

Ах, если бы только не знать, что все земные радости кратковременны!

Сейчас, в полночь, пришел вниз штурман, стоявший на вахте, и сообщил, что лед треснул как раз позади будки для термометра, т. е. между ней и лункой для опускания лота. Трещина эта образовалась на том самом месте, где была она летом; вероятно, вся ледяная глыба, на которой мы находимся, раскололась по направлению от передней трещины к задней. Термограф и другие инструменты вынуты из будки, так как иначе мы рискуем потерять их, если начнутся подвижки льда. Впрочем, едва ли вероятно, чтобы что-нибудь угрожало им. Лот для измерения глубины мы перенесли подальше, на другую сторону трещины. Над полыней остались только козлы с железным блоком».

«Четверг, 27 декабря. Опять Рождество, и так далеко от родины! Как пасмурно и уныло! Тем не менее у нас настроение вовсе не удрученное, скорее даже наоборот; я жду чего-то крупного, значительного, таящегося впереди. После долгих часов неизвестности мне чудится уже конец мрачной ночи. Нет больше сомнений в том, что наше предприятие увенчается успехом, оно предпринято не напрасно, время не потрачено попусту, и мы не обманем возложенных на нас

надежд. Тяжел, быть может, как утверждает молва, жребий исследователя, и жизнь его полна разочарований, но она полна и чудесных мгновений, тех мгновений, когда он видит победу человеческой воли и человеческого разума, когда перед ним открывается гавань счастья и покоя.

Я нахожусь сейчас в странном расположении духа, в каком-то особенном волнении. Я даже не расположен описывать эти дни: мысли приходят и уходят одна за другой. Не понимаю себя. Да и кто может познать глубину человеческой души? Мозг наш – весьма сложный механизм.

«We are such stuff as dreams are made of»

[«Мби – существа, сотканные из того же вещества, что и грезы»].

Так ли это? Я почти верю: мы – микрокосм из бесконечного сплетения вещества вечности.

Второе Рождество проводим мы среди мрака и владений стужи севернее и дальше, чем кто-либо. Испытываешь при этом какое-то странное чувство – ведь это мое последнее Рождество на «Фраме». Об этом почти грустно думать. Он стал мне вторым домом, он дорог мне; быть может, товарищи проведут на нем еще одно Рождество, быть может, и несколько, но без нас, которые уйдут от них в глубину ледовой пустыни. Тихо и приятно прошло это Рождество, и все, кажется, довольны им. Удовольствие в немалой степени, наверно, было усилено тем обстоятельством, что в качестве рождественского подарка ветры преподнесли нам 83-й градус. Счастье на этот раз было продолжительнее, чем я ожидал; прежний свежий ветер держался в продолжение понедельника и вторника; потом мало-помалу утих и перешел через северный в северо-восточный. Вчера и сегодня ветер был северо-западный. Да, но это пустяки; нельзя же иногда не иметь небольшого противного ветра, и, вероятно, он не будет продолжительным.

Сочельник был, конечно, отпразднован большим пиром. Стол был украшен изрядным количеством рождественских печений: armeritter [бедные рыцари], оленьи рога, или, иначе, хворост, медовые лепешки,

миндальные печенья, пирожные в формочках и чего только не было, не говоря о конфетах и т. п. Не всюду так хорошо встречают Рождество. Кроме того, я и Блессинг, работая в поте лица целый день, изобрели возбуждавшее общий энтузиазм «полярное шампанское 83-й градус», которым мы двое, по крайней мере, вправе гордиться: этот продукт изготовлен из благородного винограда полярных стран – морошки. Остальным он тоже пришелся по вкусу. Выпито было немало бокалов этого напитка. На стол была выложена масса иллюстрированных произведений, была музыка и анекдоты, песни и веселье.

Первый день Рождества отмечался, конечно, тонким обедом. После обеда – кофе и ликер-кюрасо, изготовленный на «Фраме». Затем появился Нурдал с русскими папиросами. Вечером был сервирован пунш из морошки, который отнюдь не показался неприятным. Мугста заиграл на скрипке, и Петтерсен был так наэлектризован, что пустился танцевать и петь. Он положительно проявляет большой комический талант и обнаруживает склонность к балету. Поразительно, как в нем все больше и больше проявляется многосторонность: машинист, кузнец, жестяных дел мастер, повар, гофмейстер, главный комик, танцор – в последнее время он оказался также перворазрядным цирюльником и парикмахером. Вечером был большой бал; Мугста играл до того, что его прошиб пот, Скотт-Хансену и мне пришлось изображать дам. Петтерсен был неутомим. Он торжественно и клятвенно уверял, что если по возвращении домой у него будет еще пара сапог на ногах, то он будет танцевать до тех пор, пока не отвалятся подошвы.

С каждым днем, который приносил свежий ветер с ЮВ, а потом с ВЮВ и В, нас все больше разбирало любопытство – как далеко мы продвинулись на север. Но, к несчастью, небо все время в облаках, крутила метель, и мы не могли произвести наблюдений. Совершенно очевидно, что мы за это время прошли порядочное расстояние к северу; но как далеко оставили позади 83-й градус, никто не знал. И вдруг в первый день Рождества, после обеда, Скотт-Хансену крикнули с палубы, что видны звезды. Все замерли в ожидании. Когда он спустился на лед, удалось сделать наблюдение только по одной звезде, но она находилась

близко от меридиана, и это позволило определить, что мы, во всяком случае, севернее 83°20 северной широты. Это сообщение было встречено общим ликованием. Если мы не достигли еще наивысших широт, в какие проникал когда-либо человек, то до них осталось, во всяком случае, недалеко. Это больше, чем мы могли ожидать, и настроение достигло апогея.

Вчера, на второй день Рождества, был, конечно, и по этой причине, и по случаю дня рождения Юлла изысканный обед с супом из бычачьего хвоста, свиными котлетами, брусничным вареньем, цветной капустой, фрикадельками, картофелем, засахаренными винными ягодами, печеньем и чрезвычайно вкусным марципанном тортом с надписью «Glaedelig Jul» («Веселого Рождества») от булочника Хансена из Христиании, и затем мальц-экстракт. Не можем пожаловаться, что мы терпим лишения.

Часа в четыре пополудни судно получило такой сильный толчок, что все задрожало. Однако с палубы никакого сжатия не было видно. Около 5 ч 30 мин послышался урывками стук и треск льда, нагромождавшегося у трещины впереди судна. Ночью тоже был слышен такой же шум. Впрочем, лед спокоен, а трещина на льду с левого борта снова плотно сомкнулась».

«Пятница, 28 декабря. Утром я вышел ненадолго на лед, чтобы осмотреть трещину вдоль левого борта, которая теперь расширилась в большую полынью. За мною, конечно, увязались собаки. Не успели мы отойти чуть подальше, как одна из темных фигур исчезла. Это Пан скатился с высокого и крутого ледяного края прямо в воду. Тщетно он барахтался и напрягал все силы, чтобы выкарабкаться наверх; кругом не было ничего, кроме снежной каши, не выдерживавшей его тяжести. Не было слышно ни звука; лишь изредка бедняга слабо повизгивал. Я бросился на край льда и попытался схватить Пана, но было слишком высоко, и я сам едва не кувырнулся головой вниз. Ухватиться было не за что, в руках у меня оставались только рыхлые льдинки да снег. Я закричал, чтобы мне принесли тюлений багор, но Пан, еще до того, как багор подали, как-то выбрался сам и стал носиться как угорелый взад и

вперед по льдине, чтобы согреться; за ним носились остальные собаки с громким лаем и заигрывая с ним, как бы выражая свою радость по поводу избавления от опасности. Когда Пан свалился в воду, псы подбежали ко мне, поджали хвосты и скулили, заглядывая мне в глаза, явно упрашивая помочь товарищу. До тех пор пока Пан не выбрался, они, притихшие, бегали мелкими шажками по краю льдины. А в другое время они ведь все как один не прочь были бы накинуться на него и растерзать в клочья. Так уж мы созданы! С обеда и до самого вечера Пан был оставлен у нас в кают-компании для просушки.

Незадолго до 9 ч 30 мин вечера судно снова испытало страшный толчок. Я вышел, но никакого шума сжатия расслышать не мог. Впрочем, ветер в снастях завывал с такой силой, что какие-либо другие звуки трудно было различить. В 10 ч 30 мин последовало несколько новых толчков. Затем время от времени чувствовалось колебание судна; к 11 ч 30 мин толчки усилились. Очевидно, сжатие происходило совсем поблизости от нас. Я решил одеться и пойти посмотреть. В это время вошел Мугста и доложил, что перед кораблем образовался торос ужасающей вышины. Взяв фонари, мы направились на палубу, а затем на лед. В пятидесяти шести шагах от носа «Фрама» возвышалась огромная ледяная гряда. Она тянулась вдоль полыньи, где как раз в эту минуту с ужасной силой повторилось сжатие. На большом расстоянии вокруг все трещало и грохотало. Немного погодя шум несколько стих и стал повторяться равномерными раскатами, потом постепенно опять стал непрерывным. Ледяная гряда образовалась, по-видимому, главным образом за счет молодого льда, хотя в ней были и тяжелые глыбы старого льда. Она медленно, но верно надвигалась на корабль, прогибая своей тяжестью лед на значительную глубину. Наша льдина также дала трещину у самого судна, и размеры глыбы, образовавшей наше ложе, стали уменьшаться. Совсем нежелательно, чтобы ледяная гряда подошла к носу «Фрама»; она может причинить нам повреждения. Хотя и не было серьезных оснований опасаться, что гряда придвинется так близко, я все же в целях безопасности отдал приказание, чтобы вахтенный наблюдал

за ней и разбудил меня в случае, если гряда будет дальше надвигаться или же начнет ломать лед под нами.

По всей вероятности, сжатие, которое продолжается уже несколько часов, скоро прекратится. Сейчас три четверти первого, и «Фрам» опять получил несколько страшных толчков; лежа в постели, сквозь завывания ветра в снастях, я слышу надвигающийся издалека гул сжатия».

«Среда, 2 января 1895 г. Никогда, ни в одном новом году я не испытывал такого удивительного чувства, как в этом. Он, вне сомнений, принесет с собой важные события и будет, быть может, самым замечательным годом в моей жизни – все равно, приведет ли он меня к победе или к поражению.

Годы приходят и уходят незаметно в этом ледяном мире, и мы столь же мало знаем о том, что они уже подарили человечеству, как и о том, что несет с собой наступающий год. Среди этой безмолвной природы как будто не совершается никаких событий; все погружено во мрак, в котором нет ничего, кроме мерцания звезд в неизмеримой дали морозной ночи и пылающего северного сияния на горизонте. Глаз с трудом различает силуэт «Фрама», черные мачты которого тянутся из тьмы этой пустыни вверх, к светлому сонму звезд. В этом безмерном царстве льдов «Фрам» тонет, становится невидимой точкой. Но под палубой «Фрама» нашли себе уютный и теплый кров тринадцать человек, которых не устрашает величие этого царства. Там, в сердцевине корабля, бьется пульс бодрой жизни, тогда как в обширном пространстве вокруг нет ничего, кроме льдов и безмолвия, нарушаемого лишь иногда, через долгие промежутки времени, ужасающим грохотом сжатия – судорог богатырского тела ледяной пустыни. Страшной игрой звучит этот грохот среди великого безмолвия; кажется он приближением стихийных сил – мифических иойтингов и римтурсов, с которыми вот-вот придется вступить в борьбу. Но мы перед ними не трепещем.

Мне часто приходит на ум шекспировская Виола, ^[210] мертвенно-бледная от скорби, подобная мраморной надгробной статуе, олицетворяющей терпение. Разве мы сами не олицетворяем собой эту мраморную статую терпения, мы, сидящие здесь на льду и провожающие

год за годом в ожидании, когда, наконец, пробьет наш час? Мне бы хотелось создать подобный монумент. Это был бы одинокий человек в мохнатом одеянии из волчьего меха; покрытый с ног до головы инеем, сидит он на ледяном бугре и глядит поверх беспредельных тяжелых льдов во мрак в ожидании весны и света.

После 1 ч ночи с пятницы на субботу мы не наблюдали никакого сжатия, вплоть до вчерашнего вечера, когда давление внезапно снова повторилось. Сначала снаружи донесся шум, и на палубный тент посыпался со снастей снег. Я едва успел подумать, что, судя по шуму, это, вероятно, начались подвижки, как «Фрам» получил такой сильный толчок, какого не испытывал с прошлой зимы. Меня несколько раз покачнуло взад и вперед вместе с ящиком, на котором я сидел за книгой. Сотрясение и шум продолжались. Я вышел на палубу. С запада и северо-запада доносился сильнейший грохот ледяного напора. Натиск длился свыше двух часов. Лед хотел, по-видимому, принести нам свои новогодние поздравления.

Новый год мы встретили мирно, с трубками и папиросами, потягивая пунш из морошки. Я думаю, нет надобности упоминать о том, что стол был обильно уставлен сладостями. Мы беседовали о старом и новом годе и о том, что ждет нас в будущем, слушали орган и скрипку.

Приблизилась полночь. Блессинг притащил из своих, по-видимому, неисчерпаемых запасов бутылку настоящего ликера (Linjeakkevit), и этим норвежским напитком мы проводили старый и встретили новый год.

Как много мыслей теснилось в голове при этой встрече нового года, уже второго здесь на «Фраме» и, очевидно, последнего, который мы проводим все вместе. Поэтому более чем уместно было с моей стороны сказать всем и каждому от души спасибо за все время, проведенное так хорошо вместе, за доброе товарищеское согласие. Едва ли кто-нибудь из нас мог бы заранее представить себе, что мы так дружно проведем время здесь, на далеком Севере. Затем выступил Свердруп с пожеланием, чтобы санная экспедиция, которую мы с Йохансеном предпримем в наступающем году, прошла удачно и во всех отношениях завершилась успехом. После этого был поднят тост за

счастливым новым годом для тех, кто остается на «Фраме». Случилось так, что именно при смене годов мы оказались на грани совершенно нового мира. Ветер, свист которого мы слышим в снастях над нашей головой, несет нас не только в неведомые края, но и к самым высоким широтам, когда-либо достигнутым человеком. Мы чувствовали, что именно в этом наступающем году будет достигнут кульминационный пункт экспедиции, в этом именно году будут добыты самые ценные результаты. Если этот год будет хорошим для тех, кто остается на «Фраме», и «Фрам» продвинется вперед, с честью выполняя свою задачу, как он ее выполнял до сих пор, то никто не сомневается, что и те, кто живет под его палубой, также выполняют свою задачу.

Наступил первый день нового года – тот же ветер, те же звезды, тот же мрак, что и раньше. Даже в полдень нет никаких признаков рассвета на юге. Вчера мне показалось, что я вижу на юге что-то похожее на зарю; по небу разливалось как бы бледное сияние, но оно имело слишком желтовато-белую окраску и поднималось чересчур высоко; я решил, что это скорее северное сияние.

Сегодня опять небо в той же стороне казалось светлее, но едва ли это могло быть чем-нибудь иным, кроме флера северного сияния, оно раскинулось по всему небу немного выше гряды облаков у горизонта и всего ярче светит на южном краю неба. Точно такие же световые явления наблюдали мы при иных обстоятельствах и в иных частях горизонта. Воздух, в особенности вчера, довольно прозрачен, но горизонт постоянно заволакивают облачная мгла или туман.

Сегодня ночью было на редкость сильное северное сияние. Световая полоса, наподобие змеи, быстро извивалась по южной стороне небосклона, и лучи, расходящиеся от нее, достигали почти зенита. Через зенит шла в течение некоторого времени лента с величественной короной, бросавшей на лед отсвет, похожий на лунное сияние. Небо зажгло в честь нового года свои огни, устроило феерическую пляску лучей среди ночи. Эти контрасты, кажется мне, олицетворяют внутреннюю природу самого северянина. Пляски искрящихся лучей на небе среди удручающей своим безмолвием природы, среди ледящего

холода разве не напоминают наших норвежских танцев с их необузданными прыжками, громких переливов диких горных мелодий? Молнии северного сияния сверкают в душе северянина, жгучие стремления живут у него глубоко под ледяной оболочкой. Это жизнь, брезжущая в ночи, погруженной в сон; если бы только она могла выйти за пределы этих ледяных просторов, распространиться по свету!..

Итак, наступил 1895 год.

Поверни, фортуна, колесо, не мешай судьбе,
Что бы ты нам ни дала, мы всем будем довольны,
Пусть то будет дождь, или ветер, или солнечный свет,
Покажешь ли ты нам веселое лицо или, как враг,
Погрозишь нам наихудшим, нас это не тревожит:
Человек был всегда кузнецом своего счастья.

«Четверг, 3 января. Тревожный день. Жизнь полна перемен, несмотря на все ее однообразие. Вчера еще мы строили всякие планы на будущее, а сегодня – как легко могли мы очутиться на льду безо всякого крова над головой. В 4 ч 30 мин утра начался напор льда в полынье за кормой, а в 5 ч – в полынье с левого борта. Я проснулся примерно часов в восемь от хруста и треска во льду, какой бывает в начале сжатия. Затем легкое сотрясение «Фрама», и я услышал доносящийся снаружи гром. Выйдя наверх, я был немало удивлен, увидев вдоль всей полыньи с левого борта, не больше чем в тридцати шагах от судна, громадную ледяную гряду. Трещины образовались шагах в восемнадцать от нас. Вещи, лежавшие на льду с этой стороны, пришлось перенести на борт; доски и бревна, которые летом поддерживали снежную хижину метеорологов и щиты перед ней, мы вырубили изо льда, чтобы не лишиться лесоматериалов. Прорубь, в которую была опущена планктонная сеть, при сжатии завалило льдом. Уже перед самым обедом я вернулся на судно, и тут началось новое сжатие. Снова спустился на лед. Грохот шел со стороны полыньи с левого борта, напор был очень сильный. Ледяная гряда медленно приближалась. Несколько позднее вышел на палубу Свердруп, но тотчас же возвратился и объявил, что ледяная гряда быстро надвигается на нас; нужно скорее перетащить на

правую сторону «Фрама» стоявшую на нартах вьюшку для измерения глубины, так как с левой стороны лед дал трещины совсем близко от корабля. Гм, если на нас навалится такая ледяная гряда, прежде чем «Фрам» оторвется от льдины, удовольствия будет мало. «Фрам» теперь еще больше накренился на левый борт, чем раньше.

После обеда были приняты подготовительные меры на случай, если дело примет плохой оборот и нам придется покинуть судно. На палубу выставили наготове нарты и каяки; на лед с правого борта вынесли двадцать пять ящиков с собачьими сухарями, на фордек – девятнадцать ящиков с хлебом; наполнили керосином и вытащили на верхнюю палубу четыре цистерны общей вместимостью 200 л. Кроме того, еще раньше налили 100 л керосина – «снежинки» в десять жестянок поменьше и выставили их на палубу вместе с цистерной, наполненной «черным» маслом. Таким образом, топлива приготовили достаточно.

Когда мы сидели за ужином, вдруг опять слышался тот же хорошо знакомый треск и хруст во льду. Он все приближался и приближался и в конце концов раздался как раз под нами. Я выбежал наверх. Сжатие происходило в полынье в некотором расстоянии от правого борта. Я вернулся вниз, и мы продолжали ужинать. Педер, совершивший небольшой обход по льду, пришел сейчас же после этого и, как всегда, с веселой улыбкой сообщил, что треск не к добру: лед треснул меньше, чем на длину нарт от ящиков с собачьими сухарями, и трещина эта тянется до самой кормы «Фрама». Я вышел посмотреть и убедился, что трещина действительно порядочная. Ящики с сухарями мы перетаскивали для большей безопасности немножко вперед, тем более что вокруг судна появилось много мелких трещин. После этого я спустился вниз, набил трубку и погрузился в приятную беседу со Свердрупом у него в каюте.

Прошло довольно много времени, как вдруг снова раздался треск и началось сжатие. Шум был не больше обычного, но все же я спросил игравших в кают-компани в хальму, есть ли кто-нибудь на палубе. Если там никого нет, пусть кто-нибудь пойдет посмотреть, где происходит сжатие. В это время у нас над головой слышались быстрые шаги, и в

кают-компанию спустился Нурдал. Он доложил, что сжатие происходит с левого борта и что неплохо было бы, если бы кто-нибудь еще подежурил на палубе. Мы с Педером поспешили вверх; за нами последовали и другие. Я кинулся по трапу вниз на лед, как вдруг Педер закричал мне сверху:

– Надо отпустить собак, смотрите – вода!

Мы успели как раз вовремя; вода, заливая лед, поднялась в собачьих будках уже довольно высоко. Педер подошел по колено в воде и вышиб двери будок. Большая часть собак тотчас же выскочила и запрыгала, взметая брызги, но нашлись и такие, которые в испуге забились в самые дальние углы, и пришлось их оттуда вытаскивать силой, хотя вода уже доходила им почти до брюха. Бедные животные: они, должно быть, чувствовали себя прескверно взаперти, видя, что вода подбирается к ним все ближе и ближе. И все же они подняли шум не больше обычного.

Поместив собак в безопасное место, я обошел вокруг «Фрама», чтобы посмотреть, не случилось ли еще чего-нибудь неприятного. Лед дал трещину вдоль судна у носа с правого борта; из этой-то трещины и потекла вода, она обошла корму, вдоль левого борта, где лед под тяжестью безостановочнодвигающегося на нас ледяного вала все больше прогибался. Трещина прошла как раз под кузнечным горном, которому теперь угрожала явная опасность. Мы поставили его на нарты и перевезли к Великому бугру с правого борта. Туда же были свезены одиннадцать ящиков с пеммиканом, ящики с собачьими сухарями и девятнадцать ящиков с хлебом. Итак, у нас образовался настоящий склад, находившийся как будто в полной безопасности, так как, по моему, лед в этом месте такой мощный, что вряд ли его может взломать. Ребята наши сразу оживились, забегали. Мы перенесли туда же четыре цистерны с керосином. Затем вытащили из трюма и поставили в полной готовности на палубе еще часть нашего продовольствия, которого, по расчетам, должно было хватить на двести дней: двадцать один ящик хлеба, большой запас пеммикана, муку, шоколад, масло, овсяную муку, экстракты супов и т. д. Кроме того, были приготовлены палатки,

аппараты для варки пищи и другие предметы. Теперь наверху все было в порядке, и мы могли спать спокойно. Был о, однако, далеко за полночь, когда мы покончили с этой работой. В сущности, я думаю, что это ложная тревога и нам не придется воспользоваться приготовленным, по крайней мере теперь. Но все же нужно быть наготове на случай чего-нибудь непредвиденного. Вахтенный получил приказание следить за собаками на льду, наблюдать за состоянием льда и разбудить всех немедленно, если появятся новые трещины под ящиками или снова начнется сжатие. Лучше разбудить пораньше, чем слишком поздно.

В то время как я сижу здесь и пишу, явственно слышен треск и грохот льда. Сжатие, очевидно, продолжается. Экипаж, однако, в наилучшем настроении. Впечатление такое, что молодцы наши считают эту тревогу приятным развлечением в нашей однообразной жизни. Ну, довольно, уже половина второго, надо ложиться; я устал, и одному небу известно, когда еще меня разбудят».

«Пятница, 4 января. Ночью лед оставался спокойным.

8 течение дня, однако, через известные промежутки времени повторялись слабые толчки и треск. Вечером, начиная с 9 ч, напор проявлялся урывками; временами сжатие ослабевало на некоторое время, потом также внезапно возобновлялось с обычным грохотом, который то разрастался, то ослабевал или даже замирал, то снова нарастал. Тем временем ледяная гряда подымалась все выше и выше и неуклонно двигалась на нас – медленно, когда сжатие ослабевало, и быстрее, когда грохот усиливался. Движение ее заметно на глаз, и теперь в 1 ч ночи расстояние уже не так велико – каких-нибудь полтора метра до края снежного сугроба у левого нашего борта. А от сугроба до стенки судна тоже не больше двух метров. Это расстояние гряда скоро пройдет и тогда доберется до нас. Лед продолжает колотиться, и льдина, на которой мы сидим, сильно уменьшается и с левого и с правого борта, некоторые трещины доходят до самых стенок «Фрама». Под тяжестью ледяной гряды лед с левого борта прогибается, и «Фрам» все сильнее кренился на ту сторону. Новая вода проступает на поверхности молодого льда, образовавшегося из воды, выступившей вчера. Это медленное

потопление, право, медленно, но верно надвигается проклятая гряда и, кажется, уже предвкушает удовольствие – обрушиться на борт и релинги судна. Если только «Фрам» счастливо высвободится из тяжелого льда, в который он вмерз, он спасется, тогда я за него не боюсь, какой бы опасной ни казалась ледяная гряда. Но может случиться, что столкновение произойдет, прежде чем судно освободится.

Я пошел взглянуть на гряду поближе. Да, она движется медленно, но верно. Осмотрел трещины, как они образуются и растут вокруг корабля, послушал, как под ногами хрустит и потрескивает лед. Желание лечь спать у меня пропало; подожду, пока «Фрам» совершенно освободится. Сажу и скучаю. Снова началось сжатие, и снаружи несется грохот. Я знаю, что ледяная гряда безостановочно приближается. Удивительное сжатие, которое никак не желает кончиться! Делать нам, кажется, больше нечего, – все у нас готово на случай, если потребуете покинуть судно. Сегодня мы достали и разложили по индивидуальным мешкам одежду и обувь.

Сейчас уже больше 1 ч ночи, и, конечно, самое благоразумное пойти и лечь. Вахтенные получили приказание разбудить меня немедленно, если только ледяная гряда подойдет вплотную к «Фраму». Хорошо, что снова взошла луна, можно, по крайней мере, что-нибудь разглядеть во всем этом хаосе. Позавчера луна в первый раз показалась над горизонтом и светила недолго; сегодня светит круглые сутки. Весьма благоприятный порядок вещей.

Ну, ладно, уже два часа, надо все-таки соснуть. Слышу, что сжатие снова усиливается».

«Суббота, 5 января. Спал я крепко и спокойно, проснулся за ночь только раз и слышал сквозь дремоту скрип, шум сжатия и сотрясение, но потом опять заснул до 5 ч 30 мин, когда Свердруп разбудил меня сообщением, что ледяная гряда подступила вплотную к «Фраму» и чрезвычайно быстро поднимается в уровень с бортами. Со мной не приходилось: едва я открыл глаза, как до меня донесся снаружи такой ужасный грохот льда, будто наступил день Страшного суда. Я вскочил. Ничего другого не оставалось, как разбудить всех и начать

перетаскивать на лед весь оставшийся на судне провиант и тому подобное, а затем вынести на палубу и сложить там меховую одежду и другую амуницию, чтобы перебросить ее через борт в случае необходимости.

Прошел весь день, но лед оставался спокойным. Под конец спустили на лед и перетащили к Великому бугру шлюпку с керосиновым двигателем, висевшую на шлюпбалках у левого борта.

Часов в восемь вечера, когда мы уже думали, что испытание кончилось, поднялся снова грохот пуще прежнего. Я выбежал наверх. Лед и снег обрушивались через борта в средней части судна на парусиновый тент. Педер, поднявшийся вместе со мной, схватил лопату, выбежал из-под тента на переднюю часть шканцев, вскочил на ледяной холм и начал усердно разгребать лед. Я поспешил за ним, чтобы посмотреть, как обстоит дело. И увидел худшее, чем хотелось бы. С таким врагом бесполезно бороться лопатой. Я отозвал Педера, сказав ему, что лучше заняться переноской вещей на лед. Не успел я прокричать ему это, как лед обрушился с новой силой.

– Подхватил меня с лопатой вместе, да как швырнет к черту, – рассказывал потом Педер, захлебываясь смехом.

Я бросился назад на палубу и по пути встретил бежавшего с лопатой Мугста. Его я тоже отослал обратно.

Когда я бежал под тентом, направляясь к трапу, было видно, что тент сильно прогнулся под тяжестью обвалившегося на него льда. Борта и обшивка шканцев трещали так, что можно было ожидать – вот-вот лед проломит их и завалит трап – вход в каюты. Спустившись вниз, я крикнул, чтобы все поднялись на палубу, но предупредил, чтобы никто не выходил через люк левого борта, а направился через навигационную рубку и по правому борту. Сначала нужно было вынести все мешки из кают-компаний, а затем уже те, что лежали на палубе.

Я, собственно, опасался, что если не закрыть дверь левого борта, то лед, пробив релинг и тент, обрушится на палубу, завалит и дверь и трап, забьет весь коридор и запрет нас, как мышей в мышеловке. Правда, на такой случай оставался еще выход через машинное

отделение, но он был слишком узок, чтобы протискиваться по нему с тяжелыми мешками, да и неизвестно было, долго ли и этот путь будет открыт, если лед поведет на нас серьезную атаку. Я снова кинулся наверх, чтобы выпустить собак, запертых в «Кэстль-Гардене» – загородке на палубе вдоль левого борта. Они жалобно выли под страшной крышей; навалившиеся сверху массы снега и льда ежеминутно грозили прорвать парусину, и тогда бедняги были бы погребены навеки. Я сшиб ножом запор, распахнул дверь, и большая часть собак со всех ног бросилась по штурмтрапу на правый борт.

Тем временем люди перетаскивали мешки. Их не приходило с просить поторапливаться; об этом им напоминал лед, с такой силой напиравший на бока «Фрама», что казалось: разнесет его сейчас в щепы. В довершение всего штурман впопыхах погасил лампу, и великая суматоха шла в непроглядной тьме.

Мне пришлось еще раз спуститься вниз, чтобы обуться как следует; мои лопарские каньги сохли в камбузе. Когда я спустился, напор льдов достиг наивысшего предела; балки шканцев над головой трещали так, что казалось: еще минута – и все обрушится на мою голову.

Скоро мешки из кают-компании, из кают и с палубы были перенесены на лед, и мы принялись отвозить их подальше. Лед у стен судна трещал и грохотал с такой силой, что мы едва могли слышать собственный голос. Но работа шла быстро и энергично, вскоре все вещи были сложены в безопасном месте.

Пока мы перетаскивали и передавали мешки из рук в руки, сжатие прекратилось и все затихло. Но что за зрелище представлял «Фрам»! Левый борт его был совершенно погребен под громадным сугробом снега, из-под которого выглядывал один лишь тент. Если б моторная шлюпка висела на месте, где она находилась часа два назад, ее постигла бы неприятная участь, так как шлюпбалки были теперь целиком засыпаны льдом и снегом. Чудеса с этой шлюпкой, да и только; с ней ничего не могли поделать ни огонь, ни вода, а теперь и лед оказался против нее бессильным, и она лежит себе спокойно на льду

килем вверх. До сих пор она перенесла бурную, полную постоянных невзгод жизнь; любопытно, что еще случится с ней в будущем.

Потрясающая картина была, должно быть, когда положение стало настолько критическим, что мы принялись вытаскивать из кают-компаний мешки. Свердруп перед тем решил воспользоваться минутой затишья и принять в камбузе ванну. Когда я закричал в люк: «Все наверх!», он стоял в лоханке голый. И так как подобной суматохи на корабле еще никогда не бывало, он понял, что дело серьезное, и поспешно стал натягивать на себя одежду. У Амунсена тоже создалось впечатление чего-то неладного на борту. По его словам, он первый со своим мешком бросился наверх. Но он не понял или в сумятице забыл приказание выходить через дверь правого борта и выкатился на левый борт, где сразу растянулся, споткнувшись в темноте о ребро шканцев. «Ну, это-то пустяки, – заявил он, – к этому нам не привыкать стать!» Но, придя в себя после падения и еще лежа на спине, он не решался встать, – ему казалось, что тент со всем своим грузом рухнет прямо на него; грохот ведь стоял такой, будто настал последний час «Фрама». И только тогда он сообразил, почему было приказано выходить через дверь правого, а не левого борта. Остальные хватали и тащили все, что только могло пригодиться. Штурман волочил большой мешок с платьем с привязанной к нему огромной связкой кружек. Потом он весь вечер разгуливал обвешанный разнообразными предметами: рукавицами, ножами, кружками. Все это звякало и гремело так, что приближение его слышно было издали.

Вечером все принялись истреблять свои личные запасы пряников, конфет и прочих вкусных вещей; курили и, глубоко затягиваясь, вообще наслаждались своим существованием. Они не были уверены, что еще долго протянутся такие замечательные времена на «Фраме», и считали, что надо пользоваться случаем. Живем теперь в опустошенном гнезде, на походном положении. Спим не раздеваясь, самые необходимые вещи лежат возле нас или даже привязаны к нам. Я сложил дневники и журналы в порядке на полу в жестяных коробках, и мне стоит лишь нагнуться с койки и схватить их перед тем, как выбежать из каюты. На

всякий случай освобожден коридор правого борта, который был заперт, так как его использовали под библиотеку. Держим теперь все двери открытыми; через какую-нибудь да выберемся, если та или другая окажется заваленной льдом. Крепкий же, однако, корабль наш «Фрам»! С левого борта наступает на нас мощная ледяная гряда, и лед, выжимаемый снизу, тоже не тоненький. Судно накренилось больше, чем когда-либо, почти на 7°; однако по окончании последнего сжатия «Фрам» снова немножко приподнялся, и, несомненно, он оторвался от льда, а раз его выжимает наверх, опасность миновала. Вся история в общем свелась к «viel Geschrei und wenig Wolle» [много шума из ничего]».

«Воскресенье, 6 января. Спокойный день, никаких сжатий не было со вчерашнего вечера. Большинство из нас хорошенько отоспалось сегодня утром. После обеда весь экипаж был занят откапыванием «Фрама» из-под ледяного сугроба. К вечеру мы очистили борт до самых шканцев на корме. Да, основательные массы снега и льда свалились на тент! Они поднимаются выше вторых выблинков на фок-вантах ^[211] и на целых 2 м выше борта. Непостижимо прямо, как только выдержал наш тент!

После обеда Скотт-Хансен произвел определение меридиональной высоты, которое показало 83°34 северной широты. Ура! Отлично движемся на север; с понедельника продвинулись на 13 . Теперь превзойдена и самая северная широта, достигнутая когда-либо человеком. Разумеется, по этому случаю мы устроили сегодня великое торжество с пуншем, засахаренными фруктами, печеньем и докторскими сигарами. Только вчера вечером мы носились изо всей мочи с мешками, спасая свою жизнь, а сегодня – пьем пунш и пируем. Таковы превратности судьбы. Быть может, ледяная канонада была лишь салютом в честь достижения нами столь высокой широты? В таком случае надо признать, что льды сделали все от них зависящее, чтобы воздать нам достойные почести! Ну, пусть себе трещат, лишь бы нам двигаться на север. «Фрам» еще выдержит. Носовая часть его поднялась на один фут выше, а кормовая на полфута. Кроме того, он несколько

сдвинулся назад. Мы не можем обнаружить в нем ни одного даже мельчайшего повреждения. Тем не менее и в эту ночь весь экипаж будет спать в «полной форме», чтобы в случае надобности немедленно сойти на лед».

«Понедельник, 7 января. В течение дня с перерывами отмечался небольшой напор льдов, но он продолжался недолго, и день прошел вообще спокойно. Лед, следовательно, еще не успокоился, и мы еще можем ожидать всяких неожиданностей от нашей приятельницы с левого борта. Я с удовольствием променял бы ее на более приветливую соседку. Впрочем, с изменением ветра на юго-восточный изменится и направление сжатия. Центр сжатия теперь сосредоточится в грядях, идущих за кормой и впереди «Фрама», наперерез направлению ветра. Наделавшая бед ледяная гряда с левого борта расположен а примерно по ветру, поэтому ведет себя пока более или менее спокойно. «Все му бывает конец», – сказал мальчик, которого наказали; быть может, и эта ледяная стена исчезнет, а может быть, и нет, первое столь же вероятно, как и второе. Сегодня продолжаютс ра скопки. Мы хотим освободить ото льда по крайней мере верхний край бортов.

Вид «Фрама» при лунном свете производит неизгладимое впечатление. Каким бы сильным ни чувствовал себя человек, он не может не проникнуться уважением к противнику, которому подчинены такие силы. Устоять против такого тарана – дело нешуточное, но «Фрам», «Фрам» устоял, «Фрам» не сдал!.. Никакой другой корабль не мог бы выдержать такого приступа. Меньше чем за час льды воздвигли рядом с нами и над нами целую крепостную стену, нам придется я биться месяцы, чтобы разобрать ее, да и то, наверное, останется. Тут действуют титанические силы. Начинаешь чувствовать себя чем-то вроде карлика, вступившего в борьбу с великаном из великанов; приходится прибегать к хитростям и лукавству, чтобы выскользнуть из этих исполинских рук, которые редко выпускают раз схваченную добычу. «Фрам» – скорлупка, которую соорудили карлики со всем свойственным им хитроумием, чтобы выдержать борьбу с великаном. И работают они на борту «Фрама» с трудолюбием муравьев. Великан считает вполне достаточным лишь

время от времени потянуться, расправить свое могучее тело. Но каждый раз, когда он шевельнется, кажется, что скорлупка вот-вот разлетится вдребезги и, погребенная подо льдом, исчезнет навеки. Однако карлики искусно построили свою скорлупку, она всегда поднимается вверх и выскальзывает из смертоносных объятий.

Невольно при виде этих могучих масс, вздымающихся при лунном свете хребет за хребтом, приходят на ум древние саги и мифы о троллях и йоттунгах, о схватке Тора с владыкой Йотунхейма, когда рушились скалы и низвергались вершины гор, засыпая долины каменным дождем. А наши ребята, когда я видел их сегодня на снежно-ледяном сугробе с заступами и топорами, колющими и рубящими лед, чтобы расчистить хотя бы небольшую часть тента, представились мне меньше, чем карликами, меньше, чем муравьями. Но муравьи, хотя и перетаскивают зараз по одной хвойной игле, все же с течением времени воздвигают муравейник, где живут в тепле и уюте, защищенные от бурь и зимней непогоды.

Будь этот последний ледовый штурм затеей всех злых сил мира, вместе взятых, он не мог быть ужаснее. Ледяные глыбы 2—3-метровой толщины надвинулись на нас с левого борта и навалились на 9-метровую льдину, которая держит наше судно. Она осела под тяжестью, а вместе с ней подался вниз и «Фрам». Другая ледяная гряда вплотную подошла к судну, в то время как оно еще оставалось вмерзшим в лед. Более сильное давление, насколько я могу судить, трудно себе и представить. Неудивительно, что судно стонало. Тем не менее оно выдержало напор, оторвалось ото льда и невредимо поднялось кверху. Говори после этого, что форма судна не имеет большого значения! Если бы не форма «Фрама», мы бы не сидели теперь здесь. И нигде на всем судне нет ни течи, ни хотя бы капли воды. Довольно странно, что лед больше не предпринимает серьезных натисков. Не было ли давление, испытанное нами в субботу, «предсмертной агонией». Как знать! Схватка, во всяком случае, была отчаянная.

Перед обедом я и Свердруп сошли на лед и обошли «Фрам» кругом. На некотором расстоянии от судна нет никаких следов сжатия;

поверхность льда ровная, гладкая и невзломанная. Сжатие ограничилось лишь небольшой полоской, простирающейся с востока на запад, и «Фрам» лежал как раз в самом опасном месте.

После обеда Скотт-Хансен вычислил вчерашнее наблюдение – результат оказался $83^{\circ}34,2$ северной широты и $102^{\circ}5T$ восточной долготы. С Нового года мы, следовательно, продвинулись на север и запад, к западу – на 15 морских миль, а к северу – на 13,5 мили; и это несмотря на то, что ветер дул большей частью с юго-запада. Лед взял, по-видимому, более решительный курс на северо-запад, чем когда-либо, и неудивительно, что происходят сжатия, когда ветер дует поперек курса. Впрочем, вряд ли нужно подыскивать какие-либо особые разъяснения причин сжатия; мы, очевидно, опять попали в такую же область сжатия, трещин, полыней и ледяных гряд, в какой уже побывали прошлой зимой и где в течение определенного времени продолжалось непрерывное давление льда. Мы все время наталкивались на такие области во льдах вокруг нас – даже в самые спокойные периоды.

Вечером было в высшей степени замечательное освещение непосредственно под луной. С горизонта поднимался как бы чудовищный сильно светящийся стог сена, который верхушкой своей достигал большого кольца, окружающего луну. Верхнего края этого конца касалась обычная обратная световая дуга».

На другой день, 8 января, наблюдались неоднократные сжатия, и один раз, в то время как я и Мугста работали в трюме, мастера нарти, корабль снова затрещал и под нами, и над нами. Напор повторился несколько раз, причем в промежутках все было спокойно. Я часто выходил на лед, прислушиваясь и высматривая, куда направлено сжатие. Но дело ограничилось треском и хрустом под ногами и в ближайшей ледяной гряде. Не для того ли все это, чтоб держать нас настороже, напоминать, что еще не время успокаиваться? В таком напоминании мы, пожалуй, действительно нуждаемся.

В сущности, ведь мы живем, как на вулкане. Извержение может произойти в любую минуту, извержение, которое решит нашу судьбу, либо вознесет нас, либо сбросит вниз. Иными словами: либо «Фрам»

вернется на родину и экспедиция во всех отношениях будет удачной, либо мы потеряем «Фрам», удовлетворимся тем, что уже совершили, и по пути домой, быть может, обследуем часть Земли Франца -Иосифа. Вот и вся разница. Но нам, конечно, очень не хотелось бы потерять судно, печально было бы видеть, как оно исчезает на наших глазах.

Часть команды тем временем во главе со Свердрупом занялась скалыванием торосистой гряды у левого борта, и в ней была пробита порядочная брешь.

«Я и Мугста старательно работаем над постройкой нарт. Я хочу, чтобы они были приведены в полную готовность на случай путешествия, все равно придется ли идти с ними на север или на юг.

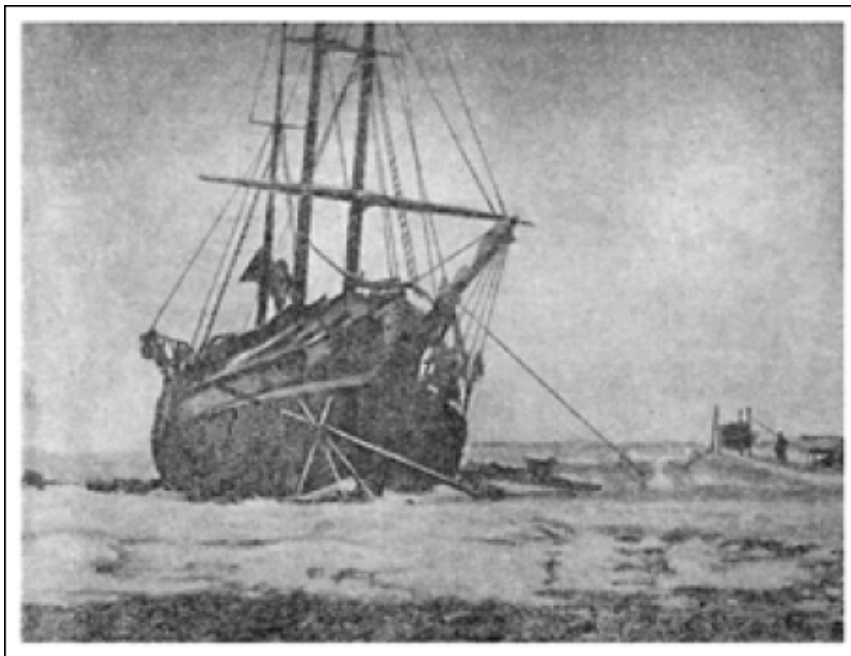
Сегодня Лив исполнилось два года. Большая девочка уже. Интересно, узнаю ли я ее? Вероятно, она сильно изменилась. Дома сегодня большой праздник, ее засыпают подарками – и много мыслей летит на север; но они не знают, где нас искать, не знают, как мы дрейфуем здесь в самых высоких северных широтах, среди самой глубокой полярной ночи, какую когда-либо приходилось переживать людям, и чуть-чуть не раздавлены льдами».

В следующие дни лед понемногу успокаивался. В ночь на 9 января он еще немного трещал и хрустел от сжатия, но затем окончательно замер.

10 января у меня в дневнике значится: «Лед совершенно спокоен, и, если бы рядом с бортом не было ледяной стены, никогда нельзя было бы подумать, что здесь происходил какой-нибудь напор или нарушение вечной тишины – так все пустынно и мирно».

Между тем часть экипажа продолжала скалывать верхушку ледяной гряды, штурмовавшей нас, и она мало-помалу стала все-таки уменьшаться. Мугста и я по-прежнему занимались в трюме санями. В эти дни я сделал несколько попыток сфотографировать «Фрам» с разных сторон при лунном освещении. На экспозицию тратил часа по два, и результат сверх ожидания получился удачный. Но верхушка торосистой гряды была к этому времени уже сколота, и фотографии не дают полного

представления о силе сжатия и о том, какие ледяные массы обрушивались на корабль.

Каждый раз при сжатии льдов «Фрам» поднимался выше
Фотография. 1895 г.

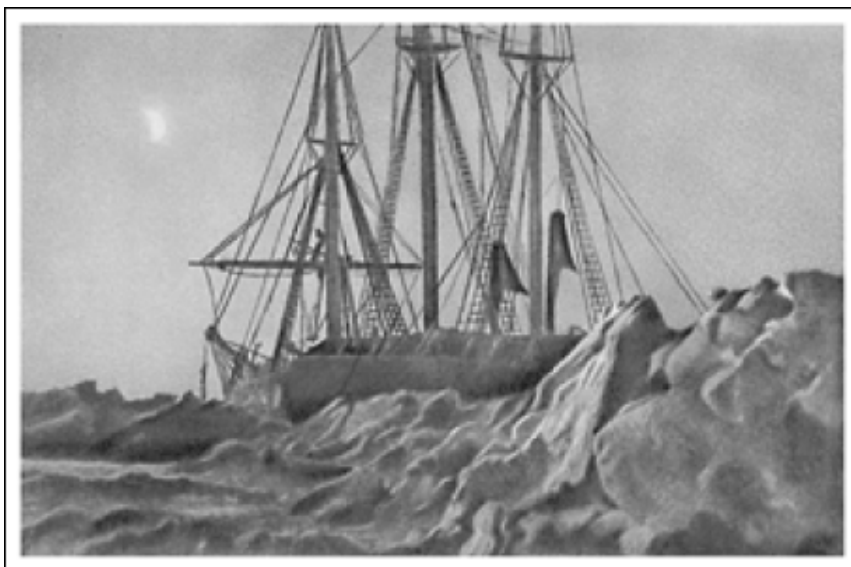
Затем был наведен порядок в складе на Великом бугре и на большой льдине с правого борта: спальные мешки, комаги, л апландские каньги, меховую одежду и т. д., собрав в один тюк и завернув в парус, сложили на западном краю льдины. Продовольствие собрали в шесть отдельных куч, разбросанных по льду. Винтовки и дробовики, завернутые в паруса от шлюпок, разместили в трех из этих куч. Под парусом спрятаны два ящика с приборами Скотт-Хансена и моими, а также жестянка с патронами. Кузнечный горн и инструменты убрали отдельно, а на самой верхушке Великого бугра положили грудку нарт и лыж. Каяки лежали в ряд вверх днищами, под ними аппараты для варки пищи, лампы и т. п. Мы разместили все предметы на большом расстоянии один от другого, чтобы потерять по возможности меньше, в случае, если вопреки всем ожиданиям нашу мощную льдину все же расколет трещина. Мы знаем, где найти любую вещь ; ветер и метель

могут бушевать сколько угодно; какие бы сугробы они ни наметали, мы все сумеем найти.

В своем дневнике за вечер 14 января я читаю: «Два резких удара, похожих на выстрелы из пушки, слышались внутри судна, и за ними такой звук, будто что-то раскололось; вероятно, это лед треснул от мороза. Мне показалось, что в тот же момент крен судна несколько увеличился; но, быть может, это только воображение».

Время шло, мы снова занялись приготовлениями к санной экспедиции. Во вторник, 15 января, у меня записано: «Сегодня доктор прочел мне и Йохансену лекцию о перевязках и вправлении костей в случае перелома или вывиха. Я лежал на столе, и на ногу мне была наложена гипсовая повязка; за этим процессом наблюдал весь экипаж. Как-то невольно операция навела на мрачные мысли. Подвергнуться подобному несчастью в пути при 40—50-градусном морозе более чем неприятно, не говоря уже о том, что это может стоить жизни нам обоим. Хотя... кто знает, быть может, и это пройдет благополучно, но таких случаев нельзя допускать и их не будет».

Во второй половине января в полдень мы стали различать слабые проблески зарождающегося дня – того дня, с наступлением которого мы тронемся в путь. 18 января я писал: «В 9 ч утра можно различить признаки рассвета, а в полдень заметно, как будто даже просачивается свет. Кажется почти невероятным, чтобы через месяц света прибавилось настолько, что будет достаточно светло для путешествия.

Полярная ночь (14 января 1895 г.)

И тем не менее это так. Правда, опытные люди до сих пор говорили, что в феврале слишком рано и холодно трогаться в путь. Почти никто из них не считает подходящим временем даже март. Но делать нечего, времени терять нельзя, у нас ведь нет возможности выбрать приятное, – если не хотим, чтобы застало лето с его распутицей. Холода я не боюсь, от него защитить себя мы сумеем.

Приготовления подвигаются успешно. Я привожу теперь в порядок копии дневников, судового журнала, фотографии и другие материалы, которые хотим взять с собой. Мугста готовит в трюме тонкие кленовые полосы, которые будут укреплены под полозьями нарт, окованными нейзильбером. Якобсен принялся мастерить новые нарты. Петтерсен в машинном отделении кует гвоздики, необходимые Мугста для оковки нарт. Товарищи построили за это время на льду большую кузницу из ледяных глыб и снега. Я и Свердруп собираемся завтра пропитать полозья смесью смолы со стеарином и выгнуть их над сильным огнем, разведенным в кузнечном горне. Надеемся получить доста точно высокую температуру, которая позволит хорошо выполнить эту важную работу, несмотря на 40 градусов мороза. Амунсен целыми днями возится с ветряным двигателем, у которого стерлось зубчатое колесо. Он надеется

привести двигатель в порядок. Работа не из веселых, приходится стоять там наверху, на морозе свыше 40 °С, какие держатся у нас последние дни, на ветру, сверлить при свете фонаря твердую сталь и чугун. Я стоял сегодня, глядя снизу на свет фонаря. Вначале слышался скрежет сверла, врезавшегося в твердую сталь, затем энергичное похлопывание руками. Да, тут нельзя надевать перчаток и приходится работать голыми руками, если хочешь, чтобы работа шла как надо, а долго ли в таком случае отморозить руки. «Ничего, обойдется», – говорит Амунсен, он из тех, что не сдаются. Человек упорный во всем, за что бы ни взялся. Я подбадриваю его, говоря, что вряд ли кто до него работал, стоя где-то на верхушке ветряной мельницы в такой мороз, на широте свыше 83°. Большинство экспедиций при такой низкой температуре прекращало всякие работы на открытом воздухе.

– Вот как! – говорит он. – А я считал, что в других экспедициях люди были повыносливее нас; мы тут чересчур много отсиживаемся в своих норах.

У меня не было никакого желания выводить его из заблуждения, хотя знаю, что это ему не помешает с одинаковой готовностью делать всегда и все, что только в силах он сделать.

Странное, собственно, теперь время. У меня такое чувство, словно я готов к летней экспедиции – будто весна уже пришла, а ведь еще только середина зимы, самый характер летней экспедиции еще не совсем выяснен. Лед спокоен и лишь потрескивает от мороза, как и «Фрам».

На днях я опять читал отчет Пайера о санной экспедиции на север через Австрийский пролив. Нельзя сказать, чтобы чтение это действовало ободряющим образом. Землю, которую он описывает как царство смерти, где, по его мнению, он и его товарищи неизбежно погибли бы, если бы им не удалось найти опять свое судно, эту землю мы считаем своим спасением, рассчитываем сделать своим убежищем, когда наш провиант истощится. Это может показаться легкомыслием. Я, однако, вовсе не думаю этого. Я твердо убежден, что земля, уже в апреле изобилующая медведями, люриками и кайрами, земля, где

тюлени лежат прямо на льду, должна быть «страною обетованной, текущей молоком и медом» для двух мужчин с хорошими ружьями и верным глазом. Здесь, несомненно, можно будет добыть достаточно не только пищи насущной, но и сделать запас для дальнейшего путешествия на Шпицберген. Правда, подчас приходит мысль, что, как раз тогда, когда мы острее всего будем нуждаться в пище, ее и не будет, но такие мысли быстро исчезают. Не следует забывать слова Карлейля. ^[212] «Человек может и должен быть мужественным, он должен всегда идти вперед и действовать, как мужчина, непоколебимо веря в свое призвание и в свое назначение».

Правда, у меня нет никакого предназначения – было бы недурно иметь его на такой случай, – но тем не менее мы отправимся. Четыре недели или немного меньше быстро пройдут, и прощай тогда, наше уютное жилище, дававшее нам кров полтора года. Мы двинемся во мрак и в холод, в царство неведомого.

Мрак над головой,
Но мы идем вперед
Горной росистой тропой,
Туда, где царит римтурс.
Или взберемся,
Или обоих свалит
Могучий турс-исполин.

23 января я записал: «Рассвет стал ярче настолько, что отражение его явственно видно на льду. Сегодня я впервые в этом году увидел румянец зари на краю горизонта». Готовясь покинуть судно, я распорядился, чтобы почаще делали промер глубины. Последний раз лот показал 3450 м. Лыжи я сложил в трюм; самое главное было сделать их гладкими, крепкими, гибкими и легкими – качества эти необходимы для того, чтобы можно было сколько-нибудь значительно пройти вперед. «Лыжи будут тщательно натерты смесью стеарина с салом, и скорость на них обеспечена. Тогда дело только за ногами, но об этом, я думаю, печалиться не придется».

«Фрам» после сильного ледового сжатия в январе 1895 г.

«Вторник, 29 января. Вчерашняя широта $83^{\circ}30$ (несколько дней тому назад было $83^{\circ}40$, но затем нас снова понесло к югу). Постепенно светлеет все больше, и в полдень почти светло. Находясь на льду, можно даже читать книгу, если только буквы достаточно крупные и четкие. Каждое утро, прежде чем спуститься в трюм и отдалиться работе над лыжами и снаряжением, я не могу не выйти хоть на минутку наверх, чтобы приветствовать брезжащий день. Удивительное чувство наполняет душу, я совершенно не могу от него освободиться. Не предчувствие ли победы поднимается в глубине души? Чувствую, что все мечты мои расцветут, станут действительностью, когда взойдет солнце, прячущееся под скованными льдом водами!..

И все же, когда я привожу все в порядок и хлопочу среди этих знакомых окрестностей, на меня нет-нет да набежит легкое облако грусти. Я ведь готовлюсь к разлуке и со старым другом, и с судном, долго служившим мне родным кровом. И вдруг – навсегда покинуть и этот кров, и товарищей, никогда не поставить больше ногу на эту занесенную снегом палубу, не забираться под парусиновый тент, не слышать взрывов смеха в привычной обстановке кают-компаний, никогда не сидеть здесь в кругу друзей. И еще вдруг приходит на ум, что меня не будет с товарищами, когда «Фрам», разорвав ледяные оковы, направится к Норвегии. Прощание всегда придает жизни слабый колорит печали, как красноватая полоса заката, когда день – дурной или хороший – погружается вдаль на краю моря.

В сотый раз обращается взор мой к висящей на стене карте, и каждый раз от нее веет холодом. Предстоящий путь так долог. Сколько препятствий может встать на этом пути! Но затем снова возвращается чувство уверенности, путь будет пройден, иначе и быть не может, – настолько тщательно все подготовлено.

Юго-восточный ветер свистит над нами и непрерывно несет на север, все ближе к цели. Когда я поднимаюсь на палубу и выхожу через парусиновую дверь в ночную тишину, вижу усеянный мерцающими звездами темный свод небес и пылающее северное сияние, – все отступает на задний план, и я, как всегда, подолгу не могу уйти из этого темного, глубокого, безмолвного пространства, беспредельного храма природы, в который стремится душа, чтобы найти свое прошлое. Трудлюбивый муравей, что из того, достигнешь ли ты цели со своей хвойной иглой или нет? Все исчезает ведь в море вечности, в великой Нирване.

И наши имена забудутся со временем, и никто не вспомнит о наших деяниях. Жизнь проходит, как легкое облачко на небе, и рассеивается, как туман, который тает под лучами солнца, испаряясь от его тепла. Жизнь – лишь мимолетная тень, и от судьбы своей никуда не уйти, чему быть, того не миновать.

Скоро мы пустимся вдвоем в путь по ледяным просторам в великую пустыню, которая покажется нам тогда еще более безмолвной».

«Среда, 30 января. Сегодня произошло примечательное событие: мельница наша после продолжительной остановки снова заработала. Несмотря на холод и мрак, Амунсен привел там наверху в порядок зубчатые колеса, и мельница закрутилась легко и ровно, будто на резиновом ходу».

Все время дул норд-ост, но мы продолжали дрейфовать к северу. В воскресенье, 3 февраля, мы находились на 83°43 северной широты. Время отправления все больше приближалось, и шли последние усердные приготовления. Нарты были наконец готовы, и я испытал их при различных условиях. Я уже упомянул, что мы сделали накладные кленовые полозья, чтобы наложить их на окованные нейзильбером постоянные полозья. Мы имели в виду сделать нарты, и в частности полозья, более крепкими, чтобы им, особенно в начале пути, когда груз будет тяжелым, меньше грозили поломки при толчках, которые, очевидно, придется испытать. Потом, когда груз уменьшится, мы сможем снять эти накладные полозья. Кроме того, у меня было еще одно ошибочное соображение: мне казалось, что при той низкой температуре, какая обычно стоит здесь зимой, металлические полозья будут хуже скользить по сухому снегу, покрывающему лед, чем отполированные деревянные. К 8 февраля первые нарты с накладными полозьями были готовы. Тащить такие нарты оказалось куда легче, чем нарты на металлических полозьях, хотя груз на обоих был одинаков. Разница настолько велика, что, по нашему мнению, «тащить нарты на металлических полозьях было по крайней мере вдвое тяжелее, чем на кленовых полозьях, пропитанных смесью дегтя со стеарином». Наши новые ясеневые нарты были теперь почти готовы и весили без накладных полозьев 15 кг.

«Все завалены работой, – писал я в эти дни. – Свердруп шьет мешки и матрацы, которые будут положены на нарты в качестве подстилки под каяки, им придается форма соответственно форме днища каяков. Йохансен и еще один-двое из товарищей набивают мешки

пеммиканом, который приходится нагревать, а затем разминать и сплющивать, чтобы он служил хорошим ложем для наших драгоценных каяков. Затем эти четырехугольные плоские мешки выносят на мороз, и они затвердевают, как камень, и прекрасно сохраняют свою форму. Блессинг сидит наверху в рабочей каюте и переснимает фотографии, копий с которых у меня еще нет. Скотт-Хансен составляет карту пройденного нами до сих пор пути и описывает для нас свои наблюдения и т. д. и т. д. Короче говоря, нет ни одного человека, который не чувствовал бы, что время нашего отъезда приближается, и, пожалуй, камбуз – единственное место, где под управлением Ларса все идет своим ненарушимым ходом».

Наблюдение 7 февраля дало 83°32,Т северной широты и 102°28 восточной долготы. Значит, нас снова отнесло к югу. Но это неважно, что такое для нас двумя милями больше или меньше!

«Воскресенье, 10 февраля. Сегодня было настолько светло, что я в 1 ч дня довольно свободно мог читать «Verdens Gang», повернув газету к рдевшей на небе заре. Если же лист был повернут к луне, стоявшей низко на севере, дело шло хуже.

Перед обедом я предпринял короткую поездку на нартах. В упряжке шли Гулен, Сузина (две молодые собаки) и Кайфас. Гулен еще ни разу не ходил раньше в упряжке, но пошел довольно хорошо. Правда, вначале он плохо понимал, чего от него требуют, но вскоре освоился, и, я думаю, со временем, если его хорошо объездить, из него выйдет отличная ездовая собака. Сузина, имевшая небольшую практику прошлой осенью, вела себя, как старая ездовая собака. Снег твердый, и собаки легко тащат нарты. Под ногами – твердая опора, и вместе с тем лед не торчит острыми колючками и не режет им лапы. Однако путь не всюду гладкий, да и снег, наметенный вьюгами, слишком сух. Где лед ровен и удобен для езды, я надеюсь делать хорошие дневные переходы. Быть может, нам удастся достигнуть цели и раньше намеченного срока. Но нельзя отрицать, что путь предстоит дальний. Вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь так решительно сжигал за собой все свои корабли. Если мы захотим вернуться назад, позади у нас нет ничего, даже пустынного

берега, к которому мы могли бы направиться. Найти снова судно невозможно, а впереди – великая неизвестность. Для нас есть только один путь – вперед, напрямик – все равно, по суше или морю, по ровному или исковерканному пути, по сплошному льду или по льду и воде, и я глубоко убежден, что вперед мы пробьемся. Даже если на пути нашем станет самое худшее: суша и нагроможденный сжатиями лед».

«Среда, 13 февраля. Подушки из пеммикана и сушеных ливерных паштетов готовы. Каяки получают великолепную подстилку. Такие «мясные» подушки едва ли кто-нибудь когда-либо делал до сих пор. Под каждым каяком лежат три подушки, плотно пригнанные к саням. Сверху им, как я уже говорил, придана форма днища каяка. Каждая из них весит 50–60 кг. Отдельно каждый мешок весит около 1,5 кг. Все мясное продовольствие в целом (пеммикан и сушеные ливерные паштеты) в трех подушках весит 160 кг. Каждый из нас получил легкий спальный мешок из пыжикового меха. Я и Йохансен попробовали поспать в них сегодня под открытым небом, но оба нашли, что спать в них холодновато, хотя было всего -37 °С. Быть может, мы были слишком легко одеты под нашей волчьей одеждой. Сегодня ночью мы повторим наш опыт, одевшись немного потеплее».

«Суббота, 16 февраля. Снаряжение по-прежнему подвигается вперед, но тем не менее еще остаются разные требующие времени мелкие приготовления. Не знаю, будем ли мы готовы тронуться в путь в среду, 20 февраля, как я наметил. День теперь настолько светлый, что мы могли бы, в сущности, выступить и раньше среды. Но лучше, быть может, день-два обождать.

Три паруса для саней тоже готовы. Они сделаны из самой тонкой хлопчатобумажной ткани, имеют в ширину 2,2 м и в длину 1,3 м. Рассчитаны они на одиночные нарты, но могут быть соединены и составят тогда парус для двух связанных вместе нарт. Я думаю, что они сослужат нам хорошую службу. Вес каждого паруса 0,6 кг. Большая часть продовольствия уже упакована в мешки.

Сегодня вечером снова был сильный напор льда на севере и северо-западе. Ярко горит северное сияние».

Часть II

Глава первая Неудачное выступление в путь. Снаряжение

«Вторник, 26 февраля (1895 г.). Наконец настал наш день, великий день выступления в путь. Много недель прошло в неустанной работе. Собирались мы тронуться еще 20-го, но несколько раз отъезд откладывался; все еще оставалось докончить то одно, то другое или сделать лучше. День и ночь голова полна забот, ничего нельзя забыть. О, это постоянное напряжение! Ни минуты отдыха, ни на минуту нельзя сложить с себя ответственность, дать волю мыслям, помечтать. Нервы напряжены от утреннего пробуждения и до поздней ночи, когда глаза смыкает сон. Мне хорошо знакомо это состояние! Оно пр иходит всякий раз, когда наступает момент отправления, и путь к отступлению отрезан. Но еще никогда не проходил я так полно это испытание, как теперь.

Последние ночи я не ложусь спать раньше половины четвертого или половины пятого утра. Дело не только в то м, что надо взять с собой все необходимое. Ведь остается судно; командование и вся ответственность переходят в другие руки. Нужно ничего не забыть из того, что передается остающимся, не упустить из виду ничего, – научные наблюдения и исследования должны продолжаться своим чередом так, как они шли до сих пор».

Вот настал и последний вечер нашего пребывания на «Фраме». Мы собрались на прощальное собрание. Удивительно грустным образом переплетались воспоминания о прошлом, обо всем пережитом здесь, с надеждой и верой в то, что принесет с собой будущее. Спать я не ложился до самого утра: надо было послать письма и последние приветы домой на случай непредвиденного. И еще одно из последних дел – написать инструкцию Свердрупу, которому я передавал командование над экспедицией ^[213].

«Теперь, наконец, должно бы успокоиться сердце. Пришло время работать ногам и рукам. Утром все было готово к выступлению в путь. Пятеро товарищей, Свердруп, Скотт-Хансен, Блессинг, Хенриксен и Мугста, пожелали проводить нас и взяли с собой нарту и палатку. Вот и утро. Четверо нарт нагружены и увязаны; собаки запряжены. Завтрак

сервирован на скорую руку, по-походному. Запили его мальц-экстракт-том. Сердечные рукопожатия на прощание, и мы двинулись в путь. Было ветрено, шел снег. Я пошел впереди, прокладывая путь, за мной Квик, запряженная коренником в первые нарты. За нами гуськом среди громких окриков, щелканья бичей и собачьего лая следовали остальные нарты. С кормы «Фрама» загредел салют: выстрел за выстрелом прорезал снежную метель. Тяжело нагруженные нарты медленно подвигались вперед; они совсем останавливались, когда подъем становился слишком крут; тогда всем приходилось спешить на помощь, так как сил одного человека явно не хватало. Зато по ровному, гладкому пути нарты неслись, как ветер, и лыжники едва за ними поспевали. Мне тоже приходилось мчаться во всю мочь, чтобы не запутаться в постромках, едва меня нагоняли нарты.

Вдруг далеко позади кто-то замахал палкой. Это бежал Мугста, крича, что у одних нарт сломались три поперечные перекладки. Перегруженные нарты налетели на всем ходу на ледяной бугор, и поперечины, которыми соединяются вертикальные стойки, сразу одна за другой треснули; раскололись также две-три стойки. Не оставалось ничего другого, как вернуться обратно на судно, чтобы починить нарты и вообще сделать их покрепче. Такое происшествие не должно повториться.

На обратном пути двое нарт столкнулись и лопнул бамбук в дуге. Стало быть, и дуги надо сделать прочнее ^[214]. Нарты пришлось разгрузить и поднять на борт. И вот мы снова проводим вечер на судне. В сущности, я рад, что авария случилась сейчас: двумя-тремя днями позже такой опыт обошелся бы нам дороже. Теперь я хочу взять с собой шесть нарт вместо четырех, чтобы на каждые пришлось меньше груза и их легче было бы поднимать на буграх и неровностях. Кроме того, я велел приладить под перекладинами во всю длину нарт широкие доски, чтобы предохранить нарты от ударов об острые края льдин. Так как потребуется время, чтобы все это тщательно сделать, то едва ли мы выйдем раньше, чем послезавтра. Странно снова очутиться на судне, сказав уже, как я думал, последнее прости всему окружающему. Я

прошел на корму; наши пушки совсем занесло снегом. Одна из них при прощальном салюте опрокинулась, другая откатилась далеко назад. На бизань-мачте все еще развевается, алея среди снежных вихрей, флаг.

Настроение у меня необычно приподнятое, победоносное. Все -таки нарты скользили превосходно, хотя груза на них было на 100 кг больше, чем первоначально предполагалось (в общей сложности мы брали с собой около 1100 кг). И все вообще в порядке. Вынужденная задержка на день-другой не беда; установился юго-восточный ветер, который, несомненно, несет нас к северу. Вчера мы находились под $83^{\circ}47'$, сегодня, вероятно, продвинулись уже за $83^{\circ}50'$ ».

В четверг, 28 февраля, мы снова, наконец, тронулись в путь – на этот раз на шести нартах. Нас сопровождали Свердруп, Скотт -Хансен, Блессинг, Хенриксен и Мугста. Часть пути шли и другие товарищи. Вскоре оказалось, что собаки тащат не так хорошо, как я ожидал, и мне стало ясно, что с таким грузом нам придется идти слишком медленно. Поэтому, когда мы отошли немного от судна, я решил сбросить с нарт часть мешков с собачьим кормом. Провожавшие нас товарищи свезли их потом на судно.

В 4 ч пополудни остановились. Одометр [\[215\]](#) показал, что мы прошли 6 км. Запомнился приятный вечер в палатке с товарищами, которым на следующий день предстояло повернуть назад. Сю рпризом был пунш, мы провозгласили тосты и за отъезжавших, и за остававшихся. Только в 11 ч вечера наконец забрались в свои спальные мешки.

На «Фраме» в эту ночь в нашу честь была устроена большая иллюминация. На верхушку грот-мачты подняли дуговой фонарь. Впервые электрический свет залил ледяные глыбы Полярного моря. На торосах вокруг «Фрама» зажгли факелы и костры из пакли и другого горючего материала. Великолепное зрелище! Да и вообще Свердруп распорядился, чтобы каждую ночь, пока он и другие не вернутся на судно, на грот-мачте зажигался электрический или хотя бы простой фонарь. Если бы поднялась непогода и снег замел следы, они рисковали бы сбиться с пути, ведь отыскать корабль нелегко; а огонь на мачте

среди этих равнин виден ночью издалека, стоит только взобраться на торос повыше и обнять взором горизонт на много миль кругом.

Я боялся, что собаки, как только их распрягут, убегут назад на «Фрам», и поэтому велел натянуть между поставленными в два ряда нартами стальные тросы и прикрепить к ним на небольшом расстоянии друг от друга короткие ремешки. Когда собак выпрягли, их привязали к этим ремешкам. Таким образом удалось посадить на цепь всю свору. Нескольким все же удалось освободиться, но как ни странно, они не сбежали, а жались всю ночь к остальным собакам и к нам. И, разумеется, всю ночь около наших палаток не смолкал жалобный вой, не дававший спокойно спать большинству из нас.

На следующее утро (в пятницу, 1 марта) один из товарищей должен был сварить кофе, но, не умея обращаться с нашим кухонным аппаратом, он провозился целых три часа. Дождавшись наконец кофе, мы все вместе весело позавтракали и только в половине одиннадцатого тронулись в путь. Пятеро товарищей провожали нас еще часа два, а затем повернули назад, чтобы успеть в тот же вечер вернуться на «Фрам». «Конечно, мы распрощались мужественно, – записано в дневнике, – но как-никак прощаться всегда грустно, даже под 84 градусом северной широты, и не в одних глазах блеснула слеза». В последнюю минуту Свердруп, сидя передо мной на санях, спросил, не думаю ли я после возвращения домой отправиться к Южному полюсу; если да, то он надеется, что я дождусь сначала его возвращения. Затем он попросил меня передать привет его жене и ребенку.

И вот я и Йохансен тронулись дальше. Когда мы остались одни, дело пошло медленнее, нелегко было нам вдвоем справляться с шестью нартами, застревавшими на всех встречных буграх и неровностях. Вдобавок и лед становился более тяжелым, а после полудня в темноте стало совсем трудно двигаться вперед: дни еще были коротки и солнце невысоко поднималось над горизонтом, поэтому мы довольно рано сделали привал.

«Среда, 6 марта. Опять мы на «Фраме» и готовимся к выступлению уже в третий, и, надеюсь, в последний раз. В субботу, 2 марта, я прошел

вперед и убедился, что путь более или менее проходим. Мы продолжали бодро продвигаться на север с нашими шестью нартами. Дело, однако, шло очень туго. Нарты на каждом шагу застревали, и, вытаскивая их, мы вынуждены были по 6 раз проходить одно и то же расстояние. Вскоре стало ясно, что так нам далеко не уйти! Что-то надо было предпринять, и я решил остановиться, чтобы обследовать лед к северу и обсудить положение. Привязав собак, я отправился на разведку. Йохансен тем временем должен был покормить собак [\[216\]](#) и разбить палатку. Пройдя недалеко, я увидел широкую прекрасную равнину, по которой легко можно было бы идти; следовательно, дальше путь нам благоприятствовал. Но нужно было уменьшить груз и сократить число саней. Лучше всего было поэтому еще раз вернуться назад на судно, произвести там необходимую перегрузку да заодно придать большую прочность нартам, чтобы не сомневаться в том, что они выдержат путь. Конечно, мы, и ничего не меняя, могли бы продвинуться на некоторое расстояние вперед к северу, тем более что груз постепенно уменьшался. Но продвижение наше неминуемо замедлилось бы, и, пожалуй, к тому времени, когда груз сделался бы сносным, собаки успели выбиться из сил. Спать им теперь холодно, и многие всю ночь напролет воют. Между тем, уменьшив груз и соответственно рассчитав экспедицию на более короткий срок, мы могли отложить отъезд до середины месяца, когда дни станут длиннее, не так будет холодно и, значит, путь будет легче. Проведя еще одну ночь в палатке (какое мучение в затвердевшей на морозе меховой одежде влезать в обледенелый спальный мешок!), я на следующее утро – в воскресенье, 3 марта, – решил еще раз повернуть обратно. В одни нарты запрягли двойную упряжку, и собаки с такой быстротой помчались домой, к «Фраму», через торосы и ледяные бугры, что мне немалою труда стоило поспеть за ними. В какие-нибудь два часа времени мы отмахали то самое расстояние, на преодоление которого ушло целых три дня. Преимущество легкой нагрузки сказалось со всей очевидностью.

Подходя к «Фраму», к своему удивлению, я увидел на юге над линией льдов верхний край солнечного диска. Никак не ждал появления

солнца так рано; разумеется, это объясняется рефракцией в связи с низкой температурой. Первое, что я услышал от вышедших навстречу товарищей, это то, что сделанное Скотт-Хансеном накануне днем наблюдение показало 84°04 северной широты.

Очень приятно растянуться снова на диване в кают-компании «Фрама», утолить жажду превосходным лимонным соком с сахаром и затем пообедать, как цивилизованному человеку. После обеда Скотт-Хансен и Нурдал отправились на моей упряжке к Йохансену, чтобы составить ему компанию на ночлеге. Покидая Йохансена, я условился с ним, что он будет по мере возможности пробираться назад в одиночку, пока я, захватив с собой нескольких товарищей, не приду к нему на помощь. Собаки не замешкались, и через 1 ч 20 мин Скотт-Хансен и Нурдал были уже у палатки Йохансена. Вечером все трое торжественно отметили, как и мы на судне, двойной праздник – появление солнца и достижение «Фрамом» 84-го градуса.

На следующее утро трое из нас двинулись на помощь. Стоило повернуть нарты назад к судну, как собаки стремглав помчались вперед; они шли значительно лучше, чем прежде. Мы живо бы добрались до корабля, если бы путь не преградила длинная, узкая полынья, которой и конца не было видно.

Пришлось бросить нарты и перебираться с собаками по плавающим льдинам. Кое-как добрались до судна. Вчера дважды пробовали перетащить нарты, но в полынье происходили подвижки льда. Да и молодой лед оказался настолько тонким, что мы не решались ему довериться. Только сегодня наконец переправили нарты на корабль, и теперь всерьез готовимся к походу – надеюсь, в последний раз. Я поставил себе задачей рассчитать путешествие на возможно короткий срок, взять с собой только легкие нарты и идти так быстро, как могут нести нас ноги и лыжи. Если не встретим тяжелых торосов и трещин, то ничего не проиграем от теперешней задержки.

Я взвесил всех собак и пришел к заключению, что нам удастся дней пятьдесят прокормить одних собак мясом других. Если к тому же взять собачьего корма еще на месяц, мы, стало быть, сможем идти с

собаками восемьдесят дней. А за такой срок, я полагаю, куда -нибудь да придем. Для себя берем провианта на сто дней. Это составит в общем при трех нартах по 220 кг на каждые; они пойдут превосходно, если в них запрячь по девяти собак».

И снова закипела работа – новые приготовления и новые улучшения нашего походного снаряжения.

Между тем лед пришел в движение. С разных сторон образовались трещины. 8 марта я записал: «Трещина, которая образовалась на большом торосе со стороны правого борта, превратилась в широкую полыню, покрытую молодым льдом и простирающуюся до самого горизонта на севере и юге. Любопытно, что наша лодка с нефтяным двигателем вечно попадает в беду, куда ее ни поместишь. Большая трещина раздалась как раз под ней, и, когда мы пришли сегодня утром, корма была уже в воде. Мы решили разломать ее и обшивку из вяза употребить на полозья для парт. Теперь-то уж, наверно, пришел ей конец».

«Среда, 13 марта. 84° северной широты и 101°55 восточной долготы. Дни прошли в хлопотах и напряженной работе. Теперь все в порядке. Трое совершенно готовых нарт стоят на льду. Они укреплены железными скрепами между поперечными перекладинами и стойками. Перекладины вдобавок скреплены сверху ясеновыми брусьями, а снизу защищены продольными бортами из досок. После обеда мы запрягли для пробы собак в нагруженные по-новому нарты, и собаки потащили их как перышки. Дело пошло так хорошо, что лучшего и желать нечего. Мы тронемся в путь на этот раз окончательно, полные бодрости и при свете солнца, с сознанием, что идем навстречу все более и более светлым дням.

Вечером снова был прощальный ужин со множеством сердечных, прочувствованных речей. Выходим завтра утром как можно раньше, если только не проспим из-за ночного пиршества. Вечером я внес несколько дополнений в постскрипtum к инструкции Свердрупу».

Прежде чем окончательно проститься с «Фрамом», следует, пожалуй, дать краткое описание снаряжения, на котором мы в конце

концов остановились как на самом целесообразном для нашей санной экспедиции.

Я уже упоминал о двух построенных зимою каяках [\[217\]](#), необходимых для переправ через полыньи и разводья во время пути по льду и для плавания по открытому морю, когда мы, наконец, выберемся из льдов.

Сначала я думал взять с собой вместо готовых лодок только парусиновые покрышки, которыми в случае надобности можно было бы обтянуть остов нарты; все было так приспособлено, что можно было достаточно быстро соорудить из нарт судно, вполне пригодное для переправы через полыньи и небольшие пространства открытого моря. Но позднее я отказался от этой мысли и решил взять каяки; с ними я уже свыкся и знал, что во многих отношениях они незаменимы. Хотя в первом случае и можно было на скорую руку превратить нарты в лодку, но все-таки это занимало больше времени, нежели спуск на воду готовых каяков. К тому же на веслах такое судно -нарты, безусловно, шло бы более тяжело, что очень замедлило бы наше плавание на больших пространствах чистой воды, если бы пришлось, например, огибать берега Земли Франца-Иосифа или на пути оттуда идти к Шпицбергену.

В одном, правда, отношении замена каяков нартами могла показаться довольно важной – в отношении веса. Но выигрыш невелик. Вес тех и других покрышек почти одинаков, а экономия на весе каячных остовов давала совсем мало, так как каждый остов весил не более 8 кг.

Кроме того, каяки облегчили нам размещение груза; не будь их, пришлось бы упаковать провиант и вещи в прочные парусиновые мешки, которые тоже ведь весят что-нибудь; теперь же, взяв каяки, можно уложить в них значительную часть провианта, упаковав его в легкие мешки из тонкой ткани. Съестные припасы были там в полной безопасности, защищены от посягательств собак и от порезов в дороге об острые выступы льда.

Парусиновые покрышки вдобавок приходилось бы каждый раз после употребления свертывать и мокрыми укладывать на сани. При

низких температурах мокрая парусина непременно затвердела бы, потрескалась и вскоре пришла бы в негодность.

Последнее, притом немалое преимущество каяка состоит в том, что он со своей герметически закрытой палубой представляет лучший вид морской лодки, в которой можно плыть при любой погоде и которая замечательно приспособлена для охоты и рыбной ловли. Мореходные же качества лодки-нарты вряд ли могли нас сколько-нибудь удовлетворить.

Я упоминал также о конструкции нарт для нашей экспедиции. Они строились по образцу тех, которые я подготовил для Гренландской экспедиции, и немного напоминали норвежские ручные санки-лыжи (ski kiölke)^[218]. Но вместо широких плоских полозьев, которыми мы пользовались в Гренландии, я применил на этот раз несколько более скругленные книзу как это делают для саней-лыж в Естердалене и в других местностях^[219]. Эти скругленные полозья в высшей степени легко скользили по снежному пути. Благодаря этому облегчались повороты длинных нарт, и тем самым они оказались наиболее пригодными для путешествия по дрейфующим льдам, где многочисленные неровности часто заставляют пробираться самыми извилистыми путями. Полозья были подкованы тонкими листами нейзильбера, который все время оставался гладким, полированным и не ржавел, так что такая оковка как нельзя лучше отвечала своему назначению. Под этими обитыми нейзильбером полозьями были поставлены тонкие запасные кленовые подполозья, основательно просмоленные. Кроме того, нарты были укреплены другими способами: ведь первоначально на нартах приходилось везти довольно тяжелый груз. От этого, правда, вес нарт несколько превысил первоначальные расчеты. Зато они выдержали с честью весь долгий путь. Ни разу за всю экспедицию у нас не было задержек из-за поломки нарт; а ведь без этого не обходилась еще ни одна из прежних санных экспедиций.

Несколько раз я упоминал о нашей одежде, испытанной в пробных экскурсиях. Хотя мы и пришли к заключению, что одежда из волчьего меха слишком тепла, все же мы взяли ее в первый поход и прошли в ней часть пути, но ужасно вспотели. Когда после трехдневного путешествия

мы вернулись обратно на судно, эта меховая одежда пропиталась испариной и так отяжелела, что заметно увеличивала общий вес снаряжения. Немало времени провисела она затем над печкой в кают-компании, прежде чем просохла. К этому надо добавить, что когда, походив в ней некоторое время, мы сняли ее и оставили на морозе, она так смерзлась, что ее трудно было снова натянуть на себя. Все это не слишком располагало в пользу меховой одежды.

В конце концов я решил отложить ее в сторону и остаться в вязаной шерстяной одежде, свободно пропускающей испарину. Йохансен последовал моему примеру. Теперь наша одежда состояла из двух шерстяных егеровских фуфаяк, поверх них свитер из верблюжьей шерсти и еще исландская шерстяная куртка. Йохансен вместо куртки носил прозванную у нас на корабле «анораком» [\[220\]](#) блузу из грубошерстного домашнего сукна с капюшоном для головы на эскимосский лад. На ногах у нас были шерстяные носки, короткие брюки до колен из крестьянского сукна и такие же грубошерстные гамаши. Для защиты от ветра и снегопада мы носили «ветряные» костюмы, о которых я уже говорил, из тонкой, но плотной бумажной ткани; они состояли из широких брюк и балахона с эскимосским капюшоном.

Важной частью экипировки была обувь. Вместо длинных чулок я предпочел свободные гамаши, а на ступни небольшие носки, которые легко высушить за ночь у себя за пазухой. Когда идешь по снегу при низкой температуре на лыжах или без них, самая лучшая обувь из всех испытанных мной – это лапландские каньги [\[221\]](#), но непременно сшитые из шкуры с задних ног оленя-самца [\[222\]](#). Такие башмаки теплы, прочны, всегда остаются мягкими, их легко снимать и надевать. Но каньги требуют бережного обращения; чтобы они не испортились, их надо старательно просушивать возможно лучше и каждую ночь. Если светит солнце и стоит хорошая сухая погода, то лучше всего выставлять их для просушки на вольном воздухе, надев на лыжные или какие-нибудь другие палки и вывернув предварительно наизнанку, шерстью внутрь: тогда сама кожа скоро высыхает. Если этого не сделать, волос начнет выпадать. Но при сильных морозах, которые мы испытывали в начале

нашего путешествия, сушить каньги таким способом было совершенно невозможно, и оставалось одно – сушить их ночью на своих собственных ногах: сначала отряхнуть и выколотить снег из шерсти, потом обтереть посуше, вывернуть их наизнанку волосом внутрь, вложить стельки из сухой осоки (senneegrees), если она есть в запасе, надеть на голые ноги и так обутым и залезать в спальный мешок [\[223\]](#). Для сезона более мягкой погоды и мокрого снега мы взяли «комаги» из сыромятной воловьей кожи с подошвами из тюленьей шкуры. Пропитанная смесью дегтя и сала, обувь эта непромокаема и очень прочна.

Лапландские каньги мы сначала выстилали сухой осокой, которой у нас был взят с собой порядочный запас, она незаменима для стелек. Надев выстланные ею башмаки на босую ногу по-лапландски, сохраняешь ноги сухими и теплыми, так как осока впитывает в себя всю влагу. Вечером отсыревшую траву надо вынуть из обуви, хорошенько растрепать, чтобы она не слежалась, и положить на ночь себе за пазуху или засунуть в карманы брюк; к утру она почти просохнет, и ею снова можно выстлать башмаки. Мало-помалу сухие стебли этой травы с метелками на концах перетираются, и поэтому в длительное путешествие осоки следует брать с собой изрядный запас.

Были у нас с собой еще исключительно теплые и прочные гамаши из овечьей шерсти и человеческого волоса и грубошерстные портянки, которыми мы, в особенности я, стали пользоваться в конце путешествия. Они удобны в ходьбе и легко просыхают за ночь, если положить их за пазуху или засунуть в карманы. На руки мы надевали большие рукавицы из волчьего меха, а под них обыкновенные шерстяные варежки. Их тоже приходилось сушить на теле во время сна.

Вообще наше бедное тело было единственным источником тепла, которое имелось у нас на такой случай, и мы использовали его елико возможно – ночью постоянно спали с мокрыми компрессами, изнывая от сырости, чтобы поменьше страдать от этого зла на следующий день.

На голову мы предпочитали надевать широкополые войлочные шляпы, которые оберегали глаза от ослепительного снежного блеска и не так легко срывались ветром, как обыкновенная шерстяная кепка или

шапка. Кроме шляпы, надевали обыкновенно один или два шерстяных берета. Благодаря этому голова у нас всегда была в тепле, что далеко не маловажно.

Первоначально я намеревался взять с собой легкие пыжиковые одноместные спальные мешки. Они, однако, оказались недостаточно теплыми, и я решил использовать выделанный из меха взрослого оленя двуспальный мешок вроде того, каким мы со Свердрупом пользовались в Гренландской экспедиции [\[224\]](#). Спать в таком мешке гораздо теплее: люди согревают друг друга; кроме того, один двуспальный мешок куда легче, нежели два односпальных. Против общего спального мешка обычно возражают, считая, что один из товарищей, ворочаясь во сне, будет мешать спать другому, но мы этого неудобства не испытали.

Безусловно, главный предмет при любом санном путешествии – это палатка. Даже самая тонкая и легкая палатка дает надежный и уютный приют путникам и тем с лихвою возмещает незначительное увеличение веса снаряжения. Палатки, изготовленные по моему заказу для экспедиции, сделаны были из шелка-сырца и отличались большой легкостью. Четырехугольные внизу они суживались в острие и поддерживались с помощью одного шеста в центре, точно так же, как наши армейские палатки на четырех человек. Большинство палаток было снабжено полом из довольно плотного бумажного холста (парусины). Отправившись в путь в первый раз, мы взяли с собой такую палатку; она вмещала четырех человек и весила 3,25 кг. Палатка с полом имеет свои достоинства: она быстро устанавливается и, будучи закрыта со всех сторон, за исключением маленькой дверной щели, через которую забираешься вовнутрь ее, непроницаема для ветра. Однако у нее есть и существенные неудобства: трудно уберечься и не занести с собой снега на пол; кроме того, пол промокает от влаги, которая образуется из снега, тающего внизу под спящими людьми. Поэтому такая палатка всегда оказывается немного тяжелее, чем рассчитано. Я решил взять с собой другую палатку приблизительно такой же величины и из такой же материи, но без пола. Она, правда, требовала немного больше времени для установки. Стенки ее закреплялись в снегу с помощью

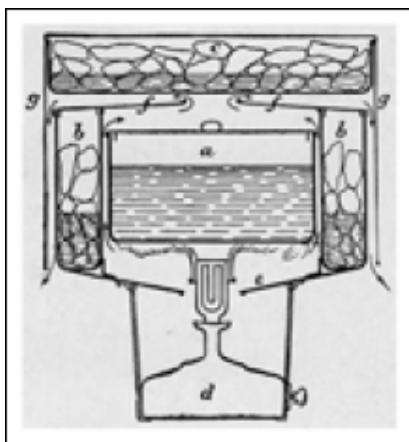
маленьких деревянных кольев. Для защиты от ветра и сквозняков мы пригребали к ее стенкам с наружной стороны немного снега, и она становилась совсем непроницаемой для ветра и не сносилась им. Установив палатку, мы заползали внутрь через дверную щель и втыкали посередине лыжную палку. Вся палатка вместе с шестнадцатью кольями весила 1,4 кг. Она прослужила нам все путешествие до глубокой осени и всегда была нашим любимым убежищем.

Взятый нами с собой кухонный аппарат для приготовления пищи имел то преимущество, что в нем предельно использовалось тепло сжигаемого горючего. Кроме того, на нем можно было одновременно относительно быстро сварить пищу и растопить из снега такое количество воды, что ее хватало вдоволь и утром и вечером.

Аппарат имел сосуд для варки пищи и два котла для таяния льда или снега. Устройство его было следующее. Сосуд для варки помещался в самом центре, под ним – горелка, а вокруг – кольцеобразный котел для растопления льда и снега. Горячие продукты горения из горелки поднимались вверх, в пространство между сосудом для варки и кольцеобразным котлом, на последний надевалась плотно пригнанная крышка с отверстием посередине, сквозь которое горячий воздух проходил дальше, под дно другого, поставленного сверху плоского котла для таяния льда и снега. Затем нагретый воздух поворачивал вниз, проходил вдоль наружной стороны кольцеобразного котла, внутри колпака, обнимавшего весь аппарат словно плащом. Здесь он отдавал последние остатки своей теплоты внешней стороне кольцевого котла и затем выходил, наконец, почти совершенно охлажденный, из-под нижнего края колпака.

Для нагревания аппарата мы пользовались шведской керосиновой горелкой «примус»^[225], в которой керосин при нагревании перед сгоранием обращается в газ. В этой горелке происходит на редкость полное сгорание. Неоднократные испытания этого аппарата в лаборатории профессора Торупа показали, что при обычных условиях аппарат использует 90–93 % того количества тепла, которое дает

сгорающий в примусе керосин. Лучших результатов, кажется, трудно достигнуть.

Наш кухонный аппарат:

a – котел для варки пищи; b – кольцеобразный котел для таяния льда и снега; c – второй плоский котел для льда и снега; d – газокеросиновая горелка «примус»; e – подставка для кольцеобразного котла; f – крышка с отверстием посередине; g – наружный колпак

Котлы в этом аппарате были сделаны из нейзильбера, акрышка, колпак и другие части – из алюминия. Вместе с двумя алюминиевыми котелками, двумя жестяными кружками и черпаком весь аппарат весил 4 кг, горелка «примус» – 0,8 кг. Когда наружный кольцевой котел и верхний плоский котел наполнялись льдом для получения питьевой воды, ее обыкновенно получалось больше, чем требовалось для удовлетворения жажды.

В качестве горючего я на этот раз выбрал американский первосортный керосин «снежинку». Обычно в сан ных экспедициях употребляют спирт, имеющий много преимуществ, главное из которых быстрое зажигание. Однако для меня решающим было то, что бензин дает меньшее количество тепла, чем такое же количество керосина, почти полностью сгорающего в нашем аппарате. О пасаясь, что керосин может замерзнуть, я думал было взять еще немного газолина, но отказался от него, так как он настолько летуч, что его трудно сохранить, и, кроме того, он очень огнеопасен. С керосином никаких осложнений в пользовании им при низкой температуре не было. Взяли мы его с собой около 20 л, и этого хватило на сто двадцать дней, причем мы жгли

примус для приготовления пищи и утром и вечером и, кроме того, расплавляли много льда для питьевой воды.

Лыж мы с собой взяли несколько пар на случай возможной поломки на неровном плавучем льду; кроме того, они сильно изнашивались летом при ходьбе по мокрому и зернистому насту. Выбранные нами лыжи отличались особой упругостью, их скользящая поверхность была гладко отполирована. Большая часть лыж была сделана из клена, часть из березы и орешника, и все были хорошо пропитаны смесью дегтя, стеарина и сала. Пропитка производилась над огнем в кузнице, выстроенной, как выше упоминалось, из льда и снега.

Мы до некоторой степени рассчитывали кормиться за счет охоты и поэтому взяли с собой огнестрельное оружие; прежде всего, конечно, винтовку. Но было учтено и то, что, по всей вероятности, нам предстояло идти по местам, где крупная дичь едва ли водится, а чаще всего можно встретить птиц. Поэтому я счел, что не худо запастись и дробовиком. Словом, мы взяли с собой и на этот раз такое же оружие, как в Гренландскую экспедицию. Это были: две двустволки с одним 20 - калиберным гладким стволом для дробы и другим, скорострельным нарезным калибра 360. К ним мы взяли 180 патронов с пулями и 150 с дробью.

Для определения нашего местонахождения и пеленгования мы захватили: небольшой легкий теодолит, специально для нас сконструированный и весивший вместе с футляром всего 2 кг (футляр у него был устроен так, что он мог служить вместо штатива), карманный секстан; искусственный стеклянный горизонт, легкий алюминиевый пелькомпас ^[226] с пеленгатором и два компаса. Для метеорологических наблюдений мы имели два барометра-анероида, два минимальных спиртовых термометра и три ртутных термометра -праща. Кроме того, мы запаслись хорошей алюминиевой подзорной трубой и фотографическим аппаратом.

Самое трудное, но, пожалуй, и самое важное при снаряжении санной экспедиции – это подобрать наиболее питательный и во всех отношениях целесообразный провиант. Во введении к этой книге я уже

упоминал, что для предохранения себя от цинги и других заболеваний необходимо было гарантировать продукты от порчи тщательным приготовлением и стерилизацией. При снаряжении санной экспедиции приходится обращать особое внимание еще и на вес клади. Здесь может идти речь только о таких продуктах, вес которых доведен до минимума тщательным высушиванием. Мясо и рыба при высушивании становятся неудобоваримыми, и их приходится перемалывать в муку, которая легче усваивается организмом. Поэтому мы взяли с собой рыбу и мясо в сушеном и молотом виде. Свежая говяжья мякоть была подвергнута быстрой огневой сушке, перемолота и смешана с равным количеством говяжьего жира по способу обычного приготовления пеммикана [\[227\]](#). Этот продукт уже давно и по справедливости приобрел известность как провиант для санных экспедиций. Хорошо приготовленный – а наш был отличный, – он представляет питательную и здоровую пищу [\[228\]](#).

Нельзя, однако, полагаться на его полную безвредность; если пеммикан приготовлен не вполне тщательно, например если сушка происходила чересчур медленно или недостаточно полно, пища может оказаться вредной.

Не менее высоко ценили мы другой питательный продукт – муку из высушенной и перемолотой рыбы (вааге). Она легко готовится и необычайно хорошо сохраняется. Сваренная в воде с маслом и пшеничной мукой или сушеным картофелем, она представляла очень вкусное блюдо.

Немаловажно также, чтобы часть взятых продуктов могла употребляться в пищу без варки. Правда, топлива у нас с собой было достаточно, но могло ведь случиться любое несчастье, какая-нибудь авария, тогда нам пришлось бы плохо без пищи, которую нельзя сразу употреблять в том виде, в каком она есть. Для экономии горючего важно также иметь продовольствие, которое требует не кипячения, а лишь разогревания. Поэтому мука, которую мы взяли с собой, была обработана паром и, в случае нужды, могла употребляться в пищу даже без дальнейших приготовлений. При подогреве ее до точки кипения получалось превосходное горячее блюдо. Взяты были также сушеный и

вареный картофель, концентрат горохового супа, шоколад, сладкая «детская» мука (vril-food) и пр. Наш хлеб состоял частью из тщательно высушенных пшеничных сухарей, частью из галет, выпеченных по моему заказу из пшеничной муки с примесью 30 % алейрона (растительного белка). Не забыли мы и добрый кусок сливочного масла (39 кг). Оно было на судне тщательно отжато, чтобы освободиться от лишней воды. Этим мы достигли некоторой экономии в весе, и, кроме того, оно не так затвердевало на морозе. В общем запас провианта позволял нам разнообразить пищу, что редкость в таких экспедициях. Мы ни разу не жаловались на однообразие еды, от которого так страдали наши предшественники. Аппетит у нас всегда был волчий, и пища казалась такой вкусной, что лучшего и желать нельзя.

Вся наша аптечка умещалась в небольшом мешочке, содержащем, разумеется, лишь самое необходимое: несколько скатанных лубков с бинтами и гипсовыми повязками – на случай перелома руки или ноги; опий в каплях; слабительные пилюли – на случай желудочных заболеваний (которых мы так ни разу и не испытали); хлороформ – на случай ампутации, например при отмораживании; два пузырька с раствором кокаина – на случай снежной слепоты (тоже ни разу не понадобился); зубные капли; карболовую кислоту; пропитанную йодоформом марлю; кроме того – две хирургические иглы и моточек шелку для зашивания ран; скальпель и два пинцета (для зажима артерий при ампутации) и еще кое-какую мелочь. К счастью, аптечкой мы почти не пользовались, за исключением бинтов и повязок, которые следующей зимой оченьгодились как фитили для ламп с тюленьим жиром. Еще лучше для этой цели подошел «пластырь Николайсона», которым мы запаслись на случай перелома ключицы; предварительно мы соскоблили с него слой воска и таким путем получили превосходную замазку для наших каяков, давших течь.

Список снаряжения, взятого в поход

Нарты № 1 (с каяком Нансена)

Каяк 18,7 кг

Насос для выкачивания воды из каяка в случае течи 0,5»

Парус для нарт 0,7»
1 топор и 1 геологический молоток 0,6 кг
Ружье с ящиком для патронов 3,3»
2 маленьких шеста для кухонного аппарата 0,4»
Теодолит с футляром 2,2»
3 запасные перекладины для нарт 0,9»
Несколько кусков дерева 0,3»
Веревка для гарпуна 0,24»
Меховые гамашы 0,55»
5 клубков веревок 1,17»
Кухонный аппарат с 2 алюминиевыми котелками, 4,0»
2 кружками и черпаком
Керосиновая горелка «примус» 0,8»
Эбонитовая карманная фляжка 0,17»
Мешок с различными принадлежностями одежды 4,0»
Шерстяное одеяло 2,0»
Шерстяная куртка 1,15»
1 пара лапландских каньг, набитых травой 1,4»
Крышка для отверстия в каяке 0,2»
1 пара комаг 0,95»
2 пары рукавиц для гребли в каяках и 1 гарпун с веревкой 0,6»
1 непромокаемая покрывка из тюленьей кожи для каяка 1,4»
Мешок с рабочими инструментами 1,2»
Мешок со швейными принадлежностями, перчатками, иглами для зашивания парусов и разной другой мелочью 1,2»
3 норвежских флага 0,1»
Аптечка с лекарствами 2,25»
Фотографический аппарат 2,1»
1 кассета к нему и 1 жестяной ящик со светочувствительными пленками 1,75»
1 деревянная чашка 0,08»
Канат для привязывания каяка к нартам 0,9»

Постель из оленьих шкур для предохранения каяка 1,8» от протирания

Деревянная лопата для снега 1,0»

Палка для лыж с кругом на конце 0,7 кг

1 бамбуковая палка 0,45»

3 ясеневые палки 1,2»

7 запасных собачьих упряжей и 2 запасные веревки для тяги саней 1,2»

1 круг веревки 0,18»

4 бамбуковые жерди для мачты и для управления нартами 4,0»

1 мешок с хлебом 2,7»

1 мешок с порошком из высушенной сыворотки 1,5»

1 мешок с сахаром 1,0»

1 мешок с мукой из белковины 0,8»

1 мешок с пластинками лимонного сока 0,73»

1 мешок с сушеными овощами 1,1»

Пластинка frame-food-stamina 1,1»

В качестве подкладки под каяк было положено:

2 мешка с пеммиканом 108,2»

1 мешок с ливерным паштетом 42,7»

Нарты с креплениями, запасными лыжами около и палками весили 35,0»

Итого... около 260,0»

Нарты № 2

На них в нескольких прочных мешках из парусины были сложены:

Мука из белковины 6,8 кг

Пшеничная мука 7,0»

Порошок сыворотки 7,7»

Кукурузная мука 4,0»

Сахар 3,2»

Сладкая «детская» мука (vril-food) 14,2»

Австралийский пеммикан 5,9»

Шоколад 5,8»

Овсяная мука 5,0»
Сушеная брусника 0,4»
2 мешка с пшеничными сухарями 31,5»
1 мешок алейронатового хлеба 21,2 кг
Специальная пища (смесь гороховой муки, мясного порошка, жира и т. п.) 29,0»
Масло 39,0»
Рыбная мука Вааге (Waage) 15,5»
Сушеный картофель 6,9»
1 спальный мешок из оленьего меха 9,0»
2 стальных каната со смычками для 28 собак 5,0»
1 пара ореховых лыж 5,0» Вес нарт 19,7» Итого... 241,8»

Нарты № 3 (с каяком Йохансена)

Каяк 18,8 кг
2 куска оленьей шкуры под каяк 0,8»
Одна смена чулок для собак 0,55»
Эскимосские охотничьи нарты с парусом на случай охоты за тюленем на льду 0,73»
2 паруса для нарт 1,2»
Насос 0,4»
Весла, сделанные из камышовых колец, с натянутой на них парусиной, и предназначенные для укрепления на палках от лыж 0,5»
Ружье 3,26»
Эбонитовая карманная фляжка 0,17»
Сеть для ловли морских ракообразных 0,15»
1 пара комаг 0,9»
Непромокаемая крышка для каяка из тюленьей шкуры 1,0»
Меховые штиблеты (гамаши) 0,21»
Мешок с различными принадлежностями одежды 4,0»
Шерстяное одеяло 2,0»
Шерстяная куртка около 1,0»
Две запасных доски 0,28»
2 жестянки с керосином (около 20 л) 18,2»

Несколько запасных привязок для лыж 0,43»

Фотографический фонарь 0,49 кг

Искусственный стеклянный горизонт 0,29»

Мешок с веревками и морским журналом 0,13»

Карманный секстант 0,39»

Два пакета серных спичек 0,39»

1 запасная пластина нейзильбера (для исправления 0,21» оковки на полозьях)

Смола 0,1»

2 минимальных термометра в футляре 0,21»

3 ртутных термометра в футляре 0,14»

1 компас 0,25»

1 алюминиевый компас 0,24»

1 алюминиевая подзорная труба 0,7»

Трава «sennegrees» 0,2»

Мешок с патронами 11,85»

Кожаная сумка с запасными принадлежностями для стрельбы, частями ружейных замков, запасными курками, пулями, порохом и т. д. 1,4»

Кожаная сумка со стеклянной фляжкой, 1 ложкой и 5 карандашами 0,30»

Мешок с мореходными таблицами, морским календарем, картами и т. д. 1,1»

Жестяной ящик с дневниками, письмами, телеграммами, фотографиями, журналами наблюдений и другими материалами с «Фрама» 1,65»

1 крышка для отверстия в палубе каяка 0,23»

Пшеничные сухари 13,5»

1 мешок с «мясным» шоколадом 8,0»

1 мешок с сушеным бульоном 3,0»

1 мешок с какао 3,35»

1 мешок с рыбной мукой 1,7»

1 мешок с пшеничной мукой 0,9»

1 мешок с шоколадом 2,9»

1 мешок с овсяной мукой 2,0»

1 мешок со сладкой мукой (vril-food) 2,0»

Под каяком были сложены:

Мешок с овсяной мукой 13,2 кг

Мешок пеммикана 52,3»

Мешок ливерного паштета 50,8»

Вес нарты с креплениями и 2 лыжами около 35,0»

Колесо для измерения пройденного расстояния 1,07»

Итого... около 262»

К этому можно прибавить перечень наших собак:

Квик 35,7

Фрейя 22,7

Барбара (Варвара) 22,5

Сугген (Великан) 28,0

Флинт (Кремень) 27,0

Баррабас 28,0

Гулен (Желтыш) 27,5

Харен (Заяц) 27,9

Барнет (Детеныш) 17,7

Султан 31,0

Клапперсланген (Гремучая Змея) 27,0

Блок 26,0

Бьелки 17,3

Шёлигет 18,0

Катта (Кот) 20,7

Наррифас 21,0

Ливьегерен (Страстный Охотник) 17,5

Потифар 26,0

Стурревен (Лисица) 31,8

Исбьёрн (Белый Медведь) 28,0

Лиллеревен (Лисичка) 26,7

Квинфолькет 26,0

Перпетуум 28,6

Баро 27,5

Руссен 26,5

Кайфас 31,5

Уленька 26,0

Пан 29,5

Глава вторая На Север!

В полдень 14 марта 1895 г. мы наконец покинули «Фрам». Нас проводили громовым салютом. В третий раз обменялись мы прощальными приветствиями и взаимными пожеланиями успеха и счастья. Несколько товарищей опять пошли нас провожать. Но Свердруп скоро повернул назад, чтобы поспеть на судно к обеду. Мы простились с ним на верхушке ледяного тороса, с которого виден был оставшийся позади «Фрам». Живо помню, как я стоял и смотрел вслед Свердрупу, а он быстро и легко скользил на лыжах обратно к судну. Мне почти хотелось догнать его и снова очутиться в нашей уютной кают-компании. Слишком хорошо знал я, что впереди нас ждет жизнь, полная тяжелого труда и лишений, и что много времени пройдет прежде, чем нам снова доведется поесть и отдохнуть под гостеприимным кровом. И все же тогда никто из нас не подозревал, как долог будет в действительности этот срок. Мы думали, что либо наше путешествие удастся и мы вернемся домой в тот же год, либо оно вообще не состоится...

Вскоре после того как нас покинул Свердруп, вынужден был повернуть назад и Мугста. Он собирался пробыть с нами до следующего дня, но его тяжелые штаны из волчьего меха, по его словам, «насквозь промокли от пота», и ему пришлось поторопиться назад на корабль, чтобы просушить их перед теплой печкой. Итак, остались с нами только Скотт-Хансен, Хенриксен и Петтерсен. Они шли с грузом за плечами, обливаясь потом и едва поспевая за нами по ровному льду; собаки бежали резво. Но как только на пути встречались бугры или торосы, приходилось останавливаться и сообща выручать сани. В одном месте мы попали на такой тяжелый лед, что довольно долго пришлось волочить сани вместе с собаками. Когда, наконец, после многих усилий,

миновали это место, Педер покачал задумчиво головой и сказал Йохансену, что, видимо, еще не раз придется нам встретить такие препятствия и немало придется потрудиться, пока мы съедим столько провизии, чтобы облегчить нарты и без затруднения перетаскивать их через торосы.

Нансен и Йохансен отправляются к Северному полюсу

Скоро мы опять попали в полосу труднопроходимого льда, и Педер все сильнее и сильнее стал беспокоиться за наше будущее. К вечеру, однако, путь стал более ровным и мы пошли вперед быстрее.

В 6 ч остановились на ночевку. Наш одометр показал, что мы прошли добрых 1,5 мили ^[229]. Для первого дня неплохо.

В палатке, которая прекрасно вместила всех пятерых, мы приятно провели вечер. Петтерсен, порядочно уставший в пути и отлично согревшийся на ходу, за время пока привязывали и кормили собак и разбивали палатку, продрог и промерз; но он нашел свою участь более сносной, когда забрался внутрь палатки в теплой одежде из волчьего меха и уселся перед дымящейся чашкой шоколада, с большим куском масла в одной руке и сухарем в другой. «Теперь я чувствую себя настоящим принцем!» – воскликнул он, начиная свой долго не смолкавший разговор и восторгаясь тем, что он сидит на самом деле в палатке среди Полярного моря. Бедняга очень упрашивал нас взять его с собой в это путешествие, уверяя, что будет отлично стряпать и нести какие угодно обязанности, что пригодится нам для разных дел и как

кузнец и как жестянщик и что вообще будет приятнее жить втроем. Но я вынужден был отказать. Я сказал, что не могу взять с собой больше одного товарища, и это на несколько дней повергло его в глубокое горе. Потом он утешился тем, что прошел вместе с нами некоторую часть пути. А не остался он в этом большом пустынном море, потому что, как он выразился, «с немногими ведь это случалось раньше».

У товарищей не было с собой спальных мешков, поэтому они сложили для себя низенькую и уютную снеговую хижинку и в волчьих костюмах не так уж плохо провели там ночь. На следующее утро я проснулся рано, но, выбравшись из палатки, увидел, что нашлась еще более ранняя птичка – Петтерсен. Он прогуливался взад и вперед, видимо, для того, чтобы согреться. Ну, теперь и у него есть опыт, заявил он. Раньше он никогда не поверил бы, что можно хорошо спать на снегу; теперь видит, что, действительно, это не так уж плохо. Ему не хотелось сознаться, что он просто замерз и потому -то и вскочил так рано.

Мы весело позавтракали на прощание всей компании, приготовили нарты, запрягли собак, пожали руки товарищам и без лишних слов двинулись в одинокое свое странствие. Когда мы тронулись, Педер печально покачал головой.

Отъехав довольно далеко, я обернулся и различил его фигуру на вершине ледяного холма: он стоял еще и смотрел нам вслед. Печальные мысли роились в его голове; он думал, что, быть может, разговаривал с нами в последний раз.

Мы попали на ровные ледяные поля и быстро неслись вперед, все дальше и дальше от товарищей, все глубже в неведомую пустыню, по которой нам вдвоем предстояло долгие месяцы странствовать. Мачты «Фрама» давно скрылись за торосами. Чаше стали попадаться торосистые и бугристые места, где нарты приходилось подталкивать, а иногда и тащить волоком. Не раз они опрокидывались, и тогда немалых трудов стоило снова поставить их на полозья. Порядком измученные всей этой работой, мы сделали наконец в 6 ч вечера привал, пройдя за этот день всего 1¹/₂ мили. Не на такие дневные переходы я рассчитывал. Но сани с каждым днем должны были становиться легче, и, кроме того,

мы надеялись, что лед по мере движения к северу будет постепенно улучшаться.

Одно время, действительно, казалось, что путь становится лучше. Так, в воскресенье, 17 марта, я записал в своем дневнике: «Лед, по мере того как мы подвигаемся к северу, становится как будто все ровнее и лучше; однако вчера в полдень мы встретили полынью, которая вынудила нас сделать длинный обход [\[230\]](#). Тем не менее к половине шестого мы все же прошли чуть побольше $1\frac{1}{2}$ мили, и это хорошо. Так как собаки устали, а место казалось весьма подходящим для того, чтобы раскинуть палатку, то мы остановились на ночлег. Ночью температура упала до $-42,8\text{ }^{\circ}\text{C}$ ».

В последующие дни мы передвигались все время по ровному льду, и часто дневные переходы равнялись 2 милям, а то и больше. Дело не обходилось без приключений и аварий, вызывавших задержки. Так, однажды острый ледяной отрог пропорол мешок с рыбной мукой и весь этот драгоценный груз высыпался на лед. Потребовалось больше часа, чтобы подобрать муку и зашить дыру. Потом сломался одометр, зацепившийся за ледяную глыбу, и у нас ушло несколько часов на то, чтобы соединить воедино его поломанные куски. Но мы неустанно двигались на север; часто по таким обширным ледяным полям, что, казалось, им конца не будет до самого полюса. Иногда мы попадали и на «необычайно тяжелый лед, усеянный высокими буграми, отчего он напоминал занесенную снегом холмистую страну [\[231\]](#)». Это был, несомненно, очень старый лед, который давно уже несет по Полярному морю от Сибирского моря к восточному берегу Гренландии. Год за годом этот лед подвергался сильным сжатиям; высокие торосы и ледяные гряды, образовавшиеся в результате таких сжатий, обтаивали каждое лето под лучами солнца, чтобы зимой снова покрыться глубокими снежными сугробами, отчего формой своей они напоминали скорее айсберги, чем нагромождения морского льда.

В среду 20 марта в моем дневнике значится следующее: «Чудесная погода для езды на санях; великолепный закат, но холодно, особенно по ночам в спальном мешке (температура держалась от -41 до

-42 °C). Лед, чем дальше вперед мы идем, становится как будто все ровнее; местами кажется даже, что едешь по материковому льду Гренландии. Если так и дальше пойдет, это будет не экспедиция, а увеселительная прогулка».

В этот день мы потеряли наш одометр. Заметили это не сразу, и так как я не знал, как далеко придется за ним идти, то решил, что не стоит тратить времени на возвращение, и мы продолжали путь вперед. Отныне мы могли только приблизительно определять пройденное за день расстояние. В тот же день случилась и другая неприятность: одна из собак, Ливьегерен, вдруг так ослабела, что не могла больше тащить нарты. Пришлось ее выпрячь и пустить бежать на свободе. Лишь к концу дня мы спохватились, что ее нет с нами. Оказывается, она осталась лежать на месте стоянки, где ее отвязали утром, и, чтобы притащить ее, мне пришлось прогуляться на лыжах.

«Четверг, 21 марта. В 9 ч утра было -42 °C (минимальная температура ночью -44 °C). Ясно, как и все эти дни. Солнечная, прекрасная погода, превосходная для путешествия. Но по ночам холодно – ртуть постоянно замерзает. Чинить при такой температуре лапландские каньги, сидя в палатке и чувствуя, что коченеет кончик носа, – занятие не из приятных. Но «все на свете преходяще», как сказала лисица, когда с нее содрали шкуру. Нам предстоит и день, и свет, и тепло; мы идем навстречу победе».

«Пятница, 22 марта. Превосходно шагать по такому льду; дела наши идут все лучше и лучше. Широкие поля и лишь кое-где хребты и торосы, повсюду проходимые. Мы шли вчера с половины одиннадцатого утра до 9 ч вечера и прошли, по моим расчетам, не меньше 3 миль. Мы должны находиться теперь под 85°. Единственная неприятная вещь – это холод. Одежда наша к концу дневного перехода все больше походит на ледяной панцирь, а ночью на компресс. Шерстяные одеяла тоже. А спальные мешки постоянно увеличиваются в весе от замерзающей в шерсти влаги. День за днем неизменно ясная погода. Мы оба жаждем теперь перемены, хотим, чтобы набежали облака и погода стала помягче. Температура ночью -42,7°».

Согласно наблюдению, произведенному мной после полудня, мы достигли в этот день 85°9 северной широты.

«Суббота, 23 марта. Из-за наблюдений, приведения в порядок саней, починки мешков и прочих занятий, что не так гладко идет при такой низкой температуре, вчера мы тронулись в путь только в 3 ч пополудни. Шли мы до 9 ч вечера и остановились на ночлег среди самого скверного льда, какой только встречали за последнее время. В течение дня мы шли, однако, по нескольким большим ровным полям, и, я думаю, все-таки подвинулись мили на две. Все та же яркая солнечная погода, но вчера после обеда усилился северо-восточный ветер, дувший все последние дни и ставший довольно резким.

Вечером нам пришлось переправляться через большую, лишь недавно замерзшую полынью, напоминавшую большое озеро». Лед на этой полынье был, видимо, молодой и совсем еще тонкий. Странно, как могут образоваться здесь такие полыньи в это время года [\[232\]](#).

С этих пор кончился гладкий лед, по которому идти было одно удовольствие, и дальше нам часто приходилось преодолевать большие трудности. В воскресенье, 24 марта, я записал в дневнике: «Лед становится хуже. Вчера был трудный день. Все же мы немного продвинулись вперед, но, боюсь, не больше чем мили на полторы. Право, этими бесконечными подниманиями тяжело нагруженных нарт можно вывести из терпения бедную спину. Но вернутся, надеюсь, лучшие времена. Холод тоже дает себя чувствовать, постоянно оставаясь все тем же; вчера он даже усилился от северо-восточного ветра. Мы сделали остановку примерно в 8 ч 30 мин вечера. День заметно прибывает, солнце садится все позже. Еще несколько дней, и мы увидим полуночное солнце. Вчера вечером мы убили Ливьегерена. Содрать с него шкуру оказалось делом нелегким». Это была первая собака, убитая нами. Потом той же участи подверглись по очереди и другие. И это было самое неприятное дело из всех выпадавших нам на долю во время всего пути. Особенно вначале, когда было еще очень холодно. Когда мы разрубили эту первую собаку на части и бросили ее остальным на съедение, многие из них предпочли остаться голодными всю ночь, чем

дотронуться до такой пищи. Но время шло, и, отощав через несколько дней, они научились ценить и собачье мясо. Впоследствии мы не всегда были столь заботливы и не обдирали шкуру с убитого животного – попросту разрубали его на части вместе с кожей и шерстью.

В течение последующих дней лед временами несколько улучшался, но чаще оставался тяжелым, и мы все больше изнемогали, то помогая собакам тащить, то поднимая нарты каждый раз, когда они опрокидывались, то перетаскивая их через торосы и бугры. Иногда под вечер нам так хотелось спать, что глаза закрывались сами собой и мы засыпали на ходу. Случалось, даже просыпались, падая вперед на лыжи. Тогда мы поневоле останавливались, отыскивали подходящее для привала место, защищенное от ветра торосом или ледяною грядой. Йохансен распрягал собак, задавал им корм и пр.; на мою долю выпадало установить палатку, наполнить котел льдом, разжечь примус и как можно скорей приготовить ужин. Один день он состоял из лабскоуса, т. е. густой похлебки, сваренной из пеммикана и сушеного картофеля, на другой день – из фiskeгрatina, т. е. запеканки из рыбной муки, пшеничной муки и масла, на третий – из жидкой гороховой, бобовой или чечевичной похлебки с пеммиканом и сухарями. Как вкусны были эти кушанья! Но все-таки у каждого из нас было свое любимое блюдо: Йохансен больше ценил лабскоус, мне же, пожалуй, вкуснее казался фiskeгратин. Постепенно, с течением времени и Йохансен присоединился к моему мнению и рыбное блюдо заняло почетное место в нашем меню.

Как только Йохансен справлялся с кормежкой собак, мы немедленно вносили в палатку мешки с провизией для ужина и завтрака и свои личные вещевые мешки ^[233], тотчас расстилали спальный мешок и, тщательно пристегнув откидную полу палатки, заползали в мешок, чтобы начать оттаивать свое платье. Занятие это было не из приятных: в течение дня все испарения тела пропитывали мало-помалу нашу верхнюю одежду и, замерзая, превращали ее в настоящий ледяной панцирь. Она становилась настолько жесткой, что, если каким-нибудь образом можно было бы сбросить ее с себя, она стояла бы сама собой;

при каждом движении одежда громко хрустела. Насколько твердой и жесткой она была, можно судить хотя бы по одному тому, что обшлага моей куртки за время пути натерли мне у запястий глубокие раны до мяса. На правой руке рана, по-видимому, пострадала еще от мороза, и с каждым днем она становилась глубже. Я пробовал защитить ее повязкой, но она несколько зажила лишь к концу лета, а шрам от нее, очевидно, останется на всю жизнь. Когда мы в такой промерзшей насквозь одежде забирались вечером в спальный мешок, лед начинал медленно оттаивать, и на это затрачивалось немало теплоты нашего тела. Тесно прижавшись друг к другу, мы лежали, дрожа и стуча зубами от озноба; проходил, наверно, час, а иной раз и полтора, прежде чем по телу разливалось немного теплоты, в которой мы так болезненно нуждались. Наконец, одежда наша становилась мокрой и гибкой, но, увы, ненадолго: стоило нам выползти утром из мешка, – не проходило и нескольких минут, как одежда снова затвердевала. Нечего было и думать просушить ее в пути, пока стояли холода, а между тем она все больше и больше пропитывалась нашими испарениями. Не увеличивало удовольствия и то обстоятельство, что каждую ночь во время сна приходилось сушить у себя за пазухой или за поясом мокрые рукавицы, носки, подвертки, стельки из осоки. Мы и без того лежали всегда, словно обложенные мокрыми компрессами. А тут еще приходилось класть мокрые холодные вещи прямо на бедное голое тело! Но чего не сделаешь, если это необходимо. В награду утром мы могли надеть более или менее сухие вещи, что значительно улучшало самочувствие.

Но до чего нас клонило ко сну, пока мы, дрожа от холода, лежали в спальном мешке, ожидая, когда, наконец, поспеет ужин! Так как я исполнял обязанности повара, то волей-неволей должен был бодрствовать. Бывало, что это мне удавалось, но чаще, проснувшись, я убеждался, что все давным-давно переварилось. Когда кушанье было готово, мы с наслаждением уничтожали свои порции, лежа в мешке! Эти минуты были самыми светлыми в нашем тогдашнем существовании; мы целый день мечтали о них. Но часто так уставали, что глаза смыкались

сами собой и мы засыпали, не донеся ложки до рта: рука бессильно падала вниз и пища проливалась.

После ужина мы позволяли себе некоторую роскошь, приготавливая изысканный напиток: воду такую горячую, какую только могли вынести, в которой растворяли творожный порошок сушеной сыворотки. Вкусом это питье – такой температуры, что только-только не обжигало рта, – напоминало кисловатое кипяченое молоко. Мы находили его чудодейственным и чрезвычайно укрепляющим; оно согревало нас с головы до пяток... Затем мы зарывались поглубже в спальный мешок, возможно плотнее стягивали его и, тесно прижавшись друг к другу, быстро засыпали сном праведных. Но и во сне мы продолжали тащить нарты и погонять собак – «на север!», «на север!». Меня не раз будили возгласы Йохансена, кричавшего во сне: «Пан! Баррабас!», «Гремучая Змея! Ну же, вперед, дьяволы!», «У-у-у, чертово отродье!», «Сасс, сасс!..»^[234], «Ну, теперь все полетит к черту!..» – и я опять засыпал.

Когда мы согревались, нам обоим казалось, что в мешке довольно уютно; но насколько было тепло на самом деле, можно видеть из того, что, проснувшись однажды ночью, я почувствовал, что отморозил себе концы пальцев на руках.

А собаки спали прямо на снегу перед палаткой!

Утром мне, как повару, приходилось вставать пораньше, чтобы приготовить завтрак. На это уходило около часа. Один день мы завтракали шоколадом, бутербродами и пеммиканом; другой – кашей из пшеничной муки с маслом, овсянкой или чем-нибудь в этом роде. Запивали кипятком с творожным порошком. Когда завтрак был готов, я будил Йохансена; мы садились, не вылезая из спального мешка, и, разостлав у себя на коленях вместо скатерти одно из шерстяных одеял, – это называлось «накрывать на стол», – на нем сервировали завтрак. Приятно подкрепившись, делали записи в дневниках, и... наступало время трогаться в путь. Но какими усталыми мы себя чувствовали! Как часто готов я был отдать все на свете, только бы снова заползти на дно мешка и проспять там еще целые сутки. Это представлялось величайшим счастьем. Но нужно было спешить на север,

все дальше на север! Мы одевались и выходили на мороз, чтобы приготовить сани, распутать постромки ^[235], запрячь собак и пуститься как можно скорее в путь. О, как жалели мы в эти тяжелые дни о теплых волчьих шубах, оставленных на «Фраме»!

Затем снимались с места. Я шел впереди, отыскивая среди громоздившихся льдов дорогу; за мной двигались нарты с моим каяком. Собаки скоро выучились следовать за мной. Но у каждой неровности они останавливались, и, если не удавалось криком заставить рвануть всем сразу и перетащить нарты через препятствия, приходилось возвращаться и, смотря по обстоятельствам, бить их или помогать им тащить. Позади следовал Йохансен с двумя другими нартами. Он то ободрял собак криком, то погонял их палкой, то помогал им перетаскивать нарты через труднопроходимые ледяные хребты. Нельзя отрицать, что мы обращались с бедными животными довольно жестоко, и сейчас жутко даже подумать об этом. Я весь содрогаюсь, вспоминая, как беспощадно колотили мы их железными палками, побуждая идти вперед, когда они останавливались в изнеможении, не в силах волочить дальше ноги. Поглядеть на них – сердце обливалось кровью, но я отводил глаза в сторону, намеренно ожесточая себя. Ведь это было необходимо. Мы должны были идти вперед во что бы то ни стало; все остальные соображения отступали на задний план. Грустно, что в таких путешествиях умерщвляешь в себе все лучшие человеческие чувства, черствеешь в своем эгоизме. Когда подумаешь об этих великолепных животных, которые верно и безропотно служили нам, пока хватало сил, не получая за это ни награды или ласки, редко даже доброе слово, одни удары день за днем, до последнего издыхания, пока смерть не освобождала их наконец от всех мучений; когда вспомнишь их расставание с жизнью там, на севере, в ледяной пустыне, бывшей свидетельницей их верной службы и преданности, – невольно казнишься горькими угрызениями совести.

Со всеми делами приходилось управляться вдвоем. У нас столько времени уходило на то, чтобы разбить вечером палатку, накормить собак, убить какую-нибудь из них, приготовить ужин себе и привести

все в порядок на ночь, а поутру встать, убрать все и приготовиться снова в путь, что суток едва хватало на то, чтобы сделать приличный дневной переход и достаточно выспаться ночью. С наступлением светлых ночей отпала необходимость укладываться непременно в сутки, – мы выходили, когда было удобно, будь то день или ночь, останавливались тоже по мере надобности и ложились спать, когда это было необходимо для нас и для собак. Но я поставил себе за правило, чтобы дневные переходы продолжались не менее 9—10 ч подряд. В середине дня обычно делали обеденный привал, чтобы слегка закусить, чаще всего хлебом с маслом, пеммиканом или паштетом из печенки. Прохладны были эти обеды; мы старались остановиться в защищенном от ветра месте, завертывались с головой в шерстяные одеяла, но все равно ветер насквозь пронизывал нас, пока мы сидели на нартах и закусывали. Иной раз расстилали на льду спальный мешок и заползали в него, захватив с собой еду, но ни мешок, ни наша одежда не успевали оттаять. Тогда, потеряв терпение, мы, чтобы согреться, принимались шагать взад и вперед, закусывая на ходу. Затем нас обычно ожидало не менее неприятное занятие – распутывание постромок, и мы бывали очень довольны, когда наконец снова трогались в путь. До ужина обыкновенно закусывали еще раз кусочком мясного шоколада.

Большинство путешествовавших на санях в полярных странах жаловалось на «арктическую жажду», которая считается почти неизбежным злом при длительных переездах по снежным пустыням. Она усиливается, если попробовать есть снег. Я сам сильно страдал от жажды во время Гренландской экспедиции и, готовясь испытать ее и на этот раз, взял с собой две герметичные эбонитовые фляжки. Каждое утро мы наполняли их водой из кипяtilьника и весь день носили у себя на груди, оберегая от холода. К великому удовольствию, я вскоре заметил, что можно пройти целый день, не прикоснувшись к фляжке. Чем дальше, тем меньше я чувствовал потребность пить в течение дня и в конце концов совсем перестал брать с собой воду. Если появлялось мимолетное чувство жажды, то для утоления ее достаточно был кусочек пресного льда, который всегда можно было найти [\[236\]](#). То, что мы ничуть

не страдали от жажды, бывшей одним из величайших мучений во многих санных путешествиях, надо в значительной степени приписать нашей замечательной походной кухне. Расходуя минимальное количество горючего, мы могли растопить льда и вскипятить себе столько воды, что по утрам пили ее вволю. Обычно оставался еще небольшой избыток, который приходилось выливать. То же самое случалось обыкновенно и вечером.

«Пятница, 29 марта. Ползем вперед, но до чего медленно! Лед только-только сносный, не такой, какого я ожидал, а какой он был вначале. Часто встают на пути угрожающие ледяные барьеры; они очень мешают, приходится останавливать нарты и сначала идти вперед и разыскивать путь, а затем делать или большие или меньшие объезды для перехода через них в менее трудных местах. К тому же и собаки стали довольно вялыми. Они устали, и их почти невозможно сдвинуть с места. Вдобавок это бесконечное распутывание одеревеневших от холода постромок!.. Возня с ними доставляет нам много неприятностей: они скручиваются чем дальше, тем больше, и на них появляется несметное число узлов и другой чертовщины. Собаки беспрестанно перепрыгивают друг через друга, и едва удастся распутать постромки, как они уже опять скручены и перепутаны в клубок. А то они из нарт остановятся, наскочив на ледяной торчок; собаки нетерпеливо визжат, стремясь поспеть за ушедшими вперед товарищами; какая-нибудь из них перекусывает постромку и пускается вдогонку, за ней иной раз и вторая, и третья. Приходится их ловить, связывать постромки – сплести как следует и нет времени, да и не так-то сладко на таком морозе. Вот мы и движемся по этому неровному льду, останавливаясь чуть не ежечасно, чтобы привести постромки в порядок.

Вчера мы вышли часов в 8 утра и сделали остановку около 5 ч пополудни. После обеда северо-восточный ветер, который дул все последнее время, внезапно усилился, и небо заволокло облаками. Приветствовали это с радостью, как признак перемены погоды, а следовательно, и конца этих вечных морозов – неизменного спутника ясной погоды. Видимо, мы не ошиблись; вчера вечером температура

поднялась до -34°C , и мы провели такую приятную ночь в спальном мешке, какой давно у нас не было. Теперь же, занимаясь приготовлением завтрака, я вижу, что снова ясно, – лучи солнца пробиваются сквозь стенки палатки. Лед, по которому мы теперь идем, по-видимому, большей частью старый; но по временам встречаются пространства – часто довольно обширные – с неровным, но более молодым льдом, давно изломанным.

Мне трудно объяснить его происхождение иначе, как предположив, что он намерз на больших полыньях, когда-то здесь существовавших. Через такие полыньи с ровным льдом мы уже переходили несколько раз».

В этот день я сделал меридиональное наблюдение, которое показало, что мы находимся никак не севернее $85^{\circ}30'$. Я не мог понять этого: по расчетам, мы должны были находиться примерно под 86° . Я решил, что в наблюдение вкралась ошибка.

«Суббота, 30 марта. Вчера у нас был несчастный день. Мы попали на очень неровный лед, пришлось сильно кружить, из-за чего за весь день, хотя шли очень долго, продвинулись сравнительно мало. Все же к концу дня после тяжких трудов выбрались на прекрасные ровные поля мощного старого льда; такого ровного, гладкого пути мы давно уж не видали. Затем, однако, путь преградили самые невероятные нагромождения наторошенного льда. Последний ледяной барьер был самым ужасным, а перед ним зияла широкая трещина. При переправе первых же нарт собаки провалились, и их пришлось вытаскивать. Глубина трещины превышала, пожалуй, два человеческих роста. Одна из собак, Гремучая Змея, вывернулась из упряжи и убежала. При переправе следующих нарт провалились уж и сами нарты, и мы рады были, что они хоть не разлетелись в щепы, как это легко могло случиться. Чтобы их вытащить, пришлось снять весь груз, а потом снова все укладывать и увязывать, что отняло немало времени. Собак по одной сбрасывали в трещину и, перебравшись на ту сторону, вытаскивали одну за другой. Третьи нарты, к счастью, переправили более или менее благополучно. Когда двинулись дальше, вскоре к нам присоединилась и

убежавшая собака. Наконец нашли подходящее для стоянки место и разбили палатку. Взглянув на термометр, я увидел, что мороз достиг - 43 °С. Нельзя сказать, чтобы температура эта подходила для распутывания собачьих постромок голыми, израненными и отмороженными руками, на которых не останется скоро ни кусочка целой кожи. В конце концов мы забрались в свой милый спальный мешок, а в палатке весело зашумел примус. Но вдруг, к довершению всех бед, горелка погасла. Я осмотрел ее со всех сторон и не нашел никакого повреждения. Йохансен принужден был вылезть из палатки, чтобы достать из каяка запасную горелку и инструменты, я в это время старался отыскать причины порчи. Наконец обнаружилось, что под крышку попал кусок льда, образовалась течь ^[237]. Дырку мы вскоре заделали, и вот снова запылал огонь. Когда, наконец, к 5 ч утра был сварен гороховый суп, он, нельзя отрицать, показался удивительно вкусным. Сейчас 3 ч пополудни, и я снова выполз из мешка, чтобы приняться застряпню. Слава богу, что нам хоть в спальном мешке тепло и уютно, иначе такая жизнь была бы прямо невыносима».

«Воскресенье, 31 марта. Вчера, наконец, настала долгожданная перемена погоды: подул южный ветер, и температура поднялась. Сегодня рано утром было -30 °С, что мы приветствуем как наступление лета.

Двинулись вчера в путь в превосходном настроении, окрыленные радужными надеждами, да еще по хорошему льду и с попутным ветром. Продвигались довольно быстро, и все шло как нельзя лучше, пока не преградила нам путь полынья, вскрывшаяся как раз в тот момент, когда мы переправляли первые нарты. Все же нарты удалось перетащить на другую сторону благополучно. Но, когда мы возвращались обратно за вторыми нартами, под Йохансеном вдруг обломился большой кусок льда и он провалился обеими ногами в воду. Приятная история! Полынья все расширялась; я бегал взад и вперед вдоль нее, тщетно пытаясь найти переход. Так и остались мы – один с нартами по одну сторону полыньи, другой с двумя нартами – вдобавок весь мокрый – по другую сторону, а между нами полынья, которая раздавалась с каждой минутой все шире.

Каяки спустить на воду было нельзя: нарты опрокидывались в пути несметное количество раз при встречах с торосами и всякими другими препятствиями, и острые осколки льда понаделали дыр в обшивке каяков. Веселенькая перспектива на ночь: я с палаткой по одну сторону полыньи, Йохансен, уже, пожалуй, замерзающий, по другую. Долго ли, коротко ли, совершив длинный обход, я нашел все же место для перехода, и вот все нарты собрались вместе. Идти дальше нечего было и думать. Надо было разбивать палатку. Нижняя часть тела Йохансена совсем обледенела, «ветряные» брюки его расползлись по всем швам и требовали починки».

«Вторник, 2 апреля. Много трудностей приходится преодолевать в пути, но больше всего досаждают ежедневные сборы в путь, связанные с массой всяких мелочей. В воскресенье вечером я вылез из спального мешка, чтобы приняться за стряпню, когда еще не было 7 ч вечера, и тем не менее мы смогли сняться с места лишь в 2 ч утра! Пришлось заново перегрузить нарты Йохансена, так как содержимое одного из мешков, служивших подстилкой его каяку, было съедено, и вместо него надо было положить мешок с сухарями. Другой мешок, лежавший под каяком, пришлось чинить, так как из него сыпался пеммикан. Затем перегрузили те нарты, с которых был снят мешок с сухарями, а заодно, раз уж мы развязали мешок, взяли оттуда некоторый запас картофеля^[238]. Перегружая нарты, обнаружили вдруг, что порвался мешок с рыбной мукой. Только заштопали одну дыру, как увидели другую, побольше, ее пришлось латать как следует. Укладывая затем мешок с картофелем, мы и в нем нашли большую дыру, которую нельзя было так оставить. Потом нужно было распутать собачьи постромки, скатавшиеся в один сплошной клубок, а возиться с узлами и петлями на мерзлых, обледеневших веревках становится все труднее и труднее. Перед завтраком Йохансен занялся починкой своих «ветряных» штанов. Южный ветер превратился, как мы сказали бы на борту, в «мельничный бриз» (6–7 м/с). Под утро в метель, при ветре, дующем в спину, выступили в путь. Сначала дело пошло отлично, но затем начались

торосы один другого хуже. Часов в 8–9 утра остановились на длительный дневной привал.

За одним торосом мы укрылись от ветра и, разостлав спальный мешок, забрались в него. Я настолько устал, что заснул с куском в руке. И вот мне приснилось, что я в Норвегии и в гостях, почему-то близ Фредриксхалла, у людей, которых я и видел-то всего один раз в жизни, много лет тому назад в Венеции. Они встретили меня чрезвычайно радушно. Был первый день Рождества, мы вошли в большой пустой зал, где должен был состояться обед. В зале было холодно, и меня пробирала дрожь. Но на столе уже дымилось горячее жаркое – превосходный жирный гусь!.. До чего я обрадовался, увидав это блюдо! Стали собираться гости; я видел в окно, как они шли по занесенному снегом двору, и только собрался пойти им навстречу, как провалился в глубокий сугроб. Как же так – посреди зала снег?! Хозяин добродушно расхохотался... и я проснулся, дрожа от холода в спальном мешке на далеком Севере среди плавучих льдов. Каким несчастным почувствовал я себя в эту минуту! Мы поднялись, молча снарядили нарты и тронулись. Двигались вперед непрерывно часов до четырех пополудни. Все вокруг казалось бесконечно мрачным и неприветливым. Нескоро отделался я от неприятного чувства разочарования, что мне так и не пришлось отведать обед. Чего бы я ни дал, чтобы хоть часок провести в том зале, как холоден он ни был! Все равно здесь ветер пронизывает тебя насквозь, до костей.

Между тем становилось все труднее преодолевать гряды торосов и замерзшие полыньи со взломанным по обеим их сторонам льдом. Трудно, черт побери, пробираться по этим нагромождениям и находить проход между ними. Лыжами пользоваться нельзя: слишком мало снега между льдинами, надвинутыми друг на друга. В воздухе висит туман, и ничего разобрать невозможно – все вокруг одинаково бело. Неровности, впадины и промежутки между отдельными глыбами льда – все сливается под предательски тонким слоем снега; на каждом шагу проваливаешься в трещины и ямы и радуешься тому, что не переломал себе ноги. В поисках пути надо уходить далеко вперед то в одном, то в другом

направлении, а когда, наконец, проход найден, возвращаться назад, чтобы тащить нарты. Таким образом, мы вынуждены проходить по многу раз один и тот же путь. Вчера, когда остановились, я уже совсем выбился из сил. Хуже всего то, что, быстро передвигаясь, мы забыли завести часы Йохансена; заметили это, только раскинув лагерь. Мои часы, когда я достал их, чтобы завести, к счастью, еще тикали: надеюсь, что они не отстают. В полдень температура -31,5 °С. Погода ясная, юго-восточный ветер скоростью 4 м/с. Лед становится хуже и хуже, и я начинаю раздумывать: стоит ли идти дальше на север?»

«Среда, 3 апреля. Вчера снялись с ночлега около 3 ч дня. Поверхность льда была превосходной, походу благоприятствовал юго-восточный ветер, который держался до конца дня. Лед довольно легко проходим. Мы хорошо подвигались вперед. Но после нескольких хороших полей старого бугристого льда опять начались неровные пространства, а потом пошли полыньи и ледяные хребты, как обыкновенно.

В полночь путь преградили торосы и недавно замерзшая полынья, на которой лед был так тонок, что по нему нельзя было идти. Чтобы пробраться вперед, предстояло сделать большой обход, и потому решили остановиться. Убили Руссена (вторую собаку) и разделили на двадцать шесть порций; однако восемь собак не стали его есть, и им пришлось дать пеммикана. Лед впереди, по-видимому, не сулит ничего утешительного. Эти торосы способны привести в отчаяние, и нет никакой надежды, что лед когда-нибудь станет лучше. В полдень я вышел сделать меридиональное наблюдение; оно показало, что мы находимся под 85°59 северной широты. Поразительно! Неужели не дальше? Мы напрягаем, кажется, все силы, а расстояние до полюса не уменьшается. Я всерьез начинаю сомневаться, что нам удастся сколько-нибудь значительно продвинуться на север. Расстояние до Земли Франца-Иосифа втрое больше того, которое осталось позади. А какой лед в том направлении? Едва ли мы можем рассчитывать, что он лучше и что, следовательно, наше продвижение туда окажется более успешным. К тому же надо принять во внимание, что очертания и протяжение этой

земли нам неизвестны и возможны всякие задержки, не говоря уже о том, что мы можем не так уж скоро встретить дичь. Я давно уже понял, что по такому льду с нашими собаками самого полюса не достигнуть и даже не приблизиться к нему.

Если бы у нас их было побольше! Чего бы я сейчас не дал за собак, которые ждали нас в Оленеке. Придется повернуть назад – днем раньше или днем позже. Но не с большей ли пользой мы употребим время на Земле Франца-Иосифа, чем блуждая по этому плавучему льду? Мы имели полную возможность его хорошо изучить, и у самого полюса он вряд ли иной, чем здесь. Мы не можем надеяться пройти сколько-нибудь значительное расстояние прежде, чем время заставит нас повернуть назад. Нет, несомненно, нам нечего ждать дольше.

В 12 ч дня: – 29,4 °С; ясная погода, восточный ветер, скорость 1 м/с; в полночь -34,4 °С, тихо и ясно».

Меня все больше и больше занимала загадка: почему мы недвигаемся к северу? На ходу я не переставал высчитывать и прикидывать в уме пройденное за прошедшие дни расстояние, но, сколько ни старался, приходил к одному и тому же выводу: если предположить, что лед неподвижен, мы должны были бы находиться дальше 86° северной широты. Вскоре для меня стало ясно, что лед движется к югу и что этот капризный, прихотливый дрейф, зависящий от ветров и течений, и есть самый злейший наш враг [\[239\]](#).

«Пятница, 5 апреля. Вчера наш поход начался в 3 ч утра. Лед по-прежнему скверный, с тяжелыми барьерами и полыньями. Полыньи с неровным льдом, запорошенные снегом, представляют наихудшее препятствие. Идешь словно по бесконечным моренам. Каждая такая полынья отнимает невероятно много времени: сначала, чтобы найти какой-нибудь переход, потом, чтобы перебраться через торосы со всеми пожитками. А в довершение всего провалишься еще в воду, как, например, я вчера два раза. Но если мне трудно пролагать дорогу и перетаскивать одну нарту, то Йохансену труднее: на его попечении двое нарт. Нарты тяжело поднимать даже на небольшие неровности и бугры, не говоря уже о торосах. Но в этом парне добрая закваска, он не

сдается. Третьего дня он опять обеими ногами ушел по колено в полынью. Я бежал впереди на лыжах и не заметил, что лед ненадежен. Йохансен следовал за мной без лыж, рядом с санями, и вдруг лед подался под ним, и он провалился. К счастью, он ухватился за нарты, и собаки, продолжавшие бежать вперед, вытащили его. Такое купание теперь тем менее приятно, что нет никакой возможности ни высушить, ни переменить одежду, надеть на себя что-нибудь сухое, и приходится шагать в ледяном панцире, пока он не высохнет на теле, а этого ждать при таком морозе приходится довольно долго.

Вчера утром произвел наблюдение долготы и магнитного склонения, и сегодня утро провел в спальном мешке за вычислениями, чтобы с полной точностью установить, на какой широте мы находимся. Оказалось, что вчера наша широта была $86^{\circ}2,8$. Слишком малый результат для таких невероятных трудов. Но что делать, если лед движется в другую сторону? Да и от собак нельзя требовать большего; несчастные животные и так делают все, что могут. Не перестаю вздыхать о собаках с Оленека. Долгота вчера была $98^{\circ}47' 5''$, склонение $44,4^{\circ}$.

Все больше и больше прихожу к убеждению, что мы должны повернуть раньше намеченного срока^[240]. До Земли Петермана^[241] отсюда, по всей вероятности, 70 миль или около того (520 км)^[242], но одолеть эти мили нелегко, они могут растянуться бесконечно. Вопрос сводится, следовательно, к тому, не должны ли мы все-таки попытаться достигнуть 87° северной широты. Но я сомневаюсь, что бы мы осилили это расстояние, если лед не станет лучше».

«Суббота, 6 апреля. В 2 ч утра $-24,2^{\circ}\text{C}$. Лед чем дальше, тем хуже. Вчера он привел меня в отчаяние, и, когда мы остановились сегодня утром, я совсем было решил повернуть назад. Хочу все-таки попробовать еще в течение одного дня продвигаться вперед, чтобы убедиться, что лед к северу таков, каким кажется с тороса, высотой примерно метров девять, возле которого мы расположились лагерем. Вчера нам с трудом удалось пройти около 2 миль. Полыньи, торосы, образовавшиеся во время сжатий, бесконечные бугры. Поверхность льда подобна полю, сплошь усеянному громадными глыбами. И потом это

беспрерывное поднимание саней у каждого бугра, которое может доконать и богатырей, мы совершенно измучились.

Наша самая северная стоянка 86°13 36» 8 апреля

Рисунок

Оригинальны здесь нагромождения льда. По большей части он не очень толст и, по-видимому, всторошен не так давно, потому что лишь отдельными местами прикрыт рыхлым снегом, сквозь который проваливаешься в трещины по пояс. Миля за милей тянется такой лед на север. Иногда под ним попадаются толстые глыбы с буграми, округленными под влиянием летнего таяния от лучей солнца, – настоящий старый лед.

Мне становится все яснее и яснее, что ничего полезного мы тут не сделаем. Очевидно, нам не удастся значительно продвинуться на север, а ведь еще и до Земли Франца-Иосифа путь предстоит немалый. Да и там можно с гораздо большей пользой провести время, есл и только оно у нас останется. В 8 ч 30 мин пополудни – 34 °С».

«Понедельник, 8 апреля. Нет, лед не улучшается, а делается все хуже, и мы не находим пути. Торос громоздится за торосом, бугор за бугром, идти приходится по голым ледяным глыбам. Вчера снялись с места в 2 ч утра и двигались, пока не выбились из сил, поминутно переволакивая нарты через препятствия. Под конец дело пошло совсем плохо.

Я прошел на лыжах порядочное расстояние к северу, но никакой возможности продвинуться хоть сколько-нибудь вперед не обнаружил. С

самого высокого тороса я видел, насколько хватал глаз, все те же ледяные нагромождения. До самого горизонта тянулся бесконечный, покрытый снегом каменный хаос. Мало смысла продолжать идти дальше, результаты слишком малы, а жертвуем мы для них драгоценным временем. Если и по направлению к Земле Франца -Иосифа такой же лед, у нас хватит времени с ним ближе познакомиться. Я решил остановиться и повернуть отсюда к мысу Флигели.

На этой самой северной нашей лагерной стоянке мы устроили торжественный обед из лабскоуса, хлеба с маслом, сухого шоколада, брусничного варенья и горячего питья из творожного порошка. Наевшись досыта, заползли в свой любимый спальный мешок, ставший нашим верным другом и убежищем.

Вчера я сделал меридиональное наблюдение, которое показало, что мы должны находиться примерно под $86^{\circ}10'$ северной широты [\[243\]](#). Сегодня утром я определил долготу. Температура в 8 ч 30 мин утра - 36°C ».

Глава третья В обратный путь

«*Вторник, 9 апреля.* Итак, вчера мы совершали первый переход, направляясь в обратный путь. Мы ожидали, что и тут встретим такой же непроходимый лед, но, к своему изумлению, пройдя немного, попали на довольно сносную дорогу, которая чем дальше, тем становилась лучше. С небольшими остановками мы продвигались без всяких помех. Торосы, конечно, попадались, но их сравнительно легко было обойти, и мы спокойно шли вперед. Тронулись в путь вчера около 2 ч пополудни и остановились на ночевку в 1 ч ночи».

«*Четверг, 11 апреля.* Чем дальше, тем лучше. Вчера попадались сплошь ровные прекрасные ледяные поля с небольшим количеством торосов и немногочисленными полыньями, затянутыми тонким льдом. Торосы обходить было нетрудно, полыньи причиняли больше затруднений. Впрочем, они тянулись приблизительно в направлении нашего курса (наш курс сейчас по компасу Ю $22^{\circ} 3'$, или – утя склонение – примерно ЗЮЗ), так что можно было идти вдоль них. Под конец, однако, пришлось пересекать их; переправа прошла у дачно, хотя

лед был слаб и прогибался под санями больше, чем мы того желали. К самому концу вчерашнего дня мы встретили еще одну довольно значительную полыню, через которую тоже решили перебраться обычным способом. Первые нарты мы переправили довольно благополучно, но с остальными дело пошло хуже. Едва головные собаки упряжки дошли до опасного места, где лед был всего тоньше и где поверх него проступала вода, как они остановились и осторожно погрузили лапы в воду. Потом одна все-таки пошла, поднимая брызги, но сразу же забарахталась в воде и, стремясь выбраться, проломила лед, который стал прогибаться под тяжестью остальных собак и нарт. Вода хлынула на поверхность. Не медля ни минуты, я круто повернул нарты и собак, чтобы направить их на более крепкий лед. Решено было попытаться переправиться в другом месте; я побежал вперед на лыжах, маня к себе собак, а Йохансен подталкивал нарты сзади. Но дело пошло не лучше: Великан провалился, и нам пришлось повернуть назад. Только после длинного обхода и невероятных трудов нам удалось переправить остальные двое нарт и найти хорошее место для лагеря. Ночь была очень теплая. Утром занялись всякими починками, это было наиболее приятное и спокойное утро за все время нашего путешествия. В путь выступили вчера в 5 ч утра и остановились на ночлег в 6 ч вечера. Я думаю, что мы сделали вчера самый длинный переход за все эти дни – прошли добрые три мили. Температура в 2 ч пополудни -27,6 °С».

«Суббота, 13 апреля. Вот уже три дня мы идем только по хорошему льду. Если так и дальше пойдет, обратный путь окажется короче, нежели я предполагал. Непонятна эта внезапная перемена характера льда [\[244\]](#). Можно, конечно, объяснить ее тем, что теперь мы идем вдоль неровностей и ледяных барьеров, и нам не приходится, следовательно, преодолевать их, тогда как раньше наш путь все время пересекал гряды торосов и приходилось постоянно переходить через них. Это подтверждают как будто и встреченные полыни; их направление также почти совпадает с нашим курсом.

Вчера случилось прискорбное событие: остановились часы. Чересчур много времени прошло с момента, когда мы заползли

позавчера в спальный мешок, и до вчерашней остановки на ночлег. Понятно, мы тотчас же их завели. Но, чтобы найти гринвичское время, у меня есть лишь одно средство: произвести наблюдения времени и широты и затем наудачу оценить расстояние, пройденное нами от места, где мы 8 апреля повернули назад и где я последний раз определял долготу. Ошибка при этом не может быть слишком велика [\[245\]](#).

Я считаю, что за последние трое суток мы делали в среднем никак не меньше 3 миль в день и, следовательно, прошли 9 миль в направлении Ю 22° 3 (по компасу).

Остановившись вчера на ночлег, мы закололи Барбару. Эти убийства занимают много времени и доставляют мало удовольствия. Погода ясная. В 6 ч 30 мин утра -30 °С. Ветер южный (от 2 до 3 м/с)».

«Воскресенье, 14 апреля. Пасха. Нам не повезло вчера с полыньями: они заставили нас несколько отклониться от курса. Под конец преградила путь одна, оказавшаяся особенно скверной; пройдя вдоль нее безрезультатно порядочное расстояние в поисках переправы, я решил, что при таких обстоятельствах лучше раскинуть палатку и провести поприятнее пасхальный вечер. Кроме того, нужно было вычислить долготу и широту, определить время и магнитное склонение. Необходимо было как можно скорее проверить часы, после того как они позавчера остановились. Поставили палатку. Йохансен занялся собаками, а я забрался в спальный мешок. Но, лежа в промерзшем мешке, отогревать теплом собственного тела обледеневшую одежду и обувь и одновременно производить вычисления, перелистывая одеревеневшими от холода пальцами таблицы логарифмов, пусть даже мороз был не выше -30 °С, – занятие не особенно приятное. Дело подвигалось туго, и, чтобы довести вычисления до конца, пришлось посвятить этой работе весь пасхальный день; тронулись мы в путь только вечером. Тем не менее пасхальный ужин вышел у нас на славу. Угостились горячим напитком из творожного порошка, рыбной запеканкой, брусничным вареньем и пуншем из лимонного сока (иначе говоря, растворили лимонные таблетки в подслащенном кипятке). Чем не пир! Сытые и довольные, заползли мы, наконец, в 2 ч в наш футляр.

Я еще раз проверил вычисления прежних определений широты и долготы, чтобы убедиться, не вкрались ли в них ошибки. И нашел, что мы вчера продвинулись к югу всего лишь до $85^{\circ}53$. Это непонятно: если считать, что за три дневных перехода мы прошли 10 миль, то мы должны были бы, согласно счислению, быть под $85^{\circ}50$ с небольшим. Объяснить это, по-моему, можно лишь тем, что в последние дни южный ветер сильно отнес нас к северу, что очень хорошо для «Фрама», но мало устраивает нас теперь. Я все же вычислил время и поставил часы, исходя из того, что мы находимся на 86° восточной долготы [\[246\]](#).

Я нашел, что склонение магнитной стрелки равно здесь $42,5^{\circ}$. Вчера мы держались курса Ю $10^{\circ} 3$ (по компасу), сегодня я пойду на Ю $5^{\circ} 3$, а завтра прямо на юг [\[247\]](#).

Сегодня как бы для разнообразия небо оказалось облачным: однако вечером, когда мы сидели за вторым завтраком, оно прояснилось и сквозь стенки палатки снова дружески просвечивало солнце. Йохансен чинил одежду, пока я занимался вычислениями и наносил на карту наш путь. Такой мягкой погоды и приятного отдыха у нас еще не бывало: в 10 ч вечера температура равнялась $-25,6^{\circ}\text{C}$.

«Вторник, 16 апреля. Вчера перед нашим отправлением в 1 ч ночи улизнул, прежде чем его успели запрячь, Баро. Увидав, что запрягают других собак, он сообразил, чем дело пахнет. Мне не хотелось терять лучшую собаку из всей упряжки, и побег Баро нас сильно задержал. Сначала я на все лады звал его. Потом забрался на торос, но увидел оттуда лишь ряды ледяных хребтов, уходящих к горизонту, и далеко на севере сияние полуночного солнца. Ледяной мир еще грезил в лучах ясного холодного утра. Пришлось уходить без собаки. К моей большой радости, Баро, однако, вынырнул вдруг далеко позади нас и пустился вдогонку по нашему следу. А я, было, уже думал, что никогда больше не увижу его славной морды. Теперь ему, по-видимому, стало стыдно; он подбежал, остановился и, глядя на меня умоляющими глазами, дал себя спокойно запрячь. Я собирался побить его, но эти глаза меня обезоружили.

Мы попали на хороший, вполне проходимый, хотя и не всегда ровный лед и подвигались быстро. Несколько торосистых гряд заставило нас, однако, немного отклониться от нашего курса к западу. Позже утром я вдруг обнаружил, что забыл компас там, где пеленговал наш курс. Без компаса мы обойтись не могли, и пришлось вернуться поискать его. В конце концов я компас нашел, но это стоило изрядной дополнительной прогулки, и в первый раз за все это время мне стало жарко; солнце палило почти совсем нестерпимо. Вернувшись, наконец, назад к нартам, я почти раскис. Йохансен, сидя на каяке и греясь на солнце, уснул: сказала прелесть тепла. Мы тронулись да льше. Яркое солнце и жара нас совсем разморили, и мы едва тащились. В 10 ч утра, не вытерпев, поставили палатку. Я был немало удивлен, когда, сделав метеорологические наблюдения, увидел, что термометр показывает - 26,2 °С. Палатку мы, само собой разумеется, раскинули на самом солнцепеке, в ней скоро стало тепло и приятно, и мы с аппетитом съели пасхальный обед – ведь это был обед сразу и за первый и за второй день Пасхи.

Я определяю расстояние, пройденное нами накануне Пасхи и вчера, в 3 мили; значит, мы прошли обратного пути всего-навсего 13 миль».

«Среда, 17 апреля. – 28 °С. Вчера совершили, без сомнения, самый длинный дневной переход. Вышли в 7 ч 30 мин утра и остановились около 9 ч вечера, позволив себе за целый день лишь двухчасовой обеденный отдых в спальном мешке. Лед, по которому мы шли, раньше я уж никак не признал бы даже сносным. Это чрезвычайно неровный лед – торосистый, молодой, перемежавшийся с округленными буграми старого; попадались и хребты из выжатых на поверхность ледяных глыб. Все же мы находили проходы между ними, и полыней, к счастью, не было. Снег в неровных местах был, пожалуй, рыхловат, но собаки все же справлялись со своим делом, и мы на них пожаловаться не могли. Вокруг нашей стоянки льды напоминают ледовую обстановку около «Фрама». По всей вероятности, мы спустились до тех широт, где дрейфует теперь

наш корабль. Я вполне уверен, что вчера мы прошли 4 мили. Значит, в общей сложности отмерили по крайней мере миль 17 обратного пути.

Погода стоит великолепная, холод почти не чувствуется. Состояние атмосферы здесь удивительно устойчиво и спокойно ^[248]. Мы находимся на льду больше месяца, и ни разу еще у нас не было дня непогоды. Все время яркое солнце, за исключением, быть может, двух-трех дней, да и тогда солнце все-таки проглядывало. Жизнь с каждым днем кажется все чудеснее; тяжелый период холодов остался позади. Теперь мы движемся к твердой земле и к лету. Восхитительно вылезть утром из палатки и в предчувствии хорошего дневного перехода готовить завтрак или же, нежась в тепле и уюте спального мешка, предаваться светлым грезам о том счастливом времени, когда мы будем дома. Дома!.. Сегодня я занялся капитальным ремонтом штанов; они расползлись по всем швам. Положительно приятно сидеть и шить при температуре -28°C , по сравнению с прошлым разом, когда температура была -40°C . Тогда держать иголку в руках удовольствия не доставляло».

«Пятница, 19 апреля. Корма для собак осталось не больше чем на три-четыре дня. Я все же думаю приберечь его до поры до времени, а сейчас скормить сначала самых плохих собак. Вчера мы закололи Перпетуума. Неприятная это вообще операция, но что же делать?.. Особенно жутко наносить последний удар. До сих пор мы их закалывали ножом, но это выходило не особенно удачно; вчера решили испробовать удавку. Оказалось еще хуже. Мы увели животное, по обыкновению подальше за торос, чтобы скрыть от остальных собак происходящее; захлестнули петлю у пса на шее и стали тянуть концы каждый к себе. Однако это ни к чему не привело. Под конец мы совсем обессилели, руки онемели от холода; делать нечего, пришлось заколоть. Уф, как это было отвратительно! Разумеется, проще всего было бы пристрелить собаку, но я боюсь тратить на это наши драгоценные патроны: может быть, потом придется о них горько пожалеть.

Вчерашние наблюдения показывают, что мы спустились до $85^{\circ}37,8$ северной широты, а наша долгота должна быть $79^{\circ}26$ восточной ^[249]. Это

хорошо согласуется с моими расчетами, если считать, что мы прошли 10 или 11 миль со времени предыдущего наблюдения (13 апреля).

Солнце по-прежнему ярко светит круглые сутки. Вчера ветер с севера засвежел и сегодня не уменьшается; но он не особенно тяготит, так как дует прямо в спину. Температура теперь почти все время держится между -20 и -30 °С, и ее можно считать почти приятной. Это, безусловно, самая подходящая температура; теплее было бы хуже, так как полыньи долгое время оставались бы открытыми. Надо успеть добраться до земли, пока полыньи не стали слишком большим препятствием. А что предпринять дальше, покажет время».

«Воскресенье, 21 апреля. Позавчера мы вышли в 4 ч дня и к ночи остановились поесть. Теперь, после обеда, забравшись в спальный мешок, чувствуешь, что тебе тепло и уютно, этот послеобеденный отдых доставляет настоящее удовольствие. Поспав немного, мы продолжали путь, как вдруг перед нами выросла громадная полынья, самая большая из тех, какие только встречались до сих пор. Я отправился вдоль нее поискать переправу, но, сколько ни ходил, ничего не нашел. Полынья везде оказывалась одинаково широкой, одинаково непроходимой и одинаково забитой ледяным крошевом, яснее ясного говорившим о том, что здесь в течение долгого времени происходили подвижки и сжатия льда. Это подтверждали многочисленные, по-видимому недавние, гряды выжатых наверх глыб и многочисленные трещины, продольные и поперечные.

В конце концов я все-таки нашел переправу, но, когда после большого обхода подвел к этому месту караван, характер льда успел измениться. Я не рискнул начать переправу и снова пустился на поиски более удобного места. Я шел долго, дольше, чем долго, буквально без конца; эта несносная полынья с битым льдом широкою водною улицей издевательски тянулась между высокими стенами из ледяных глыб. Во многих местах в эти глыбы вмерзли комочки ила. В одном месте большая льдина, стоямя вывернутая сжатием, была темно-коричневого цвета, но, находясь недостаточно близко, я не мог установить, следует ли приписать эту окраску наносному илу или микроскопической морской

фауне. Торосы с обеих сторон были довольно высоки, не меньше, пожалуй, 25 футов (7,6 м). Здесь представился хороший случай понаблюдать, как мощные торосистые нагромождения раскалываются в нескольких направлениях и плавучие морские льды принимают форму айсбергов с крутыми, обрывистыми краями. Мне не раз приходилось во время этой экспедиции видеть высокие ледяные поля с подобными отвесными боками, похожие на покрытые снегом острова, – самые прекрасные образцы палеокристического льда^[250], какие только можно пожелать^[251].

В конце концов пришлось повернуть ни с чем. Досаднее всего было то, что к югу по ту сторону полыньи виднелся прекрасный гладкий лед, а ты вот стой тут и жди! Я уже готов был с этим примириться, как вдруг, возвращаясь обратно, обнаружил неподалеку от места стоянки сравнительно хороший переход. Стали перебираться; под ногами происходило сжатие, лед коробило и выжимало кверху. Было уже 6 ч утра, но мы еще немного прошли по великолепным гладким ледяным полям. Собаки, которых не кормили почти двое суток, сильно устали. Во время этого перехода мы, к немалому нашему изумлению, наткнулись на громадный ствол дерева, торчавший наклонно изо льда. Это, насколько я мог рассмотреть, сибирская лиственница, по-видимому выдвинутая на поверхность льда сжатием много лет тому назад. Сколько дров, и чудесных дров! Их хватило бы нам надолго для приготовления обедов, если можно было бы взять дерево с собой, но оно слишком тяжело. И мы удовольствовались тем, что вырезали на нем наши инициалы F. N. и H. I. и градусы широты: 85°30 n. br.

Перед нами снова простор чудесных ледяных полей, по которым так хорошо продвигаться. Сейчас трогаемся в путь. Настоящий праздник – скользить на лыжах, зная, что с каждым шагом приближаешься к земле и дому. К дому!.. Да, это праздник! Мысли, обгоняя тебя, неудержимо несутся к югу, туда, где все так прекрасно.

Время: 6 ч утра; температура -30 °C».

«Понедельник, 22 апреля. Если в предыдущие дни мы двигались неплохо, то вчера превзошли самих себя. Я думаю, мы сделали не

меньше 5 миль, но для большей верности положу за последние два дня вместе 8 миль. Собаки начинают теперь выдыхаться и, когда время клонится к остановке на ночлег, еле плетутся. Они с нетерпением ждут кормежки и с жадностью хватают сырое собачье мясо. Стоит кинуть им теплый, еще дымящийся кусок собачины с кожей и шерстью, как они накидываются на него, словно волки. Только Квик и Детеныш не дотрагиваются до парного мяса, но мерзлое и они глотают с жадностью. В 12 ч ночи: – 33,3 °С».

«Пятница, 26 апреля. – 31,5 °С (минимальная температура – 35,7 °С). Вчера я был немало удивлен, увидав внезапно на снегу звериные следы. Это песец, и шел он приблизительно с ЗЮЗ на СВ. Следы совсем свежие. Какой черт, однако, занес песца сюда в ледяную пустыню? Зачем? Пищу себе он все-таки какую-то нашел; об этом говорят оставленные им, хотя и не особенно обильные экскременты. Нет ли поблизости земли? Невольно я огляделся вокруг. Видимость вчера целый день была плохая, и мы вполне могли, находясь близко от земли, ее не видеть. Впрочем, столь же вероятно предположение, что песец пробирался по следам медведя. Как бы то ни было, одно очевидно: теплокровное млекопитающее под 85° северной широты. Не успели мы пройти чуть дальше, как встретили еще песцовый след. Он шел приблизительно в том же направлении, как и первый, и следовал вдоль полыньи, которая нас задержала и у которой мы принуждены были расположиться лагерем. Непостижимо! Чем могут питаться эти животные здесь на льду?! Быть может, они ловят в открытых полыньях каких-либо ракообразных и т. п. Но что заставляет их покидать берег и забираться сюда? Вот это больше всего меня удивляет [\[252\]](#). Заблудились они, что ли? Сомнительно. Я с нетерпением ожидаю, не наткнемся ли мы сегодня и на медвежий след. Бесспорно, это было бы замечательно и свидетельствовало бы о том, что мы приближаемся к обитаемым местам.

Ничего, кроме льда!

Рисунок

Я только что отметил на карте наше местонахождение, предположив, что за четыре дневных перехода со времени последнего наблюдения мы прошли 15 миль, – кажется, я отнюдь не преувеличиваю. Согласно этому, мы находимся, наверное, не далее 30 миль (220 км) от земли, если только Земля Петермана лежит там, где ее поместил Пайер. Вчера следовало бы сделать наблюдения, но было туманно.

В торосах

К концу вчерашнего дня встретили на пути множество полыней и торосов. В одном, как видно совсем недавно образовавшемся, торосе нагромождены глыбы пресноводного льда с густо вкрапленной глиной и гравием. Глыбы эти казались темно-коричневыми, и их можно было принять издали за камни. Да я так и подумал, что это камни. Трудно представить, чтобы это был какой-нибудь иной лед, кроме речного, принесенного, скорее всего, из Сибири. Подобные громадные глыбы пресноводного льда встречались и дальше к северу, и даже под 86° я находил на льду глину».

«Воскресенье, 28 апреля. Вчера прошли немало; думаю, не меньше 4 миль. Выступили в поход еще позавчера примерно в половине пятого пополудни и шли до 9 ч вчерашнего утра. Теперь, наверное, уже недалеко до земли, близится время, когда каждую минуту можно вдруг ожидать увидеть что-либо необычное на горизонте. Ах, как я стосковался по твердой земле, как хочется почувствовать под ногою что-нибудь другое, кроме этого бесконечного льда и снега. Я уже не говорю о том, как глазам недостает чего-либо темного, на чем они могли бы отдохнуть. Вчера мы снова видели песцовый след, он шел примерно в том же направлении, что и первые два. К концу дня надорвался Желтыш. Силы его, по-видимому, окончательно истощились, он не в состоянии идти дальше, это, пожалуй, полное изнеможение. Сегодня пес не смог больше держаться на ногах, он зашатался и упал навзничь. Мы положили его поверх груза на нарты, и он так и остался лежать, не

шевелюсь. Решено его в тот же день убить. Несчастный пес! Он верой и правдой служил нам, налегая на построжки, пока хватало сил. И в благодарность за всю его службу, вымотав из него все силы, мы отдаем его на съедение. Он настоящее дитя Арктики, родился на «Фраме» 13 декабря 1893 г., и не суждено ему было увидеть ничего, кроме льда и снега. Добрый, верный пес».

«Понедельник, 29 апреля. – 20 °С. Вчера мы прошли небольшое расстояние, и нас остановила открытая вода – широкое разводье или полынья, почти поперек нашего курса. Мы продвинулись вдоль разводья довольно далеко к западу. Неожиданно в самом узком месте началось сильное сжатие льда. В какие-нибудь несколько минут лед вздыбился, и мы очутились на торосе, трещащем и грохотавшем у нас под ногами. Нужно было поторапливаться, если мы не хотели, чтобы нас защемили с громом катившиеся ледяные глыбы. Из всех сил мы стали погонять собак, спеша переправить поскорее нарт. Во время переправы последних нарт была такая минута, когда глыбы льда едва не погребли под собой лыжи, которые на мгновение снял Йохансен. Когда мы наконец очутились на другой стороне полыньи, день уже подходил к концу, и так как подобная работа, несомненно, заслуживала награды, то мы ее и получили – в виде кусочка мясного шоколада.

Как ни неприятно посреди прекрасного ровного льда, когда горишь одним желанием двигаться вперед, вдруг встретить на своем пути такую преграду, все же удивительное зрелище широкой полосы открытой воды и этой игры солнечных лучей в поднимаемой ветром легкой ряби, вызывало в сердце какое-то особое, непередаваемое чувство.

Так давно не видали мы открытой воды и серебристых волн... И мысли уносятся к лету и дому. Тщетно я всматривался, не покажется ли в воде голова тюленя или медведь на краю полыньи...

Собаки слабеют, их трудно заставить двигаться. Детеныша сегодня вечером закололи – он совсем выбился из сил. Многие другие тоже слабы. Даже Баро, моя лучшая собака, начинает сдавать, не говоря уже о Квик. Следует, пожалуй, немножко увеличить им паек.

Ветер, дувший утром почти с ЮЮВ, потом стал более западным; я ждал настоящей чертовой игры ^[253]; удивительно только, что температура все еще низкая. Давно уж я заметил плотную облачную полосу на горизонте на юге и юго-западе и думаю, не земля ли это. Вот она начала подниматься выше и стала подозрительно приближаться к нам. После обеда, выползши из мешка, обнаружили, что небо сплошь покрыто тучами, а отправившись в путь, почувствовали и «чертову игру».

Вчера я опять видел запорошенный снегом след песка. Это четвертый по счету шел он все в том же направлении. Я начинаю всерьез думать, что мы недалеко от твердой земли. Что-то уж чересчур много здесь этих следов. Каждую минуту жду, что вот-вот на горизонте покажется земля. Впрочем, быть может, придется подождать. Пройдет еще день-другой или еще несколько!» ^[254]

«Вторник, 30 апреля. – 21,4 °С. Вчера, несмотря ни на что, все-таки был скверный день. Начался он прекрасно: нежным сверкающим сиянием солнца, теплом (-20 °С). Перед нами, купаясь в солнечных лучах, искрясь и маня, расстилались великолепные ледяные поля; все, казалось, предвещало, что сегодня мы хорошо пройдем вперед. Но, увы, кто мог предугадать коварные темные трещины, прорезавшие ледяную равнину поперек нашего пути и отравившие нам существование?!

Ветер выровнял и сгладил поверхность льда, приготовил отличный санный путь, и мы бодро тронулись в 6 ч пополудни. Но недалеко уехали: путь пересекла полынья. Она легла как раз поперек нашего курса. Пройдя порядочное расстояние, мы все же переправились через нее ^[255]. Немного погодя встретили новую полынью, тянувшуюся примерно в том же направлении. После довольно продолжительного обхода удалось перебраться благополучно и через нее, только менее удачно, так как при переправе три собаки провалились в воду. Через третью полынью мы также перебрались, но четвертая нас измучила. Она была очень широка, и мы долго шли вдоль нее на запад, но так и не найдя подходящего места для переправы. Тогда я один прошел еще с

полмили в том же направлении, но тоже нигде не нашел перехода. Вернулся назад к Йохансену.

Эта долгая беготня вдоль полыней, пересекающих путь под прямым углом, – бесцельная трата сил и времени. Лучше сразу раскинуть палатку, сварить превкусный суп-жюльен с заправкой из пеммикана и соснуть, возложив надежды на будущее: либо края полыньи сдвинутся, либо она замерзнет – теперь ведь еще достаточно холодно. Погода тихая, и можно надеяться, что новые трещины не появятся [\[256\]](#). Хорошо, если бы такая погода продержалась еще несколько дней, пока мы не достигнем твердой земли. Как только мы ступим на нее, пусть себе полыньи вскрываются сколько им угодно.

Если же дело пойдет слишком плохо и полыньи будут по-прежнему донимать нас, не останется ничего другого, как взяться за наши каяки, починить их и привести в готовность. В таком виде, как сейчас, их на воду спустить невозможно. При постоянных опрокидываниях нарт лед прорезал во многих местах дыры в парусиновой обшивке, и каяки, попав в воду, сразу же наполнятся до краев [\[257\]](#).

Ночью собаки утащили один из наших драгоценных мешков с пеммиканом. Они отгрызли один угол мешка, но, к счастью, съели не очень много. До сих пор собаки не смели трогать мешки с провизией, которые спокойно оставались нами без присмотра; но теперь, вероятно, слишком изголодались, – и природа побеждает дисциплину».

Глава четвертая Упорная борьба

«Среда, 1 мая. – 24,8 °С. Сегодня подшил к своим лапландским каньгам парусиновые подметки: надеюсь, послужат еще некоторое время. Теперь я опять обут: есть две пары на смену; можно сушить их по очереди на солнце. Прежде они все время оставались мокрыми и было несносно надевать их».

Лед начал ухудшаться, и дневные переходы стали короче. В пятницу, 3 мая, в дневнике значится: «День был не так хорош, как я ожидал вчера, хотя мы и подвинулись немного вперед. Вначале мы встретили прекрасную равнину и в течение четырех часов шли ровным ходом по хорошей поверхности, но затем попали подряд на несколько

мест с полыньями и торосами, по которым, впрочем, перебрались довольно легко, хотя лед часто трещал у нас под ногами.

Мало-помалу ветер с юго-востока свежел и, пока мы обедали, перешел в более восточный и стал довольно сильным; лед, покрытый полыньями и торосами, совсем ухудшился. И когда ветер достиг скорости 9—10 м/с, задула метель. Продолжать путь было просто невозможно. После того как нас задержало несколько вновь образовавшихся торосистых гряд, я рассудил, что единственный выход – раскинуть палатку, только бы найти место, более или менее защищенное от ветра. Но при такой вьюге, когда ни зги не видно, это легче сказать, чем сделать. Все же в конце концов место нашлось, и мы, чрезвычайно довольные тем, что очутились под кровом, проглотили свои порции рыбной запеканки и заползли в спальный мешок. Ветер трепал стенки палатки и наметал вокруг сугробы снега.

Раскинуть палатку пришлось как раз около нового тороса. Место не очень удачное, так как можно было ожидать сжатия; но выбора не было, – другого защищенного от ветра места мы не нашли. И вот не успел я заснуть, как лед под нами начал потрескивать, а затем и ледяная гряда позади стала проявлять знакомые признаки беспокойства: лед нагромождался с хорошо знакомым гулом. Лежа, я прислушивался, не примет ли дело серьезный оборот и не придется ли вылезать из мешка и спасаться бегством, не дожидаясь, пока торос обрушится нам на головы. Прислушиваясь к этому так хорошо знакомому шуму, я уснул. Мне приснилось удивительное землетрясение. Когда спустя несколько часов я проснулся, все было спокойно; слышно было только, как бушует снаружи и бьется о стенки палатки ветер да хлещет по ним снежная вьюга.

Вечером закололи Потифара. У нас осталось всего шестнадцать собак. Число их быстро убывает, а до земли еще далеко. Если бы быть там!»

«Суббота, 4 мая. Вчера нам удалось все-таки пройти мили две. Но полыньи мешают все больше и больше. Когда после обеда, пере грузив предварительно мои нарты с каяком и поправив подстилку под каяком

Йохансена, мы тронулись в путь, ветра уже не было и снег падал крупными хлопьями тихо и спокойно, совсем как дома в зимний день. Правда, разглядеть что-либо в такую погоду трудно; вместо того чтобы двигаться вперед, легко пойти назад. Зато самый путь был не так уж плох. Перед нами расстилались гладкие и ровные ледяные поля, и мы подвигались довольно успешно. Чудесно идти при такой мягкой погоде (-11,3 °C); можно делать что угодно и не нужно бояться снять рукавицы, содрогаясь от мысли, что расстегнется какая-нибудь пуговица. Подумать только: можно действовать израненными, отмороженными пальцами, не испытывая невыразимых мучений при каждом прикосновении к какому-нибудь предмету! К сожалению, полыньи не замедлили вскоре отравить нашу жизнь. Теряя много лишнего труда и времени, мы, однако, эти препятствия преодолели и попали снова на ровный, далеко простиравшийся лед; проглянуло солнце, и мы радостно продолжали путь.

Через торосы

Рисунок Фритъофа Нансена

Удивительно, как много значит настроение! Совсем еще недавно, шагая вдоль безобразной полыньи, среди ледяных нагромождений и торосов, в тщетных поисках переправы, я чувствовал себя таким усталым, измученным, что чуть с ног не падал на каждом шагу. Никакое наслаждение в мире не казалось мне заманчивее возможности забраться в спальный мешок; а теперь, когда нам снова улыбнулась удача –

открылась широкая свободная дорога вперед, – всю усталость как рукой сняло. К ночи путь снова испортился. Пошли полынья за полыньей, одна труднее другой, обходы и объезды до бесконечности. Они могли хоть кого привести в отчаяние. К довершению всего и ветер посвежел, перейдя в настоящий «мельничный бриз». Нашим испытаниям, казалось, не будет конца. Чего бы я не дал сейчас за то, чтобы ощутить под ногами твердую землю, иметь перед собой надежный путь, по которому можно было бы делать приличные дневные переходы, и освободиться от этих вечных опасений и сомнений, связанных с полыньями. Никто не знает, сколько еще затруднений могут они причинить и сколько разочарований придется нам перенести, прежде чем мы доберемся до суши. А тем временем число собак все убывает. Они делают свое дело, бедняги, насколько у них хватает сил, это верно; но что толку? Я так устал, что шатаюсь, идя на лыжах; упав, так бы, кажется, и остался лежать, не пытаясь встать. Но ворон был прав: всему приходит конец. Когда-нибудь и мы дойдем!

Привал. Апрель 1895 г.

Рисунок Фритьофа Нансена

Сегодня с 5 ч утра мы встретили широкую полынья. Собаки почти не в состоянии были идти дальше по рыхлой снежной поверхности, и мы остановились. Только войдешь в палатку, залезешь в мешок и ощутишь запах дымящейся похлебки, наступает блаженство, какое ни полыньи, ничто другое не может нарушить.

Лед, по которому мы идем, в общем необыкновенно ровен, если не считать новообразовавшихся полыней и торосов. Те и другие занимают, однако, ограниченные области, между которыми лежат длинные равнины. Все полыньи тянутся преимущественно в одном и том же направлении, приблизительно поперек нашего курса с небольшим уклоном на юго-запад; они идут главным образом с ВСВ на ЗЮЗ (по компасу).

Сегодня утром температура снова упала с -11 до $-17,8$ °С; у меня появилась надежда, что полыньи скоро замерзнут хотя бы на короткое время. Нехорошо, пожалуй, с нашей стороны бранить этот ветер; ведь на «Фраме» сейчас радуются тому, что наконец ветер подул с юго-востока. Они с нетерпением его ждали, а мы вот посылаем его ко всем чертям. Да, я рад за них от души, но это не мешает мне желать, чтобы этот ветер подождал, пока мы не доберемся до суши».

«Среда, 8 мая. По-прежнему в определенных местах, большей частью там, где лед неровный, появляются полыньи, окруженные нагромождениями старого льда, перемежающимися молодым исковерканным льдом. Между ними лежат обширные ровные пространства без единой полыньи. Такие гладкие ледяные поля нередко напоминают материковый лед Гренландии. Полыньи, как и прежде, простираются чаще всего поперек нашего курса или слегка отклоняясь от него к юго-западу; попадаются и такие, которые идут почти в одном с нами направлении. Как ни удивительно, а все же по мере приближения к земле лед как будто становится ровнее, а мы-то ожидали противоположного. Пусть бы так и продолжалось! В общем лед здесь, мне кажется, значительно ровнее, чем вокруг «Фрама». Совершенно непроходимых мест нет; встречающиеся неровности относительно невелики, представляют собой лишь маленькие холмы, а огромных торосов и гряд, какие мы встречали на севере, здесь нет. Полыньи попадаются иногда совсем узкие; они недавно образовались, и вода в них покрыта снежным салом. Впрочем, сало это довольно коварно. С виду оно похоже на ровную ледяную поверхность, но стоит ткнуть в нее палкой, как та уходит насквозь, прямо в воду.

Вчера утром я вычислил долготу и широту за воскресенье (5 мая). Широта 84°31', а долгота (восточная) 66° 15' [\[258\]](#). Значит, мы вовсе не так далеко ушли к югу, как хотелось бы, но зато очутились значительно дальше к западу. Дрейф относит нас назад и на запад. Теперь я буду держаться более южного курса, чем раньше. Если нас относит все время к западу – значит, надо держать курс прямо на юг; больше всего я боюсь отклониться чересчур далеко на запад. Надо надеяться, что мы все же скоро увидим землю и тогда будем знать с точностью, в какую сторону идти. Теперь земля должна скоро появиться!

Вчера не пришлось убивать собаку, так как оставалось еще две трети от забитой третьего дня Уленьки. Этого вполне достаточно. Думаю, что теперь мы сможем убивать собак через день, а там встретим и медведя».

«Четверг, 9 мая. – 13,3 °С. Вчера выдался довольно хороший день. Правда, лед был не очень хорош, неровен, и идти по нему было нелегко; тем не менее мы равномерно продвигались вперед. По временам встречались и более ровные значительные пространства. Погода вчера утром, в момент нашего отправления, около половины третьего, была прелестная. Солнце светило сквозь легкие белые кучевые облака. Однако путь был достаточно труден для перехода, а тут еще спустился туман, сопровождаемый ветром, который держался одного и того же направления (с ССВ).

Собакам, по мере того как число их уменьшается, становится все тяжелее и тяжелее. На деревянных подпозьях нарты скользят, по-видимому, негладко. Я уж давно подумывал о том, что бы снять их, и сегодня наконец решился это сделать. Собаки, однако, продолжают идти все тем же шагом, время от времени они совсем останавливаются. Вчера в моей упряжке осталось всего четыре собаки: одна, Флинт (Кремень), выскользнула из упряжи и убежала. Поймать ее удалось только вечером, и в наказание мы ее закололи.

Ко всему прочему, над нами явно насмехалась погода

Рисунок Фритьофа Нансена

Лед продолжает оставаться очень неровным, значительно хуже, чем в последние дни. После полудня набежали облака и ветер усилился, а к 3 ч закурилась настоящая вьюга. Разглядеть дорогу невозможно, все слилось и стало белым; лишь кое-где сквозь пургу проступали голубые глыбы торосов. Спустя некоторое время лед стал еще хуже, и я, ничего не видя, то и дело натыкался на торосы и неровности. Сначала я еще надеялся, что этот снежный шквал умчится так же быстро, как он налетел. Но он продолжал бушевать. Вскоре мы поняли, что продолжать путь бесполезно. На наше счастье, как раз в этот момент мы случайно оказались в подходящем для привала, защищенном от ветра месте; если бы не эта случайность, едва ли бы нам удалось при такой погоде, когда ничего нельзя разглядеть, найти подходящую защиту от ветра. В се более и более удивительным становится то, что, подвигаясь на юг, мы никак не можем обнаружить признаков земли. По нашим расчетам, 84 -й градус северной широты уже остался позади».

«Пятница, 10 мая. – 8,8 °С. В жизни нашей приходится на каждом шагу преодолевать неожиданности и затруднения. Так, вчера казалось, что выдался хороший день, но затем туман помешал нам идти вперед. Когда мы вчера утром выползли из палатки, стояла чудесная погода; солнце сияло вовсю; путь был необычайно хорош, и лед впереди казался совершенно ровным. Накануне вечером мы просто из-за метели попали на полосу тяжелого льда.

Прежде чем пуститься в путь, мы решили снять с нарт деревянные подполозья. Однако, попробовав тащить свои нарты, я увидал, что они и так легко идут, и решил пока не трогать подполозья из опасения, что, когда они будут сняты, нарты станут менее прочными. Между тем Йохансен успел снять подполозья со средних нарт. Вскоре один березовый полоз от толчков дал поперечную трещину, и нам ничего другого не оставалось, как снова приладить снятые подполозья. А жаль, на заново просмоленных полозьях нарты пошли куда легче, чем на стертых подполозьях.

Мы довольно хорошо продвигались вперед, хотя теперь у нас осталось всего тринадцать собак: четыре в моих нартах, четыре в средних и пять у Йохансена. Но после полудня небо заволокло облаками и снег повалил такими густыми хлопьями, что снова невозможно стало различать дорогу. Лед все же оставался довольно ровным, и мы, хотя и с трудом, шли вперед. Наткнулись на полыню, но благополучно обошли ее. Немного спустя мы угодили в настоящий хаос торосов и прочей дряни и, ничего не видя из-за снегопада, стали наткаться на высокие гряды и острые ледяные скалы. Куда ни повернись – крутые обрывы и тому подобное свинство; а с виду все выглядит таким прекрасным и гладким под покровом не переставшего падать снега. Продолжать путь пользы было мало, и мы решили сделать привал, пообедать чудеснейшим горячим лабскоусом (рыбной похлебкой), вычислить долготу, если погода прояснится, а нет – так завалиться спать, отдохнуть и быть готовыми снова тронуться в путь, как только позволит погода.

Проспав часа два, – было тогда час ночи, – я выполз из палатки и увидал все тот же плотно затянутый тучами небосвод, лишь у горизонта на юго-западе виднелась светлая голубая полоска. Я не стал будить Йохансена и занялся вычислением долготы. Она оказалась равной $64^{\circ}20'$. Нас, значит, за последнее время снова сильно отнесло к западу, если, конечно, вычисления мои верны. Занимаясь ими, я вдруг услышал какой-то шум у каяков, подозрительно напоминавший чавканье. Я выглянул – так и есть! В каяк Йохансена забрались собаки! Я выскочил, схватил Харена (Зайца), который лежал усердно грыз свежее собачье мясо,

припасенное на следующее утро, и хорошенько отблагодарил его за усердие. Потом я заткнул чем попало дыру, а сверху заложил ее лыжами и палками.

Погода была прежняя: густо покрытое тучами небо и непроглядная метель, но ветер перешел в более южный и ярко-голубая полоска на юго-западе горизонта поднялась немного повыше надо льдом. Не предвещает ли она западного ветра? Его бы мы приветствовали с радостью. Все же в ожидании перемены лучше, пожалуй, пойти поспать. Тоскливо поглядел я вдаль на голубую полоску: там где-то сияет солнце, там свободно можно двигаться вперед, – быть может, полоска эта стоит над сушей!.. Я представил себе, как плывут там, в ясном небе, перистые облака. О, если бы очутиться там! Будь перед нами земля, все заботы были бы забыты! Как жадно желал я ее теперь, нельзя и передать словами.

Утром я много раз выглядывал из палатки – повсюду все то же затянутое облаками небо, куда ни глянешь кругом, везде все по-прежнему бело и тускло. Только на западе и на юго-западе продолжала голубеть яркая полоска, – теперь она спустилась немного пониже. Позже, перед полуднем, мы наконец тронулись в путь; погода была прежняя, у горизонта на юго-западе виднелась та же голубая полоска. Мне кажется, что она имеет какую-то связь с землей, и потому внушает надежду, что не так уж далеко остается идти до цели. Путь к земле оказался куда более трудным, нежели мы думали; нам приходится бороться со множеством врагов – не только с неровностями льда и плохой санной дорогой, но и с ветром, с полыньями и с туманами; все они одинаково опасные враги, и их трудно побороть, когда они соединятся вместе».

«Воскресенье, 12 мая. – 17,5 °С. Вчера выдался не такой уж скверный день, как мы ожидали. Правда, все время было пасмурно, ненастно, так что мы продвигались вперед скорее ощупью, чем с помощью зрения. И лед был не особенно хорош, но мы шли вперед и иногда попадали на большие ровные поля. Две вскрывшиеся полыньи задержали нас, но не надолго. Замечательно, что полоска ясного неба на

ЮЮЗ (по компасу) не исчезла и поднималась, по мере того как мы шли, все выше. Мы ждем, что вот-вот она разольется по всему небу и настанет ясная погода, которая так нужна нам, чтобы найти хороший путь. Но она так и не поднялась выше, хотя и продолжала оставаться такой же светлой. Потом полоска спустилась ниже и у самого горизонта остался лишь узенький краешек ее. В конце концов она совсем исчезла.

В 7 ч утра вчера мы попали в зону такого тяжелого льда, какой мне редко приходилось видеть. Я счел нецелесообразным пробираться по нему в такую непроглядную погоду и раскинул лагерь. Надеюсь, что свои 2 мили мы прошли и можем, следовательно, считать, что до суши осталось всего 13 миль – если только она лежит под 83°. Здесь лед имеет неоспоримо другой характер, чем раньше: он менее ровен, и старые и новые полыньи с хребтами торосов и всякими другого рода ледовыми нагромождениями встречаются чаще, по-видимому, и это показывает, что земля близка.

Между тем время идет, и число собак убывает. Теперь у нас осталось двенадцать, вчера убили Катту. Запасы провианта тоже с каждым днем истощаются, хотя его у нас, слава богу, пока еще не так мало. Керосин в первой жестянке (10 л) три дня тому назад кончился. Скоро будут съедены последние остатки хлеба из второго мешка. Мы постоянно жадными глазами высматриваем землю, но тщетно, хотя я и взбираюсь с подзорной трубой на самые высокие торосы».

«Понедельник, 13 мая. – 13 °С (минимальная температура – 14,2 °С)... Нельзя отрицать, что жизнь наша – это изнурительный труд. Число собак и их силы со дня на день убывают: животные устали, тяжело и утомительно погонять их вперед. Лед с приближением к земле становится труднопроходимым, и, кроме того, он занесен куда более глубоким и рыхлым снегом, чем раньше.

В особенности трудно идти по взломанным льдам, неровности которых коварно прикрыты снегом; то и дело проваливаешься по пояс между глыбами льда, стоит только сбросить лыжи, чтобы помочь собакам вытянуть нарты. Идти по такому льду без лыж несносно и утомительно, но иначе ничего не сделать, так как ежеминутно приходится бросаться

на помощь собакам и, выбиваясь из сил, выволакивать вечно застревающие нарты. Здесь, несомненно, все преимущества были бы на стороне индейских (канадских) лыж [\[259\]](#). Как жаль, что у нас их нет с собой! Все же я уверен, что и вчера нам удалось пройти несколько миль, и я считаю, что не намного ошибусь, если буду считать, что за вчерашний и позавчерашний переходы мы сделали мили четыре.

Итак, значит, до 83° северной широты, и до земли, виденной Пайером, остается всего 11 миль.

Мы придерживаемся южного направления, почти на истинный юг, так как этот непрерывный восточный ветер, несомненно, относит нас к западу, а нельзя же допустить, чтобы нас пронесло слишком далеко на запад мимо земли. Теперь по ночам в спальном мешке становится чересчур жарко; сегодня ночью я так вспотел, что почти не спал».

«Вторник, 14 мая. – 14,1 °С. Вчера мы приятно отдохнули. После завтрака, когда мы собирались тронуться в путь, небо вдруг заволокло облаками и повалил густой снег. Не стоило и пробовать пробираться по отвратительному льду, какой лежал впереди. Я решил поэтому остаться на месте и заняться всякими мелочами, главным образом перегрузкой клади с березовых нарт на двое других, чтобы развязаться, нако нец, с третьими нартами, для которых у нас теперь не хватало собак. На это пришлось затратить немалое время, но перегрузка во всяком случае была необходима, и мы, задержавшись на день, ничего, в сущности, не потеряли.

Деревянных частей этих нарт вместе со сломанными лыжами, палками и т. п. могло, по моим расчетам, надолго хватить для нашей походной кухни и сберечь таким образом керосин. Вечером разложили костер. Пустая жестянка из-под керосина была превращена в котелок и повешена над огнем. Сначала мы развели огонь у самого входа в палатку. Но вскоре вылезли наружу: во-первых, потому, что чуть было не сожгли палатку, а во-вторых, внутрь ее набралось столько дыма, что мы глаз не могли раскрыть. А было так тепло от костра и так приятно, черт побери, смотреть на него. И вот мы отнесли костер подальше на лед, где он не мог сжечь палатку и откуда дым не забирался внутрь ее.

Но, увы, и удовольствие, и тепло удалились вместе с ним. Когда мы сожгли нарты почти целиком, а вскипятили всего один котелок воды, да вдобавок растопили чуть не насквозь всю льдину, на которой расположились, и, кроме того, потратили массу времени, я отказался от намерения готовить пищу на дровах. Мы предпочли снова обратиться к нашему милому другу – примусу; он был и остался не только верным слугою, но и приятным товарищем, который всегда шумит тут же, рядышком с тобой в палатке, когда лежишь в спальном мешке. Керосина на тот путь, который нам предстоит, по-моему, хватит. К чему же затевать лишнюю возню? Когда керосин кончится, у нас, я думаю, не будет недостатка в сале – медвежьем, тюленьем или моржовом.

Любопытно, что мы выиграли от перегрузки нарт? Наши нарты с каяками стали, правда, несколько тяжелее, но зато в каждые из них впряжено по шести собак – пока. В награду за наше терпение наступила великолепнейшая солнечная погода при совершенно ясном голубом небе. В нашей палатке теперь так тепло, что я весь в испарине. Можно подумать, что лежишь дома в летний день на солнцепеке. Сегодня ночью едва удалось уснуть от жары».

Лед в течение следующих дней оставался довольно ровным, лишь полыньи усложняли нам путь. Собаки все больше обессилевали, они останавливались перед малейшей неровностью, и дело подвигалось поэтому не быстро.

В четверг, 16 мая в дневнике записано: «Многие собаки изнурены до крайности. Вожаку моей упряжки Баро пришел вчера конец. Он не мог идти дальше, и вечером пришлось его, беднягу, убить. Он честно работал до последнего дня.

Вчера был день рождения Йохансена: ему исполнилось 28 лет, и по этому случаю мы, понятно, устроили маленький пир с его любимым блюдом лабскоусом и замечательно вкусным пуншем из лимонного сока (lime-juice-toddy). Полуденное солнце нагрело палатку, и в ней тепло и уютно. В 6 ч утра температура -15,8°.

Сегодня вычислил вчерашнюю широту и долготу. Оказалось: 83°36 северной широты и 59°55 восточной долготы. Широта в точности

совпадает с нашей счислимой; но долгота – это тревожит меня – слишком западная, хотя мы старались все время держать курс прямо на юг. По-видимому, лед здесь дрейфует с большой скоростью, и придет ся, идя на юг, отклоняться к востоку, чтобы нас не пронесло мимо земли. Для верности я вычислил заново наблюдения за 7 и 8 апреля, но не нашел никакой ошибки. Значит, ничего другого нельзя предположить, как то, что нас относит вправо. Странно, что все еще нет никаких признаков земли. В 10 ч вечера -17 °С».

«Пятница, 17 мая. – 10,9 °С (минимальная температура – 19 °С). Итак, сегодня 17 мая [\[260\]](#). Я был уверен, что в этот день мы будем где-нибудь вблизи берегов. Вышло иначе. Лежа в спальном мешке, я думаю о том, какие у нас сейчас на родине торжества; воображаю себя среди детских процессий и людского потока, который течет в этот час по улицам города, – радость светится в каждом взоре. О, как все там дорого сердцу и как красиво! Посмотреть бы на развевающиеся красные полотнища флагов на фоне голубого весеннего неба! На солнечные блики, падающие сквозь светлозеленую молодую листву! А мы лежим на плаву льду не зная хорошенько, где находимся, как далеко от нас неизвестная земля, на которой мы надеемся найти пищу для поддержания своего существования и по которой хотим пробиться на родину. С нами всего две упряжки собак, число которых постоянно уменьшается, а силы с каждым днем падают. Между нами и нашей целью – ледяная пустыня, мы не знаем, какие еще приготовила она для нас препятствия, – полыньи, торосы; нарты, по крайней мере в данное время, все еще слишком тяжелы, чтобы мы могли тащить их сами. Миля за милей, все с большим и с большим трудом пробираемся мы вперед, а ледовый дрейф тем временем относит нас, быть может, в море, на запад, прочь от земли, к которой мы стремимся. Тяжело и трудно, к онечно, но ведь когда-нибудь придет конец этому странствию, когда-нибудь мы все-таки достигнем цели!.. Так пусть же взойдется наш трехцветный флаг на высоком шесте в честь 17 мая и в этом году; мы отпразднуем этот день под 83,5° северной широты. А если судьба пошлет нам сегодня первый признак земли, наша радость удвоится.

Вчера выдался тяжелый день. Погода стояла прекрасная, солнечная, путь был превосходный, лед хороший, и мы с полным правом могли ожидать успешного перехода, если бы не собаки. Они беспрестанно останавливались, и тому, кто шел впереди, приходилось трижды проделывать один и тот же путь: сначала вперед, чтобы найти дорогу и проложить след, потом второй раз – назад и, наконец, в третий раз по тому же пути вперед, погоняя собак; таким образом, дв ижемся, конечно, медленно. По совсем гладкому льду собаки еще кое-как тащатся, но на первой же неровности останавливаются. Вчера я пробовал сам впрячься в нарты вместе с ними. Дело пошло немного лучше. Но лишь только начинается более тяжелый лед, не помогает и это.

Все же мы пробираемся вперед вопреки всему и в конце концов завоюем победу. Сейчас мы сочли бы самой большой наградой, если удалось бы достигнуть земли и берегового припая без этих проклятых полыней. Вчера встретили их четыре, и все большие. Первая, перед которой пришлось остановиться еще позавчера, не причинила особых хлопот. Потом некоторое время пробирались по сносному льду – не очень хорошему, но и не слишком плохому, хотя и на нем то и дело попадались участки чистой воды и торосы. Но затем перед нами протянулась ужасная полынья, которая вынудила предпринять длинный обход. После этого шли по достаточно хорошему льду и дольше, чем в первый раз, пока не наткнулись на полынья, крупнее всех попадавшихся до сих пор; это была именно полынья (polynja) в том смысле, как понимают это слово русские ^[261]. Она была покрыта льдом, слишком тонким и слабым, чтобы выдержать нашу тяжесть.

Мы уверенно двинулись вдоль этой полыньи на юго-запад (истинный) в расчете на то, что скоро обнаружим место, благоприятное для переправы, но «скоро» так и не настало. Там, где мы рассчитывали найти переход, перед нами открылось неожиданное зрелище: полынья простиралась на юго-запад до самого горизонта и конца ей не было видно. Далеко на самом краю моря поднимались две отдельные ледяные глыбы; они, казалось, свободно плавали по открытой воде, непрерывно

изменяя форму, исчезая и снова появляясь. По-видимому, там, на западе, полынья впадала прямо в море. С самого высокого тороса, находившегося поблизости, я мог, правда, различить в трубу на другой стороне лед, приподнятый маревом. Но нельзя было быть уверенным, что он лежал действительно на западном конце полыньи; вероятнее, он лишь указывал на поворот полыньи в этом направлении.

Что тут было делать?

Переправиться через полынью не представлялось возможным: лед был слишком тонок, чтобы рискнуть идти по нему, и слишком толст, чтобы пробиваться через него в каяках, даже если бы они были у нас в исправности. Я не знал, как скоро в это время года способен смерзнуться лед, чтобы стать достаточно прочным, но думал, что едва ли это может произойти в один день. Следовательно, остановиться для выжидания было бы чересчур неосмотрительно. С другой стороны, невозможно было предугадать, как далеко тянется эта полынья и сколько времени займет обход ее; во всяком случае это сулило отнять много времени, быть может несколько дней. Идти назад, туда, откуда мы пришли, тоже нам не улыбалось. Это удаляло нас от цели, а могло статься, что пришлось бы и в этом направлении блуждать достаточно долго, пока мы нашли бы переход. Полынья простиралась прямо на Ю 50° 3 (истинное). Следуя такому направлению, мы, бесспорно, несколько отклонялись от нашего курса: ведь мы старались держать теперь на юго-восток; но все-таки это было ближе к цели. И мы двинулись.

Пройдя немного, наткнулись на новую полынью, идущую под прямым углом к первой. Но лед на ней с виду показался достаточно крепким. Когда я исследовал лед на новой полынье в месте ее соединения со старой поперечной, обнаружилась целая полоса, где молодой лед от сжатия нагромождился пластами в несколько слоев и был достаточно прочен, чтобы нас выдержать. В конце концов мы благополучно переправились через эту полынью, хотя и собирались брести вдоль нее несколько дней. Мы двинулись дальше и шли до 8 ч 30 мин вечера, когда оказались перед новой полыньей, точным

подобием предыдущей, с тою лишь разницей, что «море» уходило вдаль на этот раз к северо-востоку, тогда как к юго-западу его замыкали на горизонте льды. Полынья была затянута таким же молодым льдом. Лишь у самого края он был постарше и потолще, так что выдерживал тяжесть человека; по нему я пошел на лыжах поискать перехода, но сколько ни шел, так ничего и не мог найти. Повсюду посередине тянулась полоса совсем тонкого льда, иногда пошире, иногда поуже, через который я не отважился переправлять нарты. В результате мы сочли благоразумным расположиться здесь лагерем и подождать до сегодняшнего дня в надежде, что лед несколько окрепнет. И вот лежим мы здесь перед этой самой полыньей. Одному небу известно, какие сюрпризы готовит нам сегодняшний день».

«Воскресенье, 19 мая. Сюрприз, принесенный нам 17-м маем, оказался немалым: мы обнаружили в полынье нарвалов [\[262\]](#). Только что мы собрались поискать переправу через полынья, перед которой пришлось остановиться накануне, как внимание мое привлекло какое-то пыхтение, похожее на дыхание китов. Сначала я подумал, что это наши собаки, но затем совершенно отчетливо услышал, что звук доносится из промоины во льду. Я насторожился. Йохансен сказал, что слышал это пыхтение в течение всего утра, но решил, что это отзвуки отдаленного сжатия. Нет, шум сжатия я узнал бы из многих. Я стал всматриваться в промоину, откуда, как мне показалось, исходил звук в последний раз.

Вдруг я заметил, что там что-то зашевелилось: это не могло быть движением льда; и совершенно верно, из промоины высунулась сначала голова нарвала, за ней показалась спина, изогнулась хорошо знакомым горбом, и все скрылось. Затем с таким же пыхтением появился другой нарвал; тут их гуляло, видно, целое стадо. Я крикнул Йо хансену, что здесь нарвалы, стрелглав бросился к саням и вытащил ружье. Оставалось еще приготовить гарпун. За этим дело не стало, и я был готов к охоте. Тем временем животные исчезли из той промоины, где я их заметил в первый раз; теперь их пыхтение слышалось дальше к востоку. Я поспешил туда, но мне так и не удалось приблизиться к ним на расстояние выстрела, хотя раза два я и подходил довольно близко к

ним. Они ныряли в небольших открытых промоинах вдоль всей полыньи. Конечно, если бы мы остались здесь, я залег бы на целый день около одной из этих промоин и, наверно, подстрелил хотя бы одного нарвала, но мы не могли терять столько времени; притом нам все равно не увезти было с собой много мяса; нарты и без того достаточно тяжело нагружены.

Переход через полыньи нашелся, и мы пошли дальше. На нартах развевались флаги в честь праздника. Так как двигались мы теперь так медленно, что хуже и быть не могло, я во время обеденной остановки решился наконец снять со своих нарт деревянные подполосья, чтобы испытать, как дело пойдет на полозьях, подбитых нейзильбером. Перемена оказалась поразительной: словно кто-то подменил нарты! Они превосходно пошли вперед. Через некоторое время сняли деревянные подполосья и с нарт Йохансена. Попозже днем встретился превосходный лед, и мы двигались с необычайной быстротой. Вчера, 18-го, к 11 ч 30 мин утра, когда остановились, было пройдено, я уверен, не меньше 2 миль, и теперь, следовательно, мы находимся, по всей вероятности, под 83°20 северной широты или около того.

Наконец-то мы дошли до таких широт, в которых уже побывали люди; теперь и до земли не может быть далеко. Вчера, перед тем как остановиться, перешли через полынью вроде двух предыдущих, только еще более широкую.

И здесь я тоже слышал пыхтенье нарвалов, но, хотя находился недалеко от промоины, откуда исходили звуки, и сама промоина была невелика, мне ничего не удалось разглядеть. Йохансен, который шел с собаками позади, рассказывал, что едва они вступили на лед этой полыньи, как почуяли что-то и хотели повернуть против ветра. Удивительно, что так много нарвалов в этих полыньях!

Лед, по которому мы теперь идем, поразительно гладкий. Новых торосов или совсем нет, или их очень мало. Попадаются только небольшие старые неровности, иногда с довольно глубокими сугробами снега между ними, да эти странные, широкие, бесконечные полыньи, которые все похожи одна на другую и идут совершенно параллельно. И

все они совсем не сходны с теми, которые попадались нам раньше. Примечательна их особенность: тогда как в прежних, насколько я замечал, по северной стороне полыньи лед движется на запад по отношению к тому, который лежит на южной стороне, здесь как раз наоборот: на запад идет южный лед.

Из боязни, что нас постоянно сносит к западу, я придерживался довольно восточного курса, а именно ЮЮВ или еще восточнее, смотря по тому, как позволял лед.

В честь 17 мая мы устроили, правда уже 18-го, роскошный праздничный обед из лабскоуса, брусничного киселя (на сладкой муке) и лимонного меда^[263]. Наевшись досыта, заползли в спальный мешок».

По мере продвижения к югу лед становился все более неровным и все труднее было двигаться вперед. И лишь местами попадались сравнительно хорошие, ровные участки, но они часто пересекались широкими полосами исковерканного льда и полыньями, которые все время отравляли наше существование и усложняли наш путь.

19 мая у меня записано, что «я взобрался на самый высокий торос, на какой только мне доводилось подниматься. Измерил его довольно тщательно; он возвышался надо льдом примерно на 24 фута (7,3 м), но поскольку лед сам несколько поднимается над водной поверхностью, то общая высота этого тороса не менее 30 футов (9,2 м). Он представляет собой гребень короткой, но извилистой гряды, состоявшей из небольших льдин».

В этот же день мы впервые за все время нашего блуждания по льду увидели медвежий след. Нас это сильно обрадовало; значит, мы подошли к местам, где бродят медведи; теперь можно рассчитывать рано или поздно полакомиться жареной медвежатиной.

20 мая закурилась страшная метель, которая сделала невозможным движение по этому неровному льду. «Следовательно, ничего другого не остается, как заползти опять в палатку и спать сколько можно. В конце концов голод дал себя знать, и я вылез, чтобы сварить похлебку из печеночного паштета. Выпив чашку горячего питья из сыворотки, я снова забрался в спальный мешок, чтобы сделать записи в дневнике или

же, если захочется, вновь задремать. И вот лежим мы тут в бездействии, выжидая, когда, наконец, уляжется непогода и можно будет снова пуститься в путь. Едва ли мы находимся сейчас далеко от 83°10 северной широты, и потому должны бы уже достигнуть Земли Петермана, если она лежит там, где указывает Пайер. Но или мы, черт побери, заблудились, или земля эта очень невелика. Между тем, наверное, этот ветер относит нас на запад, в море, к Шпицбергену. Бог весть, какова здесь скорость дрейфа! Но я вовсе не отчаиваюсь. У нас как-никак осталось еще 10 собак. Если даже нас пронесет мимо мыса Флигели [\[264\]](#), то и дальше к западу встретится земля, и там уж ошибки быть не может. С голоду, во всяком случае, мы вряд ли умрем. Если даже впереди нас ждет неудача и придется зазимовать в этих краях, мы готовы и на это. Беда только, что нас ждут дома!.. Барометр неуклонно падает: значит, дело затянется, но ничего, выдержим».

На следующий день (21 мая) после полудня удалось, наконец, двинуться в путь, хотя по-прежнему продолжалась сильная метель, так что местами в снегопаде мы шли как слепые.

«Ветер был крепкий и дул прямо в спину; лед оставался довольно ровным. В конце концов я поставил на свои нарты парус. Они пошли почти сами собой, но аллюр собак от этого ничуть не изменился, – они по-прежнему едва плетутся. Несчастные животные все больше и больше изнемогают, – снег такой рыхлый и тяжелый».

Прошли в этот день по нескольким замерзшим полыньям; должно быть, немного времени тому назад здесь было поразительно много открытой воды.

«Думаю, что не слишком сильно ошибусь, предполагая, что мы прошли сегодня три мили и, значит, оставили 83 -й градус позади. Между тем нет никаких признаков земли. Это становится все более загадочным».

«Пятница, 24 мая. – 7,4 °C (минимальная температура -11,4 °C). Вчера у нас был самый трудный день за все время. Полынья, которая вынудила нас позавчера остановиться, оказалась хуже всех прежних. После завтрака, в 1 ч ночи, пока Йохансен занимался починкой палатки,

я побрел вперед на поиски перехода, но, проблуждав часа три, так ничего и не нашел. Оставалось только идти вдоль полыньи на восток в надежде, что где-нибудь в конце концов найдется переход. Но поиски эти длились много дольше, нежели мы предполагали. Когда подошли к месту, где полынья как будто кончалась, лед там трескался во всех направлениях, вдоль и поперек; льдины стремительно насккивали одна на другую и крошились – о безопасном переходе нечего было и думать. Там, где я минуту назад еще мог перейти, в следующий момент (когда я приходил вторично с собаками и нартами) лежала открытая полынья.

Мы карабкались со льдины на льдину, насколько было возможно, уклоняясь все дальше и дальше на восток, чтобы как-нибудь пройти этот хаос. Под ногами и вокруг нас все время происходили сжатия, и вывертываться было нелегко. Много раз мы думали, что вот, наконец, прошли – и тут же перед нами открывались еще худшие полыньи и трещины. Порой можно было прийти в отчаяние.

Конца этому, казалось, не будет; куда ни повернись, всюду разверзаются широкие полосы открытой воды; на пасмурном небе во всех направлениях темный, зловещий отблеск воды, будто потрескался весь лед океана. Мы были голодны и смертельно устали, но хотели, прежде чем остановиться на отдых, миновать этот лабиринт. Под конец мы потеряли всякую надежду и в 1 ч ночи – после 9-часовой упорной борьбы – решили отдохнуть и закусить. Удивительное состояние: как бы скверно ни приходилось, стоит забраться в спальный мешок и залечь, предвкушая пищу, как все горести забываются и человек становится счастливым животным, которое ест, пока не насытится и пока в состоянии держать глаза раскрытыми, а иной раз так и засыпает с куском во рту. Блаженное легкомыслие! Но в 4 ч опять пришлось взяться за тот же безнадежный, изнурительный труд, пытаюсь пробиться сквозь этот хаос. Последней каплей, переполнившей чашу нашего долготерпения, была погода. В непроглядном белесом тумане слились все очертания, тени исчезли, не знаешь, куда ставишь ногу, на ровное место или в яму. Увы, такую серую, пасмурную погоду мы видим чаще, чем нужно. Сколько полыней и трещин мы перешли, сколько крутых

торосов преодолели, перетаскивая за собой тяжелые нарты, я и не знаю, но их было много. Полыньи тянутся во все стороны, растекаются во всех направлениях, повсюду перед нами чернеет вода или каша из молодого льда.

Но всему на свете приходит конец; настал конец и нашим бедам. После двух с половиной часов невероятно тяжелого труда мы оставили, наконец, позади последнюю полынью. Перед нами расстилалась прекрасная ледяная равнина. В общем мы шли через эту путаницу бесконечных полыней около 12 ч, да перед этим в течение 3 ч разыскивали дорогу – итого 15 ч. Мы были измучены и промокли. Трудно и сосчитать, сколько раз мы проваливались в коварный снеговой покров среди ледяных глыб, под которыми скрывалась вода, а вовсе не твердый лед, как можно было думать. Один раз утром дело чуть было не кончилось печально. Я смело и уверенно шел на лыжах по крепкому, как мне казалось, льду, как вдруг почва ушла у меня из-под ног. На мое счастье, поблизости торчало несколько ледяных глыб, и я выбросился на одну из них, в то время как позади, над снегом, на котором я только что стоял, уже сомкнулась голубая зыбь. Мне пришлось бы, наверное, долго плыть в этой ледяной каше, что было бы совсем не так уж приятно, тем более в одиночестве. А я в это время был один.

Итак, мы, наконец, выбрались на ледяные равнины. Но, увы, счастье было кратковременным. По темной полосе на облачном небе мы увидели, что впереди нас уже поджидала новая полынья. К 8 ч вечера дошли до нее. Я слишком устал, чтобы идти вдоль полыньи на поиски перехода, тем более что, судя по всем признакам, за ней лежала еще одна. Вдобавок в снежной вьюге нельзя разобрать, где лед, а где вода. Оставалось только отыскать подходящее место для привала. Это, однако, сделать нелегко. С севера дул сильный ветер, а на плоской равнине, по которой мы только что шли, мудрено было отыскать защищенное от ветра место. Мы осматривали каждую неровность, каждый бугор, мимо которых проходили среди вьюги, но все они были слишком малы. Пришлось удовольствоваться небольшим торосом, который с грехом пополам мог служить прикрытием. Но около него было мало снега, и нам

с большим трудом удалось установить палатку. В конце концов в ней все же зашумел примус, потянуло аппетитным запахом рыбной запеканки, и два счастливых человеческих создания улеглись в теплом и уютном спальном мешке, от души наслаждаясь своим существованием, если и не вполне довольные своим дневным переходом, то по крайней мере утешавшие себя сознанием, что преодолели кое-какие трудности.

Сегодня, пока готовился завтрак, я вышел из палатки и сделал меридиональное наблюдение, которое, к нашей радости, показало, что мы находимся под 82°52 северной широты».

«Воскресенье, 26 мая... По такому неровному льду идти невероятно трудно. Снег рыхлый: стоит только на минуту снять лыжи, как проваливаешься в него чуть не по пояс, и это случается довольно часто. Прикрепить лыжи к ногам нельзя, потому что то и дело приходится снимать их и помогать собакам тащить сани. Если еще к тому же метет метель, как вчера, то не видишь самых больших торосов и сугробов и натыкаешься на них; свежавыпавший снег все делает одинаково белым, а в результате отражения света от всех выступов теней вообще нет. Вот почему то и дело летишь кувырком в сугроб, а не так-то просто встать вновь на лыжи. Это повторяется ежеминутно, и чем дальше, тем становится несноснее. Под конец идешь на лыжах, шатаясь от усталости, совсем как пьяный. Особенно устают лодыжки от этой вечной неустойчивости и подвертывания неприкрепленных к ногам лыж на неровном льду. Уже много дней, как они сильно распухли. Но как бы то ни было, мы двигаемся вперед, а это ведь главное, и можно примириться с тем, что ноги так болят и ноют; хуже, что собаки совсем истощены.

Сегодня я вычислил вчерашнее наблюдение и с радостью нашел, что долгота 61°27 (при широте 82°52). Нас, следовательно, не относит больше к западу, мы движемся приблизительно на юг, со гласно курсу. Постоянная тревога, что нас пронесет мимо земли, оказалась, значит, неосновательной.

Теперь мы можем рассчитывать добраться когда-нибудь до суши. Может статься, мы находимся даже дальше к востоку, чем думаем; во всяком случае, нет оснований опасаться, что зашли западнее, чем

предполагаем. Итак, если пройдем еще немного прямо на юг, а затем на юго-запад, то должны встретить землю, притом в самые ближайшие дни. Я считаю, что вчера мы прошли на юг 3 мили; следовательно, теперь находимся под 82°40 северной широты. Еще два дневных перехода, и широта будет вполне удовлетворительная.

Лед с виду легкопроходимый; но, судя по цвету неба, впереди есть полыньи. Нужно только через них перебраться. Не хотелось бы терять время, занимаясь приведением в порядок каяков, до тех пор пока мы не достигнем земли и не почувствуем под ногами твердого припая. Тогда у нас будет время. Как остовы, так и обтяжки обоих каяков нуждаются в основательном ремонте. Пока останется хотя бы одна упряжка собак, я хочу идти вперед, используя ее силы до конца.

Сегодня провели в палатке приятное воскресное утро. Результаты наблюдений привели меня в прекрасное расположение духа, и будущее кажется лучезарно-светлым. Скоро мы понесемся в каяках по чистой воде. О, какое удовольствие будет снова грести и охотиться, вместо этой вечной возни с нартами! Конец тогда и этим бесконечным понуканиям собак, терзающих своим воем слух и нервы».

«Понедельник, 27мая. Вчера с самого утра, как и накануне, мы видели впервые синее «водяное небо» [\[265\]](#). Я держу курс прямо туда, где, судя по отражению на небе, можно встретить более сплоченный лед и где, следовательно, легче найти проход. Действительно, после полудня мы стали встречать одну полынью за другой, как предвещало небо. Под вечер темное небо впереди предупредило, что мы приближаемся к полынье весьма скверного характера. Особенно грозной и темной была синева к западу и к востоку. В 7 ч я действительно увидал впереди огромную полынью, простиравшуюся и на запад, и на восток так далеко, насколько можно было окинуть взглядом с самого высокого тороса. Она была широка и на вид хуже, чем все встреченные до сих пор. Собаки устали, дневной переход был сделан немалый, а тут – и ходить далеко не надо – прекрасное место для привала; мы расположились лагерем, довольные по крайней мере тем, что добрались до 82,5° и где-то

поблизости находится, видимо, земля. На дне спального мешка было очень уютно.

Сегодня во время завтрака я определил полуденную высоту солнца. Она показала, что мы не ошиблись в своих предположениях, – мы под $82^{\circ}30'$ северной широты, а быть может, даже на одну-две минуты южнее. Но тем более странно, что нет никаких признаков земли. Не могу объяснить это иначе, нежели тем, что мы очутились несколькими градусами восточнее, чем принимаем [\[266\]](#). Я не допускаю возможности, что нас слишком далеко отнесло на запад и мы продрейфовали мимо Земли Петермана и Земли Короля Оскара [\[267\]](#), даже не заметив их. Снова пересмотрел прошлые наблюдения, проверил счисления хода, учел возможные влияния ветров и течения на дрейф льда за время между днем последнего точного наблюдения долготы (8 апреля) и днем, когда мы, согласно счислению, предположили, что находимся под 86° восточной долготы (13 апреля). Немыслимо, чтобы здесь вкралась какая-либо серьезная ошибка. Трудно предположить также особенно сильный дрейф льда в течение этих дней; тем более что счисление во всем прочем удивительно хорошо согласуется с наблюдениями.

Вчера вечером убита Квик. Она, бедняжка, совсем выбилась из сил и почти не тянула нарт. Тяжело было расставаться с нею, но что поделывать? Даже если бы у нас было свежее мясо, то и тогда потребовалось бы немало времени, чтобы восстановить ее силы, а к тому сроку она была бы не нужна и все равно пришлось бы ее лишить жизни. Она была из крупных собак, и оставшимся восьми хватило корма на три дня.

Меня не перестает удивлять лед, по которому идем. Ровный, прекрасный, он лишь кое-где усеян небольшими нагромождениями; местами попадаются бугры покрупнее и небольшие торосы. В общем это едва ли старый зимний лед; он не старше годового и, во всяком случае, образовался позже последнего лета. Очень редко наткнешься на небольшую полосу старого льда или даже одиночную старую глыбу, пролежавшую лето и зиму. Старый лед встречается настолько редко, что на последних привалах мы так и не нашли льда, опресненного действием

летнего солнца, и должны были довольствоваться для приготовления питьевой воды снегом^[268]. Несомненно одно: там, откуда пришли эти ледяные поля, во всяком случае, если судить по тому, что мы много миль прошли по такому ровному льду – вчера целый день и добрую часть предыдущего, не говоря о том, что и раньше вперемешку со старым однолетним льдом встречалось тоже несколько таких мест, – еще прошлым летом или прошлой осенью находилась открытая вода, и притом на больших пространствах.

Маловероятно, чтобы они образовались здесь, по соседству. Скорее они пришли с востока или юго-запада и, быть может, образовались на открытой воде с восточной стороны Земли Вильчека^[269]. Я думаю, это указывает на то, что *летом и осенью бывает немало открытой воды вдоль восточного или северо-восточного берега Земли Вильчека*^[270].

Теперь наступило время, когда полыньи о пять стали хуже худшего. Полыньи и трещины идут вдоль и поперек во всех направлениях. Вот когда начался поистине каторжный труд. Лед повсюду неровный, а поверхность между неровностями рыхлая, изнурительная для пешехода. Если бы посмотреть на этот лед с высоты птичьего полета, полыньи представились бы настоящей сетью из путаных петель. Горе тому, кто запутается в этой сети!»

«Среда, 29 мая. Вчера попробовал в первый раз надеть комаги. Приятная перемена! Ногам в них тепло и сухо, а главное – конец всякой возне и утром и вечером с лапландскими каньгами^[271], которые при этой мягкой погоде превращаются в лепешку. Больше не придется лежать по ночам с компрессами на груди и боках, чтобы как-нибудь просушить эту обувь.

Сегодня мы видели первую птицу: буревестника (*Procellaria glacialis*)^[272]».

«Четверг, 30 мая. Вчера в 5 ч утра тронулись в путь с твердой уверенностью, что теперь, наконец, сеть трещин и полыней осталась позади. Но не угодно ли? Прошли совсем немного, как цвет неба снова указал, что впереди новые полыньи. Я поспешил взобраться на

ближайший торос, и глазам моим представилась весьма неутешительная картина: насколько хватал глаз, и впереди, и по сторонам шли, переплетаясь и перекрещиваясь, полыньи! Какое бы направление мы ни выбрали, все равно не выпутаться было из этой сети. Я прошел далеко вперед, чтобы посмотреть, нет ли возможности проскользнуть по большим, соприкасающимся между собой ледяным полям, как это не раз делали. Но весь лед разломало, и таким, одинаково непроходимым, он, видимо, был везде, до самой земли. Мы имели дело уже не со сплошным толстым полярным льдом, а с тонким, битым паком [\[273\]](#), подвластным всем прихотям ветра, и вынуждены были утешать себя мы слью, что кое-как будем перепрыгивать со льдины на льдину, по возможности поудачнее.

О, чего бы я не дал, чтобы вместо конца мая с температурой чуть ли не выше 0 °С стоял теперь март с его холодами и страданиями. Этой - то последней трети мая я и боялся больше всего. Именно к этому времени во что бы то ни стало нужно было уже быть на суше. К несчастью, мои опасения оказались основательными. Теперь я почти готов был пожелать, чтобы время продвинулось на месяц или на два вперед. Тогда, может статься, лед здесь станет значительно разреженнее, с еще большими пространствами чистой воды и полыней, по которым можно будет пробираться какую-то часть пути в каяках. Да как знать?

Этот тонкий, дряблый молодой лед во всяком случае мало сулит хорошего, а темные пятна на небе – отражение полыней – виднеются во всех направлениях, и всего больше вдали, впереди. Если бы только быть там, если бы только быть у земли!.. Как бы не пришлось нам в довершение всего застрять здесь, во льдах, в ожидании, когда наступит совсем теплая погода, начнется настоящее таяние и вскрытие льда наступит не на шутку: по такому глубокому снегу идти нечего и думать. Но хватит ли у нас продовольствия, чтобы ждать так долго? Это более чем сомнительно.

Через гряды торосов

Рисунок Фритъофа Нансена

Я стоял на высоком торосе, погрузившись в эти мрачные раздумья и разглядывая лед на юге – полыньи за полынью, торос на торосе, – как вдруг прямо за спиной послышалось хорошо знакомое пыхтение. Вот ответ на мою тревогу! Мы не умрем с голода: здесь водится морской зверь, ружья и гарпуны у нас, слава богу, есть и пользоваться ими мы тоже умеем. В полынье пыхтело, сопело и плескалось целое стадо нарвалов. Так как высокие нагромождения льда почти скрывали их от меня, я лишь изредка улавливал мельканье серых спин, выгибавшихся горбами над черной водой. Долго стоял я и глядел на их игру, и все время оставались они на месте; если бы у меня было с собой ружье и гарпун, нетрудно было бы убить одного из них. Да, да, по существу, наши дела не так уж плохи, и пока нам не остается ничего другого, как, не обращая внимания на полыньи, держать курс на ЮЗ или ЮЗЮ и пробиваться насколько возможно дальше. С этим решением я и вернулся к нартам. Ни один из нас, правда, не был твердо уверен, что нам удастся уйти далеко. Вот почему, тронувшись в путь, мы обрадовались тому, что идем довольно быстро, несмотря на крайнюю усталость собак.

Утром, когда мы пробирались между полыньями, я вдруг заметил высоко в воздухе черную точку, которая описала над нами несколько

кругов. Это был чистик (*Uria grylle*). Немного погодя я услышал в юго - западном направлении странный звук – словно кто трубил в козий рог или вроде этого. Я слышал этот звук несколько раз, Йохансен тоже, но мы не могли разобрать, что это такое. Во всяком случае это какой - нибудь морской зверь, так как трудно предположить, что по соседству находятся люди^[274]. Вскоре пролетел буревестник и стал парить над головами. Я вынул ружье, но, прежде чем успел вложить патрон, птица улетела. Вокруг становится оживленно. Невыразимо приятно видеть все эти живые существа, по-настоящему чувствуешь, что приближаешься к земле, к теплым краям. Позже я заметил на льду небольшого тюленя. Недурно было застрелить его, но, пока я разглядывал, что это такое, он исчез в воде. В 10 ч пообедали. Чтобы не терять времени, решили во время обеда не забираться в спальный мешок, так как, щадя собак, мы сократили дневные переходы до 8 ч или около того. После обеда, в 11 ч, тронулись дальше, а в 3 ч остановились и разбили палатку. Со вчерашнего дня мы прошли в юго-западном направлении приблизительно мили полторы, или, скажем, от двух с половиной до трех миль за два последних дня; теперь и этим немногим приходится довольствоваться.

На горизонте впереди видна синева столь резких очертаний и такая неподвижная, что там должны находиться либо открытое море, либо загадочная земля. Наш курс лежит прямо на синеву. До этого темного пятна еще далеко, и если оно отражает водное пространство, то последнее, очевидно, весьма значительно. Я не могу не думать, что это скорее земля. О, если бы это было так! Но между нами и нею, судя по небу, еще немало полыней.

Все эти дни лед по-прежнему тот же однолетний, образовавшийся минувшею зимой, и невозможно найти ни кусочка льда, пригодного для утоления жажды. Мне кажется, что лед здесь – если это вообще возможно – еще тоньше; мощность его не превышает каких-нибудь 60–90 см. Пока я еще затрудняюсь найти этому какое-нибудь объяснение»^[275].

«Пятница, 31 мая. Удивительно: последний день мая! Весь май прошел, а мы так и не достигли земли, даже и не видим ее пока. Неужто и июнь пройдет таким же образом? Нет, теперь до земли уже не может быть далеко! Все, как мне кажется, говорит о ее близости. Лед становится все более тонким, вокруг нас с каждым днем оживленнее, а впереди эта синева, указывающая на воду или землю, – одно из двух.

Вчера утром я видел в небольших полыньях двух тюленей (*Phoca foetida*); вечером над полыньей пролетела какая-то птица, по всей вероятности буревестник; около полудня наткнулся на свежие следы медведицы с двумя медвежатами. Следы шли вдоль полыньи. По-видимому, в этих местах вполне можно рассчитывать на свежее мясо; но, как ни странно, ни один из нас не ощущает особой потребности в нем: нас вполне удовлетворяет имеющийся провиант. Но для собак свежее мясо было бы великим благом. Вчера пришлось снова заколоть одну, на этот раз Пана, нашу лучшую собаку. Другого выхода не было: он совсем обессилел и не в состоянии был двигаться дальше.

Мы сможем целых три дня кормить его мясом семь оставшихся собак.

Мы никак не ожидали, что лед здесь будет так сильно разбит, его можно было бы назвать типичным плавучим льдом (паком), если бы в нем не попадались отдельные, более крупные и ровные ледяные поля. Будь здесь достаточно места и если бы этот лед несколько рассеялся, не составило бы труда лавировать в каяках между льдинами.

Вчера, когда нас остановили полыньи и я влез на торос, чтобы осмотреться, у меня сердце сжалось в груди. Я готов был думать, что мы должны отказаться от попыток продвинуться дальше: я видел перед собой только хаос плававших в воде ледяных осколков и снежуры. Нелегко прыгать тут со льдины на льдину, таща за собой собак и две тяжелые нарты. Все же мы решились на риск.

Нам повезло и на этот раз: после непродолжительно го, хотя и труднейшего перехода по снежному и ледяному месиву мы вышли, как это было уже не раз, на гладкую ледяную равнину. А тут дело пошло по-прежнему: все новые и новые полыньи. Лед, по которому мы идем, почти

исключительно молодой, лишь местами в него вкраплены более старые глыбы. Он постоянно становится тоньше, здесь, например, он по большей части не превышает 90 см. Льдины местами так плоски, как в момент замерзания.

Вчера вечером попали на полосу старого льда, на котором остановились на ночлег; трудно сказать, как далеко он тянется. Расположились лагерем в 6 ч 30 мин пополудни, и у нас снова, наконец, был пресный лед для кухни – приятное разнообразие для повара: мы ведь не видели пресного льда с 25 мая [\[276\]](#). К ночи подул неистовый ветер с юга, против которого трудно идти. Часто, черт побери, бывает здесь ненастная погода; почти каждый день пасмурно и ветрено; ветер вдобавок южный, который теперь меньше всего желателен. Но что поделаешь? Остановиться и сложить руки – толку мало; не остается, значит, ничего другого, как тащиться вперед.

Вчера взял полуденную высоту солнца; выходит, что мы должны находиться под 82°2 северной широты. И все еще ни малейшего намека на землю! Это становится все более загадочным. О, чего бы я не дал, только бы ступить, наконец, на твердую землю! Но терпение, терпение и еще раз терпение!»

Глава пятая Полыньи и терпение

«Суббота, 1 июня. Итак, вот и июнь. Что же ты несешь нам с собой? Неужели и в этом месяце мы не увидим земли, к которой так стремимся? Будем жить надеждой и верой. Хотя, по правде сказать, эти спутницы мне порядком уже надоели. Вообще странная вещь – счастье. Вчера с утра я почти ничего уже не ждал от этого дня: из-за метели ничего не было видно, и резкий ветер дул прямо в лицо. Настроение наше не улучшилось, когда мы вдруг наткнулись на полынью, с виду почти непроходимую. Мрачная, безобразная перспектива. А день оказался совсем не плохим. Обогнув полынью с северо-востока, я нашел переправу, и мы вышли на прекрасную равнину, по которой двигались до самого обеда – до 5 ч. После обеда шли еще часа полтора по таким же полям. Но на этом дело и кончилось; преградившая нам путь полынья положила конец всякому продвижению. Тщетно я бродил в поисках

перехода в течение 1 ч 30 мин; ничего другого не осталось, как раскинуть лагерь и надеяться, что завтрашний день будет лучше.

Но вот наступил и он, а я еще не знаю, сблизилась ли края полыньи хоть немного и улучшилось ли наше положение. Вчера остановились на ночевку около 9 ч вечера. Как обыкновенно бывает в последние дни, едва принялись устанавливать палатку, как погода, после целого дня отвратительной вьюги, вдруг прояснилась. Ветер тоже утих, и наступила положительно изумительно хорошая погода. По голубому небу плыли легкие белые облака, и почти можно было вообразить себя далеко-далеко дома в летний день. На юге и юго-западе горизонт был чист и ясен, но ничего не было видно, кроме той же синеющей полосы, на которую мы держим курс; к счастью, она теперь поднялась значительно выше, следовательно, мы к ней приближаемся. Только бы дойти до нее, – там должна быть перемена, в этом я нисколько не сомневаюсь. Как жажду я этой перемены!..

Какая странная разница: если нам удастся добраться до этой земли прежде, нежели придет к концу провиант, мы будем считать себя вне опасности; а Пайеру казалось, что эта же самая земля сулит ему верную голодную смерть, если он останется там и не найдет своего «Тететтгофа». Но ведь ему не пришлось брести два с половиной месяца по дрейфующим льдам между 83 и 86°, не видя ни единого живого существа!

Вчера утром, перед тем как сняться с лагеря, над нами вдруг раздался резкий крик чайки – две белые красивые птицы парили над самой головой. Я хотел было застрелить их, но решил, что такая мелочь, в сущности, не стоит патрона. Да и они сразу исчезли из виду. Немного погодя снова услышали их крик. Сегодня, лежа в ожидании завтрака в спальном мешке, мы опять над самой палаткой слышали грубый, сиплый крик, что-то вроде вороньего карканья. Я думаю, что это тоже была чайка (*Larus argentatus*)^[277].

Не странно ли? Сколько раз ни просыпался я ночью, солнце все время пробивалось сквозь шелковые стенки палатки, и в ней было так тепло и светло, что я лежал и грезил о лете, далеко от полыней, от

всех этих трудов и мытарств. О, какой прекрасной кажется в такие минуты жизнь и каким светлым представляется будущее! Но не успел я выйти из палатки в 9 ч 30 мин утра, чтобы приготовить завтрак, как солнце скрылось в густой пелене тумана, а затем закурилась и завывала метель. Так теперь бывает почти каждый день. Быть может, это сама судьба хочет, чтобы мы не двигались с места, дождались тут наступления лета, а с ним распада льдов и свободной воды? Не хочет ли она избавить нас от утомительных поисков пути в этой отчаянной путанице полыней? Я отнюдь не рад был бы такому случаю, хотя мы могли бы обойтись как-нибудь с едой, убив и съев всех наших собак и настреляв вдобавок кое-какой дичи. Но тогда мы слишком поздно достигли бы Шпицбергена и стала бы неизбежной зимовка. Нашим близким пришлось бы ждать нас лишний год».

«Воскресенье, 2 июня. Итак, эта тетрадь ^[278] будет закончена в Троицын день. Меньше всего я думал, что в это время мы все еще будем блуждать на плавучих льдах, не видя земли. Но судьба безжалостна, ее нельзя ни смягчить, ни изменить.

Остановившая нас третьего дня полынья не сомкнулась, а, напротив, стала еще шире, так что к западу от нас образовалось большое озеро и мы оказались на льдине среди темного моря, не имея возможности выбраться ни в какую сторону. Случилось то, что давно нам угрожало. Пришлось взяться за работу, которую мы откладывали: приводить в порядок каяки, чтобы их можно было спустить на воду. Сначала перенесли палатку в более спокойный уголок под защиту тороса, возле которого остановились. Получилось уютное жилье, ветер теперь сюда не добирается, и мы могли вообразить, что погода стоит тихая, хотя с ЮЗ дул настоящий «мельничный бриз». Снять покрывку с моего каяка и втащить ее для починки в палатку было делом недолгим, и мы провели затем в палатке безмятежный и приятный вечер – канун Троицы. Вскоре зашипел примус, и мы приготовили на обед чудесный лабскоус. Никто из нас особенно не сожалел о том, что мы не в пути; нельзя отрицать, что подчас не мешает и отдохнуть немного. Обтяжка скоро была приведена в полный порядок, и мне пришлось выйти

проверить, в какой починке нуждается остов. Большинство скреп ослабло, их нужно было вновь перевязать. Это был нелегкий труд, так как понадобилось развязать и затем снова связать по крайней мере сорок ремней. Зато в остове сломанными оказались всего два шпангоута, и починить его было нетрудно. Затем Йохансен снял обтяжку со своего каяка, и сегодня мы займемся его починкой.

Как только оба остова будут починены и заново обтянуты, мы готовы будем идти дальше, навстречу любым препятствиям, будь то полыньи, разводья или открытое море. Когда каяки будут в порядке, наконец-то мы почувствуем себя уверенно, исчезнет эта постоянная боязнь встречи с непроходимыми полыньями, и тогда ничто уже не сможет помешать нам достигнуть земли в самое ближайшее время. Скоро мы должны попасть в такие области, где будет достаточно полыней и разводий, и можно будет продолжать путь на веслах. Одна беда – как быть с собаками, которые еще уцелеют к тому времени? Придется, верно, расстаться с ними. Вчера мы наполовину уменьшили им обеденные порции, и часть Пана осталась на ужин.

Теперь очередь за Гремучей Змеей (Клапперслангеном). Тогда останется шесть собак, которых будет чем прокормить в течение четырех дней, а тем временем мы порядочно продвинемся вперед.

Троицын день... Сколько в этом слове своеобразной прелести лета! Больно думать, что дома теперь так прекрасно, чудесно! А здесь все тот же лед, туман и ветер. Как хотелось бы попасть туда! Но как помочь этому?.. Маленькая Лив отправится сегодня обедать к бабушке. Сейчас ее, верно, наряжают в новое платье. Придет время, и я буду с ними, но когда?.. Вон из палатки и поскорей за работу – так дело будет лучше!»

Все последующие дни мы старательно работали, чтобы как можно скорее привести в порядок каяки. Жаль было даже тратить время на обед. Случалось, что мы не ели по 12 ч подряд, а рабочий день длился круглые сутки. Тем не менее потребовалось порядочное время, чтобы приготовить каяки к спуску на воду. Хуже всего было то, что приходилось крайне бережливо и скупно расходовать материалы:

возможности получить новые у нас ведь было маловато. Когда, например, требовалось перевязать рамы, мы не могли попросту срезать старый ремень и заменить его новым, а приходилось с величайшим трудом разматывать старый, стараясь не повредить его, это сильно задерживало, – ведь нужно было перевязать не один десяток скреп. К тому же оказалось, что сломано несколько продольных бамбуковых ребер, уложенных вдоль бортов остова. В особенности пострадал каяк Йохансена; из его каяка ребра пришлось вынимать целиком или частями и заменять новыми или же скреплять старые добавочными скрепами и подвязывать боковые швы. Вся эта работа требовала особой тщательности; ее нельзя было делать наспех. Но зато каяки получились крепкие, надежные, вполне пригодные для морского путешествия и способные продержаться до самого Шпицбергена. После нескольких дней усердной работы остовы были, наконец, готовы, и мы снова тщательно их обтянули.

Между тем время, драгоценное время, уходило. Мы, впрочем, надеялись, что каяки вскоре окажут нам существенную помощь, так как на них мы быстро пойдем вперед. Во вторник, 4 июня, в дневнике записано: «Мне представляется, что теперь уже скоро мы попадем на открытую воду или разреженный лед. Лед вокруг тонкий и битый, погода совсем летняя: вчера было всего $-1,5^{\circ}\text{C}$ и шел мокрый снег. Он таял, падая на палатку, и немалых трудов стоило убе речья от дождя в самой палатке – со стен, едва к ним прислонишься, течет. Вообще вчера в течение всего дня стояла отвратительная погода, но мы уже к ней привыкли; погода за последнее время нас не балует. Сегодня светло, ясно, небо ярко-голубое, солнце только что поднялось над краем бугра позади нас и освещает палатку. Приятно будет работать под открытым небом; не то, что вчера, когда мокло все, за что ни возьмись. Хуже всего, когда намокают ремни, прежде чем их свяжешь; тогда с ними никак не справиться.

Как бы то ни было, солнце – это самый дорогой друг. Когда я видел его каждый день, мне казалось, что оно надоело.

Но как мы рады ему теперь, как оно бодрит! Трудно отделаться от впечатления, что это – чудное, свежее июньское утро у нас дома, на берегу фьорда. Только бы поскорей добраться до открытой воды, чтобы пустить в ход каяки, а там уже недолго ждать и возвращения домой!

Сегодня впервые за все путешествие мы выдали себе к завтраку порции: масла (по 50 г) и алейронатного хлеба (по 200 г)^[279]. Отныне мы должны взвешивать и точно рассчитывать каждую порцию, если хотим, чтоб запасов хватило; прежде чем сняться с места, я хорошенько подсчитаю, что у нас еще осталось.

Счастье, увы, непродолжительно! Солнце опять скрылось, небо затянуло облаками, а в воздухе заплясали снежные хлопья».

«Среда, 5 июня. По-прежнему стоим на том же месте, но надеемся, что еще немного и мы отправимся дальше в путь. Вчера так чудесно было работать на открытом воздухе, греясь на солнце, любясь на игру его лучей в морских волнах и на искрящийся снег.

Вчера застрелили первую дичь. Это была пролетавшая над палаткой белая чайка (*Larus eburneus*). Впрочем, чайки вчера летали здесь в течение всего дня; один раз мы видели сразу четыре штуки, но слишком далеко от нас. Я отправился было поохотиться, но, выстрелив по одной, промахнулся. Итак, один патрон пропал даром, – это не должно повторяться. Если бы мы хотели, нетрудно было бы настрелять достаточно много чаек, но это слишком мелкая дичь; к тому же рано еще растрачивать патроны. В полынье видел тюленя. Йохансен тоже видел одного. И оба мы и видели и слышали нарвалов. Здесь достаточно оживленно, и будь каяки в исправности, чтобы идти на веслах, мы здесь, наверное, чем-нибудь да поживились бы. Но вообще нужды в этом пока нет: припасы у нас есть, и лучше использовать время для того, чтобы продвинуться вперед.

Только для собак, пожалуй, неплохо было бы раздобыть какого-нибудь крупного зверя, чтобы избавиться от необходимости убить еще нескольких собак, прежде чем окончится наше путешествие по льду и мы по-настоящему сядем в каяки. Вчера пришлось убить Гремучую Змею. Из нее вышло 25 порций; шести оставшимся собакам этого хватит

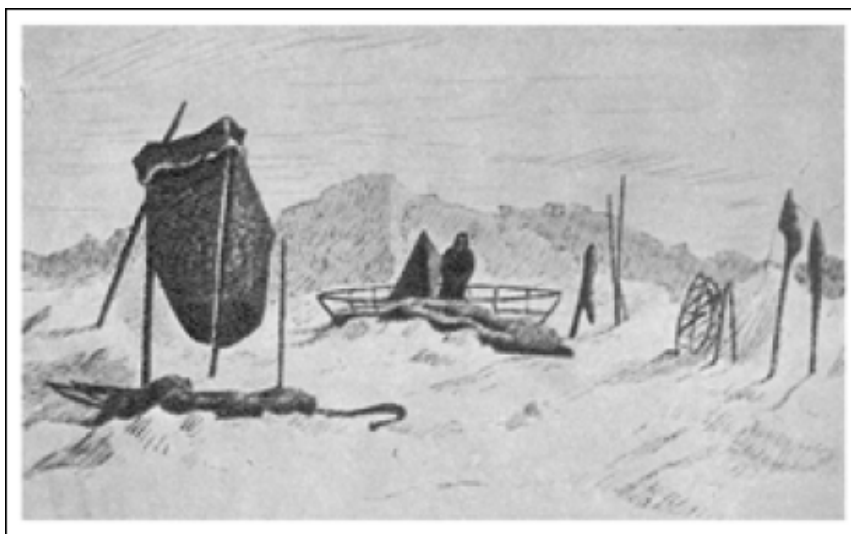
на четыре дня. Убой собак стал теперь целиком специальностью Йохансена. Он достиг такого совершенства, что приканчивает животное сразу, одним ударом моего длинного финского ножа; пес не успевает даже пикнуть. Затем с помощью ножа и небольшого топорика он в течение нескольких минут разрубает тушу на куски. Собаки стали непривередливы, и после их трапезы остаются лишь клоки шерсти, разбросанные по льду, несколько костей, да, пожалуй, еще начисто обглоданный череп.

Собаки изголодались. Позавчера Лисичка (Лиллеревен) сожрала свою обувь и кусок оленьей шкуры, служившей ей подстилкой, и обглодала лыжи Йохансена, брошенные им на льду. Покойная Квик съела парусиновую упряжь, и не лишено вероятия, что теперь и в других наших собаках путешествуют лоскутья парусины.

Я только что вычислил долготу нашего места по произведенному вчера теодолитному наблюдению и получил $61^{\circ} 16$ восточной. Широта наша $82^{\circ} 17,8$. Понять не могу, почему все еще не видно земли. Единственное возможное объяснение – это что мы находимся значительно восточнее, нежели предполагаем, и что земля восточнее пролива Роулинсона ^[280] заворачивает к югу. Во всяком случае теперь мы не можем быть далеко от нее. Как раз в эту минуту над нами пролетела птица, которую Йохансен, стоящий возле палатки, признал за морского кулика».

«Четверг, 6 июня. По-прежнему на том же месте. До боли хочется поскорее двинуться вперед, посмотреть, как теперь пойдет дело, и разрешить, наконец, загадку, которая не перестает тревожить нас. Что за удовольствие снова пуститься, наконец, в путь с исправными каяками и затем поплыть на них по открытой воде! Как изменится тогда наша жизнь. Подумать только – навсегда избавиться от этого льда, от этих полыней, от этой мучительной возни с нартами и бесконечных неприятностей с собаками. Плыть налегке одному в пляшущем по волнам легком суденышке!.. Я в восторге при одной мысли об этом. Быть может, нам предстоит еще трудная борьба, пока мы достигнем этого, еще много

тяжелых минут; но когда-нибудь ведь наступит же это, а тогда – да, тогда жизнь опять станет жизнью.

Починка каяков

Рисунок

Вчера, наконец, закончили ремонт обоих остовов. На дно поставлены плетенки из бамбука для провианта, они предохранят продовольствие даже в случае небольшой течи. Остается только еще раз тщательно осмотреть остовы, проверить солидность связей, укрепить еще те, которые в этом нуждаются, и натянуть на каяки покрышки. Завтра вечером, надеюсь, сможем тронуться в путь. Почти весь запас крученых бечевок ушел на ремонт. Из пяти мотков остался один, да и тот неполный. Его необходимо сохранить на случай, если придется ловить рыбу.

Запасы понемножку истощаются. Вчера взвесил масло; его осталось 2,3 кг. Если считать по 50 г на человека в день, его хватит на двадцать три дня. Но к тому времени подвинемся же мы несколько вперед. Сегодня я впервые отметил температуру выше нуля: утром было +0,2 °C. Снег совсем мокрый, из торосов каплет вода. Теперь скоро на льдинах появится вода. Ночью прошел настоящий дождь, но он быстро отшумел. Началось с мелких морозящих брызг, потом стали падать крупные, тяжелые капли, и мы поспешили укрыться в палатку, чтобы не промокнуть. Но какая радость: шел дождь. Дождь!.. Мы сидели в палатке, прислушиваясь, как он барабанил по стенкам, и всем своим

существом ощущали лето. Если после такого дождя вновь подморозит, будет отличный санный путь. Но если оттепель затянется, то надо сознаться, великолепный суп образуется между всеми этими ледяными хребтами и торосами; тогда желательно только одно – чтобы дождь начисто смыл снег и мы смогли бы идти по голому льду, иначе мы недалеко уедем вперед – на первых порах.

Ну, да будь, что будет, все-таки поедем вперед, и, как уже сказано, немного пройдет времени, пока наступит перемена – земля или вода, что-нибудь да будет».

«Суббота, 8 июня. Вчера, наконец, каяки были окончательно готовы, и мы могли их испытать. Зато и работали мы с вечера третьего дня до вчерашнего вечера без перерыва. Удивительно, как мы выдерживаем эти долгие рабочие дни. Будь это дома, мы бы давно устали и проголодались, а здесь как будто так и надо, чтобы от одной еды до другой проходили десятки часов напряженной работы. Но аппетит у нас первоклассный, и сон тоже не хуже, что, по-моему, отнюдь не указывает на общую слабость или склонность к заболеванию цингой. Насколько я могу судить, мы сейчас сильны и здоровы, как никогда раньше. Испытывая каяки в небольшой полынье, обнаружили, что оба протекают в швах, а в некоторых местах (в результате тяжелых ав арий во время путешествия на санях) воду пропускает парусина. Надеюсь, когда парусина в воде разбухнет, течь прекратится. Конечно, неприятно будет переправляться через полыньи в каяках, пропускающих воду, – пожитки легко промочить, но со временем и это ула дится.

Итак, сегодня, после недельной стоянки на одном месте, трогаемся в путь. Вчера начался юго-восточный ветер, сегодня он посвежел, и довольно значительно, судя по его свисту и вою над торосом. Я лежал сегодня все утро, прислушиваясь к ветру, и мне чуд ился шум недалекого прибоя. Между прочим, вчера все полыньи вокруг закрылись, и чистой воды почти не видно. Думается, что причиной этому ветер, ну, если он смыкает для нас полыньи, то пусть его дует! На поверхности льда образовался наст^[281], и путь – лучше не надо. Будем надеяться, что дорога будет довольно ровной и все пойдет хорошо.

Вчера Йохансен убил еще одну белую чайку, и на обед в первый раз было свежее мясо (две чайки). Оно показалось вкусным, но все же не так, как можно было ожидать после того, что в течение нескольких месяцев не пробовали свежего мяса. Это доказывает, насколько хороша наша обычная пища. Взвесил вчера запас хлеба: осталось еще около 12 кг обыкновенного белого хлеба и 7–8 кг алейронатного; этого хватит на тридцать пять – сорок дней. Как далеко уйдем за это время, знают одни боги, но часть пути, наверное, пройдем».

«Воскресенье, 9 июня. Итак, вчера мы, наконец, храбро покинули стоянку. Несмотря на погоду – с востока сильно мело и погода вообще была самая отвратительная, – мы оба радовались, что можем возобновить поход. Много времени ушло на то, чтобы из мешков с продовольствием, спальных мешков и шерстяных одеял устроить подстилки под каяки и погрузить все это на нарты. Все же в конце концов тронулись. Мы без затруднений покинули льдину, на которой прожили так долго, не пришлось даже прибегнуть к каякам, которые специально для этой цели чинились в течение недели. Ветер сдвинул края полыней. Перед нами лежала гладкая равнина, и мы отлично шли вперед, несмотря на отвратительный путь. Нарты прилипали к свежавыпавшему снегу, и стоило только остановиться, как они уже не могли сдвинуться с места, словно пригвожденные. О лыжах нечего и говорить. В ста шагах ничего уже не было видно, а с того бока, откуда дул ветер, одежда промокала насквозь до костей из-за тающего снега. Но все-таки восхитительно было уже одно то, что мы скользим по льду вперед, вперед к цели. Встретили несколько полыней и переправились через них не без трудностей, – по ним расходилась вдоль и поперек сеть трещин и торосистых гряд. Некоторые полыньи были очень широки и заполнены ледяной кашей, что не позволило пустить в ход каяки. Местами эта каша была так густа, что мы переходили по ней. И все же беспрестанно приходилось делать обходы и возвращаться обратно, чтобы найти подходящее место для переправы. Тот, кто оставался ждать с собаками в одиночестве, успевал промокнуть и продрогнуть, пронизываемый ветром и мокрым снегом, и время ожидания тянулось

для него нескончаемо. Когда я пропадал надолго, Йохансену приходило на ум, что я провалился в полынью или погиб. Какие только странные мысли не приходят в голову, когда человек сидит один вот так на каяке и ждет другого среди полной тишины, вглядываясь в пустую даль. Истомленный ожиданием, Йохансен карабкался на ближайший самый высокий торос, чтобы оттуда беспокойным взглядом обшаривать льды. И только когда далеко-далеко на белой равнине открывалось, наконец, движущееся черное пятнышко, он с облегчением переводил дух. Вчера, дожидаясь меня таким образом, он вдруг заметил, что края льдин в полынье тихо колышутся, словно от легкой зыби. Неужели открытая вода близко? Неужели сюда доходит морская зыбь? Как охотно готовы мы были верить этому! Или, может статься, просто ветер колышет тонкий лед!^[282] Или и в самом деле к юго-востоку от нас открытая вода? Замечательно, что ветер, дующий оттуда, уплотняет лед, тогда как несколько раньше юго-западный ветер, напротив, разъединял лед. Если сопоставить все это, то приходишь к мысли, что мы не遠далеке от моря. Я вспоминаю о синеве, виденной нами прежде на горизонте. Сейчас Йохансен выполз из палатки и говорит, что на юге он опять видит эту синеву. Что может это быть? Только бы нам добраться туда!

Вчера опять набрали на медвежий след. Трудно определить, какой он давности; вьюга замечает здесь все в течение нескольких минут; но, вероятно, след вчерашний, так как Заяц (Харен) тотчас что-то почуял и побежал против ветра. Йохансен решил, что медведь где-то поблизости. Ну, старый это или новый след, а факт остается фактом: пока мы, расположившись чуть подальше к северу, занимались починкой каяков, медведь навещал эти места, и в один прекрасный день он еще встретится с нами. О присутствии медведя говорит и то, что подстреленная Йохансеном чайка, упав, выронила из клюва большой кусок жира, – вряд ли она могла где-либо поживиться им, если бы поблизости не бродил медведь.

Погода скверная, мокрая и, кроме того, туманная, а путь – хуже и быть не может; идти долго по такому пути малособлазнительно. Но останавливаться на обед среди этой слякоти тоже не особенно

заманчиво. Поэтому мы шли и шли вперед и только около 10 ч вечера остановились на ночлег. Как приятно было снова очутиться в палатке, и каким вкусным показался пудинг из рыбной муки. Согревает мысль, что, несмотря ни на что, все-таки мы подвигаемся вперед. Трудно теперь переносить тепло; снег очень мокрый, и в моем каяке набралось немалое воды, она натекла с палубы через открытый бок, где проходит шов, еще не зашитый нами: мы ждем хорошей погоды, чтобы обшивки совсем высохли и можно было их хорошенько стянуть».

«Понедельник, 10 июня. Несмотря на самый непроницаемый туман и на самый гнусный путь – мокрый снег не успел еще превратиться в наст и нарты по нему еле ползут, – вчера весь день понемногу двигались вперед. Перешли бесчисленное множество полыней и немало переходов сделали по отдельно плавающим льдинам. Но лед здесь повсюду ровный, и это помогает делу. Это все тот же тонкий зимний лед мощностью приблизительно 90 см. Вчера я видел только две старые льдины по соседству с нашей стоянкой; расположились мы тоже на старой льдине. Вообще же повсюду молодой лед, часто совсем даже недавнего образования. Несколько раз проходили большие расстояния по совсем тонкому льду толщиной всего 30 см, а порою и того меньше. Последний отрезок пути по такому льду был особенно велик; по-видимому, здесь тянулась огромная полынья, лед здесь был до такой степени тонкий, что, видимо, продержится он недолго и скоро совсем растает. На поверхности льда стоит вода, и мы шлепаем по ледяной каше. В сущности, это типично морской лед, разбитый на куски большей или меньшей величины, нередко очень мелкие, но тесно сплоченные между собой. При благоприятной погоде такой лед рассеется по морю, и тогда появится столько чистой воды, что мы сможем плыть на веслах в каком угодно направлении.

Сегодня, надо полагать, погода будет такая же, как вчера, с юго-восточным ветром; он теребит и рвет палатку. Мягкая погода и мокрый снег. Бог знает, будет ли еще мороз. Если бы сейчас ударил мороз, путь сразу стал бы превосходным. Но боюсь, что будет как раз наоборот и наступит настоящая распутица. Скоро мы очутимся лицом к лицу с

самыми худшими условиями. Полыньи, впрочем, начинают улучшаться; они теперь не так переполнены ледяными осколками и снежным салом. И то и другое теперь растаяло. А в такой более открытой воде легче образуются мосты.

Как только погода несколько проясняется, начинаем высматривать на горизонте землю. Но нигде ничего не видно – по-прежнему ничего. А между тем постоянно замечаются признаки близости земли или открытой воды. Начинают все чаще попадаться чайки, а вчера мы видели в полынье люрика (*Mergulus alle*)^[283]. Небо на юге и на юго-западе остается все время темным; вообще же погода такая, что не видно даже пути. У меня такое чувство, что приближается развязка. Но как давно уже мне это кажется!.. Есть одна благородная добродетель, имя которой – терпение.

Как прекрасно было бы идти по такому льду в апреле, пока не образовались еще здесь эти полыньи – лежали здесь одни плоские равнины, простирающиеся в бесконечность. Насколько можно судить, все полыньи недавно образовались, да и хребты повсюду тоже новые».

«Вторник, 11 июня. Однообразная, что ни говори, жизнь; однообразнее трудно и представить. День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем упорно пробираемся к цели все по тому же льду, то чуть получше, то похуже, – хотя последнее время он как будто всегда одинаково плох, – с вечной надеждой, что вот-вот наступит этому конец, с надеждой, которая не перестает обманывать. Конца нет этому однообразному льду – лед, лед и лед; нигде на горизонте ни признака земли, ни проблеска открытой воды... А ведь мы уже должны теперь находиться на широте мыса Флигели или, по крайней мере, всего на какие-нибудь 2 севернее. Мы не знаем ни того, где мы, ни того, когда все это кончится, а тем временем запасы наши с каждым днем тают и число собак опасно убывает. Это заставляет призадуматься. Успеем ли мы достигнуть земли, пока у нас еще будет пища? И вообще, достигнем ли мы когда-нибудь земли?

Ледовый путь такой, что скоро нельзя уже будет идти по нему: снег превращается в сплошную слякоть, и собаки проваливаются на

каждом шагу, да и мы сами, когда приходится помогать собакам или вытаскивать тяжелые нарты, увязаем в снегу выше колен. И затем надо брать приступом полынью за полыней, одну гряду торосов за другой. Трудно сохранять бодрость духа при таких обстоятельствах, но все же мы ее не теряем. Правда, бывает, что мы несколько падаем духом, глядя на простирающийся перед нами безнадежный хаос торосов, полыней, ледяной каши и огромных, беспорядочно навороченных ледяных глыб. Порой кажется, что перед тобою внезапно застывший прибой, и бывают минуты, когда буквально представляется возможным, не имея крыльев, продвинуться вперед. Тогда с тоской следишь за полетом неожиданно проносящейся мимо чайки, думаешь о том, как далеко можно было бы улететь, будь у нас такие вот крылья! Но потом, несмотря ни на что, находишь какой-то проход, и надежда снова пускает свои зеленые ростки. А когда затем выглянет из-за туч солнце, и ледяной простор засверкает своей белизной, и солнечные лучи заиграют на воде полыни – жизнь снова кажется совсем прекрасной и достойной борьбы. О ты, небом рожденная надежда!

Удивительно, как мало нужно, чтобы возродить в человеке мужество. Вчера я нашел в полынье небольшую мертвую полярную треску (*Gadus polaris*)^[284], и глаза мои, увидев ее, загорелись от радости, будто это был драгоценнейший клад. Там, где есть рыба, никогда не пропадешь с голоду! И прежде, чем забраться в палатку сегодня утром, я закинул лесу в полынью возле нас. Но сколько понадобилось бы нам выудить таких рыбешек, чтобы прокормиться? На один день ее нужно больше, чем мы могли бы наловить за неделю или даже за месяц! А все – таки мы с Йохансеном радуемся и, полные надежд, фантазируем, лежа в спальном мешке, что здесь водятся, пожалуй, и крупные рыбы и что наловить их можно сколько угодно. Да, человек – счастливое дитя.

Продвигаться вчера было труднее, чем в предыдущие дни. Лед стал менее ровный и массивнее. То и дело попадаются отдельные старые льдины. Много скверных труднопроходимых полыней, и нам удалось уйти недалеко. Боюсь, что мы сделали какие-нибудь 2 или самое большое 3 мили. Думаю, что мы должны находиться под 82°08 или 9 ,

если только постоянный юго-восточный ветер не отнес нас несколько к северу. Путь становится хуже и хуже; снег насквозь до самого низу пропитан водой и не выдерживает больше тяжести собак, хотя кое-где он покрылся настом, так что там, где они не проваливаются, нарты скользят лучше; но они частенько проваливаются, и тогда их уже не сдвинуть с места. Псам нашим тяжело. Даже и не таким изнуренным ездовым собакам пришлось бы тяжело. Наши останавливаются беспрестанно, и приходится помогать им и подгонять их бичами. Бедные животные, плохо им приходится! Лиллеревен (Лисичка), последняя из оставшихся в живых из моей первоначальной упряжки, скоро не в состоянии будет двинуться с места. А какая это была прекрасная ездовая собака! У нас теперь пять собак: Лисичка, Стурревен (Большой Лис) и Кайфас – в моих нартах; Сугген и Харен в нартах Йохансена. Корму для них хватит еще на три дня, так как вчера утром мы убили Исбьёрна. Но за этот срок мы, по мнению Йохансена, разрешим загадку. Боюсь, что это тщетная надежда, хотя синева на ЮВ или ЮЮВ (по компасу) по-прежнему остается на том же месте, поднимаясь все выше.

Тронулись в путь вчера в половине седьмого пополудни и в четвертом часу утра сегодня остановились перед полыньей. Вчера я в первый раз увидел на льду у подножия нескольких торосов озера пресной воды. Но тут, где мы остановились, как раз нет ни одного; так что и сегодня вынуждены растаивать лед для питьевой воды. Но теперь все-таки придется делать это не так уж часто, и можно будет сэкономить керосин, который убывает с жуткой быстротой. И погода и путь все такие же. Ни малейшего удовольствия вылезать из палатки и вновь приниматься за тяжелый дневной труд. Лежу и думаю о том, как прекрасно в Норвегии теперь, в июне, когда над фьордами, горными высотами и зелеными лесами высоко сияет солнце... И там... Но когда-нибудь вернемся же мы вновь к этой жизни! Она станет для нас тогда такой бесконечно прекрасной, как никогда».

«Среда, 12 июня. Становится все хуже и хуже; вчера почти не сдвинулись с места, прошли всего какую-нибудь милю. Нас задерживают и отвратительный путь по неровному льду, через полыньи, и мерзкая

собачья погода. Снег, правда, покрылся настом, и нарты скользят по нему легко, пока держатся на поверхности этой хрупкой корки, но стоит им проломить ее, что случается постоянно, и нарты застревают, словно пригвожденные. Этот наст – очень тяжелое испытание для собачьих лап. Они то и дело проваливаются глубоко в снег между торосами, и беднягам приходится как бы плыть по снежной слякоти. Все же кое-как движемся вперед. Нас останавливают полыньи, но переправляемся и через них. Одну, самую последнюю и самую страшную, преодолели по мосту, который соорудили, согнав к самому узкому месту небольшие льдины. Потом началась подлейшая метель: повалил тяжелыми хлопьями мокрый снег, и этому отвратительному снегопаду, казалось, не будет конца. Ветер тоже крепчал. Найти дорогу в лабиринте торосов и полыней просто невыносимо. Вымокли, как выкупанные вороны. Путь становится непроходимым, нарты упорно застревают в мокром снегу, который налипает толстым слоем на полозья и сбивается огромными комьями. Едва ли оставался иной выход, как отыскать возможно скорее место для лагеря, поставить палатку. Не имело смысла мучить дальше себя и собак в такую погоду, когда все равно не продвинуться вперед. Вот мы и сидим тут, не зная, в сущности, как быть.

Каков сегодня путь, я еще не могу сказать, но думаю – не лучше вчерашнего. Никак не могу решить, что делать: пробовать продвинуться хоть на сколько-нибудь вперед или же отправиться на охоту и попытаться добыть тюленя? К несчастью, здесь, в этих льдах, водится, по-видимому, не так-то много тюленей; по крайней мере за последние дни не видали ни одного. Быть может, лед здесь слишком мощный и сплоченный. Вообще по характеру льда эти места резко отличаются от тех, по каким мы шли последнее время. Будучи далеко не таким ровным, он больше покрыт молодыми и старыми торосами, вдобавок иногда довольно большими, хотя с виду этот лед все-таки не старше одной зимы; попадаются, впрочем, отдельные и более старые глыбы. Лед этот, по-видимому, побывал у берегов земли, так как на нем часто попадаются глина и ил, особенно среди торосов недавнего образования.

Йохансен, выходявший из палатки, говорит, что на юге видна все та же синеватая полоса. А нам никак до нее не добраться! Но хорошо, что она остается для нас неизменной целью. Вновь и вновь встает она перед нами, прекрасная в своей далекой синеве. Для нас это цвет надежды и радости».

«Пятница, 14 июня. Итак, сегодня ровно три месяца, как мы покинули «Фрам». Четверть года блуждаем мы по этой ледяной пустыне и все еще остаемся в ней. Я не представляю больше, когда придет конец этому; могу лишь надеяться, что он не так далек, пусть кончится чем угодно, открытой водой или сушей, Землей Вильчека, Землей Зичи, Шпицбергом или любой другой землей – все равно!..

День вчера выдался не такой уж скверный, как я ожидал. Мы подвинулись бы порядочно, если бы переход, составивший едва ли больше двух миль, не длился так долго. Мы довольны, принимая во внимание время года. Собаки не в силах были одни тащить нарты; если около них не было кого-нибудь из нас, они останавливались на каждом шагу. Оставалось только проходить один и тот же путь трижды: я отправлялся на поиски дороги, Йохансен тем временем протаскивал по моему следу нарты вперед, сколько мог, – сначала мои, потом возвращался за своими, тем временем и я возвращался и сам тащил свои нарты до того места, до которого разведаль путь. Затем та же история повторялась снова. Подвигаемся не быстро, но все же продвигаемся, а это уже кое-что значит. Лед, по которому идем, никак нельзя назвать хорошим. Он по-прежнему довольно мощный и старый, с расходящимися во все стороны буграми и торосами, без единой приветливой равнины. Пройдя некоторое расстояние, попали в область сильно битого льда, небольшие глыбы некогда огромных торосов перемежались широкими полыньями, заполненными ледяной кашей и мелкими осколками. Словом, все это представляло собой сплошной хаос льдин и льдинок, где едва можно было найти место, чтобы встать обеими ногами, а не то чтобы идти вперед. Немудрено человеку упасть духом и на время отказаться от всяких попыток продолжать путь. Куда ни глянь, путь всюду закрыт, и всякому дальнейшему продвижению, казалось, положен

был предел. Вряд ли могли нам помочь и каяки, если бы спустить их на воду: по такому месиву на них не пробиться. И я уже близок был к решению остановиться, и вместо бесплодных попыток идти немедленно дальше, попытать счастья в ловле рыбы удочкой или сетью и попробовать подстрелить тюленя, если бы выследить хоть одного в полынье. Полны были тревогой эти минуты, когда я стоял вот так в раздумье и озирался окрестности с какого-нибудь тороса. Все чаще вертятся теперь мысли вокруг одного: хватит ли у нас продовольствия, чтобы выждать, когда этот снег растает или пока лед разредится и увеличатся разводья, чтобы хотя часть пути сделать на веслах? Есть ли какая-либо вероятность того, что мы сможем обеспечить себе пропитание, когда наши запасы иссякнут? Это вопрос, на который я все еще не нашел ответа. Несомненно, пройдет немало времени, прежде чем снег стает и путь сделается снова сносным. Зато совсем неизвестно, когда поредеет лед и позволит нам продвигаться по полыньям. Между тем охотничьи трофеи до сего дня невелики – две белые чайки да одна рыбка! Кроме того, третьего дня видели рыбу, плававшую у поверхности воды, но она была не больше. Во всяком случае, в этих местах перспективы охоты и рыбной ловли, кажется, вообще невелики. За последние дни я не видел ни одного тюленя. Правда, вчера я набрел на старый, занесенный снегом медвежий след, и мы постоянно видим белых чаек, но они слишком малы и не стоят заряда.

Я решил все-таки в последний раз попытаться пройти вперед, поискать путь в восточном направлении. И действительно, я нашел там переход – по множеству мелких, но плотно сбитых льдин, по которым мы вышли на более старый сплошной лед. Этот лед, чрезвычайно неровный и покрытый илом, видимо, побывал вблизи земли. По этому ледяному полю мы шли, не встречая ни одной полыньи. Но самый лед был местами отчаянно неровный, весь в торосах.

Хорошо, что кое-где поверхность была все же довольно сносной.

Тронулись в путь часов в восемь вечера в среду и остановились вчера в пять часов утра ^[285]. Утром ветер перешел в северо-восточный, похолодало. Снег подмерз, и в конце концов путь стал не так уж плох.

Наст вполне выдерживал тяжесть собак, а местами и нарт; мы уже тешили себя надеждой, что и завтра путь будет также хорош. Но тут нам опять пришлось разочароваться. Не успели войти в палатку, как пошел снег, который упорно продолжался вчера в течение всего дня, пока мы спали. Когда вечером мы выползли, чтобы приготовить завтрак и двинуться дальше, он все еще падал. Кругом все покрыто глубоким снегом, путь стал самым отвратительным, какой только можно представить. Двигаться при таких условиях не имело ни малейшего смысла, и мы решили выждать. Между тем давал себя знать голод, но завтракать по-настоящему нам было не по средствам. Поэтому я сварил лишь небольшую порцию похлебки из рыбной муки, и мы снова юркнули в спальный мешок: Йохансен, чтобы вздремнуть, а я, чтобы еще раз проверить свои наблюдения с момента, когда мы покинули «Фрам», и удостовериться, нет ли в них все-таки какой-нибудь ошибки, которая могла бы разрешить загадку: почему мы до сих пор не встречаем земли. Проглянуло солнце, но скоро опять скрылось, и попытка произвести наблюдение не увенчалась успехом. Больше часа стоял я с теодолитом, выжидая, не выглянет ли солнце еще раз. Но солнце исчезло и больше не появлялось. И сколько я ни вычислял, ни размышлял, никакой существенной ошибки так и не мог найти. А все вместе взятое продолжает оставаться загадкой. Меня все сильнее одолевало сомнение, не уклонились ли мы все-таки чересчур к западу? Я совершенно не допускаю, чтобы мы могли оказаться восточнее земли; во всяком случае, можем находиться самое большее на 5° восточнее, чем показывают наши наблюдения^[286].

Если даже предположить, что часы наши спешат, то все же мой «Йохансен»^[287] не может уйти вперед больше чем вдвое против прежнего. Я допустил в своих вычислениях, что часы спешат на 5 с, но если допустить даже, что они спешат на 10 с, и тогда это даст разницу всего лишь в 6 мин 40 с за 30 дней (со дня нашего отъезда с «Фрама» и до последнего наблюдения), то есть находимся на $1^{\circ}40'$ восточнее, чем следовало. Если допустить также, что в промежуток между 8 и 13 апреля я сделал слишком большую накидку на три дневных перехода и что

вместо 10 миль, как я считал, пройдено всего 6 – меньше мы, безусловно, пройти не могли, – то, следовательно, мы были 13-го не под 86° восточной долготы, как предполагали, а под 89° . Это значит, что мы отклонились на 3° к востоку или, принимая во внимание указанную выше поправку, всего на 5° , следовательно, сейчас мы могли быть не под 61° , а под 66° восточной долготы, или в 15 милях от мыса Флигели^[288]. Но все же даже при этом к югу от нас должна была виднеться земля, тем более, что Земля Вильчека не может быть слишком низкой и уклониться в восточной своей части так далеко на юг, чтобы ее не было видно. Если мыс Будапешт^[289] лежит примерно под 61° восточной долготы и несколько севернее 82° широты, то, следовательно, он должен находиться не больше чем в 10 милях от нас. Нет, это как было, так и останется непостижимою загадкой.

С другой стороны, столь же трудно предположить, что мы находимся много западнее. В таком случае нас должно было бы сильно отнести дрейфом между 8 и 13 апреля; или же часы мои перед 2 апреля в течение некоторого времени стояли. Три наблюдения от 2, 4 и 8 апреля, по-видимому, действительно показывают, что нас отнесло значительно на запад. 2 апреля мы находились под $103^{\circ}06'$ восточной долготы, 4-го – под $99^{\circ}59'$ и 8-го – под $95^{\circ}07'$ восточной долготы, а между этими днями не было сделано ни одного значительного дневного перехода; между наблюдениями 2-го и 4-го был сделан небольшой дневной переход, а между 4-м и 7-м – два, которые, однако, были ничтожны и не могли значительно подвинуть нас на запад. Это значит, что мы отнесены дрейфом за шесть суток почти на 8° или, допустим, хотя бы на 7° к западу. Если мы будем считать, что все пять суток между 8-м и 13-м был такой же дрейф, то, значит, мы отклонились на 7° дальше на запад, чем предполагаем. Следовательно, сейчас мы могли бы находиться не под 61° , а под 54° восточной долготы. Но и тогда должно было быть не больше, чем 8 миль от мыса Флигели и совсем близко от Земли Короля Оскара. А в таком случае можно было уже видеть или тот, или другую. Если же предположить, что в период до 2 апреля был также сильный дрейф к западу, и если не исключать возможность, что мои

часы, как я и опасался, все-таки стояли, тогда нас могло отнести бог весть как далеко на запад. Вот все что мы можем сказать. И мне все чаще приходит на мысль такая возможность.

Тем не менее нам остается, по-видимому, одно: двигаться вперед по тому же курсу, которого мы придерживались до сих пор, быть может, лишь немного больше уклоняясь к югу. Куда-нибудь мы придем, и тогда, вероятно, разрешится и эта загадка.

Покончив с вычислениями, я прикорнул немного, но, когда вышел сегодня около полудня, путь оказался не лучше, а скорее хуже. Свежевыпавший снег совершенно талый, и путь чрезвычайно скверный. Тем не менее следовало двигаться дальше: лежа здесь, ничего не выиграешь. Как бы мало мы ни прошли, все же это движение вперед.

После полудня я с трудом уловил один раз высоту солнца, но очертания его были не резки».

«Суббота, 15 июня. Середина июня, а конца похода все еще не предвидится! Наоборот, положение ухудшается. Так скверно, как вчера, еще ни разу не было; пожалуй, и хуже тоже не может быть. Нарты по глубокому рыхлому и мокрому свежевыпавшему снегу еле двигались, а при задержках – они случались поминутно – словно прилипали к месту. В этих случаях, напрягая все силы, едва удавалось сдвинуть нарты с места. На лыжах идти было не легче: стоило на минуту остановиться, как на них снизу налипал толстый слой снега; лыжи все время зарывались в рыхлый снег. Кроме того, под подошвы тоже набивался и быстро обледепевал снег; только поналяжешь на нарты, и сразу лыжи соскальзывают с ног, а ты оседаешь в снег и проваливаешься в него по пояс. Оставалось выкарабкиваться и снова вставать на лыжи. Брести по такому снегу без лыж бессмысленно. Пожалуй, лучше бы их привязать, но тогда новая канитель: лыжи то и дело пришлось бы снимать, когда нужно перетаскивать нарты через торосы или переправляться через полыньи. Лед, куда ни повернись, неровный, покрытый буграми и старыми торосами. Продвигаться вперед можно только извиваясь, как угорь. Нередко встречались полыньи, вынуждавшие делать дальние обходы, или значительные пространства тонкого и ненадежного льда,

или хаос торосов и тому подобное свинство. Мы тащились вперед, передвигаясь в два приема, как и прежде.

Вечные мучения

Рисунок

Собаки совсем выбиваются из сил. Лисичка, последний «пережиток» моей упряжки, едва передвигает ноги; заставить ее тащить сани нечего и думать. Она шатается, словно пьяная, а когда падает, то едва в состоянии подняться на ноги. Сегодня мы ее, слава богу, убьем и избавимся от этого зрелища. Стурревен тоже начинает сдавать, когда идет в упряжке. Одна только Кайфас еще везет мои нарты, да и то лишь в том случае, если кто-либо из нас идет рядом и помогает ей. Идти дальше при таких обстоятельствах – значит изнурять без пользы самих себя и собак, расходуя к тому же провианта больше, чем необходимо. Вчера поэтому мы отказались от обеда и, выйдя в 4 ч 30 мин пополудни, сделали привал только около 9 ч вечера.

В пути мы останавливались только один раз, чтобы произвести наблюдение. Теперь нелегко поймать солнце, и приходится пользоваться каждой минуткой, когда оно мелькнет сквозь бегущие облака; яркого солнца не дожидаться. Вчера днем после упорного ожидания и после того, как я два раза напрасно устанавливал приборы, удалось, наконец, сделать скудное наблюдение и взять хотя бы приблизительно высоту. Вчера же вечером я это наблюдение обработал и нашел, что нас

неожиданно отнесло очень сильно на запад. С $61^{\circ} 16'$ восточной долготы, где мы были 4 июня, мы очутились примерно под $57^{\circ} 40'$. Кроме того, нас отнесло порядочно на север, 4-го мы были под $82^{\circ} 17,8'$ северной широты, а вчера под $82^{\circ} 26'$. А ведь с того времени изо всех сил и с великим трудом мы пробивались к югу.

Утешительна, впрочем, такая подвижность плавучего льда, это подает надежду, что в конце концов нас все же вынесет дрейфом на открытую воду. Я уже начал сомневаться, чтобы можно дойти куда-нибудь одними собственными усилиями при таком гнусном состоянии поверхности льда и всего пути – вся надежда теперь на разрежение льда.

На наше счастье, вчера поднялся северо-восточный ветер. Пусть бы он только продержался и хорошенько погнал льды. Ведь если ветер мог отнести нас на северо-запад, он может отнести и на юго-запад и, наконец, прямо к нашей цели или хотя бы в море между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергом. Судя по этому наблюдению я еще больше, чем когда-либо, сомневаюсь, что мы окажемся к востоку от мыса Флигели, и все больше и больше начинаю верить в возможность того, что первой землей, которую мы увидим, – если вообще нам суждено ее видеть, а на это я все же надеюсь, – будет Шпицберген. В таком случае нам и одним глазком не удастся взглянуть на Землю Франца-Иосифа – землю, которую я видел в золотых грезах и во сне, и наяву. Ну, да будь что будет, приходится с этим примириться. На Шпицберген попасть в сущности тоже недурно, а если мы действительно ушли так далеко к западу, то тем больше надежды добраться в скором времени до открытой воды или до разреженного льда. Итак, в путь! Если бы мы только могли раздобыть продовольствие, все было бы в порядке, но в том-то и загвоздка.

Потратив немало времени на вычисление и размышления по поводу нашего дрейфа и нашего будущего, я позволил себе хорошенько выспаться. К чему, в самом деле, спешить по этому пути, который сегодня ничем не лучше вчерашнего? Да, кроме того, идти ночью и прохладнее и удобнее, чем днем. Самое лучшее – это растянуть по возможности время, расходуя при этом наши запасы лишь безусловно

необходимыми порциями. Летом условия, несомненно, улучшатся, и за три рабочих месяца мы сможем обеспечить себя провиантом. Было бы странно, если бы это оказалось невозможным. Птицы здесь, во всяком случае, встречаются постоянно: вчера я опять видел большую чайку; но на то, чтобы поддерживать свою жизнь ими, у нас не хватит патронов. Все надежды теперь на тюленей и медведей; забить бы хоть одного такого приятеля прежде, чем придут к концу наши запасы; тогда мы будем обеспечены надолго».

«Воскресенье, 16 июня. Вчера дело шло из рук вон плохо. Лед такой тяжелый, что можно прийти в отчаяние. Единственное утешение – сознание, что хуже уже быть не может! Минутами я просто не знал, на что решиться. Пожалуй, лучше убить всех собак сразу, чтобы запастись пищей для самих себя, и попытаться без их помощи двигаться вперед по мере сил. Таким образом мы, конечно, продлили бы свои запасы дней на пятнадцать, а то и на двадцать и успели бы за это время продвинуться вперед хоть сколько-нибудь. На более или менее значительное продвижение, однако, рассчитывать нельзя, а потому все же, пожалуй, правильнее выждать. Но, с другой стороны, до земли, до открытой воды или, во всяком случае, до разреженного льда не может быть далеко, и каждая пройденная к югу миля имеет свое значение. Значит, нужно пытаться использовать собак до последней возможности и с их помощью продвинуться насколько возможно дальше. Может статься, перемена близка, а если и нет, то лед улучшится, станет ровнее, как тот, по которому мы шли не так давно.

А пока что мы вынуждены были забить вчера еще двух собак. Когда тронулись в путь, обнаружилось, что Лисичка совсем выбилась из сил и ноги у нее подкашивались; она упала и не могла встать; я протащил ее немного вместе с нартами, но она тщетно пыталась подняться на ноги. Пришлось взвалить беднягу на нарты поверх груза. Когда дошли до тороса, где нашлось защищенное от ветра место, Йохансен убил ее, пока я ходил искать дорогу. Не лучше было положение и с другой из моих собак – Стурревенем. Нечего и думать было не только заставить его тащить нарты, но и вообще двигаться

самостоятельно; он едва плелся, шатался и падал; все время приходилось помогать ему вставать, но тем не менее он еще кое-как двигался. Затем ему стало совсем неважно передвигать ноги. Он отстал, постромки его попали под полозья, и его пришлось тащить за нартами. Я попробовал отвязать его в надежде, что тогда он, во всяком случае, сможет сам тащиться сзади. Он так и поступал некоторое время, но потом лег. Йохансен вынужден был подобрать его и положить на свои нарты, а когда мы остановились на ночлег, пришлось и его убить. Итак, у меня остался один Кайфас, а у Йохансена – Харен и Сугген. Этих трех собак мы сможем прокормить двумя убитыми в течение десяти дней. Но как далеко за это время уйдем – одни боги ведают! Боюсь, что не очень далеко.

Теперь мы должны впрягаться в нарты сами, и потому из двух собачьих сбруй сделали подходящую лямку для себя [\[290\]](#). Теперь уже не имело смысла идти на свободных лыжах, на которых ноги то и дело подвергались, соскальзывали и увязали глубоко в бездонный снег. На гладких подошвах комах снег обледеневал, и они становились скользкими, как угриная кожа. Мы крепко привязали лыжи, и там, где лед был ровный, действительно оказывалось возможным тащить сани с помощью одной собаки. Таким образом, я убедился, что по сносному льду и ровному пути мы даже без собак сможем продвигаться понемногу вперед без особого труда. Но при малейшей неровности нарты совсем останавливались. Приходилось изо всех сил налегать на лямки, и все же частенько мы не могли сдвинуть нарты с места. Тогда забегали сзади и приподнимали нарты; напряжением всех сил удавалось перевалить их через препятствие, но вслед за тем мы натыкались на новое, и все начиналось сначала. Повернуть нарты в глубоком снегу, в который они часто зарывались, было тоже не легче, и, только приподняв их, мы получали возможность двинуться дальше.

Так мы и продвигались шаг за шагом, пока не выходили, наконец, на небольшую равнину, где можно было двигаться быстрее. Но иногда вместо равнин попадались полыньи и торосы, и это было всего хуже; одному в торосах никак не справиться с нартами; приходилось каждые

нарты переволакивать вдвоем. Когда мы, наконец, оставляли за собой исследованный заранее путь, мне опять приходилось идти одному вперед, отыскивая проходы между торосами.

Пускаться в путь по неровному льду сразу с нартами невыгодно: наткнувшись на слишком трудное препятствие, приходится возвращаться обратно. Вот и тащишься сначала налегке. Таким -то образом силимся мы продвигаться вперед. Само собой разумеется, что дело идет не быстро, а дневные переходы невелики; однако что-нибудь мы проходим, и затем ведь это единственное, что нам остается делать, так как нельзя же заползти в берлогу и проспать там целый месяц до тех пор, пока лед и путь станут опять лучше.

По небу видно, что на юге и юго-востоке должны быть полыньи; быть может, таким способом мы продвигаемся к чему-нибудь лучшему. Вчера начали поход около 10 ч вечера и остановились сегодня в 6 ч утра. Последние дни не останавливаемся на обед и таким образом экономим на одной трапезе. Этот лед и этот путь пока еще не стоят лишней еды.

Чтобы использовать полностью все ресурсы, сегодня утром собрали кровь Стурревена и сварили из нее, я бы сказал, «кровяную кашу». Хотя это была лишь собачья кровь, кушанье вышло вкусное, и мы таким образом сэкономили порцию нашей рыбной муки. Прежде чем лечь спать, проверили оставшийся запас патронов и обнаружили, к своей радости, что имеем еще 148 зарядов дроби, 181 патрон для винтовки и, кроме того, 14 с круглыми пулями (картечь). С таким запасом мы в состоянии будем просуществовать на льду довольно долгое время; если даже не встретится крупная дичь, всегда сможем настрелять по крайней мере птиц, а 148 птиц хватит надолго. Если же обходиться половинными зарядами, то можно сделать еще больше выстрелов. Кроме того, у нас есть четверть килограмма пороха и порядочно пуль и пистонов для перезарядки патронов. Это открытие вернуло мне хорошее настроение, а то оно пошатнулось; по правде сказать, перспективы наши казались весьма неблестящими.

Итак, мы, пожалуй, можем считать себя обеспеченными пропитанием на три месяца, а за это время куда-нибудь да придем. Кроме дичи, которую можно настрелять, мы ведь можем также ловить чаек на приманку, а, кроме того, если придется круто, вылавливать из воды сачком мелких ракообразных. Легко может случиться, что мы слишком поздно дойдем до Шпицбергена и уже не застанем там судов. Ну что ж: там перезимуем. Это еще не беда. Ведь то будет барская жизнь по сравнению с сидением среди этих дрейфующих льдов в полном неведении того, где в сущности ты находишься или куда тебя собственно несет, не видя цели, или же видя ее маячащей где-то вдали. Я не хотел бы вторично пережить все это. Мы дорого расплачиваемся за то, что один раз прозевали вовремя завести наши часы. Да, если бы нас никто не ждал дома, перспектива зимовки на Шпицбергене могла бы быть даже соблазнительной.

Я часто лежу, мечтая о том, как тепло и уютно могли бы мы устроиться там. Все за пределами этих льдов представляется в розовом свете! Но придет же когда-нибудь время, и мы из них выберемся.

Остается утешать себя поговоркой: «Ночь всего темнее перед рассветом». Правда, все дело в том, чтобы знать, насколько темна наша ночь, а то она, безусловно, может стать еще темнее. Но мы возлагаем надежды на лето. С наступлением лета положение должно улучшиться».

Так день за днем медленно шли мы дальше, борясь с теми же трудностями, по такому же тяжелому льду. Нарты то и дело застревали. И собаки, и люди напрягали все силы, но успехи были невелики. Вдобавок стал ощущаться недостаток продовольствия, и мы уменьшили и свои, и собачьи пайки до минимума, чтобы продержаться со своими запасами как можно дольше. Все пятеро чувствовали себя постоянно – с утра до вечера и с вечера до утра – голодными и измученными. Мы уже решили стрелять любую дичь, какая бы ни попалась на пути, но, как нарочно, даже чайки и глупыши не пролетали мимо нас на расстоянии выстрела. Полыньи становились хуже и хуже, почти всегда они были полны снежного месива и ледяной каши. Часто приходилось нам подолгу идти, перебираясь по мелким осколкам льдин, то и дело проваливаясь.

18 июня была вьюга «при сильном ветре с запада (истинного). Палатку рвет и треплет. Нас опять, наверное, вместе со льдом отнесло на восток, туда же, откуда мы пришли: только, быть может, еще севернее. Так носит нас из стороны в сторону по воле ветра и течения! Так будет, быть может, продолжаться все лето, и ничего мы с этим поделать не можем». Наблюдение меридиональной высоты в это т день показало, однако, что мы находимся под 82°19 северной широты и, значит, все-таки продвинулись немного на юг. Я убил одну кайру (*Uria brunnichii*) и двух глупышей; это несколько увеличило наш запас провианта. К несчастью, я промазал по двум тюленям, а уж какой желанною была бы такая добыча!

«Теперь здесь вокруг достаточно оживленно, – писал я в дневнике 20 июня. – Маленькие люрики летают взад и вперед, садятся на лед, щебечут, порхают у самого входа в палатку. Глядеть на них одно удовольствие; жаль только, что они слишком малы. Стояими мы их не видели, почти всегда лишь парами. Замечательно, как увеличилось число птиц за последние дни после того, как позавчера начался и еще до сих пор не утих западный ветер. Всего удивительнее внезапное появление множества люриков. Все чаще пролетают они с шумом и веселым щебетом мимо палатки, создавая иллюзию, что мы снова очутились в более гостеприимных краях. Внезапное появление этих птичек – интересный факт. Но толку от него мало: твердой земли не видно, а путь по льду – хуже и быть не может. Продолжительная оттепель, которая бы ускорила таяние снега, не наступает.

Вчера утром перед завтраком я пошел по направлению к югу, чтобы посмотреть, каков там лед. Сначала он был ровный и гладкий, потом пошли полыньи, одна другой хуже. Единственный выход – спустить на воду каяки, хоть они и протекают, и попытаться идти вдоль полыней на веслах.

С этим решением я и вернулся. Путь был все такой же: сплошь мокрый снег, и я глубоко увязал в сугробах между торосами, которых было немало. Теперь мы уже не разрешали себе и завтракать по-настоящему: съев по 50 г хлеба да по 50 г пеммикана, принялись

готовить каяки к спуску на воду, а также приводить в порядок насосы, чтобы груз в каяках не пострадал от течи. Пришлось, кроме того, заделать дыру в моем каяке, которую я раньше не заметил. Потом скромно закусили 60 г алейронатного хлеба с 30 г масла на каждого и заползли в спальный мешок с намерением спать как можно дольше, чтобы убить время и обойтись без лишней трапезы.

Теперь все дело в том, чтобы продержаться до тех пор, пока снег не стает и путь не улучшится. В 1 ч дня сегодня, выбравшись из мешка, позавтракали чуточку пороскошнее: поели рыбной запеканки. Досыта есть мы себе больше не позволяем. Решено пуститься в путь, попробовав новую тактику: не избегать полыней, но искать их и пользоваться ими для продвижения на веслах. Во всяком случае это, конечно, должно помочь хоть немного. И чем дальше к югу, тем полыней, конечно, будет больше, а вместе с тем увеличатся надежды на какую-нибудь добычу.

Вообще же, по правде сказать, положение наше печальное, никаких видов на успех в ближайшее время, так как во всех направлениях лежит сплоченный, непроходимый лед, а запасы быстро убывают; попытки наловить рыбы сетью-волокушей окончились полнейшей неудачей. Долго и старательно я греб в каяке, волоча за собой сеть, но в улове оказался один крылоногий моллюск (*Clio borealis*) да несколько ракообразных. По ночам я часами лежу без сна и думаю, как найти лучший исход...»

Глава шестая В «Лагере томления»

«Суббота, 22 июня, половина девятого утра, после обильного завтрака из тюленьего мяса, печени, сала и бульона.

Лежу я сытый, довольный и отдаюсь чудесным грезам: вся жизнь снова озарена солнцем. Одна маленькая случайность может изменить все! Вчера еще – да и вообще последние дни – все представлялось в самом мрачном свете: путь казался невозможным, лед до отчаяния тяжелым, никаких видов на удачную охоту – вообще полная безнадежность. И вдруг около наших каяков вынырнул и стал вертеться вокруг нас большой тюлень. Йохансену удалось всадить в него пулю как раз в ту самую минуту, когда он собирался исчезнуть. На наше счастье,

этот тюлень – первый и единственный морской заяц, лахтак (*Phoca barbata*)^[291], виденный нами за все путешествие, – продержался на воде ровно столько, сколько потребовалось, чтобы я успел подцепить его багром. И вот теперь мы на целый месяц обеспечены продовольствием и горючим. Спешить больше нечего: можно посидеть на месте, отдохнуть, приспособить получше нарты и каяки для плавания, половить рыбу и выждать улучшения пути. В течение стольких дней мы жили впроголодь, а ведь теперь у нас за ужином и за завтраком еды вволю. Будущее кажется теперь светлым и многообещающим; темные тучи не заслоняют нам солнца.

В четверг вечером 20-го мы тронулись в путь, не питая особых надежд. Путь был такой же, как и накануне: образовавшийся за день наст не особенно улучшил дело. Если нарты прорезали наст, их нельзя было сдвинуть с места, не приподняв, а при поворотах между неровностями они врезались в наст и останавливались. Лед был неровен и труден для перехода, снег вязкий и пропитанный водой, так что даже на лыжах мы глубоко тонули в нем. Не продвижение, а сплошное мучение. Вдобавок эти бесконечные полыньи. Правда, они часто смыкались от сжатия льдов, и переправляться через них было не так уж трудно, но все-таки постоянно приходилось кружить и делать обходы.

Мы ясно видели, что долго так идти невозможно. Оставалось одно: отделаться от всего, без чего мы так или иначе могли обойтись, и двигаться дальше как можно быстрее налегке, имея с собой лишь умеренный запас продовольствия, каяки, ружья и самую необходимую одежду. Так, по крайней мере, можно было успеть достигнуть твердой земли раньше, чем будут съедены последние крохи. Мы стали прикидывать, без чего можно обойтись. Аптечка, запасные перекладины для нарт, запасные лыжи, гамаша, грязное белье... Палатка?.. О, да!.. Когда мы дошли до спального мешка, то тяжело вздохнули; но придется оставить и его: он был теперь постоянно мокрым и таким тяжелым. Вдобавок, чтобы иметь возможность, встречая по льду, сразу спускать нарты на воду целиком, как они есть, с каяками вместе, необходимо было положить на нарты под каяки деревянный настил, а всю мягкую

подстилку – спальный мешок, одежду, мешки с продовольствием – убрать. Иначе у каждой полыньи приходилось бы развязывать нарты, снимать с них каяки, спускать последние на воду, там их связывать и ставить поперек каяков нарты, а переплыв на другую сторону, проделывать все это в обратном порядке. При таком способе передвижения мы недалеко бы ушли за день.

Решив произвести все эти реформы на следующий день, мы тронулись дальше и скоро приблизились к длинному разводью, через которое нужно было переправиться. Мы быстро спустили оба каяка рядышком на воду, крепко связали их вместе, положив поперек лыжи и пропустив последние под стропы; получился прочный плот. Затем поставили на них нагруженные нарты – одни на нос, а другие на корму.

Переправа через полынью

Рисунок Фритьофа Нансена

Нас смущали только собаки; каким образом захватить их с собой? Но они сами прыгнули за нартами на каяки и улеглись там так, будто они ничего другого и не делали в своей жизни. Кайфас восседал на моих нартах на носу, а две другие улеглись на корме. Пока мы вози лись со всей этой работой, впереди нас то показывался, то снова скрывался под воду тюлень; но я не хотел стрелять, пока каяки не будут готовы к спуску на воду, чтобы быть уверенным, что мы подхватим добычу прежде, чем она пойдет ко дну. Но тюлень, конечно, за это время скрылся и больше не показывался. Эти тюлени, как заколдованные:

появляются только для того, чтобы подразнить нас. В этот день они показывались дважды, но я тщетно выжидал удобной минуты; раз даже выстрелил и – промахнулся! Это уже третий промах по тюленю. Если так и дальше пойдет, плохо наше дело; мы быстро расстреляем наши патроны. Я заметил, что целился слишком высоко для таких коротких расстояний, вот и получается перелет. Итак, мы уселись и пустились по синим волнам в первое наше дальнейшее плавание. Со стороны посмотреть – крайне странный плот: нагромождение нарт, мешков, ружей, собак и людей. Настоящий цыганский табор, по словам Йохансена. Если бы тогда кто-нибудь неожиданно встретился с нами, то, конечно, не знал бы, за кого нас принять. Во всяком случае, не за исследователей северных полярных стран.

Нелегко было грести веслом в промежутке между нартами и лыжами, торчавшими с обеих сторон, но, приноровясь, мы довольно хорошо подвигались вперед и скоро пришли к заключению, что сочли бы себя счастливыми, если бы могли плыть так целый день, вместо того, чтобы тащить несносные нарты по этому проклятому льду. Правда, каяки протекали, и нам приходилось откачивать воду; но с этим легко было примириться – только бы побольше открытой воды вокруг.

Наконец, очутились мы по другую сторону разводя. Я выпрыгнул на край льдины и только хотел подтянуть к себе нарты, как услышал рядом сильный всплеск. Это был тюлень. Немного спустя послышался такой же плеск с другой стороны, а в третий раз показалась огромная голова. Животное пыхтя плавало взад и вперед, но скрылось, глубоко нырнув под край льдины, прежде чем мы успели достать ружья. Этот великолепный жирный заяц был бы для нас хорошей добычей. Мы были уверены, что он исчез совсем, но едва я успел наполовину втащить на льдину первые нарты, как толстая голова опять показалась возле самых каяков, все так же пыхтя и отдуваясь. Я взглянул на свое ружье, – оно лежало в каяке, и мне не дотянуться было до него. «Йохансен, бери ружье, стреляй в него! Да скорей же, скорее!» Йохансен ждать себя не заставил, он вскинул ружье к щеке, и в ту самую минуту, когда заяц снова приготовился исчезнуть подо льдом, раздался выстрел. Тюлень

взметнулся, лег на спину и заколыхался на воде. Кровь хлестала у него из головы. Я бросил нарты, схватил гарпун и с быстротой молнии всадил его глубоко в жирную спину зайца, который еще вздрагивал, распластавшись на воде. Теперь он вдруг весь задержался, – оказывается, он еще был жив. Опасаясь, что тонкий гарпунный линь не выдержит, если огромное животное вздумает воскреснуть по-настоящему, я выхватил нож из ножен и всадил его тюленю в горло. Ручьем хлынула кровь. Вода далеко вокруг окрасилась красным. Обидно было, что драгоценная кровь таким образом пропадает даром. Но делать нечего; лишь бы не упустить самого тюленя. На всякий случай я всадил в него еще один гарпун.

Нансен и Йохансен во время санной экспедиции

Рисунок

Между тем наполовину втащенные на край льда нарты соскользнули, и каяки с Йохансеном и собаками очутились в воде. Он попытался было втащить нарты обратно на каяк, но это оказалось ему не под силу, и нарты остались одним концом в воде. Они накренили своей тяжестью весь плот, так что борт каяка Йохансена касался воды. Каяк протекал, как решето, и вода в нем набиралась с пугавшей нас

быстротой. Стоявший на палубе кухонный аппарат свалился в воду и, подгоняемый ветром, весело поплыл в сторону со всем своим драгоценным содержимым; благодаря алюминиевой крышке, которая, на счастье, оказалась водонепроницаемой, он не тонул. Лыжи тоже соскользнули и закачались возле каяка на воде, а самый плот наш погружался все глубже и глубже. Я в это время стоял на льду, придерживая нашу драгоценную добычу, не смея выпустить из рук ливня. Все, вместе взятое, представляло картину полной катастрофы.

Но вот каяк Йохансена накренился так сильно, что вода дошла до распоровшегося шва на палубе, и в одно мгновение весь каяк наполнился водой. Выбора у меня не оставалось: надо было бросить зайца и постараться вытащить каяк, пока он не пошел ко дну. Так я сделал, хотя наполненный водой каяк был достаточно тяжел. Затем пришла очередь зайца. Тут дело оказалось похуже. Порядком пришлось нам повозиться, прежде чем удалось мало-помалу вытащить грузную тушу на лед.

Тогда мы оба громко завопили от радости и принялись от избытка чувств плясать вокруг тюленя. Каяк, полный воды, насквозь промокшие вещи – в этот момент нам все казалось ничем: у нас был теперь богатый запас и пищи и горючего на долгое время. Наши тревоги как рукой сняло.

Теперь надо было спасать и сушить вещи, в первую очередь, конечно, боеприпасы, от которых зависело все наше существование. К счастью, патроны почти не пострадали, да и заряды дробы в картонных капсулах не так уж долго пролежали в воде, чтобы успеть промокнуть. Хуже обстояло дело с нашим небольшим запасом пороха: жестянка, в которой лежал порох, была до краев полна водой.

Съестные припасы оказались подмоченными не особенно сильно, за исключением хлеба; он насквозь пропитался соленой водой и от этого не стал вкуснее.

Мы нашли неподалеку место для стоянки, быстро разбили палатку, разрубили тюленью тушу на части и все хорошенько припрятали. Вряд ли плавучие льды давали когда-нибудь приют более довольным и

счастливым людям, чем те двое, которые, сидя в то утро в спальном мешке, ели тюленьё мясо и сало и запивали еду мясным бульоном до тех пор, пока только оставалось место в желудке. Оба единодушно признали, что никакой обед на свете не мог быть вкуснее. А потом мы забрались поглубже в свой любимый мешок, с которым пока не было нужды расставаться, и заснули сном праведных, с сознанием, что нам нечего больше беспокоиться о будущем.

Я нахожу, что в данное время самое лучшее, что мы можем сделать, – это остаться на месте, кушать тюленину и, не трогая оставшегося провианта, ждать, когда или лед рассеется, или путь станет лучше. Пока что мы смастерим деревянный настил для нарт, попытаемся сделать каяки водонепроницаемыми, а затем облегчим, насколько возможно, наше снаряжение. Если отправиться в путь сейчас, то придется бросить на месте значительную часть тюленьего мяса и сала, а это было бы, по-моему, безрассудством».

«Воскресенье, 23 июня. Канун Ивана Купалы и вдобавок воскресенье. Как радуются сегодня у нас на родине все школьники! Люди веселыми, радостными толпами спешат за город, в чудесные норвежские леса и долины! А мы лежим по-прежнему здесь, на Севере, среди плавучих льдов, варим и жарим тюленьё мясо и сало, жуем эти лакомые блюда, и не видно конца такой жизни, – быть может, нам предстоит еще такая же зима. Меньше всего думал я, что в это время мы все еще будем сидеть здесь.

Одна приятная перемена, впрочем, произошла. После того как потребление продовольствия и горючего было доведено до предельно малых размеров, вдруг в нашем распоряжении и того и другого сколько угодно, мы можем есть вволю, не жалея, когда хотим и сколько хотим. Это даже как-то не укладывается в сознании. И как вкусна эта пища! Она с каждым разом нравится нам все больше. Сало, и сырое и жареное, по-моему, великолепно и отлично может заменить масло. Мясо же тюленьё, по нашему мнению, так хорошо, как только может быть хорошо мясо. Вчера на завтрак у нас был суп с вареной тюлениной и сырое сало. К обеду я зажарил прекрасно удавшиеся бифштексы, которые нам обоим

показались такими вкусными, что никаким бифштексам из «Гранд -отеля» не сравниться с нашими, хотя, конечно, мы не прочь были бы запить их кружкой доброго мартовского пива. Вечером я испек кровяные оладьи на тюленьем жире вместо масла, и оладьи получились, по мнению Йохансена, первосортные. Меня нечего было и спрашивать.

Но готовить такие кушанья в палатке, на жировой лампе – удовольствие, однако, сомнительное. Если даже лампа не коптит, то чад ест несчастному повару глаза; держать их открытыми невозможно – они закрываются сами собой и бурные ручьи текут из глаз и носа. Но дело чуть было не кончилось совсем печально. Лампа, которую я смастерил из листа нейзильбера, слишком раскалилась под сковородкой, и вдруг все – и куски оладьев на сковороде и ворвань в лампе – разом вспыхнуло. Пламя взметнулось высоко вверх. Я всячески пытался погасить его, но оно разгоралось все сильнее. Лучше всего было бы, конечно, выбросить самую лампу, но на это не оставалось времени. Палатка стала наполняться удушливым дымом, и как последнее средство я схватил горсть снега и бросил в кипящую ворвань. Лучше бы я этого не делал. Последовал ужасающей силы взрыв, брызги горячей ворвани разлетелись во все стороны, и вокруг лампы разлилось огненное море, заполнившее палатку и поглотившее все, что находилось поблизости.

Полузадохшиеся, бросились мы оба к застегнутой на пуговицы двери палатки, оборвали ее и ринулись на воздух, радуясь, что спасли себе жизнь. После этого взрыва лампа погасла. Но, взглянув на палатку, мы увидели, что в шелковой стенке, как раз над тем местом, где стояла сковорода, прожжена огромная дыра. Пришлось пожертвовать на починку кусок парусины, служившей покрышкой для нарт. С большим трудом разожгли мы снова огонь и дожарили последние оладьи. Съели мы их, посыпав сахаром, в отличном расположении духа. Вкуснее этого блюда мы никогда не ели. Да, впрочем, у нас было более чем достаточно оснований быть в хорошем настроении: сегодняшнее наблюдение показало, что мы находимся под 82°04,3 северной широты и 57°48 восточной долготы. Несмотря на западные и отчасти юго-западные ветры, мы за пять дней продвинулись на 14 к югу и почти не уклонились

к востоку. В высшей степени неожиданное и приятное открытие. К тому же теперь дует северный ветер, и нас, следовательно, несет в более теплые края».

«Среда, 26 июня. Разумеется, мы торжественно отпраздновали 24 июня: во-первых, исполнилось два года, как мы покинули родину; во-вторых, прошло сто дней, как мы распрощались с «Фрамом» (собственно это не совсем так: сто дней исполнилось двумя днями раньше); в-третьих, это был Иванов день. Праздник был, конечно, полным; мы провели его в мечтах о лучшем времени, изучая карты, размышляя о шансах и видах на будущее, читая то, что было под руками: морской альманах и навигационные таблицы. Йохансен, кроме того, совершил прогулку вдоль полыньи и промазал по тюленю в разводье к востоку от нас. Затем довольно поздним вечером был сервирован ужин из кровяных оладий с сахаром. На жировой лампе они поджаривались очень медленно и, чтобы съесть их горячими, приходилось брать оладьи прямо со сковородки; промежутки между порциями были достаточно продолжительными, и мы успевали вновь проголодаться. На закуску сварили брусничного киселя, который показался ничуть не хуже обычного, хотя брусника помокла вместе с каяком Йохансена в соленой воде. Было уже больше восьми часов утра, когда мы, сытые и довольные, заползли в спальный мешок.

В полдень я встал и сделал наблюдение за высотой солнца. Погода была такая лучезарная, какой и не запомню, – настолько давно ее у нас не было. Сидя на торосе, я поджидал, пока солнце пройдет через меридиан, грелся на солнцепеке и глядел на ледяную ширь, со всех сторон ослепительно искрился белоснежный простор. Я смотрел на разводье, расстилавшееся передо мной, блестящее и спокойное, как горное озеро, и отражавшее в себе ледяные берега. Ни малейшего ветерка, полная тишь. Солнце припекало, и мне чудилось, что я дома. Бедное человеческое существо – у тебя только и остались грезы, одни грезы. А перед тобой тяжелые, вздыбившиеся льды, громадные торосы и между ними талый снег глубиной в несколько метров, и как еще далеко тебе до юга, никто не знает.

Прежде чем вернуться в палатку, я пошел с чашкой к полынье за водой для супа, который мы собирались сварить к завтраку. В это мгновение у края льдины выглянул из воды тюлень, и я стремглав понесся за ружьем и каяком. Но едва сев в каяк, я обнаружил, что он разохся на солнце и течет, как решето. Пришлось как можно быстрее грести к ледяному берегу, чтобы не пойти ко дну. Пока я выкачивал из каяка воду, тюлень опять появился, и на этот раз я в него попал. Он заколыхался на воде, словно пробка. Я не замедлил спустить на воду свое разохшееся суденышко, всадил гарпун в спину тюленя и затем взял его на буксир. Каяк тем временем постепенно наполнялся водой, мягкие части моего тела подмокли, а комаги и вовсе наполнились водой.

Подтащив тюленя к палатке, ободрав его, собрав всю кровь, какая только осталась, и разрубив тушу на куски, я заполз в палатку и только тогда снял с себя мокрую одежду, надел сухое белье и, развесив все мокрое для просушки на солнце, залез в спальный мешок. Теперь, впрочем, в палатке легко согреться. На припеке в ней бывает так жарко, что нам не спится, хотя мы и ложимся поверх мешка. Да, возвращаясь с тюленем к нашей стоянке, я обнаружил, что там, где в ыскачили колышки, из палатки торчит голая нога Йохансена. Он сладко спал, даже и не подозревая об этом. Съев по маленькому кусочку шоколада и сырого сала в ознаменование удачной охоты и просмотрев немного мои наблюдения, мы снова улеглись спать.

Разводье во льдах. 24 июня 1895 г.

Странно, что судя по широте, мы остаемся приблизительно на том же самом месте, не движемся к югу, несмотря на северный ветер. Не уперлись ли плавучие льды в землю? В этом, конечно, нет ничего невозможного, во всяком случае мы не можем быть далеко от нее».

«Четверг, 27 июня. Та же однообразная жизнь, тот же северный ветер, та же пасмурная погода и те же думы о том, что принесет будущее. Ночью дул с севера очень свежий ветер со снегом и ледяной крупой, хлеставшей по стенам палатки; можно было принять ее за настоящий ливень. Снег этот и крупа быстро таяли на стенах, и с них текло. В палатке, однако, тепло и уютно, и ветер до нас не добирается. Мы лежим в теплом мешке, прислушиваемся, как бьется о палатку ветер, и воображаем, что нас быстро несет на юг, хотя, быть может, мы совсем и не трогаемся с места. Но если и такой ветер никуда нас не пригонит, то этому не может быть другого объяснения, кроме того, что лед уперся в берег и берег недалек от нас. Придется нам подождать восточного ветра, чтобы он отнес нас подальше на запад, западнее земли, а потом уже на юг.

Я все надеюсь, что пока мы лежим здесь, нас вынесет в пролив между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергом. Вчера погода была суровая: ветер, снег; работать вне палатки было невозможно, тем более если принять во внимание, что нам, к сожалению, нечего торопиться. Полыньи сильно изменились. От той, которая перед нами и по которой мы плыли, скоро ничего не останется; во всех направлениях вокруг нее нагромождается лед. Надеюсь, что лед сжатиями будет размолот в куски, отчего облегчится в будущем его разрежение. Но произойдет это во всяком случае не ранее конца июля, и нам придется, пожалуй, в ожидании запастись терпением.

Часть мяса нарезали тонкими ломтями и повесили провялывать. Нужно позаботиться об увеличении путевых запасов, а для этого лучше всего заготовить пеммикана или вяленой тюленины и захватить с собой хоть немного тюленьего сала. Йохансен нашел на льду совсем близко от нас озеро пресной воды; теперь вода под рукой и не надо возиться, растапливая лед. В первый раз мы нашли воду, пригодную для питья и

стряпни. Тюлени попадаются здесь не так уж часто, зато птиц, слава богу, изобилие. Сегодня ночью две белые чайки безбоязненно уселись на тюленью шкуру у самой палатки и стали выклевывать сало. Два раза мы их отгоняли, но они прилетали обратно. Если будет недостаток в мясе, можно будет заняться охотой на птиц; их тут достаточно».

Так проходили дни за днями, один, как другой. Мы все ждали когда растает снег, и тем временем понемножку работали, готовились при первой возможности снова двинуться дальше в путь. Невольно вспоминается мне рассказ об эскимосах, поехавших вглубь фьорда на сенокос. Прибыв на место, они нашли, что трава еще коротка, расположились там и стали поджидать, пока она подрастет как следует, чтобы можно было ее косить. Так же медленно улучшался и наш будущий путь.

29 июня я писал: «Температура так и не желает повыситься настолько, чтобы снег как следует таял. Мы стараемся скоротать время как можно приятнее: беседуем о том, как славно будет вернуться домой и как мы станем тогда наслаждаться жизнью и всеми ее благами; прикидываем и высчитываем, когда сможем прибыть домой. Иногда говорим о том, как хорошо устроимся на зимовку на Шпицбергене, если не удастся добраться домой в этом году. Может статься, не удастся добраться и до Шпицбергена: придется тогда зазимовать где-нибудь на Земле Франца-Иосифа... Но нет, этого не должно случиться!»

«Воскресенье, 30 июня. Вот наступил и последний день июня, а мы примерно все на том же месте, как и в начале месяца. А путь? Да, лучше он, во всяком случае, еще не стал. Погода прекрасная, так тепло, что лежим в палатке, не в силах шевельнуться, и обливаемся потом. В открытую дверь палатки виден лед, на котором ослепительно ярко играют лучи солнца, проглядывающего сквозь белые парящие облака.

Сегодня воскресенье; тихо, лишь слабо веет легкий ветерок, как будто с юго-востока. Чудесно должно быть сейчас на родине. Все в цвету, и фьорд, покрытый зыбью, сверкает на солнце. Ты сидишь, может быть, вместе с Лив на мысу или катаешься по фьорду на лодке. Ах, как живо вижу я, как в такой вот лучезарный июньский день мы едем к

твоей матери обедать: отправляемся пораньше на станцию, и ви жу, подходит битком набитый поезд. Он останавливается в Бестуне и в Бюгде; сходим у Скарпсно [\[292\]](#) и поднимаемся по дороге в Дреммен. Идем, а над палисадом свешиваются светло-зеленые кленовые листья, трепещущие в лучах солнца. Вот пришли; перед нами дом, окруженный садом. Там собрались друзья, и все усаживаются за стол; подают жаркое, великолепное жаркое, и я вижу, как Улаф разрезает его и как из красноватого мяса струится сок... Но вот взгляд мой снова скользит через открытую дверь палатки, и я вспоминаю, что моря и льды легли между тем, что было «там», и тем, что «здесь».

Мы лежим здесь, на дальнем севере, двое чумазных от сажи, безобразных, грязных бродяг, окруженные со всех сторон льдом, только льдом и ничем другим, кроме сверкающего белизной льда, во всей его чистоте, которой так не хватает нам. Да, все вокруг сияет чистотой, и взор тоскливо ищет по всему горизонту хоть какое-нибудь темное пятнышко, на котором бы отдохнуть. Когда же, наконец, появится оно? Мы ждем его вот уже два месяца. Птицы тоже как-то вдруг исчезли совсем; сегодня не слышно даже веселых люриков. Еще вчера они были здесь, и мы слышали, как они пролетали то к югу, то к северу – вероятно, к земле и от земли. Теперь они, вероятно, совсем улетели туда, так как здесь стало мало воды. Ах, если бы иметь крылья легких птиц...»

«Среда, 3 июля. Для чего снова писать? Что могу я верить этим листам? Ничего, кроме того же непреодолимого, жгучего стремления добраться домой, прочь от этого удручающего однообразия. Один день в точности похож на другой, за исключением, пожалуй, того, что прежде было тихо и тепло, а последние два дня дует южны й ветер и нас несет на север. Вчера я сделал меридиональное наблюдение и узнал, что мы снова оказались под 82°08,4 северной широты; долгота почти не изменилась. И вчера и позавчера временами светило поистине лучезарное яркое солнце, что для нас большая ред кость. Вчера горизонт к югу был виден так далеко, как уже давно не наблюдалось; но тщетно высматривали мы на горизонте землю. Я не понимаю всего этого!

Ночью шел мокрый снег; вода капала внутрь палатки, и мы вымокли в спальном мешке. Эти постоянные снегопады могут довести до отчаяния, они никак не хотят перейти в дождь и устилают путь толстым слоем свежего снега, который ложится поверх старого и препятствует таянию^[293].

Благодаря ветру, по-видимому, снова начинают появляться полыньи, и опять показались птицы. Вчера мы видели люриков, они прилетали с юга, по всей вероятности, с земли».

«Суббота, 6 июля. Температура +1 °С, дождь. Наконец-то после двухнедельного ожидания наступила погода, какую мы ждали. Дождь шел всю ночь до самого утра, идет и сейчас чудесный, настоящий дождь; теперь-то, наконец, сойдет этот вечный снег, он стал мокрым и рыхлым, как пена. Если бы такая погодка продержалась подольше! Но не успеем мы оглянуться, как снова налетит холодный ветер со снегом, образуется наст, и снова придется ждать.

Я слишком привык к разочарованиям, чтобы верить чему-нибудь. Мы проходим школу терпения, но тем не менее дождь привел нас в хорошее настроение. Все-таки дни кое-как подвигаются. Занимаемся понемножку приведением в порядок каяков, мастерим деревянный настил на нарты, замазываем и красим покрышки каяков, чтобы сделать их водонепроницаемыми. Окраска принесла немало хлопот. Несколько дней подряд я жег кости, так что все далеко кругом пропахло, как у костеобжигательного завода в Люсакере. Затем началось утомительное толчение костей и растирание костной золы в тончайший порошок. Костный пепел смешивался с ворванью, и, наконец, наступил момент испытания смеси... и она оказалась никуда не годной.

Пришлось начать опыты с сажей, смешав ее с ворванью, как я вначале и предполагал сделать. Теперь я развожу невообразимый дым и копоть, стараясь получить сажу. Но, сколько я ни стараюсь, когда начинаю собирать сажу, ее набирается не больше щепотки, хотя дым поднимается так высоко к небу, что его, вероятно, видно со Шпицбергена. Да, да, над многим пригодится потрудиться, когда поблизости нет магазинов. Чего бы я сейчас не дал за маленькое

ведерко масляной краски или, на худой конец, хотя бы жалкой голландской сажи! Ну, да какой-нибудь выход в конце концов найдется; пока же мы похожи на двух трубочистов.

В среду вечером убили Харена. Он, бедняга, в последнее время совсем захирел; но когда-то это была хорошая собака, и Йохансену нелегко было с ним расстаться. С грустью глядел он на своего верного спутника, прежде чем отправить его к праотцам, в «охот ничьи угожья» – или как там называется место, куда попадают такие ездовые собаки после смерти? Скорее всего, пожалуй, это широкие равнины гладкого льда, где нет ни торосов, ни трещин. Теперь у нас остались всего две собаки: Сугген и Кайфас; мы постараемся сохранить им жизнь как можно дольше, пока они полезны нам.

Третьего дня вечером неожиданно открыли черную вершину к востоку от нас. Рассмотрели ее в подзорную трубу: она совершенно похожа на черную скалу, выступающую из снега. Кроме того, она поднимается надо льдом несколько выше, чем все окружающие торосы. Я смотрел на нее с самого высокого тороса, какой только был по соседству, но так и не мог понять, что это такое. Она кажется мне слишком большой, для того чтобы это мог быть просто черный лед или скопление ила на нагроможденном торосе. Ничего подобного я никогда не видел прежде. Еще менее вероятно, чтобы это был остров. Ведь мы движемся, а эта вершина, по-видимому, не меняет положения относительно нас – мы видели ее вчера и видим сегодня по-прежнему в том же направлении; к тому же вокруг нее не видно никакого движения или нагромождения льда. Я думал, что вероятнее всего – это ледяная гора^[294].

Лишь только проясняется южный край неба, один из нас направляется твердым шагом к «сторожевой башне» (так назван высокий торос около палатки), то с трубой, то без нее, посмотреть, не видно ли земли; но нет, постоянно все тот же белый горизонт^[295].

Каждый день я обыкновенно совершаю небольшую прогулку по льду вокруг нашей стоянки, чтобы посмотреть, не тает ли снег. Он кажется почти одинаковым; бывают мгновения, когда я вообще

сомневаюсь, чтобы снег сколько-нибудь стоял в течение лета. Лучшее, на что мы можем надеяться, кажется мне в такие минуты, – это зимовка где-либо на Земле Франца-Иосифа. Но вот пошел дождь. Все опять полно надеждой, и мы рисуем себе, как чудесна будет осень и зима дома. А благотворный дождь капля за каплей стекает по палатке и падает на лед».

«Среда, 10 июля. Удивительная вещь: теперь, когда у меня есть что записать, и даже кое-что более интересное, чем обычно, у меня нет никакой охоты писать. На меня напало полное безразличие. Страстно хочется лишь одного!.. А перед нами по-прежнему лежит лед, покрытый снегом, по которому невозможно идти вперед.

Но о чем это я хотел рассказать? Ах, да: позавчера мы, подложив под спальный мешок три медвежьи шкуры, устроили себе такую чудесную постель, что проспали, сами того не заметив, целые сутки. Проснувшись, я решил, что 6 ч утра, но когда вышел из палатки, положение солнца показалось как будто странным; поразмыслив немного над этим, я сообразил, что теперь, очевидно, 6 ч вечера и мы, следовательно, проспали 22 ч. Надо сказать, что последнее время мы спали очень плохо, так как приходилось подкладывать под спальный мешок лыжи, чтобы предохранить себя хоть немного от скапливавшейся на льду под нами талой воды. Лежать на этих лыжах было настоящей пыткой. Намеки на шерсть, сохранившуюся еще кое-где на нижней стороне мешка, не очень-то защищали бока от острых краев лыж.

Благотворный дождь продолжался в субботу весь день и смыл значительную часть снега. Прислушиваться к шуму дождя – одно удовольствие. Чтобы отпраздновать как следует наступление хорошей погоды, решили вечером сварить себе по чашке шоколада. Вообще же в последнее время питаемся изо дня в день только добычей нашей охоты. Сказано – сделано. Шоколад с куском сырого сала оказался чрезвычайно вкусным. Но тут же меня постигло горькое разочарование, я так необузданно радовался этому редкому удовольствию, что вдруг неловким движением умудрился опрокинуть свою чашку. Драгоценный напиток вылился и исчез во льду!..

Пока мы лежали, обгладывая кости, и дожидались второй чашки, которая уже закипала на лампе, вдруг снаружи залаял Кайфас. Нисколько не сомневаясь, что он увидел в воде какого-то зверя, я бросил кость и вскочил, готовый бежать к ледяному торосу, который служил нам наблюдательной вышкой. Но, высунув нос за дверь палатки, я увидел, что прямо на собак идет медведь и уже принимает к Кайфасу. Я бросился к ружью, стоявшему наготове в снегу возле палатки, и выхватил его из чехла. Между тем, медведь остановился, глядя на меня с изумлением. Я нажал курок, пуля прошла сквозь грудь и плечо медведя, и я был уверен, что он не встанет с места. Действительно, он пошатнулся, осел на задние лапы, но потом сделал крутой поворот и бросился бежать. Прежде чем я раскопал в кармане, набитом всякой всячиной, новый патрон, медведь добежал до торосов и оказался вне выстрела.

Мы пустились вдогонку. Пробежав несколько шагов, неожиданно увидели невдалеке перед собой еще две головы, выглядывавшие из-за тороса. То были два медвежонка; они стояли на задних лапах и высматривали мать. Медведица шла к ним пошатываясь, оставляя за собой кровавый след. Затем все трое, и мы за ними, побежали через полынью, и началась дикая погоня по торосам, полыньям, по ровному льду и по всякой чертовщине. Медведи улепетывали, не останавливаясь ни перед каким препятствием, но и мы не отставали. Удивительная вещь охотничья горячка; это все равно, что поджечь порох. Там, где при обычных обстоятельствах человек пробирался бы с трудом, медленно и осторожно, проваливаясь по колено в снег, останавливаясь в раздумье, не решаясь переправиться или перепрыгнуть, он, охваченный охотничьей горячкой, несется, сломя голову, как по ровному и гладкому полю. Медведица была тяжело ранена и, волоча левую переднюю лапу, бежала не очень быстро, но все же я с трудом поспевал за нею. Медвежата в беспокойстве прыгали около матери, большей частью забегая вперед, как бы маня ее за собой. Они не могли понять, что с ней случилось. Время от времени все трое вдруг оглядывались на меня, а я месил грязь изо всех сил и бежал за ними вдогонку. Несколько раз я был

от них на расстоянии выстрела, но медведица поворачивалась ко мне задом, а я хотел стрелять наверняка, так как у меня оставалось лишь три патрона, по одному на каждого зверя. Наконец, взобравшись на высокий торос, она повернулась ко мне боком и упала, убитая наповал. Медвежата, когда она свалилась, участливо поспешили к ней. Прямо жаль было глядеть, как они обнюхивали ее, толкали и бегали в отчаянии вокруг, не зная, что делать.

Тем временем я вновь зарядил ружье и убил наповал одного из медвежат, забравшегося на высокую ледяную глыбу; с жалобным ревом покатился он по склону и упал прямо на мать. Испуганный пуще прежнего второй медвежонок бросился было к нему но чем он, бедняжка, мог помочь? Пока брат его с ревом катался в судорогах, он стоял, бросая грустные взгляды то на него, то на мать, которая умирала в луже крови. Когда я подошел, он совершенно равнодушно повернул голову, – что значил я для него теперь? Все, что у него было дорогого на свете, вся его семья лежала перед ним, изувеченная и погибающая. Он не знал, куда ему идти, и не трогался с места. Я подошел к нему вплотную, и он с пулей в груди упал мертвым рядом с матерью.

Скоро подошел и Йохансен; он несколько отстал, задержанный полыньей. Мы вскрыли медведей, выпотрошили их и пошли назад к палатке за санями, собаками и ножами для свежевания. И вкусна же была наша вторая чашка шоколада после такого перерыва. Ободрав и разрезав на части туши двух медведей, мы сложили все мясо в кучу на торосе и прикрыли его шкурой для защиты от чаек. Третьего медведя увезли с собой. На следующий день привезли и остальных. Теперь у нас запасено мяса гораздо больше, чем, надеюсь, нам потребуется. Хорошо, что теперь мы можем давать собакам столько сырого мяса, сколько они хотят; правду сказать, они очень нуждаются в этом. Бедняга Сугген очень плох, и еще вопрос: сможем ли мы его в дальнейшем использовать? Когда мы взяли его с собой, отправляясь первый раз за убитыми медведями, он не мог идти, и нам пришлось положить его на нарты; тогда он залаял и завыл самым отчаянным образом, видимо, считая унижением для себя такой способ передвижения. Йохансену

пришлось оставить его дома. Странное дело с собаками: у них словно параличом разбиты ноги; они падают навзничь и с величайшим трудом снова поднимаются. Так было со всеми нашими собаками, начиная с Гулена. Один только Кайфас бодр и здоров, как всегда, и выступает словно лев.

Медвежата оказались удивительно крупными. Трудно поверить, что они родились этой зимой; я без колебания считал бы их за выводок прошлого года, если бы у медведицы не было в сосках молока; предполагать, что медвежата сосут полтора года, маловероятно. Медвежата, убитые нами возле «Фрама» 4 ноября прошлого года, были почти в половину меньше этих. Не указывает ли это на то, что белый медведь производит своих детенышей на свет в различное время года? В желудках медвежат мы нашли куски тюленьей шкуры».

«Понедельник, 15 июля. Третьего дня утром, когда мы возились с каяками, пролетела розовая чайка (*Rhodostethia rosea*). Это была взрослая птица; пролетая над нами, она повернулась и показала нам свою красивую кармино-красную грудку, а затем скрылась в тумане на юге. В четверг я тоже видел взрослую розовую чайку с черным кольцом на шее; она прилетела с северо-востока и улетала на юго-восток. Вообще же все почти пернатые здесь как будто исчезли. Маленьких люриков больше не видно и не слышно; единственные птицы – это появляющиеся время от времени белые чайки, и один-единственный раз показался буревестник. Это зависит, вероятно, от того, что лед очень сплочен».

«Среда, 17 июля. Наконец, приближается время, когда мы сможем снова тронуться в путь, и на этот раз уже по-настоящему. Снег настолько стаял, что идти, я надеюсь, будет легко. Мы прилагаем все усилия, чтобы поскорее подготовиться к отъезду. Деревянный настил на нартах сделан и покрыт мягкой подушкой для каяков – на нартах Йохансена из медвежьей шкуры, а на моих из грубошерстной ткани. Теперь у каяков будет прочная и мягкая подстилка, и они не будут протираться. Каяки покрашены смесью сажи с ворванью и промазаны, насколько оказалось возможным, стертой в порошок пастелью, тоже

смешанной с ворванью. Теперь мы промазываем оставшиеся слабые места смесью стеарина, дегтя и канифоли ^[296], а затем сделаем генеральный смотр всему снаряжению. Все, без чего так или иначе можно обойтись, будет выброшено. Со спальным мешком и палаткой тоже придется распрощаться ^[297]. Дни роскошества теперь миновали, отныне придется, пока не вступим на борт какого-нибудь парусника ^[298], жить под открытым небом.

Пока мы отсиживались здесь, в «лагере томления», как мы его прозвали, время шло да шло. Медвежатину ели утром, в обед и вечером, и она нам нисколько не надоела; напротив, обнаружилось, что грудинка медвежат – настоящий деликатес. Удивительно, что эта исключительно мясная и жировая диета не причиняет нам ни малейшего вреда; мы положительно ни разу не ощущали потребности в мучной пище, хотя подчас и приходит в голову мысль, что большое блюдо пряников было бы для нас верхом блаженства!..

Время от времени мы баловали себя грогом из лимонного сока, кровавыми оладьями или брусничным киселем и фантазировали о том, как приятно будет в скором времени вернуться домой и как будем тогда наслаждаться всеми благами цивилизации. Ах, счастливое неведение! Быть может, до тех пор еще много пройдет долгих дней, может быть, еще много предстоит тяжелых испытаний. Но нет, я хочу верить в самое лучшее – еще осталось два летних месяца, а за это время можно ведь чего-нибудь добиться».

Под парусами возле кромки льда

Рисунок

«Пятница, 19 июля. Две взрослые розовые чайки сегодня утром пролетели над нами с северо-востока на запад; издалека слышался их крик, напомнивший крик вертишейки; услышав его первый раз, я подумал, что это крик маленького люрика. Чайки пролетели очень низко, над самой головой, и мы ясно могли разглядеть розово-красную окраску на их грудках. Вчера мимо нас пролетала такая же розовая чайка. Удивительно, что их здесь так много. Где мы?»

«Вторник, 23 июля. Вчера утром, наконец, вырвались из «лагеря томления» и теперь, слава богу, снова в пути. Мы работали день и ночь, чтобы скорее сняться с места. Сначала думали, что это можно будет сделать 19-го, потом 20-го, потом 21-го, но всякий раз под конец обнаруживались еще недоделки и приходилось что-то еще делать. Хлеб, вымокший в морской воде, пришлось тщательно высушить на сковороде над лампой, и это отняло несколько дней. Пришлось заштопать носки, проветрить еще раз каяки и т. д. Хотелось тронуться в этот последний маршрут к дому вполне подготовленными, и, действительно, когда мы вышли в путь, все оказалось в полном порядке. Дело идет, как по маслу. Подвигаемся вперед легче, нежели ожидали, хотя лед вовсе не такой уже ровный. После того, как все лишнее выброшено, нарты тащить

легко, да и снег стоял настолько даже, что сегодня последнюю часть пути мы смогли идти без лыж. А без лыж по неровной поверхности и торосам можно, разумеется, идти быстрее, чем на лыжах. По дороге пришлось переправляться через полынью, и тут Йохансен продемонстрировал трюк: переехал один в своем каяке. Сугген лежал на носу, а Йохансен, стоя на коленях на корме, при каждом гребке балансировал. Я попробовал, было, проделать то же самое, но нашел, что мой каяк слишком вертляв для такого рискованного эксперимента, и предпочел буксировать его, посадив Кайфаса на палубу. Сам я осторожно шел по кромке полыни, перепрыгивая с льдины на льдину.

Теперь у нас то преимущество, что повсюду находим питьевую воду. Снова принялись за старые запасы продовольствия, но любопытно, что ни я, ни Йохансен не находим, что мучная пища так уж вкусна, как могла бы нам показаться после целого месяца мясной диеты. Приятно опять быть в дороге, и не менее приятно то, что нарты наши теперь легки. В «лагере томления» мы оставили порядочно вещей, не считая целой горы мяса, сала и трех великолепных медвежьих шкур. Поверх шкур остался лежать и наш дорогой друг – спальный мешок. Осталась масса досок от нарт, лыжные палки и прочие деревянные предметы, большая часть превосходных медикаментов из аптеки Блессинга – гипсовые биндажи, мягкие, стерилизованные паром марлевые бинты, гигроскопическая вата – и, кроме того, чудесный алюминиевый искусственный горизонт, бечевки, сковородка и котел для растапливания льда, половина алюминиевой крышки кухонного аппарата, мельхиоровые пластинки, жировая лампа из нейзильбера, мешки, парусина, лапландские каньги, рукавицы из волчьего меха, геологический молоток, половина рубашек, гамаши и еще многое – все это осталось разбросанным в хаотическом беспорядке. Взамен всего этого к нашему грузу прибавился мешок вяленого медвежьего и тюленьего мяса и наполненная до краев салом вторая половина алюминиевой крышки кухонного аппарата. Теперь мы основательно освободились от всего лишнего; у нас не найдется даже кусочка дерева

на случай, если понадобится сделать обод на конец лямки, за которую мы тащим вперед нарты».

Глава седьмая Земля видна!

«Среда, 24 июля. Наконец, свершилось великое чудо, то, чему мы почти перестали верить! Земля! Земля! После двух почти лет мы снова видим на краю горизонта нечто вздымающееся над этой вечно белой линией. Из тысячелетия в тысячелетие простиралась она над этим морем и будет простираться еще много тысячелетий. Теперь мы покидаем этот мир и ничего не оставляем за собой на бесконечной равнине, ибо уже давным-давно слабый след нашего маленького каравана пропал в беспредельных ледяных просторах.

Для нас начинается новая жизнь, но пока только вечные льды окружают нас, все остается неизменным.

Давно грезилась нам эта земля, и теперь она явилась перед нами, как видение, как волшебная страна. Ослепительно белая, вздымается она над краем горизонта, напоминая далекую облачную гряду, которая вот-вот исчезнет. Самое удивительное во всем этом то, что мы, оказывается, давно уже видели эту землю, но не подозревали этого. Мы принимали ее за скопление облаков. Оглядывая из «лагеря томления» горизонт в подзорную трубу, порою мне хотелось, чтобы это были ледники, но я не находил нигде ни одной темной точки, и, кроме того, облака эти все время меняли форму, что, вероятно, надо приписать туману, который всегда окутывает землю. Вот я и считал, что это только облака. Но они опять и опять выступали над горизонтом на том же самом месте, образуя удивительно правильные округленные контуры. Теперь я припоминаю и темную вершину, замеченную почти к востоку от нас, которую я принял было за ледяную гору. Это, наверно, был маленький утес или островок [\[299\]](#).

Вчера мы попали на более, чем когда-либо тяжелый, взломанный лед. Было очень трудно пробиваться вперед – горные цепи торосов, рассеченные глубокими долинами и ущельями, поднимались перед нами. Но мы шли в хорошем настроении и подвигались довольно успешно. На полыньях, переход через которые был особенно труден, мы, не

задумываясь, спускали каяки и нарты на воду, и переправа отнимала у нас немного времени. Часто, пройдя полосу тяжелого льда, мы попадали на гладкие ровные поля и тогда резво бежали по лужам и слякоти. А вчера днем, когда я ходил на разведку, Йохансен, взобравшийся на торос, чтобы оглядеть лед вокруг, заметил странную темную полосу над горизонтом. Он решил, что это, вероятно, облако. Я тоже не обратил на нее внимания. Несколько позже, взобравшись на торос, чтобы хорошенько рассмотреть лед впереди, я увидел ту же темную полосу; она поднималась вверх под углом к горизонту по краю того, что я считал грядой белых облаков. И чем больше я смотрел на эту полосу и на гряд у облаков, тем сильнее меня одолевали сомнения. В конце концов я спустился вниз за подзорной трубой. Но едва я навел трубу на темную полосу, как меня словно осенило: да ведь это же не что иное, как земля, и земля, находящаяся совсем близко от нас!.. Большой ледник, над которым возвышалась темная гора! Не много времени нужно было для того, чтобы Йохансен схватил трубу и тоже убедился, что перед нами действительно земля. Дикая радость овладела нами обоими. Вскоре я заметил, что несколько восточнее выступает еще одна гряда. Большая часть ее была покрыта белым туманом, который постоянно менял свои очертания и не позволял ясно различить то, что он скрывал. Скоро, однако, вполне явственно выступила гряда, похожая на первую, но значительно выше и больше ее; на ней незаметно было ни одного темного пятнышка. Так вот какова земля, к которой мы так долго стремились. Я представлял ее себе по-разному, думал, что встречу высокие горные вершины и сверкающие глетчеры, но такую я ее никогда не представлял. Не улыбалась она на м, но мы радовались ей. В сущности мы и не могли ожидать здесь ничего другого, кроме такого угрюмого глетчера, – ведь в этих местах выпадает столько снега.

Мы разбили палатку и устроили веселый пир: горячий лабскоус из пеммикана, холодная вяленая медвежати на, тюленина, медвежий язык и жареная картошка (это был почти последний раз, когда мы полакомились картофелем, который собственно и приберегали для такого торжественного случая). После лабскоуса был десерт: запеканка

из сладкой муки, масла и хлебных крошек, поджаренная на медвежьем сале, а затем – кусочек шоколада!»

Земля казалась такой близкой, что, по нашему мнению, достигнуть ее можно было очень быстро, во всяком случае не позже, чем к завтрашнему вечеру! Йохансен был уверен, что это произойдет даже раньше. А на деле пришлось провести еще целых тринадцать дней, тринадцать однообразных, мучительно трудных дней среди дрейфующих льдов.

25 июля я писал: «Когда нас вчера вечером остановил туман, мы были убеждены, что на этот раз совсем близко подошли к земле. Проснувшись утром, увидели ослепительное сияние солнца, и Йохансен, выйдя за водой для стряпни, первым делом поспешил вскарабкаться на ближайший торос, чтобы посмотреть на землю. Да, она виднеется по-прежнему прямо перед нами, и Йохансен решил, что мы непременно дойдем до нее не позже сегодняшнего вечера».

В тот же день я обнаружил еще новую землю к западу от нас (Ю 60° 3, по компасу). Это был купол правильной щитовидной формы, похожий на первую увиденную землю. Над горизонтом он поднимался невысоко и казался очень далеким [\[300\]](#).

Перебираясь через нагромождения льдов и полыньи, мы спешили изо всех сил, но за день не намного приблизились к земле. Хотелось уверить себя, что с каждым нашим шагом она все выше поднимается над горизонтом, но в действительности положение ее оставалось неизменным. В субботу, 27 июля, меня взяло сомнение: не удаляемся ли мы от земли? Я записал в дневнике следующее: «Когда вчера тронулись в путь, ветер подул с юго – юго-запада (по компасу) и сохранял это направление почти весь день. Судя по небу, ветер отогнал лед от берега, у восточной стороны земли образовалась прибрежная полынья. Вечером с тороса я увидел на горизонте ниже земли черную полосу. Пришлось опять взяться за подзорную трубу и не зря – то был край льда или глетчера, далеко протянувшийся в западном направлении, а перед ним, – если судить по темной завесе тумана над этим местом, – широкая полынья. Создавалось впечатление, что земля действительно недалеко,

и будь лед более сносным, можно было, пожалуй, дойти до нее сегодня. Ночью продолжал дуть ветер, но теперь он улегся, и опять светит солнце.

Безуспешными оказались попытки устроить на ночь сносное ложе в новом спальном мешке, сшитом из шерстяных одеял. Пробовали укладывать его прямо на лед и на лыжи; сегодня улеглись на голый лед, но надо признаться, спать на нем оказалось очень жестко и, наверное, никогда не будет хорошо. Кроме того, когда промокнешь, становится довольно холодно. Ничего, тем лучше оценим мы настоящую теплую постель, – когда, наконец, она будет у нас».

«Вторник, 30 июля. Невероятно медленно идем мы вперед, но все же приближаемся к земле ^[301]. Самые неожиданные препятствия встают перед нами. У меня вдруг открылись сильные боли в пояснице (невралгия поясничного нерва?), вчера я тащился вперед, лишь напрягая всю силу воли. Во всех сколько-нибудь трудных местах Йохансену приходилось помогать мне перетаскивать нарты. Боли начались позавчера, и под конец перехода Йохансену пришлось заменить меня в роли разведчика пути.

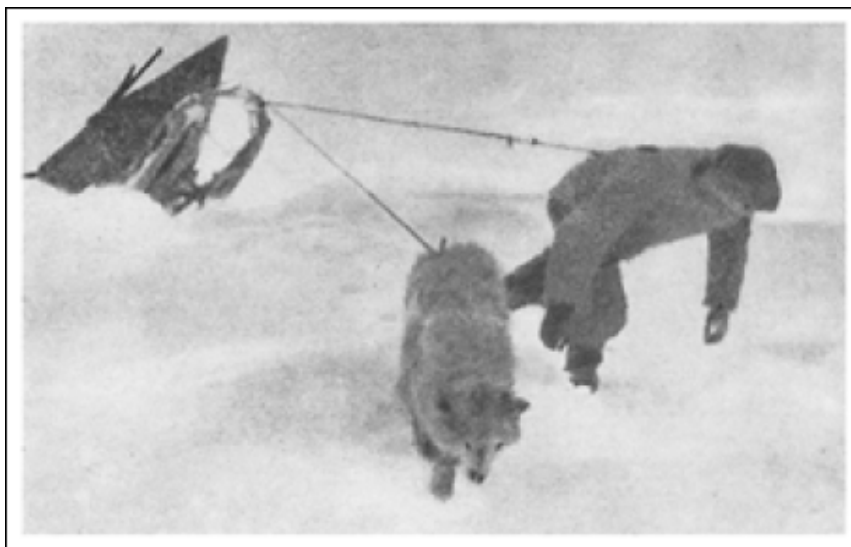
Вчера стало еще хуже. Как будет сегодня, не узнаю, пока не двинусь с места. Я буду рад, если смогу все-таки тащиться вперед, хотя бы и с невыносимой болью.

Вчера в 3 ч утра из-за дождя пришлось остановиться и сделать привал, проведя в пути всего 9 ч. Мы успели, однако, насквозь промокнуть, прежде чем удалось найти подходящее для стоянки место и забраться в палатку. Здесь пролежали, пока лил дождь, целые сутки, но так и не высохли. Под нами лужи воды, а спальник снизу насквозь промок, хоть выжимай. Теперь ветер повернул к западу, дождь прекратился, мы сварили кашу, позавтракали и намереваемся продолжать путь. Если снова польет дождь, придется опять остановиться: никак нельзя рисковать промокнуть насквозь, так как у нас нет ни белья, ни одежды на смену. Приятного мало – лежать с мокрыми ногами, когда ступни превращаются в ледяные сосульки и на всем теле нет сухой нитки.

Вчера четыре раза видели розовых чаек -одиночек, и сегодня утром Йохансен заметил пару их, когда ходил за водой [\[302\]](#)».

«Среда, 31 июля. Лед весь изломан, и двигаться по нему очень тяжело, всюду торосы и полыньи. От постоянных сжатий и напора льдин друг на друга лед крошится, в разводьях всюду мелкобитые осколки и ледяная каша. Идти в каяках на веслах невыносимо, и поэтому приходится подолгу искать сколько-нибудь сносной переправы. Иной раз сами сооружаем такую переправу, подтаскивая одну небольшую льдину к другой, или же, поставив нарты на льдину, переправляемся на ней, как на плоту. Каждая полынья забирает у нас много труда и времени, подвигаемся крайне медленно.

С поясницей дело плохо. Йохансену и вчера пришлось быть разведчиком, а вечером и утром он должен был вдобавок разувать и обувать меня: сам я не в состоянии этого сделать. Йохансен трогательно заботлив, он ухаживает за мной, как за малым ребенком, и делает втихомолку, без моего ведома все, что, по его мнению, может принести мне облегчение. Бедняга, ему приходится теперь работать за двоих, и кто знает, когда это кончится. Сегодня, впрочем, я чувствую себя лучше и надеюсь, что скоро все снова будет в порядке».

На пути к Северному полюсу

Рисунок Фритьофа Нансена

«Четверг, 1 августа. Можно ли вообразить лед более изломанным, чем здесь? Все же подвигаемся вперед, хотя и медленно, но

продвигаемся, и пока что мы должны, пожалуй, довольствоваться этим. Впрочем, для разнообразия вчера была великолепная погода, ясная и лучезарная; но, видимо, южный ветер, который дул все последние дни и вскрыл полыньи, снова отогнал нас на порядочное расстояние от земли. Нас отнесло также довольно далеко к востоку: больше не видна земля с черными скалами на западе, которую заметили прежде других. По-видимому, розовые чайки гнездятся на этой земле; мы наблюдаем их ежедневно.

Одно, впрочем, радует меня: спина почти совсем не болит и, следовательно, не будет больше мешать нашему продвижению. Я получил теперь представление о том, что случилось бы, если бы один из нас заболел серьезно. Боюсь, что участь наша была бы тогда решена».

«Пятница, 2 августа. Точно все восстало против нас, чинит нам препятствия, старается помешать выбраться из этих плавучих льдов. Спина больше не болит, и лед вчера стал ровнее, так что мы чуть было не сделали довольно хороший переход за день. Но встречный ветер и течение опять отбросили нас от земли! Я боюсь, что с этими двумя неприятелями борьба бесполезна. Нас отнесло далеко на юго-восток; северная оконечность земли лежит теперь примерно на западе от нас, и мы находимся почти под $81^{\circ}36'$. Одна надежда, что этот дрейф на восток, удаляющий нас прочь от земли, прекратится или примет другое направление, и тогда мы снова приблизимся к земле. Вдобавок, на наше несчастье, полыньи затянуло молодым льдом, и стало почти невозможно пользоваться каяками. Если так пойдет дальше, дело наше дрянь.

Пока же ничего не остается делать, как идти вперед, напрягая все свои силы. Если же нас все-таки опять отнесет назад вместе с плавучим льдом, тогда, тогда...»

«Суббота, 3 августа. Неимоверные усилия! Мы, конечно, никогда бы не приложили их, если бы не знали, что нам нужно идти. По-моему, мы черт знает как мало продвинулись, если только вообще продвинулись... Последние дни для собак нет другого корма, кроме чаек и глупышей, которых удастся подстрелить не больше двух штук за день. Вчера собаки получили только по маленькому кусочку сала на каждую».

«Воскресенье, 4 августа. Самое мучительное – это проклятые полыньи. Часто приходится плестись не одну сотню метров по едва замерзшему снежному салу или перепрыгивать с одной льдины на другую, таща за собой нарты и непрерывно рискуя, что они кувырнутся в воду. Вчера Йохансен сам чуть было не провалился, но, к счастью, и на этот раз, как уже бывало, дело кончилось благополучно. А собаки то и дело принимают ледяные ванны».

«Понедельник, 5 августа. Худшего льда, чем вчера, мы никогда еще не встречали. И все же удалось проползти некоторое расстояние, и день ознаменовался двумя радостными событиями: во-первых, Йохансена не съел медведь, во-вторых, мы увидели открытую воду у берега, у подножия ледника.

Тронулись в путь вчера примерно часов в семь утра и попали на лед, который превзошел самого себя своей неровностью. Точно какой-то гигант нашвырял в хаотическом беспорядке огромнейшие глыбы льда, насыпал между ними глубокие сугробы мокрого снега, под которыми стоит вода и в которые проваливаешься до пояса. Между глыбами льда беспрестанно попадают глубокие лужи. Приходилось перелезать через горы и доли, то поднимаясь вверх, то спускаясь через одну глыбу льда за другой, через один хребет за другим, преодолевая в промежутках глубокие расщелины. Нет ни одного гладкого места, хотя бы такой величины, чтобы на нем можно было раскинуть палатку.

И так все время. В довершение всех бед пал такой густой туман, что в ста шагах ничего не видно.

После невероятных усилий подошли, наконец, к полынье, через которую решили переправиться на каяках. Очистив край полыньи от молодого льда и обломков, я подтащил к воде свои нарты и еще придерживал их, не давая соскользнуть, когда вдруг позади послышался шум, и Йохансен, который только что повернулся, чтобы подтащить свои нарты к моим ^[303], закричал: «Берите ружья!» Я обернулся и увидел, что огромный медведь бросился на Йохансена и опрокинул его навзничь, на спину. Я хотел схватить ружье, лежавшее в чехле на носу моего каяка, но в эту самую минуту каяк соскользнул в воду. Мелькнула мысль

прыгнуть в каяк и стрелять оттуда, но это было рискованно. Я стал поспешно втаскивать каяк с его тяжелой поклажей на высокую кромку льда; сделать это было нелегко: каяк был сильно нагружен. Стоя на коленях, я тянул, дергал и, распластавшись на палубе, старался как-нибудь достать ружье. Оглянуться и посмотреть, что делается сзади, было некогда. И вдруг я услышал спокойный голос Йохансена: «Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать». Поторопиться! Я и так, кажется, тороплюсь! Наконец, мне удалось дотянуться до приклада ружья. Я выхватил его из чехла, повернулся кругом в сидячем положении и быстро взвел курок для стрельбы дробью. Медведь стоял не больше чем в двух шагах от меня, готовясь «приласкать» Кайфаса. Времени терять было нельзя, и, не взводя второго курка, я выстрелил. Весь заряд дроби попал медведю в голову позади уха, и он упал между нами мертвый.

Очевидно, медведь крался как кошка по нашим следам, скрываясь за глыбами льда. Он подкарауливал нас, пока мы занимались расчисткой края полыньи, повернувшись к нему спиной. По следам, оставленным им, видно было, как он полз на брюхе через торос прямо позади нас и дальше под защитой бугра совсем рядом с каяком Йохансена. Когда Йохансен, ничего не подозревая и не глядя по сторонам, пошел назад и наклонился, чтобы взять веревку и подтянуть нарты, он вдруг увидел силуэт зверя, притаившегося позади каяка. Сначала Йохансен подумал, что это Сугген, но, прежде чем он успел разглядеть, что силуэт чересчур велик, медведь очутился над ним и дал ему такую оплеуху в правое ухо, что у него искры посыпались из глаз и он упал на спину. Йохансен пытался отбиться от зверя голыми руками: одной рукой он вцепился ему в глотку, сжимая ее, что было мочи. Как раз в ту минуту, когда медведь, разинув пасть, по-видимому, готовился откусить Йохансену голову, он и произнес золотые слова о том, что мне следует поторопиться. Медведь, к счастью, не торопился, он стал смотреть на меня, будто недоумевая – что там у меня за спешная работа. Вдруг он заметил собак и повернулся к ним. Тогда Йохансен быстрее быстрого разжал пальцы и выскользнул из-под медведя, а тот ухватил Суггена так, что тот завыл во всю мочь,

совершенно так же, как он воет, когда мы его бьем. Потом и Кайфас получил лапой по морде. Тем временем Йохансен поднялся и, когда раздался мой выстрел, успел уже выхватить свое ружье, торчавшее из отверстия каяка. Единственное, что медведь успел сделать, – это содрать слой грязи с правой щеки Йохансена (теперь Йохансен ходит с белой полосой на лице) да оцарапать ему слегка руку. У Кайфаса тоже осталась царапина на носу.

«Вы должны поторопиться, если не хотите опоздать»

Рисунок Фритьофа Нансена

Едва медведь упал, как мы увидели двух других, выглядывавших на некотором расстоянии из-за тороса. Это были медвежата, желавшие, вероятно, поглядеть на результаты материнской охоты. Медвежата были большие. Я полагал, что на них не стоит тратить ни времени, ни патронов, так как мяса у нас теперь более чем достаточно, но Йохансен возражал, напомнив, что мясо медвежат гораздо нежнее, чем мясо старого зверя. Он сказал, что убьет только одного, и отправился за ним. Медвежата обратились в бегство. Спустя некоторое время они, впрочем, вернулись, и мы слышали, как они где-то далеко ревели, призывая мать.

Йохансен выстрелил в одного, расстояние было так велико, что он только ранил медвежонка. Со страшным ревом оба снова бросились бежать. Йохансен погнался за ними. Он, впрочем, скоро вернулся, отказавшись от погони, так как охота грозила затянуться. Пока мы

свежевали медведицу, медвежата опять появились по другую сторону полыньи, и все время, пока мы не ушли с этого места, бродил и вблизи. Они мычали и ревели, совсем как телята, взбирались на самые высокие торосы и оттуда смотрели за нами. Накормив хорошенько собак и поев сырого мяса, мы погрузили срезанное с медвежьих окороков мясо в каяки и, переправившись, наконец, через полынью, пустились дальше.

Лед не стал лучше. В довершение ко всему попались одна за другой несколько огромных полыней, сплошь забитых мелкими осколками льда. В некоторых местах лежали целые озера такой мерзости. Было от чего прийти в отчаяние. Но мы должны были идти вперед и шли. Среди всего этого крошева оказалась необычайно мощная старая льдина с высокими буграми, разделенными озерками. С одного из этих бугров я увидел в подзорную трубу открытую воду у подножия ледника. Теперь уже недалеко! Но лед впереди оставался тяжелым, а по такому пути и небольшое расстояние покажется большим.

Все время, пока мы двигались вперед, позади слышался рев раненого медвежонка: по безмолвному ледяному простору разносилась горькая жалоба звереныша на жестокость человека. Жаль было с лушать этот горестный рев; будь у нас время, мы непременно вернулись бы и не пожалели на медвежонка пули. Заметив, что медвежата направились к тому месту, где осталась лежать их мать, мы подумали было, что избавились от них; но скоро опять услышали их, да и теперь еще они бродят где-то неподалеку от нашего привала. Медвежата, бедняги, вероятно, пошли по нашим следам после того, как посмотрели на свою мать!»

«Среда, августа. Наконец-то у самой земли, наконец-то плавучие льды, а вместе с ними и все мытарства и тяготы остались позади; перед нами открытая вода – надо надеяться, вплоть до самой земли. Случилось это вчера. Когда мы позавчера вечером выползли из палатки, казалось, что мы находимся теперь ближе, чем когда-либо к краю ледника. Бодро тронулись в путь. Теплилась слабая надежда добраться до земли в тот же день. Однако мы еще не смели думать, что жизни среди дрейфующих льдов приходит конец. После пятимесячного блуждания во льдах и после

стольких разочарований мы были вполне готовы к новой неудаче, новому крушению надежд. Впрочем, лед впереди как будто стал получше. Не успели мы, однако, уйти далеко, как снова наткнулись на широкие полыньи, забитые ледяной кашей, торосы, ямы, глубокий снег с водой под ним, в котором тонешь по пояс. Словом, путь был не лучше, если не хуже прежнего. Но после того как мы переправились через две полыньи, лед стал ровнее, местами начали попадаться гладкие поля. Проехав еще немного, мы поняли, что приближаемся к краю ледника. Теперь он уже не мог быть далеко.

И откуда только взялись у нас силы! Впрягшись в нарты, мы усердно тянули их, подвигаясь вперед по глубокому снегу, по воде, через ледяные холмы и торосы. Все шло без сучка, без задоринки: мало беспокоило и то, что мы проваливаемся в снежную жижу куда выше меховых комаг и что они полны воды, которая при каждом шаге громко хлюпала, переливалась в голенищах вверх и вниз, как в насосе. Какое нам было дело до всего этого, раз мы все -таки подвигались вперед!..

«Открытое море»

Рисунок Фритъофа Нансена

Вперед! Затем мы вышли на равнину. Двигаясь все быстрее и быстрее, мы неслись по лужам, так что только брызги летели во все стороны. Все ближе и ближе придвигалось темное водяное небо, оно подымалось выше, – ясно было, что мы приближаемся к открытой воде. Теперь не хотелось думать даже о медведях. А их, по -видимому, было тут немало: медвежьи следы, и старые и новые, расходились во все

стороны. Один из медведей побывал возле палатки и заглядывал к нам, пока мы спали, – по свежим следам видно было, как он лавировал, чтобы подойти с подветренной стороны. Теперь нам не нужны медведи, пищи у нас достаточно.

Вскоре мы увидели чистую воду под стеной ледника и прибавили ходу. Напрягая силы, я невольно вспомнил поход «десяти тысяч» ^[304] через Азию, когда воины Ксенофонта после длительной борьбы с могущественным противником увидели, наконец, с утеса море и закричали: «Thalatta! Thalatta!» («Море! Море!»). Пожалуй, и для нас это море было не менее желанным – после нескольких бесконечных месяцев странствования в стране белых плавучих льдов.

Наконец, я очутился у кромки льда. Передо мной расстилалась темная поверхность моря, по которой плавали отдельные белые глыбы. Вдали, тускло отсвечивая, отвесно поднималась из воды окутанная туманом стена ледника. Какая радость захлестнула наши сердца при этом зрелище! Все мучения теперь остались позади, перед нами лежал водный путь до самого дома, к свету и радости.

Я замахал шляпой Йохансену, который немного отстал, он замахал мне в ответ, крича «ура». Такое событие надо было чем-нибудь отпраздновать, и мы позволили себе съесть по кусочку шоколада.

Пока мы стояли и смотрели на воду, совсем близко от нас безбоязненно вынырнул и тут же исчез большой тюлень. Вслед за ним показались и другие. Удивительное чувство успокоения овладело нами при виде этого запаса съестного; мы ведь в любой момент могли добыть любого из этих тюленей.

Теперь оставалось снарядить каяки для морского перехода. Конечно, лучше всего было бы грести каждому отдельно, но, если поставить на палубы каяков тяжелые нарты, такое плавание оказалось бы довольно трудным. Бросить нарты мы не решились, так как они могли еще нам пригодиться. До поры до времени не оставалось ничего другого, как по обыкновению связать покрепче поставленные рядом каяки, укрепить их пропущенными под стропы лыжами и поставить поперек нарты – одни на носу, другие на корме.

Грустно было, что мы не могли взять с собой двух последних собак. Вряд ли они могли понадобиться, а загромождать ими и без того тесное пространство палубы каяков мы не имели права: это причинило бы чересчур много хлопот. Расставаться с собаками обоим было крайне тяжело – мы сильно привязались к этим последним оставшимся у нас животным. Бедный Сугген был так трогательно послушен, а Кайфас – с каким гордым величием шел он до последнего шага! Верно и терпеливо трудились они в течение всего путешествия, и вот, когда наступали лучшие дни с избытком свежей пищи, им приходится расставаться с жизнью. Заколоть их, как других, мы были не в силах и пожертвовали на каждую по патрону. Йохансен, зайдя за торос, застрелил моего, а я пса Йохансена. Это было нелегко нам обоим.

Кайфас, моя последняя собака

И вот все было готово, мы тронулись в путь. Истинное удовольствие – скользить по воде в каяках и слушать, как мелкие волны плещут о борта. Два года мы не видели перед собой такой обширной водной поверхности. Пройдя немного на веслах, решили воспользоваться попутным ветром. Над плотом поднялся парус. Мы спокойно плыли к земле, к которой так долго и с таким трудом стремились. Какой разительный контраст с тяжелыми переходами, когда, напрягая все силы, приходилось отвоевывать у этих ужасных льдов дюйм за дюймом, фут за футом! Туман на время скрыл землю, но, как только он рассеялся, прямо перед нами выросла стена ледника. В ту же минуту выглянуло солнце. Более прекрасного утра я не переживал никогда. Скоро мы подплыли к подножию ледника, убрали парус и стали

гresti на запад вдоль ледяной стены; ледник поднимался в высоту на 15–18 м, и к берегу пристать было невозможно.

По-видимому, этот ледник почти не двигался. Вода глубоко подточила его у самого основания; не слышно был о ни шума обвалов, ни треска вновь образующихся трещин, что обыкновенно происходит на больших ледниках. Сверху он тоже был очень ровный: я не обнаружил на нем ни одной трещины. В стене необычайно резко выделялись годовичные слои льда.

Сугген, последняя собака Йохансена

Вскоре мы заметили, что приливное течение несет нас вдоль стены ледника на запад и притом с большой скоростью; с помощью этого течения каяки подвигались очень быстро. Но не так-то легко было отыскать место для высадки. В конце концов пришлось причалить к плавучей льдине. Но во всяком случае приятно было расположиться на отдых с сознанием, что, проснувшись, мы уже не должны будем тащиться по льдам.

Сегодня, когда вышли из палатки, вокруг тесно сплотились льды. Я пока еще не знаю, как мы выберемся отсюда на чистую воду, лежащую на западе от нас».

Глава восьмая По земле

«Четверг, 8 августа. Протащив нарты по нескольким льдинам, вчера без особых трудностей добрались снова к открытой воде. Здесь каждый устроил по новому веслу из сломанных лыж и лыжных палок. Они оказались гораздо лучше прежних, довольно неуклюжих бамбуковых палок с парусиновыми лопастями. У меня было большое искушение обрубить также нарты, чтобы они стали наполовину короче;

тогда их можно было бы поместить на задней части палубы каяков и грести каждому отдельно. Таким образом мы могли бы двигаться гораздо быстрее, чем на плоту из двух связанных вместе судов. Но я сомневался, следует ли это делать. Путь, правда, казался впереди превосходным, но стоял туман, и мы не могли видеть далеко. Ничего не знали мы ни о земле, ни о берегу, к которому добрались, – нарты могли еще очень и очень пригодиться. Поэтому отчалили, как обычно, на двойном связанном каяке, поставив нарты поперек – одни на носу, другие на корме.

Погода вскоре немного прояснилась, и наступил полный штиль. Водная ширь расстилалась перед нами подобно громадному зеркалу. Кое-где плавали обломки льда и небольшие льдины. Зрелище было изумительно красивое, и так чудесно и спокойно было сидеть в легких судах и скользить на веслах без всяких усилий.

Впереди неожиданно вынырнул из воды тюлень, а над нами беспрестанно пролетали белые чайки, глупыши и моевки. Видели также люриков, несколько розовых чаек и пару крачек. Да, здесь не малое население, а стало быть, и в пище, если она понадобится, недостатка не будет.

Чем дальше мы продвигались вдоль стены ледника, тем шире расстилалась перед нами водная поверхность. Но погода все не прояснилась настолько, чтобы можно было рассмотреть землю. Ее упорно окутывал туман.

Наш курс был вначале ЗтС (по компасу), но земля все более круто заворачивала на юго-запад, и водный простор превратился скоро в широкое море, уходящее за горизонт. С ССЗ потянул слабый ветерок, поднявший волну, что было не так уже приятно; ударяя в промежутки между каяками, волны заливали сиденья. Нас насквозь промочило. Вечером, едва успели причалить к ледяному припаю и поставить палатку, пошел дождь, и мы вступили под кровлю как нельзя более вовремя».

«Пятница, 9 августа. Вчера утром опять пришлось волочить нарты с каяками по льду, который за ночь окружил место стоянки. Во время

этого похода я умудрился провалиться в воду и вымокнуть. С большим трудом пробились мы, наконец, к открытой воде. Но немного спустя все вновь забило льдом, и пришлось снова перетаскивать нарты по льду. С этого времени мы уже целый день плыли по прекрасному водному пути. Северо-западный ветер нанес много льда, и наше счастье, что мы успели отплыть достаточно далеко, так как позади нас, судя по небу, условия ухудшились. Над землей по-прежнему висел туман, и ничего нельзя было разглядеть. По мере продвижения вперед стали придерживаться все более южного курса. Ветер дул теперь прямо в корму; поставив около часу дня парус, мы шли под ним целый день до самого вечера. Только один раз пришлось прервать это приятное плавание и взяться за весла, чтобы обогнуть выдавшийся к северу ледяной мыс; возле него было такое сильное течение, что мы лишь после долгих усилий миновали это место.

Из-за тумана не удалось разглядеть как следует землю, вдоль которой мы все время плыли. Насколько я могу судить, она состоит из островов. Сначала большой остров, сплошь покрытый ледником, затем к западу от него другой, меньших размеров, с двумя темными горными вершинами, которые первыми и приковали к себе наше внимание. Далее шел длинный глубокий фьорд или пролив, покрытый мощным неподвижным льдом – припаем. Дальше выступал небольшой низменный мыс или, возможно, остров, к югу от которого на ледяном припае мы и расположились теперь на ночлег. Этот береговой припай, необыкновенно мощный и неровный, сложен, по-видимому, из смерзшихся громадных глыб ледникового происхождения – по крайней мере, частично. Наверно, здесь бывали могучие напоры льда на землю, они-то и нагромодили обломки морского льда вместе с обломками ледника. А потом все это смерзлось в одну сплошную массу.

Напротив первого мыса к северу, в том месте, где наблюдалось стремительное течение, возвышалась ледяная гора довольно больших размеров. Вокруг лагеря, где мы расположились, лежит плоский фьордовый лед, который тянется от соседнего низкого острова до второго, находящегося к югу от нас.

Эта земля становится все более загадочной, и я окончательно перестаю понимать, где мы, собственно, находимся. Кажется странным, что берег все время заворачивает к югу, а не к западу. Легче всего было бы объяснить это тем, что мы находимся на западном берегу Земли Франца-Иосифа. Но в таком случае непонятно, почему здесь чересчур велико магнитное склонение. Да и чем объяснить то, что здесь такое множество розовых чаек? Ведь на Шпицбергене, который должен быть в таком случае поблизости, до сих пор не видели еще ни одной! Вчера мы опять заметили несколько розовых чаек, они встречаются здесь почти так же часто, как и другие виды чаек».

Первый лагерь на твердой земле (остров Хоуэна)

Рисунок

«Суббота, 10 августа. Поднялись на небольшой остров, возле которого находится наша стоянка. Он покрыт ледником, который, словно правильный щит с равномерно покатыми склонами, облегает его со всех сторон; эти ледяные скаты имеют такой небольшой наклон, что лыжи, поставленные на скат, не соскальзывают с него. С верхушки щита открылся довольно широкий обзор. Туман в это время немного рассеялся, и мы смогли рассмотреть окрестности. Теперь ясно видно, что мы до сих пор двигались мимо группы островов. Первый из них был самым крупным. На втором острове с двумя горными вершинами виднеется тянущаяся вдоль берега, на северо-западной его стороне, полоска голой земли. Не туда ли стремились розовые чайки, чтобы устроить свои гнезда? Находившийся к югу от нас остров тоже казался

значительным. По-видимому, и он весь покрыт ледниковым щитом [\[305\]](#). Между островами и на всем пространстве, какое только можно было окинуть взором, к востоку и юго-востоку простирается совершенно гладкий лед, похожий на лед фьордов; но земли в этом направлении не видно. Ледяных гор здесь нет ни одной; зато позже в течение дня мы видели их несколько на южной стороне острова, находившегося к югу от нас.

Ледяной щит островка, на который мы взбирались, незаметно переходил в фьордовый лед; лишь несколько небольших трещин вдоль берега указывало, что в этом месте начинается ледник.

Судя по этим трещинам, здесь не бывает сколько-нибудь резких подъемов и опусканий уровня льда под влиянием приливов и отливов, – иначе трещины были бы значительно большими. Это в сущности очень странно, так как приливо-отливные течения здесь очень сильны и стремительны, как река. На западной стороне перед ледником высился вал из льда и снега, образованный, вероятно, вперемежку обломками глетчерного и морского льда. Он имел тот же характер, что и массивный припай, лежащий вдоль земли, у которой мы плыли и которая находится к северу отсюда. Этот вал почти незаметно переходил в самый ледник.

В 3 ч пополудни пустились мы, наконец, по открытой воде и плыли по ней под парусами без остановки почти до 8 ч вечера, когда путь загородило ледяное поле. Пришлось переволакивать нарты через лед. Но и по другую сторону ледяного поля путь впереди был закрыт льдом, вдобавок и течение здесь встречное. Мы решили сделать привал».

10 августа нам довелось таким образом попеременно то плыть по чистой воде, то волочить нарты с каяком по льду, придерживаясь юго-западного курса. Выбравшись снова на чистую воду, прошли мимо небольшого стада лежавших на льдине моржей. Невыразимо приятно было видеть столько пищи, собранной в одном месте. «Но мы их не беспокоили, так как у нас и мяса и сала пока достаточно. После обеда мы из-за тумана попали в глубокую бухту, образованную береговым припаем. Пришлось возвращаться обратно, что нас сильно задержало. Мы принуждены теперь больше отклоняться на запад и идти вдоль

кромки льда, местами очень мощного и неровного. Навстречу шло сильное течение, а новый лед, нарастающий постоянно по мере нашего движения вследствие тихой и холодной погоды и непрерывного выпадения мелкого снега, становился настолько мощным, что не позволял грести в нем и чуть было не задержал нас на целый день. Волей-неволей мы высадились на лед и до 10 ч вечера продолжали путь пешком, волоча за собой нарты.

Во всех направлениях идут здесь старые и свежие медвежьи следы – как старых медведей-одиночек, так и медведиц с медвежатами. Будто была у них тут большая сходка или большое стадо их бегало взад и вперед. Никогда еще не видел я в одном месте такого множества медвежьих следов.

Сегодня за день сделали мили две, может быть даже и три; но все же, мне кажется, скорость эта слишком мала, чтобы добраться то Шпицбергена в текущем году Я все думаю: не обрубить ли нам все -таки наши нарты и плыть порознь каждому в своем каяке? Меня удерживает от этого молодой лед, который с каждым днем утолщается, и 6 - градусный мороз, который держится последние дни. Быть может, зима уже на пороге? Тогда нарты очень понадобятся нам.

Странное чувство – плыть в тумане, не видя впереди себя больше, чем на какой-нибудь километр. Неизвестно, что скрывает за собою этот туман. Открытая нами земля уже осталась позади. Вся надежда теперь на ясную погоду, которая позволит разглядеть впереди новую землю. Она ведь должна быть тут где-нибудь; этот плоский цельный лед непременно должен быть связан с какой-нибудь землей! Но ясная погода, по-видимому, не хочет наступать. Туман не прекращается, приходится идти прежним способом».

Протащившись некоторое расстояние по льду, на следующий день (11 августа) снова попали на чистую воду и шли на веслах в течение примерно четырех-пяти часов подряд. Во время остановки я влез на торос, чтобы высмотреть путь впереди; неожиданно рядом вынырнул огромный морж – настоящее чудовище. Он лег, пыхтя, на поверхность воды и вытаращил на нас глаза; мы же, не обращая на него никакого

внимания, сели в каяки и поплыли дальше. Вдруг он опять вынырнул совсем возле нас, высоко поднялся из воды, фыркнул так, что воздух задрожал, и двинулся вперед, грозя вонзить свои длинные клыки в наше хрупкое судно. Мигом схватились мы за ружья, но чудовище мгновенно нырнуло и появилось уже с другой стороны нашего плота, продолжая угрожать ему. Я предупредил Йохансена: если морж серьезно вздумает напасть на нас, придется пожертвовать на него пулю. Зверь несколько раз показывался и снова исчезал. Мы ясно видели сквозь воду, как быстро он проплывал на боку под каяками. Опасаясь, как бы он не вонзил свои бивни в днище, мы, опустив весла поглубже, попытались отогнать его. А он вдруг появился снова со стороны Йохансена, еще более свирепый, чем раньше. Тот выстрелил ему прямо между глаз; морж издал страшный рев, перекувырнулся и исчез, оставив за собой на воде кровавый след. Мы налегли на весла изо всех сил, полагая, что выстрел может иметь самые опасные последствия, но успокоились, заметив, что морж вынырнул далеко позади, на том же месте, что и раньше.

Продолжая плыть вперед, мы уже не думали больше обо всей этой истории с моржом, как вдруг Йохансен высоко подпрыгнул в воздух: его каяк получил сильный удар снизу. Не понимая, что бы это означало, я поглядел вокруг, не перевернулась ли позади нас какая-нибудь ледяная глыба. В тот же миг рядом со мной вынырнул морж. Я схватил ружье, но зверь не поворачивал головы, и я не мог попасть в наиболее уязвимое место за ухом. Времени терять было нельзя, пришлось пустить ему пулю в лоб. К счастью, этого оказалось достаточно: мертвое чудовище закачалось на воде. Надрезав на спине с большим трудом его толстую шкуру, мы выкроили несколько ломтей сала и мяса и поплыли дальше.

Часов в семь вечера приливное течение изменило направление, и полынья стала заполняться льдом. Свободной воды больше не было. Но вместо того чтобы идти по льду пешком, стоило подождать, пока полынья опять вскроется при смене течения. Решено было устроить привал, отдохнуть и тем временем обрубить нарты да, кстати, сделать пару хороших двухлопастных весел. Тогда, как только появится чистая

вода, каждый в своем каяке, энергично работая веслом, сможет двигаться вперед значительно быстрее обычного. Ночью, пока занимались работой, туман сильно поредел, и мы увидели, что на всем пространстве к югу и западу от нас, между ЮВ и ЗСЗ (по компасу), простирается земля. Это была, по-видимому, цепь больших и малых островов, разделенных проливами. Большую часть из них покрывали ледники и лишь кое-где торчали крутые черные скалы ^[306]. Что за радость была увидеть вдруг такую большую землю!

Но все-таки – где мы? На это, кажется, еще труднее ответить, чем прежде. Быть может, в конце концов мы попали к восточным берегам Земли Франца-Иосифа? Это довольно правдоподобно. Но в таком случае мы сильно уклонились к востоку, и предстоит еще утомительное путешествие на запад, прежде чем мы достигнем мыса Флигели на Земле Кронпринца Рудольфа. Мы еще усерднее продолжали свою работу, спеша закончить ее. Когда туман рассеивался и земля выступала яснее, я тотчас же карабкался на ближайший торос, чтобы посмотреть на землю получше и подумать над ее неразгаданными еще загадками. Только в половине седьмого утра 12 августа залезли мы, наконец, в свой мешок.

«Вторник, 13 августа. Проспав несколько часов, встали вчера после полудня; течение успело измениться, открылась большая полынья. Теперь сидим каждый в своем каяке, и дело идет быстро. Но полынья через какую-нибудь милю кончилась. Мы рассудили, что разумнее будет подождать, не вскрыется ли полынья опять после того, как течение еще раз изменится. Если этого придется ждать слишком долго, приделаем деревянные оглобли к нашим укороченным нартам и потащим их по льду к проливу, который я видел примерно на СЗС и который, судя по карте Пайера, является проливом Роулинсона.

Полынья, однако, не вскрылась, и нам пришлось волочить нарты по льду».

«Среда, 14 августа. Перешли по нескольким льдинам, переправились через несколько полыней и, наконец, опять достигли открытой воды, простирающейся на запад; вскоре лед сплотило, и мы

остановились. Этой ночью к нам довольно близко подобралась чайка, они стащили кусок сала, лежавшего около палатки».

В течение следующих дней мы с трудом пробирались вперед, то проплывая небольшие расстояния на веслах по полыньям, то пешком, волоча и подталкивая нарты по более или менее крупным льдинам, которые кружило друг возле друга сильным течением. С нашими куцыми нартами нелегко было преодолевать препятствия, встречавшиеся на льду, а чистой воды, по которой можно было спокойно идти на веслах, становилось все меньше и меньше. Не раз останавливались перед замерзшими полыньями в надежде, что лед с переменой течения вскроется, но так и не могли этого дожидаться. 15 августа утром, оставив всякую надежду, двинулись дальше по береговому припаю, решив всерьез держать курс на запад, к проливу, достичь которого стремились уже в течение нескольких дней.

Поверхность льда была довольно ровной, и путь хорош. На этом пути встретили вмерзший в лед айсберг, самый высокий из виденных нами в этих краях. Думаю, что высота его 15–18 м^[307]. Мне хотелось взобраться на его вершину и хорошенько осмотреть окрестности, но он был слишком крут, и нам удалось подняться по одному из его склонов не выше, чем на треть высоты.

«Вечером, наконец, добрались до островов, к которым стремились в эти последние дни, и в первый раз за два года ступили на твердую землю. Невозможно выразить чувство, какое овладело нами, когда мы получили возможность перепрыгнуть с одной гранитной^[308] глыбы на другую и затем обнаружили в небольшом укромном местечке, среди морен, мох и цветы, большой красивый мак (*Papaver nudicaule*), камнеломку (*Saxifraga nivalis*) и одну *Stellaria*. Над этой первой встреченной нами свободной от снега землей немедленно взвился норвежский флаг! Потом наступило время стряпать праздничное угощение. Керосин несколько дней тому назад кончился, и пришлось готовить на лампе, в которой горела ворвань. Дымящийся горячий лабскоус, сваренный из пеммикана и последних остатков картошки, от

которого так и валил пар, показался превосходным тем более, что, сидя в палатке, мы чувствовали под собой сухой крупный гравий.

Становится, однако, все более и более непонятным: где, собственно, мы находимся? По-видимому, к западу от нас идет широкий пролив, но что это за пролив?.. Остров, на котором мы высадились ^[309] и где чудесно спали эту ночь (запись сделана 16-го утром), спали на совершенно сухом пригорке без всяких луж от растаявшего льда и снега, – этот остров представляет собой нагромождение, образованное мореной ледника, простирающейся приблизительно с С на Ю (по компасу). Он состоит почти исключительно из громадных глыб камня, между которыми высятся, насколько я могу судить, несколько прочно стоящих скал. Глыбы частью скруглены, но ледниковых шрамов не нашел. Они лишь немного возвышаются над снежным пространством, которое постепенно спускается к окружающему морскому льду. К западу от нас лежит другой, тоже свободный от льда остров, но повыше нашего. Мы уже в течение нескольких дней видели его резко очерченную береговую террасу. К северу расположены еще два маленьких острова ^[310] и небольшая луда ^[311].

Как сказано выше (в записи от 13 августа), я предполагал сначала, что пролив, находящийся перед нами, – это пролив Роулинсона. Но, по-видимому, я ошибся, так как ледника Дове, образующего восточный берег пролива, не видно. Если бы мы теперь находились у пролива Роулинсона, то должны были бы предварительно пересечь этот ледник и Землю Вильчека. Мы ведь двигались на запад, и по всей вероятности, на полградуса южнее мыса Будапешт. Поэтому возможность оказаться близ пролива Роулинсона приходилось отвергнуть. Вероятно, мы просто попали на какую-нибудь новую землю в западной части архипелага Земли Франца-Иосифа и сильно уклонились к западу, из-за чего совсем не обнаружили островов, открытых Пайером. Но неужели все-таки мы так далеко ушли к западу, что не видели даже Земли Короля Оскара ^[312], которая должна находиться под 82° северной широты и 52° восточной долготы. Это непонятно. И где искать всему этому объяснение?»

«Суббота, 17 августа. Вчера выдался хороший день. Двигались вперед по открытой воде вдоль западного берега Земли Франца -Иосифа – насколько я могу судить– и снова могли надеяться попасть домой в этом году. Вчера около полудня перебрались по льду с нашего моренного островка на более высокий остров, расположенный западнее. Я справился со своими обязанностями раньше Йохансена и пошел вперед, чтобы осмотреть остров. Йохансен, следуя за мной, спустя некоторое время заметил с подветренной стороны от себя на гладком льду медведя, который, лавируя против ветра, шел прямо на него. Йохансен уже приготовился стрелять, но медведь, подойдя поближе, остановился, поразмыслил не много и вдруг круто повернул назад и припустился медвежьим галопом. Скоро он исчез из виду.

Остров, на который мы перебрались [\[313\]](#), показался мне одним из чудесных уголков земного шара: красивый плоский берег, усеянная белыми раковинками древняя береговая терраса, узкая полоса чистой воды вдоль берега, на дне которой виднелись улитки и морские ежи (*Echinus*), а на поверхности воды плавали дафнии (водяные блохи). На скалах наверху сидели сотни болтливых люриков, а возле нас с веселым чириканьем бойко перепархивали с камня на камень пуночки. Внезапно сквозь легкий слой облаков проглянуло солнце, и весь мир кругом просиял. Здесь кипела жизнь, земля не скрывалась под снегом, здесь уже не было бесконечных дрейфующих льдов. Повсюду виднелись медвежьи следы, попадались и песцовые. На дне морском у самого берега я заметил целые леса водорослей (*Laminaria* и *Fucus*). У подножия скал кое-где лежали сугробы красивого розоватого снега [\[314\]](#).

На северной стороне острова на одной из скал виднелось множество чаек, высиживавших яйца и сидевших с птенцами на выступах скалы. Мы, конечно, не удержались, полезли наверх, чтобы сделать снимки этой необычайной картины птичьей семейной жизни. С высокой скалы открывалась панорама плавучих льдов, они расстилались под нами беспредельной белой равниной, исчезающей вдаль за горизонтом. По этим льдам мы прошли, и где-то далеко среди них еще дрейфовал «Фрам» с нашими товарищами.

Хотелось залезть на самую вершину, чтобы иметь более обширное поле зрения и, быть может, подойти к разрешению загадки: где мы находимся? Но едва мы достигли западной стороны острова, как опять спустился и залег на вершине туман. Пришлось удовлетвориться тем, что мы взобрались немного по склону и осмотрели пространство, простирающееся к западу.

Вдали лежала открытая вода; она казалась настоящим морем, но, прежде чем добраться до нее, нужно было пройти порядочное расстояние по льду. Вдоль земли на некотором расстоянии тянулось разводье. Попробовали им воспользоваться. Но оно было покрыто тонким молодым льдом, и мы не рискнули пробиваться по нему в своих каяках. В таком льду недолго прорвать в каяках дыры. Пройдя немного на юг, в конце концов решили высадиться, чтобы идти по льду.

Пока высаживались, вокруг стали появляться один за другим большие тюлени. Выставив головы, вплотную возле нас, они изумленно рассматривали своими огромными глазищами занятых чем-то людей, потом, сильно нырнув, поднимали каскады брызг и исчезали, чтобы опять вынырнуть на другом месте. В общем они, не переставая, болтались вокруг нас, пыхтели, ныряли, опять появлялись и так быстро переворачивались, что вокруг возникали целые водовороты. Было бы довольно легко поохотиться на них, если бы в этом была нужда.

Наконец, после многих усилий выбрались на край льда. Перед нами, насколько хватал глаз, расстилалась синяя водная поверхность и казалось, что впредь придется иметь дело только с ней. На севере лежала земля^[315], обрывистые темные базальтовые утесы ее отвесно падали в море. Подальше к северу выступал мыс за мысом, а еще дальше мерцал голубоватый ледник. Внутреннюю часть острова сплошь покрывал ледник. Под облаками, висевшими над землей, проступала полоска красного ночного неба, отражавшаяся в угрюмых волнах моря.

Затем на веслах отправились дальше на запад вдоль стены ледника, покрывающего всю землю к югу от нас. По мере приближения к выступающему на запад мысу нас охватывало все большее волнение. Повернет ли там берег к югу? Нет ли земли дальше к западу? Это должно

было решить нашу судьбу; от этого зависело, вернемся ли мы домой в нынешнем году или придется зимовать здесь. Ближе и ближе подъезжали мы к мысу, двигаясь вдоль отвесной голубоватой ледяной стены. Наконец, дошли до мыса ^[316]. И тут сердца радостно забились: берег поворачивал на юго-запад, а к западу расстилалась вода, одна только чистая вода!

Впереди, невдалеке от нас, виднелась свободная от льда гора, возвышавшаяся над ледником ^[317]. Это была удивительно высокая скала, острая, словно лезвие ножа, одна из самых крутых и остроконечных, какие мне когда-либо приходилось видеть. Она состояла сплошь из темных базальтовых колонн, зазубренных, как гребень. Посредине скалы была выемка, и мы взобрались туда, чтобы осмотреть путь к югу.

Наверху в этом ущелье дул резкий, пронзительный ветер. Гора в этом месте была неширока. На южной стороне она круто обрывалась на высоте нескольких сот метров, уходя отвесно вниз к плоскому берегу.

Пока мы стояли там, я вдруг услышал позади себя визг и, оглянувшись, увидел двух песцов, дравшихся из-за люрика, которого один из них только что поймал. Они яростно царапались и кусались на самом краю обрыва, вырывая друг у друга добычу, и вдруг заметили нас. Мы были от них на расстоянии не больше шагов десяти. Сразу перестав драться, песцы изумленно поглядели на людей и принялись бегать вокруг, присматриваясь то с той, то с другой стороны.

Над нами с несмолкаемым ликующим криком пролетали взад и вперед, с одного выступа на другой, стаи люриков. К юго-западу тянулась, насколько можно было разглядеть, чистая вода. Ветер дул попутный. Хотя мы сильно устали, но порешили воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. Наскоро перекусив, поставили на каяках мачты, подняли паруса и, отчалив ранним утром, поплыли, пока ветер совсем не улегся. Тогда высадились на кромку берегового припая и расположились лагерем ^[318]. Отдыхая здесь, я радовался, как ребенок, мысли, что мы, значит, действительно находимся на западном берегу Земли Франца-Иосифа, перед нами чистая вода, и мы не зависим больше ни ото льдов, ни от течения».

«Среда, 24 августа. Никогда, кажется, не кончатся превратности этой жизни! Когда делалась последняя запись, я был полон бодрости и надежд, и вот уже седьмой день сидим на одном месте. Путь преградили непогода и плотно нагромодившиеся у берега ледяные глыбы, со всех сторон лежит непроходимый, изломанный и сплоченный лед. Ничего не видно, кроме ледовых нагромождений, торосов и прочих препятствий. Бодрость духа у нас пока еще сохранилась, но надежда – надежда на скорое возвращение домой – давно уже покинула нас, видимо, предстоит провести в этих местах долгую, темную зиму.

В полночь с 17 на 18 августа тронулись с нашего предыдущего привала при чудесной погоде. Правда, было пасмурно и солнце не проглядывало, но весь горизонт на севере восхитительно алел отблесками солнца, облака отливали золотом, а тихое море дремало, отражая в себе все эти краски. Дивная ночь! Каяки легко скользили по зеркальной морской глади, слегка шурша под тихими ударами весел. Вокруг – ни единой льдины. Плыли словно в гондоле по Canale grande^[319], лучшего и пожелать нельзя. Но в этой тишине таилось что-то тревожное, да и барометр сильно падал. Быстро приближались к мысу, видневшемуся на ЮЮЗ, до которого, по моим расчетам, оставалось еще примерно мили три^[320].

Через несколько часов впереди показался лед, но мы оба решили, что это лишь полоса разбитого льда, плывущего по течению, и продолжали спокойно грести. По мере того, как подходили ближе, стало заметно, что лед сильно сплочен и занимает обширное пространство. С низких каяков трудно было рассмотреть, как далеко он простирается, поэтому пришлось высадиться и взобраться на торос: надо было найти направление, удобное для прохода. Зрелище, представшее перед нами, было неутешительным.

Перед мысом, к которому мы направлялись, сгруппировались, выступая далеко в море, несколько небольших островов и островков; они-то и задержали лед, который виднелся повсюду – и между островами, и в море. Ближе к нам лед не был густым, но дальше он выглядел очень сплоченным.

О том, чтобы идти по открытому морю, нечего было и думать. Оставалось пройти в кромке берегового припая в надежде, что там найдется разводье. По пути прошли мимо большого тюленя, лежавшего на льдине. У нас начинало истощаться мясо и сало, и я хотел пристрелить его, но он нырнул в воду, прежде чем мы подошли на расстояние выстрела.

Лавируя между отдельными небольшими льдинами, я вдруг ощутил сильный толчок снизу в днище каяка. Я удивленно оглянулся – нигде поблизости не было крупных льдин. Да, их-то тут не было, но в ближайшем соседстве оказался более опасный враг. Едва я бросил взгляд на воду, как увидел, что за кормой плывет огромный морж. Внезапно он вынырнул и высоко высунулся из воды прямо перед Йохансеном, плывшим в кильватере за мной. Опасаясь, что в следующую минуту клыки моржа пробьют палубу, Йохансен стал изо всех сил отгребать назад, а затем схватил ружье, лежавшее внизу в каяке. Я тоже поспешил вытащить свое из чехла. Морж, сопя, погрузился в воду, нырнул под каяк Йохансена и появился у него за кормой. Йохансен, решив, что с него довольно такого соседства, высадился со всей быстротой, на какую только был способен, на ближайшую льдину. Держа ружье наготове, я подождал еще с минуту, не появится ли морж снова около меня, а затем решил последовать примеру Йохансена. Но это едва не стоило мне холодной ванны, пожелай только этого морж; на мое счастье, он не пожелал. Дело в том, что едва я ступил одной ногой на край льдины, как этот край обломился, и каяк мой соскользнул со льдины. Я стоял во весь рост в каяке на одной ноге, балансируя в меру своих способностей, чтобы не опрокинуться. Если бы морж вздумал атаковать меня в этот момент, пришлось бы встретиться с ним в его родной стихии.

Наконец, кое-как мне удалось взобраться на льдину, а чудовище еще долго плавало вокруг, пока мы, чтобы не терять даром времени, закусывали. Морж появлялся то возле каяка Йохансена, то возле моего. Он проплывал под каяками, обуреваемый, по-видимому, желанием атаковать их. Мы уже подумывали, не угостить ли его пулей, чтобы от

него отвязаться, но жаль было тратить заряд, да, кроме того, он подставлял нам либо свой нос, либо лоб, а, если рассчитываешь убить зверя наповал одним выстрелом, такая мишень плоха.

Это был огромный самец. Есть что-то допотопное и фантастическое в этих животных. Невольно вспоминался сам дедушка водяной и тому подобная нечисть, когда морж, высунув из воды башку, подолгу сопел и фыркал, тараща на нас свои круглые стекловидные глаза. Спустя некоторое время он, однако, исчез так же неожиданно, как и появился, и мы, закончив трапезу, могли беспрепятственно продолжать путь, радуясь, что и на этот раз не были опрокинуты или уничтожены моржовыми клыками.

Наиболее удивительным во всем этом странном происшествии было, впрочем, то, что морж появился совершенно нежданно -негаданно, словно он вынырнул вдруг из самой бездны. Йохансен, правда, вспомнил, что незадолго до появления моржа он слышал позади сильный плеск и принял его за шум большого тюленя; возможно, это и был морж.

Узкое разводье вдоль берегового припая мало порадовало нас; оно оказалось совсем затянутым молодым льдом, и пробиваться сквозь него было не под силу. Вдобавок подул легкий ветер с ЮЮЗ, нагоняя и сплавивая льды. Ничего больше не оставалось, как пристать к кромке и выжидать, пока лед опять разойдется. Мы разостлали спальный мешок, поставили над ним палатку и залегли спать в надежде, что скоро сможем двинуться дальше. Но вышло иначе. Ветер посвежел, лед продолжало сплавивать, и вскоре нигде уже не стало видно чистой воды. Даже открытое море, по которому мы сюда пришли, исчезло. Одним ударом все наши надежды добраться до дому в этом году были развеяны.

Оставалось только протащить нарты по береговому припаю подальше от кромки и расположиться там на стоянку. Пытаться продолжать путь по этому отвратительному льду, хуже которого, кажется, еще не встречался, не было смысла. За день мы все равно не успели бы уйти далеко, а пробираться по всем этим ледяным хребтам и нагромождениям на своих укороченных, обрубленных нартах значило подвергать слишком суровому испытанию наши каяки. И вот мы остались

здесь, сидим сутки за сутками в ожидании, что ветер уляжется или изменит направление. Но он продолжает дуть, не прекращаясь, все с той же стороны, не меняя направления. Не улучшил, конечно, положение и выпавший глубокий снег, – лед стал теперь совершенно непроходимым.

Положение создавалось неприятное: прямо перед нами лежал тяжелый исковерканный морской лед, и одни боги знали, вскрыется ли он снова в этом году; на порядочном расстоянии находилась земля [\[321\]](#), которая отнюдь не прельщала нас перспективой зимовки; вокруг, куда ни обернись, лежали неприступные льды, а в довершение всего продовольствие было на исходе. Настоящим Ханааном [\[322\]](#), землей обетованной представлялся нам теперь южный берег земли и гавань Эйры [\[323\]](#). Кажется, если бы нам только удалось добраться туда, и всем тревогам пришел бы конец. Там есть хижина Лей-Смита или по крайней мере какие-нибудь остатки ее, и будет где жить. Можно было рассчитывать встретить там достаточно много открытой воды и, следовательно, дичь.

Как сожалели мы теперь о том, что не убили хотя бы одного тюленя, пока их было много. В ночь, когда мы покидали последнюю стоянку, их виднелось немало. Когда Йохансен стоял у кромки льда и втаскивал на нее свой каяк, прямо перед ним вынырнула голова тюленя. Йохансену показалось, что такого тюленя он еще не видал прежде и стал звать меня. Но тут безмолвно и тихо стали появляться из воды одна голова за другой, всего десять, двадцать и, окружив Йохансена кольцом, уставились на него круглыми глазищами. Йохансену даже жутко стало, – уж не наваждение ли какое-то все эти диковинные головы, появившиеся, а затем исчезнувшие столь же неожиданно и бесшумно? Я успокоил его, объяснив, что это были действительно тюлени такого вида, какого мы за время нашего путешествия не встречали ни разу – молодые гренландские тюлени (*Phoca groenlandica*). Позже днем видели еще несколько стад этих тюленей.

Прикованные к месту, мы всячески коротали время, стараясь сделать это как можно лучше, но преимущественно спали. В ночь с 21 -го на 22-е, уже под утро, когда я проснулся и размышлял о том, что с нами

будет, если в ближайшее время лед не поредет и не удастся раздобыть новый запас мяса, вдруг послышался снаружи какой-то шорох и шум за стенками палатки. Это мог быть просто шум обычного сжатия льдов, но больше он походил на чьи-то шаги. Я вскочил и сразу услышал сопение у самой стенки. Выглянув в дыру, я ничего не увидел. Стал смотреть в дыру покрупнее по другую сторону – так и есть! У самой палатки расхаживал огромный зверь. В ту же минуту и он заметил меня в дыру и хотел было улизнуть, но остановился, таращась на палатку. Мигом схватил я висевшее на шесте, поддерживавшем палатку, ружье, просунул дуло в дыру и послал пулю медведю прямо в грудь. Он упал носом в землю, но поднялся и заковылял прочь. Тогда я пустил ему другую пулю в бок. Он сделал еще несколько шагов, пошатываясь, и свалился между торосами, недалеко от нас. Это был необыкновенно крупный самец. На некоторое время заботы о пище были устранены. Зато ветер неослабно продолжал дуть все в том же направлении. Место, где мы расположились вначале, было плохо защищено от ветра, и, кроме того, мы находились в неприятно близком соседстве с кромкой льда и ледяным барьером, в котором то и дело происходили сжатия. Поэтому мы переселились подальше вглубь берегового припая, где находимся и по сие время. Прошлой ночью снова поблизости от нас ходил медведь, но он уже не подходил так близко к самой палатке.

Вчера побывали на земле [\[324\]](#), чтобы проверить, каковы виды на будущее, если придется зимовать здесь. Я надеялся встретить подальше в глубине берегового припая более гладкий лед, но чем ближе к земле, тем он становился хуже. У самого мыса лед был выперт кверху сжатиями и стал почти непроходимым. Нагромождения морского льда доходили до самой стены ледника. Поднялись немного по склону ледника, чтобы обозреть окрестности.

Недалеке в проливе [\[325\]](#), к северу от мыса, лед казался более ровным, похожим на фьордовый, но нигде не было полыней, которые бы говорили о возможности удачной охоты на тюленей. На этой стороне мы не обнаружили подходящего места для хижины. Зато на южном берегу мыса нашлось очень привлекательное местечко с довольно ровным

грунтом, где пробивалась травка и где было достаточно камней и моха для постройки хижины. Но вокруг был настоящий ледяной хаос; только по направлению к проливу или фьорду, глубоко врезавшемуся в землю на юго-востоке, лед был немного ровнее и скоро переходил в фьордовый; но и там тоже не было ни одной полыньи, в которой можно было бы ожидать появления тюленей. Утешало обилие здесь медвежьих следов; в случае необходимости медведи могли, конечно, быть поставщиками пищи и одежды.

На утесах над нами гнездились множество люриков. Немало было их и на тех утесах, мимо которых мы проезжали раньше. Видели также песца.

Горные породы состояли здесь из крупнозернистого базальта, но в одном месте, у края ледника, наткнулись на вершину, состоящую из рыхлого, полувыветрившегося глинистого сланца, в котором, однако, не могли найти никаких окаменелостей. Кругом рассыпаны отдельные глыбы, имеющие большое сходство с гранитом ^[326]. Везде вдоль берега ледники покрыты розовым снегом, особенно великолепным при солнечном освещении.

Мы оба пришли к заключению, что перезимовать здесь можно, но надеялись все же, что ступили на эту землю в первый и последний раз в жизни. Путь к ней был так труден, что никак нельзя было представить, каким образом мы перетащим туда каяки и нарты.

Сегодня, наконец, наступила долгожданная и страстно желанная перемена погоды. Ночью затих юго-западный ветер. Барометр, который я ежедневно постукивал в надежде, что он поднимется, начал постепенно ползти вверх, и ветер задул в противоположном направлении. Теперь все дело в том, долго ли продержится этот ветер и в состоянии ли он будет рассеять и угнать отсюда лед».

Здесь наступает большой перерыв в моих каждодневных заметках, и только с середины зимы (с пятницы 6 декабря) я снова взялся за карандаш, чтобы заполнить пробел.

«Наконец, должен же я постараться заштопать дыру, образовавшуюся в моем дневнике. До сих пор было так много дел, что

некогда было писать; но сейчас у меня уже не существует больше этой причины, теперь по большей части мы спим подряд целые сутки.

Сделав запись в дневнике 24 августа, я вышел поискать более удобное и защищенное место для палатки, так как ветер переменял направление и палатка наша оказалась на самом ветру. Я надеялся также, что этот ветер, дувший с земли, разгонит лед, и потому сначала отправился посмотреть, нет ли признаков вскрытия прибрежного льда; но припай был так же сплочен, как и прежде.

Я нашел великолепное место, и мы уже готовились перебраться туда, когда заметили, что лед между нами и берегом разводит и уже образовалась широкая полынья. Нам очень хотелось, чтобы лед развело, но вовсе не со стороны земли. Теперь надо было во что бы то ни стало перебраться опять на береговой припай, чтобы нас не унесло в море вместе с плавучим льдом. Однако ветер все свежел, достигал силы шторма, и было более чем сомнительно, чтобы нам удалось выгрести против него даже и на таком небольшом расстоянии.

Борьба со штормом

Рисунок

Сама полынья, впрочем, быстро расширялась. Мы все-таки сочли необходимым попытаться найти переправу и отправились вдоль полыньи на восток, надеясь отыскать более защищенное от ветра место, где легче было бы спустить на воду каяки. Дойдя до намеченного пункта, мы,

однако, увидели, что и тут положение не лучше и при спуске каяки почти неминуемо зальет.

Ветер сильными шквалами проносился по морю, оно стонало, и хлопья пены разлетались далеко по льду. Оставалось одно: дожидаться более благоприятной погоды, а пока что разбить лагерь. Но для этого мы более чем когда-либо нуждались опять-таки в прикрытии, чтобы палатку не унесло ветром. Сколько, однако, мы ни искали, сколько ни ходили взад и вперед, найти подходящее место так и не удалось. В конце концов пришлось удовлетвориться скудной защитой, которую давал небольшой торос. Вскоре шквальные порывы ветра стали так трепать палатку, что мы сочли благоразумным повалить ее, пока ветер не разорвал ее в клочья. Лежа в спальном мешке под распластанной палаткой, можно было спать спокойно, как бы там ни бушевал над нами ветер.

Проснувшись немного спустя, я заметил, что буря утихла; значит, можно опять поставить палатку. Я выполз посмотреть, какова погода, и был неприятно поражен, увидев, что льдина находится далеко в море: ее отнесло на милю или на две от земли, и между землей и нашей стоянкой волновалась открытая вода. Сама земля низкой полосой рисовалась на дальнем горизонте. Погода все-таки значительно улучшилась, и мы снова направились к кромке льда, чтобы спустить на воду каяки. Сделать это было нелегко: все еще дул сильный ветер, который разводил высокую волну. Вдобавок перед нами проносило много быстро дрейфующих льдин, и приходилось все время быть настороже, чтобы льды не раздавили каяков.

После нескольких неудачных попыток мы, наконец, оказались на воде и тут же убедились, что ветер и волны слишком сильны: невозможно было идти на веслах навстречу им. Оставался единственный выход: попытаться плыть под парусом, если удастся его поставить.

Пристав к ледяной косе, мы связали каяки вместе, поставили мачту и смело пустились в путь. Потом подняли один из наших парусов и, к невыразимому удовольствию, увидели, что пошли вперед и пошли отлично. Наконец-то мы могли распрощаться со льдом, на котором

похоронили свою надежду добраться домой в этом году. Плыли под парусами несколько часов подряд и подвигались хорошо. Потом, когда ветер несколько улегся и стал для одиночного паруса слишком слабым, я рискнул поставить двойной. Но едва успели сделать это, как ветер опять стал крепчать. Мы быстро неслись по воде, разбрызгивая пену. Скоро дело стало принимать серьезный оборот: волны захлестывали каяк с подветренной стороны, мачта угрожающе гнулась, и ситуация становилась не особенно приятной. Нужно было как можно скорее спустить второй парус. Мы оставили простой, одиночный, и на некоторое время потеряли охоту ставить добавочные».

Хорошо шли целый день. Наконец, был достигнут высокий мыс, на который, сидя на одном месте целую неделю, насм отрелись досыта. Но пройти мимо него удалось только к концу вечера. Ветер к этому времени настолько ослаб, что можно было снова поставить двойной парус. И все - таки подвигались очень медленно.

Продолжая плыть вдоль берега всю ночь, чтобы использовать ветер до последней возможности, миновали низменный мыс, покрытый ледником, с отлогими склонами ^[327]. Мористее мыса лежала группа островов, которые, по-видимому, задерживали движение льда. Дальше продвигались некоторое время под берегом с высокими базальтовыми утесами. Здесь ветер совершенно стих. Спустился туман. Лишь смутно различались очертания земли и островов и справа и слева от нас.

С трудом ориентируясь, мы не знали, куда направить свой путь. Пришлось устроить привал. Каяки вытащили на берег, поставили палатку. Превосходное горячее блюдо показалось нам необычайно вкусным, так как приправой служило сознание, что мы хорошо поработали в этот день. На скале над нашими головами невероятно шумели люрики, усердно поддерживаемые чайками, моевками, бургомистрами, поморниками. Но уснуть нам крики не мешали. Скала эта замечательно красива; изящнейшие базальтовые колонны, пилястры и ниши, идущие до самой вершины, бесчисленные шпили и зубцы на всех гребнях напоминают знаменитый Миланский собор. Колонны идут рядами сверху донизу, переходя у подножия в обрывы.

Когда на следующее утро вышли из палатки, погода прояснилась настолько, что можно было разглядеть, куда держать путь. Похоже было, что к востоку от нас в землю глубоко врезается широкий фьорд или пролив. Путь лежал мимо мыса, видневшегося примерно на ЮЮЗ по другую сторону фьорда. В этом направлении вода казалась свободной ото льдов. Около земли стоял береговой припай, море тоже покрывали плавучие льды. Сквозь легкую дымку тумана можно было различить несколько островов [\[328\]](#).

За ночь, как всегда, к берегу нагнало много льда – больших плоских тонких льдин, загородивших нам путь. Казалось, придется изрядно поработать, прежде чем удастся выбраться на чистую воду. Но дело пошло лучше, нежели мы ожидали. Нам удалось перебраться через полынью до того, как она окончательно закрылась. Впереди расстилалась теперь совершенно чистая вода, уходящая далеко вперед, до мыса на горизонте. Погода стояла прекрасная, и все сулило удачный день.

С фьорда потянул слабый ветер, и можно было надеяться, что он превратится вскоре в настоящий, достаточно сильный ветер, чтобы плыть под парусами. Пристали к небольшому гористому островку, очень походившему на огромный камень [\[329\]](#), высунувшийся из воды, и там приладили мачту и парус. Но ветер не усилился, вскоре пришлось снять такелаж и идти дальше на веслах. Недолго шли и на веслах – ветер переменялся, перешел в юго-западный. Он быстро крепчал, поднялась высокая волна, небо на юге потемнело, грозил разразиться шторм. До земли впереди по ту сторону фьорда оставалось еще изрядное расстояние, на которое предстояло отдать несколько часов усердной гребли. Да и самая земля, сплошь покрытая ледниками, казалась мало гостеприимной. Только в одном месте торчал изо льда какой-то утес.

С подветренной стороны от нас лежала низкая кромка берегового припая, ничем не защищенная от набегавших на нее волн. Плохо пришлось бы тому, кто стал искать на ней спасения. Лучше всего было все-таки добраться до ближайшего берега и там переждать непогоду. Перспектива снова застрять в дрейфующих льдах не улыбалась;

довольно с нас этого удовольствия! Поэтому решили направиться к земле, расположенной на некотором расстоянии позади нас и выглядевшей более привлекательно. Если бы дела пошли плохо, пожалуй, можно было бы там найти хорошее место для зимовки.

Едва успел я ступить на эту землю, как увидел на берегу, несколько дальше вглубь острова, медведя. Но прежде всего надо было вытащить каяки. Пока медведь неуклюже, вперевалку подвигался по берегу, мы, притаившись за каяками, спокойно выжидали. Подойдя совсем близко, он вдруг заметил наши следы на снегу, и, пока он их обнюхивал, Йохансен всадил ему пулю повыше лопатки. Медведь взревел и хотел пуститься наутек, но пуля перебила позвоночник и задняя часть туловища оказалась парализованной. В отчаянии зверь осел на задние лапы и принялся рвать и грызть их так, что кровь полилась ручьями, – он будто наказывал их за неповиновение. Затем зверь снова попробовал бежать, но также безуспешно; задняя часть туловища волочилась, он полз на передних лапах, да и то не двигаясь вперед, а только кружась на одном месте. Новая пуля, пронзив череп, положила конец его страданиям.

Мы содрали с медведя шкуру, затем я направился вглубь острова обследовать наши новые владения. Немало поразило меня то, что двое моржей спокойно лежали на льду у того самого места, где я перед тем заметил медведя^[330]. В море против этого места виднелся еще один морж, непрерывно высовывавший из воды голову и пыхтевший так, что слышно было издали. Немного спустя я увидел, что он приблизился к кромке льда, нырнул в воду и появился снова в полынье близ самого берега, на порядочном расстоянии от наружной кромки льда. Упершись своими мощными клыками в лед, он лежал на воде, тяжело пыхтя, совсем как утомленный пловец. Затем он высоко приподнялся на клыках и заглянул на лед, посмотрел на двух лежавших там моржей и опять нырнул. Вскоре он появился уже ближе к ним, яростно шумя и пыхтя, и повторил тот же маневр. Такая внезапно высунувшаяся над краем льда моржовая башка – зрелище не из приятных. Огромные клыки, щетинистые усы и неуклюжие движения придают моржу что-то дикое,

заколдованное, делают его похожим на исчадие самого дьявола, и я понимаю, что во времена господства суеверий такой зверь мог наводить ужас и поддерживать веру в сказочных чудовищ, которыми в старое время человеческая фантазия населяла эти моря.

Наконец, морж показался в полынье, возле которой лежали другие его друзья, и при помощи клыков приподнялся над краем льда. Но тут неожиданно встрепенулся самый крупный из лежавших, старый самец. Он угрожающе захрюкал и беспокойно задвигался. Пришелец склонил почтительно голову на лед, но потом стал осторожно взбираться на льдину, опираясь о край передними лапами и подтягиваясь всем туловищем. Тут старый самец пришел в совершенное исступление. Он круто повернулся, заревел и тяжело заковылял навстречу новоприбывшему, чтобы вонзить ему в спину свои могучие клыки. Пришелец, хотя и не уступал старику ни клыками, ни ростом, смиренно склонил голову на лед, словно раб перед своим господином. Старый самец вернулся и спокойно занял прежнее место рядом со своим товарищем.

Однако едва только пришелец, пролежавший некоторое время в раболепной позе, вновь шевельнулся, старик захрюкал и бросился на него, а новоприбывший столь же почтительно отступил. Это повторялось несколько раз.

Наконец, после многих наступлений и отступлений пришелец пролез понемногу вперед, улегся рядом с двумя другими. Я подумал было, что тут, по всей вероятности, замешана любовная история, но затем открыл, что все три моржа – самцы. Таким «дружелюбным» образом принимают, очевидно, моржи своих гостей. В стаде, должно быть, бывает один избранник, исполняющий обязанности вожака и хозяина. Я склонен думать, что вожак, устраивая гостю подобный прием, дает таким образом почувствовать свою власть, старается внушить каждому вновь прибывающему, кому именно обязаны здесь повиноваться все.

Моржи, должно быть, звери чрезвычайно общительные, так как, несмотря на подобные строгие порядки, постоянно ищут общества друг

друга и всегда лежат, вплотную прижавшись друг к другу. Когда мы немного погодя вернулись посмотреть на них, то увидели на льдине еще одного моржа, а на следующий день там лежало уже полдюжины. Трудно поверить, что эти туши, устроившиеся на льду, – живые существа. Втянув голову и плотно поджав задние лапы под брюхо, они могут много часов неподвижно лежать, словно чудовищные колбасы. Видно, что эти развалившиеся на льду громады сами себе господа и никого на свете не боятся.

Вдоволь насмотревшись на моржей вблизи, мы вернулись на стоянку и приготовили себе превкусную трапезу из свежей медвежатины, а затем улеглись спать. На берегу пониже палатки оглушительный крик подняли белые чайки. Слетаясь сюда стаями с разных сторон, они никак не могли поделить между собой внутренности медведя, дрались, не переставая, и наполняли воздух резкими злобными криками. Одна из неисчислимых причуд природы то, что, снабдив этих птиц красивым оперением, она дала им отвратительный голос.

Немного поодаль важно восседали чайки-бургомистры и смотрели на происходящее, издавая несколько более мелодичные звуки. В воде то и дело пыхтели и хрюкали моржи.

Но два усталых путника в палатке не обращали на все это равно никакого внимания. Они крепко и беспечно спали без всякой подстилки, прямо на голой земле. Среди ночи их разбудили необыкновенные звуки. Похоже было, что где-то близко стонет и рыдает, испускает жалобные вопли человек. Я вскочил и поглядел в дырку. Около туши нашего медведя топтались два других – медведица с медвежонком. Они обнюхивали следы крови на снегу, и медведица безумолку жалобно вопила, словно оплакивая дорогого покойника. Не теряя времени, я схватил ружье и уже готов был осторожно просунуть дуло в дыру, как медведица вдруг заметила меня и оба обратились в бегство – мать впереди, а медвежонок трусцой за ней, спеша изо всех сил. Я дал им спокойно убежать – сейчас они не были нужны нам.

Повернувшись на другой бок, мы вскоре снова уснули.

Шторм, которого мы опасались, так и не разыгрался. Ветер, однако, дул с большой силой, трепал и рвал нашу и без того потрепанную палатку. Защиты от ветра не было никакой. Мы надеялись, что на следующий день можно будет двинуться дальше, но, к своему разочарованию, обнаружили, что путь закрыт: ветер снова пригнал к земле много льда. Пока приходилось оставаться на месте. Чтобы устроиться поуютнее, нужно было отыскать для палатки место поудобнее, защищенное от ветра. Такого не было. Не оставалось ничего другого, как постараться соорудить какой-нибудь кров. Мы наломали камней из моренных насыпей и натаскали их сколько могли. Орудием для выламывания камней служил нам обрубок санных полозьев. Но главным оставались наши руки.

Проработали всю ночь. То, что по первоначальному замыслу должно было представлять собой только каменную стену для защиты от ветра, мало-помалу превратилось в четыре стены. Мы продолжали работать, пока не соорудили настоящей хижины, клянусь богами. Нельзя сказать, чтобы она вышла очень удобной для жилья. Длина ее была настолько мала, что я не мог лежа растянуться во весь свой шестифутовый рост: если я вытягивал ноги, они высывались из двери! Ширина ее была такова, что, когда мы с Йохансеном лежали рядом, в ней едва оставалось место для кухонного аппарата. Хуже, однако, обстояло дело с высотой. Лежать в хижине еще можно с грехом пополам, но сидеть, выпрямившись по-людски, было для меня решительно невозможно. Крышей служила наша грязная и ветхая шелковая палатка, растянутая на лыжах и бамбуковых палках. Дверь завесили своими куртками, но стены были сложены настолько неплотно, что свет проникал между камнями со всех сторон. За все это мы прозвали потом наше жилье «берлогой», и надо прибавить, что и берлога -то вышла прескверная! А все-таки мы гордились своей постройкой. Как бы ни гулял в ней ветер, но снести ее во всяком случае он не мог.

И когда, подстлав под себя медвежью шкуру, мы залезли в спальный мешок, а над ворванной лампой забурлила в котелке вкусная мясная похлебка, хижина показалась нам совсем уютной.

Благополучие наше не могло нарушить даже то, что жилье наполнилось дымом, который разъедал глаза и от которого по щекам ручьями текли слезы.

Глава девятая Мы готовимся к зиме

Так как и на следующий день (28 августа) путь к югу был закрыт, а дело шло к осени, я окончательно решил зазимовать здесь. Мы считали, что находимся по меньшей мере в 30 милях (220 км) от гавани Эйры, или зимовки Лей-Смита^[331]. Чтобы добраться туда, потребовалось бы много времени, да и неизвестно еще, нашлась ли бы там какая-нибудь хижина? Если же нам по прибытии туда предстояло еще соорудить себе жилище и запастись продовольствием на зиму, то было более чем сомнительно, чтобы мы успели сделать и то и другое до наступления зимы. Бесспорно, благоразумнее было немедленно начать готовиться к зимовке, пока еще кругом вдоволь дичи, да и место для зимовки было тут неплохое.

Прежде всего мне хотелось добыть моржей, которых в первые дни было немало возле нас на льду; теперь они, как на зло, пропали. Впрочем, море кишело ими; день и ночь слышны были рев и сопение этих зверей. Готовясь к охоте, мы вынули из каяков все, чтобы сделать их как можно более легкими на ходу на время этого далеко не безопасного промысла.

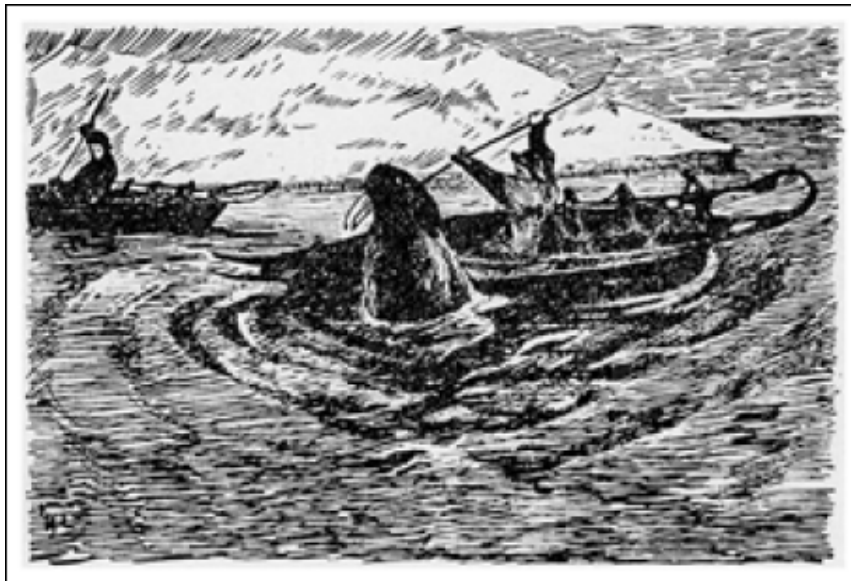
Пока мы были заняты этим, Йохансен заметил двух медведей: медведицу с медвежонком, которые приближались к нам с юга, двигаясь вдоль кромки льда. Не теряя ни минуты, мы схватили винтовки и пошли навстречу. Когда они добрались до берега и подошли на расстояние выстрела, Йохансен пустил медведице пулю в грудь. Она заревела, стала грызть рану и, пройдя пошатываясь несколько шагов, свалилась. Медвежонок, не понимая, что случилось с матерью, бегал вокруг, обнюхивая ее. Мы приблизились. Он отбежал немного вверх по склону, но тут же вернулся и стал над матерью, словно защищая ее от нас. Заряд дроби в голову уложил и его на месте.

Так было положено хорошее начало фонду наших зимних запасов. Возвращаясь к хижине за ножами для свежевания медведей, я услышал в воздухе высоко надо мной птичий крик. Это летели на юг два гуся! С

какой завистью поглядел я им вслед! Если бы я мог последовать за ними туда, куда они держат свой путь!..

Кроме провианта и топлива, надо было обеспечить себя еще жильем. Сложить стены было нетрудно: камней и мха здесь имелось достаточно. Хуже обстояло дело с крышей, – мы просто не знали, из чего ее сделать. К счастью, я нашел крепкое сосновое бревно, выброшенное на берег неподалеку от нашей берлоги. Оно могло послужить отличной матицей для крыши. Но если нашлось одно, то можно было поискать и другие. Поэтому мы прежде всего предприняли экскурсию по берегу для поисков. Нашелся, однако, только короткий и гнилой, никуда не годный обломок ствола, да еще несколько крупных щеп от другого бревна. Тогда я стал соображать, нельзя ли употребить на крышу моржовые шкуры.

На следующий день (29 августа) решили попытать счастья в охоте за моржами. Нападать на них, сидя в одиночном каяке, не хотелось, мы это удовольствие уже испытали. Перспектива перевернуться или получить пробоину в днище каяка, а то еще и рану клыками в бедро не особенно прельщала. Поэтому каяки были связаны вместе, а мы, усевшись вдвоем, направились к большому самцу, который то лежал на воде, то нырял вдалеке от берега. Мы были хорошо вооружены ружьями и гарпунами и думали, что дело обойдется довольно просто и легко.

Нападение моржей

Рисунок

Подойти на расстояние выстрела было, конечно, нетрудно и мы разрядили наши ружья, целясь в голову. Зверь был ошеломлен и с минуту не шевелился; мы стали грести к нему, как вдруг он начал неистово биться и переворачиваться в воде. Я крикнул Йохансену, что нужно отплыть назад, но было уже поздно: морж нырнул под каяки, и прежде нежели он исчез в глубине, мы получили в днище каяков несколько сильных ударов от его судорожных движений. Спустя непродолжительное время морж вынырнул вновь с таким громким пыхтением, что его, вероятно, слышно было далеко вокруг; из ноздрей и изо рта зверя струилась кровь, окрашивая воду.

Не теряя времени, мы подплыли ближе и дали по моржу новый залп. Он опять нырнул, а мы осторожно отошли назад, чтобы избежать атаки снизу. Немного погодя зверь снова появился на поверхности, и мы приблизились к нему. Это повторилось несколько раз, и каждый раз морж получал, по меньшей мере, одну пулю в лоб. Кровь текла теперь ручьем, и морж все больше ослабевал, но все время поворачивался к нам мордой, и трудно было нанести ему смертельную рану за ухо.

Во время одного из этих маневров я, чтобы освободить руки и подгрести поближе, сунул ружье в чехол, забыв, что курок взведен. В ту же секунду раздался выстрел. Я порядком испугался, – пуля могла пробить дно каяка. Я попробовал пошевелить ногами. Ноги оказались целыми, шума набирающейся в каяк воды тоже не было слышно, и я успокоился. Как выяснилось позднее, пуля пробила палубу и вышла через борт повыше ватерлинии. Тем временем вся эта комедия нам порядком надоела. Морж уже лежал на воде, тяжело хватая ртом воздух; подплыли к нему, и едва он повернул голову, как получил сразу две пули позади уха. Он замер, мы стали подгребать еще ближе, чтобы вонзить в него гарпун, но, прежде чем успели это сделать, он погрузился в воду и исчез. Печальный конец! Девять патронов пропали даром, и мы молча гребли к берегу, изрядно упав духом.

В этот день мы не пытались больше охотиться на моржей с каяков. Но вдруг заметили моржа, который выбрался на прибрежный лед неподалеку от нас. Может быть, удастся вознаградить себя за того,

которого только что упустили?.. Вскоре по соседству с первым появился второй. Мы дали им спокойно улечься, занявшись тем временем определением полуденной высоты солнца, а потом двинулись по льду. Укладываясь, звери долго ревели, хрюкали и вообще производили невообразимый шум; затем, нашумевшись, мирно задремали, ничего не подозревая. Мы стали осторожно подкрадываться к ним; я впереди, Йохансен за мной по пятам. Сначала я подошел к голове ближайшего моржа, лежавшего к нам спиной. Он сильно втянул в себя голову, и трудно было попасть ему в наиболее уязвимое место. Обойдя зверя сзади, я подошел к голове другого. Оба по-прежнему лежали неподвижно, крепко уснув на солнце.

Положение второго моржа было выгоднее для прицела, и, убедившись, что Йохансен приготовился стрелять первому моржу в голову, я выпалил в затылок второму. Животное слегка повернулось и вытянулось мертвое. Звук выстрела заставил первого моржа подскочить, но в тот же миг его поразила пуля Йохансена. Зверь, полуошеломленный, повернулся к нам своим могучим туловищем. В мгновение ока я тоже послал в него пулю, но, подобно Йохансену, угодил не за ухо, а повыше в самую переднюю часть головы: кровь хлынула у него из ноздрей и изо рта, он засопел и захаркал так, что воздух задрожал. Опершись на свои могучие клыки, морж тихо лежал на льду и кашлял кровью, как чахоточный человек, не обращая на нас никакого внимания. Его огромная бесформенная и безобразная туша вызывала в памяти представления о мифических домовых, великанах, леших и другой чертовщине, но его круглые глаза выражали такую кроткую мольбу и беспомощность, что можно было забыть и его чудовищную оболочку и весь свой охотничий пыл, оставалось одно только чувство глубокой жалости и сострадания. У меня было такое ощущение, что мы совершаем убийство. Я поспешил прекратить страдания зверя, выстрелив ему за ухо. Но его молящие глаза преследуют меня до сих пор: в них как будто застыла беспомощная мольба всего моржового рода о пощаде. Но он осужден на гибель; его преследует человек [\[332\]](#).

Нельзя, впрочем, отрицать, что мы были чрезвычайно рады тому, что за один раз удалось добыть столько мяса и сала: эти два моржа с лихвой вознаградил нас за все патроны, израсходованные на потонувшего моржа. Но добыча еще не была на берегу; предстояло положить немало труда, чтобы содрать с них шкуры, разрубить туши на части и перетащить их в наш дом. Прежде всего отправились за нартами и ножами. Но так как было вполне возможно, что лед разведет и он придет в движение, я решил на всякий случай взять с собой и каяки, тем более что с фьорда поднялся ветер. Предосторожность оказалась нелишней! Не возьми мы с собой каяков, неизвестно еще, что случилось бы с нами.

Пока мы свеживали моржей, ветер быстро крепчал и скоро превратился в шторм. Между нами и берегом извивалась узкая трещина или полынья, возле которой и лежали убитые моржи. Я очень опасался, что лед в этом месте вскрыется и нас понесет в море. Поэтому во время работы все время следил за трещиной – не расширяется ли она. Но нет, она не менялась, и мы продолжали сдирать шкуры, спеша как можно скорее покончить с этим делом. Шкура с первого моржа была уже наполовину содрана, когда, взглянув случайно на лед по ту сторону трещины, я увидел, что там, довольно далеко от нас, ближе к берегу, лед откололся и всю эту часть ледяного поля давно уже несет по течению. Между нами и береговым припаем темнело море, и ветер, срывая гребни волн, развеивал пену.

Нельзя было терять ни минуты. Было более чем сомнительно, чтобы мы могли проехать на веслах сколько-нибудь значительное расстояние против такого ветра и при таком волнении. Вот и приходилось спешить, пока еще лед отнесло от земли на такое расстояние, которое мы наверное могли бы преодолеть. Совсем отказаться от своей охотничьей добычи мы, конечно, были не в силах; наспех отрезав от туши сколько могли мяса, мы бросили его в каяки, накрыли четвертью шкуры, отрезанной вместе с салом, и стали пробираться по льду в сторону берега. Едва мы оставили нашу добычу, как на полуосвежеванную тушу спустилась туча чаек. Позавидуешь этим

созданиям! Им нипочем и шторм, и волнение, и плавучие льды. Они кричали и шумели, радуясь предстоящему пиру. До тех пор, пока мы могли следить за тушами моржей, уносимыми вместе со льдом все дальше в море, мы видели, что на них собирались все более и более густые стаи птиц, похожие на белые снежные облака.

Мы же тем временем спешили изо всех сил добраться до земли по льду. На нем во всех направлениях образовывались трещины и разводья. Через некоторые из них удалось переплыть на каяках, через другие перебирались по плавучим льдинам. Перепрыгивая таким образом через одну широкую полыню, я попал на слабый лед и мне пришлось мигом отпрянуть назад во избежание холодной ванны. Попробовали перебраться в других местах, но всюду лед проваливался под нами и под тяжестью нарт. Оставалось одно: спустить на воду каяки и идти на веслах вдоль взломанного льда, придерживаясь подветренной стороны. Отъехав немного, мы убедились, что на связанных каяках против такого ветра грести бесполезно. Надо было попытаться грести в одиночку и, стало быть, пожертвовать шкурой моржа вместе с салом: до этого она лежала поперек обоих каяков на корме, а на один каяк она не умещалась.

Пока мы занимались переоснасткой, каяки незаметно для нас оказались окруженными льдом. Пришлось с молниеносной быстротой вытаскивать их на лед, чтобы избежать опасности быть раздавленными. Тщетными оказались попытки потом в нескольких местах спустить каяки, льдины беспрерывно двигались и кружили, словно в водовороте. То тут, то там появлялся какой-нибудь канал, но едва мы успевали спустить на воду каяки, как он с силой смыкался, и приходилось чуть не в мгновение ока вытаскивать каяки обратно. Несколько раз каяки были буквально на волосок от гибели. Между тем шторм все усиливался, нас обдавало волной, брызгами пены и уносило дальше и дальше в море. Положение было не из приятных.

Много времени прошло прежде чем мы наконец выбрались на чистую воду и, к великой радости своей, заметили, что можем двигаться в каяках даже против ветра, но, разумеется, с крайним напряжением

сил. Грести было чрезвычайно тяжело, руки ныли от усталости, и все-таки мы, хотя и медленно, подвигались к земле. Каяки показали хорошие мореходные качества, и даже в своем пробитом пулей каяке я чувствовал себя неплохо, оставаясь почти сухим.

Ветер налетал мощными шквалами, казалось вот-вот он подхватит нас, швырнет и опрокинет навзничь. Однако, по мере того как мы подходили под защиту высокого берега, ветер стихал. Наконец, очутившись под самым берегом, можно было вздохнуть свободно. По спокойной воде мы прошли вдоль берега до самой стоянки, с неописуемым удовольствием вскарабкались на берег и с наслаждением улеглись в четырех стенах нашей жалкой берлоги, хотя и мокрые насквозь... Приготовив вкусное мясное блюдо, уничтожили его с волчьим аппетитом. Разумеется, с грустью вспоминались пропавшие моржи, унесенные штормом. Но во всяком случае радовало то, что мы не остались в их обществе.

Спал я недолго. Меня разбудил Йохансен, сообщивший, что поблизости бродит медведь. Еще сквозь сон я сам слышал какое-то странное глухое урчание у входного отверстия и теперь, ко нечно, сразу схватил ружье и выполз из берлоги. От берега шла медведица с двумя большими медвежатами: они только что прошли мимо нашей двери. Я выстрелил в медведицу, но второпях промахнулся, – пуля пролетела над головой зверя. Медведица вздрогнула и огляделась вокруг. Как только она повернулась боком, я всадил ей пулю в грудь. Ужасающий рев... и все трое побежали обратно к берегу. Там мать, оступившись на льду, упала в полынью, а медвежата побежали дальше и с разбегу прыгнули в воду, подняв облако брызг. Я поспешно бросился к медведице, которая барахталась в полынье, не в силах выбраться из нее на лед.

Чтобы избавиться от необходимости вытаскивать тяжелого зверя из воды, я подождал, пока медведица, наконец, влезла на край льда, и тогда прикончил ее. Тем временем медвежата вылезли на льдину, которая, однако, для двоих оказалась слишком тесной и едва выдерживала их тяжесть. Они все же уселись на ней, балансируя и покачиваясь на волнах. Иногда один из них падал в воду, но

невозмутимо карабкался назад. Не переставая жалобно скулить, оба глядели на берег: они, видимо, никак не могли понять, почему мать так долго заставляет себя ждать. Ветер все еще был силен, и, благодаря ему и течению, их быстро уносило на льдине все дальше в море. Мы рассчитывали, что в конце концов в поисках матери они приплывут назад к земле и стали ждать их, притаившись среди камней, чтобы они не боялись подойти к ней из-за нас.

К нам продолжало доноситься их жалобное рывканье, но все слабее и слабее; сами медвежата становились все менее и менее заметными на синих волнах и, наконец, превратились в две едва различимые белые точки на темной поверхности открытого моря.

Нам уже давно наскучило ждать, и мы пошли к каякам. Но тут нас ожидало печальное зрелище. Моржовое мясо, которое мы с таким трудом доставили, было разбросано по берегу, растерзанное и изгрызенное; жир и сало были съедены дочи́ста. Каяки, в которых лежало мясо, были отброшены – один лежал наполовину в воде, другой закинут высоко на камни. Изрядно же тут похозяйничали медведи, пока мы спали! Они забрались в самое нутро каяков, чтобы вытащить оттуда мясо. К счастью, каяки не были повреждены, и потому можно было простить буянов, – в конце концов мы только поменяли моржовое мясо на медвежатину.

Спустив каяки на воду, мы поплыли, чтобы пригнать медвежат к берегу. Завидев нас на воде, они стали проявлять беспокойство, и, когда мы еще находились довольно далеко от них, один бросился в воду и поплыл. Другой немного поколебался, словно боялся воды; первый с видимым нетерпением поджидал его. Наконец, поплыли оба. Мы описали на каяках большой круг и стали с двух сторон подгонять медвежат к берегу. Было сравнительно нетрудно направить их туда, куда нам хотелось, и Йохансен не мог нахвалиться таким простым способом доставки медведей. Торопиться было некуда, и мы гребли медленно, потихоньку подгоняя медвежат прямо к берегу. Поблизости мы видели несколько моржей, но, к счастью, не подверглись их нападению. С самого начала было видно, что медвежонок, который первым прыгнул в

воду, плавал гораздо лучше второго, хотя был меньше и тоньше. Он терпеливо поджидал второго, когда тот отставал. Скоро, однако, движения второго медвежонка показались первому слишком медленными; он быстро поплыл к берегу, и расстояние между обоими медвежатами стало увеличиваться. Плывя, они все время поворачивали головы назад и тревожно посматривали на нас, причем отстававший оглядывался чем дальше, тем беспомощнее. Я гнал первого медвежонка, Йохансен второго. Пригнав обоих к берегу близ нашей берлоги, мы застрелили их.

Таким образом, за один день было убито три медведя; это было хорошим возмещением за унесенных в море моржей. Не меньшей радостью было для нас и то, что у самого берега мы нашли убитого накануне и затонувшего тогда моржа. Он всплыл теперь и колыхался на воде. Не теряя времени, его отбуксировали в безопасное место, в маленькую бухту, и там хорошенько пришвартовали.

Зимние запасы наши быстро увеличились. Поздно улеглись мы спать в эту ночь. Надо было освежевать медведей, сложить мясо в кучи и тщательно покрыть шкурами, чтобы к нему не могли добраться чайки. Спали хорошо: теперь ведь надо было отоспаться за две ночи.

Только второго сентября удалось приняться за разделку лежавшего в воде моржа. Как раз напротив нашей берлоги, в неподвижном береговом льду^[333], образовался канал, впадающий в открытую полынью, которая простиралась между землей и плавучим льдом. В этом канале мы и привязали нашего моржа, надеясь, что здесь его легче будет вытянуть на берег. Глетчер в этом месте совсем отлого спускался к самой воде, и втащить моржа по ледниковому скату казалось не особенно трудным. Мы закруглили края льда, сделали тали, пропустив канат под петлю, вырезанную в коже на голове зверя, приладили в качестве рычага на конце каната отрезок от полозьев нарт и сделали во льду насечки для упора. Но сколько мы ни трудились, ни бились, нам еле удалось вытащить на край льда лишь огромную голову моржа, а дальше – ни с места. Во время этого занятия Йохансен вдруг закричал: «Глядите! Глядите на него!»

Я оглянулся. Огромный морж плыл по каналу прямо к нам. Плыл, не спеша и с удивлением пяля глаза на нас и на нашу работу. Вероятно, увидев товарища, он решил подплыть поближе и посмотреть, что такое мы с ним делаем. Спокойно и медленно, с большим достоинством морж подошел к самому краю, где мы стояли. К счастью, винтовки были с нами. Когда я приблизился к гостю, он только высунулся из воды и посмотрел на меня долгим пытливым и вопрошающим взглядом. Я терпеливо подождал, пока он повернул голову, и тогда всадил ему пулю в затылок. Он был ошеломлен, но вскоре снова зашевелился; пришлось пожертвовать еще несколькими патронами. Пока Йохансен бегал за патронами и гарпуном, я пустил в ход все свое искусство, фехтуя палкой и стараясь помешать моржу выскользнуть из канала. Наконец, Йохансен вернулся, и я прикончил зверя.

Мы были в восторге от своей удачи, но никак не могли понять, зачем морж пробрался в узкий канал и направился к нам. Эти животные, должно быть, очень любопытны. Два дня тому назад, когда мы сдирали шкуры с медведей, к самой кромке льда подплыла со своим детенышем моржиха и стала глазеть на нашу работу. Несколько раз она ныряла и снова всплывала; наконец, чтобы видеть лучше, она наполовину высунулась из воды и оперлась передними лапами о лед. И это повторялось несколько раз подряд. Когда я подошел к ней на расстояние нескольких шагов, она даже не шевельнулась. Лишь когда я приблизился вплотную с ружьем в руках, моржиха внезапно опомнилась и шлепнулась задом в воду. Мы видели, как она и рядом с ней моржонок быстро уплывали под водой на некоторой глубине.

Теперь у нас в канале плавали два убитых нами огромных моржа с могучими клыками. Мы еще раз попытались вытащить первого из них, но также безуспешно. Наконец, мы поняли, что единственный выход – содрать с них шкуры в воде. Но это была нелегкая и крайне неприятная работа. Когда, наконец, под вечер мы ободрали бок одного из животных, наступил отлив; морж опустился на дно и перевернуть его мы не могли, несмотря на все усилия. Пришлось ждать следующего дня, чтобы во время прилива положить моржа на другой бок.

Пока мы в тот день возились с моржами, вдруг на наших глазах весь фьорд побелел от белух ^[334]: они шли прямо несметными стадами; все водное пространство, насколько хватал глаз, было покрыто ими. Спустя какой-нибудь час все белухи исчезли. Откуда они появились и куда направились, я не имел возможности проследить.

В течение следующих дней мы покончили с разделкой моржей: содрали шкуры, разрубили туши на части и убрали мясо в безопасное место на берегу. Отвратительная работа – лежать на морже, кромсать его в воде, стараясь забраться ножом возможно глубже. Вымокнуть не велика беда – можно и просохнуть. Куда хуже перемазаться с ног до головы салом, ворванью и кровью. Как пострадала за эти дни наша бедная одежда, в которой предстояло прожить еще целый год и сменить которую было нечем! Она пропиталась ворванью насквозь, до самого нашего тела. Эта возня с моржами была, несомненно, самой худшей работой за всю нашу экспедицию, и, если бы не крайняя необходимость, мы бы так и оставили их в воде. Но мы могли еще как-либо обойтись без мяса, а запастись на зиму топливом было, безусловно, необходимо. Когда работа была, наконец, закончена и у нас на берегу выросли две громадные кучи сала и мяса, хорошо прикрытые толстыми моржовыми шкурами, мы почувствовали немалое удовлетворение.

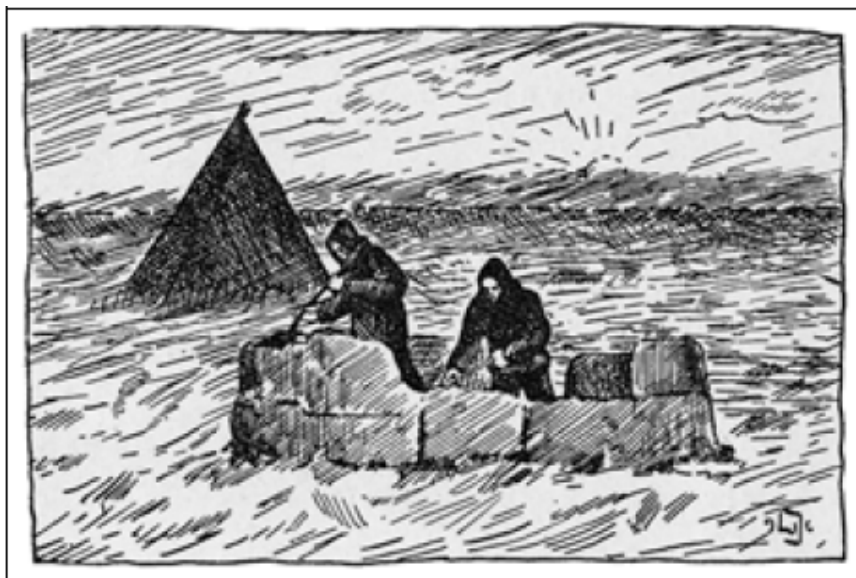
Чайкам в течение всего этого времени было настоящее раздолье. От моржей осталась масса отбросов – сала, кишок и других внутренностей. И белые чайки и бургомистры стаями слетались со всех сторон, поднимая и днем и ночью невообразимую суматоху и неугомонный крик. Наевшись до отвала, они рассаживались по большей части в стороне на ледяных торосах и старались перекричать друг друга.

Когда мы спускались к воде, чтобы взяться за работу, чайки только немного отлетали в сторону; в терпеливом ожидании сидели они возле нас на льду длинными рядами и под предводительством нескольких храбрых вожаков постепенно придвигались к нам все ближе и ближе. Стоило обронить маленький обрезок сала, как на него накидывались две-три чайки и часто у самых наших ног дрались из-за него так, что перья летели во все стороны.

Вдали над морем парили взад и вперед буревестники, бесшумно, словно духи. Вдоль берега у самой воды вверх и вниз летали стаи моевок; как только на поверхности воды появлялось какое-нибудь маленькое ракообразное, они с глухим криком камнем падали вниз. Нам они особенно нравились, так как питались исключительно морскими животными, не покушаясь на нашу ворвань, да и с виду они были такие легкокрылые и красивые.

Над берегом непрерывно летал хищный поморник (*Stercorarius crepidatus*), и порой мы вздрагивали от жалобного крика над нашей головой – то был крик моевки, преследуемой хищником. Мы часто наблюдали за этой дикой охотой высоко в воздухе и видели, как моевке приходилось бросать свою добычу, которую поморник, стремительно кидаясь вниз, успевал подхватить прежде, чем та падала в воду. Завидно было глядеть на эти создания, так смело странствующие в высоте, не в пример другим смертным!..

Подальше от берегов ныряли в море и хрюкали моржи, а высоко в небе стаями носились люрики, и шум их крыльев слышен был издалека. Крики и свист полетов неслись со всех сторон. Но скоро-скоро скроется солнце, море скуют льды, и птицы одна за другой улетят на юг. Наступит полярная ночь, и здесь станет так тихо, совсем тихо.

Строительство нашей хижины

Рисунок

С радостью могли мы, наконец, 7 сентября приняться за постройку хижины. Мы облюбовали по соседству хорошую площадку на пригорке и с этого дня каждое утро, как настоящие рабочие, шагали туда на работу с ведром питьевой воды в одной руке и с ружьем в другой. Мы выламывали камни из морен и сносили их в одно место; потом выровняли площадку и сложили, как умели, стены. Орудий у нас было немного; по большей части мы пользовались голыми руками. Обрезок полозьев служил рычагом, и мы выворачивали им крепко смерзшиеся камни, когда не в силах были сделать этого руками. Лыжной палкой с железным наконечником разрыхляли гравий на площадке. Заступ сделали из лопатки моржа, привязав ее к обломку лыжной палки. Кирку изготовили из моржового клыка, прикрепив его к перекладине от нарт. То были жалкие орудия, но терпение наше преодолеvalo все трудности, и на площадке мало-помалу выросли прочные стены из камней, уплотненные щебнем и проконопаченные мхом.

Погода становилась постепенно все холоднее, и это немало затрудняло работу. Земля, которую приходилось рыть, затвердела, а камни, которые надо было выламывать, плотно смерзлись друг с другом. Вдобавок начались снегопады. Но каково было наше изумление, когда выйдя из нашей берлоги утром 12 сентября, мы увидели самую восхитительную оттепель при 4° тепла!.. Это была чуть ли не самая высокая температура за все время путешествия. Со всех сторон с гор и ледников пенящимися водопадами бежали потоки и весело журчали ручьи, пробираясь между камнями к морю. Повсюду капала и струилась вода. словно по мановению волшебного жезла, жизнь вернулась в замерзшую природу, и пригорок наш зазеленел. Можно было вообразить себя на юге и забыть, что долгая-долгая зима уже стоит у порога.

Но на другой день все опять изменилось. Боги теплого юга напрягли вчера свои последние усилия, а сегодня снова обратились в бегство. Вернулся мороз, выпал снег и занес все следы. Теперь он больше не сойдет, и эта узкая полоска голой земли попала теперь под власть йотунгов – исполинов мрака и холода. Отныне их власть простерлась до самого моря. Я стоял и смотрел вдаль. Какой пустынной

и покинутой казалась эта природа, скованная злыми чарами! Взгляд мой упал на землю, лежащую у моих ног, – там среди камней еще поднимал над снегом свои красивые головки полярный мак, последние лучи готового исчезнуть солнца еще раз поцелуют его золотые лепестки, а потом он скроется под снежным одеялом, чтобы, проспав всю долгую зиму, пробудиться к новой жизни с приходом весны. Ах, если бы и нам проспать так же!

После целой недели усердной работы стены хижины были готовы. Они были невысоки, поднимались едва лишь на один метр над поверхностью земли. Но между ними мы вынули столько земли, что хижина будет достаточно высока: во всяком случае, в ней можно будет стоять. Теперь дело за крышей; но соорудить ее задача нелегкая. Кроме найденного нами на берегу бревна да моржовых шкур, других материалов у нас не было. Бревно было толщиной в 12 дюймов. Йохансен, провозившись с ним целый день, кое-как обтесал его с помощью нашего маленького топора. С немалым трудом втащили бревно наверх и водрузили на стенах, как матицу. Дальше очередь была за моржовыми шкурами. Они обледенели и крепко примерзли к кучам мяса и сала, которые были ими покрыты. После долгих усилий в конце концов отодрали их с помощью клиньев из моржовых клыков, камней и кусков дерева.

Перетащить тяжелые шкуры на значительное расстояние к хижине было тоже нелегко. Их то катили, то несли, то волокли и в конце концов одолели и это затруднение. Тяжелее всего оказалось растянуть замерзшие шкуры над стенами хижины. Кое-как справились с тремя половинками шкур; хотя и с трудом, удалось немного согнуть и размягчить их, но четвертая половина совсем обледенела и затвердела – пришлось, отыскав отверстие во льду, погрузить ее в воду, чтобы она там оттаяла и отмякла.

Все это время мы не видели даже следов медведей, и это начинало тревожить нас. Мясом медведей мы рассчитывали питаться всю зиму, а шести убитых не могло хватить надолго. Я объяснял исчезновение медведей тем, что в день, когда нас во время охоты на моржей чуть было

не унесло в море, уплыл туда весь фьордовый лед. На нем большей частью и держатся медведи. Я надеялся, что, когда образуется новый лед, медведи появятся снова. И почувствовал настоящее облегчение, когда, обогнув утром 23 сентября высокий мыс, чтобы спуститься на берег и посмотреть на шкуру, которая была погружена в воду, увидел медведя, стоявшего на берегу возле самой шкуры. Он меня не видел, и я поспешно попятился, пропуская вперед Йохансена, у которого было с собой ружье, а сам побежал назад за своим.

Возвратясь, я нашел Йохансена лежащим на том же самом месте за камнем. Он еще не стрелял, так как медведей было уже два – один на берегу, а другой у строившейся хижины, – и нельзя было подкрасться ни к одному так, чтобы этого не заметил другой. Пока я ходил за ружьем, первый медведь направился к хижине. Когда он дошел до нее, из-за стены (Йохансен оторопел от этого зрелища) поднялись две медвежьи лапы, наградившие подошедшего оплеухами, а вслед за тем показалась и медвежья голова. Этот второй молодчик занимался обглаживанием моржовых шкур, из которых мы сделали крышу: он сорвал их и так измял, что потом пришлось и их тоже сунуть в воду, чтобы они оттаяли. Первый медведь ретировался на берег, где он, как после обнаружилось, успел выудить четвертую шкуру и обчистить с нее жир. Прячась за холмами, мы поспешили к нему. Он рано заметил нас и бросился бежать, так что я мог пустить ему пулю только в спину. Крикнув Йохансену, чтобы он последил за вторым медведем, я побежал вдогонку за своим и после двухчасового преследования его вглубь фьорда загнал его, наконец, к стенке ледника. Он приготовился защищаться, рычал, шипел и пытался раза два кинуться на меня с возвышения, на которое успел взобраться прежде, чем я его прикончил.

Когда я вернулся, Йохансен уже сдирал шкуру со второго медведя. Преследуя первого, мы вспугнули его, и он далеко отбежал от берега по льду, но, немного погодя, вернулся поискать товарища и попал под пулю Йохансена.

Итак, зимние запасы увеличивались. Только что мы собрались на другой день (24 сентября) отправиться на работу к нашей хижине, как

на льду появилось стадо моржей. Нам обоим больше чем надоела возня с этими животными, и мы не чувствовали ни малейшей охоты связываться с ними еще раз. Йохансен прямо и высказался сразу в том смысле, что моржи нам ни к чему теперь и можно их не трогать. Но я считал, что мы поступим легкомысленно, если не воспользуемся пищей и топливом, которые лежат буквально у порога. И вот мы двинулись с винтовками к моржам.

Моржи. 28 мая 1896 г.

Подкрасться к стаду под прикрытием всяких неровностей на льду было нетрудно, скоро мы очутились метрах в 10 –12 от моржей и могли спокойно залечь и рассмотреть их. Оставалось также выбрать жертву и затем хорошенько прицелиться, чтобы не терять зря патронов. В стаде были и молодые и старые особи, и так как мы уже достаточно имели дела со стариками, то наметили на этот раз двух самых маленьких, каких только нашли. Больше двух нам и не нужно было.

Поджидая, чтобы они повернули головы и представили для нас более удобную мишень, мы имели время понаблюдать за стадом. Странные это все-таки звери! Лежа, они то и дело тыкали друг друга в спину своими клычищами; притом решительно все – и старики и молодняк. Если один из них слегка поворачивался и задевал или беспокоил соседа, тот, захрюкав, немедленно приподнимался и всаживал первому в спину свои клыки. Ласка была не очень нежная; хорошо еще, что у моржей шкура толста, да и то по спинам у многих струилась кровь. Иногда и первый морж тоже поднимался и платил

соседу такой же лаской. Но настоящее оживление наступало, когда с моря появлялся новый гость. Общее хоровое хрюканье – и ближайший из старых самцов приветствовал новоприбывшего любезным ударом в спину. Гость осторожно вползал на льдину, смиренно склонялся и потихоньку пробирался по лежбищу между другими, которые тоже угощали его клыками – в меру времени и сообразно обстоятельствам. Потом все моржи на некоторое время успокаивались и лежали смирно, пока что-нибудь новое не нарушало их покоя. Мы так и не дождались, чтобы животные, которых высматривали, повернули головы и позволили выстрелить себе прямо в затылок. Так как они были довольно малы, мы решили, что пули в лоб с них будет достаточно. И вот мы выпалили. Два намеченных нами моржа, так и не подставивших нам своих затылков, подскочили и, ошеломленные, скатились в воду. То-то поднялась суматоха! Все стадо задрало кверху огромные безобразные морды, чтобы поглядеть на нас, затем один за другим все метнулись по направлению к воде. Мы поспешили вновь зарядить винтовки; теперь нетрудно было найти хорошую мишень. «Паф! Паф!» – и два моржа, молодой и старик, остались на месте. Остальные бросились в воду; лишь один продо лжал спокойно лежать, с любопытством поглядывая то на двух убитых товарищей, то на нас, невзирая на то, что мы подошли к нему вплотную. Мы, собственно, не знали, что нам делать. Предстояло немало возни и с двумя уже убитыми моржами: они должны были задать нам работы более чем достаточно; но в то же время соблазнительно было все -таки прихватить заодно и этого колосса. Пока Йохансен стоял с ружьем в нерешительности, не зная, стрелять ему или нет, я воспользовался случаем и сфотографировал его вместе с моржом. Кончилось дело тем, что мы оставили его в покое; было неблагоприятно жертвовать еще несколькими патронами. Этому моржу дали уйти смирно.

Между тем вода вокруг кипела: звери яростно ломали лед вокруг себя и наполняли воздух неистовым ревом. Особенно беснов ался и рвался напасть на нас старый вожак. Он беспрестанно возвращался к краю льда, наполовину выкидывался на него, хрюкал и ревел на нас и долго глядел на своих мертвых товарищей, точно хотел увлечь их за

собой. Затем он бросался в воду, но только для того, чтобы вскоре снова появиться у края льда. Мало-помалу все стадо удалилось, рыканье огромного самца тоже раздавалось все дальше и дальше. Но вдруг его огромная голова опять вынырнула около покинутого лежбища; он вызывающе взревел и скрылся под водой так же внезапно, как и появился. Это повторялось раза три-четыре, а в промежутках мы слышали его неумолчное рыканье вдали. В конце концов все моржи исчезли, и мы спокойно занялись свежеванием своей добычи.

Быстро ободрали мы меньшего из моржей – с ним было легко справиться. Второго – огромное животное – было трудно вывернуть из ямы, которая образовалась из-за оттаявшего под ним снега. Удовольствовались поэтому тем, что ободрали только сторону, обращенную вверх, а затем с грузом кожи и сала двинулись обратно. Теперь, по нашим расчетам, сала для топлива на всю зиму могло хватить, а шкур, чтобы покрыть хижину, было даже в избытке.

Моржи еще некоторое время оставались поблизости. Время от времени слышались сильные удары в лед, наносимые снизу. Иногда удары повторялись до трех раз, а затем, с треском ломая лед, показывалась огромная голова. Она оставалась здесь с минуту, зверь пыхтел и отдувался так, что слышно было издалека, и потом исчезал. 25 сентября, когда мы занимались вытаскиванием моржовых шкур, предназначенных для крыши, из полыньи, находившейся близ берега, недалеко от нас послышался тот же треск льда, снова появился и нырнул морж. «Смотрите за ним, еще немного и он очутится у нас в полынье». Едва это было сказано, как шкура, лежавшая в воде, отодвинулась в сторону, и возле нее вынырнула громадная голова с усами и двумя длинными клыками. Морж злобно и пристально поглядел на нас, потом раздался сильный плеск, и он исчез.

Шкуры теперь настолько оттаяли в воде, что мы спокойно могли натянуть их в виде крыши. Они были такие длинные, что пришлось их перекинуть с одной боковой стены хижины через матицу на противоположную стену. Из моржовой кожи мы нарезали ремней и на них к обоим концам шкур подвесили большие тяжелые камни, таким

путем шкуры вытянулись до нижнего края стен. Затем поверху наложили на крышу камни. Потом опять же камнями, мхом, обрезками шкур и, наконец, снегом плотно заткнули все щели между краями шкур и стенами. Чтобы в хижине можно было поселиться, оставалось еще соорудить каменные скамьи для спанья и приладить дверь к входному отверстию. Оно было сделано в стене, в одном из углов хижины. К нему вел вырытый в земле короткий проход, накрытый сводом из льдин, подобный тому, как устраиваются входы в эскимосские хижины. Нам не удалось вырыть проход такой длины, как хотелось, – земля промерзла и стала слишком твердой для наших самодельных орудий. Высота прохода была невелика, пробираться по нему до внутренней двери в хижину приходилось ползком на четвереньках. С внутренней стороны отверстие было завешено медвежьей шкурой, крепко пришитой к крыше из моржовых шкур, с внешней стороны его прикрывала другая медвежья шкура, свободно положенная на отверстие, как на люк.

Становилось холодно, температура упала до -20°C . Дальнейшее пребывание в «берлоге», где негде было пошевелиться, казалось совсем невыносимым. Дым от ворванной лампы всякий раз, когда мы стряпали, немилосердно ел глаза. С каждым днем нам все больше не терпелось переселиться в новое жилье, которое представлялось верхом комфорта. Все разговоры, пока строилась хижина, постоянно сводились к одному – как прекрасно и уютно заживем мы на новоселье. С увлечением мы расписывали друг другу, сколько приятных часов там проведем, стараясь, конечно, по возможности отыскать наиболее светлые стороны нашего будущего житья-бытья. Хижина была в общем невелика: немногим больше десяти футов в длину и около шести в ширину. Укладываясь в ней поперек, я упирался головой об одну стенку и ногами в другую. Но и тогда все-таки можно было немножко двигаться, а посередине ее я мог стоять, выпрямившись во весь рост. Это казалось особенно соблазнительным. Подумать только – иметь убежище от ветра, где можно поразмять немного свое тело! Этого удобства мы не знали с прошлого марта, с тех пор как покинули «Фрам». Но много еще времени

прошло, прежде чем все было окончательно готово, а раньше этого нам не хотелось перебираться.

В тот день, когда мы освежали последних убитых нами моржей, я вырезал у них из спины несколько сухожилий, полагая, что они нам пригодятся, когда зимой будем шить себе одежду, – ниток ведь у нас не было. Лишь спустя несколько дней (26 сентября) я вспомнил, что забыл эти сухожилия на льду возле остатков моржовых туш. Я тотчас же отправился за ними, но, к великому огорчению, обнаружил, что чайки и песцы давно уже их растащили. Некоторым утешением было то, что я напал на след медведя, побывавшего ночью около туш. Оглядываясь вокруг, я заметил бегущего ко мне Йохансена, он махал руками и указывал в сторону моря. Я обернулся – там разгуливал взад и вперед, поглядывая на нас, большущий медведь. Мы поспешили принести ружья. Йохансен остался на берегу, чтобы принять медведя, если тот пустится бежать в эту сторону, а я описал по льду большой круг, зашел в тыл, чтобы погнать зверя к земле, если только он меня испугается. Между тем медведь залег возле тюленьей отдушины, подстерегая добычу. Я стал подкрадываться к нему. Увидев человека, он сперва решил подойти поближе, затем одумался и стал медленно и величественно удаляться по молодому льду. У меня не было ни малейшего желания следовать за ним по этому пути, и хотя расстояние между нами было велико, решил попытать счастья. Первый выстрел – перелет. Вторая пуля попала в цель. Медведь подскочил, сделал несколько прыжков вперед и так яростно забился на льду, что проломил его и провалился. Барахтаясь в воде и пытаясь выкарабкаться наверх, он только обламывал края тонкого льда.

Я скоро очутился около него, но мне не хотелось тратить еще один патрон. Кроме того, я питал слабую надежду, что он сам вылезет из воды и таким образом избавит от необходимости вытаскивать его тяжелую тушу. Поэтому я крикнул Йохансену, чтобы он приволок нарту, веревку и ножи, а сам стал ходить взад и вперед, выжидая и наблюдая. Медведь отчаянно барахтался, и отверстие во льду вокруг него становилось все шире и шире. У зверя была прострелена передняя лапа, и он мог

действовать только одной передней и двумя задними. Иногда ему удавалось все-таки вцепиться в лед и подтянуться. Но едва он успевал наполовину вытащить свое могучее тело, как лед под ним подламывался, и он снова падал в воду. Мало-помалу его попытки выбраться становились все слабее; пока, наконец, он совсем перестал шевелиться и лишь тяжело дышал. Затем по туловищу прошло несколько судорог, задние лапы неподвижно вытянулись, голова упала в воду, он затих.

Пока я расхаживал здесь взад и вперед, несколько раз вокруг показывались моржи, которые пробивали во льду дыры и с пыхтением выставляли в них морды. «Скоро, наверно, появятся они и тут», – подумал я, и в тот же миг медведя словно подкинуло снизу и отодвинуло в сторону, а из отверстия высунулась огромная морда с большущими клыками. Морда фыркнула, презрительно поглядела на медведя, потом с невероятным удивлением на мгновение задержала взгляд на мне и скрылась. Тут уж я твердо убедился, что старый прочный припай у берега куда более безопасное место пребывания, чем молодой лед. Мое предположение, что морж несколько не боится медведя, получило серьезное подтверждение.

Наконец, подоспел Йохансен с веревкой, и мы, накинув на шею нашей добычи скользящую петлю, стали тянуть медведя. Но эта задача превышала наши силы. Сколько мы ни старались, только и удавалось, что обломать лед под животным. Отказаться от добычи тоже было жаль, – медведь был огромный и с виду необычайно жирный. Тащить его до кромки более прочного льда казалось делом слишком хлопотливым. Выход нашли, прорубив узкую щель в молодом льду; в эту щель пропустили веревку. С ее помощью тушу медведя протащили подо льдом к большой старой льдине, лежавшей поблизости. В льдине пробили большое отверстие и вытянули медведя вверх. Немало прошло времени, пока содрали с него шкуру и разрубили тушу на части. Тяжело нагруженные добычей, уже поздно вечером направились мы к своей берлоге.

У берега, где на одной из куч моржового мяса и сала лежали наши каяки, Йохансен вдруг шепнул мне: «Поглядите-ка!» Я повернул голову

– на куче стояли три медведя и отдирали куски мерзлого сала. Это была медведица с двумя медвежатами. «Фу, ты! – сказал я. – Опять возиться с медведями!» Я, по правде говоря, устал и мечтал больше о спальном мешке и хорошей мясной похлебке. Мы, однако, поторопились выхватить ружья и осторожно стали подходить к медведям, но те заметили нас и пустились наутек по льду. Не оставалось ничего другого, как посмотреть им вслед с чувством искренней благодарности.

Немного попозже, когда я был занят нарезкой мяса, а Йохансен ходил за водой, вдруг послышался его свист. Я взглянул вверх. Он указывал на лед, там под покровом сумерок возвращались назад три медведя: куча сала притягивала их, как магнитом. Я притаился за камнями у самой кучи. Медведи шли прямо к ней, не оглядываясь по сторонам. Когда они поравнялись со мной, я прицелился в медведицу, насколько это было возможно в темноте, и выстрелил. Медведица взревела,хватила себя зубами за бок, и все трое пустились бежать по льду. Мать скоро упала. Медвежата стояли возле нее, удивленные и приунывшие, но как только мы подошли, они обратились в бегство, и не было никакой возможности подойти к ним на расстояние выстрела. Они все время держались на почтительном расстоянии, следя за нами, пока мы тащили мертвую медведицу на берег и сдирали с нее шкуру. Утром, когда мы вышли из своей берлоги, они стояли, обнюхивая шкуру и мясо матери, но заметили нас прежде, чем мы успели подойти к ним на выстрел, и снова удрали. Оказалось, что они оставались здесь всю ночь и выели желудок своей матери, – в нем было несколько кусков сала. После обеда медвежата приходили опять, и на этот раз нам не удалось взять их на прицел.

На следующее утро (в субботу 28 сентября), выбравшись из нашей берлоги, мы увидели большого медведя, спавшего на куче сала. Йохансен под прикрытием камней подполз к нему вплотную. Медведь все же услышал шорох, поднял голову и огляделся. В это самое мгновение раздался выстрел Йохансена. Пуля прошла сквозь глотку медведя несколько ниже черепной коробки. Медведь медленно поднялся с кучи, презрительно поглядел на Йохансена и, немножко подумав, стал

как ни в чем не бывало крупными шагами удаляться. Немедленно он получил от каждого из нас еще по одной пуле и упал на тонкий лед. Он так наелся, что сало, ворвань и вода потекли из его пасти. Лед постепенно поддавался под его тяжестью, и вскоре медведь оказался как бы в большой чаше. Мы поспешили вытащить его на берег, прежде чем лед под ним подломился.

Это был один из самых крупных медведей, когда-либо виденных мной, но вместе с тем и один из самых тощих; ни следа жира не было ни под кожей, ни между кишками. Он, очевидно, давно постился, и у него, должно быть, разыгрался аппетит: он уплел огромное количество нашего моржового сала. Ну и похозяйничал же он! Прежде всего он сбросил один из каяков, потом раскидал во все стороны сало, выгрыз почти из всех кусков лучший жир, снова собрал куски сала уже в другое место и, насытившись, наконец, улегся спать на эту кучу, видимо, чтобы она была у него под боком, когда он проснется.

Прежде чем заняться кучей сала, медведь этот совершил другое злодеяние, которое мы открыли позже: он прикончил обоих бродивших поблизости медвежат. Мы нашли их неподалеку с проломленными черепами и совершенно окоченелых. По следам видно было, как медведь гнался за ними по молодому льду, сперва за одним, потом за другим, притащил их на берег и, положив там, больше не трогал. Не понимаю, что за удовольствие было ему убивать их. Пожалуй, он счел их претендентами на найденную поживу. Или, быть может, это был старый брюзга, не терпевший молодежи? «Ну, теперь я добился полной тишины и покоя», – сказал этот разбойник, разгромив все кругом.

Зимними запасами мы теперь были обеспечены.

Глава десятая В зимнем логове

Наконец, вечером 28 сентября мы перебрались в нашу новую хижину. Но холодна же была первая ночь в ней! Дело все в том, что раньше мы спали вместе, в одном спальном мешке, и хотя он не был меховой, а сшитый из двух шерстяных одеял, нам было в нем довольно тепло. Но теперь мы почему-то решили, что нет больше нужды ложиться в «братский» мешок. Раз в хижине будут гореть жировые лампы, они ее

хорошо нагреют и можно будет спать каждому на своей койке, укрывшись шерстяным одеялом. Поэтому мы распорол мешок.

Лампы наши были сделаны из листов нейзильбера; загнув края, мы наполнили их мелко нарубленным салом, а фитили свернули из бинтов, уцелевших в нашей аптечке. Горели они великолепно и отлично освещали хижину, в ней просто было уютно, но этого огня оказалось совсем недостаточно, чтобы согреть неплотно сложенную и насквозь продуваемую хижину. Всю ночь мы дрогли от холода. Казалось, что холоднее этой ночи еще никогда не было.

Зато на следующее утро завтрак показался отменно вкусным; чтобы немного согреться, мы влили в себя основательные порции кипящего медвежьего бульона. Затем поспешили устроиться по-новому: вдоль задней стены уложили широкие нарты, на которые можно было лечь вдвоем, рядом друг с другом, снова сшили мешок из одеял, под который подстлали медвежьи шкуры. Стало совсем превосходно – насколько вообще это было возможно при данных обстоятельствах. С тех пор мы уже не пытались спать порознь. К сожалению, не удалось сколько-нибудь выровнять наше ложе: кроме угловатых острых камней, в нашем распоряжении теперь, когда все замерзло, никакого другого материала для нар не было; всю зиму мы во сне метались и вертелись, стараясь улечься хотя бы немного поудобнее среди этих острых углов. Но все старания были напрасны; ложе оставалось жестким; тело у нас постоянно ныло, и дело дошло до того, что на бедрах появились пролежни. И все же мы спали, да еще как крепко!

Наше зимнее логово

Рисунок

В одном углу хижины устроили небольшой очаг, на котором жарили и варили. В крыше над ним вырезали в моржовой шкуре круглое отверстие, а из медвежьей шкуры устроили заслонку. Вскоре, однако, выяснилась необходимость устроить трубу, чтобы ветер не гнал дым обратно в хижину, отчего в ней становилось нестерпимо чадно. Единственными строительными материалами были теперь лед и снег; из них воздвигли на крыше великолепную трубу, которая отлично исполняла свое назначение и давала хорошую тягу. Понятно, такая труба не могла быть особенно прочной; с течением времени отверстие в ней расширялось от нагрева, бывало и так, что из трубы капало прямо в очаг. Но в таком строительном материале, как снег и лед, недостатка не было, и обновить обветшалую трубу было нетрудно. Это понадобилось сделать в течение зимы два раза. В местах, особенно подверженных воздействию огня, укрепили трубу кусками моржового мяса, костями и т. п.

Меню наших трапез упростилось донельзя. Утром готовили бульон из медвежатины и съедали вареное медвежье мясо, по вечерам лакомились медвежьими бифштексами. Обед у нас не было. Зато за завтраком и ужином каждый раз съедались огромные порции, и, странное дело, эта однообразная еда никогда нам не приедалась, и мы всегда поглощали ее с волчьим аппетитом. Смотря по тому, как

случалось, или прибавляли к мясу кусочки сала или обмакивали мясо в топленое сало. Но чаще подолгу довольствовались одним мясом и даже не притрагивались к салу. Если вдруг приходила охота поесть жирку, попросту вылавливали несколько поджарившихся кусочков сала из ламп или съедали шкварки от сала, которые оставались в лампе после горения; мы называли их пирожными, находя необычайно вкусными, и не раз мечтали, как восхитительны они были бы, если бы чуточку посыпать их сахаром.

У нас еще уцелело кое-какое продовольствие из запасов, взятых с «Фрама», но было решено не трогать их зимою и спрятать про запас до весны, когда предстояло двинуться опять в путь. «Депо» тщательно завалили камнями, чтобы мешки не растащили песцы. Эти звери были, по правде сказать, удивительно нахальны и тащили у нас все, до чего только могли добраться. Так, 10 октября я обнаружил, что песцы унесли множество мелких вещей, оставленных в другом «депо», пока мы сооружали хижину. Они утащили все, что только могли, даже куски бамбука и мотки стальной проволоки, гарпун с веревкой, мою коллекцию камней и мхов и прочее добро, уложенное в маленькие парусиновые мешочки. Хуже всего, пожалуй, то, что песцы украли шпагат, на который мы возлагали большие надежды, рассчитывая расщипать его на нитки, когда придется шить зимнюю одежду, обувь и новый спальный мешок из медвежьей шкуры. Хорошо еще, что воры не стащили теодолита и других приборов; вероятно, это оказалось им не под силу. Я рассердился. И надо же было вдобавок случиться такому как раз в день моего рождения! Настроение ничуть не улучшилось, когда, бегая и шаря в потемках по каменистой гряде близ того места, где находилось «депо», чтобы выяснять направление, куда эти черти уволокли наши вещи, я встретил песца, который остановился на расстоянии примерно десяти шагов от меня, присел и злобно завыл. Вой был настолько пронзителен и зловещ, что хоть уши затыкай. Вероятно, песец направлялся снова к нашим вещам и был недоволен тем, что ему помешали. Я набрал камней покрупнее и швырнул в песца. Он отбежал немного и уселся на краю ледника, продолжая злобно завывать.

Страшно раздосадованный, я вернулся домой, улегся и стал размышлять, как бы отомстить этим бесятам. Тратить на них патронов мы не могли, но можно было устроить капкан или ловушку из камней. Дальше доброго намерения дело, однако, не пошло. Вначале, пока еще было достаточно светло, чтобы подыскать подходящие камни, дел и без того было слишком много, а потом морену занесло снегом.

Песцы тем временем продолжали нам досаждать. Однажды они стащили термометр [\[335\]](#), всегда находившийся снаружи. Мы долго и тщательно шарили повсюду, разыскивая его, пока, наконец, не нашли зарытым в сугробе снега на некотором расстоянии от хижин ы. С тех пор мы не забывали на ночь класть камень на термометр. Тем не менее однажды утром песцам удалось отвалить камень, и они снова утащили термометр. На этот раз мы нашли только футляр, который звери бросили неподалеку от хижины, самого же термометра так больше и не видали. Ночью была вьюга, и все следы замело. Бог весть, какую песцовую нору он теперь украшает? Это происшествие научило нас накрепко привязывать термометр.

Всю зиму песцы держались возле нашей хижины. Мы постоянно слышали, как они грызут на крыше промерзшие медвежьи шкуры и остовы моржей и как скрипит у них под ногами холодный смерзшийся снег. Мы никогда не прогоняли их; песцы как бы заменяли домашних животных и составляли наше общество. Часто в полудремоте представлялось, что лежишь дома и что это хозяйничают на чердаках мыши и крысы. Мы слышали, как песцы бегали по крыше, дрались между собою, а то вдруг заглядывали через трубу к нам. Мы охотно делились с ними излишками наших мясных запасов; до мяса они были большими охотниками. Но когда они стали подбираться к салу, мы стали сердиться: сала у нас было запасено не так уж много. Выходя прогуляться в потемках, мы нередко слышали крадущиеся шаги, а иногда различали силуэт песца, подходившего, пожалуй, вплотную к нам, чтобы получше разглядеть. Большею частью это были белые песцы, но попадалось много голубых, в прекрасных серо-голубых шубах. Один из них часто навещал нас. Узнавали его по особенно неприятному

злобному визгу, который он издавал при всякой встрече с нами. Взобравшись на гребень и заметив, что кто-нибудь из нас вышел в это время из хижины, он злился, что ему мешают сразу направиться к куче мяса. Но не успеешь бывало залезть в хижину, как слышишь, что он уже опять грызет что-то на крыше.

Однажды мы все-таки сделали попытку поймать его. Йохансен смастерил западню из замерзшей моржовой шкуры, поставил ее на колышки и наложил сверху тяжелые камни; получилась довольно хорошая ловушка. Ее поставили на крышу над нашими головами. Стали прислушиваться: когда же она захлопнется. Но, выйдя на следующее утро из хижины, Йохансен обнаружил, что западня закрыта, а песка в ней никакого нет. Зверь удалился, утащив с собой и колышки, и приманку. Один колышек, много времени спустя, нашелся далеко на льду. После этого Йохансен отказался от мысли поймать песца.

Между тем время шло, солнце опускалось на горизонте все ниже и ниже. 15 октября увидели его в последний раз над возвышенностями на юге. С каждым днем заметно темнело, и вот началась для нас третья полярная ночь.

Осенью (8—21 октября) застрелили еще двух медведей, а затем уже не видели этих зверей до самой весны. Проснувшись утром 8 ноября, я, правда, услышал хрустение снега под тяжелыми стопами, а потом кто-то начал шарить по крыше, где лежало медвежье мясо и сало. Я понял, что это медведь, и выполз из хижины с ружьем, но, выбравшись из прохода, не мог ничего разобрать, несмотря на лунный свет. Зверь, очевидно, сразу заметил меня и поспешил улизнуть. Мы не особенно сожалели об этом, так как перспектива свежевания медведя на ветру, при 39° мороза, не очень улыбалась.

Разнообразие в нашей жизни было не много. Вся работа сводилась к двум-трем занятиям: приготовить и съесть завтрак, иной раз после завтрака вздремнуть, потом пройтись для моциона, поужинать. Впрочем, прогулки мы по возможности сокращали, так как пропитавшаяся жиром, порядком поношенная и во многих местах порванная одежда была не слишком пригодна для пребывания зимой на открытом воздухе. А

одежда для защиты от ветра стала такой ветхой и изодранной, что ее вообще невозможно было надеть. Ниток для починки у нас оставалось так мало, что я считал неблагоприятным прикасаться к ним до весны, когда придется готовиться к походу.

Я рассчитывал, что можно будет сделать одежду из медвежьих шкур, но потребовалось много времени, чтобы очистить шкуры от жира, и еще больше, чтобы их высушить. Сделать это можно было единственным способом – повесить шкуры под крышей хижины, но там хватало места только для одной. Когда, наконец, пара шкур была готова, пришлось употребить их как подстилку для постелей, – до тех пор мы спали на сырых сальных шкурах, которые мало-помалу загнивали. Когда, таким образом, удалось привести в порядок постели, подстлав под спальный мешок высушенные шкуры, пришлось подумать о новом мешке; спать в мешке из шерстяных одеял становилось довольно холодно. К Рождеству мы, наконец, сшили спальный мешок из медвежьих шкур. Таким образом, дело кончилось тем, что мы всю зиму проходили в старой одежде.

Прогулки составляли сомнительное удовольствие еще и потому, что в этом краю постоянно дуют ветры и у подножия крутой скалы ветер задувал особенно яростно. Мы наслаждались, когда изредка ветер хоть немного стихал. Чаще всего над нами завывала буря, взметая снег и крутя его вихрями, так что кругом все застилало словно дымом. Бывало, что мы по нескольку дней не высовывали носа из хижины, и только крайняя необходимость заставляла выходить наружу, либо за пресным льдом для питья, либо за медвежьим окороком или каким-нибудь куском мяса для еды, либо за жиром для топлива. Обычно мы приносили также кусок соленого морского льда, а если поблизости находилась промоина или трещина, то немного морской воды для супа, чтобы он вышел повкуснее.

После возвращения с прогулки, когда снова разыгрывался аппетит, мы принимались готовить себе ужин, вдоволь и досыта наедались и, забравшись в мешок, старались проспать подольше, чтобы убить время. В общем нам в хижине жилось неплохо. Благодаря жировым лампам

удавалось поддерживать в середине помещения температуру примерно на точке замерзания. У стен было значительно холоднее, и сырость осаждалась на них красивыми узорами инея. Стены совсем побелели, а свет ламп, отражаясь от них, зажигал искрами тысячи кристаллов, и в хорошие минуты можно было вообразить себя в мраморных чертогах. За эту красоту приходилось, однако, дорого расплачиваться: при перемене погоды или когда мы много жарили и варили, со стен ручьями текла вода, между прочим, прямо в наш спальный мешок.

Мы поочередно несли обязанности повара – каждый в течение недели, и только это одно в сущности и разнообразило жизнь; вторники, когда один из нас кончал, а другой начинал стряпать, служили вехами, по которым определяли время. Мы постоянно подсчитывали, сколько «поварских» недель осталось еще до того момента, когда можно будет весной тронуться в путь. Я надеялся, что успею за зиму многое сделать: обработаю свои наблюдения и заметки, напишу отчет о нашем путешествии. Но сделал я ничтожно мало. Мешали не только скудный мигающий свет жировой лампы и неудобное положение – писать приходилось лежа на спине или сидя и ерзая на острых камнях, впивающихся в соприкасавшиеся с ними части тела, – вся окружающая обстановка отнюдь не располагала к работе.

Мозг работал вяло, и я никогда не чувствовал охоты писать что бы то ни было. Быть может, это зависело также от того, что записи невозможно было сохранить чистыми. Стоило только взять в руки лист бумаги, как на нем появлялись темно-бурые жирные пятна от пальцев; заденешь бумагу краем одежды, образуется темная полоса. Записи мои за это время имеют отвратительный вид. Это в буквальном смысле слова «чернокнижие». Каким восхитительным представлялось нам то время, когда мы снова будем иметь возможность писать на чистой, белой бумаге черными чернилами! Часто я сам с трудом разбирал свои карандашные заметки, сделанные лишь накануне, а теперь, когда пишется эта книга и когда я непременно должен выяснить, что же скрывается в когда-то нацарапанном на этих черно-бурых листках, я разглядываю их при

всевозможном освещении, исследую с помощью лупы, и все-таки нередко приходится оставить надежду прочесть написанное.

Заметки в дневнике того времени собственно крайне скупы. Иногда за целые недели в них нет ничего, кроме самых необходимых метеорологических наблюдений с примечаниями. Жизнь была так однообразна, что мало о чем приходилось писать. День за днем приходили и исчезали одни и те же мысли. В них было не больше разнообразия, чем в наших разговорах. В сущности самая пустота дневника дает полное представление о нашей жизни за девять месяцев зимовки.

«Среда, 27 ноября. – 23 °С. Погода ветреная, снег крутит и хлещет в уши, едва высунешь голову из лаза. Серо и пасмурно. Сквозь снежную мглу глаз едва различает у подошвы обрыва черные камни морены, а над ними угадываешь темную стену утеса; куда ни обернись – к морю или вглубь фьорда, – везде все та же тяжелая свинцовая мгла. Ты отгорожен от всего мира, замкнут в самом себе. Ветер налетает резкими шквалами и гонит перед собою снег. А наверху, над гребнем скалы, он свищет и воет в трещинах и углублениях базальтовых стен; эту нескончаемую песню пел он в течение прошедших тысяч елетий и будет продолжать еще много грядущих тысячелетий. И снег кружит в своей вечной пляске, невзирая на смену времен. Он заносит все расщелины, все углубления, но камней на откосе ему не покрыть, они чернеют даже во мгле этой ночи. На открытом месте перед хижинкой мечутся во мгле вьюжной ночи две тени – это бегают взад и вперед, чтобы согреться, двое людей и будут так бегать по протоптанной ими дорожке день за днем – пока не настанет весна».

«Воскресенье, 1 декабря. Последние дни стоит удивительно хорошая погода, и не устаешь расхаживать взад и вперед под открытым небом. Луна превращает эту ледяную страну в сказочный мир. Хижина лежит в тени под грозно нависшей над нею темной скалой, а лунный свет серебристым туманом разлился над льдом и фьордом; блеск его отражают все снежные гребни и холмы. Это какая-то бесплотная, призрачная красота, точно красота вымершей планеты, сложенной из

сверкающего мрамора. Вот так именно должны выглядеть на ней замерзшие, холодные, как лед, горы, так должны лежать воды, скованные льдом и покрытые снежным саваном. Луна плывет, как всегда, медленно и бесшумно, совершая свой бесконечный путь по безжизненному пространству. И всюду тишина, жуткая тишина; великое безмолвие, которое наступит когда-нибудь на всей земле, когда она снова превратится в голую ледяную пустыню, когда не будет больше шмыгать здесь среди камней песок, не будет бродить по льду белый медведь, не будут даже бушевать ветры... Бесконечное, беспредельное безмолвие. В пламени северного сияния реет над этими застывшими водами дух пространства. Душа преклоняется перед величием ночи и смерти».

«Понедельник, 2 декабря. Утро. Сегодня опять ветер, и прогулка наша обещает мало удовольствия. Снова холод пронизывает насквозь нашу заношенную засаленную одежду. Когда ветра нет, еще ничего, но стоит подуть небольшому ветерку, и нас пробирает до костей. Но разве не наступит когда-нибудь весна и здесь? Над нами как всегда высится все то же небо, такое же высокое, такое же спокойное, и когда мы бродим тут, дрожа от холода, стоит лишь устремить взгляд в бесконечное звездное пространство, – все наши беды и горести кажутся тогда такими ничтожными. Ты чиста и прекрасна, звездная ночь; но не слишком ли могучими крыльями наделяешь ты наши души? Настолько могучими, что мы не в силах ими управлять. Если бы ты помогла разрешить нам загадку жизни! Мы чувствуем себя центром вселенной, боремся за жизнь, за бессмертие, но один ищет его здесь, в этом мире, а другой в ином. Твое безмолвное великолепие возвещает нам: велением вечности возникли вы на этой жалкой планете, вы – ничтожные звенья бесконечной цепи превращений и новым велением вечности снова обратитесь в ничто... Кто будет помнить через века о каком-то эфемерном создании, которое научилось связывать звук со светом, которое было столь близоруко, что целые годы своей короткой жизни отдало на скитания по ледяному морю? – Неужели же действительно вся наша жизнь только кратковременный фейерверк? Неужели вся история

мира растает подобно темному облаку, окаймленному золотом вечерней зари, испарится бесследно, бесцельно, как чья-то мгновенная прихоть?

Вечер. На какие только проделки не пускается песец! Он тащит все, что способен сдвинуть с места. Раз он перегрыз веревку, которой привязана шкура, служащая нам дверью, и теперь время от времени мы слышим, что он снова готовится к тому же; приходится выходить и стучать по крыше над входом в хижину. Сегодня песец утащил наш единственный парус, на который складываются куски соленого льда. Мы порядком встревожились, когда выйдя за льдом, обнаружили, что все исчезло. Кто виновник пропажи, сомнений ни на минуту не было. Однако ни в коем случае мы не могли допустить исчезновения драгоценного паруса, который необходим нам для плавания весной на Шпицберген. В темноте мы излазили весь откос, исходили всю прибрежную низменность, спускались вниз к морю, искали повсюду и ничего не нашли. И уже потеряв всякую надежду, Йохансен отправился к морю за соленым льдом, когда вдруг парус нашелся у самого берега. Радость наша была велика. Удивительно, что песец смог так далеко протащить большой парус, на который были вдобавок наложены куски льда. На льду парус развернулся, и песец не мог больше с ним справиться. Для чего песцу понадобился парус? Неужели для того, чтобы сделать себе подстилку в зимней норе? Это почти правдоподобно. Хотелось бы мне добраться до этой норы и заполучить обратно свой термометр, моток бечевки, веревку для гарпуна и все другие драгоценности, украденные этой бестией!»

«Четверг, 5 декабря. Кажется, такой жизни никогда не будет конца. Но еще немного терпения, – а затем придет весна, прекраснейшая весна, какую только может даровать нам жизнь... На дворе свирепствует метель и непогода, и так хорошо ложится здесь в нашей уютной хижине. Прислушиваясь к вою ветра, мы уплетаем жаркое».

«Вторник, 10 декабря. Шторм был ужасный. Сегодня Йохансен обнаружил, что его каяк исчез. После долгих поисков он нашел его в нескольких стах шагов отсюда у уступа горы. Каяк был изрядно помят.

Ветер, должно быть, поднял его сначала над моим каяком, а потом покати́л с одного камня на другой. Пожалуй, теперь станет полегче, если даже каяки начинают летать по воздуху [\[336\]](#). Над морем темное небо; вероятно, ветром взломало лед и погнало его в море, и там теперь открытая вода.

Сегодня ночью ветер затих, и погода стала необыкновенно мягкой. Чрезвычайно приятно было выйти погулять; мы уже давно не совершали таких продолжительных прогулок. Славно хоть изредка поразмять ноги; не то совсем окоченеешь в зимнем логове. Подумайте, середина декабря – и только двенадцать градусов мороза по Цельсию! Можно, пожалуй, вообразить себя дома, забыть, что мы находимся в стране снегов, к северу от 81°».

«Четверг, 12 декабря. Между шестью и девятью часами утра сегодня видели множество падающих звезд. Большинство в созвездии Змееносца, некоторые падали прямо от Большой Медведицы. Позднее особенно много падающих звезд замечено было в созвездии Тельца, между Альдебараном и Плеядами. Многие из них ярко сияли, а некоторые оставляли за собой полосу светящейся пыли.

Погода восхитительная. Но день и ночь теперь одинаково темны. Впотьмах мы ходим взад и вперед, взад и вперед по одному и тому же месту. Бог знает, сколько еще шагов придется отмерить по этому месту до конца зимы. Сквозь мрак лишь смутно можно различить черные утесы и скалы, да большие камни на откосе, с которых ветер начисто сметает снег. Над нами ясное, сияющее звездами небо, откуда струится на землю мир. Далеко на западе падают одна за другой звезды; одни тусклые, еле заметные, другие яркие, как бенгальские огни; все они несут вести из далеких миров. На краю горизонта на юге висит гряда низких облаков, окаймляемая время от времени северным сиянием. Но над морем небо темное, – там открытая вода. Что за наслаждение глядеть на это темное небо: чувствуешь себя не совсем отрезанным от мира; это темное море – как бы дорога к жизни, мощная мировая артерия, которая связывает одну страну с другой, один народ с другим. По ней цивилизация

свободно шествует по земле – с наступлением лета и мы по ней отправимся домой».

«Четверг, 19 декабря. – 28,5 °С. Опять стало холодно, и гулять в такую погоду неприятно. Но что нам до этого? Внутри хижины тепло и уютно, и нет никакой нужды оставаться на свежем воздухе дольше, чем это нравится. Все дела вне хижины сводятся к тому, чтобы принести немного пресного и соленого льда раза два в неделю, взять мяса или сала из «депо» и иногда шкуру для просушки ее под крышей. И в такой обстановке приближается Рождество, время веселья. Дома теперь все суетятся, не знают, как успеть справиться со всеми приготовлениями. А здесь спешить не к чему, здесь думаешь лишь об одном: как убить время. Спать, спать!..

Котелок с мясом весело шипит на очаге. Я сижу в ожидании завтрака, уставясь взглядом в мерцающее пламя. Мысли мои далеко. Что за удивительная сила у огня и света – привлекать к себе все живое – от первобытного комочка живой слизи в море и кончая беспокойным человеческим существом? Эти лижущие языки пламени невольно приковывают к себе взор, и ты следишь за их игрой, словно в ней можно прочесть свою судьбу. Тем временем перед тобой пестрой чередой проносятся воспоминания. И что значат все лишения? Что мне до настоящего? Забыть обо всем этом, забыть самого себя, – ведь ты можешь вспоминать о былом, о прекрасном и ждать лета... Вот в зимний вечер сидит она при свете лампы и шьет. Возле нее стоит, играя с куклой, девчурка с голубыми глазами и золотистыми волосами. Она нежно смотрит на ребенка и гладит его по головке. Глаза ее увлажняются, и крупные слезы каплют на работу...

Йохансен лежит рядом со мной и спит. Он улыбается во сне. Бедняга, он, наверное, сейчас дома, празднует Рождество среди тех, кого любит. Спи, спи, и пусть снятся тебе прекрасные сны! Пройдет же когда-нибудь зима, и наступит весна, весна жизни».

«Воскресенье, 22 декабря. Вчера вечером я долго бродил вокруг дома, пока Йохансен производил генеральную уборку хижины перед Рождеством. Уборка состояла главным образом в том, чтобы соскоблить с

очага золу, собрать и выкинуть огрызки мяса и кости да сколоть лед, смерзшийся вместе со всяким сором и отбросами в такой толстый слой на полу, что хижина стала как бы ниже.

Было великолепное северное сияние. Сколько раз ни наблюдаешь эту волшебную игру света, не устаешь ею любоваться; она словно чарами приковывает зрение и чувства, притягивает душу, и нет сил от нее оторваться. Начинается сияние с мерцающего зловеще желтого света за горой на востоке, похожего на зарево далекого пожара. Свет этот разливается все шире и шире, и вскоре все небо на востоке становится одной пылающей огненной массой. Но это только начало. Вскоре все гаснет. Проходит немного времени, и опять загорается светящаяся туманная лента, простирающаяся на юго-запад; местами виднеются лишь отдельные клочья светящегося тумана. Вдруг из ленты начинают выбрасываться вверх лучи, почти достигающие зенита; еще и еще – они с дикой скоростью мчатся поверх ленты с востока на запад; они летят очень издалека, и все приближаются, приближаются. А потом из зенита падает на северную часть небосвода завеса, сотканная из лучей; они нежны и блестящи, как тончайшие трепещущие серебряные струны. Не сам ли огненный великан Сурт [\[337\]](#) ударяет по своей могучей серебряной арфе, струны ее звенят и сверкают в сиянии огней Муспельхейма? Да, эта игра на арфе, безмолвная и грозная игра света и огненных красок, дико бушующих во тьме ночи. Это шумная военная пляска сыновей Сурта. А порой игра звучит так нежно, как тихое журчание серебряных волн, с которыми уносятся мечты в неведомые миры.

Наступило зимнее солнцестояние; солнце спустилось сейчас совсем низко, и все-таки в полдень различим слабый отблеск его над хребтами на юге. Теперь оно начнет опять подниматься к северу; день за днем будет становиться все светлее и светлее, и время пойдет быстрее. О, как мне понятен теперь древний обычай наших предков – устраивать шумное жертвенное пиршество в самой середине зимы, когда сломлена власть тьмы. Мы тоже устроили бы роскошный пир, если бы у нас было чем пировать; но у нас ничего нет. Да и к чему! Мысленно мы пируем и думаем о весне.

Я брожу, глядя на Юпитер, сияющий над гребнем горы, на Юпитер – звезду родины. Он словно улыбается мне, и я узнаю своего верного спутника. Уж не становлюсь ли я суеверным? Да, эта жизнь и эта природа, право, хоть кого могут сделать суеверным. В конце концов, в сущности разве не все люди суеверны – каждый по-своему? Разве нет у меня непоколебимой веры в то, что мы снова увидим друг друга? Эта вера не покидала меня ни на минуту. Я не верю, что смерть может прийти к человеку прежде, чем он закончит дело своей жизни, или явиться к нему так, что он не почувствует ее приближения. И все -таки разве не может безжалостная Норна [\[338\]](#) в один прекрасный день обрезать нить без всякого предупреждения?»

«Вторник, 24 декабря. В 2 ч пополудни -24 °С и кучевые облака (Cumulus) 2, восточный ветер 7 м. Вот и Рождественский сочельник. Холодно и ветрено снаружи; холодно и продувает насквозь внутри хижины. Кругом пустыня! Конечно, никогда еще не проводили мы такого кануна Рождества... Дома звонят сейчас рождественские колокола. Я слышу, как разносится в воздухе этот звон. Какой чудесный звук!.. Теперь зажигаются свечи на елках, вбегают дети и радостно пляшут вокруг елки. Когда вернусь домой, я непременно устрою на Рождество детский праздник. Теперь на родине время праздника и в каждой хижине радость.

И мы празднуем этот день в меру наших возможностей. Йохансен вывернул свою фуфайку наизнанку и надел ее сверху, а верхнюю рубашку под низ. Я сделал то же самое и сменил подштанники – надел другие, выполосканные в горячей воде. Потом я обмыл тело, истратив на это четверть чашки горячей воды, а снятые подштанники использовал вместо губки и вместо полотенца. Теперь я чувствую себя совсем другим человеком; платье не так сильно липнет к телу. На ужин мы, ради праздника, состряпали два рыбных блюда (fiskegratin) из рыбной муки и маисовой крупы на моржовом сале вместо масла (одно – жареное, другое – вареное), а на десерт поджаренный на том же сале хлеб. Завтра утром мы будем пить шоколад с хлебом» [\[339\]](#).

«Среда, 25 декабря. Сегодня чудесная рождественская погода; тихо, ветра почти нет; ярко и приятно сияет луна. Невольно настраиваешься на торжественный лад. Это покой тысячелетий. После обеда было необычайно красивое северное сияние. В 6 ч вечера, когда я вышел из хижины, над южным краем неба перекинулась яркая светло-желтая дуга. Долгое время она оставалась спокойной, почти не изменяясь; затем началось сильное свечение у ее верхнего края за черным гребнем горы; с минуту дуга словно тлела, и вдруг свет разлился по ней на запад, лучи метнулись к зениту, и не успел я опомниться, как вся нижняя часть неба от дуги до зенита была мгновенно объята ярким пламенем. Оно то пылало, сверкало и горело, то мерцало, кружилось в вихре ветра (движение шло по солнцу). Лучи отрывались и вновь возвращались к дуге, то красные, то красновато-фиолетовые, то желтые, зеленые и ослепительно белые; некоторые у основания были красными, наверху желтыми и зелеными или наоборот. Все выше и выше поднималось пламя; вот оно охватило и северную сторону неба – на мгновение образовалась великолепная корона, потом все разметалось в огненный смерч, в водоворот красных, желтых, зеленых огней, которые ослепляли глаза. Все это походило на грандиозный взрыв. Постепенно сияние переместилось на северную часть неба, где еще долго горело, но уже не так ярко. Дуга, из которой оно возникло, была заметна на юге, но скоро исчезла. Движение лучей шло главным образом с запада на восток, но отчасти и в обратном направлении. Позже сияние несколько раз вспыхивало на севере; я насчитал одновременно шесть параллельных лент, но яркостью они уже не достигали прежних.

Вот, значит, настал и первый день Рождества. Дома сегодня люди собираются на семейные обеды. Я вижу, как почтенные отцы семейств, приветливо улыбаясь, встречают у дверей детей и внуков. За окнами мягко и тихо падают крупные хлопья снега. Детвора врывается в двери свежая и румяная; отряхнув в передней свои пальто и куртки от снега, вешают одежду и идут в зал, где уютно и приветливо трещит огонь в камине. А в окошко видно, как все падает и падает хлопьями снег, облепляя рождественский сноп. Из кухни доносится аппетитный запах

жаркого, в столовой накрыт большой стол для настоящего рождественского обеда с добрым старым вином. Как все там чудесно! Право, можно заболеть от тоски по дому... Но терпение, терпение! Когда настанет лето...

Да! «Путь к звездам» длинен и труден».

«Вторник, 31 декабря. Вот и еще год исчезает. Необыкновенный год, но в конце концов, пожалуй, неплохой...

На родине опять звонят колокола, провожая старый год. Наш церковный колокол – это ледяной ветер, завывающий над ледником и ледяными полями; он дико воет, вихрем крутя тучами падающий снег, сметая его с гребня гор и высыпая на нас. Далеко в глубине фьорда мчится погоняемый шквалом снежный вихрь. Снежная пыль блестит в лунном сиянии. Полная луна медленно и безразлично переплывает из одного года в другой. Она светит одинаково грешным и праведным, злым и добрым, не замечая смены годов, нужд и стремлений, не замечая тоски людей, одиноких, заброшенных в сотнях миль от всего, что им дорого. Но мысли летят безмолвными путями. Еще одна страница перевернута в книге вечности, открывается новая, и никто не знает, что будет в нее вписано».

«Среда, 1 января 1896 г. – 41,5 °С. Итак, настал и Новый год, год радости и возвращения домой. 1895 год ушел, и в ярком лунном сиянии явился 1896 год. Но мороз кусается, таких холодных дней мы здесь еще не переживали. Я почувствовал это вчера, отморозив себе кончики пальцев. Вот, значит, чем суждено мне кончить старый год. А я -то думал, что прошлой весной положен конец подобным казусам».

«Пятница, 3 января. Утро. По-прежнему довольно ясно и холодно. Слышно, как потрескивает ледник.словно могучий ледяной великан простерся он на горе и поглядывает на нас сверху сквозь ущелья. Он раскинулся своим богатырским телом по всей этой земле и во все стороны вытянул свои конечности в море. Каждый раз, когда становится холодно, холоднее, чем было прежде, он страшно корчится от озноба и на его огромном теле образуются одна за другой трещины. Тогда разносятся громopodobные звуки, похожие на выстрелы пушек, и земля

трясется, лежа здесь, я ощущаю, как дрожит почва подо мною. Я готов вообразить, что в один прекрасный день ледник опрокинется на нас [\[340\]](#).

Йохансен спит и храпит на всю хижину. Я рад, что его не видит сейчас мать. Она, наверное, опечалилась бы, разглядев своего мальчика, – так он оборван, черен и противно грязен; полосы сажи размазаны по всему лицу. Но ничего: она еще увидит его чистым, белым и румяным!»

«Среда, 8 января. Сегодня ночью ветром сдвинуло по косогору нарты, на которых висел наш термометр. Погода отчаянная, ветер так бушует, что дух захватывает, стоит только высунуть нос наружу. Мы лежим у себя, стараясь заснуть, чтобы скоротать время во сне. Но не всегда это удается. О, эти долгие бессонные ночи, когда ворочаешься с боку на бок, подтягиваешь ноги, чтобы как-нибудь согреть коченеющие ступни, и желаешь только одного на свете – уснуть. Мысли устремляются к дому, а длинное тяжелое тело тщетно пытается найти себе сносное местечко на камнях с острыми ребрами. И все же время ползет вперед. Сегодня снова день рождения маленькой Лив. Ей исполнилось три года: должно быть, она теперь большая девочка. Бедная крошка, тебя, конечно, не беспокоит отсутствие отца. А в следующий твой день рождения я буду ведь уже с вами. Какими добрыми мы будем друзьями!.. Ты усядешься верхом на мое колено, а я буду рассказывать тебе северные сказки про медведей, песцов, моржей и про всех удивительных зверей, которые водятся среди льдов. Нет, я не в силах даже и думать об этом...»

«Суббота, 1 февраля. Я лежу разбитый ревматизмом, ломит все кости. Там, за стенами хижины, становится мало-помалу светлее, с каждым днем край неба на юге, над ледниками алеет сильнее, в один прекрасный день над горой взойдет солнце, и последняя для нас полярная ночь придет к концу – наступит весна... Я раньше находил, что в весне есть что-то грустное, потому ли, что она так скоро проходит, или потому, что возбуждает надежды, которые лето никогда не исполняет? Но в этой грядущей весне нет грусти, она не волнует крови и не кружит

головы, ее обещания будут выполнены – иначе было бы слишком жестоко».

Странный образ жизни – лежать вот так в течение всей зимы в нашем логове, чуть не под землей, безо всякого дела и не предпринимая решительно ничего. Как хотелось нам иметь хотя бы одну книгу! Какой чудесной представлялась нам жизнь на «Фраме», когда в нашем распоряжении была целая библиотека! Мы лежали и делились друг с другом, как славно жилось бы нам, если б только у нас было что почитать. Йохансен всегда со вздохом вспоминал о новеллах Пауля Гейзе^[341]; это была его любимая книга на «Фраме», и он так и не успел дочитать последнюю новеллу.

Немногие годные для чтения отрывки в наших мореходных таблицах и календаре я перечитывал столько раз, что заучил наизусть почти слово в слово, начиная с перечисления членов норвежского королевского дома и кончая указаниями мер спасения погибающих на водах и способов оживления утопленников. И все же мне доставляло удовольствие хотя бы перелистывать эти книги, – самый вид печатных букв позволял чувствовать, что в тебе осталось еще малая толика цивилизованного человека.

Все темы для бесед нами были давным-давно исчерпаны; не оставалось почти никаких, имеющих сколько-нибудь общий интерес мыслей, которыми бы мы уже не обменялись. И главным удовольствием из немногих, оставшихся у нас, было рисовать друг другу картины того, как будущей зимой, находясь уже дома, мы с лихвой наверстаем все, что теряем теперь здесь. Вот когда мы по-настоящему научились ценить все блага жизни: еду и питье, одежду и обувь, дом и семью, добрых соседей и т. п.

Нередко занимали нас расчеты: как далеко может теперь находиться «Фрам» и возможно ли, чтобы он достиг Норвегии прежде нас? Я был твердо уверен, что к лету или осенью этого года его вынесет дрейфом в море между Шпицбергом и Гренландией и что в Норвегию он, вероятно, придет в августе или в сентябре. Но, быть может, он вернется на родину ранним летом, а мы, пожалуй, доберемся только к

осени? Да, это был большой вопрос. Нам становилось грустно при мысли о том, что «Фрам» сможет прийти раньше нас; что подумают тогда наши домашние? Вряд ли останется тогда у них надежда увидеть нас снова; даже товарищи на «Фраме» усомнятся в этом. Но затем мы снова приходили к мысли, что это не может никак случиться, мы бесспорно должны быть дома во всяком случае не позже июля, а «Фрам» едва ли освободится из льдов так рано.

Но где же мы, собственно, находимся? И какой путь еще предстоит нам? Опять и опять я перевычислял заново осенние, летние и весенние наблюдения, но загадка продолжала оставаться загадкой. Казалось очевидным, что мы зашли куда-то далеко на запад; быть может, на западный берег Земли Франца-Иосифа вблизи к северу от мыса Лофлей, как я и принимал осенью.

Если это так, то какую же землю видели мы к северу? И что была за земля та, первая, к которой мы подошли? От первой группы островов, названной нами Белой Землей (Hvidten land), и до того места, где теперь находимся, мы прошли примерно 7° долготы; это с достаточной точностью следовало из наших наблюдений. Но если мы находимся теперь на западном берегу Земли Франца-Иосифа, то Белая Земля должна лежать где-то между Землей Короля Оскара и Землей Кронпринца Рудольфа, а мы побывали значительно восточнее и ни одной из этих земель не видели. Как все это объяснить? К тому же первую землю мы видели к югу от нас, и тянулась она в юго-восточном направлении и восточнее ее никаких островов не обнаружили. Нет, мы не могли быть поблизости от какой-то известной земли; мы должны были находиться далеко к западу, где-нибудь в проливе между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенем; в таком случае естественным было предположить, что мы на все еще столь загадочной Земле Гиллиса [\[342\]](#). Но и это столь же трудно было допустить, как и представить себе, что такая обширная суша, как эта предполагаемая земля, уместилась в этом сравнительно узком проливе, не подойдя при этом к Северо-Восточной Земле Шпицбергенского архипелага на расстояние достаточно близкое, чтобы оттуда ее можно было легко заметить. Но именно в этом

направлении ведь и виднелась земля; тут невозможно никакое другое предположение.

Мы уже давно перестали верить, что наши часы показывают сколько-нибудь верное время; иначе мы должны были бы, как я уже говорил, пересечь нанесенные Пайером на карту Землю Вильчека и ледник Дове. А не заметить их – дело совершенно невозможное. Меня смущали, однако, другие факты. Если мы находимся на какой-то новой земле близ Шпицбергена, то почему никто никогда не видел там розовых чаек, которых здесь целые стаи? И, затем, как объяснить большое магнитное склонение? К несчастью, у меня с собой не было карты склонений, а я не мог в точности припомнить, где лежит нулевой меридиан, составляющий границу между восточным и западным склонением, и только предполагал, что он должен проходить близ Северо-Восточной Земли, а между тем здесь склонение по-прежнему было около 20°. Все, вместе взятое, продолжало оставаться неразрешимой загадкой.

Когда впоследствии весной забрезжил снова дневной свет, я сделал открытие, которое привело нас в еще большее замешательство. В ясную погоду в двух местах горизонта – примерно на юго-западе и западе – я разглядел неясные очертания земли. Это наблюдение постоянно повторялось, и, наконец, стало очевидным, что это действительно земля, но земля, находящаяся, по всей вероятности, очень далеко, – не ближе 15 миль ^[343], по моим предположениям. Если трудно было представить, что виденные нами раньше острова могут разместиться между Землей Франца-Иосифа и Северо-Восточной Землей, то тем труднее допустить, чтобы там нашлось место еще для этих новых. Не была ли эта сама Северо-Восточная Земля? Но этого быть не могло. Острова лежат под 81° северной широты или, может быть, еще севернее, между тем как Северо-Восточная Земля не простирается много севернее 80°. Но, во всяком случае, эти острова должны находиться неподалеку от Северо-Восточной Земли, и если нам удастся добраться до них, то уже недалеко будет и до нее; оттуда, пожалуй, открылся бы свободный путь

водою до встречи с каким-нибудь парусником из Тромсё, о котором мы мечтаем уже больше года и на котором сможем вернуться домой.

Мысль о прелестных вещах, которые мы найдем на этом паруснике, служила утешением всякий раз, когда приходилось особенно тужить. Жизнь наша ведь не могла назваться особенно приятной. С однообразием пищи еще можно было примириться, хотя мы не прочь были внести небольшие перемены в рацион. Как чудесно было бы, например, раздобыть хоть немного сахара и мучных продуктов в придачу к этому превосходному мясу! Мысленно мы уничтожили целые блюда пирожных, не говоря уже о хлебе и картофеле, и собирались по возвращении домой щедро вознаградить себя за все испытанные лишения. Нет, мы не упустим времени, сразу приступим к делу, как только очутимся на борту судна! Найдется ли там у них картофель и свежий хлеб? Ну, на худой конец годятся и черствые морские сухари, в особенности если поджарить их в масле и посыпать сахаром. Но лучше всякой еды будет чистое белье и платье. А потом книги... только подумать – книги! Фу, до чего отвратительно стало платье, которое приходится нам носить не снимая.

Когда хотелось пережить поистине счастливые минуты, мы начинали представлять себе огромный, благоустроенный, светлый магазин, где стены сплошь увешаны новой одеждой из чистой мягкой шерсти и где можно ходить и выбирать себе все, что понравится. Можно ли представить что-либо восхитительнее чистых кальсон и рубашек, мягких удобных шерстяных фуфаяк, мягких и теплых шерстяных брюк, чистых шерстяных чулок и теплых войлочных туфель! И вдобавок, пожалуй, еще и турецкая баня!

Мы могли часами толковать обо всем этом, сидя рядом в спальном мешке. Казалось просто невероятным, что все это может существовать. Неужели мы в самом деле когда-нибудь сбросим с себя эти тяжелые просаленные отрепья, которые приходится теперь носить! Со всех сторон прилипали они к телу. Хуже всего приходилось ногам: кальсоны настолько крепко прилипли к коленям, что при ходьбе царапали, терли и рвали кожу, образовались раны, и кровь сочилась на внутренней стороне бедер. Немало труда стоило очистить раны от слишком

большого количества жира и грязи, промывая их время от времени мхом или лоскутом перевязочного бинта, смоченными в нагретой над лампой чашке с водой. Никогда раньше я не понимал, какое это в сущности превосходное изобретение – мыло. Мы делали неоднократные попытки смыть с себя хотя бы часть грязи, но все они ни к чему не приводили. Вода ничуть не могла отмыть толстый слой жира; лучше было выскрести себя мхом и песком. Песок мы находили в достаточном количестве на стенах хижины, скалывая с них лед. Самым радикальным средством было все-таки хорошенько вымазать руки теплой медвежьей кровью и ворвань, а затем оттирать их мхом. Тогда они становились белыми и мягкими, как руки самой нежной девушки, и с трудом верилось, что это часть нашего собственного тела. Когда отсутствовал этот отмывающий материал, мы находили, что грязь успешно соскабливается с кожи ножом.

Если трудно было поддерживать в чистоте тело, то совсем невозможно было содержать в чистоте одежду. Мы испробовали все способы, стирали ее и на эскимосский лад и на наш собственный, но чище она не становилась. Часами мы кипятили рубахи и, вынимая их из котла, обнаруживали, что они остались такими же соляными, как и до кипячения. Тогда мы пробовали отжимать из них ворвань. Это немного помогало. Но самым действенным средством оказалось прокипятить их, а потом, пока они еще не остыли, соскрести с них сало ножом.

Волосы на голове и бороде отрастали с невероятной быстротой. Правда, у нас были ножницы, и мы могли бы волосы подстригать. Но так как наш гардероб не отличался изобилием, то было признано нелишним добавлением к нему волос, которые начинали спускаться по плечам: зимою они могли все-таки немножко согревать. Волосы, как и лица наши, были черным-черны. Когда наступила весна, при ярком дневном свете казалось, что зубы и белки глаз сверкают поразительной белизной.

Своеобразная жизнь во многих отношениях подвергала сильному испытанию наше терпение. И все же она не была столь невыносимой, как это, пожалуй, может показаться. Мы сами считали, что в сущности

живем неплохо. Настроение у нас всегда было хорошее, стоило только подумать о том, что сулит будущее, как мы искренне радовались. Однажды, уже после возвращения на родину, Йохансена спросили, как нам жилось на зимовке и как мы умудрились не перессориться. Ведь трудно все-таки жить вдвоем, отрезанными от всего остального мира. «О нет, – ответил он, – нам и в голову не приходило ссориться. Од на беда была – моя дурная привычка храпеть во сне, за что Нансен иногда толкал меня в спину». Не могу отрицать, что не раз от всего сердца давал ему тумаки за его храп, но он лишь переворачивался на другой бок и продолжал безмятежно храпеть, как ни в чем не бывало, – разве только тоном пониже.

Так проходило время. Мы всячески старались спать побольше, чтобы время проходило быстрее, и, случалось, спали по двадцать часов в сутки. Для тех, кто придерживается еще старинных заблуждений и считает, что цынга появляется при недостатке движения, мы являемся живым доказательством того, что это неверно, ибо все время оставались совершенно здоровыми. Когда вместе с весной стал возвращаться к нам солнечный свет, мы охотнее стали выходить из хижины. Теперь выдавались дни, когда было не так уже морозно. Затем и время близилось к выступлению в путь, и понемногу нужно было готовиться к походу.

Глава одиннадцатая Весна и солнце

«Вторник, 25 февраля. Сегодня чудесная погода для прогулки – словно весна и впрямь начинается. Появились первые птицы – люрики (*Mergulus alle*). Сперва стайка из десяти штук, потом еще небольшая стайка из четырех; они летели с юга вдоль берега – очевидно, из пролива на юго-востоке – и скрылись за горой к северо-западу от нас. Веселое птичье щебетание родило в душе радостный ответный отклик. Спустя некоторое время опять слышался разговор птиц. Они, вероятно, уселись на горе над нами. Это был первый привет жизни. Здравствуйте, желанные гости, милые пташки!..

Сегодняшний вечер напоминал весенний вечер на родине. Румянец зари медленно исчезал, золотя облака, и на смену ей возшла луна.

Ходишь здесь взад и вперед и воображаешь себя в Норвегии в весенний вечер».

«Среда, 26 февраля. Сегодня должно было показаться солнце, но небо заволокло облаками».

«Пятница, 28 февраля. Я открыл, что из одного обрывка бечевки можно сделать двенадцать ниток, и счастлив, как юный бог. Теперь ниток у нас хватит, и мы быстро починим одежду. Кроме того, можно расщепить ткань мешка и пустить ее в ход вместо ниток».

«Суббота, 29 февраля. Сегодня солнце стоит высоко над ледником. Теперь нам приходится серьезно экономить ворвань, если мы хотим уйти отсюда, иначе у нас останется слишком мало сала на дорогу».

«Среда, 4 марта. Когда Йохансен вышел сегодня утром из хижины, утес, нависший над нами, был покрыт люриками ^[344]. Они, щебеча, перелетали с выступа на выступ или рассаживались повыше над ледником, озаряемые лучами утреннего солнца. Позже их уже не бы ло».

«Пятница, 6 марта. Нам приходится теперь туговато: ради экономии горючего спим впотьмах и варим пищу только раз в день».

«Воскресенье, 8 марта. Убили медведя. Йохансен видел десять стаяк люриков, летевших утром вдоль пролива».

«Вторник, 10 марта. Весьма кстати явился к нам позавчера медведь – славный малый в сущности; у нас уже и сало и мясо были на исходе; особенно плохо дело было с салом, и мы жаждали медведя. По нашим расчетам, пора бы им уже появиться. Я воспользовался воскресным утром для того, чтобы положить заплаты на свои «ветряные» штаны и починить комаги, как раз на случай, если появятся медведи. Йохансен, дежуривший эту неделю поваром, сначала тоже немного шил, а затем по случаю воскресенья занялся уборкой хижины, выкидывая в проход объедки мяса и кости. Потом он решил вычистить самый лаз, но едва откинул шкуру, прикрывающую входное отверстие, как ринулся назад. Споткнувшись о кучу костей, с криком «Медведь, у самой двери медведь!» он с молниеносной быстротой схватил висевшую на стене под крышей винтовку и снова высунул голову из прохода, но тут же поспешно отдернул ее. «Он стоит совсем рядом, у самой двери! Кажется,

думает войти сюда!» Отвернув угол шкуры, Йохансен стал осторожно просовывать в отверстие свою винтовку, готовясь выстрелить.

Но прицелиться не так-то легко: проход, и без того узкий, теперь был весь завален мясными объедками и костями. Я видел, как Йохансен, скорчившись, приложил винтовку к щеке, но потом опять опустил ее: он забыл взвести курок! Медведь немножко отодвинулся, и Йохансен видел только кончик его носа да лапы.

Но вдруг медведь начал скрести когтями землю и запустил одну лапу в проход, словно желая влезть. Тогда Йохансен, не видя цели, решил, что пора стрелять. Он сунул дуло в верхний край дверного отверстия, надеясь попасть медведю прямо в грудь, и выстрелил. Послышался глухой рев и хруст снега под тяжелыми шагами удалявшегося зверя. Йохансен снова зарядил винтовку и высунул голову в отверстие. «Да, он действительно уходит. Но отошел еще не очень далеко». С этими словами Йохансен бросился за улепетывающим медведем, которому, видимо, не поздоровилось от выстрела. Тем временем я лежал в мешке вниз головой и беспокойно искал носок, который куда-то запропастил. После долгих поисков я его, наконец, нашел – разумеется, на полу. Итак, я был готов и солидно вооружен ружьем, патронами, ножом, напильником (для оттачивания ножа при сдирании шкуры). Пустился вслед за Йохансеном.

На мне были надеты «ветряные» штаны: они провисели всю зиму, все холода без употребления, так как не было ниток, чтобы починить их. А теперь, когда всего -2 °С, штаны к моим услугам! Я шел по следам: они тянулись вдоль берега на северо-запад. Вскоре встретил Йохансена. Он сказал, что медведь убит и лежит немного подальше. Йохансен настиг его и прикончил выстрелом в спину. Йохансен отправился за нартами, а я пошел туда, где лежал медведь, чтобы немедленно приняться за свежевание. Но этим делом удалось заняться не так-то скоро.

Приблизившись к месту, где должен был лежать медведь, я увидел, что «убитый» быстро трусит вдоль берега и успел уже отбежать довольно далеко. Время от времени он останавливался, чтобы

оглянуться. Я погнался за ним по льду, пытаюсь обойти и заставить бежать обратно, чтобы потом не пришлось тащить его издалека. После длительного бега я почти нагнал его, как вдруг зверь стал карабкаться вверх по леднику, выбирая самые скверные уступы. Вот уж никак не думал, что «убитый» медведь способен на такие шутки! Надо было возможно скорее остановить его. Но едва я успел подойти к нему на выстрел, как он исчез за гребнем.

Вскоре, правда, я снова увидел его, но гораздо выше. Он был вне выстрела. Вытягивая шею, медведь поглядывал, иду ли я. Я полез было за ним, но он взбирался куда быстрее, тем более что под глубоким снегом было немало трещин, в которые я проваливался выше пояса. В конце концов пришлось спуститься на фьордовый лед. Некоторое время спустя медведь появился под отвесным утесом, от которого круто шла вниз каменистая россыпь. Он стал осторожно пробираться среди камней. Я опасался, что зверь уляжется где-нибудь в таком месте, куда нам не добраться, и, хотя расстояние было велико, решил выстрелить, чтобы заставить его скатиться вниз. С виду он держался наверху не особенно крепко. Под скалою дул сильный ветер, и было видно, как при особенно сильных шквалах медведю приходилось ложиться на брюхо и цепляться когтями за лед; притом он мог орудовать только тремя лапами: правая передняя была у него прострелена. Я присел за большой камень у нижнего края россыпи, прицелился хорошенько и выстрелил. Пуля ударилась в снег под самым медведем; попала она в него или нет, я не знаю, но только в ту же самую минуту он подскочил и хотел перепрыгнуть через сугроб, но поскользнулся и покатился вниз. Несколько раз он безуспешно пытался вцепиться в лед когтями. Наконец, ему удалось-таки стать на лапы, и он начал снова понемногу карабкаться вверх.

Тем временем я успел вложить новый патрон. Расстояние между мной и медведем теперь уменьшилось; я выстрелил. Зверь постоял одно мгновение спокойно, потом скользнул вниз и покатился кувырком по снегу, сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Я подумал было, что так, чего доброго, он наскочит прямо на меня, но утешил себя тем,

что камень, за которым я стоял, держался прочно. Присев на корточки, я мигом вложил в ствол новый патрон. Медведь докатился до россыпи и шумно помчался дальше, вместе с камнями и комьями снега, подпрыгивая после каждого нового толчка все выше. Странно было видеть это огромное белое тело, летящее по воздуху, словно полено. Наконец, подпрыгнув особенно высоко, он ударился о большой камень и растянулся возле него. Что-то громко хрустнуло, и вот он лежит возле меня. Две-три судороги – и все было кончено. Медведь оказался необычайно крупным самцом с великолепным густым мехом. Такую шкуру не худо было бы привезти домой. Но самым лучшим было обилие в этой туше сала.

Ветер, все крепчавший, к этому времени задул с такой силой, что мог бы свалить человека, если бы застал его врасплох. Однако было так тепло, что на ветер можно было не обращать внимания. Освежевать медведя было бы нетрудно, если бы он, на беду, не завалился в яму: вытянуть такую тяжесть одному было не под силу. К счастью, вскоре подоспел Йохансен, и мы, разрубив медведя на части, стащили его на лед и погрузили на нарты. Но отъехав немного, мы убедились, что нам не свезти всего медведя за один раз – ветер с силой дул навстречу, а путь был не близкий. Пришлось сложить половину мяса в кучу на льду и покрыть его шкурой, чтобы прийти за ним дня через два. Даже налегке и то было трудно пробиваться вперед в темноте, против ветра, и лишь поздней ночью добрались мы к дому. Но зато как славно было в тот вечер растянуться в спальном мешке и поужинать свежим мясом и горячим супом!»

Этим медведем мы питались в течение 6 недель.

«Йохансен сегодня часов в шесть утра видел какобы миллионы люриков, летевших к проливу. Позже, когда мы вышли часа в два дня, птичьи стаи непрерывной цепью одна за другою летели над морем, и так продолжалось до самого вечера. Я видел также двух чистиков (*Una grylle*), прилетевших над нами. Это были первые виденные нами чистики ^[345]».

«Четверг, 2 апреля. Когда я проснулся часов в 8 вечера (в этот день наше «утро» пришлось на вечер), мы услышали, что снаружи у хижины бродит какой-то зверь и что-то гложет. Мы не обратили на это никакого внимания, полагая, что по обыкновению на крышу за куском мяса взобрался песец. Правда, шум был, пожалуй, сильнее того, что производил песец, уже ставший для нас привычным. Но все же он был не настолько силен, как мы могли ожидать от медведя. Мы не учли, что снег теперь не такой холодный и не так сильно хрустит, как зимой.

Позднее Йохансен вышел, чтобы посмотреть на термометр, и только тогда обнаружилось, что тут побывал медведь. Он пришел со льда, взобрался по кособору на холм, все время держась против ветра, и обошел кругом хижины. По-видимому, ему не понравились медвежьи остовы, и он не решился пробраться мимо них на крышу за моржовым салом. Он довольно долго стоял у входа в хижину и против трубы, принюхиваясь к живительному запаху жареного сала и живого человеческого мяса, потом стащил и отволоч подальше одну из моржовых шкур и соскреб с нее сало.

Затем он пошел по нашим следам от хижины до того места, где мы берем соленую воду, и оттуда пустился снова по льду, пока не почуял запах моржовых остатков и направился к ним. В этот -то момент и увидел его Йохансен. Медведь раскапывал моржовые отбросы. Так как мое ружье было не совсем в порядке, я схватил ружье Йохансе на и пошел один. Медведь был настолько занят обглаживанием и облизыванием моржовины, что я подошел к нему сзади вплотную, без каких -либо особых предосторожностей. Мне захотелось посмотреть, насколько близко смогу я к нему подойти таким образом, и я все шел да шел на него. И только, когда я приблизился к нему настолько, что почти мог дотянуться до него дулом ружья, он услышал, наконец, мои шаги, оглянулся и поглядел на меня удивленно -вызывающе. Вместо приветствия я послал ему в морду пулю. Он мотнул головой, чихнул и закашлял кровью, потом круто повернулся и галопом побежал от меня. Я хотел перезарядить ружье, но патрон заело, и мне пришлось выковыривать его ножом.

Пока я занимался этим, медведь остановился, повел носом в мою сторону, злобно захрапел, как бы собираясь броситься на меня, потом залез на лежавшую неподалеку глыбу льда и, вытянув шею по направлению ко мне, принял оборонительную позу. Кровь ручьем струилась у него изо рта и из носа. Пуля прошла ему через голову, не задев мозга. Наконец, мне удалось вложить новый патрон. Но в медведя пришлось выпустить пять зарядов; после каждого выстрела он падал навзничь и подымался снова. Я не привык к мушке на ружье Йохансена и целился слишком высоко. Наконец, рассердившись, я бросился к медведю и покончил с ним выстрелом в упор».

Теперь у нас стали накапливаться довольно приличные запасы сала и мяса для предстоявшего путешествия. Занялись приготовлениями к походу. Дел было много. Предстояло сшить новую одежду из шерстяных одеял, починить и привести в порядок «ветрянную» одежду, сделать подметки к комагам, сшить из медвежьей шкуры носки и рукавицы, наконец, изготовить легкий и удобный спальный мешок, опять же из медвежьей шкуры. На все это требовалось время, и мы прилежно работали иглой с раннего утра до позднего вечера. Наша хижина внезапно превратилась в настоящую сапожную и портняжную мастерскую. Сидя рядом в своем спальном мешке на каменном ложе мы шили и шили без устали, а мысли наши были заняты возвращением на родину. Нитки для шитья получали из парусины продовольственных мешков. Само собой разумеется, что постоянной темой разговоров было предстоящее путешествие. Успокаивало то, что на юго-западе всегда виднелось темное небо, которое говорило об обширном пространстве открытой воды в этом направлении. Я полагал, что добрую часть пути до Шпицбергена удастся проделать в каяках.

Несколько раз я упоминал об этой открытой воде в дневнике. Так, 12 апреля в нем записано: «Открытое море тянется от мыса на юго-западе и на всем виденном пространстве к северу». Под этим подразумевалось, конечно, то, что повсюду в этом направлении на горизонте было видно темное, «водяное» небо, верный признак существования там чистой ото льда воды. В сущности это не могло

удивлять нас, мы были готовы к этому, так как Пайер даже севернее, на западной стороне Земли Кронпринца Рудольфа, нашел в середине апреля открытую воду, и это обстоятельство я всегда имел в виду в течение зимы.

И еще одно обстоятельство заставляло нас верить в близость открытого моря – ежедневные визиты белых чаек и глупышей (*Procellaria glacialis*), а иногда и моевок (*Krykkjer*). Первых белых чаек мы увидели 12 марта. В апреле их появлялось больше и больше. Вскоре во множестве появились и бургомистры (*Larus glaucus*). Рассаживаясь на крыше и вокруг хижины, они долбили кости и остатки медвежьего мяса, выклеывая все, что могли найти. Зимой обгладывание песцами мяса на крыше доставляло нам развлечение, напоминая о том, что мы не совсем еще забыты живыми существами. С наступлением весны песцы исчезли; теперь они находили для себя множество люриков в расщелинах скал, и им уже не нужно было возиться с замерзшим медвежьим мясом, твердым, как камень. Вместо них по крыше барабанили чайки. И это уже не вызывало умильных воспоминаний о домашних крысах и мышах; подчас, когда птицы усиленно долбили крышу над нашими головами, это так надоедало и раздражало нас, что просто не давало заснуть, и мы сами принимались колотить по крыше снизу или выскакивали из хижины, чтобы прогнать чаек. Это помогало, однако, всего на несколько минут.

18 апреля, углубившись с часами в руках в наблюдения за солнцем, я нечаянно приподнял голову, оторвав глаза от теодолита, и вдруг увидел прямо перед собою медведя, стоявшего на льду у берега. Он, по-видимому, давно уже наблюдал за мною, размышляя над тем, что это такое я делаю. Я побежал в хижину за ружьем, но когда вернулся, его и след простыл. Преследовать его я не был расположен.

«Воскресенье, 19 апреля. Сегодня в 7 ч утра меня разбудил тяжелый медвежий топот за стеной хижины. Разбудил Йохансена. Пока тот зажигал огонь, я натянул штаны, надел комаги и с заряженным ружьем выполз из хижины. Медвежью шкуру, прикрывавшую входное отверстие, по обыкновению за ночь завалило снегом и выбраться наружу было не так-то просто. Наконец, толкнув шкуру изо всех сил, я

отшвырнул снег и высунул голову. Яркий дневной свет, после царившей в нашей хижине тьмы, ослепил глаза, и я ничего не увидел. Но я знал, что медведь стоит тут же за хижиной. Действительно, я сразу же услышал фыркание и сопение и вверх по склону неуклюжим медвежьим галопом пробежал зверь. Я не знал, стрелять или нет. По правде говоря, у меня не было никакого желания сдирать с медведя шкуру в такую отвратительную погоду. Все же я пустил в него наудачу пулю и, разумеется, промахнулся, чем, впрочем, нисколько не огорчился. Больше я не стрелял: одного выстрела вполне достаточно, чтобы напугать зверя и отбить у него охоту навестить нас в ближайшем будущем. Мы в нем нисколько не нуждались и хотели лишь одного – чтобы он оставил нас и наши запасы в покое.

Дойдя до ущелья, находившегося к северу от нас, медведь обернулся, а затем побежал дальше. Как обыкновенно, он пришел против ветра и почуял нас со льда, вероятно, когда еще находился далеко к западу отсюда. Он долго кружил с подветренной стороны, побывал у входа в хижину, где оставил после себя визитную карточку, а потом подошел к находившейся позади куче, в которой было сложено моржовое сало, обложенное со всех сторон медвежьими тушами. Они не испугали его, а медвежью шкуру, покрывавшую сало, он далеко оттащил в сторону; к счастью, непрошенный гость не успел еще ничем полакомиться, когда я выглянул и спугнул его».

«Воскресенье, 3 мая. Сегодня утром наружу выходил Йохансен. Вернувшись, он сказал, что видел на льду медведя; тот шел по направлению к берегу. Немного погодя Йохансен вышел, чтобы поглядеть на этого зверя, но больше его не увидел; должно быть, медведь завернул в бухту, лежавшую севернее. Мы, однако, ждали его посещения, так как ветер дул от нас в том направлении. И в самом деле, попозже днем, когда мы сидели и самым усердным образом шили, снаружи слышались тяжелые шаги по снегу. Медведь остановился, походил немного взад и вперед, потом что-то потащил, и все стихло. Йохансен осторожно вылез с ружьем из хижины. Подняв голову и привыкнув к ослепившему его сначала дневному свету, он увидел, что

медведь стоит и гложет медвежью шкуру. Пуля в голову уложила зверя наповал.

Это было небольшое и тощее существо, но мы были чрезвычайно довольны, так как этот медведь избавлял нас от лишнего труда: не будь его, нам пришлось бы оттаивать медвежьи туши, чтобы вырезать из них себе мяса на дорогу. Они так окаменели на морозе, что не было никакой возможности разрезать эти туши на воздухе. Их пришлось бы внести в хижину, чтобы дать отмякнуть в тепле, а потом уже резать, и на все это требовалось много времени. Сегодня же ночью нас посетили два медведя, но от нарт с термометром, стоявших торчком в снегу к западу от хижины, звери повернули назад».

За завтраком 9 мая снова слышались снаружи медвежьи шаги и, опасаясь, что зверь доберется до наших запасов, сочли необходимым убить его. У нас уже было куда больше мяса, чем нужно, и мы в данную минуту вовсе не расположены были тратить патроны на этих зверей. Жаль только было оставлять здесь все эти прекрасные медвежьи шкуры. Близилось время отъезда, и мы с лихорадочным пылом готовились к нему. Одежда наша была уже приведена в порядок. Во вторник, 12 мая, у меня записано: «Сегодня я распротился со своими старыми брюками. Грустно было расставаться с ними, когда я думал, какую добрую службу они так долго служили мне верою-правдою. Но теперь они так отяжелели от жира и грязи, что весят в несколько раз больше прежнего, и если бы их выжать, то из них потекла бы ворвань. Бесспорно, очень соблазнительно надеть новые, легкие и мягкие брюки из шерстяных одеял, которые еще не успели пропитаться жиром. Впрочем, материал был довольно непрочный, и я немного боялся, что брюки протрутса прежде, чем мы доберемся до Шпицбергена. Чтобы сделать их более прочными, мы подшили к ним изнутри и снаружи заплаты из старых кальсон и рубашек.

В субботу, 16 мая, занимаясь наблюдениями возле хижины, я увидел на льду медведицу с крошечным медвежонком. Недавно я ходил по льду, и теперь звери обнюхивали мои следы. Впереди шла мать. Она влезала на каждый торос, на котором я побывал, сопела и

рассматривала следы, затем спускалась вниз и шла по следу дальше. Медвежонок трусил позади и подобно ребенку с забавной важностью копировал все движения матери. Наконец, им это прискучило, они двинулись к берегу и исчезли за холмом к северу от нас.

Немного погодя вышел Йохансен; я рассказал ему о медведях, прибавив: «Наверное, они скоро появятся; ветер дует от нас в ту сторону». Едва я успел произнести эти слова, как вдали показались оба медведя: вытянув шеи и поводя носами, они нюхали воздух и глядели на нас и на хижину. Мы не собирались убивать их, так как пищи у нас было вдоволь, но решили, что любопытно было бы подойти к ним поближе, посмотреть на них и, если удастся, напугать, чтобы избавиться от ночных визитов и спать спокойно. Когда мы приблизились, мать злобно зафыркала, она несколько раз повертывалась, как бы намереваясь пойти на нас, потом уходила, подталкивая перед собой детеныша, снова оглядывалась, будто желая получше разглядеть нас. Наконец, звери потихоньку поплелись своей дорогой, все время, однако, оглядываясь. Спустившись к берегу, они стали бродить между торосами. Я побежал за ними. Мать шла впереди, медвежонок трусил за ней в точности по ее стопам. Скоро я нагнал их.

Мать, увидев меня, бросилась бежать и хотела, чтобы медвежонок бежал так же быстро рядом с ней, но сразу же стало видно, что малыш быстрее меня бежать не может. Как только медведица обнаружила это, она повернулась, фыркнула и свирепо пошла прямо на меня. Я остановился и приготовился стрелять, если она подойдет слишком близко. Медвежонок между тем улепетывал со всех ног. Медведица остановилась в нескольких шагах от меня, фыркнула и зашипела, оглянувшись на детеныша и, убедившись, что тот отбежал уже на порядочное расстояние, бросилась за ним. Я опять кинулся вперед и стал нагонять медвежонка, и медведице снова пришлось повернуть. По-видимому, ей ужасно хотелось повалить меня; но детеныш успевал выиграть некоторое расстояние, и мать, не тратя лишнего времени, следовала за ним. Это повторялось несколько раз; затем они начали карабкаться на ледник – впереди медведица, за ней медвежонок. Но

малыш не поспевал, хотя изо всех сил старался ступать след в след с матерью по глубокому снегу; карабкаясь вверх, он поразительно напоминал мальчугана в плюшевых штанах. Он то и дело оглядывался наполовину со страхом, наполовину с любопытством. Трогательно было видеть, как мать беспрестанно потирапливала малыша, иногда подталкивала его головой, а на меня шипела и фыркала, хотя я совершенно спокойно стоял внизу, наблюдая за ними. Наконец, они добрались до гребня. Медведица остановилась, зашипела на меня пуще прежнего, пропустила медвежонка вперед, и оба исчезли по ту сторону ледника. Я вернулся к прерванной работе.

В последние дни в нашей хижине кипела лихорадочная работа. С каждым днем все больше не терпелось двинуться в путь, но многое еще оставалось сделать. Теперь-то мы ощутили по-настоящему отсутствие запасов «Фрама». Если там не хватало кое-чего, то здесь в сущности не хватало всего. Чего бы не дали мы теперь за один единственный ящик собачьих сухарей – для нас самих! – из огромных запасов «Фрама». Где взять теперь все, что нам нужно?.. «Для санной экспедиции необходим легкий питательный и вместе с тем разнообразный провиант, нужна легкая и теплая одежда, прочные и удобные нарты и т. п., и т. п.» Да, хорошо известны эти азбучные истины арктическим путешественникам. Правда, предстоявший путь был не особенно труден: все дело сводилось только к тому, чтобы добраться до Шпицбергена. Но все же путь был достаточно дальний, чтобы эти наставления имели свое значение и для нас.

Когда мы вырыли спрятанные в начале зимы запасы и открыли мешки, то обнаружилось, что там находятся лишь жалкие остатки когда-то хорошего провианта. Значительная часть его заплесневела, испортилась от осенней сырости. Мука, драгоценная овсяная мука, покрылась грибком, и ее пришлось выбросить. Шоколад растаял от влаги, его больше не существовало. Пеммикан имел какой-то странный вид. Попробовали его – тьфу! Пришлось выкинуть и его. Итак, осталось только немного рыбной муки, некоторое количество алейронатной муки и отсыревший, покрытый плесенью хлеб; мы все это прокипятили в

моржовом жире, отчасти чтобы просушить и отбить затхлый вкус и запах сырости, отчасти чтобы сделать продукты более питательными. Теперь хлеб показался нам превкусным, и мы бережно спрятали его на торжественный случай или на случай крайней нужды, когда не будет никакого другого продовольствия.

Мы ни о чем не тужили бы, если бы могли проявить медвежье мясо. Но погода стояла сырая и холодная, и повешенные вялиться ломти мяса высохли лишь наполовину. Ничего другого не оставалось, как взять с собой возможно больше разрезанного на куски сырого мяса и сала, какое только мы в состоянии были тащить с собой. Потом наполнили ворванью три жестяных бидона из-под керосина – такой запас топлива никогда не помешает. Для варки пищи в пути решили приспособить котелок от кухонного аппарата, а вместо горелки сделали чашку из нижней части резервуара от примуса: в ней мы жгли и куски сала и ворвань. Запасы пищи и топлива не отличались легкостью, но имели то преимущество, что могли быть, по всей вероятности, легко пополнены в пути. Дичи, надо надеяться, мы встретим вдоволь.

Хуже обстояло дело с короткими, обрубленными нартами. Удлинить их теперь невозможно. Но как же пробиваться вперед на этих о брубках, не разбив поставленных на них каяков о ледяные выступы и торосы? Если мы не найдем свободной воды на пути к Шпицбергену, то вынуждены будем тащиться по неровному дрейфующему льду с этими нартами, на которых каяки имеют точку опоры только в середине; оба конца – и нос и корма – свешиваются за пределы нарт; при малейшей неровности концы каяков неминуемо будут цепляться за лед, а это вряд ли благотворно отразится на их парусиновой обшивке. Необходимо было как-то предохранить каяки. Мы привязали к ним снизу медвежьи шкуры и устроили на нартах добавочные подпорки из уцелевших кусков дерева. Подпорки надо было сделать возможно длиннее, чтобы поднять повыше самые каяки и не дать им касаться льда. Веревки, чтобы привязать каяки, не было, и пришлось изготовить ремни из сырой медвежьей и моржовой кожи. А такими ремнями крепко не привяжешь. Все же преодолели и эту трудность и в конце концов хорошо и плотно

пригнали каяки к нартам. Чтобы концы каяков не поломались под тяжестью груза, самые тяжелые предметы положили в середину. Получилось хорошо.

Не менее трудным оказалось снарядиться в путь нам самим. Я уже упомянул, что мы сшили себе новую одежду, и на это столь неопытным портным пришлось потратить порядочно времени. Мало-помалу мы, впрочем, так наловчились, что имели, по-моему, все основания гордиться своей работой. И когда, наконец, облеклись в новое одеяние, вид у нас получился довольно приличный – так, по крайней мере, казалось нам. Новую одежду мы берегли и не торопились надевать, желая подольше сохранить ее во всей красе для путешествия. Йохансен, насколько мне помнится, так и не надел своей новой куртки вплоть до встречи с людьми. Он объявил, что хочет сохранить ее до того дня, когда прибудет в Норвегию, – ведь не может же он предстать перед соотечественниками каким-то морским разбойником!

Жалкие остатки нижнего белья перед отправлением в путь были тщательно выстираны, чтобы можно было двигаться, не натирая себе тела до крови. Стирка производилась способами, уже описанными выше. Вот с обувью дело было совсем плохо. Чулки мы кое-как себе сшили из медвежьей шкуры; труднее оказалось заменить подметки наших комаг, которые совсем почти протерлись. Мы, однако, ухитрились сделать нечто вроде подошв из моржовой кожи, выскоблив ее примерно до половины толщины, а затем вытянув и высушив над лампой. Эти подошвы пришили к нашим комагам по финскому способу. Травы Sennegrees у нас был еще запас порядочный, и поэтому удалось сделать комаги почти непромокаемыми. Таким образом, несмотря ни на что, одежда оказалась вполне приличной, хотя и нельзя сказать, чтобы она отличалась особой чистотой.

Для защиты от ветра и дождя сохранилось старое «ветряное» платье, которое мы постарались, как могли, заштопать и починить. Времени на эти починки ушло страшно много, так как одеяние это представляло в общем заплату на заплате; на нем, как говорится, живого места не было; стоило зашить одну дыру, как рядом, едва мы

напяливали одежду на себя, появлялась новая. Всего больше износились рукава; я взял да в конце концов и оторвал оба: по крайней мере не приходилось больше нервничать, глядя, как они дальше рвутся.

Весьма желательно было также иметь теплый и возможно более легкий спальный мешок. Того, с которым мы сюда прибыли, больше не существовало: его распорол и из шерстяных одеял пошили одежду. Теперь нужно было сшить новый спальный мешок из медвежьих шкур. Выбрав самые тонкие, мы сумели сделать новый мешок, лишь немногим тяжелее мешка из оленьей шкуры, взятого с «Фрама».

Труднее было устроить сносную палатку. Старая изодралась и насквозь просалилась за прошлогоднее пятимесячное путешествие; остатки ее были вконец уничтожены песцами, когда осенью мы прикрывали ею запасы мяса и сала, чтобы спасти их от чаек. Песцы либо изодрали и изгрызли все в клочья, либо растащили. Потом на снегу мы находили большие лоскутья этого плотного шелкового полотна. Долго прикидывали мы в уме, как соорудить себе новую палатку, и единственное, что могли придумать, это ставить двое наших нарт с каяками параллельно на расстоянии длины человеческого тела, сбивать из снега вал вокруг них, класть сверху поперек лыжи и бамбуковые лыжные палки и покрывать все двумя связанными вместе парусами, так, чтобы последние свешивались с обеих сторон до низу. Таким способом получался довольно сносный кров: каяки заменяли конек крыши, а паруса – боковые стенки палатки. Нельзя, конечно, сказать, чтобы такая палатка служила надежной защитой от ветра, и в пургу много хлопот доставляло затыканье щелей и отверстий «ветряной» одеждой и другими вещами.

Самой важной частью снаряжения было, конечно, огнестрельное оружие, которое, к счастью, находилось в довольно хорошем состоянии. Мы хорошо почистили ружья, смазали дула ворванью, а замки и затворы – оставшимся еще в небольшом количестве вазелином и ружейным маслом. Сосчитав патроны, мы, к величайшей радости, обнаружили, что у нас осталось еще около 100 ружейных патронов с пулями и 120

зарядов дроби. В случае надобности мы могли перезимовать еще не один раз, если бы это оказалось необходимым.

Глава двенадцатая Путешествие на юг

Наконец, во вторник, 19 мая, мы были готовы тронуться в путь. Нарты стояли нагруженные и увязанные. Напоследок сфотографировали хижину снаружи и внутри и оставили в ней следующее краткое описание нашего путешествия:

«Вторник, 19 мая 1896 г. Мы вмерзли в лед к северу от острова Котельного, приблизительно под 78°43 северной широты, 22 сентября 1893 г. В течение следующего года, как и было предусмотрено, нас несло на северо-запад. Йохансен и я покинули «Фрам» 14 марта 1895 г. примерно под 84°04 северной широты и 103° восточной долготы ^[346], имея целью достигнуть более высоких широт. Руководство экспедицией передано Свердрупу. К северу никакой земли не нашли. 8 апреля 1895 г., достигнув 86°14 северной широты и около 95° восточной долготы, вынуждены были повернуть назад, так как лед стал слишком тяжелым и непроходимым. Взяли курс на мыс Флигели, но наши часы остановились, и мы не могли с достаточной точностью определить долготу. 6 августа 1895 г. обнаружили четыре покрытых ледниками острова, расположенных в северной части этого архипелага, приблизительно под 81°30 северной широты ^[347] и примерно 7° восточнее данного места. Сюда прибыли 26 августа 1895 г. и нашли необходимым здесь перезимовать. Питались медвежьим мясом. Сегодня отправляемся на юго-запад вдоль земли, чтобы наикратчайшим путем добраться до Шпицбергена. Полагаем, что находимся на Земле Гиллиса.

Фритьоф Нансен».

Этот самый первый отчет о нашем путешествии был вложен в медную трубку – цилиндр от воздушного насоса примуса. Трубку заткнули деревянной втулкой и подвесили на проволоке под коньком крыши хижины.

В 7 ч вечера покинули наше зимнее логово и начали путь на юг. Проторчав целую зиму на месте, преимущественно в лежащем положении, мы разучились ходить, и нарты с нагруженными каяками

показались очень тяжелыми. Чтобы не слишком рьяно приниматься за дело, сначала поразмять суставы, а потом уже впрячься в лямку по - настоящему, в этот первый день шли всего несколько часов. Затем, очень довольные, расположились на стоянку. Каким блаженством было сознавать, что мы, наконец, снова в пути и на этот раз действительно идем к дому!

На следующий день (в среду 20 мая) переход был тоже небольшой. Шли курсом на юго-западный мыс, который стоял у нас перед глазами в течение всей зимы. За ним, судя по небу, должна была находиться открытая вода. С величайшим интересом ждали, в каком направлении оттуда потянется дальше земля. Если бы мы находились севернее мыса Лофлея, тогда земля здесь должна была повернуть в юго-восточном направлении. Если же, напротив, берег дальше шел на юго-запад, стало быть, мы были у какой-то новой земли, лежащей западнее, – возле Земли Гиллиса.

В четверг, 21 мая, добрались, наконец, до мыса и расположились на стоянку. Всю зиму его называли «Мысом Доброй Надежды», так как надеялись найти здесь водный простор, который облегчит движение вперед. Надежда не обманула нас. С горы я увидел недалеко к юго-западу открытую воду, а так же два новых острова, покрытых снегом, – один большой впереди на Ю 40° З (по компасу) и другой поменьше на Ю 85° З (по компасу). Они были целиком покрыты ледяными щитами правильной куполообразной формы. В каком направлении тянулся дальше берег, не было видно, так как южнее выступал высокий мыс. Но незаметно было, чтобы берег сворачивал на юго-восток; вероятность того, что мы находимся вблизи мыса Лофлея, отпадала. Теперь появилась надежда, что уже на следующий день можно будет спустить каяки на воду и быстро пойти на юго-запад. Но пришлось разочароваться. На следующий день разыгралась пурга, и ничего не оставалось делать, как сидеть на том же месте.

Утром, лежа в мешке и стряпая завтрак, я вдруг увидел медведя, спокойно проходившего мимо шагах примерно в двадцати от нас. Медведь взглянул раза два на нас и на каяки, но не понял, вероятно, что

это такое. Почуять людей он не мог, так как ветер дул прямо в нашу сторону, и поэтому продолжал свой путь дальше. Я позволил ему уйти, у нас еще было вдоволь пищи.

В субботу 23 мая та же дурная погода. Прошли немного вперед, чтобы выяснить состояние пути. Надо было узнать, можно ли сразу выбраться на открытую воду, которая лежала к западу от нас по ту сторону острова, или же придется идти на юг вдоль земли по береговому припаю. Подошли к скалистому мысу, который состоял из базальтовых столбов на редкость отчетливых форм, что побудило назвать этот мыс «Замком»^[348]. Здесь увидели, что земля дальше тянется к югу; открытая вода простиралась в том же направлении, от земли она была отделена только узкой полоской берегового припая. Так как лед пересекали бесчисленные трещины, решили переправиться на остров, лежавший к западу от нас, и попытаться оттуда возможно скорее выйти в море. Вернувшись назад, стали готовиться к морскому путешествию; прежде всего пришлось тщательно залить растопленным стеарином швы каяков, затем переложить груз так, чтобы можно было сесть внутри. На следующий день, в воскресенье, 24 мая, двинулись на запад по направлению к острову. Ветер дул восточный, и можно было приладить к нартам паруса; по ровному льду дело шло довольно быстро. Но когда мы стали подходить к острову, внезапно поднялся свежий юго-западный ветер. Нарты несколько раз опрокидывались. Пришлось отказаться от лавирования парусами и снять их. Небо заволокло облаками, спустился туман, и дальше к земле пришлось идти против сильного ветра.

Добраться до нее следовало как можно скорее, пока еще не началась буря. Но лед теперь стал предательским. Ближе к земле он весь был изрезан вдоль и поперек трещинами; заметить их было почти невозможно, так как сверху лед замело снегом. Пока Йохансен, остановившись, привязывал покрепче к палубе каяка свернутый парус и мачту, чтобы их не унесло ветром, я один поспешил вперед, к земле, чтобы отыскать там место для привала. Вдруг почва ушла у меня из-под ног, я очутился в воде, в трещине, хорошо замаскированной снегом. Выкарабкаться своими силами я никак не мог: лыжи были привязаны к

ногам и поднять их вместе со всей этой снежной слякотью и ледяной кашей, обрушившейся вместе со мной в воду, было невозможно. К тому же я был привязан к нартам лямкой и не мог повернуться. На счастье, удалось воткнуть лыжную палку с острым наконечником в лед по ту сторону трещины. Ухватившись за нее одной рукой, а другой уцепившись за край льда, я терпеливо дожидался, когда придет Йохансен и вытащит меня. Я был уверен, что он видел, как я провалился, но обернуться назад, чтобы проверить это, не мог. Время шло. Палка начала сдавать под моей тяжестью, а я стал погружаться все глубже и глубже. Холодная вода давала себя чувствовать выше поясицы... Я стал кричать, но не слышал ответа. Тогда я завопил во весь голос и, наконец, далеко позади послышалось ответное «охо!». Некоторое время спустя, когда вода уже дошла до груди и немного осталось до того, чтобы совсем уйти под лед, прибежал Йохансен и вытащил меня. Он был так занят своими нартами, что до самого последнего моего крика не заметил, как я упал в воду. Этот опыт научил меня осторожнее ходить по предательскому льду, тем более на крепко привязанных лыжах. Выбирая путь со всей возможной осмотрительностью, мы, наконец, добрались до земли и нашли там более или менее защищенное от ветра место для ночлега. Поражало обилие моржей, стада которых лежали вдоль всего берега около трещин. Пока что нас они не интересовали: запасы мяса и сала и без того достаточно давали себя знать нашим плечам.

В течение следующих дней продолжала бушевать непогода – дождь и ветер, и мы не могли тронуться с места.

Во вторник, 26 мая, в дневнике отмечено: «Вчера и сегодня задержаны ветром и дождем под стеной ледника на северной стороне того же острова. Снег мокрый, идти по нему куда бы то ни было невозможно; но надо надеяться, что неподалеку от берега есть полынья, по которой, вероятно, быстро двинемся вперед, как только, наконец, уляжется непогода. Тогда вознаградим себя за эту долгую проволочку». Но задержка продолжалась значительно дольше, чем мы предполагали.

В четверг, 28 мая, записано: «Вчера взбирались на остров и видели к югу открытое море, но непогода по-прежнему задерживает нас на месте. Передвинули немного нашу палатку, спасаясь от трещин; лед грозил разверзнуться прямо под нами. Здесь великое множество моржей. Когда ходим по льду, они сопровождают нас, выглядывая из трещин. Часто слышим, как они хрюкают и стучатся об лед прямо у нас под ногами».

В этот день, однако, буря несколько стихла, и удалось пройти на юг вдоль восточной стороны острова. В проливе между ним и другой землей в береговом припае образовалась широкая полынья. По всей видимости, здесь мелко и наблюдается быстрое течение, из-за которого полынья остается открытой. Два стада моржей лежали на льду по соседству с полыньей. Об этом в тот же вечер записано: «К одному стаду штук из девяти моржей я подошел, чтобы их сфотографировать. Подкрадывался к ним под прикрытием небольшого тороса. В ту самую минуту, когда очутился не более чем в футах 20 от них, одна самка с детенышем кинулась в воду через продушину, находившуюся поблизости. Другие моржи, однако, не шевельнулись, даже когда я стал кричать. Подошел Йохансен и стал бросать в зверей комьями снега и кусками льда. Но и это не произвело впечатления. Моржи только нагибались к комьям снега и обнюхивали их. Я продолжал фотографировать, потом подошел совсем вплотную. Часть зверей, наконец, приподнялась и отодвинулась ближе к продушине. Один даже нырнул, но остальные приготовились уснуть. Вскоре нырнувший вернулся обратно и вскарабкался на лед. Даже те двое, что лежали ко мне ближе всех, ничуть не шевельнулись; раза два они приподнимали немного головы, высокомерно поглядывали на человека, стоявшего в трех шагах от них, затем снова опускали головы и продолжали спать. Я ткнул им в морду заостренной палкой, но они едва пошевелились. Удалось снять довольно много фотографий. Найдя, что с меня их достаточно я на прощание еще раз сильно ткнул палкой в морду ближайшего моржа; тот приподнялся, сердито захрюкал и изумленно взглянул большими круглыми глазами, затем почесал у себя за ухом

одним из задних лап и спокойно улегся. Мы поехали дальше. Звери тотчас расположились на покой. Они громоздились огромными неподвижными тушами мяса, пока мы огибали мыс, и, наконец, исчезли за ним».

Потом снова поднялась вьюга, и нам опять пришлось несколько дней пережить непогоду на южной стороне острова.

«Пятница, 29 мая. Сидим на месте из-за непогоды».

«Суббота, 30 мая. Сидим все на том же месте и старательно затыкаем в палатке все щели, пытаюсь спрятаться от вьюги. Ветер кружит вокруг и атакует то одну стену, то другую. Нелегко оставаться хотя бы приблизительно сухими: ветер врывается в щели со всех сторон и заметает нас снегом вместе со спальным мешком. Затем снег тает, и все вещи промокают насквозь».

«Понедельник, 1 июня. Вчера, наконец, ветер мало-помалу затих, небо прояснилось, и к вечеру ярко засияло солнце. Радуюсь возможности снова пуститься в путь, приготовили каяки и все прочее к спуску на воду и заползли в спальник с тем, чтобы встать на следующее утро пораньше, в полной уверенности, что день будет хороший. Единственно, что нас немного смущало: барометр не только перестал подниматься, а скорее даже упал на один миллиметр. И действительно, ночью опять пришла непогода. Разыгралась метель, с той лишь разницей, что на этот раз ветер вращался по солнцу – признак, что непогода скоро пройдет. Это уже начинает надоедать, и я не шутя начинаю опасаться, что «Фрам» придет домой раньше нас. Вчера предпринял прогулку по острову. Видел много гусиного помета, а в одном месте даже белые скорлупки – несомненно от гусиных яиц. Назвали остров Гусиным» [\[349\]](#).

«Вторник, 2 июня. По-прежнему не можем никуда двинуться из-за непогоды. Сегодня ночью и днем ветер был сильнее прежнего. Только к вечеру начало понемногу стихать; небо по временам проясняется. Проглядывает солнце. Надеемся, что на этот раз не шутя наступит перемена к лучшему. Лежим здесь в снежном сугробе, все больше и больше мокнем и думаем о том, что вот уже июнь, на родине так хорошо сейчас, а мы прошли не дальше этого места. Но теперь, конечно, уже

недолго ждать. Скоро и мы будем там... Нет, лучше не думать об этом. Только бы нас не опередил «Фрам»! Если он вернется раньше, каково будет тем, кто ждет и не дожидается нас дома»!

В среду, 3 июня, наконец, смогли двинуться дальше. Но теперь западный ветер пригнал лед к берегу, и не стало более открытой воды, по которой можно идти к югу, продвигались вдоль земли по льду. Ветер дул с севера, и мы, поставив паруса на нарты, шли довольно быстро. Встретилось на льду несколько моржей. На воде их тоже было порядочно; они бесстрашно высовывали головы из трещин и все время хрюкали на нас.

Лед был удивительно тонкий и рыхлый, по мере продвижения к югу он становился все более дряблым. Массы снега, лежавшие на нем, отягощали лед настолько, что везде под снегом проступала вода. Необходимо было как можно скорее добраться до земли, так как южнее путь, по-видимому, еще хуже. На лыжах все-таки удавалось кое-как держаться на снегу, хотя частенько нарты и лыжи проваливались, и стоило немалых усилий вытащить их на более прочный лед.

Наконец, подошли к подножию высокой отвесной базальтовой скалы, сплошь усеянной люриками [\[350\]](#). В первый раз за все путешествие мы увидели такое огромное скопление этих птиц; раньше они попадались только отдельными парами. Сочли это за признак приближения к более обитаемым областям. Рядом с базальтовой скалой, к юго-востоку от нее, находилась небольшая скала, где гнездились глупыши (*Procellaria glacialis*). Запасы провианта стали заметно сокращаться. В последнее время очень надеялись на встречу с медведем; но теперь, когда мы в них нуждались, медведи, разумеется, не приходили. Надо было попробовать настрелять хотя бы птиц. Люрики летали слишком высоко, и удалось раздобыть только пару глупышей.

Проходя затем мимо лежавших на льду моржей, мы решили поэтому не пренебречь и таким блюдом и выстрелили по одному из них. Морж был убит наповал. Когда раздался выстрел, остальные звери слегка приподняли головы, но тотчас же опустил и и опять задремали. Свежевать добычу в окружении этих тварей было, конечно, немыслимо:

следовало как-нибудь спровадить их в воду. Двинулись к ним с криком и гиканьем, но они лишь тупо глядели на нас и не трогались с места. Тогда стали тыкать в них лыжными палками. Тут моржи рассердились и стали бить клыками в лед так, что полетели осколки, но двинуться с места не желали. Мы продолжали колотить и бить их, наконец удалось прогнать все стадо. Но произошло это не так-то скоро. Моржи не спешили, они отступали с достоинством – медленно, один за другим, величественной процессией доковыляли до воды, еще раз оглянулись на нас, недовольно похрюкали и затем бултыхнулись в воду [\[351\]](#).

Моржи отступали с достоинством

Пока сдирали шкуру и резали на куски их товарища, они беспрестанно показывались в трещине по соседству, хрюкали и выкидывались на лед, как бы требуя от нас объяснений, отчета в нашем поведении. Вырезав солидные порции мяса и сала, сколько казалось необходимым на ближайшее время, мы еще запаслись моржовой кровью и расположились поблизости на привал, где сварил и «кровяную кашу» – удивительное месиво из крови, рыбной и маисовой муки и сала.

На следующий день (в четверг, 4 июня) пошли по льду дальше на юг. Ветер все еще дул попутный, и нарты весело бежали под парусами. Подойдя к мысу, расположенному южнее, нашли открытую воду, простиравшуюся вплоть до покрытой ледником земли: пришлось спустить на воду каяки. Поплыли вдоль стены ледника по открытому морю – в первый раз за этот год [\[352\]](#).

Удивительное ощущение – снова держать в руках весла и видеть вокруг себя море, над которым стаями носятся птицы – люрики, кайры и моевки.

Земля была целиком укрыта ледником, и лишь в двух-трех местах на дневной свет выходили базальтовые скалы. На леднике виднелись морены. Немалым было наше изумление, когда на воде немного подальше от берега увидели стаю гаг. Некоторое время спустя увидели двух гусей, сидящих на берегу, и это зрелище позволило почувствовать себя вернувшимися на тракты цивилизации.

После двухчасовой гребли путь к югу снова преградил неподвижный лед: открытая вода повернула прямо на запад к земле, которую видели раньше; теперь ее закрыло туманом. Мы сильно колебались, какой путь выбрать: плыть ли по свободной воде на запад (этот путь должен был привести к Шпицбергену), либо, отказавшись от морского перехода, двигаться с нартami по ровному береговому припаю на юг. Хотя день был туманный, из-за чего видимость весьма сократилась, росло убеждение, что, продолжая путь по льду, мы в конце концов встретим чистую воду к югу от островов, среди которых теперь пробирались. Быть может, оттуда найдется более короткий путь к Шпицбергену. Между тем давно уже наступило утро нового дня (5 июня), и мы расположились на отдых, удовлетворенные тем, что прошли такое значительное расстояние к югу [\[353\]](#).

На следующий день (суббота, 6 июня) погода опять была туманная, так и не удалось разглядеть окрестностей. Дул сильный северный ветер. Двигаться по открытому морю на запад было бы более чем неосмотрительно; поэтому снова поставили паруса на нарты, и ветер понес нас лучше, чем когда-либо, по береговому припаю на юг. Временами нарты двигались без всяких усилий: мы оба стояли на лыжах – каждый около своих нарт, держась за руль (бамбуковую палку, крепко привязанную к носу каяков), и предоставляли ветру гнать нас вперед. При порывах ветра нарты просто летели, как пушинки. Случалось, конечно, тащиться немного и самим, но в общем недолго. Мы хорошо подвигались вперед и, чтобы дольше пользоваться попутным ветром,

продолжали идти до поздней ночи. Пересекли широкий пролив [\[354\]](#), расположенный к югу от нас, и не остановились, пока не облюбовали себе стоянку близ острова, на южной стороне пролива.

На следующий вечер (в воскресенье, 7 июня) опять пошли дальше по льду на юг, при том же самом попутном северном «парусном» ветре. Хотелось добраться до земли, прежде чем придет время остановиться на новый привал, но она оказалась дальше, чем мы предполагали. Позже, уже за полдень (в понедельник, 8 июня), застигнутые штормом, вынуждены были остановиться на льду.

В моем дневнике за этот день записано: «По пути постоянно открываются на юге новые острова и земли. К западу от нас лежит большая, покрытая снегом земля; она, по-видимому, простирается довольно далеко к югу». Эта покрытая снегом земля казалась крайне загадочной; на ней нельзя было обнаружить ни одного темного пятна – повсюду сплошь лед и снег. Ясное представление о ее размерах трудно было составить, так как мы видели ее только по отдельным кускам, даже когда туман немного рассеялся. Высота ее казалась как будто незначительной, но по всему чувствовалось, что по протяженности она превосходит все земли, мимо которых нам пришлось пройти [\[355\]](#). На востоке по мере продвижения вперед тоже открывались один за другим острова с проливами и фьордами, и их тщательно наносили на карту. Но и они не помогли выяснить, где же мы находимся. Загадка становилась все более неразрешимой. Виденное нами казалось просто сборищем малых островов и островков, и непосредственно между ними открывался вид на то, что мы считали большим морем, лежащим к востоку.

Здесь лед сильно отличался от того, который мы видели севернее, вблизи зимней хижины; он был гораздо тоньше и покрыт глубоким снегом. Идти по нему с нартами трудно. На следующий день (во вторник, 9 июня) снег стал вдобавок подлипать к лыжам и полозьям, и двигаться было еще тяжелее. Только благодаря попутному ветру мы, несмотря ни на что, шли вперед довольно быстро. И вот, когда, подгоняемые ветром, мчались с особенной быстротой и находились у самой земли, Йохансен вдруг провалился вместе с нартами. Лишь с

большим трудом удалось ему пятась против ветра, вы карабкаться с нартами на более прочный лед. Приближаясь к этому месту, я тоже заметил, что снег впереди имеет подозрительно темный цвет, и почувствовал, что лыжи начинают погружаться в него; к счастью, еще было время, чтобы успеть повернуться круче к ветру, и никакой беды со мной не случилось. Пришлось убрать паруса и сделать большой крюк к западу, прежде чем снова можно было продолжать путь под парусами.

На следующий день снег был все такой же талый, липкий, но ветер посвежел, и нарты неслись вперед с огромной скоростью. Так как земля, которая лежала к востоку от нас ^[356] и вдоль которой мы двигались теперь, повернула на юго-восток, то отошли от нее и направились к самому южному мысу другой земли, расположенной на юго-западе ^[357]. Все это запутывало нас чем дальше, тем больше. Мы полагали, что прошли в этот день 3 мили и считали себя под 80°08 северной широты, а между тем к югу от нас все еще виднелась земля. Если она будет тянуться в том же направлении и дальше, то, значит, мы не на Земле Франца-Иосифа. Пока же я все еще колебался насчет этого. При таком тумане разглядеть что-либо вдали было невозможно, и притом странно было то, что берег на восток от нас начинал как будто уклоняться в восточном направлении. Это, пожалуй, совпадало с направлением пролива Маркхема на карте Лей-Смита. В таком случае мы шли на юг по какому-то неизвестному проливу, которого не видел ни он, ни Пайер, и, следовательно, вычисленная долгота была вовсе не так уж далека от истинной. Но нет, не могли же мы на пути с севера пересечь открытые Пайером ледник Дове и многочисленные острова и не заметить их! Должно быть, это какая-нибудь земля, лежащая западнее, между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенom. Неужели карта Пайера до такой степени неверна?

Мне очень хотелось поскорее подойти к земле на юго-западе, но остановку пришлось все же сделать на льду, – до земли было слишком далеко. «Запасы истощаются. Мяса осталось всего на один день, а вокруг нет ничего живого, ни одного тюленя на льду, да и открытой воды нигде не видно. Как долго это еще продлится? Если мы в самое

ближайшее время не доберемся до открытой воды, где есть дичь, дело может кончиться печально».

«Вторник, 16 июня. Последние дни так богаты событиями, что некогда было писать. Постараюсь сегодня наверстать упущенное. Погода великолепная, и солнце заглядывает в палатку. Перед нами расстилается голубое сверкающее море, и я лежу, воображая, что это июньское утро дома.

В пятницу, 12 июня, поставив паруса, тронулись в 4 ч утра. За ночь подморозило, и поэтому путь стал опять несколько лучше. Ночью дул ветер, и мы надеялись, что день будет хороший. Накануне вечером прояснилось, и, наконец, удалось хорошенько рассмотреть окружающие земли. Острова к востоку исчезли, с ними распростились еще накануне. Теперь видно также, что землю, находящуюся к западу от нас, пререзает широкий пролив ^[358] и что это, следовательно, не сплошная суша, как представлялось вначале.

Земля, находившаяся к северу от пролива, теперь так далека от нас, что я едва различаю ее.

Ветер почти совсем затих, да и лед становится все более и более неровным. Ясно, что мы вошли в смерзшийся плавучий лед. Идти стало труднее, нежели можно было ожидать. Судя по виду неба, дальше к югу должна была встретиться чистая вода. Пройдя немного, к нашей радости, услышали шум прибоя. В 6 ч утра остановились передохнуть. Взобравшись на торос для определения долготы, я увидел невдалеке и самую воду. С более высокого падуна (обломка глетчера), лежавш его чуть подальше, можно было рассмотреть, что она простирается по направлению к мысу, находящемуся на юго-западе. Хотя ветер принял более западное направление, все же мы надеялись проплыть вдоль кромки льда под парусами, а поэтому решили подойти к воде наикратчайшим путем. Вскоре были уже там, куда стремились; вот, наконец, опять перед нами расстилалась голубая водная поверхность. Не теряя времени, связали вместе наши каяки, подняли паруса и пустились в плавание. Надежды не обманули нас: каяки прекрасно шл и под парусом в течение всего дня. Временами ветер так свежел и каяки с

такой силой рассекали волны, что их заливало водой. Но мы двигались вперед, а раз так – что за беда, если и промокнем немножко! Вскоре миновали мыс [\[359\]](#), к которому направлялись, и здесь увидели, что земля поворачивает на запад. Кромка невзломанного берегового припая простиралась в том же направлении, и впереди была чистая вода. В отличном настроении поплыли дальше вдоль кромки. Наконец-то мы на южной стороне той земли, вдоль берегов которой пришлось идти столько времени и на которой провели долгую зиму».

Более чем когда-либо меня поражало то, что этот южный берег отлично согласовался с очертанием берега Земли Франца-Иосифа на карте Лей-Смита и вообще окрестностями его зимовья. Но я вспомнил карту Пайера и отбросил эту мысль.

Вечером пристали к кромке льда, чтобы немного поразмять ноги, – они совсем затекли от сидения в каяке в течение целого дня. Да кроме того, хотелось бросить взгляд на запад, посмотреть, каков там путь. При высадке возник вопрос о том, чем закрепить наши драгоценные суда.

– Возьмем один из ремней, – сказал стоявший на льду Йохансен.

– А выдержит ли он?

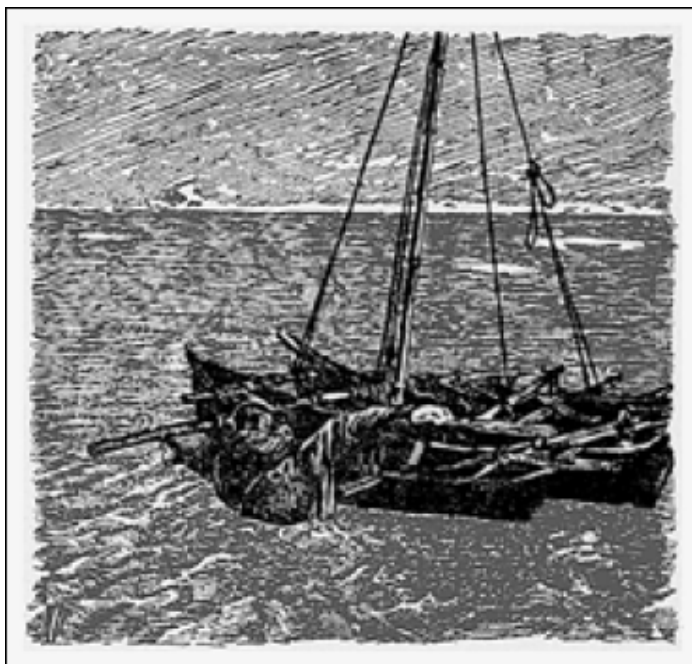
– Ну, как же! Он мне все время служил фалом для прикрепления паруса к нартам, – ответил Йохансен.

– Ну, да и много ли нужно, чтобы удержать эти легкие каяки? – согласился я, немного стыдясь своей излишней боязливости, и закрепил каяки самодельным брасом, или, проще говоря, ремнем, вырезанным из сырой моржовой шкуры.

Мы походили некоторое время взад и вперед по льду возле каяков. Ветер немного стих и стал еще более западным; сомнительно было, удастся ли использовать его в дальнейшем. Взобрались на один из ближайших торосов, чтобы решить этот вопрос. Вдруг Йохансен вскрикнул: «Каяки уносит!» Оба мы со всех ног бросились вниз. Но каяки отплыли уже довольно далеко и быстро удалялись: ремень наш лопнул. «Держи часы! – крикнул я, сунул часы Йохансену и побежал быстро, как только мог, сбрасывая с себя на бегу одежду, чтобы легче было плыть. Снять с себя все я, однако, не рискнул, боясь заоченеть. Я

прыгнул в воду и поплыл. Ветер, дул со льда и без труда уносил легкие каяки с их высокими снастями. Они отошли уже далеко и с каждой минутой уплывали дальше. Вода была холодна, как лед, плыть в одежде было очень тяжело, а каяки все несло и несло ветром, куда быстрее, чем я мог плыть. Казалось более чем сомнительным, чтобы мне удалось их догнать. Но вместе с каяками уплывали все наши надежды: все наше достояние было сложено в каяках, мы не взяли с собою даже ножа. Так не все равно: пойду ли я, окоченев, ко дну или же вернусь назад без каяков?

Я напрягал все силы; устав, перевернулся и поплыл на спине. Видно было, как Йохансен беспокойно ходит взад и вперед по льдине. Бедняга! Он не мог устоять на месте и был в отчаянии оттого, что сам ничего не мог предпринять. Он мало надеялся, что мне удастся поймать каяки, но чем бы он помог, бросившись вслед за мной в воду? Потом он говорил, что худших минут никогда не переживал. Я же, вновь перевернувшись, увидел, что расстояние между мной и каяками сокращается; это придавало бодрости, и я приналег с новыми силами. С каждой минутой, однако, руки и ноги коченели, теряли чувствительность, я понимал, что скоро уже не в силах буду двигать ими. Но теперь уже было не так далеко. Только бы выдержать еще немного, и мы будем спасены... Ия держался. Слабее и слабее становились удары, но расстояние тоже сокращалось. Забрезжила надежда, что я поймаю каяки. Вот, наконец, я мог достать одну из лыж, лежавшую поперек кормы. Я ухватился за нее, подтянулся к краю каяка и подумал: «Мы спасены!»

Спасены!

Рисунок

Затем я попытался влезть в каяк, но заоченевшее тело не слушалось меня. Было мгновение, когда мелькнуло в голове: «Все -таки слишком поздно; я плыл такую даль напрасно, – мне не влезть в каяк». Но через несколько секунд удалось -таки закинуть одну ногу за край стоявших на палубе нарт и кое-как вскарабкаться наверх. И вот я в каяке. Тело заоченело до такой степени, что я почти не в силах был грести. Да и нелегко было одному действовать веслом в связанных вместе каяках. Но и развязывать их не было времени. Я бы, наверное, окончательно замерз, прежде чем справился бы с этим делом. Оставалось грести изо всех сил, чтобы согреться, и я стал понемногу продвигаться против ветра к краю льда. Холод, казалось, лишил тело чувствительности, но когда налетали шквалы ветра, меня сквозь тонкую мокрую шерстяную фуфайку пронизывало насквозь. Я дрожал и стучал зубами, готовый потерять сознание, но продолжал все же работать веслом, смутно понимая, что смогу согреться к тому времени, когда пристану ко льду.

Впереди я заметил на воде двух кайр. Мысль раздобыть птицу на ужин была слишком соблазнительна: мы уже ощущали недостаток в пище. Я достал ружье и уложил птиц одним выстрелом. Йохансен, как он

потом рассказывал, вздрогнул при звуке выстрела, он не мог сообразить, что там случилось со мной, и подумал, что произошло несчастье. Когда же он увидел, что я заворачиваю и вылавливаю птиц, то решил, что я рехнулся. Наконец, удалось дотянуть до кромки льда, но течением каяки отнесло далеко от того места, где мы пристали раньше. К счастью, прибежал Йохансен, он прыгнул в другой каяк, и вскоре мы подплыли к нужному месту. С большим трудом я выбрался на лед. Пока Йохансен стаскивал с меня мокрую одежду и натягивал на меня те немногие сухие вещи, которые еще оставались в запасе, я переминался с ноги на ногу, дрожа всем телом. Потом он разостлал на льду спальный мешок, и я заполз в него как можно глубже. Поверх мешка Йохансен набросил парус и все, что только мог найти, стараясь получше укрыть меня от холодного ветра. Долго я лежал так, содрогаясь от холода, пока мало-помалу по телу не стала разливаться теплота. Тем временем Йохансен устанавливал палатку и готовил ужин из кайр. А я мирно заснул. Йохансен дал мне спокойно выспаться.

Когда я проснулся, ужин давно был готов и подогревался на огне. Кайры и горячий суп скоро изгладили последние следы купания в ледяной воде.

Так как приливное течение было в этом месте весьма стремительно, а попутного ветра, который позволил бы идти под парусом, не было, пришлось выжидать смены течения (чтобы не идти против течения). Лишь поздним вечером следующего дня опять тронулись дальше. Шли на веслах довольно быстро до самого утра (14 июня), когда подплыли к большим залежкам моржей на льду.

Наши запасы мяса к этому времени совершенно иссякли, если не считать нескольких кайр, которых удалось убить в течение дня; сала оставалось несколько кусков. Больше всего, конечно, хотелось добыть медведя, но они не попадались. Приходилось удовлетворяться моржовым мясом. Причалив, под прикрытием тороса мы подошли к одному стаду почти вплотную. Легче всего было справиться с молодым моржом, а их здесь было много. Я убил сперва одного совсем маленького, потом еще одного. Взрослые звери при звуке первого выстрела вскочили и стали

озираться вокруг. При втором – стадо устремилось в воду. Но самки не хотели покидать своих мертвых детенышей. Одна из них обнюхивала и подталкивала своего. Она не понимала, что с ним такое приключилось, видела только, что из головы у него течет кровь. Моржиха стонала и жалобно плакала, как человек. Наконец, когда стадо бросилось в воду, она тоже принялась толкать детеныша перед собой к воде. Боясь потерять добычу, я кинулся спасать ее. Но мать оказалась проворнее меня: она обхватила детеныша одним из передних ластов и с молниеносной быстротой исчезла с ним в глубине. То же самое сделала и вторая моржиха [\[360\]](#).

Все это произошло с такой быстротой, что я сообразить не успел и остался стоять у кромки льда, разинув рот. Я думал, что детеныши всплывут, но они исчезли. Пришлось пойти к другому стаду, где тоже были детеныши, и застрелить одного из них. Но, умудренный опытом, я убил также и мать. Трогательно было смотреть, как, прежде чем моя пуля пронзила ее, она склонилась над мертвым детенышем и обхватила его лапами, да так и застыла мертвая. Теперь у нас было мяса и сала вдоволь на долгое время, к тому же превкусного мяса: жареные лопатка и грудинка молодого моржа напоминали вкусом рагу из барашка. Вдобавок раздобыли еще дюжину кайр, и наша кладовая стала опять полна. Если бы понадобился еще провиант, на воде всегда можно было подстрелить кайр и другой съедобной дичи. Нужда миновала. Моржей здесь было без счета. Велики были их залежки на льду; еще больше их было в воде. В некотором отдалении море буквально кипело от моржей, больших и малых. Если я скажу, что мы видели их по меньшей мере сотни три, то ни в коем случае это не будет преувеличением.

Отплыли дальше мы на следующее утро (понедельник, 15 июня) в половине второго при чудной тихой погоде. Так как в море развелось много моржей, грести в одиночку было рискованно и решили на первых порах на всякий случай связать каяки. Теперь уже было известно, как назойливы бывают эти молодцы. Накануне они ныряли совсем рядом с каяками и долго следовали за нами по пятам, не причиняя, однако, никакого вреда. Я склонен был думать, что все это с их стороны одно

любопытство, и полагал, что они в сущности не опасны. Но Йохансен сомневался в этом. Он напомнил, что мы уже имели случай убедиться в противоположном, и уверял, что осторожность во всяком случае не повредит. Весь день встречали стада моржей, которые иногда окружали каяки кольцом. Мы шли, придерживаясь кромки льда, и когда какой-нибудь морж подплывал слишком близко, причаливали ко льду там, где под водой выступала ледяная подошва ^[361]. Проплывали мы и мимо крупных лежбищ моржей и долго слышали за собой, как они ревели, словно коровы.

Пока плыли вдоль земли, все шло хорошо. Но, к несчастью, над землей висел плотный туман и невозможно было разобрать, пр олив или ледник просвечивает сквозь него между темными пятнами скал. Очень хотелось получше рассмотреть эту землю, так как подозрение, что мы находимся поблизости от селения Лей-Смита, укреплялось ^[362]. Наша широта, так же как направление береговой линии и расположение островов и проливов, слишком хорошо согласовались с его данными, чтобы мыслимо было допустить существование другой такой же островной группы на небольшом расстоянии между Землей Франца-Иосифа и Шпицбергенем; такое сходство было бы чересчур замечательным. Кроме того, на дальнем западе виднелась земля, которая в таком случае могла находиться в самой непосредственной близости к Северо-Восточной Земле. Но как же тогда быть с картой Пайера? Йохансен справедливо доказывал, что Пайер не мог сделать таких грубых ошибок, какие приходилось в таком случае допустить ^[363].

Позже утром в течение некоторого времени мы гребли, не видя вокруг такого множества моржей, и поэтому чувствовали себя в относительной безопасности. Но вдруг на некотором расстоянии впереди нас из воды вынырнул какой-то одинокий бродяга. Йохансен, шедший впереди, причалил ко льду. Я, хотя и думал, что эта предосторожность излишняя, тоже готовился последовать его примеру. Но не успел: рядом со мной из воды вдруг поднялся морж, бросился к борту моего каяка и, положив передние лапы на палубу, попытался опрокинуть каяк, ударяя бивнями в борт. Я старался, как мог, сохранить равновесие и изо всех

сил колотил зверя веслом по голове. Но он еще крепче вцепился в каяк и так накренил его, что палуба оказалась почти под водой. Затем морж отпустил каяк и высоко привстал в воде. Я схватил ружье, но в то же мгновение морж повернулся и исчез так же быстро, как появился.

Все это произошло, как говорится, в мгновение ока, и я только что собирался сказать Йохансену, что мы благополучно отделались, как заметил вдруг, что ноги у меня мокрые. Я прислушался и услышал журчание набравшейся в каяк воды. Повернуть его и пристать к ледяному выступу было делом нескольких секунд, но тут -то я и начал тонуть, так как каяк быстро наполнялся водой. Надо было побыстрее выбираться из него на лед. Край льда был высокий и рыхлый, я все же вскарабкался, а Йохансен, накренив тонущий каяк на правый борт так, что пробоина оказалась над водой, подвел его к такому месту, где край льда был пониже и где мы могли общими силами втащить каяк на лед. Все пожитки плавали внутри каяка, насквозь промокшие. Больше всего удручало то, что вода попала в фотографический аппарат; пожалуй, и драгоценные фотографии должны были погибнуть.

И вот сидим на льду, разложив вокруг себя для просушки наше имущество, в том числе и каяк, требующий – до новой встречи с моржом – основательного ремонта. Морж пропорол здоровую дыру, по крайней мере сантиметров в пятнадцать длиной. Хорошо еще, что своими клыками он не поранил мне ногу. Плохо бы нам пришлось, если бы мы успели отплыть подальше от края льда или же не находились почти рядом с таким удобным для высадки местом. Да, тогда бы мне, пожалуй, было несдобровать. Спальный мешок насквозь промок. Мы его хорошенько выжали, вывернули мехом наружу и отлично провели в нем ночь».

В тот же день вечером я записал:

«Сегодня мы починили мой каяк и залили все швы на обоих каяках стеарином. Теперь можно надеяться, что они не будут больше пропускать воду. Моржи расположились вокруг нас в воде и, сопя и хрюкая, плят на нас свои большие круглые глаза. По временам они взбираются на край льда, будто намереваясь прогнать нас».

Глава тринадцатая Встреча

«Вторник, 23 июня.

Do I sleep? Do I dream?

Do I wonder and doubt?

Are thing what they seem?

Or is visions about?[\[364\]](#)

Что произошло? Я все еще как-то не могу постичь этого. Как богата неожиданностями жизнь путешественника-исследователя! Несколько дней тому назад я плыл в ледяной воде, догоняя каяки и спасая нашу жизнь, отбивался от моржей, жил жизнью дикаря, так же как мы жили в течение года с лишним, и был уверен, что нам предстоит еще долгий путь по льду и морю через неведомые страны, прежде чем мы встретим какое-нибудь человеческое существо, путь, полный тех превратностей и разочарований, к которым мы уже так привыкли. И вдруг – я опять живу жизнью цивилизованного европейца, окруженный всем комфортом и всеми благами прогресса, имея в избытке воду, мыло, имея полотенца, чистую и мягкую шерстяную одежду, книги и все, о чем мы вздыхали больше года!

Было уже за полдень, когда я вылез 17 июня из палатки, чтобы приготовить завтрак. Я сходил к кромке льда, зачерпнул соленой воды для супа, развел огонь, покрошил мяса, положил его в котелок и уже начал снимать с одной ноги комаги, чтобы заползти снова в мешок, когда заметил, что туман над землей несколько поредел. Я решил, что весьма недурно воспользоваться случаем, обозреть немного окрестности, обулся снова и взобрался на соседний торос. С земли тянул слабый ветерок, принося с горы смешанный гул многих тысяч птичьих криков.

Я стоял, прислушиваясь к этим голосам кипучей жизни и наблюдая, как стаи кайр проносятся взад и вперед над головой. Взгляд скользил по берегу, то задерживаясь на миг-другой на голых темных утесах, то блуждая по холодным ледяным равнинам и глетчерам земли, которую я считал не видевшей до сих пор взора человеческого, не тронутой ногой человека, покоящейся испокон веков в своем арктическом величии под покровом тумана... Вдруг до моего слуха донесся звук, до того похожий

на лай собаки, что я вздрогнул... Звук повторился раза два, не больше, но сомнения не было – это лаяла собака. Я напряг слух, но ничего больше не услышал, кроме того же кипучего гула тысяч птиц. Нет, я, вероятно, ошибся. Слышны были одни лишь кайры. И снова взор мой стал скользить по проливу и островам, лежавшим на западе. Но вот снова послышался лай, сначала отрывистый, потом залихватый, громкий. Собаки лаяли в два голоса – один густой, другой более тонкий, звонкий. Сомнения больше не было. Я сразу вспомнил, что накануне дважды слышал треск, похожий на выстрел, но решил тогда, что это ломает лед...

Я закричал Йохансену, который еще спал, что с берега слышен лай собак.

Он выскочил из мешка и кубарем выкатился из палатки... Собаки?.. Сначала Йохансен не мог никак понять, что такое я говорю. Он решил сам взобраться наверх, чтобы послушать собственными ушами. Оставив его на торосе, я пошел доваривать завтрак. Раз два Йохансену, действительно, слышалось нечто вроде собачьего лая, но звуки эти тонули в шуме птичьих голосов, и в конце концов он стал уверять, что и я ничего другого не слышал. Мне пришлось сказать, что он может думать, как ему угодно, а я с нетерпением жду возможности поскорее проглотить завтрак и возможно быстрее тронуться в путь.

Я всыпал в суп последние остатки маисовой муки, уверенный, что к вечеру у нас будет мучной пищи вдоволь. Закусывая, мы рассуждали о том, кто бы это мог быть – соотечественники или англичане? Если это английская экспедиция, которая, когда мы уезжали, собиралась отправиться на Землю Франца-Иосифа, то что же нам тогда делать? «Ну, проведем с ними пару дней, – сказал Йохансен, – а затем отправимся дальше на Шпицберген: иначе ведь придется слишком долго ждать нашего возвращения домой». По этому вопросу мы оба пришли к единому мнению, порешив, конечно, раздобыть у них немного хорошего продовольствия на дорогу. Во время моего отсутствия Йохансен должен был остаться присмотреть за каяками, чтобы их не унесло вместе со льдом. Я взял лыжи, бинокль, ружье. Перед уходом решил еще раз

взобраться наверх, послушать и наметить себе дорогу по неровному льду. Но ни звука более, похожего на собачий лай, – только гоготание и хохот кайр и люриков да резкие выкрики моевок. Не их ли, в самом деле, я слышал? Сбольшими сомнениями отправился я в путь.

И вдруг на снегу я увидел перед собой свежие следы. Это не мог быть песец; следы были слишком крупны. Собачьи? Но разве собака могла быть здесь ночью, на расстоянии каких-нибудь двухсот шагов от нас, и не залаять? Неужели мы могли не услышать ее? Все это казалось невозможным. Но чьи же тогда это следы? Волчьи? Одолеваемый самыми невероятными мыслями, полный то надежд, то сомнений, я шел вперед. Неужели все наши труды, все наши тревоги, страдания, лишения кончатся здесь? Просто не верилось. Однако... Из туманной страны сомнений вдруг ярко забрезжил свет надежды: до моего слуха снова донесся несколько раз лай, более ясно, чем прежде. И тут же все чаще стали встречаться по пути следы, которые могли быть только собачьими. Между ними попадались и следы песцов, но какими мелкими казались они рядом с собачьими! Затем долгое время не слышно было ничего, кроме птичьего гама.

Снова вернулись сомнения: не воображение ли подшутило надо мной? Но ведь замеченные мною самые что ни на есть подлинные собачьи следы не могли быть плодом воображения! Но если здесь были люди, то едва ли мы находимся на Земле Гиллиса или на какой-то новой земле, как думал я всю зиму. Тогда мы, значит, стоим на южной стороне Земли Франца-Иосифа и появившееся у меня несколько дней назад подозрение вполне правильно: мы прошли на юг через неизвестный пролив и вышли между островом Гукера и островом Нордбрук, а теперь находимся на этом последнем, – хотя это и не вязалось никак с картой Пайера.

С самыми странными, путающимися мыслями продвигался я, прокладывая путь к берегу среди массы торосов и бугров. И вдруг мне показалось, что я слышу человеческий голос, чужой голос, первый за три года!.. Сердце забилося, кровь прилила к голове. Я взбежал на торос и закричал во всю силу своих легких. За этим человеческим голосом,

раздавшимся среди ледяной пустыни, за этой вестью жизни скрывалась родина и все то, что заключало в себе это слово. Родина стояла у меня перед глазами, пока я пробирался между ледяными глыбами и торосами так быстро, как только могли нести лыжи. Скоро я снова услышал крик, и с одного из ледяных хребтов разглядел темную фигуру, движущуюся между торосами. Это была собака; но за нею подалась другая фигура... Человек! Кто это мог быть? Джексон или один из его спутников? Или, быть может, кто-нибудь из моих соотечественников?

Мы быстрыми шагами приближались друг к другу; я замахал шляпой, он сделал то же. Я услышал, что человек окликнул собаку. Прислушался – он говорил по-английски. Когда я подошел ближе, мне показалось, что я узнаю мистера Джексона, которого видел, помню, один раз. Я приподнял шляпу, мы сердечно протянули друг другу руки.

– How do you do? [\[365\]](#)

– How do you do?

Над нами нависал туман, отгораживавший от остального мира. У ног громоздился исковерканный сжатиями плавучий лед. Вдали сквозь туман маячил клочок земли. А кругом – только лед, глетчеры и туман. С одной стороны стоял европеец в клетчатом английском костюме и высоких резиновых сапогах, цивилизованный человек, гладко выбритый и подстриженный, благоухающий душистым мылом, аромат которого издали воспринимало острое обоняние дикаря; с другой – одетый в грязные лохмотья, перемазанный сажей и ворвань дикарь, с длинными всклокоченными волосами и щетинистой бородой, с лицом настолько почерневшим, что естественный светлый цвет его нигде не проступал из-под толстого слоя ворвани и сажи, выросшего за зиму и не поддававшегося ни обмыванию теплой водой, ни обтиранию мхом, тряпкой и даже скоблению ножом. Ни один из нас не знал, кто, собственно, стоит перед ним и откуда он пришел.

– I am damn'd glad to see you.

– Thank you, I also. Have you a ship here?

– No, my ship is not here. How many are there of you?

– I have one companion at the ice-edge [\[366\]](#).

Продолжая говорить, мы пошли по направлению к земле. Я решил, что он узнал меня или во всяком случае догадался, кто скрывается под этой дикой внешностью, – вряд ли он мог так сердечно встретить совершенно незнакомого человека. Но вот, при каком-то оброненном мною слове, он вдруг остановился, пристально посмотрел на меня и быстро спросил:

– Arn't you Nansen?

– Yes. I am.

– By Jove! I am glad to see you [\[367\]](#).

И, схватив мою руку, он снова потряс ее. Лицо его озарилось самой приветливой улыбкой и темные глаза засветились радостью от столь неожиданной встречи.

– Where have you come from now?

– I left the Fram in 84° N. lat. after having drifted for two years and reached the 86°15 parallel, where we had to turn and make for Franz -Josef Land. We were, however, obliged to stop for the winter somewhere north here, and are now on our route to Spitzbergen.

– I congratulate you most heartily, you have made a good trip of, and I am awfully glad to be the first person to congratulate you and your return [\[368\]](#).

Он опять схватил мою руку и горячо потряс ее. Невозможно было приветствовать более искренне; это рукопожатие не было пустой формальностью. С английским гостеприимством он тотчас же заявил, что у него для нас «plenty of room» [\[369\]](#) и что он ожидает прибытия своего судна со дня на день. Под plenty of room, как я установил потом, он подразумевал несколько квадратных футов пола в его хижине, не занятых ночью его спящими товарищами. Но «в тесноте, да не в обиде».

Встреча с Джексоном

При первой возможности я спросил, что делается дома; Джексон сообщил, что два года назад, когда он уезжал, жена и дочь мои чувствовали себя превосходно. Потом я спросил о Норвегии, о ее политических делах, но об этом он ничего не знал, из чего я заключил, что все там обстоит благополучно.

Джексон предложил тотчас же отправиться за Йохансеном и за нашими вещами, но я ответил, что втроем нам будет тяжело дотащить нарты по этому исковерканному льду, и попросил, если у него достаточно людей, послать несколько человек. Чтобы известить Йохансена о нашей встрече, мы дали по два выстрела каждый.

Вскоре мы встретили идущих навстречу нескольких человек, это были помощник начальника экспедиции мистер Эрмитедж (Armitage), химик и фотограф мистер Чайльд (Child) и доктор мистер Кетлитц (Koetlitz). Когда они приблизились, Джексон знаком дал им понять, кто я такой. Снова последовали сердечные приветствия. Потом мы встретили и других: ботаника мистера Фишера (Fisher), мистера Бургеса (Burgess) и финна Бломквиста (Blomqvist), настоящее его имя Меле ниус. Фишер впоследствии говорил мне, что еще издали, увидав человека на льду, он сразу же подумал, что это должен быть я, но, когда разглядел меня, то отверг эту мысль: он слышал, что я блондин, а увидел черномазого, с черными, как крыло ворона, волосами и бородой.

Когда все собрались, Джексон сказал, что я достиг 86°15 северной широты, и из семи здоровых глоток вырвалось в мою честь троекратное английское «ура», так, что эхо прокатилось над торосами. Джексон тотчас послал товарищей взять нарты и отправиться к Йохансену, а мы пошли к дому экспедиции, который, приглядевшись, я стал различать на берегу.

Джексон сказал, что у него есть письмо ко мне из дому; он брал его с собой, отправляясь на Север и прошлой весной и нынешней на случай, если мы встретимся. В разговоре выяснилось, что в марте Джексон лишь немного не дошел до нашего зимовья [\[370\]](#). Ему пришлось вернуться, так как путь преградила открытая вода, та самая открытая вода, темный отблеск которой мы видели всю зиму. Только когда мы подошли к дому, Джексон спросил о «Фраме» и нашем дрейфе, и я вкратце рассказал ему нашу сагу. Впоследствии он признался, что все время с момента встречи был уверен, что корабль наш погиб и что мы двое – единственные, оставшиеся в живых. Джексону показалось, что он подметил печаль на моем лице, когда в первый раз спросил о «Фраме», и боялся снова касаться этой темы. Потихоньку он предупредил своих товарищей, чтобы они меня ни о чем не расспрашивали. Только случайно из разговора он понял, что ошибся, и тогда стал подробно расспрашивать о «Фраме» и остальных членах экспедиции.

Эльмвуд, станция Джексона на мысе Флора

Мы подошли к дому, низкой бревенчатой русской избе, стоявшей на плоской береговой террасе, под горой, метров на 15 выше уровня моря. Рядом находились конюшня [\[371\]](#) и четыре круглые напоминавшие палатки дощатые постройки, где хранилось снаряжение. Мы вошли: теплое и уютное гнездо среди этой зимней пустыни; стены и потолок были обиты зеленым сукном, кругом висели фотографии, гравюры и литографии, повсюду полки с книгами и инструментами; под крышей сушились одежда и обувь, а в маленькой печке посреди комнаты приветливо мерцали горячие угли. Странное чувство охватило меня, когда я опустился на удобный стул среди всей этой непривычной обстановки. По одному мановению изменчивой судьбы сняты с сердца вся ответственность, все заботы, тяготевшие над нами три долгих года; я был у верной пристани, хотя и среди льдов, все тревоги, вся тоска этих трех лет улеглись, затихли, убаюканные сиянием грядущего дня. Долг исполнен, труд закончен. Теперь ты можешь отдыхать, отдыхать и – ждать. Только бы «Фрам»...

Нансен на мысе Флора у дома Джексона

Мне вручили тщательно запаянную жестянку; тут были письма из Норвегии двухлетней давности. Руки мои дрожали и сердце билось, когда я вскрывал ее, – там были весточки, одни только хорошие весточки из дому. Удивительное чувство мира и покоя наполнило душу.

Йохансен по прибытии на мыс Флора

Мало-помалу я узнавал все новое, случившееся в мире за первый год после нашего отъезда. Затем был подан обед. Скаким наслаждением я ел хлеб, масло, пил кофе с молоком и сахаром, лакомился всем, без чего мы за эти долгие месяцы научились обходиться и к чему тем не менее так стремились! Но высшая степень блаженства наступила, когда я смог сбросить с себя грязные лохмотья, принять горячую ванну и стать, насколько это возможно с первого раза, чистым. Затем я переоделся с ног до головы в чистое и мягкое платье, остриг длинные волосы, сбрил всклокоченную бороду, и вот – снова проглянул европеец. Как невыразимо приятно было надеть платье, не перемазанное жиром, а главное – двигаться, не чувствуя, что при каждом движении одежда прилипает к телу!

Вскоре прибыли Йохансен и остальные люди с каяками и нашими пожитками. Йохансен рассказал, что добросердечные англичане приветствовали мощным «ура» его и норвежский флаг, развевавшийся на лыжной палке по соседству с грязной шерстяной рубашкой, привязанной, как я распорядился, к высокому бамбуковому шесту, чтобы легче было найти дорогу назад к палатке. На пути сюда англичане не позволили ему даже прикоснуться к нартам; он шагал рядом, как пассажир, находя, что из всех способов путешествия по дрейфующим льдам этот, несомненно, самый удобный. Его приняли в избушке не менее гостеприимно, и скоро он подвергся такому же превращению.

Я больше не узнаю своего товарища по долгой полярной ночи и тщетно ищу следов того оборванца, который шагал взад и вперед по пустынному берегу, у подножия обрывистых скал и темных базальтовых утесов, возле нашего зимнего логова. Грязный, перемазанный сажей пещерный человек исчез; вместо него на удобном стуле с книгой в руках сидит упитанный европейский буржуа – коммерсант, попыхивая короткой трубкой или сигарой, прилагающий все старания научиться поскорее говорить по-английски. Поразительно, что оба мы, с тех пор как покинули «Фрам», значительно прибавили в весе. Я весил теперь, по прибытии сюда, около 92 кг, примерно на 10 кг больше, чем перед уходом с «Фрама»; Йохансен весил 75 кг, т. е. прибавил в весе 6 кг. Таково, следовательно, действие зимы при питании одним медвежьим мясом и салом в арктическом климате. Это совсем не похоже на опыт других полярных путешественников; вероятно, мы обязаны этим нашей праздности в течение всей зимы.

Итак, мы живем здесь мирно и спокойно, ожидая прихода судна и того, что принесет нам будущее. Хозяева наши делают все, чтобы заставить нас забыть о зимних лишениях. Трудно было бы попасть в лучшие условия: беспримерное гостеприимство и дружелюбие проявляются решительно во всем, и наслаждение, испытываемое нами, не поддается описанию. Отсутствие ли в течение года человеческого общества, общность ли интересов сблизили нас так с этими людьми в этой пустынной стране? Мы говорим и не можем наговориться, и

кажется, что мы знаем друг друга уже много лет, хотя на самом деле встретились в первый раз лишь несколько дней тому назад».

«Среда, 24 июня. Итак, прошло ровно три года с тех пор, как мы покинули родину. Сегодня вечером, когда все сидели за обедом, стремительно вбежал Хейуорд, повар, и крикнул, что возле дома бродит медведь. Мы вышли – Джексон с фотографическим аппаратом, я с ружьем. Из-под откоса виднелась голова медведя, обнюхивавшего воздух в направлении хижины; на почтительном расстоянии стояли и лаяли на него собаки. Когда мы подошли поближе, медведь вылез совсем наверх и пошел прямо к нам, потом остановился, оскалил зубы, зарычал и, повернувшись, медленно пошел назад к берегу.

Желая его несколько задержать, чтобы Джексон мог подойти ближе и снять несколько фотографий, я пустил пулю в зад медведю в ту самую минуту, когда он готов был скрыться под откос, вторую я всадил в левую лопатку. Окруженный несколькими собаками, зверь остановился. Собаки делались все смелее; пара пуль, выпущенных Джексоном из револьвера прямо в морду, привела медведя в совершенную ярость: он бросился на одну собаку – Мизеру, хватил ее лапой по спине и отшвырнул далеко на лед. Потом он схватил вторую за ногу и сильно разодрал ей один палец. Подвернувшись под лапу старую консервную жестянку медведь сплющил зубами и тоже закинул далеко в сторону. Зверь был вне себя от ярости. Пуля за ухо положила конец его неистовству. Это оказалась медведица; в сосках у нее было молоко. Однако она не была беременна и ни одного медвежонка мы поблизости не видали».

«Воскресенье, 5 июля. Вечером, когда Джексон и доктор ушли на гору пострелять кайр, собаки подняли вдруг страшный гам. В особенности рычал и выл самым подозрительным образом Нимрод, привязанный у стены избы. Эрмitedж вышел. Спустя некоторое время он спокойно вернулся и спросил, не хочу ли я убить медведя. Я пошел с ним, захватив ружье и фотографический аппарат. Медведь избрал своим убежищем небольшой торос к югу от дома. Он растянулся плашмя на самой верхушке, а Мизер и пара молодых собак стояли полукругом у подножия тороса и усердно лаяли.

Когда мы приблизились, медведь бросился бежать по льду. Расстояние было велико, но все же ему вдогонку пустили несколько пуль, надеясь, что какая-нибудь попадет и задержит его. Мне удалось угодить ему в заднюю часть тела, и зверь поспешил укрыться на вершине другого тороса. Тут я смог подойти ближе. Медведь был сильно разъярен; когда я подошел к подошве тороса, на котором он стоял, зверь оскалил зубы, зафыркал, и, казалось, будто он хочет прыгнуть мне прямо на голову. Я мигом схватил ружье вместо фото графического аппарата. Тем временем медведь соскреб рыхлый снег у себя из-под ног, чтобы иметь более надежную опору для прыжка. Но он так и не прыгнул. Я снова сменил ружье на фотографический аппарат. С другой стороны подоспел со своим фотографическим аппаратом Джексон. Сделав достаточное количество снимков, мы застрелили медведя. Это была на редкость огромная медведица».

Медведица на мысе Флора

Одним из первых дел по прибытии на станцию мистера Джексона была, конечно, сверка наших часов с хронометром. Мистер Эрмитедж был настолько любезен, что сделал для меня точные наблюдения времени. Оказалось, что мы были не так далеки от истины, как думали. Ошибка при установке часов равнялась примерно 26 минутам, что составляет 6,5° долготы. Тщательная проверка, произведенная мистером Эрмитедж, показала, что и ход часов был именно таким, как мы

предполагали. Благодаря этим сведениям теперь можно было довольно точно вычислить наши определения долготы. В моем распоряжении теперь снова было сколько угодно бумаги, рисовальных и письменных принадлежностей и все то, о чем мы мечтали прошедшей зимой; я почти сразу же принялся за составление наброска карты Земли Франца-Иосифа, такой, как она представлялась мне по моим наблюдениям. Мистер Джексон с готовностью предложил мне пользоваться составленной им картой той части земли, по которой он проходил [\[372\]](#). Это избавило от большой работы по вычислению моих собственных наблюдений и пеленгов, сделанных в этой части земли.

Я очень благодарен Джексону и за всевозможные пособия: мореходные таблицы, морской календарь [\[373\]](#), рисовальные принадлежности.

Сопоставляя карты Пайера, Лей-Смита и Джексона с нашими наблюдениями, я составил свой набросок карты, здесь приложенной; карты Пайера и Джексона я изменял только в тех местах, где наши наблюдения существенно от них отличались. Результат представляет лишь предварительный набросок, тем более что я не имел времени более тщательно обработать наши наблюдения. Когда это будет сделано и когда я получу доступ ко всем материалам Пайера, можно будет, вероятно, создать более достоверную карту. Единственное назначение, которое, как мне кажется, может иметь предлагаемый набросок, – это дать приблизительное представление о том, что мы до сих пор называли Землей Франца-Иосифа, показать, что она разделена на массу островков, а вовсе не представляет собой больших сплошных масс земли.

Многое на карте Пайера почти полностью совпадало с нашими наблюдениями. Но загадка, над которой мы ломали голову всю зиму, оставалась по-прежнему нерешенной. Где же пролив Роулинсона, где ледник Дове и вся северная часть Земли Вильч ека? Где острова, которые Пайер назвал островом Брауна, островом Гофмана и островом Фреден? Последний, правда, можно было принять за самый южный в открытой нами группе Белой Земли (Hvidten land); остров Гофмана, пожалуй, тоже

можно было найти, но все остальное бесследно исчезло. Я долго размышлял над тем, как могла вкратце подобная ошибка в карту такого человека, как Пайер, столь опытного топографа, чьи карты всегда носят на себе печать особой тщательности и точности. Я всегда восхищался его необычайно высокими качествами полярного исследователя. Пришлось вновь тщательно просмотреть его отчет о путешествии. Там нашлось ясное указание на то, что во время похода вдоль ледника Дове стоял густой туман, совершенно скрывавший землю. Но 7 апреля 1874 г. он писал: «На этой широте (81°23 ') Земля Вильчека как будто внезапно оканчивалась; но, когда солнце прогнало блуждавший над нею туман, мы увидели перед собой сияющее почти незапятнанной белизной плоскогорье необъятного ледника (ледник Дове). В северо-восточном направлении в затянутой туманом серой дали можно было проследить землю только до мыса Будапешт. Эта картина противоречила общему впечатлению от этой земли, которая в топографическом отношении имеет сходство со Шпицбергом; ледники такой необычайной величины говорят о простирающейся за ними обширной земле» [\[374\]](#).

Я не нашел в описании путешествия Пайера никаких иных указаний, которые бы разъяснили загадку. Хотя, судя по этой выписке, можно заключить, что в этот день у Пайера была как будто ясная погода, все-таки, должно быть, над Белой Землей висели полосы тумана, соединяющие ее на юге с Землей Вильчека и уходящие на севере к Земле Кронпринца Рудольфа. Освещенные солнцем, эти полосы тумана могли сверкать так, что их легко было принять за ледники вдоль сплошной суши. Мне тем легче понять эту ошибку, что я сам чуть было не впал в подобную. Если бы 11 июня, как я уже рассказывал, погода к вечеру не прояснилась, мы не заметили бы пролива между островом Нордбрук и мысом Петерхэд (на Земле Александры [в действительности на Земле Принца Георга]) и остались бы в убеждении, что эта одна сплошная земля. Такой бы мы ее и нанесли на карту, не будь у нас каких-либо дополнительных данных.

Несколько раз я обсуждал с Джексоном, как нам назвать земли, по которым и вдоль которых нам пришлось идти.

Базальтовые столбы близ мыса Флора, где были найдены замечательные юрские окаменелости

Я спросил у него, не будет ли он против, если я назову землю, на которой мы провели зиму, островом Фредрика Джексона – это лишь слабый знак благодарности за оказанное нам гостеприимство. Мы первые нашли, что этот остров отделен проливом от земли, лежащей далее к северу и названной Пайером Землей Карла -Александра. Впрочем, я не хотел давать имена тем местам, которые Джексон видел прежде нас.

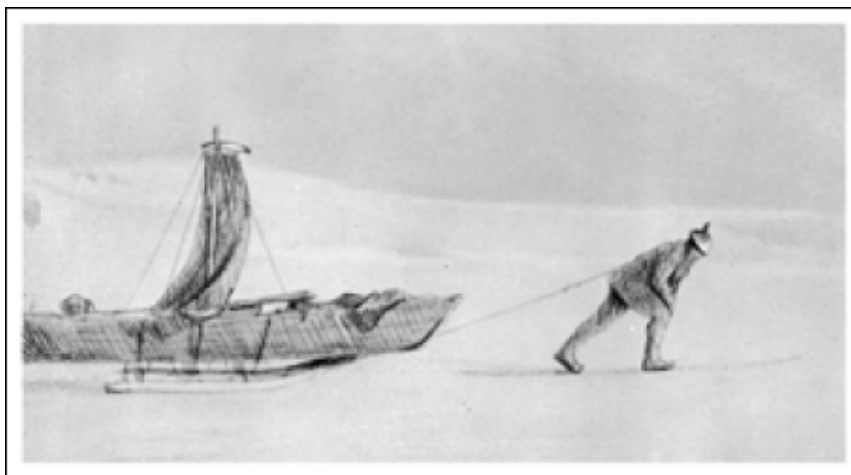
Местность вокруг мыса Флора оказалась очень интересной в геологическом отношении, и потому, как только позволяло время, я выходил на исследования иногда один, а чаще всего вместе с врачом и геологом английской экспедиции доктором Кетлитц [\[375\]](#). Немало экскурсий совершили мы вместе с ним, пробираясь вверх и вниз по этим крутым скалам в поисках окаменелостей, которых в некоторых местах было очень много. От самого берега и до высоты 150 –180 м почва состоит здесь из мягкой глины, которая содержит включения (желваки) красно-бурого глинистого песчаника, особенно изобилующие окаменелостями. Почва здесь так густо усыпана мелкими камнями, осыпавшимися с высоких базальтовых скал, что к ней оказалось очень трудно добраться. Вначале я утверждал, что глина представляет сравнительно молодое образование, но доктор неумоимо меня убеждал,

что это мощные древние отложения, простирающиеся даже под базальтом и прикрытые им.

В конце концов, когда мы добрались до верха глинистого слоя, я принужден был уступить, так как убедился, что он действительно прикрыт базальтом. В особенности меня убедило, когда немного ниже я нашел в глине несколько тонких прослоек базальта.

Осмотр окаменелостей, состоящих главным образом из аммонитов и белемнитов^[376], убедил меня, что глина относится к юрской эпохе. В нескольких местах доктор Кетлитц нашел в глине тонкие прослойки бурого угля. Встречалось также окаменелое дерево. Глинистую формацию покрывал слой базальта мощностью в 160–200 м, что само по себе было не менее интересно.

Этот базальт отличался от типических своей крупнозернистой структурой, что сближало его с базальтами Шпицбергена и Северо-Восточной Земли^[377]. Но, кажется, на Земле Франца-Иосифа имеются и другие разности базальтов. Базальты, найденные нами севернее, вблизи мыса Мак-Клин-ток и на Гусином острове, были гораздо более крупнозернисты, чем здешние. Да и выходы базальта здесь, на острове Нордбрук и на окрестных островах, сильно разнились от тех, какие мы видели на севере. Здесь базальт встречался обыкновенно лишь на высоте 160–200 м над уровнем моря, тогда как на более северных островах – за 81 ° – он спускался до самого берега. Так, на джексоновском мысе Фишера, на 81 ° северной широты, он падал почти отвесной стеной в море. То же самое можно было заметить на мысе Мак-Клинто-ка, вблизи нашей зимней квартиры, на мысе, состоящем из столбообразных базальтовых отдельностей, у которого мы провели ночь 25 августа 1895 г., на мысе Клеменса Маркхема и на острове, как нож, выступе, к которому мы пристали в ночь с 16 на 17 августа. Насколько нам довелось рассмотреть, подобную структуру обнаруживал базальт и на южной стороне Земли Кронпринца Рудольфа.

На парусах близ мыса Мак-Клинтока

Всюду на севере, где бы мы ни были, я старался внимательно рассмотреть горные породы, разыскать ископаемые, которые могли бы помочь определить геологическую древность страны. Судя по тому, что было найдено здесь, на мысе Флора, большая часть базальта относится, по-видимому, к юрскому периоду, так как он лежит непосредственно на юрских слоях, а отчасти покрывается ими. Кроме того, вверху на базальте, как сейчас увидим, были найдены окаменелые растения, принадлежащие к позднеюрскому возрасту. Таким образом, Земля Франца-Иосифа может быть признана сравнительно древним образованием. Все эти горизонтальные базальтовые покровы, простирающиеся почти на одном уровне по всем островам, по-видимому, указывают, что здесь некогда существовала сплошная масса суши, которая, будучи предоставлена действию разнообразных эрозирующих сил – морозу, дождю, снегу, глетчерам, морю, с течением времени была раздроблена, разрушена и отчасти поглощена морем, так что от нее сохранились только отдельные острова и скалы, разделенные фьордами и проливами. Так как эти образования выказывают известное сходство с встречаемыми на Шпицбергене и Северо-Восточной Земле, то можно признать вероятным, что обе эти группы островов принадлежали первоначально к одной и той же массе суши (материку).

Было бы весьма интересно поэтому исследовать до сих пор неизвестную еще область, находящуюся между обоими этими архипелагами, – область, которую мы должны были пересечь, если бы

не встретили Джексона и его экспедицию. Несомненно, там можно найти еще много нового, много неизвестных островов, быть может даже непрерывный ряд их, так что, пожалуй, встретилась бы известная трудность определить, где кончается один архипелаг и где начинается другой. Исследование этой области представляет задачу немалого научного значения, разрешить которую, на до надеяться, удастся экспедиции Джексона – Хармсворта.

Насколько далеко Земля Франца-Иосифа простирается к северу, определить с достоверностью трудно. Судя по нашим наблюдениям, представляется маловероятным, чтобы в этом направлении простиралась суша сколько-нибудь значительных размеров. Правда, Пайер, находясь на Земле Кронпринца Рудольфа, видел оттуда земли Петермана и Короля Оскара, одну к северу, другую к западу, но что Земля Петермана не может быть велика, доказывается, по-видимому, нашими наблюдениями, так как мы не видели никакой суши, когда по пути к югу проходили в близком расстоянии к востоку от нее; кроме того, когда мы были на широте Земли Петермана, лед, насколько мы могли наблюдать, беспрепятственно относился к западу. Что и Земля Короля Оскара тоже не может быть очень больших размеров, доказывается, по-моему, тем, что зимой и весной ветер беспрепятственно отгонял лед от суши, так что на севере и северо-западе едва ли может находиться значительная сплошная масса суши, которая служила бы препятствием для движения льда.

Еще труднее, пожалуй, определить, насколько архипелаг Земли Франца-Иосифа простирается к востоку. Судя по всему, что мы видели, Земля Вильчека не должна иметь большого протяжения; впрочем, возможно, что далее к востоку находятся еще неизвестные острова. Это даже представляется вероятным, так как в июне и июле 1895 г. мы почти неподвижно стояли на широте $82^{\circ}05'$, несмотря на постоянные северные ветры. Отсюда, по-видимому, следует, что к югу от нас находилась суша, препятствующая наподобие стены дальнейшему дрейфу льда к югу. Подробнее останавливаться на этом вопросе было бы, однако,

бесполезно, так как, без сомнения, он также будет решен английской экспедицией.

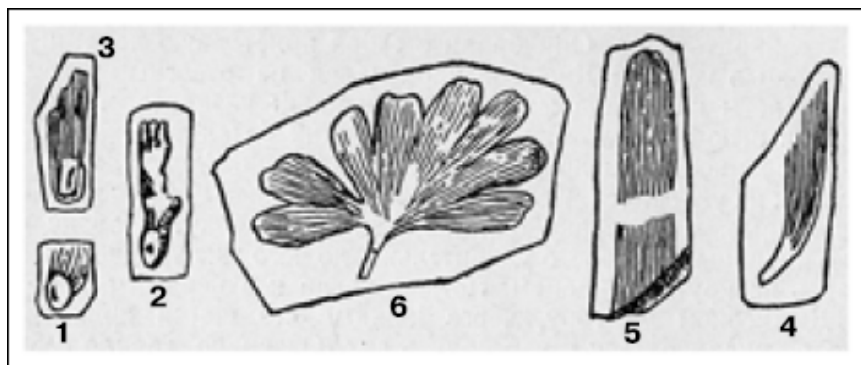
Сильно заинтересовало меня на острове Нордбрук наличие ряда признаков, указывающих на изменение уровня моря. Я уже упомянул, что изба Джексона была построена на древней береговой полосе, или террасе, приблизительно на высоте 13–16 м над уровнем моря, но кроме этой можно было наблюдать и несколько других береговых террас, расположенных ниже и выше. Так, я нашел, что Лей-Смит, также зимовавший на этом мысу, возвел свое жилище на древней береговой полосе, находившейся на высоте 5,5 м над уровнем моря; в других местах я находил древнюю береговую линию на высоте приблизительно 26 м. Достигнув прошлой осенью самой северной части этой земли, я имел возможность наблюдать там такие же береговые террасы на различных уровнях (например, на острове Торуп); мы сами провели зиму на одной из таких террас.

В нескольких местах близ мыса Флора Джексон нашел скелеты китов. Так, недалеко от его избы на высоте 16 м лежал череп усатого кита *Balaena*, быть может, гренландского кита (*Balaena mysticetus*?). В другом месте, несколько севернее, были найдены части скелета, по-видимому того же вида.

Нижняя челюсть имела 5,5 м в длину, но интересно, что кости лежали на высоте 3 м над нынешней поверхностью моря. Я нашел также и другие указания на то, что море еще сравнительно недавно покрывало эти низкие береговые террасы. Последние были, например, во многих местах усеяны раковинами моллюсков (сходными с *Mya truncata* и *saxicava*). Значит, эта суша была подвержена таким же изменениям уровня, как и другие северные области, в том числе, как упоминалось раньше, и северное побережье Азии.

Во время одной из своих экскурсий Джексон и доктор Кетлитц обнаружили «нунатак» ^[378], возвышающийся над глетчером в северной стороне мыса Флора, и в нем слои сланца с растительными окаменелостями. Это открытие, разумеется, сильно заинтересовало меня, и 17 июля вместе с доктором Кетлитц я отправился на это место.

Скала состояла из базальта, во многих местах обнаруживавшего ясную столбчатую отдельность; она выдавалась в середине глетчера на высоту приблизительно 200–230 м над уровнем моря. К сожалению, мы не имели времени измерить точно ее высоту. В двух пунктах на поверхности базальта находились пласты, состоящие из бесчисленных обломков песчаника. Почти на каждом из них можно было найти отпечатки растений, чаще всего сосновой хвои, а иногда также небольших листьев папоротника. Мы набрали большое количество этих драгоценностей и с тяжелой ношей, но довольные, возвратились к вечеру домой. Спустя несколько дней Йохансен во время лыжной прогулки набрел случайно на то же место и в свою очередь собрал там окаменелости, которые принес с собой. После моего возвращения на родину профессор Натхорст (Nathorst) исследовал эту коллекцию. Выяснилось, что Джексон и доктор Кетлитц сделали в данном случае в высшей степени интересную находку.

Окаменелые остатки юрских растений

Профессор Натхорст писал мне по этому поводу: «Несмотря на весьма фрагментарное состояние привезенных вами окаменелостей, они представляют большой интерес, позволяя нам впервые заглянуть в растительный мир последней части юрского периода в областях, лежащих к северу от 80°. Всего многочисленнее иглы сосны (*Pinus*), похожей на найденную в юрских отложениях Шпицбергена, Восточной Сибири и Японии *Pinus Nordenskioldi* (Heer), но, по всей вероятности, принадлежащей к другому виду. Попадают также более узкие иглы какого-то другого вида, а также мужские цветы и фрагменты шишек [\[379\]](#) с несколькими семенами (рис. 1–3), из которых одно (рис. 1) напоминает

Pinus Maackiana (Heer) из сибирской юры. Из остатков других хвойных деревьев следует упомянуть широколистную *Taxites*, похожую на *Taxites gramineus* (Heer), которую находили особенно часто на Шпицбергене и в Сибири и которая имеет листья приблизительно такой же величины, как и растущая в настоящее время в Китае и Японии *Cephalotaxus Fortunei*. Представляют интерес также остатки рода *Feildenia* (рис. 4 и 5), известного до сих пор только в полярных областях. Он был найден впервые Норденшельдом в 1868 г. в третичных слоях близ мыса Старостина на Шпицбергене и описан Геером (Heer) под именем *Torellia*; позднее Фейльден нашел его во время английской полярной экспедиции 1875–1876 гг. в третичных слоях близ бухты Открытия (Discovery bay) на Земле Гриннеля, и Геер изменил тогда родовое название в *Feildenia*, так как название *Torellia* уже раньше было присвоено одной раковине. Затем в 1882 г. я нашел этот вид в верхних юрских слоях на Шпицбергене. Листья напоминают один из подвидов *Nageia*, существующего ныне рода *Podocarpus*.

Самыми замечательными экземплярами всей коллекции являются листья небольшого *Ginkgo*, из которых один сохранился в целости (рис. 6). Этот род со сливообразными семенами и, в противоположность другим хвойным, с настоящими листьями представлен сейчас только одним видом в Японии, но в прежние эпохи насчитывал многочисленных представителей во многих местностях. В продолжение юрского периода он процветал главным образом в Восточной Сибири; его находили также на Шпицбергене, в Восточной Гренландии (у пролива Скоресби) и во многих местах в Европе. В меловом и третичном периодах он встречался на 70° на западном берегу Гренландии. Добытый ныне лист принадлежит к виду, который мог бы быть назван *Ginkgo polaris* и является весьма родственным *Ginkgo flabellata* (Heer) из юрских отложений Сибири. Он несколько сходен с *Ginkgo digitata* (Lindl. et Hutton), в особенности с экземплярами, найденными в бурой юре Англии и Шпицбергена. Кроме этого вида, в коллекции находятся, по всей вероятности, еще один или два других, а также части листьев принадлежащего к семейству *Ginkgo* рода *Czekanowskia*, листья которого узки и похожи на хвою.

Папоротники представлены весьма скудно. Имеющиеся фрагменты принадлежат к 4 различным типам, но виды едва ли можно определить. Один фрагмент относится к *Cladophlebis*, встречающемуся в юрских отложениях; другой дает право отнести его к *Thyrsopteris*, найденному в юрских отложениях Восточной Сибири и Англии; третий – к *Onychiopsis*, характерному для верхней юры; четвертый, по-видимому, близок к *Asplenium petruschinense*, описанному Геером и найденному в юрских отложениях Сибири. Этот экземпляр замечателен тем, что клетки эпидермиса (клетки кожи) листа оставили на камне явственные отпечатки.

По своему богатству иглами хвойных, по бедности папоротниками и отсутствию цикадовых флора Земли Франца-Иосифа представляет в общих чертах такой же характер, как флора верхней юры на Шпицбергене, хотя виды несколько и различны. Подобно флоре Шпицбергена она не указывает на особенно благоприятный климат, хотя, конечно, последний был много мягче, чем в настоящее время. Отложение происходило, без сомнения, по соседству с хвойным лесом. Представленные образцы позволяют отнести эту флору скорее к верхней (белой) юре, чем к средней (бурой)» [\[380\]](#).

Бесспорно, это был внезапный и весьма резкий переход от долгой бездеятельной жизни в нашей зимней берлоге, где ничто не благоприятствовало научным занятиям, в этот настоящий научный оазис, где представлялись широкие возможности для научной работы, под руками находились книги и необходимые инструменты, а время досуга можно было посвятить разговорам на самые различные темы с людьми, имеющими те же научные интересы. В лице ботаника экспедиции мистера Гарри Фишера я нашел человека, горячо интересующегося фауной и флорой полярных стран. Его обстоятельные исследования растительного и животного царства, в особенности первого, как на суше, так и в море, несомненно, намного расширят наши сведения о существующих здесь биологических условиях. Не скоро я забуду приятные беседы с ним, когда он рассказывал о своих наблюдениях и открытиях. Его рассказы находили тем более ревностного слушателя, что

я давно был лишен подобного удовольствия и представлял собой как бы высохшую ниву, которая после годичной засухи жадно впитывала в себя влагу.

Чайка в гнезде на скалах мыса Флора

Были у нас и другие развлечения. Когда мозг утомлялся от непривычной работы, я вместе с Джексоном отправлялся на склон горы пострелять кайр, которые кишмя кишели наверху под базальтовыми стенами. Сотнями сидели они на уступах и в нишах утесов. В некоторых местах гнездовали моевки. Здесь царила веселая жизнь и беспрестанное движение. Мы взбирались на высоту 150 м. Перед нами далеко расстилалось море и над ним стаями носились взад и вперед кайры. Иногда мы подбивали на лету одну-другую. При каждом выстреле эхо прокатывалось по скалистым ущельям, и тысячи птиц, шумя крыльями, с оглушительными криками бросались вниз с уступов, словно порыв ветра сметал с гор облако пыли. Мало-помалу птицы возвращались в свои гнезда, хотя некоторые падали на пути жертвами наших выстрелов. Это был «курятник Джексона», умевшего его использовать. Почти ежедневно слышались его выстрелы, и не было дня, чтобы к столу не подавались жареные кайры. Осенью англичане запасли немало битой птицы на зиму.

Иногда Джексон в обществе Бломквиста отправлялся наверх собирать яйца. Они брали с собой приставную лестницу, с помощью которой Джексон карабкался на отвесные утесы. Эти налеты на гнезда меня не прельщали: казалось, что недолго и шею себе сломать на этих шатких базальтовых обрывах, где из-под ног непрерывно катились камни. Словом, я этим спортом не увлекался. Не могу отрицать, однако, что яйца были превкусные. К завтраку они подавались всмятку, к обеду

в виде яичницы. Но просто удивительно, до чего мне трудно было лазить по крутым склонам. Помню, когда я в первый раз лез за Джексоном на гору, через каждые сто шагов приходилось останавливаться и переводить дух. Очевидно, давало себя знать долгое сидение на одном месте, а может быть, и малокровие развилось за зиму, проведенную в нашем логове. Но дело было не только в этом: при одном взгляде с высоты на крутизну скал я испытывал неприятное чувство – начиналось головокружение, и было трудно спускаться вниз; я предпочитал садиться и съезжать вниз на собственных «салазках». Спустя некоторое время это неприятное чувство прошло, и я снова привык к высоте. Одышка у меня тоже уменьшилась, под конец я мог лазить вверх по скале совсем как все нормальные люди.

Между тем время шло, а английское судно не показывалось. Я и Йохансен начинали ощущать некоторое нетерпение; мы уже поговаривали между собой о том, что, быть может, судно не пробьется в этом году сквозь льды и экспедиции придется зимовать здесь. Мысль об этом вовсе не радовала: находиться так близко от дома и не иметь возможности добраться до него! Мы жалели, что не продолжали тотчас своего пути на Шпицберген, – тогда бы мы, пожалуй, находились уже на паруснике. Чего ради мы остались? Ну, этому, конечно, легко было найти объяснение. Хозяева были так любезны и радушны, что мы превзошли бы спартанцев, если бы устояли перед их приглашением. Мы столько испытали, прежде чем попали в теплое и уютное гнездо. Здесь все тяготы заключались лишь в том, чтобы сидеть и ждать. Но ждать тоже дело нелегкое, и мы снова стали всерьез подумывать: не тронуться ли в путь к Шпицбергену? Не поздно ли? Была уже середина июля, и хотя, вероятно, мы двигались бы довольно быстро, все же на пути могли встретиться непредвиденные препятствия, и прошел бы по крайней мере месяц, а то и больше, прежде чем мы достигли бы вод, где можно было рассчитывать встретить судно. Мы попали бы туда в середине, а то и в конце августа, когда парусники уходят домой. Если же мы не встретим судна в первые дни, то вряд ли сможем поймать его в сентябре, а тогда нам грозила еще одна зимовка. Нет, уж лучше остаться здесь – все-таки

более вероятно, что судно придет. Самое лучшее время для плавания в здешних водах: август – начало сентября, когда больше всего открытой воды. На это мы и возлагали наши надежды. Итак, мы предоставили времени идти своим ходом. Кроме нас, еще несколько человек с нетерпением ждало судно. Пять участников английской экспедиции также должны были этим летом вернуться на родину после двухлетнего отсутствия.

«Понедельник, 20 июля. Мы все с большим нетерпением ждем судна. Но лед все еще сплочен. Джексон утверждает, что судно должно было прийти сюда еще в середине июля, и, по его мнению, уже несколько раз было столько свободной воды, что оно могло пробиться. Я в этом сильно сомневаюсь; то, что отсюда, даже с высоты 150 м, видны отдельные разбросанные по морю льдины, ничего еще не говорит; южнее может стоять сплоченный лед, преграждающий путь судну. Однажды Джексон взобрался с доктором на самую вершину горы, но и оттуда им показалось, что льда к югу не так уж много. Все же и это меня не убеждает; весь предшествовавший опыт говорил за то, что на юге в море должно быть еще много льда. То, что, по словам Джексона, «Виндворд» в прошлом году в июле прошел сюда, не встретив льдов, еще не доказательство. Люди охотно обманывают самих себя!

В последние дни снова пригнало много льда с востока. Мне не терпится вырваться отсюда; что если мы будем заперты здесь на всю зиму?.. Как безрассудно мы поступили, оставшись! Почему было не продолжать идти к Шпицбергену? Мы были бы уже дома.

Глаз блуждает в бесконечной белой равнине; ни одной темной водной полосы: лед, лед и лед. Мы отрезаны от мира, от бьющей ключом жизни, от жизни, которую считали уже такой близкой.

Низко на горизонте висит полоска синих облаков – там далеко, далеко, за кромкой льда есть открытая вода, и, может быть, на зыби большого моря покачивается судно, которое должно понести нас к родным берегам, судно, которое передаст вести из дому, от тех, кто нам дорог...

Мечтай! Мечтай о родине, о красоте... Тщетно ты ищешь их, скитаясь здесь среди снегов и льдов, заблудившаяся птица. Мечтай же о золотых днях грядущей встречи!..»

«Вторник, 21 июля. Наконец подул с севера свежий ветер. Он прогнал лед в море. Сегодня вечером отсюда видно только открытое море; теперь, пожалуй, есть надежда скоро увидеть судно».

«Среда, 22 июля. Постоянны перемены и постоянны разочарования! Вчера сильна была надежда, сегодня ветер переменялся на юго-восточный и опять пригнал льды к земле; быть может, нам долго еще придется ждать».

Глава четырнадцатая Домой!

«Воскресенье, 26 июля. Наконец судно здесь! Утром я проснулся оттого, что кто-то дергал меня за ноги. Это был Джексон. Сияя от радости, он пришел сказать, что «Виндворд» пришел. Я вскочил и выглянул в окно. «Виндворд» находился уже у самой кромки льда и медленно подходил к земле, подыскивая место, где бы ему причалить. Странно как-то снова увидеть судно. Какими высокими кажутся его мачты! А корпус судна высится словно остров... Он привез вести из великого, далекого от нас мира.

Все пришло в движение. Все вскочили и, едва успев на себя что-нибудь накинуть, выглядывали из окон. Джексон и Бломквист, одевшись на скорую руку, выскочили из дому. Немного спустя прибежал запыхавшись Бломквист, посланный любезным Джексоном, и сообщил, что дома у меня все благополучно, но о «Фраме» пока ничего не слышно. Это было первое, о чем спросил Джексон. У меня словно гора с плеч свалилась.

Когда я подошел к судну, меня встретило ликующее «ура» всего экипажа, собравшегося на палубе. Славный капитан корабля Браун, корабельная команда, доктор Брюс и мистер Уилтон, которые оба собирались остаться вместе с Джексоном на зимовку, устроили мне самый сердечный прием. Спустились вниз, в просторную уютную кают-компанию. Я жадно впитывал все новости, поглощая одновременно

великолепный завтрак со свежим картофелем и другими деликатесами. По правде говоря, я уже привык удовлетворяться меньшим».

Новости были поистине замечательные. Одной из первых было то, что теперь можно фотографировать людей сквозь двери в несколько дюймов толщиной^[381]. Должен признаться, что при этой новости я наострил уши. Замечательно было уже и то, что можно сфотографировать засевшую в теле пулю, но это было ничто в сравнении с фотографированием людей сквозь двери. Затем я услышал, что японцы побили китайцев, и еще много других новостей. Не менее удивительно было то, что весь мир заинтересовался теперь Арктикой: Шпицберген сделался излюбленным местом туристов, и норвежское пароходное общество (Вестераланское) установило со Шпицбергенем регулярное пассажирское сообщение^[382]. Там выстроена гостиница, существует почтовая контора, и даже выпущены шпицбергенские почтовые марки. В данное время там находится швед Андрэ^[383], который ждет попутного ветра, чтобы лететь к полюсу на воздушном шаре. Если бы мы добрались до Шпицбергена, то сами все это увидели бы. Мы попали бы в гостиницу, встретили туристов, и нас отвезли бы домой на комфортабельном пароходе новейшей конструкции. Это было бы, пожалуй, получше того промыслового судна, о котором мы мечтали в течение всей зимы и всего прошлого года.

Люди обычно не прочь посмотреть на самих себя со стороны, и я тоже не составляю исключения из этого правила. Дорого дал бы я, чтобы увидеть нас обоих в том немытом, неподдельно-естественном виде, в каком мы вылезли из нашего логова, очутившимися среди толпы английских туристов обоего пола. Сомневаюсь, чтобы на нашу долю выпало много объятий или shake hands [дословно: показать рукой, обменяться рукопожатием], но ничуть не сомневаюсь, что на нас стали бы глазеть во все дверные щелки и замочные скважины, к каким только можно было бы получить доступ.

На Родину!

«Виндворд» покинул Лондон 9 июня, Вардё – 25 июня и пробивался сквозь льды около трех недель, чтобы подойти к нам. На судне привезены четыре оленя для Джексона, но ни одной лошади, которых он ожидал. Один олень издох по дороге. На судне было, кроме того, несколько баранов.

Закипела работа по разгрузке «Виндворда». На берег доставляли съестные припасы, уголь, олений мох – ягель и прочие грузы, привезенные для экспедиции. В работе принимал участие весь экипаж судна и члены английской экспедиции. Дело подвигалось быстро. По неровному льду была расчищена хорошая дорога, и нарты с грузами одни за другими мчались к берегу. Не прошло и недели – капитан Браун был готов к отходу. Теперь не хватало только писем и телеграмм Джексона; на них потребовалось еще несколько дней.

Тем временем поднялся шторм, ветер задул с моря. Канаты, которыми «Виндворд» закрепился за кромку льда, лопнули, судно стало дрейфовать и вынуждено было искать якорной стоянки поближе к берегу, где, однако, оказалось настолько мелко, что под килем оставалось всего на два фута воды. Ветер нагонял лед, проход у берега всюду закрылся, льдины беспрестанно приближались; одно время положение стало далеко не веселым. К счастью, льды не дошли до судна, и оно избегло опасности быть выжатым на береговую отмель. Все это задержало судно еще дня на два. Когда «Винд-ворд», наконец, освободился, лихорадочная спешка охватила маленькую колонию. Уезжающие готовились к отъезду, остающиеся торопились доставить на судно последние письма и посылки. Это сопряжено было, однако, с немалыми трудностями, так как на припае громоздились бесчисленные ледяные обломки и пробираться вперед было нелегко. Судно с нетерпением ждало сигнала к отходу, и капитан Браун подавал время от времени гудки. Наконец, все было готово, и мы, отправлявшиеся домой, все собрались на палубе. Это были: мистер Фишер, мистер Чайльд, мистер Бургесс, финн Бломквист из английской экспедиции и, кроме того, Йохансен и я.

Солнце, прорезав тучи, озарило мыс Флора. Мы замахали шляпами и в последний раз послали громкое прощальное «ура» шестерым зимовщикам – маленькой темной точке на белизне огромной ледяной пустыни.

Под паром и парусами, подгоняемые попутным ветром, двинулись мы, наконец, 7 августа по волнующейся водной поверхности на юг.

Счастье благоприятствовало нам. На пути к северу «Винд-ворд» должен был бороться с тяжелыми льдами и с трудом про бился к берегу. Теперь, идя к югу, мы тоже встречали много льда, но он был разреженный, рыхлый и сравнительно легко проходим. Только в немногих местах судно останавливалось, чтобы форсировать льды с помощью машины.

«Виндворд» находился в надежных руках. Капитан Браун долго плавал на китобойных судах и умел вести бой с более сильным

противником, нежели тот тонкий лед, с которым ему пришлось встретиться здесь. Все время, пока в море попадались хотя бы отдельные льдины, с утра и до вечера он сидел наверху в бочке. Спал он очень мало; не раз капитан говорил, что он должен во что бы то ни стало доставить нас домой раньше, чем вернется «Фрам»; он хорошо понимал, какой удар будет нанесен нашим близким, если «Фрам» вернется без нас.

Благодаря капитану Брауну путешествие домой совершалось быстро и приятно. Я всегда с чувством живейшей благодарности и глубокого счастья вспоминаю об этих днях: о том, как трогательно, внимательно относились к нам все, начиная с капитана и кончая матросами; вспоминаю о маленьком поваре, который ежедневно просовывал свое приветливое лицо в дверь каюты с вопросом: что для нас приготовить, или будил меня по утрам веселой песней. К тому же мы неуклонно приближались к дому; уже можно было сосчитать дни и часы, которые остались до прибытия в норвежскую гавань и приобщения к миру.

Исходя из опыта плавания к Земле Франца-Иосифа, капитан Браун считал, что на обратном пути ему легче будет пробиться сквозь льды, если он сначала направится на юго-восток к Новой Земле, что представлялось ему ближайшей дорогой к открытому морю. И он оказался прав. Пройдя около 220 морских миль во льдах, мы вышли на чистую воду, в вершине бухты, вдававшейся в лед далеко на север, и попали в надлежащую точку; если бы мы пошли немного восточнее или западнее, то могли бы кружить во льдах столько же недель, сколько теперь потребовалось дней, чтобы пройти весь этот путь. Наконец -то, наконец, мы снова увидели перед собой синее море! Взяли курс прямо на Вардё. Чувство легкости и покоя охватывало нас, когда взор скользил по расстилавшейся перед нами синеве. С каждым днем мы приближались к родине.

Однажды утром, любуясь морем, мы вдруг заметили на горизонте какой-то предмет. Что бы это такое могло быть? Я взбежал на капитанский мостик и поднес к глазам бинокль. Первый парусник!

Подумать только: мы снова в водах, по которым плавают и другие люди!.. Вскоре увидели еще несколько парусников, а несколько позже в тот же день – четыре настоящих колосса.

Вечером 12 августа я заметил впереди низко на горизонте что-то темное. Что это такое? По правому борту тянулась к югу низкая и ровная полоса. Я все больше и больше всматривался... Это была земля!.. Это была Норвегия! Я словно окаменел, вглядываясь сквозь мрак ночи в эту темную полосу, и страх закрадывался в душу: какие вести ждут нас там?..

Когда на следующее утро я вышел на палубу, мы находились уже под самым берегом: голая и пустынная страна вряд ли была более привлекательной, чем земля, покинутая нами недавно среди туманов Ледовитого моря. Но все же это была Норвегия. Ночью капитан ошибся и пошел несколько севернее, чем следовало; пришлось идти против ветра и волны, прежде чем мы достигли Вардё. Миновали несколько судов и приветствовали их поднятием флага. Встретили таможенное судно; оно подошло бок о бок на парусах, но у нас ему нечего было де лать, и никто с него не поднялся к нам на палубу для осмотра.

Потом прибыли лоцманы – отец с сыном. Они приветствовали Брауна, но никак не ожидали встретить на борту английского судна соотечественников. Когда я заговорил по-норвежски, они слегка удивились, но особого внимания на это не обратили. Браун спросил их: знают ли они меня. Старик поглядел долгим взглядом, и по лицу его промелькнуло что-то вроде сомнения. Но едва имя Нансен сорвалось с уст добросердечного капитана и он схватил старого лоцмана за плечи и встряхнул, радуясь, что может сообщить ему такую новость, как огрубевшее от непогоды лицо рыбака озарилось радостью, смешанной с изумлением. Схватив мою руку, он поздравил меня с возвращением к жизни. На родине люди давно уже похоронили меня. И посыпались расспросы об экспедиции, о Норвегии.

О «Фраме» до сих пор ничего еще не было слышно. Значит, наши близкие избавлены от волнения.

Тихо и никем не замеченный, подняв все флаги, вошел «Виндворд» в гавань Вардё. Еще раньше, чем был отдан якорь, мы с Йохан сеном уже плыли в лодке к телеграфной станции.

На пристани никто не узнал нас; единственным существом, обратившим внимание на возвращающихся путешественников, была умная корова, которая остановилась посреди узкой улицы и с удивлением поглядела нам вслед. Вид этой коровы так живо свидетельствовал о наступившем здесь лете, что я готов был подойти и от всего сердца обнять ее. Теперь я почувствовал, что я действительно в Норвегии.

Затем мы пришли на телеграф. Я положил на конторку солидную пачку телеграмм и сказал, что несколько телеграмм мне бы хотелось отправить как можно скорее. Телеграмм было несколько десятков, и некоторые из них были очень длинные, по две-три тысячи слов каждая. Начальник телеграфной конторы пытливо поглядел сначала на меня, потом на пачку, спокойно взял ее, но лишь только взгляд его упал на подпись под верхней телеграммой, как выражение его лица сразу изменилось; он быстро повернулся и отошел к сидевшей за столом телеграфистке.

Когда он вернулся к нам, лицо его сияло; он сердечно приветствовал меня и поздравил со счастливым возвращением домой.

Он сказал, что телеграммы будут отосланы как можно скорее; но придется потратить несколько дней и ночей, чтобы справиться с ними, добавил он.

А потом застучали аппараты, оповещая родину и весь мир о том, что два человека из Норвежской полярной экспедиции вернулись благополучно на родину, целые и невредимые, и что я ожидаю прибытия «Фрама» той же осенью. Жаль было четырех бедняжек – телеграфисток в Вардё, тяжелая работа досталась им в эти дни: им не только пришлось отправить телеграммы от меня и моих товарищей, но и принять сотни телеграмм на наше имя и к разным жителям Вардё, от которых любопытные обитатели более южных областей требовали подробностей.

Первые наши телеграммы были адресованы моей жене, матери Йохансена, родным остальных товарищей, королю и норвежскому правительству. В последней я писал:

«Его превосходительству

Премьер-министру Хагерупу.

Имею удовольствие сообщить вам и норвежскому правительству, что экспедиция выполнила свой план, проникла в неисследованное Полярное море к северу от Новосибирских островов и исследовала область, лежащую к северу от Земли Франца-Иосифа до $86^{\circ}14$ северной широты. Севернее 82° земли не обнаружено.

Лейтенант Йохансен и я покинули «Фрам» и остальных членов экспедиции 14 марта 1895 года под 84° северной широты и $102^{\circ}27$ восточной долготы. Мы вышли на север, чтобы исследовать море, лежащее к северу от пути «Фрама», а затем направились к Земле Франца-Иосифа, откуда прибыли на «Виндворде».

Возвращения «Фрама» ожидаю в этом году.

Фритьоф Нансен».

Когда я собрался уходить, начальник телеграфной конторы сказал мне, что в Вардё находится профессор Мон и он живет в гостинице. Вот как! Мон, человек, так близко связанный с экспедицией, будет первым другом, которого я встречу здесь. Еще когда мы отправляли телеграммы, по городу стала распространяться весть о нашем прибытии, и народ начал мало-помалу сбегаться посмотреть на двух скитальцев, шагавших по улицам к гостинице.

Влетев в гостиницу, я спросил Мона. Мне сказали, что он в своей комнате, номер такой-то, но, вероятно, отдыхает после обеда. Что мне за дело было в эту минуту до послеобеденного отдыха. Я забарабанил в дверь и, не дожидаясь ответа, распахнул ее. Мон лежал на диване, покуривая трубку с длинным чубуком, и читал. Он вскочил и дико уставился на длинную фигуру, остановившуюся на пороге. Трубка упала на пол, лицо профессора исказилось, и он вскрикнул: «Возможно ли? Фритьоф Нансен?» По-видимому, он испугался за себя и вообразил, что

галлюцинирует. Но когда он услышал мой, хорошо знакомый ему голос, из глаз у него брызнули слезы: «Слава богу, вы, значит, живы!»

И он бросился в мои объятия. Затем наступила очередь Йохансена.

Безудержная радость обуяла нас, и бесчисленные вопросы градом сыпались с обеих сторон. Мысли обгоняли друг друга без связи и почти без смысла. Все в целом до того казалось невероятным, что немало потребовалось времени, пока, наконец, мы уселись и я смог приступить к связному рассказу о пережитом за эти три года. «Но где же «Фрам»? Разве вы покинули его? Где остальные? Не случилось ли какого несчастья во время плавания?» Эти вопросы задавались с тревогой. Мон никак не мог понять, что никакого несчастья не случилось, и тем не менее мы покинули наш прекрасный корабль. Мало-помалу удалось, однако, втолковать ему, почему мы так поступили. И уже ничто больше не смущало праздничного настроения; на столе появилось шампанское, сигары. В гостинице оказался еще один знакомый с юга. Он зашел навестить Мона, но, увидав гостей, хотел было уйти. Когда же он, взглядевшись, понял, что за гости у Мона, то словно прирос к месту. Все подняли бокалы за экспедицию и за Норвегию. Само собой разумеется, мы остались здесь на весь вечер. Тем временем весь город узнал имена новоприбывших. Выглянув случайно в окно, мы увидели в лучах вечернего солнца, что улица полна народа и что весь город, все мачты в гавани украсились норвежскими флагами.

А потом хлынул поток телеграмм – все с добрыми вестями. Все тревожнения кончились. Не хватало лишь «Фрама», но за него мы были спокойны: он должен был скоро прибыть.

Первое, о чем следовало позаботиться, вступив на норвежскую почву и придя немного в себя, – это о нашем гардеробе. Но теперь не так-то легко было проходить по улицам; стоило лишь войти в магазин, как он тотчас наполнялся народом.

Мы провели несколько дней в Вардё и повсюду встречали живейшее гостеприимство.

Здесь мы простились с «Виндвордом», который, не дожидаясь нас, отправился в Хаммерфест.

18 августа и мы с Йохансеном прибыли в Хаммерфест. Дорогой нас везде приветствовали с флагами и цветами, а когда вошли в гавань этого самого северного города Норвегии, он весь был разукрашен, от самого берега до вершины горы. Нас встречали тысячи людей. К удивлению, я и здесь встретил одного из своих друзей, англичанина сэра Джорджа Баден-Поуэла; его великолепная яхта «Отария» стояла в гавани. Он только что вернулся из очень удачной научной экспедиции на Новую Землю, куда ездил с несколькими английскими астрономами для наблюдения солнечного затмения 9 августа. С чисто английским радушием он предоставил свою яхту в мое распоряжение, и я охотно принял это чудесное предложение. Баден-Поуэл один из тех, с кем в числе последних друзей я простился в Англии перед отъездом. При расставании – это было осенью 1892 г. – он спросил меня, где искать нас, если мы слишком долго будем отсутствовать. Я ответил, что искать нас будет так же бесполезно, как иголку в стоге сена. Он согласился с этим, но сказал, что я не должен думать, будто люди могут примириться с этим. В Англии-то уж определенно что-нибудь будет предпринято; но куда же им держать курс? «Если так, – ответил я, – то едва ли стоит искать нас где-нибудь, кроме Земли Франца-Иосифа. Если «Фрам» пойдет ко дну или же мы принуждены будем покинуть его, мы должны будем пойти этой дорогой. Если же все обойдется благополучно и дрейф пойдет так, как я предполагаю, то мы выберемся в открытое море между Шпицбергом и Гренландией». Теперь Баден-Поуэл решил, что настало время нас искать, но так как пока ничего существенного предпринять не мог, то собирался после окончания новоземельской экспедиции двинуться вдоль кромки льда к северу и посмотреть, нет ли там каких-нибудь следов нашего пребывания. Мы, значит, явились в Хаммерфест в самый надлежащий момент.

Вечером приехали жена и мой секретарь Кристоферсен. После блестящего праздника, устроенного в нашу честь городом Хеммерфестом, перебрались на «Отарию», где дни потекли для нас незаметной чередой.

Поток поздравительных телеграмм со всех концов света с пожеланием счастья и свидетельством радости по поводу нашего возвращения не прекращался.

Но где же «Фрам»? Я так гордо телеграфировал, что жду его возвращения в этом же году. Почему же он не приходит? Я начинал все больше задумываться над этим, и чем больше взвешивал все возможности, тем сильнее убеждался в том, что «Фрам», если то лько не случилось какого-нибудь несчастья, уже должен бы теперь выбраться из льдов. Странно, что его до сих пор нет.

С ужасом я представлял себе, что будет, если осень пройдет, а мы ничего не узнаем о «Фраме»; какими кошмарными будут тогда зима и лето?

20 августа утром едва я проснулся, как сэр Джордж постучался в дверь и сказал, что какой-то человек непременно хочет поговорить со мной. Я ответил, что еще не одет, но сейчас выйду. «Выходите в чем есть», – сказал он. Меня немного удивила такая спешность, и я спросил, в чем, собственно, дело. Он ответил, что не знает, но у этого человека, очевидно, очень важное дело ко мне. Я все-таки оделся и только после этого вышел в салон.

Там стоял господин с телеграммой в руке. Он отрекомендовался начальником телеграфной конторы и сказал, что получена телеграмма, которая, вероятно, представляет для меня интерес, и поэтому он решил принести ее сам. «Представляет для меня интерес?» Во всем мире меня интересовало теперь лишь одно...

Дрожащими руками я вскрыл телеграмму:

«Скьёрвё. 20. 8. 1896. 9 ч утра. Доктору Нансену.

«Фрам» прибыл сюда сегодня. Все в порядке. Все здоровы. Сейчас выходим в Тромсё. Приветствуем вас на родине.

Отто Свердруп».

Я почувствовал, как что-то сдавило мне горло, и единственное, что я мог вымолвить, было: ««Фрам» пришел!» Сэр Джордж вздрогнул от радости; лицо Йохансена превратилось в сияющий вопросительный знак; Кристоферсен совершенно онемел от изумления и радости, а

начальник телеграфной конторы стоял посреди комнаты, наслаждаясь произведенным эффектом. В одно мгновение я очутился в своей каюте и крикнул жене:

««Фрам» пришел!» Она выбралась из своей койки в одну минуту. Но я все еще не мог серьезно поверить этому, нет, не верил: это было точно волшебство в сказке. И я читал и перечитывал телеграмму много раз, чтобы убедиться в том, что это не сон.

На «Отарии», в гавани, в городе – везде началось ликование. С «Виндворда», который снимался с якоря, чтобы идти в Тромсё, раздавалось громкое «ура» в честь «Фрама» и норвежского флага. Раньше мы намеревались выйти в Тромсё сегодня под вечер, но теперь нужно было уйти как можно скорее, чтобы постараться захватить «Фрам» еще в Скъёрвё, лежавшем по пути. Я попытался задержать «Фрам», дал телеграмму Свердрупу, но она опоздала.

Оживленный вышел у нас в это утро завтрак. Йохансен и я только и говорили о том прямо невероятном счастье, что скоро мы пожмем руки нашим дорогим товарищам. Сэр Джордж не мог сдержать своего восторга и время от времени вдруг вскакивал с места, ударял ладонью по столу и кричал: ««Фрам» – то пришел! В самом деле пришел!» Леди Баден-Пуэл была спокойна, она наслаждалась нашей радостью.

На другой день мы вошли в гавань Тромсё, и перед нами предстал «Фрам» – крепкий, широкий, изведавший полярные бури и непогоду. С каким-то особенным чувством смотрели мы опять на эти высокие мачты, на этот так хорошо знакомый нам корпус. Когда мы прощались с «Фрамом», он был почти наполовину погребен во льду, а теперь снова свободно и гордо колыбался на голубых волнах норвежских вод. Мы подошли вплотную к нему. Экипаж «Отарии» приветствовал прекрасный заслуженный корабль троекратным английским «ура»; с «Фрама» ответили девятикратным норвежским. Мы бросили якорь, и в следующее мгновение «Отария» была взята на abordаж отважным экипажем «Фрама».

Я не буду и пытаться описывать нашу встречу. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь из нас понимал что-нибудь ясно, кроме одного: мы снова все вместе...

Мы снова дома, в Норвегии.

Мы выполнили свою задачу.

Затем мы пошли все вместе вдоль берегов Норвегии к югу. Впереди шло лоцманское судно «Хологалан», потом «Фрам», медлительный и тяжеловесный, но тем более надежный, и последней – элегантная «Отария», провожавшая нас до Тронхейма.

Как приятно было сидеть, наконец, сложа руки, предоставляя другим выбирать путь, вести корабль вперед.

Повсюду, где мы ни проходили, нам навстречу открывалось сердце норвежского народа – оно билось на пароходах, переполненных празднично одетыми горожанами, и на самой бедной рыбацкой лодке, одиноко качавшейся среди шхер. Казалось, сама Родина-мать, старая наша Норвегия, гордясь нами, крепко заключает в свои горячие объятия, прижимает к сердцу, благодарит за то, что мы сделали [\[384\]](#).

А что, собственно, мы сделали особенного? Мы исполнили свой долг, сделали не более того, что взяли на себя, и скорее мы должны были благодарить ее за право совершить плавание под ее флагом.

Памятно одно утро в Брёнёзунде. Было еще пасмурно и свежо, когда меня разбудили. Много народу собралось приветствовать нас.

Полусонный вышел я на палубу. Весь залив был заполнен лодками; мы медленно пробирались среди них.

Но вот лоцманский «Хологалан» пошел быстрее, и мы тоже ускорили ход.

Один рыбак изо всех сил старался не отстать в своей лодчонке, но это было нелегко. Тогда он закричал мне:

– Не надо ли вам рыбы?

– Нет, рыбы нам не нужно.

– Не можете ли вы сказать мне, где Нансен? Верно, там у себя на «Фраме»?

– Нет, он здесь на палубе.

– О, нельзя ли мне как-нибудь взобраться на судно, посмотреть его каюту?

– Это, пожалуй, трудно. Вряд ли есть время останавливаться.

– Вот жалость! А мне хотелось бы повидать этого человека.

Он продолжал грести. Ему становилось все труднее поспевать за нами, но он не отрывал от меня глаз. Я стоял, опираясь на релинг, и улыбался. Кристоферсен, стоявший рядом, тоже.

– Ну, если уж вам так хочется видеть этого человека, могу сказать, что он перед вами, – промолвил я.

– Это вы! Это вы! Я так и думал. Добро пожаловать на родину!

При этих словах рыбак бросил весла, встал во весь рост в лодке и снял шапку.

Плывя в это прекрасное утро на элегантной английской яхте и глядя на скудный, но прекрасный берег, который расстился передо мной, освещенный лучами солнца, я со всей полнотой почувствовал, как близки моему сердцу эта страна и этот народ.

Если я внес хоть один-единственный луч света в его жизнь, то эти три года не пропали даром.

Норвегия, моя дорогая родина...

Чудная страна, звезда Севера!

Ни один народ не имеет

Такой прекрасной отчизны, как мы.

О, как чудесна ты сейчас весной,

Когда весело щебечут птицы,

И солнце отражается в прозрачных ручьях,

Которые низвергаются с зеленых гор в море...

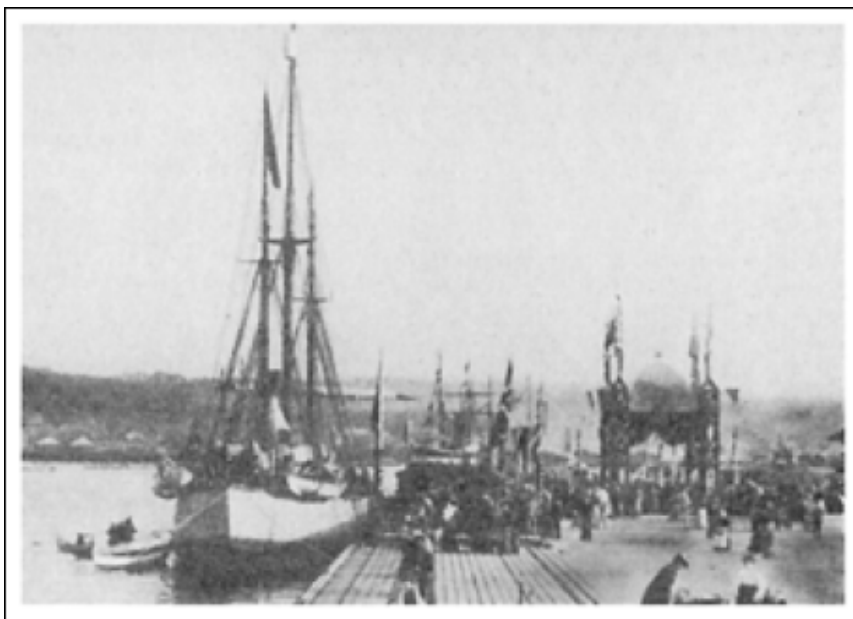
Кто знает Норвегию, тот должен понять:

За такую страну можно и пострадать ее сынам!

Чувствовалось, сколько жизни и сколько внутренних сил таится в этом народе, и, словно видение, вставало перед взором моим великое и славное будущее наше, когда все скованные теперь силы народные освободятся от оков и станут свободными!..

Теперь я вернулся к жизни, полной света и надежд. Наступил вечер, солнце село где-то далеко за синим морем, и светлая прозрачная осенняя прохлада легла на воду. Было так чудесно, что с трудом верилось в реальность окружающего мира. Но женский силуэт у борта, рисовавшийся на горящем от заката вечернем небе, вливал в душу спокойствие и уверенность.

Так проходили мы вдоль берегов Норвегии, от города к городу, от одного торжества к другому. 9 сентября «Фрам» вошел в Христианийский залив, где была устроена встреча, которой мог бы позавидовать любой принц. Старые заслуженные броненосцы «Нордетьернен» («Северная звезда») и «Элида», новый изящный корабль «Валкирия» и проворные маленькие миноноски показывали нам путь. Флотилия пароходов окружила нас; на палубах было черным-черно от массы народа. Все суда были украшены флагами, гремели салюты, раздавались «ура», люди махали платками и шляпами, везде виднелись сияющие лица. Весь фьорд слился в одно восторженное приветствие.

Тронхейм. 29 августа 1896 г. Чествование участников экспедиции на «Фраме»

Справа Триумфальная арка, сооруженная специально по этому поводу

А вот там, вдали, на хорошо знакомом берегу стоял родной дом, на солнце сверкала улыбкой его крыша... И опять новые и новые пароходы, возгласы и приветствия. Держа шляпы в руках, мы раскланивались в ответ на бесконечные «ура».

Весь Пеппервикен представлял сплошную массу судов, людей, флагов и развевающихся вымпелов. Затем военные корабли салютовали нам тринадцатью пушечными выстрелами каждый; вслед за ними прогремели тринадцатью выстрелами пушки старой крепости Акерсхус, и эхо прокатилось по окрестным горам.

Пульхёгда, построенная в 1902 г. по чертежам архитектора Ялмара Вельхавена

Вечером я стоял на набережной в глубине фьорда. Праздничный шум стих. Кругом безмолвно вился темный хвойный лес, догорали последние угли приветственного костра, а у ног моих плескалось море, нашептывая: «Вот ты и дома». Глубокий мир осеннего вечера охватывал утомленную душу.

Я не мог не вспомнить то дождливое июньское утро, когда я в последний раз шел по этому берегу. Прошло больше трех лет с тех пор. Мы боролись, работали, сеяли зерна. Теперь настала осень, пора жатвы. Я готов был зарыдать от избытка радости и благодарности.

Полярные льды и долгие лунные ночи там, на Севере, со всеми их лишениями и тоской казались теперь давним сном из иного мира, сном, пригрезившимся когда-то и давно растаявшим...

Но – *«чем бы была наша жизнь, лишенная грез»?*

Отчет капитана Отто Свердруп о плавании «Фрама» после 14 марта 1895 г.

1. С 15 марта по 22 июня 1895 г.

Еще 26 февраля доктор Нансен официально сообщил экипажу, что после того как он покинет судно, я становлюсь начальником экспедиции, а лейтенант Скотт-Хансен – моим помощником. Перед самым отъездом, 14 марта, Нансен вручил мне, кроме того, письмо, или инструкцию, следующего содержания:

«Капитану Отто Свердрупу, командиру «Фрама»

Покидая в сопровождении Йохансена «Фрам», чтобы предпринять путешествие на север – если окажется возможным до самого полюса – и оттуда к Шпицбергену, по всей вероятности, через Землю Франца-Иосифа, я передаю тебе дальнейшее руководство экспедицией до ее завершения. С того дня, как я покину «Фрам», к тебе перейдет во всей полноте власть, которая до сих пор принадлежала мне, и все остальные должны беспрекословно подчиняться тебе или тому, кого ты назначишь начальником. Я считаю излишним давать тебе какие бы то ни было указания относительно того, что следует предпринимать при тех или иных случайностях – даже если бы возможно было дать эти указания; я знаю, что ты сам сумеешь найти лучший выход из затруднительных положений, и считаю поэтому, что могу со спокойной совестью покинуть «Фрам».

Главная задача экспедиции – пройти неизвестное Полярное море из области, окружающей Новосибирские острова, до области, лежащей к северу от Земли Франца-Иосифа, и далее к Атлантическому океану у Шпицбергена или Гренландии. Я нахожу, что наиболее существенная часть задачи уже решена, остальная будет разрешена, когда экспедиция пройдет дальше на запад. Чтобы сделать экспедицию еще более плодотворной, я предпринимаю попытку проникнуть дальше на север на

собаках. Твоя обязанность – доставить порученных тебе людей благополучно на родину, не подвергая их никакой ненужной опасности ни ради сохранения судна или груза, ни ради научных результатов экспедиции.

Никто не знает, сколько времени пройдет, прежде чем «Фрам» выйдет в открытое море. У тебя хватит провианта еще на несколько лет; но если по каким-нибудь непредвиденным причинам экспедиция слишком затянется, или экипаж начнет страдать от болезней, или ты по каким-нибудь другим соображениям сочтешь за лучшее покинуть судно, это должно быть сделано безусловно. Ты сам определишь, в какое время года лучше всего это сделать и какой путь вам избрать. Если требуется мое мнение, то я счел бы за лучшее держать курс на Землю Франца - Иосифа или на Шпицберген. Если экспедицию будут разыскивать после моего и Йохансена возвращения, именно туда будут в первую очередь направлены поиски. Где бы вы ни подходили к берегу, ты должен возможно чаще ставить на мысах и выступях гурии [\[385\]](#) и оставлять в них краткие сообщения о том, что вами сделано и куда вы направляетесь. Для того чтобы можно было отличить эти знаки от всяких других, ставь второй подобный же знак, но совсем маленький, в ч е т ы р е х м е т р а х от большого, по направлению к магнитному северу.

Вопрос о наиболее подходящем снаряжении на случай, если придется покинуть «Фрам», мы обсуждали с тобой так часто, что я считаю лишним останавливаться на этом здесь. Я знаю, что ты позаботишься как можно скорее соорудить необходимое и держать наготове комплект каяков для всех людей, нарт, лыж и других предметов снаряжения для того, чтобы облегчить себе в случае необходимости возвращение домой по льду. Указания, какой провиант я считаю наиболее подходящим для такого путешествия и о необходимом количестве его из расчета на каждого человека, я даю тебе отдельно.

Я знаю также, что ты всегда и все будешь держать в такой исправности, чтобы в наикратчайший срок покинуть «Фрам» в случае какого-либо внезапного несчастья, например пожара или напора льдов. Я считал бы весьма благоразумным всегда держать на льду, если он

достаточно надежен, постоянный запас провианта и снаряжения, как это практиковалось у нас в последнее время. Все необходимые вещи, какие нельзя оставлять на льду, должны быть сложены на судне так, чтобы к ним при любых обстоятельствах можно было легко подойти. Сейчас, как ты знаешь, у нас на льду хранятся только концентраты для санной экспедиции. Но может случиться, что экспедиция, прежде чем отправиться в путь, долгое время пробудет на месте; на та кой случай было бы в высшей степени желательно спасти с судна как можно больше мучных продуктов, овощных и рыбных консервов. Поэтому я бы посоветовал держать на льду наготове про черный день запас из этих продуктов.

Если «Фрам» будет отнесен дрейфом далеко на север от Шпицбергена и попадет в течение у восточного берега Гренландии, то возможны различные случайности, о которых трудно сказать что -нибудь сейчас. Но если вы будете вынуждены там покинуть «Фрам» и добираться к земле, желательно, чтобы ты позаботил ся и в этом случае воздвигнуть гурии, как я уже говорил (с сообщением о том, куда вы направились и т. д.), так как возможно, что поиски экспедиции будут производиться и в этих областях. Куда лучше вам в таком случае двигаться, к Исландии (которая всего ближе и к которой в начале лета ты сможешь добраться, следуя вдоль кромки льда) или же к датским колониям на западе от мыса Фарвель, – об этом лучше всего судить тебе самому, в зависимости от обстоятельств.

Кроме необходимого провианта, оружия, одежды и снаряжения, оставляя «Фрам», ты должен взять с собой в первую очередь все научные материалы, дневники, записи наблюдений, все научные коллекции, которые окажутся не слишком тяжелыми, а в случае невозможности – небольшие образцы их, фотографии – лучше всего негативы – пластинки и пленки, если они окажутся чересчур тяжелы, то хотя бы отпечатки. Желательно взять ареометр Одермана, при помощи которого производилось большинство измерений удельного веса морской воды. И, конечно, все записи и заметки, которые могут представить какой-нибудь интерес. Я оставляю несколько дневников и письмо,

которые особенно прошу поберечь и передать Еве, если я не вернусь домой или же если вы, вопреки ожиданиям, прибудете домой раньше нас.

Хансен и Блессинг, как тебе известно, взяли на се бя различные научные наблюдения и составление коллекций; сам же ты должен позаботиться об измерениях глубины, чтобы они производились так часто, как только возможно и насколько позволит состояние лinya. Я считаю крайне желательным, чтобы измерения производи лись, по крайней мере, через каждые 60 морских миль ^[386]. Если их можно будет производить еще чаще, тем лучше. Само собой разумеется, что при уменьшении или изменении глубины измерения надо производить чаще.

Так как экипаж и без того небольшой, а теперь уменьшается еще на два человека, то, пожалуй, на долю каждого выпадет немало работы. Но я уверен, что ты всегда сумеешь выделить для производства научных наблюдений в полном их объеме столько людей, сколько и когда понадобится.

Ты позаботишься также о том, чтобы каждые 10 дней (первого, десятого и двадцатого каждого месяца) производилось бурение льда для определения его мощности, как это делалось до сих пор. В большинстве случаев бурение производил Хенриксен, и в этом деле на него вполне можно положиться.

В заключение желаю всяческого счастья тебе и всем, за которых ты теперь несешь ответственность. До счастливой встречи в Норвегии – на борту этого корабля или без него.

Преданный тебе Фритъоф Хансен

«Фрам», 25 февраля 1895 г.

P. S. В этой инструкции, наспех написанной ночью 25 февраля, я упустил ряд вопросов, которые следовало обсудить. Ограничусь лишь напоминанием, что в случае если вы увидите неизвестную землю, то необходимо, само собой разумеется, приложить все старания , чтобы возможно точнее определить ее местоположение, насколько позволят обстоятельства. Если «Фрам» окажется настолько близко к ней, что ты сочтешь возможным посетить ее без особого риска, то всякое

исследование этой земли будет в высшей степени интересно . Каждый камень, каждый стебелек травы, каждый образец мха или лишайника оттуда, каждое животное – от самого крупного до самого мелкого – будут иметь большое значение. Не следует упустить случая сфотографировать землю и дать самое точное описание ее, для чего вам надо стараться объехать землю по возможности кругом, чтобы определить береговую линию, площадь и т. п. Все это, однако, ты должен предпринимать лишь при условии, что это не будет сопряжено с риском для вас. Если «Фрам» будет по-прежнему дрейфовать во льдах, само собой разумеется, что можно будет предпринять лишь небольшие экскурсии, так как возвращение на судно после дальней экскурсии может натолкнуться на неожиданные и серьезные трудности. Если даже «Фрам» будет стоять на месте более или менее продолжительное время, то и в таком случае экскурсии должны предприниматься с соблюдением крайней осторожности и не должны затягиваться, так как никто не может знать, когда снова начнется дрейф. Нельзя ни в каком отношении считать желательным новое уменьшение экипажа.

О научных наблюдениях мы с тобой беседовали так часто, что я не считаю нужным давать тебе здесь еще какие-нибудь наставления. Я уверен, что ты сделаешь все, от тебя зависящее, чтобы провести их в возможно более полном объеме, и что экспедиция вернется с такой богатой добычей, какую только разрешат обстоятельства.

Еще раз желаю полного успеха и счастливой встречи в недалеком будущем.

*Преданный тебе Фритьоф Нансен
«Фрам», 13 марта 1895 г.».*

На другой день после того числа, каким помечен постскриптум, в четверг, 14 марта, в 11 ч 30 мин утра доктор Нансен и Йохансен покинули «Фрам» и начали свое санное путешествие. Мы простились с ними, подняв флаг и вымпелы и салютовав им выстрелами. Скотт - Хансен, Хенриксен и Петтерсен проводили уходивших до места первой стоянки за 1,6 мили от судна и вернулись обратно на следующий день в 2 ч 30 мин пополудни.

Утром они помогли запрячь собак и снарядить нарты. В последней запряжке находились Барнет (Дитя) и Пан, которые всегда были смертельными врагами^[387]. Пока их запрягали, они принялись драться, и Хенриксену пришлось поколотить Барнета, чтобы заставить его прекратить драку. Из-за этой драки последняя запряжка несколько задержалась. Между тем остальные собаки пытались тащить изо всех сил, и потому, когда сцена наказания была окончена и оба нарушителя мира тоже стали тянуть, сани пошли быстрее, чем рассчитывал Йохансен. Он отстал и принужден был долго догонять их на лыжах. Скотт-Хансен с двумя товарищами долго стояли, глядя вслед уходившим, пока они не превратились в маленькую черную точку далеко-далеко на беспредельной ледяной равнине. Затем, бросив прощальный взгляд, на тех, кого, быть может, не суждено нам больше увидеть, они надели лыжи и пустились в обратный путь.

В день отъезда санной экспедиции «Фрам» находился под 84°04 северной широты и 102° восточной долготы. Нос его был обращен приблизительно на ЮВ, а положение его кратко было следующим. Судно вмерзло в лед примерно 7-метровой мощности и имело небольшой крен на правый борт. Под килем «Фрама», стало быть, лежал слой льда в несколько метров мощности. С левого борта по всей длине судна высокой дугой от ЮЮВ к ССЗ громоздился выжатый лед, доходя у полушканцев на корме до реллингов^[388]. В расстоянии приблизительно 150 м к северо-западу от корабля простиралась с севера на юг длинная, довольно широкая ледяная гряда, достигавшая 7-метровой высоты – Б о л ь ш о й т о р о с, как мы ее называли. На полпути между ней и судном находилась недавно образовавшаяся полынья шириной около 50 м. Примерно в 50 м от носа корабля, в направлении, перпендикулярном к нему, лежала старая полынья, заваленная осколками во время напора льда и вскрывшаяся вновь лишь поздней весной.

На Большом торосе, который образовался при мощном сжатии льдов 27 января 1894 г., на склоне, обращенном к судну, был устроен склад. Он состоял из шести-семи небольших куч, прикрытых парусиной, в которых лежали жестянки с провизией и другие предметы первой

необходимости. Тут же были сложены наши нарты и лыжи. На полпути между судном и Большим торосом расположилась наша моторная лодка, которую, после того как прямо под ней образовалась новая полынья, пришлось отнести подальше на лед.

Наконец, тут же у нас была кузница, вырубленная на расстоянии 30 м от левого борта «Фрама» в склоне упомянутого выше тороса; крышу ее устроили из нескольких шестов, на которые были навалены ледяные глыбы, засыпанные сверху снегом; все вместе смерзлось в компактную массу. Дверью служил брезент.

Первым и самым неотложным нашим делом было удалить хотя бы часть ледовых нагромождений, которые налегли на левый борт. Я боялся, что при повторении сжатия близкое соседство этого нагромождения создаст серьезную угрозу судну: вместо того чтобы выжиматься наверх, под тяжестью льда оно может затонуть.

Для работы у нас имелось пять нарт с ящиками; к каждому нарту было прикреплено по два человека. Работу 19 марта начал весь экипаж. Одновременно работали теперь две смены спереди и две сзади судна, направляясь навстречу друг другу, тогда как третья партия, два человека при одних нартах, рыла проход шириной в 4 м прямо к середине судна. Слой льда, удаляемый от борта судна, имел мощность в два человеческих роста, за исключением среднего прохода, где уже раньше был снят двухметровый слой льда, чтобы обезопасить эту наиболее низкую часть судна и чтобы освободить доступ к трапу, по которому собаки спускались с судна и всходили на него.

Расчистка льда окончилась 27 марта. С левого борта снята была столь значительная часть льда, что открылись две с половиной доски ледовой обшивки. Все время, пока продолжалась работа, погода была довольно холодная: от -38 до -40 °С. Однако все обошлось благополучно, если не считать того, что Скотт-Хансен имел несчастье отморозить себе большой палец на ноге.

Моей парой у нарт был доктор. «Он вечно подозревает, что я в плохом настроении, а я подозреваю в том же его», – записано у меня в дневнике. Все дело в том, что я не люблю разговаривать, когда занят

какой-нибудь работой; доктор же, напротив, становится необычайно разговорчивым. Когда я по обыкновению своему работал молча, доктор считал, что я в дурном настроении, и переставал болтать, а тогда то же самое я думал о нем. Недоразумение скоро, однако, выяснилось, и мы от души посмеялись.

После отъезда доктора Нансена и Йохансена на судне стало просторнее и возникла возможность иначе разместиться.

Я перебрался на правый борт, в каюту Нансена, точно такую же, как моя. Штурман Якобсен, который прежде помещался четвертым в большой каюте левого борта, получил мою каюту. В четырехместной каюте правого борта теперь осталось трое вместо четверых. А рабочая каюта снова попала в почет. Ламповые стекла в керосиновой печи полопались, но Амунсен заменил их жестяными трубками, вставив внизу для наблюдения за огнем кусочки слюды. Когда печь была готова, а каюту почистили и прибрали, она стала самым уютным и любимым помещением на корабле.

После приведения в порядок судна и складов мы позаботились об удобном спуске с судна на лед, для чего устроили на корме сходни, т. е. поставили два шеста, к которым приколотили планки, вырубленные из досок ящика, и снабдили их веревочными перилами.

После этого началась долгая и сложная работа по подготовке санного путешествия на юг – на тот случай, который, правда, всем нам казался маловероятным, если бы нам пришлось покинуть «Фрам». Мастерили нарты и каяки, шили мешки для клади, отбирали и взвешивали продовольствие и другие необходимые в пути вещи и т. п. Эта работа заняла много времени. Вдобавок было мало лыж, а необходимо было запастись крепкими, удобными лыжами хотя бы по одной паре на каждого человека. Но из чего было сделать их? На судне не оставалось больше годного для лыж материала. Правда, имелось большое дубовое бревно, которое можно было бы пустить на лыжи, но не было подходящей пилы для его разделки; маленькими ручными пилами нечего было и думать с ним справиться. Тогда мы додумались использовать пилу, служившую для распиливания льда. Амунсен

переделал ее в обыкновенную длинную пилу для дерева, Бентсен приладил к ней ручки, и, как только она была готова, Мугста и Хенриксен принялись распиливать бревно. Вначале дело не клеилось, пила выскальзывала и гнулась, приходилось вновь ее разводить, но мало-помалу дело пошло на лад. 6 апреля бревно было распилено на шесть пар хороших досок, годных для изготовления лыж. Для просушки их положили в кают-компанию.

Так как для перехода с тяжело нагруженными нартами по такому неровному бугристому пути, как полярные льды, канадские лыжи несравненно лучше норвежских, я заказал Мугсте 10 пар канадских лыж из кленового дерева, которое у нас на судне еще оставалось. Вместо сетки из ремешков оленьей кожи мы натянули между рамами парусину, которая служила несколько не хуже и имела то преимущество, что ее легче было чинить.

На норвежских лыжах, которые еще были у нас в запасе, мы часто предпринимали экскурсии, в особенности Скотт-Хансен и я. Во время одной из таких прогулок с участием Амунсена, Нурдала и Петтерсена мы набрали в мили к западу от судна на огромный ледяной холм, который называли Ловунден, так как он походил на остров Ловунден в Хологалане. С этого холма было удобно скатываться на лыжах, и мы досыта упражнялись в этом.

К 1 мая были готовы все лыжи, предназначавшиеся для постоянного употребления, и я распорядился отныне ввести ежедневные, обязательные для всех в случае хорошей погоды лыжные прогулки с 11 ч утра до 1 ч. Прогулки всем очень нравились и были полезны не только как хороший моцион на свежем воздухе, но и как тренировка, развивавшая у неопытных в ходьбе на лыжах товарищей необходимую ловкость – на случай, если пришлось бы расстаться с «Фрамом».

Пока мы увлекались лыжными прогулками, снова начались подвижки льда. В 10–15 м от судна между нами и складом образовалась новая полынья, параллельная старой, и, кроме того, появилось много и широких, и узких трещин во всех направлениях. Несколько позднее,

между 11 апреля и 9 мая, подвижки льда происходили очень часто, сопровождаясь сильными сжатиями в полынях вокруг корабля. 11 апреля вечером я и Скотт-Хансен отправились на лыжах к северо-востоку вдоль новой полыни между судном и складом. Когда мы повернули уже назад, в полынье началось сжатие, подобного которому я еще не видал. Сначала параллельно главной полынье, затянутой молодым льдом полуметровой мощности, открылась совсем узкая новая полынья, потом параллельно ей образовалась подальше вторая. Во время сжатия края полыней ударялись друг о друга с такой силой, что лед прогибался вниз, и потом мы не раз находили лед на глубине 7 – 8 м под водой.

Весной льды вокруг «Фрама» покрылись сетью ручейков и небольших озер

Новообразовавшийся морской лед поразительно пластичен и может сильно прогибаться, не ломаясь. В другом месте мы видели и, как молодой лед, не давая трещин, выгибался высокими крутыми волнами.

5 мая широкая полынья за кормой сомкнулась, и взамен образовалась трещина во льду по левому борту, на расстоянии около 100 м от судна и почти параллельно нашему курсу. Положение судна несколько изменилось: «Фрам» не был больше спаян со сплошным ледяным полем и не зависел от него, так как от поля его отделяли

открытые полыньи; судно стояло прикованное к большой льдине, которая по мере появления новых трещин с каждым днем уменьшалась.

Главная полынья за кормою в течение конца апреля все больше расширялась и к 29-му стала очень широка. Она простиралась далеко на север до видимого горизонта, отбрасывая на небо темное отражение. Предельной своей ширины она достигла, по -видимому, 1 мая, когда я и Скотт-Хансен, измерив ее, нашли, что около самой кормы «Фрама» ширина полыньи составила 900 м, а дальше к северу – 1432. Если бы «Фрам» освободился, я бы повел его по этому разводью на север, насколько это оказалось бы возможным. Но теперь нечего было и думать об этом, так как «Фрам» был крепко зажат и скован льдом.

2 мая полынья снова сомкнулась. Штурман Нурдал и Амунсен, ходившие в этот день на лыжную прогулку к югу вдоль полыньи, были очевидцами сжатия; по их словам, это было величественное зрелище. Свежий юго-восточный ветер гнал льды с большой скоростью, и сила столкновения была очень велика. Прежде всего столкнулись два высоких ледяных мыса, из обломков которых в одно мгновение с громовым треском вырос торос высотой 6–7 м; вслед за этим столь же внезапно он развалился и исчез под краем льда. Повсюду, где лед не выжимало кверху, один край полыньи насакивал на другой или проскальзывал под него, а все ледяные выступы, плоские и высокие, дробились на тысячи мелких осколков, которые плотно забивали небольшие отверстия, кое-где остававшиеся от недавно еще огромной полыньи.

Наш дрейф к северу в течение первого месяца был почти равен нулю. Так, к 19 апреля мы подвинулись на север не больше, чем на четыре минуты. Дрейф к западу тоже был не особенно сильным – за то же время нас отнесло всего лишь на 41 морскую милю. Впоследствии мы стали двигаться быстрее, но все же далеко не так быстро, как в 1894 г. В дневнике за 23 мая я писал следующее: «Все мы очень интересуемся, каков будет результат нашего дрейфа. Если бы мы могли достигнуть к лету или к осени хотя бы 60° восточной долготы, можно было бы надеяться вернуться домой осенью 1896 г. Но весенний дрейф в этом

году значительно слабее прошлогоднего, хотя, быть может, он продлится и захватит лето. При скорости летнего дрейфа, как в прошлом году (с 16 мая по 16 июня), к 16 июня нынешнего года мы должны были бы находиться под 68° восточной долготы. Но этой долготы при данных обстоятельствах, по-видимому, невозможно достигнуть. Впрочем, нам, может быть, удастся избежать сильного обратного дрейфа в течение лета и вместо того подвинуться немного вперед. Это было бы всего лучше. Лед в нынешнем году не так изрезан полыньями, как в прошлом году в это же время, когда из-за разводьев почти невозможно было ходить по льду. Перед нами расстилаются широкие равнины почти сплошного льда, без полыней».

Для наблюдения за дрейфом льда мы устроили своего рода лаг. Он представлял собой 200—300-метровый линь, на конце которого был укреплен конусообразный открытый мешок из редкой ткани, с луживший для ловли мелких морских животных. Над самым мешком к канату привязали груз так, чтобы мешок мог свободно плавать в воде. Лаг был спущен через довольно широкое отверстие во льду, сохранить которое открытым в течение холодного времени года стоило немалых трудов. Несколько раз в день линь осматривали и измеряли угол отклонения, вызванный дрейфом. Для этого сконструировали квадрант, снабженный лотлинем. Иногда лаг вытаскивали наверх, чтобы проверить, в порядке ли он, и вынуть из мешка весь улов. Обычно он был незначителен.

К концу мая весенний дрейф кончился. Ветер перешел в юго-западный, потом в западный и северо-западный, и начался летний дрейф, относивший нас назад. Но продолжался он, однако, недолго: уже 8 июня снова подул довольно сильный восточный ветер, погнавший нас снова на запад, и 22 июня мы очутились под $84^{\circ}31,7$ северной широты и $80^{\circ}58$ восточной долготы. В конце июня и в течение большей части июля дрейф был еще лучше.

Однообразие нашей жизни среди плавучих льдов в течение зимы и весны 1895 г. в немалой степени усугубилось отсутствием животной жизни в той части Полярного моря, в которой «Фрам» в то время находился. Долго мы не видели ни одного живого существа: не

показывались даже белые медведи, которых раньше блуждало вокруг очень много. Поэтому появление днем 7 мая тюленя в новой полынье возле судна встретили всеобщим восторгом. Это был молоденький тюлень, первый с марта месяца. Позднее мы часто видели таких тюленей в разводьях, но они были настолько пугливы, что нам удалось убить только одного из них и уже в середине лета. Он был, однако, так мал, что мы в один присест съели его целиком, исключая внутренности.

14 мая Петтерсен сообщил, что видел птицу; как ему показалось, белую чайку, которая летела на запад, 22-го Мугста видел кружившую около судна пуночку. Потом с каждым днем число вестников весны росло.

С охотой дело долгое время не ладилось. Только 10 июня у нас на столе появилась первая дичь: доктору удалось застрелить глупыша и моевку (*Larus tridactylus*). Правда, начал он охоту несколько ми промахами, но в конце концов ему все-таки посчастливилось попасть в цель, а «все хорошо, что хорошо кончается». За глупышом была дикая погоня: он был подстрелен в крыло и бросился в полынью. Петтерсен пустился ловить его. За Петтерсеном Амунсен, за Амунсеном сам доктор, за доктором Скотт-Хансен и все собаки. Общими усилиями удалось глупыша прикончить.

С тех пор почти ежедневно можно было видеть поблизости птиц. Чтобы легче было охотиться на них, а также и на тюленей, мы спустили на воду в полынье промысловую лодку. Ее снабдили парусом и балластом из чугунных частей ветряного двигателя. В первый же вечер Скотт-Хансен, Хенриксен и Бентсен решили покататься под парусом. Собаки воспользовались этим для основательного моциона. Они носились взад и вперед вдоль края полыньи взапуски с лавировавшей в полынье шлюпкой. Больших трудов стоило им не отставать от шлюпки: часто приходилось обходить небольшие полыньи и бухточки, а когда они, запыхавшись и высунув языки догоняли наконец шлюпку, та поворачивала, и им снова приходилось повторять свои маневры. 20 июня доктор и я застрелили по кайре. Мы видели также несколько люриков, но собаками тоже овладел охотничий пыл, и, желая вкусить

прелесть погони за птицей после столь долгого и скучного одиночества, они, опередив нас, разогнали люриков, прежде чем мы успели подойти к ним на расстояние выстрела.

Ветряную мельницу пришлось снять. В один прекрасный день лопнула ось верхнего колеса. Петтерсен сварил ось в кузнице, и 9 мая мельницу опять можно было пустить в ход; однако ее части были уже сильно изношены, особенно зубчатые колеса, и через какой-нибудь месяц, т. е. в первую же неделю июня, пользоваться ею стало почти невозможно. Тогда мы разобрали ее и сложили все деревянные и литые части на торосе с левого борта, оставив на судне только куски твердого дерева, которые годились на полозья и другие такие же поделки.

Погода в течение марта, апреля и мая держалась все время хорошая: преобладал слабый восточный ветер или полный штиль, воздух обычно бывал прозрачным. Раз два-три ветер переходил в южный или западный, но такие перемены бывали всегда кратковременными. Вечное безветрие стало в конце концов для нас истинным наказанием, так как еще больше увеличивало уныние; томительное однообразие окружающей обстановки угнетающе действовало на настроение. Немного лучше стало к концу мая, так как некоторое время дул свежий западный ветер. Правда, это был неблагоприятный для нас ветер, но все же он принес некоторые перемены. 8 июня ветер снова перешел в восточный и усилился, превратившись в воскресенье 9-го в штормовой от ВСВ, со скоростью 10,6 м. Попутного ветра такой силы уже давно не было.

Удивительно, как одни только сутки попутного ветра изменили настроение экипажа! Все, кто прежде бродил вяло и безучастно, теперь вдруг проснулись, воспряли духом и стали предприимчивыми. Лица прояснились. Раньше все разговоры сводились к односложным «да» и «нет»; теперь с утра до вечера люди перекидывались шутками и остротами, со всех сторон слышались смех, песни и оживленная болтовня. Настроение поднялось, а вместе с ним крепились надежды на хороший дрейф. На сцену была извлечена карта, и начали строиться не весьма обоснованные предположения. «Если ветер продержится до

такого-то дня, то мы к этому дню будем уже там -то и там-то. Ясно, как божий день, что мы будем дома осенью 1896 г.! Стоит лишь посмотреть, насколько мы продвинулись до сегодняшнего дня, а чем дальше будем мы двигаться к западу, тем быстрее будет дрейф...» И так далее... и так далее.

Мороз, в середине марта не превышавший -40°C , в течение апреля упорно держался между -30 и -25°C , но в мае сравнительно быстро стал уменьшаться. Примерно в половине мая термометр стал показывать около -14°C , а в конце мая – всего -6°C . 3 июня – это до сих пор был самый теплый день – возле судна образовалось большое озеро талой воды, несмотря на то что наивысшая температура в этот день была -2°C , а небо оставалось пасмурным ^[389].

5 июня ртуть в термометре первый раз остановилась выше точки нуля: на плюс $0,2^{\circ}\text{C}$. Затем температура в течение нескольких дней снова понизилась до -6°C , но 11-го числа опять поднялась приблизительно до $+2^{\circ}\text{C}$ и так далее.

Осадки в течение упомянутого периода выпадали в крайне незначительных количествах: лишь изредка наблюдался небольшой снегопад. Исключение составил четверг, 6 июня. Ветер до этого в течение нескольких дней дул с юга и запада, ночью повернул на северо - запад, а утром в 8 ч задул свежий бриз с севера. Тогда и начался необычайно сильный снегопад.

Полуночное солнце мы увидели первый раз в ночь на 2 апреля.

Одной из главных задач экспедиции было исследование глубин Полярного моря. Однако наши самодельные и непрочные тросы вскоре настолько износились от трения и ржавчины, что пришлось соблюдать в обращении с ними крайнюю осторожность и ограничить число измерений куда больше, чем это было желательно. Случалось также, что линь обрывался при подъеме и мы теряли значительные его куски.

После отъезда доктора Нансена и Йохансена первый раз измеряли глубину 23 апреля. Мы думали, что лот сразу дойдет до глубины 3000 м, но, достигнув всего 1900 м, линь ослаб. Можно было подумать, что лот достиг дна, и линь вытащили обратно. Тогда выяснилось, что дно не

достигнуто. Мы снова вытравили 3000 м, но потеряли оборвавшийся конец, приблизительно в 900 м длиною. На основании этого я решил, что лот коснулся дна на глубине 2100 м, и спустил новый лот на эту глубину, но дна не достал. На следующий день опускали лот последовательно на глубину 2100, 2300, 2500 и 3000 м, но ни разу дна не достали. На третий день, 25 апреля, вытравили сперва 3000, потом 3200 м, но попрежнему дна не достали. Так как стальной трос оказался коротким, то пришлось удлинить его, наставив пеньковый канат. Снова опустили лот на глубину 3400 м. Вытягивая лотлинь, заметили, что он оборвался, и потом оказалось, что, кроме наставки из 200 м пенькового каната, потеряно еще около 500 м стального троса.

Пришлось отложить измерения глубины вплоть до 22 июля, так как пеньковые канаты настолько изнашивались, что мы решили не пользоваться ими до наступления более мягкой погоды.

Погода и ветер были, само собой разумеется, излюбленными темами разговоров на «Фраме», особенно в связи с вопросом о дрейфе. На борту, как подобает, был свой предсказатель погоды – Петтерсен. Его специальностью были предсказания попутного ветра – и в этом он был неутомим, хотя предсказания далеко не всегда сбывались. Выступал он со своими пророчествами и по другим поводам, и ничто не доставляло ему такого удовольствия, как пари насчет его предсказаний. Если он выигрывал, то много дней подряд сиял от радости, если же проигрывал, то умел так запутать объяснениями и свое предсказание и результат, что казалось, будто обе стороны правы.

Подчас, как я уже сказал, Петтерсену не везло, и тогда его беспощадно поднимали на смех. Но бывало, что пророчества одно за другим сбывались, и тогда его охватывало такое воодушевление, что он готов был предсказывать и биться об заклад, о чем угодно. Один из наиболее жестоких провалов принесло ему пари 4 мая со штурманом насчет того, что мы еще до конца октября увидим землю. А 24 мая он бился об заклад с Нурдалом, что в понедельник вечером (27 мая) будем под 80° восточной долготы. Нечего и говорить, что все горячо желали, чтобы его невероятное пророчество сбылось, но, увы, чудо не

свершилось, даже и к половине июня мы еще не подвинулись так далеко на запад, и лишь 27 июня «Фрам» прошел 80-й градус долготы.

В конце мая солнце и весенняя погода начали сильно разъедать снежный покров вокруг судна, на льду перед форштевнем «Фрама» образовалось озерко снеговой воды. Так как снег вдоль всей стенки корабля, особенно у форштевня, изобиловал сажей, отбросами и нечистотами из собачьих конур, то возникло опасение, что вместе с таянием начнется по крайней мере неприятное зловоние. Если бы озеро расширилось, как в прошлом году, вокруг всего судна, то могло быть так, что у нас совсем не было бы чистой воды даже для умывания. Поэтому я распорядился отгрести снег с правого борта и отвести его в сторону. Работа эта заняла около двух дней.

Наступление весны задало нам порядочно работы как внутри судна, так и вне его. Прежде всего нужно было перенести на судно все, что было сложено на льду, на котором то и дело вскрывались новые полыньи и трещины, вдобавок некоторые припасы не выносили сырости.

Вскоре солнечные лучи стали сильно нагревать тент, под лодками и на баканцах начал таять снег. Пришлось сгрести и счистить весь снег и лед не только из-под тента, но и под лодками на юте, в проходе правого борта, в трюмах – вообще всюду, где требовалось. В отделениях кормового трюма скопилось в этом году гораздо больше льда, чем в прошлом, вероятно, потому, что зимой мы топили каюту много больше, чем прежде.

В кают-компании, библиотеке и жилых каютах была произведена основательная чистка. Да и пора было: потолок, стены, вся обстановка покрылись за долгую полярную ночь толстым бурым слоем сажи, жиры, дыма, пыли и других веществ.

Картины в кают-компании и у меня в каюте мало-помалу потемнели, как и вся обстановка, и приняли в общем весьма загадочный вид. Приложив старания и потратив немало мыла и воды, я наконец смог более или менее восстановить их былой вид.

Чистку мы кончили вечером 1 июня, накануне Троицы, а затем очень приятно провели Троицын день, за ужином была каша с маслом и,

кроме того, немало изысканных лакомств. После Троицы опять принялись за работы, которые были необходимы, если принять во внимание время года и возможность того, что летом «Фрам» мог стать на воду.

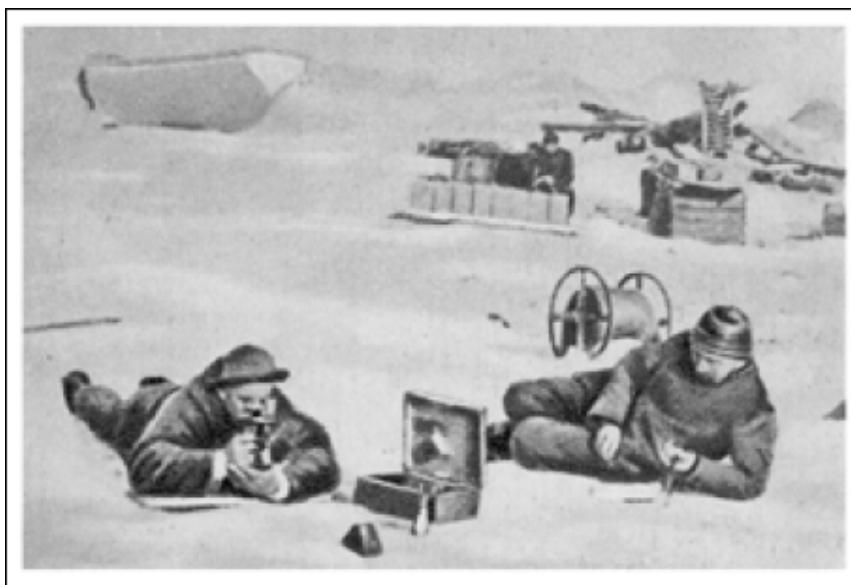
На Большом торосе по-прежнему оставалось много вещей, которые, как, например, большая часть собачьего провианта, я думал оставить там и дальше. Ящики, в которых он был упакован, сложены были в четыре кучи таким образом, что получилась крыша, с которой легко могла стекать вода; все это затем покрыли брезентом. Большая шлюпка с левого борта, которую я хотел оставить на льду до зимы, была помещена в безопасное место, на расстоянии около 50 м от судна, и снабжена парусом, снастями, веслами и полным инвентарем на всякий случай.

Соскабливание льда в трюме и с палубы окончилось около 12 июня, когда мы сделали попытку вырубить из льда «паровой свисток» (помойный желоб). Он с прошлого года был вставлен одним концом в лед, а теперь так глубоко вмерз, что никак не удавалось его вытащить. Вырубили вокруг него дыру в 4 фута глубиной, но она скоро наполнилась водой. Тогда мы предоставили летнему теплу самому освобождать желоб из льда.

В машинном отделении в это время стало набираться столько воды, что мы откачивали до 600 л за день. Сначала казалось, что вода образуется от таяния льда на внутренних стенках корабля; потом выяснилось, что в обшивке возникла течь; вероятно, намерзая между слоями обшивки, лед вызывал образование щелей.

Состояние нашего здоровья неизменно оставалось превосходным, и бедному доктору работы по специальности не находилось. «Несчастные случаи» бывали у нас самые пустячные: отморозит кто-нибудь себе большой палец на ноге, сотрет кожу на каком-нибудь из его соседей, покраснеет у кого-нибудь глаз – вот и все. Правда, мы вели чрезвычайно регулярный образ жизни, равномерно распределяя время между работой, моционом и отдыхом. Хорошо питались, крепко спали, и поэтому нас не особенно огорчило то, что при взвешивании 7 мая

обнаружена была потеря в весе. Потеря -то собственно была невелика: вся компания в целом убавилась на 3,5 кг против предыдущего месяца.

Астрономические наблюдения на «Фраме»

С одной болезнью нам, впрочем, пришлось повозиться, притом с болезнью хотя и не опасной, но чрезвычайно прилипчивой. На «Фраме» стало модной болезнью или, если хотите, просто модой брить голову. Вернейшим средством для выращивания волос стали почему-то считать сбривание начисто тех редких волосиков, какие еще красовались на темени кое у кого из лишенных шевелюры. Положил начало этой мании Юлл; его примеру один за другим последовали почти все, кроме меня и еще одного-двух товарищей. Я, как осторожный генерал, выжидал, какие побеги дадут наголо выскобленные черепа моих товарищей. Но так как растительность на их головах, по-видимому, не стала ни гуще, ни волнистее, то я предпочел поступить по совету доктора: в течение некоторого времени мыл голову зеленым мылом и втирал затем мазь. Но, чтобы она легче впитывалась в корни волос, я последовал примеру других и побрил голову раз-другой. Сам я не особенно верю в то, что лечение помогло, но Петтерсен был другого мнения. «Черт меня побери, – сказал он, подстригая меня однажды, – если у капитана после этого лечения не вырастет на голове густая щетина».

17 мая была чудеснейшая погода, какую только можно себе представить: сверкающее ясное небо, ослепительное солнце, 10 –12

градусов мороза и почти полный штиль. Солнце, которое в это время года не заходит круглые сутки, стояло уже высоко в небе, когда нас в 8 ч утра разбудили пушечный выстрел и торжественные звуки органа. Мы оделись гораздо быстрее обыкновенного, проглотили завтрак и с живейшим нетерпением стали ожидать, «что будет», так как «праздничный комитет» проявлял накануне усердную деятельность.

Ровно в 11 ч собрались – каждая под своим флагом и со своими значками – различные «корпорации» и заняли места в «торжественной процессии». Во главе ее шел я с норвежским флагом, за мной Скотт-Хансен с выпелом «Фрама», за ним Мугста со «знаменем метеорологов», роскошно расписанным «циклоническими вихрями» и «перспективами хорошей погоды»; он сидел на ящике, обитом медвежьей шкурой. Ящик стоял на нартах, в которые были впряжены семь собак, позади него развевалось знамя на огромном, как мачта, шесте. Четвертым номером выступал Амунсен с агитационным плакатом ревнителей «чистого флага»^[390] в сопровождении своего оруженосца Нурдала на лыжах, с копьем в руках и ружьем за плечами. На красном поле плаката был изображен древний норвежский воин, ломающий о колено копье, и над ним надпись: «Вперед, вперед^[391], норвежцы! Водрузите свой собственный флаг в этой стране. То, что мы делаем, мы делаем для Н о р в е г и и !» Пятым в процессии шагал штурман, неся красный флаг с норвежским гербом; шестым – Петтерсен с цеховым знаменем машинистов. Шествие замыкалось «музыкальной корпорацией» в лице одного Бентсена с гармоникой. За процессией следовала в живописном беспорядке празднично разодетая «публика» – доктор, Юлл и Хенриксен.

С развевающимися знаменами под звуки музыки процессия прошла мимо угла «университета» (иначе говоря, «Фрама») по улицам Карла Иохана и Киркегатен^[392] (т. е. по дороге, проложенной Скотт-Хансеном для этого торжественного случая через полынью к Большому торосу), мимо ресторана Энгебрета (склад на льду) и поднялась на Фэстнингсплассен^[393] (т. е. верхушку Большого тороса), где шествие остановилось и выстроилось, взяв древки знамен и флагов к ноге.

Я произнес в честь праздника маленькую речь, и в ответ прокатилось громовое девятикратное «ура» «народных масс».

Ровно в 12 ч дня дан был в честь «Семнадцатого мая» официальный салют из наших больших носовых пушек. Затем последовал великолепный праздничный обед: доктор расщедрился на бутылку водки и сверх того каждый получил по бутылке «настоящего крон-мальц экстракта» копенгагенской фирмы «Королевская пивоварня». Когда на стол было подано жаркое, Скотт -Хансен провозгласил тост за здоровье наших родных там дома и за двух отсутствующих товарищей, с пожеланием, чтобы последние достигли намеченной цели и вернулись благополучно на родину. Этот тост сопровождался двукратным салютом.

В 4 ч пополудни на льду состоялся «большой народный праздник». Площадь была убрана флагами и декорациями. В программе значились самые разнообразные развлечения и увеселения: «канатные плясуны», «гимнасты», «стрельба по бегущим зайцам» и пр., и пр. Публика все время была в самом блестящем настроении и шумно аплодировала выступавшим артистам.

После ужина, нисколько не уступавшего обеду, мы усадились в кают - компании за «чашей» дымящегося пунша. Доктор при всеобщем одобрении провозгласил тост за «комитет по организации праздника», а я тост в честь «Фрама». До глубокой ночи затянулся наш праздничный вечер, полный искреннего и дружного веселья.

2. С 22 июня по 15 августа 1895 г.

По мере наступления весны усиливались подвижки льда, со всех сторон открывались новые полыньи, и с каждым днем все больше вокруг нас появлялось животных и птиц.

В ночь на 22 июня вахтенный разбудил меня сообщением, что в полынье по правому борту видны киты. Мигом мы вскочили, бросились на палубу; в полынье у самого судна резвились 7–8 нарвалов. Дали по ним несколько выстрелов, но, по -видимому, ни в одного не попали. В тот же день попозже я отправился на охоту в китобойной шлюпке, но приблизиться к нарвалам на расстояние ружейного выстрела не удалось.

Чтобы получше организовать охоту, если нарвалы, как мы надеялись, снова посетят нас, мы приготовили два китоловных полавка и дубовую бочку, которые укрепили на конце гарпунного линя. Это помогло бы в том случае, если бы оказалось не под силу удержать загарпуненного нарвала; отпустив бочку с полавками, можно было надеяться сохранить добычу.

Нам не терпелось испробовать новый ловецкий аппарат, и мы усердно следили, не появятся ли нарвалы. Время от времени в полынье показывались один или два зверя, но исчезали они так быстро, что об их преследовании нечего было думать. Вечером 2 июля открылись как будто благоприятные виды на охоту. Полынья кишела нарвалами, и мы поторопились спустить шлюпку, чтобы зацепить гарпуном хотя бы одного. Но и на этот раз они оказались такими пугливыми, что подплыть на подходящее расстояние не было возможности. Один из них держался некоторое время в небольшой полынье, настолько узкой, что через нее можно было перекинуть гарпун или перескочить. Мы попытались подкрасться к нарвалу вдоль края полыньи, но когда подошли поближе, он испугался и поспешно нырнул в большое разводье. Там он долго плавал и кувыркался, лежал на спине по нескольку минут, выставив из воды голову и пыхтя; словом, как будто издевался над нами. Когда мы, наконец, после долгих усилий пробрались к большому разводью, рассчитывая немного поразнообразить его забавы, зверя уже и след простыл.

Несколько дней спустя нас опять посетило несколько этих шутников: на этот раз появились они в другой, недавно образовавшейся полынье, неподалеку от судна. У троих из них были огромные бивни; они высоко высовывали их из воды или почесывали ими с пины своим приятельницам. Мы тотчас вооружились ружьями, гарпунами и со всех ног бросились к полынье. Но не успели добежать, как бестии исчезли. Словом, бесполезно было даже пытаться подойти к этим пугливым существам на должное расстояние, и с тех пор мы оставляли их в покое.

Однажды, впрочем, весной 1896 г. чуть было не удалось захватить нарвала. Я возвращался тогда с охоты на птиц и только что хотел вынуть

из лодки подстреленную дичь, как вдруг в полынье вынырнул нарвал как раз у того самого места, где мы обыкновенно высаживались и где лежал приготовленный на всякий случай гарпун с развернутым тросом. Я поспешно схватил гарпун, но развернутым оказался лишь кусок троса, а пока я расправлял его, нарвал нырнул, и запустить в него гарпун так и не пришлось.

В это время стали появляться тюлени (*Phoca barbata*). Несколько раз охотились на них, но безуспешно: они тоже были слишком пугливы. Успешнее оказалась охота на птиц. Уже 7 июня мы настреляли чистиков, чаек, глупышей и люриков, и первый раз в нынешнем году лаком ились за обедом свежей дичью. Мясо этих птиц нельзя считать первосортным, но мы ели его с волчьим аппетитом, находя восхитительным, вкуснее самых нежных цыплят.

Как-то раз появились три снежные чайки и уселись неподалеку от судна. Петтерсен два раза по ним промазал, а они продолжали сидеть на снегу и смотрели на него с изумлением. Потом птицы взмахнули крыльями и полетели своей дорогой, сопровождаемые проклятиями стрелка, сильно огорченного своей «неудачей», как он говорил. Очевидцы этой бомбардировки имели другой взгляд на «неудачу», и град насмешек посыпался на «мальчика», когда он вернулся с пустыми руками.

Кузница на льду около «Фрама»

Впрочем, Петтерсен вскоре стал страстным охотником и заявил, что, вернувшись домой, он первым делом купит себе дробовик. У него, действительно, были все данные, чтобы стать хорошим стрелком, хотя вряд ли он стрелял когда-нибудь до поступления на «Фрам». Подобно всем новичкам, он по несколько раз мазал, прежде чем попадал в цель. Но мастерство дается упражнениями, и в один прекрасный день Петтерсен показал, что находится на пути к тому, чтобы завоевать славу меткого стрелка: он убил птицу на лету. За этим успехом последовал длинный ряд «неудач». Наконец, он сам перестал считать себя хорошим стрелком, решил, что бить птицу на лету ему не по плечу, и стал искать для себя более доступные цели. Лишь много времени спустя открылась истинная причина его многочисленных промахов: один шутник решил, что Петтерсен производит слишком большие опустошения в птичьем царстве, и тайком перезарядил его патроны. Петтерсен простодушно стрелял вместо свинца солью, а это, конечно, не совсем одно и то же.

Кроме названных животных, в этих широтах водится, по-видимому, полярная акула. Однажды Хенриксен отправился соскабливать жир с медвежьих шкур, которые мы в течение недели вымачивали в полынье. Тогда обнаружилось, что от двух шкур поменьше остались лишь лохмотья. Эту штуку могли проделать только акулы. Решив поймать одну из воровок, в воду опустили кусок сала, насаженный на большой крюк, но ничего из этого не вышло.

Однажды в начале августа штурман и Мугста пошли на лед поискать забытый киль от нашей моторной шлюпки. Вернувшись, они сообщили, что видели свежие следы медведя, бродившего вокруг Большого тороса. Прошел уже почти год с тех пор, как мы последний раз лакомились медвежатиной, и перспектива столь желанного разнообразия в нашем меню всех обрадовала. Долгое время, однако, не было ничего другого, кроме перспективы. Правда, Мугста еще раз заметил у Большого тороса медведя, но зверь был далеко и так поспешно ушел от судна, что от охоты на него пришлось отказаться. Прошло еще почти полгода, пока по соседству с нами показался медведь. В первый раз это случилось только 28 февраля 1896 г.

«Фрам», как я уже говорил, с первой недели мая прочно сидел на большой льдине, которая, однако, с каждым днем уменьшалась. С наступлением весны во всех направлениях образовались трещины и вскрывались новые полыньи, иной раз только для того, чтобы через несколько часов опять сомкнуться. При этом ледяные поля со страшной силой ударялись друг о друга, все выступающие мысы разлетались на мелкие льдинки, которые, нагромождаясь одна на другую, вздымались торосами большей или меньшей величины. Едва сжатие прекращалось, эти торосы опять распадались и при падении разбивались на отдельные льдины. В результате таких часто повторяющихся пертурбаций от нашей льдины каждый раз отламывались большие куски.

В июле 1895 г. лед вокруг «Фрама» растаял

После сильного сжатия 14 июля трещины и полыньи пересекли старый торос по левому борту корабля и дошли до самой стенки корпуса; казалось, что «Фрам» вот-вот очутится на воде. До поры до времени судно продолжало оставаться на старом месте, но под влиянием этих беспокойных движений часто меняло направление. Большой торос, все больше удалявшийся от судна, тоже передвигался очень неравномерно, по ломаной линии; он отходил и снова приближался, появляясь то сбоку, то прямо впереди.

27 июля обстановка была такой беспокойной, какой еще не бывало с той поры, как «Фрам» вмерз в льды. Повсюду вскрылись широкие полыньи. Льдину, на которой стояла кузница, кружило водоворотом, мы

боялись, что потеряем наше драгоценное имущество. Скотт-Хансен и Бентсен, отправлявшиеся в это время на прогулку под парусами, несмотря на свежий ветер, взялись перевести кузнечный горн со всеми принадлежностями на нашу льдину. Они взяли с собой двух помощников, и им удалось, хотя с большим трудом, спасти инвентарь. В то же время вокруг судна сильно волновалась вода. Судно вместе со льдиной постепенно поворачивалось, а потом вдруг круто, в одно мгновение, изменило свое направление с СВ на $3\frac{1}{2}$ Ю.

Экипаж с лихорадочной поспешностью стал перетаскивать на судно вещи, лежавшие на льдине, и успешно справился с этой работой, хотя она была сопряжена с немалой опасностью для лодок, которые от сильного шквала, среди бешено крутившихся льдин и обломков ледяных глыб легко могли перевернуться и затонуть. Льдина с развалинами кузницы медленно удалялась тем же путем, что и Большой торос, долгое время служивший нам своего рода вехой. Он действительно издали был похож на морской знак, тем более, что на самую макушку его была надета темная шапка: опрокинутый вверх дном большой железный котел. Котел в свое время был куплен Тройнтгеймом и поступил на судно в Хабарово вместе с собаками. При походе через Сибирь он служил для варки пищи собакам. У нас в нем обыкновенно хранили сало и другую пищу для собак. От долгой службы котел проржавел до дыр и, получив отставку, был выброшен на торос близ кузницы. Теперь он обратился, как сказано, в морской знак и, быть может, по сей день плавает в качестве такового, если только его не нашли и не присвоили себе как кие-нибудь эскимоски на восточном берегу Гренландии.

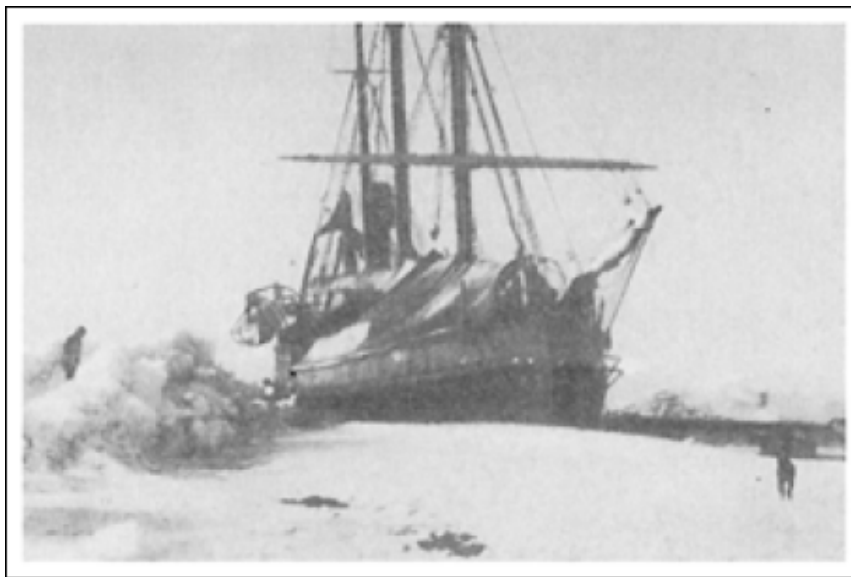
По мере того как солнце и оттепель съедали с поверхности льда снег, судно ежедневно поднималось все выше надо льдом, так что к 23 июля из-под льда показались уже три с половиной доски ледовой обшивки на левом борту и десять на правом. Вечером 8 августа наша льдина раскололась по левому борту, и «Фрам» изменил крен с 7° левого борта на $1,5^{\circ}$ правого, так что ото льда освободились с одной стороны четыре, с другой две доски ледовой обшивки, а также одиннадцать железных угольников в носовой части судна.

Я боялся, что небольшую льдину, на которой мы теперь находились, может вынести в полынью, если лед поредет еще больше, и приказал штурману пришвартовать судно к главной льдине, на которой еще оставалась часть наших вещей. Приказание, однако, не было выполнено достаточно быстро. Когда я полчаса спустя вышел на палубу, «Фрам» уже унесло по полынье к югу. Весь экипаж был тотчас вызван наверх, общими усилиями удалось подтянуть корабль назад к льдине и надежно его пришвартовать.

Нам не терпелось совсем снять «Фрам» с ледяного ложа, на котором он так долго покоился. Я решил взорвать лед вокруг корабля. На следующий день, 9 августа, в 7 ч 30 мин вечера, мы подвели под льдину метрах в двух от кормы начиненную тремя кило граммами пороха мину и взорвали ее. Судно основательно тряхнуло, но лед с виду ничуть не пострадал. Поднялся горячий спор по вопросу о взрывчатых веществах. Большинство думало, что мина была слишком мала; некоторые полагали даже, что нужно было заложить по крайней мере 20 кг пороху.

В самый разгар дебатов льдина внезапно треснула. В трещинах всплыли крупные обломки подводного льда, корма «Фрама» высоко подпрыгнула, судно дернулось вперед и стало тяжело раскачиваться, словно пытаясь сбросить с себя ледяные оковы, потом с шумным всплеском село на воду. «Фрам» настолько сильно рванулся вперед, что один из носовых тросов лопнул, но в общем спуск судна на воду прошел отлично, никакой кораблестроитель не мог бы пожелать лучшего. При помощи ледовых якорей, недавно изготовленных нашим кузнецом, мы благополучно принайтовали корму к закраине крепкого льда. Только Скотт-Хансен и Петтерсен чуть было не приняли холодной ванны. Подведя мину под лед, они в лодке остановились за кормой корабля, чтобы подтянуть запал. Когда льдина треснула и «Фрам» соскользнул на воду, остаток льдины, освободившись от груза в 600 т, перевернулся, и положение обоих товарищей, очутившихся в утлой шлюпке среди водоворота волн и ледяных глыб, оказалось не из приятных.

Физиономии у них, в особенности у Петтерсена, имели довольно постное выражение, пока душегубка плясала, точно в котелке с кипящей водой.

«Фрам» после удаления большей части льда от правого борта

Судно имело теперь слабый крен ($0,75^\circ$) на правую сторону и сидело в воде несколько выше, чем прежде, так что с правого борта три дубовые доски, а с левого борта немного больше и 9 железных угольников в носовой части свободно поднимались над водой.

Корпус судна, насколько мы могли судить, нисколько не пострадал ни от многочисленных, часто очень сильных напоров льда, которым подвергался «Фрам», прежде чем он крепко вмерз в лед, ни теперь от спуска на воду. Единственным дефектом было то, что течь в судне была порядочная и приходилось часто откачивать воду. Одно время корпус почти совсем не пропускал воды, и мы склонны были думать, что щели находятся выше ватерлинии. Но потом вода снова стала поступать и притом даже сильнее прежнего, и мы поняли, что ошиблись.

Вообще же положение «Фрама» было хорошее. Левый борт его прилегал к довольно низкому и ровному полю; по правому борту шла открытая полынья. Она, правда, скоро закрылась, но все-таки от нее осталось небольшое пространство чистой воды в 200 м длиной и 120 шириной. Я желал только одного: чтобы поскорее наступила зима и мы бы вмерзли в лед в этом удобном для нас положении. Но время еще было

слишком раннее; подвижки льда продолжались и происходили часто. Нам предстояло еще немало схваток, прежде чем «Фрам» мог спокойно войти в свою последнюю зимнюю гавань.

Наш дрейф на запад в течение второй половины июня и большей части июля был в общем удовлетворительным. Для ориентировки прилагаются следующие наблюдения:

Число		Широта	Долгота	Направление ветра
Июня	22	84°32′	80°58′	С
»	27	44′	79°35′	СтВ
»	29	33′	79°50′	ВСВ
Июля	5	48′	75°03′	ЮВ
»	7	48′	74°07′	ЗЮЗ
»	12	41′	76°20′	ЗЮЗ
»	22	36′	72°56′	ССЗ
»	27	29′	73°49′	ЮЗтЮ
»	31	27′	76°10′	ЮЗ
Августа	8	38′	77°36′	СЗ
»	22	09′	78°47′	ЮЗ
»	25	17′	79°02′	ВтС
Сентября	2	47′	77°17′	ЮВ
»	6	43′	79°52′	ЮЗ

Как видно из таблицы, в дрейфе наблюдались сравнительно небольшие отклонения на юг и север, но более значительные в направлении на запад и восток.

С 22 по 29 июня мы быстро двигались на запад; в начале июля нас отнесло немного назад; потом несколько дней опять быстро несло на запад, и снова в течение нескольких дней – до 12 июля – также быстро назад. С этого дня и по 22-е мы опять хорошо шли к западу и достигли 72°56 восточной долготы; затем стал преобладать обратный дрейф, и 6 сентября судно очутилось под 79°52 , т. е. приблизительно там же, где находилось 29 июня.

Погода за этот промежуток времени стояла в общем ясная и мягкая. Иногда, правда, случалась непогода, выпадал снег и наступала такая слякоть, что приходилось безвыходно сидеть в каютах. Но дурная погода не особенно тяготила; напротив, мы были рады перемене погоды,

в особенности когда она несла с собой надежду отнести «Фрам» хорошенько к западу и помочь поскорее выбраться из ледяного плена. Это не следует понимать в том смысле, что мы боялись провести во льдах еще одну зиму, прежде чем вернуться домой. Провианта и всего прочего необходимого у нас было достаточно, в случае надобности хватило бы даже на две или три полярные ночи; у нас был корабль, которому после всех тяжелых испытаний, выдержанных с честью, мы полностью доверяли. На состояние здоровья никто из нас не мог пожаловаться, мы были бодры и научились крепко держаться друг друга и в хорошие и в дурные минуты.

О Нансене и Йохансене едва ли кто-нибудь из нас серьезно беспокоился: как ни опасно было их путешествие, мы не боялись, что их сломят трудности пути, и верили, что они доберутся в этом же году до Земли Франца-Иосифа и даже до дому. Напротив, радовала мысль, что они скоро будут дома и смогут рассказать нашим родным и друзьям о том, что у нас все благополучно и что есть все основания ожидать нашего возвращения домой осенью 1896 г. Неудивительно, что всех разбирало нетерпение, и мы терзались телом и душой, когда дрейф замедлялся или когда длительный противный ветер и обратный дрейф делали, казалось, невероятным, чтобы мы вернулись домой к тому времени, когда нас там ждут.

Кроме того, важная часть экспедиции была в сущности выполнена. Вряд ли можно было ожидать теперь, что судно отнесет дрейфом еще дальше на север; к тому же исследование более северных областей взяли на себя Нансен и Йохансен. В соответствии с инструкцией доктора Нансена нам надлежало наиболее кратким и безопасным путем выбраться на открытую воду и оттуда идти домой, прилагая все силы к тому, чтобы собрать наибольшие научные результаты.

Судя по тому, что мы уже выяснили до сих пор, ожидать новых крупных открытий не следовало. Общий характер Полярного моря при нашем движении на запад оставался почти неизменным: те же большие глубины, те же ледовые условия и течения и та же температура.

Поблизости от нашего извилистого курса не было ни островов, ни скал, ни мелководий, ни тем более какой-нибудь обширной земли; куда ни глянь, всюду та же однообразная безотрадная пустыня более или менее неровного льда, плотно сжимавшего наш корабль и уносившего нас с собой.

Научные наблюдения продолжались все время с возможной регулярностью и точностью. Кроме обычных метеорологических наблюдений, производились промеры глубин, измерения мощности льда, определения широты и долготы, измерения температуры морской воды на различных глубинах, определения содержания соли, собирались образцы морской фауны, изучались явления, связанные с земным магнетизмом, с атмосферным электричеством и пр., и пр.

Поверхность льда по мере повышения температуры с каждым днем становилась все хуже; экскурсии на лыжах почти прекратились – даже на канадских лыжах продвигаться вперед было очень трудно: снег стал таким рыхлым, что мы проваливались в нем по колено.

Иногда на один какой-нибудь день даже в июле устанавливался хороший путь, и такими днями мы пользовались для небольших прогулок, экскурсий и охоты. Но спустя несколько дней лед снова становился отвратительным. И когда однажды в это время года я должен был пойти на лед подобрать подстреленную птицу, снег оказался настолько рыхлым, что местами я тонул буквально по пояс. Прежде чем удалось добраться до птицы, собаки стаяй набросились на нее. Одна из собак схватила птицу, и затем начался дикий бег взапуски этой собаки и всех прочих. Наконец, собаки подошли к полынье; я воспользовался этим, и мне удалось отнять у них птицу. Правда, стоило это немалого труда, я обливался потом и изнемог от усталости, пробираясь по этому бездонному болоту.

Больше всего времени отнимала по-прежнему возня с нартami и каяками. Перенесенные с Большого тороса, где они пролежали всю зиму, нарты надо было починить и снабдить накладными полозьями. К 16 июля они все были готовы. Всего у нас было 10 нарт: восемь ручных и двое для собак.

Каяки, с которыми нам тоже пришлось немало повозиться, был и приведены в порядок примерно к тому же сроку. У нас было теперь пять парных каяков и один одиночный. Этот последний сделал я сам, весил он 16 кг. Все каяки были испытаны в полынье; они оказались прочными и воду не пропускали. Вместе с нартами каяки были подвешены на стойках; в случае нужды их можно было сейчас же снять.

Моторная лодка, которая больше не была нужна, пригодилась как хороший материал для накладных полозьев и тому подобных поделок. Сняв ее с Большого тороса, мы разобрали ее на части. Она была построена из исключительно прочного вяза, несколько досок которого тотчас пошли на накладные полозья к тем нартам, которые их еще не имели из-за недостатка материала. Был принесен с Большого тороса также ящик с медикаментами, его поставили в одну из шлюпок, лежавшую на торосе возле корабля. Содержимое ящика оказалось в полной сохранности; ни одно лекарство не замерзло, не разорвало ни одного пузырька, хотя в ящике имелось много медикаментов, содержавших не более 10 % алкоголя.

Одновременно мы занимались отбором, взвешиванием и приведением в порядок провианта в количествах, рассчитанных для одиннадцати человек на семьдесят дней санной экспедиции и на шестимесячное пребывание во льдах.

Перечень и вес провианта видны из следующей таблицы:

Провиант для санной экспедиции (на 11 человек в течение 70 дней)

Килограммы

Шоколад Кедбери, 5 ящиков по 22 кг 110

Мясной шоколад 11,5

Белые (пшеничные) сухари, 16 ящиков по 20 кг 320

Масло датское, 12 бочонков по 12,5 кг 150

Плитки лимонного сока 1

Рыбная мука проф. Вааге (Waage) 22,5

Сушеный картофель сорта «Викинг», 3 бочонка по 12 кг 36

Гороховый суп Кнорра 2,5

Чечевичный суп Кнорра 2,5
Бобовый суп Кнорра 2,5
Суп Бовриль, 2 ящика 47
Vril-food, 1 ящик 22
Овсяная мука, 1 ящик 36
Порошок из сыворотки, 1 ящик 22,5
Алейронатовый хлеб, 5 ящиков по 22,5 кг 112,5
Пеммикан, 6 ящиков 154
« 7 мешков 269
Сушеный ливерный паштет, 1 мешок 46
Итого... 1367,5
Кроме того, соль, перец и горчица.

Провиант для шестимесячного пребывания на льду (на 11 человек)

Килограммы

Жареное и вареное мясо, 14 ящиков по 32,5 кг 455
Minced colllops^[394], 3 ящика по 22,5 кг 67,5
Солонина, 3 ящика по 38 кг 114
Прессованная ветчина, 3 ящика по 38 кг 114
Соленая баранина, 17 банок по 2,75 кг 46,5
Хлеб, 37 ящиков по 22,5 кг 832,5
Супы разные Кнорра, 2 ящика по 25,5 кг 51
Овощи: белая капуста, жульен, коренья для супа 27
Мука, сахар, 3 ящика по 18 кг 54
Овсяная мука, 4 ящика по 36 кг 144
Овсяная крупа, 4 ящика по 36 кг 144
Сушеная брусника, 2 ящика по 4,5 кг 9
Маргариновое масло, 20 банок по 12,5 кг 250
Бычьи языки, 1 ящик 9
Датское масло, 2 ящика 152
Стеариновые свечи, 5 ящиков 90
Строганая рыба, 1 ящик 10
Макароны, 1 ящик 22,5

Сушеный картофель сорта «Викинг», 4 ящика 94
Рыбная мука Вааге (Waage), 2 ящика 90
Искусственное желе (Frame-food-jelly), 1 банка 96
Мармеладное желе, 1 банка 24,5
Желе из лимонного сока, 1 банка 24,5
Шоколад Кедбери, 3 ящика 67,5 Какао с молоком, 1 ящик 8
Молоко, 10 ящиков по 48 банок 218 Чай, 1 ящик 9
Английский пеммикан, 13 ящиков 342
Датский пеммикан, 1 ящик 31
Сушеный ливерный паштет, 3 ящика 92,5
Vril-food, 5 ящиков 94 Кроме того, 2 ящика соли, один ящик горчицы и один ящик перца

Когда все было приготовлено и упаковано, провиант сложили в определенных местах на передней части палубы под тентом. Я собирался перенести все это на лед попозже, к зиме, или же когда это будет вызвано необходимостью.

Угля у нас все еще было больше, чем нужно, – около 100 т. Я считал, что на топливо в течение шестимесячного пребывания на льду 20 т будет вполне достаточно. Таким количеством наполнили бочки, бочонки и мешки и снесли их на лед вместе с 700 кг сушеного картофеля, 200 л керосина, 350 л газolina и 150 л гарного масла. Так как осадка судна по-прежнему была еще велика, мне хотелось облегчить судно, насколько это было возможно, не подвергая, конечно, опасности выгруженные продукты.

После того как ветряной двигатель выбыл из строя и был снят, мы, разумеется, не нуждались больше в батарее и динамо; поэтому разобрали всю установку, сняли лампы, колпаки и все, что к ней относилось. То же сделали и с лодочным керосиновым двигателем: его сняли и положили на лед вместе с разными тяжелыми материалами. Один из больших ботов был снят еще раньше, теперь сняли второй и отвезли его на Большой торос. Но вскоре Большой торос отдрейфовал слишком далеко. Поэтому боты и все находившееся там имущество было привезено назад и сложено на большой льдине, к которой

пришвартовалось судно. Мы называем ее «нашим именем». Над палубой и над всей кормовой частью судна вплоть до переднего края кормы устроена дощатая платформа, на которой зимой будут сложены нарты, каяки и все прочее.

22 июля мы снова приступили к промеру глубины; в этот день два раза опустили лот на глубину 2500 и 3000 м, оба раза не достав дна. На этот раз мы сделали надставку длиной в 400 м из пенькового троса. Чтобы не пропустить момента, когда лот коснется дна, мы разворачивали трос так медленно, что для достижения глубины 3000 м потребовалось 2 ч 30 мин.

23-го мы опять произвели два промера: первый на 3400 м (дна не достали) и второй на 3800 м (дно достали). Чтобы достичь лотом последней из упомянутых глубин, потребовалось 2 ч 30 мин. Наконец, 24 июля мы произвели еще одно измерение и, не достав дна на глубине 3600 м, пришли к заключению, что глубина здесь доходит до 3700 ± 100 м.

Доктор выезжал 7 июля на плоту на поиски водорослей, но вернулся с пустыми руками. Этим летом удивительно мало водорослей, да и животных организмов в воде, по-видимому, гораздо меньше, чем в прошлом году.

3. С 15 августа по 31 декабря 1895 г.

В первые дни после освобождения из ледяных оков «Фрам» спокойно стоял в своем бассейне. Но в ночь на 14 августа по вскрывшейся узкой полынье приплыл высокий торос, который затем заклинило между бортом судна и наружным краем полыньи.

Нам вовсе не хотелось – в случае, если придется остаться тут на всю осень и зиму, – иметь столь опасного и докучливого соседа, как этот колосс; поэтому решено было взорвать его. Скотт-Хансен и Нурдал тотчас принялись за работу; после долгих трудов в течение нескольких дней им удалось все подготовить к взрыву.

В субботу 17 августа после обеда внезапно вокруг началось сильное сжатие. Корму «Фрама» в несколько минут подняло на 22 дюйма, а нос на 14. Величественно, бесшумно, без малейшего крена

плавно поднимался вверх тяжелый корабль с быстротой и легкостью перышка – грандиозное и радостное зрелище.

Через день лед опять развело, судно снова очутилось на воде и простояло спокойно до утра 21 августа, когда снова начался сильный напор. Теперь «Фрам» оказался в очень неудобном положении: с обоих бортов выросли высокие торосы, вторые, сдавив середину корабля примерно на протяжении 5–6 м, выжали его на 6–8 дюймов кверху. Спустя полчаса напор прекратился, и «Фрам» опустился на свое прежнее ложе.

При первых признаках сжатия мы всегда старались оттянуть судно как можно дальше от этих ледяных чудовищ в возможно более безопасное место. Но погода стояла бурная с южными ветрами, и «Фрам» так сильно парусил громадными снастями и высоко натянутым тентом над передней частью судна, что его просто невозможно было сдвинуть в желаемом направлении. Все наши усилия ни к чему не приводили: цепи ледовых якорей, причальные тросы и канаты то и дело лопались.

«Фрам», вытесненный сжатием льдов. Лето 1895 г.

Наконец, 22 августа удалось немного оттянуть судно, и мы могли надеяться, что сумеем избежать напора, если снова начнется сжатие льдов.

Вслед за тем лед значительно развело и разбило сильнее прежнего; поэтому спустя несколько дней мы сделали новую попытку оттащить судно подальше, но очень быстро от нее отказались: канал между двумя большими ледяными полями, в котором мы находились, был слишком узок. И мы остались на этом самом месте до 2 сентября; все время дул свежий юго-западный ветер, сопровождавшийся время от времени сильным дождем. 30 августа вечером разразился такой сильный ливень, что с оледеневших снастей срывало куски льда и они со страшным грохотом плясали по палубе, рубкам и тенту.

«Владения» наши в это время хорошо обрабатывались ветрами, дождем, сжатием и им подобными усердными работниками. Они были глубоко вспаханы и изрыты до такой степени, что местами проступали «грунтовые воды», затем пришел период межевания со свойственными ему неприятными тенденциями к разделу; от наших «владений» отхватывались большие куски, они дробились, и вскоре мы остались хозяевами лишь ничтожной части былой собственности. «Владения» наши свелись к четырехугольной льдине, вытянутой с востока на запад и окруженной со всех сторон широкими и узкими трещинами, промоинами и полыньями. «Фрам» был прикреплен к северному ее краю, ближе к северо-восточному углу, и обращен носом на запад. Непосредственно за его кормой, отделенная от нас только узкой полыньей, лежала довольно крупная льдина, отколовшаяся от нашего «имения»; на ней, между прочим, находилась часть угольного склада. Далеко к западу по-прежнему виднелся дрейфующий Большой торос.

Восточная сторона наших «владений» в отличие от остальных более или менее прямых и ровных была изогнута полумесяцем, образуя бухту, которую можно было прекрасно использовать как зимнюю гавань. Но о том, чтобы ввести в нее корабль, нечего было и думать, пока полынья между нашим «владением» и расположенной к востоку льдиной не вскрылась.

2 сентября под утро лед, наконец, настолько развело, что мы предприняли попытку продвинуть судно в намеченную бухту. При помощи талей протащили судно к востоку на расстояние, равное его

длине; дальше пройти было невозможно, так как молодой лед успел достигнуть известной толщины (ночью было -5°C) и сплотился в результате сжатий. Не имело смысла прибегать и к ледовой пиле, чтобы сделать прорубь; ледяная каша была слишком густой, и все равно не удалось бы раздвинуть льдины или подбить их одну под другую.

На следующий день сначала дул сильный юго-восточный ветер, сопровождавшийся дождем, но к шести часам ветер стих и перешел в южный, а к 8 ч лед в полынье значительно развело. Теперь свободного пространства стало больше, мы очень быстро проложили себе путь сквозь молодой лед, к обеду удалось ввести «Фрам» в бухту и закрепить его в зимней гавани – как мы надеялись, уже в последней.

Нансен и Йохансен оставили у нас на борту семь собак: суку Сусси и шестеро ее щенят: Коббен, Снадден, Белля, Сквинт, Аксель и Борис. 25 апреля Сусси принесла еще 12 щенят. Мы заблаговременно приготовили для нее на палубе небольшую уютную конуру, обитую оленьей шкурой. Утром 25-го, спустившись вниз, Петтерсен объявил, что Сусси носится по палубе, скулит и воет. Мугста и я пошли наверх и посадили ее в конуру, где она немедленно ощенилась одним щенком. Позже днем на палубе нашли окоченевший трупик щенка. У Сусси, значит, начались роды еще прежде, чем мы успели подняться на палубу. Увидев затем, что на свет появляются все новые и новые граждане, и опасаясь, что у матери не хватит тепла, чтобы их всех согреть, всю семью переселили вниз в кают-компанию. Все щенята были крупные и красивые и в большинстве совершенно белой масти. Из них, по-видимому, обещали вырасти «бельки», как ненцы обыкновенно называют всех белых собак. Они прекрасно росли и благоденствовали в роли «каютных пассажиров»; все их ласкали и баловали. В кают-компании щенки прожили целый месяц, после чего их перевели в конуру на палубу. Прошло еще несколько недель, и они будто вдруг перестали расти, хотя их все время кормили сырой медвежатиной, молоком и остатками от общего стола. В первую неделю августа два щенка сдохли в припадке судорог. Третьего доктору удалось спасти с помощью теплой ванны и бережного ухода. В конце месяца еще с одним из щенят

случился припадок судорог, и он тоже околел, хотя ему делали горячие ванны и постель ему устроили сперва в кают-компании, а потом в рабочей каюте.

В начале сентября в собачьих конурах и на палубе из-за частых дождей стало отвратительно сыро, и пришлось построить для собак конуру на льду; крышу сделали из брезента, а пол дощатым, устлав его массой стружек. На время строительных работ собачье население выпустили на лед. Но, поиграв там каких-нибудь полчаса, щенята один за другим стали корчиться в судорогах. Припадки, однако, скоро прошли. Мы окатили их мыльной водой и водворили в новое жилище.

Приходилось зорко следить за щенятами, когда их выпускали на лед. Играя и бегая, они из-за своей необузданной резвости не раз попадали в полыньи, откуда их с немалым трудом вылавливал дежурный «собачник» или кто-нибудь из случайно находившихся поблизости. Вдобавок они скоро вошли во вкус экскурсий и далеко убегали по нашим следам.

Однажды доктор и я отправились фотографировать. Примерно в двух километрах от корабля попало большое озеро пресной воды, покрытое молодым льдом, и мы присели немного отдохнуть на его манящей зеркальной ледяной поверхности. Пока мы сидели и лениво перекидывались словами, примчался один из старших щенков – Коббен (Морской Лев). Увидев нас, он вдруг остановился, разглядывая нас, словно недоумевая, что это за загадочные существа. Тогда мы стали подползать к нему на четвереньках. При этом зрелище Коббен со всех ног пустился удирать домой, точно спасая свою жизнь. И даже когда мы вернулись к судну и другие собаки, узнав нас, выбежали навстречу, бедняга все еще был так напуган, что немало времени прошло, прежде чем он решился подойти к нам.

28 сентября снова потеряли одного щенка. Его схватили судороги, весь день он пролежал скуля. К вечеру у него оказалась парализованной одна сторона туловища; надежды спасти его не было, и мы прекратили его мучения. Жалко было смотреть, как страдали эти прелестные маленькие создания во время припадков.

9 октября оценилась Сквинт из первого помета Сусси. Так как было трудно рассчитывать на то, что такая молодая собака сможет выкормить щенят, особенно в такое холодное время года, то оставили ей в виде опыта только одного щенка.

Неделю спустя оценилась опять Сусси, принеся 9 сучек и 2 кобельков. Из них оставили обоих кобельков и одну сучку.

Вскоре оказалось, что держать обеих сук с их щенятами в одной конуре невозможно. Как только одна из матерей на минуту отлучалась, другая немедленно забирала всех щенят себе, а когда первая я, вернувшись, требовала обратно свою собственность, начиналась драка. Нечто подобное случилось, по-видимому, как-то ночью со Сквинт. Хенриксен нашел ее утром около конуры настолько примерзшей ко льду, что немалых усилий стоило ее освободить. Не очень приятную ночь пришлось ей провести: температура была -33°C ; хвост у нее примерз к одной из задних лап, и пришлось снести ее в кают-компанию, чтобы она там «оттаяла». Во избежание таких неприятностей на будущее время я распорядился построить для нее отдельную «виллу», где бы Сквинт жила одна со своим детенышем.

Однажды вечером, когда Мугста хотел впустить щенят на ночь в конуру, оказалось, что двое из них исчезли. Хенриксен и я немедленно пустились с фонарем и ружьем на поиски. Мы думали, что в окрестностях появился медведь, так как несколько раньше слышали к востоку от судна на льду собачий лай. Но медвежьих следов не оказалось. После ужина снова вышли на поиски. На этот раз пошло пять человек, все с фонарями. Проискав с час вдоль полыней и по торосам, мы, наконец, нашли щенят по ту сторону новой полыньи. Несмотря на то что молодой лед на полынье был теперь достаточно крепок и мог выдержать их тяжесть, щенки были так напуганы купанием, что не отважились пройти к нам с той стороны, и пришлось, сделав большой обход, самим подойти к ним.

В начале декабря самых маленьких щенят взяли на борт судна; они уже подросли и стали такими резвыми, что за ними нужен был глаз да

глаз. Штурмтрап на ночь не закрывался, и обе матери могли приходить навещать своих щенят и уходить, когда им вздумается.

По характеру своему «родоначальники» и те собаки, которые родились на борту, сильно различались. Первые были воинственны и то и дело дрались между собой – часто не на жизнь, а на смерть, потомки были смирными и благонравными, что не мешало им, однако, быть смелыми и приткими, когда дело касалось, например, преследования медведя. Конечно, и между ними происходили иногда драки, но это случалось не так уж часто. Хуже всего был Аксель, из первого помета Сусси. Незадолго перед Рождеством он вдруг набросился на мирно спавшего Коббена, на которого уже давно поглядывал косо. Получив раза два-три на ужин порку, он удивительно быстро отучился от такой повадки.

Погода в первой половине сентября стояла довольно бурная; ветры дули преимущественно западные и юго-западные; не раз выпадали осадки, главным образом дожди, часто наблюдались подвижки льда. Ночью мороз доходил до 10–11 °С, молодой лед окреп настолько, что выдерживал человека, за исключением льда позади кормы, куда выливались помои. Здесь лед был изломан и образовал густую кашу, которая, правда с поверхности, покрылась коркой, но такой слабой, что сквозь нее легко было провалиться. Однажды так и случилось: три человека один за другим ступили на это предательское место, и все приняли холодную ванну. Первым был Петтерсен. Он хотел, обойдя ледяную кашу, взглянуть на лаглинь, спущенный с левого борта, но не успел дойти до места, как лед под ним раздался. Немного спустя та же участь постигла Нурдала, а еще через полчаса наступил черед выкупаться Бентсену. Он окунулся с головой, «до самых корешков волос», как он утверждал, но тотчас же выскочил, словно пробка, и решительно влез на край льда. По случаю всеобщего провала наблюдение за лагом было отменено, а пострадавшие опрометью помчались на судно натягивать на себя сухое.

15 сентября лед настолько развело, что между нами и Большим торосом образовалось целое море. На следующий день лед опять был

неспокоен, и пришлось всерьез думать о перевозке на судно вещей, которые все еще лежали на Большом торосе. Перед обедом я пошел к торосу поискать подходящую дорогу и нашел очень хорошую. Но когда мы несколько часов спустя тронулись туда на нартах, оказалось, что вокруг наших «владений» образовалось много открытых полыней, от поездки пришлось отказаться. Только 23-го и 24-го удалось привезти вещи и сложить их на льду неподалеку от судна. Нарты с окованными нейзильбером полозьями скользили отлично, но на деревянных полозьях шли тяжело. Кое-где пришлось подправить дорогу. Когда принялись, наконец, за перевозку, дело пошло довольно быстро.

Весь сентябрь и октябрь почти непрерывно происходили подвижки льда; во всех направлениях возникали новые полыньи; некоторые подходили вплотную к судну; часто бывали сжатия. Зимняя гавань наша оказалась превосходной; внутри бухты, где стоял «Фрам», сжатия не особенно беспокоили благодаря окружающему молодому льду, давление которого на судно было невелико; он легко ломался, и обломки нагромождались друг на друга или набивались один под другой, тогда как самые жестокие удары принимали рога полумесяца – мощные ледяные мысы бухты.

Несколько раз казалось, что «Фрам» еще освободится, прежде чем зима прочно и верно скует его своими холодными цепями. 25 октября, например, лед в ближайшей полынье настолько развело, что судно от ахтерштевня и до переднего края фок-ванта оказалось на чистой воде; но потом лед сжало и он снова сковал судно. Самый сильный нажим льда был у нас 26 и 27 октября, но и тогда он оказался мало чувствителен для судна. Зимой сжатия были неприятны из-за оглушительного шума, который сопровождал давлению льда на борта судна. Совсем другое дело летом: лед в эту пору отличается большой вязкостью и эластичностью и сжатие проходит тише и спокойнее.

После 1 ноября наступил более спокойный период; напор льда почти совсем прекратился, мороз крепчал, ветер дул с востока. Оставшуюся часть года судно несло с равномерной скоростью на северо-запад.

Что касается дрейфа, то он в течение всей осени подвергал наше терпение тяжелым испытаниям. При господствовавших западных ветрах нас непрерывно гнало на восток, и мы тщетно со дня на день ждали перемены. Единственно, что поддерживало наши надежды, это то, что если и относило назад, то во всяком случае медленно, очень медленно. Даже свежий западный ветер, дувший несколько дней подряд, не смог отнести нас настолько далеко, чтобы при хорошем попутном ветре в течение двух-трех дней мы не только вернули утраченное, но еще и наверстали немного.

22 сентября исполнилась вторая годовщина с того дня, как «Фрам» вмерз в лед; событие это отметили небольшим пиром. Мы имели все основания быть довольными дрейфом последнего года, так как продвинулись вперед на расстояние, почти вдвое большее, чем за первый год. Если так будет продолжаться, отпадут все сомнения; мы освободимся из ледового плена осенью следующего, 1896 г. Теперь присоединился еще и хороший зимний дрейф, продолжавшийся непрерывно до самого конца года; с 22 сентября до конца первой недели января мы продрейфовали с $82^{\circ}05$ до $41^{\circ}41$ восточной долготы, т. е. прошли расстояние, равное примерно 217 морским милям, в какие-нибудь 3,5 месяца – примерно 2 морские мили в сутки. Координаты дрейфа видны из следующей таблицы:

Число		Широта	Долгота	Направление ветра
Сентября	6	84°43′	79°52′	ЮЗ
»	11	59′	78°15′	В
»	22	85°02′	82°05′	Штиль
Октября	9	04′	79°30′	В
»	19	45′	78°21′	ВтС
»	25	46′	73°25′	СВ
»	30	46′	70°50′	ССЗ
Ноября	8	41′	65°02′	В
»	15	55,5′	66°32′	ВСВ
»	25	47,5′	62°56′	СВтС
Декабря	1	28′	58°45′	В
»	7	26′	54°40′	СВ
»	14	24′	50°02′	Штиль
»	21	15′	47°56′	СВ
»	27	24′	48°22′	СЗ
Января (1896 г.)	9	84°57′	41°41′	С

11 октября мы вытащили лагерь и сделали для него во льду новое отверстие сразу позади кормы. Прежде лаг имел длину всего в 100 м, теперь мы поставили 300 м.

С середины сентября мороз стал постепенно возрастать. Следующие данные показывают это:

	Число	Градусы холода (минимум), °С
Сентября	18	12,5
»	26	24,0
Октября	19	30,0
Ноября	5	32,2
»	9	38,3
»	22	43,6
Декабря	31	44,6

Впрочем, последние три месяца 1895 г. погода стояла превосходная: небо на большей части было ясное, ветры слабые и умеренные. Только несколько раз – 29 октября, 11, 26 и 27 ноября – ветер дул с штормовой силой, со скоростью до 15 м/с.

В начале сентября течь «Фрама» опять усилилась, приходилось ежедневно откачивать воду. Но с 23-го течь стала уменьшаться, и ко второй неделе октября в машинном отделении вода перестала

показываться. Лишь в главном трюме все еще сохранялась маленькая течь, но вскоре и она прекратилась, так как вода обратилась в лед.

С прекращением течи мы продолжали заниматься всякого рода судовыми работами, скалыванием и выбрасыванием льда из трюмов, чисткой, уборкой и тому подобным.

Лишь 23 сентября состояние льда позволило приступить к переброске вещей с Большого тороса. Путь в этот день был замечательно хорош для нарт с нейзильберовыми полозьями; деревянные полозья, напротив, шли туго. Мы немного подправили дорогу, и поэтому перевозка проходила сравнительно легко и быстро. На судно было доставлено в общей сложности 36 ящиков с собачьими сухарями (пеммиканом) и 4 бочки керосина. На следующий день перевезли остальное и все сложили на льду рядом с судном.

16 сентября Скотт-Хансен и Нурдал принялись готовиться к постройке павильона для магнитных наблюдений. Материалом служили большие глыбы молодого льда; их грузили на нарты и подвозили на собаках к месту постройки. Если не считать нескольких пробных поездок, которые предпринимал раньше Скотт-Хансен, то теперь собаки первый раз использовались как упряжные животные. Тащили они нарты хорошо, и перевозки шли прекрасно. Магнитный домик сложили из обтесанных ледяных глыб, их укладывали одна на другую наклоном внутрь, в готовом виде получился плотный ледяной свод, по внешнему виду и форме напоминавший лапландскую вежу^[395]. В домик вел крытый ледяной проход – лаз с деревянным люком вместо двери.

Когда постройка была закончена, Скотт-Хансен отпраздновал новоселье. Дом по этому поводу был отлично убран. Диваны и кресла из льда покрыли медвежьими и оленьими шкурами. На столе для магнитных приборов в центре хижины расстелили флаг. Доской стола служила ледяная глыба. На столе стояла лампа с красным абажуром, а по стенам развешено множество красных бумажных фонариков. Все в общем имело торжественный вид и привело нас в великолепное настроение. Гостеприимный хозяин обратился к каждому из гостей с краткой юмористической речью. Петтерсен выразил пожелание, чтобы

этот дом был последней ледяной хижинкой, построенной Скотт -Хансеном в нашей экспедиции, и чтобы будущей осенью в это время мы все были дома, но остались «такими же чертовски славными ребятами», как сейчас. Оригинальный безыскусственный тост Петтерсена был встречен шумным одобрением.

Петтерсен, надо сказать, получил к этому времени новое назначение: с 10 сентября он сменил Юлла на камбузе. Новые свои обязанности он ценил высоко и, по общему мнению, выполнял вполне удовлетворительно. Единственное из относящегося к департаменту кухонных дел, с чем он не желал связываться, было рождественское печенье... Но этим, когда настала пора, занялся сам Юлл.

С наступлением зимы мы соорудили вместо старой кузницы, унесенной 27 июля, новую. Ее построили в торосе, куда перенесли лодки и часть вещей с Большого тороса; оборудована она была примерно так же, как и старая. В торосе вырубили довольно большое углубление и над ним сложили крышу из ледяных глыб и снега.

Время шло, приближалась полярная ночь. Один за другим исчезали морские животные и перелетные птицы, во множестве кишевшие вокруг нас в течение короткого лета и будившие тоску по родине. Теперь они удалились на юг, к солнцу и свету, в более теплые страны, а мы оставались во льдах и мраке еще на одну зиму. 6 сентября в последний раз видели шумную игру нарвалов в полынье возле судна, а несколькими днями позже отлетела последняя стая поморников.

Быстро движется солнце под этими широтами от первого его появления над горизонтом на юге и до того времени, когда целыми сутками оно не сходит с горизонта. Но кажется, что еще с большей поспешностью покидает оно небосклон осенью. Не успеешь оглянуться, как оно исчезает, и снова тебя окружает гнетущий мрак полярной ночи.

12 сентября, если бы стояла ясная погода, в последний раз должно было показаться полуночное солнце. 8 октября в полдень на прощание блеснул краешек солнца. Затем началась самая долгая полярная ночь, какую когда-либо приходилось переживать человеку, – мы ведь находились под 85° северной широты. С этого дня не было почти и

помину ни о каком дневном свете, а с 26 октября невозможно стало отличить день от ночи.

Когда путь бывал сносным и позволяло время, мы бродили вокруг корабля на лыжах поодиночке или компанией.

7 октября утром, во время лыжной прогулки, штурман нашел бревно плавника примерно 7-футовой длины и 7-дюймовой толщины. У ствола сохранился обрубок корня. После обеда я и штурман взяли нарты и притащили бревно. По-видимому, оно росло в сибирской тайге, было смыто половодьем, унесено рекой в море и в конце концов вместе со льдом очутилось здесь.

Кроме лыжных экскурсий, часто предпринимались пешие прогулки по льду, а 20 ноября я отдал приказ, чтобы все ежедневно проводили по два часа в движении на свежем воздухе для моциона. Самому мне эти прогулки доставляли большое наслаждение; они действовали освежающе и на душу и на тело. Часто случалось, что я блуждал взад и вперед по льду по четыре-пять часов в день – обычно два часа до и два часа после обеда.

Скотт-Хансен и Мугста 8 октября попробовали тащить нарты с грузом в 115 кг. Они тронулись в 9 ч 30 мин утра и вернулись в пять часов дня, отойдя за это время на шесть километров от судна; путь был довольно тяжелый.

Хотя мы совсем не боялись, что «Фрам» в самом деле может быть раздавлен льдами, но возможности этого отрицать не могли, и нашей обязанностью было подготовиться к любой случайности. Было приложено немало стараний и трудов, чтобы застраховать себя от всяких неожиданностей.

В конце октября был снова устроен на льду склад с запасом провианта на шесть месяцев и полным набором нарт, каяков, лыж и пр. Продовольствие поделили на пять отдельных кучек, и ящики каждой кучки уложили в круг. Такая укладка имела существенные преимущества: даже в том случае, если бы лед треснул под самыми ящиками, было бы потеряно самое большее два ящика. Часть провианта состояла, как видно из приведенного выше списка, из пемми кана. Этот

продукт содержит много питательных веществ и является главной составной частью превосходного блюда labskous'a – 200 г пеммикана, 100 г хлеба и 120 г картофеля; блюдо это и вкусное и очень сытное.

28 ноября прошли 60-й градус восточной долготы и это событие торжественно отметили. Кают-компания была разукрашена флагами, обед подали самый изысканный, завершившийся кофе, а после ужина лакомились десертом из фиников и прочих вкусных вещей.

На этом градусе долготы, которая проходит через Хабарово, где мы два года назад распрощались с последними остатками цивилизации, а также почти касается мыса Флигели, на Земле Франца -Иосифа, мы снова почувствовали себя ближе к миру и жизни.

4. С 1 января по 17 мая 1896 г.

Начало нового года ознаменовалось ясной лунной погодой и почти 43-градусным морозом. Затем в течение целого месяца лед был удивительно спокоен. Но 4 февраля опять начался напор. Продолжался он недолго, хотя грохот стоял невероятный. Лед трещал и звенел, точно во время самого бешеного шторма. Я пошел на лед, чтобы посмотреть сжатие вблизи, но ничего не увидел. На следующий день во время прогулки мы нашли примерно в двух километрах от судна сравнительно свежую полынью и громадный новый торос. Но получить более ясное представление о состоянии льда оказалось невозможным, так как даже в полдень было еще слишком темно. Путь вообще был твердый, хороший, но местами на снежных сугробах было настолько скользко, что мы то и дело летели кувырком. 7 февраля Скотт-Хансен, Хенриксен, Амунсен и я совершили прогулку на север от корабля. Чем дальше мы шли, тем более неровным и исковерканным становился лед; в конце концов большая открытая полынья заставила повернуть назад.

Еще утром небо на юго-западе затянулось темной пеленой тумана, а теперь туман стал настолько густым, что нелегко было найти дорогу назад к судну. После долгих блужданий мы услышали лай Сусси и тогда, взобравшись на вершину тороса, увидели бочку на грот-стенге «Фрама», возвышавшуюся над туманом совсем недалеко. Как ни близко находилось судно, не так-то просто было попасть домой. Путь

преградила громадная полынья, образовавшаяся возле судна за время нашего отсутствия; пришлось идти вдоль нее далеко на запад, прежде чем удалось, наконец, через нее переправиться. На судне нам рассказали, что в момент образования полыньи судно получило сильный толчок, примерно такой же, как в августе, когда мы взрывами пытались освободить «Фрам». В 12 ч 30 мин ночи снова почувствовали толчок. Вышли на палубу. Оказалось, что примерно в 20 м от корабля параллельно старой полынье лед дал новую трещину. Она прошла вдоль ближайшей большой лодки и пересекла одну из куч угля. Перед этой кучей стояла бочка, которую мы потеряли бы наверняка, если бы трещина не разделилась на два рукава у самой бочки; она сомкнулась снова, обойдя кучу с обеих сторон. Бочка и мешки с углем поплыли по полынье на образовавшемся таким образом небольшом островке. Вскоре удалось подтащить островок к берегу и спасти весь уголь, за исключением одного мешка в 50 кг, который пошел ко дну. Из предосторожности я распорядился, чтобы вахтенные осматривали склад каждую вахту, а если снова начнется сжатие, то и чаще.

13 февраля Хенриксен, Амунсен и я пошли к югу, чтобы обследовать, каков в том направлении лед. Оказалось, что и здесь он чрезвычайно торосистый; много недавно образовавшихся полыней. Полынья за кормой судна утром вскрылась, и над ней поднялся такой густой туман, что мы совсем потеряли судно из виду. На следующий день она еще больше расширилась, а 16-го в полынье произошло сильное сжатие. Лед дрожал и грохотал, словно мощный водопад; он расщеплялся на тонкие горизонтальные слои. Сжатия повторялись теперь почти ежедневно, а одно время непрерывно образовывались новые трещины и полыньи. После этого лед сравнительно успокоился до 10 апреля, когда снова пришел в движение. В ночь на 15-е сильное сжатие было в полынье по левому борту. Пришлось вытащить лаглинь с мешком и переместить глубомер. В ту же ночь лед треснул под двумя складами провианта, и их тоже пришлось перенести поближе к судну.

21-го утром нас разбудил мощный грохот за кормой. Нурдал тотчас спустился вниз и сообщил, что лед грозит навалиться на судно.

Оказалось, что громадная глыба взгромоздилась над краем льда за кормой и теперь беспрепятственно скользит по нему, направляясь прямо к ахтерштевню. Но «Фрам» выдерживал, не дрогнув, и не такие толчки; на этот раз он также молодцом прошел испытание. Лед раскололся о крепкий штевень и рассыпался по палубе судна на уровне полушканцев, заполнив все пространство до самого такелажа бизань-мачты. Судно сидело теперь почти свободно в своем футляре, а лед вокруг разбило на множество мелких льдин. Льдины эти погружались под тяжестью снежных сугробов, и ходить вокруг судна было трудно; того и гляди провалишься сквозь снежную кашу в воду.

13 мая днем полынья между кузницей и судном стала расширяться и через какие-нибудь два часа достигла примерно 80-метровой ширины. Из бочки, укрепленной на вершине мачты, хорошо была видна огромная полынья, простирающаяся, насколько хватал глаз, на юг; полынья за кормой также тянулась, как можно было видеть, далеко на СВ. Я поплыл по ней на плоту пытаюсь отыскать проход, но безрезультатно. После ужина снова поплыл уже к югу, но и на этот раз не нашел прохода. Часов в 10 вечера из бочки было видно, что полынья еще больше расширилась и по-прежнему тянется к югу насколько хватает глаз. Небо над нею было темное, «водяное».

Посоветовался со Скотт-Хансенom, что нам предпринять. Хотя при настоящих условиях взрывы не могли принести много пользы, тем не менее мы решили попытаться освободить судно с помощью взрывов. Сошлись на том, что следует заложить несколько фугасов у самой кормы. Тотчас весь экипаж принялся за работу. Сначала почти в одном месте были заложены и взорваны шесть пороховых шашек, но без особого успеха. Затем сделали неудачную попытку использовать пироксилин. Часам к трем утра работу пришлось приостановить, так как лед оказался настолько мощным, что бур не проходил насквозь, а расчищать густую снеговую кашу не было возможности. В 8 ч утра на следующий день заложили еще два фугаса, изготовленных за ночь Скотт-Хансенom и Нурдалом, но ни один из них не взорвался. Несколько взорванных в течение дня фугасов произвели весьма слабое действие,

настолько слабое, что не имело никакого смысла продолжать попытки. Пришлось подождать лучших ледовых условий.

Погода в течение первой половины января стояла хорошая; небо ясное, мороз -40... – 50 °С. Самый холодный день был 15 января, когда термометр показывал от -50 до -52 °С. В последние две недели января температура держалась значительно выше, но в феврале снова упала, 13-го она опять дошла приблизительно до -48 °С, а затем снова стала повышаться, достигнув примерно -35 °С в конце февраля. С 5 марта, когда термометр показывал -45 °С, температура стала быстро повышаться. 12 марта было -12 °С, 27 марта -6 °С; хотя, само собой разумеется, временами случались и более холодные дни. Апрель был почти весь довольно холодный: около -25 °С. Самый холодный день выдался 13-го, когда было -34 °С. Первая неделя мая была также довольно холодная: от -20 до -25 °С, вторая неделя уже теплее: около -14 °С. 21 мая впервые за этот год температура поднялась выше нуля; максимальный термометр во время вечернего отсчета показал плюс 0,9 °С.

Отдельные дни в течение этой зимы отличались удивительно большими и неожиданными колебаниями температуры. Такова была, например, пятница 21 февраля. Утром было облачно и дул свежий ветер с ЮВ. Позже днем ветер перешел внезапно к ЮЗ и скорость его уменьшилась до 4,4 м; одновременно температура понизилась с -7 °С (утром) до -25 °С (перед самой переменой ветра), а затем к 8 ч вечера опять быстро поднялась до -6,2 °С.

В моем дневнике записано:

«Вечером я погулял немного по палубе и, прежде чем спуститься вниз, решил посмотреть, что делается за кормой. Высунув голову из -под тента, почувствовал такую теплую струю воздуха, что невольно мне пришла в голову мысль о пожаре на корабле. Вскоре я понял, что просто температура значительно повысилась с того времени, как я был под открытым небом.

Скотт-Хансен и я вышли потом наверх и поставили термометр под тентом; он показал -19 °С, тогда как наружный термометр показывал -

6 °С. Долго ходили мы взад и вперед, вдыхая полной грудью теплый воздух. Бесконечно приятно было чувствовать на лице это теплое дуновение. Да, большая разница – жить при такой температуре или ежедневно вдыхать морозный воздух в 40–50 °С. Меня, правда, это не особенно тяготило, но многие жалуются, что у них болит грудь. Я только после большого моциона ощущал, что во рту пересыхает».

На следующий день, 22 февраля, ветер с утра дул с ЮЮВ, но позже он перешел в западный шторм со скоростью 17 м/с. Барометр никогда еще за все время экспедиции не падал так низко; он показывал 723,6 мм. Крутила такая вьюга, что в трех шагах от судна невозможно было ничего разглядеть; будку с термометрами на льду в несколько минут занесло снегом, отсчитать показания приборов стало невозможно. Внизу, в кают-компании, тоже было не особенно уютно: тяги не было, и мы тщетно пытались растопить печку; в конце концов пришлось залить огонь, чтобы не задохнуться от дыма. В воскресенье вечером непогода унялась, но в понедельник и вторник задул свежий ветер со снегом и метелью при 28 °С мороза. Только в среду днем погода по-настоящему прояснилась, и скорость ветра упала до 6 м. Тогда, наконец, и мы и собаки смогли сойти на лед и немного по размяться. Собаки хотели было выбраться на воздух еще утром, но даже они нашли, что погода отвратительная, и опять забились в конуры.

Таких скверных дней случалось немало, и не только зимой, но и летом; обычно непогода длилась не больше одного дня и не влекла за собой больших неприятностей. Напротив, мы не без удовольствия приветствовали ненастье, в особенности если оно сопровождалось свежим ветром, который быстро гнал лед на запад. Наш дрейф и все, что было связано с ним, интересовало нас, конечно, больше всего. Поэтому настроение бывало часто гораздо лучше в ненастье, чем в ясные, светлые дни со слабым ветерком или полным затишьем и лучистым северным сиянием по ночам.

Вообще говоря, дрейфом, особенно в январе и в первую неделю февраля, мы были вполне довольны. За этот промежуток времени судно прошло с 48° до 25° долготы; широта оставалась примерно 84°50'.

Лучше всего продвигались с 28 января по 3 февраля, когда непрерывно дул крепкий попутный ветер с востока, усилившийся в воскресенье, 2 февраля, до 18–21,6 м/с, а при шквалах – еще больше. Это была единственная настоящая буря за все путешествие. В субботу, 1 февраля, прошли меридиан Вардё, и по этому случаю устроили вечером маленький пир. 15 февраля находились под 84°20 северной широты и 23°28 восточной долготы, а потом нас снова отнесло на порядочное расстояние назад. 29 февраля оказались под 27° восточной долготы. После этого нас стало медленно нести на запад и несколько быстрее на юг, так что 16 мая очутились под 83°45 северной широты и 12°50 восточной долготы.

Дрейф служил поводом для многочисленных пари, в особенности, когда дело шло хорошо и настроение, следовательно, поднималось. Как-то раз в конце января, когда лаг показывал, что «Фрам» довольно быстро движется вперед в желательном направлении, Хенриксен, возвысив голос, заявил: «Я с вами еще ни разу не держал пари, капитан; давайте поспорим, как далеко мы ушли к югу». – «Ну, что же», – ответил я, и мы поспорили на порцию семги. Я утверждал, что мы никак не южнее 84°40 – самое большее – между 40 и 41 . Хенриксен стоял на том, что мы находимся между 36 – 37 . Скотт-Хансен произвел наблюдение, и по точному астрономическому определению выяснилось, Хенриксен проиграл: широта была 84°40,2 .

С тех пор, как нас покинули последние залетные птицы, и до 28 февраля мы нигде не видели ни одного живого существа. Во время многочисленных лыжных блужданий по льду ни разу не наткнулись даже на медвежьи следы. Но 28 февраля в шесть часов утра в каюту ворвался Петтерсен с вестью, что неподалеку от корабля видны два медведя. Я поспешил на палубу, но было еще так темно, что никак не удавалось ничего разглядеть, хотя Петтерсен указывал куда-то пальцем. Наконец, я увидел их: они медленно, вразвалку приближались к судну. Примерно в 150 м от «Фрама» медведи остановились. Я попробовал взять их на мушку, но было слишком темно, и, не рассчитывая на удачный выстрел, я решил подождать, не подойдут ли они поближе. Гости постояли

немного, тараща глаза на судно, потом круто повернулись и потрусили прочь.

Я спросил Петтерсена, не может ли он поджарить что-нибудь, распространяющее сильный и вкусный запах, который мог бы подманить медведей. Он подумал минутку, потом бросился вниз и вынес сковородку с жареным салом и луком. «Черт меня побери, если это не пахнет!» – воскликнул он, постукивая сковородкой о борт. Медведи давным-давно исчезли из виду. Было холодно, градусов 35 мороза, я поспешил вниз за шубой. Но не успел надеть ее, как прибежал Бентсен с просьбой поторопиться: медведи бегут назад. Одним прыжком мы выскочили на палубу. Теперь звери были всего на расстоянии 100 м или около того по прямой линии. Я присел на корточки за бортом, хорошенько прицелился и... осечка. Медведи круто приостановились и стали, пожалуй, подумывать об отступлении. Я поспешно снова взвел курок и выстрелил в самого крупного зверя. Он со страшным ревом упал навзничь. Тогда я выстрелил по второму. Сделав сначала изящный антраша, он опрокинулся на спину. Потом оба встали и сделали несколько шагов вперед, но снова попали под обстрел. Я подарил каждому из них по одному из двух оставшихся у меня зарядов, но и этого оказалось для таких живучих тварей недостаточно. Петтерсен, увлеченный зрелищем охоты, сбежал по трапу вниз и безоружный пустился было вдогонку за медведями. Тут на него вдруг напала нерешительность, и он крикнул Бентсену, чтобы тот шел за ним. Но Бентсен, у которого тоже не было в руках оружия, как легко понять, мало был расположен преследовать раненых медведей. Запасшись патронами, я догнал Петтерсена уже на полдороге между медведями и «Фрамом».

Медведи старались скрыться в торосах. Я остановился шагах в тридцати от них. Прежде чем стрелять, нужно было окликнуть Петтерсена, который, увлекшись, несясь впереди и теперь находился тоже под выстрелами. Наконец, огромная медведица была убита, и я бросился к торосу посмотреть, что случилось со вторым медведем. Вдруг он высунул из-за тороса голову, и в тот же момент я пустил ему пулю в горло.

Разбудили всех. Радость была всеобщая. Слюнки текли при одной мысли, что мы теперь долго можем наслаждаться восхитительными кушаньями из свежего мяса. Прошло примерно 16 месяцев с тех пор, как в последний раз был убит медведь, и уже 14 месяцев, как мы не ели свежего мяса, если не считать тюленины – раза два за все лето – да птиц. Все благословляли пахучую сковородку Петтерсена.

Туши медведей разрубили на части, и мясо рассортировали – филей на бифштексы, вырезку на котлетную часть, сек на жаркое и т. д.; припрятали даже медвежьи ноги на варку бульона. Вкуснее всего оказалась грудинка; нам подали ее один раз к обеду, и все нашли, что это царское блюдо, которому трудно найти подобное. Каждый уничтожил почтенные порции этого жаркого, мечтая о том, чтобы нас как можно скорее снова посетили медведи.

Охотничий пыл Петтерсена после этой истории разгорелся еще больше, с утра до вечера он толковал о медведях. В один прекрасный день ему взбрело в голову, что медведь обязательно придет ночью. Вера в собственное предчувствие у него была так сильна, что с вечера он сделал все приготовления к охоте и пригласил компаньоном Бентсена. Вахта Бентсена приходилась на утро, и он должен был разбудить Петтерсена, как только медведь появится. Какой-то весельчак, дабы не пропустить такого зрелища, как «Петтерсен на медвежьей охоте», привесил к ружью Бентсена маленький колокольчик, чтобы услышать, когда охотники пойдут на медведя. К сожалению, медведь не пришел. Но Петтерсен, одержимый охотничьим азартом, вынудил у меня обещание позволить ему первым выстрелить в медведя, когда я буду тут же с пулей наготове – на тот далеко не невозможный случай, что сам Петтерсен на беду промахнется и упустит медведя. Такое огорчение ему не легко было бы снести.

В воскресенье, 8 марта, опять наблюдали такую же странную перемену погоды, как и 21 февраля. Утром было пасмурно, и с ВСВ дул свежий бриз. В 3 ч пополудни ветер спал и перешел к 6 ч утра в слабый ЮЮВ. За это время температура поднялась с -26 до -8 °С, и мы с

большим наслаждением ходили вечером по кормовой части палубы, вдыхая теплый воздух.

4 марта первый раз увидели солнце. Оно, собственно говоря, должно было появиться еще накануне, но тогда небо затянуло облаками. Зато у нас был двойной праздник: возвращение солнца и день рождения Нурдала. 14 марта исполнился год с того времени, как Нансен и Йохансен пустились в свое долгое странствование по льдам. Этот день мы отметили изысканным обедом с кофе, а за ужином выпили по чашке пунша.

Кроме обычных научных наблюдений, которые продолжались регулярно, без сколько-нибудь значительных перерывов зимой производили промеры глубины, но, выпустив 3000 м троса, дна все-таки не доставали.

13 апреля Скотт-Хансен и я произвели наблюдение с теодолитом, а Нурдал – с секстаном и искусственным горизонтом. По теодолиту широта получалась $84^{\circ}11,5'$, а по секстану – $84^{\circ}13'$. Еще раньше мы обнаружили, что наблюдения с помощью искусственного и естественного горизонтов дают разницу около 2 мин. При пользовании естественным горизонтом получается меньшая высота, даже при отсутствии миражей, но при благоприятных условиях ошибка все же редко превышает $2'$. Если же наблюдались миражи, то почти невозможно было сделать сколько-нибудь точное определение. Поэтому для определения местонахождения среди плавучих льдов следует, как правило, пользоваться искусственным горизонтом или теодолитом, особенно если стремишься получить точные результаты.

С приближением весны дни прибавлялись; во льду вокруг корабля возникали многочисленные трещины и полыньи, приходилось понемножку думать о приготовлениях к освобождению «Фрама», как только разводья увеличатся настолько, что их можно будет использовать. Лежавшие на льду вещи в течение зимы приходилось частенько передвигать с места на место. Но лед становился все менее надежным, и перемещения теперь помогали мало. В середине апреля перенесли наш зимний склад на судно и устроили провиантное депо в

главном трюме. Из угольного склада на судно перетащили также мешки с углем; бочки с углем, собачьи сухари, каяки и нарты остались пока на льду. Солнце к этому времени набралось силы и принялось пригревать настолько сильно, что 19 апреля стал таить лед на тенте; таяние вдоль стенки корабля началось несколькими днями раньше.

Первым вестником весны в этом году оказалась пуночка, прилетевшая вечером 25 апреля. Она обосновалась в одной из шлюпок. Кормили ее разной крупой и крошками, и вскоре она стала совсем ручной. Пуночка радовала нас своим присутствием в течение нескольких дней, затем вдруг исчезла. «Фрам» был, по-видимому, для нее лишь приятным временным этапом – местом отдыха; она подкормилась и набралась сил для продолжения перелета. 3 мая нас снова посетила пуночка, а дня через два прилетели еще две. Мне показалось, что это прежняя пуночка, нашедшая за это время себе подружку и прилетевшая теперь вместе с нею навестить нас и поблагодарить за старое гостеприимство. Они посидели у нас часок, увеселяя чириканьем и щебетанием. Их не оставляли в покое собаки, лаявшие на все лады; в конце концов птички вспорхнули и улетели, с тем чтобы больше уже не возвращаться.

В первых числах мая мы сняли настил над шлюпочными стойками, расчистили главную палубу и втащили на борт промысловые и спасательные шлюпки. Были сняты также сходни, и вместо них повешен штормтрап. Затем на борт перенесли остатки угля, собачий провиант, нарты – словом, все, что еще осталось на льду. Теперь предстояло самое главное – привести в порядок машину и развести пары; за эту работу принялись уже 18 мая.

Собакам, несмотря на продолжительные и сильные морозы, жилось в конурах на льду отлично, и с ними хлопот не было. Но прошел какой-нибудь месяц после нового года, и старшие щенки стали обижать маленьких; пришлось взять двух самых больших забияк на борт и поддержать их некоторое время под арестом. Впрочем, собаки готовы были затеять беспорядок при любом удобном случае. Так, однажды собаки принялись грызть каяки, положенные на крышу большой

собачьей конуры. Мы подросли вовремя, прежде чем они успели нанести каякам сколько-нибудь серьезный вред. Пришлось разгрести снег вокруг конуры, так, чтобы они больше не могли взбираться наверх и продолжать свои забавы.

10 февраля собралась оцнить одна из дочек Сусси. Ее взяли на судно и положили в большой ящик со стружками. Из пятерых щенят оставили ей только одного: двух тут же прикончили, один родился мертвым, а первенца съела эта обжора и чудовище каннибализма.

Несколько дней спустя оцнилась Кара. Она была единственной сукой, проявившей настоящую материнскую нежность. Трогательно было смотреть на нее и жаль отнимать у нее щенят. Но пришлось все же прикончить их, так как в это время года невозможно выходить щенят, да и сама мать была еще чересчур молода, мала и тщедушна.

В начале марта щенков, родившихся в окт ябре, мы стали выпускать на целые дни, а пятого марта поместили их вместе со старшими щенками на льду в передней конуре. Вечером конуру закрыли, как обычно, люком. В течение ночи выходное отверстие занесло снегом, иней и лед внутри конуры растаяли, и все собаки вымокли. Когда их утром выпустили, оказалось, что маленькие щенки страшно перемерзли, и потому их взяли обсушиться к себе, в кают-компанию.

5. С 17 мая по 21 августа 1896 г.

17 мая «Фрам» находился примерно под $83^{\circ}45$ северной широты и $12^{\circ}50$ восточной долготы. И на этот раз мы отпраздновали национальный день шествием с флагами приблизительно так же, как 17 мая прошлого года. Впереди всех, восседая на медвежьих шкурах, ехал Мугста на нартах, запряженных семью собаками, рядом с ним шел «оркестр» в лице Бентсена. Когда мы выстроились на льду, вдруг в полынье напротив корабля показалась пятерка нарвалов, а немного погодя тюлень. Это бодрящее зрелище было принято за счастливое предзнаменование, обещающее хорошее лето. Большой торос, служивший прошлый раз трибуной для наших веселых самодеятельных выступлений, был теперь далеко. Его отрезали от нас полыньи и торосы, и праздник на открытом воздухе пришлось ограничить только шествием

с флагами. Сперва процессия направилась на юг, мимо обсервационного домика, по направлению к полынье, затем повернула вдоль полыньи на север, а потом назад к кораблю, где шествие, после того как оно было сфотографировано, рассеялось. В 12 ч дали салют, за которым последовал особенно изысканный праздничный обед. Кушанья запивались настоящим «Шато ля Фрам» ^[396] разлива 1896 г. Стол был накрыт с большим вкусом; возле каждого прибора лежала изящная бумажная салфеточка, на одном из уголков которой было написано «Ргат» и стихи, воспевающие «Семнадцатое мая »:

Семнадцатое мая! Оно напоминает нам
Подвиги предков, наших отцов.
Оно укрепляет и ободряет гражданина,
Оно показывает, что воля его не призрак,
Что, опираясь на право, он может
Развернуть знамя и идти по пути победы.

За обедом провозглашались заздравные тосты в честь Норвегии, Нансена, Йохансена и многих других.

В последующие дни мы были заняты приведением в порядок машины, а также колодцев для руля и винта. Прежде всего попробовали накачать воду в котел с помощью опущенного в прорубь шланга. Однако было еще так холодно, что вода в насосе замерзла. Пришлось носить воду ведрами и выливать ее в котел по шлангу, сшитому из парусины. Потом поставили трубу и стали разводить под котлом огонь; к вечеру 19 мая, впервые после того, как осенью 1893 г. мы вмерзли в лед, у нас были разведены пары.

Затем мы очистили ото льда, насколько это было возможно, колодец винта, направив туда по шлангу струю пара. Он оказал прекрасное действие. Правда, растопить с помощью пара лед в муфте гребного вала не удалось. Зато воду для котла получали теперь сравнительно легко: набили кусками льда чан на палубе и пустили в него пар.

После ужина все спустились в машинное отделение, чтобы проверить вал. В конце концов после долгих усилий это удалось сделать,

вал был повернут на три четверти окружности. Мы остались чрезвычайно довольны своей работой за этот день.

На следующий день был растоплен лед в рулевом колодце, и в половине второго Амунсен стал запускать машину. Из рулевой рамы выплыло несколько крупных кусков льда, и их выловили. Амунсен дал машине некоторое время поработать.

За это время все побывали у него внизу, чтобы собственными глазами увидеть чудо, убедиться, что там внизу действительно «завертелись колеса».

Для нас это было большим событием. Оно вдохнуло надежду на скорое освобождение из плена, хотя путь еще предстоял трудный и долгий. «Фрам» перестал быть безвольной игрушкой капризных дрейфующих льдов. Теперь наш великолепный корабль после нескольких лет зимней спячки снова пробудился к жизни. С волнением мы следили за первым трепетным биением его мощного сердца. «Фрам» словно понимал нас и как будто хотел сказать: «В путь! К югу! На родину!»

Между тем ледовая обстановка вокруг судна оставалась далеко не благоприятной и отнюдь не сулила быстрого освобождения. Правда, появились различные предвестники весны, температура повысилась, и снег быстро исчезал, но мы топтались по-прежнему примерно на той же широте, под которой пребывали уже много месяцев, – приблизительно под 84°. С бочки видна была большая полынья, простирающаяся на юг, насколько хватал глаз; но пробиться к ней через 200-метровую ледовую перемычку было невозможно, пока не развело тяжелый торосистый лед. Поэтому никаких попыток освободить судно из ледяных оков не делалось. Мы пользовались временем для различных работ на корабле – приводили в порядок то, что еще не было налажено, чинили паровую лебедку, осматривали и проверяли такелаж и т. д.

В прорубь, куда опускался лаг, были спущены две медвежьи головы, чтобы ракообразные (Amphipoda) очистили их от мяса. Они выполняли работу быстро и хорошо. Как-то, когда множество ракообразных облепило медвежьи головы, Скотт-Хансен наловил их

целую массу сачком и дал сварить к ужину, рассчитывая угостить нас на славу. Но все были жестоко разочарованы. На этих несчастных тварях не было ни кусочка мяса, одни лишь пынцырь и пустота. Только взяв в рот дюжины две сразу, можно было, пожалуй, ощутить вкус, слабо напоминающий вкус раков. Во всяком случае, если бы нам пришлось некоторое время питаться такими ракообразными, боюсь, что мы убавились бы в весе гораздо больше, чем это желательно.

В последние дни мая перспективы наши несколько улучшились, так как ветер перешел в свежий северо-восточный. Лед потихоньку двигался на юго-запад, и вместе с тем все больше и больше расходился. 29 мая на юге, насколько хватал глаз, открылась чистая вода, а над нею темное небо. После долгих уговоров я решился, наконец, попытаться взорвать лед вокруг корабля.

Взорвали фугас, начиненный 50 кг пороха. Эффект получился изумительный: силою взрыва огромные массы льда отшвырнуло с большой силой в полынью. Казалось, еще один такой взрыв и корабль будет свободен. Сразу после обеда пошли закладывать второй фугас в 20 м от кормы. Прорубить для него отверстие во льду стоило невероятного труда. Сначала бурили скважину обыкновенным буром; затем попытались расширить ее – сперва при помощи небольших пороховых капсул, потом пироксилиновых шашек, но все безрезультатно. Тогда принялись орудовать ломami, ледовыми пилами, прибегли к паре – короче говоря, применили все средства, какие только возможны, и все напрасно. Между тем в результате взрыва на одном и том же месте нескольких мин лед дал во всех направлениях много трещин. Мы решили, что будет достаточно взрыва одного фугаса, спущенного в прорубь для лага, чтобы расшевелить всю эту массу. Так как лед здесь был более тонким, то фугас спустили на 10-метровую глубину. Взорвался он с огромной силой, взметнув вверх до верхушек мачт мощный водяной столб. В этом водяном столбе было немало крупных осколков льда, которые градом рассыпались далеко вокруг. Один осколок весом примерно в 60 кг пробил тент и упал на бак; другой перелетел через корабль и упал у правого борта. Скотт-Хансену и

Хенриксену, стоявшим на льду возле батареи запала, пришлось круто, когда на них посыпались ледяные осколки. Оба, разумеется, пустились бежать со всех ног, что по глубокому снегу сделать было не так-то просто; ледяной град изрядно поколотил их по спинам. И все же, несмотря на все труды, затраченные на закладку и взрывание двух больших пороховых фугасов и, кроме того, многих мелких, результат оказался мало заметен. Тогда принялись бурить скважины для двух пироксилиновых шашек, которые хотели взорвать одновременно. Когда добрались на глубину, в $2\frac{1}{2}$ раза большую длины бура, бур сломался, а на другом буре пришлось нарезать новые витки. К 12 ч ночи, напряженно проработав без перерыва с самого утра, закончили, наконец, и эту работу.

На следующий день в 6 ч утра снова принялись за бурение. Но лед был настолько твердым и бурить его было так трудно, что, хотя к буру приставлено было четыре человека, пришлось для его вытаскивания каждый раз, когда бур заедало, ставить козлы с блоком. Ледяной покров был очень мощный, потребовалось пройти четыре длины бура (6 м), прежде чем мы пробурили лед насквозь и добрались до воды. В отверстие была спущена одна пироксилиновая мина, и другая подведена на длинном шесте под край льда на старой полынье. Обе мины были запалены одновременно, но взорвалась только одна. Мы соединили получше провода, тогда взорвалась и вторая. Результат очень мало отвечал ожиданиям, хотя мины были заложены среди сравнительно тонкого льда.

Подрывные работы были поэтому прекращены до 2 июня, когда ночью лед вскрылся и вдоль старой полыньи и вдоль стенки судна. Вдобавок была взорвана пироксилиновая мина у самой кормы. Действие ее оказалось довольно сильным – лед раскололся до самого штевня. После этого просверлили скважину метров около пяти глубиной у самой стенки корабля и заложили туда 10 нитроглицериновых шашек по 330 г каждая (что соответствовало приблизительно 13 кг обыкновенного пороха). Поскольку мне казалось рискованным взрывать такой сильный фугас в близком соседстве с судном, то сначала взорвали небольшой

пороховой фугас в 5 кг, чтобы посмотреть, каково будет его действие. Оно оказалось ничтожным, и тогда решили взрывать большой фугас. Он-то дал себя знать. Корабль получил сильнейший толчок. Одна из картин и ружье в кают-компании «спрыгнули» на пол, а часы в моей каюте слетели со стены. Машину тряхнуло тоже порядком, и у Амунсена разбились бутылка с маслом и ламповое стекло. На лед взрыв оказал отличное действие: судно почти разом освободилось, остались зажатыми частично лишь нос и корма. Проработав еще немного, можно было в тот же вечер совсем освободить «Фрам», но я намеренно оставил судно в таком положении, чтобы не возиться с закреплением его канатами. Вместо этого мы позволили себе после ужина добавочное угощение, считая, что заслужили премию нашей работой.

На следующее утро взорвали лед, сжимавший носовую и переднюю части корабля. Вооружившись ломом, я принялся ломать лед, защемлявший ахтерштевень. Проработал 4–5 мин. Вдруг корабль рванулся, осел глубже кормою и, прежде чем были брошены причалы, отошел от края льдины. Носовая часть подымалась теперь примерно на 6 дюймов выше, чем осенью, когда он вмерз в лед. И так «Фрам» освободился и был готов снова пробиваться сквозь льды, как только позволят обстоятельства. Но пока еще тронуться в путь было невозможно.

В мае в окружающих полыньях время от времени показывались моржи и тюлени; появлялись также разные морские птицы. В июне и июле вокруг было уже весьма оживленно, мы могли охотиться, сколько душе угодно. За лето настреляли не только множество глупышей, чистиков, поморников, кайр и люриков, но также пару гаг и двух плавунчиковых плосконосов.

Тюленей мы тоже настреляли немало, но добыть удалось всего шесть голов, остальные тонули, прежде чем их успели подхватить. Само собой разумеется, что мы пользовались всякою возможностью поохотиться, в особенности на медведей. Эти звери не так уж часто удостаивали нас своим посещением, но тем большее оживление и интерес вызывало каждое сообщение об их появлении. Все оживлялись,

в одну минуту вскакивали на ноги, чтобы достойным образом встретить гостя. В общей сложности за лето было убито 16 –17 взрослых медведей. Одного медвежонка мы взяли живым, но вскоре пришлось его забить, так как он подымал на борту невероятный шум и возню.

В одну из ночей в начале июня Хенриксен собрался пойти к метеорологической будке на льду, чтобы отсчитать показания приборов. Он был настолько осторожен, что, прежде чем во имя науки отправиться в путь, поднялся на капитанский мостик взглянуть, «чист ли фарватер». Ничего подозрительного Хенриксен не заметил. Только подойдя к обсервационному домику, он внезапно услышал почти рядом какое -то фыркание и увидал, что у порога стоит, уставясь на него, медведь. Естественно, что Хенриксен, совершенно безоружный, почувствовал себя при этой неожиданной встрече не особенно хорошо. Он поразмыслил минутку – ретироваться ли ему с достоинством или же улепетывать во всю прыть. И он и медведь находились от корабля на одинаковом расстоянии, и если гость замышлял недоброе, то самое лучшее, пожалуй, было удирать от него поскорее, пока он не успел приблизиться. Убегая во всю мочь, Хенриксен вовсе не был, однако, уверен, что зверь не преследует его по пятам, и отдышался только, когда оказался на судне и схватил ружье, стоявшее наготове на палубе. Но прежде чем он снова спустился на лед, собаки почуяли медведя и моментально бросились на него. Медведь сначала прыгнул на крышу обсервационного домика – собаки за ним, он опять вниз, и притом настолько быстро, что Хенриксен не успел выстрелить. Медведь взял курс к ближайшей полынье и ускользнул и от собак, и от охотника. Гарм в охотничьем азарте прыгнул на льдины, плившие среди густой каши в полынье, но обратно перепрыгнуть не решался и, сидя на льдине, скулил. Я услышал вой и вскоре высмотрел пса из бочки; мы немедленно отправились вместе со Скотт-Хансеном к полынье и переправили беднягу обратно на твердый лед.

Несколько дней спустя нас в 10 ч утра разбудил крик Нурдала: «Медведи!» Все с ружьями выбежали на палубу. Однако собаки опередили нас и успели обратить медведей в бегство. Мугста заметил из

бочки, что собаки, пустившись вплавь, задержали зверей около большой полыньи, и пришел сообщить об этом мне. Ничего не оставалось делать, как отправиться вдогонку. Путь был хорош, и мы быстро двигались вперед, но так как бежали наперерез ветру, то много времени прошло, прежде чем услышали лай собак и могли ориентироваться по звукам. Наконец, за маленьким торосом мы заметили одну из собак, потом еще нескольких, а потом обоих медведей. Они сидели на льдине посреди полыньи, прислонясь спиной к большой глыбе. Две собаки прыгнули на льдину, остальные стояли настороже вокруг полыньи. Собаки выполняли свою задачу превосходно; они так хорошо отвлекали внимание медведей, что не составило труда подойти к ним на достаточно близкое расстояние и выпустить в каждого по заряду.

Оба упали тут же, не сходя с места, но слегка еще шевелились и на всякий случай пришлось выстрелить по ним еще раз.

Да, медведи были убиты, но подобраться к ним оказалось не так -то просто. Только обойдя вокруг полыньи, удалось добраться до льдины с той стороны, где расстояние от твердого льда до нее было меньше и где, кроме того, образовался своеобразный мост из мелких льдин. Чтобы подцепить «дичь» и отбуксировать туши на твердый лед, накинули медведям на морды олений аркан. По воде подтащили их к кромке льда, там подвели под них небольшие льдины и общими усилиями вытянули затем на лед. На обратном пути встретились пятеро товарищей с двумя нартами и собачьей запряжкой. По пальбе они поняли, что «кладь» будет. Нарты связали вместе, взвалили на каждые по медведю, впрягли девятерых псов, и нарты с сидящим верхом на каждом медведе погонщиком понеслись с такой быстротой, что остальным пришлось бежать бегом, чтобы не отстать.

В ночь летнего солнцестояния нас опять посетило два медведя. Нурдал увидел их в 12-м часу, когда шел к наблюдательному домику; бегом он пустился к судну и сообщил тем, кто еще не улегся спать. Но лишь только люди ринулись на лед, медведи почуяли их и исчезли.

Три дня спустя в полдень к судну подбежала рысцой медведица с маленьким медвежонком. Мы поджарили немного сала, чтобы подманить

их поближе, но медведица была очень осторожна, и прошло немало времени, пока она подошла на расстояние 200 –300 м. Тут штурман не удержался и выстрелил, вслед за ним начали стрелять остальные; медведица, сделав несколько шагов, свалилась. Между нею и судном тянулась широкая полынья. Несколько человек, взяв плот, направилось к тому месту, где она лежала. Бедный прехорошенький малыш, с почти белой шкурой и темной мордочкой, был ростом не больше нашей самой маленькой собаки. Когда к нему подошли, он уселся на тушу матери и сидел совсем смирно, не выказывая ни малейшего беспокойства и намереваясь, по-видимому, мирно отнестись к событиям. Хенриксен накинул ему на шею ремень, и когда мы поволокли медведицу, малыш охотно последовал за нами; при буксировке через полынью он уселся к ней на спину. Но по прибытии на судно, когда его захотели отделить от матери и перевести на палубу, картина резко изменилась. Медвежонок сопротивлялся из всех сил и пришел в бешенство. Еще хуже он повел себя, когда его выпустили на палубу. Он бесновался, как одержимый, кусался, урчал и ревел в дикой ярости, будто в него вселился сам дьявол и замолкал лишь на те немногие мгновения, когда был занят поглощением кусков мяса, которые ему кидали. Никогда мне еще не приходилось видеть столь полного соединения в одном существе всех черт дикости и необузданности хищной звериной натуры, как в этом маленьком чудовище. А ведь он был совсем еще крохотным медвежонком! Вечером я распорядился убрать этого неприятного пассажира, и Мугста прикончил его ударом обуха.

После этого в течение двух недель не было видно ни одного медведя; но в ночь на 12 июля нас посетило трое, из которых один после жестокой погони был уложен Скотт -Хансеном, штурманом, Нурдалом и Бентсеном, благодаря главным образом собакам, которые и теперь сослужили хорошую службу, преследуя медведя шаг за шагом по пятам. Двое остальных медведей рысцой пустились бежать после первого выстрела и исчезли в тумане.

18 июля вечером я и Мугста застрелили медведя, который едва ли достался нам, если бы Белла не была такой умной и проворной собакой.

Вначале собаки раза два почти настигали зверя, но потом ему удалось прыгнуть в воду и переплыть две широкие полыньи, на обход которых собакам потребовалось много времени. Зверь уже готов был прыгнуть и в третью полынью, когда Белла, догадавшаяся забежать вперед во круг полыньи, бросилась навстречу и остановила его в каких-нибудь десяти локтях от края льда. Мугста выстрелил с расстояния в 200–300 м и настолько удачно, что попал зверю прямо в голову. Медведь свалился и делал лишь слабые попытки защититься от собак. Тогда я всадил ему пулю в ключицу, но так как он и после этого не околел, то получил еще пулю от Мугста.

20 июля штурман застрелил большого медведя, переплывшего через полынью, и, наконец, вечером 6 августа мы убили последнего медведя, но на такой отвратительной поверхности, что пришлось отказаться от мяса и с немалым трудом притащить на судно одну лишь шкуру.

Что касается охоты на птиц, то она много раз была у нас довольно удачной. Так, однажды вечером мы со Скотт-Хансенom застрелили 9 люриков, моевку и поморника; на следующий день 21 люрика и 2 чистиков. Хенриксен однажды убил 18 люриков и чистика, Нурдал – 26 люриков и чистика. В иные дни слеталось невероятное множество птиц, и нам удавалось за какие-нибудь несколько часов настрелять по 30–40 штук.

Эта охотничья жизнь не только оказывала благотворное влияние на наше настроение, которое иной раз бывало довольно унылым, но и снабжала превосходной пищей.

Ежемесячное взвешивание показывало, что наблюдавшаяся прежде убыль в весе некоторых из нас теперь не имела места; наоборот, с того времени, как нежная грудка кайр, жареные чистики, рагу из моевок, суп из поморников и медвежья грудинка прочно вошли в наше меню, решительно обнаружилась прибыль в весе. Кривая нашего веса неуклонно ползла вверх.

И, разумеется, мы очень нуждались в том бодрящем, благотворном влиянии, которое оказывала охота. Дело в том, что ледовые условия нас

далеко не веселили: перспективы выбраться из льдов в этом году, казалось, уменьшались с каждым днем.

В первые дни после освобождения «Фрама» лед оставался сравнительно спокойным. Но 8 и 9 июня произошли сильные сжатия; в особенности 9-го, когда корму судна подняло примерно на 2 м, так что колодец для руля оказался совсем без воды; нос «Фрама» поднялся на 0,7 м при крене в 4° на левый борт. 10 и 11 тоже было сильное сжатие, в особенности ночью с 11 ч 30 мин до 3–4 ч утра.

Наконец, 12 июня утром лед несколько развело, появилась надежда проташить судно немного вперед. Так как шуга [\[397\]](#) была еще совсем густа, то решили, что без помощи машины не обойтись, и я велел развести пары.

Еще прежде чем были разведены пары, полынья несколько расширилась. Дав ход машине, мы прошли в более широкую полынью, где выбрали для корабля хорошую стоянку. Руль еще не был навешен, и для поворотов приходилось время от времени давать судну задний ход. Здесь простояли на месте до 14 июня, когда лед поредел и в направлении на ЮЮЗ, по которому мы собирались пойти, появилась полынья. Мы развели пары и, навесив руль, пошли полным ходом к узкому каналу, который вел в полынью. Несколько раз повторялись попытки вогнать судно в трещину, но тщетно – края льда ни на волосок не раздвигались. Тогда, направив корабль носом прямо в канал и развив полный ход, я стал командовать попеременно то «право руля», то «лево руля». Этот маневр тоже принес мало пользы, судно вошло в канал не далее фок-вантов. На том дело и кончилось. Расщелина среди льдов стала снова смыкаться. Пришлось вернуться и пришвартовать «Фрам» на прежнем месте. Это было тем досаднее, что длина ледяной перемычки не превышала трех четвертей длины судна.

Здесь мы оставались вплоть до вечера 27-го, когда лед снова раздался, и я решил предпринять новую попытку. Подняв пары, в 11 ч 30 мин стали форсировать лед. Он оказался тяжелым, и дело шло медленно; в 2 ч, пройдя две морские мили на ЮВтЮ, пришлось опять пришвартоваться. В этот раз попробовали использовать машину в

качестве «компаунда», результат оказался хорошим. Машина делала 160 оборотов в минуту, но расход угля, конечно, сильно увеличился – примерно вдвое против обычного.

Целую неделю простояли почти на одном месте; наконец, 3 июля лед снова развело. На этот раз удалось пройти около 3 морских миль по полынье, которая тянулась в ЮЮЗ направлении. В ночь с 6 -го на 7-е опять сделали попытку пробиться вперед, но, пройдя не более одной морской мили, вновь остановились.

При южном ветре, преобладавшем в то время, лед продолжал оставаться сплоченным и ни о каком-нибудь движении вперед не могло быть и речи. Зато с середины июня стало заметно существование приливо-отливных течений. Они как будто не имели определенного направления, и по временам лишь, отмечавший направление, последовательно в течение суток обходил полный круг компаса. Сила течений бывала очень большой, льдины в полыньях кружило так, что страшно было смотреть.

Нередко судно получало от пляшущих льдин и глыб сильные толчки, плохо закрепленные предметы катались и падали, а все снасти дрожали.

Глубина моря не уменьшалась. Так, 6 июля мы не достали дна, опустив лот на глубину 3000 м; два дня спустя, находясь примерно под 83°02 северной широты, мы сделали еще один промер и нащупали дно на глубине 3400 м.

10 июля удалось в два-три приема продвинуть судно на небольшое расстояние. Дело шло туго. Лед был тяжелый, к тому же мешал встречный ветер. Но как бы медленно мы ни продвигались, я давал команду идти вперед всякий раз, как только представлялась возможность хоть немного продвинуться на юг.

Несмотря на все это, при наблюдении 13 июля выяснилось, что нас все же отнесло на порядочное расстояние назад – до 83°12 северной широты. При таких обстоятельствах движение вперед могло показаться бессмысленным, все же, как ни печальны были виды на будущее, мы

старались не унывать и использовали для продвижения любую представлявшуюся нам возможность.

Поздно вечером 17 июля лед снова стало сильно разводить. С разу приготовились пустить в ход машину. Потом лед сомкнулся, но судно стояло под парами. На этот раз мы не обманулись в своих ожиданиях: к часу ночи путь открылся, можно было идти вперед; сделали почти 3 морские мили в южном направлении. Утром преградило путь огромное ледяное поле, простиравшееся на много миль. Пришвартовавшись, простояли на месте весь следующий день. К полночи лед сильно развело, но густой туман не позволял разглядеть ничего вокруг. 19 -го, наконец, прошли крупную дистанцию по сравнению с тем, к чему привыкли: под утро, когда туман поредел, с 12 ч 30 мин и до 8 ч, сделали примерно 10 миль. Такая удача привела всех в великолепное настроение, которое стало еще лучше на следующий день, когда мы, несмотря на туман и на то, что три раза вынуждены были останавливаться, подвинулись с $83^{\circ}14$ (утром) до $82^{\circ}52$ (в полдень) и до $82^{\circ}39$ (в полночь). Со 2-го по 27-е мы также хорошо шли вперед и около полуночи 27-го достигли $81^{\circ}32$ северной широты. С 27 июля по 2 августа, напротив, подвигались медленно, и 2 августа были всего лишь под $81^{\circ}26$ северной широты. Одновременно нас отнесло несколько восточнее, до $13^{\circ}41$ восточной долготы.

В понедельник, 3 августа, мы пробились примерно на 2 мили в юго-западном направлении. Затем простояли на якоре в непроходимых льдах до 8-го числа, когда лед вокруг судна снова развело и в 9 ч можно было возобновить плавание. Прошли 6 миль. На этот раз уперлись в длинный и узкий канал. Пробовали расширить его сначала пороховыми фугасами, затем пироксилиновыми шашками, несколько раз полным ходом форсировали загораживавшие вход мелкие льдины – все безрезультатно. Эти «мелкие» льдины вовсе не так малы и безобидны, как кажутся на первый взгляд. Часто это обломки раздробившихся на части старых и мощных торосов. Когда они свободно плавают, то погружаются глубоко в воду и мало выступают над поверхностью, тогда как подводная часть их имеет значительную мощность. Такие льдины и

загородили нам проход. Лед был твердый, все попытки разбить его носом корабля ни к чему не приводили, хотя судно несколько раз наступало полным ходом. Явственно было видно, как этот крепкий старый лед гнулся и выгибался сводом при ударах, но не ломался. Взорвать такие льдины также оказалось делом немыслимым: большая мощность этих льдин не позволяла подвести под них фугас. Иногда, впрочем, взрыв удавался, хотя толку получалось мало. Полынья была слишком узка, чтобы можно было вывести обломки мимо судна за корму, а самые обломки слишком толсты и тяжелы, чтобы их можно было поджать под края окружающих ледяных полей.

Иногда в полынье или в канале, через который нам предстояло идти, внезапно всплывал, преграждая нам путь, мощный подводный лед ^[398], однажды при таком всплытии «Фрам» получил сильнейший толчок и вряд ли какой-либо другой корабль остался бы невредимым. Другой раз, проходя по открытой полынье, я из бочки вдруг заметил огромную подводную льдину, выдававшуюся далеко вперед под краем надводного льда. Немедленно было приказано изменить курс, чтобы обойти ее. Но в тот самый момент, когда мы проходили мимо этой льдины, она вынырнула на поверхность с бешеной силой, столб брызг взметнулся высоко в воздух, а судно получило такой удар по правому борту около фок-ван-тов, что получило крен и уклонилось почти на 10 румбов от своего курса, пока не натолкнулось на несколько мелких льдин.

Вдобавок ледяное чудовище, вынырнув, подняло за собой огромную массу воды, которая шумным водопадом низвергнулась затем в полынью.

Нечто подобное случалось, когда мы иной раз задевали на ходу какой-нибудь дрейфующий торос, который, сильно подтаяв в подводной своей части, готов был вот-вот перевернуться. Малейшего прикосновения к нему было достаточно, чтобы торос опрокинулся с такой силой, что море вокруг вскипало, словно во время шторма.

9 августа работали целый день над расчисткой полыньи, но подвинулись вперед лишь на самую малость, 10-го работа

продолжалась. Еще до полудня удалось немного проскользнуть вперед. «Фрам» продвигался к югу до 10 ч вечера, когда лед опять стал непроходимым и пришлось принайтаться к ближайшей льдине. За день едва прошли две морские мили.

Туман не давал производить астрономические наблюдения до 9 августа, и в этот день определились на $81^{\circ}48$ северной широты. Это было последнее определение широты, сделанное нами среди плавучих льдов.

Во вторник, 11-го, в полдень пошли на юго-восток. Немалых трудов стоило раздвинуть торосистые глыбы и мелкие льдины, часто загромождавшие проход. В 7 ч 30 мин вечера остановились перед узкими воротами в очередную полынь, где и остались до глубокой ночи, когда, наконец, удалось убрать с пути препятствия и двинуться под парами в юго-западном направлении. Дело шло все же медленно, а под утро 12 августа путь снова (в который раз!) преградила отвратительная льдина. Мы попробовали взорвать ее, но, показавались приготовлениями, лед сомкнулся, и судно защемило между двумя огромными полями. По прошествии нескольких часов лед в юго-западном направлении раздвинулся, и мы до 12 ч 30 мин дня шли вперед под парами по сравнительно большим полыням. Потом на время преградила путь крупная льдина. В то утро мы за пять часов сделали примерно $9\frac{1}{2}$ морских миль. Теперь стал появляться более тонкий лед, а когда туман по временам редел, из бочки удавалось разглядеть и к востоку и к западу множество протянувшихся к югу полынй. Кроме того, все время встречалось множество птиц и тюленей, даже несколько морских зайцев – все служило признаком того, что теперь недалеко до чистой воды. Между 3 и 4 ч дня раздвинулись ледяные оковы. В 5 ч 20 мин пошли под парами в юго-восточном направлении. Ледовые условия стали заметно улучшаться, лед пошел более тонкий и рыхлый, отдельные небольшие льдины легко удалось форсировать. С 5 ч 30 мин до полуночи прошли 16 морских миль; машиной пользовались как компаундом.

После полуночи (13 августа) взяли курс сначала на юго-запад, затем на юг, потом на юго-восток, все время по битому и рассеянному льду, и вот, наконец, в 3 ч 13 августа впереди нас открылась совершенно темная вода на ЮЮВ. В 3 ч 30 мин, миновав последние льдины, «Фрам» вышел в открытое море. [\[399\]](#)

Мы были свободны! За нами лежали три года упорного труда и лишений, бремя тяжелых дум, спутниц долгих ночей, впереди была жизнь, возвращение на родину, ко всему, что было дорого. Еще лишь несколько дней!..

...Самые разнообразные чувства боролись в каждом из нас, охватывали нас, всех и каждого. Первые минуты мы не могли поверить глазам; темно-синие волны впереди казались обманом зрения или сном. Ведь до 80-го градуса широты еще оставалось порядочное расстояние и только в особо благоприятные годы свободное ото льдов море простиралось летом так далеко к северу. Быть может, мы просто вошли в широкую открытую полынью и впереди нас предстоит еще пробиваться сквозь мощный пояс льдов?

Нет, факт оставался фактом. Свободное, не скованное льдом море окружало нас со всех сторон, и мы с наслаждением следили за тем, как тихо покачивается «Фрам» на первых слабых волнах.

Мы отдали честь своему побежденному врагу послав ему на прощание громовой салют. Еще один долгий взгляд на последние неясные очертания торосов и льдин – и они потонули в сомкнувшемся позади нас тумане.

Курс был пока что взят на ЮЮВ по компасу туман стоял настолько густой, что невозможно было произвести наблюдения. Мы намеревались вначале пройти в Рёдебэй (Красную бухту) [\[400\]](#), чтобы определиться по суше, а затем уже идти вдоль западного побережья Шпицбергена на юг, пока не найдем подходящей гавани, где можно было бы запастись водой, перегрузить уголь из трюма в бункера и вообще полностью подготовить «Фрам» к плаванию в родных водах.

В 7 ч утра сквозь небольшой просвет в тумане с левого берега мы увидели парусник и направились к нему, чтобы, окликнув его,

расспросить о докторе Нансене и Йохансене. Добрый час прошел, пока мы подошли к нему бок о бок; он стоял к нам кормой и заметил лишь, когда мы подошли к нему вплотную. Штурман парусника сбежал вниз и крикнул своим, что в тумане на них идет какое-то чудовищное судно. Вскоре палуба кишела людьми, и, как раз когда высунулась голова шкипера парусника, «Фрам» проскользнул под самым бортом его судна с наветренной стороны, приветствуя его громовым салютом из нашей пушки на правом борту. Затем мы обошли парусник с кормы и угостили его с подветренной стороны вторым салютом, после чего всякие враждебные действия прекратились. Пожалуй, с нашей стороны несколько демонстративно было таким образом дать знать о себе нашему соотечественнику, который мирно стоял в утреннем тумане и скорее грезил о тюленях и моржах, чем о встрече с «Фрамом». Но капитан Бутулфсен, надеюсь, простил нам такое проявление бурной радости при первой после трех лет перерыва встрече с людьми.

Парусник этот был шхуной «S6strene» («Сестры») из Тромсё. Первым вопросом, который мы задали, когда проходили вдоль его борта, было: «Вернулись ли Нансен и Йохансен?»

Мы надеялись услышать утвердительное «да!» и готовы были встретить его громовым «ура» и новым салютом. Но в ответ прозвучало короткое, печальное «нет!».

Капитан Бутулфсен и несколько человек из его команды поднялись к нам на борт и попали под перекрестный огонь всевозможных расспросов. Такому экзамену они, вероятно, никогда раньше не подвергались и, наверное, никогда не подвергнутся в будущем. Среди множества новостей, услышанных нами, мы узнали о том, что шведский воздухоплаватель инженер Андрэ прибыл на Датский остров, чтобы попытаться достигнуть Северного полюса на воздушном шаре. Бутулфсен, передав команду своему штурману, перешел пассажиром на «Фрам», чтобы отправиться с нами домой в Тромсё. И вот в полдень мы снова дали ход, продолжая держать курс на Рёдебэй, чтобы оттуда пройти к Датскому острову – приветствовать там Андрэ.

Около полуночи впереди показалась земля, которую мы признали за мыс, находящийся непосредственно к западу от Рёдебэй.

1041 день прошел с тех пор, как мы в последний раз видели землю.

Мы простояли некоторое время неподвижно в ожидании, пока туман поредеет настолько, чтобы можно было с точностью определить по суше. Когда туман поднялся, мы тихонько отправились под парами на запад, производя непрерывно промеры, и скоро оказались, как и предполагали, в Норвежском проливе, прошли его и бросили в 9 ч 30 мин утра якорь у Голландского мыса. Туман теперь совсем разошелся, и вскоре мы разглядели в глубине залива экспедиционное судно Андрэ «Virgo» («Дева»), а на берегу ангар для воздушного шара.

В подзорную трубу видно было, что наше прибытие замечено. Вскоре к нашему борту причалил паровой баркас с Андрэ, остальными членами экспедиции и командиром «Вирго» капитаном Захау. О судьбе наших товарищей никто из них также не мог ничего сообщить. Настроение наше после этого совсем упало. Мы были ведь вполне уверены, что Нансен и Йохансен вернутся домой прежде нас, а теперь похоже было, что мы окажемся первыми.

Всерьез мы все-таки пока не тревожились, особенно после того, как узнали, что экспедиция Джексона провела на Земле Франца -Иосифа два года. Было весьма вероятно, что доктор Нансен и Йохансен рано или поздно встретились с этой экспедицией и теперь ждут лишь судна, чтобы вернуться на родину. Но если они не встретили Джексона, дело могло обернуться плохо; в таком случае они, пожалуй, нуждались в помощи и притом возможно скорее.

Мы быстро составили план действия. Было решено поспешить на родину в Тромсё, чтобы получить самые достоверные сведения, и в случае, если и там никто ничего не знает, пополнить запасы угля – в остальном мы не нуждались – и немедленно идти к Земле Франца -Иосифа на поиски, чтобы, как мы надеялись, иметь несказанное счастье доставить наших товарищей домой на родину на нашем верном «Фраме».

Пребывание на Датском острове было поэтому елико возможно сокращено; отдали визит «Вирго», осмотрели воздушный шар, гот овый подняться, как только подует благоприятный ветер, и приняли ответные визиты наших любезных шведских друзей. Поздно ночью закончили перегрузку угля и запаслись водой; корабль был готов к отходу, и 15 августа в 3 ч утра «Фрам», разведя пары и подняв паруса, вышел в бухту Смееренбург, а оттуда в море.

Во все время нашего перехода погода стояла превосходная, дул попутный, часто свежий ветер, и корабль шел быстро, делая до 9 узлов, 19-го в 9 ч утра заметили первые синеватые хребты гор нашей родины; около полудня показался остров Лёгё, а в 8 ч вечера – северный мыс Лоппен; затем мы направились в фьорд Квенанген и 22 августа в 2 ч утра бросили якорь в Скъёрвё.

Как только якорь коснулся дна, я разбудил доктора и Скотт-Хансена, которые оба хотели съехать со мной на берег. Но они слишком долго возились со своим утренним туалетом, и я попросил Бентсена переправить меня на берег. Вскоре я уже стоял у телеграфной станции и барабанил кулаком то в одну, то в другую дверь, пытаясь разбудить людей – долгое время тщетно. Наконец, из окна второго этажа высунулась голова посмотреть, что это за ночные бродяги тут буянят. Это, как оказалось потом, был сам начальник станции. Он описал это ночное происшествие в статье, посланной в столичную газету, довольно юмористически.

«С какими угодно, только не с нежными чувствами и любезными намерениями вылез я в 2 ч 30 мин ночи из постели, чтобы посмотреть, какая это каналья подняла такой яростный безобразный шум у входной двери. Накинув на себя что попало под руку, я высунул из окна голов у и крикнул: «Эй! Что там еще? Какой дьявол подымает такой шум среди ночи?» Тогда выступил вперед одетый в серый костюм человек с огромной бородой. Во всей его внешности было что-то такое, что заставило меня невольно подумать, не был ли я слишком тороплив, выражая свое недовольство. Мне стало совсем неловко, когда он очень спокойно заметил: «Да, вы правы, но не будете ли вы так любезны

впустить меня; я с «Фрама». Я сразу понял, что этот человек не кто иной, как Свердруп. Крикнув вниз: «Минутку, капитан!» – я поскорее накинул самое необходимое платье, сбежал вниз и открыл ему дверь. Он ничуть не рассердился на то, что так долго и безрезультатно стучал, и на малолюбезные слова, которыми его встретили, едва он ступил ногою на родной берег после долгого и тяжелого путешествия. Он был чрезвычайно мил и любезен, когда я попросил его простить мне не слишком нежную встречу. В глубине души я приносил ему более сердечные извинения, нежели те, которые в замешательстве сумел пролепетать в первый момент.

Я пригласил Свердрупа сесть, и первым моим вопросом, естественно, был: откуда он прибыл? Да прямо со Шпицбергена. 13-го они вышли в свободное ото льдов море, где почти сразу же встретили шкипера Бутулфсена из Тромсё, стоявшего там с промысловым судном, взяли его к себе на борт, после этого навестили собиравшегося вернуться Андрэ и оттуда пришли прямо сюда. Сперва от Бутулфсена, а потом от Андрэ, у которого должны ведь были быть свежие газеты из Норвегии, они услышали, что о Нансене, который должен уже был, как они рассчитывали, вернуться на родину, ничего неизвестно. Это омрачает ту радость, которую они чувствовали при мысли о скором и благополучном прибытии на родину.

– Ну, тогда я могу сообщить вам кое-что о Нансене. Он прибыл 13 августа в Вардё и сейчас находится в Хаммерфесте, откуда, кажется сегодня, собирается выйти на английской яхте в Тромсё.

– Значит, Нансен вернулся!

Бородатый человек вскочил, словно мяч со стула, обуреваемый чувствами, которые, видимо, редко обнаруживаются у этого человека, и со словами: «Я должен немедленно сообщить об этом остальным!» – исчез за дверь.

Минуту спустя он вернулся в сопровождении Скотт-Хансена, Блессинга, Мугста и Бентсена. Все они обезумели от радости, мое сообщение венчало все и позволяло им в полной мере наслаждаться радостью, которую они испытали, вернувшись домой из долгой и

трудной экспедиции, но ничего не зная о судьбе их начальника и его товарища. Вот это была радость!

– Неужели правда это, правда, что Нансен вернулся? – спрашивали они все наперебой. – Вот так счастливый день!

Вот так радость! И какое удивительное совпадение, что Нансен вернулся домой в тот же самый день, когда мы освободились из льдов и могли взять курс на родину!

Они поздравляли друг друга, обнимались и пожимали один другому руки, эти взволнованные и растроганные, закаленные ребята.

В тихий утренний час внезапно раздались два громовых выстрела с «Фрама», сопровождавшиеся громким «ура» в честь двух отсутствующих товарищей. Жители города, еще объятые сном, в смятении вскочили с постелей. Мало-помалу сообразив, что это удивительное судно может быть только «Фрамом», они не замедлили сбегаться, чтобы взглянуть на него.

Когда команда «Фрама», стоявшего на якоре, почувствовала доносившийся с берега запах свежескошенного сена, он поразил их, как чудо из чудес. Зеленые равнины с простыми цветами и согнутые, надломленные безжалостными ветрами и непогодой хилые деревья, разбросанные повсюду, показались им такими прелестными, что наш довольно бесплодный остров представился им настоящим раем! Да, сегодня они поваляются на свежей траве наших пригорков.

Впрочем, природа была в радостном, праздничном уборе, насколько она вообще может быть нарядной в это позднее время года на нашем Севере; фьорд расстился гладким зеркалом, словно боялся малейшим волнением нарушить покой видавшего виды и потрепанного бурями боевого корабля; фьорд легко покачивал его сейчас на своей сверкающей глади.

О «Фраме» все они отзывались с восторгом; по-моему, нет ни одного человека на борту, который не любил бы своего корабля. «Более крепкого, более великолепного судна, – заявил Свердруп, – не построил еще никто; равного ему нет в мире...»

По пути к гавани я встретил пятерых товарищей. Нурдал тотчас помчался с радостным сообщением к тем, кто ждал на борту, а мы, остальные, расположились у начальника телеграфной станции пить горячий, бесподобно вкусный кофе – лучшее, чем могла угостить нас родина.

Но дело не ограничилось одним кофе, и не только начальник телеграфной станции угощал нас. Вскоре захлопали пробки от шампанского сначала в доме у местного коммерсанта, потом у ленсмена, а начальник телеграфной станции в это время отправлял одну телеграмму за другой о нашем прибытии – Нансену, королю, правительству, родным и друзьям.

В 10 ч утра мы подняли якорь, чтобы идти навстречу Нансену и Йохансену в Тромсё; обогнули с севера Скъёрвё и пошли на юг. Около Ульфстиндена встретили «Конунга Халфдана», который с 600 пассажирами вышел нам навстречу из Тромсё. Мы приняли предложение взять нас на буксир, и в 8 ч 30 мин часов вечера «Фрам» в сопровождении сотен украшенных флагами лодок, приветствуемый ликующими криками и возгласами «Добро пожаловать!», – вошел в гавань Тромсё.

На следующий день, 23 августа, в 4 ч пополудни пришла паровая яхта сэра Джорджа Баден-Поуэла «Отария», на борту которой находились доктор Нансен и Йохансен. После 17-месячной разлуки ряды наши снова сомкнулись, вся Норвежская полярная экспедиция была снова в полном составе.

Фритьоф Нансен

Заключительное слово Фритьофа Нансена

Каковы результаты Норвежской полярной экспедиции?» Вот вопрос, на который справедливо, пожалуй, ожидать здесь ответа. Но материалы научных наблюдений так разнообразны и настолько обширны, что еще много времени пройдет, прежде чем они будут вполне обработаны специалистами; пока это не сделано, нельзя оценить их по достоинству. Поэтому придется опубликовать эти результаты в специальных научных изданиях. Я постараюсь, однако, в заключение

этого отчета указать на некоторые из важнейших предварительных выводов^[401].

1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ

Открытие новых земель не было целью экспедиции, которая была рассчитана на то, что ее понесет льдом и что, в лучшем случае, она пройдет вдали от суши, которая могла бы явиться препятствием для дрейфа. Однако нужно сказать, что экспедиция в немалой степени расширила наши сведения о распределении суши и моря в областях, ближайших к полюсу.

Важнейшим географическим открытием, сделанным нами, без сомнения, является *глубокое Полярное море*. Как уже упоминалось в проекте экспедиции, до сих пор обыкновенно считали его мелким. При дебатах в Лондонском географическом обществе перед моим отъездом, многие утверждали, что мы должны встретить землю «почти со всех сторон полюса». Где дотоле ни исследовали это море, везде оно оказывалось мелким. К югу от Земли Франца -Иосифа и Шпицбергена оно имело глубины всего около 300 м, тогда как к северу от берегов Сибири не найдено было глубин более 75, самое большее 150 м. К тому же экспедиции, проникавшие по этому морю на север, постоянно открывали новые земли. Австро-венгерская экспедиция на «Тегеттгофе» во время своего дрейфа наткнулась на Землю Франца-Иосифа, экспедиция «Жаннетты» открыла остров Генриетты, остров Жаннетты и землю Беннетта. Я тоже считал Полярный бассейн вообще мелким, хотя и указывал на вероятность того, что поперек неисследованного Полярного бассейна проходит более глубокий канал, связывающий большую глубину (до 4900 м) между Шпицбергенем и Гренландией с той областью, в которой странствовала «Жаннетта». Такой канал мы и нашли до известной степени, так как под 70° северной широты к северу от Новосибирских островов море внезапно стало глубоко и дно опустилось до 3500 и 3800 м, и эта глубина сохранилась в течение всего дрейфа «Фрама» к северо-западу и западу вплоть до области, лежащей к северу от Шпицбергена. Я думаю, что это не может быть лишь узким каналом; *значительная часть Полярного бассейна – глубокое море,*

составляющее северное и восточное продолжение глубин северного Атлантического океана.

Мы не можем составить себе сколько-нибудь обоснованного мнения о том, как далеко на восток простирается эта глубина; мы знаем только, что она захватывает такой дальний восток как область, лежащая к северу от Новосибирских островов; но весьма вероятно, что она заходит еще восточнее, если судить по тому, что «Жаннетта», всякий раз как ее относил к северу или востоку, обнаруживала возрастание глубины.

Какое же можно теперь вывести вероятное заключение о распределении суши и моря в не исследованной еще части Полярного моря? Считаю возможным с уверенностью утверждать, что *по эту сторону полюса суши мало или даже ее вовсе нет*, и заключаю это по многим признакам. Уже само по себе невероятно, чтобы глубокое море столь значительного протяжения было лишь узким каналом; наверно, оно распространяется далеко и к северу от нашего маршрута. К тому же мы не видали признаков земли ни в каком направлении. Во время нашего санного путешествия на север оказалось, что лед двигался с большою скоростью, еще большей, нежели та, какую мы находили южнее. В полыньях замечалось сильное движение, и самих нас часто несло довольно быстро по разным направлениям, так быстро, что временами казалось, будто мы просто беспомощно носимся по воле ветра и течений. Массы льдов едва ли могли двигаться так свободно, если бы поблизости находилась сколько-нибудь значительная земля, которая должна была бы непременно препятствовать их дрейфу.

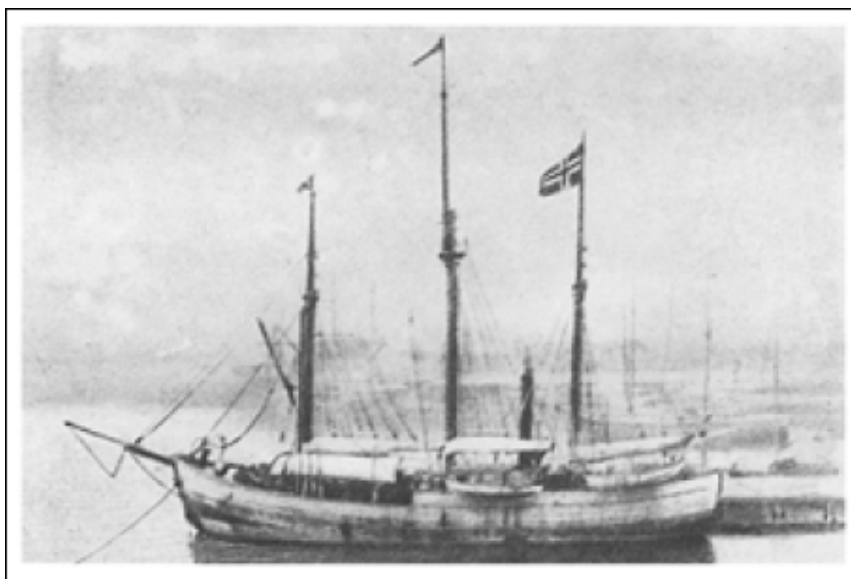
Следует также заметить, что как во время дрейфа «Фрама», так и во время нашего санного путешествия лед особенно легко подвигался всякий раз, когда ветер увлекал нас в северном или северо-западном направлении, и, напротив, шел туго, если нас относил на запад, на юго-восток. Можно надеяться, что некоторое указание на то, существуют или нет на севере значительные массы суши, дадут наши метеорологические наблюдения, так как ход изотерм и распределение атмосферного давления, направление ветров, различное влияние ветров на температуру и т. д. должны сказать нам что-нибудь об этом. В настоящее

же время я не могу сказать ничего больше, кроме того, что метеорологические данные, как мне кажется, говорят не в пользу существования суши к северу от нас.

В моих глазах самым решительным доказательством значительной протяженности Полярного моря к северу от нашего маршрута являются, однако, массы льда, которые постоянно несутся на юг со сравнительно большою скоростью вдоль восточного берега Гренландии вплоть до мыса Фарвель и далее мимо него.

Если бы «Фрам», вместо того чтобы выбраться из льда немного севернее 83° северной широты, продолжал свой дрейф, он, несомненно, был бы вынесен этим льдом в Полярное течение на юг вдоль берега Гренландии. Судя по направлению всего дрейфа, мало вероятно, однако, чтобы течение подходило близко к берегу; остается, видимо, широкий пояс между ним и берегом, и лед, наполняющий этот пояс, происходит, само собой разумеется, из той области Полярного моря, которая лежит к северу от нашего пути, и эта область должна иметь довольно значительное протяжение. Если мы посмотрим на отношение между шириной и массой льда самого Полярного моря, с одной стороны, и Восточно-Гренландским течением с его постоянным выносом льда – с другой, то бросается в глаза сходство этого отношения с тем, которое существует между обширным материковым льдом и его выносом через узкие фьорды, как мы находим это, например, в Гренландии. Внутри Полярного бассейна, там, где прошел «Фрам», подобно тому как и в центре материкового льда, лед движется очень медленно. По мере того как он приближается к выходу, движение, однако, усиливается, ширина ледяного течения возрастает, лед стремится к югу с возрастающей скоростью, пока, наконец, не выйдет в открытое море, где разбивается ветром и волнением и тает в теплой воде. Таким же точно образом языки материкового льда стекают по долинам и фьордам вниз, к более тепловому слою воздуха, чтобы там обтаять, обвалиться в море и уплыть в виде ледяных гор. Известная ширина ледяного пояса в Восточно-Гренландском течении должна, следовательно, соответствовать

значительно более широкой и более обширной покрытой льдом области в известной или неизвестной части Полярного моря.

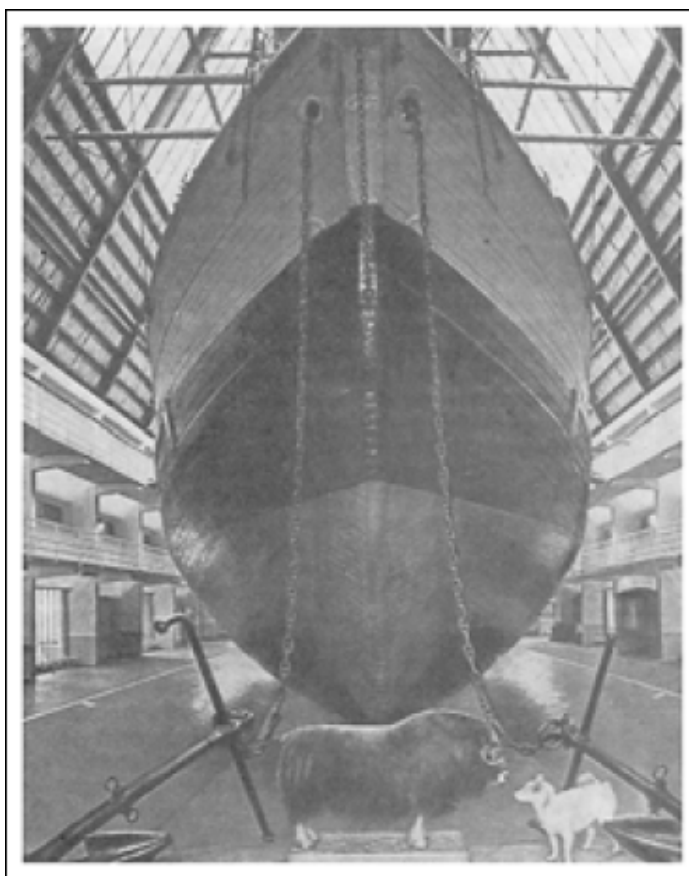

«Фрам» после возвращения домой

Я думаю, из этого можно с уверенностью вывести заключение, что по эту сторону полюса имеется обширное, покрытое льдом море. Напротив, по другой стороне полюса, вероятно, встретится суша. Едва ли можно принимать, что в данную минуту достигнут северный предел Американского арктического архипелага и Гренландии с ее островами, мы должны ждать, что острова найдутся и к северу от современной границы этой известной области.

Во время прохождения «Фрама» вдоль северо-западных берегов Сибири мы сделали еще несколько попутных открытий, которые хотя и менее важны, однако могут иметь свой географический интерес. Как упомянуто выше, в IV и V главах первой части, мы открыли много новых островов, и вся береговая линия оказалась гораздо более изрезанной и изорванной, чем до сих пор принимали. В Карском море мы нашли один новый остров, *остров Свердрупа*, далее вдоль берега открыли *остров Скотт-Хансена*, *остров Клеменса Маркхема*, *остров Рингнеса*, *остров Мона*, *остров Тилло* и многие другие, а на западной стороне полуострова Челюскина – *острова Фирнлея* и *острова Акселя Гейберга*. К северу от исследованного Норденшельдом Таймырского острова мы нашли большую островную группу, которая, по-видимому, значительно

простирается в северном и северо-восточном направлениях и которую мы называли *архипелагом Норденшельда*. На южной стороне норденшельдовского Таймырского пролива мы заходили и бросали якорь в гавани *Колин-Арчера*. Там мы тоже нашли много островов, а суша, насколько ее можно было исследовать, была изрезана фьордами и заливами. Это единственное место, где мы высаживались на самый материк, но и далее к юго-западу везде, где мы близко подходили к нему, страна производила на нас впечатление сильно изрезанной фьордами. Поэтому представление, полученное мною из прежних карт о берегах Сибири между островом Диксона и Таймырской губой, в значительной степени изменилось. Вместо ровной, с небольшими только выемками береговой линии перед нами оказался настоящий фьордовый берег и отлично развитые шхеры с многочисленными, лежащими возле берега островками и лудами.

Вечная стоянка «Фрама»

Прежде чем оставить географию Сибирского берега, можно еще упомянуть, что Таймырскую губу полуостров Короля Оскара уменьшает до половины предполагавшейся ее ширины.

2. ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЛОГИЯ ЗЕМЛИ ФРАНЦА-ИОСИФА

Уже дрейф «Фрама», как упомянуто выше, показал, что к северу от Земли Франца-Иосифа существует обширное глубокое море и что земля отнюдь не простирается в северном направлении до полюса, как многие раньше уверяли. В проекте своего путешествия я высказал мнение, что Земля Франца-Иосифа не может быть удачным исходным пунктом для экспедиции к полюсу, если хотят пробираться к нему по суше, ибо я принимал, что это только островная группа различных островов, которые разделены глубокими проливами и, по-видимому, нельзя думать, чтобы там находилась какая-нибудь более значительная непрерывная масса земли.

Открытия, сделанные мною и Йохансеном во время санного путешествия, только подтверждают это. Если вы бросите взгляд на карту Земли Франца-Иосифа, у вас создастся ясное представление, что *это группа сравнительно небольших островов*. Пайерова Земля Вильчека, которая заставляла так сильно разыгрываться воображение, обратилась в маленький остров, а его Земля Зичи оказалась изрезанной на ряд небольших островов и островков, к западу от которых видим обширное море. Единственное, что еще, быть может, имеет несколько большую величину – это Лей-Смитова Земля Александры, которая по-прежнему осталась скрытой за мглой неведомого; но и она не может быть очень велика.

Еще нельзя решить с уверенностью, как далеко на север простирается эта островная группа. Но, судя по нашему опыту, она не может во всяком случае идти очень далеко. Правда, Пайер с самого северного достигнутого им пункта заметил Землю Петермана и Землю Короля Оскара; но, по-видимому, невероятно, чтобы первая могла иметь сколько-нибудь значительное протяжение, по крайней мере в восточном направлении, иначе мы заметили бы ее, когда во время своего отступления на юг проходили в недалеком расстоянии к востоку от нее.

Что она не велика, следует еще из того, что, когда мы были на ее широте, лед двигался на запад по направлению к ней, по -видимому, почти беспрепятственно. Что и Земля Короля Оскара тоже не велика, мне кажется, можно заключить из того, что южные и юго -восточные ветры постоянно и легко в течение зимы и весны отгоняют лед от земли на север и образуют к западу от острова Джексона и более южных островов открытое море ^[402] Если бы на севере или северо-западе была сколько-нибудь значительная сплошная масса суши, она непременно препятствовала бы свободному движению этого льда.

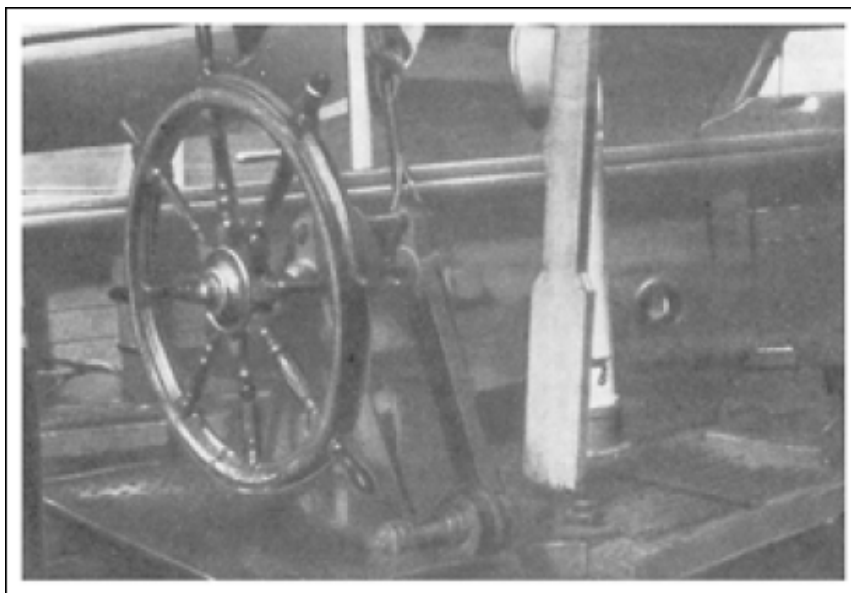

Вход в музей «Фрама»

О протяжении Земли Франца-Иосифа в восточном направлении, пожалуй, всего труднее составить себе представление. Судя по тому что мы видели при переходе от Белой Земли к западу, кажется, что восточный берег Земли Вильчека заворачивает в юго -восточном направлении, и восточнее его мы никакой земли не заметили. К тому же темное небо, видневшееся к югу от нас во время перехода с санями по плавучему льду к востоку от Белой Земли за несколько дней до достижения последней, по -видимому, указывало на совершенно открытую воду в этом направлении. Но это ведь не мешает тому, чтобы острова встретились еще далее на восток; это даже можно считать вероятным, если судить по нашему опыту в «лагере томления» в июне и июле 1895 г., когда, находясь приблизительно под 82°05 северной

широты и между 64° и 65° восточно й долготы, мы оставались на месте, а не относились на юг, несмотря на продолжительные и сильные северные ветры. Это было тем более примечательно, что в других направлениях лед двигался по воле ветра довольно охотно. Отсюда можно заключить, что к югу от нас находилась земля или ряд островов, которые, подобно поперечной стене, простирались с востока на запад и останавливали дрейф льда в этом направлении.

К западу Земля Франца-Иосифа, мне кажется, имеет лишь немного большее протяжение, чем теперь известно. Ни Джексон, ни мы не видели на северном берегу Земли Александры западной границы островной группы; шедший у берега большой канал открытой воды, который, по - видимому, далеко тянулся в этом направлении, указывал на существование других земель. На южной стороне Земли Александры как Лей-Смит, так равно и Джексон тоже не видели западной границы этой земли. Интересно было бы исследовать неизвестную область, которая еще остается здесь по направлению к Северо-Восточной Земле и Шпицбергену и по которой Йохансен и я готовы были пройти, если бы не встретили Джексона с его товарищами.

Штурвал «Фрама»

В заключение этих замечаний о географии Земли Франца -Иосифа я скажу несколько слов о важнейши х чертах ее геологического строения.

Насколько можно было заключить из наших исследований, эта островная группа имеет главным образом вулканическое происхождение и состоит из базальтов. В северной части эти и другие плагиоклазно-пироксеновые горные породы доходят до самого берега. Так обстоит дело на мысе Фишера под 81° северной широты, где базальт почти отвесной стеной падает прямо в море. Он достигает берега также и у мыса Мак-Клинтока, у нашей зимней хижины, по берегам острова Джексона у горы столбчатого базальта, где мы провели ночь 25–26 августа 1895 г., у мыса Клемента Маркхема, у мыса Фельдера и на острове Торупа. То же самое заметно было, насколько я мог разглядеть, и на южной стороне Земли Кронпринца Рудольфа. Повсюду на севере тщетно искал я осадочных пластов, которые своими окаменелостями могли бы сколько-нибудь разъяснить геологический возраст страны. Только на предгорье Хелланда нашел я вершину, состоявшую из рыхлого выветрившегося глинистого сланца, но окаменелостей никаких и в ней не было.

На южной стороне островной группы, у мыса Флоры и в его окрестностях, базальт, однако, не доходит до моря. Там с берега до высоты 150–180 м поднимаются глинистые отложения, а на них покоится базальт мощностью по крайней мере 160–190 м или более. Из того, что сообщил мне доктор Кетлицц, геолог экспедиции Джексона, видно, что и на других островах к западу от острова Нордбрука условия сходны. Из того, что базальт во многих местах южной стороны Земли Франца-Иосифа встречается лишь на некоторой высоте, тогда как дал ее к северу он везде, по-видимому, доходит до моря, можно заключить, что все формации островной группы, как базальт, так и подстилающие его глины, имеют падение на север, причем мимоходом возрастает, быть может, и самая толщина базальтового покрова.

В строении базальтов различных мест островной группы существует некоторая разница. ^[403] Вообще он имеет отчетливую порфировидную структуру и этим отличается от многих типических базальтов, приобретая вместе с тем более сходства со многими мелафирами. Базальтовые лавы имеют на очень большом протяжении

миндалевидную структуру, и пустоты наполнены цеолитами (преимущественно анальцимом) и известковым шпатом. В других местах, как у мыса Мак-Клинтока, базальт имел очень крупнозернистую, отчасти диабазовую структуру и, по-видимому, стоит в ближайшей связи с диабазами или базальтами, найденными в виде интрузивных масс на Шпицбергене и на острове Эдже (Станс Форланд). Эти базальты как на Шпицбергене, так и на Земле Франца-Иосифа очень бедны оливином и содержат сравнительно мало магнетита, и очень вероятно, что эти обе островные группы образуют одно сплошное эруптивное поле.

Наши исследования на Земле Франца-Иосифа недостаточны для решения того, когда были извергнуты эти огромные базальтовые массы, случилось ли это в течение того же юрского периода или же, как, быть может, естественнее ожидать, они моложе и относятся к третичному периоду, когда столь большие выходы базальта происходили во многих местах земной поверхности. Что базальт этот во всяком случае был извержен не ранее позднейшей части юрского периода, можно сказать с уверенностью, так как к этой именно эпохе относятся мощные слои глины, на которых он покоится. В верхней части юрской глины мы находили между пластами глины отдельные тонкие горизонтальные прослойки базальта. На первый взгляд это как будто доказывает, что по крайней мере часть базальта извергнута до полного окончания отложения глины; но мне не удалось с уверенностью решить, вполне ли исключена здесь возможность того, что эти прослойки базальта интрузивны. В пользу такой точки зрения, напротив, говорит то обстоятельство, что мне не удалось проследить ни одной из прослоек на сколько-нибудь значительном протяжении. Глина, в которую включены прослойки, так мягка и пластична, что, по-моему, без труда можно представить, каким образом интрузивные массы могли распространиться столь правильными горизонтальными слоями всего только в несколько футов толщины, как произошло здесь. Над этим, конечно, пришлось бы призадуматься, если бы слой глины, в которой они распространились, содержал много песка и, следовательно, представлял собой менее связанную массу, чем выше- и нижележащие пласты.

Важным для определения возраста базальта является то обстоятельство, что в одном месте на северной стороне мыса Флоры были найдены поверх базальта растительные окаменелости, принадлежащие к позднему периоду юрской эпохи. Неладно только то, что глинистый песчаник с окаменелостями включен очень неправильно и поэтому еще нельзя решительно утверждать, что он лежит на своей первоначальной основе и на том месте, где сначала отложился. Кроме того, это место расположено лишь немного выше (во всяком случае не более чем на 30 м) уровня мощной глинистой формации, залегающей под базальтовой массой. К югу от мыса Флоры я не мог открыть ни следа подобного, содержащего окаменелости, слоя ни на соответствующей высоте, ни в другом месте. Таким образом, нет ничего невозможного в том, что, быть может, эти растительные окаменелости приподняты с их первоначального ложа интрузивными массами.

Как бы там ни было мы, во всяком случае, можем сказать с уверенностью, что Земля Франца-Иосифа в целом представляет собой образование не старше юрского периода; она, следовательно, выражаясь геологически, сравнительно молодого возраста. Эти плоские базальтовые покровы, простирающиеся над всеми островами, местами до одной и той же высоты, по-видимому, говорят нам о том, что здесь некогда была большая сплошная масса суши, которая с течением времени, подверженная действию различных сил, разъедающих сушу, как мороз, влага, снег, ледники и море, была изорвана, изрезана и отчасти исчезла под морской поверхностью; быть может, здесь были и «сбросы», и отдельные части исчезли под водой, причем от них остались лишь отдельные острова и островки, отделенные друг от друга проливами и фьордами.

Отложения, на которых покоится базальт у мыса Флоры, принадлежат, как уже сказано, к юрской системе. Во всю свою толщину, от берега и до высоты 500–600 футов (150–180 м), они состоят из мягкой серо-голубой глины, перемешанной с многочисленными, большей или меньшей величины желваками красно-бурого глинистого песчаника.

Здесь много окаменелостей; они находились преимущественно в этих желваках, но встречались также и свободными, в глине. Они состояли главным образом из аммонитов и белемнитов, что является доказательством принадлежности этих отложений приблизительно к той части юрского периода, к какой принадлежит так называемая оксфордская глина. Доктор Помпецкий, который изучает теперь эти окаменелости, определил, что эти отложения принадлежат к ламбертовой зоне русской юры. Эта находка очень интересна, так как показывает нам, что большое море, простиравшееся в позднейшую часть юрского периода над значительными частями Европы, всей Россией и Сибирью, над Аляской, Американским арктическим архипелагом и восточным берегом Гренландии и доходившее до Индии и Абиссинии, простиралось также и на север вплоть до Земли Франца-Иосифа и Шпицбергена. Это было наибольшее отступление (трансгрессия) моря с мезозойской эпохи вплоть до наших дней, и везде это море оставило после себя мощные отложения, которые тут, на севере, были предохранены от выветривания покровом базальтов. [\[404\]](#)

Выдающейся чертой геологии Земли Франца-Иосифа является ее ледниковый покров. Если вы бросите взгляд на геологическую карту, где бурой краской обозначены места, не покрытые ледниками, вы увидите, как ничтожно малы эти обнаженные места сравнительно с обширными снеговыми и ледяными массами.

Ледники этих островов отличаются от большинства наиболее значительных ледников северного полушария, до сих пор нам известных, тем, что, насколько мы заметили, они не образуют типичных языков, впадающих в узкие, резко ограниченные фьорды, какие мы находим в Гренландии, а также в меньшем масштабе на Шпицбергене и Новой Земле. Большинство ледников Земли Франца-Иосифа покрывают эту землю куполообразными щитами, ниспадающими по большей части равномерными склонами во все стороны к морю. Они не позволяют долинам и неровностям лежащих под ними гор раздроблять себя на узкие, ограниченные языки льда, погребая под собой всю землю целиком до такой степени, что под куполообразной поверхностью

ледника нельзя или почти нельзя различить первоначальной формы земли. [\[405\]](#)

Эта черта особенно явственно и типически развита на первых замеченных нами маленьких островках (на Белой Земле); но мы находили ее в большей или меньшей степени и на всех других островах.

Причина этой особенности лежит, вероятно, в том, что базальтовые острова Земли Франца-Иосифа гораздо менее неровны, чем горы других названных выше мест. Кроме того, снеговая линия проходит здесь гораздо ниже, а вышележащие массы ледникового покрова имеют на этих маленьких островах слишком большую мощность по сравнению с землей, на которой они покоятся. Вследствие этого здешние ледники более других известных ледников Северного полушария (за исключением, быть может, ледников Северо-Восточной Земли) походят на антарктический материковый лед. Эти острова, например Белая Земля, представляют в малом виде такие же, очевидно, условия, какими отличается антарктический континент. Вместо ограниченных ледяных языков, посредством которых вытекает наружу внутренняя масса ледника в других полярных странах, здесь сам ледниковый покров, так сказать, целиком равномерно погружается в море со всех сторон острова. Вследствие этого и образование здешних ледяных гор имеет меньше сходства с гринландскими и более походит на антарктические, если только уменьшить мысленно последние до такого малого масштаба.

Айсберг на севере Земли Франца -Иосифа

Ледники, доходящие до моря, имеют тут крайне медленное движение в сравнении с языками гренландских ледников и относительно ровную поверхность; здесь образуются обширные плоские ледяные горы или плавучие ледниковые поля, которые, правда, невысоки – виденные нами поля такого рода не возвышались более чем на 5–6 м над поверхностью моря, – но которые имеют большое сходство с плоскими, ровными антарктическими ледяными горами и не похожи на горы, выходящие из гренландских фьордов. Говорили прежде, будто на Земле Франца-Иосифа были найдены ледяные горы значительной величины, что даже считалось доказательством существования здесь большой сплошной массы суши, но это не подтверждается нашими наблюдениями. Самая высокая из виденных нами ледяных гор возвышалась, по нашему определению, самое большее на 60 футов (18,3 м), да и то вместе с остроконечной вершиной; другие же виденные нами ледяные горы все значительно меньше.

Ближайшим следствием этой склонности ледников растекаться по сравнительно ровным базальтовым островкам, не развивая вовсе типических ледниковых языков, является то, что вдоль берегов острова замечается меньше следов действия ледников, чем можно *a priori* ожидать в столь обильной ледниками стране.

Ни в одном месте не нашли мы сколько-нибудь значительной морены; самая большая была замечена на острове Хоуэна, если только действительно это была морена. Лишь в нескольких местах, как, например, у мыса Рихтгофена, мы находили по краям ледников небольшие морены. По берегам рассеяно было немало большей или меньшей величины глыб, но ни про одну из них нельзя было уверенно сказать, что она принесена сюда ледником: громадное большинство их упало с вершины гор. Нигде не замечали мы, чтобы горные склоны были сглажены или исчерчены ледниковыми шрамами; впрочем, зависит это, может быть, оттого, что в этом суровом климате базальт легко выветривается. Вообще на форму и вид большинства здешних гор и горных утесов, которые местами вдоль берегов выступают из-под ледникового покрова, выветривание оказывало более решительное

влияние, чем действие ледников. Они все, как одна, ниспадают крутыми стремнинами в виде сильно разрушенных и рассеченных стен с лежащими под ними огромными кучами упавших камней, а в самом низу часто замечаются одна или несколько береговых линий, или террас.

Во многих местах вдоль береговой линии островов мы находили эти следы прежнего стояния воды, которые указывают на изменение уровня моря в сравнительно позднейшее время. Наличие террас бросилось нам в глаза уже осенью 1895 г., едва мы подошли к Земле Франца-Иосифа. Так, на острове Торупа имеются две очень явственные береговые террасы на различной высоте над нынешним берегом. Зиму мы тоже прожили на береговой террасе, возвышающейся приблизительно на 20 футов над морем; но возле нашего зимовья было еще несколько других террас, из которых выдавались в особенности две; верхняя возвышалась приблизительно на 50 футов над водой. На острове Нордбрука я имел случай точнее измерить высоты береговых террас. Я уже упоминал выше, что станция Джексона расположена была на террасе, или береговой линии, высотой от 40 до 50 футов, но и над нею и под нею было еще несколько других. Так, я нашел, что хижина Лей-Смита, который зимовал тоже на этом мысу, помещается на нижней береговой линии, возвышающейся над водой на 17 футов. В других местах я обнаружил одну террасу, имевшую до 80 футов высоты; это была самая высокая из виденных мною.

Во многих местах возле мыса Флоры Джексон нашел скелеты китов. Мною найден был еще другой признак того, что море в сравнительно недавнее время стояло выше этих низменных береговых террас. Во многих местах они были усеяны большим количеством раковин (*Mya truncata*, *Saxicava* и пр.). Следовательно, здесь произошло в современную эпоху такое же поднятие суши относительно моря, которое замечено и в других северных странах и много доказательств которого я нашел также вдоль берега Сибири.

3. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БЕРЕГУ СИБИРИ

Само собой разумеется, что при геологических исследованиях сибирского берега мы не могли сделать многого, так как наши

посещения этой страны были слишком случайны и кратковременны. Ни в одном месте мы не нашли первобытных неизменных осадочных сланцев. Виденные нами первозданные горные породы состояли из кристаллических сланцев и гранита, между прочим, особенно характерного белого мусковитового гранита. В северо-восточном углу полуострова Челюскина находится много плотного кварцита, похожего на шведскую геллофлинту.

Важнее следы ледникового периода, найденные, как мне кажется, нами во многих местах северного сибирского берега. Уже холмистая равнина Ямала, покрытая гравием и мелкими камнями, напоминала мне равнины Северной Пруссии и заставила признать ее обширной поденной мореной. Эта равнина усеяна круглыми углублениями, наполненными водой и напоминающими озера Северной Пруссии. Мы не встретили на этой равнине больших валунов, и вообще наши исследования имеют столь беглый характер, что я не могу еще высказать с полной уверенностью своего мнения о ледниковом периоде этой страны. Севернее, однако, я нашел уже явственные следы ледникового периода. На берегу одного из островов Кьельмана, Оленьем Острове, я нашел следы шрамов, которые едва ли могли быть сделаны чем-нибудь иным, кроме ледника. Правда, плавучий лед может царапать берега; но оставляемая им штриховка будет непременно более поверхностна, а направление самих шрамов будет менее правильно. Штрихи, найденные мною здесь, имели определенное направление и шли параллельно друг другу. Несколько борозд были особенно явственны. Нетрудно объяснить, почему они сохранились лишь на той части берега, которая лежит близ уровня отлива, – потому что горная порода – она состоит здесь из слюдяного сланца – быстро выветривается в этом суровом климате, лопается и растрескивается вдоль и поперек от мороза и все следы штриховки, не покрытые водой и потому подверженные выветриванию, исчезают.

Рабочий кабинет Нансена

Повсюду на северном берегу Сибири, где мы высаживались, земля была усеяна камнями большей и меньшей величины. В одних случаях они принадлежали к горным породам, находящимся в данном месте *in situ*; в других – я находил большие глыбы, отличные от местной породы. Вид вполне типической морены имел берег западной стороны полуострова Челюскина, в глубине бухты Толля, на который я однажды (8 сентября 1893 г.) выходил для охоты на оленей. Это очень холмистая равнина; на ней рассеяно такое множество валунов различных горных пород, что трудно предположить, чтобы они были занесены сюда чем-нибудь иным, кроме ледников. ^[406] И вся страна имеет решительно вид поденной морены. То обстоятельство, что в некоторых местах, по берегам моря и ручейков, где обнажалась глина, я находил указание на слоистость, едва ли может служить возражением, так как, например, в южной Норвегии известно много несомненных морен, которые имеют ясную слоистость. Это показывает только, что морена образовалась под водой.

Могут подумать, что эти ледниковые остатки зависят от образования местных ледников; но если сопоставить их с тем, что барон Толль почти одновременно с нами наблюдал восточнее, на Новосибирских островах и в Анабарской области, где им констатированы интересные остатки ледникового периода, то можно сказать с полной

уверенностью, что вся северная часть Сибири была некогда погребена под ледяным покровом, подобным тому, какой в свое время простирался над всей Северной Европой, и обычное мнение, будто в Сибири не было ледникового периода, оказывается неверным.

Уже выше я упоминал, что северо-западная Сибирь, вероятно, представляет собой страну фьордов с лежащими перед ними шхерами. И это обстоятельство тоже может говорить в пользу существования сибирской ледниковой эпохи, ибо повсюду в других местах земного шара, где мы находим подобные берега с фьордами, в Норвегии, на западном берегу Аляски и Канады, в Патагонии, тоже обнаружены неоспоримые следы прежнего ледникового покрова.

4. МОРСКОЕ ДНО

Дно Полярного моря покрыто по большей части серой глиной. Судя по предварительному микроскопическому исследованию образцов грунта, взятых со дна при наших измерениях глубины, эта глина, насколько я могу судить, отличается от ила, найденного на дне прочих морей земного шара, почти полным отсутствием органических примесей. При обработке кислотами оказалось также, что ил особенно беден известью и состоит, по-видимому, главным образом из минеральных составных частей. Еще не было времени сделать более точные исследования. Во время норвежской экспедиции в Северное море было констатировано, что ил на дне северной части Атлантического океана состоит по большей части из подобной же серой глины, которая сравнительно небогата остатками животных, хотя и богаче той, которую мы нашли. Из этого вытекает, по-видимому, что во всем Полярном море происходит отложение осадочных слоев, которые необыкновенно бедны ископаемыми. Объясняется это тем, что речной водой, в особенности из сибирских рек, вносятся такие громадные массы тонкого ила, что осадки на дне накапливаются сравнительно быстро и отложения немногочисленной водной фауны теряются среди этой массы.

5. ДВИЖЕНИЕ ЛЬДОВ В ПОЛЯРНОМ МОРЕ

План экспедиции построен был, как изложено во введении, на той мысли, что должно существовать течение – или постоянный перенос

льда – поперек Полярного бассейна, по направлению от моря, лежащего к северу от Сибири и Берингова пролива, до моря, расположенного между Гренландией и Шпицбергенем. Этот лед должен был понести «Фрам». Путешествие показало, что мысль была в главных чертах правильная и дала нам возможность составить себе очень полную картину того, каким образом лед переносится по этому обширному морю.

Больше всего позволяло мне надеяться на постоянство такого дрейфа и на возможность воспользоваться им для экспедиции то обстоятельство, что сибирский плавник ежегодно приносится к берегам Гренландии и что на плавучих льдинах, проплывающих мимо восточного берега Гренландии, встречается ил. Во время нашего путешествия мы тоже находили, даже на самом дальнем севере, те же самые доказательства переноса льда; ил встречен был на льду даже под 86° северной широты и стволы плавника также. 20 апреля 1895 г. мы нашли под $85\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты ствол плавника, стоймя вмерзший в лед; по широким годовым кольцам видно было, что он вырос в сравнительно умеренном климате; его вынесло, вероятно, из внутренней Сибири, и он находился теперь на пути в Гренландию. Вблизи «Фрама» тоже часто попадались бревна плавника. Свердруп нашел как-то в апреле 1896 г. полусгнивший ствол, крепко вмерзший в лед. Вернувшись к этому стволу месяц спустя, он с удивлением заметил, что он разломан поперек, и куски его валялись далеко друг от друга. Вероятно, медведь забавлялся здесь, пробуя свою силу.

Что же гонит этот лед по морю? Прежде всего ветры. Так как господствующие ветры дуют с сибирской стороны по направлению к северной Атлантике, то с течением времени они прогоняют и лед в том же направлении. Но ветры – слишком неравномерный деятель, чтобы на них можно было рассчитывать, и дрейф поэтому является не особенно равномерным: то происходит остановка, то обратный дрейф, а иногда относит и вбок. Однако из наблюдений оказалось, что всякий раз, как ветры несли нас по направлению к нашей цели, скорость дрейфа тотчас увеличивалась. Если же ветер дул в противоположном направлении, стремясь отнести нас назад к юго-востоку, то ледяные массы следовали

этим путем, наоборот, по большей части медленно, как будто их что-то задерживало.

Так как направление господствующих ветров значительно изменялось соответственно временам года, то и наш дрейф разделялся на определенные, более или менее продолжительные периоды. Он был очень благоприятен зимой и весной, но обыкновенно неблагоприятен в последнюю половину лета. В первую осень, когда мы были затерты льдом, у нас был, как описано, неблагоприятный период и нас относило назад к Новосибирским островам – казалось, мы никогда и не пойдем вперед. Затем наступила зима, с ноября, и весна с довольно успешным дрейфом, а с середины июня 1894 г. и всю следующую осень мы опять шли назад. Затем новая зима (1894/95) и весна (до конца июня) с хорошим ходом вперед. Вторая половина лета (июль, август, сентябрь)

Нансен в рабочем кабинете

1895 г. была опять неблагоприятна; но следующие затем осень и зима (1895/96) подвинули «Фрам» далеко на север, почти до 86° северной широты, и на запад, приблизительно до 25° восточной долготы. Затем наступил конец февраля и март с остановкой, а в апреле и позже опять начался дрейф на юго-запад и юг, и «Фрам», наконец, пробил лед и вырвался на волю немного севернее 83° северной широты.

На дрейф влияют, по-видимому, не одни случайные ветры: он сам имеет, очевидно, склонность идти главным образом в одном направлении. Мне кажется, что по временам можно было даже констатировать в воде подо льдом слабое течение, которое шло приблизительно в одном и том же направлении. Я не думаю, чтобы дрейф слишком тесно был связан с направлением господствующих ветров. Я вынес такое впечатление, что он имеет несколько более северное направление, чем они; но с полной достоверностью об этом ничего нельзя сказать, пока не будет переработан и сведен в одно целое весь материал.

Вследствие постоянного дрейфа лед в пройденной нами части Полярного моря не успевает состариться. Я крайне редко наблюдал лед более 4- или 5-летнего возраста и думаю, что 5 или 6 лет являются наибольшим временем, необходимым обыкновенно льдине для прохождения от берегов Берингова пролива до моря, лежащего к востоку от Гренландии. Главная масса льда, сюда доходящего, однако, моложе; она большей частью образуется по пути в трещинах и полыньях, беспрестанно возникающих между более старыми глыбами.

Мы видели, что *лед постоянно находится в движении; на всей обширной поверхности моря, покрывающего околополюсную область, нет ни одного неподвижного пункта.* Со всего этого пространства ветры и течения гонят лед к проливам, ведущим в Атлантический океан, главным образом к обширному проливу между Шпицбергом и Гренландией, но также и к более узким между Гренландией и островами Северо-Американского арктического архипелага; на этой стороне, однако, лед, конечно, задерживается, и его дальнейшее движение к южнее лежащим водам приостанавливается, отчего здесь дрейф очень

медленный. Огромная неподвижная ледяная шапка, которой многие полярные путешественники так охотно покрывали наш полюс, исчезла. Вместо нее мы видим вечно блуждающие ледяные поля, звенья великой цепи Полярного моря.

6. ОБРАЗОВАНИЕ, РОСТ И НАГРОМОЖДЕНИЕ ЛЬДА

О характере, образовании и замерзании полярного льда, распределении в нем температуры и т. д. путешествие доставило много данных. Я упомяну здесь о некоторых.

Когда лед только начинает образовываться и еще совсем тонок, он растет очень быстро; но *по мере того, как толщина льда увеличивается, рост его все более и более замедляется*, так как потеря тепла через лучеиспускание постепенно уменьшается. Лед, образовавшийся на открытых полыньях в октябре и ноябре первой осени 1893 г., достиг в апреле 1894 г. толщины 2,31 м, но продолжал непрерывно расти и в течение лета. Так, 9 июня он достиг 2,58 м, несмотря на то что под влиянием солнечных лучей верхняя поверхность его значительно стаяла. 20 июня толщина была та же самая, хотя таяние на поверхности было значительное и всюду появлялись большие лужи пресной воды. В июле толщина его оставалась почти та же вплоть до 10 июля, когда под ним внезапно образовался новый слой, благодаря чему лед достиг в общей сложности 2,76 м толщины, несмотря на то что вследствие таяния он уменьшался с поверхности ежедневно на несколько сантиметров.

Это образование нового льда на нижней стороне обязано было слою пресной воды, образовавшейся от таяния льда с поверхности и распространявшейся поверх холодной соленой воды, температура которой была значительно ниже точки замерзания пресной воды. Последняя от этого так сильно охлаждалась снизу, что на границе между ней и соленой водой, на глубине около 2,5 м, образовался тонкий слой пресного льда, продержавшийся все лето.

Мало-помалу, однако, общая толщина старого и нового льда медленно стала уменьшаться, дойдя в сентябре почти до 2 м. С октября опять мало-помалу начался рост, 10 ноября толщина льда достигла 2,08 м, 11 декабря – 2,11 м, и потом медленно возрастала в течение

зимы, 6 февраля толщина была 2,59 м. В течение весны она продолжала увеличиваться; 11 мая 1895 г. достигла 3 м, но почти такой же осталась 30 мая – 3,03 м. Отсюда видно, следовательно, что нарастание льда замерзанием идет не слишком быстро.

На одной льдине, которая подвергалась измерению в следующую зиму и которая 4 ноября 1895 г. имела 3,36 м толщины, наблюдался в течение зимы постоянный прирост, и 4 мая 1896 г. она достигла 3,975 м – толщина, конечно, очень значительная, когда приходится пробиваться сквозь лед на судне, но далеко не такая огромная, если сравнить ее с размерами, какие придавались палеокристическому льду, наполняющему море к северу от Земли Гринелля или Земли Гранта и Гренландии.

Наибольшей мощности лед достигает при постоянном наваливании или нагромождении льдин друг на друга во время сжатия, при этом он образует огромные торосы и глыбы, которые скрепляются смерзанием и могут существовать в течение долгого времени. Во время путешествия нам представился удобный случай делать наблюдения над образованием этого смерзшегося льда.

Как замечали уже многие прежние экспедиции, оказалось, что сжатие льда стоит в немалой связи с приливами. В особенности это заметно было для самой окраины Полярного бассейна, где мы находились ближе к открытой воде. В течение первой осени 1893 г. сжатия обыкновенно так правильно происходили после приливов, что мы заранее могли сказать, когда они наступят. В течение месяца у нас было два периода: один, с наиболее сильными напорами льда, в новолуние, другой в полнолуние. В эти периоды лед обыкновенно два раза в сутки раздавался и потом снова сплавивался. Такие же правильные приливные сжатия испытывал «Фрам» и в последнюю весну и лето (1896), когда он очутился в море, лежащем к северу от Шпицбергена; в течение одной недели июня сплавивание льда было так сильно, что судно каждые сутки два раза поднималось из воды медленно и плавно на 10 футов.

Менее правильны были сжатия внутри Полярного бассейна, в особенности зимой, и здесь они преимущественно зависели от ветров. Обыкновенно замечалось, что если, например, долгое время дул юго -

восточный ветер и лед быстро двигался на северо-запад, а затем ветер внезапно менялся и начинал гнать лед в другую сторону, то последний своей инерцией оказывал сопротивление, отчего возникало сильное сжатие, так как главная масса льда напирала сзади, а остальные массы, находившиеся спереди, останавливались или двигались против них. Когда же ветер снова поворачивал на юго-восток, сжатие сразу прекращалось. Такому ветровому сжатию подвергся, например, «Фрам» в Новый (1895) год.

Прежде полагали, что сжатия происходят от расширения льда при замерзании и от его сдавливания и расширения при температурных изменениях. Такое предположение неосновательно. Уж одно то, что сжатия бывают и летом, когда таяние в полном разгаре, делает эту гипотезу сомнительной; но, кроме того, простым вычислением можно установить то наибольшее действие, какое может быть произведено общим расширением льда; оно будет ничтожно мало в сравнении с постоянным сдавливанием, происходящим в действительности.

При движении льда, вызываемом отчасти приливами, отчасти ветрами, в нем образуются трещины и полыньи, которые часто идут более или менее поперек направления движения. Когда внезапно начинается сжатие, окраины льда вдоль этих полыней и трещин начинают сближаться, льдины отчасти взгромождаются друг на друга, отчасти вздымаются длинными хребтами (стенами давления), главное направление которых обыкновенно идет перпендикулярно направлению движения. Так как последнее постоянно меняется, то вся поверхность льда покрывается запутанной сетью перекрещивающихся полыней и хребтов, которые затрудняют путешествие по льду.

7. ТЕМПЕРАТУРА МОРСКОЙ ВОДЫ

В течение всего дрейфа «Фрама» температура морской воды исследовалась на различных глубинах. Вода, несомая Восточно-Гренландским течением с севера в Атлантический океан, очень холодна с поверхности и до самого дна, и потому большая часть глубин северной части Атлантического океана наполнена холодной водой Ледовитого океана с температурой от -1 до $-1,5$ °C. Можно было ожидать поэтому,

что подобная температура встречена будет в Полярном бассейне от поверхности до дна. Правда, я заранее сомневался в том, чтобы так было на самом деле, ибо представлял себе, что Гольфстрим врывается в этот бассейн во многих местах, и думал, что влияние такого течения должно быть немаловажным. Велико было, однако, мое удивление, когда уже на таком дальнем востоке, как море, лежащее к северу от Новосибирских островов, я нашел несомненные признаки существования более теплого течения.

Во всем Полярном бассейне вода на поверхности очень холодна и имеет приблизительно температуру замерзания соленой воды от $-1,5$ до $-1,6$ °C. Под этим слоем *на глубине от 80 до 100 м температура начинает подниматься и на глубине около 300 м достигает $+0,5$ °C и даже $+0,8$ °C.* По мере углубления она мало изменяется и до глубины 400–500 м держится приблизительно на том же уровне; далее она медленно опускается, но нигде, однако, не доходит до низкой температуры поверхностной воды. Самая холодная вода на глубине 2800–2900 м имеет всего около $-0,76$ °C. Возле дна она опять очень медленно поднимается. Эти условия довольно постоянны во всем исследованном нами море, и вышеприведенный ряд температур дает картину распределения температуры на различных глубинах.

Многие особенности этого распределения могут показаться странными. Между прочим, можно упомянуть о замеченном нами поднятии температур начиная с 3000 м по направлению ко дну; такого поднятия, насколько мне известно, не найдено еще ни в каком другом море; причина этого, вероятно, заключается в том, что у нас были более точные приборы и лучшие условия для пользования ими, чем у большинства других экспедиций, тогда как наибольшие изменения, здесь наблюдаемые, не превосходят $0,1$ °C. Пока я могу это поднятие температуры объяснить только тем, что при слабом нагревании самых нижних слоев воды возле дна заметной становится теплота самой земли.

Открытие в Полярном бассейне сравнительно теплой воды под холодной поверхностной водой весьма важно. Эта теплая вода тяжелее и содержит больше солей, чем вышележащая холодная. Первая

напоминает в общем воду Атлантического океана, а последняя походит на воду Ледовитого океана, которая выносится из Полярного моря Восточно-Гренландским течением. Эти факты дают нам довольно ясное представление об общем состоянии моря на дальнем севере. *Полярный бассейн постоянно наполняется теплой и соленой водой, приносимой течением с юга, главным образом из Атлантического океана.* Уже норвежской экспедицией в Северное море доказано существование такого теплого течения, рукава Гольфстрима, текущего на север по морской поверхности к западному берегу Шпицбергена. *Когда эта тяжелая теплая вода вступает в Полярный бассейн, она уходит вглубь под холодную, но более легкую воду Ледовитого океана.* Эта вода легче, или менее содержит солей, главным образом потому, что смешана с пресной водой, приносимой множеством больших рек, особенно сибирских, впадающих в Полярное море. Теплая вода на глубине по мере прохождения через бассейн мало-помалу охлаждается, а отчасти также смешивается с более пресной и затем вытекает из Полярного моря в виде холодной и сравнительно несоленой воды, наполняет глубины северной части Атлантического океана, оттого донные воды этого последнего оказываются холоднее, чем в море, окружающем полюс.

Ясно, что постоянный приток в Полярное море теплой воды с юга, хотя сам по себе происходит очень медленно, должен до некоторой степени препятствовать приросту льда от замерзания. Этому противодействует, однако, то, что поверхность моря покрыта холодным и более легким слоем воды в 80—100 м толщины, который может охлаждаться, не делаясь при этом тяжелее нижележащей теплой воды и предохраняя лед от нагревания ею. Существенной же причиной того, что лед в той части моря, по которой мы путешествовали, мало утолщается, является попросту недостаток времени, дрейф с востока на запад уносит его, как мы видели, прежде чем он успевает состариться, и образование льда на севере непрерывно должно начинаться снова. Иначе, вероятно, обстоит дело на американо-гренландской стороне Полярного моря, где, как выше упомянуто, нет такого быстрого дрейфа или смены льда; последний нагромождается на берега, быть может, остается там лежать в

течение долгого ряда годов и медленно утолщается зима за зиму отчасти вследствие намерзания снизу, отчасти вследствие скопления снега на поверхности.

Но если бы теперь и в остальной части Полярного моря приток льда вместе с притоком теплой воды прекратился, если бы, например, дно моря повысилось на 600 м, образовался бы «мост суши» от Шотландии через Фарерские острова и Исландию к Гренландии и северная часть Атлантического океана была отгорожена от Ледовитого моря, как это было, по предположению геологов, прежде, – что тогда произошло бы? Никакое теплое течение не втекало бы тогда в Полярное море, никакой лед не выносился оттуда – не промерзло бы море до дна? Мы не знаем всех факторов в достаточной мере, чтобы дать окончательный ответ, и можно сомневаться, чтобы это случилось в действительности, но судя по нашим познаниям, над отделенным Полярным морем простерся бы тогда гораздо более мощный ледяной покров, чем сравнительно тонкий слой, находящийся теперь там в постоянном движении. Мы получили бы тогда «палеокристинский лед», распростертый на всем море, и образовалась бы та огромная неподвижная ледяная шапка, какую многие ошибочно помещали над областью, окружающей полюс в наши дни.

И как повлияло бы это *на распределение климата в северном полушарии??* Ясно, что если бы Полярное море не получало с юга никакого притока теплой воды, то его средняя годовая температура должна бы понизиться; климат на севере сделался бы более холодным, тогда как, наоборот, Атлантический океан, отделенный мостом суши от льда и холодного течения и, кроме того, поставленный в невозможность отдавать тепло в Ледовитое море, стал бы теплее, средняя годовая температура южнее лежащих стран повысилась бы, климат южной и отчасти средней Европы стал бы теплее. Другими словами, между страной, лежащей к северу от «моста суши», и страной к югу от него разница в климате была бы гораздо больше, чем ныне. Достаточно ли она была бы для того, чтобы вызвать ледниковый период, – это вопрос другой. По общему мнению, понижение средней годово́й температу́ры

Северной Европы на 4–6 °С было бы достаточно, чтобы вызвать новый ледниковый период, и, по-видимому, нет ничего невозможного, что вследствие такого разделения двух морей могло бы произойти столь большое изменение. Но много других обстоятельств делают это от вопрос более запутанным, и я не буду здесь вникать в него глубже.

Но если вместо того, чтобы перегораживать Ледовитый океан таким «мостом суши», мы откроем его еще шире, чем он теперь открыт, чтобы еще большие массы теплой воды из южных морей могли получить к нему доступ, если мы, например, вообразим себе, что Берингов пролив стал значительно шире и глубже и что теплое японское течение, Куросиво, проходит через него на север – что из этого последует? Очевидно, от этого в Полярном море количество льда должно уменьшиться, нынешний тонкий покров льда станет еще тоньше, пространство открытой воды еще более увеличится. И если представить себе, что в то же время уменьшится приток пресной воды, что, например, сибирские реки изменят свое течение и станут впадать в другое море, то Полярное море не будет уже покрыто слоем холодной пресной воды, в котором лед может образоваться так легко, как теперь, массы теплой воды расположатся ближе к поверхности и образование льда будет сильно задержано.

Вследствие этого Полярное море, вероятно, большую часть года на значительном пространстве останется открытым. Этим было бы вызвано поднятие годовой температуры в северных странах, и разница между климатом на севере и юге стала бы несколько менее резкой, чем теперь. И все же эти изменения едва ли достаточны для объяснения того умеренного и отчасти субтропического климата, который в прошлые периоды господствовал в большей части арктических стран, как -то в Гренландии, на Шпицбергене и Новосибирских островах.

Я не стану входить здесь в обсуждение этих трудных и спорных вопросов; приведенного, быть может, достаточно, чтобы показать, что такие исследования, как наши, помогают хоть отчасти рассеять туман, скрывающий от нас иные времена и иные условия, помогают уяснить, как сменялись времена на поверхности земли, пока она совершала свой

путь в бесконечном пространстве. Но света еще мало; мы должны изучить природу еще не исследованных частей полярной области, и мы их изучим.

8. МЕТЕОРОЛОГИЯ

Немало потребуется времени для разработки наших метеорологических наблюдений, которые, обнимая собой трехлетний промежуток времени, внесут ценный вклад в познание причин погоды. Наши наблюдения, по-видимому, не заключают в себе метеорологических неожиданностей, подобных тем, какие мы нашли во время путешествия по материковому льду Гренландии. Оказывается, что температура распределяется на этом море почти так, как ожидали а priori, и я несколько не ошибался, когда при изложении своего плана путешествия высказывал, что в неизвестном Полярном море зимняя температура, вероятно, выше, чем, например, в Сибири; влияние моря здесь очень заметно, и самая низкая температура, нами наблюдавшаяся ($-52,6^{\circ}\text{C}$), далеко не низка в сравнении с температурой -68°C , отмеченной в Верхоянске в Сибири.

Зимой погода среди Полярного моря отличалась необыкновенной ясностью, и иногда подолгу на небе не бывало почти ни единого облачка. Только летом, когда возникали в большом количестве полыньи и снег, тая, образовывал на льду озера, бывали частые туманы. В общем в этой атмосфере господствовало большое равновесие и ветры были не особенно сильны: редко достигали они такой силы, чтобы их можно было назвать штормами; уже ветер со скоростью 12–13 м/с был необычен, а до 15 и 16 м достигал он всего несколько раз. Такие условия были главным образом в восточной части моря: по мере того как мы подвигались на запад и приближались к открытому морю, атмосфера становилась беспокойнее, ветры чаще и сильнее. Бросалось в глаза различие между климатом на севере, вдоль пути «Фрама» среди плавучего льда, и климатом в районе зимовки на Земле Франца-Иосифа. В то время как там, на севере, в течение долгой зимней ночи было замечательно спокойно и тихо, небо ясно, а количество осадков незначительно, здесь как раз наоборот: небо часто было покрыто

тучами, шел снег и штормы непрестанно выли над нами. Сила ветра доходила до того, что, как выше упомянуто, однажды он унес каяк Йохансена, и мы едва его разыскали потом в темноте; другой раз ветер схватил и понес мои сани; в третий раз он переломил одну из лыж, которые были воткнуты в снег возле хижины, и потому, хотя средняя температура на Земле Франца-Иосифа была несколько выше, чем на Севере, среди Полярного моря, мы все-таки порою сильно желали вернуться к миру и спокойствию дальнего Севера.

Ниже следует таблица средней температуры воздуха во время дрейфа «Фрама» и нашего санного путешествия.

Средние температуры (°C) во время плавания «Фрама»

Месяцы	Годы			
	1893	1894	1895	1896
Январь	—	–35,7	–33,4	–37,4
Февраль	—	–35,6	–36,8	–34,7
Март	—	–37,3	–34,8	–18,7
Апрель	—	–21,2	–28,7	–18,1
Май	—	–10,1	–12,1	–10,8
Июнь	—	–1,5	–2,2	–1,7
Июль		+0,2	+0,3	–0,1
Август	—	–1,0	–2,6	+1,2
Сентябрь	–1,6	–8,3	–9,5	—
Октябрь	–18,4	–22,5	–21,2	—
Ноябрь	–24,2	–30,8	–30,9	—
Декабрь	–29,2	–34,9	–32,9	—

Температура (°C) во время санного путешествия На нсена и Йохансена по льду

Месяцы	Средние температуры	Максимум	Минимум
Март (16–31), 1895 г.	–38,3	–22,8	–46,1
Апрель	–28,9	–18,9	–37,2
Май	–4,5	–2,2	–23,9
Июнь	–1,1	+3,3	–12,8
Июль	0	+2,8	–2,4
Август	–1,7	+2,2	–7,2
Сентябрь	–6,7	+5,0	–20,0
Октябрь	–18,3	–8,9	–25,0
Ноябрь	–25,0	–12,2	–37,2
Декабрь	–25,0	–11,1	–38,3
Январь, 1896 г.	–25,6	–7,2	–43,3
Февраль	–23,3	–1,1	–40,0
Март	–12,2	–1,1	–33,9
Апрель	–13,3	–2,8	–26,7
Май	–7,8	+6,1	–23,9
Июнь (1–16)	–1,7	+3,9	–0,5

Периоды, когда температура была ниже 40 °С

Годы	Месяцы				
	Январь	Февраль	Март	Ноябрь	Декабрь
1894	11–12	3–7	5–15	14–15	8–10
	14–15	11–19	17–19		17–18
	27–29	23–24	25–26		30–1*
1895	14–18	9–10	19–22	20–23	7–8
	23–26	13–16	26–28		
		18–22			
1896	29**–18	4–9	4–5		
		11–20			

* Января. ** Декабря.

Средние температуры суток в эти периоды (°С)

Годы	Месяцы				
	Январь	Февраль	Март	Ноябрь	Декабрь
1894	-38,2	-44,7	-44,2	-41,3	-40,4
	-39,5	-41,9	-43,2		-38,5
	-40,3	-39,2	-40,1		-41,5
1895	-40,6	-40,8	-39,9	-40,6	-39,7
	-43,5	-41,7	-38,7		
		-41,2			
1896	-43,2	-40,6	-37,6		
		-41,8			

9. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

В течение долгих темных полярных ночей мы имели возможность с редким удобством наблюдать северные сияния. Они бывали невероятно часто: в течение зимы, кажется, не проходило почти ни одного дня без того, чтобы не было видно северного сияния, достаточно яркого, чтобы его нельзя было не заметить. На южной стороне горизонта они бывали, по-видимому, не реже, чем на севере.

Многочисленность северных сияний может показаться странной, так как во время дрейфа «Фрама» мы находились значительно севернее той зоны, которая, по общепринятому мнению, опоясывает область наиболее частого их наступления. Эта область максимума северных сияний обнимает, как известно, полярные страны овальным кольцом, длинная ось которого идет приблизительно от южной оконечности Гренландии к пункту между Беринговым проливом и Новосибирскими островами и которое заходит на юг гораздо дальше на американской стороне (приблизительно до 60° северной широты), чем на европейской.

Из нашего опыта я вынес впечатление, что этот пояс максимума в той части Полярного моря, по которой нас несло, заходит значительно дальше на север, чем ожидали. Следовательно, полюс северного сияния, который есть центр, или полюс пояса максимума, не может лежать под 80° северной широты к северу от Смитова пролива, как предполагали, а расположен южнее, ближе к магнитному полюсу.

Для объяснения причин северного сияния наши наблюдения доставили так же мало, как и наблюдения других экспедиций. Многие

склоняет мысль к катодным лучам, и толкование, что северные сияния суть катодные лучи, которые, исходя из солнца и притягиваясь землей, как магнитом, встречают земную атмосферу в зонах, окружающих ее полюсы, имеет за себя, по-видимому, много данных.

10. АТМОСФЕРНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ЗЕМНОЙ МАГНЕТИЗМ, СИЛА ТЯЖЕСТИ

Мы производили кое-какие наблюдения над атмосферным электричеством. Оно оказалось, однако, очень неравномерным и иногда бывало значительно больше, чем обыкновенно принимают для полярных стран, а другой раз трудно было даже констатировать присутствие электричества.

Длинный и ценный ряд магнитных наблюдений производился лейтенантом Скотт-Хансенom в течение всех трех лет, проведенных нами там. Надо надеяться, что такой большой материал, когда он будет обработан, доставит ценное пособие для понимания этого трудного предмета.

Скотт-Хансен делал также наблюдения над маятником. Для того чтобы эти наблюдения были вполне точны, необходимо производить их на неподвижном грунте. Между тем они должны были производиться на палубе судна; но именно то обстоятельство, что они производились над глубоким морем, придает им особенный интерес; подобные наблюдения производятся в первый раз.

11. ЖИВОТНАЯ И РАСТИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Животные, в особенности ракообразные (копеподы и амфиподы), были встречены в этом море даже под самыми высокими широтами. Найдутся они, конечно, и на полюсе. Так как количество животных в воде уменьшается на севере с широтою, то там оно будет меньше в сравнении с тем, которое имеется в более южных частях моря.

Замечательно, что даже к северу от 84,5° северной широты возле «Фрама» наблюдались стаи нарвалов, которые, значит, находят себе в этом море достаточное пропитание. Летом мы часто замечали также тюленей; в первую зиму я встретил моржа среди моря к северу от Новосибирских островов. Что он там делал, для меня и теперь загадка.

Медведей на «Фраме» убивали к северу от 84°, а следы песцов мы с Йохансеном встречали около 85°. Следовательно, по крайней мере млекопитающие животные распространены до крайнего севера нашей планеты и, вероятно, достигают даже самого полюса.

Птиц мы наблюдали каждое лето, и совершенно очевидно, что летом они совершают свои полеты надо всем обширным пространством Полярного моря. На самом дальнем севере мы видели по большей части белых чаек (*Larus ebur-neus*), моевок (*Rissa tridactyla*), буревестников - глупышей (*Procellaria glacialis*), а также кайр (*Uria mantei*), поморников (*Stercorarius crepidata*), голубых чаек (*Larus glaucus*), пуночек (*Plectrophenax nivalis*), люриков (*Mergulus alle*) и пр.

Очень интересной была встреча с редкой и загадочной чайкой Росса, или розовой чайкой (*Phodostethia rosea*), на северной стороне Земли Франца-Иосифа у Белой Земли. Мы видели и взрослых птиц и птенцов возле них, и они были здесь так обыкновенны, что можно не сомневаться, что они гнездятся где-нибудь поблизости. К сожалению, время не позволило сделать более подробного исследования. На «Фраме» мы также застрелили несколько годовалых чаек этой по роды в оперении, доселе неизвестном. В плане экспедиции я упоминал об этой самой полярной из всех птиц, которая так редко встречается в хорошо знакомых странах, и полагал, что так как она не гнездится, насколько мы знаем, ни в какой известной стране, то должна обитать на каких-нибудь островах или землях в неизвестной полярной области, и я был склонен думать, что эти последние должны лежать где-нибудь в море, расположенном к северу от Берингова пролива и Восточной Сибири. Ни разу не пришло мне в голову, что я найду их постоянное местопребывание недалеко от наших северных вод, на северо-восточной стороне Земли Франца-Иосифа.

Как об очень интересном проявлении жизни в полярных странах можно упомянуть также о растительных и животных существах, найденных мною в снежниках на плавучем льду. Каждое лето, как только солнце растопляло снег на льду и талая вода собиралась на его поверхности в пресные озера, на дне их начиналось образование

маленьких бурых пятен – больше всего походили они на пятна ила. По мере того как они увеличивались, все более и более поглощая при этом солнечную теплоту, во льду под ними протаивали круглые ямки, которые достигали нескольких дюймов глубины и более или менее заполнялись этим бурым илом. Под микроскопом это вещество оказалось состоящим главным образом из небольших микроскопических растений, диатомовых и других водорослей. Но между ними живет также масса других микроскопических организмов, инфузорий и флагеллат, я нашел там даже бактерий: даже и эти страны не избавлены от них совершенно. Я думаю, что подобная флора и фауна найдутся на льдах всего Полярного моря. Та, которую я нашел, происходит, надо полагать, из Сибири и из года в год постоянно уносится к Гренландскому морю; но в других областях, вероятно, найдутся другие формы, происходящие из других мест, и ближайшее их изучение доставит, быть может, ценные данные для суждения о блужданиях льда.

Три года, проведенные нами во льдах, были вознаграждены ценной сокровищницей наблюдений по различным областям знания. Должно сознаться, что полярный вопрос теперь в сущности решен, что путешествие наше приподняло значительную часть завесы, покрывавшей великую неисследованную область, окружающую полюс, и дало нам возможность составить себе довольно ясную и трезвую картину той части нашей земли, которая до сих пор была отдана в добычу фантазии. Если мы теперь в недалеком будущем и бросим с воздушного шара взгляд на эту область с высоты птичьего полета, то наиболее существенные черты ландшафта окажутся нам уже известными.

Но мы не должны на этом остановиться, *еще много загадок зовут нас к новой работе на севере, еще многое предстоит исследовать, многое может быть раскрыто лишь долгими годами наблюдений.*

Какие же указания дает наш опыт для будущих исследований?

Прежде всего, я думаю, путешествие наше в полне доказало целесообразность того способа путешествия, которым мы пользовались. Теперь очевидно, что можно построить удобное судно, способное

выдерживать давления, которым оно подвергается, увлекаемое льдами, в полярной области; пройти Ледовитое море тем способом, каким мы это сделали, можно довольно уверенно, если только надлежащим образом снарядиться. Конечно, могут встретиться опасности, но они не больше тех, какие влечет за собой риск путешествия другим способом; зато дрейф, подобный нашему, сулит столь большие преимущества, что этим способом и в будущем должны и, вероятно, будут пользоваться. Судно, оборудованное подобно «Фраму», является в сущности первоклассной плавучей обсерваторией, которой представляется великолепный случай для всякого рода научных исследований. Пребывание в этих странах в течение нескольких лет необходимо для того, чтобы собрать материал, достаточный для составления полного представления о физических условиях полярной области.

Руководствуясь нашим опытом, можно снарядиться еще целесообразнее, чем мы. Можно устроить на судне лабораторию для производства даже тончайших научных исследований.

Особенно желательно, по-моему, чтобы новая экспедиция проникла в ту часть Полярного моря, которой мы еще не знаем. Если бы она пошла на север через Берингов пролив и вошла в лед к северу или даже к северо-востоку от него, она пересекла бы Полярный бассейн значительно севернее нашего маршрута и по возвращении в свободные от льдов воды по эту сторону полюса неизбежно доставила бы немалую сумму драгоценнейшего научного материала, сумму наблюдений, необходимых для расширения наших знаний. Но такой дрейф будет дольше нашего; я думаю, он потребует лет пять.

Многие, быть может, возразят, что все-таки участники ее подвергнутся слишком большой опасности; со всех сторон слышится утверждение, что здоровье должно пострадать от многолетнего пребывания в полярных странах. Я не могу согласиться с таким мнением. По собственному своему опыту я могу только сказать, что арктические страны необыкновенно здоровое место. В течение 15 месяцев, которые Йохансен и я провели после оставления «Фрама» до встречи с Джексонем, я прибавил в весе 10 кг, хотя пища за это время отнюдь не

была слишком разнообразна. Не видно было, чтобы эта жизнь истощала человека! Когда я вернулся в Норвегию, здоровье мое находилось в таком прекрасном состоянии, в каком я себя не запомню. И мой опыт во время пребывания на «Фраме» также подтверждает, что жизнь эта была здоровой. Я видел своих товарищей цветущими здоровьем, и физиологические исследования, над ними произведенные, как оказалось, также свидетельствуют об этом. Эти исследования, когда они будут обработаны, осветят гигиенические условия нашего путешествия и составят ценный материал для руководства предстоящим экспедициям.

Цинга, которую до сих пор арктические экспедиции больше всего боялись, теперь не будет так часто встречаться, потому что против нее, очевидно, легко принять надлежащие предосторожности. Из просмотра литературы, относящейся к этому вопросу, профессор Софус Торуп сделал заключение, что наиболее вероятной причиной цинги является отравление, так как при медленном разложении мяса и рыбы от плохого консервирования, например дурной посолки, образуются ядовитые вещества, близко стоящие к птоминам и вызывающие при постоянном употреблении их в пищу цингу. Поэтому при снаряжении нашей экспедиции на это было обращено особенное внимание, и мой опыт в связи с исследованиями, которые я имел случай сделать во время путешествия, говорит не против, а скорее за то, что цинга – следствие недоброкачественной пищи. Но если так, то единственное средство избежать цинги – позаботиться о том, чтобы взяты были с собой только хорошо консервированные пищевые вещества.

Далее, ответом для утверждавших, что однообразная уединенная жизнь при бедственных условиях должна влиять на душу, вызывать меланхолию и другие психические болезни, может служить жизнь, которую вели Йохансен и я весь третий год своего пребывания на Севере, главным образом внутри нашей зимней хижины, жизнь во всех отношениях более уединенная и прожитая при более неблагоприятных условиях, чем то случилось с большинством экспедиций, и, однако, мы не чувствовали ни малейшего следа меланхолии или ей подобной душевной болезни.

Еще одному, пожалуй, научило наше путешествие по отношению к способам исследования полярных стран: тому, что *с малыми средствами можно достигнуть многого*.

Если следовать совету, подаваемому эскимосами, и пробираться с помощью каяков, саней и собак, то можно пройти значительные расстояния по таким областям, которые до сих пор считались очень трудно доступными. Таким способом можно путешествовать по плавучему льду даже на большом расстоянии от земли, даже когда лед находится в движении, и я думаю, что именно этим способом нужно попытаться проникнуть в великую неисследованную область, лежащую между Северо-Американским арктическим архипелагом и полюсом.

Много важных вопросов ждут там своего разрешения. И в эту область должна ступить нога человека.

Комментарии

В августе 1906 г. вся Норвегия, весь мировой научный мир торжественно встречали возвратившуюся на родину после трехлетнего отсутствия экспедицию к Северному полюсу под руководством Фритьофа Нансена. На следующий год в Норвегии была издана книга «Fra m» over Polhavet» (Kristiania, 1897). В ней Нансен подробно рассказал, как проходило это историческое путешествие, во время которого были получены многие ценные научные данные и, что не менее важно, не погиб ни один член экипажа, а поставленная исходно цель была достигнута.

Почти одновременно с норвежским изданием появились немецкое и английское под несколько иными названиями (In Nacht und Eis – Leipzig, 1897; Farthest north. – N. Y.; L., 1898).

В эти же годы выходят первые русские переводы труда Фритьофа Нансена. Всего в России на русском языке до настоящего времени было осуществлено десять изданий, лежащее перед вами – одиннадцатое:

В стране льда и ночи / Пер. с норв. А. М. Филиппова. – СПб., 1897–1898. – Т. 1, 2. (Приложение к журналу «Вестник иностранной литературы».)

Среди льдов и во мраке полярной ночи / Пер. с норв. А.А. Крубера, под ред. Д. И. Анучина. – М., 1897–1898. – Т. 1, 2. (Приложение к журналу «Землеведение».)

Среди льда и ночи / Пер. с норв. В. Семенова. – СПб., 1897. (Серия «Полезная библиотека», издание П. П. Сойкина); 2-е изд. – СПб., 1900. (Сильно сокращенный перевод, местами пересказ.)

Во мраке ночи и во льдах / Пер. со шведск. М. Вечеслова, под ред. Н. Березина. – СПб., 1898–1901. – Т. 1, 2; 2-е изд. – СПб., 1902.

Среди льдов и во мраке ночи / Пер. с норв. под ред. Г. Ковалевского. – СПб., 1898. (Текст сильно сокращен); 2-е изд. – СПб., 1903.

«Фрам» в Полярном море / Пер. с норв. издания 1930 г. З.И.Лопухиной; под ред. В. Ю. Визе / Ф.Нансен. Собр. соч.: в 5 т. – Л.: Главсевморпуть, 1940. – Т. II, III.

«Фрам» в Полярном море / Редакция пер. М. Б. Черненко. – М.: Географгиз, 1956. – Т. I, II. (В основу издания принят перевод З. И. Лопухиной, в котором пропуски и сокращения восстановлены по переводам А. М. Филиппова и А. А. Крубера).

В 1934 и 1935 гг. книга Фритьофа Нансена в переработке для детей среднего и старшего возраста была издана Детиздатом Украины на украинском и немецком языках:

У штьм; льодових пустель. – Харьков; Одесса, 1934; In Nacht und Eis. – Charkow, Odessa, 1935.

В 1937–1940 гг. в нашей стране вышло пятитомное собрание сочинений выдающегося норвежского путешественника. Научным редактором этого издания был Визе В. Ю. (1886–1954), замечательный ученый, прославленный исследователь Арктики, участник многих полярных экспедиций, в том числе Г. Я. Седова, на «Таймыре», на «Малыгине» и др., автор трудов по океанологии, ледовитости арктических морей, истории исследования Арктики, знавший Нансена и

встречавшийся с ним, член-корр. АН СССР. Между томами собрания сочинений материал распределялся следующим образом:

Т. 1: На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов / Пер. М. П. Дьяконова. – Л.: Главсевморпуть. – 1937.

Т. 2: «Фрам» в Полярном море. – Ч. I / Пер. с норв. издания 1930 г. З. И. Лопухиной; под ред. В. Ю. Визе. – Л.: Главсевморпуть. – 1940.

Т. 3: «Фрам» в Полярном море. – Ч. II / Пер. с норв. издания 1930 г. З. И. Лопухиной; под ред. В. Ю. Визе. – Л.: Главсевморпуть, 1940.

Т. 4: Шпицберген / Пер. А. и М. Иоргенсен. – М.; Л.: Главсевморпуть, 1938.

Т. 5: Среди тюленей и белых медведей / Пер. С. П. Кублицкой-Пиотух; На вольном воздухе / Пер. К. М. Жихаревой – М.; Л.: Главсевморпуть, 1939.

Книга Ф. Нансена в «Библиотеке путешествий» воспроизводит текст и перевод научно подготовленного издания 1956 г.

Следуя установившейся традиции и отдавая дань уважения первым научным редакторам русских изданий книги ««Фрам» в Полярном море» академику Д. Н. Анучину (1843–1923), географу, этнографу, одному из основоположников антропологии в России, чл. – корр. АН В. Ю. Визе, показывая преемственность между отечественными публикациями труда Нансена, в комментариях частично использованы примечания, подготовленные к соответствующим изданиям названными учеными, а также З. И. Лопухиной, первым переводчиком полного перевода. Эти комментарии соответственно помечены инициалами «Д. А.», «В. В.», «З. Л.», помещенными в конце каждого текста.

Примечания

1

Туле, или Фуле (Thule), – название самого дальнего на Севере острова, составлявшего самый последний обитаемый пункт, за которым уже следовала неизвестная и недоступная область, где море было «створоженным» или где не было ни суши, ни моря, ни воздуха, а только их смесь, похожая на «морские языки» (род морских медуз). Таким

представлениям древние греки были обязаны жителю Марсея Пифею, ученому астроному, современнику Аристотеля или его учеников, совершившему плавание в Британию и написавшему о том сочинение, которое, однако, до нас не дошло и известно только по отрывкам, приведенным у Полибия, Страбона и других географов, которые, впрочем, большей частью относились к Пифею отрицательно и считали его рассказы выдумкой. Впоследствии, однако, римские писатели относились к ним с большим доверием и искали Туле в одном из островов к северу от Британии. В новейшее время высказывались также догадки, что под Туле надо понимать Исландию, но едва ли этот остров мог быть известен бриттам III–II вв. до н. э. Нильсен находил, что сравнение с белыми медузами свидетельствует, что ученый грек составил себе наглядное представление о замерзающем море, в котором образуются ледяные иглы, или «сало», как его называют у нас на Севере (ДА).

[\(обратно\)](#)

2

Йоттунги – в древнескандинавской мифологии, в сказаниях – великаны, живущие в горах.

[\(обратно\)](#)

3

Приведенные мифологические названия взяты из скандинавских эпических сказаний.

Нифльхейм возник до сотворения Земли и был покрыт массами льда и снега. Оттуда шли снег, бури и холода и другие невзгоды, тогда как на юге лежало царство тепла, *Муспельхейм*. Эти оба царства были разделены *Гиннунгагапом*, причем сторона последнего, лежащего близ Нифльхейма, была наполнена грудami льда и снега, тогда как сторона, направленная к югу, была ясна и тепла, так как туда доносились искры из Муспельхейма. Когда тепло, посылаемое Муспельхеймом, встретилось со снегом, то последний стал таять и капли талой воды получили жизнь силою того, кто послал жару. Тогда возникло человекоподобное

существо Имир, а от него произошли все *римтурсы*(великаны стужи). Все римтурсы, за исключением одного, погибли, утонув в крови Имира.

Хельхейм, царство Хели, дочери Локи. Локи был противником богов, виновником великих бед, позором для богов и людей. Когда боги узнали, что у него растут три дочери, то они, опасаясь большого несчастья, призвали их к себе, и отец всех богов бросил одну из его дочерей Змею в море, другую, Хель, он низверг в Нифльхейм и дал ей власть над новыми мирами, чтоб она указывала жилище тем, кого боги будут посылать к ней, именно: всем умершим от старости и болезней. Там она имела большие владения. Ее зал называется несчастьем, ее блюдо – голод, ее нож – жажда, лень – ее раба, медленность – ее служанка, падение – ее порог, ее постель – печаль и ее полог – продолжительные невзгоды. Ее легко узнать по суровому и ужасно му виду.

Ностранд(«берег покойников») представлял собой большой зал отвратительного вида, с дверями, обращенными к северу, покрытый змеиной чешуей. Головы змей были обращены внутрь зала и изливали яд, текший потоками по полу, через который принуждены были переходить клятвопреступники и люди, совершившие коварное убийство (Д.?).

[\(обратно\)](#)

4

Хермورد – по древнесеверным сказаниям один из богов был послан самим «отцом богов» Одинем в Хельхейм, чтобы возвратить в мир живых лучезарного бога Бальдера, любимца богов и людей, которого нечаянно умертвил стрелой из лука слепой брат его Горд (З. Л.).

[\(обратно\)](#)

5

Эрик Рыжий (родился в Норвегии около 950 г.) был основателем первой норвежской колонии в Гренландии (В. В.).

[\(обратно\)](#)

6

Лейф, сын Эрика Рыжего, известный своими смелыми плаваниями на север Атлантического океана (В. В.).

[\(обратно\)](#)

7

Оттар – норвежский мореплаватель IX в., отправившийся в плавание в 870–890 гг. из Хельгеланна, северной части владения норманнов, на восток вдоль берегов Кольского полуострова до устья «большой реки» (видимо, Северной Двины).

[\(обратно\)](#)

8

Адам Бременский – ученый схоласт, живший во второй половине XI в. Написал ценный труд по истории путешествий на Север (В. В.).

[\(обратно\)](#)

9

Плавание Харальда Хордрода было осуществлено примерно в 1060 г.

[\(обратно\)](#)

10

Троллеботн – страна троллей. Тролли – сверхъестественные уродливые существа – великаны и карлы, бывшие, по верованиям древних норвежцев, хозяевами лесных дебрей, горных недр, водопадов и т. п. (З. Л.).

[\(обратно\)](#)

11

«Королевское зеркало» – литературный памятник XIII в., содержит в форме диалога между сыном (вопросы) и отцом (ответы) сводку практических сведений, правил морали и житейских приличий, соблюдение которых считалось в те времена необходимым для каждого честного и культурного человека (З. Л.).

[\(обратно\)](#)

12

Мак-Клинтон Фрэнсис Леопольд (1819–1907) – английский полярный исследователь, адмирал, принимал участие в 1848–1854,

1857–1859 гг. в розысках полярной экспедиции Джона Франклина. Во время длительной санной поездки в 1859 г. нашел следы Франклина, некоторые его вещи и записки, позволившие выяснить трагическую судьбу путешественника. Совместно с Джоном Меченом открыл острова Принс-Патрик и Мелвилл.

[\(обратно\)](#)

13

Маркхем Альберт Хастингс (1841–1918) – английский морской офицер и полярный путешественник. В 1873 г. вместе с капитаном Адамсом прошел через Баффинов залив; в 1875–1876 гг. капитан парового судна «Алерт» («Проворный») английской экспедиции к Северному полюсу Георга Нэрса. Во время зимовки судна на севере пролива Смита в апреле 1876 г. во главе отряда, насчитывавшего 53 человека, на санях, предпринял пешую экспедицию на север и достиг 83°20 26 ' с. ш. В 1879 г. вместе с Генри Гори-Бутом предпринял неудачную попытку достичь Земли Франца-Иосифа. В 1880 г. посетил острова Галапагос. Автор книг о полярных путешествиях англичан.

[\(обратно\)](#)

14

Пири Роберт Эдвин (1856–1920) – американский полярный путешественник, адмирал. Главной задачей жизни считал достижение Северного полюса, на это потратил 23 года, 18 лет из которых провел в Арктике. Детально обследовал Гренландию, в 1909 г. на собачьих упряжках достиг района Северного полюса.

[\(обратно\)](#)

15

См. мое сочинение «Paa ski over Gronland» («На лыжах через Гренландию»).

[\(обратно\)](#)

16

Парри Уильям-Эдвард (1790–1885) – английский полярный путешественник. В 1827–1828 гг. возглавил английскую пешую экспедицию по дрейфующему льду от Шпицбергена к Северному полюсу.

Это путешествие оказалось необычайно трудным, выявило в этом районе движение льдов к югу, в Гренландское море.

[\(обратно\)](#)

17

Нэрс Георг Стронг (1831–1915) – английский морской офицер, полярный путешественник. В 1852–1854 гг. участвовал в полярной экспедиции Бельчера, в 1872–1874 гг. возглавил кругосветную научную экспедицию на «Челленджере» для глубоководных исследований Мирового океана; в 1875–1876 гг. возглавил английскую экспедицию к полюсу на судах «Дисковери» («Открытие») и «Алерт» («Проворный»). В 1878 г. Нэрс на «Алерте» совершил измерительную экспедицию в южную часть Тихого океана.

[\(обратно\)](#)

18

Грили Адольф Вашингтон (1844–1935) – американский полярный исследователь, начальник американской метеорологической станции, организованной в 1881 г. в связи с проведением 1-го Международного Полярного года в заливе Леди Франклин на Земле Гранта под 81°44 с. ш.

[\(обратно\)](#)

19

Гудзон Генри (1550–1611) – английский мореплаватель. В 1607–1611 гг. в поисках Северо-Западного и Северо-Восточного проходов из Атлантического океана в Тихий совершил четыре плавания в арктических морях. В Северной Америке открыл реку, залив и пролив, названные его именем. Пропал без вести.

[\(обратно\)](#)

20

Координаты крайней северной точки, достигнутой Пайером на Земле (острове) Рудольфа – мыса Флигели, указаны Нансеном неточно. На самом деле координаты мыса Флигели – 81°50 с. ш.

[\(обратно\)](#)

21

Впоследствии было выяснено, что Земли Петермана не существует (В. В.).

[\(обратно\)](#)

22

Предполагавшаяся Ховгордом земля к северу от мыса Челюскина впоследствии (в 1913 г.) действительно была открыта. Это Северная Земля (В. В.).

[\(обратно\)](#)

23

Воскресный номер от 30 ноября 1884 г.

[\(обратно\)](#)

24

Доклад был напечатан в мартовской книжке журнала «Природа» («Naturen») за 1891 г. Здесь он приводится в несколько сокращенной и стилистически выправленной редакции.

[\(обратно\)](#)

25

Впоследствии совершенно в том же самом смысле, насколько мне известно, высказался комиссар колонии Лютцен в статье, помещенной им в копенгагенской «Geografisk Tidsskrift» (8-й том, 1885–1886, с. 44–51). Замечательно, что и он пришел к мысли о возможности воспользоваться этим обстоятельством для исследования арктических стран и для попыток достижения полюса. Он, между прочим, говорит: «Таким образом, оказывается, что исследователи полярных стран, которые попытались бы проникнуть к полюсу через Сибирское море, будут в том или другом месте затерты льдом, но эти ледяные массы принесет течением к Гренландскому берегу. Поэтому не было бы ничего невозможного в том, что такая экспедиция, если бы только она имела судно, могущее долгое время выдерживать давление льдов, попала бы к южной оконечности Гренландии. Во всяком случае экспедиция должна быть рассчитана на плавание таким путем в течение нескольких лет».

[\(обратно\)](#)

26

Хотхоб, или Годхоб(Добрая Надежда), – старинная норвежская колония на западном берегу Гренландии под 64°10 с. ш. Основана норвежским пастором из Бергена Хансом Эгеде в 1721 г.

[\(обратно\)](#)

27

См. об этом статью д-ра Нильсена в «Eorhandlinger i Videnskabsselskabet». Kristiania. Заседание 11 июня 1886 г.

[\(обратно\)](#)

28

Вторая немецкая экспедиция к Северному полюсу состоялась в 1869–1870 гг. под руководством капитана Карла Кольдевея на пароходе «Германия» и паруснике «Ганза».

[\(обратно\)](#)

29

При обозначении направления течения принято давать направление, куда течение идет. Для ветра, наоборот, дается направление, откуда ветер дует (В. В.).

[\(обратно\)](#)

30

Для обозначения Северного Ледовитого океана Нансен обычно употреблял наименование «Ледовитое море» или «Полярное море». Соответственно часть Северного Ледовитого океана, прилегавшую к прибрежным морям Сибири, он называл «Сибирским Ледовитым морем». Наименование Северный Ледовитый океан было предложено Королевским географическим обществом в Лондоне в 1840 -х гг., а общепринятым стало в XX в.

[\(обратно\)](#)

31

Нансен имеет в виду Нордкапскую ветвь Атлантического течения. Исследованиями советских экспедиций установлено, что, вопреки предположению Нансена, только небольшая часть вод этого течения проникает в область к востоку от Новой Земли. Убыль воды в Северном Ледовитом океане, обусловленная выносом вод Полярным течением,

компенсируется главным образом Шпицбергенской ветвью Атлантического течения и притоком речных вод (В. В.).

[\(обратно\)](#)

32

Позднее я попытался сделать такой расчет, но пришел к заключению, что общее количество выпадающих осадков не так значительно, как я предполагал первоначально. См. об этом мою статью в «Ежегоднике Норвежского географического общества», т. III, 1892 г, с. 95, и в лондонском «The Geographical Journal», 1893 г., с. 5.

[\(обратно\)](#)

33

Как будет видно дальше, экспедиция на «Фраме» опровергла представление о Ледовитом океане как о мелководном бассейне (В. В.).

[\(обратно\)](#)

34

Открытие нами во время путешествия больших глубин в Полярном бассейне делает такое предположение в высшей степени вероятным.

[\(обратно\)](#)

35

Из опыта нашей экспедиции нельзя, однако, вывести заключение о существовании течения, идущего на восток, вдоль сибирского берега.

[\(обратно\)](#)

36

Первоначально я предполагал пройти через Берингов пролив, так как мне казалось, что таким путем можно вернее всего и раньше по времени года достигнуть Новосибирских островов. При более тщательном изучении вопроса я, однако, пришел к заключению, что это весьма сомнительно, и решил избрать более короткий путь: через Карское море и затем к северу мимо мыса Челюскина.

[\(обратно\)](#)

37

Как впоследствии было указано в моем докладе в Лондоне («The Geographical Journal», 1893), я предполагал направиться на север вдоль

западного берега Новосибирских островов, исходя из предположения, что теплая вода, идущая из реки Лены, должна освободить здесь море ото льда.

[\(обратно\)](#)

38

Нансен имеет в виду дрейф на льдине у восточных берегов Гренландии в 1888 г. (В. В.).

[\(обратно\)](#)

39

См. «Ежегодник Норвежского географического общества» («Selskabets azbok»), 1892. Т. III. С. 91 и следующие.

[\(обратно\)](#)

40

Диатомеи – одноклеточные водоросли, оболочка которых состоит главным образом из кремнезема и имеет очень своеобразную решетчатую структуру. Известно более 2000 видов диатомей, встречающихся и в пресной, и в морской воде.

[\(обратно\)](#)

41

Позже на основании наблюдений, производящихся во время дрейфа «Фрама», профессор Мон получил вероятную среднюю январскую температуру на полюсе, равную -41°C (В. В.).

[\(обратно\)](#)

42

Доклад и дискуссия напечатаны в «The Geographical Journal». Лондон, 1893. Т. I. С. 1—32.

[\(обратно\)](#)

43

После нашего возвращения адмирал Нэрс со свойственным ему благородством поздравил меня письменно и отметил, что замечательное плавание «Фрама» через Полярное море доказало правильность моей теории и неосновательность его сомнений.

[\(обратно\)](#)

44

Инглфилд Эдуард (1819–1894) – британский моряк и полярный путешественник. В 1852 г. первым исследовал бассейн Кейна.

[\(обратно\)](#)

45

Споры вокруг находки вещей с «Жаннетты» объясняются в значительной степени тем, что ко времени обсуждения проекта Нансена все эти вещи были снова потеряны. Комиссар датской колонии Лютцен в свое время переслал эти вещи своему другу в Копенгаген для Международной выставки в Амстердаме. После закрытия выставки вещи были возвращены в Копенгаген и там сложены на чердаке. Спустя некоторое время человек, хранивший их, умер, а его жена, не зная, что это за вещи, позволила их уничтожить. Нансен, приехавший разыскать гренландскую находку и забрать ее, опоздал всего лишь на два месяца.

[\(обратно\)](#)

46

Хукер Джозеф Долтон (1817–1911) – известный ботаник-систематик XIX и XX вв. Ближайший сотрудник Ч. Дарвина. В течение долгого времени директор ботанического центра в Глазго. Участник антарктической экспедиции Росса на «Эребусе» (1840). Много путешествовал по Индии, Ближнему Востоку, Австралии, Южной и Северной Америке. Установил несколько тысяч новых видов растений.

[\(обратно\)](#)

47

Гора Св. Ильи (St. Elias) находится в Северной Америке, на Аляске, близ границы с британскими владениями и недалеко от берега Тихого океана, под 60°20' 45" с. ш. и 144°20' з. д. от Гринвича; она имеет 5491 м высоты (Д. А.).

[\(обратно\)](#)

48

«Протей» – небольшой пароход, доставивший в 1881 г. экспедицию А. В. Грили из Нью-Фаундленда в Гренландию и затем в залив Леди Франклин на Земле Гранта. Летом 1883 г. пароход был выслан на

помощь Грили, но не смог пробиться в залив Леди Франклин, был затерт и 25 июля раздавлен льдами в Бассейне Кейна (пролив Смита).

[\(обратно\)](#)

49

Так как Грили утверждает, будто Лей-Смит видел такие ледяные горы на северо-западном берегу Земли Франца-Иосифа, то следует заметить, что на этом берегу не был еще ни один человек.

[\(обратно\)](#)

50

Палеокристическийлед – термин, введенный Нэрсом. Под палеокристическим льдом подразумевается многолетний полярный лед, обычно примерзший к берегу или сидящий на мели и обнаруживающий слоистость, обусловленную ежегодным таянием накапливающегося на его поверхности снега (В. В.).

[\(обратно\)](#)

51

Нансен приводит суждения Грили в свой адрес без каких-либо комментариев, хотя эти высказывания необъективны и недобросовестны. Грили знал, что Нансен ушел в свой поход к Северному полюсу в то время, когда положение «Фрама» вполне определилось и экипаж судна под руководством Отто Свердруп накопил опыт, обеспечивающий безопасное возвращение на родину. Сам по себе пеший поход Нансена являлся подвигом, почти не имеющим равных в истории полярных исследований.

[\(обратно\)](#)

52

Маркхем Климентс Роберт (1830–1916) – английский географ и путешественник, с 1893 г. – президент Лондонского географического общества.

[\(обратно\)](#)

53

«Report on the Expedition of 1875—76» (Лондон, 1877 г. С. 547, 553, 554). Если я не приводил этих замечательных соображений при

изложении моего проекта, то объясняется это только тем, что я впервые узнал о них после своего возвращения.

[\(обратно\)](#)

54

Диксон Оскар (1823–1897) – шведский коммерсант, посвятил большую часть своих средств и личный досуг исследованиям Гренландии, Шпицбергена и других полярных стран. Финансировал полярные экспедиции Андрэ, Норденшельда и Нансена.

[\(обратно\)](#)

55

Регистровая тонна – единица измерения вместимости судна, равна 100 куб. футам, или 2,83 куб. м.

[\(обратно\)](#)

56

Шпунтовый пояс – полоска обшивки, прилегающая к килю. Для придания судну повышенной продольной крепости этот пояс делается толще остальной обшивки.

[\(обратно\)](#)

57

Шпангоуты – крепления (ребра) корпуса судна, придающие ему поперечную прочность.

[\(обратно\)](#)

58

Бимсы – деревянные брусья, проложенные поперек судна и соединяющие правую и левую ветви шпангоута; служат для поддержания палубы и создания поперечной прочности судна. Кницы – части судового набора, имеющие форму угольника, стороны которого составляют между собой тупой угол; кницами соединяют бимсы со шпангоутами и другие брусья, скрепляющиеся между собой под углом.

[\(обратно\)](#)

59

Штевни – особо прочные брусья, которыми заканчивается набор судна в носу (форштевень) и в корме (ахтерштевень).

[\(обратно\)](#)

60

Гринхарт (Laurus Chloroxylon) – твердое и прочное дерево, растущее в Америке. Употреблялось на деревянных судах для изготовления ответственных деталей и наружной обшивки, так как не подвергалось разрушению морским червем.

[\(обратно\)](#)

61

Пичпайн – белая южноамериканская сосна, широко употреблялась для изготовления палубных досок, рангоута и пр.

[\(обратно\)](#)

62

Шхуна – небольшое судно с двумя и более мачтами и преимущественно косыми парусами (т. е. такими, которые ставятся вдоль судна).

[\(обратно\)](#)

63

Брейтфок – четырехугольный парус, который поднимается при штормовом ветре; топсель – самый верхний рейковый парус, ставится только при тихом ветре.

[\(обратно\)](#)

64

Нансен называет «обыкновенным горным маслом» сырую нефть.

[\(обратно\)](#)

65

Это масло через специально построенный аппарат с помощью парового пульверизатора впрыскивалось в распыленном виде в топ ку, где сгорало самым экономичным образом, выделяя много тепла. Аппарат применялся той же конструкции, как на локомотивах в Англии, откуда он и был выписан. Вскоре, однако, выяснилось, что при таком отоплении котел в одном месте настолько сильно разогревается, что на нем показываются пузыри, поэтому такой способ употребляли во время

путешествия очень недолго, лишь в первое время, а затем полностью оставили.

[\(обратно\)](#)

66

Рыбные консервы были у нас во время путешествия в большом почете, особенно высоко расценивался норвежский рыбный фарш и рыбный пудинг, не говоря уже о маринованной макрели.

[\(обратно\)](#)

67

Для производства этих анализов экспедиция связалась с химиками Л. Шмельк в Христиании и В. Харнессом из Сомерсетгоуза в Лондоне.

[\(обратно\)](#)

68

Кое-кто из членов экспедиции взял все-таки частным порядком несколько бутылок вина и коньяку. По прошествии года, когда выяснилось благополучие общей обстановки на корабле, я стал разрешать в праздничных случаях угощение «пуншем» – из сока морошки или фруктового сока, смешанного с небольшой дозой спиртного.

[\(обратно\)](#)

69

Я думал также получить собак у эскимосов в Гренландии или в Гудзоновом заливе, но оказалось, что доставка их оттуда сопряжена со слишком большими затруднениями.

[\(обратно\)](#)

70

Югорский Шар – пролив, отделяющий остров Вайгач от материка.

[\(обратно\)](#)

71

Депо эти были заложены с большой предусмотрительностью; о нас позаботились так хорошо, что, в случае если бы нам пришлось туда попасть, мы бы, несомненно, не испытывали никаких лишений. В самом северном депо, у становища Дурново, на западном берегу острова

Котельного, под 75°37 северной широты, мы нашли бы провианта на восемь дней. Этого было достаточно, чтобы пройти 100 км к югу вдоль берега и достигнуть второго депо под Урассалахом, где в построенной Толлем в 1886 г. избе имелись запасы почти на целый месяц. Наконец, третий склад с запасом провианта на 4 месяца был оставлен в избе на южной стороне Малого Ляховского острова, что давало возможность уже легко достигнуть материка.

[\(обратно\)](#)

72

Сведения о научных результатах этого интересного путешествия можно найти в «Memoires de l'Academie des Sciences de St. – Petersburg». VIIserie. XLII. № 12. Свое путешествие Толль описал в «Записках Русского географического общества», а также в «Petermanns Mitteilungen», 1891. С. 131–155.

[\(обратно\)](#)

73

Телемаркен – горная часть в Норвегии.

[\(обратно\)](#)

74

Известное восклицание Гуннара из «Саги о Ньяле».

[\(обратно\)](#)

75

Якорный шпиль – ворот (или лебедка) для подъема якорей, выбирания тяжелых тросов и т. п.

[\(обратно\)](#)

76

Барк – крупное парусное судно с 3–5 мачтами, имеющее полное прямое вооружение (паруса, которые ставятся поперек судна) на всех мачтах, кроме задней (ближайшей к корме), несущей косой парус.

[\(обратно\)](#)

77

Зарифленный бомбрамсель – парус, площадь которого уменьшена с помощью специальных завязок – рифов. Такая операция проводится при свежем ветре или шторме.

[\(обратно\)](#)

78

Воген – гавань Бергена.

[\(обратно\)](#)

79

Ульрикен, Флейнен и Левстаккен – горы около Бергена.

[\(обратно\)](#)

80

Пожать руку доктору (англ.).

[\(обратно\)](#)

81

Вот он, вот он! (англ.).

[\(обратно\)](#)

82

Михаил Сарс.

[\(обратно\)](#)

83

Нансен цитирует стих из «Хавамола» – одной из песен Древней Эдды (Эдда означает «праматерь»), цикла северных сказаний о богах, объединяющих древнорманские представления о происхождении Земли и первых днях бытия. Древняя Эдда изложена в стихах епископом Семундом, собравшим ее в 1643 г.

[\(обратно\)](#)

84

Тромсё – норвежский город, расположенный на небольшом острове Тромсей, в глубине Тромссунна. Гавань его хорошо защищена от ветров высокими и крутыми горами. Издавна служит базой рыболовства и зверобойного промысла в Гренландском и Баренцевом морях. Из Тромсё в больших количествах вывозится рыба (в настоящее время – рыбные консервы), ворвань, икра, рыбий жир, шкуры морского зверя.

[\(обратно\)](#)

85

Лофотенские острова – группа из шести крупных и многих мелких островов и скал под 67°30–69°20 ' с. ш. От Северной Норвегии отделены Вестфьордом.

[\(обратно\)](#)

86

Камуса – шкура с ног оленя. Отличается большой прочностью и употребляется для пошива зимних меховых сапог. Из них, в частности, были сделаны сапоги, которыми пользовался Нансен.

[\(обратно\)](#)

87

Альпийская трава – осока, употребляемая на Севере в качестве подстилки и утеплителя обуви.

[\(обратно\)](#)

88

Вардё – небольшой норвежский город на прибрежном острове того же наименования при входе в Варангер-фьорд под 70°19 с. ш. Город вырос вокруг старинной крепости Вардёхуз, основанной в 1307 г. вблизи границы с русскими владениями. У поморов был известен под названием Варгаева. Вардё – один из рыболовных центров Северной Норвегии.

[\(обратно\)](#)

89

В Финляндии и Швеции в конце XIX в. роль банщика обычно исполняли женщины.

[\(обратно\)](#)

90

По исследованиям Ф. Н. Чернышева («Новоземельская экспедиция 1895 г.» в «Известиях Русского географического общества», 1896, вып. 1) о-в Вайгач и южная часть Новой Земли составляют непосредственное продолжение хребта Пай-Хоя; складчатость здесь следует тому же северо-западному направлению, как и складчатость Пай-Хоя, Тимана и северной окраины Кольского полуострова. Горообразовательный процесс

закончился на Новой Земле в конце палеозойской эпохи, и с тех пор она (и Вайгач) в течение долгого времени была лишь ареной денудационных процессов (т. е. размыва и смыва), которым обязаны своим появлением и многочисленные поперечные долины, разделившие всю систему местных кряжей на отдельные горные массивы. В ледниковый период вся эта область была покрыта сплошными льдами, а в следующую эпоху последовало ее опускание, т. е. погружение под уровень Ледовитого океана. В современный геологический период наблюдается обратное явление: Новая Земля подымается (Д. А.).

[\(обратно\)](#)

91

Сибиряков Александр Михайлович (1849–1933) – крупный сибирский золотопромышленник, один из наиболее активных поборников освоения Северного морского пути.

[\(обратно\)](#)

92

Пыжик – шкура полугодовалого оленя. Отличается густотой и мягкостью шерсти и почти полным отсутствием пушистого подшерстка, благодаря чему снежная пыль почти не проникает внутрь меха и не смерзается с ним, как в других мехах. Используется для пошива меховой одежды, спальных мешков, чулок и др.

[\(обратно\)](#)

93

Гардарик – название земли руссов (Русь) в древних норвежских сагах; Биармия – легендарная страна на севере Руси, известная древним норманнам своими сказочными богатствами.

[\(обратно\)](#)

94

«Vorwärts» по-немецки означает то же, что «Fram» по-норвежски, т. е. «Вперед».

[\(обратно\)](#)

95

Котел очищался от соли, оседавшей на его дне при испарении морской воды.

[\(обратно\)](#)

96

Кастрирование ездовых собак предотвращает заболевание орхитисом (воспалением семенных желез), которым легко заболевают кобели вследствие трения постромок.

[\(обратно\)](#)

97

Квик – помесь эскимосской собаки с ньюфаундлендом; родилась она во время датской экспедиции в восточную Гренландию под начальством лейтенанта Ридера (1891/92 г.). Ридер прислал мне Квик в подарок, и она оказалась превосходной ездовой собакой.

[\(обратно\)](#)

98

Это была, вероятно, сибирская язва или что-нибудь в этом роде.

[\(обратно\)](#)

99

Вероятно, он принял за рояль нашу фисгармонию. Из других музыкальных инструментов у нас была только гармония, а один из участников имел, кроме того, флейту, скрипку и несколько губных гармоник.

[\(обратно\)](#)

100

Паландер Арнольд – шведский моряк. В 1872–1873 гг. командовал пароходом «Польхем» экспедиции А. Э. Норденшельда, зимовавшей на Шпицбергене. Сопровождал Норденшельда при его попытке пройти пешком к Северному полюсу. В 1878–1879 гг. был капитаном парохода «Вега» экспедиции А. Э. Норденшельда, осуществившей первое сквозное плавание по Северо-Восточному проходу и затем обошедшей вокруг евразийского материка.

[\(обратно\)](#)

101

Белый лед дает светлое отражение на небе; таким образом, над местами, где находятся ледяные поля, небо принимает беловатый оттенок, и напротив, оно бывает синим или темным над свободной ото льдов водной поверхностью. Поэтому мореплаватель в Ледовитом море может по виду неба судить о состоянии льдов вдали.

[\(обратно\)](#)

102

Бейдевинд – курс парусного судна, когда оно идет почти против ветра (угол между направлением хода судна и направлением ветра меньше 90°).

[\(обратно\)](#)

103

Остров Уединения – остров в центральной части Карского моря под 77°30 с. ш. в 180 милях к востоку от северной оконечности Новой Земли. Открыт в 1878 г. во время промысла морского зверя норвежским шкипером Эдвардом Иоханнесеном.

[\(обратно\)](#)

104

Остров Свердруп – небольшой остров овальной формы в 60 милях на северо-запад от острова Диксона. Представляет собой отлогую возвышенность с наибольшей высотой до 30 м.

[\(обратно\)](#)

105

Виггинс Иосиф – английский капитан. По приглашению известного поборника освоения Северного морского пути М. К. Сидорова совершил в 1874 г. плавание через льды Карского моря в устье Оби на пароходе «Диана». В дальнейшем положил начало торговому мореплаванию через ледовитое Карское море.

[\(обратно\)](#)

106

Фирн – ледяные зерна, представляющие продукт оплавления сухого снега под воздействием солнечных лучей. С течением времени

под влиянием собственной тяжести лед уплотняется и переходит в плотный глетчерный лед.

[\(обратно\)](#)

107

Имя Каменных сохраняют два острова, расположенных при входе в Пясинский залив (Западный и Восточный). Лежащие к юго -востоку от них острова получили наименование островов Расторгуева, Моржево, Долгого, Зверобой и др. Острова, названные Нансеном именем Кальмана, ныне известны как южная часть шхер Минина (острова Плавниковые). В эту группу входят острова Гольцмана, Зарзара, Костерина, Круглый, Песцовый, Гранитный, Подкова и др. Остров Олений является крайним юго-западным и самым крупным островом в северной части шхер Минина.

[\(обратно\)](#)

108

Он это и сделал, но глубины оказались очень малыми.

[\(обратно\)](#)

109

Вестре-Акер – местность близ Осло, где расположено имение родителей Нансена, в котором он родился и вырос.

[\(обратно\)](#)

110

Острова Скотт-Хансена.

[\(обратно\)](#)

111

Каровые ледники – в отличие от альпийских или долинных ледников, расположены не в ледниковых долинах, а на горных склонах или вершинах в чашеобразных углублениях (каре), созданных или расширенных деятельностью снега и льда.

[\(обратно\)](#)

112

Острова Клементса Маркхема, по имени известного английского адмирала и председателя Королевского географического общества.

[\(обратно\)](#)

113

Острова Рингнеса, по имени члена комитета экспедиции.

[\(обратно\)](#)

114

Острова Мона, в честь заслуженного норвежского метеоролога проф. Мона.

[\(обратно\)](#)

115

Острова генерала Тилло, по имени русского гидрографа генерал-лейтенанта Тилло.

[\(обратно\)](#)

116

Стамуха – нагромождение льда, сидящее на мели. Иногда достигает высоты в 10 м и больше. В отдельных местах сохраняются длительное время и служат защитой для судов от напора плавучего льда, волнения и ветра.

[\(обратно\)](#)

117

Остров Таймыр – крупный остров между материком и архипелагом Норденшельда, простирается с востока на запад на 20 миль при средней ширине около 10 миль. Остров горист и имеет несколько приметных с моря вершин (гора Негри, 235 м; гора Эффект, 171 м; гора Плато, 112 м). От архипелага Норденшельда остров отделен проливом Матисена. Один из крупных островов, лежащих западнее, назван советскими гидрографами островом Нансена. От материка остров Нансена отделен проливом Фрама, а от соседнего острова – проливом Свердруп.

[\(обратно\)](#)

118

В описании своего плавания Норденшельд, однако, сам говорит, что постоянный густой туман позволил ему «лишь крайне

приблизительно нанести на карту острова и островки, среди которых и мимо которых прокладывала себе путь «Вега».

[\(обратно\)](#)

119

Когда, пройдя далее, я научился распознавать лежащие во льдах арктические острова, стало ясно, что это возражение можно сделать еще с большим основанием. Никакая санная экспедиция не могла бы объехать этого берега, не заметив островов Альмквиста, которые лежат так близко, что должны быть видимыми даже в очень туманную погоду. Было непростительно не заметить эти острова, которые гораздо больше маленьких, лежащих против береговой линии большого острова, или, как я далее покажу, против группы больших островов, мимо которых мы здесь проходили. В знак нашей признательности человеку, который разведal для нас путь вдоль берегов Сибири, я назвал эту островную группу островами Норденшельда.

[\(обратно\)](#)

120

Объяснение этого явления смотри далее.

[\(обратно\)](#)

121

Таймырское море – значительное по площади водное пространство к востоку и юго-востоку от острова Таймыр, между ним и материковым берегом (Таймырский залив). На востоке переходит в Таймырскую губу, в вершине которой находится устье реки Нижней Таймыры.

[\(обратно\)](#)

122

Норденшельд в описании своего путешествия (Т. I. С. 321) о состоянии льда в этих водах говорит следующее: «Лед встречался нам лишь в небольших количествах и представлял собою сильно изломанный речной или фьордовый лед. Я почти уверен, что в течение дня нам не встретилось больше одного поля такой величины, чтобы на нем можно было выпотрошить тюленя».

[\(обратно\)](#)

123

Бове Джакомо – лейтенант итальянского флота, участник русско-шведской экспедиции А. Э. Норденшельда 1878–1879 гг. на пароходе «Вега». Руководил в экспедиции гидрографическими работами.

[\(обратно\)](#)

124

Названа бухтой Колина Арчера.

[\(обратно\)](#)

125

«Сало» – мелкий лед или пропитанный водой снег на водной поверхности перед ледоставом. Серовато-стальной или свинцовый оттенок придает сходство с застывшим салом животных.

[\(обратно\)](#)

126

Кап Смёрлаус.

[\(обратно\)](#)

127

Следует заметить, что это наблюдение не совсем точно, так как горизонт был ограничен землей.

[\(обратно\)](#)

128

Полуостров Оскара – далеко выдающийся в море выступ материкового берега на западной стороне Таймырского полуострова.

[\(обратно\)](#)

129

Повсюду на северном побережье Сибири, где бы я ни сходил на берег, мне попадались следы древнего ледникового периода. На Оленьем острове 21 августа на обнажившихся при отливе прибрежных скалах я нашел ледниковые шрамы. На острове Таймыр повсюду встречались многочисленные эрратические валуны, и вот здесь опять же валуны. Дальше к северу, восточнее мыса Челюскина, я тоже нашел эрратические валуны. Если сравнить эти наблюдения и открытые Толлем ископаемые льда и другие признаки ледникового периода на

Новосибирских островах, а также древние морены, найденные между Оленеком и Анабарой, то весьма правдоподобным окажется, что во всяком случае значительная часть северной Сибири находилась в прошлом под ледниковым покровом.

[\(обратно\)](#)

130

Гора Эйвина Аструпа[407]

[\(обратно\)](#)

131

Острова Акселя Хейберга.

[\(обратно\)](#)

132

Острова Фирнлэя.

[\(обратно\)](#)

133

Острова Локвуда.

[\(обратно\)](#)

134

Южный берег Земли Санникова представлялся Толлю приблизительно под 77°30 с. ш. и 142°20 в. д. (В. В.).

[\(обратно\)](#)

135

Амфиподы – отряд из группы ракообразных Arthrostaca. К ним относятся мелкие рачки с тонкой, кожеобразной скорлупой, плавающие боком и скачками; служат пищей для многих рыб.

[\(обратно\)](#)

136

«И земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездной» – второй стих из первой книги Библии (Ветхий Завет).

[\(обратно\)](#)

137

Эта сеть представляет собой шелковый мешок. Он сбрасывается с лодки или судна, когда нужно выловить с разных глубин обитающие там

растительные и животные организмы. Во время нашего путешествия мы постоянно пользовались этой сетью, погружая ее на различные глубины под лед; зачастую она приносила нам богатую добычу.

[\(обратно\)](#)

138

Эту фосфоресценцию вызывают преимущественно маленькие светящиеся рачки (Copepoda).

[\(обратно\)](#)

139

Сизигийные приливы – наивысшие приливы, когда Луна находится в положении сизигии, т. е. когда долгота ее или равна долготе Солнца, или же отличается от последней на 180°. В первом случае наблюдается так называемое новолуние, во втором – полнолуние.

[\(обратно\)](#)

140

Маркхем сообщает, что к северу от Земли Гриннеля ему встречались торосы высотой в 13 м. Я не вполне убежден, что это были не айсберги. Однако возможно, что торосы такой высоты могут создаваться, когда плавучие морские льды наталкиваются на сушу или в других подобных случаях. Но, судя по нашему опыту, в открытом море такие торосы не встречаются.

[\(обратно\)](#)

141

На средства О. Диксона было приобретено электрооборудование для «Фрама».

[\(обратно\)](#)

142

Так в подлиннике. Видимо, описка, так как Денеб —? созвездия Лебедя расположена примерно в 15° от созвездия Треугольника.

[\(обратно\)](#)

143

Электрический прибор Торте – прибор определения солёности морской воды по величине её электропроводности (электрический галинограф).

[\(обратно\)](#)

144

Позднее нам приходилось пробивать лёд мощностью до 10 м, не достигая его нижней поверхности.

[\(обратно\)](#)

145

Когда на следующую зиму мы топили печи, ни в кают -компании, ни в каютах не было никаких признаков сырости. Скорее можно было пожаловаться на излишнюю сухость воздуха, так как панели на стенах и потолке высохли и съежились.

[\(обратно\)](#)

146

Юм Давид (1711–1776) – английский философ, историк, экономист.

[\(обратно\)](#)

147

«Счастлив тот, чьи условия жизни соответствуют его характеру; но ещё более достоин уважения тот, кто умеет приспособить свой характер к условиям».

[\(обратно\)](#)

148

Так на «Фраме» называли Педера Хенриксена.

[\(обратно\)](#)

149

Амунсен ненавидел карты больше всего на свете и называл их «дьявольским изобретением».

[\(обратно\)](#)

150

Так называли метеоролога Иохансена, по фамилии известного ученого метеоролога Мона.

[\(обратно\)](#)

151

Впоследствии оказалось, что подпись поддельная, и это послужило основанием для расследования столь длительного и запутанного, что место не позволяет воспроизвести его здесь.

[\(обратно\)](#)

152

Во времена экспедиции на «Фраме» было принято подразделять облака на четыре основные группы: 1) cirrus – перистые, достигающие высоты 7,5—10 км; 2) cumulus – кучевые, легкие облака белого цвета, напоминающие внешним видом стадо барашков высотой до 1,5 км; 3) nimbus – дождевые облака высотой в среднем 1–1,1 км; 4) stratus – облака при сплошной облачности высотой менее 1 км. Вместе с тем выделялись переходные формы, как, например, в данном случае cirro-cumulus.

[\(обратно\)](#)

153

Так мы называли четырехместную каюту по правому борту.

[\(обратно\)](#)

154

Хальма – род шашечной игры.

[\(обратно\)](#)

155

Мольтке Мо – профессор норвежского языка в Христиании.

[\(обратно\)](#)

156

Винье (1818–1870) – норвежский поэт и публицист. Первоначальное образование получил в народной школе, после чего был деревенским учителем. Затем учился в семинарии и еще в трех школах. В возрасте 32 лет был принят в университет, который окончил в 1852 г. Известен литературными работами, проникнутыми горячим патриотизмом и идеей независимости Норвегии.

[\(обратно\)](#)

157

Адиабатическое нагревание – возрастание температуры воздуха при изменении внешнего давления на данную массу воздуха. Наблюдается при перемещении воздушных масс вниз по вертикали, когда воздушные массы попадают под более высокое внешнее давление. Температура сухого воздуха при опускании возрастает примерно на 1 °С на каждые 100 м.

[\(обратно\)](#)

158

Остров Амстердам – небольшой остров у северо-западного берега Шпицбергена. В XVII в. служил базой для голландских китобоев. На этом острове голландцами был создан город Смеренбург (Ворваний город). Это поселение, самое северное в мире, просуществовало около 50 лет. В 1671 г. гамбургский цирюльник Фридрих Мартенс, первый историк Шпицбергена писал о Смеренбурге как о покинутом и разрушающемся городке.

[\(обратно\)](#)

159

Бом-кливер – косой треугольный парус, который ставится на верхней оконечности мачты – бом-брам-стенге.

[\(обратно\)](#)

160

Сиверт Христиан Тобисен родился в Тромсё в 1821 г., умер во время зимовки на западном берегу Новой Земли в 1873 г. Он был одним из отважнейших норвежских промышленников.

[\(обратно\)](#)

161

Квадратурный прилив – наименьший прилив при таком взаиморасположении Солнца, Луны и Земли, когда направление на Солнце составляет угол в 90° с направлением на Луну, т. е. Луна находится в первой или в последней четверти.

[\(обратно\)](#)

162

Этот торос мы впоследствии назвали «Великим х олмом» (Storhogen). Он сохранился в течение всего дрейфа «Фрама».

[\(обратно\)](#)

163

Так мы называли мясо, запеченное в маслянистом тесте.

[\(обратно\)](#)

164

Марс – площадка для наблюдения на вершине мачты.

[\(обратно\)](#)

165

Норны – в скандинавской мифологии богини Урд, Верданди и Скульд, управляющие судьбами людей.

[\(обратно\)](#)

166

Капелла (или? Возничего) – самая яркая звезда в созвездии Возничего. Вторая по блеску звезда на небосводе северного полушария. Видима в средних широтах круглый год.

[\(обратно\)](#)

167

Позднейшие исследования установили отсутствие какой-либо земли к северо-западу от Новосибирских островов. Однако наблюдения Нансена правильно отмечают особенности приливо-отливных явлений в этом районе. Дело в том, что вблизи лежит материковый склон и подводный хребет Ломоносова. Наличие последнего существенно влияет на распространение приливо-отливной волны и всю систему циркуляции вод Северного Ледовитого океана.

[\(обратно\)](#)

168

Так назывались легкие верхние брюки из тонкой, но плотной хлопчатобумажной ткани, служившие защитой от снега и ветра.

[\(обратно\)](#)

169

Нейзильбер – сплав меди (55–65 %), цинка (5–34 %) и никеля (10–30 %). Отличается высокой химической стойкостью. Нансен использовал пластины из нейзильбера для подбивки полозьев нарт.

[\(обратно\)](#)

170

В настоящее время проверка хронометров производится путем приема «сигналов точного времени», передаваемых по радио мощными радиостанциями. Во времена Нансена сверка хронометров могла производиться только при отправлении и по прибытии экспедиции. Оригинальный способ проверки хронометров по времени наступления солнечного затмения был применен впервые в экспедиции Нансена.

[\(обратно\)](#)

171

Представления Нансена о будущем Земли связано с теорией «тепловой смерти» Солнечной системы, имевшей широкое распространение в науке конца XIX в.

[\(обратно\)](#)

172

Открытие факта распространения теплых вод атлантического происхождения в глубинах Арктического бассейна является одним из наиболее крупных достижений экспедиции Ф. Нансена. Мощный слой атлантических вод с температурами, колеблющимися около +1 °С, был прослежен на всем пути дрейфа «Фрама», а максимум (+1,130 °С) отмечен на глубине 325 м на 84°39 с. ш. и 88° в. д.

[\(обратно\)](#)

173

На острове Сагастыр в дельте р. Лены с осени 1882 г. по лето 1884 г. работала метеорологическая станция Русского географического общества, организованная в связи с проведением 1-го Международного Полярного года. Персонал станции состоял из начальника – поручика корпуса флотских штурманов Н. Юргенса, кандидата математики А. Эйгнера и доктора А. Бунге, которые проводили метеорологические и магнитные наблюдения.

[\(обратно\)](#)

174

Кабельтов – мера длины для измерения в море небольших расстояний, равна 0,1 морской мили, т. е. 185,2 м.

[\(обратно\)](#)

175

Наблюдения Нансена о том, что толщина ровного льда, образовавшегося в процессе естественного намерзания, не превышает для данного района океана определенного размера, является верным.

[\(обратно\)](#)

176

Представления о глубинах Северного Ледовитого океана существенно пересмотрены в результате работ высокоширотных воздушных экспедиций и дрейфующих научных станций. Установлено, что центральная часть Северного Ледовитого океана распадается на несколько глубоководных впадин. Наиболее обширной и глубокой (здесь в 1939 г. отмечена глубина 5220 м) является впадина, прилегающая к баренцовоморско-карскому материковому склону и порогу Нансена (между Шпицбергом и Гренландией). Над этой впадиной и проходил дрейф «Фрама».

[\(обратно\)](#)

177

Ниже даются температуры, исправленные Ф. Нансеном с учетом инструментальных и других поправок.

[\(обратно\)](#)

178

Розовую чайку часто называют чайкой Росса, по имени открывшего ее адмирала Росса. Другим названием – «розовая» – она обязана своему красноватому оперению.

[\(обратно\)](#)

179

До сих пор собачьи конуры стояли на палубе.

[\(обратно\)](#)

180

«Чисто норвежский флаг» – флаг без знака унии со Швецией, за ликвидацию которой (унии) боролись норвежские патриоты. Одним из руководителей этого движения был Нансен. Уния была расторгнута лишь в 1905 г.

[\(обратно\)](#)

181

Normal arheidsday – нормальный рабочий день.

[\(обратно\)](#)

182

Смысла этих эмблем я не могу понять по сей день. Что доктор, скучавший из-за отсутствия практики, требовал нормального рабочего дня, – кое-как еще понять можно; но вопль метеорологов о праве голоса? Против чьего деспотизма они протестовали?

[\(обратно\)](#)

183

Бизань-мачта – задняя (ближайшая к корме) мачта на корабле.

[\(обратно\)](#)

184

Тюлень, моржовое и медвежье мясо сохранилось у нас от прошлой осени и предназначалось для собак. Зимой оно было подвешено на палубе и осталось совершенно свежим. Затем его сложили на льду до самой осени, когда оно пойдет в употребление. Удивительно хорошо сохраняется в этих краях мясо: 28 июня у нас за обедом было жаркое из оленя, убитого на сибирском берегу в сентябре прошлого года.

[\(обратно\)](#)

185

Такого рода ил я нашел на восточном берегу Гренландии, о чем упоминал во введении.

[\(обратно\)](#)

186

Эта пыль, которую летом можно видеть на поверхности почти всякого полярного льда любого возраста, без сомнения, не что иное, как

пыль, висящая в земной атмосфере. Вероятно, она падает вместе со снегом, а затем накапливается постепенно в поверхностном слое, по мере того как снег стаивает летом. Но иногда на льду обнаруживаются также большие скопления ила, по цвету очень похожего на эту пыль, но этот ил своим происхождением непосредственно связан с материком, так как он встречается на тех льдинах, которые образовались вблизи земли (Ср.: Wissenschaftliche Ergebnisse von Dr. F. Nansen's Durchquerung von Gronland. Ergänzungsheft № 105 zu Petermann's Mittheilungen. 1892).

[\(обратно\)](#)

187

К сожалению, у меня не нашлось времени ближе их исследовать.

[\(обратно\)](#)

188

У нас всегда висел в воде линь с сетью на конце; по нему мы судили о направлении дрейфа и убеждались, существует ли в воде сколько-нибудь заметное течение.

[\(обратно\)](#)

189

Флагеллаты (от лат. flagellatus – снабженный бичом) – класс простейших животных, обитающих в воде или паразитирующих в организме животных и человека. Характеризуются наличием жгутиков, откуда происходит их другое название – жгутиковые или биченосцы.

[\(обратно\)](#)

190

Ровно через два года, день в день, «Фрам» прибыл в Скъерве, к берегам Норвегии.

[\(обратно\)](#)

191

Летом камбуз помещался в навигационной рубке на палубе, так как там был дневной свет; камбуз внизу за это время вымыли и покрасили.

[\(обратно\)](#)

192

Ларс Петтерсен был выдвинут из кузнецов в коки; он и Юлл чередовались в камбузе каждые две недели.

[\(обратно\)](#)

193

Хель – в скандинавской мифологии богиня подземного царства. Подробнее см. комментарий 3.

[\(обратно\)](#)

194

Валхалла – в северной (скандинавской) мифологии окруженный дремучими лесами сказочный великолепный дворец, в котором находятся павшие в сражениях герои. Во дворец вело 540 дверей, через каждую из них входило по 800 павших воинов в ряд. Герои, жившие в Валхалле, каждое утро, с пением петухов, завязывали жестокий бой друг с другом; к полудню их раны заживали. За столом им прислуживали бессмертные девы замечательной красоты – валькирии.

[\(обратно\)](#)

195

См. «Geographical Journal». – Лондон, 1893. См. также карту в «BlaShgen», 1890, и «Det Norske Geografiske Selskabs Aarbog». – I. – 1890.

[\(обратно\)](#)

196

Это щенки, родившиеся 13 декабря 1893 г.; их осталось четыре.

[\(обратно\)](#)

197

Прошлую зиму мы тента над кораблем не натягивали, так как считали, что от него на палубе станет совсем темно и под ним трудно будет пробираться. Но когда на следующий год зимой мы натянули тент, это сразу принесло безусловное улучшение.

[\(обратно\)](#)

198

Это светлое покрывало (или вуаль), постоянно расстилающееся по небу, было менее явственно над головой, в зените, но становилось все

более заметным по мере приближения к горизонту, хотя до самого его никогда не доходило. И на севере, и на юге оно оканчивалось низкой, слабо очерченной дугой над темным сегментом. Свечение этого покрывала было так ярко, что сквозь него я не мог разглядеть Млечный Путь.

[\(обратно\)](#)

199

Лотлинь наматывается при помощи такой же ручки, как у органа.

[\(обратно\)](#)

200

Нирвана (от санскр. «угасание», «потухание») – состояние высшего блаженства, понимаемое как освобождение от всех жизненных обязанностей, забот и стремлений, отрешение от всего личного и слияние с неким «божественным началом». «Погрузиться в нирвану» означает отдаться состоянию полного покоя.

[\(обратно\)](#)

201

Здесь вкралась какая-то ошибка в мой дневник, так как расстояние до мыса Флигели от предполагаемого отправного пункта (83° северной широты и 110° восточной долготы) составляет 750 км. По всей вероятности, я брал 100° восточной долготы вместо 110°.

[\(обратно\)](#)

202

Земля Петермана – гипотетическая земля на севере от Земли Франца-Иосифа, которую в апреле 1874 г. якобы «увидел» Пайер с северного берега острова Рудольфа. В 1900 г. Умберто Канти, участник экспедиции герцога Абрुцского, пройдя в этом районе по льду до 86°34 с. ш., земли не обнаружил. В 1914 г. по льдам, где предполагалось существование Земли Петермана, прошел штурман Альбанов после того, как оставил шхуну «Св. Анна» Г. А. Брусилова, плененную льдами и унесенную в Полярный океан. Альбанов также земли не обнаружил.

[\(обратно\)](#)

203

Во время самой экспедиции собаки принуждены были довольствоваться значительно меньшим дневным пайком, в среднем едва ли более 300 или 350 г.

[\(обратно\)](#)

204

Под именем Земля Гиллиса Нансен называет остров Белый, расположенный к востоку от Северо-Восточной Земли Шпицбергена, на 80°10 с. ш. и 32°30 в. д. Такое наименование острова связано с долгими и безуспешными поисками легендарной Земли Гиллиса (или иначе Земли Гилеса), якобы увиденной в XVII в. к северо-востоку от Шпицбергена голландским китобоем Корнелиусом Гилесом (примерно на 81°30 с. ш. и 36° в. д.). Впоследствии на месте земли, «открытой» Гилесом, «видели» гористый берег С. О. Макаров (1899) и английский капитан Уорслей (1925). Земля эта была обозначена на картах английского адмиралтейства в 1928 г. Однако дальнейшие тщательные поиски показали, что в этом районе земля отсутствует.

[\(обратно\)](#)

205

Английская экспедиция к Северному полюсу была осуществлена в 1875–1876 гг. на кораблях «Алерт» и «Дисковери» под начальством Георга Нерса.

[\(обратно\)](#)

206

Snowflake – первосортный американский керосин.

[\(обратно\)](#)

207

В журнале обсерватории в Христиании отмечено в этот день в 8 ч утра северное сияние.

[\(обратно\)](#)

208

Четвероногий гость, однако, не вернулся.

[\(обратно\)](#)

209

Мы воспользовались для этого нашим чистым винным спиртом.

[\(обратно\)](#)

210

Виола – персонаж комедии Шекспира «Двенадцатая ночь».

[\(обратно\)](#)

211

Ванты – тросовые снасти, с помощью которых поддерживаются с боков мачты корабля. Фок-ванты – ванты при фок-мачте, т. е. при передней мачте судна. Выблинки – обрезки тонкого троса, которые укрепляются поперек вант параллельно друг другу и служат ступеньками, когда необходимо забраться по вантам на верхнюю часть мачт.

[\(обратно\)](#)

212

Карлейль Томас (1795–1881) – видный английский писатель, публицист, историк и философ.

[\(обратно\)](#)

213

Инструкция эта приводится в «Отчете капитана Отто Свердруп о плавании «Фрама» после 14 марта 1895 года».

[\(обратно\)](#)

214

Передки полозьев были скреплены дугой, сплетенной из трех-четырех бамбуковых палок. К этой дуге привязывались постромки.

[\(обратно\)](#)

215

Прибор для измерения пройденного расстояния. Мы сами сделали его перед нашим отъездом из отслужившего свой срок анемометра. Прикрепили его к последней из наших нарт. Он показывал пройденное расстояние довольно точно.

[\(обратно\)](#)

216

Собак мы кормили один раз в сутки – вечером, после окончания дневного перехода.

[\(обратно\)](#)

217

Они были длиной в 3,70 м, шириной в 73 см и глубиной: Йохансена 30 см, а мой – 38 см.

[\(обратно\)](#)

218

Они были 3,6 м длины, 0,5 м ширины, а нижний край поперечных перекладин возвышался над снегом на 12 см.

[\(обратно\)](#)

219

Ширина была приблизительно та же самая, как в нашем гренландском путешествии: 8,5 см.

[\(обратно\)](#)

220

Анорак – верхняя одежда гренландских эскимосов, которая надевается поверх теплой куртки. Во времена Нансена изготовлялась преимущественно из плотной привозной материи.

[\(обратно\)](#)

221

Каньги из оленьей шкуры волосом наружу, набитые осокой (*Сагех vesicaria*), которая хорошо держала тепло и оставалась сухой, применяли участвовавшие в экспедиции лопари (саа ми) Балто и Равна.

[\(обратно\)](#)

222

Так называемые «кожаны» не годятся, так как скоро изнашиваются.

[\(обратно\)](#)

223

Сравни, впрочем, мое описание каньг в книге «На лыжах через Гренландию» (с. 51 и след.).

[\(обратно\)](#)

224

В Гренландской экспедиции Ф. Нансена было два спальных мешка из оленьих шкур, каждый на три человека. Мешок на троих был легче трех одиночных мешков, в нем было гораздо теплее, так как люди согревали друг друга.

[\(обратно\)](#)

225

Примус – изобретен в Швеции в 90-е гг. XIX в. До этого для целей нагревания широко применялись различные газовые горелки. Во времена экспедиции горелка «примус» только входила в жизнь и не получила широкой известности и распространения.

[\(обратно\)](#)

226

Искусственный стеклянный горизонт – прибор, которым пользовались при береговых астрономических наблюдениях, когда невидим морской горизонт. Этим прибором измерялись углы между небесными светилами и их зеркальным изображением в горизонтальной отражающей поверхности (в данном случае – стеклянной). Пель-компас – старинное наименование переносного компаса на штативе с визирным приспособлением на крышке для определения направления (пеленга) относительно магнитного меридиана на различные, видимые с места наблюдения предметы или ориентиры.

[\(обратно\)](#)

227

Пеммикан – название пищи североамериканских индейцев, представляющей твердую пасту из высушенного на солнце и измельченного в порошок мяса оленя или бизона, смешанного с растопленным жиром и соком кислых ягод (на языке племени кри – пимекан). Индейцы хранили пеммикан в плетеных корзинах и брали в военные и охотничьи походы. С XIX в. пеммикан из оленьего, бычьего и другого мяса и жира (без ягод) применяется в полярных путешествиях. Отличается большой питательностью, легкой усвояемостью при малом весе и объеме. Пеммикан особого состава служит кормом для собак.

[\(обратно\)](#)

228

У меня было заготовлено также значительное количество пеммикана, состоящего на 50 % из мясного порошка и на 50 % из растительного жира (кокосового). Этот пеммикан оказался, однако, малопригодным, даже собаки неохотно ели его, попробовав несколько раз. Отрицательное отношение к такому пеммикану вызвано, возможно, тем, что растительный жир трудно переваривается и содержит кислоты, которые раздражают слизистую оболочку желудка и кишок.

[\(обратно\)](#)

229

Здесь, как и везде, имеются в виду норвежские морские, или географические, мили, равняющиеся 24 000 футов, или 7420 м.

[\(обратно\)](#)

230

Переезжать полыньи в каяках при низкой температуре по многим причинам неблагоприятно, даже если вода и не покрыта более или менее толстой коркой льда. Каяки после переезда становились бы значительно тяжелее, так как они все же не были абсолютно водонепроницаемы, а вода, попадавшая внутрь их, сразу замерзла и не было бы никакой возможности извлечь ее оттуда.

[\(обратно\)](#)

231

Холмистый рельеф, заметный даже под сплошным снежным покровом, является наиболее характерным внешним признаком многолетних льдов Центральной Арктики. Летнее таяние, сминая острые углы и выступы, образует сглаженные формы, ледяные бугры, напоминающие так называемые «бараньи лбы». Описание многолетних бугристых льдов, которое дал Ф. Нансен, является классическим.

[\(обратно\)](#)

232

Обширные разводья в высоких широтах (за 85-й параллелью), обнаруженные Ф. Нансеном, неоднократно наблюдались полярными

экспедициями в разное время года и в самых отдаленных районах Центральной Арктики, даже в околполюсном. Так, например, в 1954 г. во время высокоширотной ледовой разведки, большие разводья, тянущиеся в пределах видимости с самолета от горизонта до горизонта, были обнаружены в районе Северного полюса, где они шли в меридиональном направлении и пересекали точку географического полюса.

[\(обратно\)](#)

233

В вещевых мешках у каждого из нас находилась одна смена шерстяного белья (рубашка и кальсоны), пара шерстяных рукавиц и перчаток, войлочная шляпа, затем подвертки, очки от снежной слепоты, сетки, дневники и прочая мелочь. Эти мешки служили нам ночью вместо подушек.

[\(обратно\)](#)

234

Эскимосский возглас, означающий «тпру» (стой).

[\(обратно\)](#)

235

В начале пути мы привязывали собак на ночь к двум стальным тросам со смычками: я боялся, чтобы они как-нибудь не убежали на «Фрам». Потом их привязывали у нарт. Тех, которые были слишком слабы, оставляли на свободе.

[\(обратно\)](#)

236

В то время как снег только увеличивает жажду и может иметь неприятные последствия еще и в другом отношении, жажду можно утолить льдом, в особенности если согреть его немного в руке, чтобы он не примерз ко рту. Это, наверное, делали многие путешественники.

[\(обратно\)](#)

237

Горелка «примус» имеет герметически закрытый керосиновый резервуар, куда нагнетается воздух, под воздействием этого давления

керосин из резервуара поднимается по трубке к головке горелки, где, нагреваясь от собственного пламени, он, прежде чем сгореть, превращается в газ. При течи, как в этом случае, воздух выходил из резервуара, и необходимое давление не создавалось. Такие «поломки» легко было исправить, да и случались о ни нечасто.

[\(обратно\)](#)

238

У нас в каяках всегда имелся запас продовольствия в небольших мешках, откуда легче было доставать каждый день необходимое, чтобы не трогать хорошо увязанных и зашитых больших мешков, служивших подстилкой для каяков.

[\(обратно\)](#)

239

Район, где в апреле 1895 г. находился Нансен (86° северной широты к северо-востоку от Земли Франца-Иосифа), лежит в области генерального дрейфа льдов Северного Ледовитого океана, выносимых через эту область в пролив между Гренландией и Шпицбергенем. Средние скорости дрейфа ледяных полей достигают здесь величины порядка 5—7 км в сутки, причем дрейф имеет западное-юго-западное направление. Предугадав общее направление выноса льдов Северного Ледовитого океана, Нансен, однако, не учел этого важного фактора при планировании санной экспедиции.

[\(обратно\)](#)

240

Когда мы покидали «Фрам», я предполагал идти на север в течение 30 дней. Из этого расчета мы захватили с собой продовольствие для собак.

[\(обратно\)](#)

241

Земля Петермана, как уже отмечалось выше, в действительности не существует.

[\(обратно\)](#)

242

В действительности до мыса Флигели оставалось больше 90 миль (670 км).

[\(обратно\)](#)

243

Эту широту я получил при беглом вычислении. Более тщательные расчеты дали широту $86^{\circ}13'36''$, долготу около 95° . Широта оказалась выше, чем мы могли ожидать, исходя из наблюдений за последние дни. По всей вероятности, лед снова понесло на север; несколько дней спустя (см. ниже) это подтвердилось.

[\(обратно\)](#)

244

Изменение к лучшему состояния льда после поворота на юг от 86 -й параллели объясняется, по-видимому, тем, что Нансен и его спутник покинули зону сильно востороженных льдов, лежащих к северу от Земли Франца-Иосифа, в полосе генерального потока льдов Центральной Арктики, выносимых в Гренландское море. Наличие в Северном Ледовитом океане областей сильно востороженных льдов и областей более спокойных подтверждено исследованиями последующих полярных экспедиций.

[\(обратно\)](#)

245

Я, впрочем, надеялся, что можно будет проверить наши часы, получив гринвичское время из наблюдения лунных расстояний[408]. Но, когда я хотел приняться за эти наблюдения, оказалось, что необходимые для расчета таблицы забыты на «Фраме».

[\(обратно\)](#)

246

Я чувствовал, что мы не могли достигнуть столь западной долготы, но предположил это для безопасности, так как хотел быть уверенным, что мы подойдем к Земле Франца-Иосифа с восточной ее стороны, а не с западной. Если бы, достигнув широты Земли Петермана или Кронпринца Рудольфа, мы не увидели их, то в первом случае я был бы уверен, что они находятся к западу от нас, и, следовательно, искал бы их в этом

направлении, тогда как в противном случае я не знал бы, в какой стороне нужно искать земли.

[\(обратно\)](#)

247

Мы принуждены были, таким образом, непрерывно изменять свой курс, так как, направляясь на юго-запад, пересекали ежедневно несколько градусов долготы, они в этих высоких широтах очень малы, под 86° северной широты длина каждого градуса долготы равна приблизительно 1 миле. Если бы мы шли прямо, то по мере прохождения меридианов наш курс, как истинный, так и взятый по магнитной стрелке, должен был изменяться.

[\(обратно\)](#)

248

Устойчивая ясная погода в марте – апреле характерна для Центральной Арктики. В этот период над значительной частью Центральной Арктики распространяется действие полярного антициклона и лишь изредка ясные, морозные погоды нарушаются вторжениями циклонов из Атлантики и Тихого океана.

[\(обратно\)](#)

249

Вследствие остановки часов 12 апреля все долготы, записанные в дневнике в течение остального путешествия, обозначены западнее, чем следует. Как видно из примечания к с. 539, это было сделано отчасти нарочно. Впоследствии ошибка оказалась равной $6,5^{\circ}$.

[\(обратно\)](#)

250

Палеокристический лед – термин, впервые примененный Г. Нэрсом в 1876 г. для наименования наиболее мощной разновидности паковых льдов Центральной Арктики. Имеются в виду компактные ледяные образования, напоминающие своими размерами и мощностью обломки глетчерных льдов, но образовавшиеся в результате торошения и надвигов друг на друга льдов морского происхождения.

[\(обратно\)](#)

251

Ни во время нашего санного путешествия, ни во время дрейфа на «Фраме» мы ни разу не встретили настоящих айсбергов, пока не приблизились к земле. В Полярном море нам попадался только м о р с к о й лед.

[\(обратно\)](#)

252

Проникновение песцов в высокие широты Центральной Арктики отмечалось всеми последующими путешественниками. Пири видел свежие следы песка около 87°47' с. ш. За 86 -й параллелью, далеко от земли, песцы подходили к месту дрейфа советского ледокольного парохода «Г. Седов» (1938—1940). Медведи появлялись в районе дрейфующей станции «Северный полюс-3» (в 1954 г.), во время ее нахождения вблизи Северного полюса.

[\(обратно\)](#)

253

Обычное на судне выражение Петтерсена для обозначения хорошего юго-восточного ветра, который превосходно гнал нас вперед на север.

[\(обратно\)](#)

254

На деле же прошло около трех месяцев (до 24 июля), прежде чем мы дождались этого чуда.

[\(обратно\)](#)

255

Как и в предыдущий день, лед на северной стороне полыньи двигался на запад по отношению к тому, который находился с ее южной стороны. То же самое происходило или казалось, что происходило, с полыньями, встреченными нами в этот день позднее. Мы видели в этом, конечно, доказательство того, что на севере происходил сильный западный дрейф льда, тогда как на юге его задерживала земля.

[\(обратно\)](#)

256

Трещины большей частью образуются при ветре, вызывающем подвижку льда.

[\(обратно\)](#)

257

Я откладывал эту работу как можно дольше, отчасти потому, что она должна была занять много времени, – а нам хотелось достигнуть земли прежде, чем лед сделается слишком труднопроходимым, и каждый день был дорог. Отчасти потому, что трудно было сделать эту работу хорошо при тех морозах, которые нас донимали. Притом можно было ожидать, что в каяках вскоре образуются новые дыры при опрокидываниях. Нужно еще добавить, что я по-прежнему не особенно был склонен спускать каяки в полыньи; по воде плавали обломки более или менее толстого молодого льда, через который трудно пробраться, даже защитив рамы каяков от повреждения их льдом оправой из нейзильбера и какой-нибудь наружной парусиновой обшивкой. Не меньшее неудобство заключалось, как уже упоминалось, в том, что вода, проникшая в обшивку, моментально бы замерзала и потом нелегко было от нее освободиться; при каждой переправе, следовательно, наш груз постепенно становился бы все тяжелее. Несомненно, целесообразнее было идти в любой самый большой обход, чем подвергать себя этим неудобствам и потере времени, которую такие неприятности могли повлечь за собой.

[\(обратно\)](#)

258

Сами того не зная, мы были в то время на одной широте с «Фрамом» и всего лишь в 28 милях от него.

[\(обратно\)](#)

259

Канадские, или индейские, лыжи напоминают по форме теннисную ракетку; плетеные из сухожилий и ремней из кожи, чаще всего американского лося, натянутых на гнутую раму упругого дерева. В длину они имеют немногим более метра, в ширину – около 40 см. Несущая

поверхность у них больше, чем у обычных лыж, и по рыхлому снегу они идут лучше; к тому же значительно легче наших лыж.

[\(обратно\)](#)

260

17 мая – национальный праздник норвежцев, день принятия Учредительным собранием в Эйдсволле в 1814 г. первой норвежской конституции. Учредительное собрание было создано патриотическими силами Норвегии в связи с подписанием Кильского мирного договора 1814 г., по которому Дания, побежденная в англо-датской войне, отказалась от своих прав на Норвегию в пользу Швеции.

[\(обратно\)](#)

261

Описывая встречающиеся среди льдов участки чистой воды, Нансен пользуется равнозначными терминами «полынья» и «разводье».

[\(обратно\)](#)

262

Нарвал, морской единорог (*Monodon monoceros* L.) – морское млекопитающее из семейства китообразных, водится в Северном Ледовитом океане, главным образом между 70° и 80° с. ш. Самцы имеют огромный бивень, торчащий из верхней левой челюсти. Нарвалы достигают 6 м в длину.

[\(обратно\)](#)

263

Это питье было приготовлено из таблеток lime -juice и frame-food-stamina, растворенных в нагретой воде.

[\(обратно\)](#)

264

Мыс Флигели – северный мыс острова Рудольфа (81°50' с. ш). Был посещен и назван Пайером в 1874 г.

[\(обратно\)](#)

265

Белый лед дает светлый отблеск, отчего над пространством, занятым льдом, небо кажется беловатым. Наоборот, всюду, где лежит

открытая вода, на небе появляется темно-синий отблеск, так называемое «водяное небо». Путешественник в Ледовитом море, следовательно, по виду неба может судить о том, в каком месте впереди него находится лед и в каком – открытая вода.

[\(обратно\)](#)

266

Действительно, мы находились восточнее, нежели полагали, примерно на $6\frac{1}{2}$ градуса. 14 апреля, как я и сам думал (см. мой дневник за этот день), принятая тогда мною долгота (86 восточной) была слишком западная.

[\(обратно\)](#)

267

Земля Короля Оскара была обозначена на карте Пайера к северо-западу от острова Рудольфа. Так же как Земля Петермана, в действительности не существует.

[\(обратно\)](#)

268

Для растаивания воды в кухонном аппарате лучше брать лед, чем снег, особенно если последний нестарый и незернистый. Свежий снег дает мало воды и требует много тепла для оттаивания. Морской лед, пролежавший лето под действием солнечных лучей, освобождается в тех частях, которые находятся над водой, особенно в выступающих наверх льдинах, от большинства содержащихся в нем солей; рассол просачивается мало-помалу вниз, сквозь поры льда, и такой лед дает превосходную питьевую воду. Некоторые экспедиции разделяли предрассудок, что опасно пользоваться для питья водой, приготовленной из льда, в котором осталось хотя бы малейшее количество соли. Это заблуждение стоило, например, экипажу «Жаннетты» многих ненужных тревог, так как они думали, что для предупреждения цинги нужно дистиллировать воду, прежде чем ее пить.

[\(обратно\)](#)

269

Основная ошибка первооткрывателя Земли Франца-Иосифа Юлиуса Пайера (австро-венгерская полярная экспедиция на судне «Тегеттгоф», 1872—1874 гг.), карта которого дезориентировала Нансена, заключалась в том, что он представил себе Землю Франца-Иосифа не архипелагом островов, а состоящей из двух больших площадей суши, разделенных одним большим проливом. Открытый им пролив Пайер назвал Австрийским, а двум частям архипелага дал имена в честь австрийских меценатов – графов Вильчека и Зичи, финансировавших экспедицию на «Тегеттгофе». Эта ошибка в какой-то мере объясняется тем, что Пайер совершал свое санное путешествие по архипелагу в период, когда острова и проливы были покрыты сплошным снежным покровом. В настоящее время в архипелаге Земли Франца-Иосифа насчитывается около 130 островов. Наименование Земли Вильчека сохранено за большим островом в восточной части архипелага (к востоку от Австрийского пролива). Кроме того, имеется небольшой остров Вильчека на юге архипелага, вблизи острова Сальм.

[\(обратно\)](#)

270

Как выяснилось позднее, изложенные здесь мои предположения были не совсем правильны. В этот момент мы были действительно на севере или северо-востоке от Земли Вильчека. Но эта земля, по-видимому, представляет собой лишь небольшой остров. А там, где образовался этот лед, должны были в предыдущую осень простираться большие пространства открытой воды. Такие пространства могли быть вблизи и в других местах, если вспомнить, сколько открытой воды видели мы сами позднее, во время зимовки на северо-западном берегу Земли Франца-Иосифа.

[\(обратно\)](#)

271

Лапландские каньги делаются целиком из оленьих шкур шерстью наружу, тогда как у комаг только голенища изготовлены из таких шкур, головки же из дубленой сыромятной кожи, большей частью воловьей или тюленьей без меха. Они прочны и непромокаемы.

[\(обратно\)](#)

272

Птица из отряда буревестников, или трубконосых, замеченная 29 мая Ф. Нансеном, по-видимому, кругополярный глупыш (*Fulmarus glacialis*), единственный вид из буревестников, обитающий в Северном Ледовитом океане. Глупыш – типично морская птица, гнездится на арктических островах, отдыхает и спит на воде, пищу (морских беспозвоночных, отбросы от крупных морских зверей) добывает с поверхности воды.

[\(обратно\)](#)

273

В современной отечественной научной литературе паком называют только многолетний арктический лед, характерный для высоких широт Центральной Арктики. Это крупные ледяные поля, плотно прижатые друг к другу, так что общее пространство открытой воды между ними даже в летнее время не превышает нескольких процентов. Толщина паковых полей принимается порядка 3 м. Для них, как указывалось выше, характерна выровненная и сглаженная верхняя поверхность. Нансен употребляет термин пак в ином значении – как название обычного битого плавучего льда.

[\(обратно\)](#)

274

Это, несомненно, был тюлень, который часто издает звук, похожий на протяжное «хо».

[\(обратно\)](#)

275

Для однолетнего льда (т. е. образовавшегося прошедшей осенью или зимой) толщину в 60—90 см следует считать минимальной. Вернее это был еще более молодой лед, образовавшийся незадолго до прохода по нему Нансена. Такой лед выдерживает не только тяжесть человека, но даже трактора и автомобиля.

[\(обратно\)](#)

276

Мы шли по такому льду, начиная приблизительно с 82°52 северной широты вплоть до 82° 19 северной широты, из чего следует, что открытая вода находилась здесь некогда на протяжении 8 миль (33 широты). Южнее мы тоже нашли значительное пространство такого же льда, и, следовательно, открытое море было там еще более значительным.

[\(обратно\)](#)

277

Серебристая чайка (*Larus argentatus* Pont) – менее распространена в высоких широтах, чем сходная с ней белая чайка (*Pogorhila ebernea* Phipps).

[\(обратно\)](#)

278

Это был первый дневник, который я вел во время нашей санной экспедиции.

[\(обратно\)](#)

279

До сих пор мы ели, сколько хотели, не взвешивая порций. Оказалось все же, что мы съедали не больше той нормы, какую я первоначально рассчитал (1 кг сухого продовольствия). Теперь мы значительно уменьшили этот дневной рацион.

[\(обратно\)](#)

280

Пролив Роулинсона, обозначенный Пайером на его карте Земли Франца-Иосифа (между Землей Кронпринца Рудольфа и Землей Вильчека, простирающихся, по мнению Пайера, севернее 82° с. ш.), на самом деле не существует. Остров Рудольфа доходит только до 81°50' с. ш., а на востоке омывается водами Северного Ледовитого океана.

[\(обратно\)](#)

281

Наст – осевший после оттепели и отвердевший от мороза снег, выдерживающий человека, а иногда и лошадь. Часто в виде небольшой по толщине оледенелой корки на поверхности снега.

[\(обратно\)](#)

282

В действительности эти колебания вызывались, по-видимому, сжатием или столкновением льдин. Мы наблюдали такие же движения и впоследствии.

[\(обратно\)](#)

283

Среди немногочисленной орнитофауны Земли Франца-Иосифа (по данным советского биолога Г. П. Горбунова, встречается только 28 видов птиц, включая и случайно залетных) люрики, или малые гагарки (*Alle alle* L), наиболее многочисленны. На Землю Франца-Иосифа люрики прилетают очень рано, еще в феврале. С начала июня они устраивают колонии на скалах (птичьи базары). Отлетают на юг во второй половине сентября.

[\(обратно\)](#)

284

Gadus polaris, обнаруженная Ф. Нансеном, вероятно, сайка (*Boreogadus saida* L.) – циркумполярный вид мелкой рыбы из семейства тресковых, распространенный повсеместно в водах высоких широт Северного Ледовитого океана. Средний размер 20—23 см, редко достигает 25—26 см.

[\(обратно\)](#)

285

В первый раз нашли мы на льду воду, годную для варки пищи хотя и солоноватую, так что рыбная запеканка (*fiskegratin*) вышла немного пересоленной.

[\(обратно\)](#)

286

Как я уже упоминал, на этом отрезке пути мы находились примерно на 6 1/2 градуса восточнее, нежели полагали.

[\(обратно\)](#)

287

Я называл так свои карманные часы работы лондонского часовщика Йохансена.

[\(обратно\)](#)

288

В действительности, мы находились весьма близко от предполагаемого пункта. А земли мы не видали по той простой причине, что, как это оказалось впоследствии, ее вовсе не существует там, где мы ожидали ее встретить.

[\(обратно\)](#)

289

На карте Пайера массив Земли Вильчека простирался севернее 82 - й параллели. Мыс Будапешт был обозначен им на северо - западном берегу этого массива суши. В действительности мыса Будапешт не существует, а островные территории в этой части Земли Франца-Иосифа простираются лишь немногим севернее 81 ° с. ш.

[\(обратно\)](#)

290

Хорошая ляпка – вещь весьма важная; имея хорошую упряжь, утомляешься меньше – особенно при больших переходах, нежели применяя обыкновенный ремень или веревку, перекинутую через плечо и затем обхватывающую грудь наискосок. Наша ляпка состояла из двух ремней, перекинутых через оба плеча и перекрещивавшихся на груди, подобно ремням ранца. На спине она прикреплялась к поясу, к которому привязывались также веревочные гужи от нарт. Таким образом, когда тащишь нарты, тяжесть распределяется равномерно на оба плеча и на поясной ремень (т. е. на поясницу и на живот). Центр тяжести передвигался, следовательно, ниже – как раз повыше ног, которые и производят работу – и ляпка не давила на одну только верхнюю часть туловища.

[\(обратно\)](#)

291

Морской заяц, лахтак (*Erignathus barbatus* ?) – самый крупный представитель семейства настоящих тюленей. Достигает в длину 2—2,5 м. Вес 250—300 кг. Распространен кругополярно.

[\(обратно\)](#)

292

Бестун, Бюгде, Скарпсно – названия станций между Люсакером, где находилась вилла Нансена, и городом Осло.

[\(обратно\)](#)

293

Район похода Нансена в июне – июле 1895 г. лежал на пути циклонов, распространяющихся от исландского минимума, чем и обуславливались колебания летних температур и большое количество осадков, выпадающих в виде снега. Многолетние наблюдения показывают, что в юго-западной части Земли Франца-Иосифа количество осадков достигает 240 мм, из них 170 мм в виде снега. На северо-востоке архипелага осадков меньше, но доля снега больше.

[\(обратно\)](#)

294

3 июля, когда Нансен заметил ледяную гору, он находился примерно на 82°08' с. ш. и 69° в. д. Восточнее этого района, по данным современных исследователей, проходит трасса наиболее интенсивного выноса айсбергов, образующихся на Земле Франца-Иосифа. Предположение Нансена о материковом происхождении замеченной им ледяной горы вполне оправдано и вероятно.

[\(обратно\)](#)

295

Сравни, однако, что я писал об этом позже, 24 июля.

[\(обратно\)](#)

296

Она была взята на тот случай, если бы понадобилось припаивать что-нибудь в кухонном аппарате или в окованных нейзильбером полозьях нарт.

[\(обратно\)](#)

297

Палатку мы под конец решили все -таки взять с собой.

[\(обратно\)](#)

298

Того парусника, который мы рассчитывали найти на Шпицбергене.

[\(обратно\)](#)

299

Это предположение, однако, крайне сомнительно.

[\(обратно\)](#)

300

Впоследствии оказалось, что это была Земля Кронпринца Рудольфа.

[\(обратно\)](#)

301

В действительности мы были теперь едва ли не дальше от земли, чем прежде.

[\(обратно\)](#)

302

Чем дальше мы подвигались, тем чаще видели этих замечательных птиц.

[\(обратно\)](#)

303

Обыкновенно, переправляясь через полыньи, мы ставили рядышком наши каяки, не снимая с нарт, связывали их вместе и скрепляли, просовывая лыжи под поперечные стропы. Каяки принимали при этом вполне устойчивое положение. Затем спускали каяки на воду вместе с привязанными снизу нартами. Потом мы сами влезали в каяки, втаскивали собак и переправлялись через полынью, а на другом ее берегу втаскивали нарты снова на лед.

[\(обратно\)](#)

304

Поход «десяти тысяч» – героический переход 10 тысяч греков, участвовавших в составе войск персидского военачальника Кира

Младшего в военном походе против его брата – персидского царя Артаксерка II. В 401 г. до н. э. в битве при Кунаксе, недалеко от Вавилона, в глубине Персидского царства, греки одержали победу над полчищами царя Артаксерка, но Кир Младший был убит. Преследуемые противником, греки вынуждены были отступать через Месопотамию, Армению, Малую Азию к Византии. Этот выдающийся поход описан Ксенофонтом – предводителем отступления «10 тысяч» через вражескую землю в книге «Анабасис» (издана со вступительной статьей М. И. Максимовой. – М.; Л., 1951). Ксенофонт (ок. 434—359 гг. до н. э.) – последователь Сократа, видный греческий историк и философ.

[\(обратно\)](#)

305

Первый остров я назвал островом Евы, второй – островом Лив, а маленький, на который мы взбирались, островом Аделаиды. Четвертый остров, к югу от нас, кажется, видел Пайер и назвал его островом Фреден. Всему архипелагу я дал название Белая Земля (Hvidten land)[409].

[\(обратно\)](#)

306

Интенсивное оледенение Земли Франца-Иосифа обуславливается суровыми климатическими условиями в прошлом и настоящем, а также своеобразием рельефа архипелага. Даже мелкие островки покрыты здесь сплошным льдом. Исключением является только остров Грезм-Белл, в северной части которого имеются большие площади, свободные ото льда. Из общей площади архипелага в 18 940 кв. км 15 300 кв. км (т. е. 91%) покрыты ледниками. Мощность льда на крупных островах достигает 250 м (на землях Вильчека, Георга, Александры), на мелких – 100—150 м. Многие ледники имеют правильную куполообразную форму. Общий объем льдов, залегающих на архипелаге, – 1500 куб. км.

[\(обратно\)](#)

307

Так как существуют описания ледяных гор (айсбергов) на Земле Франца-Иосифа весьма значительных размеров, могу отметить, что за

все наше путешествие по этой островной группе мы не видели ничего подобного; упомянутая здесь гора была самая большая, все же и она в сравнении с гренландскими айсбергами казалась просто обломком ледника небольшой величины.

[\(обратно\)](#)

308

Я писал в своем дневнике о граните, тогда как на самом деле это был очень крупнозернистый базальт или диабаз. Образцы, взятые мной, к сожалению, пропали!

[\(обратно\)](#)

309

Я назвал его островом Хоуэна[410].

[\(обратно\)](#)

310

Эти острова и островки у Пайера были обозначены под общим названием Кобургских островов[411]. Однако их взаимное расположение дано на его карте неправильно, так как самый большой остров, названный мной островом Торупа, расположен не к северу от маленьких островков, а к югу от них.

[\(обратно\)](#)

311

Луда – вошедшее в научную литературу поморское название небольшого, без растительности каменистого островка. Лудой часто называют прибрежную каменистую мель (аналогично термину «карга»).

[\(обратно\)](#)

312

Земля Короля Оскара, как уже отмечалось, в действительности не существует.

[\(обратно\)](#)

313

Остров Торупа.

[\(обратно\)](#)

314

Окраску эту придают красные микроскопические водоросли, растущие на снегу (большей частью *Sphaerella nivalis*). Местами в снегу попадались и желто-зеленые пятна, которые, несомненно, следует приписать присутствию других видов водорослей.

[\(обратно\)](#)

315

Впоследствии оказалось, что это была Земля Кронпринца Рудольфа.

[\(обратно\)](#)

316

Мыс, достигнутый Нансеном 17 августа, от которого земля поворачивала на юго-запад, видимо, мыс Бэм – северная оконечность острова Карла-Александра.

[\(обратно\)](#)

317

Эту гору Пайер, вероятно, и назвал мысом Фельдера. Мне кажется, я узнаю ее на одном из его эскизов, сделанных на мысе Бророк.

[\(обратно\)](#)

318

У мыса Брёггера.

[\(обратно\)](#)

319

Canale grande – Большой Канал в Венеции, главный из 157 каналов этого города. Протянувшись на несколько километров, разделяет город на две неравные половины.

[\(обратно\)](#)

320

Мыс Клементса Маркхема[412]

[\(обратно\)](#)

321

Мыс Хелланда[413].

[\(обратно\)](#)

322

Ханаан – библейское название земли, заселенной евреями, по обе стороны реки Иордан. Название применяется часто иносказательно, как наименование земли обетованной, изобилующей природными богатствами.

[\(обратно\)](#)

323

Экспедиция шотландского яхтсмена Лей-Смита с участием натуралиста В. Гранта и врача Нила на деревянной паровой яхте «Эйра» работала на Земле Франца-Иосифа в 1880 и 1881 гг. На острове Белль (в юго-западной части архипелага, под 80° с. ш. и 49° в. д.) в бухте, названной в честь корабля, была устроена основная база. Экспедиция Лей-Смита провела обширные работы, открыла многие острова, в том числе самые крупные, получившие названия «Земля Принца Георга», «Земля Александры» и ряд других, а также второй крупный пролив архипелага, названный «Британский канал». Лей-Смит и его сотрудники собрали ценные геологические, ботанические и другие коллекции. В 1881 г. яхта «Эйра» была раздавлена льдами вблизи мыса Флора (у острова Нордбрук), а члены экспедиции после трудной, но благополучной зимовки на четырех лодках в 1882 г. добрались до Новой Земли, где стояли ищущие их суда. Домик Лей-Смита в гавани Эйры на острове Белль до последнего времени сохранялся в полном порядке.

[\(обратно\)](#)

324

На мысе Хелланда.

[\(обратно\)](#)

325

То, что Ф. Нансен принял за пролив и на своей карте назвал проливом Бака, на самом деле является глубоким заливом, вдающимся в остров Джексона (носит название залив Де Лонга). Остров Лей Смита, на карте Нансена отделенный этим проливом от острова Джексона, является полуостровом и частью последнего.

[\(обратно\)](#)

326

Я собирал образцы различных горных пород, а также мхов, лишайников и прочего, что встречалось нам во время путешествия. Зимой эту коллекцию утащили песцы, и поэтому из области, лежащей к северу от нашей зимней хижины, я привез лишь немного.

[\(обратно\)](#)

327

Этот мыс, должно быть, видел издали Джексон весной 1895 г. На моей карте поэтому ему не дано никакого названия. Другое дело острова, лежащие против него, которые Джексон не мог заметить. На моей карте они обозначены приблизительно как остров Хельмюйдена и остров Александра, но я не уверен в их числе и точном местоположении.

[\(обратно\)](#)

328

Положение трех островов, которые видны были из нашей зимней хижины, впоследствии мы определили пеленгованием. По всей вероятности, они являлись той землей, которую Джексон принял за Землю Короля Оскара. Так как он видел их только с одного пункта, с места, которое назвал мысом Фишера, находящегося, однако, гораздо южнее, а именно под 81° северной широты, то, неправильно рассчитав расстояние до них, пометил их на 40° севернее, чем следует (т. е. под 82°). (См. его карту в «The Geographical Journal». Т. VII. № 6. Лондон, декабрь 1896 г.)

[\(обратно\)](#)

329

На карте назван Стейнен.

[\(обратно\)](#)

330

Уже одно это свидетельствует, по-моему, что моржей мало трогает присутствие медведей и что последние неохотно связываются с моржами. Впоследствии это убедительно подтвердилось.

[\(обратно\)](#)

331

Я был вполне уверен, что мы находимся на западном берегу Земли Франца-Иосифа, несколько севернее крайней северо-западной точки, достигнутой Лей-Смитом, т. е. мыса Лофлей, который должен был лежать немного южнее 81 северной широты, тогда как наше наблюдение, сделанное в этот день, показало, что мы находимся примерно под 81°14 северной широты.

[\(обратно\)](#)

332

К началу XX в. численность моржей в Арктике в результате хищнического промысла в Баренцевом, Карском, Чукотском и Беринговом морях сократилась. В 1954 г. в Копенгагене на Ассамблее Международного комитета по охране природы с участием представителей нашей страны принято решение об издании специальной Международной конвенции по охране моржа, белого медведя и гренландского тюленя и строгом лицензионном регулировании промысла этих арктических животных.

[\(обратно\)](#)

333

Этот береговой лед, сидящий на дне, примерзает ко дну и поэтому остается лежать в виде ледяного фундамента вдоль берега, даже когда поверхность моря освобождается ото льда. Текущая с берега более теплая вода между этим ледяным фундаментом и берегом нередко образует открытую полынью.

[\(обратно\)](#)

334

Белуха, иногда белуга – белый кит (*Delphinapterus leucas*), крупное млекопитающее из подотряда зубатых китов. Достигает длины 6 м и веса до 1,5 т. Название получила за характерную белую окраску взрослых особей (окраска новорожденных до одного года – синяя, в дальнейшем переходит в голубую и белую). Хорошо приспособлена для жизни во льдах, распространена кругополярно, населяет арктические и прилегающие к ним моря. Питается рыбой, ракообразными и

моллюсками. Живет стаями, численностью от нескольких десятков до тысяч голов. Совершает регулярные сезонные миграции.

[\(обратно\)](#)

335

Это был минимальный термометр, которым можно было пользоваться и в качестве пращевого.

[\(обратно\)](#)

336

Под горой часто дул очень свежий ветер. В другой раз ветром сломало одну из моих лыж, воткнутую в снежный сугроб возле хижины. Это были крепкие кленовые лыжи.

[\(обратно\)](#)

337

Сурт – один из богов древненорманской мифологии. Муспельхейм – страна вечного огня.

[\(обратно\)](#)

338

Согласно древнескандинавской мифологии, Норны – богини судьбы; их было три: одна держала в своих руках нити прошлого, другая – настоящего, третья – будущего (В. В).

[\(обратно\)](#)

339

Только в Рождественский сочельник да в канун Нового года мы позволили себе тронуть запасы санной провизии, которые берегли в дорогу для путешествия на юг.

[\(обратно\)](#)

340

Этот грохот в леднике происходит при образовании трещин в массе льда, сжимающейся от мороза. Новые трещины образуются, по-видимому, когда температура снижается ниже, чем она была раньше, в течение зимы; только тогда мы и слышали грохот.

[\(обратно\)](#)

341

Гейзе Пауль – немецкий писатель, новеллист и драматург второй половины XIX в. Сюжеты его новелл, действие которых происходило в Италии и Провансе, составляли любовно-эротические темы.

[\(обратно\)](#)

342

«Загадочная Земля Гиллиса» до Нансена на протяжении почти двух веков привлекала внимание полярных путешественников. «Открытие» ее приписывается китобоем Корнелиусу Гиллису (по другим источникам Гилес), который в 1707 г. поднялся приблизительно на один градус севернее Шпицбергена и увидел вдали гористый берег неизвестной земли. Об этом было доложено Лондонскому королевскому географическому обществу и английскому правительству. Сообщение побудило организовать розыски, но они оставались безуспешными. Однако загадочную землю продолжали обозначать на картах. Местоположение ее нередко менялось в связи с неясными сообщениями о «виденных землях», поступавшими от китобоев. Нансен предположил, что он достиг какой-то новой обширной земли и связал это с «загадочной землей» китобоя Гиллиса.

[\(обратно\)](#)

343

Впоследствии оказалось, что до нее было около 12 норвежских миль [около 90 км].

[\(обратно\)](#)

344

Люрик – истинный абориген Земли Франца-Иосифа. Он гнездится везде, где только найдется для него подходящий обрыв или подходящая осыпь; гнездится он всегда в большом количестве. (Горбунов Г.П. Птицы Земли Франца-Иосифа, Труды Всесоюзного Арктического института. – Л., 1932. Т. IV.)

[\(обратно\)](#)

345

Теперь, с наступлением весны, мы имели полную возможность наблюдать, как в определенные часы дня люрики большими стаями, а

кайры большей частью в одиночку летели от берега к открытому морю. В другое время дня они такой же непрерывной цепью возвращали сь над одетыми в лед фьордами обратно к своим «базарам».

[\(обратно\)](#)

346

Описка, следовало – 102° восточной долготы.

[\(обратно\)](#)

347

В действительности острова эти лежат несколько севернее.

[\(обратно\)](#)

348

Джексон назвал его мысом Мак-Клинтока (M'Clintock)[414].

[\(обратно\)](#)

349

Джексон, видевший остров весной 1895 г., назвал его именем Мэри-Елизаветы[415].

[\(обратно\)](#)

350

Это был мыс, названный Джексоном мысом Фишера.

[\(обратно\)](#)

351

Следует иметь в виду, что морж обладает очень плохим зрением. Даже за несколько метров, пристально рассматривая предмет, из-за близорукости он не может разобрать, что это такое. Лучше развит у моржей слух и особенно хорошо обоняние. Во время похода Нансена моржи на Земле Франца-Иосифа еще не были напуганы человеком.

[\(обратно\)](#)

352

После плавания у берегов острова Салисбюри 4 июня Нансен высадился на остров Луиджи.

[\(обратно\)](#)

353

Это было на южной стороне мыса Рихтгофена[416], самой северной точки, достигнутой Джексонем весной того же года, но ранее нас.

[\(обратно\)](#)

354

Широкий пролив, пересеченный 6 июня, – это пролив Маркхема, который делит центральную группу островов архипелага на две части – южную и северную.

[\(обратно\)](#)

355

Большой остров, который Нансен видел к западу при движении по проливу Британский канал, – это Земля Принца Георга, крупнейший остров архипелага.

[\(обратно\)](#)

356

Впоследствии оказалось, что это был остров Гукера (Ноокер)[417].

[\(обратно\)](#)

357

Оказалось, что это был остров Нордбрук (Northbrook).

[\(обратно\)](#)

358

Это был пролив между островами Нордбрук и Брюса – с одной стороны – и мысом Петерхэд на Земле Александры – с другой. [В действительности, мыс Петерхэд лежит на Земле Принца Георга, которую Нансен ошибочно считал частью Земли Александры. Пролив, о котором идет речь, носит название Британского Канала.]

[\(обратно\)](#)

359

Мыс Баренца[418].

[\(обратно\)](#)

360

Эпизод спасения моржихой убитого детеныша, описанный Нансеном, не является исключительным. Стадные и материнские

инстинкты у моржей развиты очень сильно. Особенно эти инстинкты проявляются при нападении промышленников на залежки моржей на льду. «Убитых, оставшихся на льдине, живые упорно стремятся столкнуть в воду, – рассказывает А. И. Минеев. – Часто всем стадом, с оглушительным ревом и сопением, шли они к льдине на выручку товарищам. <...> Некоторым из них, несмотря на огонь, удавалось выбраться на лед, и если такой морж не падал убитым, он сбрасывал в воду туши убитых товарищей. <...> Убитых на воде моржат, если они не загарпунены, заполучить в большинстве случаев не удастся: моржихи незаметно для промышленников подходят к ним под водой и утаскивают их. Тяжело раненных моржей, потерявших способность самостоятельно двигаться, не покидают собратья. Я наблюдал, как раненый морж в десятки пудов весом был окружен пятью-шестью моржами и, поддерживаемый ими, еле двигаясь, уходил от места боя» (Минеев А. Н. Остров Врангеля. – М.; Л., 1946).

[\(обратно\)](#)

361

Ледяная подошва – это часть льдины, выступающая вперед под поверхностью воды. Она образуется в результате того, что летом в море на поверхности обыкновенно находится слой более теплой воды и лед сильнее стаивает на поверхности, чем на глубине.

[\(обратно\)](#)

362

Зиму 1881/82 г., после гибели экспедиционного судна «Эйра», экспедиция Лей-Смита провела на мысе Флора острова Нордбрук.

[\(обратно\)](#)

363

Хотя Нансен признал «справедливыми» уверения Йохансена о том, что Пайер не мог допустить грубых ошибок на своей карте, но на самом деле она оказалась во многом ошибочной.

[\(обратно\)](#)

364

Не сплю ли я? Не сон ли это?

Удивляться ли мне или сомневаться?

Действительность ли это?

Или просто видение?

[\(обратно\)](#)

365

Как поживаете?

[\(обратно\)](#)

366

Я чертовски рад вас видеть. Благодарю, я также. Вы здесь с кораблем? Нет, мой корабль не здесь. Сколько вас? Со мной один товарищ; он там, у кромки льда.

[\(обратно\)](#)

367

– Не Нансен ли вы? – Я самый. – О, Юпитер! Я рад вас видеть.

[\(обратно\)](#)

368

– Откуда вы теперь? – Я покинул «Фрам» на 84 северной широты после двухгодичного дрейфа во льдах и добрался до параллели 86° 15'. Там мы были вынуждены повернуть и направиться к Земле Франца-Иосифа. Нам, однако, пришлось зазимовать к северу от этого места. Сейчас мы на пути к Шпицбергену. – Поздравляю от всего сердца. Вы совершили прекрасное путешествие, и я невероятно рад, что первый могу поздравить вас с возвращением.

[\(обратно\)](#)

369

Много места.

[\(обратно\)](#)

370

Он доходил до мыса Рихтгофена, расположенного примерно в 35 морских милях к югу от нашей зимовки.

[\(обратно\)](#)

371

Экспедиция привезла с собой несколько русских лошадей, из которых в живых я застал только одну.

[\(обратно\)](#)

372

Экспедиция Фредерика Джексона, работала на Земле Франца - Иосифа с 1894 по 1897 г. Она осуществила множество открытий, собрала обширные материалы по геологии, ботанике и зоологии, впервые в течение трех лет вела здесь метеорологические наблюдения. В 1897 г., после отъезда Нансена, Джексон обследовал северо-западную часть архипелага, в том числе два крупнейших острова – Землю Принца Георга и Землю Александры.

[\(обратно\)](#)

373

У нас не было морского календаря за 1896 г., и я принужден был до этого пользоваться прошлогодним.

[\(обратно\)](#)

374

Payer. Die österreichische-ungarische Nordpolexpedition in den Jahren 1872–1875. S. 306.

[\(обратно\)](#)

375

Кетлитца осуществил геологические исследования и описания строения островов в южной и центральной частях архипелага (Нордбрук, Мебель, Белль, Скотт-Кельти и др.).

[\(обратно\)](#)

376

Аммониты (Ammonoidea) – обширный отряд вымерших хищных головоногих моллюсков, обладавших наружной раковинной, большей частью завитой в плоскую спираль. Белемниты (Belemnites) – хищные головоногие моллюски, обладавшие хорошо развитой внутренней раковинной. Благодаря всемирному распространению различных форм аммониты и белемниты служат геологам «руководящей фауной» для определения возраста встреченных ими отложений.

[\(обратно\)](#)

377

Где их обыкновенно называют диабазами.

[\(обратно\)](#)

378

Нунатак – эскимосское название отдельной скалы, торчащей из сплошного ледяного или снежного покрова, одевающего острова и земли полярных архипелагов, например Гренландии.

[\(обратно\)](#)

379

Лей-Смит привез еще раньше со Шпицбергена окаменелую шишку, относящуюся, по определению Каррутера (Carruther), к роду Pinus; но он относит ее к верхним слоям мелового периода.

[\(обратно\)](#)

380

Юрская флора из базальтовой толщи, найденная на мысе Флора, детально описана Ф. Нансеном и А. Натгорстом в трудах экспедиции на «Фраме». (См.: Nansen F., A geological Sketch of cape Flora and its Neighbourhood; Nathorst A. Fossil plants from Franz-Josef Land. В книге «The Norwegian North Polar Expedition 1893—1896. Scientific Results». – Christiania, 1900. – Т. I.)

[\(обратно\)](#)

381

Поразившие Ф. Нансена сообщения о фотографировании сквозь дверь и просвечивании человеческого тела были вызваны открытием в 1895 г. немецким физиком Вильгельмом Конрадом Рентгеном (1845 — 1923) так называемых рентгеновских лучей, которые уже в конце 1895 г. были применены для рентгенодиагностики.

[\(обратно\)](#)

382

Я и не подозревал тогда, что через год одним из этих пароходов будет командовать Отто Свердруп.

[\(обратно\)](#)

Андрэ Соломон Август (1854—1897) – шведский инженер, один из первых применил воздушный шар для исследования Арктики. В 1896 г. полет Андрэ к полюсу не состоялся из-за неблагоприятной погоды. В следующем году 11 июля 1897 г. Андрэ с двумя спутниками – Стриндбергом и Френкелем – на воздушном шаре «Орел» собственной конструкции вылетел со Шпицбергена, собираясь достичь Северного полюса. Экспедиция пропала и лишь через 33 года была случайно обнаружено то, что осталось от нее, на острове Белом к востоку от Шпицбергена. По уцелевшим дневникам удалось восстановить историю аварии «Орла», похода Андрэ и его команды по льду (плавучему) до острова, жизнь на нем до момента неожиданной гибели по неизвестным причинам. Подробно история этого трагического путешествия рассказана в книге «Гибель экспедиции Андрэ» (Пер. с норв. – Л.; М., 1931).

[\(обратно\)](#)

На пути из Вардё в Берген Нансена встретил делегат Русского географического общества Э. В. Толль. Он пересел на «Фрам», где передал славному норвежцу сердечный привет русских ученых. Доехав на «Фраме» до Бергена, Толль дальше отправился сухим путем в Осло, куда прибыл вечером того дня, когда в честь Нансена был устроен торжественный обед в присутствии норвежского короля. На обеде Толль еще раз публично выразил Нансену восхищение русских ученых в связи с успехом его путешествия. В ответной речи Нансен указал, что этому успеху во многом содействовали его предшественники, в том числе герои-мореплаватели Дежнев, Челюскин, Прончищев, Лаптевы и др., открывшие и исследовавшие берега Сибири от Оби до Берингова пролива. Отчет Э. В. Толля о его поездке был заслушан на заседании Русского географического общества 2 октября 1896г. и напечатан в журнале «Естествознание и география» (1896. – Т. II. – № 8. С. 882–886), а также в «Известиях Русского географического общества» (1896. – Т. XXXII. – Вып. VI. – С. 537—540).

[\(обратно\)](#)

385

Гурии – по-русски (по-английски – cairn) – приметные знаки в виде кучи камней, которые ставят обычно полярные путешественники.

[\(обратно\)](#)

386

Морская международная миля принимается равной 1' дуги меридиана, т. е. 1852,2 м. В дневнике Нансена при описании санной экспедиции употреблялась норвежская, или немецкая, географическая миля, равная $1/15^\circ$ экватора, т. е. 7420,4 м.

[\(обратно\)](#)

387

Барнет, весивший всего 17 кг и бывший одной из самых маленьких наших собак, отличался боевым характером и почти всегда задира л первым.

[\(обратно\)](#)

388

Полушканцы – часть верхней палубы судна в его кормовой части. Реллинги – железные стойки с продольными прутьями вдоль палубы.

[\(обратно\)](#)

389

18 апреля я и доктор, выйдя поискать кусок льда для определения его удельного веса, заметили замечательную каплю воды, которая висела над выступающим углом большой, высоко взгромоздившейся ледяной глыбы. Она висела в тени и дрожала на свежем ветру, хотя тогда было около 23 С мороза! «Она должна быть очень солон а», – сказал я и попробовал ее. Тьфу! Да, она, действительн о, была очень солон а; это была прямо голая соль, самый крепкий рассол.

[\(обратно\)](#)

390

«Чистый флаг» – т. е. чисто норвежский.

[\(обратно\)](#)

391

В надписи на плакате – игра слов: по-норвежски «Вперед» – «Fram» (это и слова призыва, и название судна экспедиции). Надпись была адресована одновременно и членам экспедиции, и норвежскому народу.

[\(обратно\)](#)

392

Улицы Карла Иохана и Киркегатен (Церковная) – главные, центральные улицы в столице Норвегии – Осло.

[\(обратно\)](#)

393

Фэстнингсплассен (Крепостная площадь) – одна из главных площадей в столице Норвегии, перед старинной крепостью Акерсхус (Akershus), построенной в первой половине XVII в.

[\(обратно\)](#)

394

По-английски так называют мясо, нарезанное тонкими ломтиками.

[\(обратно\)](#)

395

Лапландская вежа – жилое строение саами, сложенное остроконечно из жердей и покрытое хворостом, мхом и дерном, чем отличается от крытых шкурами или берестой чума и юрты, применяемых другими северными народностями.

[\(обратно\)](#)

396

Это красное вино было специально для данного случая приготовлено из сока сушеной брусники и чертики с добавлением некоторого количества спирта. Я получил немало похвал за этот напиток и не раз угощал им товарищей впоследствии.

[\(обратно\)](#)

397

Шуга – перешедшее от поморов в научную литературу название сбитого в кучи под действием течений и волнений молодого льда различного вида – снежного сала, лепешек блинчатого льда, снежуры.

[\(обратно\)](#)

398

Замеченное О. Свердрупом образование подводного, глубинного льда хотя и редкое, но известное в науке явление. Такой лед, как отмечает океанограф Н. Н. Зубов, образуется при низких температурах воздуха и отсутствии ледяного покрова на поверхности. Эти ледяные образования благодаря своим небольшим размерам и малому отличию по плотности от воды могут длительное время находиться во взвешенном состоянии, до тех пор пока внешние воздействия не облегчат им всплытие на поверхность моря. Глубинный лед часто образуется на поверхности раздела между сильно охлажденной соленой морской водой и растекающейся по ее поверхности тоже холодной, но сильно распресненной водой. Особенно заметно это явление при тихой погоде, когда верхний и нижние слои, значительно отличающиеся друг от друга по плотности, почти не перемешиваются.

[\(обратно\)](#)

399

На прохождение 180 морских миль при форсировании более или менее сплоченных льдов, потребовалось, следовательно, 28 дней.

[\(обратно\)](#)

400

Рёдебэй (Красная бухта) – один из фьордов Шпицбергена, вблизи его северо-западной оконечности. Название получил за особый красно-мясистый цвет береговых базальтовых скал.

[\(обратно\)](#)

401

«Заключительное слово» Фритьофа Нансена, подводящее некоторые предварительные итоги работы Норвежской полярной экспедиции 1893—1896 гг. и дающее представление о том, чего достигла она, что выяснила нового об Арктике, Северном Ледовитом океане, печатается по тексту наиболее авторитетного последнего научно подготовленного двухтомного издания 1956 г. книги ««Фрам» в Полярном море», использующего в данном случае русский перевод 1898

г.: В стране льда и ночи /Пер. с норв. А. М. Филиппова. – СПб., 1898 г. – Ч. II. – С. 314—343. (Приложение к журналу «Вестник иностранной литературы»).

Следует отметить, что исследования, проведенные экспедицией 1893—1896 гг. в Арктическом бассейне, установление его наиболее значимых особенностей не только во многом определили представления о природе Центральной Арктики, но и наметили пути его дальнейшего изучения. Экспедиция выявила наличие больших глубин в Северном Ледовитом океане, проникновение в него теплых атлантических вод, особое строение ледяного покрова, чередование мощного ледяного поля с разводьями и полыньями и многое другое. Значительная часть открытий, зафиксированных Нансеном и членами его команды, полностью сохраняют свою ценность до сих пор. Конечно, со времени дрейфа «Фрама» прошло более 100 лет. Новые методы и средства исследования Арктики, полярные станции на дрейфующем льду Северного Ледовитого океана, высокоширотные ледовые разведки, воздушные экспедиции позволили составить более полную и точную картину физических, геологических, биологических и т. д. особенностей, присущих данному региону, Арктике в целом. Особо нужно сказать о том, что с именем Нансена связано геологическое изучение Земли Франца-Иосифа. Им детально обследован в геологическом отношении Мыс Гертруда и мыс Флора на острове Нордбрук, подготовлен детальный разрез мыса Флора, нижняя часть которого сложена юрскими осадочными породами, перекрытыми горизонтально залегающим покровом базальта.

«Заключительное слово», завершающее книгу ««Фрам» в Полярном море», позволяет понять, как сам путешественник - исследователь оценил не только организацию экспедиции, но и то, чего она достигла в научном отношении, чем она стала для науки, познания Земли, раскрытия ее тайн.

[\(обратно\)](#)

Такую же открытую воду нашел в 1874 г. Пайер к северу от северного берега Земли Карла-Александра и западного берега Земли Кронпринца Рудольфа уже в апреле.

[\(обратно\)](#)

403

Проф. В. Брёггер сделал предварительное микроскопическое исследование привезенного домой образчика базальта.

[\(обратно\)](#)

404

Отложения этого периода найдены и в Норвегии, на острове Анде.

[\(обратно\)](#)

405

Такой, почти математически правильный купол является повторением в меньшем масштабе того свода, форму которого, как мы открыли во время своего путешествия по Гренландии, имеет в целом Гренландский материковый лед. (Ср.: Paa ski over Gronland, с. 684; см. также: Wis-senschaftliche Ergebnisse von D-r? Nansens Durchquerung von Gronland 1888. Petermanns Mitteilungen Ergänzungsheft, № 105, с. 72 и профиль, т. 5.) Разница только в том, что здесь ледники такими же правильными куполами спускаются во все стороны до самого моря; в особенности это заметно на Белой Земле (Hvidten land).

[\(обратно\)](#)

406

Возможность занесения их сюда течением рек совершенно исключается: большинство глыб слишком тяжело и, кроме того, имеет острые края. Они, очевидно, также слишком велики, чтобы их мог занести сюда плавучий лед; я не знаю ни одного примера, чтобы плавучий лед переносил глыбы такой величины на сколько-нибудь значительное расстояние. Сколько я ни видел плавучего льда, я никогда еще не находил на нем ни одного камня величиною больше горошины. Только береговой лед или припай, образующийся вдоль берегов Ледовитого моря, может забирать на себя камни, которые переносит, но перенос, происходящий таким путем не может обнимать значительного

пространства. Еще одно возможно: валуны принесены ледяными горами с более или менее отдаленного ледника, и такого случая решительно отрицать нельзя, так как камни постоянно переносятся таким путем. Но для этого их, кажется, здесь слишком много, и к тому же они рассеяны на таком значительном пространстве. Некоторым возражением против ледяных гор служит еще и то, что во всяком случае перенос ими камней в таком масштабе еще никогда не был констатирован.

([обратно](#))

Оглавление

Жизнь – во имя науки, на благо людей

Предисловие автора к первому норвежскому изданию

Часть I

Вступление

Глава первая Подготовка и снаряжение

Глава вторая Отъезд

Глава третья Прощание с Норвегией

Глава четвертая По Карскому морю

Глава пятая Вокруг северной оконечности Старого Света

Глава шестая Полярная ночь

Глава седьмая Первое Рождество и Новый год на «Фраме»

Глава восьмая Весна и лето 1894 г

Глава девятая Вторая осень во льдах

Глава десятая Второй Новый год

Часть II

Глава первая Неудачное выступление в путь. Снаряжение

Глава вторая На Север!

Глава третья В обратный путь

Глава четвертая Упорная борьба

Глава пятая Полыньи и терпение

Глава шестая В «Лагере томления»

Глава седьмая Земля видна!

Глава восьмая По земле

Глава девятая Мы готовимся к зиме

Глава десятая В зимнем логове

Глава одиннадцатая Весна и солнце

Глава двенадцатая Путешествие на юг

Глава тринадцатая Встреча

Глава четырнадцатая Домой!

Отчет капитана Отто Свердруп о плавании «Фрама» после 14 марта 1895 г.

1. С 15 марта по 22 июня 1895 г.

[2. С 22 июня по 15 августа 1895 г.](#)

[3. С 15 августа по 31 декабря 1895 г.](#)

[4. С 1 января по 17 мая 1896 г.](#)

[5. С 17 мая по 21 августа 1896 г.](#)

[Заключительное слово Фритьофа Нансена](#)

[1. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ОТКРЫТИЯ](#)

[2. ГЕОГРАФИЯ И ГЕОЛОГИЯ ЗЕМЛИ ФРАНЦА -ИОСИФА](#)

[3. ГЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПО БЕРЕГУ СИБИРИ](#)

[4. МОРСКОЕ ДНО](#)

[5. ДВИЖЕНИЕ ЛЬДОВ В ПОЛЯРНОМ МОРЕ](#)

[6. ОБРАЗОВАНИЕ, РОСТ И НАГРОМОЖДЕНИЕ ЛЬДА](#)

[7. ТЕМПЕРАТУРА МОРСКОЙ ВОДЫ](#)

[8. МЕТЕОРОЛОГИЯ](#)

[9. СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ](#)

[10. АТМОСФЕРНОЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВО, ЗЕМНОЙ МАГНЕТИЗМ, СИЛА
ТЯЖЕСТИ](#)

[11. ЖИВОТНАЯ И РАСТИТЕЛЬНАЯ ЖИЗНЬ](#)

[Комментарии](#)